

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

MICAUFIL

OCHOBA

1861

АПРБЛЬ

содержаніе:

- I. Ковзарь, XIII. Невольникъ, т. г. писвченка.
- II. Два Сини́, Марка Волчка.
- III. TITRA HACTA, M. T. HOMHER.
- IV. Півпівника, Манька Мазюки.
- V. Воспоминание о двухъ малярахъ, и. и. костомарова.
- VI. CTEXOTBOPEHIA:
 - I. Пятання, В. Вулика. II. Де вона, Я. Танелги-Мокрицького.
 - Барва: І. Вовкъ в вівчарі, л. м. гатьбова. П. Жаба в Ій. Мірошникъ, р. витанського. IV. Горлиця в Італія. л. м. гатьбова.
- VII. Гетманстве Выговскаго, I . м. костомарова.
- VIII. Обзоръ Украпиской Словеспости, IV. Роголь, и. в. м. жумима.
 - ІХ. Музыка Южнорусскихъ пъсепь, а. ш. Строво.
 - Х. Гимпазическая первписка, Лишейкима.
 - XI. Насколько слова о народности ва религозной жизни, г.т.
- XII. Листи съ хутора, хуторянима.
- XIV. Калюжа, Миниа Затприсвича.
- XV. О врестыянахъ Юго-Западной Руси, А. Л. П......каго.
- XVI Объяснение въ рисункамъ »Живописной Украины», ... м.
- XVII. O HAPOAHOM'S ASSIRB, A. J. W........................
- XVIII. OAB PEAARDI.
 - XIX. Объяснение южнорусскихъ словъ.
 - ХХ. Библюграфическое извъстие.

+, Google

OCHOBA

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРПО-УЧЕНЫЙ

ВЪСТНИКЪ

-Добра хочю братьи и Русьский Зонии.«
Владиміры Мономажи.

1864

ПЕТЕРБУРГЪ

252861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

сътъмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апръля 20-го дня, 1861 года. Ценсоръ Ст. Лебедевъ.

КОБЗАРЬ.

XIII.

НЕВОЛЬМИ КЪ(1).

(HOĐMA.)

HOOBAMERIE.

Души пои полодії -Понурні діти, И ви мене покинули!... Пустку натопити Нема кому... Остався я — Та не сиротою, А съ тобою, нолодою — Раю мій, покою — **Мо**я́ во́ре до́світняя, омуд вви Пречистая!... ти вітаєшъ... Якъ у того Нуми Тая нимов Эгерія, — Такъ ти, мой зоре, Просіяеть надо мною — Ніби заговоришъ — Усміхнеся... Дивлюся я — Нічого не бачу...

^(°) Правописьмо, однінне, въ де-акнях словахь, одъ нашого звичайного, взато изъ саморучиёго нисьма Т.Гр. Шевченка.

Munáe

Неясний день мій; вже смерка́е; Надъ голово́ю вже несе́ Свою́ некле́паную ко́су Коса́рь непе́вний... мо́вчки ско́сить, — А тамъ — и слідъ мій занесе́ Холо́дний вітеръ... Все мина́е!... Згада́ешъ, мо́же, молода́я,

Вилиту слёзами
Мою думу, — и тихими —
Тихими речами
Проговорншъ: и любила
Его на сімъ світі —
Й на тімъ світі любитиму... —
О, мій тихий світе,
Мой зоре вечірняя!
Я буду вітати
Коло тебе, и за тебе
Господа благати!

Той блука́е за моря́ми, Світъ перехожа́е, До́лі-до́леньки шука́е — Нема́е, нема́е... Мо́въ уме́рла; а той рве́ця Зъ усіе́і си́ли За до́лею... отъ-о́тъ догна́въ И — бебе́хъ въ моги́лу! А въ и́ншого сірома́хи Ні ха́ти, ні по́ля, Тільки то́рба, а съ торби́ни Вигляда́е до́ля, Мовъ дити́нка; а вінъ іі́ ла́е, проклина́е

Ні за чвертку закладає, — Ні, не покидає! Якъ репьяхъ той, учениця За латані поли Та й збірає колосочки На чужому полі, А тамъ — снопи, а тамъ — скирти, А тамъ — у палатахъ Сидить собі сіромаха, Мовъ у своїй хаті. Такая-то доля тая, — Хочъ и не шукайте: Кого схоче—сама найде, У колисці майде.

Ще на Україні веселі
И вольнні пишались села
Тойді, якъ праведно жили
Старий козакъ и дітокъ двое...
Ще за Гетьманщини старої
Давно се діялось колись.
Такъ, коло полудня, въ неділю,
Та на Зеленихъ ще й Святкахъ,
Підъ хатою въ сорощі білій
Сидівъ, зъ бандурою въ рукахъ,
Старий козакъ.

— Жатакъ и сякъ!
(Старий міркує, розмовляє.)
И треба бъ, — каже, — й трохи шкода.
А треба буде; два-три годи
Нехай по світу погуляє
Та самъ своєї мошукає,
Якъ я шукавъ колись.... Ярино!
А де Стенанъ? — »А онъ, підъ тиномъ,
Неначе вкопаний, стоїть.«
— А я й не бачу! А идітьЛишень сюди, та йдіть обое...
А нуте, діти, отакоі! —

И вшква́ривъ по струна́хъ. Стари́й гра́е, а Яри́на Зъ Степа́номъ танцю́е; Стари́й гра́е, примовы́не, Нога́ми тупцю́е.

»Якъ-би мині лиха та лиха, Якъ-би мені свекрівонька тиха, Якъ-би мені чоловікъ молодий, До другої не ходивъ, не любивъ! —

Ой гопъ, чики-чики! — Та червоні черевики, Та троісті музики; Одъ віку до віку Я любила бъ чоловіка! Ой гопъ! Заходивсь, Зробивъ хату, оженивсь, И пічъ затопивъ П вечерять наваривъ. « —

— А нуте, діти, отако́і! — И старий піднявся; Якъ уда́рить, якъ ушква́рить, — Ажъ у бо́ки взя́вся.

эЧи такъ, чи не такъ, — Уродивъ постернакъ, А петрушку Криши въ юшку, — Буде смакъ, буде смакъ! Ой такъ, таки такъ, Оженився козакъ:

Ки́нувъ ха́ту И кімна́ту, Та й потя́гъ у байра́къ.«

— Ні, не така вже — підтопталась Стара моя сила, Утомився.... А все це ви Такъ розворушиля. О, бодай васъ! Що-то літа!

Ні вже, не до ладу.... Минулося. Иди лишень Полуднувать лагодь: Гуляючи, якъ той казавъ. Шиатокъ хліба ззісти. Иди жъ, доню.... А ти, сину, Послухаемъ вісти. Сідай лишень. Якъ убили Твого батька Йвана Въ Шляхетчині, то ти ще бувъ Маненькимъ, Степане, — Ще й не лазивъ. — »То я не синъ? Я чужий вамъ, тату? с — — Та не чужий, стрівай лишень. Отъ, умерла й мати, Тави твоя, а я й кажу Покійній Марині — Моій жінці: а що, кажу, Візьмемъ за дитиву — Тебе бъ оце? — Добре, каже, Покійна Марина, Чому не взять? — Взяли тебе Ми, та й спарували Зъ Яриночкою до-купи.... А теперъ осталось Ось-що робить: ти на літі И Ярина зріе; — Треба буде людей шукать Та що-небудь діять. Якъ ти скажешъ? — »Я не знаю, Бо я ду́мавъ... те́е...« — — Що Ярина сестра тобі? А воно не тее, Воно просто: любітеся, Та й зъ Богомъ до шлюби. А пови що, треба буде И на чужі люде Подивитись, якъ тамъ живуть:

Чи о́рють,
Чи не на о́раному сіють,
А про́сто — жну́ть
И не моло́ченее віють;
Та якъ и ме́лють и ідя́ть —
Все тре́ба зна́ть.

Такъ о́тъ якъ, друже: тре́ба въ лю́де На рікъ, на два піти́ У наймити́;

Тойді й побачимо, що буде. Бо кто не вміе заробить, То той не вмітиме й пожить. А ти якъ думаєшъ, небоже?.. Не думай: коли кочешъ знать, Де лучче ликомъ торгувать, Иди ти въ Січъ. Якъ Богъ поможе, — Тамъ наісися всікъ клібівъ; Я ікъ чи-мало попоівъ, И досі нудно, якъ згадаю! Коли здобудншъ — принесещъ: А коли згубишъ — поживешъ Мое добро! то кочъ звичаю

Козацького набересся, Та побачишъ світа. Не такого, якъ у бурсі, А живі мисліте Съ товариствомъ прочитаешъ, Та по-молодечи Будешъ Богу молитися, А не по-чернечи Харамаркать. Отакъ, сину! — Помолившись Богу, Осідлаємъ буланого Та й гайда въ дорогу! Ходімъ лишень полуднувать. Чи ти вже, Ярино, Змайструвала намъ що-небудь? Отаке́-то, сину!..—

»Уже́, та́точку!« озва́лась Изъ ха́ти Яри́на.

Не істця, не пьеця и серце не бъеця, И очі не бачять, не чуть голови! Замісь шматка хліба— за кухоль береця. Дивиця Ярина та нишкомъ сміеця. — Що се ёму стало? Ні істи, ні ппть, Нічого не хоче! Чи не занедужавъ? Братіку Степане, що въ тебе болить? — Ярина питае. Старому байдуже, Ніби-то й пе чуе. — Чи жать, чи не жать — А сіяти треба, — старий промовляе Ніби-то до себе. — А нумо вставать; До вечерні, може, ще пошкандибаю. А ти. Степане. ляжещъ спать.

А ти, Степане, ляжешъ спать, Бо завтра рано треба встать
Та коня сідлать. —

»Степаночку, голубчику! Чого се ти плачешъ? · Усміхнися, подивися — Хиба ти не бачишъ, Що й я плачу? Росердився — Богъ знае на кого ---Та й зо мною не говорить. Утечу, ей-Богу, Та й сховаюсь у бурьяні... Сважи бо, Степане, Може й справді нездужаєшь? Я зілля достану, Я побіжу за бабою... . Може, це зъ пристріту?« — Ні, Ярино, мое серце, Мій рожевий квіте!... Я не братъ тобі, Ярино! Я завтра повину Тебе́ й батька, — на чужині

Де-небудь загину; А ти мене́ й не згада́ешъ, — Забудешъ, Ярино, Свого брата.... »Схаменися! Ей-Бо́гу, эъ пристріту! Я не сестра?.. хто жъ оце я? O. Bózke miñ cbite! Що тутъ діять? Батька нема, А вінъ. занедужавъ — Та ще й умре́. О, Боже мій! А ёму й байдуже, Мовъ сміеця. Степаночку, 'Хиба́ ти не зна́ешъ, Що безъ тебе и таточка И мене́ не ста́не?« — — Ні, Ярино, я не кину, А тільки поіду Недалеко. А на той рікъ Я до васъ приіду Зъ старостами — за тобою · Та за рушниками... Чи подаещъ? — »Та цуръ тобі Зъ тими старостами, Ще й жарту́е! « — Не жарту́ю, . Ей-Богу, Ярино, Не жартую!.. — »Та це й справді Ти завтра покинешъ Мене й батька? Не жартуешъ? Скажи бо, Степане, — Хиба й справді не сестра я?«---- Hi, moé roxánne, Мое́ се́рце! — »Бо́же жъ ти мій! . Чому я не знала? Була бъ тебе не любила И не цілувала... Ой, ой! соромъ! Геть одъ мене! Пусти мене! Бачишъ, Який добрий! Та пусти бо!

Ей-Бо́гу, запла́чу.«—
И запла́кала Яри́на,
Якъ та́я дити́на.
И крізъ слёзи промовля́ла:
»Поки́не! поки́не! «

Якъ той яворъ надъ водою, Степанъ похилився, Щирі слёзи козацький Въ серці запеклися, Мовъ у пеклі. А Ярина То клене, то просить, То замовкие, подивиця, И зновъ заголосить. Несчулися, якъ смерклося; И сестру и брата, Ніби свованихъ до-купи, Заставъ батько въ хаті.

И світъ наставъ, а Ярині Не спиця, — ридае. Уже Степанъ изъ криниці Коня напувае. И вона зъ відрами побігла Ніби за водою До криниці. А тимъ часомъ Запорозьку зброю Старий винісъ изъ коморі. Дивиця, радіе, Приміряе, ніби знову Старий молодіе. Та й заплакавъ. — Зброе моя, Зброе золотая!... Jitá noi noaoaíi. Сило молодая! Послужи, моя ти зброе, Молодій ще силі,

Послужи́ ёму́ такъ щи́ро, Якъ мині служи́ла! —

Вернулися одъ криниці, И Степанъ сіллае Коня, свого товариша, Й жупанъ надівае. А Ярина дае зброю, На порозі стоя; Степанъ і надівае Та плачуть обое. И шаблюка, мовъ гадюка, Й ратище-дрючина, Й самопалъ семипяденний Повисъ за плечима. Ажъ зомліла, якъ узріла; И старий заплакавъ, Якъ побачивъ на коневі Такого юнака. Веле коня за поводи Та плаче Ярина; Старий батько иде рядомъ, Науча́е сина: Якъ у війську пробувати, Старшинъ шанувати, Товариство поважати, Въ таборъ не ховатись. — Нехай тебе Богь заступиты! — Якъ за селомъ стали Сказавъ батько, та всі трое Разомъ заридали. Степанъ гукнувъ, и курява Шляхомъ пілвялася. — Не барися, мій синочку, Швидче повертайся! — Сказавъ старий. А Ярина, Мовъ тая ялина При долині, похилилась...

Мовчала Ярина. Тільки слёзи утира́е, На шляхъ поглядае; Изъ куряви щось вигляне И зновъ пропадае; Ніби шапка черезъ поле Котиця, чорніе, Пропадае, иошечкою Тільки, тільки мріе, Та й пропало. Довго, довго Стояла Ярина Та дивилась, чи не вирне Знову комашина Изъ куряви. Не вирнула — Пропала! И знову Заплакала Яриночка Та й пішла додому.

Минають дні; минае літо;
Настала осінь, шелестить
Пожовкле листя; мовъ убитий
Старий підъ хатою сидить—
Дочка нездужае Ярина!
Его единая дитина
Покинуть хоче. Зъ кимъ дожить,
Добити віку вікового?
Згадавъ Степана молодого,
Згадавъ—та й заплакавъ
Багатий сивий сирота.—

— Въ Твоіхъ рука́хъ все на світі, Твоя́ всю́ди во́ля!

Неха́й бу́де та́къ, якъ хо́чешъ, — Така́ моя́ до́ля!.. —

Стари́й ви́мовивъ, и ни́шкомъ
Бо́гу помоли́вся;

Та й пішовъ собі зпідъ ха́ти, Въ садокъ походити.

И барвінкомъ, н рутою, И рястомъ квічае Весна землю, мовъ дівчину Въ зеленому гаі: И сонечко середъ неба Опинилось — стало, — Мовъ женихъ той, молодую Землю оглядало. нтах се вещий виния И На світь Божни глянуть. Ледве вийшла; усміхнеця, То піде, то стане, Розглядае, дивуеця. Та любо, та тихо, Ніби вчора народилась... А лютее лихо Въ самінъ серці ворухнулось И світь запалило. Якъ билина підкотена, Ярина схилилась; Якъ зъ квіточки роса вранці — Слёзи полилися... Старий батько коло неі Якъ дубъ похилився.

Одужала Яри́ночка.
Иду́ть лю́де вь Ки́івъ
Та въ Поча́івъ помоли́тись,
И вона́ йде́ зъ ни́ми.
У Ки́іві вели́кому
Всіхъ святи́хъ блага́ла;
У Мижи́горського Спа́са
Три́чі причаща́лась;
У Поча́еві свято́му
Рида́ла — моли́лась,

Щобъ Степанъ той, доля тая, 1й хоча приснилась. —

Не приснилась!... Вернулася...

Знову забіліла

Зіма біла. За зімою

Зновъ зазеленіла

Весна Божа. Вийшла зъ хати

На світъ дивуватись
Яриночка, та не Бога
Святого благати,

А нищечкомъ у ворожки

Про ёго спитати....

И ворожка ворожила, Пристріть замовляла, Таланъ-лолю та весілля Зъ воску виливала. — Онъ бачишъ: кінь осідланий Тупае ногою Підъ козакомъ; а онъ-де йде Дідусь въ бородою Ажъ до колінъ. Ото гроші; Якъ би догадався Козакъ отой злякать діда.... Злякавъ! — та й сховався За могилу, лічить гроші.... А онъ знову шляхопъ Козакъ иде, піби старець, То, бачъ, ради страху, Шобъ Ляхи, або Татари Часовъ пе спітваля. — И радесенька Ярина Додому верталась.

Уже́ тре́тій и четве́ртий И пья́тий мина́е Не мали́й рікъ, а Степа́на Нема́е, нема́е! И стежечка-доріжечка,
Яромъ та горо́ю
Уто́нтана до воро́жки,
Поросла́ траво́ю, —
Нема́ ёго́!... У черни́ці
Ко́су роспліта́е
Безтала́нна; коло не́і
Па́дае — блага́е
Стари́й ба́тько — хочъ літечко,
Хочъ Пе́тра діжда́ти,
Хочъ Зеле́ноі Неділі....

Діждались, и ха́ту
Уквічали гарне́сенько,
И въ сорочка́хъ білихъ
Невесе́лі, мовъ си́роти,
Підъ ха́тою сіли.
Сида́ть собі та суму́ють.
Слу́хають.... що́сь гра́е,
Мовъ на ко́баі, на у́лиці,
И ніби співае́...

дуна.

»У неділю вранці рано
Сине море грало:
Товариство вощового
На раді прохало:
»Благослови, отанане,
Байдаки снускати,
Та за Тендеръ ногуляти,
Турка пошукати.
Чайки й байдаки спускали,
Гарматами рештовали,
Зъ Дніпрового гирла широкого випливали,
Середъ ночі темноі,
На морі синёму,

За островомъ Тендеремъ нотемали, пропадали... Одинъ нотомае,

Другий виринае,

Коза́птву — товари́ству воз си́нёі ойлі руко́ю маха́е
И айчно гука́е:

»Нехай вамъ, панове-товариство, Богъ допомагае!« И въ синій филі поченае, препадае...

Тільки три чейки, слева Богу,

Отанана курінююго

Спроти Степана молодого,

Сине море не втопило,

А въ Туреньку землю Агарянську Безъ кормилъ прибило.

Тоді спроту Степана
Козака лейстрового,
Отамана молодого,
Турки — яничари ловили,
Зъ гармати гримали,
Въ кайдани кували,

Въ тажкую неволю завдавали....

Ой Спасе манть Минингорський, Чудотворний Спасе! И лютому ворогові Не допусти впасти

Въ Турецькую землю, въ тяжкую неволю!

Тамъ кайдани по три пуди, Отаманамъ — по чотирі...

И світа Божого не бачать, не змають,

Підъ землею камінь ламають,

Безъ сповіді святої умирають,

Якъ собаки здихають.

И згадавъ сирота Степанъ въ неволі Свою далеку Украіну, Нерідного батьма старого

И коннка вороного

И нерідну сестру Ярину....

Плаче, ридае, До Бога руки здіймае, Кайдани лама́е, Утіка́е на во́льную во́лю.... Уже на тре́тёму по́лі Ту́рки — янича́рі догна́ли, До стовпа́ вьяза́ли, Очі вийма́ли,

Гара́чниъ залізонъ випікали,
Въ кайда́ни кували,
Въ тюрму носадили
Та й замурували...«

Оттакъ на у́лиці, підъ ти́номъ, Ще молодий кобзарь стоявъ И про нево́лника співавъ. За ти́номъ слухала Яри́на, И не дослухала — унала.

эСтепаночку! Степаночку!«
Кричала, ридала.
эСтепаночку, мое́ се́рце!
Де́ мъ це ти барйвся?
Тату! тату! идіть сюди,
Идіть, подевітесь!«—
Прийшо́въ старий, розглядае,
И свого́ Степана
Не пізнае. Таке́ зъ ёго
Зробили кайдани.
— Сину ти мій безталанний!
Мой ти дитино!
Де́ ти въ світі погибаєшъ,
Сину мій единий?—

Плаче старий та ридае, Й Степанъ сліпий плаче: Невидющими очима Мовъ сонце побачивъ. И беруть ёго нідъ руки И ведуть у хату; И віта́е Ярі́ночка
Мовъ рідного бра́та;
И го́лову ёму́ змі́ла
И но́ги умі́ла,
И въ соро́чці тонкій, бі́лій
За стілъ посаділа;
Годува́ла, напува́ла,
Положі́ла сна́ти
У кімна́ті, — и тихе́нько
Війшла съ ба́тькомъ зъ ха́ти.

Черезъ тиждень безъ старостівъ За Степана свата Старий свою Яриночку, — И Ярина въ хаті... »Ні, не треба, мій таточку, Не треба, Ярино!« — Степанъ каже. ЭЯ загинувъ, На віки загинувъ! За що жъ своі молодиі Ти літа погубишъ За калікою, Ярино?... Насміюця люде, И Богъ святий покарае, И прожене долю Зъ ції хати веселої На чужее поле... Ні, Ярино! Богъ не кине И знавде дружину; А я піду въ Запорожжя: Тамъ я не загину, — Нагодують. « — Hi, Степане, Моя ти дитино! И Господь тебе покине, Якъ ти насъ покинешъ. — Оставайся, Степаночку; Коли не хочъ братись, То такъ будемъ: л-сестрою,

А ти будешъ братомъ
И дітьми ёму обо́е,
Батькові старо́му.
Не йди одъ насъ, Степапочку,
Не кидай насъ зно́ву!..
Не покинешъ?.. — эНі, Ярино!« —
И Степанъ остався.
Зрадівъ старий мовъ маленький,
Ажъ за ко́бзу взя́вся,
Хотівъ вшква́рить мете́лицю
Зъ усіе́і си́ли,
Та не вшква́ривъ...

Підъ хатою

Усі трое сіли. »Розкажи жъ ти намъ, Степане, Про свою недолю: Бо й я таки гулявъ колись Въ Турецькій неволі. - »Ото́ жъ мене́, вже сліпо́го На світъ випускали Зъ товариствомъ. Товариство На Січъ прямувало И мене взяло зъ собою, И черезъ Балкани Простали ми въ Україну Вольними ногами, А на тихому Дунаю Насъ перебігають Січовики-Запорозці И въ Січъ завертають. И росказують и плачуть, Якъ Січъ руйнували, Якъ Москалі срібло, злото И свічі забрали У Покрові; якъ козаки Вночі утікали И на тихому Дунаю Новимъ Кошемъ стали:

Якъ цариця но Ки́іву Зъ Нечосомъ ходила...

П я́къ степи Запоре́зькі Тоді поділили И пана́мъ, на Украіні, Людъ закріпостили...

Отта́къ, та́ту! Я щасли́вий, Що оче́й не ма́ю, Що нічо́го того́ въ сві́ті Не ба́чу й не зна́ю...

Оттаке́-то! тя́жко, та́ту,
Изъ свое́і ха́ти
До Ту́рчина пога́ного
Въ сусіди проха́тись.
Тепе́ръ, ка́жуть, въ Слободзе́і
Оста́нки збіра́е
Голова́тий, та на Куба́нь
Хло́пцівъ підмовля́е...
Неха́й ёму́ Бо́гъ помо́же!
А що́ зъ то́го бу́де—
Святи́й зна́е: почу́емо,
Що́ роска́жуть лю́де.—

Отакъ вони що-день Божий У двохъ розмовляли До півночі, а Ярина Господарювала, Та святихъ отіхъ благала... Таки жъ ублагала: На всеідній у неділю Вона спарувалась Съ сліпимъ своімъ....

Такее-то

Скоілось на світі,

Моі любі дівчаточка, Рожевні квітн! Такее-то. Одружились Моі молодиі. Може воно й не до ладу, Та що маю діять, Коли таке сп діялось.

Рікъ уже минає, Уже й другий: Зъ дружиною Ярина гуля́е По садочку. Старий ба́тько Сидить коло ха́ти. Та вчить вну́ка пуза́нчика Чоло́мъ оддава́ти....

Т. ШЕВЧЕНКО.

два сини.

(М. А. Максимовичу.)

I.

Чоловівть умеръ, двое дітокъ мині покинувъ, два сний. Треба мині заробляти, треба своїхъ дітокъ годувати. Не справлюсь саиа. Те продала, те продала — усе попродала. Важко намъ убогимъ свое добро збувати — що воно въ насъ кровью обкипіло!

Збула́... клопочу́ся, бідкаюся — зъ но́чи до но́чи. Ніколи гараздъ и діточками втішатись....

А дітки ростуть, уже й выотця коло мене и щебечуть — мої соловейки.

II.

Андрійко бувъ у мене повновидній, ясноокий, кучерявній; веселий бувъ хлопчикъ, жвавній. Було за день добре шни впечетця своею пустотою, а ще лучче розважить. И посварюсь, и поцілую ёго. Вінъ бувъ старшенький.

А що вже Василько, — тихий, сумиринй: и въ хаті не чуть, и надворі невидно. Бувъ якийсь задумшливий зъ-малку. Чи те, що вінъ у таку тяжку годину народився, хутенько місля мого чоловіка, чи таку вдачу ёму Богъ давъ.

Андрійко село обіжить, — верметця червоний, сміючися, пустуючи; а сей, гледи, підъ хатою де-небудь сидітиме: землею пересвиаетця, або зілля всякі вишукуе; роскопуе щось — робачка вигребе, або метелика вловить, — дивитця, думае.... Гукие Андрій, вімъ увесь издригнетця. А коли, то було ляже въ садку,

та цілісінький день и пролежить нерухомо, мовъ прислухаєтця до чого.

»Що се задумався, сину?« спитаю.

- Який сей світь великий, непе!

Ще хлопья́мъ бувъ, приземкомъ, а всі вже зілля знавъ — и якъ зве́тця, и де́ й коли процвіта́е, и якимъ цвітомъ, — и коли пташки у вірай одліта́ють и коли приліта́ють зъ вірею — усе́ вінъ те́е знавъ.

»Се ёму́ такъ Богъ давъ!« було мині кажуть лю́де. »Не ха́йте ёго́, — се ёму́ такъ Богъ давъ!«

III.

Ото було тіми вечорами довгими осінніми, якъ вже стомить мене робота, — заберу обойко до себе на коліна, та почну на добрий розумъ навчати — якъ вмію, такъ и навчаю... росказую імъ и про те, и про друге, — толкуюся зъ ними. Отъ же, мій Андрійко хутко и заскучає; такъ вінъ и варитця: очи собі тре, и позіхає, и зітха. »Пустіть вже, мамо!« проситця. А скоро пустивъ, чого не загадае! И гомонить, и пустуе — поки й сомъ зможе. А Василько буде хочъ цілечку нічъ тую довгу изо мною сидіти, мене слухаючи, та мині въ вічи пильнесенько дивлячись.

Поснемо. Въ-ночі прокинесся, — не спить Василько мій.

»Си́ну! Чому́ не спишъ?«

— Такъ... не хо́чу!.. Чого́, ма́мо, иічъ те́мна-неви́дна? — »Такъ Богъ давъ, дити́но, що те́мно у-ночі... Спи«, кажу́ ему́, »спи!«

Вінъ и змовкне... Тільки довго ще невпокійно ворочаетця.

Було, якъ місяць въ віконечно засвітить, Василько дивитця, очей не зводячи. А я одъ людей чула, що недобре, якъ на соннихъ дітей місяць сипле проміннямъ, — то й укриваю було іхъ и наказую Василькові: »Не дивись, Василечку, на місяць: не годитця!« Вінъ и зітхне... То вже въ ряди-годи упаде така нічка, щобъ вінъ спочивъ тихимъ духомъ, або зовсімъ нема ёму сну, або-жъ сни невпокійні сийтця.

Андрійко не такий. Уже зоря заиллаєь, вже й сонечко зійшло, а вінъ міцнимъ сномъ висипаетця, роскидався-розгорівся... Якъ ёго зъ-вечора трудно унорхати, такъ м ціднять у-ранці. А прокинувся вінъ, мій пустунчикъ,— и гукомъ ёго въ хаті, ажъ сохи движать! Ну бігать, гомоніть, гайнувати, ажъ усе піде жужномъ! А само таке радее, веселе, миле!... До то вже, хочъ жалко, не жалко, а треба виднить: и пострадаещъ було и нокриниемъ на ёго....

Василько меншенький, а навчае старшого брата. Андрійко скорий бувъ, палкий, якъ искра; то було тричи на дель и більцъпосваритця зъ дітьми на ўлиці, ато й побъетця за яку пустоту.

»Андрійку!« каже тоді Василь, »а що ти невеселий!«

— Бивсь, отъ що́!

»Ото́-то й ба́чишъ, Андрійку, що за твою пустоту тобі в ме мину́лось; а якъ-би́ ти не заво́дивсь, то й не смуткова́въ би тепе́ръ, в не сти́дно бъ було́, що тебе́ попоби́то!«

А Андрійко ёму свое:

— И такъ сидіть нудно!

Та звовъ югие зъ хати, — и слідъ загувъ!...

Тихий бувъ Василько, розсудливий. Хто ёго й на розумъ добрий наставлявъ, Господь ёго знае! Чи піде було, чи не піде до товарища, вже й повернувсь, вже й дома: не засидитця, не заграетця ніде. Такъ и зрісъ на самоті, самъ изъ собою.

Не говіркий бувъ, не смішливий. У кого вже вінъ вдайся такий! Андрійко, то всіхъ дівчатъ у селі знае. Робить и діло, щиримъ серцемъ робить, а годинку урве собі на гуляния царубоцьке! Сей же, якъ до чого ставъ, — и очей ще аведе и думки ці на що не аверне — уся дуща ёго въ роботі.

IV.

Діти мої, діти мої!

Пройшла въ насъ чутка — некрутчина сёго року буде. Якъ я ночула, наче мене холодомъ обняло. Цоглянула на својкъ паруб-ківъ: що-то за хороші, за молоді, Боже мій добрай!

Одного ранку — бодай такого ніхто не оглядавъ! — сказано мині, що на черзі Андрійко у некрути

Збіраю останне, споряжаю ёго.... Яково-то свою дитину на

лихо, на біду виряжать! Хто того не знае, нехай-же мене спитае!... А вінъ, то на моїхъ очяхъ вже привьявъ.... Де той ноглядъ молодецький, де всміхъ веселий!

Чи мині-жъ те оповідати, що не одная ненька стара хлопцеві серденько слізьми вьялила? Плакали и молоді очи за нимъ, за ёго гарною вродою! Любо вінъ пісні виспівуе було ясними зорями. Голосъ ёго по усёму селу разлягаетця. Отъ же й виспівавъ собі дівчину любу та гарну. Літнёі пори, тихими та теплими ночами, лежу було довго безъ сну, — думаю та горую, и чую було розмову іхъ тиху та любу.... Сподівалась я невісточки, якъ ластівочки, собі на втіху.... Пішла моя сподіванка слідомъ за неврутами!...

٧.

Казано въ середу везти новобранцівъ по обіді. Сиджу я та дожидаю тії години, — коли вбігае мій Василько задиханий, блідий, и за нимъ два чоловіки въ хату.

»Паніматко! спорядіть обохъ... панъ звелівъ и Василя брати!« Я віри не йму імъ....

»Не буде сёго́!« таки на іхъ кажу́... »Аже́-жъ панъ самъ люди́на Бо́жа!«

— Ні, мамо, — промовить Василь, — такъ воно дісне есть, якъ вони тобі сказали!

И всі мене вмовляють, а въ мене серце наче замерло: в чую. що говорять, и бачу іхъ, а до серця ніщо мині не доходить....

VI.

Виізджали три тройки. Усе новобранці. За ними рідъ иде, проважае. Сіла й я міжъ своіми синами, іду. Шляхъ мигтить; гаі та поля на очи набігають....

И такъ мині сталося, наче я дитина мала: не розумію нічого, не знаю, не памъятаю. Тілько, якъ гляну на дітей, то стращно стане. Приіхали до приёму, повели іхъ, а ми стоімо, ждемо. Мене меръ сонъ хилить; та будять мене — хто плачемъ, хто риданнямъ. Першихъ вивели моіхъ:... Господи, Боже мій! Ти жъ у насъ великий, ти жъ милостивий! Лучче бъ я у землю поховала іхъ обохъ!...

VII.

Привели мене у темну якусь хатину — землянка, чи лёхъ, чи що воно таке, не скажу. Якийсь москаль сидить: головачъ, розкошланий, невмиваний, підъ щотиною увесь, якъ іжакъ. Се буде іхъ старший, дядько....

Кланяюсь, прошу́: »не оставте ласкою вашою, добродію, и моїхъ синівъ!«

Даю́ ёму́, що́ змогла́сь, грошеня́тъ; ато́ полотна́, и на діто́къ ле́-що....

»Не журись, старушка«, прохрипівъ; »трошки ваші синки поскучають — безъ того не можна въ світі, а тамъ злюбитця: молодці будуть, отъ якъ и я, приміромъ кажучи!«

Погланула я тоді спильна на ёго: червонни, обдутий якийсь вінъ, очи въ ёго якось померхли.... Боже-жъ мій!.. А моі сини, моі голуби сизі! Що у іхъ душа тепереньки свята, и поглядъ ясний, и любі обличня квіткою процвітають!...

VIII.

Попрощалися. Провели мене діти за місто....

Отъ нще й-досі, якъ виберетця літомъ день гарячий, душний, то й згадаю собі те прощання наше: отъ, идемо містомъ... позачинювані будинки, запиняні вікна скрізь; за містомъ сосниша темна, далека заступила шляхъ пісковатий; суне передъ очиша по ліску рипливий візъ, на небі сонце пекуче....

IX.

Зосталась я сама-самісныка, недугуючи. Ні сну мині, ні одвочинку. Роблю черезъ силу, нічого не знаю, не чую.... Минае рікъ и другий и пьятий....

Обияла́ мене́ мовъ хма́ра чо́рна; тілько й світятця мині, нвъ дві зіроньки те́мної но́чи: то́ дітоньки моі!

По Різдві, сиджу я одного вечора, такъ вже у пізні лагови, пряду.... Надворі завирюха, ажъ у вікна бъе, и світло мигтить....

Коли — стукъ, стукъ! Одчинию — Василь!

»Василечку, синочку мій! а Андрійко де́?...«

— Нема́ вже, ма́мо, Андрія! Лігъ Андрій, ма́мо — та й не вста́не вже!

А я наче знала: я ёго що-дня въ Бога, що-ночи оплакала!.. А жити бъ такому, та жити! На вирістъ и на силу й на личко у батька удавсь: отъ же за батькомъ и на той світь погнався!...

Та́не й та́не мій Васи́лько, якъ свічка. Поле́жавъ, похи́рівъ— та на весні й переста́вився.

Де́ ёму́ й жи́ти було́! Воно́ й росло́ такъ, аби́ сла́ва, а ті́і ви́правки та похо́ди си́лу въ ёго усю́ ви́брали....

— Не на те народивсь, мой мати, щобъ мині людей на війні тратити! — було каже; — не для такихъ, якъ я, війна, й воёвникъ зъ мене не жвавий!

Якъ вже въ тяжкому недузі лежавъ, то все було дума та дума та дума собі.

»О Боже, Боже! « заговорить, »який у тебе світъ красний! А я й не наживсь у світі, а я й не навчився, я й не знаю ні-чого!...«

И въ останню годину промовивъ:

»Не живъ я, мамо, на світі! тілько абірався жити!... Молоде, то якъ косою скосило... А я зосталася....

Digitized by Google

[»]Зстаріли ви, ненько!.. якъ вамъ тутъ жилося? нужди при-

[—] А такъ мині жилося: устаю́ — плачу, и лягаю́ — плачу, такъ мині жилося!

[»]Я, мамо, до васъ умірати прийшовъ!...«

Придиваюсь до ёго: лишенько мое́!.. воно́ й молоде́, та вже \sim надломлене! . . .

[—] Синочку мій! бодай би я не діждала твого слова почути! Отъ же то щира правда була, що вінъ сказавъ.

X.

Тілько мині й потіхи, що коли приснятця мої дітки. Та все сийтця вони маленькими, а парубками ніколи не приснятця.

И якъ живи вони стоять передъ душею моею:

Андрійко веселий, кучеря́вий, ніби по ха́ті бігае та гомони́ть, а въ ха́ті а́сно, я́сно! Васи́лько надъ кмітка́ми та зілля́ми сиди́ть, за-ду́мався....

Прокинусь... пусто! робота дожидае; треба жити, треба діло робити, треба терпіти горенько...

Живу; дивлюсь, якъ хата валитця. Чую, що й сама я пиломъ првиддаю... якось дурнішаю, якось туманію, наче жива у землю вхожу....

Марко Вовчокъ.

ТІТКА НАСТЯ.

— Тоді не такъ ще було, якъ теперъ! Теперъ и жилётки у насъ, и всяка дурниця; або ще иноді й самовари... Инший, поки не головувавъ або не прикажчикувавъ, — каша, може, зъ мякиною, борщъ — димъ зхоплюетця; та якъ и одпасся людськимъ потомъ, — сіре тобі, звиняйте, якъ той кнурь сірий товстий: »мені«, каже, »отто свіжопросолня« — риба — »якъ пахнить!« а линтваревий кожухъ — за півмилі чинбарьскимъ квасомъ; а »живітъ«, каже, »парить!« И-й! не такъ би тебе, голубе, попарити!

Такъ-то, кажу́, тепе́ръ! И тоді лю́де любили и хо́роше изходить, и сма́шно ззісти; тільки все тее́—не забува́ли, якъ було́ батьки й діди́, а найпа́че, що батьки й діди́— мо́же й ви чу́ли.

Приходить одинъ сотенний осаўла до свого батька: »Повковникъ, тату«, каже, »хоче мене циферомъ записать!«—»А ти жъёму́ що́?«— »А що́ жъби я ёму́? Кажу́, батька, піду́, зпитаю«.—
»То́-то жъ, ти мені гляди́! ато́ онъ бачъ«— на ціпуру́. »Скажи́«, каже, »повковникові, що лю́де бу́дуть сміятьця!«

Одже тітку и тоді вже було́, на́ветъ було́ тату́сь: »Ти«, ка́же, »се́стро, старосвіцька людина!« Усміхне́тця було́ покійниця, та ще й рукою — сількись, мовъ, — чи такъ, то й такъ!

Старосвіцька була людина, дуже старосвіцька!

Сянъ було зъ Грузіі хустокъ усякня шовковихъ, матерій турецькихъ та персидцькихъ. — »Про смерть, на церковъ, попамъ! « або пороздаровуе намъ, дядьковимъ, або отъ Кібченятамъ; а сама — матірчатий платокъ, керсетъ зъ рукавами, зелені смужки... запаски, та ще щобъ и ляхівка, черевики або чоботи—и вся немеличкая!... Ахъ, и забувся—хустка ще!.. у пояса: безъ неі, якъ то кажуть, и не ступить! Домоткана, и тамъ— заполоччю, або-що.

И такъ було вона, и въ буддень, и въ свято. А міжъ люде, або въ церковъ, кожухъ зъ стоячимъ комірцемъ, зімою,—сіронімецький верхъ; а літомъ — голубий халатъ.... Иноді, якъ лучитця було зъ нею до родичівъ-памівъ: »Та ви бъ, тітусю, що небудь! « звісно, діти. »Отъ Бігъ зна що! старі вибачять! « або: »Чого вис, каже, »турбуетесь? Сёго не знімуть, кращого не дадуть! «—и чи до Кібця, то й до Кібця, хоть все тее куди попанячилось и пиндючитьця почало!.. або и до самого Петельки —и вінъ намъ зърідві доводився.

И було якъ приідемо—ми жъ не знаємо, куди и повернутьця, а найпаче, якъ ще панство; а вона, мовлявъ—изогнувшись, въ тихъ черевикахъ и въ голубому халатику—стукъ тихенько ціпочвомъ по горниці, стукъ!... Тихая у покійниці, и мова, и хода була.

Та и у всёму́ було́ вона́! Достаточокъ бувъ гарне́нький: сусідскихъ хатъ зо́ три, чи зъ чоти́рі, клу́нька, комірки́... волівъ супру́га до́бра—що таки́ одъ покійника Бурку́ти, а то и синъ; а въ хатка́хъ, не тільки черезъ сіни, а и въ ми́ті: и пічъ, и пілъ... ла́ви, поли́ці, стілъ на ко́никахъ, ми́сникъ коло́ поро́га....

Старосвіцька, кажу, була людина, дуже старосвіцька!

Поки тільки здужала, — и садить було, и полеть, жне, варить істи; хоть, якъ кажу, про одну душу и батечки бъ! Покійникъ гатусь не разъ — та чи тобі жъ, мовъ, старуючи! »Ти бъ ужес, каже, »утихомирилась: у тебе жъ, слава Богу, сусіди, наймитъ, наймичка! «—»Итъ, Бігъ зна що ти, Петре! на тес, каже, »Богъ в руки давъ! Не вже жъ тільки сидіть, зложивши іхъ, та готове істи?«

И було така, що чи въ кумпаніі, чи такъ міжъ людьми, рідке-рідко коли розгуторитця! та й то ще не зъ усякимъ, а хто тамъ уже по душі, отъ, приміромъ, зъ матусею—нехай легенько ії згада́етця, моі старенькі! Ті тамъ и се, и те: »ми«, мовла́въ, або эта́нні батьки й діди«; а вона́ — рукою підъ щоку, або на свій ціночокъ, слу́ха. Иноді жъ усміха́етця, ніби весе́ленька, а и́ноді — ажъ лице осу́нетця, мовъ яку́ путь до́вгу, або́ коло́ мерца́ три но́чі.... А віобъ отта́мъ розсе́рдитьця, погримать— на наймита, або́

А ньобъ оттанъ розсердитьця, погримать— на наймита, або такъ на кого — ніхто и не чувъ ніколи, и не бачивъ! Дуже-дуже майко вже було: »о бодай же тебе!« а то — »хирний!« каже. Той тоб кобилу припустивъ до новихъ стіжківъ, — снови повицуплю-

вала, або друге вшкодивъ: »Оцо, ти«, каже, »хирний, и кобилу припустивъ!« Та таки, здаетця, вона и не вміла лаёкъ тамъ, або слівъ якихъ, що йноді и жонота: »сякого такого сина, сякої такої дочки!«

Разъ тільки ниначе розсердилась, та й то, не якъ ниші люде — зъ татусемъ покійникомъ. И за що вони, Богъ іхъ святий знае! Одно 'дного любили дуже, и татусь багато допомагавъ, — отъ якъ и Буркута, кажуть, вмеръ, и потімъ, якъ ії Стенана въ Грузію въ Граникомъ... Може, чи им за ёго и вийшло! До покійника доходять було чутки, часто було ремствуе, що ніби обіжа намого. А може, и за що друге — Богъ іхъ, кажу, святий знае! И такъ воно скоро якось тее вчинилося!

Я малимъ хлоньямъ ще тоді бувъ, саме по надвірью. — и байдуже, що тамъ у хаті. Коли вбігаю, въ світлищо, и такъ, знаете, ще прожогомъ: матуся на дзидлику коло груби, блідая, — и смутнаясмутная! голову повісила; проти неі тітка, тежъ на дзидлику, хустиною слёзи... а покійшикъ у покутнёго стола, випрямився, и очі, що все було ажъ дрижить.... Я такъ и прикивівъ до землі!

Трохи ногодя, тітка встала и мовчки зъ світлиці; за нею-матуся, я.

Виходимо на рундукъ, а тутъ и сестри: »Чого се ви, тітусю, чого?« Тільки плаче, и наймитові скеріше — кобилу; а запрігъ — мовчки, и поіхала.

Мовъ теперъ се бачу!

На рундуці, плачемо, вона іде, іде, — мовъ старий богъ зъ двору вкодить.... Вже до воріть, за двіръ.... А двлі матуся, мовъ у у серце ії кольнуле: »О. Царице жъ мой мебеская!«—за нею, ми.... »боже нашъ старий, боже! тітусю!«

Якъ уже́ вемі ублагала іі вернутыця, нічо́го не намятую — коли́ тее́ у Бо́га діялось! Намьяту́ю, якъ уже́ верну́лась, и ми за ме́ю въ світли́цю.

Тату́сь тамъ же таки́, коло́ поку́тнёго стола́, ліктемъ обче́рся, на доло́ню голо́ву. Се́рце, видно, пройшло́ вже, тільки сму́токъ великий.

Ввішла́, тике́мьно до ёго; вставъ, собі тихе́нько.... Равъ пощилува́лись тричі навкрестъ, у друго, у тре́то, — и ано́ву, до сиділи... У бра́та зъ состре́ю тика розмова, обо́е лю́де старосвіцькі — не́чисть яка́сь!... Замо́вкли, пролізда — апо́ву тика розмо́ва у бра́та зъ состре́ю, обо́е старосвіцкі лю́де.... Одже, и що бъ бачця! Серце, якъ кажу; а щобъ танъ найинтъ, або сусіди,—та и крий Господи! Чи такъ уже іі поважали, що, мовлявъ, и кривого слова боялись, — чи вміла; а якъ вшкедить було, »о, бодай же!« мовъ.... »та лучче бъ«, кажуть було, »зряду тричі на сновідь!« а вмовляе було на сповіді Вертьківський пінъ дуже!

У неі кіть Спорышко бувь—літомъ завижди въ спориші коло кати, за те и Спорышкомъ. А ми ще и Прицу́цуватимъ. Оце́, пришірки́хъ, сидить було́ підъ поло́мъ, прислуха́етця, якъ иншеня́та по нірки́хъ, або́ парить че́рево на комині, но́ги одки́давши, — та зра́зу, вина́че який га́спидъ ёго́, до те́бе!... и чобіть ла́пами по щока́хъ, но щока́хъ! полипаса ёму́!... Такъ на́ветъ оттой Прицу́цуватий. Якъ розбісту́етця було́ оце́—а було́ якъ розбісну́етця, то и ха́та ёму́ тісва́: и по столу́, и по ла́вахъ, и по ми́снику — то нека́й було́ тільки покійница »оце́, мовъ, хи́рний! го́ді вже тобі!«—тиць, де бъ тамъ ни бувъ, и у́ші насторо́шявъ! »Тобі, тобі, не вили́й хвосте́мъ!«—терне́ ла́пою за одни́мъ у́хомъ, потімъ дру́гою за дру́гимъ, куса́, бачъ, щось ёго́—хи́тра прокляту́ща звіри́на була́—и піде, піде тихе́нько, мовъ нестре́пений! и хіба́ підъ ла́вою вже, за закаблу́къ тамъ тебе́, або́ за халя́ву!

А вже що отті колістратори всякі!... Зваєте, які вопи ймоді у насъ: и чванитця, индичитця... ротъ-безъ-заворотъ, всяке чортанащо варзякае: »И такий я, и такий тамъ гаспидъ!.. мій отець, мей діти...« днвитьця и слухати гидко; а тільки нехай вона тутъ.... мовчязна, и зогнувнись, и тамъ де-небудь въ куточку, або коло порога—та ба! мовъ ёму язикъ покунить въ середниу! Древня людина, знаете, знала не тільки іхъ, а и іхъ батыківъ и дідівъ; и якъ-би до чого, и почала росказувать,—не одному бъ приймилось, якъ то кажуть, у сірка очей позичать. Та таки було йноді и допечуть, отъ якъ разъ Рипиця у Петельки—не сей Рипиця, що теперъ, а ёго батько.

Тавий, знаете, вінъ великорозумний бувъ, той Рипиця: напручить-накрутить оце вержеть, ажъ стричить, новъ у квака чубыкъ, та ще й голову набікъ: »Та вонес, каже, »такъ, а заглянь лишень въ закони!«—все було зъ тими законами, ниначе дурень въ ступоно! А якъ пъяний, то таке жъ тебі, прости Господи, ногане, таке въідливе, що возьми, та примо и нашлюй ёму середъ лоба!... Отъ разъ вінъ и заходився у Петельки, нідъ пьяну ручъ. Та одігатьця стала, таки въ світлиці — завжди було, и одігастця и и роздігаетця въ світлиці, де бъ ни була; а вінъ: эчого та # чого, пробі, стоітця оцей халать? та ще й губи зшилить, кепковать би то, бридкий, въ старой людини!... Ми жъ въ матусею не знаемо, якъ-то кажуть, куди й подітьця — татуся на той разъ у Петельки не було; а вона коть би тобі окомъ змигиула! застіба поватомъ дудзикъ підъ бородою — руки тільки ніби тримтять.... »Оттого й оттогос, каже, »стоітця!«—»Поціннос, той, »поцінно одежина хоть би й княгині! Не видержала напослідовъ покійниця! »Се«, каже, »Ониську Семеновичу«-Ониськомъ Семеновичемъ ёго -- эсеч, каже, этеперъ воно поцінно здаетця, гроші дешевші стали; а якъ купувався сей халать, тоді гроші дорогі були. Тоді.... Вамъс, каже, »покійникъ вашъ панотець, може, росказувавъ, що за такі гроші, або ще й того дешевше, тоді въ Кневі панство можна було купить!«--- Рипиця, знаете, бувъ зъ такихъ, якъ би й ми грішні, та тільки батько ёму чина, въ Киеві, за три четверики пшениці.... Якъ сказала вона се, тоді Рипици, якъ той цуцикъ, вхопивили облизня. А тутъ ще й Петелька, спасибі ёму, --- за насъ руку потягь. Підождавъ трохи, щобъ таки не такъ вже дуже: »Чи вис, каже, »Ониську Соменовичус, придивлюючись ёму до бороди, — що-неділі, мовъ, оттакъ голитесь?...

И було такъ покійниця: куди бъ ни іхала, а вже безъ паляниці не можна. »Годитця такъ! « И приіде, склонила головою, добридень, чи якъ приходитця, и напередъ усёго— зъ хустини и на стілъ іі! а вже потімъ, и привтатьця, и щобъ тамъ надлягтись.

И гостинцівъ тежъ було дітямъ, — ніколи було безъ гостинця! »Сваримось«, каже, »треба и голубити. Чимъ же«, каже, »и згадувать імъ буде стару?« И не те, щобъ тамъ медяниківъ, або другого чого, городського — ні, сего у неі не було ніколи. А отъ: насіннячка по жмінці... коржа медяного, або просто но шматку книша або гречаника. »У зайчика«, каже, »одняла! Біжить«, каже, »и несе, — я и одняла!« И якимъ смашнимъ намъ здавалось, що вона у зайчика одняла! Такъ якось уміла все вона, — якъ то кажуть, всяку копійку рубомъ.

И чи й до неі було приідемо: дуже любила падатыця коло насъ; а щобъ тамъ пундиківъ якихъ, прищівъ — ніколи! И не одъ скнарости, або, сказать би, ні зъ чого — ні! така вже людина! На обідъ було още́ — борщъ зъ мя́сомъ, ка́ша зъ молоко́мъ, и дуже-дуже вже бага́то, якъ ще й варе́ники; для за́бавки насіннячка, а и́ноді й варе́ноі по чарупинці: »се«, ка́же, »мо́жкови — авісно, мазані́ні — му́лятця: »Не копильте«, ка́же, »дітви, губо́къ, не копильте! іжте, воно́ смашне́!« — и ті, мовъ непевні, упліта́ли крише́ники.

А щобъ тамъ тарілокъ білихъ, або виделокъ и ножівъ — того й заводу въ неі не було. Просто: на деревяні тарільці — хлібъ,
на другі — сіль... білі ложки деревяні, ніжъ колодій, рушникъ
вругомъ столу руки обтирать, та для дітей по поливаному полуниску для кожного, борщъ набірать — отъ и все! »Сідайте«, каже, »дітки, за стілъ, ато борщъ простигне!..« Хлібъ було ріже,
хіба котре не подужае; мясо — зъ одниеі тарілки, пальцами...
Позаёложуемо було собі и носи, и руки — усміхаетця тільки тихенько, витира: »О, якъ же ти«, каже, »Васильку, нечупарно!« —
а сама, мовъ вона до ёго не приторкалась!

Н було вже такъ пильнуе за кожнимъ, щобъ тамъ кришеника безъ хліба, або щобъ варемики не дуже въ масло! Заразъ за руку: »хлібця«, каже, »дитино моя, хлібця— вава буде!«; або: »вомаленьку ёго, помаленьку,— осліпнешъ!«

И що жъ! Якъ тільки приходять було святки, або скажуть, що, мовъ, до тітки Насті, — тільки объ тімъ и речі у насъ!

Простенькі у неі були хатки, и въ іхъ нічого бъ и такого; а якось такъ тамъ!.. Якъ згадаю, отъ якъ разъ ми до неі на Голодну Кутю...

Темновато, морозъ вікна позамуровувавъ— мовъ у наші старі церкві... и стіни, мовъ у наші старі церкві; на столі трійця— въ василькахъ— въ калині, казанокъ зъ кропильцемъ, надпалена свічка воскова... Мовъ ми справді въ нашу стару церкву на Голодну Кутю, нема нікого, а буде та служба: и парамії, этако глаголеть пророкъ... ріки Орданскіі... водо освященная«.

И отті ложий білі, мисынкъ, сволови: просто, и двадцять-сорокъ разъ іхъ бачивъ; а ще хочетця передивитьця, ще щось нимаче въ іхъ... въ оттихъ мережкахъ, держалнахъ зъ горляночками, въ оттихъ закамаркахъ въ миснику... въ оттому, на сволоці: »Року«, каже, »Божого 1764 соорудися домъ сей...« »Соорудися?... И стара церковъ соорудися... Певно отто, якъ

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

н въ Хибняхъ: н владина — старий, старий! въ золоті шапці; хлопчини въ золотихъ свиткахъ — якъ янголята співали!... въ зомлю щось закопували...«

А миски у тітки! И на полицяхъ и на миснику, зъ вінцями и безъ вінець, круті и розложисті, зъ боками и безъ боківъ... И все те, знаете, поливяне: червоні, зелені, білі, жовті... цяць-ковані!

Ми часто було: »Будьте, мовъ, ласкові, тітусю!« Зопиетця старенька на лаву — любила таки іхъ показувать; а ми на землі, кучею, — и почне одну за'дниею: и білу велику, на вінцяхъ хрещнки, на бокахъ пружки — и червону, що паски святить, зъ кривулькою и зъ зеленнии голубами на дні. »Оцює, каже, »въ Лубняхъ, на Спаса — півзолотого вража сідуха! а оцю торікъ въ Оржиці — пятакъ зъ шагомъ; а оцює, каже, »тутъ таки, ганчарь въ Богодухівку іхавъє, — и почне намъ, якъ той ганчарь Коломиївськимъ шляхомъ, а вона на вгороді: »по горшки ки с, кричить, »по горшки! с — пшенишного борошна зъ верхомъ!

А для играшо́къ було́ у не́і! та ще й додо́му надае́!... яечо́къзні́сківъ, карахо́нёкъ, близня́тъ уся́кихъ: со́яшникового або́ гарбузо́вого насіння, жи́тніхъ колосківъ, що по два на одному́ стеблі. Або́ ще во́ликівъ: »Ось«, ка́же, »діти, скільки оре́лъ зъ
сте́пу нагна́въ!« — и цілісіньку намъ торби́ну квасо́лі: жо́втоі,
си́неі, та ще й сму́жками уся́къ! »Тутъ«, ка́же, »и си́ві, и полові, и підчере́ві!« Підъ Вели́кдень — безконе́шнихъ писано́къ
вся́кихъ, крашано́къ бразолійнихъ. А лі́тнеі пори лу́читця у не́і—
понаво́зимо додо́му зайченя́тъ малю́сінькихъ, піръ вели́кихъ, що
журавлі зъ крилъ гу́блять, дрохви́нихъ яе́ць, оврашківъ — степови́й ху́тіръ!

Такая-то була, та тітка Настя! Старосвіцькая, дуже старосвіцькая людина! Теперъ такихъ людей, гляди, чи можна вже й найти!

Не веселее тільки покійниці життя було! Одъ чоловіка зосталась давно — я й не зазнаю покійника Буркути; синъ одинчикъ бувъ, та й той заіхавъ въ далекі сторони: одна въ Божому світі, якъ палець! А щобъ по бенкетахъ тамъ, по весілляхъ, въ кумпаніі — не любила. Въ ряди-годи хіба міжъ люде, та й то, щобъ не зовсімъ таки одцуратьця, притьмомъ треба; а то все дому́е, все одна́! Та якъ луча́лось и міжъ лю́де — мовчазна́, кажу́: яко́сь не тулі́лось, и лю́де ті мовъ іі чужі, и вона́ мовъ імъ чужа́... А ро́дичі оть сказа́ть... Изъ усме́і рідні вона́ тільки насъ; такъ разъ те, що таки дале́ко й жили́ — коли́-то въ Бо́га доведе́тця! а дру́ге — мату́ся тоді молода́ людина була́, все не те! ну, й дру́гою жінкою у татуся́: все ніби чуже́, чужіше, віжъ пе́рша — такъ уже́ скрізь веде́тця!...

Люде приравли, щобъ кого за дитину — все таки, кажуть, охвітніше. Послухалась и взяла дядькову найменьшу: эЗъ малого«, каже, эякъ зъ воску, все злінишъ!« Знала жъ віскъ! Дитина вийшла невмосна, оприсклива, — а вже що нечунарна, то в кінці погубила! А тутъ ще в старі: »Обіждае!«, кажуть, — що, бачъ, йноді дубчиконъ, або носваритця... Шуткує було покійниця: »Не мала«, каже, »баба клоноту, та купила норося!«, а видно, дуже ії те доймало!

Одна робота, здаетця, и розважала тільки покійницю, та ще отъ, якъ було у церковъ.

Приідемо було до неі на стенокъ, підъ косовніцю: экосарики! каже. А якъ гребовіця, то й сама ще зъ граблями: дівці, мовъ, соромъ, руки зложивши; — дівкою було себе, якъ веселіша. Прибіжнінъ було, даси зза уха чоломъ... поцілуе въ голову и знову за граблі. эБачъ«, каже, эквъ у насъ дівота! Скажи«, каже, эсвоїнъ парубканъ« — а парубки бъ то, удові діди, що вже й зубівъ въ роті не гуртъ, — эскажи«, каже, эщо онъ, мовъ, вона якъ!« — и геть валокъ підкине граблями!

А въ церковъ було, коть яка худа бье, іде въ Вертьки! До утрені було уже не завжди, а до служби — ні однісінької не пропустить. Та ще кожний разъ и свічку, заверне въ білу хустину... И якъ вернетця, така жъ тобі! Неговоркіша ще, здаетця, а усміхаетця: видно, такъ тихо, божо, на душі! а скаже що — мьяко и ототъ, здаетця, заплаче! »Спроті бъс, каже, этільки молитьця!«

Та ще було покійниця, якъ отъ обідъ хто, девятини, чи сороковини, — любить. И не те, щобъ таки справді обідать и поминать, а щобъ поратьця: поможе все, якъ слідъ, и додому, ні за що не зостанетця! Отъ хіба хто заможний, и обідъ йде надвоє: въ хаті, а хто бідніший и старці — на дворі; тоді — такъ, в на такихъ обідахъ любила найпаче: все коло таганівъ! И оце духъ духа пошиба, а вона — підтикавшись, підсмикавшись, хустина та зпідъ керсета. А якъ приідуть вопи в поблагословля́ть — и почне коло своїхъ: садовить, поштуе, припрошуе... Иноді — всякові, зна́ете, бува́ють нокійники! Инший в вікъ свій зживъ, а нічо́го на той світъ не заробивъ — и згадувать ні-защо, найна́че отті бідо́ті. И якъ обійде ча́рка разівъ кільки — вся́чиною почну́ть!.. То було нокійниця, якъ по́чне, якъ но́чне — вміла зъ оттимъ народомъ — то чоловікъ и зхамене́тця: »Неха́й«, ка́же, »уже́ Богъ ёго́ су́дить! то одинъ судда́ нелука́вий!«... Не одну́ ду́шу вона́ оберегла́ тамъ одъ людськи́хъ проклёнівъ.

Зъ часомъ у покійниці и того не стало, старість почала одолівать. То було, давніше — звісно, діти: »Чого, мовъ, тітусю, зъ ціпочкомъ? — »Охвітніше , каже, »одъ собакъ! с; а то: »пожнвете зъ мое, сами побачите ... А далі до того вже дійпило — ми підросли, розуміть стали, а найменьший братуха... »На те «, каже, »мой дитино, на трёхъ, щобъ на чотирёхъ не лазити! « И жартуе було йноді, жартуе, та на таке зверве... »Я «, каже, »буду скоро такою, якъ ти бувъ колись: въ пелюшки мене загорнуть, въ колисочку положять! «

Та и не добачать дальше стала, и не дочувать: девятий десятокъ каратала, та и трудяща людина... Иноді було, якъ почне приглежуватьця до тебе, або прислухатьця, поки-то пізна або почує! »Мовъ крізь густе сито«, каже, »а ўші ниначе позатикані.«

Тимъ въ церковъ дуже-дуже вже рідко, та й то хіба літомъ; а на обіди, въ поле, міжъ люде — »Одъїздила вже свое, нехай ще другі!« На вгородъ хіба було видибуля, полоть, помацки; а то все въ хаті, все на полу — пряде. И прядіння тамъ було.. Сама иноді: »Якъ упущу«, каже, »починонъ, и нема нікого — поки то намамраю! иноді всю хату вирачкую!« Все то за віскъ! Своя й пасічка, та й матуся, — чи вже бъ то пожаліли! »Трудовите«, каже, »не те, що даровите, або свое: може, хоть симъ Богові приспособлюсь!«

А потімъ и ліжма треба лягти! Притомна була, поки и вмерла — и памятувала твердо, и говорила, и розуміла — та сили вема! Въ рукахъ ще сякъ-такъ — віконце одчинить, ложку; а ногами — хіба підъ руки, то й то тільки-тільки що диба! »Занолоду не поберегла, одтупала, одтоптала!.. Эажилась«, каже, зажилась, нора бъ и честь знать!«

Такъ ще вона годівъ кільки пронудила світомъ — вилежала, викачалась на полу. Якъ прийде вже дуже тяжко: »Прийми вже!« полить було Бога: »на-що я туть здалась!«; а полегша: »Его святая воля!... Вінъ«, каже, »зна, що робить!«

Не разъ до сина писала: »Прилинь, мой дитино, хоть подивлюсь!... хоть въ остатній разъ! хоть очі мені закрий!«—
»Радъ ом«, каже, »прилинути, та крилець не маю!«

Въ остатній разъ бачивъ за тиждень передъ смертю. Приіжжу, а вона підъ коморою, на присінкахъ— на сопеч-

— Се ти, каже, — дитино моя?

»Яс, кажу, »тітусю!«

— A що жъ ваші — чи ще вони, ще́?

»Та ще, слава Бо́гу!«

— Слава Бо́гу! ка́же... А я, ка́же, на со́нечко; тільки щось воно́ — а со́нце и ди́хать не дае́... Я вже, ка́же, ёму́: »и ти, шовъ, старосвіцьке, и я — хоть ти мені!« не гріе, розледачіло, за молодне́чею!...

Якъ умірала, ми зъ *моёю* не були, у Лубні ходили... Дали зарікъ: якъ дасть намъ Богъ сина — пішкомъ у Киівъ, до Печерськихъ, а дочку — до Офанасія святого: Богъ Надеждочку пославъ!

Смерть, кажуть, була́ — пошли́, Господи, и всякому тако́! тихая, праведная!... Зтривожилась трохи — про сина згадала; а потімъ и знову: до кінця видержала, хоть, кажуть, кричать, а не плакать!...

За день почу́ла: »Иде́«, ка́же, »иде́!«

Послала за всіма, и щобъ Михаіла старо́го, одсобо́рувать: эЁго́с, каже, »ба́тько ввівъ, а вінъ нехай виво́дить!«

Зібрались, одсоборувавъ покійникъ Михаілъ — все то покійлики!... Роспорядкувала — надіть, на церковъ, старцямъ... чимъ домовину — десять роківъ ждала, таки діждалась!

Вечоріть почало́!... »Тепе́ръ же«, ка́же, »попроща́вмось!... — »Що́ ви!« — бу́демо, мовъ, жить, Бо́га хвали́ть! — »Ні«, ка́же, »попроща́вмось!« — до татуся́...

Нахили́всь покійникъ, го́лову въ оби́дві ру́ки, и до́вго-до́вго придивла́лась! »Го́ренько«, ка́же, »мені та́жкее!«, и вже пальцями, по лицю́... И такъ же то, ка́жуть!... »Такъ«, ка́же, »такъ!... и у покійника ба́тька — воло́сся, лобъ, нісъ... А бро́ви«, ка́же, »мату́сини... Де то вона́,« ка́же, »тепе́ръ, моя́ рідная? чи поба́чу іі?«....

Матусю довго, дуже довго тулила до себе!.. »Ти въ мене«, каже, »золотая була!.. Я, може«, каже, — »одпусти мені! Та не пускай въ далекі сторони— нікого не пускай, ні одного!.. Ой«, каже, »синочку, Степаночку, дитино моя!..«

Потімъ ніби засновоїлась.

— Поверніть, каже, мене на другий бікъ!

Повернули, позіхнула...

— Поверніть знову!

Знову повернули, знову позіхнула.

— Ниначе спать, каже, хочетця!.. Поверніть впять, та кватирку одчиніть.

Повернули, одчинили...

— O-хо-хо́хъ! каже.

»Заснула! « хтось.

А покійникъ Михаілъ. »Заснула«, каже »заснула!...«

Ми зъ моею саме до язівця доходили, вертались зъ Лубевь...

- Така́я смутна́я-смутна́я вона́, дити́на пла́че, та й у ме́не щось...
 - Коли зразу, ніби ладаномъ...
 - Чу́ешъ? кажу́...

»Чуюία

И въ слёзи!

— Чого ти?

А въ самого такъ и душять...

— И сама, любий, не знаю!...

И якъ разъ, въ той самий день, въ ту саму годину...

М. Номисъ.

Р. Б. 1860. генвара 10 дня. СПБ.

ПІВПІ́ВНИКА

Гишпинська дітська казочка.

Була собі колись гарна курочка, и добре ій жилось у дворі въ селянина. Кругъ неі метушилась купка дітокъ чимала, и міжъ тим дітками одно собі вдалось препогане и скалічене. Отъ же сёго найбільшъ мати й кохала, бо въ матірокъ такъ завсегда бувае. Мизерне те курчя вивелось изъ малесенького яечка. Півкурчяти тільки й вивелось, мовъ хто одтявъ половинку. Зъ однимъ тільки окомъ, зъ однимъ криломъ и одніею ногою. Що жъ? дарча, що каліва, а така жъ була пиха въ того курчяти, якъ и въ ёго батька, старого півня; а батько ёго бувъ найпишнійший, поважний и огрядний півень, — хочъ сто верстовъ исходи кругомъ, такого другого не побачишъ. Дурне курчя, підрісши, забрало собі въ голову, що воно диво міждо курми. Якъ зачнуть було кури ёго на сміхъ підіймати, то воно собі й думае: »Се зъ заздрости!« Якъ же курчята до ёго прикладки прикладують, то воно говорить: »Се зъ досади, що я на іхъ и дивитись не хочу!«

Отъ, разъ и каже те Півпівника своїй матері: »Слухай лишъ, чамо. Обридло вже мині жити въ селі. Надумавсь я до царя доступитись; хочу я подивитись на царя й на царицю.«

Бідна мати ажъ закудкудахкала зъ ляку, таке почувши.

»Дитино моя!« каже, »хто се тобі таку дурницю въ голову вкинувъ? Твій батько ніколи зъ свого села не виходивъ, дарма, що кращого півня на всімъ світі немає. Чого тобі й бажати, якъ нашъ двіръ? у царя краще тобі не буде. Глянь, яке гноіще гарне, яке зерно намъ смашне посипають, яке затишне сідало въ насъ, и сімъя, слава Богу, не маленька, и всі тебе кохають.«

— »Байдуже́ мині!«—одрізало нависне́ Півпівника. »Брати́ моі и сестри — дурна́ сільска́ темно́та.«

»Мое́ голубя́тко«, ка́же ёму́ ма́ти, »хиба́ жъ ти въ во́ду на се́бе не диви́лось? хиба́ жъ не ба́чишъ, що въ те́бе одного́ о́ка н одніі ноги́ дасть-Бігъ?«

— »Коли ти зачепила мене зъ сёго боку, мамос, — одповіда́е Півпівника, — »такъ я тобі скажу́, що соромъ тобі самій, що я такий уродився. Ти, мамо, сама́ тому́ винна. Изъ якого яе́чка я вилупився? Мабуть, така́ ку́рка знесла́, що й на сідало не эскочить.«

»Ні, моя́ дити́но«, ка́же ёму́ ма́ти; »съ таки́хъ я́ець лу́плятця тільки ящурки, а ти вилупилось изъ останнёго я́ечка, що я сама́ знесла́; зати́мъ таке́ и мизе́рненьке, що ти поскрібочокъ. Яка́ жъ тутъ моя вина́, се́рденько?«

А Півпівника, задираючи червоний гребінець, каже:

— »Може, я такого лікаря знайду, що мині все те поприставля́е. чого въ мене нема́. То нічого більшъ и бала́кати,— пійду́!«

Бачить бідолашня мати, що воно за упиряка, та й каже:

»Хочъ же послухай мое́і до́броі ра́ди, моя́ дити́но. Якъ пійдешъ у мандрівку, то не прохо́дь близько коло тако́і це́ркви, на кото́рий святи́й Петро́ намалёваний: не лю́бить вінъ пі́впівъ здо́рово,
а ще більшъ— іхъ кукурікання. Ще жъ оберегайсь у сві́ті тихъ
люде́й, що кухаря́ми зву́тця, та й кухова́ркамъ на́ очи не навертайся, бо все то лихі на́ши вороги́: и не писнешъ, якъ вони́
тобі шийку перечи́кають! Тепе́ръ же, си́ночку, неха́й тебе́ береже́ Госпо́дь и святи́й Мико́ла, до́брий помішни́къ у доро́зі. Иди́
собі, коли не хо́четъ зъ на́ми жи́ти, тільки попроси́ та́та, неха́й
тебе́ благослови́ть на доро́гу.«

Півпівника скікнуло до поважного півня, вклонилось ёму низе́сенько и поцілувало въ кіхоть. Шано́вний ба́тько поблагослови́въ ёго́ не такъ-то жа́лібно, а більше зго́рда, бо за спеси́ву вда́чу не люби́въ вінъ свого́ синка́. Ма́ти жъ, такъ та за слізми й світу Бо́жого не ба́чпла, и знай сухи́мъ листо́чкомъ о́чи втира́ла.

Рушило Півпівника въ дорогу, стрепенуло крилцемъ и трейчи заспівало на знакъ свого одходу. Прийшло воно до рівчака, а діялось се діло середъ літа, такъ рівчакъ мало не зовсімъ пересохъ, и дітвора ёго гребелькою пересипала. Побачивъ рівчакъ подорожиёго, та й каже и дзюрчить такі слова: »Ты бачнить, братіку, якъ и заслабъ, насилу ворущуєь; немає ть мене сили й дітську гребельку прорвати, щобъ вома меме не зувнийм; а звернути тъ бінъ, — про се вже хочъ и не кажи. Візволь мене эть сеі біди, розгреби своіми кіхтями вісокъ на греблі. За се ты нитименть мою воду, коли схоченть и скільки скоченть, я якъ нійдуть домі та мрибавлять мині води, то я, може, тобі ть великій пригоді стану.

А Півпівника ёму одказуе:

- эНе хоту розгрібати! Що я тобі за робітникъ? Хаба бувають такі робітники въ таного інзорного та наламутного рівчана?« эНу, допся ікъ я тобі въ знаки тоді, якъ ти й не думатинеть!« зашимривъ рівчачокъ тахимъ голосомъ.
- »Дождись перше дощу́!« одрізало ёму́ Півмівнина. »Куди, який ти страшний на словахъ! а завтра може й горобці по тобі скакатимуть.«

Далі стріло воно на дорозі вітра. Лежить бідаха вітеръ, ледві дише.

— э Любе мое Півпівника! « каже вінъ подорожнёму, — эма віку, янъ на довгій віні, всёго транитця; треба намъ пемагати одінъ одному. Підійди бліжченько та придивісь до мене. Бачншъ, якъ неве спека пелуденна одоліла! а я було и ліси ламаю, и жита толочу, и стріхн зриваю; ніхто прогій мене не встоїть. Не лежавъ би я й теперъ ма дорозі, та лихо мині надало, підупавши на сйлахъ, коло ивітокъ гуляти; впівся я одъ іхъ духу солодкого, а жаркий день и вклавъ мене середъ дороги. Колибъ ти мене тільки тропнечки одъ землі своїми кіхтями мідкинуло та ще криломъ міддало, то я й міднявсь бы вгору и нолетівъ у свою сторому. Тамъ мой мати хуртовина зъ сестрами фижами працівноть теперъ, направляючи золоті хмари, що я порозрававъ козакуючи. Тамъ, тільки дадуть мині вопоїсти, такъ я змовъ увійду въсілу.«

»Добродію! « одвітувало Півпівника, » а забувъ, жкъ ти було простопірующь, та квістъ мині куёвдиць та ростопірующь, мовъ тому индикові, людямъ на сміхъ, а мині на велику досаду? Ото жъ звай, що всякому своя пора. Бувай здоровъ, мій маше!«

Сказавши се, закукурівало голосно Півнівника и гердинъ по-

Наузкрай низи, на сторні, курівсь диможь налонький. Півнів-

ника підійшло до ёго и побачило искорку въ попелі; ледві, ледві жевріе искорка.

— »Коха́не Півпівника!« ка́же вона́ ёму́—» у добру годиновьку ти надійшло́ до ме́не; ти мене́ одъ сме́рти оборо́нишъ; отъ-отъ му́шу зга́снути, що нічимъ мині живи́тися. Не знаю, де мій прия́тель вітеръ застря́въ, ато́ оъ вінъ мені за́разъ допомігъ. Будь ла́ско, пригорни́ до ме́не тро́шки сухо́го ли́стячка або́ солімки, — я за́разъ оживу́ й звеселю́ся.«

»А що мині по тому?« одкавало ёму Півпівника. »Гасни собі, меля тобі хочетця; ти мині ні на віщо не потрібенъ.«

— »Ой гледи лишъ!« каже искорка. »Може, й я коли-небудь стала бъ тобі въ пригоді! Не нлюй, кажуть, у воду; може, эгодитця напитьця.

»Дивись!« гукиўло на неі Півпіника: »ще й страшить! Отъ же тобі за се!«

Та й засипало искорку попеломъ; а потімъ почало, своімъ звичаємъ, звовъ кукурікати, мовъ яке велике діло зробило.

Прійшло Півнівника въ столицю и йде мимо церкви, а на церкві святий Петро намалёваний. Туть би ёму мерщій утікати, такъ що жъ, коли ледача вдача така! Стало якъ разъ протввъдверей, напужилось, та й кукурікнуло зъ усіей сили, аби матери не послухати.

Підходить воно до царського будинку, щобъ подивитись на царя й царицю. Москаль, стоячи коло будинку зъ оружиною, заразъгувне: »Куди? назадъ!« Воно таки й злякалося та підъ ворота. Гляне, ажъ чоловікъ якийся въ білій шапці. Воно й питаетця въ горобця: »Що се за чоловікъ?« — »Се«, каже, »кухарь царський.« Ну, що же бъ утікати хочъ звідсіля, якъ мати навчала! Куди! воно й гребіпець свій червоний и хвістъ закручений настовоўрчило, наче що путне, та просто й чимчикуе до кухаря бокомъ на ёго позираючи; а кухарь хіпъ ёго за крило! та заразъ чикъ! тутъ воно й ніжкою задридало.

—»Гей!« гукне́ тоді кухарь на своі хлопя́та,—»а ке́те сюди ки́пячу́! ось я ёго́ обпа́трошу!«

»Водице, моя сестрице!« каже тоді Півпівника, »будь ласко, не печи мене, змилосердись надо мною!«

— »А ти надо мною змилувалось, якъ я тебе прохала, течучи рівчакомъ?« одрівала вода, та ажъ кипить изъ серця, и обпарила ёго

до-ще́нту; а тутъ хло́пці-кухарча́та ки́нулись и ні одного́ перця́ на ёну́ не зоста́вили.

Потімъ узявъ кухарь миску, положивъ туди Півпівника, та й поставивъ противъ жару.

— »Ой о́гнику, мій бра́тіку!« пищи́ть Піпвівника,—»не печи́ жъ мене́, не жаръ же мене́!«

»Ось постой лишъ! « затрещавъ огонь, півнавши его и безъ піръя: »я тебе навчу, якъ мене попеломъ закидати! « та якъ пришкваривъ (а кухарь одлучивсь на часинку до шинку), то воно й почорніло, якъ головешка. «

Вернувся кухарь зъ шинку, бачить, що огонь знівечнвъ Півпівника, та й викинувъ ёго на смітникъ.

—»Ой вітре, вітроньку!« квилить тоді вже Півпівника,—» не займай же хочъ ти мене; ламли лучче дерево, толочъ лучче жита и зривай стріхи, я я вже тутъ лежатиму та на свою долю плакатимусь.«

»Ні, такъ одъ мене не викрутисся!« реве ёму у въ-одвітъ вітеръ, та ажъ свище крутячись; далі підхопивъ ёго, ціднявъ вище царського будинку та й кинувъ. Летить воно унизъ, а на будинку гострий шпиль залізний; воно на той шпиль и настромилось; а вітеръ и почавъ ёго зривати, щобъ ище поглумитися; а воно на шпилю й крутитця. И такъ нема ёму внокою ні въ день ні въ ночі. Спочине трохи вітеръ, и воно спочине; а скоро провинувсь, заразъ и почавъ вертіти то сюди, то туди Півпівнита. Ото жъ ёму за те, що було неслухнине, що високо неслося в всімъ тільки пакість робило.

Панько Казюка.

BOCHOMMHAHIE

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селъ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замвчательная. Эта личность способна возбуждать въ душв много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлёнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грицько, ремесломъ — маляръ. Какъ извъстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Малярство-одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледъльческой колеи. Маляръ, обыкновенно, виъстъ съ твиъ и грамотный; искуство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, какъ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что съ ними творилось въ жизни, и маляръ читаетъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ вибетъ дъло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно такъ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извъстно, что Малороссіянинъ, какъ только сдълается благочестивымъ человъкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссіяниномъ, а обращается либо къ пістизму, либо къ размыщленіямъ, и -въ первомъ случав — ведетъ къ поэзін въ жизни, во второмъ къ желанію знать природу, человіка, однимь словомь — къ наукъ. Это желаніе обыкновенно находить себъ скоро предъль по скудости мачеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ пашинъ наляромъ Грицькомъ.

Онъ родился крепостнымъ. Въ детстве потервлъ онъ родителей и остался на понечении родии. Его приставили насти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикъ было что-то странное; крестьяне считали его придуркуватымъ. Лишнимъ будетъ разсказывать, какъ удалялся онъ отъ летскихъ игръ и какъ чальчики за это щипали и термошили его. Иначе, пришлесь бы невольно повторять то, что такъ часто встречается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дітства. Когда безвітріе не дозволяляло работать мельникамъ, Грицько усаживался близь села подъ вътряной мельинцей, и рисовалъ углемъ или мъломъ на стънъ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высъкли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Пои бщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ ваображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходить свою служебиую карьеру: изъ него скорбе выйдеть живописецъ, чъмъ свинарь или овчарь; подумаль помъщикъ и отдаль ого въ науку къ какому-то художнику въ своемъ убадномъ городъ. Такъ поступнаъ помъщикъ въ тъхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться; станотъ ему нлатить оброкъ; и приносотъ, со временемъ, барину больше пользы, чёмъ сколько могъ бы принесть въ званія вастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозянна, учится прилежно; хозявнъ не похвалится его поиятливостью; его не нужно понукать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, -- онъ самъ спросить и не забудеть того, что ему скажуть. Захотъюсь сапому Грицьку научиться гранотъ: хозяниъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучнася складамъ и сталъ читать бъгло. Внослъдствін онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницъ фигуры, то это были вымышляеныя виъ буквы. Грицька занимала мысль: какъ это люди чита-»Я«, говорилъ онъ, »долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, върно, какое говорится слово, такое и малюется; и началь въ умв самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и напалною, а потомъ и помню, что вотъ такъ я его напалевалъ: послъ того вришло миъ въ голову, что върио не такъ: словъ много, — какъ можно всв нхъ припомнить! Тутъ я наявадъ

٦.

примъчать, что иное слово на другое ноходить, а вное развится: такъ я, что похоже, то на одну стать и малюю. « Сколько припоминаю, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цёли, которую давно нашло человъчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ея обычнымъ для всёхъ путемъ за букваремъ у увзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читаль в романы, читаль Библіотеку для чтенія: тамъ. какъ говорилъ онъ, — на него сделали висчатление особенно жизнеописание папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болье, его стали занимать помыщенныя въ эсмесис навестія о разныхъ открытіяхъ въ области естествовнанія. Б'яда только, что, по причин' множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятаго на десятое. Болъе всего хотвлось ему знать: какъ это свътъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвъта, ня въ тъхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ ариеметику; онъ нолучилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумълъ таниства дробей и сложность тройного правила.

Пробывъ нёсколько лётъ у хозянна, Грицько сталъ платить номёщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околод-ка но церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году, — онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здёсь, въ церкви, въ ночь свётлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дёянія.... тогда я въ первый разъ его увидёлъ. Онъ долженъ былъ, между нрочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбё его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упадающій, голосъ. Въ характерт его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не спішилъ самъ ни съ кімъ разговаривать, а если на-

чиналь разговорь, то для того, чтобь спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смёлёв, когда видель, что его любять. Онь зналь священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любымъ Попорскить начетчикомъ. Но замътно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искаль въ немъ того, что называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болье всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задаваль себв вопросы, давно уже ръщенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвъта то въ библін, то въ Иванъ Выжигинъ Булгарина, то въ повъстяхъ Марлинскаго. Одинъ помъщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетъ, началъ давать ему кинги и расшириль кругь его чтенія. Грицько читаль ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Миллота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ быль вив себя отъ восторга.

Нъсколько лътъ не видалъ я Грицька послъ этого, но случай привель меня увидёть его въ томъ же сель, въ 1845 году. Грицько быль уже женать на крестьянской девушке изъ своего села, имълъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и заинмался налярствомъ, выручая насущный хлебъ на нконахъ. Безъ посторовняго руководства, Грицько уразуміваль свою кингу — курсь математики и, съ изумительною правильностью и върностью, ръшаль трудныя алгебранческія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, мобиль толковать объ опытахъ, которыми человъческій умъ достигалъ до уразумънія этихъ законовъ. Но библін онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Опъ, новидимому, лишенъ былъ поэтическаго чутьи. Его не илъняла красота природы: онъ стремился къ природъ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотель изследованія, а не восторга; чудесное не плёвало его — онъ отвращался отъ него; на первонъ вланъ у него стояла мысль: "Это невозножно; а что невозножно — о томъ и толковать нечегос. Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковскій; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повъсти запяли его, по не по художественности, а по върности изображенія крестьянскаго малирессійскаге быта, въ неторомъ онъ самъ родился и варосъ. Прежняя кротость и скремность естались въ немъ неизмённы. Грицько, кавалось, съ непорностью и безъ ропета сносилъ свою долю, но когда ему замётили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились моди, хотение и тогда выкупить его у помёщика, и давали, но тогдашмему счету, 500 р. асс.; помёщикъ не согламался: мо свеммъ расчетамъ могъ въ нёсколько лётъ получить съ него болёе оброкомъ.... И Грицьно остался ирёностнымъ. »Больно тос, говорилъ Грицьво, эчто насъ, бёдныхъ людей, держатъ въ заблуждении и мевё-

Быть можеть, неизбъжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ мегилу; быть можеть онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-инбудь Иродіаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя.... Во всякомъ случав, ему теперь подъ пятьдесять літъ; онъ угасъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видълъ въ последній разъ Грицька-малара, на противоположномъ, западномъ крако Малероссім, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Нервоначальная
судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая
для обоихъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому
судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ
Перченко. Нетъ нужды здёсь излагать повёсть о его дётстве, о
первомачальномъ его восинтаніи: онъ самъ описаль все это въ
своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цёмпяхъ, которыя,
обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорваль икъ, вывелъ
вго изъ тёсной сверы ненавъстности для высокихъ думъ, тяжевизъ страдамій и безсмертія. эТой бѣ слава дней овоихъ«, скажетъ о немъ нёкогда Малороссія, какъ это некогда сказано было объ одномъ изъ ея гетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я незнакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На нервый разъ въ немъ не пеказывалось ничего привлекательнаго, ничего веплаго; напротивъ, онъ былъ холодемъ, сухъ,
котя простъ и не перемоненъ. Омъ изиърялъ иои слова и движенія съ недовърчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ
очень честный и добрый малороссіяминъ, встръчая мезнакомое лицо, и чъмъ это лицо навазчивъе старается вызвать его на откро-

венность и искревность, твиъ становится овъ остороживе. Иначе и быть не можеть въ народъ, который слишкомъ часто видить обжанъ п двоедушіе. Это качество измінилось у Шевченка въ посавдніе годы, когда мы съ намъ увиделись посав долгой разлуки: оно даже перешло у него еъ другую крайность, — излишнюю довърчивость. Но въ тъ времена, въ тъ поры его молодости, онъ сехраналъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ инъ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлібніе, которое они производили, напомнило мив Шиллерову балладу "Занавъшенный Санскій Истуканъс. Я увидёль, что муза Шевченна раздирала завъсу народной жизни. И страшир, и сладко, и больно, и упонтельно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда ръшается на смълое дъло; по ея слъдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ последнимъ, во тажело первой. Сильное зрвніе, крыпкіе нервы нужно имыть, чтебъ не ослвинуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свъта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, иду**мей по торной колоб, мимо тавиственнаго** занавъса, — не знающей, что соврывается за этимъ занавъсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже итсколько втковъ запертый многими замкамы, зацечатанный многимы печатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и застянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мёстё, гдё находится подземная пустота: Тарасова муза смъло вощла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свъчочемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучанъ и свъжему воздуху и людской любознательности. Легко будеть входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнеть; но какая человъческая кръпость можеть устоять противъ убивающаго въ мгновеніе всё силы жизни, погащающаго всякой земной огонь, въкового испаренія! Горе деракому поэту! онъ забываеть, что онъ человъкъ; и осли первый ръщается вступить туда, — то можетъ цасть.... Но повзія не устращится никакого губительного испоренія, если только ода истинная поэзія; и не вогаситъ ея свъточа никакая историческая или нравственная углеиклота: ибо этотъ евъточь горить нетавинымъ огнемъ — огиемъ Прометея....

Не долго видълъ и Тараса-малира въ Кіевъ: обстоятельства

васъ разлучили.... Не мий разска зывать его дальнийшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидёлись снова въ ствнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цёлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъего, пока не услы**маль отъ меня самого. Тогда онъ заплакаль и этимъ ноказаль.** что не отъ того не узвалъ, что забылъ обо мив. Но въ мемъвсе навоминало прежияго Тараса; его желваная натура мього выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убъжденіяхъ, свёжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренией борьбъ съ вліявіемъ внёшняго растлёнія; но таленть его великаго творчества — начиналъ ослабъвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отверзающеюся пропастью, хотълъ отвернуться в уверить самого себя, что неть того, что ему угрожало. Читанныя виъ въ Петербургв, въ последние годы, его стихотворенія были слабве твуъ огненныхъ произведеній, которыя ивкогда онъ читалъ мив въ Кіевв. Время возметъ свое надъ человъкомъ, зане перстень есть.

Прострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видёла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіяме и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ ноэтомъ тёсной исключительной народности: его поэзія приняла болёе высокой полётъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искоин существовавшихъ, нарёчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшемъ насильственныхъ школьныхъ измёненій, и потому-то болёе способномъ для того, чтобъ дать Россіи истинно мароднаго ноэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изліцнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный ноэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достопиства и значемія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тогъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнилъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не подражаль народвымъ нъсвямъ; Шевченко не имълъ цълію ин описывать своего народа, не поддёлываться къ народному тону: ему не зачёмъ было нодавлываться, когда онъ но природъ своей иначе не говориль. **Мевченко**, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Півсня Шевчевка была сама по себів народная пъсня, только новая, — такая пъсня, какую могъ бы занъть теперь цвлый народъ, — какая должна была вылиться изъ вародной души, въ положенін народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко быль избранникъ народа въ прямомъ значенін этого слова; народъ какъ бы избраль его піть вийсто себя. Народныя пъсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вследствіе изученія, не по разсужденію — где что употребить, гдв какое выражение годится поставить, -- а по естественному развитію въ его душть всей безконечной инти народной поэзін; не потому, что Шевченко хотель ихъ врести и поставить, а потому, что ожи, по существу народной поэзін, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то, что каждый народный человъкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло возвыситься до способности — выразить то, что хранилось на див его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской провы, и было для него самого невидимо, незамітно, нова животверные звуки генія не коснутся до сокровенных в тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упонтельною мелодіею и не поважуть чувству того, что составляло его достояніе и не было до сихъ воръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозанческой апатін голосомъ такой поэзін, народный человъкъ, съ тренетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: эЭто самое я только-что готовъ быль сказать точно такъ, какъ сказано поэтомъ!« Этого не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кром'в одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонъ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говориль, но какъ онъ готовъ быль ужъ заговорить, и только ожидаль, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овлюжьть ого языкомъ и ого тономъ: и вслёдъ за такимъ творцемъ точно такъ заговорить и весь народъ, и скажеть единогласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пека не явится потребность новаго видонзивненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзін; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пъсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII въкъ, такъ какъ эта нослёдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пъвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастію, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народъ. Уже и пъсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удёлъ поэзів. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упадан въ своемъ достоинствъ, раставваясь; и потому-то новъйшія передълки старыхъ пъсенъ и новъйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутстві-Народъ не можетъ творить целою массою, нбо емъ изящнаго. для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясение вызвало его къ творенію новой поэзін. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній везд'є бывають личности, обладающія талантомь первоначальнаго творчества; въ сферв существующихъ народныхъ пъсень, эти творческія личности исчезли въ массь: ихъ запъвы переформировались въ теченіи долгаго времени; въ намъ присоединялись новые мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тъмъ, потребность самооживленія ощущается въ мародъ; народъ чувствуетъ, мыслить; многое переполнилось въ его душъ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находить его въ своихъ избранникахъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнію, стоящихъ выше каждаго въ отдёльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что встми чувствуется, думается, желается. Вотъ такою-то личностью былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формъ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имемво отъ того, что онъ — возвъститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народнаго чувства.

Судьба связала малоруссскій народъ съ великорусскимъ неразрывными узами. Толька легкомысленное скользание по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотръть на Малорос. сію не болье какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперін; — но съ другой стороны, только насилующая централизація, убивающая всякую человіческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можеть, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изучении исторіи и этнографіи русской, всегда признаетъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допуствтъ ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже ивсколько ввковъ тому, къ нной сферъ. Ни Великоруссы безъ Малоруссовъ, ни послъдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чъмъ стройные, уравнительные, взаимнодыйственные будеты совершаться такое дополненіе, тімъ нормальніве пойдеть русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствоваль это и уразумбль, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою непріязнію къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтавіями о мъстной политической независимости: не малъйшей тъни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ пронаведеніяхъ. И это, между прочинъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что, будучи достояніемъ малорусскаго элемента, имітло въ тоже время и общерусское значеніе. Оттого повзія Шевченка понятна и родственна Ве-

ликоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумёть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубово въ подробностяхъ изучить налорусскую этвограотю. — что можно сказать, напримъръ, о Марусь Квитки, превосходнівнюй, вірнівнюй картинів народных вравовь, но дурно понятой ивкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народвости. Шевченкову порзію пойметь и оціннть всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраження. Не пойметъ и не оцвинтъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лориетъ, -- кто, желая узнать его, не въ состоянім принять другой методы, кром'в той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ научають энтомологическій кабинеть; заносить въ дорожную инижку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дврушекъ пъсни, слышанныя ими въ детстве на селе, и по такимъ пъснямъ произносить сужденія о сущности народнаго поэтическаго генія; — кто, быть можеть, и въ самомъ дель любить народь и готовь заботиться о народномь благь, но не энаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дъла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, - и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ какъ народъ уже пель; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пълъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумънія послъдняго нужно чего-то поболье, чъмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же неарълымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брощено было недавно на свъжую могилу поэта, - сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дълъ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературъ и въжизни. Такіе приговоры не болве, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденін изв'ястныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, им'йющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

новзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Щевченко былъ мало извъстенъ, были люди, не видавшіе во всю жизнь Малороссін, съ нёкоторымъ затрудненіемъ, по причияв языка, нрочьтавшіе Кобзаря (хотя самый языкъ Щевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ нерваго раза: ээто — великій поэтъ!« Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ перворедная поэзія ме высказывалась наружу. По нашему мижнію, переводить Щевченка отнюдь и не слёдуетъ: достаточне будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совеймъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературъ находились критики, не понимавние достоинства малорусского поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій таланть, но соблазиялись и вкоторыми его произведениями, гдв поэтически воспропаведены древнія времена вражды Малоруссовъ съ Поляками: видели въ этомъ какую-то непріязнь къ польской націн. Между тімь, таланта у Шовченка отнять нельзя. Какъ туть ноступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червоной Руси явились презабавныя свёдёнія о жизни нашего поэта. Писали,что Шевченко поселнася у какого-то Hrabiego Działyńskiego, который, по своему панскому великодушію, оказаль пріють поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа-Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живеть у графа въ качествъ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывъ справедливой благодарности, wszystko, co napisał przeciwko Polakom, powymazał i poprzerabiał (1) въ последнемъ наданін своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелівпа, что вівроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скоръе смъялся бы надъ ней, чъмъ сталъ бы оскорбляться.

⁽¹⁾ Все, что написаль противь Поляковь, исключиль и передвлаль.

Въ настоящее время, кегда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ нользы мониъ бёднымъ малярамъ. Грицько - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крівпостного права, не давшаго ещу развить свой замічательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ: Тарасъ - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнійшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: нбо этотъ день положилъ начало исполненія того, что было душею Тарасовой поэзія.

Но стоить ли, скажете вы, жальть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Стоитъ, потому что, съ воспоминаниемъ о двухъ малярахъ, теснятся въ воображеній тысячи, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, цастуховъ, земледъльцевъ, барской челяди - лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были прпродою съ правомъ быть чёмъ-то чинымъ, а не темъ, чвиъ они были на самомъ дблв; тогда какъ другіе великіе жужи слова и дъла — книгописцы, художники, законники, сообразнъебы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Сто́нтъ -- потому что со всевозможеващими человвческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землю человъкомъ его природнаго призванія. Стонтъ, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человъкъ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно останавливаещься на убійственныхъ, безотв'ятныхъ вопросахъ: Зачимъ мы смертвы? — Зачемъ мы глупы? — Зачемъ мы стареемся?...

Н. Костомаровъ.

Апръля 14. 1861 1.

питання.

Козаче-чумаче! Йдешъ у дорогу — Послухай же, сину, Діда старого: Покіль ще живий я. Покіль помірать, Про родичівъ де-що Хотівъ роспитать. Якъ зъ сілаю итимешъ На той Бериславъ, — Зъ Хортиці-сестриці Щобъ вістку приславъ. Якъ станешъ близенько Cyxóro Aprá, Помьяни тамъ душу Дідуся-Сірка. Якъ эсобъс повертати Черезъ Чортомликъ, Прислухайсь... чи чути Тамъ братчиківъ крикъ (1)? Якъ будешъ минати Самарську паланку, Привітай відъ мене Старую панявку. Спитай, якъ доідешъ, У батька-Дніпра: Чого наша мова И слава вміра?

⁽¹⁾ Сужий Прокт — по дорозі одъ Бернслава на Перекопъ; тамъ, кажуть старі люде, Сірко бався зъ Татарвою. Чортомликт — рукавъ Дніпра; тече въ Дніпръ, коло порогівъ, зъ велакою салою и гоміномъ. »То гомонать Запорозці«, кажуть побережане.

Чи то жъ стара пати Замовкла на вікъ, Чи то жъ народила Німихъ, та калікъ? Чи то жъ відпурались Відъ неі сини, Чи то жъ насмійлись Надъ нею вони?...

В. Куликъ.

Полтава, 1861 р.

II.

AE BOHA?

И сонечко у садочокъ Прийшло такъ раненько, По гілечкахъ осміхнулось Такъ же веселенько: И тумани надъ водою Снуютця, якъ думи; Качечки межъ осокою Лепечуть, мовъ куми — Все такъ було, якъ ходивъ я По сіхъ стежкахъ зъ нею — Світомъ моімъ, щастямъ моімъ, Долею моею: — Якъ не смівъ я мою кралю За рученыку взяти; Якъ не мавъ я більшъ нічого На світі бажати...

Жене вітеръ туманъ ланомъ, Со́нце закрива́е: Такъ ти́, мое́ дру́ге со́нце, Зникло — та й нема́е... Хожу́ оди́нъ, розгорта́ю Трави́цю, листо́чки, Чи не вгле́жу, не пізна́ю Хоть ії слідечка... Нема, нема ні слідочка, Замовкъ голосо́чокъ, Що саде́чкомъ було́ чу́ти, Якъ срібний звоно́чокъ!

Och ta Jánka, je liodúja · Boná chombáth. До білоі березоныхи Головку схиляти... Було стою підъ тимъ дубомъ И дивлюсь на неі. — Нема сили очей звести Зъ зіроньки мое́і; А береза своі коси Зелені спускае И холодкомъ любій гості Túxo nobibáe; А де-не-де промінь сощи Листомъ проберетця И цілуе ії щічку, Въ очицахъ сміетця... Було думаю: мій Боже! Ти давъ мені волю, Ти давъ розумъ, и я, може, Маю яку блю: — Де жъ той розумъ, доля й воля?.. Усе потонуло У тіхъ чарахъ, у тімъ горі, Що такъ огорнуло Безталанну молодичку — Продану дідузі: — Чи на камені калині Цвісти, якъ у лузі?...

Тя́жко тобі! — Мені жъ, Бо́же! Ще ва́жче се а́яхо.... Коля́бъ знала, що́ туть — въ се́рці, Хоть ізверху й тихо...
Не зма вона, якъ ті очі
Світять мені въ душу,
Якъ сижу я цілі ночі
И зъ місця ме рушу, —
И все вона, одна вона
Въ думкахъ, якъ у морі,
То потоне, то зновъ вирне
У красі и горі...

П. Таволга-Мокрицький.

BAÑKH.

Ī.

вовкъ и вівчарі.

Разъ Вовкъ тихесенько підкрався... Всімъ відомо, куди вінъ звикъ ходить И де вінъ лиха набірався, — Та що жъ робить, Који на те вже Вовкъ удався, Щобъ овечовъ давить! И сей разъ вінъ туди жъ попхався... Тихесенько кошару обійшовъ; Прислухався — не чуть; мерщій на тинъ зопьявся, Зирнувъ — та й охоловъ: Вівчарики прехорошенько Найкращого баранчика взяли Та й патрають гуртомъ, а кунделі Мовчять! лежять собі смирненько — Неначе-бъ то усімъ імъ тамъ, Кудатимъ гаспидськимъ синамъ, Позакладало!.. мовъ не знають, Шо перель ними виробляють! Дивився Вовкъ, дививсь,

Здихну́въ и зновъ у лісъ поплівсь,
Та й каже: »Де́ та й правда ділась?!..
Яка́ бъ тутъ шарварка зробилась,
Який би гомінъ підняли
И Вівчарі и кунделі,
Якъ-би мині таке́ вчинить зхотілось!«

II.

ЖАБА Й ВІЛЪ.

Зеле́на Жа́ба, зу́здрівши Вола́,
Гладко́ю и собі заду́мала зробитьця:
(Ій на́-лихо — зави́длива була́)
Та й наду́лась, ажъ о́чі ста́ли ій коси́тьця.
»Диви́сь-лишъ, ку́монько, чи бу́ду я зъ бика́?«
Подру́зі ка́же. — Ні! и тро́хи не така́. —

»Ану́-жъ, тепе́ръ диви́сь.«
— Шкода́, хочъ и не дмись. —
»Диви́сь же вже тепе́ръ: объ ку́пу обіпру́сь,

Да здорово надмусь...

Тепе́ръ — яка́ я?«

— Таки, яка́ була́, й тепе́ръ така́я.

»Ну и тепе́ръ-би-то не потовстіла?«

— Ище́ жъ таки́! кажу́ жъ — така́, яка́ й була́. —

Ще́ надула́ся Жа́ба... лусь — и околіла,

А не зробилася похо́жа на Вола́.

Оттакъ бува и зъ нами, Якъ хо́чемо рівнятися съ панами; Хочъ дмись-не-дмись,—жупана не доставъ, А кобенякъ и просвиставъ!...

Л. Гавбовъ

III.

мірошникъ.

Въ Мірошника Ива́на Шапова́ла
Водніця гре́бельку прорва́ла.
Воно́ бъ то й дарома́ — катъ-ма́ло бъ бідъ,
Якъ-бн́ пола́годить заздалегідь;
Дакъ що́ жъ бо то! Міро́шникъ и байду́же;
Вода́ жъ псуе́, руйну́е гре́блю ду́же

И почина вже й геть-то литьця, Дзюрить и цебенить, мовъ изъ відра. »Эй, дидьку, схаменись! Пора,

Пора́ за розумъ ухопитьця!«
— Толку́йтесь, ще дале́ко до біди́,
Не мо́ре тре́ба для млина́ води́,

Ище іі багато. — А самъ на пічъ у хату. Ажъ ось — прийшла біда: Зовсімъ понизшала вода; Ставъ камінь, — снасть не служить, — Вже млинъ не меле.

Ива́нъ у го́лосъ ту́жить, Кричи́ть, мовъ навісни́й: »ой, ле́ле, ле́ле!« Не прибере́ й ума́, якъ во́ду зупини́ть.

Ажъ-ось прийшли до річки курі пить.
»А, гаспидська«, кричить вінъ, »птиця!
Тутъ и безъ васъ зовсімъ нема води,

А ви ще пить прийшли сюди —

Ось я вамъ дамъ напитьця!« Да зъ словомъ сімъ на іхъ поліномъ и поперъ. Що жъ, дядыку, вигравъ ти теперъ?...

> Потять сердета до дверей И безъ води и безъ курей.

Такий, якъ дядьдо нашъ Ива́нъ, Бува́е и́нчий панъ; Ёму̀ за па́нську ла́ску Ми й розсказа́ли ка́зку.

Р. Витавський,

Digitized by Google

IV.

горанця й горобець.

Ворковала Горлиця у садку, У куточку тихонькому, на бузку. Жалкувала сизокрила, що вона Несчулася, якъ минула и весна, Несчулася, якъ одцинося и садокъ. И черешні, и вишеньки, и бузокъ: Сумувала, що приндетця въ-осени Десь шукати ще иншоі сторони. Підлабузнивсь до Горлиці Горобець, Наче справді запорозький молодець: эОй послухай, голубонько, не журись. Ти на мене, молодчика, поливись! Чи е въ світі де такні молодці, Якъ ин, славні та веселі горобці, --На все вдатні — до любощівъ, до пісень? — Цвірінькаемъ, жартуючи, увесь день! Ти не бійся, голубонько, що зіма Посиплетця білимъ спігомъ.... то дарша! Насъ въ тобою тее лихо не вляка: Перебуденъ підъ стріхою въ козака. А якъ гляне ясне сонце на весну -Забудемо тую зіму навісну. Поростають ти білні спіги, Покриютця травицею всі луги, Розівьетця каленонька и садокъ Розцвітутця и вишеньки и бузокъ; Заспівають усі пташки, якъ въ раю, Привітатимуть голубоньку мою; А ти, серце-голубонько, не журись Та до мене молодчика прихились.... с »Бодай тобі, Горобчику, не брехать, А Горлицямъ твоіхъ брехень не чувать. Не до парі голубоньці Горобець,

Хочь який вінь прехороший молодець: Треба мені, сизокрилій, голубка, Якъ хорощій дівчиноньці козака. -Де не ваявся снаокрылий голубокъ — Якъ ухопить Горобчика за чубокъ, Помнять ёго, понівечнь якъ хотівъ, Оскубъ ёго, молодчика, та й пустивъ: »Оце тобі, Горобчику, такъ не вчись, До чужої голубоньки не тулись.« Якъ дремене Горобчичокъ у садокъ; Болить ёго головонька и чубокъ. Регочутця проклятиі горобці: »Оттакъ наші добувають молодці!« Засоромивсь осміяний Горобець Та й покинувъ ріднесенький табунець. Полетівъ вінъ світь - за - очі у садки Відпентувать головоньих и бони.

Я вигадавъ, лежачи на печі,
Для васъ сюю баечку, паничі!
Ой, не будте, паниченьки - молодці,
И ви такі, якъ оттиі горобці;
Пригортайтесь, козаченьки, до дівчатъ —
Хіба мало е хорошихъ бровенятъ?
Дівчинонька, якъ квіточка, — зъ нею рай,—
А чужої молодиці не займай,
Бо налетить часомъ сивий голубокъ —
Болітиме головонька и чубокъ!

Л. Гавбовъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО:.

I.

27 іюля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошель въ могилу. Переворотъ, проваведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникше въ его эпоху, не были разръшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тёло и, оставаясь съ своею отдъльностію, должна была служить предметомъ распрей между состдями, которые хотъли ею завладъть. Украинскій народъ не имълъ ни нало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторів и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цълое. Уже въ самомъ существованія Козачества заключались, при тогдашинуь обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны быле разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дело освобожденія Украины совершено было цълымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею всъ Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распадался на козаково и посполитыхо; первые должны были съ оружиемъ въ рукахъ стоять на стражъ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привиллегированный классъ; — положение последнихъ не бы-

Digitized by Google

^{(&#}x27;) Настоящій отрывовь быль читань на публичных влекціяхь въ С. Петербургскомъ Университеть въ анваръ 1861 года. Авторъ пренмущественно пользовался дълыми Архива иностранимъ дъль; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онъ, подъ его редакцією, скоро будуть изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свъдъній, почерппутыхъ не изъ этихъ дъль, означено въ ссылкахъ.

ло ни опредълено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всв повинности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цізлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видъ ранговыхъ имъній; -- со временемъ эти имънія походнян бы на польскія староства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были тоже, что и они, и въ свою очередь сами теперь хотъли быть козаками, и долго не было опредъленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случай посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а призпанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половина XVII въка, не смотря на козацкіе реестры, въ Украинъ на самомъ дъль козакомъ быль всякій, кто хотіль и могь; и такимъ порывамь распространить козачество на всю массу народонаселения Украины противодійствовало другое направление — ограничить козацкое сословие теснымъ и опредъленнымъ числомъ записанныхъ въ ресстры. Такъ было задолго до Богдана Хмельинцкаго, когда польское правительство постоянно хотьло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредъленномъ числь, а народъ домогался вссь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; ибо съ представленіемъ о козакъ соединялось понятіе о свободъ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всё хотъли быть козаками, всъ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени пе допускали распространяться козачеству. По только сорокъ тысячь изъ всей массы ополченнаго народа пріобрътали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобратеннаго званія. Противодайствіе поспольства, исключаемаго изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницбаго; оно еще разче выразилось посла его смерти.

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословін возникло раздвоеніе: образовались козаки значные; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуковые товариши) шляхтичи, приставшіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки простые, которыхъ значные называли козацкою чернью и которые, при случав, готовы были противодъйствовать возвышенію значныхъ. Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотъли уравнить себя съ тыми взъ
своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось
съ усиленіємъ гетманской власти. Въ послідніе годы Хмельпицкаго, власть
гетманская хотя зависьна отъ рады, но онъ, пользуясь всесбіщивъ къ

себъ уважениемъ, часто дъйствоваль безъ рады и самовольно назначаль чиновниковъ; а чёмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радою, тімъ деспотичні в была власть полковниковъ и сотниковъ, тъмъ больше усиливалось вліяпіе ихъ на общественныя дъла. Радою начали управлять чиновники; нередко и цёлая рада составлялась изъ однихъ чиновинковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они съжали въ Запорожье; туда укрывались и тъ посполитые, которые не хотели спокойно сносить свое унижение и видъть возвышение козаковъ; отъ этого въ Запорожьв возникло тогда соперинчество съ городовыме козачествомъ (1), какъ называли они Гетманцину. Запорожцы не хотъли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдълении Запорожья, съ огромными степями по объимъ сторонамъ Дивира, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толиами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетианщинъ. Запорожцы, почитая себя цвътомъ козачества, хвалились, что не городовые козаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польше, вышла езъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а низовое козачество должно преимущественно распоряжаться дълами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дело, не можеть быть предпринято безь согласія Сечи (2). Занорожские старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотъли, по видимому, распространить во всей Украинъ; простымъ козакамъ это нравилось, поспольству, котъвшему равенства, еще болье, и поэтому Запорожье привлекало къ себъ простыхъ козаковъ и поспольство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имъть удачу въ массъ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ ваъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низвержение власти значимую могло кончаться только замбнением однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль зпачныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ козаковъ, дълался значнымъ и возбуждаль противь себя чернь, изъ которой вышель; его сменяли, выбирался другой — н тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныть не соединяло единство нам'треній и ц'тлей, — каждый пресл'ядовалъ пре-

⁽¹⁾ Лътоп. Самов. 38. — (2) Лът. Велич. 1,309:

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотълъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же непрілтностямъ отъ своихъ товарищей.

Въ отношение къ состанимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинъ было двъ политическія партіи. Къ первой принаддежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшт витесть съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской въры, приставшіе къ козакамъ-кто для въры, а кто для сохраненія своихъ имъній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не нравился, а потому, что они не могли поль польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотъли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими набами, ръчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классъ каждому хотълось помъститься. Не соотвътствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партін пристали къ московской протекцій, въ надеждъ польвоваться такъ называемыми правами и вольностями подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ коммисарамъ не позволеле участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключенін виленскаго договора-что миръ Россіи съ Польшею заключенъ быль безъ участія и совъта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дълали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмъшками Великороссіянъ надъ тъмъ, что въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Съверною (1). Въроятно, отъ насившекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочеть, чтобы козаки не носили красных сапоговь, а непремънно всъ обулись въ черные, а посполитые одъвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ (2). Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженім польской короны, не присоединиль Украины къ Польшъ (3) и не уничтожиль бы

⁽¹⁾ Mcr. Pyc. 145. —(2) Hist. pan. Jan. Kaz 1. 182. —(3) Atron. Beart. I. 366.

Козачества: въ виленскомъ договоръ царь объщалъ возвратить Польшъ всь земли, отъ нея отторгнутыя (1). Недовольные хотъли предупредить это ожидаемое присоединение Украины къ Польшъ, какъ провинци къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ наружить. Въ XVII въкъ не пошинали, что въ міръ нътъ условій для будущих покольній. Партія эта действовала по следамь Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ следоваль этой идее федеративного союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дъло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болье всъхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій, — и теперь онъ сталь во главі федеративной партіи. Его ревностныин соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Елент (2), Константинъ и Өедоръ, дядя его Василій, оврущкій полковникъ, и племянникъ Илья (3); воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, всаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генерального судьн-Григорій Лъсницкій, соперникъ Выговского; Иванъ Груша, послъ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральвымъ писаремъ; обозный Тимофей Посачъ, человъкъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковинкъ Павелъ Тетеря, человіжь бель дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петро Дорошенко, лубенскій — Швець, черниговскій — Іоапинкій Силичь, знаменитый Богунь, тогда уже полковникъ не вининцкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евста-• iй Гоголь, подивстрянскій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кіевскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный во воль царя за походъ противъ Польши-люди также получившие образованіе (4). Къ этой партін принадлежали пъкоторыя знатныя украин-

^(*) Лът. Велич. 1. 328. Лът. пов. о Мал. Рос. 11.6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

⁽¹⁾ Поли. Собр. Зак. І. 409. Это было напрасное онасеніе, ибо въ договор'я было сказано: кром'я Укранны.

^(*) Авт. Велич. І. 377. 15.

^{(&}lt;sup>3</sup>) Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. pan. Jan. Kaz. 1. 398. Полн. Собр. Зак. 1. 504.

скія козацкія и шляхетскія фамилін, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечан (1), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бъжалъ наъ Украины послъ бълоцерковского мира, а потомъ возвратился и былъ сдъланъ нъжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмълецкіе (родственники казненнаго въ Паволочъ, въ 1652, за недовольство бълоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крепости, куда быль посажень за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти Морозенко, неизвъстно гдъ пребывавшій съ 1649 года. когда пересталь быть корсунскимь полковникомь), Махержинскій и болье всъхъ образованный — Юрій Немиричъ. Потомокъ древней новгородской фамилін, бъжавшей въ XV въкъ въ литовскія владынія, Немиричь быль наследникомъ богатыхъ именій въ Украинь, и отъ своего отца съ детства напитался тымь религіознымь вольнодумствомь, которое вы тоть въкъ посило общее название аріанства. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Белгін и Голландін, получиль отличное образование и написалъ нъсколько ученыхъ сочинений по предметамъ философіи и раціональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталь къ Хмельпицкому первый разъ, спасаясь отъ преследованія краковской виквивиціи. Пензвъстно, гдъ быль онь послъ Зборовскаго мира, по съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную втру, втру отцовъ своихъ, дтиствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго. составляль планы образовать союзь Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посоль Іоанна Казимира, Казимиръ Бенёвскій, искусно дъйствоваль на людей этой партіп. Онъ увъряль ихъ, что козаки своими подвигами научили Поляковъ и всъхъ сосъдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признаетъ ихъ свободными, и если козаки захотять присоединиться къ Польшт для взаимнаго охраненія своихъ право и вольностей, то не пиаче, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мітиль тогда въ митрополиты, раздъляли такія же убъжденія.

Еще при Богданъ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ мосновскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатиме, слишкомъ иного имъли въ себъ польскаго... образованіе ихъ роднило съ

⁽¹⁾ Лът. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московін. Религіозныя распри надремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когла дъло дошло до отторженія отъ Польши, туть увидели они, что пе смотря на единство веры, они далье отстоять правственно оть единовърческой Московіи, чыль отъ католической Польши. Въ эпоху присоединения кое-какъ заглушались нерасположение и боязнь, но вскорт начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежиее недов'тріе. Сильвестръ Коссовъ умеръ. Бутурдинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъявиль духовнымъ-спискому Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю-парское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское эпонскало милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотьло бы итти въ послушание къ святъйшему натріарху московскому. « Украинъ предстояль выборъ интрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимы чъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать нового архипастыря вольными голосами. Воеводы настапвали, чтобъ избранія не было, пока не испросять благословенія патріарха и парскаго дозволенія. Лазарь и эрхимандритъ печерскій должны были по певоль показать видъ согласія. Это было тотчась по смерти Хисльницкаго, еще до погребенія его тъла. По самъ покойный Хмельпицкій на дъло это смотрълъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и дьвовскому, чтобъ они вхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украмна съ Кіевомъ отдалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владениемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевскаго интрополита. Признать падъ собой власть московскаго патріарха они на за что не захотъли, да и не могли, еслибъ даже и захотъли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевъ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никопу, епископы польско-русскіе испрашивали у короля дозволеніе тхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволиль имъ по старымъ нъ обычаямъ, за которые они всегда такъ кръпко держались. Еще тъло Хъельницкаго не было погребено, а Бутурлинъ писаль къ Выговскому, выставляя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избращя матронолита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, првещаль, что пошлеть козацкихъ пословъ на избранье митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые изщане въ го-

род: хъ для сохраненія свонхъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерить, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибъгали къ Польшъ.

Другая партія — если можно всю массу народа назвать партією держалась слепо наря московского. Чувство единства веры и племени инетинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращение къ Польшь; федеративная партія могла своими дъйствіями вызвать въ народъ большую ръшпиость оставаться подъ властію царя, для избъжанія грозящей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польщею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдёлаются тёмъ, чёмъ были въ Польше шляхтичи, а простые козаки и все поспольство будутъ отданы въ безусловное порабощение новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московіею, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволія спльныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмъсть преданцостію Московщивъ — Мартынъ Пушкаренко, полтавскій полковшикъ, любимый подчиненными и всемъ простымъ народомъ (1). Запорожье, ненавидевшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, разділяло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновенія московскому государю (2). Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдълать, темъ более, что и сами федератисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорте сділался польскимъ королемъ.... Но пародъ быль на слишкомъ низкой степени развитія и всегда могъ быть увлечень въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведуть; а разрывъ виленскаго договора сдълаль этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя в протекціи.

11.

Шестна цатилътній Юрій Хмельницкій вовсе не быль такой гетмань, какого требовало тогданиее положеніе Украины. Юный и неопытный,

⁽¹⁾ Ист. о прег. бр. 1. Авт. Велич. 29. Лвт. пов. о Мал. Рос. II. 2.

^(*) Лът. Самов. 29. Лът. Велич. 1. 309-312.

онъ не отличался ви блестящими способностями, пи характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признанали Юрія гетманомъ на Чигиринской радъ. Послъ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многольтние труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; другихъ волновало явное нарушение козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство шив; болье всехь быль впутренно недоволень Выговскій. Столько леть онъ былъ первый человъкъ послъ гетмана; и въ Украинъ и у сосъдей прославился онъ умомъ, самъ Хмельпицкій, отклоняя козаковъ отъ выбора Юрія, предлагаль въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотръль на изораніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручиль Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько літь почиталь Выговскаго другомь, и потому Выговскому меньше, чёмъ кому нпбудь другому, можно было дъйствовать къ измънению послъдней рады. Выговский долженъ былъ притворяться и уверять въ совершенномъ равнодушій къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писаль къ воеводъ Путивльскому Зугину, что гетманомъ вст старшины оставили пока Юрія Хиельницкаго, за впредь какъ будетъ, не въдаю; но скоро по погребения тъла будетъ рада всей старшины и иткоторой части черии; а что на ней усовътуютъ, не въдаю. « Такимъ образомъ въ письмъ къ пограничному московскому воеводъ онъ далъ понять, что назначение тогдашняго гетмана можетъ измънитися. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. »Послъ трудовъ воинскилъ, « выражался онъ, »я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю. « Чрезъ нъсколько дней послъ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: эгетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказываль мив быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорять, чтобы мнь гетманомъ быть, покамъсть Юрій Хиельпицкій выростеть и будеть въ совершенномъ унб. «

І езунтская изворотливость нашла себъ лазейку, — говорить украинскій льтописець.

Какъ другъ семьи Хиельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его онасное положеніе, съ сожальніемъ извъщаль его, что козаки ропщуть и не хотять повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просиль совъта: что ему дълать? Выговскій совътоваль отказаться передъ радою отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ спискать любовь и расположеніе парода. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нъск лько разъ отказывался отъ предлагаемаго достониства и принималь его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говориль, что п онъ оставить свою должность и низачто пе будеть писаремъ, если Юрія не оставять гетманомъ.

Также точно обозный Тимофей Посачь, воснитатели Юрія — Ковалевскій и Лъсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію въсти о всеобщемъ ропотъ козаковъ, совътовали ему отказаться отъ гетманства и увъряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ дожностяхъ, а предоставятъ вольной радъ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждъ, что эта покорность радъ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповъстили раду. Выговскій писаль къ тъмъ изъ полковинковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тъмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себъ толиу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ итсколько объдовъ и ласковымъ обращенісмъ расположилъ ихъ къ себъ.

Въ воскресенье, 24 августа, довбиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворъ Хмельпицкаго, для того, чтобы помъстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные объдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всъ знали, что опъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромиая толна козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавой въ рукъ; за нимъ несли бунчукъ, осъняя его.

»Панове рада! « сказалъ Юрій: »благодарю нижайше за гетманскій урядъ, который вы мит дали, памятуя родителя моего; но по молодости лътъ и по своей неопытности, я пе могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ будава и бунчукъ. Выбярайте въ гетманы другого, старше меня и заслужените. «

Онъ положиль знаки гетманскаго достоинства на столь, поклонился и ушель въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу — знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положиль свой перначь, судьи — свою печать, отказались оть урядовь и удалились.

Собраніе молчало. Козаки поглядывали другь на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотёли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и »много было такихъ«, говоритъ лётописецъ, »которые хотёли ее взять, по не смёли безъ воли народа.«

Между тъмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: »Кого желаете паставить гетманомъ? «

Всъ молчали. Эсачлы нъсколько разъ повторили вопросъ.

- »Хмельницького! « раздалось въ толиъ; »Хмельниченко нехай бу́де гетьманомъ! «
- »Панове рада! « сказалъ Юрій: »я иладольтенъ и неопытенъ, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскъ и печали. «

Нъкоторые сотники говорили такъ:

»Пусть будеть Хиельниченко гетманомь; хотя онь и молодь, да слава наша пусть будеть такова, что у насъ гетманомь Хмельницкій. Пока онь молодь, — будуть научать его добрые люди, а возмужаеть — самь будеть управлять. Пусть и Выговскій и Носачь и всь будуть на своихъ урядахь; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ було, такъ и теперь пусть будеть. «

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

»Не поаводимъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго ! « Хмельницкій представлялъ, что ему, по лътамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскъ и предводительствовать козаками.

Туть какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

»Пусть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ—войскомъ командовать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки. «

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представляль свое недостопиство. Козаки усильно требовал:

»Дайте время одуматься, панове рада! « сказалъ Выговскій: »Не могу теперь ръшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени. «

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чёмъ успёли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. » Хмельницкаго! Хмельницкаго! « кричали они, и домились въ домъ.

Юрій вышель и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетианомъ, и чтобъ, до его совершеннольтія, управляль Выговскій.

Выговскій опять разыгрываль роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толна начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нехотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толна была въвосторгъ.

»Теперь я спрошу вотъ о чемъ«, сказалъ Выговскій: »молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъже рада прикажетъ мнѣ подписываться?«

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрешениемъ вопроса.

»Пусть панъ Выговскій «, сказаль онъ »подписывается такъ: «) Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъчасъ Войска Запорожскаго «, потому что въ то время, когда у него будуть клейноты, настоящимъ гетманомъ будеть онъ.«

Простые козаки были просты, говорить літописець, — они не ировиділи ничего особеннаго и согласились, сказавши: »добре, нехай такъ! Служи, пане гетьмане, вітрно его царскому пресвітлому величеству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.«

Выговскій, взявъ будаву, сказалъ: » Сія будава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня г етманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!«

— » Вычитай же намъ «, сказали полковники, » новообранный пане гетмане, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на яки́хъ воляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества. «

Тогда гетманъ прочиталь всемъ вслухъ грамоту.

По окончанів чтенія, старшины сказали:

» На милости государской быемъ челомъ и служить всёмъ войскомъ запорожскимъ рады въчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ непріятелямъ.«

По другому извёстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лесницкій, котораго покойный гетманъ отправляль противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествё наказнаго гетмана. Опирансь на это, Лесницкій не хотёлъ отдать булавы. Выговскій посылаль къ нему Юрія Хиельницкаго, — Л'сницкій упорствоваль, и отдаль булаву только тогда, когда его принудили козаки, черезъ недёлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послаль къ Запорожцамъ и льстиль имъ, увъряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока съчевое товариство не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ (1); отпустиль съ ув'вреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенёвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмъ своемъ къ московскому воеводъ, доносилъ, что Бенёвскій присланъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ инриться съ Москвою и хранить данныя въ бъдъ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, витетт съ ханомъ крымскимъ. на Украину. Онъ изъявляль готовность пролить кровь за государя. Онъ черныть даже своихъ сообщинковъ, доносиль на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотъль отступить къ Польшь, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убъдилъ.

^(*) Величко, II, 307.

III.

Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лъсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надъялся, что на другой радъ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавский по лювинкъ, былъ другой врагъ и сопериикъ Выговскаго. Въ Чигирииъ рада была не полная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взяль булаву, по только въ качествъ врсменнаго правителя; для соблюденія козацких в правъ, онъ самъ назначиль спова раду въ Корсунъ къ 25 сентября. На эту раду събхались старшины; были на ней вст сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новоизбранный предводитель хоттлъ нтсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибыль отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложение союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить козацкому делу. Дело шло къ возобновлению дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумъніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману парскій посланникъ Артамонъ Матвъевъ. Въ царской грамотъ гетманъ названъ быль писаремь, а не гетманомь, хотя царь уже извъстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избранін на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявиль о смерти Хмельницкаго и о своемь избрании чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требоваль, чтобъ Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ совътовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считаль своими, и отнюдь не надъяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждъ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдеть на него войною. Гетмапь отвъчаль, что исполнить приказанія царскія, а отъ выговора отделался такъ: вкогда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотелъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунговать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послаль, а написаль къ воеводъ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бългородъ, чтобы они извъстили государя. «

Артамомъ Матвъевъ сказалъ: » Его царскому величеству учинилось въдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалуя васъ, указаль буять въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дёлъ, боярипу и намъстнику казанскому, Алексъю Никитичу Трубецкому, да окольничему и ржевскому намъстнику, Богдану Матвъевичу Хитрово, да думному дьяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и вельть имъ събхаться въ Кіевъ, и сверхи того, чтобъ изъ встхъ полковъ по пяти человткъ было прислано. Дтло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвъ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ: и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ конным и и пъшими людьми, да вельно также боярину Василію Борисовичу Шер еметьеву выслать конныхъ и пфшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и полволы. «

Гетманъ, разумъется, объщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видъть въ этомъ тайное намъреніе нарушить ихъ п, ава. Пемедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромадоновскимъ, въ Переяславъ, другой, съ Ляпуновымъ, въ Пирятинъ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, нотому что не сказапо было, для какихъ дълъ придетъ это войско. Артамонъ Матвъевъ привезъ приказаніе собирать по Украинъ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всъ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видъли тенерь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дело на обсуждение рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партін, съ стороны польской — Бенёвскій, со стороны шведской — Пемирить, по известію кіевскаго воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, онн туть невольно действовали заодно противъ общато для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ поль. Выговскій положиль свою булаву и бунчукъ, поклопился собранію и сказаль, что ему присланы отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежин вольности отнимать.» Я въ неволь быть не хочу«, прибавиль онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявиль, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поёхаль прочь. Тогда начальные люди послёдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствъ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

»Мы«, говорили козацкіе чиновники, »будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было неремъны, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.«

Выговскій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада.

На другой день была другая рада во дворъ. Посланный путивльскимъ всеводою на провъдки, посадскій человъчнико Николка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдъ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совъщаніе. («И я Николка былъ въ той свътлицъ, гдъ была рада», доносилъ онъ своему пачальству въ роспросю).

Выговскій сказаль: »при покойномъ гетманъ Богданъ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совъта, но теперь вы меня избрали гетмапомъ, и я безъ вашего воинскаго совъта не стану дълать никакихъ дълъ. Пынъ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себъ въ союзъ (въ »подданство«, переиначилъ Пиколка: въ писмъ Бутурлина просто — союзъ, а не подданство», а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачъмъ мы, безъ его государева въдома, сложились съ Ракочи; хочетъ, чтобы Антопа Ждановича наказать: »вы уже«, говоритъ, »прежде измънили шведскому королю, измънили и крымскому хапу и Ракочію венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измънить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?«

Гетманъ хотълъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствие къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ въсть объ этомъ въ Москву, и потому сталь совътовать козакамъ покорность.

»А только намъ , продолжалъ онъ, »отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болье не повъритъ за непостоянство паше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте миъ совътъ, какъ поступить?«

Выступили полковники: ивжинскій Гуляницкій, полтавскій Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, иркл'вевскій Джеджалы, и сказали:

»Мы не отступлиъ отъ присяги, данной его царскому величеству.« Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Днѣпра новторили тоже: »мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.«

Когда гетманъ сталъ допранивать ихъ, какъ ему поступить,—вивсто совъта, они закричали:

»Якъ ти намъ прирадишъ, такъ ми й будемо!«

Гетманъ не добивался отъ нихъ совъта о шведскомъ предложения, а долженъ былъ, потакая ниъ, сказать:

»Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости нарскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.«

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ (»имени его не упомню«, говоритъ свидътель) отозвались не въ такомъ духъ.

»Намъ, пане гетмане и вст ианы-рада, не ладно быть у царского величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальные его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять!«

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

»Вы, панове, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чините; а наиъ
отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!«

Наконецъ поръшели послать къ царю посольство и просить о ненаруменія данныхъ вольностей.

•И вст тогда«, пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесения въ царю,—
• межъ собою душами укръпились, чтобъ имъ встмъ за гетмана и за свои
права и старыя вольности стоятъ заодно. И много другихъ непристойвыхъ ръчей у нихъ было.«

Съ этихъ поръ, въроятно, Выговскій выбросиль изъ своей подписи выраженіе: на тоть часъ, которое, по сказанію украинскаго літописца, наложиль на себя какъ условіе, когда козаки на первой радъ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Мяневскаго и сотника Ефима Коробку—просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство я правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотъ, данной нослъ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпусилъ Бенёвскаго съ дружелюбными увъреніями. Но Польша не хотъла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенёвскимъ прітхалъ другой гонецъ

Digitized by Google

и агентъ Вороничъ. Какъ искренно было это сближение съ застарълыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенёвскій отъ имени Ръчи-Посполитой сулиль козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному ваъ крымскихъ мураъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы савлать на козаковъ, свонкъ душмановь, вибсть съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправиль перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вибств съ тънъ навъщалъ, что послъ Бенёвскаго пріткалъ въ Украину Вороничъ -- по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшъ; но козаки не дозволять себя провести и останутся върны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинъ. Въ последнее время, союзъ хана съ Польшею болже всего не дозволялъ Украинъ брать верхъ въ борьбъ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинъ не долюбливаютъ московскаго владычества, и ханъ первый подалъ желаніе примириться, а Выговскій отправиль въ Бахчисарай посланца своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у земляна-го вала. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдии, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. »Принимая гетманство«, говорилъ ему архипастырь, »ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества. «Сказавъ это, епископъ осѣнилъ крестомъ новоизбраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на объдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увърять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. •Но я теперь опасаюсь с прибавилъ онъ, •государева гивва, что безъ его указа выбранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.«

Тогда Богдановичь, генеральный судья, проговориль такую рачь:

• Когда мы, козаки, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владъніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской въры отъ ляшскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папежской въръ, либо въ уніи.«

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

» На тебя, гетманъ, нътъ никакого гитва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправление: обираютъ тебя на Богданово мъсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой въдомости. Великому государю невъдомо, что ты гетманомъ учинился; нотому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебъ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебъ свыше прежняго. «

— » Когда толькоменя стали выбирать въгетманы «, сказалъ Выговскій,
» я не хотъль брать на себя этого реимента безъ государева указа; я долго
отговаривался; но полковники и чернь миъ дали булаву и знамя съ больимиъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы
служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ
отъ высокой руки его величества!«

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушенія вольностей. Наступаль выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возрасло в неудовольствіе къ месковскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ потхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидълся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мъсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбъ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Не смотря на подозржніе, которое раждалось отъ прихода великороссійских войскъ, гетманъ старался удержать всеми способами Ромолановскаго, и совстить не въ томъ духт съ нимъ говорилъ, какъ на радъ въ Корсунъ. Онъ извинялся въ недачъ запасовъ тъмъ, что въ Украинъ. послъ см рти Богдана, онъ, Выговскій, еще не быль настоящимь гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы вст слушали; онъ представляль, что непріятели сдівлають нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъпрочь, и наконецъописываль внутреннее безпокойство края. »Посят Богдана Хмельницкаго «, — говорилъ онъ, — »въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольничій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичь, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожь в большой мятежь: хотять побить своихь старшинь и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цълованіе, за такіе заводы, бунты и намѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольничій и воевода, съ ратными людьми перейди за Дибпръ; съ тобой будутъ полковники: бълоцерковскій, уманскій, браг. лавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невърны; а мы живымъ Богомъ объщаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ · или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся.«

Но Ромодановскій отвівчаль, что не пойдеть за Днівпръ безь воли государя. Напрасно Выговскій, черезь три дня послів того, снова просиль его и извіщаль, что пойманы Татары, которые объвляють, что хань собирается съ Поляками нападать на Украину. Ромодановскій не пошель за Днівпръ. Совітуя такимъ образомъ и стараясь перевести Рамодановскаго за Днівпръ, Выговскій въ самомъ ділів, кажется, руководился страхомъ. Ему хотілось отрівать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ крат, гдт всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дъл могло быть, какъ ходили слухи, было бы встръчено съ негодованиемъ и съ противодъйствиемъ, и гдт Ромодановский не въ силахъ былъ бы противостать туземной массъ.

Потомъ Выговскій отправиль Юрія Хмельницкаго въ Кієвъ учиться, а самъ вынуль изъ-подъ земли зарытые имъ вмёстё съ Хмельницкимъ сокровища—болье милліона и началь дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселыя пирушки нёсколько педёль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человёкъ трезвый, но чтобъ понравиться толпъ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгъ кричали: »отъ щирий, не гордий козакъ!«

į.

Въ Литвъ, въ посябднее время, распространилось козачество, какъ нъкогда въ самой Украинъ; хлоны самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно последнему, поступили теперь московские воеводы въ покоренной Литвъ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повъть вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Лятвъ, принималь иль въ реестръ. Московские воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тъ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотълось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дълаясь козаками, не хотъли платить ничего съ тъхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. Война наступаетъч — представлялъ онъ, — » козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпъли и въ осадахъ сиавли.« 27 августа, Нечай отправиль къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копыльскаго, минскаго. »Воеводы«, писалъ онъ, »отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ ны могли бы имъть хлъбъ себъ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ монхъ, выгоняють насельно изъ домовъ, требують съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, ръжутъ имъ чуприны, быютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно «. Полковникъ приписысалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лъсъ смотритъ, такъ и шляхта въ Нольшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измънники воеводы теперь меня и товариство мое преслъдуютъ, какъ непріятелей «. Въ особенности жаловался онъ на боярина Василія Шереметьева; »козако ъ беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дъваетъ невъсть гдъ , говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лъвой сторонъ Днъпра, миргородскій полковникъ Лъсницкій разсыдаль по сотнямь своего полка такого рода извітстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскъ, и были мы върны въ подданствъ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ бояринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинъ по городамъ воеводъ: въ Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Умани и по всъмъ другимъ, чтобъ вездћ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тъ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожьъ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ орандо и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а станутъ всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мъщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаеть къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбъ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ...«

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылаль другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждаль опасеніе, въ другой разъ обращаль народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держаль народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковинки за Дивпромъ также волновали народъ такими ввестями. За Дивпромъ отзывалось болье намъренія защищать свои права, и задивпровскіе полковники разсылали на лівую сторону универсалы, въ которыхъ писали: »мы, задивпровскіе козаки, не привыкли къ неволь, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ. »Великій государь«, говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину.——» не устоялъ въ прежнемъ договоръ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ цара; крымскій царь за насъ пойдетъ,—мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.«

Противники московскаго владычества толковали народу: »вотъ, какъ возмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дёлать всякому и въ сапогахъ чорныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носитъ не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевъ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять козаковъ, да и тъ на Запорожьъ; а тъ, что въ городахъ будутъ, тъ службу станутъ держать подъ капитанами.«

Распустивъ по сотнямъ въсти, миргородскій полковникъ надъялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородъ на полковую раду всъмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ каждаго города и мъстечка по пяти человъкъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народные интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь привазываетъ сбирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

»Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ? «сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки — говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго, — сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что сдълаемъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и отаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велълъ собрать рады и прочитать простому народу. Вездъ по селамъ чтеніе это произвело совсъмъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: »мы котимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Лякамъ не пойдемъ, — мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всъ пойдемъ. »Такіе отвъты послъдовали изо всъхъ со-

тень. Нъкоторые сотники и атаманы оповъщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинецъ и пульки наготовить, въ походъ за Дивпръ пойдутъ. — » Мы за Диъпръ не пойдемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдемъ, когда царскій указъ будетъ. «

Услыша о неблагопріятномъ для его цілей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собраль снова раду и отдаваль свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая воль народной, взяль опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подъйствоваль на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видълъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтожениемъ козацкаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говориль московскому послу лубенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбливаемъ; и мы и мъщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинъ днъ, и мы станемъ совътовать съ своею братіею, чтобъ намъ послать въ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царскаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинъ.

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что прійдетъ сюда князь Алексъй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всъ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имъли единаго государя, до кого мы бы могли прибъгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здъшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себъ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свътскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковники да старшины; и это дълаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тъщиться своимъ самоваа-

стемъ, ибо уже разлакомились въ господствъ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнъ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человъка старшинъ, а войску изъ ней заплаты нътъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непремъпно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя всъ наши города; въ Украинъ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василія, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

» Мы слышали, — выражался онъ, — что имтетъ быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорте конецъ былъ съ панами, нашими начальными! вст мы сего ждемъ, а я желаю, чтобъ единаго небеснаго Христа царя имтючи, и единаго царя православнаго имтя дай же намъ, Христе царю, того дождати! «

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убъгали изъ Украины толпы простого народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и пропьется — и тотъ бъжалъ въ Запорожье, повинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожь только десять тысячь; онито и думали, въроятно, сдълаться этими привиллегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутація отъ простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины.
Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать
вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья;
доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ,
съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ
неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ,
а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдёлалъ
его писаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что
радъ слъдуетъ быть на Запорожьъ, или, по крайней мъръ, въ Лубнахъ;

последнее место нравилось имъ оттого, что беглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключение они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводъ и московское управленіе. »Вся наша чернь и мъщане этого желають . говорили они, эда козацкая старшина недопускаетъ ради своей корысти. « Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имънія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны итти съ городовыми козаками усмирять Запорожье и приказаль разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не вельль торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинецъ и прицасы, чтобъ край этотъ отръзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправыль письмо къ боярину Морозову, умодяль его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успъха, и просиль задержать посланцевъ. »Пусть бы, государь«, писалъ онъ, »покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей воль помышляють, не радъють о вырь и о прислугь его царскому величеству; нътъ у нихъ ни женъ, ни дътей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзають, чтобъ всть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за въру православную и за достоинство государя, при женать и дътять и маетностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы. «---

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговский яму, послалъ къ нему письмо, увърялъ въ своемъ расположени и покорности и возбуждалъ неудовольствие гетмана на толпу повъсъ, пришлецовъ изъ Украины. «Тъ, которые поднимали бунтъ«, писалъ онъ, »пришли изъ миргородскаго повъта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ня самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки замовчаки ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.«

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дълали бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернилъ всячески Лъсницкаго, указываль, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всъмъ волненіямъ, потому что ему хотълось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ наущаетъ народъ къ неповиновенью и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тыть, чтобы вездё по городамъ поставить войско и уничтожить козацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свётё сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріёзжаютъ для того, чтобъ склонить-козаковъ къ измёнё царю, и увёряли, что не успёть имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвё; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывёдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радё? На это Миневскій отвёчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьё народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ нолковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радё были и старшины и выборные козаки. »На Запорожьё«, объясняли они, »людей вовсе немного, всего тысячь пять, и тё не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.«

Посланцы доказываля, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

»Мы не чаемъ бунта«, говорили они, »потому что Ивана Выговскаго выбрали цълымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобъ собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городовую черыь вновь на большую раду; кого на этой радъ выберутъ, тотъ будетъ и проченъ; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого-иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется. «

— »А прежніе гетманы гдт выбирались? « спрашивали бояре, слышавшіе предъ тты отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьт. »Гдт Богданъ Хмельницкій выбранъ? «

«На Запорожьт прежніе гетманы выбирались», сказалъ Миневскій, «В Богданъ выбранъ на Запорожьт и Запорожанинъ былъ.«

Бояре замотали себъ на усъ, что Миневскій говорилъ въ-одно съ За-порожцами, и это доставляло оправданіе послъднимъ во мнъніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельвицкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдъ сказано, что такъ-какъ козаки объщаются служить върою и правдою его царскому величеству, то и великій государь върныхъ подланныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ (езъ

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на върность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвъ, Выговскаго уже посътиль одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ быль въ Украину подъ предлогомъ извъстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дълъ у него быль наказъ — провъдывать, что дълается на Украинъ, и любятъ ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогъ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринъ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лъвой сторонъ Днъпра не вспоминали и Хмельниченка.

»Вотъ, сказываютъ«, говорили поселяне Рагозину, »будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придутъ къ намъ, а мы этому и рады.«

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные—тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнъйшій врагъ, который образоваль около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкарь надъялся сдълаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ ў себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измънникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измъннть царю.

Витестт съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ вантыникъ, спосится съ Ордою и Поляками. Ръшившись въ то же врена дъйствовать оружіемъ, Пушкарь отправиль къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша (1). Но главная сила Пушкаря состояла въ народъ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся въ уравненію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ темъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болъе другихъ послужило житейское счастіе. Призывы Пушкаря подъйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинъ отъ разореній, смутъ п отвычки къ работамъ во время безпрерывныхъ войнъ. Со всёхъ сторовъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень и пивоварень, а вынокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домъ, — сбъгались пастухи, наймиты; не имъвшіе своего угла и жившіе наъ куска хатбоа у богатыхъ теперь отжали козаковать — въ надеждъ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ изсколько дней; все, что носило название голоты (т. е. голи, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, неръдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, но замъчанію льтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежы (2).

Пушкарь составиль изъ нихъ пъхотный полкъ: они назывались деймеками, (т. е., можетъ быть, де-ме-які, кой-какіе), и въ короткое время уПолтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячь.... (3) и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; поспольство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побіжаль въ Гадячъ, захватиль на місті нісколько возмутителей народа протцвъ гетманской власти и казниль смертію; потомъ отправиль гадячскаго намисныка Тимоша въ Полтаву и ласково просиль Пушкаря оставить свои враждебныя намітренія и предлагаль миръ.

⁽¹⁾ Автоп. Величка, І. 317.

⁽³⁾ Автоп. Величка, І. 328.

⁽³⁾ Крагк. повъст. о Коз. Мал. Нар. 83.

»Чи не такъ«, сказалъ Пушкарь, »Виговський хоче мене зъ собою погодити, якъ погодивъ въ Гадячомъ браттю нашу, луччихъ одъ себе товаришівъ Війська Запорозского, поутинавши імъ голови?... але не діжде сёго!«

Приказалъ Пушкарь оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводъ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное (1).

Тогда Выговскій рѣшился успоконть Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидёлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междоусобной войнъ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были затлженые полки (затязці, наемные):
въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нъмцы. 25 генваря 1658 года,
гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ
Ивана Сербина, и Малороссіянъ, подъ предводительствомъ Богуна. Они
должны были напасть на Полтаву въ расплохъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависълъ успъхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавъ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время объда при урочищъ Жуковомъ-Байракъ. Триста человъкъ легло на мъстъ, не успъвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убъжали. Многіе попались въ плънъ и были отосланы къ московскому воеводъ, пріятелю Пушкаря. Лъсницкій, узнавъ о несчастіи, дълалъ кличь по всему миргородскому полку, призывалъ спъшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ (²).

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Діонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увъщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

•Хотя ваша святительская милость «, отвъчаль Пушкарь, » и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаеть его гетманомъ. Когда будеть полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберуть его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

⁽¹⁾ Летоп. Величка, І. 325. — (2) Летоп. Величка, І. 325.

вение извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желаеть добра его царскому величеству и ищеть невърныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (1).«

Пушкарь выступиль изъ Полтавы и дейнеки повсюду грабили зажиточныхъ и опустошали ихъ вивнія. Этотъ походъ увеличиваль войско Пушкаря, но вибсті съ тімъ раздражаль всіхъ имівшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волнение поднялось въ восточной части Украины, прибыль Хитрово. Еще онъ быль въ дорогъ, а уже козацкие старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извъщали, что царскій посоль треть собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избрань быль другой гетмань; это значило уступить своисвободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примъръ; что вольное избраніе ничего не значить. Вопрось о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинт долженъ быль разртываться съ прітадомъ боярина. Зловъщіе слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для встхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лъсницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ витесть должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово прітхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъсъ письмомъ просить, чтобърада была не въ Переяславъ, а въ иномъ мъстъ. Бояринъ подарилъгонцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: »это тебъ за то, чтобъ, прітхавши къ гетману, ваговаривалъ его тхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мъсто.«

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ доит какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извъщение, что гетманъ прифестъ на раду. Выговский былъ предъ тъмъ въ Миргородъ вмъстъ съ Лъсницкимъ. Еще не было рады, не поръшили дълъ съ Хитрово, а ужъ нутивльский воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поъдетъ въ Мос-

⁽¹⁾ Истор. М. Росс. II. прим. 12.

кву. Выговскій объщаль такть какъ только утишится волненіе и кончится дъло, по которому прітакль бояринь Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибылъ гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: »Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навъки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себъ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.«

На раду прибылъ и новоизбранный митрополитъ Діонисій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибылъ въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмъсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

»Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидёлъ къ себт неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскт много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себт отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырт.»

Съ негодованіемъ выслушали козаки оффиціальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранье, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смъльчакъ такъ говорилъ:

»А бодай того ніхто не діждавъ, щобъ Виговського зъ булави запорозької зкинули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не зділали, щобъ ви право наше козацьке — обірати гетьмана — у насъ видерли; Виговський голову смаживъ, насъ зътяжкої неволі ладської визволяючи; всі при німъ умирати, изъ нимъ жити готовісьмо; то вся Україна: полковники, осаўли, отамани, сотники и чернь, поприсягаемо! «

»Згода! згода! « раздалось множество голосовъ.

»Все «, говорилъ какой-то полковникъ, »все, що царь и ти, боярине, намъ скажешъ, ми учинимо, а зъ рукъ у себе обірання гетьмана видерти не дамо: на те постріли рани и люту смерть у битвахъ зъ ворогами одважно терпимо, щобъ дослужити слави и чести въ нашімъ козацькімъ народі! « —-> Если такъ, пакы рада», сказалъ бояринъ: «если вы желаете, чтобъ Выговскій быль у васъ гетманомъ, то пусть будеть но ваний воль и но ванимъ старымъ обычаямъ, съ темъ, чтобы новый гетманъ присагнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ дарскими врагами, а Поляковъ будетъ считать непріителями, есля они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и нимъ, кто будетъ его царскому величеству непріителемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видъть свътлыя очи его царскаго величества (1).«

Полковики увъряли боярина, что Выговскій всегда быль и будеть върень царю. Тогда разръшилось наконець загадочное дёло о воеводакъ. Воевода изложиль нрежнее состояніе Украины, когда въ ней не было кръпостей, и польскіе люди, соединялеь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мъстечки; приноминль, какъ государь присылаль своихъ ратныхъ людей для защиты края и велълъ устроить въ Кієвъ кръпость, и сами козаки хвалили это.

»И теперь», говориль бояринь, »великій государь, желая що кристіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстраніи отъ внезапнаго прихода непріятеля, наводиль учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатимхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговъ, въ Нъжинъ, въ Переяславлъ и въ другихъ, гдъ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевъ, для вашей обороны. Воеводы и ратиме люди будутъ укръплять города и устроивать осады, а въ городахъ и изстечкахъ будутъ въдать кезаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и буринстры — по вашинъ праванъ; а осадныхъ медей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, тольке также по вашинъ праванъ. Тъ поборы, которые сбирались у васъ — подымное и съ орамот, будутъ сбираться въ оныхъ городахъ въ вейсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на цярскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.«

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. «Тогда», говорилъ онъ, «если непріятели и наступать на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять претивъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріятелю нустомить городовъ и узраовъ;

⁽¹⁾ Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Chimact. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всемъ будетъ охотнъе служитъ: будете знатъ, что домы ваши цълы и не разорены: воеводы берегутъ.«

Простые нозаки должны были видіть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововнеденія нарализовали власть старшинь, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотіли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требеваніе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ горедахъ.

»Но въ ноторыхъ именно городахъ«, сназалъ Выговскій, »надобно быть весведань, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвътлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвътлыя очи и принесу въчное свое подданство.«

Посолъ требовалъ, чтобъ козаки, водворившеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавше самовольно въ козанкое зване, были обращены въ прежнее состояне; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достоянемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ довъты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, по-мъщенвые въ Оршъ и Могилевъ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радъ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожало козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впослъдствіи уничтожить его и въ другихъ мъстахъ, и такъ постеменно обръзывать территорію, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Ноляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго разширенія козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣдиихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевскаго, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣнахъ вотчинилковъ и помъщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, нотомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толнами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отищаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ домы—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со ветхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильновъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаге народа противъ владъльцевъ, было искушеніемъ для состанняго великороссійскаго простонародья.

- »О всёхъ техъ людяхъ, « отвъчалъ Выговскій, » мы еделаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказавію. «
- Великому государю учинилось відомо, « еказаль бояринь, эчто въ Запорожское Войско не однажды прівзжаль старень Даниле, родомъ изъ оранцузской земли; но онъ на самомъ діль не старень, и теперь уже скинуль съ себя чернеческое платье, и ходить въ пірсиомъ; онъ прійзжаль сюда отъ шведскаго короля лазуччикомъ и чинить ссору въ Запорожскомъ Войскъ; и потому, какъ только онъ прійдеть, вели, гетиянь, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству. «

Гетманъ отвъчалъ на это:

»Мы и прежде не слушали никаких сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дълать что-инбудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.«

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и темерь, какъ дълалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замъчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случат если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій делженъ былъ объщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнт велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбъжна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма в разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовт къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началт военныхъ дъйствій.

»Мы«, отвітчаль гетмань, »готовы итти на польскаго короля и веліли написать универсалы, чтобъ разослать козакамь, когда будеть нужно; желаемь сложить наши головы за достояніе его царскаго величества и противь шведскаго короля, и противь каждаго нарскаго непріятеля нойдемь покорно, по царскому приказанію.«

Наконецъ бояринъ замътилъ следующее:

»Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетианъ Хмельницкій подписывался въ свенхъ листахъ отъ козаковъ къ царю — егочными подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листъ своемъ къ великому государю подписался — есолоными подданными; такъ тебъ не годилось писать, и виредь вамъ подписываться просто — егочными подданными царскаго величества, а не есольными. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгъ пишутъ васъ отъ великаго гусудара царскими нодданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запореженихъ козаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе; а если бъ васъ царскими подданными не писать въграмотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.«

Отвъта на это замъчаніе не домло до насъ; трудно было что нибудь и отвъчать на него; оставалось молчать, потупивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотёть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поёздки въ Москву, и боярмиъ изъ своихъ рукъ далъ ему будаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говорить, что Выговскій расположиль къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздаваль царскіе дары, состоявийе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому и всёмъ старшинамъ в духовейству и иногимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе (1). 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда бояринъ находился въ Переяславъ, Пушкарь со своими дейнеками стоялъ въ Гадячъ; власть его рас-

⁽¹⁾ Тогда полковниками, но свёдёніямъ изъ посольскихъ дёлъ, были слёдующія лица: миргородскій — Лівсницкій, черниговскій — Іоанникій Силичъ, корсунскій — Тимофей Аникіевъ(?), каневсиій — Иванъ Стародубъ, білоцерковскій — Яковъ Люторонко, переяславскій — Иванъ Кульбаки, ирклітевскій — Матвій Пацкієвъ (?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, ніжинскій — Григорій Гуляницкій, кіевскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упомишаєтся наказный кіевскій — Василій Дворецкій.

ширялясь на побережь Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толна изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хоттать было итти примо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ парскій бояринъ, прівхавшій різнить діло о Выговскомъ. Нанадать тенерь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ нарской власти. Притомъ, разнесся слухъ, что Выговскій оцить песылаетъ войске на полтавскій полкъ: Полтавцы боялись, если они отойдуть далево на западъ и оставять за собою свои міста, то противники разружать ихъ беззащитныя жилища. Пункарь стояль въ Гадячь, посылаль къ Хитрово въ Переделевль и просиль собрать великорусскую рать и приходить жъ нему на Лубны: онъ увъряль, будто Выговскій намерень напасть арасплокъ на Великересоіннъ. Онъ отправиль снова козака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающи въсти путивльскому воеводъ. Выговскій, — увъряль онъ встав, понирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочеть взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извъщеніе, что Выговскій изміняєть царю. Съ своей стороны, Григорій Лівсинцкій, письмомъ въ путивльскому воеводъ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измънника царю, увъряль, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производить смуту, къ искоренению святой въры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набъжать на Увраину и разорить ее. Тогда какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измёнё, ссылался на свидетельство Юрія Хмельницкаго, Лъсницкій, воспитатель Юрія, изъявляль готовность вхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, есля последнему нельзя будеть оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видълся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ тоже время увърялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всъхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болье очернить своего врага гетмана и увърялъ, что онъ измънникъ и недостоинъ милостей царя. Бояринъ терпъливо выслушалъ эти увъренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

»Побачите«, сказаль Пушкарь, »який огомь зъ сёго разгорития!«

Подтавскій подковникъ не оставиль своєй вражды, и прододжаль писать деносы. Московское правительство хвалило его за върность, въ которой онъ увърялъ, ласкало, но не давало ему перевъса.

Прибыли къ нему посланиями: стольникъ Иванъ Оленмовъ и дворянивъ Никиеоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказание оставаться въ поков и не нападать на гетмана.

»Не я нападаю на Выговскаго«, отвъчалъ Пушкарь, »а Выговскій нападаетъ на меня, хочетъ принудить меня не мънать его замысламъ; но я, върноподданный его царскаго величества, не хочу парушать своей присяги; я замъчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдълился отъ его властолюбія и прошу, какъ себъ, такъ и всъмъ върноподданнымъ, царскаго заступленія и покровительства (1).«

Съ такимъ отвътомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкарь продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положение. Онъ видълъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкарь и Запорожцы, высказывая желание подчинить малороссийский край тъснъйшей зависимости отъ Москови, естественно должны были въ Москвъ нравиться больше, чъмъ Выговский и старшина и вообще партия, стоявшая за мъстную независимость.

Требованіе тхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его прітада, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поъдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложатъ. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головъ его. Онъ выжидалъ только, чъмъ кончатся дъла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поъздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ тхать. Въ Путивлъ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмъ своемъ тъмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. «Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увъренностію, что это письмо покажется воеводъ)

^(*) Автон. повъсть о Малорос., II. 4.

»окольничий все царскаго величества часто ко мит пишеть; не повадка ноя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болье отъ тего, что меня со всехъ сторовъ извъщають: польскій король со шведскимъ припрился и оба государя хотять витеть итти на великаго государя; полки иодходять въ Межибожью; съ другой сторовы великая литовская рать подвигается, а туть у насъ дома отъ Татаръ добра не надъяться, стоять уже на Кисилять съ ханскою великою ратью. «Задитпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слідуеть бхать. «Ума не приберу, какъ мит и быть«, писаль онъ въ Кіевъ, «куда мит повернуться не знаю.«

Въ Москву мовхалъ Лъсницкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; шъсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апръля, писалъ къ путив зьскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извъстія въ Москву: »Извъщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвътлому величеству тать на столицу не думаетъ; вездъ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письша Татарамъ и Ляхамъ послалъ!«

Не надъясь выиграть въ Москвъ, потому что противники его предлагали больше, чъмъ онъ съ своею партіею могъ предлежить, Выговскій искаль помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извъстиль гетмана, что и канъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинъ апръля донесли Выговскому, что объщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встръчу желаннымъ союзникамъ на берега Ирклъя. Прибылъ старшиный прінтель козаковъ, побъдитель при Батогъ—Карабей съ ордою, которая, по сказанно одного современника, простиралась до сорока тысячь, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извъстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя вывхали другъ нъ другу, и после привътствій увхали въ уединенное мъсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вивств прівхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновинковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать один другимъ и идти повсюду, гдъ бы ни предстояла опасность кому нибудь изъ союзинковъ. Козаки цъловали крестъ. Потомъ отправлялась веселая нирушка съ пумечней пальбой; Татары не уступали союзинкамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей убхаль въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровеждали его: ени отобрали отъ Татаръ присягу или шерть по ихъ закону (1).

Въ слъдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизии. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ нодозръніе. Оне усилилось, когда въ тотъ же день прітхаль въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бестды, услышалъ такія двусмысленности въ разговоръ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не ноняли другіе, но молчалъ и пилъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и,послъ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатръ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него нопье: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивтин, гордо кричалъ: «Лежить собака, що козацькую провъ Ляха́иъ та Тата́рамъ прода́е! У чо́рта тепе́ръ гро́ші лічитимещъ! « Но гетмавъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убъжалъ въ татарскій лагерь (2).

Неизвъстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тъхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже опъ прилъевскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время последней Переяславской рады при боярине Хитрово, виесто его полковинцкій угядъ занимало другое лицо, какой-то Матеей Пацкъевъ (Пацько?). Друже любныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ. настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Паволочскій полковникъ Суличичь извітщаль кіевснаго воеводу о соединенін гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношенін съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе міщане, духовенство и самъ митрополить показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партін Вытовскаго. Пріважавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украпицы, кричали: »уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придутъ. начнутъ враги церкви Божін разворять, людей нашихъ въ полонъ ногоинтъ. « Нъкоторые письменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонидь бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

⁽¹⁾ Летопись Самов. 29.

^(*) Hist. panow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clim. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинъ нелучалъ нисьма иъ противноиъ духъ: излагались жалобы, что Москали стоять больне за готиена, стариину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмъ было сказано: »Пушкарь никакой услуги не учиниль царю, развъ то за услугу считать, что вырвзаль царских людей надъ Донцемъ (факть неизвестный), и тенерь пожогъ загородные дворы, а его люди грабять; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдею мъста не находимъ; онъ сродниковъ намихъ и козаковъ много побилъ, и жонъ и дътей ихъ помучиль, а у вась чисть. « Бутурлинь послаль носнорый гонновь въ Москву просить войска, извъщаль, что Украина въ опаснести: Поляки уже пришли, Татары принимають угрожающее ноложение, внутри края неурядица. Въ Москвъ пришли въ неръщительность. Въ носледнихъ числахъ апръля прівхаль въ столицу Лівсинцкій посланценть отъ гетиева и всеге Запорожья; за нинъ вследъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительною просьбою объ усинрении нателинковъ, Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости. и если бы они не примли, то мятежники убили бы гетиана и раззерили бы весь край. « Предложенія, которыя тогда дізаль Лізеннавій, сообразовались съ тъмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія р'янились прельстить Москалей такини же предложениями, какія дълаль Пушкарь: Лъсницкій отъ имени гетивна и всего Запероженато Войска просиль комиссаровь для ириведения въ строгій норядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болье опредвленнаго числа --- шестидесяти тысячь, чтобъ такимъ образомъ отбить у жужиковъ охоту самовольно дълаться козаками; ибо отъ этого происходять и смуты и бунты; витетт съ темъ онъ предлагалъ послать въ украинские города воеводъ и указывалъ на песть городовъ, габ удобно пребывать воеводанъ: Бълую Церковь, Корсунь, Изжинъ, Черинговъ, Полтаву и Миргородъ; »объ этомъ«, говориль Абеницкій, »и гетианъ и все Заперожское Войско бъетъ человъпренязко; только темъ и межетъ усимрилься бунтъ; но хотя бы великій государь пожелаль и въ другіе города поивстить восводъ, твиъ лучие будеть для войска: смириве станеть. Воть и теперь Богданъ Матвъевичъ Хитрово, уважая, оставиль немного ратныхъ людей. а бунту стало меньше.«

Правительство приняло благосклоние посольство и назначило комиссаромъ для ревстрования козаковъ болрина Василья Борисовича Шерешетова; омъ спредължие въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись по полкать, начиная съ тъкъ полковъ, которые размъщаются по близости пъ польскить границамъ. Въ подтверждение извъстий о неистовствахъ Пушкаря, Лъсницкий привезъ просъбу етъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы раззорили его имънія, ографили его людей, иъкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приназать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмыеленными; послали къ нему отольника Скуратова надапрать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтиль гетмана, когда тогъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не видавимсь съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтъвъ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаре гъ. Это дѣлалесь нодъ тѣмъ предлогомъ, чтобы нарскій посолъ не нодвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провъдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и равузнавать, нѣтъ ли еще каной смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана нолковники и всѣ ковацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взяль его съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ кезацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ пряннять его, но уже плохо спрываль свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помъстили близко гетманскаго матра; явился позакъ и объявить, что гетманъ зоветь его итти изикомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; несоль заупрямился: ходить пълиомъ вообще для знатнаго человъка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали съдлать коня; какъ увидълъ это вводивній носла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ даль знать, и отъ гетиана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрътнан посла нолюжники. Самъ гетманъ выступнаъ нъсколько наговъ ваъ матра. Посолъ проговорилъ передъ нипъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказъ, и подалъ царския граметы. Ихъ было двъ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросиль е здоровью гетиана и полновинковъ. И гетманъ и полковинки поклочились инако въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочезъ про себя. Въ этой грамотъ мавъщали его о скоромъ прибытін въ украинскіе города воеводъ съ ратныин людьии. Гетиану не поправилась эта грамота, опъ не читаль ен вслухъ, но в не изънвлять неудовольствія, пока дело съ врагомъ еще не кончалось. Другую граноту Выговскій веліль читать вслуль писарю своему

Грумъ. Едва только Грума окончиль въ грамотъ длянный дареній титуль и приступиль къ дълу, Выговскій съль на свою пеходную вестель и вригламаль съть госта. Но Скуратовъ скаваль: »достепть царскаге величества грамоту слумать всю се всимою педобающею честію, а ме сван«. — »Все у вись высоко«, скаваль гетманъ, и прослумаль грамоту стоя. Эта грамота навъщала, что къ Пушкарю посланы убъжденія прекратить бунть и пребывать въ согласіи съ гетманонъ и стариянами. Взяль ее у Груми, Выгововій пребъжаль ее самъ и сказаль:

»Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да годову опу отрубить или прислеть въ Войско Запорожское жавого.«

— »Такая гранота«, объясиял» Скуратов», «отправлена къ полтавскому полковинку со отольником» Аленньевым», я въ Запережье тоше послано, и уже два раза, и со имою присланъ теб», готману, списокъ для въдома, а имъ вально при гетманъ побыть.«

Выговскій заговориль сердито: »Давно бы следовале вора поймать и прислеть въ войско, накъ и и писаль уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще де Пасли; а если не въвозять его сищрить, то я сань съ нимь управлюсь: можно было до сихъ поръ его усиприть; цвам были бы православные христіане, которые оть него безвишно побиты; а я все теривль, все ждаль указа его царскаго величества. Иначе еще зиною я сиприль бы Пушкаря огновь и меченъ. Я не домогался буловы, хотваъ жить въ поков, но Бегданъ Метивовичь Хитрово объщаль мив взять Пушкаря и привости во шив, да не тельке не привель, но нуще ободриль его, надариль ону соболей и отпустиль, и къ Барабашу написаль. Барабашь теперь съ Пушкаремъ. Мы присягвая его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунитахъ написано, что государь вольность намъ объщаеть наче тего, капъ было ири польскихъ керелявъ; а но нашама вравывань батдуеть такь: ни дъ полневинку, ни нь кому виому не делжие посылать гранотъ иние готнана. Одниъ готнанъ чинитъ ве всемъ расправу; а вы всехъ въ сетнаны провессии; подавали Пулиарю и Барабаму грамоты, и отъ такихъ грамоть и бумты начались. А канъ мы присагали царю, въ ту нору Пушкаря в ме было; все это сдължь повейникь Богдань Хмельниций; да я другихь статей, креив вамихъ, напокихъ не видалъ. Не следовало было тего начинать. Теперь Пушкарь нашеть, будто ему позволене взять на четыво геда на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ цобольне; будто бы ME CARRELEM MECTENGOCUTEN THICH TAREPORE, A DITTO H HO GERALO.

Не эпераце нь пему такія грамоты носылаются, да Пушкарь ихъ не влушаєть волсе.«

--- Это уже въ последний разъч; сказаль Скуратовь; »подомди, манъ петианъ, что сделаетъ Пушкарь. Всли онъ топерь не учинить по государевей гранотв, тогда своевольство ону отъ его пирскиго величества даренъ не пробдетъ, а и останусь в буду ждать.«

»Ты, стольник», сказаль гетмань, »прівхаль проповідывать, а проповідывать туть нечего, — все явно; втетей про непріятеля нізть; я иду на Пушкара в смирю его огнемь и мечемь. Куда бы онь ни убіжаль, я его тамь найду и стану доставать; хоть бы онь умель и из щарскіе города, такь я в туда нойду, в ито за пего станеть, тому самому оть меме достанетен, а государева умаза долго ждать. Я передъ Пушкаремь не виновать; не я началь: онь собранся съ самовольниками и примель подъ Чигиринь-Дубраву. Я съ нимь хочу биться не за гетмавство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я буляву покину, а самъ пойду въ Волоканъ вли Сербанъ или нь Мультанамъ, — вездіх мит рады будуть. Велякій государь масъ прожде жаловаль, а теперь віфить ворамь, конорые государь масъ прожде жаловаль, а теперь віфить ворамь, конорые государь не служивели, на степа царскить людей убивали, казну царскую грабали, — твхъ государь жалуеть, принямнеть вкъ мосланиевъ, дельги в соболей инъ отпускаеть, а этихъ бунтовишнось падобно было бы прислать въ Войско Запорожское. «

Выговскій съ досадою разстался съ царскинъ посланценъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщаль, что пріткаль смотрінть са нинъ. Въ тоть же день сошелся съ нинъ Самойле Выговскій и поворнать:

«Въ Войскъ Запорожсковъ больное сонительство: думають, что прави потанаеть Пушкарю; самъ Пушкарь толкуеть, что по эсемъ мойскъ били царскіе восводы; кричать они, что не заполчать до тель поръ, немя воссодь не примлють. А при поролять польскихъ било подебное: назначали полковинность изъ Литовъ, и при наиденъ изъ нятъ было челений по десяти Лиховъ; за то сдължесь вознущение: и примевниковъ и Лиховъ побыть. «

Здёсь, оченидно, быль намекь на неложение Скуратова; его предосторегаля, хотеля, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманё.

47 мая пригласиль Выговскій носковскаго посланца объдать за свой матеръ. Гетманъ уважительно подняль чашу за здоровье государя, не метомъ заговариль еще расче, чёнъ прежде:

»Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобъ все дълять не свеей воль. Отъ

чего бунты начались? — Вой оть заших пословновь; воть также и при королять подъских бывале; какъ начали ломенно влин водьности, такъ и бунты стади. Воть и темерь въ Колентаеви задоржаны ваши колеки и Сорбы, и термять муку такую, что и невольниканъ подобной не бывасть. Что же, разви не видлеть этого его парское поличество? Я котоль поклються, что ему хоромо это язвистно. Михайля Стрындку зачить его бы и отпринентать подоржали, подоржали, да и вынустили, е его бы и вейско — воть бы и бунки унались!«

— «Не делома вляненься, щана готивиа», сиссела Сиррачова; «велясому государно неварастно, что твои козажи и Сербы задержены. Это слядамось беза государска указа; и кака только твои новлянны нежаловажиесь сейчаст, велано было задержанных выпустить и весовелу персийнить; в Мизайло Стрынжа и его теварищи иза Путивля ушли, в не отнушены.«

Стольникъ старался опроворгнуть жалобы Выговокаго, а готманъ оставался на сроемъ.

«Тебѣ мельзя иття со инем«, геворяль Выгевскій; »естявайся въ Голтръ, пока я покончу съ Пушкаремъ. Ждать нельза: нъ нушкарему совъту иного черми пристаеть и кос-кто изъ пелковой старшины противъ мена; оставайся въ Голтеъ, и пойду и буду тебя извъщать.«

VII.

Въ то время возврателся изъ Мосивы Люниций и извъщаль, что церь привадь его отлично; в Пумкаренкова несланца, Искру, велъть издержать въ Месквъ. Выговскій быль деволень респоленний москавскаго правительства, и прежде чанъ приступиль къ Полтавъ, отправиль още равъ песлъдное укъщано, къ Полтавцанъ и котъль этинъ пеназать передъ чарскить госланценъ, что онъ непречь пенелнить ипролюбавую царскую воле, да не кочеть Пушкарь. Гетианъ желаль добрага здеревья старшить, черни пелтарскаго нелка и метиъ Запорежданъ, находищися при пумкаръ. Мы не знаенъ до сикъ поръч, инсаль гетианъ, эсь коного порода Запережды вышли изъ Запережда, пришли до Кременчуга и другихъ гародовъ, чинять некальни на вейсие изме, обфицииса грабить пожитки нари, и убивать насъ. Тодьке и слышне о бенирестенныхъ убиствахъ; ны долго теривли, по теперь должны защищать жизвь свею и насиъ на васъ вовсе не для пролятія вреви, какъ заперяють васъ старшины вары, в для ускиренія сроевольства. Ваши старшины дестали себъ

какія-то грамоты и возмущають и обизнывають вась, простыхь людей; у насъ теперь есть списокъ съ граноты, что прислалъ государь къ Пушкарю съ дворичниомъ Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; примлито двухъ своихъ товарищей прочитать ее, — уверштесь, что царсное величество не соизволяеть никакому своевольству, а повеливаеть вамъ. танъ какъ и намъ, жить нежну собою въ любии в соединения; изъ тего правду выпу можете понять, что парское величество милостиво и ласково привыть и отпустиль посланцевы нешихъ Проколія Бережецкаго и Ивана Вогуна, и инреформенто полковника Григорія Лівенщиято, съ почестью отпустиль, а Искру съ товарищами за неправду велвль задержать въ столиць. Что не котимъ проливать крови, можете видать изъ того, что ны задержали своевольных и непослумных людей, и не убивали инного, а хранииъ ихъ. Самъ Варабашъ --- свидетель нашей протости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надвлаль, однако мы не лишили его маетностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлебомъ и день-PAME ABJE ONV BOHOMOMORIO; TAKE E HEROMY MAE BACE HE NOTHEE MOTHER; оставьте только ваши затви и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ нешутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себъ, и ванъ не даемъ; старшины ваши полковые д себя въ рукахъ имели за те годы винныя и табачныя аренды и всв доходы полтавскаго полка, а мы вичвиъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпъть никакого зла, такъ присылайте скоръе товарищей; а если этого не сдълаете, то уже после вань времени не будеть, потому что война начинается. «

Товарищи не прибыли съ покернестью. Между твиъ въ мат была нервая стычке Пушкаревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первых: гетманцы, отняли два знамени и литавры, и Выговскій встиъ обозонь подшинулся къ Полтавъ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтавъ. «Не кручинься, прошу твою милость«, нанисаль къ нему Выговскій съ похода, «что ты оставленъ въ Голтавъ, ибо накъ върить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю теби, чтобъ ты не немаль въ ихъ руки. Я послаль увъщательное посланіе къ бунтовщивамъ: не снею, что язъ тего выйдетъ; не если покорятся, то все будеть инъ промено; я не такъ скоръ на провопролитіе, какъ Пушкарь, м если им помиримся, то сейчасъ же навъщу тебя в отпущу къ его царскому величеству.«

Скуратовъ остался на нъсколько дней, прислушавался къ народному говору и замъчалъ нелисе раздвоение: одни хвалвли Выговского, другие

Пушкари, но веобще простой народь, чернь, явие склопален на сторону послідняго. Простые козаки бітгали толнами изъ войска Выговскиго. Козаки вістечка Голтвы, въ виду царскаго посла, управивлись и не хотіли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетшанъ только тітвъ в принуднять игь, что обітщалъ сжечь и разорить містечко, если они не послушають. Куда я ни тхалъ«, писалъ Скуратовъ въ Москву, эсъ кітвъ только ни говорилъ, козаки на этой стеропів Дивира желають, чтобъ государь прислагь въ города свенхъ воеводъ и ратныхъ людей, но задивирскіе не того желяють: »Пушкарь, — говорять они, — хочеть, чтобъ были въ Укравить государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будеть, ны не депустивъ!«

Поразевдавии что пужно, царскій посланникъ спять стяль требовать, чтобъ гетманъ допустиль его находиться при себв. Неизевство, какъ случилось, — позваль ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его коли прітхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ быль въ козацкомъ лагеръ.

Въ носледних числах мая, Выговскій разместиль орду въ ущелье въ Сокольемъ-Байраке; потомъ съ козаками в немцами номель блико въ Полтаве, оставиль немцевъ въ долине Полузорі, а семъ съ козаками в съ иногочисленнымъ обезомъ отправился еще далее, и, приблизившись къ самой Полтаве, растянуль свой обезъ въ виду города между селенями Жуками и Рабцами на полугоре такъ, что везы бресались въгляза.

Пушкарь не рашался-было выходить и предпочиталь застеть въ Пелтавъ и отражать непрінтеля; но лейнеки взбунтовались, кричали, что вейска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости в требовали, чтобъ онъ вель ихъ на непрінтеля. Голоту соблазнали возы ит обозъ Выговскаго: голоте не предвидъла, что Выговскій расчитываль именно на это желаніе овладёть возачи и для того выставиль ихъ на показъ.

1 іюня, на разсвітт, Пушкарь вышель изъ Пелтавы. Войсно Выговскаго тотчась же разбівжалось во всі стороны. Голота бросилась на вовы: тамъ были бочки съ горілкою: »туть« говорить дітописець, »они не надіялись конца своему счастью.«

Того тольно и котълъ Выговскій. Онъ прибъжаль въ долвну Полузорі и двинулъ висредъ Нъищевъ, а самъ нобъжаль въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Изицы исполным свое поручение худо. Дейнеки отколотили имъ

бока дубинами в прогнали, а сами очить принялись за герілку в пере-

Тогда Вытовеній и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабенть зараніве отступиль и ущель съ своими Запорежцами. Пьяная голота не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и негами, и вся ногибле подъ татарсивии саблами.

Пушкарь держался до посладней иннуты: умоляль, заклиналь, грозиль.... все было напрасно. Негда было взять столько воды, чтобъ претрезанть несчаетное войско. Наконець, какей-то козакъ, желая прислужиться Выковскому, умертвиль полтавскаго полковника, отрубиль мертвому голову и принесъ къ ногамъ побадителя.

Выговскій вошель въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и семисена. Полтава, по замъчанію льтописца, удаленниза отъ войны въ предолжение сорека делати летъ, со всемъ окрестнымъ краемъ, находилась въ претущемъ состоянія, а после посещенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разстилесь по окрестностивь, жгля селенія, умерщваяли людей, наспловали женщинь. Такъ продолжалось четыре дин, поиз наиснецъ войске не взволновалось: козаки стали укорять Выгорскаго за повроленіе Ордів разорать отечество. Тогда Выгорскій сказаль, что охотивки могуть остановить своеволіе Крымцевь. Хотя Татаръ быле много, но такъ какъ они разбились на отрады или загоны. те козаки етбивали у нихъ и пленинковъ и награблениую добычу: и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чёмъ. Выговскій не беялся раздражить ихъ, мотому что всегда могь передъ ханомъ сложить вину на своевольных козаковъ. Пробывъ нёсколько дней въ Полтавъ, гетианъ вновь органивовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ вамъ полковинкомъ Филона Горкуму. (1)

Въ то же время Гуляницкій усмириль волиеніе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держаль сторену Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволь должень быль исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошель къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убъжаль. Городь быль взять приступомъ. Народь въ безнаматствъ бъжаль, спасавсь оть враждебной партім; множество потонуло въ Суль. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгаля, сами Миргородкы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрадь другаго — Кезла, в объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

^{. (1)} О битвъ съ Пушкаремъ — лътоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

ницкій пошель къ Гадячу и также взяль его. Все покорялось Выговскому. Мятежная голота бросала свои рогатины и дубивы и просила пощады, втайнъ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетианъ хотълъ отпустить Скуратова, но пославникъ, исполняя наказъ, оставалея при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигирвиъ. Это не понравилось Выговскому. Когда обозъ двикулся назадъ и дошелъ до ивстечка Манжелика, явился къ гетиану козакъ-бълоцерковецъ съ письмомъ отъ бълоцерковскаго полковника: нолковникъ извъщалъ его, что въ его городъ прівхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ велёдъ будутъ наёзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сиззано. Между тъмъ, гетианъ, хотя и далъ согласіе на воеводъ
боярину Хитрово, но, разумъется, притворно; онъ тогда долженъ былъ
согласиться: дъло ило о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или
иттъ. Пеэтому-то омъ отложилъ это дъло до прівзда своего въ Москву.
Теперь, побъдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій ръшился не
удерживать болъе затаеннаго нерасположенія къ Москаллиъ, и заговорилъ съ носломъ азвительно и рѣзко.

»Видишь ли, твоя милость: прітхали вооводы — прітхали опять заводить бунты. Бълоцерковскій полковникъ пишеть, что Бутурлинъ изъ Кієва мавъстиль его: воевода въ Бълую-церковь назначень; а я еще въ Кієвъ говориль: вими, пиши, Андрей Васильевичь, да самъ берегись.

— »На за дъло, панъ гетманъ, сердитуешь«, замътилъ ему Скуратовъ: — »ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкаескихъ городахъ были воеводы.«

»Нѣтъ«, скавалъ гетманъ: »я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнв прислали тысячу человъкъ драгуновъ, да тысячу человъкъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвъ смъются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Оедоръ все мит разсказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвъ, а Ковалевскій говорилъ, что ему скавывалъ Артемонъ Матвъевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана но вамей волъ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохолъ да и водить какъ угодно!«

--- »Если«, возравилъ Скуратовъ, »тебв нужны были ратные цар-

Digitized by Google

скіе люди, отчего же ты не взяль ихъ у окольничаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольничьимъ Богдановъ Матвъевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорятъ тебъ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мъшкаютъ по своимъ дъламъ да отговаршваются, — хотятъ себя чъмъ нибудь оправдать. Потажай, панъ гетианъ, въ Москву: самъ увидишь къ себъ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебъ, что ему Артемонъ говорилъ; Ковалевскій хотълъ тебъ прислужиться. Артемонъ не стапетъ такихъ ръчей говорить. Если бъ великій государь не хотълъ тебя имъть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебъ и грамотъ на недтвержденіе гетманства; великому государю извъстно, что ты върнъе многихъ въ Запорожскомъ Войскъ.

»Мы«, говорилъ Выговскій, »воеводъ не просили у государя; я не знаю и не въдаю о воеводахъ.«

— «Какъ же, панъ гетманъ», возражалъ Скуратовъ, «ты не ввдаешь, когда со мною же доставлена тебъ великаго государя грамота, в въ этой грамотъ извъщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы в ратцые люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во всъ государевы города и велълъ принимать воеводъ в ратныхъ людей честно, в даватъ имъ дворы и всякое споможенье. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее, в ни слова митъ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди трутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.«

«Я никогда», говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, «не просилъ, чтобъ въ Бълую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ прівхалъ, такъ пусть и вдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось прівзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мет, къ гетману, должны были прівхать, а потомъ уже разъбхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ таутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кієвт не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями быются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я в безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управляся. А государевы люди гдт быля? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ матежниками, такъ ваши Нъмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!«

— »Да я же самъ«, возражалъ Скуратовъ, »былъ съ тобою висъстъ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, я только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убятаго Москада изъ нашихъ украинныхъ городовъ ты мит тогда показалъ! А что сказываемь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а
бубенъ; такіе у насъ бываютъ у медведниковъ. А хоть бы и въ самомъ
атле настоящій барабанъ былъ, такъ что жъ тутъ такого? Малороссіяне
тедятъ въ царствующій градъ Москву, и въ разные города прітежаютъ
и покунаютъ, что имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нётъ. Людей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного челевтка.«

«А зачёмъ же украинные воеводы«, говорилъ Выговскій, »монхъ измінниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ довольно въ Зміеві и въ Колонтаєві; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнів. Наши бездваьники надвляють здісь дурна, да и бітуть въ московскіе героды, а тамъ ихъ укрывають! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы государевыхъ алодівевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отдавать вашихъ эледівевъ, что къ намъ прибітають изъ московскихъ городовъ, и воеводъ къ себі не пущу въ города. Какъ государевы воеводы съ нами поступаютъ, такъ и мы съ ними будемъ поступать. Государь тельке тішть меня, а его воеводы бупты противъ меня поджигаютъ; въ Москві ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ керелемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить можно все, о чемъ нужно, и рішеніе сейчасъ скажутъ.«

— »Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было хоромо; только, вспомвиаючи объ этомъ, следовало бы вамъ плакать. Тогда все благочестввые христіане были у Ляховъ въ порабощенів и теритли всякія насилія и принужденія къ латинской вёрё, и между вами унівтство множилось. А какъ вы стали въ подданстве у великаго государя, такъ теперь и благочестивая вёра множится на хвалу милостивему Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себё знать, и не говорить такихъ высокихъ рёчей. Негоже говорить, что тебе воеволы ненадобны и не станешь зыдавать царскихъ измённиковъ: это ты чинящься царскому указу не послушенъ.«

»Я«, сказалъ Выговскій, »радъ служить върно царскому величеству, а воеводы и ратные люди миз ненадобны,— отъ нихъ только бунты начнутся.«

Тогданній тонъ річи гетмана быль до крайности странень, послів того какъ Лівсняцкій въ Москвів именемь гетмана и всего войска просиль присылки воеводь. Лівсницкій самъ предлагаль сдівлать перепись въ козациомь войскі; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

»Не надобно, не надобно воеводъ! « кричалъ Богунъ: « женъ и дътей нашихъ прівхали переписывать! Да и ты, стельникъ, тадешь къ нашъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будеть! «

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богуна. »Перестань! « сказалъ послъднему готманъ: »это не теперешняя рачь!«

Скуратовъ попробоваль обыло напомнить гетману, что опъ объщался тхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвъчаль очень холодно: »Нельзя мить тхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Вейскъ новыхъ опасаюсь. «

17 іюня прибыль Скуратовъ съ гетманомъ въ Чягиринъ, и видълъ каждый день возрастающую къ себъ холодность и даже превръне. Предъ его глазани прітажаль крымскій посоль подвитать Выговскаго воевать витеств области Ракочія, и Выговскій отправиль къ хану вобольство; вслёдъ затёмъ прітхаль польскій гомець Стредковскій в извъстиль, что скоро прівдеть посоль, знакомый козакамъ, Янъ Бенёвскій. Скуратовъ четыре раза посылаль къ гетману просить свиданіи, но гетмамъ не допускаль его къ себъ и приказаль ему сказать, что ему нечего дълачь въ Чигиринъ.

Неизвъстно, какъ и когда убхадъ Скуратовъ, но въ полъ его не было въ Чигиринъ. Между тъмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдъ его полюбили: Бутурлинъ умълъ какъ-то ладить съ народомъ, и хетя и при немъ ратные люди часто изъ-за дъла дрались съ туземцави, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ прівхалъ въ Укравну съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, преемственной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось....

»Василій Борисовичъ«, говорилъ Выговскій одному игумену, который передаваль его слова боярину Ртищеву,« не только сажаєть мізціанъ всякилъ въ тюрьму, но обижаеть козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имущества, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.«

Подозрительный, онъ началъ видъть измъну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотръться хорошенько не успълъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ Уже послъ пораженія Пушнаря, Ромодановскій вступлать въ Україну и расположил-

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у пего; съ нимъ были изкоторые другіе подвижники пушкаревой партін: Довгаль, Семенъ писарь (онъ находился поль видомъ арестованнаго, а въ самомъ дълъ на воат). Выговеній почель эти поступки за явное противодьйствіе себт. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Убранну, не ссылается съ нимъ, съ главою страны: Ромодановскій, почитая себя старше гетиана, обвиняль Выговского, что гетиань къ нему не является. Гетнанъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себъ; »нельзя жить иначе, какъ окружить себя Татарами, говориль гетмань. Выговскій писаль къ царю и жадовался, что къ цему еть царя не присыдають отвъта. »Побъдивь Пушкаря«, говориль онь, »а сейчасъ же написалъ съ дъякомъ Василіемъ Петровиченъ Кикинымъ. а мив ничего не сказали; или жалобы мои не доходять, или что-то другое тутъ дълается—не знаю и не приберу ума: по указу ди царскому аблають мит обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или итть«. По просьбъ Выговскаго о выводъ войскъ. Ромодановскому велъно было выстуинть; онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; готманъ потворствовалъ пародпому перасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козель извістиль его, что въ Гадячі стали везикорусскіе ратные люди, Выговскій позволиль ему выгонять ихъ салою и биться съ ними, какъ съ непріятелемъ. По обычаю, пограничные воеводы отправляли своихъ людей проведывать вестей въ Украину; прежде такіе молодцы взаням безопасно, а темерь мул стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украниные молодцы Стверской зечли шайками стали пабъгать на пограничным великорусскія села съвского увода, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшт, къ 10 іюля, собярался сейчъ. Въ настоящее врема ; писалъ король въ оповъстительномъ универсаль, »для насъ нътъ ничего желанные примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коминссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всъхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ пълію утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

п соединенія обънхъ державъ, дабы въчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Московитянами двумя сосъдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по въръ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободнаго избранія государей» (1).

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину, дабы впослѣдствіи, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тімъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотіли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлють козацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить козаковъ на предмістіе (²). Чрезъ нісколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престоль; послы приписывали эту перемітну вліянію козаковъ.

Въ самомъ дълъ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украины, чтобъ Польша, согласно данному объщанію, даровала корону Алексъю Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвъчали, что присланы будутъ особые коммиссары для заключенія договора съ Украиною (3). Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшъ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъбользней, засъданія и ограничились единственно тъмъ, что объщали посламъ московскимъ назначить коммиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ объ державы приступить къ соединенію (4). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дъятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

⁽¹⁾ Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 345. (2) Hist. pan. Jan. Kaz., 347. (3) Hist. ab. exc. VI. IV, 416. (4) Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенёвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами (1), держалъ въ Чигиринъ агента, львовского и вщанина Грека Оеодосія Томкевича, который вкрался въ довъренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ъздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козацкимъ правительствомъ и Бенёвскимъ (2). Сначала Выговскій повидимому подавалъ Полякамъ такую же невърную надежду, какъ и покойный Хиельницкій. Послъ избранія его, король послаль къ нему поздравленіе; Выговскій отвічаль съ благодарностію, но не показываль охоты къ возобновленію подданства Польшт (3). Гитаненскій архіепископъ написаль ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвътъ своемъ соглашался, — съ такимъ, однако, замъчаніемъ; » по Божіему устроенію, на одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости (4) «. Онъ казамся стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотёлъ уступать Пвиска, отдавшагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгвалв оттуда козацкій гарнизонъ (5).

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Бенёвскій писаль, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Московіею, и приписываль это своимъ трудамъ (6). Къ-сожальнію, неизвъстны всь продълки, какія употребляль этоть ловкій дипломать, чтобъвнушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинъвоззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдъ пытались напугать старшинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнънно, что наклонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстъ съ тъми недоразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинъ ионя Выговскій отправиль къ Бенёвскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случав надобности, готовъ съ Татарами идти на царя (7). Что касается до Бенёвскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя объщания, въ письмъ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

⁽¹⁾ Пам. кіев. комм. III, 3. 161. 181. 190. 191. 202 203. 201. 244. 248. 251. 270. 211. (2) ibid., 217. 219. 220—227. (3) Ibid., 166—169. (4) Ibid.; 173. (8) Ibid., 362. 193. 212. (8) Ibid., 221. (7) Ibid., 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ (¹).

Новыя сборища остатковъ партін Пушкаря и Барабаща зашевелились на літвой стороні Дніпра. Враги Выговскаго искали содійствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между темъ гетманская политика склонялась къ ръшительному союзу съ Польшею, и Виговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвъ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ деле сънародомъ на генеральной раде. Гетманъ, въ августъ, разослалъ по всъмъ полкамъ приказанія, чтобъ всъ были въ сборћ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между темъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинъ, но приписывало его проискамъ Поляковъ и показывало прежнюю довъренность къгетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибыль въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотъ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за върность, предостерегали гетмана и козаковъ не върить прелестнымъ письмамъ, которыя разсылають Поляки по Украинъ и въ нихъ клевещутъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увиділь, что вітерь уже сильно перемінился. На его дружелюбныя річи гетмань отвічаль, что онь радь служить государю; потомь выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мъстъ пишутъ мив полковники и сотники и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня известь. Въ разныхъ мъстахъ по Украинъ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали наийхъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себъ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ миъ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска иримя для того, чтобъ укръплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Диъпръ со всъмъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Вуду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государевы ратные люди вздумають заступаться за нихъ, или сдълаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

^{(&#}x27;) Ibid., 239.

женъ налероссійскомъ країв, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кієвъ немлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ состроенъ по указу его царскаго величества. «

— »Объ этомъ«, возразнять ему посланецъ, »тебѣ, гетману, и имсыть нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и околь имій князь Ромодановскій посыланы были но твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрить письмамъ твоихъ пелковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ инсать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значитъ: ты преступаещь священную заповѣдь и нарушаеть крестное цѣлованіе.«

»Много я писалъ«, отвъчалъ Выговскій, »и пословъ своихъ не разъ восылалъ, а теперь только и осталось мит, что идти съ войскомъ да съ Татарани.«

Въ это время, какъ бы на обличение гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свидание.

»Уже не одинъ разъ ко мив пишетъ бояринъ , сказалъ Выговскій, »о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени ивтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ. «

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Вслъдъ за тъмъ пріъхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Оедоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значитъ, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выбхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человъкъ съ ружьями и объявили, что гетманъ посладъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Вслъдъ затъмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помъстили, вмъстъ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не кръпокъ. Въроятно, гонцы имъли возможность переговариваться съ приходящими, получать и передавать въсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворъ, гдъ сидъли гонцы, мъщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отряжомъ козаковъ, взяли обоихъ посланцевъ и съ ними провожатахъ нзъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. »И терпъли мы«,

доносилъ Портомоннъ, ъи голодъ и-всякую нужу, а корма мамъ давали мало. Три недъли сидъли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидъли мы тамъ подъ караулемъ, какъ прежде.«

Между твиъ, въ началъ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевъ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское нравительство считало его виновнымъ и не хотвло предоставить его безъ войсковаго суда мести Выговскаго. На дорогъ, уже недалеко отъ Кіева, въ мъстечкъ Гоголевъ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ ва ночлегъ, вдругъ напалъ на него козацкій отрядъ черкасскаго полка, подъ начальствомъ черкасскаго полковника Джулая. Нъсколько дътей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нъкоторые разбъжашев; самъ начальникъ конвоя Левшинъ понался въ плънъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телъги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велъть Барабаша везти за Днъпръ въ обозъ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого временя, какъ разсказываля, случилось будто бы сдъдующее происшествие.

Говорили, будто по Дибпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводъ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радъ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкъ современныхъ лътописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измънить царю, и предписывалось Шере метеву тайно схватить неблагонамъренцаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомитнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, въроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

»Это еще не все«, говориль козакамъ гетманъ: »перебъжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ«.

Раздались крики негодованія.

»Чого ще маемо ждати? Ходили до громади и до оборони самыхъ себе и старшини, присягали единъ другому лягти, ратуючи панівъ под-ковниківъ и старшину.»

Выговскій восиличеналь такой духъ, вымативній козакамъ ивсколько бочекъ горілки $(^1)$.

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предъламъ малороссійскаго лівоберожнаго края. А между тімъ, разсылались универсавы но всей Украинъ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Москалей.

Настроенные противъ Мескалей козаки стали вездъ задерживать, грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдъ только встръчали въ своей землъ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человъкомъ; и теперь, конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проъзда: » и твоихъ государевыхъ проъзжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману Ивану Выговскому«, домосили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Ланило, по поручению гетмана, покусился ваять Кіевъ; съ нимъ было пять полковъ: отлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій, брацавскій и подністрянскій.... Но порученіе окончено очень неудачно. Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на настьбищь и ударили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ исстахъ для наблюденія за приходомъ непріятеля. Сторожи побъжали и дали внать въ пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посваъ. перебили итсколько Великороссіянь, зажгля посадь, чтобъ очистить ивсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный приступъ на городъ. Но Великороссіяне вышли изъ города, напали на козацкіе околы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литавры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдаваансь, аругіе пустились бъжать и хотели переправиться черезъ Дивиръ, но потонули. Самъ Данило убъжалъ раненый. Плънныхъ козаковъ подвергли пыткъ. Со страху они старались какъ можно болъе чернить Выговскаго, и уверяли, что пошли нодъ Кіевъ по неволе, что ихъ секли и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказание не слушаться болье гетмана, и отпустиль ихъ.

Выговскій жаловался, что посліт того Шереметевъ началь розыскивать, мучить, рубить головы—по подозрічнію, и вообще преслідовать непокорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

^{(&#}x27;) Hist. panow. Jan. Kaz. I, 358. Ann. Pol. Cl. II, 388.

мействомъ убъжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ смегъ Боринисль близъ Кіева, гдъ, какъ узналъ, собиралось мятемное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралесь исудачное покушение отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговений пошель къ Гадячу, подъ предлогомъ преслъдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мъстахъ снова воскрещали пушкаревскую партию. Съ нимъ были Татары и польский отрядъ. Съ нимъ вхали польские послы Бенёвский и Евлашевский съ инструкцию для заключения союза. Немяричъ быль устроителемъ согласия.

X.

Когда войско достигло ийстечка Камышив, 31 августа прибыль новый царскій гонець, дьякъ Василій Михайловичь Кикинь, уже бывавшій прежде у Хиельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвіт узнали уже о вооруженія, о похвалкахъ на великорусскія войска, и новый гонець таль уже не такъ какъ злополучный Портомоннъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча ноказывала новому послу, какъ ндутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посолъ
ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начесть;
Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный
къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человѣкъ сошелъ съ лошадей; всѣ кламялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посолъ приблигился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидъвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увъщательную грамоту, и Выговскій пригласиль его състь возлъ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дълахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами колациими и такарскими?« Гетманъ ромталъ, что, послъ усмирения Пушкаря, его приворженцы нашли покровительство у Ромедановскаго.

•Барабашъ«, говорилъ Выговскій, » именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманъ, а окольничій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинио много православныхъ душъ и пожегъ кристіанскія цериви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себъ, чтобъ ногубить; а это зналъ, и не повхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему изсколько полковъ, имение для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-вибудь зла. Такъ и сталось. Бояринъ вежданно напалъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мъщанъ нобили. Глунъ мой Данило, не умълъ отдълать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со встии его людьми прахомъ выкиму взъ Кіева!«

— » Какъ же«, говориль дьякъ, »ты, гетманъ, это говоринь, не боясь страшнаге владыки херувинскаго? Своими устани читалъ ты присяту на евангеліи и цъловалъ крестъ быть до смерти върнынъ царскому величеству и некакого лиха не замывлять: а теперь поджидаемъ Татаръ, идешь на немазанника и своего благодътеля, когерый васъ денежною казною надълялъ такъ щедро, что ме можно и виъстить, и воинству своему повельвалъ кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то, что мит прилучилось слымать о Кієвъ—это примъръ, что Богъ свыме эрить на неправду и истить за нее!«

»Мы отъ руки его царскаго величеста не отстувили:, сказаль гетианъ, за воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ миого мамъ зла надълали: и права наши поломали, и церкви Божін пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невиню погубили. Мы зате будемъ имъ истить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станетъ. Камъ и при королякъ польскихъ мы ва свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять.

Дьякъ замѣтилъ: »это не дѣло подданныхъ управляться между собою саминъ, воздвигать междоусобную бранъ и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити,
а еслибъ что отъ шихъ и было, то межне послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго
величества и воздавать заомъ за добро, ма радость латимщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше намъ, вспомня свою объщаніе предъ евангеліемъ, отстать отъ злыхъ дълъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, вмередъ съ ними не ссылаться и не чинить соединемія.«

---- эЭтого и въ мысли нашей ивтъ «, сказалъ гетманъ, »чтобъ не управась съ мепріятелемъ, да разойтись по доманъ и Татаръ отпустить; не текмо Татаръ ---- и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ! «

»Такъ если вы вадоръ учините «, спазалъ дъякъ, »то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пізція и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!«

- »Мы нисали уже къ его царскому величеству, а государь не покавалъ намъ своей милости, не извелялъ прислать намъ бунтовщиковъ, и омольничему Ромодановскому ва его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовътовавшись съ старшинею, идемъ на бунтовщиковъ и на твлъ, ито стоитъ за нихъ!«
- Князь Ромодановскій отправиль уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковой судъ.«
 - Барабашъ уже въ монхъ рукахъ«, сказалъ Выговскій.
- »Зрадлива Москва«, сказаль черкасскій полковникь Джулай, »дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везля съ великимъ береженьемъ: это значитъ, чтобъ мы его не отбили да не взяли!«
- »Не годилось бы вамъ двлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебъ; а написано въ наказъ: везми съ береженьемъ не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нъжимскій ислковникъ зачъмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши норъзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.«
- * Съ чего это взяли? « сказалъ Гуляницкій: » у мевя такого московскаго бъглаго человъка нътъ и не бывало! «

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненныя дѣйствія. Но гетианъ повторилъ тоже, что прежде говермаъ:

»Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ истить! Довольно. Въ другой денъ потолкуемъ, а мы пока со старшиной посовътуемел! «

Тъмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентабря, примель къ дьяку Немиричъ и сказаль:

»Гетмана извъстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь в разорять города и мъстечки: въ Боришнолъ всъхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучатъ православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ нересталъ такъ поступать.«

»Я не смъю«, еказаль дьякь, »писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намъстникъ бълозерскій, человъкъ честный; за это миъ быть у его щарскаго величества въ опалъ.«

Затемъ дьякъ началъ просить отпуска.

Наскелько дней носла того пробыль дьякь безь дала, и воть ириходить къ нему эсауль Ковалевскій.

«Хотъл» бы«, говорил» он», «гетман» и всё старшины отправить нослов» своих» къ царю, да не смёсть имкто ёхать — боятся гнёва нарского, задержанія и ссылки.«

Дьякъ сказалъ:

»Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Потажай, Иванъ, ты безъ сумития, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на нарскіе украинные города.«

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотвлъ поддёлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

•Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшить насъ смертью и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видять, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видять да терпятъ, о́оятся татарской сабли.«

4 сентября, царскаго носла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидълъ гетманъ и нъсколько полковинковъ. За день передъ тъмъ привезли въ обозъ скованнаго Барабаша. По извъстіямъ, сообщеннымъ предъ тъмъ тайно мослу отъ одного козака, Барабашъ подъ пытком сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотъ, а вевсе не но наущению Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не присылано отъ царя. Но теперь гетманъ послу сказалъ такъ:

•Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ—будто бы отдавать его въ Войско Занорожское, на войсковыя права, а на самомъ дълъ для того, чтобъ гетманъ прітхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говоритъ, можемь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ царекаго величества: перебъжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велъно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всъкъ переловить и побить. «

— »Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислаль меня къ вамъ съ своею милостью? Янка Барабашъ говоритъ воровски, затвваетъ съ досады, чёмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человёкъ разсудитъ: какое ужъ добро говорить вору и измённику, на смерть осужденому! Незачёмъ мнё видёть Барабама: съ такимъ воромъ мнё и говорить не годится!«

Послъ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетиану на объдъ.

Когда объдали, Барабанъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкъ.

- » Что дълается въ Бългородъ«? спрашивалъ его Выговскій, шируя съ гостьми: »много ли ратныхъ людей въ Бългородъ?«
 - »Багато людей», отвъчаль Барабашь.
- »Это Барабашъ на ссору наговариваетъ«, замътилъ дьякъ: »въ Бългородъ людей немного.«

Гетманъ пилъ чащу государеву. Пили гости. Барабанъ стоялъ на поругание предъ гостьми въ злополучномъ видъ.

5 сентября опять позвали дьяка къ гетману:

»Говоримь ты, гетманъ сказалъ дъякъ, » что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскъ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и масильства и разореніе; а мит случилось видъть твой листъ къ Богдану Матвъеевичу Хитрово: ты просиль его быть челомъ государю, чтобъ его царское величестве приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только нотому, что своевольство у васъ укрънилось, и утруждать вейска нечего. Тамъ ты не имсалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а темерь говоришь мимо истинной правды, будто тебъ дълаются отъ михъ насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затъвать неправду отъ Бога гръхъ, и отъ медей стыдно! «

Гетманъ на это отвъчалъ:

•Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвъевичу Хитрово, миъ еще не было подлинно извъстно о тъхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дълали войска; а какъ миъ стало въдомо про всъ насилія, и грабежи, и разоревія, и убійства, тогда я, посовътовавшись съ старии-

ною, иризваль Татаръ и пошель на отищение своихъ обидъ, и буду биться, нока насъ всёхъ станетъ.«

Дьякъ началь расточать прежнія убъжденія, напоминаль о присягь, о единовърім, о царской милости, и просиль по крайней мъръ удержаться отъ непріятельскихъ дъйствій, пока придеть царскій указъ.

Гетманъ отвъчалъ:

»Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мъстъ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дълать тягости мъщанамъ и наменнымъ крестьянамъ.«

Дьянъ снова началъ убъждать и стращалъ козаковъ гитвомъ Божіимъ. Песят долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

- »Хоромо, я наиншу съ тобою къ его царскому величеству в буду ожидать царского указу отъ сего числа три недёли и четыре дин.«
 - «Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспъю! « сказалъ дьякъ.
- »Болве четырехъ недель ны ждать не буденъ«, сказалъ гетианъ. эн посль четырехъ недвль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измененками своими, которые поселялись въ новыхъ городахъ. Да еще воть что. Накъ мисть мой гетманскій придеть къ государю, такъ принимаетъ его посельскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажеть не нодлинные листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотенъ ни мит, ни Войску Запорожскому, и я. думаю, что онъ къ великому государю взносить несходные съ подлинныин листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданъ Хмельницкомъ, то бывало-кто мит недругъ, и о чемъ нибудь иншетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана разсердить на того, кто пишеть. Пусть его царское величество пожалуеть гетиана и все Войско Запорожское: не велить въдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручить кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велълъ предъ собою читать нодлинные мон листы, а не списки. «
- »Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ«, объяснялъ Кикинъ, »по милости его царскаго величества, человъкъ честный, навычный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повърены отъ государя всъ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебъ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебъ такъ безчестить думнаго палатнаго человъка его царскаго величества.«
 - » Мит мон посланцы сказывали«, говорилъ Выговскій.

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

— »Посланцы твоп«, сказаль дьякъ, »ньяницы и баламуты, на ссору тебъ говорять, не хотя видъть тебя въ милости у его царскато величества. Будь надеженъ на милость великито государя намего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не върь есорнымъ и слутнымъ ръчамъ.«

Съ этимъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходъ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковой Оедоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поъздкамъ въ Малороссію.

»Гетианъ«, сказалъ Лобода, »положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары допучають объ этомъ безпрестанно: но гетианъ отговаривается, сказываетъ, что отправитъ тебя въ Чигиринъ на работу — дълать геродъ. Всей изими у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все ныившнее авто проживалъ въ Корцъ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъподъ власти царскаго величества.«

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

- »О справедливости«, сказалъ дьякъ, »бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по доманъ и Татаръ отпусти.
- »Войска я не распущу и Татаръ не отпущу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недвли.«

Посолъ поклонияся и вышелъ. Въ тотъ же день прівхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на пряную дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовърность тому, что говорилъ Лобода, но посла увъряли, что это дълается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончанів въ слъдующей книжкь).

953**9**P**3**

УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.

- гоголь,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВЪСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнуль, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, ръшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пъсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двъ театральныя пьесы да нъсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чемъ-то въ роде надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изръдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всъ права своего господства на Украинъ объихъ сторонъ Днъпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбъ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убъдительнъе всъхъ доказалъ своими повъстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины ніть надобности въ украинскомъ словів. Занявъ почетное мъсто въ великорусской литературъ, онъ сдълался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинъ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истично украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и въ наше время, когда у многихъ уже совершенно изивнились историческія и этнографическія воззрвнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы двлаемъ и украинскія повъсти Гоголя предметомъ своего изслъдованія.

Въ эпилогъ къ Чорной Радль и ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изследованія: я набросаль въ общих чертах характеристистику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нъкоторые погръщности Вечеровъ на Хуторъ и Миреореда претвев исторів в народняго быта нашего. Это было дело смелое после рецензій Белинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повъсти Гоголя върнымъ отражениемъ украинской прошедшей и настоящей жизни.. Русская Бестова, въровавшая во многое съ дътскимъ простодушіемъ, ръшилась отстоять Гоголя и дала у себя мъсто очень странней статьъ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявиль, что будто бы я эумаляю достоинства повъстей Гоголя изъ желанія возвысить этимь значеніе Черной Рады« въ глазахъ читающаго общества (1). По мивнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покриветь искреннемъ судомъ о Гоголъ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собираніе матеріаловъ для біографін Гоголя, кто дважды составиль опыть его біографін, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тінь на память высоко цінимаго имъ поэта, пересвътлияъ мъстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издаль, со всевозножно кропотливой повъркой по рукописямъ Сочиненія и Письма этого поэта, и вміняеть себі въ особенную честь такое дело, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумаганъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началь своего дъла, не имълъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ Чорную Раду, возгордился мнимыми пренмущ ствами своими въизученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послъдовательность. Но Чорная Рада могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибъ это отъ меня зависъло. Ссылаюсь на людей извъстныхъ въ литературъ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка (1), которые уже тогда читали ее

⁽¹⁾ См. Русск. Бес. 1858 года.

^(*) Имсано при жизни Шевченка и читано въ его присутствін, въ управискомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на укранискомъ языкъ. Слъдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографія Гоголя, заводя объ этомъ нерениску съ разными лицами, въ томъ числъ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разъъзжая по этому дълу въ разныя мъста и лъня въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговъніемъ къ его невозвратному существованію, — я былъ тъмъ же авторомъ Чорной Рады, что и нынъ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ воданныхъ мною Запискахо о жизни Гозоля в не подвергаль его сочиненій критическому разбору, во исполненіе зав'ящанія его, чтобы не спъшить ни жвалой, ни осуждениемь его произведений (1). Если же, начертывая, въ эпилоги къ Чорной Ради, историческое вазвитіе южнорусской словесности, я упомянуль о ніжоторыхь недостаткахъ украинскихъ повъстей Гоголя, то это вовее не значитъ, что я умышленно понижаль ихъ достоинстиа. Извёстно каждому, что полнаго совершенства достигаютъ поэты въ неріодъ полной своей эрвлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ Тараса Бульбу. Тогда онъ еще не быль авторомъ произведеми, которыя составляють его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началь чтениемъ Тараса Бульбы, сталь потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началь говорить автору-чтецу: »Дурно! дурно! никуда не годится! « Само собою разумъется, что негодившееся инкуда для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пумкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ Тараса Бульбу »дивнымъ созданіемъ«, не виля въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видель Пушкинь. Мало ли кто чему удивляется! но не итрого нашего удивленія опредъляется достоянство поэтяческих в созданій. Иной дивится всему въ великомъ писатель, потому только, что это велики писатель; а другой гораздо болбе дивится, что есть на свыть грамотные люди, которые нападають на критика за то, что онь обратиль винивніе принтелей искусства на погрушности писателя, къ которому уваженіе засвидітельствоваль півлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что заметки, подобныя меня указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повестей, могля бы более или мене вредить литературной репутаціи какого-нибудь ав-

⁽¹) Cou. и П. Гоголя, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но въдь Гоголь богачъ, для котораго начего не значить—заплатить день критикъ. Лучшия изъ его украинскихъ повъстей, какъ бы мы на понизали ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношения къ нослъдовавшимъ за ними сго произведениямъ; въ сравнении же се всякими другими повъстями, онъ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родъ, единственными.

Если бы я, внявъ замвчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія провзведенія Гоголя и призналь ихъ, какъ онъ, нросто диеными, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому инсателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять летъ — а пожалуй и менте — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностами, поднявшись до изв'естной высоты умственнаго развитія въ впоху сбоей зр'влости, не илутъ далье, а подъ старость, пожалуй, туптютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего и тъ мудренаго, что кто-инбудь, четверть стольтія назадъ, чувствовалъ живъе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ Тарасть Бульбъ, въ какъ и съ Мертовыхо Дущахъ.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не но какимъ-нибудь побужденіямъ въ родъ тъхъ, которыя предполагаетъ онъ во мнъ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодущию. Поэтому я прочелъ ее очень виниательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинъ авторъ присвоилъ себъ право хозяйничать даже въ моей дущъ, вижу изъ нея, что представленияя мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвътовъ, и что, кавъ ни ясна она для автора, имъющаго спеціальныя свъдънія о предметь, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болье, какъ собраніе вооризмовъ. Эти мысли приводять меня къ заключенію, что не сграуетъ миъ останавливаться на томъ, что высказано мною въ виндотъ къ Чормой Радю, а слъдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возножную молноту изложенія, которая бы сама собей равръшала недоупънья, могушія опять возникнуть въ умъ читателей.

Прежде всего, а нахожу нужнымъ выписать изъ моего энилога къ Черной Радо, всю карактеристику Гоголя. Прому читателей, при чтеніи моей критики, постоянно им'єть въ виду высказанный въ этой характеристик'є мой взглядъ на нашего великаго поэта.

».... Гогодь отъ своего отца, автора и актера и всколькихъ драматическихъ ньесъ на укранискомъ языкъ, получилъ первое побуждение къ взображение украниской жизни въ повъстяхъ. Кругъ людей, въ который онь порадь по своямь житейскимь обстоятельствамь, и вліяніе окружавшихъ его амчностей указали ему формы ръчи, въ которыхъ его создавім морям быть доступны обществу: онь началь писать по-великорусски. Миогіе вать Украницевъ сомальють, что онъ не писаль на родномъ языка; по я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливъйшихъ случайнестей. По своему воспитанию и по времени, съ которымъ совпало его детство, онь не могь владеть украниский языкомь въ такой стенени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своень творчествь, за недостаткомъ формь и красокъ. Каковъ бы ни быль его талантъ, но, при этомъ условін, онъ имель бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но. заговоривъ объ Укранит на языкъ, общедоступномъ для обоихъ народовъ. Онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нилъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіянъ своехарактерный и поэтическій народь, извістный имъ дотоль въ литературъ только по каррикатуранъ. Судя строго, украинскія повъсти Гогодя надо заключають въ себъ атнографической и исторической истины. но въ нихъ чувствуется общій поэтическій тонъ Украины. Онт подходять ближе въ нанимъ народнымъ пъснямъ, нежели въ самой натуръ, которую отражають въ себъ эти ибсии. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объясивая Укранну, но они дали новое, сильное побуждение къ ея объяснению. Гоголь не въ состояния быль наследовать до конца родвой народъ въ его промедженъ и настоященъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романь въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкуст, и венчиль все это Тарасомь Бульбою, въ которомъ обнаружниъ крайнюю недостаточность свёдёній объ украниской старинё и необыкновенный даръ эпророчества въ прошедшенъ«. Перечитывая теперь 7 араса Бульбу, ны очень часто находинъ автора въ потенкахъ; но гдъ только пъсня, **эттонись ван** нреданіе брасають ему некру світа, — съ необыкновенной воркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобъ расповнать соевдню предметы. И при всемъ томъ Тарась Бульба только порежаеть анатока случайной верностью красокь и блескомь зиждущей фантазів, но далеко не удовлетворяєть относительно исторической и художественной истины. Здёсь опять многіе изъ Украинцевъ сожалёють. что Гоголь не продолжаль изучать Украины и не посвятиль себя худо-

жественному воспроизведеню ся промедмаго и настоящаго; и опять я въ его стремленін къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливъйшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже в задачи изучить ее съ тъхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознанін, стремямся уяснить себ'в ея прошедшую в настоящую жизнь. Не если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку укравискихъ архивовъ и летописей, въ собираніе песень и предавій, въ разъезды по Украинъ, съ цълью видъть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изучение политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, России и Ук. аины: то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дъятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнъе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всё таки онъ оставиль намъ цамятникъ своего таланта въ ивсколькихъ повъстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ Мертвыхъ Душахъ, этой великой попыткъ произвесть нъчно колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературъ ничего въ немъ не нотеряли, а всъ Русскіе вообще вынграли. Да развіз мало украннскаго вошло въ Мертвыя Души? Сами Москвичи признають, что, не будь Гоголь Украиневъ, онъ не произвель (ы ничего подобнаго (1). Но создание Мертвыхъ Ачив, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ Авторской Исповиди и во множествъ писемъ), имъетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губернін, которая была поприщемъ послъдняго усилія извъстной партін Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими пародными пъсиями, пламенный до заблужденія бардо козапкой старины, возвышается надъ всключительною привязанностью къ родина в загорается такой пламенной любовью къ нераздъльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ съверной Россіи. Можетъ быть, этосамое великое дъло Гоголи, по своимъ послъдствіниъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигъ болъе, нежели въ чемъ-либо, оправдает-

^(*) См. Нъсковью слост о Позмъ Гоголя: Мертемя Души, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъеще съ дътства предчувствіе, что онъ сдълаеть что-то для общаго добра (1). Со временъ Гоголя, взглядъ Великоруссовъ на натуру Украинца перемъннася: почуяли въ этой натуръ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидели, что народъ, посреди котораго явился такой человъкъ, живетъ сильною жизию и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры съверно-русскаго человъка. Поселивъ это убъждение въ русскомъ обществъ, Гоголь совершилъ подвигъ, болъе патріотическій, нежели тъ люди, которые славять въ своихъ книгахъ одну стверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же саминъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью съверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставиль насъ такъ же почувствовать. Назначение Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально м духовно, но разрозненныхъ старымя недоразумфиями и недостаткомъ взаимной опънки. «

Вотъ онъ, несчастныя страницы моего виплога къ Черкой Радъ, которыя неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ монхъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ Сочиненій и Писемъ Гоголя.

Съ самого появленія въ свёть Вечеровь на Хуторь, а потомъ и Миргорода, много было въ журналахъ толковъ объ укравнскихъ повістяхъ Гоголя. Нікоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были модьми, весьма опытивни въ законахъ искусства, и утвердили въ русскей встетикъ, по этому поводу, нісколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и мрироды. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографичеткому разбору украинскихъ повістей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вітрность отностительно нравовъ и обычаєвъ изображаемаго народа. Напримітръ, въ первой повісти Вечеровь на Хуторь, всё у-

Digitized by Google

⁽¹⁾ См. Леторскую Исповыдь въ Соч. и П. Гозоля, т. III, стр. 500.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили видманія на механизмъ повъсти, противоръчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повъсть Сорочинская Армарка, словами: »Какъ унонтеленъ, какъ роскошенъ летній день въ Малороссія! Какъ томительно-жарки тъ часы, когда полдень блещетъ въ тишине и знов, и голубой, неизмъримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшися надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувщи въ нъгъ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздущныхъ объятіяхъ своихъ! « и т. д.

Все это правда, если смотръть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лътняго поэта, который не навыкъ еще строго взвъшивать значение и силу каждой фразы, а между тъмъ у него въ тълъ —

Младая кровь играетъ

и грезатся ему во-сиб и на-яву, какъ изображенному имъ въ послъдствім козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу »уналить « ціну молодому творчеству автора Вечеровь на Хуторь. Я хочу только показать степень его опзической температуры, которая должна была болье, чымь въ послыдствін, иміть вліяніе на неокріпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотръть съ этой стороны на Сорочинскую Ярмарку, тотъ увидить ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескъ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про »ваюбленную землю« и про »золото«, которое »прыщетъ« при сильномъ вътръ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про эмеумруды, топазы, яхонты вопрныхъ насъкомыхъ«, и про »сладострастіе и нъгу« украинскаго лета; тогъ почувствуеть душою, что первыя страницы первой повъсти поэтическихъ Вечеровь на Хуторю суть не что вное, какъ радужное облако юныхъ грёзъ, окружавнее голову поета при началв его литературной двятельности и превитствовавшее ему видвть природу темъ эпрозревшимъ сквозь всякій туманъ взглядомъ ослижаю писателя, какимъ онъ впоследствін видель ее при созданіи Мертовихь Ayus.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началь Сорочинской Ярмарки, ны коснулись только самой манеры Гоголя изображать управискую природу и показали фантасмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значить, что мы назводимъ Гоголя, даже

вы самыхы первыхы его повъстяхы, до уровня посредственности. Вы непомирной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болье или менье самостоательная манера писать съ натуры. Перечитывая Вечера на Хуторю, ны имжемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловів къ наданію 1842 года: »Много неарълаго, много необдуманнаго, много автски несовершеннаго! « но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной » эрълости « въ последовавших в сочиненияхъ, его многосторонней » обдуманности «, его достойнаго мужеских в лать » соверменства. « Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкъ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищениемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: »Это первоначальные ученические опыты, недостойные строгаго вниманія читателя« (1). Но такой строгости, съ какою великій и »взыскательный художникъ « оцфинваетъ свои произведенія, мы, въ качестві судей между нимь и обществомь, не должны позволять себъ; и если авторъ Мершвыхъ Лушъ включиль Сорочинскую Ярмарку и другія подобныя ей повъсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имъетъ критика исключать изъ изъ предметовъ своего строгаго вниманія?

Сдълаю кстати замъчание о живописи и скульптуръ, имъющее свою параллель и въ поэзін. Когда пишется молодымъ художникомъ картина. ни когда молодой скульпторъ изсткаеть изъ ирамора статую, - какъ бы не быль великь природный его геній, онь должень иметь много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, докончимь пзящное произведение. Ситаость сочинения, гармония встать частей, красота въ почувствования художественной идеи, облеченной въ цвъта или въ праморъ, - все это дается всякому таланту въ иластическихъ искусствахъ горазде ранте, нежели то, что на языкт художниковъ выражается словомъ доконченность. Написать бойкую вещь могуть иногіе: докончить свою картину или статую могуть только художники вполич образованийся. Поэтому - то, когда подходить къ картине профанъ в предается очень нонятному удивлению, его озадачиваеть иногда отвывъ анатока: »Жаль, что не докончиль!« и онь, забравъ кой-какія справки о судьт, готовъ обвинить ого очень неблаговидно въ »умаленін« цтим ваящному продаведению. Эта же самая доконченность даеть относительную

⁽¹⁾ Въ томъ же предисловія.

цънность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что новтъ задумалъ свое созданіе смъло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполнѣ и красота въ почувствованіи всей иден созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было докончено. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, вснолненная соп атоге великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго геніальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама Тараса Бульбы, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ні могущественна кисть живописца, создававшаго натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть Шимель, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходить эту повѣсть-ноэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здёсь о доконченности вообще, то еще сильнёе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно сторойы містной и этнографиопческой въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видель, поэтическимъ своимъ зреніемъ, среди бела дия; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ-- и съ трудомъ отыкалъ-- въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки песенными и летописными преданіями старины, всё таки многія стороны жизни, вызванной ниъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а яныя совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъпослъ, когда осветниъ Тараса Бульбу новыми сведеніями и понятіями историческими. Теперь мы всё еще, покамъсть, имъемъ передъ собой Сорочинскую Ярмарку и заходинъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измерять достоянство повестей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой дв в разнородныя повъсти Гоголя, одну изъ настоя**маго, другую изъ прошедмаго времени и высказали мивніе о томъ, что** помогало ему въ возсозданія одной сферы и что препятствовало ему въ ясновидънія другой; то кстати привести и зъ Авторской Исповиди собственное объяснение автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. "У меня ме было влеченья къ промедшему«, говорять онъ. »Предметь мей была современность в жизнь въ ея нынъшнемъ быту, — можетъ быть, отгого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользъ, болье оснавленыей. Чень далье, тыпь болье усиливалось по нив же-

даніе быть писателенъ современнымъ « (1). Далье: »Нужно, чтобы русскій читатель дъйствительно почувствоваль, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тъла, изъ котораго созданъ и опъ самъ, что это живае и какъ-бы его собственное тъло.... Это полное воплошенье въ плоть. это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умъ своемъ весь этотъ прозанческій существенвый дрязгъ жизни, когда, содержа въ головъ всъ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до мальшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человъка, словомъ----когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношенін умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чёмъ выдумывать. Мнё всегва нужно было выслушать слешкомъ много людей, чтобы образовалось во мет собственное мое метніе, и тогда только мое мотніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не встхъвыслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно« (2).

Этн последнія слова какъ нельзя больше вдуть въ характеристику Тараса Бульбы. Гоголь далеко не всёхъ выслушаль, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ временъ Остряницы вполнё воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вёка, правы и обычан того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повёсти о шинели. Но возвратимся къ Сорочинской Ярмаркю и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повёсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія простонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нёсколькихъ другихъ повёстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невёрностей мы исчислять не намёрены, ибо повёсть — не статистика, и учесть всего, что въ ней есть и чего нётъ, невозможно, а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встръчею на мосту удалого парубка съ сельской красавицей, которая влала на ярмарку, вибстъ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ мъшками, пенькою, полотномъ и развою домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяннъ, а рядомъ съ нямъ — назначенная въ про-

^{(&#}x27;) T. III, crp. 511.

^(*) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественниць можно видіть, что на ярмарку выткало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить діло во всей ясности. Дівушка, ісхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подъ перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопупенковъ сынъ или Голопупенко. Авторъ могъ давать своимъ дійствующимъ лицамъ какія угодно смішныя имена, но народъ нашъ, въ состідскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что и мы, грішные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неугодно ли заглянуть въ повісти Квитки (Основьяненка). Тамъ высувидите не ту простонародную Украину, которая, мимо відома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскихъ повістяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послідуемъ за новыми знакомыми и рішимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на въки жить виъстъ. «

Это влюбленный молодой человъкъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаемъ наше народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мъсто, а не площадь, на которой происходить ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопіемъ, а по имени и пожалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послъднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовстомъ, то и тотъ обидълся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Сололій, при всей каррикатурности даннаго ему имени, быль не последній изъ своей братів, какь это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять итыковъ (1). Въ Украинъ заможность (зажиточность) хозявна соотвътствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что называется, порядочности: украинскій пахарь не имбеть никакихь безірівшных в доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что пріобрътаетъ, то не иначе, какътрудомъ и хозяйственностію. Отъэтого и происходить у него навъстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человіжа. Отъ этого же онъ держить

⁽¹⁾ См. разговоръ о пшеница на стр. 17 Сорочинской Ярмарки.

себа въ какопъ-то неприкосновениомъ величи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочинении первей мовъсти Вечерось на Хуморгь, не зналъ поселанива близко. Онъ видълъ его только съ йойъщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сиживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетнаго званія, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина дружско отъ слова дружка, что читатель и увидитъ изъ примъчанія, сдъланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненій (1). Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видящій въ мужикъ одно смѣшное (2). Но обратнися къ новымъ знакомымъ на ярмаркъ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь пріятно для будущаго тестя — предложениемъ себя въ зятевья, Солопій ни мало не обидълся, нужды нътъ, что былъ въ трезвомъ видъ, что былъ занятъ дъломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нътъ и помину о сватовствъ, а пожалуй еще и Спасовъ постъ), ибо на страмиць 12 сказано: »Такою роскощью блисталь одинь изъ дней жаркаго августа. « (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъхліборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тъмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. Занять публично дъвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, хазяйський синчне осмълится и не захочеть. Не осмпжится потому, »что стыдно людей« и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновеннусти своихъ дівчатъ вообще, а не то, что только невъстъ или возлюбленныхъ, и, какъ извъстно, прикодачивають до смерти на вечериицахъ непрошеныхъ гостей ваъ другого села. Не захочеть потому, что парубокъ чесного и хорошого роду, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборт себт подруги. Надобно. чтобъ было такъ, какъ, говоритъ въ песие козакъ, котораго дівчина. лаская, назвала стелющимся зелененькимь барвіночкомь:

> Ой слався я, дівчинонько, по твойму городу, — Не тобі лишъ сподобанся, есёму теойму роду.

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

^(*) Я покажу, въ своемъ мъстъ, что и какъ ему казалось не-смъщнымъ, въ какомъ отношения это не-смъшное находится къ смъщному.

Точно то же надобно разумать и относительно къ дъвушкъ. Есть пъсня:

Пійшовъ би я нъ ўлоньку. — головка болать: Сватавъ би я дівчиноньку, — такъ рідъ не велить.

Видите, какъ народъ кръпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мъръ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повъстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душъ за представленнаго имъ Украинца Солопія, а, напротивъ, заставилъ его отвъчать на предложеніе Голопупенкова сына, обращяясь со смъхомъ къ дочери, вотъ что: «Что жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дълъ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмъсть и того.... чтобъ и паслись на одной травъ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могарычу! «

»И вст трое очутились въ извъстной ярмарочной рестораціи — подъ яткою у Жидовки «, и проч.

Оно, можетъ быть, и смъшно, только не для тъхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видить въ мужикъ столько смъшного, сколько видълъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниме крыльца помъщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выдти изъ коляски и поселить въ немъ късебъ дружелюбіе, увидить, что приволакиваются къ дівчатамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и забэжіе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: »Можеть быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого«, а просто кричать: »Геть къ нечистому! « или: »Тю, навіжений (1)! чи е въ тебе соромъ мирський « (2)? И если у оскорбленной дъвушки есть отецъ или брать, то онъ не будеть говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопій: »Эге. ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послъ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дружкою (т. е. дружкомъ: дружка у насъдъвушка), уже надоумилъ.

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнаетъ Украинца-отца, котораго совершенивний типъ представилъ Квитка въ отцъ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцъ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

⁽¹⁾ Сумашедшій.

^(*) Не стыдно ли тебв предъ обществомъ?

пролиль слезу изъ сочувствія ка высекимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческія ръчи Наума Дрота (1). Вснемин каждый, кто знасть цёну таланту Шевченка, его мрачно-тержественные стихи:

> Сидить батько кінець стола, На руки схилився, Не дивитця на світь Божий, Тажко зажурився!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послъдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и виъстъ вся убивающая, клонящая къ землъ тяжесть позора:

Нехай тебе Богъ прощае Та добриі люде! Молись Богу та йди собі — Мині легше буде.

Въдь объ эти личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежатъ къ тому же классу, объ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тъмъ, какая разница въ возгръніи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средъ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повъствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ залюбий, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабакъ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стылно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испортенное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабакъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

⁽¹⁾ Главное дъйствующее лицо въ повъсти Квитки: Маруся. Никогда и не забуду, какъ оцънила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. »Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтеніемъ поцъловать руку«, сказала она.

—» Что жъ это за прасная семніка?«

»Туть у намого внимательнаго слушателя (Соломя) волосы ноднялись дыбомъ. « (Такъ-то легко и испугать, среди бъла дня и въ толить народа, разсказомъ о чорть и его красной свиткъ, человъка, у котораго въ памяти есть пословина: Не такий чорть страший, якъ ёго малюють.) »Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидълъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обияванись и напъвая другъ другу какія-то любовныя сказки.«

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому малороссійскому юмору и, что называетси, лапиувъ такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на вто: »Можечъ, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже! «Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умовкъ кобаарь, сумуючи:
Щось руки не грають....
Кругомъ хлопці та дівчата
Слізоньки втирають.
Нійшовъ кобаарь но улиці,
Зъ журба якъ заграе!
Кругомъ хлощі навираслаки,
А вінъ примовлае:
»Нехай буде оттакечки:
»Сидіть, діти, у запічку,
»А ля ме меурба та до шанку,
»А лят меурба та до шанку,
»А тамъ найду мою жінку,
»Найду жінку, почастую,
»Зъ вороженьківъ покепкую!«

Низведя величаваго и поэтическаго своего земляка до уровня съ петербургскими фризовыми шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонъ и сцену въ кабакъ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселянъ къ Евреямъ извъстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здъсь не мъсто; но объявляю не обинуась, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: »Се все одно, що запивати сватании у чорта въ пеклі!«

Вотъ, вамъ еще разъ-уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной Укранцы во время сочиненія украннскихъ повъстей. Онъ конечно болье или менье аналь ее, сколько могъ знать въ то время паничь, несходившій ниже немъщичьято крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Нъжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи,—не болье.

Сцена въ кабакъ у Жидовки написана *диено*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

»Эхъ, хватъ! за это люблю! « говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. »Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебъ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пънную! «

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца я долженъ здёсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни коимъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодечествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства (¹). Народныя пословицы опредъляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовърить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая пороцектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, безмомощная вдова, которой кабачный повѣса (метяла, неработящій и неимущій) сдѣлалъ предложеніе съ проническою откровенностію пьянаго человѣка:

Ой зажурйлась бідная вдова:

»Якъ мині житн, якъ герновати!

»Якъ евейхъ діточокъ прегодувати!

Ой обізветця козакъ-нетага:

»Ой не журися, бідная вдово!

»Я жъ тебе любаю, за себе візьму:

⁽¹⁾ Напримѣръ:

Ой не спиняйте у ставу води, нехай вода рине: Не ддайте мене за пъяничку, нехай вінъ изгине! Я съ пъяницею жити не буду, тільки роскоші забуду; Я съ пъяницею жить не ніймуся, хиба піду утонлюся.

»Я твою худібоньку попропиваю, »Я твойхъ діточовъ норозганаю, »Я твоі карі очи попідбиваю!«

Гоголь слишкомъ нало инблъ и могъ иметь подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинъ. Каждому, надъюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственнаго изученія народа, и »по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дътство« (слова моего эпилога). Оставались ему одит книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдълаль столько, сколько возможно было сделать, при его таланте. Но много ли въ то время было дельныхъ книгъ объ Украинъ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохъ тридцать лътъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но неузнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повъстями не профанировать своего народа и собственнаго великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правъ поставить очень, очень низко, въ сравнени съ его петербургскими повъстями и другими позднъйшими его произведеніями. Напримітръ, сцена въ кабакт на ярм ркт. Втдь это перифразированная рычь каррикатурнаго Зевеса, Котляревского, объ Енеы:

> Чи бачить, вінь акий парнище? На світі трохи е такихь: Сивуху, такь якь брагу, хлище! Я вь парубкахь кохаюсь сихь!

Что было хорошо въ устахъ лигавшого съ постаця Юпитера, относительно завзятишого изъ всіхъ бурлакъ Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человъческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работящаго пахаря, ввъряющаго свою дочь - красавицу хвату въ понойкъ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрълъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаетъ противъ новаго воззрънія на Вечера и Миргородъ.

Последуемъ далее за повестью, въ качестве этнографа, желающаго видеть въ произведени словесности верный образъ своего народа. Натанувшись порядочно сивухи витете съ будущимъ зятемъ, въ при-

сутствін дочери, — Солопій отправился къ женъ, »посививансь и пока чавансь.«

» Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкъ«, сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь знале простонародную Украину, то онъ въ язвительную ръчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе бытъ народный. Она бы отвъчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человъкъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слъдуетъ вести себя отцу. Но Хиври смотръла на дъло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародьи существуетъ унизительная для достойныхъ родителей ловли жениховъ. Хиври отвъчаетъ своему Солошю языкомъ московской купчихи: »Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть«, и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народнаго быта, то есть: »Ну, жінко, находится женихъ нашей дочери! « то в тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣ-чв. Она сказала бы: »Хорошъ долженъ быть женихъ (¹), который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! Думаю, оборнанныйший изъ всюхъ голодрапцевъ: отцовскіе сыновья (²) думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакуютъ! добрые людя ожилаютъ Святой Покровы (³) для сватовства! А это видно какой-нибудь пьямица и бродяга, который, по твоей милости, срамитъ насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ! «

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имъть въ виду Гоголь, наображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемежку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ сорванецъ, но никакъ не моженъ выбиться изъ типа театральной великорусской мъщанки. Скажу болъе: она даже и въ ролъ съ поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что пишетъ новъйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, обътадивщій всъ наши я марки, И. С. Аксаковъ (4), говоря о козакахъ,

⁽⁴⁾ Въ Русской Бесподъ, 1858, въ статьъ: Украинскія Ярмарки, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова О торговлю на Украинских Ярмарках веще не появилась отдёльно.

⁽¹) Въ этомъ мъсть слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Гоголю.

^(*) Отецька дитина, отецький силь значить у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

⁽³⁾ То, что по велико-русски Пакрава.

хуторянахъ и мъщанахъ: »Женщины еще менъе носятъ на себъ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всъмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія.«

Это говоритъ Москвичъ, это говоритъ съверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу въка, ниже помъщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы витшаться въ инообычный и инноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себъ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже непосредственное изученіе простонародной
Украины. У Гоголя, въ его сценъ между Хиврею и поповичемъ, этого
изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ
свъдъній. Разверните Сорочинскую Ярмарку на 23-й страницъ и читайте влюбленныя рычи Украинки съ природною грацією, со вкусомъ
къ изящиому, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведенною до нельзя утонченностью въ области чувства, засловяющими
недостатокъ образованія:

»Не ушиблись ли вы, не еломили ли еще, Боже борони, шеи?« говорила Хиври.«

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслъ грубомъ, или въ толъ, который выражается польскить словомъ rubasznie. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шеи? «На украинскомъ народномъ языкъ сломить шею выражается еще ръжче, грубъе или рубашнье; именно: скрутить вязи, или звернуть вязи. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послъдняя изъ послъднихъ. Можетъ быть, то и върно, что написалъ г. Гончаровъ о медвъжьихъ нъжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повъсти: Обыкновенная Исторія (1); но въ нашемъ украинскомъ народъ, даже и между дворовою, панскою челидью можно услышать еще очень много человъческихъ ръчей. Любить у насъ до сихъ поръ умъютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для одной особы, да еще въ ночной тишинъ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мъстной повзія. Но спрашиваю, что за поэзія въ слъдующихъ словахъ влюбленной хиври: »Пойдем-

⁽¹⁾ Не имъя подъ рукой книги, не могу указать страницъ. Но это мъсто легко припомнятъ всъ по похваламъ, которыми осыпали его въ великорос-сійскихъ критическихъ статьяхъ.

те же тенерь въ хату; танъ никого нътъ. А и думада было уже, Афанасій Ивановичь, что въ ванъ болячка или соняшниця пристада: нътъ да и нътъ!«

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень ненятие, что тимографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ воъ нисьма Пушкима къ Гоголю, »нырхали етъ смъху«, трудесь надъ Вечерами на Хуморъ. Очень ненятие в повдравленіе Пушкина съ первымо уселькомо, сділанное молодому, начинающему автору. Очень ненятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, внавшихъ Украиму не больше его самого и смотрівшихъ на простолюдина съ тіхъ же неміжичнихъ и чиновиничнихъ подмостокъ, что и самъ авторъ.

Sed alia tempora!

комическое наясничанье теперь уже инчего не значить въ литературъ. Теперь отъ писителя сценъ изъ наредняго быта требуется такой внутренией связи явтора съ наредонъ, кетерая на каждонъ шагу видна въ произведенияхъ Квитии и Шевченка.

Я душно, иногіе согласятся, что Гоголь смотрель на простопародную Украину, продставленную инъ въ Вечероже на Хуторю, не по-украниски, то ость, онь си незналь, и что изображаль онь своихь эсманковь не-гередски, то есть, онъ между сельский народемъ проживаль не имече, какъ въ рели барина. Прему после этого всиеминть приводимее г. Мексиновичемъ, въ упрекъ инъ, суждение покойнаго Полевего, который, взглянувъ на правы в обычая, изображенные Гоголевъ, поглубже своего живого до сихъ норъ кулитоли, недумаль очень осневательно, что Геголь »вовсе не Малороссіянни», а Москаль, да еще и горожанни». Если поминать слова Полевого въ буквальновъ симель, то, разумъется, Полевей ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянима разуметь знатока Малороссін, который не скажеть ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ хароктеронъ и бытонъ своего нареда, те конечно Геголь, но времени, съ которымъ совиало его детство, но своему воспатанно, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, не вліянію важных для него автеритетов и престо личностей, далающихъ невольное впечативие, наконецъ по образу жизни въ Укравит и въ Потербургв, и по удаленію изъ родины въ періодъ толькочто выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинепъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа,

У насъ въ Украинъ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говоранвые вечера, которые желаль, искренно желаль ввобразать Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ его общество совенть не пъстныя; потому онъ и характеривоваль великорусскою балалайкою украинскія вечориціі (1), а къ пасічнику Рудому Паньку назваль въ гости каррикатуръ. Впрочемъ, можетъ быть, въ тъ времена гав-нибудь на хуторъ, близкомъ къ барской кухив, въ самомъ дълъ водились вечерницы съ балалайкою; а къ такому насичнику, который инистъ россійскія городскія нов'всти изъ украинской сельской жизин, тажали гости, дававшие другъ-другу дулю (кукишъ). Можетъ быть, геніальная каррикатура Гоголя вовсе и не каррикатура въ какомънибудь уголкъ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать вст тт этнографическія познанія, какія имталь Квитка, ослибы Гоголь проникиулся духомъ сволго народа, такъ какъ Шевченко, то, ири его необъятномъ талантъ вовсовдавать дъйствительность, его Вечера на Хуторів были бы столь же неизмінно-миогоційннымъ твореніемъ, какъ многія наъ его последовавшихъ созданій, и Украинецъ какого-нибудь XXI стольтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототимахъ XIX въка, сказалъ бы: »Да, это мон предки! Хоть они часто модходять нодъ категорію существь, которыхь natura prona atque ventri obedientia fiaxit, хоть они двигаются точно волы въ яриъ, хотя ихъ неразвитая слободною гражданственностію жизнь счень во иногомъ расходится съ моею; но темъ не менъе представленные великимъ постомъ жуъ образы драгоценны для меня, канъ фамильные, верные съ нодлиниками, нортреты варварскаго въка «Подобныя этимъ слова произмесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о Мертвых душахь, по не могуть быть они произнессны нашими потомками о простонародныхъ украинскихь повъстяхъ Гололя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чтить онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столътіе будетъ смотръть на вещи тъми же самыми главами, какъ и вторая четверть XIX-го, тами же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ норъ смотрить.

Если искусство состоить въ томъ, чтобы заметить въ народе самое иошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и выставить все это выпукло и ярко на всенародныя очи (2); то не для

⁽¹⁾ См. предисловіе къ Вечерами на Хуторь.

⁽³⁾ Мертеня Души въ Соч. и П. стр. 135.

теге надобно это дълать. Чтобы необразованность и правственный упалокъ нашихъ меньмихъ братій саблать смілиными въ глазахъ тіхъ людей. которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку поноши въ людямъ пресмывающимся гдб-то глубоко у нихъ подъ ногани. Если высокое искусство не допускаеть со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляеть самому читателю, имущему возрасть, уразуньть весь ужась картины, на которую онъ сметясь загляделся; то и тогда всё таки надобно взебражать происходящее предъ глазани нашими дъйствіе такимъ образомъ, чтобы видио было, на какой почет оно происходить и чтиъ обставлены дествующія лица; надобно, чтобы поселяникь, въ своихъ порокахъ и новъжествъ быль дъйствительно поселяниномъ, а не горожанииомъ; чтобы Украниецъ дъйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же поль бліяніемь местныхь условій и всенародныхь его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка ръшительно невоеможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлъба и вообще горячая работа — просто небылица; сватовство въ Спасовъ ность (ноо къ такому времемени пригналь Гоголь свою повъсть) прусто — чорть знаеть что такое. Отсутствіе стыда у украниской дівушим, которую Гоголь заставиль стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, »пресминковъ Гоголя въ самопознания. такое оскоронтельное изображение, какъ если бы кто въ нашемъ присутствін изобразнав чистую и непрочную женщину въ видь рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцелуяхъ, влепленныхъ его дочери къмъ-то среди многочисленнаго общества (1), долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія россійская столичная критика своего времени назвала върною живописью украинской простонародной жизни! такія гроизведенія московскій журналь до сихъ поръ держить подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствъ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ одиъ критики и ничего болъе!

Упреки, сдъланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкоиъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

⁽¹) Прошу извиненія за употребленно е такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ миѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слищкомъ много и не можиетъ не дорожить ихъ миѣніемъ.

статками; но Гоголю следовало следать эти унреки, во славу его торжества надъ саминъ собою. Какая поразительная у него развина между изображеніемъ местныхъ нравовъ и обычаевъ въ Вечераю на Хуторго и въ Мертоыхо Душахо! Эдъсь онъ уже не новичекъ въ некусствъ, синсходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не экавшимъ Украины, -- здёсь онъ полный, самостоятельный ведатель той среды, которую взображаеть. Уналяя . по словань притика Рисской Беспоы, »достоянство украинскихъ повъстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ цъны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступятельное движеніе генія великаго поэта. Геній, произведній Мертемя Души, быль тоть же самый, который произвель и Вечера на Хуморю; но между ними та разница, что между эрвніемъ образованнымъ и необравованнымъ. Спла зрвнія одна в та же, но пониманіе и воспроизведеніе натуры въ картинкъ-совершенно иныя. Человъкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ детстве -- геній; уже въ детстве чудится ему какоето высшее призваніе; уже въ дітствіт — это не одинъ случай — лекечетъ онъ неточнымъ дътскимъ языкомъ о подвитахъ, которые онъ соверимтъ когда-то. Но геній, невооруженный наукою, знавісмъ своего дъля, опытностію — дъло нное, и геній, созрывшій и выразнишій себя вполнъ -- опить дъло совершенно иное. Поэтому, если уже отстанвать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то следуетъ разуметь подъ этими словами не непогръмительность Гоголя въ искусствъ, а геніальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слинкомъ важныхъ недостатковъ.

П. Кулишъ.

26 іюня, 1858. Хуторь Мотроновка, подъ Бораною.

NB. Этнографо-критическій разборъ Сорочинской Ярмарки не могъ быть окончень въ первой статьй, безъ нарушенія ся предвловъ. Мы посвятимъ этой цовисти и вторую статью.

музыка

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПЪСЕНЬ.

(Продолжение).

Наитъвы, которые здъсь будуть взданы, сообщены Ав. Вас. Марковиченъ; они записаны виъ изъ устъ народа со всевозможною върностью. Овъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живою повъркою гармонической обработки при каждой отдъльной пъсиъ. Будемъ совътоваться и съ другими знатоками Украинскаго пънія. Приглашаемъ всъхъ ихъ содъйствовать намъ въ настоящемъ случат, по мъръ силъ. Пусть каждый принесетъ свою лепту на народный олтарь.

При обработит присень мы будемъ далеки отъ всякаго притизанія на то, чтобы »блеснуть« виртуозною стороною гармоническаго дъла, »щегольнуть « такимъ-то контранунктомъ.

Всему, что хоть сколько нибудь отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здёсь отнюдь не м'ясто. Въ отноменія къ простонародной м'ясні все подобное — эоть лукаваго.

Всятать за переложеніемъ каждой пітсни на ноты — мелодією съ двуми строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ вват опыта), помітстинь эстетико-техническій разборъ пітсни, въ соедименіи съ ея текстомъ; сділаемъ намеки на со-кровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежащія въ каждомъ изъ этихъ напітвовъ, не »сочиненныхъ а— повторяємъ— народомъ, т. е. самою натурою »созданныхъ .

Въ выборъ и группировиъ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группъ будутъ собраны пъсни, по возможности, разнего характера. Поле Украинскихъ напъновъ въ этомъ отношения замъча-тельно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточнаго количества избранныхъ и прежде еще не бывавшихъ въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замъчательнъйшихъ изъ досель изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пъсенъ, — а именно:

- 1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пъсенъ (въ аранжи-ровкъ Алябьева). Москва. 1833.
- 2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложеніе пъсепъ, числомъ 25, сдълано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).
 - 3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.
- 4. Алонзія Едличка. Южно-русскія пітени, переложенныя для одного голоса съ фортепіано. (Изданіе М. Бернарда).

Эта провърка собраній пъсенъ, уже навъстныхъ публикъ, будетъ по-

во-первых», для указанія варіантов» одной и той же мелодія, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а вногда видовамѣненной при самомъ переложенія на ноты;

во-вторыхь, для указанія бо́льшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной обработки пъсни къ характеру народной Украинской музыки.

Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составится, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ шести пъсенъ.

I.

побратався сокілъ.

По бра та́ вся со́ - кіль зъ си зо кри́ лимъ о - - - рло́мъ:

»Ой бра́ - - те мій, бра́ те, си зо кри́ - лий о́ рле!

Зоста вла́ ю то бі всі мо і ро ско́ - - - ші,

Всі мо і ро - ско́ - - - ші, всі мо і - у жи́ тки;

Всі мо і ро ско́ - ші, всі мо і у жи́ - - тки,

Всі мо і у - жи́ - - тки, и ма ле́ - нькі ді тки.

А самъ по - ли - ну́ у чу жу́ - сто́ - - ро ну,

Въ чу жу́ сто ро - но́ - - - ньку шу ка́ть та - ла́ но ньку.

Ой якъ до́ бре бу́ - де, то я й за ба рю́ - - - ся;

А якъ ху́до - бу́ - - - де, то й на за́ - дъ ве рну́ ся.

Літа́ со́кілъ лі - то, літа́ со́ кілъ дру́ - - - ге,

На тре́ те е - лі - - то со́ кілъ при - лі та́ е;

Со́ кілъ при лі та́ - е та ор ла́ пи та́ - - е:

»А де́ жъ мо і -, бра́ - - - те, ма ле́ ньки - і діти?«

—Тво і, бра́ те, ді — ти по ли ну́ ли въ лу — — ги́, По ли ну́ ли — въ лу — — ги́ зъ ве ди́ ко — і ту́ ги; Сі ли, па́ ли ді — ти на ви со кімъ дра́ — — ві, На въ со кі — мъ дра́ — — ві, ща ко лю́ — чімъ та́ рні; При і ха ли па — ни́ мзъ чу жо́ і сто — ро ни́, Терми́ по ру ба́ — — ли, со ко ла́ — тъ за бра́ ли. Те рни́ по ру ба́ — ли, со ко ла́ тъ за бра́ ли. Ту ра́ цько му — ца́ — — рю въ по да́ ро — къ по сла́ ли. — Мла́ че со кілъ, пла́ — че, сле́ за́ ми ри да́ — — е, Дрі бий ми слеї — за́ — — ми всі лу ги́ — сто пла́ е: При до брій го ди́ — ні й чу жі по бра ти́ — — ми, При ли хій го — ди́ — — ні не ма́ е — й роди́ ни; При до брій го ди́ — ні, й чу жі бра та́ ю — — тця, При ли хій го — ди́ — — ні й сво і цу — ра́ — ю тця.

(Зъ Перекопу).

Весьма-типическая пъсия въ характеръ серьёзнаго, грустнаго раздумья и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно грустной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодін — образчикъ часто-встръчаемыхъ въ украинскихъ пъсняхъ весьма характерныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ев
эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвъчающій этой ширинъ размахъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ
единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видъ, выбраны въ видъ прелюдіи, подготовляющей пъсню.

Начинаясь въ миноръ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактъ переходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго аккорда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минор¹; 3, 4, 5, 6 въ мажоръ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами весьма-часто и лучше всѣх в умствованій говоритъ въ пользу естественныхъ ваконовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинкту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣсни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для разработки симфонической. Но пользованіе этимъ богатымъ матеріяломъ въ такомъ только случать поведетъ къ результатамъ для искуства

счастивымъ, если разработываемая музыка, въ общей своей идећ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будотъ отвѣчать вполнѣ характеру украинскихъ мелодій, въ дримѣненіи ихъ и къ выражаемому цѣсиями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!

Гей гукъ, мати, гу - - - къ, Де ко за - - - ки пъють! Та підъ бі - ло - - - ю та бе - ре - зо - - - ю 0 - - - та ма - - - на ждуть. О та манъ и де - - -, ще й ко ня - - - ве де, Гей підъ бі - ло - - - ю та бе - ре - зо - - - ю Го - - лб - вку - - - кла де. »О та ма́не на---шъ! По ра́дь же---ти насъ! Ой у же́ - на́ - - - ші та ко - за́ - че - - - ньки Кó - - - ні сі - - - дла ють. — He хай сі дла́ ю - - - ть. А та Бо - - гъ по ма га́... Ой у же - мо - - - ю та го - ло - во - - - нь ку А - - хмі - ль ро - - - збіра... Коли и и умру - - -, То и по хо - - - вай те, И до мо - é - - - і та ми - ле́ - нь ко - - - і Ли -- сти - по --- дай те. On ho a mu na ---. Зъ го́ ро да - - - бу ла́, Що ан са - въ же - - - я та дрі - бні - ли - - - сти, Во - - на́ - не - - - взя ла́... »Не ве ли кий па - - нъ. Ти самъ са - - - мо званъ! Ти по жа - лу - - - вавъ ко на во ро но - - - го, --Чо - мъ не при і - - - хавъ самъ?

(Зъ хутора Петрушовки, Борзенського повіту).

Digitized by Google

Характеръ пъсни проникнуть разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ »гульливыхъ рыцарей«. Но на этомъ общемъ еонъ тъмъ выпуклъе выступаетъ эпическая грусть. Среди нира подъ бълго березою любимый козакани атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру півсин, у насъ сдівлана прелюдія въ разманистомъ, почти буйномъ духів.

Особенность самой пісня — ферматы, окончивающія маждую ед фразу. Этими ферматами безпрерывно нарушается плавное точоме дитма — его хватаєть только на каждую отдільную мысль, на каждый стихь; нотомъ ритмь какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнучеся. О правильномъ, т. е. симметрическомъ рафпредалени тактовъ невозможно было бы и номышлять въ этой изснів, не истертивъ ся оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактъ этой мелодін, разивромъ голоса невыходищей почти изъ предъловъ одной октавы.

Первий такть изсни въ своемъ мотивъ (впрочемъ весьма часто встръчаемомъ въ разныхъ малерусскихъ ивсняхъ) до-того типичевъ, что Глинка, замышляя писать симеонію на сюжеть Тараса Бульбы, въ изобрътеніи мотива для первой части очень близко подошель къ начальному такту разбираемой нами ивсик (хотя, быть можетъ, собственно ем и не слыхаль). Вторая ораза (на слова: »де коваки пьють») не менъе тинична въ своемъ бойкомъ взиахъ, будто уносящемъ въ степное разделье, но уже съ подивсью печальнаго чуветва, подъ ударомъ неожидащаго горя.

Маленькія украшенія (gruppetti) въ нелодія служать здёсь ся харяктеронъ (делжно занітить, что на фортеньнів, гдіт у нась, въ 5-нъ такті нісни, аккомпанименть идеть унисономъ съ голосомъ, такое »группетто» выходить гораздо тяжеліве и грубіве, чімъ въ голосів, по самому съейству раздольнююєми звуковъ подъ клавинами.

Въ гармонизаціи нътъ ничего, кромъ трехъ гласных аккордовъ каждой тональности: тоника—аккордъ минорный въ настоящемъ случав; доминанта — аккордъ минорный, и нижняя доминанта — аккордъ минор-вый. Мелодія начинается и окамчистемся доминантой. Самая высшая нога въ пъснъ онать—дожинента. Это предълы самыхъ естественныхъ мелодій, — какъ придется не разъ еще замѣтить.

III. ХАТА МОЯ РУБЈЕНАЯ.

Digitized by Google

Ха́ та мо я́ ру́ бде на я, Сі ня на — по мо́ — сті; И самъ и ду́ й ко на́ ве ду́ his До ма́ ло — — і въ го́ сті. bis Охъ кінь не йде, вода́ не пье, Вінъ не бу́ — де па́ — ти: Де ре́ вго́ ру го до́ вонвку, bis Хо́ че ме — — не́ вба́ти.

(Съ Чорноморіі).

Пъсня характера спокойно-веселаго, — пронякнута чувствомъ ¢анодовольства и откровенности на распашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуеть адъсь шести тактовъ въ каждой фрась; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментъ прибавленъ послъдній тактъ во время паузы въ пъніи. Это равносильно фермать, т. е. манерь оканчиванья молодін, встрьчасмой въ укранискихь піснахъ какъ нельза чаще. Рисумскъ всей мелодін заключается опять въ предълахъ одной октавы. Первые два такта-какъ-будто только предварительный разбыть голоса; самостоятельный характеры пьони обрисовывается явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — котерыкъ будто продолжениемъ, развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каденца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ изскелько респиренномъ видъ, новторено въ паденіи второй оразы, т. е., въ тактахъ 9, 10 и 11-иъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызываютъ симфоническую обработку. Сильно развидый аккомпаниментъ уничтожиль бы легкость, непринужденность теченія нелодической мысли. Здёсь надо скорее довольствоваться намеками на гармоническія богатства. Впрочемъ изгиоъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интересенъ и нарактеренъ — какъ заредышъ для прасивыхъ нереливовъ мелодін. Тактрі 7 и 8 дышать особеннымь украинскимь юморомь. Подобные повороты мелодін-настоящій кладъ для національной южнорусской оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родъ.

IV. ПО МАЛУ-МАЛУ.

Но ма́-лу - ма́-лу, чу - ма́че, грай! Не - вра зи́ - мо - го́ - се рде́ - нька вкрай (2)! Братъ ме - не́ - у би́въ, на ла ну́ за ри́въ За - то́ го - ве́ - при - ка, що въ саду́ ривъ (2)!

Припъвъ въ сказкъ. Любиный родителями меньнюй сынъ былъ убитъ стариимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началъ сказки), на томъ иъстъ, гдъ онъ былъ схороненъ, выросла калина. Преходивние чумаки выръзали изъ нея свиръль, которая заиграла имъ эту пъсенку. Остановась здъсь на почлегъ, она случайно заили въ хату семън убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною иъснью, старики брали свиръль и она имъ тоже пъла, что и чумакамъ, съ перемъной чумаче на матейсто и жатейсто. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ сволиъ чуманую свиръль старий брать, она въ немъ обличила своего убійну:

По ма́ – лу – ма́ лу, бра́ ті ку, грай! Не – вра за́ – мо́ – го – се рде́ – нька вкрай (2)! Ти жъ ме – ме́ – у ба́въ, на лему́ за ра́въ. За – то го́ – ве́ – при – ка, що въ саду́ ра́въ (2)!

(Зъ с. Кулаженець, Пиратинського повіту.)

Меланхолически таинственная жалоба свиртли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодъяніемъ. Темный, тусклый характеръ наитья не изміняеть себі ни въ одномъ звукі.

Изгибы мелодін, не покидая основнаго, минорнаго тона, дозволяля,—
мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступемикъ гаммы
(выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нёсколько въ стилѣ
имитацій). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ
голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей
природъ.

Разміръ (3/8) и строгая симистричность въ поворотахъ мелодія дівлотъ ес обчасти родственною польскимъ півснямъ и какъ будто отзываются злементами Шопеновской музыки. Между-тімъ, дыметь въ этой мелодія и что-то весьма древщее, какая-то первобытная простота, — скорбь думи почти-младенческой. Эти очтінки должны быть переданы при пеполненіи півсни, иначе она угратить всю глубокую прелесть свою и легко можеть очнаваться чівнь-то обыкновеннымъ, даже тривіальнымъ. Томность и ніжность півнія здівсь необходимыя условія.

Digitized by Google

»ОЙ КОЛИСЬ БУДИ«,

Off no stace by sá sápí i name má ni, А те веръ о - - бло га; Та ко ли - сь бу ли вір ні су сі до - чки, А те пе - ръ во - - - ро - ги. Ой не сте ли ся, зе ле ний спо ри - шу, **А по кру ті – – й** го рі; Ой не ра - дій те, зай і во ро же - ньки, Та объ мо ій при - - - го - ді! Бо - и що мо я при - - го до - нька Ta and li tha - - po cá: Со - нце зій де, ві - теръ но ві - е, Po - cá - o - - - na - zé; Со - нце вій де, ві - теръ по ві - е. Po - cá o - - па де́: О - ттакъ мо я при - - го до - нька На - ві - къ про - - - па - де!

(Зъ-підъ Лубень.)

Пъсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ расункъ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пъсни-перекачиванье ритма, въ тактъ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово »були«). Это-ритинчески выраженный вздожь, т. е. сожальнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіях в везиких в творцов в драматической музыки, въ операх БГлука, Моцарта, въ Фиделіо, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, висказанную какиминибудь двумя нотками пенія. Въ музыке народней, созданной Богъ знаедъ измъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изуинтельныя красоты являются чуть не на каждонъ шагу, какъ ввътки въ поль, которыхъ некто не светъ, некто не холетъ: для музыканта наблю дательнаго вненцо въ этихъ голосахъ природы человъческой заклю чаются данный для саныхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и »обстановки« ся въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекаютъ изъ народныхъ итсенъ сами-собой. То же самые законы внутренно-присущи и Модарту, когда онь писаль свой рекстемь и Бетховену въ его досятой симфоной. А сфонциальные профессора гарменій, двректоры консерваторій, съ высоты своей инимей учености находять какія-то энеправильности« (!), нарушенія гармонических законовъ (!) и въ наредныхъ ибеняхъ и въ созданиятъ Бетковеща. »Правильно« сочиняють мудыку на сметь только они сами д ихъ натентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

Digitized by Google

Въ предюдів и въ аккомпанивенть, но харантеру вісен, завъс главная ціль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмісті яхъ тісная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10). Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (онять въ стиль легкихъ »имитацій») повторены главные мотивы самой изсни.

VI. OË TAM'S HA MOPERRY.

(Веспянка.)

llegretto oco rallont.

Ой та - мъ, на мо рі - - - жку, Ho ctá blio - a xá mry -; Ви сту пцемъ, тй - хо - нду, A bo gá no rá mi hio, a bo gá no bi lo my, А во да по бі - ло му и ще й ти хше. Ой у - тій же хи - - - жді Ai bo urá - ch gi ah-; Ви сту пцемъ и проч. Ді во - чки си ді - - - ли, My cro trá - npo i an -; Ви сту иценъ.... Of Ta - Mb, Be No Di - - - MRY, Ho ctá bjio - a xá mry -; Ви сту пцемъ.... Ой y - тій же хи́ - - - жді Па ру бий - си ді ли -; Ви сту пцемъ... Парубий си ді - - - ли, Но жи ки - го стри ли -Ви сту пцемъ.... Ой та - жъ, на мо рі - - - жку, Ho ctá bho - a xúmby -; Ро эсту ним! ро - эсту - пим! Па не Кре ме не - цький, Во е во до дре - цький! Та ви зе ду та - нчикъ (') Са ма мо ло де - нька л По - Ні мець кій!

⁽Зъ хут. Петрушевки, Борзенського повіту.)

⁽⁴⁾ Стихь Та ойосду танчики постся такь, какь продъедущій.

Последній куплеть относится къ свирёному врагу Украины, киязю времіи Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указаль на это въ Богдане Хмельницкомъ Н. И. Костомаровъ; но это, сравнительно, нокая, недавняя вставка въ этотъ чистейшій хрусталь, уцёлёвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ песенъ, которыя поются большею частію девушками, при обновленіи природы весною, и составляють однать изъ драгоценней—
шихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напеве есть нечто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческом древностію. Теплое дытаніе украинскаго апреля весть здесь въ каждой ноть. Простодуше общаго характера и какая-то прозрачность, кристальность звуковъ—неподражаемы; есть что-то будто родственное инымъ, — вероятно, Чешскимъ мелодіямъ въ некоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пъсня распадается на двъ части— первая въ тихомъ, мърномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосъ); вторая часть пъсим ноется быстръе (più mosso)— мелодія бъжитъ, струится, какъ »вода по каменю«.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены витестт главные рисунки самой мелодіи, итесколько въ другомъ порядкт, нежели въ наптавт. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видъ опыта) можетъ служить отчасти указавіемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ птеняхъ.

А. Свровъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимь инспекторомь татаровской вимназіи, Линейкинымь.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатильтней службы перебываль я во многихъ гимназіяхъ этого края, — спачала въ должности младшаго учителя нъмецкаго языка и ариометики, потомъ-старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послъднюю должность, со дня опредъленія къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназіи. Какъ шиспекторъ гимнавіи, я быль обязань следить за образом'є мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнъ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мъра эта, которой пользу я испыталь на опыть, навела меня на мысль разширить кругъ моего инспекторского контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и ніжоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназін, и авторитеть моей инспекторской должности облегчили мит это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я сиялъ копін и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатицятильтие и еще одно пятильтие, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мъста, распрощался я съ татаровскою гимназісю и со службою. Очевидно, что, послъ этого, хранившаяся у меня въ копіяхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было ръшился сжечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намъреніе, какъ во мит родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сцент многіе взъ прежнихь діятолей остались, не какое различие въ началахъ или, какъ теперь говорять, въ принципахъ ихъ дъятельности! Въ послъднее время моей службы, я самъ не узнаваль себя: дотого, по долгу служебной исполнательности, усвоиль собъ прининцы. Ревностью къ просвъщению отанчались мы всегда; но какинъ образонъ столь внезапно успъле проникнуться чувствомъ собственняго достолнства и въ равной мере чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда выбугъ авились у насъ эта утонченная гуманность воснитатель-HLIX'S MED'S, 2TO LAYGOROE 2HARIE TARRETB'S DEGALORIE H. TARGE OFFICE CHстемъ улучшеннаго преподаванія? Собствешнымъ ущамъ не в'арынь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорнять о выправкъ и маринровкъ, какъ о належиваниях средствахь здравой ведагогів, теперь твердить о превосходствъ непринужденнаго уиственнаго труда. Собственнымъ глазанъ не веринь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточениемъ преследоваль, какь величайшую учебную контрабанду, нестрыя брюки, теперь и усовъ не замъчаетъ. Но что удивительнъе всего, такъ это то, что вавъстные дъятели, отличившиеся особенною изобрътательностью на поприще старой педагогів, и на поприще новой обнаружили такой же духъ изобрътательности на поприщъ старой педагогіи. Какъ удачно разсуждали оне прежде, напримъръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно разсуждають теперь о суеть ея. И при перемънь точки архиія, привилетія прирозной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ речь. Къ-удивленію моєму, чтеніє хранившихся у меня въ коніяхъ шисемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятилго чувства, которое производвло прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мірт свлетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, разставшись съ теломъ, равнодушно, говорять, смотрить на свое твло, такь я, вышедим въ отставку, сталь равнодушно смотреть на все гимназін въ міре. Что прожде, въ инсьмать монть сослуживцевь, возбуждало во мит зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ вліяніенъ отставки съ пансіономъ, показалось не болье какъ безобиднымъ образчикомъ вдешнихъ гимвазическихъ правовъ. и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію навъстныхъ. Теперь уже нътъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мъръ измънили свое обращение съ учениками; отношения членовъ педагогическаго совъта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетскихъ испытаній заминень новымь; положение господь учителей во всехь отношенияхь наививлось; изивнились даже отношения общества къ учебнымъ заводеніямъ края. Посмотръвши съ этой точки зрънія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — ръшелся напечатать. Картина учебной жизни, которую представляеть »переписка«, какъ картина промедшаго, и безъ-того не инбетъ никакого обличительного значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныть лиць, встрівчающіяся въ этой картинь, какъ можно менье походили на портреты лицъ живыхъ. то есть обретавшихся и обретающихся in rerum natura. Для этого, настолщія фанилін, упоминаємыя въ письнахъ, я замъниль вымышленными и уничтожиль, до мальйшаго следа, все нескромныя черты, прямо укаживавнія на отдъльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищеть въ »перепискъ « инкакихъ намековъ, инкакихъ извътовъ на отдъльныя янца, пусть никто не старается узнать здъсь ни себя, ни своить знаконыхь. По моему мивнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную ответственность кого бы то ни было общую принадлежиесть мъста и времени. Когда холера въ воздухъ всякій легко можеть едълаться оя жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться возиз, и первону инв многръшному, бывшему татаровскому инспектору! Госноди, аще бо назрими прегръменія, кто постоить? Да не нодумаеть кто набудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относищихся. Какъ несправедливо было бы такое предположение, доказательствомъ служитъ, что всв мъста, въ которыхъ не слижемъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторъ, то есть обе ить и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталь. Унические въ издаваемой мною перепискъ все неприятное для самолюбія или скромности отдівльных виць, я расположиль инсьма въ хронологическомъ норядкъ и въ выпоскахъ дополнилъ необходимыми поиснениями.

Бывшій инспекторь татаровской інпиназіи, Ивинь Линейнинь.

М 1. От надвирателя татаровской виимназіи, Тропаревига, къ секретарю крюкославской духовной консисторіи.

Ваше высокоблагородіе,

милостивый государь и благодътель,

Оона Петровичъ!

Священнымъ долгомъ считаю увъдомить васъ, что послъ всъхъ испытанныхъ мною треволиеній, достигь я наконецъ мирной пристани подъ вревомъ татаровской гимназіи въ званіи надзирателя (1). Рекомендаціонное инсьмо ваме въ господину директеру премного къ тему смособствовало и, такъ сказать, открыло мив вуть моего поприща. Да интрадитъ васъ за то Воевынній!

Представъ се страхомъ предъ особу господина дирентера, и доложиль ему о моемъ пребывания въ семинария до риторики включительно. Въ отвътъ на сіе ихъ высокородіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ нотномъ нівнін. Часть эта достаточно миз извітстна, и я, не обинуясь дерзнуль увітрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высокородіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить иъ исправленію надзирательской должности, но, вмітсть съ тімъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всъхъ насъ надапрателей при татаровской гимназіи седиь челевъкъ. Нять блюдуть за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольнопри-

^(*) Какъ добросовъстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотв и подлинности, на сколько это было согласно съ гребованіями скромности. Однако, что касается правописанія, то я предпочель сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ следстве этого, во многихъ письмахъ, вивств съ некоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохраниль и всёхъ тёхъ ореографических тонкостей, которых сущность заключается въ выраженів большей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертамы названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримерь, въ письмахънадзирателя Михайлова) переданы здёсь безъ всякаго измёненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противоричать господствующимь въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти-•arrs, un fait accompli, и сабдовательно, въ нашъ безпристрастный въкъ, имиють свой авторитеть даже для науки.

ходящими. Мить восноследовало назначение въ общия квартиры (1). Квартиры сін именуются общими по совокупности пребывания въ нихъ ученивовъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрънію начальства. Разумъется, возможна въ семъ и иткая экономія, паче же, по внушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здъсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мить, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго въдоиства. Дежурниъ мы чредою, каждый не белъе четырехъ разъ въ сединцу.

Переписка есть и здёсь, только умёренная: двё книги для записыванія штрафовъ, одна—для успёховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посётителей, одна для особыхъ провашествій и, кроиё того, емедневно составляется краткое извлечено изъ всёхъ книгъ и при рапортё педается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемъсячно 16 рублей 33 копъйки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ нищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависить отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ пріемлеть особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

· Что касается доброхотныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

⁽¹⁾ Общія квартиры были открыты здёсь въ 1840 году, въ видё опыта на 10 лать, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1856 года. Всв воспитанники извъстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартиръ: исключения допускались ръдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслидствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержание обходилось дешевле. Повтому плата за содержанія въ общей квартирь была самая умъренная. Всь расходы по общей квартирь (не исключая и жалованія надзирателямь и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дітей. Не смотря однако на свои ограниченных средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и вивш-HELD няго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего виспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназів представляли образець чистоты, порядка и, въ изкоторомъ смысль, даже великольнія. Мы гордились тьмь, что изъ остатковь сумив, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособія, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособіямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартирь въ блестящемь вид'в, который сділаль бы честь в заведенію, располагающему значительными штатными суммами,

благостыми, то, по недавности моего здёсь пребыванія, въ точмости еще ме знаю. Слыхаль, однако, что сослуживець мой, надзиратель Кондаковскій, имъеть нёкіе источники, изъ конхъ главный заключается въ отдачё ученикамъ денегь въ рость. Въ случаё несостоятельности должниковъ, займы вамскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредъление моемъ инблось въ виду и нотное пъніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповъданія, госполинъ директоръ еще не успълъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ комхъ многіе и сами нечужды нотному искусству, басъ мой быль бы, на клиросъ гимназической церкви, въ нъкоторомъ смыслъ, гласъ вопіющаго въ пустынъ.

Мъстечко Татаровка на видъ ничъмъ не отдичается отъ другихъ мъстечекъ нашей губернін: такое же иножество Іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здъшняя превосходить все извъстное по губернін въ этомъ родъ.

По случаю, мит достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика честь имтю вашему высокоблагородію почтительнтайше представить. Не отвергните, достопочтенитайшій благодітель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

Ne 2. От надвирателя татаровской вимнавін, Цаповскаго, къ столонагальнику крюкославскаво вуберискаво правленія.

Честь инко реномендеваться вамъ, любезнъйній Артемій Спиридоневить: недзиратель за вольноприходящими учениками татаровской гимназін, Аменлохій Аввакумевичъ Цаповскій. Пусть не думаєть твой господвить совітникъ, выжливній меня, що наущенію жидковъ, изъ крюбославскаго городоваго магистрата, что всё міста въ губерній зависять отъ губернскаго правленія. На зло господвиу совітнику и всёмъ врагамъ моммъ, я, послі трехмінсячной безмездной переписки бумагъ въ канценарін учебнаго округа, нолучиль місто надзирателя гимназіи, по преднисанію господина управляющаго скругомъ отъ 17-го сентября сего года за № 9,999.

Моъ дълъ губернского правления тебъ извъстно особое положение сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

Digitized by Google

эмратели при учебныхъ заведеніяхъ назначаются предпочтительно такім лица, которыя, по своей служебной опытности, могли бы им'ять бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилъ Аммосовичу, первому докъкрюкославскаго губернскаго правленія, поучитьсябы у господина директора. Пріятно служить у такого начальника: можещь спать покойно, въ
полной увъренности, что никакая въ мірт бумажка не захватитъ тебя
врасплохъ. Похвалюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ
довъріємъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіетъ закупки сътстныхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общей сложности, однако, я не въ
убыткъ. Бываютъ также и экстренные случай, не говоря уже о пестроиъ
платьи, чубукахъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумъется, для всякаго желательнъе монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя
благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надвору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотв и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромъ непріятностей, не жди ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можеть состояться и гимнамия; но, сколько я понимаю это дело, присмотревнись къ гимназіи на месте, въ учительскомъ штатъ возможны значительныя сокращения. Довельно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не правятся инв въ учителяхъ ихъ азартные манеры. Иной, вожжавши изъ класса въ инспекторскую, бросить передь тобою на столь классный журналь, такъ что столь задрожить. Не могу однако пожаловаться на учителей ивмециихь: эти ужъ, видно, отъ природы расположены но всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умъютъ правильно сказать по русски, однакожъ требованія высшаго начальства смекають не хуже нашего брата, стараго служаки. Право, въ нихъ гераздо больне настоящей предацности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Симридоновичь; кланяйся крюкославскому городовому магистрату и пожелай сму отъ меня, чтобы сиъ пре-

валияся, вибств съ твоимъ господиномъ совътникомъ, который болъе въритъ жидамъ, чъмъ благородному офицеру.

№ 3. **От надзирателя тат**аровской вимназіи, Михайлова, нь ево жень.

Дражаншая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увъдомляю тебя, что, по теперешнему месму званію и офицерскому чину, нолучиль я мъсто надзирателя въ татаровской гимназіи, крюкославской губернін. Должность моя смотръть за мальчинками, чтобы не портили казенной небели и не пачкали княгь, а болье же по гардеробной части, на счеть самогь. Еще обучаю я здъщнихъ школьниковъ пъмей выправкт и маршировкт: теперь вся ихняя гимназія прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недвлѣ великаго поста пріважаль къ намъ начальникъ: кто говорить—казенный испекторъ, а кто — визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше учение съ танцованіемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ прівздомъ своимъ ко мит ты, мать моя, повремени. Здѣший учительскія и надзирательскія жены говорять на языкахъ и наряжаются, какъ момъщицы. Гямназическая попадья и та въ шляпкъ подъ зонтикомъ. Тебъ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, но строгости здѣшимъ начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворъ свиней не теринтъ. Я самъ одной перешибъ полѣномъ ноги; кажись, письмоводительской.

Просиль я тебя не называться и не нисаться прежнимъ нашимъ прозванісиъ — Соплаковой, а теперешнимъ — Махайловой. Забыла развъ, что когда на сметру фельдфебель первой роты при всъхъ ляпнулъ свою фанилію, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужицкахъ прозваній и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебъ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидинь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тъиъ не въ-нримъръ дешевле.

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

№ 4. Отв угеника татаровской вимназіи къ бывшему угенику той же вимназіи.

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукею директера изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежиему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положенія,
по милости директорской отмътки: поведенія быль добропорядочнаго. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоемъ. Казалось, близокъ былъ конецъ всъхъ умственныхъ и нравственныхъ испытаній; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанія; но не такъ было угодно судьбъ. Скажи, какъ принялъ
тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надвиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простять мить боги, что упоминаю ен ими рядомъ съ именемъ негодяя) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханій нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цаповскій постацаль нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенію, утащиль одесскій чубукъ Стася и прекрасный кисетъ Больця, вышитый ручками его божественной Мариси. Больця не было въ квартирт; мы знали, что онъ дорожить кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цаповскому, витсто кисета, девять злотыхъ, то есть все, что имълось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскій сънграль недавно отдичную штуку съ Филипионъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бъдняжит Митъ не далась географія. Не желая оставаться на третій годъ въ третьемъ классъ, за незнаніе ведямыхъ коммуникацій, задумаль Миша уволиться изъ гимназіи и ноступить въ аптекарскіе ученики. Но и для этого необходимо представить свидътельство объ удовлетворительномъ знаніи предметовъ третьяге класса, слъдовательно необходимо было держать экзаменъ и получить переводный шаръ изъ географіи. Пастало время годичныхъ испытаній; Филиннъ Петаповичъ, по обыкновенію, развъснать у себя на заборт, витьстт съ сушившимся бъльемъ, разныя географическія карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотълось Мишт выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слъдующую штуку. Въ день экзамена изъ георафія, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филинну Потаповичу отправиль нъсколькихъ товарищей, съ твиъ чтобы они, нодъ

видомъ нереговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долъе. Встрътивши Филиппа Потаповича въ корридоръ, Миша извъстилъ его о своемъ намърени поступить въ аптекарские ученики, ноказалъ свое промение объ увольнени изъ гимназии, помъченное рукою директора, просилъ синсходительно экзаменовать его и въ заключение сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мъдныхъ нятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидътеляхъ повърять содержание свертка: онъ спряталъ пятаки въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдъ уже неджидали его предсъдатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здъсь не удалось ему нересчитать деньги, что, по своей примърной на эготъ счетъ вкиуратности, енъ непремънно сдълалъ бы, если бы дъло происходило съ глазу на глазъ. Кончился энзаменъ, Миша нолучилъ переводной шаръ, а Филиппъ Нотаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготевленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебъ печальную новость: Пета попалъ въ число директорскихъ любимцевъи уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловьу нашего директора — зазвать къ себъ ученика, поить чаемъ, кормить кенеектами, ласкать, а между тъмъ искусно вывъдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорский вийономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покрасніль, отвернулся и сквозь слезы отвъчаль: »со временемъ узнаете«. Упрекнула ль его совъсть, или оскорбился онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо приняться за дозубриваніе положеннаго числа страниць. Право, какъ подумаешь, что иные изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классъ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвътами предъ другимъ начальствомъ....

№ 5. От бывшаго угеника татаровской гимназін къ его товарищамь.

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всъхъ васъ за цамять и участіе. Правда твоя: добропорядочное поведеніе закрыло мит много цутей, но не закрыло встахь; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы кскати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честью — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдать. Воть какъ это случилось.

Когда безъ спроса и въдома монкъ редителей, мив приказали уволиться изъ гимпазіи, то я, чтобы не поласть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ наняль балагулу (1) и отправился домой. Ты знаемь моего отца, поэтому догадаемься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому. Какія ни придумываль оправданія, чтобы представить отцу діло въ самонь выгодномь для меня світь, какъ ни подбиралъ натетическій фразы, а все казалось инб. что не обойдется безъ расправы. Увидевъ меня, старикъ строго спросиль: зачень я прібхаль домой въ учеоное время. Поклонившись отпу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназін за то, что безъ позволенія висисктора пошель въ костель; разумъстся, о столкновени месмъ въ костель съ надзирателемъ Цаповскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwzse pesłuszeństwo, łajdaku, jak nabozeństwo« (повиновеніе, негодяй, важиве нао́ожности), отвътилъ старикъ и уже сиялъ со ствиы нагайку, какъ явились въ комнату мон мать и нашъ приходский священникъ, ксендзъ Гајука. Разсказы мои, подтвержденые свидетельствомъ матери, которая, во время приводовъ своихъ въ Татаровку, имена случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небыльцъ о строгости татаровскаго директора, и нъсколько сентенцій въ пользу набожности ксендва Галухи, спасли меня отъ редительскаго жезла. »Видио, не унфютъ теперь васъ съчь въ шкоят и придумали выгонять«, сказаль старикь и повъсиль нагайку на ея мъсто, между одноствольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояние мосго отца заключается въ дворянской родословной, которой подлянности пе успъли опровергнуть и строжайши розъискания современныхъ критиковъ; поэтому мит необходимо было подумать о службъ, какъ единственномъ для меня кускъ хлъба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здъсь самому не хотълось бы: оставалось одно, ъхать въ корпусную квартиру и опредълиться въ полкъ. И здъсь однако чуть не помъщало мит добропорядочное поведение, отмъченное въ моемъ гимназическомъ свидътельствъ крупинить дпректорскить почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотръвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимнази не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведениемъ? Тебъ извъстно, какъ отвъчаютъ на этотъ вопросъ

⁽¹⁾ Балагулами называются въ Западныхъ губерніяхъ Еврев, промышляющіе извозомъ.

всь подобные мит гимпазические отверженцы. «За курение папироски, полковникъ», сказалъ я. Почтенный ветеранъ улыбнулся. «Въ такомъ случать, надъюсь», замътиять онъ, «что въ военной службъ, гдъ курить позволяется, поведение ваше будетъ безупречно», и меня опредъляли.

Военная служба и кругъ людей, въ который и попалъ, пришлись мит по душть. По крайной мікріз здісь ність выгнанных визь магистрата надапрателей и другихъ высмаго разбора соглядатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкъ военной молодежи, я въ три мъсяца успълъ въ русскомъ языкъ болве, нежели въ течени всего гимназическаго курса. Но, говорять, висчатавнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что Аля насъ съ воспоминаниемъ о школт соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надъюсь однако, что время и добрыя силы незлоцамятной юности скоро изгладять въ душт моей непріятные образы надзирателей и директоровъ, пріучающихъ насъ къ подличанью и минонству. Уже и темерь я, кажется, встретнаь бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безотвётныя жертвы татаровской дисципанны, какъ и мы несчастные, встрътлаъ бы съ радостью. Восмоминаніе же о васъ, друзья мон, и о той, дорогое имя которой ты упомянуль въ своемъ имсьмі, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохраню на всю жизнь. Прощай, дорогой другь; обними кръпко всъхъ товарищей. Пишите комив, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. От помъщика бабинскаго угозда, Колпаковскаго, ко помъщику того же угозда, Розатовскому.

Иснолияя твое желаніе, любезный сосёдь, спёшу какъ можно подробиве разсказать тебё о всёхь обстоятельствахь опредёленія сымовей монхь въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный мониъ онытонъ, зналъ, какъ лучие поступить и тебё, при опредёленіи своего дитяти.

Само собою разуместся, что въ такомъ деле, какъ определение детей въ учебное заведение, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ намемъ доманнемъ совете положено было ехать съ детьми въ Татаровку не только мить, но и женъ моей. Жену, вместе съ паномъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и детьми, отправилъ я въ особомъ экипаже; самъ же вытехалъ после и догналъ ихъ въ Кривомъ-Роге, сделавъ на моихъ гителыхъ более 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы у Тренбовича, въ Романсовкъ, и на другой день благополучно прівхали въ Татаровку, гдъ, выдержавъ неизбъжный натискъ мишуресовъ (1), остановились въ постояломъ домъ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроявшись, а главное-защитивъ себя отъ напора разныхъразнощиковъ, пригласиля мы къ себъ ветхозавътную чету, Янкеля в его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназін и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавътная чета насказала намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокомври татаровскаго директора, о строгости пріемныхъ испытаній и о притвененіяхъ, которыя делаются родителямъ въ выборе для детей квартиры. Предметь этотъ, повидимому, очень близко интересовалъ Янкеля и его Сору, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ разлачныя черты татаровской дисцинянны. Едва успълъ Явкель разсказать намъ одинъ случай, рисующій нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала равсказывать другой, по ея мижнію, болже поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Япкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событін, которое обоимъ казалось особенно замітчательными, тогда голоса нув сливались, и они вміссть воспіввали одно и то же: точь въ точь италіянскіе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценъ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показалъ Япкслю кошелекъ и спросилъ его, не удаживаются ли здівсь дівла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленію моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовъряя разсказамъ Янкеля и его Соры, отправился я, за полученіемъ свідвий о гимназіи, къ извістному въ намемъ убядв фортепьянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназіи татаровскую модистку. То, что услышали мы здъсь, еще болъе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манеръ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ непріятныхъ объясненій съ директоромъ, моя добрая Юзя выявалась взять на себя первую аудіенцію, въ томъ предположенів, что для ней, какъ для дамы, татаровскій директоръ будетъ въжливъе и уступчивъе. Но увы! только вапрасно моя бъдная барыня провела лишній часъ за своимъ туадетомъ. Представь себъ: этотъ камчадалъ, татаровскій директоръ, вы-

⁽⁴⁾ Мишуресъ — Еврей, исполняющій въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

мель къ моей Юэть въ какомъ-то бекешт и, не обращая вишманія на сл въжливости, не давши ей кончить комплимента, съ поторымъ она обратилась въ нему, сухо спроснив: эчто вамъ угодиоч, и затёмъ узвавши, что дело состоять въ определения наших детей въ гимнамио, сказаль: •подайте прошеніе; экзамень въ 5 часовъ«; повернулся и ушель. Чорть HIS SHAOTS, V ROTO STE JIME VILIECS VITUBOCTE H CS REN'S ONE MEBYTS! Юзя мон, обиженная прісмомъ директора, страшно его бранила, цанъ Цебовичь ей вториль, дети слушали, я молчаль. Но ведь какъ ин разсуждай, а гимназів темерь не обойдошь.... За полтинникъвить нависали гат-то променіе о причитів можуь дітей въ гимназію, и я рімнася новести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ себою и Цибовича. Когда детей жименовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціонняго зала и издали могли видъть только испуганным физіономіи Яся и Стася, ответовь же ихъ не савинали. Очазвалось, что дети, которых в Цабовича DALICA HOMPOTODUTE DE TOCTIÀ RARCCE, MOTAH, NO COCHEN MOSHAGIANE, NOступить только въ порвый. Я бы не поверняв этому, если бы меня упвряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Бежія, ясендаъ Пущайло, сказаль то же самое. Между трив Цибернув старалея убълеть Юзю, что всему виною одно русское произношение, поторымъ будто ім въ ответахъ можхъ детей остался недоволень директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ провретномъ опысле ответи менхъ детей неъ географіи и ариометнив. Боюсь однако, не надудъ н нена самъ Цибовичъ: здъмніе учителя увнали его и сказали мив, что, геда четыре тому навадъ, онъ, по неспособности къ учению, уводилея въ третьяго навеса татаровской гимиязін. Если это действительно тавъ. то, разумъется, постушивъ въ гувернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Общаниявъ! а когда поступаль ко инъ, то говориль, что знасть гимназическую программу, со истин ся правилами, искаюченімии, толкованімым и дополионіями, какъ своихъ пять нальцевъ. Такъ-то машего брата, номвинка, всякій надуваетъ!

Сколько и ни уверяль директора и господь учителей, что дети мен врекрасно приготовлены, что только по робости могли обиться въ ответать, сколько ни управиваль членовъ педагогичекаго совета — примять моихь детей, если не въ третей, то по крайней мерт во второй классъ (въ который действительно и намерень быль определить ихъ; въ третей же запросиль для веритённаго према во второй); но все просьбы мои были вапраены. Наконецъ, умоляль, чтобы котя старшаго сына, щадя

его самолюбів и сердце метери, приняли во второй; но и въ этомъ не усивлъ: оби воступним въ первый.

Посль превий о калесь, перешли (уже въ двректорской квартирь и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи можхъ дѣтей на явантера. Я намавень быль немастить ихъ у госкожи Чубонкой. Дочь этой почтенной дамы геверить но французски; зять отчасти тоже говорить по фолинузски и кром'я того играеть на скрипк'я; сынь отлично тапичеть. Мит очень поправилесь соединение стольких талаптевъ въ одновъ совействе, и я, чтобы не потерять случая повестить детей мо-EXS HA READTED'S C'S TARRES BOGILLATOLINE EPONYMICCIPANN, OTCHL охотно согласился дать госноже Чубанкой, въ счеть нааты за соленкавіе монть дітей, 50 рублей задатку. Но дирокторъ и слушать не котідъ о сонтинени монкъ дътей на вольной квартиръ и требевалъ, чтебы ихъ вопротить въ такъ навываемыя назармы, или общія крартиры. Полагаю, нътъ нумам расскажевать тобъ, что это такоо-общія квартиры: всё мы OTORID KOROMO SERSOND, BY YOU'D SAKAMOPROTOR BOR CRAR STORO MELISTO VUDOMделія. Напрасно выставляль я директору итжими возрасть монуь дітей, udablyky muts de combb, hampacho ymojaje, fodaymica, hackyjaje, hambacно самъ проседъ и подсылалъ другихъ просеть за меня; онъ быль пеумолимъ. Каменное сердце! Если бы и на свои глаза не видълъ, какъ десятки других отновь воениесь съ нимъ тоже бевъ всякаго уснаха, то подумаль бы, что бесь этоть не ресположень только лечно ко вить. Три дня осакдаль я татаровскаго дирентора: ловиль его дома, въ гостиль, на удиць, B' PHHHASIH, B' HEBRBH, BCC SC TEPAR HAZEMALI VIONATE CTO RAWS HEGVAL: наколонъ принужденъ былъ признать себя нобъяденнымъ и согласился повъстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началь наших вореговоровь, восиваля дешевизну содержания въ общей капртира и выставлия оту деновачну, какъ одно изъ премичиествъ, диренторъ синзалъ инв, что за содержание въ общей квартиръ обоихъ монув сыновей, въ неоромъ нолугодін, следуеть заплатить телько 120 рублей; но когда дошло двло до ресилаты, то вдругь прибавилось еще 80 рублей на накое-то первоначальное обзаведение; затывь, нри сдачь бълъя и платъя, ображовали, нодъ предлогомъ неоориенияго вида, почти вось гардоробъ новуъ детой, и обранованным вощи надо было перовости на эвонкую менету; наконенъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, начто и натурою, именно серебренную дожку, ножь, вилку и 20 аринить кажего-то салосточнаго холста. Воб эти сдблял облечены въ законную форму, и, въ получени отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

дать мив формальные квитанцій. Покончинь съ директоромъ, я заверичаъ въ общія квартиры, чтобы увидіть будущее номіщеціе монхъдітей. Здісь orresin mode nodem, vinc hombatulis calera a modele decical. Herridaтем совътелель нив, чтобы я, для сугубъймаго повторения уроковъ. договорилъ особаго репетитора; особый репетиторъ намекалъ, что, але ващиаго надзора за моими дътьми, не мъщало бы мит пригласить особаго недамрателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бълье и платье особому новечению гордоробщика; гордоробщика отсывала, для особыха Reperonapon's a vat, us gyoczniky; gyocznik bo beon's collianca ha инспектора. Когда и удадилъ все это, то оказалось, что дешевое помъщение въ 120 рублей на бумать, обощлось инт на дъль въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, процалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мет застать дома старуху Чубацкую, которая на отръзъ сказала, что задатка не возвратить, потому что издержалась на заготовление необходимой для чонуъ дътей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе монкъ татаровскихъ похожденій, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго събзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я вывхалъ изъ Татаровки, у меня въ душт и въ кармант было такъ пусто, какъ послт пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосъдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можещь принять къ свъдънію и руководству слъдующія замізчанія.

1-то. Когда повезещь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собой жены, — по крайней мъръ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь а могъ замътить, видъ прекраснаго пола еще болъе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ скоръе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-do. Не входи съ татаровскими жителями въ необдуманные сдълки викому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-tie. Отправляясь из татаровскому директору, спими съ себя вст туметныя украшенія: часы, перстин, брелоки, булавки, пуговки; намень старые саноги и старое пальто, словомъ нарядись бёднякомъ; бёдняковъ, какъ я узналъ, они освобождають отъ пом'ященія дітей въ общей квартиръ. Только предупреждаю тебя, что обменуть этого чорта, татаровскаго директора, черезвычайно трудио: у него везді свои шпіоны. При выдачъ квитанціи, онъ шутя сказаль мит, коптійка въ коптійку, сколько и привсеть съ собою денеть и какою менетею, также пересказаль слово въ слове, какъ бранила его моя Юза.

4-to. Отправляють въ Татеровку, нотуже наблезії бумажникъ. Тамъ всякії своимъ манеромъ ум'веть заставить намего брата заплатить дань веспитанію.

№ 7. От помпицика бабинскаго упода, Рогатовскаго, ке помпицику того же упода, Компаковскому.

По совъту твоему, любезный сосъдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку: Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежескоцкаго, потому что, какъ справедливо замътила моя. Кася, въ Татаровкъ привезенный мною домашній учитель. могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бъдняка, роль котораго я намфренъ былъ, по твоему совъту, разънграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмъ, но и въ декораціяхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на паръ фоль-верковыхъ лошадокъ. Въ Татаровкъ, подъъжая къ ностоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держить въ рукъ простой мужицкій кнуть, а не тоть трехь-аршинный бичь, которымь такь мастерски владбетъ, замахнулся и хотълъ хлопнуть; но слабый звукъ кнутика, не соразмітрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудиль хохотъ и вдкія замічанія въ толит мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе незврачнаго шарабана, мало объщавшаго поживы для хозяина постоятаго до а и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надёль я на себя самое старое изъ монкъ нальто и тотчась же отправился къ директору. У вороть директорской квартиры, сквозь рёшетчатый заборь, замётиль я выбёжавную изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену чернобродскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ен пылали, глаза сверкали гивьвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развъвался на подобіе флага, шляпка подалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летёла она, крича: »piechota pöjdę do Petersburga! спёшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрётившись съ нею въ калиткъ, я посторонился и подаль ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вёжливость,

проичалась инмо меня, прокричавъ еще разъ »ріескота роје de Petersburga! « Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тв же слова:

»ріескота роје do Petersburga! « произнесенныя громкимъ мужскимъ басонъ, вновь раздались въ директорскомъ дворв, виветъ съ отвътомъ на оныя директорскихъ индоковъ. Я оглянулся и увидълъ огромную онгуру нашего сосъда Цимбалинскаго. Лице его побагровъло отъ гитва; извъстная тебъ малиновая шапочка, надътая на бекрень, отчаянно подалась къ лъвому уху; славутская бурка, въроятно, второцяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надъта на выворотъ, то есть, красною нодкладкаю наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидълъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагани и новторяя тотъ же кликъ: »ріеснота dójdę do Petersburga! « онъ пронесся, всятдъ за Раскидальской, тоже не замътивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый объть Роскидальской и Цинбалинскаго — приком в свершить столь дальній путь, объть, возвіщенный всевародно и притомъ тотчасъ по выходъ отъ директора, въроятно, быдъ сатаствіемъ какня в либо непріятностей съ директоромъ, и что повтому и этоть последній можеть находиться теперь въ раздражительномъ состоянін дука, я отложиль мой визить до болье благопріятилго времени и носившиль догнать Цимбалинскаго. Исправивь превратный видь своей бурки, онъ вель уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причивой ихъ волиенія были действительно неудачи по части восцитанія. Распри проседа деректора позволись ед сыну квартировать у ед родственинцы, Шунальской, а Цимбалинскій просиль позволить его эмоному помъститъ своего сына на вольной квартиръ для бъдныхъ. Диренторъ отказаль и той, и другому, находя, что для удовлетвореныя просьбы Раскилальской не довольно достаточна степень редства, а для удовлетворевін просьбы Цимбалинскаго, недовольно достаточна степень бъдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, действительно беденъ, какъ только можеть быть бедень экономь небогатаго помещика, но нечистый духъ вастовства нодетрокнуль Цимбалинского явиться предъ блюстителемъ татаровскаго просвъщения въ роли исцената и хлонотать за своего эконена. Увидъвъ такую важную персону, разумъется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключиль, что персона эта извонтъ безноконться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; повтому не только отказаль помъстить экономскаго сына на вольной квартиръ для бъдныхъ, но, какъ искуссный негоціантъ въ торгавъ этого рода, еще потребоваль, чтобы онь быль помъщень въ самый дорогой разрядь общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалинскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницъ Роскидальской, въроятно, посовттоваться на счетъ своего путемествія въ Петербургь, я ветретился съ госполиномъ, въ ноторомъ узналъ моего стараго знаконаго, чиновника крюкославакаго городоваго магистрата. Цаповскаго, сочинявшаго и переписывавнаго мив въ Крюкославъ разнаго рода дъловыя бумажки. Я очень удивился, увидъвъ его въ синемъ фракт съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвъщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадъ, я и на костюмъ Цаповскаго сначала смотвълъ съ маскарадной точки эрвнія; но онъ увбриль меня, что костюмъ этоть составляеть двиствительную принадлежность его оффиціальной роли-надапрателя за вольноприходящими при татаровской гимназіи. Тогда я пригласиль его къ себъ и, представивъ ему несомивнимя доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посовътовать, какимъ бы образомъ избъгнуть мит помъщенія дътей монхъ въ общей ученичеекой квартиръ. По совъту и при содъйствін Цаповскаго, я взяль отъ уваднаго врача свидвтельство о болваненномъ гвлосложение моего сына. именно такомъ телосложенія, которое требуеть особаго дістическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затвиъ нослаль къ нашему уведному предводителю за свидътельствомъ о моемъ близкомъ родствъ съ какимъ-то мяйромъ, у котораго Цаповскій договориль для моего сына квартиру, и наконець оба эти свидвтельства, вивств съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартирования въ общей квартиръ, послалъ по эстафетв, на имя нашего весобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнылъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій ув'єдомиль меня, что на прошеніе мое вскорв последуеть благопріятная резолюдія; но что, для окончательнаго усивха моего двла, мив необходимо расположить въ мою пользу и Тагаровскаго директора, которому для формы предложить сказать свое мивніе по этому двлу. По совіту того же благодітеля Цановскаго, я отправнися въ директору тотчасъ после одного изъ моментовъ, опредвленныхъ у него для пріема пищи (въ это время, по замічанію нодчиненныхъ, онъ сговорчивне), выразиль ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодътельнівшихъ воспитательнымъ мъръ нашего времени; изънвиль сомальние мое о томъ, что по болваненному твлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспатательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввъренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложелъ позволеть мнъ внести, въ пользу этого благодътельнаго учрежденія, сумму, положенную за годичное содержание ученика, и наконецъ просилъ засвидътельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мон, изложенные въ прошенія, посланновъ по эстафеть, заслуживають уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мит же пожертвованныя мною деньги были записаны въ коссовую книгу прихода. Въ неолидстви Цаповскій, за стаканомъ пунша, объясниль мнь, что изъ сумиъ нодобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дъйстительное содержание дътей, при соблюдении всевозможной экономии въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концъ учебнаго года, совершенно цегальнымъ образомъ переписывается наъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распродъляется не карнананъ благоразумныхъ составителей экономическихъ сумиъ и вскхъ пріемлющих о томъ понеченіе. Вещь, какъ наводинь видеть, организована очень прилично.

И такъ, дюбезный сосъдъ, какъ говорить ксендзъ Галуха, есі меdus ін rebus. При пособін одней джи, засвидътельствованной медикомъ, и другой — предводителемъ дворянства, инъ удалось обділать мон діла уситаннъе твоего. Противъ менхъ аргументовъ не устоплъ и самъ латаровскій директеръ.

Въ заключеніе, позволь и инт, любезный состав, окончить имсьме мес, въ видъ совта тебт на будущее время, слъдующимъ замъчаніемъ: самая лучная гарантія отъ встать золь и нанастей — это листъ чистей гербовой бумаги, съ приличнымъ приломеніемъ.

(Upodoamenie bydems).

нъсколько словъ

о народности въ религозной жизни,

(по поводу смерти Шевгенка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человічества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей народной жизии. Славане восточные, или точные-Славане великорусскіе, довольно разработавъ промедшее своей жизни, порываются установять свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностой въ возврвијякъ отого рода, мы темъ не менве, признаёмъ, что въ сомования этихъ воззрвий лежить начало справедливое. Безъ сомивнія, быть замкнутымь вь своей жизня в отрицать постороннія разумныя вліжнія не значать действовать по благу своей народности: народность не исключаеть усвоенія навив того, что необходимо для ся развитія, точво такъ же, какъ, напримъръ, то или другое растеніе, самобытное въ своей жазни, не исключаеть вившнихь условій, необходимыхь для его развитія. Каждый породъ имвоть право усвоять собв лучшее у другихъ народовъ на столько, на сполько оно действительно ость лучиес для него. Онъ не теряетъ въ этомъ случат своей самобытности, потому что въ выборт для себя того или другого изъ витшимхъ вліяній онъ самъ господинъ себъ, а не виъшнія вліянія располагають имъ по своему произволу. Безусловное подчинение — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народных стремленій разных народов не только славанских, но и не славанских, могь ли быть равнодушным в этим стремленіям народь южнорусскій, имінощій свою исторію, говорящій своимъ языком, не смішавшійся ни съ одним изъ окружающих его народовъ славанских, но сохраннявній свою самобытную жизнь, и съ світлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благопріятных для развитія условіяхъ своего существованія, - не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратвав вниманіе на свою внутреннюю жизнь, сталь винкать въ свое прешеднее, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей народной жизин. Плодонъ этих стремленій было появленіе украниской литературы, еще весьма ювей, не уже успрвиней обратить на себя винианіе не одинкъ Малороссовъ.... И во главъ этого-то современнаго литературнаго движенія стояль одинь жет отличных сыновь народа-Шевченко!... Нать надобности говорить, чтить онъ быль для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ венъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ кокимъ-то мионческимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняемь свою голову.... Шевченко успъль сдълать то, къ чему быль иризвань: онь доказаль себою, что стремление народа южнорусскаго къ своенародной жизии — не мечта, какъ казалось и нашинъ маловърамъ, и другимъ невърамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личнесть, какъ Шевченко, не погибнеть въ круговоротв исторіи, не совервявъ своего назначенія... Послъ Шевченка наша народность витетъ законное право на свое существование.

Но если, подобно другимъ народомъ, народъ южнорусскій выбеть право развивать свою народную жизнь вообще: то можеть ли онъ быть народнымъ и въ жизни релимомой въ частности? Безъ соинтин, религия иристівновая — одна истинная релягія для всехъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежить вийсти съ другими, и народъ вжнопусскій, сохраняють догматы религін христіанской во всей чистотъ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть народнымо в въ своей православно-хрвстіанской жизнибезо противоръчія какъ догиатанъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значенім народности въ жизям религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ виолив нашего виммавія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементь жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замізчають и не Малороссы тамь, гдів сталкивается онъ съ другимъ народомъ. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонъ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочеть ли онъ, чтобъ и религія принимала участіе въ важномъ для него деле народной жизни? Стараясь рвинть этотъ вопросъ-вопросъ объ участін народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое мильніе, не считая его обязательнымъ для чьей бы то ни было совъсти: ученые и строгіе догиатисты могуть соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человъчества --- возможное для человъка совершенствованіе. Милліоны авятелей во всв времена стремятся къ выволиенію этой задачи: но искомое совершенство всегда будеть для челевичества тамъ вдеаломъ, который человъчество будетъ стараться вивстить въ себъ, но котораго некогда не обниметь. Иначе и быть не можеть: конечнымъ дъятелямъ не обнять совершенства — безконечнаго пе самей природъ своей.... Однакоже, назначение человъчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къзтому совершенству, - не вдругъ, а по чаетямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединение (правственное) мио-ГЕХЪ ДИЧНОСТОЙ ВЪ ОДНУ ОбщУЮ ВОЛИКУЮ ЛИЧВОСТЬ, ПРЕЗВАНЪ ВЫНОЛНЕТЬ ОДну какую выбудь частную задачу жизни, указываемую ему природою и исторією, и онъ выполнить се непремінно, если достигь необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развиваль однів идем, наприміврь идею искусства, тогда-какь древній римскій народъ-другія, напримітрь, идею права. Когда народъ выполнять уже свое назначение, тогда онь уступаеть место другому народу, который въ свою очередь дълаетъ свое дъло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человъчества-совершенствование ръшается иногими народами, дъйствующеми не только совмъстно-другь подлъдруга, но и преемственно другь за друговъ. Каждый народъ вносить свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цель человечества — усовершенствованіе, то нать и не будеть ни одного народа, который могь бы сказать, что уже все сделано для блага человечества и ему ничего не остается дълать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое небудь дъло, другой продолжаеть начатое, — одинь двлаеть болбе, другой менбе, но чънь болье выступаеть великихь дыятелей, т. е. народовь, выработывающихь своею жизнію ту нян другую идею, тімь болье движется впередь общечеловъческое усовершенствование. Такимъ образомъ, безъ иножества и разнообразія народностей невозможень никакой прогрессь человівчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитацииковъ не одной задуманной мъркъ, не допуская никакой свободы въразвитіи, подавляеть и губить развитие подпавшихь ея вліднію личностей. Но надъ человъчествомъ нътъ такаго деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя в борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловъческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизин религіозно-христіанской? Въдь и христіанство проповъдуетъ вравственное усовершенствование. Въдь и жизнь христіанская есть идеаль вообъятный ин для кого, следовательно ничего не будетъ противнаго тристіанству, если тоть или другой народь своею жизнію разовьеть ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно-при ограниченных силахь человека съ одной стороны в при необъятности идовла жизни христіанской съ другой. Это твиъ болбо возножно, что христіанство не отвергаеть всего челов'яческаго: напротивъ. старается возстановить и утвердить въ человект все, что есть въ немъ вствинаго, добраго, законнаго. Христіанство ведеть человъка къ совершенству не только средствани сверхъестественными, но и естественными. Следовательно те или другія особенности народныя не отверганится пристівнствомъ, если въ этихъ особенностихъ есть сторона добран, а она всегда есть въ характеръ народномъ; напротивъ, чъмъ сообразние съ характеромъ народа взятая вмъ сторона жизни христіанской, твиъ успавные будеть развитие этой жизни... она, въ такомъ случав, своя, родися для народа. Такинь образонь, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, нало по малу приближають къ человъчеству общій великій идеаль жизни христіанской, котя вполев этоть идеаль не можеть быть обнять человечествомь не въ одно BPCMA.

Въ исторія христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замътить, что тогь или другой христіанскій народь развиваль у себя преимищественно одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болье сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо за**м'вчають, что въ первы**я времена христіанства, на восток'ъ---- среди госпедствующаго народа греческаго — развивалась превмущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западъ-среди господствующаго народа римскаго — развивалась преимущественно стерена практическая. Народъ греческій, съ одной стороны — примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой — самъ развившій ныслительную способнесть свою философіею, — естественно, болье всего разсуждаеть о теоретической сторонъ христіанства. Народъ римскій, наредъ практическій, способень владеть мечемь, а не разсуждать. Оттого на Востокъ спорили о догнатахъ въры, а на Западъ и лучшіе умы не советить искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертулліжнъ разсуждаеть, что если Богь не создаль овець зелеными или голубыми, то намъ и не нужно цвътныхъ одещав... и это въ одно почти время съ существованіемъ на Востокъ знаменятаго оплософа-христіання, Климента Александрійскаго! Саный аскетизнъ христіанскій на Востокъ имъемъ характеръ болъе созерцательный, --- на Зацадъ --- болъе практическій. Въ последствін времени, различнымъ народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторому въ ихъ широкомъ содержанів. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая обнимають всю полноту христіанства, необъятную ви для кого, то различныя народности всегда могуть найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до втихъ поръ не разръщенною и которая, при томъ, вполят сообразна съ природнымъ характеромъ народа.... Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіаскіе, занявшіе м'ясто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда ожи сдвлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе, по и теперь, нельзя не замітить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дълаетъ то, что вполнъ сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бъда, если тотъ или другой народъ не ръшитъ окомчательно взятой имъ задачи: овъ сдълаетъ то, что можетъ сдълать, а другой народъ продолжить начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко ръшить, какъ это представляется: кто, мапримъръ, можетъ указать предълъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ адъсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тъ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частиую сторону христіанства, народъ не унижаль другихъ сторонь жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ ниыми христіанскими народами, -- чтобы своего частнаго дъла не возводиль въ законь общій для вськъ, какъ единственно лучшее дело жизни христіанской,--- чтобы вообще не считаль себя обнявшимь всю полноту жизни христіанской. Такъ. Германецъ, любящій углубдяться мыслію въ предметъ, остается върсиъ своей природъ и народности и дъластъ законно-христіанское дъло, осли старается открыть въ редшій христіанской то, что есть въ ней удобопостижимаго дли ума человъческаго: но онъ погръщаетъ, если единетвеннынъ руководительнымъ началомъ въ жизни релегіозно христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Анганчанинъ правъ и предъ своею народиостію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободою совъсти: не онъ вегръшаетъ, если принцвиъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ въ жизни христіанской. Такъ, Итальниецъ виравъ развивать идею искусства христіанскаго: не осля онъ увлекается своимъ предцетомъ до того, что забываеть прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаеть въ вскусственной стором в ого, то онъ погращаеть, накъ это и ведно на самонъ дълв: напримъръ, богослужение римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняеть собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза --прекрасное двло: но если онъ навязывается всемъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ міръ, то онъ заблуждветь: любовь кристіанская не дъласть насилія независимости ближняго. Словомъ, тотъ ная другой народъ, жолающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотръть на все христіанство сквозь вризму своей исключительной народно-христіанской жазни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизии — какъ общечеловъческой, такъ и христівнской, отдавать должное уваженіе и встить прочимъ сторованъ христіанства, которыя раскрыты вли раскрываются другими народами. Въ противномъ случат, онъ отступить отъ истины и погръщить противъ христіанскаго ученія. Такъ возникан церковь римско-католическам и общество германо-вротестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перепесенными на христіанство: особенности кателицизма — главенство Паны и особенность протестантства — раціо**лизиъ имъютъ** свое основаніе въ характерт обонкъ народовъ — римскаго, при ыкшаго въ обладанию всесвътному, и германсксаго, склониаго въ саноуглублению. Но сели они захотять сделать эти свои особенности общить правидонь для вебхъ, осян они всю полноту христіанства заключатъ въ эти особенности свои: то становятся въ высмей степени неправы. Пусть ринскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачёнь онь распространяеть свое владычество на есю церковь? Пусть народу германскому будеть особенно близка теоретическая сторона христіянства, пусть онь съ особенною любовію остававливается на венятін о егоръ съ теоретической точки арвнія: но зачемь онь отвергаеть сторону практическую и не даеть надлежащаго значенія доламь (добрымь)? Вівроученіе одной православной церкви обнамаеть вст стороны христіянства; она, въ своей догматикъ, отдаеть должное каждой сторонъ жизни христіанской, котя на доллю — въ практикъ, развиваетъ болъе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно нареднымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляеть

развитіе народиостей, а церковь православная не препятствуеть самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не здоупотребляють представители церкви....) Первая хочеть сдалать всвкъ римскими католеками, последняя заботется о томъ, чтобы все быле истинно-върующими христіанами. Оттого, на Западв, народы ришско-католические тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотять быть самостоятельно народными, какъ, напримвръ, народы германскій, англійскій, даже (въ вавістной степены) францувскій в дажеиталіянскій. На Вестоків, православно-христіанскіе нороды получають самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православнею церковію и не отступая отъ православія какъ наприм'єръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій.... Православная церковь, давая развитіе разлячнымъ народностямъ, къ ней принадлежащимъ, возвышается надъ вебин этими частными народными развитиями въ своемъ общемъ вёроучения, которое обнимаеть вев стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитие всякой частной стороны -- безъ противоръчія общей полнотв христіанства. Впрочень, можно дунать, что съ теченіемъ времени западные народы оставять свой исключительный вагладь на христіанство и стануть воздавать должное уваженіе и другимъ--- разнообразнымъ, но тъмъ не менъе законнымъ — взгладамъ па него, хоти въ то же время, каждый народъ будеть жить своею особною жизню, отличною етъ жизни другихъ, но и не претиворъчащею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на исторических обстоятельствахъ, --- въдь это шагъ нъ сблимению христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ....

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взяль для развитія у себя? Отвъчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредълить съ точностью и полнотою свои народныя отличія съ этой стероны; мы тякъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Тенерь мы можемъ указать на нъкоторое отличе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое расколомъ. Малороссы, не бывшіе въ Велико россіи, и не присматривавшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколь есть какая-то секта, не стоющая вниманія, не подозръвая, что расколь считаетъ сво-

ихъ последователей индліоняме, дышеть здесь повсюду, пустиль свое мории глубово въ жизнь. Но сильный въ народъ велико-русскомъ, расколь нисколько не преникь въ среду народа южне-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другинъ — гражданскія и церковныя: авленіе, заслуживающее внимація! Безъ сомивнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствио въ другомъ способствовали историческія оботовтельства, какъ порковныя, такъ и гражданскія: но тамъ. где расколь такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность иъ нему: вначе историческія обстоятельства не пельйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онв подвиствовали. Равнымъ образовъ, нужно предноложить, что и въ народъ южно-русскомъ существують такія черты нравственной жизни, въ которыя воспрепятствоваян ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола после того, какъ велекорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдельными личностими, но и цълыми обществами, — слободами, монастырами. Какъ частный человать, такь и народь, осли симнатизируеть чему-нибудь или отвращается отъ чего-инбудь, то въ немъ самомъ - въ его природъ-ложить основаніе его симцатія или отвращенія. Объябнять происхожденів и распространів раскола какинь-нябудь вибшинив случаемь — невоеможно.... Какая же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустиль у собя появление раскола, а другой — отвергъ его? Что касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религіозной мизни этого народа, именно въ ого привоженности къ вившней черковно-богослужебной сторонъ жизни христіанской. Когда появилась нужда сделать некоторыя исправления въ церковномъ богослужения велико-русской церкви, то часть варода захотвла лучие отложиться отъ Церкви, чёнъ допустить поправку чего-нибудь. Расколь есть яркая, выпуклая сторона этой приверженности къ существующему обряду (какъ бы ни было недавие существование его), есть неумперенное са выражение. Приверженность къ вившноста церковной, въ существъ своемъ, законна, но не законна только смепень этой приверженности, обнаружившаяся въ расколъ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могила, митрополить кіевскій, сдълалъ более въ исправленія церковнаго богослуженія въ южной церкви, чъмъ Циконъ патріархъ московскій: но гдё протесты противъ

втого, подобные русскому раскому (1)? Мало этого: Петръ Могила допустиль въ православное богослужение свеей церкви накоторые обряды наъ католическаго богослуженія, присмособивъ ихъ, коночно, къ православному богослужению, напримъръ, такъ называемыя пассим, т. е. чтенія евангедій о страдавіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре патницы великаго поста: и однако, южнорескій народъ съ особенною любовію спъшить на это трогательное богослужение. Можно себъ представить, вакъ было бы принято подобное въ Великорессіи, гав четвероконечный кресть, употребляемый всеми не только не православными, но и православными народами, называется печатию антикриста.... Что же значить это разумное отношение народа южнорусскаго къ церковней обрядности? То. что тогда-какъ великорусскій народъ обращаеть вниманія болье на вивинюю сторону богослуженія, народъ нашъ предаеть больше значенія внутренней сторонъ его, обращая внимание на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противоръчать другь другу въ своемъ взглядь на богослуженіе, кота и различаются другь отъ друга, слідуя склочностямь своей природы. Это отнюдь не значить, чтобы народь южнорусскій менье цъниль православно-церковное богослуженів, чемь великороссійскій: народь, ведшій такія предолжительныя и кровавыя войны съ римской уніей — не только за догматы своей церкви, но и за ея обриды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустиль у себя иткоторые повые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православных обрядовъ. Указывая на эти факты, иы хотимъ только сказать, что и теперь уже заметно искоторое раздичие въ правственно-религизной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ въроученім.

По если ны не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ вообще есть существенный элементъ его жизни, на основани котораго, раньше или позже, должна опредълиться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности—Шевченку. Шевченко—цовтъ

^{(&#}x27;) Любопытныя историческія изслідованія объ изправленіи церковнаго богоскуженія Петромъ Могилою поміщены въ духовнемъ журналів. «Руководство для сельскихъ Пастырей«, за 1860 г., подъ названіемъ: Недоститки церковной обрядности въ южной Церкви и Требникъ Петра Могилы.«

народный въ нолионъ симслѣ этого слова: но кто не заивчалъ, что въ его народной поэзія религіозность свѣтится яркими лучами (1). Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевъченко говоритъ, что слово поэта —

..... то Божее слово, То серце но волі за Богома розмовля, То серце щебече Господнюю славу;

что мысль поэта стремится къ небу, а на земят не находитъ себт пріюта: — его

.... думка край світа на хмарі гуля, Орломъ сизокрилимъ літае, ширяе, Ажъ небо блакитне широкими бье; Спочине на совці, его запитие: Де воно вочув, якъ воно встае? Послужае моря, що воно говорить, Спита чорну гору: чого ти німа? И знову на небо, бо на землі горе, Бо на ій, широкій, куточка нема Тому, хто все знае, тому, хто все чуе: Що море говорить, де сощие вочуе -Ёго на сімъ світі віхто не привма. Одинъ вінъ міжъ ними, акъ совце високе: Ёго знають люде, бо носить зепла; А якъ-би почули, що вінъ одинокий Співа на могалі, въ моремъ розмовля, На Божее слово воми бъ насмійлись. Дурнимъ би назвали, одъ себе прогнали. »Нехай по-надъ моромъ«, сказали бъ. »гуда!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ »Гайдамакахъ«, Шевченко рисуетъ своихъ героевъ и религіозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Діти не хрещені ростуть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Лаховъ и Жидовъ, віру ратують (стр. 51). Пвиготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молятвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіе казим враговъ своихъ — »ножі« и уже

⁽¹⁾ Мы вивемъ ввиду один напечатанныя произведенія Шевченка.

эсъ свяченить гуляють.... Предводитель ихъ, Гента, налагаетъ руку на собственныхъ дътей за то, что они кателики, и—ны не меженъ безъ содроганія читать тъхъ сценъ, гдъ изображается берьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ геров—любви отца-христіанина къ дътянъ съ ненавистью къ врагамъ-кателикамъ? (Кобзарь, стр. 208 — 216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не питаетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нъть:

....згада́ешъ— Се́рце усміхне́тця,

говоритъ Шевченко, при взглядъ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказаль бы, что поэтъ сочувствуеть не чему нибудь другому въ герояхъ прошедщей народной жизни, а этой крававой расиравъ ихъ съ Ляхами и Жидами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцъ лежатъ иныя иствино-христіанскія чуства, а не кровная месть:

.... за віщо, За що люде гинуть? Того жъ батька, такі жъ діти, Жати бъ та брататьця, Ні, не виіли, не котіли, Треба розъеднатьця! Треба крови брата, крови, Бо заздро, що въ брата Е въ комбрі и на дворі И весево въ хаті. »Убьемъ брата! спалимъ хату!« Сказали и -- сталось. -Все бъ, здаетця; ні, на кару Сироти востались. Въ слізахъ росля, та и виросли; Замучені руки Розвълзались — и кровъ за кровъ, И муки за муки! Болить серце, якъ згадаешъ: Старихъ Славьянъ дітн Винайсь провью, а хто вижень? Ксёндзи, езуіты! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за народно-христіанскую идею, одушевлявшую ихъ. Облечь эту идею въ вную форму ноэтъ, конечно, не могъ — безъ противоръчія исторической метменю. Правъ и чистъ не одинъ поэть; ны не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дъйствовать имъ иначе ев то еремя и при техь обстоятельствахь?.... Не герои виноваты; а »ксёндзи, езуіти«, Польша, съ свениъ римскийъ католицизиомъ.....

Въ исторія «Наймички» поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящіяся къ прошедшему и соеременному быту народа: не не забыты и черты религіозныя. — Геровня разсказа ходить въ Кіевъ « усівъ святивъ поклонитись « и изъ Кіева приноситъ своимъ домашнивъ нѣкоторые священные для нихъ предметы — »шапочку зъ Ива́на свято́го и пе́рстеникъ одъ Варва́ри; « дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возврамающагося » изъ дороги, « она собирается

> »Ака́онстъ нана́тн Микола́еві свято́му Й на ча́сточку да́тн,«

а въ последніе минуты своей жизни, она тихо говорить: $\it Omve\ name....$

Шевченко влагаетъ въ свою повзію влементъ религіозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кипитъ тъив или другии мыслями и чувствами. Воспоминая, въ чужой сторонъ, свою милую родину — предъ тъмъ временемъ, когда

> « . . . надворі Наступае свато,«

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубовою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

. . . завтра ра́но
Зареву́ть дзвіни́ці
Въ Украіні; за́втра ра́но
Зберу́тця моли́тись
Лю́де добр. . . «

а здъсь — на чужбинъ

. . . завтра рано
Завие голодний
Звіръ въ нустині, та повіе
Ураганъ холодний
И занесе снігомъ білимъ
Курінь, мою хату....
Оттакъ мені доведетця
Свято зострічати! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостеприиной сторонъ, поэтъ-христіаницъ,

»своі думи тяжкі П серце убоге Заховавши, ходить собі Та молитца Богу« (тамъ же)

Неволя, тягчаймее наъ объестый человъка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротявъ —

> » А я, во́денько, въ нево́ді Помолю́ся Бо́гу,« (стр. 83.)

говорить поэть, и, возводя очи къ небу, обращается къ эзаръ — другу своему«, чтобы она эросказала Богові« о его тяжкихъ думахъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда эвсе замовкло....« поэтъ замъчаетъ: этака Божа воля!«

Мы сдёлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участии религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеній «Псалмовъ Давидовых» съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болёла душа поэта по многийъ причинайъ... и изливала свое горе въ тёхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всё звуки пророческой поэзіи облекаются у поэта нашего въ родную рёчь его, но только тё, которые отвёчаютъ настроенію души его. Таково всегда отиеменіе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тёмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душею, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи.... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болёе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему..... Пряведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо припоминаетъ жизнь моэта.....

»Боже, спаси, суди мене
Ти по своїй волі.
Молюсь, Господи, внуши імь
Усть моїхъ глаголи!
Бо на душу мою встали
Силниї чужиї,
Не зрять Бога надъ собою,
Не знають, що ліють.
А Богь міні помага́е,
Мене заступа́е

Н імъ правдою Свобю Верта́е іхъ зла́я.
Помолю́ся Господеві
Серцемъ одино́кимъ,
Н на злихъ моіхъ погла́ну
Незлимъ моімъ о́комъ.«

Заключниъ наши выписки изъ поэта величественною картиной, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библін, — когда въ посланіи къ Шафарику, главному д'яттелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ живительную д'яттельность его въ следующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славъянъ семью велику

Перелічивъ до одного,
Нерелічивъ трупи —
Ане Славьинъ—и ставъ-еси
На великихъ кувахъ —
На роспутті воесвітнёму —
Іезекцілемъ...
И—о диво! — трупи встали
И очі роскрили!
И братъ зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тихої любові
На віки и віки!

Такамъ образомъ, во всёхъ родахъ поэзін Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотямъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случат мы принисали бы поэзін Шевчонка (вопреки всякой истинт) исключительность и лишили бы её той полноты, какая свойственна поэзін всёхъ истино-великихъ поэтовъ. Иттъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный.....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка иъ жизни народа! Наиъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ наиъ Богъ-знаетъ откуда..... Мы съ любовію остана вливаемая на служителяхъ вѣры, когда они, какъ въ поэмѣ Шевченка (1) одужевлены тою же народно-религіозною идеею, какъ и окружающій ихъ народъ по нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

⁽¹⁾ См. »Гайдамаки« проповъдь благочиннаго, »Кобзарь« стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго рукаобъ-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и сходастицизмъ, съ другой — грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоинству человъка, мы готовы думать, что лица, нодобныя Климентію, составляють меньшенство. Иногда недостатки общества, долго танвшіеся внутри его, отъ тъхъ или другихъ причинъ начинаютъ выявляться наружу и скопляться въ одно какое-инбудь мъсто: тогда появляется одно вли нъсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ въ фокусъ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ому подобные. Но чемъ сосредоточените болезии общественнаго организма въ одномъ какомъ месте, темъ свободнее отъ болезней прочія части тела: значить. появленіе такихь уродливо - бользненных лиць, какъ Климентій, признакъ того, что у насъ есть надежда на испъленіе.... что скоро такихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ двав, кто не видитъ теперь недостатковъ того направленія, которое ебнаруживается въ поэзін Климентія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ него чистою, живою струею; пусть она не заключается въ мудреныя книги, а старается сблизиться съ жизнію народа, станеть нашею родною ветиною. Примъръ для всъхъ насъ — основатель нашей Въры: нътъ истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святыя и чистыя истины Евангелія..... Пусть же получаеть в почерпаеть нашь народь в истину изъ Евангелія. Оно же недавно и перевено на великорусскій азыкъ, который всё-таки понятиве для Малоросса, чемъ церковно Славянскій. Но не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Укра-MHCRIH

Г. Т.

5 марта 1861. С. п. б.

листи́ съ хутора

ЛИСТЪ IV.

про злодія у селі гавівниці.

Дивуютця, важете, добродію, люде, що десь на хуторі про Тарасову смерть не згіршъ одъ городянъ письменнихъ метикують, а ми дивуемось тимъ городанамъ, що, якъ скаже нашъ братъ путне слово, то вонй й роти пороззявлають: дивись, мовлавъ, простий чоловікъ, а говорнть розумно! Коли хочете знати, добродію, то се памъ на-вдивовижу, якъ тамъ по городахъ люде не позабували говорити и обертатися по-людській. Початокъ и корінь городанства зоставсь у хуторі, то, здаетця, тутъ би треба й шукати основи всякої справи городанської, тутъ би шукати й праведного розуму всякої городанської установи. Коли ви не цураетесь мого писання, то я вамъ де-що оповідаю, що мині на віку бачити й чути лучалося. Може, зъ оповідання більшъ дорозумуєтця ваша городанська громада, аніжъ маъ моеї хуторанської оплософиї.

Згоріла въ насъ у селі, недалечко одъ мого кутора, церква. Селяне й прийшли до мене въ насіку: »Добродію, потурбуйтесь на послугу громаді, объідте зъ нашимъ титаремъ села, чи ме знайдете людей нобожимхъ, щобъ допомогли церкву збудувати.

Ви жъ бо таки всюди бували, усякихъ людей знаете, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.« . Ну, коли вамъ правду сказати, то въ насъ по хуторахъ

люде не дуже-то звикли про церкви дбати. Байдуже намъ, хуторя́намъ, про це́ркву; а селя́не, то ті вже ка́жуть: »то намъ не хвала, якъ у селі церкви немаес, а городяне, то ажъ золотомъ верхи побивають. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до ворявего неба, або вранці до східъ сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ молятця, а инший батько дітей краще відъ попа навчає. Та дарма: що намъ про те зъ се-лянами широко річъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такой чоловікъ думки, що громада — всюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловівъ, якъ ище наши предки у житахъ та по-надъ річками въ дибровахъ Богові молилися, и тоді, якъ почали молитися по-грецькій, и тоді буде великий, якъ поклонятця Богу духомъ и истиною, занедбавши Ерусалимъ. Инше, мабуть, не можна, якъ такъу историі, бо колибъ можна було, то певно громада иншимъ би робовъ собі пійшла. Ото жъ я такъ и про селянъ, моїхъ сусідъ, V серці своему помисливъ, а імъ того марно не внявлявъ: на що? »Добрес, кажу: »що громаді, те й бабі.«

И ото зібрались ми съ титаремъ, сіли на візокъ, потуркотіли. Часъ бувъ такий, що люде на весні пообъорювались, а косови́ця ще не починалася, то мині хочъ би въ пасіці й треба бжоли догледіти, та въ мене е такий дідокъ про се, а на косови́цю ще до господи всти́гну. Весну давъ Госпо́дь на той рікъ рясну: ажъ нахиля́емось, ідучи попідъ садами; біле віття по внду займа́е, запа́шною росо́ю кро́пить.

Титаръ — чоловікъ побожний и трошки притаманкуватий — каже:

»Се насъ, добродію, ангели білими крильши обвівають; се вони на землю поспускалися и садовнну мовъ лебеді всю вкрили.«

— »Такъ, такъ, Петре!« кажу́ (а ёго звали Петромъ). Любе мині було́ те серце тихе та соящне въ того дідуся старенького. »Се«, кажу́, »ангели людей у рай заманюють.« Та ще й додавъёму́ зъ свого́ розуму: »Не живе́,« кажу́, »половікъ на світі безъ висекої думки про якніся миръ, кращий одъ нашого. Ся«, кажу́, »думка свята́ одъ землі ёго́ підійма́е и звікче́мніти не дає́ ёму́.

По городахъ, Петре, міжъ товариствомъ блискучниъ е такі люде, що про користь та набутокъ байдуже, а все кудись далеко за край світа зазирають и таке людямъ оповідують, що хиба тільки въ гарному сні приснитця. Тихъ людей, Петре, поэтами величаютъ и до роботи ні до якої іхъ не змущують, и у всёму імъ потурають, бо вони городинамъ не дають усімъ пожидовіти.«

Кивне мині Петро сивою чуприною, а самъ ажъ голову хилить, прислухаючись до соловейка, що въ тому пишному цвіті, у тій садовині занашній голосною луною розлягаетця: ёму тамъ ангельскі співи здаютця, и все собі шепче: »свять, свять, свять«, мовъ той вітерець попідъ густими вербами.

Залюбий ми громаді прислужилися, мовъ де въ гостяхъ у якогось ласкавого, несказанно щедрого нана побували: трави всюди вже филюютця; річки, стави, озера стоять уповні, ясне небо зъ весняними хмарками въ нихъ виглядаетця, дітвора весела золетимъ волосомъ на сонці тобі світить, — и свою малечу згадаешъ, и на серці тобі тихо и якось смутно, и знявсь би, та й полетівъ, співаючи, по-надъ землею.

Тільки вже, якъ вертались додому, почали ми трівожитись, якъ би громадського скарбу не втеряти, бо - відоме діло - городи багато такихъ людей норозводили, що, мовъ вовки, въ серці тільки хижацтво мають. Заночувати въ полі — страшно. Ато ми знай було въ полі ночусмо. Ну, вже жъ и паша стала не вільна: почали хлопці на ношліги по толовахъ тільки ставати. А туди іхавин, ми було такъ прилажуемось, щобъ своі коні міжъ чужі пустити: тамъ уже, звісно, варта чергуетця — не вкрадуть. У насъ. бачте, по селахъ міжъ хлоппями ношліжниками лавній ковацький звичай. Ватага спить на обротяхъ та на шапкахъ, головани докупи, а одинъ вартуй. Якъ же який гуртъ убезпечитця та вкладетця увесь снати, то гляди — зъ иншого табурища прискочить, та й новолоче кого схоче до Ерусалиму. Воно-то, коли хочете знати, страшна забавка въ хлопцівъ той Ерусалимъ, а про-те батьки за сонливихъ дітей не вступаютця. »Нехай«, кажуть, »коза́цький зви́чай зна́е.« До Ерусали́ма въ насъ іздять отъ якъ: скрутить изъ таволги петельку, на ноги сонному накине, коневі до хвоста привяже, скочивъ охляпъ — гайда по полю! и до-схочу тимъ герцемъ у чистому пелі тішитця, що въ бідолахи н спина й потилиця обліве. Оце въ насъ зветця до Ерусалиму іздити. То ми вже були безпечні, де була варта: не пропадуть наши коні міжъ господарськими, та й до скарбу лихий чоловівъ не підкрадетця. А теперъ уже й моторошно самимъ у полі стояти; бо дідусь мій, титарь, и голосу гараздъ не одведе, не то що. Вінъ тільки на те мині въ дорозі й здався, що якъ увійдемо було до господи, то вінъ съ тарілочкою — сивий якъ голубъ, борідка біленька, кучерявенька, самъ тихесенький, лагідненький такий! такъ тутъ уже господарь и господиня не пожалують и останню копійку на церкву подати. Отъ и почали ми съ титаремъ обночовуватись уже по людськихъ господахъ, — добрі люде всюди на нічъ пускали.

Оце жъ разъ надъ-вечіръ уіхали ми въ село Гавівницю. Гарне село козаче. Ставъ такий, що по тімъ боці тільки чути, якъ ячять гуси, а дітей на березі и не розгледишь; верби далекі ажь имла синя поняла, наче въ великому лузі за Порогами. Церква старосвітська, що ще-то ті люде будували, которі въ піддашияхъ та въ данкахъ, та въ балясахъ кохалися. Теперъ тобі збудує церкву або дзвіницю — стоіть якъ штиль, мовъ швайкою въ хмару коле; а що старосвітські нашн церкви, то любо й поглянути. Віконця скрізь обмережені та позакруглювані, а якъ де, то наче квітку тобі на писанці виведе, ажъ жаль бере, що те старенезне древо мохомъ проросло, вітромъ та дощемъ обкришуетця та трухне. Підъ віконцями донтовий дахъ навкруги церкви и навкруги мережані, вирізувані піддашшя. Тільки скрізь драти ледве-ледве низові вікна мріють. Задивисся на таку церкву, загадаесся: де-то люде тиі на спочивокъ повкладалися, що докупн підъ тими донтами зеленастими збіралися!... Оттака жъ була церква въ тій Гаківниці, въ тому селі великому козачому. Гарне село. Усе майдани та широкі узберіжжя на верхівъяхъ того ставу величенного. Роскинулось по волі: есть де й дітямъ погуляти, и дівчатамъ у хрещика побігати, и парубкамъ, лицяючись до дівчини, противъ місяця постояти.

Отъ, вибрали дворикъ веселий зъ моріжкомъ, просимось обночувати. Молодичка противъ череди вийшла. »Не можна«, каже, »люде добрі.«

— »Чомъ не можна?«

»Такъ«, каже, »у насъ не можна ночувати.«

— »Де жъ намъ, голубко, съ кіньми подітися?«

»Ідьте«, каже, »люде добрі, до злодія.« — »Ло кого?«

»До злодія. У злодія васъ пустять на нічъ.«

Сказала, та й кинулась своіхъ овечать займати.

Згля́нулись ми зъ дідусе́мъ: що се за дивови́жа така́? скільки світу проіхали — всюди намъ була́ одъ люде́й шано́ба, а тутъ, глянь, до зло́дія насъ одсила́ють на нічъ!

Проіхали ще дворівъ зо два; зновъ такий двіръ вибрали, що й до водопою не далеко, и веселенький, чистий, вербами зъ улиці понахиляний. Витаемось изъ дідомъ (дідъ за ворітьми сивий сидить у старому кожушку; дитину на рукахъ, укривши въ поли, голубить, коло ёго хлопятъ и дівчатокъ купець). Просимось на нічъ.

»Ідте«, каже, »люде добрі, до злодія, а тутъ васъ нігде́ не пу́стять.«

Що за повітря! думаю собі.

»Чомъ же не пустять?«

Не говіркий бувъ дідъ, кивнувъ головою. »Не пустять«, каже. »Въ насъ нікого не пускають.«

Що́ жъ се аъ нами, Господи, діетця? думаемо собі. Одъ злодіївъ усю дорогу остерегалися, а теперъ би то до злодія ночувати заіхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненята напіш ржуть озираючись; спочишку бажають. Стріли молодицю зъ відрами, въ не́і пита́емось.

»До злодія«, каже, »заіжджайте: тамъ вамъ буде гараздъ.«

»Та побійся ти Бога, душе́ спасенна: якъ таки доброму чоловікові въ злодія ночувати?«

А вона підтупцемъ переходить намъ дорогу вповні, спасибі ій, та тільки рукою на край села маха́е. »Тамъ«, ка́же, »всі ночують.«

Ма́буть, вече́рю хапалася варити — ніколи съ подорожніми розмовляти.

Що за напасть така?

»Діду Петре!« кажу́ до свого́ ти́таря. »Сповідайся, кажу́, мині, чи, нема́ въ те́бе яко́го гріха́ на душі: мо́же, въ тре́те жени́тися надумавсь?«

Шуткую, а на душі якось ажъ сумно, що куди се ми противъночи заіхали? міжъ які се ми люде заіхали, що до злодія спроваджують на нічъ?

Стоімо, вже й не ідемо; стоімо середъ майдану. Ажъ тутъ ко-

са́рь косо́ю противъ кра́стого заходу крізъ ку́ряву, що череда́ пройшла́, світить. Підожда́ли по́ки надійде, жалку́етось, що оттака́ й така́ річъ.

А чоловікъ, здае́тця, до́брий, неглумли́вий. Осміхну́вся. »Та ідте«, ка́же. »Чого́ ви боіте́сь? Вамъ тамъ бу́де до́бре. Нігде́ на всёму́ селі кра́ще не бу́де.«

»Де жъ той злодій у васъ живе́?«

»А отто́«, ка́же, »на ріжку́ коло ца́рини ёго́ двіръ. Онъ«, ка́же, »верба́ черезъ усю́ доро́гу зъ двора́ перегву́лась и зъ дру́гогою вербо́ю навпро́тивъ изійшла́ся. Отто́ й зло́дій у масъ.«

Здвигнули ми плечима, заприулиси.

»А рушайте«, каже, »добродію!«

Ну, вже коли титарь не боітця въ злодія мочувати, то що вже тутъ? Рушили, надближились: двіръ гарний, зелений, на узгіръі; у дворі хата чепурна, висока, білимъ причілкомъ на улицю зпідъ верби, мовъ молодиця світлоока, дивитця. Кошари въ деорі, повітки, все гарно повкривано, хмелемъ та гарбузиннить зъ городу повилося. Тутъ и колодязь підъ вербою коло воріть, и морота настіжъ очинені. Коні сами такъ и повернули. Ну, се хороша прикмета.

Уіздимо́, ажъ сей зло́дій спра́вді господарь бага́тий. Воли́ стоя́ть у за́городі га́рні, вивозніїі, такі-то, бачъ, що хочъ вку́ паровицю со́ли черезъ дрючо́къ зъ місця́ ру́шили бъ (¹). Свине́й зъ деся́токъ у вели́ке кора́то повла́зили. Молоди́ця га́рну коро́ву до́іть. Усю́ драби́ну на ха́ту засіли индики. Ва́дно за́разъ, що господа́рь хоро́ший.

Роздивля́емось мя, ажъ до насъ изъ комори чоловікъ вихо́дить, на виду́ чепурний такий.

»Здорові люде добрі!« шапку противъ насъ издійнає. »Ночувати заіхали? Добре, ночуйте зъ Богомъ. У насъ просторо.«

Такъ любо та лагідненько до насъ говорить; и молодици зпідъ корови веселинъ оконъ на насъ овирнуласи. Діти повибігали зъ сіней; кучеряві такі, новновиді. Все бъ воно такъ до ладу, що

⁽¹⁾ Якъ набірають сіль, на солинихъ озбрахъ, то никладай икъ хочешъ мажу, аби пароко зъ місця рушниъ. Хазлінъ дрючка підъ молеса підкине, щобъ не такъ-то легко рушнин. Отъ протой-то случай держать чумаки добру пару вивознихъ волівъ, що потімъ одну мажу на два й на три вози переси-пають, у дорогу.

й Господы, а мамъ якось ніяково: що куди се ми заіхаля? Ще зъ-роду въ злодія не ночували; та ми звикли злодія н на селі обходити.

Отто вже я злажу зъ воза, а чоловікъ уже й коней розгнуздуе. »Не турбуйтесь«, каже, »дядьку, я вамъ и повипрягаю коні и напою. Прошу вашої ласки вступити до господи.«

»Та ми«, кажемо, »спасибі вамъ, и тутъ переночу́емо. У насъ есть изъ собою й харчъ.«

— »Та що́ се ви, Господь зъ вами? У насъ, якъ и двіръ стоіть, свое́і харчі ніхто́ ще не івъ. Не вогорду́йте, блага́ю«, та ажъ кла́няется.

А чоловікъ статечний такий, моторний. Намъ и соромъ вимовлятися, та якъ же ёго й повинути усе на возі?

»Я«, каже, »все за вами и знесу, хочъ воно й на аворі въ насъ, нехай Бігъ крие, ніхто чужого не заче́инть.«

Коли жъ на порозі стоіть старий чоловікъ: придививсь трохи на насъ изпідъ руки. »Та не бійтеся«, каже, »люде добрі: тутъ ваша й порошина не пропаде. Уступіте, спасибі вамъ, до господи, а синъ мій упорае вамъ коней и сіна хорошого закине.«

Познімали ми шапки, вітаємо господаря. Вінъ двери передъ нами въ світлицю одчиняє; дітвора ёму въ поли повчіплювалась, веселенью на насъ позирає.

Увійшли: світлиця простора и кімната по-старосвітській ароблена: не абоку відгорожена, а противъ дверей, якъ по старихъ будовахъ возоставалося. Образи гарні, все Киівської роботи; тіхъ Суздальцівъ, нема й одного. Вишиванимъ рушникомъ повиривані, квітками позатикані, голубки съ паперу висять, писанки передъ образами; все такъ, якъ у добрихъ людей.

Посадивъ насъ господарь у столу, росперізуватись просить, шапки паши, пояси на кілочкахъ повішавъ. А тутъ и скриньку зъ нашимъ скарбомъ симъ ёго внісъ и на лаві гарненько постановивъ.

Ми вже такъ якъ малі діти, ні до чого й не мішаємось.

Заравъ винісъ господарь и съ кімнати тарілку меду гарного, хліба покраявъ нередъ нами, рушникъ закинувъ намъ поза столемъ, достае съ полиці чарку й кувбущечку поливану, по чарці намъ наливае и самъ до насъ звичайно випивъ, и такий же то чоловікъ увічливий, що хочъ куди. Та намъ усе якось міяково. Поглянемо по собі, та й годі; дідусь тільки сивенькі кучері свої приглажуе.

Випили, закусили трохи; наче й повеселі шало намъ, а все не йде зъ думки, що де жъ оце намъ Господь привівъ ночувати?

Господарь по другій просить, самъ припиває. Треба намъ випити й по другій.

»А по третій«, каже, »за вечерею. Ось моя невістка впораетця, вечеряти намъ дасть.«

То про се, то про те зъ нами говорить, и такий вінъ чоловікъ пріязний и розумний, що ми тільки плечима здвигаемо.

Далі я кажу́: »Пане господарю! вибачте«, кажу́, »що я въ васъ поспитаю.«

»А що таке вашій ласці завгодно?«

— »Та тутъ«, кажу́, »въ васъ лю́де якісь чудні; чи вони́ на васъ ворогу́ють, чи Богъ іхъ зна́е; и вже й не зна́ю, якъ вамъ и сказа́ти.«

А вінъ засміє́тця та й каже: »Знаю, знаю, що въ васъ на язиці верти́тця. Ніхто не пустивъ васъ до се́бе на нічъ?«

»Эге́ жъ, добро́дію.«

— »Ідте«, кажуть, эдо злодія, такъ?«

»Та вже жъ нехай буде й такъ, бо й справді такъ говорено.«

— » Γ е«, ка́же, »ото́ жъ вони́ й зна́ють, що́ гово́рять: я й спра́вді зло́дій.«

Ми ажъ стрепену́лись. »Що се ви? Госпо́дь зъ вами!«

»Не турбуйтесь, люде добрі, годуйтесь на здоровъя, а я вамъ роскажу, що воно й якъ. Ось слухайте.«

Та й почавъ росказувати.

»Зоставсь я«, каже, »після батька-матери у сирітстві, служивъ по наймахъ. Вже й парубокъ зъ мене, а чужі, мовлявъ, воли пасучи та чужі вози мажучи, не багато придбавъ. Нема зъ мене чоловіка; бурлака я въ світі безрідний. Чи такъ же мині й вікъ звікувати? думаю було собі гірко. Коли бъ мині хочъ на пару воликівъ розгорити, то бъ я собі сякъ-такъ росталанивъ господарствечко. Такъ що жъ? чи заробишъ якого пілкового — на подушне піде, одежинку треба нро свято справити, бо господарь одежи не дае про празникъ, тільки про будень. То — господарь, не батько: ёму аби грішне тіло не світилось, та й роби. А треба жъ и міжъ люде, до церкви, чи на майданъ до дівчатъ вийти. Такъ я

собі не живу́, а біду́ю. Що́ на мині, то й усёго въ ме́не. И жени́тись мині, якъ добримъ лю́дямъ, не прихо́дитця. Уже́ й такъ дівча́та, жарту́ючи, мині приспівують:

»Ой гульта́ю гульта́ю,
Чого́сь тебе́ спита́ю:
На́ що мене́ сватаешъ,
Коли́ ха́ти не ма́ешъ?
Збуду́й свою́ зъ лободи́,
А въ чужу́ю не веди́.«

Знаете, дівчача натура: шуткуючи, усю правду тобі внепівають; в одспівуватись вічнить; стиснувши себе за серце, одійдешть та й годі. »Боже жъ мій!« думаю, »що мині діяти на світі? Хочъ эби мині або вкрасти де, або-що, чи не розжився бъ я хочъ троэхн?« — Якъ почавъ, якъ почавъ такъ думати. »А що жъ? укра-»ду! « --- Отъ, надумавшись, прихожу до свого господаря. »Спасибі эвамъ, пане господарю, за хлібъ за сіль и за добру науку. Не эхочу вже я въ васъ бути.« — »Що ти, Дмитре? чомъ не хоэчешъ?« — А я, знаете бувъ парубіка трудящий и тверезий, то господарь мене дуже вподобавъ. »Такъ«, кажу, »рощитайте мене, »піду вже я одъ васъ. « — »Куди жъ ти підешъ? « — »Та вже миэні-то про те звати. Годі вже мині чужі воли пасти! « — Hy, господарю нічого зо мною робити, рощитавъ мене, відпустивъ. Які гроши мині впадали, я въ ёго зоставивъ. »Я«, кажу, »візьму іхъ »опісля; нехай вони въ васъ будуть. « — Узявъ підъ повіткою віжечки старенькі, змотавъ, свитку на плечи, саківки взявъ исъ хлібомъ, пійшовъ собі зъ села. Було вже надъ-вечіръ. Поки ввійшовъ я верстъ наъ десятокъ, зовсімъ стемніло. Назиривъ я въ полі — огонь кладуть хлопці, почують; вартувати не звикли, заразъ и видно. Підождавъ, поки вкладутця спати, съ тихъ віжечокъ поробивъ оброті. Упавъ навколішки, звівъ на небо очи. Зоряве небо миготить. Хотівъ модитись, та й модитви не добравъ, тільки заплакавъ. У полі тиша, роса блищить по зорі, коні пасучись пирхають. Місяць почавъ изиходити; рогомъ у землю внерся, піднявсь угору. До мене кінська тінь досягае. Такъ мині здалось тоді, наче Богъ надо мною змилувавсь, а на серці така сміливость, що и въ пекло полізъ би, не то-що. Обійшовъ я ковей, вибравъ, которі найкращі. Пара гарнихъ коней пасетця, укупі спутані. »Ні«, душаю собі, »се одного господаря коні; не

треба ёго дуже обіжати. Роспутавъ тільки одного, а другого аъ другоі пари випутавъ. Хлопці хропуть; не боятця Ерусалима: ще не проучені. Понадівавъ я на комей оброті, сівъ, свиснувъ, — тільки зори всміхнулися. До світу незнать де опинився. Передъ світомъ забравсь у гущиню, потриноживъ коні, пустивъ; самъ припавъ підъ кущъ; виснався добре; носпідавъ, що було въ саківкахъ; найшовъ воду, напоівъ коней; гайда далі. А була въ мене така вдача, що іду и носомъ чую, куди веде дорога. Зъ-роду було не заблужу. Якъ разъ у ярмарокъ утрапивъ. Я таки й знавъ, що въ такому й такому містечку бувае у ту пору ярмарокъ. Хожу собі по базарю, коней вожу, мовъ справді отецький синъ. Вже я на що наважусь, то мині все байдуже.«

Оттаку нашъ господарь розвівъ историю. Ми зъ дідусомъ тільки зглядуемось. Вочіръ насупився; кукурікнули на сідали півні. Молодиця світло вносла, низонько намъ уклонилася. Господарь хростъ на собо положивъ, вочерять звелівъ подавати. Боже жъ мій, що се за чоловікъ такий? думаю собі; а вінъ, прогорнувши уси, далі оповідуе, и такий у ёго поглядъ тихий и воселий, — якъ же ёму злодіякою бути? Ще противъ світла вирізались морщини на чолі и уста оживилися, то мовъ казань у церкві намъ каже.

»Хожу́ я«, каже, »по тому́ я́рмарку. За́разъ Жидки́ моіхъ ко́ней назирили, що добрі коні, почали торгувати; збувъ я тихъ коней карбованцівъ за шість-десять, бо й справді коні дебрі були, завизавъ гроши въ хустину, пійшовъ собі зъ села, наче добре діло эребивъ. Сонце саме заходіло, якъ я вийшовъ. Ярмарковинъ пиломъ поле затуманило. Такъ наче теперъ стою я середъ зелещого поля и дякую Бога, а сонце нижче, инжче западае, краснимъ променемъ бъючи по левадніхъ вербахъ, по вітрякахъ крилатихъ, по високихъ могилахъ. Мовъ и на Божий світь народився, мовъ уперше побачивъ, якъ сонечко за землю криетця в Божа роса холодомъ по полю дише. Стрененувсь я, мовъ той птахъ, и степомъ на Кримський шляхъ двинувъ. Розуму я эъ-роду не позичавъ ві въ кого. Обернувъ сякъ-такъ своі гроши, — верпувся въ-осени додому съ паровищею соли. Тутъ уже й дівчата годі мині гультая приспівувати: вже въ мене свій двіръ, своя хата. Одруживсь я, понявъ собі дівчину-господарку: не погордували мною люде хороші — оддали зъ гарнимъ віномъ. Отъ уже ми й

живемо, вже въ насъ и дітки; добрі люде насъ знають. Тільки все мині кортить, якъ би ще вару воликівъ придбати. Думаю: эГосподи! ти мене закривъ одъ людеркого ока: закрий мене ще эразъ! нехай я бу́ду господаре́мъ, якъ и всі лю́де.« — Иноді й середъ во́ля ста́ну — молю́ся, го́лосно середъ по́ля сле́во здійму́ до Бога, ажъ сумно мині стане, и наче кто зваду въ мене веніхастця. Довго такъ я наважувавсь, далі эновъ у серці сміливость така, одвага така... зновъ не боюсь нічого въ світі. Добувъ ще пару коней підъ чужимъ селомъ; продавъ — негадки. Що жъ би ви думали? Съ того часу такъ мині й рунить ло-даче діло, такъ и трушусь, якъ забачу де бесъ нагляду коней попутанихъ. Покріпивсь вще зъ рікъ, — ище разъ Бога прошу, ще разъ пійшовъ на здобичъ. Погодивъ мині Бігъ и на сей разъ. Почавъ я вже розживатися. Вже люде якось на мене чудно поглядають, и на се́рці часами въ мене дуже погано. Було́ нолюся Бо́гові: »Не кара́й мене́, Бо́же, за моі гріхи́ ні на мині саному, ні на дітяхъ.« И вже працюю було на господарстві, не жалуючи сили. Люде й бачять, що я тверезви и трудящий и нікого въ селі волосомъ не чінаю, та мині вже такъ здаетца, наче вони мене не такъ щиро вітають и чогось жильно мені въ вічи дивлятця. Вже въ мене старший хлеечикъ підпарубочимъ вирісь. Світлицю навпротивъ старої хати я собі вибудувавъ, и эсе мині йде въ руку, чи бжола, чи худоба, у всёму Богъ мені приспоряе, а пре-те наймилійшъ мині буле крадене. Держусь-держусь було, та й потягну по-небудь у чужжать селавъ. Було иноді самъ оддаси старцеві сорочку, а чуже рямъя съ тиву эніменть; ажъ душу тобі тятне, якъ ровминесся, не занявши. И вже такъ бувъ роздродився на чуже добре, що крадені коні въ мене у загороді по два, по три дні перестоюють, можи эбуду на ярмарку. Нічого ше боюсь: то мині свято, то мині велыкдень, якъ що BKPÁZY.≪

Дідусь мій, титарь, ажъ христитця, таке слухавши. Тутъ и мелодиця вже подає вечеряти, и синъ увійшевъ знадверу, до столу сідає; ще одинъ синъ молодикъ съ поля пригнався. Не соронитця вінъ и при семъі свою оповідь оповідати, що вже я дуже здівувався. Скільки світу я бачивъ, а таке вперше на віку инні транилось.

»Добродію!« кажу, »якъ же ваша господиня? якъ ваши діти?« - »Господина моя«, каже, »царство ій небесне! все же знала и діти знали, та що жъ? свое рідне, своя кровъ. Було плачучи покійна Настя просвть: »Чоловіченьку, голубчику! покинь ти сю эледачу ваду, себе пожалуй, насъ пожалуй, людей носоромся. »Вже мині нарчевого очінка надіти страшно; вже я въ церкві эстановаюся по самому заду, и свічку поставити мині соромъ, и элюдянъ у вічі глянути боюся.« — Що жъ би ви думали? заприсягну передъ нею, образъ зніму и поцілую, а піду въ дорогу не втерплю: хочъ стригунця приведу додому, хочъ плахтину привезу, ніби купивъ на ярмарку. Настя було й пізнае одъ разу, що надівана плахта, у пічъ було вкине и голосомъ голосить. И въ самого въ мене серце заиме, а безъ кражи нема мині життя на овіті. Далі вис синъ почавъ за иною назирцемъ ходити, не пускае мене безъ себе зъ двору. Було вночі не силю, піджидаю, поки меснуть усі, скрадуюсь, то вінъ: »А куди се ви, тату?« Я й ля́му. Прошусь було въ его, якъ двтина, що мині ні що не миле на світі, тільки й мого, якъ де здалека хистю засигнути. Такъ-то вже мині Богъ давъ, що й розумъ одняло въ мене и соромъ, и зовсімъ я пронащий чоловікъ зробився. Ото жъ уже таюсь и передъ синомъ, наче мині й байдуже; діло роблю, хожу до церкви разъ у разъ. Угамувався синъ, ставъ мині попускъ попускати. Вже жъ а в цосивівъ, и унучать діждавъ, хвалити Бога; то в думае нехай здоровий буде — синъ, що я вже схаменувся и на свою семъю вглянувся. А въ мене думка давно засіла, страшна думка церкву свою обікрасти.«

Тутъ уже й самъ той злодій перехристився, и всі ми, скільки насъ ні сиділо за вечерею, усі охристилися. Зробилась тиша велика. Тільки каганчикъ тріскае.

»Тимъ я«, неже, »й до церкви вчащавъ, щобъ роздивитись и зміркувати, якъ те діло вчинити. Вже й Бога не прошу, щобъ мині помігъ, щобъ оборонивъ мене и закривъ відъ людського ока. Вибравъ я таку нічъ, якъ не було старшого сина въ господі. Криквули другі півні, я вже й на цвинтарі. Якось мині й ніяково по могилкахъ ступати; батьки, дядьки, діди мої лежять, и вже мині привиджуетця, що вони підъ тими підданшями ходять; волосъ вяне, та, на лихо мині, сторожі захропли підъ дзвівицею. Живі люде — не страшно мертцівъ. Заразъ та окаянна сміливость мене

взяла; підваживъ у церкві двери, виставивъ. Просто до громадської скарбовні, до церковної скриньки. Тамъ ще стара Терещиха кубки срібні на схованку въ церкву віддала, — все те я знавъ, де в якъ лежить. Набравъ повну торбу. Місяць у церкву скрізь вать лежать. паоравъ повну тороу. Місяць у церкву скрізь драта зазирає, щось ніби шамкає, ступає поза престоломъ, — схоплять мене дрижаки, та й зновъ байдуже. На образи не ди-ыюся, въ землю потупивсь, вийшовъ изъ церкви.... де тобі вий-шовъ? вискочивъ! Думка була двери до одвірківъ притулити — страшно, назадъ страшно обернутись; утекомъ черезъ могалки до хвіртки. Холо́дна роса́ зъ де́рева мене́ обсипала; мовъ щось мене́ держить за пле́чи, мовъ хтось за но́ги хапа́е; я біжу́ о́сліпъ. Вже одбігъ дале́ко геть-то, и не зна́ю, де я. Упе́рше зъ-ро́ду зъ доро́ги збився. Ставъ, озирнувся.... та се жъ я середъ могило́къ, на цвинтарі коло церкви! Місяць підбивсь угору, крізь ліпину старий донтовий дахъ світомъ своімъ мережить, у вікна бъе; эъ віконъ хтось визирае. Кинувсь я съ цвинтаря, ажъ хвірткою брязнувъ; ло Бунякового гайка, до байраку, за село поспішаю: тамъ уже въ мене й ямка готова, щобъ свій скарбъ прикопати. Такъ біжу, такъ біжу! Вже й за селомъ; гляну — незнакома дорога, та й зовсімъ нема дороги, мокра росяна трава въ мене підъ ногами. Озврнусь навкруги — зновъ я коло церкви! У вікна люде якісь мані всміхаютця. Тихо, тихо якась пташка підъ кришею стокне, мовъ чия душа плаче. А сторожі хропуть підъ давіницею. На що імъ стерегти, де самъ Богъ стереже?... Зновъ я бігти, зновъ я втікати; пітъ зъ ме́не такъ и ве́рне; но́ги вже підо мно́ю тру́сятця. И такъ я, лю́де до́брі, бігавъ навкруги́ це́ркви до са́мого світу. Сонечко вже по даховому моху краснимъ світомъ грає, череда озиваєтця; прокинулись сторожі, дивлятця — церква відчинена, а я зъмішкомъ на плечахъ по росі бігаю, стежку навкруги церкви вибивъ. Узяли мене — я й руки попустивъ. Зійшлися люде, попа покликали. Я й признався, що оттакъ и такъ, панове громадо; теперъ я въ вашій волі. Ну, піпъ туть заразъ крикнувъ на ота-мана, щобъ подавъ залізне путо, щобъ мене заразъ до станового відвезти; а старі громадські люде, порадившись міжъ себе, кажуть: »Що жъ намъ, панотче, за користь, якъ ми сёго чоловіка запроэторимо туди, де козамъ роги правлять? Хиба то намъ слава? А элучче им отъ що вчинімо. Ось одчепіть, хлопці, одъ дзвонівъ віжэки, дамо ёму за́разъ прочуха́на та накинемо на ёго бра́тську по»куту. Нехай три роки паламарюю въ церкві, нехай три роки »приймае до себе всякого нодорожнёго, страниёго, нехай даремые »всякого прочания, й захожого и проізджачого, контентує, и щобъ »ніхто, поки й живе на світі, инше ёго не звавъ ні на ймення, »ні на прізвище, якъ злодій.« — Отто жъ мене вибили середъ громади тими віжками відъ дзвонівъ, та й пустили. Якъ минуло три роки мое́і покути, в й кажу громаді: »ІЦо жъ, нано́ве громадо! »уже́ нехай буде ваша ласка: зоставте мене́, поки снаги мое́і, на-»ламарювати, та й проіжджачихъ нехай селя́не до ме́не відсила́ють, »щобъ уже́ в одинъ за все село́ ними турбува́вся.« — Грома́да, спасибі ій, на те зозво́лила. Оце́ жъ я вже охо́тою паламарю́ю въ церкві, стра́ниіхъ прийма́ю, якъ госте́й, и звуть ме́не лю́де на все село́ зло́діємъ.«

Сказа́вши, низько намъ обо́мъ уклони́вся, а ми ёму вклони́лися визько.

Отъ вамъ, добродію, оповідь, котору я своіми ушима чувъ, и чоловіка того своіми очима бачивъ. И теперъ поідьте въ село Гаківницю, то й теперь ще знайдете той двіръ на ріжку коло царими зъ вельченною вербою, а навпротивъ тні верби друга нахилильсь, и въ село наче крізь зелені ворота въідете. Вже вмеръ старий Дмитро Гарбузъ що звали злодіємъ, а вінъ Гарбузъ изъ діда й прадіда. Сина его не звуть злодієнкомъ, крий Боже! Усі поважають, бо чоловікъ хороший и странніхъ по-батьківській залюбки прийнае.

Ну, а въ васъ, добродію, у городахъ, що бъ съ такого чоловіка эробили? -

Хуторянинъ.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ казка и не казка... Весною іхала каляска. Упростяжъ коней шестирия: Каляска, наче та свиня. Була забовтана грязею; Хвальтаръ, куторъ, два лакеі, Юхтовий зваду чамайдань; — Зъ вікна дививсь старенький панъ, --Людці шапки виу здійнали; На лісу діти повлівали — Побачить: то вопо за-бісь?... Проіхало воно.... а далі — Якось-то Богъ не перенісъ ---Середъ калюжі коні й стали ---Усі, одразу, якъ одинъ!... Чому й не стать! — якъ роздивились: У грязь колеса заситились Троха не більшъ, якъ на аршинъ!... Тутъ кучеръ заразъ: »Ну, ребьятка! Ну-ну! - витянувай!! крычять... Тоненька нужка, знай, свистить!... — »Ні, нарень! чортового батька!« Стоіть и думае народъ: »Се, бачъ, калюжа—нашъ доходъ, Троха мабуть не цілий годъ.... Тутъ, брате, коні не потягнуть: Нехай тамъ будуть хочъ які — Чи геноральські, чи царські — Де́-де,—а тутъ вони пострянуть!...« А й справді людъ той угадавъ, По іхнёму, бачу, и вийшло: Хвальтаръ мовъ комарь пищавъ, Витягувавъ, ажъ тріснувъ дишель; Той бідний кучеръ ажъ охрипъ ---

А все нічого!... Коні — сіпъ, — Та й годі... дергонуть — и стануть... Упріли такъ, що жалко й глянуть! Досталось біднимъ лошакамъ!... До-віку бъ кучеръ мордувався, Колибъ до насъ не обізвався Изъ прозьбою панюта санъ: — »А чи не можна, добрі люде, Зарятувать? одъ мене буде Карбованець, чи й більше вамъ...« — Чому не можна? За волами, Якъ що таке, то и піти, А конинятокъ одпрягти, То й витягнемъ... Ходімъ, Овраме!... -И привели, и запрягли; Зъ каляски челядь постягали, -Тому мизерству показали, Що кові, бачте, не воли --Середъ Юрківської калюжі: Бо кінь який не буде дужий, Та, бачъ, гарячий: стрибъ да сіпъ, Книйть, мовъ у горщку окрінъ И силу даромъ потрачае... Святее діло — віль: ступає Повагомъ, стиха римида — А витаска вагу зъ багнюки...

Ся вірша вамъ за-для́ наўкя — Не вамъ, старі, а вамъ, онуки!...

Иванъ Затиркевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВЪКА.

(Изслюдованів Д. Мордовцова, въ III т. Архива, издав. Н. В. Калачовымь).

Историческое изображение юридического прошедшаго у всякого народа. сообразное съ установившимися требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество. будеть ян такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человъческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смешонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его върою въ могущество открытаго имъ начала, съ затбею писать кодескъ государственныхъ учрежденій для всёхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложениемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложеній. Съ тёхъ поръ государственная мудрость успыла вступить въ тъсный и неразрывный союзъ съ историческою дъйствительностію. Требуя оцънки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нътъ съ отвлеченнымъ началомъ какой инбудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примъненія, противодъйствующія и благопріятствующія стихін; было-ян парализировано противодъйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотъ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттънокъ. Только отвътивъ на эти вопросы, мы будемъ вправъ дълать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законъ условія народности, возможно—ли ожидать, отъ примъненія его, благодътельныхъ послъдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдъльнаго опредъленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ-юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакцією законовъ, вращаются въ кругу народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ-юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализировать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находитъ свое приложеніе въ физіологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовъда Мацъёвскаго, но, навърно, ничъмъ нельзя поколебать увъренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имъетъ свою физіономію, ему одному свойственную; что въ немъ естъ характеристическія особенности, ръзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — въчнымъ правомъ. Не менъе сильно наше убъжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имъютъ свои ръзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и проследить преемственную жизнь и видоизмѣненія последнихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ
путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только
на этой ступепи исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она
постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ
для настоящаго.

Къ сожальнію, въ настоящее время Польская и Русская литераруры не имѣютъ исторіи права, которая бы вполив удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовъденія первое итесто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ Исторіи россійских вгражданских законовь, Неволина. Но воть слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслъдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неводинъ свель всё данныя, всё отрывочныя нав'єстія о наследованім въ одно целое, подробно обследоваль ихъ, сравниль между собою и воспользовался встии, даже по видимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изследованія очевидно недостаточна при изученій такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь изміняеть и дополняеть обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимъющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо вглядъться во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изследуемые отрывочные юридические факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературъ замъчательнъйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкаго о литовских и польских законахь.

О достоинстве этого труда новейшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацевскій говорить такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, быль последователемъ Монтескье, который занимался более основаніемъ и задачею устройства человеческихъ обществъ, чемъ системами политической ихъ организаціи. Между темъ, Чацкій не усвоилъ себе, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ известныхъ определеній права ближайшія и дальнейшія логическія следствія, и потому, при всёхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкаго, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открыль им духа литовскаго права, ни древнейшаго его источника (2)».

⁽¹⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслідов. Мацювескій. Historya prawodawstw Słowiańskich, т. 1, стр. 365.

При такомъ состоянін науки исторіи русскаго и польскаго права, мы вправъ многаго ожидать отъ тъхъ ученыхъ изследованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обоихъ народовъ, будуть пользоваться явденіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической опънки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ анологическихъ заключеній. Путь сличенія близкихъ между собою законодательствъ для юристаисторика тоть-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбріологія и зоологія для физіологіи животной жизни.— Какъ филологъ и физіологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредълить, гдъ оканчивается одинъ языкъ и гдъ начинается другой, или гдъ оканчивается жизнь растеній и начинается животная, но имъютъ постоянною задачею своею опредъление качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можеть указать всёхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ постигь бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предупредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изследованиемъ внутренней жизни народа, чемъ явлениями политической сферы. Созданный историческими изследова ніями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдъляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дальнъншій путь изследованій юристовъ-историковъ. — Проявленіе въ этой форм'в народнаго начала указываетъ на то, что, при изследовании юридического быта народа, мы вправъ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствъ земли для объяснения закона и обычая другаго соплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цъли-создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изследованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляеть изученіе юго-западной Руси, гдъ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская національности и где исторія считаеть 4 столетія ихъ совитестного, болъе или менъе близкого существованія. Въ югозападной Руси, подъ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Речи-посполитой, по всей въроятности, въ законодательствъ, а еще болъе въ обычаъ, обозначались начала напіональныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытіе ихъ въ наукъ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можеть, сделаеть решительный перевороть въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изследованіяхъ этого рода на первомъ плане, безъ всякаго сомнънія, долженъ быть юридическій быть крестьянъ королевскихъ и помъщичьнув, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще дольше удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта нолитическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подъ одну юридическую формулу со встани лодын простого стану, составлявшими противоположность привилдегированнаго шляхетского сословія. Слідовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политических отношеній въ Литовско-Польской Речи-посполитой.

Къ сожаленію, намъ неизвестны ни въ Польской, ни въ Русской литературе труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дълъ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвъстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не остановливались еще, сколько намъ навъстно, съ полнымъ вниманиемъ на юридическомъ бытъ юго-западной Руси. Чтоже касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изсабдованів, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсёмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столетіи въ Малороссін живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подъ державою Польской Речи - посполитой; еще тогда дъйствоваль Литовскій Статутъ, и мъстное управленіе носило на себъ отчасти польскій характеръ, — и потому ны имбемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронъ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политического образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Политика и др. Но когда были уничтожены нёкоторыя прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляємыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отміні дійствія Литовскаго Статута—любознательность образованныхъ Малороссіянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкі вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себі Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ посліднее время стали чувствовать потребность сділать юридическій быть юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслідованія.

Статья г. Мордовцова, помъщенная въ III т. Архива Историкоюридическихъ свъдъній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературъ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходить, какъ мы впослъдствіи увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложениемъ правъ кресть. янъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человъкомъ простого стану в станомъ шляхетскимъ существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человъка простого стану, навсегда теряла свое достояніе. Если шляхтичь поселялся въ городъ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человъкомъ простого стану замъчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго разділилсь на крестьянь коронныхъ и крестьянъ частныхъ владъльцевъ; были также въ сословін крестьянъ и люди вольные. Первые изъ нихъ жили на землъ, принадлежащей королевскимъ помъстьямъ, платили за эту землю поземельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредъленію мъстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имъль постоянно дъло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ-чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ появленіемъ. Земская полиція и все, что относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слъдствія, для разбора тяжебныхъ дълъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинли судъ и расправу надъ крестьянами, не имъвшими права апелляціи, дълали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредъленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и сулу. Но читатель безъ сомитиія хотвль бы знать, что такое были уряды, о которыхъ здёсь говорится; было ли это тоже самое учрежление. что извъстный, въ литовскомъ статутъ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челъ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случав название уряда относится къ управлениямъ старостъ, тіуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имънія, и соелинялась-ли. такимъ образомъ, въ лицъ послъднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною. - На это г. Мордовновъ не даеть отвъта, и видить дурную сторону этихъ учрежденій въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имъли права апелляціи. Пользовались ям крестьяне правомъ апелляцін, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимають, т. е. правомъ перенести дело въ установленный срокъ изъ низнаго суда въ высшій для ревизін постановленнаго приговора-мы не знаемъ, и очень въроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существование такихъ апелляцій; но въ уставъ о волокажь на войтовъ-должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ, --- возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствъ уряда (абы врадо винь и пересудовь нады уставу не браль). Изложенное въ этомъ уставъ запрещение войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дълахъ, -- подъ угрозою взысканія, въ противномъ случат, пени въ казну рубля грошей, очень явно говорить о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послъдніе усвоили себъ привычку обращаться къ ихъ суду. Кромъ того, намъ извъстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особъ, для разръшенія споровъ между державцами крулевщизно и экономій и поселянами (*); следовательно короннымъ крестьянамъ въ Польше и Литве не быль закрытъ

^(*) Herbars, HECCURATO.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имфеть слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствъ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіє въ ней всего народа или его представителей стояли на стражъ правосудія, —и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ ХУ и ХVI стольтіяхь произошла перемена въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свътскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмість съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденцін и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судь, инклю своимъ последствіемь то, что въ Западной Европъ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали установлять законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрвнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдъдать юридической опънки судебныхъ учрежденій въ нитніяхъ польской короны безъ опредъленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Следы участія последнихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомитины. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, мало по малу съуживалось и наконецъ совствиъ было подавлено усплившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей въроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который быль привязанъ къ своему обычаю и считаль нарушеніемь права ни чемь неограниченную юрисдекцію своихъ господъ. Не говоря о драгоцівныхъ въ этомъ отношенін матеріалахъ, указанныхъ въ статьъ профессора Иванишева, объ устройствы древних в сельских в обществы вы Юго-западной Руси, ны можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго нам'встничества, Шафонскаго (ч. 1, § 34). Авторъ говорить, «что въ мъстечкахъ, за Польскаго владънія, отъ владъльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мъщанами называемыхъ, по волъ владъльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мъстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мъстечка прежде владъльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячъ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, въъ воторыхъ видно, что замку Гадянкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкъ намъстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадациинъ вонтонъ, вст дъла жителей Гадациихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, наифстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дълали». Не обратить вниманія на это обстоятельство, по нашему мизыю, значить потерять юридическую почву, трактуя о предметь столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбаненыхъ насвліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источнить вражды къ притеснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ матть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое возгрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не витли нрава апелляцін, нитеть какой то літописный характерь. Безь сометьнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насилія лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцъннъйшемъ ихъ нравъ-жить какъ оне привыкли, некому было жаловаться, если оне взялись за оружіе, возложивъ унованіе на Господа Бога. Но война плохой критерів для оптанки всяких учрежденій. Подобно пожару, она им'єсть то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жазни народа въ состояніи ситиненія, а не такъ, какъ они были прежле. Стоя лицемъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отръвиться отъ внечатавній страсти и стать выше точки зрінія той политической партін, къ которой они сами принадлежать. Даже писатели, исполненные возвышенной любки къ. человъчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни быть его начинателень, призывають благословение Неба на оружие одного дагеря и называють Богоотступниками и раздирателями отчаны тъхъ сподвижниковъ внутренией войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лътописей, современняки войнъ, не дали намъ върныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ их сказаній совершенно не ум'ястень тамь, гдь требуется анализь SETOBL.

Окончивъ изложение правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обинернъйшую и разнообразивишую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можне сказать, со всёмъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здёсь овторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдёлахъ II и III томовъ Паматниковъ Кіевской Коммиссіи, т. е. уставомъ о волокахъ короля Сигизмунда Августа, инвентарями по-мѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ гродскихъ книгахъ.

Существенные выводы, дълаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, следующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недълю, не считая четырехъ лътнихъ дней-такъ называемой толоки. Произволъ въ распредълени повинностей видънъ въ каждой главъ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: маеть быти на бачности враду и ревизоровъ нашихъ. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частію падало, хотя нъсколько косвенно, на тъхъ же крестьянъ. Кромъ платы натурою, были поборы въ казну и деньгами. Сумма всъхъ повинностей крестьянскихъ не велика, --если станемъ ее мърить по своему, на основании цънъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бъднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го въка это было тяжеле татарскаго набъга и только не тяжеле развъ одного аренднаго состоянія. — Обозрѣвъ затьмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходить къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поседянина выражается матеріальнымъ ого состояніемъ: исправностью земдедтльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствъ животныхъ. Это необходимое ръдко имълъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ нивентаряхъ постоянно встръчаются слъдующія навітстія: на 250 — 260 хозяйствъ причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ-47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числъ были богатые крестьяне, имъвшіе по двъ пары воловъ, то были и цълыя семьи, не имъвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ следствіемъ такого положенія дель было объднение крестьянъ. И притомъ положение ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавнія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI стольтія. Чтобы видьть это, стоить только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтожение въ нъкоторыхъ имъніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютовщины, подымовщины и проч. налоговъ; стнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мірт, можно накосить три большіе воза сіна; а возъ сіна стоваъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сънокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствъ малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ ХУІ выть, въ Малороссіи, считалось хорошею ценою заплатить за добраго вола 2 или 2^{1} , руб. сер., за мужицкіе сани— грошъ или полтора. за четверикъ ржи-тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человъка и произведенія земли цінились такъ неимовърно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать ватурою, при ежедневной баршинь, было не легко. Но ужаснье всего была полная неограниченность правъ владёльца и обычай отдавать питнія въ арендное содержаніе. Во встать записять неизмъннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себь всякіе доходы, судить и рядить боярь путныхь, также всьхь крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пенею и CMEDTIO ».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселянинъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послъдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствъ религіозномъ и патріотическомъ, — мънялъ косу и цънъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послъднимъ чувствомъ — животнаго самосохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредъленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіємъ ціны ихъ новинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнень обиході, и сравненіемъ ся съ цінами теперь существующими. Омибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измітненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украйні повинности были легче, чімъ на Волыни (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благопріятствовали, по всей

^(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. П., акты изъ своранія Руди ковскаго, стр. 331.

вёроятности, изобиліе земли, частые набыти татары и свободный дукъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тъмъ, авторъ, дълан общія заключенія о положенів крестьянъ юго-западной Руси, польвовался актами, относящимися только до имъній, находящихся на Волыни. Во вторыхъ-начало ценности, взятое въ отдельности, одностороние и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя действительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримъръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и поиъщичьную, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между темъ, изъ инвентаря именія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имінія, иміля 46 лошадей и 95 штукъ воловъ, или, въ селъ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосъдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношение тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояни земледвлія въ Малороссіи, следуеть считать удовлетворительными. Въ этомъ убъждають насъ оффиціальныя свъдънія, доставленныя въ последнее время помъщиками, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пъщих крестьянъ къ тяглымъ 73:100. Въ той же Полтавской губернін, по свідівніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имъется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычесть изъ этого числа коровъ и малолетковъ неспособныхъ къ работе, то можеть быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губернін можеть обработывать землю своимъ Скотомъ

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерній осталось не одно чувство животнаго самосохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является человъкомъ нравственнымъ, съ человъческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цънности само по себъ недостаточно для опредъленія даже и экономіческих явленій народной жизни: нельзя оцьнивать даровыхъ силъ природы, и трудно дълать какія либо предположенія о

цінь тых вещественных богатствъ страны, которыми пользуется человъкъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношении, независимо отъ цънности вещей, имъетъ важное значение способъ распредъления богатства. Еще менъе понятіе цънности можеть удовлетворить юриста. Цънность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращении. Кромъ цънности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредъленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, ово недозволяетъ незаконному владъльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цінности этого имущества; но предписываеть возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состоянін. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оценки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ въ вещамъ, всъ законодательства признаютъ что-то непосредственное, и въ нашниъ правакъ-внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушение всякаго права удручаетъ насъ не одними послъдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить заміною отнимаемаго равноцінныи вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святилище нашего придвческаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторів человъческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извъстной сумив находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цанностей, и коль скоро насиле доводить ихъ матеріальный достатокъ до изв'єстнаго преділа, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—н они возмущаются. Такая мітрка состоятельности гражданъ нигді не существуеть ни въ дъйствительности, ни въ отвлечении. Извъстная сумма ценностей можеть показаться необразованному носедянину достаточнымъ фондомъ его безбъднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человъка съ развитыми потребностями, то въ душъ его не останется ни одного мъста, не поражениаго чувствомъ лишенія, которое болье слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чтиъ выше благосостояние человъка, чтиъ болъе въ немъ обра-

зованности и энергіи, тъмъ живъе чувствуется имъ матеріадьное лишеніе и тъмъ сильнъе оскорбляется нарушенное право. Человъкъ, матеріально-духовное существо, переноситъ въ міръ матеріи свое субъективное бытіе и цънитъ въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своямъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замъчается въ жизни отдъльныхъ лицъ, тоже самое имъетъ примънение и къ цълымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ въка давящій деспотизмъ постоянно препятствоваль развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпъливъе переносятъ лишенія, чъмъ жители Европы, поставившей задачею своей исторіи эманципацію личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствъ народа и его цънности видитъ одно относительное значеніе. и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи объусловливается прежде всего ея потребно. стями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикъ Европейскихъ государствъ, извъстенъ, какъ примънение этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носять въ себъ условія прочности, и дольше сохраняются, несмотря на превратности истовической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь въ врестьянамъ юго-занадной Руси XVI стольтія, мы можемъ сказать, что народь этотъ терпьлъ матеріальныя и нравственныя лишенія. Терпьлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ-арендарей, которымъ отдавались имънія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидътельствами современниковъ, думами и преданіями народа и, наконецъ, тъми актами Кіевской Коммиссія, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрълъ народъ на эти притъсненія, какія права свои онъ считаль нарушенными, какъ хотълъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвъчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цъны, не взялъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммиссіи, не видыоть ни юридическаго характера, — потошу что въ нихъ натъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго — потому что въ исторіи
предполагается движеніе; а изъ всёхъ выводовъ автора соотвётствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ
крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимися у него цифрами, какъ примёрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой
статьъ г. Мордовцова, нътъ ничего и политико-экономическаго, потошу что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законъ развитія
вароднаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселянина XVI в. не оставалось ничего, кром'є чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолькой: иного значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей стать в птени думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство человъческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторія, обратившей Южно-русскій народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледълецъ, наравнъ съ просвъщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключение скажемъ о статът г. Мордовцова, что радуемся появлению ея, какъ доказательству любознательности просвъщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русской жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлечение изъ актовъ Киевской Коммиссии, которое познакомитъ иногихъ читателей съ этимъ драгоцъннымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свъдъній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нътъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формъ притъснительнаго закона, то въ видъ произвола пана и жида-арендатора, но не нисходитъ къ самому народу съ его правами, имслями и желаніями, взлелъянными нравами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ заключеніяхъ, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мивнію, къ всему тому, что намъ мавістно наъ актовъ Кієвской Коммиссів и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себів ничего не говорять, или, пожалуй, говорять новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота літописца Величка: «Тотъ годъ на літерів добрю теченіе свое отправовати начавій, долженъ быль отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіє; еднакъ добра не было». Дъйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столітіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помішало ему осуществиться.

А. П....кій.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

Ī.

Много явть тому назадь, Тарась Григорьевичь Шевченко началь издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «Живописная Украина». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я ртился назвать свое изданіе твиъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служить какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначение своего альбома подробнте, чтыть въ объявления. Цталь моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной онзіономіей Украпискаго народа, со всею обстановной его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, ртаьбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что составляетъ жизнь Малороссіи, найдеть місто въ мсемъ альбомть. Ежели число нодписчиковъ твеличитъ мои настоящія средства, то я расширю размітръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотталь издавать въ краскахъ все, что имітеть интересъ красокъ, также выкройки одеждъ и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мітетной особенности, но сдъланныхъ Малороссами.

Еще разъ прому каждаго, имъющаго что-либо снятое съ натуры, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мив, для помвиенія въ альбомв, првлагая только подробное описавіе того, что сдвлано, къмъ сдвлано и когда. Все будетъ возвращено мною, по инмованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному миз задить по Малороссів и дълать за-

мътки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожальнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ былыя впечатльнія, какъ справочные листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдъ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потеряль три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переъздахъ и перемънъ квартиръ—это неизбъжно. Потерявъ эти—для меня—драгоцънности, я еще болье оцъниль ихъ; утрата была невозвратимая, и тогда я еще упорнъе захотълъ подълиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живъе чувствую необходимость спасать трудъ каждаго.

Мнъ очень жаль, что размъръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія художества, и едвали не менте такихъ, которые поняли-бы и вполнт оптили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слепымъ благоговтнемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на маранье, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ ниъ никакой цтны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мішаетъ уразумітню художества; следить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцтни своей большого знанія, тогда—какъ очеркъ часто доступенъ и не спеціалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нісколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нісколькихъ словахъ значеніе эскиза и неконченнаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что будетъ дълать художникъ далъе, будетъ имъть, конечно, свою цъну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и ръдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатльніе и свъжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что можетъ дать, и что долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неконченные, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотлявой обработкъ, а тамъ, гдъ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далъе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгараетъ на эскизъ; вскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одинъ съ

каждей чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаетъ свое произведеніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще
такого рода очерки, которые должны навсегда остаться очерками; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изображающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть
преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно,
а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я берегъ эту неконченность....

Потздки художниковъ по Россіи случаются різдко, да притомъ, потздки съ художественной цізлью затруднительны (1); а потому замітки художниковъ тімъ дороже.

Теперь перейду къ объяснению рисунковъ 1-го выпуска.

Форма дверей (изъ двора въ съни), изображенная на заглавномъ листъ, не знакомая многимъ въ Черниговской губернія, очень извъстна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подъ № 1, изображаетъ Козачей судъ съ Черноморън; рисоваль съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же
и награвироваль его теперь. Налъво сундукъ, — это казна; возлъ
ней козакъ на сторожъ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссін,
очень часто выбираются, для перециски бумагъ, мальчики, чтобъ не
понимали дълъ и не сплетничали, — черта весьма практическая.
На Черноморьи также пишетъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень
жаль, что художникъ не могъ разсказать намъ подробностей, — это было такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани-

⁽¹⁾ Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказъ комен-Дантомъ кръпости, который заставидь его рисовать при себю и затемъ уже отпустнать его. Въ 1850 г., А. В. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ кръпости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. О. Тиммъ былъ арестованъ въ Земать Войска Донскаго. И такихъ примъровъ очень много: почти ни одному художнику не обощелся его рисуновъ съ натуры безъ непріятности. Я быль остановлень, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ чиновникомъ, и только послъ врупнаго объяснения съ городничимъ, выбхалъ свободно взъ города. Въ 1854 г., въ куторъ Варогъ Полтавской губ., Лубенскаго утада, мит даже грозила большая непріятность. Меня огласили турецквиъ шпіономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпаль что - то въ воду бабъ, которая послъ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы одниъ видълъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотъи связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я быль избавленъ П. А. Кулишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисарав, я былъ остановленъ какимъ-то мајоромъ и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цв онъ рисоваль: въ Теминбекской, Прочномъ-Окопъ, или Баталь-Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который вздиль много по Малороссіи съ нелію изучить ее и собираль матеріаль чрезвычайно добросовестно. Рисунокъ этотъ снять съ натуры въ селе Еремевке (Полтавск. губ. Золотоношскаго уезда), и представляеть «дивчину въ дрибушкахъ». Ленты разныхъ цветовъ; на шет коралі, образки, личмани—медали, которыя еще попадаются; свитка белая, суконная.

№ III, — гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдъдавшаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селъ Еремъевкъ. Онъ представляетъ «бабусю съ намитить». Свита тоже бълая, суконная. Село Еремъевка — одно изъ тъхъ, которыя сохранили въ себъ старину.

Считаю долгоиъ благодарить И. И. Соколова за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также А. Е. Бейде-мана, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданія; О. Пл. Челищеву, Л. Ф. Лагоріо и П. А. Кулиша, доставнявшихъ мнѣ свои рисунки; Ю. В. Толстаго, доставнявшаго мнѣ два рисунка Штернберга и А. Ф. Чернышева, объщавшаго дать рисунки, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малероссію.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

запътка о народномъ языкъ.

Въ 4-мъ № «Современной Лътописи Русскаго Въстника», въ отчетъ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Въну, напечатано следующее разсужденіе о южно-русскомъ литературномъ языкъ: «они (Галичане) имъютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чёмъ то напороссійское наречіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ наречін, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болье о томъ, чтобы сблизить свое наречіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не следуя примеру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всё оттенки и тоны народнаго говора».

Это странное мивніе автора «Современой Льтописи» удивляеть насъ своею неопредъленностію, неизвъстностію началь литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, еъ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволить къ тому южно-русскому выку, которымъ иншутъ украинскіе нисатели, и симнатизируєть галицкимъ литераторамъ за то, что они не передразнивать же на-роднаго говора,—какъ это дёлають первые. Передразнивать же на-родный говоръ, если мы не ошибаемся, значитъ писать на языкъ, нохожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имъютъ въ изустной рѣчи варода, или, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни-

ваніе народнаго говора въ особенности-забава празднаго воображенія, пріятная развъ тому, кто передразниваеть, но, безъ сомнънія, неумъстная въ такомъ важномъ дъль, какъ литература, гдъ удовольствіе и польза объихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услуги. составляютъ условіе sine qua non... Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находять ли читателей уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслітдуются ли они критикою-вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лътописи оставляеть въ сторонв, и даеть, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрвнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ народнаго говора даже и тъ произведенія украинской литературы, которыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пъсни, переживния въ его памяти сотни лътъ. Произведения эти, народныя по содержанію и по формъ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохожимъ на литературный языкъ воликорусскихъ писателей, и, въроятно, не имъли бы такого успъха въ украинскомъ народъ, если бы были писаны языкомъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературъ, Бълинскій характеризоваль въ следующихъ замечательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего винманія, значить не понять на русской литературы, ни ея исторія. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленім отръшиться отъ результатовъ искуственной пересадки, взять корни въ новой почек и украпиться ся питательныин сокани. Идея повзін была выписана въ Россію по почть изъ Европы, — и явилось у насъ заморское нововведение. Ее понимали какъ мскуство слагать вирии на разные торжественные случаи....» «Пѣснопрвыескій» и «воспрватечрній» взлачур на поэзію созчану не нашими первыми поэтами: такъ смотръли тогда на поэзію во всей просвещенной Европе. Всеобщею известностію тогда пользовались тольво древнія литературы.... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была воситвать какое-инбудь великое событие въ жизни человъчества, или въ жизни народа, и въ какую бы экоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, лишиться мъстнаго колорита, при-

водиться въ движение сверхъ-естественными силами, выражаться наныщение и безцвътно, — чего необходимо требуетъ всякая поддълка подъ чужую форму и тъмъ болъе подъ чужую жизнь. Вотъ происхождение риторической исезии. Основание ея—отложение отъ жизни, отпадение отъ дъйствительности. Такая-то поэзия была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская повзія до Бълинскаго и послъ него въ своемъ стремленін сдълаться народною, и какъ бы много языкъ ея не принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной ръчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рачи, -- еще и теперь очень явственно даеть себя замътить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкъ. — Перифразируя, такимъ образомъ, взглядъ Бълинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискъ мысль даровитаго критика въ свое время нитла вст условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и разкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубъжденіями; но теперь она за-частую высказывается новъйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примънить общій взглядь къ отдъльным ввленіямь литературы, или не узнаёмъ ее тамъ, гдъ она говорить о себъ самимъ ділопъ, коть бы, напримірь, такимь, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинъ.

Авторъ «Современной Летописи», находя въ языке литературымъ произведеній галицкихъ Русиновъ более сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чемъ въ языке украинскихъ литераторовъ, не остановился им на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ последнихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сделанное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвигнуть его — обратить вниманіе на внутренее содержаніе литературныхъ произведеній, и вникнуть по глубже въ карактеръ и особенности литературной деятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Летописи» не закотель, или не счель нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатъ его словъ какъ бы скрывается совъть украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подъ-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

возможность представить образцы литературнаго вкуса галицкихъ писателей, и предоставить самимъчитателямъ оцънку отзыва Современной Лътописи о ихъ языкъ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположение въ епископы Куръ Спуридіона Литвиновича съ эпиграфомъ изъ русской лътописи: «И бысть великое веселие и велия слава Руси нарещи толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градъ Австрійской Державы, Въ церкви, гдъ Бога Русь наша хвалить, Восходитъ намъ въ міръ мужъ ума, славы, Отчизны сладость, украса и щитъ.

Владыча интра, що свъжнин краски Блеститъ на свътлой его головъ, Сплетена зъ Божой и Царской ласки Во маду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведении этомъ нѣтъ ни »пою«, ни обращенія »къ музамъ«, и эпиграфъ, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуетъ, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанію, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй полалѣ.

Другую выписку дълаемъ изъ стихотворенія: » Бдь на село.«

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офельи: Иди, прекрасия, въ монастырь! Иди, и скройсь въ самотной кельи, Не возмущай собою міръ!

Такъ я, въ волненін любови, Склонивши жаркое чело, Прошу тебе все темижъ словы: Вдь на село! Вдь на село!

Вдь на село! у насъ тугъ въ мѣстѣ Самін ложнім цвѣты; Ихъ барва, воня, сокъ и листѣ Отравою суть честноты.

Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Вдь, чёмъ скорёйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутстій живых и выразительных красокъ, не только не интютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не налодять себт ничего подобнаго въ кругу поэтических твореній великорусских авторовъ новтишаго времени. Вообще въ произведеніях галицких писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ парода, и писать народно по содержанію, потодвинуто на второй планъ, и потому въ прозт у нихъ ны встртиваемъ выраженія очевидно не народной конструкцій, въ родт такого: »Солице приглядалося въ полыскаючомъся желтать и розносило отблескъ по лъсъ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанных въ Сборникъ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чъмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидътельствуетъ только объ удаленім галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случат не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугъ галицкихъ писателей, тъмъ болье, что послъдніе не имьють, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новъйшить и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминають въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-класенческой школы произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-класенческой школы произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-класенческой школы произведеніяхъ стольтія.

Неестественность и натянутость червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимають изкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникъ отзыва объ укравискомъ литературномъ языкъ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обозрѣнія обращаеть вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ ихъ странъ, имъетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которіе неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орлѣныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замъчаемые въ языкъ галицкихъ писателей, нахолять, думаемъ, отчасти свое оправдание въ особенныхъ отношенияхъ русской литературы въ Галиціи къ нъмецкой и польской и въ тъхъ условияхъ, при которыхъ русские писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаниемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ прайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодъ, урожав, болвани скота, о политикв, наукахъ и искуствахъ, они не всегда находять для себя удобнымь выискивать употребляемыя въ народномъ говоръ, наи по крайней мъръ, наиболъе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вибсто того, кое-какъ заимствують чужія готовыя формы, или предпочитають имъ свои наскоросоставленныя quasi-народныя изръченія. На украинскихъ авторахъ не лежитъ столь трудная задача, и потому средства муъ не носять на себь характера такой экстренности, какая замьчается въ произведениях галицких писателей. Украинские авторы, кроив, конечно, немногихъ исключеній, которыя діятельно преслідуются критикою, не дълаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нътъ надобности въ произвольномъ обращении съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкъ великорусскихъ авторовъ, языкъ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имфетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобръвшихъ извъстность, украинскихъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего больше желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдеть украинская литература въ этомъ направлении, и на долго ли она сохранить свой языкь оть вліяній, способныхь сділать его чужимъ для народа-объ этомъ трудно сказать тенерь что-инбудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякоиъ случав, украинская литература, съ нынвшинив ея направленіемъ, составляеть замітчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явление чисто-народное, и имъстъ полное право на сочувотвіе всёхъ тёхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движенів, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужполуграмотный и совствъ неграмотный нано забывать, что родъ имбетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренній міръ не представляеть собою такого матеріала, на которомъ его учители могутъ записывать что имъ захочется-какъ на доскъ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человъка тѣ чувствованія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міросоверцаніе. Народное остроуміе, въ названія вещей, любить соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходными. Таково, нанр., по объясненію г. Кулина, слово сіромаха, (названіе бідняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сірую одежду и скитальческую жизнь сіраго волка (сіроманця). Заміните это слово соотвітствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — я оно не воспроизведеть въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извістно — творчество в внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всъмъ разнообразіемъ и богатствомъ его содержанія, есть его совданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступнаъ на поприще исторической жизни. Смотря по ходу событій, народная різчь восиринимаєть больше или меньше чуждыхъ словъ; но всъ такія прибавки количественно ничтожны въ сравнения съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тъмъ же. Смъняются событія вибишей исторів и явленія внутровней жизни: на горахъ, габ гивадились разбойники, устранваются великольшные города; пустыни обращаются въ великоленныя пажити; состанія племена, вносшвинія въ страну ужасъ и опустощение, мирными сношениями своими спосившествують развитию народнаго богатства, процветанию наукъ и искуствъ; состан-враги дъявотся союзниками; племена, составлявшія прежле отдъльные политические союзы, соединяются подъ одну власть, и, наобороть-соединенные прежде-отделяются. Одни внутреннія учрежденія заитыняются другими. Сообразно съ этою сменою явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тъмъ же, измъняется со стороны внутренняго значенія и формы. Изм'вняются понятія, а витесть съ тънъ и слово народнаго языка, витьящее прежде одно вначеніе, получаеть въ последствін другое. Проследивъ видонеивненія понятій, которыя народь соединаль съ словами отъ начала своей исторіи до последней минуты, МЫ узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаніе. Объясните затъмъ, почему народъ один понятія выражаль только такими, а другія — иными словами, в въ чемъ именно состоить отличие его, въ этомъ отношения, отъ другихъ народовъ:--тогда вамъ представится физіономія народа и его неторія въ симсяв прагнатическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ симсав, какой оно имбеть въ настоящемъ говоръ народа,

естественно вызываеть то понятіе его, которое народный умъ соелиняль сь нимь прежде, если только цамять о первоначальномъ прелметь, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примъра слово: «подданный». Теперь оно означаеть отношение въ верховной власти; но прежде подданиымъ назывался връностной человікь, крестьянниь. Употребите это слово въ бесідів съ Украинцемъ- и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пъснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ надворными хоругвами, съ губернаторами (управителями), съ данями, проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинъ, слово «плънникъ», виъсто невольникъ, бранець. браниса: -- это слово, конечно, вызоветь, въ вашемъ слушатель, воспоминаніе отряда пленниковъ, проходившаго безмольно, во время посавдней войны, съ и сколькими солдатами чрезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видъть; но не такъ легко его цамяти перейти къ тому, что сохранилось въ сокровищницъ изустнаго слова о исвольникахъ и бранцяхъ. Между темъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дълались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольнициихъ пъсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгь, и вивсть возношенія въ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украницу плънника-певольникомъ-и вы вызовете въ его душъ многіе обравы невольниковъ, созданные народною музою; его созерцаніе будетъ дъятельнъе и богаче, а благотворное дыханіе поэвін ему подскажетъ **Іюбовное обращеніе къ жертвамъ** несчастія.

Однить словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношение съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственныя и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если же мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкъ, несовстить ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкъ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературъ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то памъ придется многое объяснять неграмотному простолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себъ понятія, которыя соединяєть литературное употребленіе съ такими или вными словами русской ръчи, —чтобы овладъть несовстять понятнымъ ему меха

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукт связь съ міросозерцаніемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, или, выражаясь образите, мы, стоя на горъ, толкаемъ его впизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чёмъ, по пашему митнію, следуєть объяснить то явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тёми, кому судьба дала возможность посвятить наукт нёсколько лётъ жизни, и какъ бы совершенно не существують для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развіт тёхъ неприхотливыхъ умственныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимають за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всёми, кто только кое-какъ овладёль способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дёло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болёе или менёе значительное отличіе малорусскаго и великорусскаго нарёчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П....кій.

одъ Редакціі.

Високоповажнимь: О-т-п-ч-с-к-у,—М-му В-р-вь и І. Ч-рнскому, въ Кишиневъ,—О. К-цову, въ Таганрогъ,—П-ну—М-чу Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, Н. Т-х-р-скому, А. З-му К-пк-му, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кгевъ, — В. Д-б-к-му, въ Сосницу,—Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную,—А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ,—В-ю С. М-въ, въ Харьковъ,—А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскъ,—В. М-с-л-ю, въ Казань,—и Л. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу,—и для кожного народу нема скарбу дорогшого надъ ёго рідне слово... Отъ же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Украінське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, виступить у чужій одежі,—бо вже забували рідню мову люде письменні, що брали ключъ розуміния и звались отцями и руководниками народу.—
Да якъ у давні роки простий людъ нашъ судьбу Украіни на своіхъ плечахъ виносивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ свое рідне слово, и—дяки нашому народові—пережило воно віки, пережило и тіхъ письменнихъ, у котріхъ заснула народня душа, котрі, своімъ невеличкимъ розумомъ, давно вже материну мову въ могилу положили и каменемъ привалили. Не розуміли й сторонні, а де—які й наші, письмаки, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, изновъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне й сталося зъ нашею рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрощей не переслухала одъ своїхъ и чужіхъ людей—що бачять ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачять... Отъже, не загубила ії ни холодна гозсудливость, ни лиха година: »незагинула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі«... »Зрадня ваша рада«, одказали ми тімъ письмакамъ, що насъ на свій—да позичемий—ладъ навертали: » у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не пурайтесь «(мовлявь Тарась)» того слова, Що мати співала, Якъ малого сповивала, Зъ малимъ розмовляла«... «...Бо хто матіръ забувае, Того Богъ карае, Того люде цураютця—Въ хату не пускають—Своі люде якъ чужні—И немае злому На всій землі безконечній Веселого дому!...«

Прозріли тецеръ всі ми, — домислились и дознались, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого двору ніхто дороги не покаже— на виступці не попросить. «Лучче свое латане, ніжъ чужее хватане, — лучче свое лохматне, ніжъ чужее прохатне«, думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думаемо.

На оповістку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінцівъ Украіни, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморії и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ иншихъ сторінъ, — хто на що змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привітъ и дяку одъ щирого серця, одповідаемъ вамъ зъ такою щиростю и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здастця, а ви насъ за те своею радою зарадите: коли де треба—навчіть, поправте—и діло наше піде веселішъ, и дружнішъ и краще.

Наша Украінська мова, якъ и самі, здорові, знаете, мае въ собі велику вагу и силу; все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимої семьі, котра зъ давніхъ—давенъ жила и живе на нашій Украіні широкій, — все одзначилось въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глибу его світятця, зъ яснимъ місяцемъ и палючимъ сонцемъ, зъ горами, степами й лісами; радість и

туга невсипуща; кохання щире и проклінъ; воля вирока й темниця глибока, -- голосъ неустаний великої душі народнёї, що все житти свое довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по чий-небудь единичній волі вилетіло зъ усть та й стужавіло, н стало въ вядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дойшло свого права. Траціяетця нагледіть у кинжиать же небудь наново стулене слово, — отъже и змічаешь—інше и не пішло далі: якъ послідъ, зогнала ёго мітла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидка справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ изростись новому слову зъ живою мовою! А зъ сёго кожному буде розумно, що всяке слово мае свое непомильне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумівъ усю красу, всю топину и глибиню Украінської мови, и полились изъ струнъ міцної дири ёго не слова, здалося намъ, а чисті слёзи чистої душі народнёї. Бажаетця и намъ іти слідомъ народнёго великого чоловіка. Досёго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці щирихъ земляківъ нашихъ-въ іншій и не доглежено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаемо проводить дорогу гостю тісними дверима, якъ и зпершу въ «Основі» сказано; пехай коженъ добрий чоловікъ пише якъ уподобавъ и змалку наслухався; тільки треба пильної уваги — чи такъ же якъ-разъ веде народъ річь въ тімъ случаі, який хочемо оповістити. Не для кожного одразу здвинетця камінь, що кривъ ціяв віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снігомъ, зосталося зелененьке и свіже. Мовчало воно, якъ дитина-сирітка, що сидить собі де-небудь підъ тиномъ, да погляда на людей, ледве важучись до іхъ обізватись. Чужі діти гуляють, красуютця, а нашу сирітку тільки сонечко гріе, та дощикъ обмивае, — и нема до ёго діла нікому. А приголують ёго, обізвись до ёго, якть матінка, —воно такъ на тебе гляне, що ажъ на душі у тебе вияснитця, и вгледишъ ти рай у тімъ погляді. — Оттакъ-то и мова наша затуркана—не гляне вона на тебе до-ладу, поки не покохаешъ ії, поки вона тобі віри не нойме: тогді тільки кожна думка наша объявитця тимъ самимъ словомъ, що живе для неі межи народомъ. А то-найшли ми, у присилкахъ. и думъ доволі хорошіхъ и щирості багато, да якъби, кажу, прибрать іхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати дочку виряджае у празникъ---у білу сорочечку, у плахотку, та й нде вона, якъ струночка. О, кожна мова у світі любить сее, щобъ ії по своему оденуть, чи московська-въ сарафанъ, чи німецька-у цааття. Якъ станешъ убірать

звичайненько, динесси—кожна мисль, коженъ віринкъ, заразъ и вияснятия, и заговорять по своему; и вже твої думки не грають мовъ же у тісної бабя—рядочномъ усі посідають, янъ того треба.

Нашть Марко Вовчокъ, якъ бжола Божа, вишивъ найкращу ресу ізъ квітокъ нашої мови, бо покохавъ ії, покохавъ той людъ, котрий винивъ всі свої думки та гадки, все свое серденько, тією мовою. Безъ любові одна міцъ его таланту не помогла-бъ ему; нічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумемъ; а то читаєщъ — не одірвесся одъ ёго речі, якъ въ жинва одъ криничини: чустця, віритця, що такъ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоловікъ, якъ у его малюнку зиято.

Не можна тежъ заневнять, що и въ такихъ дюдей, якъ М. Вовчокъ, не різнить дещо въ нареднёю мовою. Не легка річь эмогти сес. Ми поперелили свою мову резвиваючись ма інчихъ поляхъ, и вискочивши на гору, часомъ недочуваемо гараздъ, що вона до насъ, голубка, проповляе. Протежъ радісно напъ слугать ії чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъумісно. Не летко, кажу, не помилитись, жобъ кожне слово було постановлено жкъ-разъ тії ціни, якої потрібно для мислі: одъ сёго замочка спражній ключикь и въ старшихъ словесностихъ не всякому дався, а у нашіхъ початкахъ и геть-то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово занесено на пашръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано въ усіхъ боківъ,---часомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рідний. А ми, кажу, пісьменні, схожі на чоловіка, що ввійде у тужу громаду, да поки розбере що до чого, — кличе Ивана занісь Степана. У золоту обручку часомъ уставимо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити... У поважній мові, дивись, стоїть слово. якъ пьяний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосие, де треба гладеньного, та тихенького. — Правдивий батько, — жалібникъ нашої мови, повійничовъ,-земля надъ нинъ перонъ!-літаючи високо у синій далечині, щобъ приднентьця до вірокъ, почуваєся іноді, що нема тії струни, якої ёму треба; може була, да ворвалась и сатоптана за довгі часи. Отъже будо понашпорить но сыятому міські, або но інших древніхъ нашихъ книжка́хъ, да витагие відтіль, озираючись, словечио, яставить его, злетка, у свою річь, да обгорне своїмь дириемъ добірнямъ,--то мовъ воно тамъ и вродилось, -- зрослось, и не пізнаешь его: одинъ цить и пахъ у весву жучечку. Навистникъ Шевченка, Марке Вовтокъ, ізрісъ далеко одъ батька у чужій наўці, а нерелетівъ — таки

чужі гери — порвавъ усі пута, — не стоинансь мінні крила у молодого орляти — и спавъ вінъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої дуни народнёї. Спасабі невліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвіть нежаленький, ёго крила широкі,-нестае ему вейть неръ до лету, якого бажае. Однакъ, чинъ більшъ уваги буде до можи, чимъ більшъ ій шаноби, щобъ, гнучи, до не надлошить,--тимъ незміренно більше буде и доброго діла нашого для України. Марко Вовчокъ-наша надія-все зможе. Горе, якъ кто зъ гордою дункою, а не зъ широстью, да коханнямъ до люду Божого, приступае по відного слова. та й почне ёго калічеть... А якъ напустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річь ій и змарніти: якъ городина моледенька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало прекладу на се по світу? Хоть и въ нашій хаті, що поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Абе й Москва-чи скоро збулась надвижиня своеі словесноєти--- ссе восска Флакка зрана»? Насилу такі люде, якъ Пушкинъ, новиміталя ту полову лавровими віниками, и начернали живого слова въживето люду. Отъже, вважаемо, и у насъ се въ іншихъ письмахъ вкидаетца; може и одъ тирості, даханаючись черевъ енлу, щебъ не ввірвать. Найкраще-повагомъ; и косарь, якъ, знай, maxa dyramu, to pockedá otema: «a inó», mobb, «чи й не косаріжъ ии»! то не вробить за того, що коса тільки—не - ле-сть! щеле-сть! — підъ самий корінець бере: оттуть и зиску ждать, — все выбере при землі, — ні половнішнику, ні чебрецю пахучого не зоста-BUTS.

Інші думають, що у тому глинищі нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало заживу? Більшъ може, а коли не більшъ, то стільки жъ, якъ и де інде, — да, бачте, безъ труда ні що йе даетця. Народню мову не жарть осагнуть усю въ іі обширі, —та нелей тільки добрі, та щирі, пахарі зъ уватою берутца за діло и розгоняють ширше и ширше цілшу піковічню. Будемо принадать укомъ до сашить борозень, до голосу того, що зъ самої землі підіймаетця и въ акому строю йде, бо чи візьмещь шизче, чи вишче, вже й чути: дзізчить твое слево осою въ усі, и не езветця воно луною що Дийпровить скелять, не широмить степать и лугакъ,—не зросится щириши слёвями, якъ рідна, живуча, давня, якъ світь, а усе свіжая пісня.

Ще отсе варазъ ин вавианили, найбільнъ принедае до присланинкъ найсь віранівъ: увъ однікъ видно, що де-кто, взавшись за пере, не тільки-що нового нічого межъ нашинъ людомъ, зъ устъ ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літь якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі світь за-очима и мусивъ звернуть зъ простого народнёго шляху туди, куди й не треба, або, зновъ, замісь своеі, стушщъ на чужу тропу и переспівуе думки чи народні, чи вже проспівані кінъ-другинъ.

Колані вемляки, посилаючи въ Оспосу свою первинку, найбільшъ на насъ здаютця: аби, кажуть, нашъ візъ у ладъ котився—додавайно рукъ: хто обома, хто—однією, а хто й пучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, вишинемо но гарній частині зъ де́—якіхъ вірщівъ, котрі не мілійшли мідъ нашу программу: нехай разомъ зъ нами полюбують на нихъ и другі читателі:

I.

Світіть каганчикъ—не лучину...
Той—наточку, а пасмо—другий,
Робора й вайде для почину...
И я на старості візьнусь
Хочь валь... щобъ и спого додати,—
Бо въ спражні прахи не гожусь:—
Аби крутить, аби не спати.

(А. Е. Звеняговодський).

IL

Де ти, доле, де ти, доле?
Чи ти въ лісі, чи ти въ нолі?
Чи недужа підъ копою.
Притулилась самотою?
Чи по селахъ тиняесся?
Чи у морі купаесся?
Чи на Дону зъ чумаками,
чи въ будинкахъ межъ панами,
чи съ хлопьятками у школі,—
Скажи мені моя доле?...

Було, 'тее саду у садку— Підъ лицою въ вечірню пору, И пильно, пильно все дивлюсь Якъ пишно сиють въ небі зорі;

А тамъ, дивись, волосожаръ, Ниначе пава похожае.., А тамъ іхъ скільки! Боже мій! Нехай хто злічить—угадае...

(Зъ меньшихъ віднівъ л. я. конського).

III.

И бачу я тоді широке сине море—
Клекоче глибина и стогно и реве,
И хвилі глизві збігаютця якъ гори,—
И гуртъ човнівъ по морі тимъ пливе;
И дружно козаки на весла налігають,
И кожний піну бье и кожний хвилю рве....
Люту́е, стогне море, зъ реберъ іхъ скидає,
И піною, скаже́не мовъ, імъ о́чі забива́е—
Я чу́ю го́лосъ іхъ... я ба́чу—потопа́ють!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Козаче—небоже, чого ти сумуемъ?
Чого ти частенько и тяжко здихаемъ?
Чи жімка недужа, чи, може, горюемъ
Що дітки померли? худоби немаемъ?—
И жінка здорова и дітки живенькі,
Въ господі и въ скриняхъ худоби доволі,
И вівці ведутця, и коні гарненькі,
Все маю—да тільки не маю я волі!
Нужуся—хоть часомъ хотівъ би сміятьця,—
Забавить дитину, якъ бідне заплаче,—
Такъ дежъ тамъ! насунлюсь, що й діти боятця,
Дивлятця на батька—на вовка ниначе.

(т. м. стаценко).

v

Якъ гляну—погляну у чистее поле Роскине, широке, якъ синее море, Далеке, якъ небо, привітне, якъ доля, Веселе, тихеньке—ні смути, ні горя; Якъ глану я въ поле́—душа затрепече, Серце наче пташка въ клітці защебече, И я забажаю широкої волі, Якою кохався козакъ на роздоллі, И кличу ту волю,—въ степу луна гине... А воля козацька до мене не лине!...

отъ редавцін.

- 1. Статья « о народноми языки» была напечатана раньше нежели шы прочли митніе Русскаго Вистинка (въ мартовской кинжкі) объ украмиской литературії, — на которое мы намірены вскорії отвітить.
- 2. Въ следующей книжке будеть помещено продолжение статей: Гетманство Вызовсказо, Н. И. Костонарова, Гоголь, П. А. Кулина, и Письма о Богданъ Хмельницкоме, М. А. Максимовича, начало которыхъ напечатано въ 1V и III книжкахъ.

OBBACHEHIE

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

содвржащихся въ 4-й книжко «основы».

Ажъ ось-какъ вотъ.

Ажъ генъ-вонъ тамъ, далеко.

Бейданъ — родъ большой лодии, судна.

Бандура — названіе музыкальнаго струннаго инструмента.

Баня - куполъ церковный.

Баранчикъ - ягненокъ самецъ.

Вебехъ! — звукоподражательное слово, выражающее паденіе твлъ.

Безпешно — безопасно.

Бідаха — бъдняга.

Бідота (собират.) — бідняки.

Божо — (нарвч.) по божьему.

Борщъ-родъ укранискихъ щей.

Бразолійний — бразолія (родъ темной мраски).

Братчикъ — такъ назывались члены мерковныхъ братствъ, равно всв, между собою, вомны Запорожской Свчи.

Вана—(дътеное елово) боль; рана. Варзанати — д. б. нести вздоръ. Варта—караулъ, стража.

Вертувати— отбывать карауль, сторожить.

Béanko-mioro.

Верхівья - верхушки деревъ.

Вибачити — извинить.

Вибу дувати— состроить, выстроить, соорудить.

Вигробти — выгресть.

Видибуляти—выбрести, выйти какъ будто на ходуляхъ, или какъ дити, не твердое еще на могахъ.

Визоолити—избавить, освободить. Випікати—выжигать; укорять.

Вирій — теммыя страны, куда передетныя птицы отлетають на зиму. Виспівати—пропеть эсе; пріобрёсть что-нибудь пёснями.

Виступцемъ — кометанвой поход-

Витягти-вытащить, вытянуть.

Вишукувати — отыскивать, розыскивать.

Вів ча́рикъ — овечій пастушокъ; также — бекасъ.

Відпуратися — отказаться; прекратить всякія сношенів.

Відъ-(предлогъ) отъ.

Віжечки (ум.) отъ віжин - воожи.

Віконечко-окошечко.

Вінця-края посуди, - отъ слова - въненъ.

Вирай, вирей см. вирій.

Вітрякъ-вътрявая мельница.

Виловитися см. уклонитися.

Вловити - повывть.

Воёвникъ - боецъ, рубака.

Впектися - надовсть сильно.

Ворогувати — враждовать.

Ворухнутися — пошевелиться, зашевелиться.

Впинити -- остановить, удержать.

Вподобачити, д. б. вподобати-

Впоратися — окончить занятіе, вы-

полнить начатое.

Всміхъ-усившка. Встигнути — поспёть во-время.

В сяково-всячески.

Втамити-понять.

Вчиніти — сділать, произвесть; о кліббі— заквасить, сділать ивашию.

Вшиварити— глаголь, выражающій жоменть быстраго и сильнаго дійствія.

Вшко́дити—наділать вреда, убытку. Върядй-годи — изрідка, когдакогда! Gонтовий-крытый дранью.

Gрати-жельзный переплеть у оконъ, ръшетки.

Gрецький — превосходный, изящный,

корошій. Судзикъ — пуговка.

Гайновати — раскидать все въ безпорядкв; портить.

Гарбувіння — стелющіеся стебли

ТЫКВЫ

Гарбузовий — тыквенный.

Гілечка-въточка.

Гирло-узкій проходъ между лиманомъ ріжи и моремъ.

Годинка-часочекъ, хорошая погода.

Годинонька — минуточка; лихая годинонько, возглась, выражающій весчастное стеченіе обстоятельствь.

Годовати — кормить.

Годуватися — кормиться.

Головувати — быть сельскимъ годовою.

Горобець—воробей.

Гомовіти - говорить, шуміть.

Гораянка — горао.

Господарка - хозянка.

Господарство - хозяйство.

Гребелька — плотинка.

Гречаникъ-гречневая булка.

Гуконути — произвесть сильный крикъ, возгласъ.

Гукъ-крикъ, шумъ.

Гультай-гуляка.

Даремне — даромъ, напрасно.

Дарови́тий — доставшійся даромъ, даровой.

Дарома-ви вачто, даромъ.

Даховий — кровельный.

Дахъ—крыша.

Девьятыни — поминанье покойника въ девятый день по смерти.

Держално — рукоятка.

Де-що - кое-что, кой-что.

Дергонуть-дернуть, рвануть.

Дзюрити—сильно, быстролиться тонкою струею.

Дзюрчати - журчать.

Дитипка — дитя.

Дівота — (собират.) дівицы.

Aib qáquà - Atbuqià.

Добачати - хорошо видеть.

Докупи — въ одно мъсто.

Домотканий — домашняго изділія, тканья.

Домувати — сидъть дома.

Доня (ум., ласк.) дочь.

Дорозумуватися — понять, додуматься.

До-схочу́ — сколько угодно. Дочувати — хорощо слышать. Драбина— деревянная лістница. Дреме́нути— быстро побіжать, удрать, уйти.

Дрижаки — дрожь.

Дрюкъ — дубина.

Дурнішати — становиться глупіве.

Жевріти — горыть тихимъ огнемъ безъ пламени, равть, тайть.

Жијнъка - горсточка.

Жонота -- собират. -- женщины.

Жужмомъ-(нарвч.) въ безпорядкъ, вверхъ дномъ.

Забачити — увидъть.

Завирюха-метель,

Загадати — приказать.

Загада́тися — замечтаться, заду-

Загусти - загудеть.

Задридати — заболтать ногами.

Заздрость — зависть.

Закамарокъ-тайный, спрытый уголокъ, мъстечко.

Закудкуданати — (о курахъ) закудахтать.

Замимрити — заговорить невнятно; сквозь зубы.

Замісь — вивсто.

За мовляти — заговаривать, произносить заговоръ (о лечень заговорами).

Заможний — зажиточный.

Замуровати — закласть имринчемъ, камиемъ.

Занедбати-оставить безъ виманія.

Запашний — душистый.

Зациняний — завъщеный.

Заполочъ — крашеныя, цвычныя нитки взъ хлопчатой бумаги.

Запроторити — запропастить, ді-

Зарадитися — обезпечить себя.

За́разъ — сейчасъ.

Зарятувати-помочь.

Засититись — загрузить; увлянуть въ грязи.

Заслабнути — вабольть, обезсильть.

Засоромитись — сконфузиться.

Застібати — застегивать пуговицы и т. п.

Затишний — укотный, такой, гдв есть защита отъ вътра, неногоды и проч. (о мъсть, помъщени и т. п.).

Захинийти — сдалать наявымъ; въ пер. смысла — сильно ударить, оглушить ударомъ.

Захропти — захрапыть.

Збувати — сбывать, вобавляться, отделаться оть чего,

Звернути — своротить.

Звідсіля — отсюда.

Звікувати — провести жизнь.

Звірина — звірь.

Згіршъ см. не згіршъ.

Згля́нутися — посмотрыть другь на друга; помилосердовать.

Згода — согласіе.

Згодитися — согласиться, условиться.

Згуба — погибель.

Згубити - потерять, погубить.

Згубця — губитель.

Здобути - пріобресть.

Здорово — сильно, очень.

Зеленастий — зеленоватый.

Заприўтися— взглянуть другъ на друга.

Зіткаты — вздыкать.

Злодіенко — сынъ вора.

Злодійна-увелич.оть Злодій, ворь.

Злякаты — испугать.

Змайстрювати — смастерить, сдвать, приготовить, состроить.

Зи уш у вати — принуждать.

Знікчемніти — сділаться вичтожмымъ, на къ чему годимиъ.

Знісокъ — послідяне, самое маленькое личко, которое сносить курица.

Зозволити — изъявить согласіе (говорится в почтительи, смыслів).

Зоп вястися — приподняться на цыпочкахъ, — па заднихъ дапахъ, опираясь на что-нибудь, подняться.

Зорявий, зоряний-звъздный.

Зпитати - спросить.

Зробитися — сдълаться, случиться.

Зстаріти — постарыть.

Зупиняти — останавливать, задерживать.

Зхоплюватися—схватываться, под-

Зъ-ляку -- съ испуга.

Издриги утися — вздрогнуть.

Enjá — mrja.

Индичитися — хорохориться, какъ шидайскій патухъ.

Итъ! -- эхъ! и т. п.

Іжакъ-ежъ.

Каганчикъ, уменьш. огъ Кагамень — родъ плошки, или ночника.

Казань — церковная проповыдь, слово. Калюжа—лужа.

Карахо́нька—родъ маленькой тык-

Карбованець—цълковый, серебрявый рубль.

Качечка-уточка.

Квакъ — болотная птица.

Керсетъ — женская верхияя одежда.

похожая на великорусскую поддёвку, безъ рукавовъ.

Réте-дайте.

Кілочокъ-колышекъ.

Клунька (ум. отъ клупя) рига.

Книшъ — родъ булки, съ разръзанвыми и завороченными внутрь измаслеными краями.

Кнуръ - боровъ, плодовикъ.

К обенякъ-верхнее, мужское платье съ капюшономъ.

Кожущокъ - тулупчикъ.

Колись - когда-то.

Коло (наръч.) — возлъ.

Колодій—большой нескладной ножь. Комашина, комашечка—мошка, самое малое крылатое насікомое.

Комірець (ум. отъ Коміръ) — воротничекъ.

Комірка (ум. отъ комора) амбарчикъ, изадовая.

Коненята - лошаденки.

Коникъ — конёкъ, кузнечикъ, гребень (у кровли), пряникъ, подставка.

Контентувати — довольствовать, снабжать вовиъ нужнымъ.

Копилити носа, губу—подавивать носъ, показывать губами знакъ неудевольствія, отвращенія.

Кохания — любовь.

Кошара—загонъ для овецъ и козъ. Краля—королева; дама въ картахъ.

Rpára ca. gpára.

Крашанка — окращение яйцо.

Кришеникъ — ломтикъ, плоскій кусочекъ, пластинка.

Кувбу́шечка— небольшой деревянный сосудъ для масла, и проч.

Кудлатий — мохнатый.

Кукурікання-пішье пітуха.

Кумонька (ум. ласк.) кумушка.

Кундель— названіе крупной породы овчарскихъ мохнатыхъ собакъ.

Купець-кучка.

Кухарчя́ — поваревокъ.

К ў харь — поваръ.

Куховарка — кухарка.

Кучеравий — курчавый, кудрявый.

Лагідне́вький — кроткій, магкій, нъжный.

Лагодити—снаряжать, приготовлять, починять. •

Ланка — брань »

Ластівочка-ласточка.

Ледве-едва, всилу.

Лейстровий — реестровый, записанный въ реестръ, оффиціально признанный (о козакахъ).

Линтваревий — сдыланный изъ овечьей шкуры. Анця́тися—ухаживать (за дівушкой). Ліжма (нарвч.) лежа, не вставая.

Ліса-тынъ, плетёный изъ лозы заборъ.

Літечко (уменьшит.) льто.

Лусь! -- выражается легкій трескъ, шелкавье.

Ля́гови—время, когда ложатся чочью спать.

Ля́хівка — полька; родъ шитья и TRABLE.

Манданъ — площадь.

Малеча — (собир.) двти.

Малюсіяький — малонькій.

Мандрівка — побъгъ; бродяжниче-CTRO.

Mатўсняь — матупікинь.

Медяний — медовой.

Медяникъ — медовый пряникъ.

Мережка — узоръ (шитья), узорчатая полоска рисунка.

Мермій — скорьй, проворный.

Метелика — мятель; названіе танца, въ которовъ танцующіе кружатся на подобіе мятели; музыка и пъсня извъстна-TO TABLE.

Метикувати — разсудить.

Метушитыся-каопотать, суститься. Миготіти — мигтеть, блестеть, свер-

Мизерство---(собир.) жалкій, біздмый народъ; бъдность.

Мисникъ — полка, на поторой размъщаются миски и прочая посуда.

Місце-ивсто.

. йыбилерлом — йінбарбо М

Молодичка-володая завужняя жен-

М олодиемъ.

Моріжокъ-ум. отъ морігъ мурава. Моторошно - (варвч.) тошнить,

пружится съвтъ, неловко, безнокойно. Мріти — видивться неясно, вдали.

Мулитися-жаться оть неудобства, не рѣшаться.

Набу́токъ — пр**ябыл**ь.

Нава́жуватися — преднамвреваться. Наветъ — даже.

Наглядъ — присмотръ.

Надінта — подоспыть.

Навирити — заприметить. Назирцемъ - подематривая, неспу-

ская съ глазъ.

Найкращий — саный лучній.

Намамрати — нашунать.

Напужитися — принять надменный идъ, надуться.

Насівнячко - свмечки.

Настовбу́рчити — приподи, вверхъ. вабить волосы и т. п.

Нахиля́тися — наклоняться; поля-

Невісточка — невістушка.

Не згіршъ-не хуже.

Не влепана коса - не отточения молоткомъ, тупая коса.

Ненька (уменьшит. ласк.) мать.

Нечупарно — неопрятно.

Ниначе-словно, точно, какъ будто

Ніби-словно, точно, какъ будто бы.

Ніколи — некогла.

Ні одцісінького,-оі, и проч. -- рімительно ни одного,-ой.

Ніяково — (нарвчіе) выражающее неопредъленное, стъснительное поло-

Нумо, нумъ-станемъ, будемъ, давай.

Обгориути-обвернуть, обнать.

Облизень — пощечина, затрещива, ударъ.

Обличанаружность, лицо.

Обночуватись-переночевать.

Обночувати-переночевать.

Оброть-родъ узды, но не изъ кожи и безъ удилъ.

Овечата - барашки.

Одвірокъ-притолока двери.

Одинчикъ — (ум. отъ одинень) единственный сынокъ.

Одчепити-отвязать.

Озирну́тися—оглянуться.

Опукъ, — ка — внукъ, внучка.

Опинитися — очугиться.

Onicaá-nocab.

Осліпъ — (нарвч.) какъ слвпой, ощупью.

Осміх путися — улыбнуться.

Охвітніше-охотный, веселый.

Очинений — растворенный, открытый (о дверяхъ и т. п.).

Очиняти-отворять.

Очортіти—сильно на*д*овсть.

Паламарю вати—быть въ должности паномаря.

Пала́нка-такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивадось управленіе.

Палкий — удобовоспламеняемый, го-

posin; nurin. Панюта—(увелич.) большей баришь.

Паня́нка—барышня. Паровиця-большой воловый возъ, запряжевный парой воловъ.

Парубіка—паренёкъ.

Пасічка-пчельничекъ.

II атрати-потронить заръзанное животное для приготовленія его въ пищу. Пекучий—палацій, жарчій.

.Ислошка, ми-ки-пеленки.

Передивитися—переспотрать, дореглядать.

Перехожа́жи — асхаживать, прохошть.

Перечивати—(дът. слово) перерв-

ать. Пильнессивко-очень пристально.

Пильнувати—пристально смограть, наблюдать. Пиндючитися — поднивать несь,

дуться и т. п. Инсанка — респисанное пратами и

маображеніями янцо.

Півкурчати—поль-пынленка.

Півнівника-поль-петушка.

Підважиты—поднять.

Підлабу́анитись — подлесянться, подсесть, примазаться нь ному.

Підсийкатися — недобрать платье для удобства при работь.

Підсміювати — говорить кому, подсміневаясь надъ нимъ.

Підтю ицемъ-покедка между обыктов синыть нистомъ и рысью.

Підчеровий—о животных, у которыхъ шероть на брюхі отличается отъ остальной.

Пісковатий — песчаный.

Плактина, ум. отъ Плакти.

Повеселінати-повесельть.

Повицувановати-повытаскать.

Повітка-навісь, сарай.

Повіщати повісить.

Повиладатися—улечься. Повиовиляй—полючанцый.

Повчіпаюватися-вивинться.

Погодити—вобланріятотвовать.

Подужати—оснить, одольть, смочь, сдваать.

Позануровувати—заложить каменново станово; засновать (какъ морезъ стекла).

стекла). Позачинювані—(двери, окна) затворены, закрыты вездв и всв.

Повирати-посматривать.

Позичати-занимать, одолжаться.

Повікати-ввать.

Horist-Bora.

Покраяти-изразать, отразать.

Покута—впихимия.

Подагодити-починить, мещражить.

Полужень-полинкъ.

Полуднувати-полинчать.

Полумисовъ-тарелка.

Поляпасъ-оплеуха, пошечива.

Пожации-ощущью.

Попахиляні— нагнувшіеся, нависшіе.

Понятися-вступить въ бракъ.

Иопана́читися — заражиться берствоиъ.

Попобити-почемосить, побить.

Попускъ-льгота, облегчение.

Порада-совыть.

Пороздаровуваты—раздать, разда-

Поскрібочокъ-остатемъ тіста, якіскребенный изъ квашим.

Пороставати—раскаять.

Поснідати-позавтракать.

Посеренитися—песеметиться.

Поспитати-спросить.

Постановити-поставить.

Постракати-приспращать.

Поступъ-поводка.

Потрачати-терять, тратить.

Потриножити коней—спутать прималямъ воги такъ, чтобъ одну задвиро съязать съ переднини.

Потурати— дазаль моблажну, мотькать.

Потурбуватися—побезнокоминся, Потуркотітя— загремыть возомы или отываль.

Похиріти-побольть.

Попінно-лешево.

Привітати—привітствовать, ноадороваться.

Иригела — несчаскіе, невагода; услуга.

Пригодонька-(ум.) несчестье.

Призоможъ — дати, нувь подросшее огъ земли.

Прикипіти—прирости къ вемлі, на місті; остаться неподвижнымъ.

Прикладка—насививлений эпитеть, насившка, острота.

Прираяти-посовътовать.

Присінки-крылечко.

Пристріть — спазь, дурной глазь, бользнь оть сглазу.

Приторкатися—прикасаться.

Притулити-прижать.

Пришкаарити — прижарить.

Прогодувати-прокорыны.

Прожогомъ-опрометью.

Проміння—лучи, салть солнечный

и дунный.

Процвітати-разпавлать.

Прочанинъ-богомолець.

Прочуханъ-наказавіе, проука.

Пружокъ (ум. отъ пругъ) рубекъ, выпуклый жолобокъ.

И устота-шалость.

Пустунчикъ-(уменьшит.) шалуць.

Ремствувати—злобствовать, злоцамятствовать.

Рештовати — вооружать (пушками судно); снаряжать. Римидати — жевать жвачку (о водахъ).

Рипливий-скрыпучій.

Рівчачокъ-канавка.

Робачокъ (уменьш.) родъ червяка.

Родичъ-родственникъ.

Розворушити — разшевелить.

Розгорити-добыть съ трудомъ.

Розгребти-разгресть.

Роздивлятися—разсматривать, осматриваться кругомъ.

Роздродитися—раздражиться, разъ-

риться.

Роззявити-разинуть.

Розкошланий — растренанный.

Розледачіти—испортиться, развратиться, сділаться негоднымъ.

Розсердитись-разсердиться.

Роскопувати-раскапывать.

Росперізуватися—распоясываться.

Ро́сяний—росистый.

Рубомъ-(наръч.) ребромъ.

Рямья-рубище.

Садовина́—садовыя деревья, плоды и проч.

Саківки, ум. отъ Сакви — двойной

увшокъ.

Свекрівонька (ум. ласк.)—свекровь. Світка, ум. отъ світа—родъ верхняго платья.

Сі лькісь-нужды ніть.

Скарбовня-мёсто храненія денегь. Скікнути-(дет. слово) скочить.

Скнарость — скупость, скражин-

Скрадуватися-подкрадываться.

Скринька-ящичекъ, шкатулка.

Скубонути—сяльно дернуть за волосы и проч.

Слізонька-слёзка.

Саўжба-объдня.

Смакувати—находить вкусъ въ чемълибо.

Сміливость-сивлость.

Сміш лівній, ва, ве, — охотникъ, - ца смінться.

Смужка — (уменьш. отъ сму́га) полоска.

Смуткувати — тосковать, грустить, пригорюниваться.

Смутокъ-тоска, грусть,

Собъ-влаво (слово, которымъ заставляютъ воловъ поворачивать на лаво).

Сороковини поменанье покойника въ сороковый день по смерти.

Соха́ — деревянный столоть, бревно или подпорка, на которыхъ утверждается кровля, перекладина и т. п.

Со́я швико́вий— подсолнечниковый. Спильна—(наръч.) пристально. Сподіванка—надежда.

Сподіятися-сділаться, случиться.

Сподобатися—нолюбиться.

Споченокъ-отдыхъ.

Старенезний-очень старый.

Старувати — быть старымъ, ою; говорить, какъ старики.

Старшенький—(уменьш.) старше... Стеменісінько—точиёхонько.

Стом ети-утомить.

Сторононька-сторонушка.

Стрибъ! — выражается моменть прыжка.

Стригунець-жеребеновъ, у котораго не выросла еще грива.

Стріван-погоди.

Стріти-встретить.

Стусовути-сильно толкнуть кого.

Сумирини — скромный, тяхій, смирный,

Супруга-пара воловъ.

Східъ-совця-востовь.

Схопити-скватить.

Тага́нъ — жельзная подмоства, на которой въщается или ставится котелокъ или горшокъ, когда вужно варить.

Такички-уменьшит.-такъ.

Таланонько — (ум. оть талань), — счастье, удача.

Танути-таять.

Тато-ласк. названіе отца у дівтей.

Тату́сь (ум. Jаск.) батюшка, отецъ (родной).

Темнота—(собир.) темь; темный людъ Тепереньки (уменшит.) теперь.

Тиць! — выражается моментъ быстрой Остановки при движения, при давания.

Тітуся (ум. ласк.) тетенька.

Тойді-тогда, въ то время.

Толочити — мять, сбивать (траву, клюбъ).

Торбина—сума; небольшой мышокъ.

Трапитися—случиться.

Тримтіти-трястясь.

Тричі—трижды.

Троістий — тройной, состоящій изътрехъ.

Троха—чуть ли.

Трудовитий — пріобрѣтенный труюмъ.

Тупцювати — часто топать ногами, притопывать.

Турбуватися—безповонться, тревожиться, хлопотать.

Увесь—весь.

Угамуватися—успоконться, уняться.

Ужи́товъ — достояніе, имущество; пользованіе. Узгірья-пригорокъ.

Уквічати-убрать цвітами, зеленью, вітвями.

Уклонитися—поклониться.

Ўловька (ум.) улица, гулявье. Упиря́ка (увелич.) упырь, колдувъ, (бранное слово).

Упорати—покончить, сдълать. Упорхати—угомонить, успоконть.

Усякъ-каждый, всякій.

Утихомиритися-успоконться.

Ушкварити-см. вшкварити-

Упрапити — попасть, найти дорогу къ мъсту.

Фижа-сильная мятель.

Жаз я́йствечко-ум. отъ хозяйство, имущество.

.эшинэцот—вики X

Ханати-хватать.

Хаяти-порицать, хуанть.

Хвіртка-калитка.

Хижацтво-хищность.

Хлопанкъ- мальчикъ.

Хлопьй-мальчикъ. Холодокъ-прохлада, твнь.

Хрещикъ-родъ игры.

Ху́да—погода съ вътромъ, морозомъ м мятелью.

Худібонька—(ум. отъ худоба) иму-

Хутенько-(уменьш.) скоро.

Цвинтарь—погость церковный. Цебеніти— сильно литься (о жидмостяхь). Пей-этогь.

Ції, цієї—(женск. род. пад.) этой. Цілечкий—(уменьшит.) цьлёхонькій.

Ціпочокъ-тросточка.

Ціпура-(увелич.) палка.

Циота-доблесть.

Цуратися — чуждаться, отрекаться.

Цуръ — чуръ; цуръ ёму́ и проч. чорть съ нимъ!

Цуцикъ-щенокъ.

Цяцькований — покрытый украшеніями, испещренный.

Чергуватися — очередоваться.

Череда́—сельское стадо.

Чикъ — выражаетъ игновеніе різанія (дітск. слово).

Чинбарський — кожевничій.

Чоловіченько — (ум. ласк.) мужевёкь.

Чому? — отчего, почему?

Чути — сымхать.

Шарварка—шумъ, бъготня и т. п. Иплюбъ—брачный вънецъ; вънчаніе; бракъ.

Штиль — стиль, строй, способъ, родъ, образъ.

Щічка-щечка.

Що-дия - ежедневно.

Югвути — шиыгнуть.

Янго*л ѝ* — ангельчикъ.

Яро́къ (уменьшит. отъ яръ) — степной оврагъ, покрытый кустаринкомъ или лісомъ, съ ручьемъ.

продается въ с. петербургъ

ВЪ ИЗВЪСТНЫХЪ КНЕЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОВІСТКИ

(Народні Оповідання)

Марко Вовчка.

2-е изданіе съ малороссійско-русско-польскимъ словаремъ.

Цъна безъ пересылки—50 к. сер.

BOAHEGKA IIPHEKMAETGA:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ, въ конторъ »()сновы« при книжномъ магазинъ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектъ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, И. И. Кращенинникова, Н. Г. Овсянникова;

Въ москвъ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВЪ у В. Г. Борщевскаго;

ВЪ ПОЛТАВЪ. 7.3. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГЪ: УК. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССВ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извъстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма савдуеть адресовать: Редактору »О с н о в ыа, Василію Михайловичу Бълозерскому, вк С. Петербургь, у Круглаго Рынка, вк домъ
Принца Ольденбургскаго.

Ціна за 12 книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, В р. 50 н. безъ пересылки, 10 р. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургъ.

Подписавшіеся и посл'в выхода 4-хъ книжекъ »Основы« по учаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбома, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкъ Основы), будутъ выходить нетрерывно каждый мъсяцъ, начиная съ нынъшняго апръля.

Цѣна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою для тѣх лицъ, которыя подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки 6 р. с. съ пересылкой; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 к с., а за всѣ 24 рисунка вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатанына китайской бумагѣ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ размѣръ Основы. Иногородные будутъ получать рпсунки ежемѣсично.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Дм. Еф. Кожанчикова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектв. Иногородные могутъ обращаться съ гребованіями на имя Льва Михайловича Жемчужникова, въ С Петербургъ, на Васильсескими островъ, по 10-й жиніи, вя домъ Съловьева, — въ редакцію Основы.

OCHOBA

1861

M A H

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Кобаарь, XIV-XIX. Предсмертні думе, Т. Г. Мевчения.
- II. Даквинкъ Т. Г. Шовчевка.
- III. Салдатка, Д. Л. Мордовщова.
- IV. Ляповыя пущи, Д. М. Херечке.
 - V. Спротива-Оленсандра Menicanoro.
- VI. Письма о Богданъ Хмельницкомъ, М. А. Мансимовича.
- VII. Автовіографія Бълокопытенка, М. Т. Помиса.
- VIII. Плачь Россійскій, съ предисловіємь ІІ. А. Жулина.
 - IX. BAFATA KYTÁ, M. T. HOMMCA.
 - Х. Обворъ украниской словесности. IV. Гоголь, Ш. А. Жулиша.
 - XI. Гямназическая первпяска, Аписинию.
- XII. Хуртовина, С. Д. Моса.
- XIII. Письма о пчеловодства, ж. м. жестенециаге.
- XIV. Гвографическое обозръніе края, населеннаго южнорусскимъ народомъ. ж. ж.
- XV. Объяснение иъ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Жомтужникова.
- XVI. HPELIAMERIE, M. M. ARBORROBA.
- XVII. Вісті. (письма изъ разныхъ мъстъ южнорусскаго края).
- XVIII. OTB PRANKILIN.
 - ХІХ. Овъяснение южнорусскихъ словъ.
 - ХХ. Музыкальнов и виблюграфическое извъстія.

Digitized by GOOSTC

ОРФЕЙ

на Кузнецкомъ мосту въ домь Татищева,

извъщая гг. любителей музыки объ изданіи въ Брюссель Миколою Глеком новой и замівчательно-оригинальной коллекціи народныхъ укранискихъ мелодій, песінь и думъ, какъ древнихъ, такъ равно и поздивішихъ, съ акомпанементомъ фортепьяно, и помівщенныхъ въ 9-ти отдівльныхъ тетрадяхъ, подъ названіемъ:

9 СТРУН БАНДУРИ

люду козако-руского і ого ўкраін

Имѣетъ честь присовокупить, что изъ помянутой коллекціи, въ настоящее время, поступили въ продажу, въ вышеозначенномъмагазинѣ, пять тетрадей (Струн), подъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5, изданныя отчетливо и изящно, и заключающія въ себѣ по четыре мелодіи съ текстомъ, а именно:

№ 1-#.

Caèpa - Kosau'κα (Déclaration d'amour d'un Cosaque)

Hondòκα (Entraînement puni)

Tysa - Kosau'κα (Triste pressentiment)

Tèpseus (La machine à broyer)

№ 2-#.

Доля і воля (Le destin et la volonté) Хустов'я (Le don du mouchoir) Сподівання L'Espérance) Удован' (Reproche amer)

№ 3-#.

Acen (Le Frêne)
Mopisènko (Morisènko, l'un des héros de l'Ukraine)

Розмова (à la lune) Вичванка (Fanfaronade)

No 4-4.

Cymòma (Tristesse)
Janosim (Si je meurs)
Paspaint (La séparation)
Caasa Kosay ka(La gloire des Cosaques)

No 5-#.

Rosaura вкраїнка (La Cosaque de l'Ukraine)
Доля (La destinée)
Туга «Козац'ка (Profond désespoir d'un Cosaque)
Невгаразд (Mal à propos)

Для уравненія ціль съ опубликованными за границей, на вышеозначенныя тетради (Струни) объявляются слідующія цілы: № 1-й 1 р., № 2-й 1 р. 25 к., № 3-й 1 р. 25 к., № 4-й 1 р. 25 к. и № 5-й 1 р. 40 к. сереб., за пересылку одной тетради прибавляется 25 к.; а за всі пять 60 коп. сереб. При чемъ магазинъ считаєть долгомъ заявить, что всімъ гг., купившимъ тетради, по прежде объявленнымъ ціламъ (высшимъ)

малишекъ денегъ будетъ возвращенъ, по ихъ требован ію. Печатать позволяется. Москва 9 марта, 1860 г. Ценсоръ И. Росковшенко.

Въ типографіи Катиова и Ко.

OCHOBA

ЮЖНО-РУССКІЙ JИТВРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВЪСТНИКЪ

«Добра кочю братьи и Русьскъй Земли.» Владимірт Мономажт.

1861

MAÑ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЈЕНА И КОМП.

ПВЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тъмъ, чтобы но отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземилировъ. С. Петербургъ, Мая 30-го дня, 1861 года. Ценсоръ Ст. Лебедееъ.

КОБЗАРЬ.

ПРЕДСМЕРТНІ ДУМИ (*).

XIV.

Минули літа мододіі... Холоднимъ вітромъ одъ надії Уже повіяло... Зіма!... Сиди одинъ въ холодній хаті... Нема-съ-кимъ тихо розмовдяти А ні порадитись... Нема! A hiroríciabro hemá! Сиди жъ одинъ, поки надія Одурить дурня, осміє... Моровомъ очі окує, А думи гордіі розвіе, Якъ ту сніжину по степу... Сиди жъ одинъ-собі въ кутку, Не жий весни-святой полі! Вона не зійле вже ніколи Садочовъ твій позеленить, Твою націю оновить-

^(*) Прочитавим оці предсмертиві думи, всякь зрозуміє—що голубила, на оставну життя свого, велика душа Тарасова, — и кожному невірі буле ясно— чому-то такъ, високо становимо ми, Українці, свого единого, всенароднёго, Кобзаря.

И думу вольную на волю Не прийде випустить... Сиди— И нічогісінько не жди!...

18 октября, 1860 р. Петербургъ.

XV.

И тутъ, и всюди—скрізь погано!...
Душа убога встала рано,
Напрала мало, та й лягла
Одпочивать собі небога.
А воля душу стерегла...
«Прокинься», каже: «плачъ, убога!
Не війде сонце!.. тьма и тьма!
И правди на вемлі нема!»
Ледача воля одурила
Маленьку душу: сонце йде
И за собою день веде!..

30 октября, 1860 р. Петербургъ.

XVI.

Въ ночі и ожеледь и мряка,
И снігь, и холодъ... и Нева
Тихе́сенько куди́сь несла́
Тоне́ньку кри́гу попідъ мо́стомъ.
А я, ото́-жъ-таки́ въ ночі,
Иду́ та ка́шляю йдучи.
Дивлю́сь:-нина́че ті ягна́та,
Иду́ть задріпані дівча́та,
А дідъ (серде́шний инвали́дъ)
За ни́ми гне́тця—шкандио́а́е,
Мовъ у коша́ру загана́е
Чужу́ худобу.... Де́жъ той світь!.?

И де та правда?!... Горе! горе! Ненагодованих и голих Бівчаточок, як ту отару, Женуть!... Чи буде судъ и кара Усімъ неправдамъ на землі? Чи буде правда міжъ людьми?.. Повинна буть!.. бо сонце стане И оскверненну землю спалить.

3 воября, 1860 р. Петербургъ.

XVII.

И день иде, и нічъ иде... И, голову схопивши въ руки, Дивуесся—чому не йде Апостолъ правди и науки?!

5 ноября 1860 р. Петербургъ.

XVIII (*).

Чи не покинуть намъ, небого, Моя сусідонько убога, Вірши нікчемні віршувать, Та заходитьця рештувать Вози въ далекую дорогу?— На той світь, друже мій, до Бога, Почимчикуємъ спочивать... Втомилися и підтоптались И розуму-таки набрались,—

^(°) Стихи оці, (набуть—До Музи), здаєтця, оставне повітичне слово нашого вічно-памьятного Тара́са. На подлиннику, підъ первою ёто половиною (після́ стиха́: Сла́вою селто́ю), стоіть «14 февраля»; підъ другою половиною—дня не озна́чено.

То й буде въ насъ!—ходімо снать— Ходімо съ жа́ту спочивать... Весела ха́та, щобъ ти знала!...

> Ой не йдімо, не ходімо, Рано, друже, рано; Походимо, посидимо-На сей світь поглянемъ! Погланемо, моя доле... Бачъ, який широкий, И широкий та веселий. Ясний та глибокий... Походимо жъ. моя воре! Зійдемо на гору-Спочинемо... а тимъ-часомъ Твоі сестри-ворі, Безвічніі, попідъ небомъ Попливуть, засяють... Підождімо жъ, моя сестро, Дружино святая! Та нескверними устами Помодимось Богу, Та й рушимо тихесенько Въ далеку дорогу... Надъ Летою бездонною Та каламутною Благослови мене, друже, Славою святою!...

А пови те, да се, да оне,
Ходімо просто—навпростець
До Эскула́на на рале́ць—
Чи не оду́рить вінъ Харо́на
И Па́рку-пра́лку?... И тогді,
Пови бъ химе́ривъ му́дрий дідъ,
Твори́ли бъ, ле́жа, эпопе́ю—
Пари́ли бъ скрізь по-надъ земле́ю—
Та все бъ гекза́метри плели́,
Та на гори́ще бъ однесли́

Миша́мъ на снідання.... А потімъ Співа́ми бъ прозу—та по нотахъ, А не якъ-небудь...

Друже мій, О мій сопутниче святий! Поки огонь не захолонувъ, Ходімо лучче до Харона— Черезъ Лету бездонную,

Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Перепливемъ, перенесемъ
И славу святую —
Безвічнюю—молодую...
Або—цуръ ій, друже!
И безъ неі обійдуся—
Та якъ буду здужать,
То надъ самимъ Флегетономъ

Або надъ Стиксомъ у раю,

Ниначе надъ Дніпромъ широкимъ,

Въ гаф—предвічнёму гаф,

Поставлю хаточку,—садочокъ

Кругомъ хатини насажу:

Прилинешъ ти у холодочокъ,

Тебе, мовъ кралю, посажу:

Дніпро, Украіну згадаемъ,

Веселі селища въ гайхъ,

Могили-гори на степахъ—

И веселенько заспіваемъ....

14—26 •езраля 1861 р.

Т. Щевченко.

дневникъ т. гр. шевченка (*).

Первый отрывокъ.

Іюня 12, 1857 г.

Первое замѣчательное происшествіе, которое я вношу въ мои записки, суть слѣдующее: обрѣзывая сію первую тетрадь для помянутыхъ записокъ, я сломалъ перочинный ножъ. Происшествіе, повидимому, ничтожное и незаслуживающее того впиманія, которое я ему оказываю внося его какъ что́—то необыкновенное въ сію пеструю книгу. Слу—

. . . вінъ не просить, Не плаче, не сто́гне: Разъ добро́мъ налите се́рце Ввікъ не прохоло́не.

Онъ быль добръ тою возвышенною добротою геніальнаго ума и сердца, безъ которой для человюка не возможно истинное величіе. — Геніальность природы Шевченка видна и въ томъ, что онъ такъ-много понималь, и такъ-върно уга-дываль правду, почти безъ всякого научнаго, школьнаго, образовавія: до послъдней своей мивуты, онъ не зналъ русскаго правописанія; его «дневникъ-наполненъ ошибками въ историческихъ именахъ, техническихъ названій, въ словахъ изъ мностранныхъ языковъ; но много ли у него ошибокъ въ пониманіи природы, искуства, человъка, родины и—себя-самого?

^(*) Въ-увъренности, что всякое слово нашего незабвеннаго поэта дорого м любопытно каждому читателю «Основы,» помъщаемъ отрывокъ изъ дневника. Шевченка, -- дневинка, который не предназначался къ печати и задуманъ имъ съ цълью - сократить время въ ожидании разръщения - возвратиться къ друзьямъ, после 10-летней разлуки. Дневникъ этотъ занимаетъ 102 большихъ полудиста и представляетъ драгоцъпныя біографическія данныя съ 12 іюня 1857 по 13 іюля 1858 года, в не многія, но высшей степени любопытныя, воспоминанія поэта о своей молодости. При жизни Тараса Григорьевича, дневникъ его почти никому не былъ извъстенъ; онъ былъ подаренъ, за тайну, ближайшему другу покойнаго, М. М. Л-скому, которому всв почитатели поэта обязаны, витеть съ нами, благодарностью за позволение - взглянуть поближе на эту простую, сильную, истинно-художественную ватуру, на эту глубокопечальную, но поучительную, геройски-выдержанную, жазнь. Только изъ «дневняка» можно узнать, сколько дътской искревности и мужественнаго само сознанія, сколько человічности, можно-сказать-благости, было въ чистомъ сердцв нашого Тараса. Изъ «дневника» и цвкоторыхъ поэтическихъ его откровеній становится ясно-что дало ему силы-вынести горестную свою долю: безграничная любовь, къ народу, непрестапное сочувствіе ко всему страждущему въ этомъ чудномъ міръ, красота котораго была неизмънно присуща ему, какъ художнику: вотъ-что увлекало его до забвенія о себъ-самомъ, о своей собственной участи...

чись этогь казусь въ столице или даже въ порядочномъ губернскомъ городъ, то, натурально, онъ не попаль бы въ мою памятную книгу. Но это случилось въ Киргизской Степи, т. е. въ Новопетровскомъ укръпленія, гдъ подобная вещица для грамотнаго человъка, како напримперъ-я, дорого стонтъ; а главное-что не всегда ее можно достать и даже за порядочныя деньги. Если вамъ удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имбеть сообщение съ Астраханью, то вы все-таки не ближе какъ черезъ месяцъ - летомъ, а зимою-черезъ пять місяцевь, получите прескверный перочинный ножикъ и, разумъется, не дешевле монеты, т. е. рубля серебромъ. А случается и такъ, --- и весьма часто, --- что вмъсто ожидаемой вами съ нетеривність вещи, онь вась попотчусть или московской бязью, нии кускомъ верблюжьяго сукна, или, наконецъ, кислымъ-какъ онъ говорить -- дамскимь чихиремь. А на вопросъ вашь, почему онъ вамъ не привезъ именно то, что вамъ нужно, онъ вамъ пренаивно отвётитъ,--что «мы люди комерческіе, люди неграмотные, --- всего не упомнишь.» Что вы ему на такой резонный доводъ? Ругнете его, — онъ усмъхнется, а вы все-таки безъ ножа останетесь. Теперь понятно, почему въ Новонетровскомъ укръпленія утрата перочиннаго ножа-событіе, заслуживающее бытописанія. Но Богъ съ нимъ-- и съ укръпленіемъ, н съ ножомъ, и съ маркитантомъ; скоро, дастъ Богъ, вырвуся я нъъ этой тюрны и тогда подобное происшествие не будеть имъть мъста въ моемъ журналъ.

Сегодня уже второй день, какъ сшилъ я себъ и акуратно обръзалъ тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый часъ; утро прошло, какъ обыкновенно, безъ всякаго замъчательнаго происшествія; увидимъ, чъмъ кончится вечеръ? а пока—совершенно нъчего записать; а писать охота страшная, и перья есть очиненныя. По милости ротнаго писаря, я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чемъ! А сатана такъ и шепчетъ на ухо— пиши что ни попало, ври сколько душъ угодно: кто тебя станетъ повърять? И въ шканичныхъ журналахъ вругъ, а въ такомъ—въ домашнемъ—и Богъ велълъ.

Если бы я свой журналъ готовилъ для печати, то—чего доброго ножалуй, и искусилъ бы лукавый врагъ истины, но я, какъ сказалъ поэтъ нашъ,

> Питу не для мгновенной славы, Для развлеченья, для забавы,

Для милыхъ искреннихъ друзей, Для памяти минувшихъ дней.

Мнъ слъдовало бы начать свой журналь со времени посвященія моего въ новый санъ, сиръчь съ 1847 года. Теперь бы то была претодстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедше грустные десять лътъ, и сердечно радуюсь, что мит не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадыю. Что бы я записаль въ ней? Правда, впрододжение этихъ десяти лътъ я видълъ даромъ то, что не всякому удается видъть; но какъ я смотрълъ на все это? какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго ръшетчатаго окиа на веселый свадебный повзяъ. Одно воспоминание о прошедшемъ и видънномъ впрододжени этого времени приводитъ меня въ трепетъ; и что же было бы, если бы я записаль эту мрачную декорацію и грубыхь лицедесью, съ которыми миж привелось разыгривать эту мрачную, монотовную, десятилътнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! Не возмутимъ сердна любящаго друга недостойнымъ воспоминаніемъ, забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человъколюбецъ... — Обратимся къ свътлому и тихому, какъ нашъ украинскій осенній вечеръ, и зацишемъ все видънное и слышанное, и все, что сердце продиктуетъ.

Отъ 2-го мая получилъ я письмо изъ Петербурга отъ Михаила Лазаревскаго съ приложеніемъ 75 р. Онъ извъщаетъ меня — или, лучше, поздравляетъ съ свободою. До-сихъ-поръ однакожъ итътъ ничего изъ корпуснаго штаба, и я, въ ожиданіи распораженій помянутаго штаба, собираю свъдънія о волжекомъ пароходствъ. Сюда при-тажаютъ иногда астраханскіе флотскіе офицеры (крейсера отъ рыбной акспедиціи); но... по ихъ разсказамъ... я, при всемъ моемъ желаніи, не могу до сихъ поръ составить никакого понятія о волжекомъ пароходствъ. Въ статистическихъ свъдъніяхъ я не имъю надобности, но мнъ хочется знать, какъ часто отходитъ пароходъ изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ, и какая ціна містамъ для пасажировъ. Но увы! при всемъ моемъ стараніи, я узналъ только, что міста разныя, и ціна разная, а пароходы изъ Астрахани въ Нажній ходять очень часто. Не правда ли — точныя свідънія?

Не смотря однакожъ на эти точныя свёдёнія, и уже усиблъ (разумёнся, въ воображеніи) устроить свое путешествіе по Волгъ уютно, спокойно и—главное — дешево. Пароходъ буксируетъ (одно, единственное, вёрное свёдёніе!) нёсколько барокъ, или, какъ ихъ

называють, подчалками, до Нижняго-Новгорода съ разнымъ грузомъ. На одной изъ такихъ барокъ я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать въ ней до нижегородскаго дилижанса. Потомъ въ Москву, а изъ Москвы, помоливнись Богу за фультонову душу, черезъ 22 часа и въ Питеръ, — не правда ли, яркая фантазія? Но на сегодня довольно.

Нынъшній вечеръ ознаменованъ прибытіемъ парохода изъ Астрахани. Но какъ событие сие совершилось довольно поздо, въ девятомъ часу, то до следующаго утра я не получу отъ него инкакихъ навестій. Важнаго я ничего и не ожидаю отъ астраханской почты. Вся переписка моя идеть черезъ Гурьевъ-городокъ, а черезъ Астрахань я весьма редко получаю нисьма. Следовательно, мне отъ парохода ждать нечего. Не вздумаетъ ян Батько Кошовый, К — ко, написать мить? То-то бы одолжиль меня старый черноморець! Замъчательнее явленіе между людьми этотъ истинно благородиый человікь. Съ 1847 г., всъ друзья мон должны были прекратить со мною всякое сномение. К. не зналъ о такомъ распоряжения, разно не зналъ и о моемъ мъстопребывани и, будучи въ Москвъ, во время коронация, депутатомъ оть своего войска, познакомнися со старикомъ М. С. Щ-иъ и отъ него узналъ о мъсть моего заключенія. И, благородивиній другъ! написалъ мив самое искреннее, самое задушевное письмо. Черезъ десять лътъ-и не забыть друга, и еще въ несчасти друга! это-редкое явление между себялюбивыми людьми. Съ этимъ же письмомъ, послучаю, какъ омъ пишетъ, послучаю получения имъ Станислава первой степени, прислаль онъ мив, на поздравку, 25 р. ср. Для семейнаго и небогатаго человъка большая жертва. И я не знаю, чамъ и когди и ему воздамъ за эту искреннюю нелицемарную жертву.

Послучаю этого дружескаго неожиданнаго привътствія, я расположиль—было мое путешествіе такимъ образомъ: черезъ Кизляръ и Ставреноль пробхать въ Екатеринодаръ прямо къ К—у. Насметрівшись досліта на его благородное выразительное лицо, я думаль пробхать черезъ Крымъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ—въ Минскъ, Несвижъ и, наконецъ, въ село Чирковичи, и обнявъ своего друга и товарища... Бр. 3—го, черезъ Вильно пробхать въ Петербургъ. Планъ этотъ намъние инсьме м. Л—го отъ 2 мал. Изъ письма этого я увидъль, что мит нигат не останавливаясь нужно поспівшить въ академію художествъ и облобывать руки и ноги графини Н—и И—ы Тол—ой и ся велинодушнаго супруга, графа 0—ра П—ча. Они — единственьне виновники моего избавленія, и мить нервый поклошъ; —

независимо отъ благодарности, этого требуетъ простая въждивость. Вотъ главная причина, ночему я, виъсто ухарской тройки, выбралъ тридцатидневное монотонное плаваніе по матушкъ-Волгъ. Но состоится ли оно,—я этого еще навърное не знаю. Легко можетъ статься, что я еще, въ своей хламидъ, попунтирую въ Уральскъ; всего еще можно ожидать! И потому не слъдуетъ давать слишкомъ много воли своему неугомонному воображенію. Но—утро вечера мудренъе. Посмотримъ, что завтра будетъ? Или, лучше сказать, что привезетъ Гурьевская почта.

14 inns.

Я что-то черезчуръ усердно и акуратно взялся за свой журналъ; не знаю, долго ли продлятся этотъ писательскій жаръ? Какъбы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большей надобности въ этой нунктуальной акуратности, а такъ—отъ нечего дёлать. На бездёльи и это рукодёлье. Записному литератору, какому-нибудь поставщику фельетона — тому необходима эта бездумная акуратность, какъ унражненіе, какъ его насущный харбов; какъ инструменть виртуозу, какъ кисть живописцу, такъ литератору необходимо ежедненное упражненіе нера. Такъ дёлають и геніальные писатели, такъ дёлають и пачкуны. Геніальные писатели потому, что это ихъ призваніе; а пачкуны потому, что они иначе себя и не воображають, какъ геніальными писателями; а то бы они и нера въ руки не брали.————

Кажется, кто-то написаль книгу подъ заглавіємъ солдатскіє досуги. Заглавіє ложное. У русскаго солдата досуга слишкомъ не много....

Солдату простительно окунуть иногда свою одинокую душу въ

Какая же, справывается, была цёль у прославленнаго сечинителя писать нодобные досуги? И что нравственнаго въ подобныхъ досугахъ, если они писаны съ натуры (я книги не читалъ); а если это просто сочинение, т. е. фантазія, то онять—какая цёль подобной фантазія? а не лучне ли бы сдёлалъ почтеннёйній автеръ сихъ ненужныхъ фантастическихъ досуговъ, если бы написалъ истиниме досуги линейныхъ, армейскихъ и даже гвардейскихъ молодыхъ совщеровъ? Этипъ онъ оказалъ бы величайшую услугу чадолюби вымъ—релителямъ.

15 іюня.

Чтоже я сегодня запесу въ мой журналъ? Совершенно нечего ванести, а ни на пичето коть сколько-нибудь выходящаго изъ круга

обыденной монотонной жизии. Сегодия поутру началь я рисовать портретъ Б., чернымъ и бълымъ карандашомъ, въ киргизской кибиткъ на огородъ. Прекрасное освъщение, — и я съ охотою принялся за работу. Пріятельница помізнала,—я закрыль портфель и вышель изъ кибитки. Скромная пріятельница неутерптла взглянуть однимъ глазкомъ на мою работу и нашла ръшительное сходство еслибы роть и и носъ поменьше. И, неудовольствовавшись собственнымъ замъчаніемъ, спросила метнія у горивчной и у своего фаворита-молчалина. Это меня рашительно взбасило и я, не простившись, ушель въ украпленіе. Въ укръпленіи видълъ-офицію; солдатамъ выдавали жалованье, мить тоже выдали; я передаль его своему, еще трезвому, дядыкт и велълъ ему сшить изъ подкладочнаго холста торбу для дороги. Потомъ зашель къ М-скому, выслушаль въ другой разъ исторію (съ нъкоторыми прибавленіями) о будущемъ тесть и зать, вышиль рюмку водки и возвратился на огородъ. Объдалъ, - послъ объда, но доброму обычаю предковъ, зяснулъ часика два, и тъмъ кончилось 15 число іюня. О вечеръ совершенно нечего написать.

16 іюня.

Сегедня воскресенье. Я ночеваль на огородь. Поутру быль въ укръплени. Деждь (весьма ръдкое явленіе) помъщаль мить возвратиться на огородь, и я остался объдать у М—скаго. М—скій—челевъкъ, котораго я люблю и уважаю; человъкъ—не сплетня, не верхоглядь, человъкъ акуратный, положительный и въ высокой степени благородный. Геворить плохо по-русски, но русскій языкъ знаетъ лучше многихъ.—Въ 1830 году служиль онъ въ артиллеріи бывшей польской арміи, и изъ военно—пленныхъ зачисленъ быль рядовымъ въ русскую службу. Я много отъ него слышаль интересныхъ нодробностей о 1830 годь. Достойно замъчанія то, что онъ разсказываетъ о себственныхъ действіяхъ и неудачахъ безъ малъйшихъ украшеній: рёдкая черта въ военномъ человъкъ, тъмъ-болье—въ Сарматъ. Однимъ словомъ, М—скій—человъкъ, съ которымъ можно жить, не смотря на видимую сукость и прозанчность его характера.

Сегодня же милейная миледи М. соебщила мив, впрочемъ—не по секрету, со всёми подробностями, исторію объ одномъ семейномъ по-бонщъ. Изъ этой исторіи можно бы выкронть водевиль, разумъется, водевиль для здёншей вублики. Назвать его можно семобный по-даромъ или недошитая кофта. Премиленькій и назидательный могъ бы выкронться водевильчикъ!—— И это гнусное променествіе, не

выходящее изъ круга обыкновенныхъ происшествій въ Н. П. укрѣпденіи, и я, въ этомъ омутъ, среди этого нравственнаго безобразія; седьмой годъ уже кончаю... Страшно! Теперь, когда уже узнали о моемъ освобожденіи то ближайніе мои начальники—фельдфебель и ротный командиръ, не увольняя меня отъ ученья и караула, позволили мнѣ, въ свободные часы отъ службы, проводить на огородѣ, зачто я имъ сердечно благодаренъ. На огородѣ, или въ саду, лѣтняя резиденція нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу въ ея семействѣ; у нея двое маленькихъ дѣтей: Наташенька и Наденька, и это—единственный мой отдыхъ и разсѣяніе въ этомъ захолустьѣ.

Сегодня, въ четвертомъ часу утра, пришелъ я на огородъ. Утро было тихое, ирекрасное. Иволги и ласточки нарушали, изръдка только, сонную, сладкую тишину утра. Съ иткотораго времени, съ тъхъ поръ какъ мнъ позволено уединяться, я чрезвычайно полюбиль уединеніе. Милое уединеніе! Ничего не можеть быть въ жизни слаще. очаровательнъе уединенія. Особенно передъ лицомъ улыбающей, пвътущей красавицы матери-природы. Подъ ея сладкимъ волшебнымъ обанніемъ, человікъ невольно погружается самъ въ себя «и видитъ Бога на землъ», накъ говоритъ поэтъ. Я и прежде не любилъ шумной дъятельности, или, лучше сказать, шумнаго бездълья. Но послъ десятильтней здишней жизни, уединение мнь кажется настоящимъ раемъ, а я все-таки не могу ни за что приняться. Ни малъйшей охоты къ труду. Сижу или лежу молча но цельиъ часамъ, подъ моею любитою вербою и хоть бы на-сптхъ что-нибудь шевельнулося въ воображенів. Таки совершенно ничего. Настоящій застой! И это томительное состояніе началось у меня съ 7 апръля, т. е. со дня полученія письма отъ М. Лаваревскаго. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще К-у, что догадался прислать книгъ, а то я не аналь бы, что съ собою дълать. Въ-особенности благодаренъ я ему за Записки о Южной Руси. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мить такъ живо, такъ волшебно-живо напомнила мою прекрасную Украину, что я какъ-будто съ живыми бестдую съ ея славными лиринками и кобзарями. Прекрасивный, благородивный трудь, бриланть въ современной исторической литературь. Пошли тебъ, Господи, друже мой искрений, силу, любовь и терпъніе продолжать эту неоцененную книгу. Прочитавши въ первый разъ эту алмазную кингу, я дерзнуль-было делать замечанія, но когда прочиталь въ другой и въ третій разъ, то увидѣлъ, что замѣтки мон—
замѣтки пьянаго человѣка и—ничего больше. Окромѣ Суботова, т. е.
на счетъ мѣста бывшаго дома Богдана Хмельницкаго. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замѣчаемо на драгоцѣнюй ткани. Я
объщалъ, начитавшись до—сыта этой книги, послать ее К — ку, и
теперь жалѣю, что объщалъ. Во—первыхъ, потому, что я и никогда
не начитаюсь до-сыта, а вовторыхъ, потому, что поля книги испачканы нелѣпыми замѣчаніями. Дастъ Богъ, я ему изъ Петрбурга вышлю
чистенькій экземпляръ.

Вчеранній водевиль кончился, какъ и следовало ожидать, сегодня миромъ и гомерической попойкой съ песельниками. Интересно знать чемъ кончится свадьба. Вероятно—дракой.

18 іюня.

Сегодня я, какъ вчера, точно также рано пришелъ на огородъ; долго лежаль подъ вербою; слушаль иволгу и, наконець, заснуль. Видълъ во сит Мижигорскаго Спаса Дзвонковую-Криницю, и потомъ Выдубицкій монастырь, а потомъ-Петербургъ и свою милую Академію. Съ недавняго времени мит начали грезиться во сит знакомые, давноневиданные предметы. Скоро ли увижу все это я на-яву? Сновидъніе имьло на меня прекрасное вліяніе впродолженіе всего дня, а тымъ болъе, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. Къ вечеру, дъйствительно, почта пришла, но ни миж, ни обо миж ничего не привезла. Опять я спустиль нось на квинту! Опять тоска и безконечное ожиданіе! Неужели отъ 16 апръля до сихъ поръ не могли сделать въ штабе, на счеть меня, распоряжения? Холодные равнодушные люди! Вечеромъ возвратился я въ укръпленіе и получиль приказаніе отъ фельдфебеля готовиться къ смотру. Это результатъ давно ожиданной почты и съ такимъ трепетомъ ожиданной свободы. Тажело, невыразимо тажело! Я одуртю, наконецъ, отъ этого безконечнаго ожиланія....

Какъ быстро и горячо исполняется приказаніе—арестовать, такъ, напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить. А исполнители одни и тъже. Отчего же эта разница? Въ 1847 году, въ этомъ же мъсяцъ, меня на седьмые сутки доставили въъ Петер-бурга въ Оренбургъ, а теперь, дай Богъ, на седьмой мъсяцъ получить приказаніе—отобрать отъ меня казенныя вещи и прекратить содержаніе.... Форма... Но я не возьму себъ въ толкъ этой формы!

КОБЗАРЬ.

XIX.

Въ неволі тажко, - хоча й волі, Сказать по правді, не було, Та все-таки якось жилось Хоть на чужому—та на полі; Теперь же злої тії доблі Якъ Бога ждати довелось, И жду ії, и виглядаю, Дурний свій розумъ проклинаю, Що дався дурнямъ одурить—Въ калюжі волю утопить... Холоне серце, якъ згадаю, Що не въ Украйні поховають, Що не въ Украйні буду жить, Людей и Господа любить.

1847 p.

т. Шевченко.

САЛДАТКА.

(Іереміі Галці, на-негабудь.)

I.

Товкачисі радість — Богъ давъ сина; двійко бігае, трете у колисці, — кричить. А Товкачеві й байдужки: сидить край вікна; дужки та гадки одоліли. Любивъ, небога, мірковати самъ въ собою, хочъ и голова глу не розуміла, про що думала.

«Якъ-то вже, «думае», усе чудно та наче нерозумно на світі постановлено: пані рожає панича, Товкачиха—паробка; одному— холяволя; другому— панщина. Отъ якъ невидно—ревизія; неси, батью, за Товкаченка подушне, бо й Товкаченко дивитця на божий світь...»

Думавъ, думавъ, ажъ плинувъ.

Лежить синовъ у колисці, пручаєтця. Его охрестили — ставъ Семенкомъ.

Семенко вже хлопчикъ чималий — старші брати погоничами.

Брати поженились, и Семенко вже парубовъ, білолиций, чорнавий, та високий. Батько й мати пе надивлятця на Семена.

Ча́сомъ ма́ти тужи́ла, що найкра́щу дити́ну пи́сано до му́штри, та ще більшъ пильнова́ла за нею: «Неха́й, ка́же, хочъ у ма́тері на роско́ші поживе́: — спомина́тиме».

Товиа́чъ ходи́въ до ку́ма, зъ ку́момъ до писаря: »Чи не мо́жно сёто́ минова́ти?«

— Не можно, — каже. «Нехай буде воля божа».

II.

Нічъ якъ день: яспа та тепла. Місяць високо стоіть надъ левадою. Тихо.

Хтось иде при місяці, співає:

«Ой сонъ, мати, ой сонъ, мати, сонъ головоньку клонить...»

Товкаченківъ голосъ; ёго пісня. Легко на серці молодій дитині, — легко и весело.

Семенъ порівнявсь съ Солошиною хатою. У садку, підъ черешнею, щось стояло коло самої ліси.

- Се ти, Катре?
- Я, каже.
- Добривечіръ. Кого виглядаешъ?
- Се я такъ, нікого... Мотря казала прийде...

А сама почервоніла. Семенъ ставъ передъ дівчиною.

— Катре, — почавъ Товкаченко, **— и** забувъ що думавъ сказати... «Катре...»

Катря мовчить. Семенъ одчинивъ дверці и ввійшовъ у городчикъ.

- Я... ти вийдешъ сёгодні на улицю?
- Ні, въ мене голова болить, каже Катря.

Семенъ глянувъ ій прямо у вічі. Катря рукавомъ закрилась. Товкаченко хотівъ узять іі за руку—не посмівъ, и вернувсь на улицю.

- Я пійду додому.
- Постривай! Я чула... Люде казали, що у восени хлопцівъ у москалі братимуть.
 - Братимуть, каже, и мене візьмуть.

Жаль стало Семена. Отяжали слізьми очиці у Катрі... Вона хотіла щось промовить... Семенъ тихенько узявъ ії за руку. Катря стоіть якъ укопана.

- А ти за мною тужитимещъ?
- Тужитиму.
- И по Андрієві тужитимешъ?

Катря мовчить.

— Прощай, Катре.

Катря заплакала.

— Хиба тобі мене жаль?

Катря повчить.

— Не жаль?

— Жаль!

И ще дужче вона заплакала. Семенъ обнявъ ії рукою коло стану. Катря одвела ёго руку.

- Пусти мене, я пійду.
- Катре, постривай, не втікай такъ скоро.

Вінъ узя́въ ії за руку. Катря зновь почервоніда якъ макъ. Товкаче́нко стоя́въ мовъ несамови́тий.

— **К**атре!

Ватря тілько гланула на ёго. Товкаченко нахиливсь и тихесенько поцілувавь ії у голову.—А вона, мовь тая дитина, пригорнулась до Семена, хотіла де-що сказати — склепилися уста дитичі; обхонила рученатами ёго шию, кріпко-кріпко поцілувала — и якъ божевільна побігла у хату.

Товкаченко прикипівъ на місті,—не побігъ за нею. Вінъ самъ не тямивъ, що въ нимъ робилось.

Ту нічь на удиці не бачили Семена, не було й Катрі.

III.

- Старий!
- A róy?...
- Чи Семену-пакъ буде годівъ зъ двадцять?
- А тожъ! розмовляли поміжъ себе Товкачь съ Товкачихою, у неділю сидючи за ворітьми на призьбі. А далі впять оббе змовлям. Товкачь сидить та палічкою по піску пише.
 - Старий!
 - А го́у!
 - Що я тобі казатиму...
 - А нужъ...
 - Чи не часъ вже намъ Семена одружити?
 - А що́ съ то́го?
 - Що! хиба вінъ не такий якъ усі люде?
- Звісно, що не такий. Не те ёму одвіку написано. Семенко пекрутъ.— Хиба кому дурно світь завьязати? шкода!... нехай Богъ боронить...
- Та дежъ-таки видано, щобъ дитина до двадцяти дітъ дружини не мала?

— Ні, стара́, гріхъ одъ Бога, гріхъ и одъ люде́й: утопити дівчину можно, та акъ-то на тімъ світі держатимещъ одвітъ цередъ Богомъ.. Семенкові въ роду-віку така доля ванала, а чужу дитану страхъ варізати... Така́ моя́ думка.

Товкачиха важко зітхнула.

- И хлопья́ жаль, промовила стара́: бідна дита́на що-дня вбива́стця, и Ка́тря пла́че.
 - **К**атря?
 - Та Содохівна жъ, Иванівни дочка... Сохие, и матіръ суше.
 - A нашъ?
 - И нашъ тежъ саме: хочъ у пекло, наже, та въ Катрею. Стара перехрестилась.

Товкачъ довго сидівъ смутний-невеселий.

IY.

Судили-рядили Товкачі поміжъ себе, гадали и се и те, казали Семенкові, щобъ подумавъ-не губивъ дівчини... Уже старий и сюди й туди уможь роскидувавь, и до пан'отця ходивь, чи не розсудить ёго Пісьмомъ Святимъ да розумнимъ словомъ, навідувавсь и до бабусі Затірин, — такъ ніщо не помогло. «Коли,» каже, «мене не ожените, самъ на себе руки підійму, бо мені ва-одно пропадати.» — Старий Товкачь и погрозивсь би на сина, може бъ то до-чимъ и полякавъ ёго, та самому жаль було хлопця. Опо часомъ якъ побаче іхъ у-купі на улиці, почує якъ Катря щебече, — підбіжить до Товкачевої празьби, любенько поздоровкаетця — «живенькі здоровенькі дідуєю въ бабусею, - то Товкачеві й руки опустятця. А ще до того й стара просвітку ёму не давала: стогне та плаче, та на свою долю нарікає, що ажъ нудьга взяла чоловіка, світь ёму немилий, и очі ні на що бъ не дивились. Иноді грищне на неі, а калі мерщій за шашку, та й пійде до кума тугу розважати. Чого-то вже вони не перебалажають, сидючи собі у холодочку підъ повіткою: и явъ-то теџеричви усе на світі діетця не по божому, и явъ-то важко стало чоловікові хлібъ варобляти.... и чимало де-чого будо вгадають та недобримъ словомъ помъянуть. Ото воно наче трохи и полегии після такої розмови, бо се таки воно бачь лучаетця, що коли вже чоловікові не-въ-силу тяжка доля трапитця, то якъ побаче. що й кругомъ ёго кожне въ своімъ лихомъ, якъ москаль въ оріжжямъ, біднастия, що кожному той хлібъ гіркий та свій панъ важкий, то міби й те лишенько не таке досадне буде и геть-геть відъ серця одкотитця.

Оце такъ якось вернувсь старий одъ кума, та й каже: «Посидаймо, жінко, старости до Солошихи, — хай Семенко хочъ роківъ во-два поживе чоловікомъ, поки ето у некрути не взято; а тамъ що Ботъ дасть, — Его свята воля.»

Послано. Старости вернулись зъ рушнивами. — «Тілько, — нажуть, — стара Йванівна дуже вбивалась.»

А Товкачъ и каже: «Що-то вже ті баби повадні плакати! Ото й мой — скіньки тажнівъ очі терла та хлипала, що Семенко байдини бивъ, а теперъ обидві, и мой й Солошиха, роспустились, що дітей до-купи ввели!»

А кумъ: «Ощі, яньби світь та на мінкахъ стоявъ,»— каже,— «то бъ чудасія вийшла!»

Ні въ кого жъ-то такъ я́сно та те́пло на душі не було́, якъ у Ка́трі. Мовъ та́я я́сочка диви́ла́єь вопа́ въ вічі старій не́ньці, розважа́ла іі ту́гу щебета́ннямъ щи́римъ, лю́бою ла́скою дита́чою.

- Мамочко моя рідна, нене моя любая! не плачте, не журітця, мамо.
- Явъ мині, доню, не плакати? Болать мое серденько, тимъ и плачу.
- Máno! "àn's-bh bh sháan ёго, noró Семеночка, як's-bh bh tindro sháan!!
 - Знаю его, дитино поя, знаю, серденько.
 - Ні, мамочко, ні, моя возуленько! не того Семенка ви внасте...
 - Годі, дочко, годі-бо.
 - A хиба жъ, мамо, вінъ не гарний?
 - Та гарний (каже), гарний.
 - Тото жъ, мамо, я казала...
 - Ява́ ти дурна́, Катру́сю, каже Соло́шиха.

Ото мати наче трохи й повеселішала, пригорнула до себе дитину свою любу, щиро поцілувала й перехристила. — Катря хутенько побігла до кімнати, зачинилась тамъ, щобъ ії мати не бачила, одімкнула малёвану скриню, и стала вбіратись та рядитись, мовъ на Великъ-день: и те приміряе — скине, и друге надіне, — подивитця, та зновъ скине, — буцімъ мала дитина цяцьками грастця, — ажъ втомилась: личко ій розкраснілось якъ макъ у городі, очиці мовъ зіроньки сиють. Тамъ кинулось до дзеркальця, що ще мати молодою біля віконця вмазала, подивилась, осміхнулась, — та й засоромилась... «Яка я гарна... Семенко правду каже.» — А далі, дурна дитина, заразъ и засмутилась, зітхнула тяженько — и головку повісила. Чогось страшно ій стало післи такої радости, защеміло коло серденька, мовъ воно що недобре віщувало. Катря мерщій на-вколюшки, молитця — сама не знае про що, та ажъ заплакала сердешна дитина. Чи молилась вона, чи такъ, бідна, плакала, — тілько чути було — шептала: «Мати Божа! нехай не беруть у москалі мого Семенка...»

Коли ось увійшла мати — зиркъ, ажъ дочка вже плаче. Хитае стара головою, та:

— «Дурна́, дурна́ дити́на,» каже. — «Не плачъ, до́ню: таки́хъ якъ оце́ ти, безневи́ннихъ діте́й, самъ Госпо́дь догляда́е.»

٧.

Справили весілля. Катря молодицею стала — и яка-то вже гарна молодичка була!

Любивъ ії Семенъ надъ батька и неньку; любила й вона Семена більшъ усёго на світі. И що-то вже, Боже, за кохання було!

Не минуло ще либонь такъ и півроку, якъ отъ прийшла зъ Москви бумага: «Очередний наборъ треба призвести.»

И призвели.

Семенъ Товкаченко бувъ на очереди. — «Твой черга, Пилиновичу,» наже деситникъ Товкачеві: «благослови,» каже, «сина...» И Семена привели, — узяли десь съ поля — оравъ зъ братами.

— Благословіть, паноче.

Благословивъ... піднялаєь рука! — —

Забряжчали важкі кайдани у хаті: закували Семенка.

Стоіть батько середъ кати, а самъ білий, білий, якъ крейда. Важко ёму на серці, такъ важко, такъ важко — одинъ Богь знае. Не сподівавсь на останку літь діждатись сёго. — —

— Боже милостивий, — каже, — та й запланавъ, — старий батько запланавъ!

У-нерше Семенъ побачивъ, якъ батько плаче... Світь ёму наче туманомъ заволокло, ніби темно у очахъ стало, ноги ёму затрусались. Семенъ перехрествись, та: «Тату, каже, не вонвайтесь».

— Бога ви не боітесь, Пилиповичу, — озвавсь кумъ, бо и въ ето серце надривалось, дивлячись на такий сумъ та слези.

А Товкачъ мовъ нічого не чує й не бачить: стоіть, понуривсь сиволо головою, а слёзи ёму, одна за другою, якъ градъ на помістъ капають. А далі й промовивъ: «Дежъ,» каже, «мати та Катря? Воши може й не знають, що въ насъ робитця.»

Катрі таки не було дома—нішла до матері навідатьця; старої тежъ не видно у господі. Може й справді нічого не знають.

Отъ и каже десятникъ: «Чи не часъ бува, Пилиповичу, до кантори рушати, — а то началство гніватиметця. Чусте бо, Пилиповичу?» Пилиповичъ ні пари зъ устъ.

А той: «Ходіть,» каже, «пан'оче: може бува зайдете до церкви — помолитесь». — Шкода! — озвавсь Семенъ.

А батько ніби прокинувсь та й каже: «Схаменись, синку. Не гніви Бога: теперъ твой молитва доходнійша до Господа.

Отъ и пійшли до церкви — а люде дивлятця, та плачуть, идучи за ними слідкомъ. — Идуть такъ, та плачуть, — коли якъ закричить: «Лишенько жъ наше! то Катря біжить...» А вона, Боже мій милий! біжить якъ несамовита, мовъ нічого не бачить и не чує. Люде розступились. Вона до Семенка, та такъ и повисла въ ёго на шиі, такъ и обомліла, и не плаче — хочъ би тобі слізиночка. — Вінъ стоіть та труситця, а самъ білий білий, якъ мертвець.

- **К**атре, каже...
- Охъ, Семеночку! тебе беруть!
- Беруть, матінко, каже, та й обнавъ ії, а вона заплакала, да такъ же гірко да невтішно, що Господя! На що вже старий десатникь не одну дитину на своімъ віку довелось одірвати одъ матері, и той стоіть та кулакомъ слёзи втірає: «Оце, гаспидська муха», наже: «якъже жъ жалке кусастця»! а въ самого слёзи тілько капъ, напъ, десь вража муха саме за око внусила...

Катря жъ, знай, плаче та обнімає Семена. А тамъ незабаромъ и ме-ямі пліночим заколоскам, а за мами міти—то такий плачь піднявьь, ще акъ сумно стало.

Семенъ и каже, акось гірно всиіхаючись: «Не навть, Катре, сандаткою будешъ».

Такъ ёго й привели до кантори.

YI.

А скілько-то тамъ було такихъже, якъ ото Семенко, вазнівъ; имий-то тамъ, гомінъ та галасъ, старе й мале, матері та діти,— плачъ та сумъ такий, що Господи! И ніхто жъ то такъ не плававъ, якъ ті матері. Молоде поплаче да й втішитця, бо ёму ще надія зосталась: «Хочъ калікою колись, на деревьянці», думає, «вернетця до насъ роківъ черезъ двадцять, то все-таки побачимо»,— а старому—де вже пережити сі двадцять літъ? Тимъ и вбиваютця такъ матері, тимъ и плачуть.

Чи скільки тамъ тижнівъ зоставались дома новобранці, а треба було рушати до города. Припасли грошей оддатчики. Пошили хлопцямъ кожухи нові, теплі, а де-які й нанкою або китайкою криті;
перевьязали ихъ стрічками та хустицями червоними,—да такъ, у
пахмурний да холодний осінній день, и стали випровожати. — Що
Боже мій! скільки миру рушило проводити іхъ та попрощатись геть
за слебодою, бо у кожного було свое, котре йшло у дальню незнаему сторену. За батьками та матерьми уся дітвора висипала. Одно
кричить: «дядінька! якъ будеть салдатомъ, принось мині яблучка;»
друге: — «братіку, вертайся инъ Різдву або къ Великодню: у насъ
тогді корова отелетця и молочко буде;» трете — «Василечку! заріжъ
скорійшъ Турка та приходь хутво додому, щобъ мати не плакала.»

А матері плачуть, плачуть!

А новобранці, де-які молодші, которі нічого, окрішъ дівчатъ, не воставляли на родині, йдуть понереду та голосно, голосно співають:

Ой Боже мій, Боже, на що я вродівся?
Кінь вороній, самъ молодій, та ще не женився!
Треба мені, дівчино, патері спитати:
Чи звелить мати кона продавати?—
Не звеліла мати кона продавати,
Та звеліла мати въ походъ виступати...

А матері тапъ до нігъ и принадають та голосять, моль у деновину синівъ опускають. И дівчата эмовили — не кихикають: един буцімъ по дядині тужить, що торікъ вмерла; у другої очиці красні — сусідиної тітки жалко. А некрути голосно, та жалібно співають:

Иди́, си́ну, за ріднеє бра́ття,— Даду́ть тобі, си́ну̀, салда́цькеє пла́ття; Иди́, си́ну, за рідну дити́ну, Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку ружи́ну; Иди́, си́ну, за рідну сеотри́кю, Даду́ть тобі, си́ну, салда́цьку мужи́пю.

А якъ вийным готь за слободу та зближились до «прощальной могили» (бо у тисі могили компе було прощастил зъ родичами, якъ коли виряжають хлопцівъ у присутствів, або хто йде въ городь у судахътягатьця), — якъ сближились до тії могили, помолились, стали опрощення брать, — то вже ніби й илачу не чути було, — така смута та жаль міжъ народомъ стала, що Мати Божа!

Пепростиянсь. Де-які пійнай зъ кабпцяни до городу, а другі вернулись додену.

У слободі такъ-то сумно та невесоло стало, — кочъ и не чути вже того плачу.

Катря пійшла за Семенемъ.

YII.

И поповешталась же сердешна Катря, чужі пороги оббиваючи та свою долю гірку проклинаючи.

Сказали Семенкові «лебъ», и стала Катря салдаткою.

Пю-ранку ходила вона дивитись на муштру, не такъ на ту муштру, инъ на Семенка, и немало ії серденьно нереболіло, дивлячись на се муштровання— така мука,—вдавалось ій,—ще борони Боже!—Оце нестановлять іхъ лавою, а вони, сонолики, стоять не живі, не мертві. Ото старший и почне ихъ рівняти,—а самъ сердатий, розсердатий та стращний. Господи, поки-то навчять іхъ ходити помосковські —щобъ-то й руками не махати и підъ ноги не дивитись!

Семенові Томпаченкову (се бачь Товначенко ставъ Товначенковимъ) мавъ Бегъ груди висені, — то оце коли старший порівняе москалівъ, самъ и зайде зъ болу, дивитця, та було още й крине: «Товкаченковъ! ковай груди... «жигового не видно», — той и носущитця назадъ, щебъ грудей не було видне, та такъ и голову нехіть охова за другого. А той зновъ: «Подай», гука, «голову до линіи!» — подасть голову, а груди собі жикить упередь вилівуть. Япось разъ вінъ дуже силно розлютовавсь, — такъ, що й не приведи Господи! Разівъ шість зачинавъ муштру, рівнявъ плечі та випрямлювавъ ноги, а далі принявсь упьять за Семенови груди — ажъ скавучить. Що Боже мій милостивий! — — Сердешний Семенъ не встоявъ на ногахъ, унавъ...

Катря якъ кинетця туди, якъ заголюсить: «Пиночку-голубчику!» А вінъ и зопинивсь, та: «Хто сміс нарушити порядокъ? Чого тобі треба?» питистця.

- Семеночку... се мій Семенко! каже вона, гірко плачучи.
- Се твій мужикъ?—зновъ питаєтця, а въ самого очі такъ и загоріансь, якъ у кота́ на сало.
 - Мій, паночку.

Той ніби трохи втихомиривсь, та й каже: «Не плачъ, душенька...»

. Катря ёму въ ноти: «Спасибі,» каже, «паночку;» а той піднявъ ії, та й заказавъ удруге кланятись. «Коли,» каже, «твій чоловікъ служатиме мунітри, то й кланятись не треба, бо я такий же чоловікъ, якъ и ти».

Катря подивилась на ёго, та й німого не сказала. А Семенъ стоіть блідий-блідий.

YIII.

Перебуди вони такъ тижнівъ съ пьять чи шість у тому городі, та бупімъ трохи й попривикли,—тілько часто згадували про свій рідъ и слободу, де росли й любились, де кожне ихъ знало и кожного вони знали. Часомъ було потужять, потужять, а Катря й поплаче нишкомъ,—то Семенъ ії розважає, або вона ёго, якъ ноли прийде зъ муштри смутний та невеселий. Катря наче трохи зъ личка спала, а все жъ таки була гарна-розгарна,— ій и Семену на горе....

Одного разу, надъ вечіръ, сидать вони собі двійко та-таки журятця, коли у хату ввійщовъ деньщикъ, звичайно помоливсь та й позвавъ Катрю сорочки щити.

Довго одмовдилась Катря, казала, що не здужае й не вміе, а той приставъ, и манить та й манить ії. Пішла сердбина. «Тільке, будь ласвова, моторнішъ одягайсь,» додавъ.

Одягаетця Катря, а у самой руки й ноги трускима. Соможь мев-

мать, не свіє й дихнути, а коло серця мовь отрутою налить-такъ

Одяглась Катря, попрощалась зъ Семеномъ а сама холодна-холодна... Семенъ ледве промовивъ: «швидче, любко, вертайся,» та й сівъ на лавку, мовъ після тяжної праці заслабъ.

Переждавни такъ чимало, посумовавши, бачеть—не йде Катря; ногодивъ ще трохи—нема, мевъ у воду впала. Вінъ и пішовъ такъ якъ би супроти півночі: «може,» думає, «чи не зустріну де ма дерові. Вийшовъ на улицю—темно, холодио. Сухий та різкий вітрещь де-не-де сніжокъ по дорозі зриває та крутить, а ні душі людської не чути, тілько ніби бо-зна звідки по вітру доносить, якъ собака у-ночі гавине. Городокъ маленький — усе спить. У-горі ні хиарки, ані місяця, — тілько зірочки далеко у небі блимають: Візо ставъ супротипівночі; надъ хатами Чепіла вияснилась.

Сумно у холодну нічь одному на улиці та ще въ кого журба повуча. Усюди тихо якъ у домовині, такъ тихо, що чути, якъ серце колотитця. Довго стоявъ вішь на улиці якъ знавіснілий; десь, на церкві, годинникъ продзвонивъ перву годину, — а Катрі нема та й нема. Ажъ остракъ обнявъ Семена.

«А меже вона дома, — мене дожидае,» - дума Семенъ, — та мерщій й побігь до себе на кватирю.

Ні, не вертанась Катря!.. Такъ и нічь перейшла.

У-досвітку вже вернулась вона, та на Семена й очей не зведе, упала на стіль—а сама плаче-плаче....

IX.

Саме підъ Різдво казано новобранцямъ у походъ вистунати. Дала вить казенну одожу — одигла й обули якъ слідъ велать. Сірі выпочий й свиточка та аби-які чобітка — бо-зна-що, каже Катря: и холодно и узыко, и мало й коротко.

Налагодились у дорогу й Товкаченки, а сами якъ у воду внущені: де-то дівалися Катрини жарти й сміхи, сможи та співання? Усе мовчать, неначе ії заворожено. И Семенъ ставъ не той, якимъ полісь бго люде зазнали, а найгіршь съ того часу зажуривсь.

Зібрали свою худібоньку — сорочечки, та хусточки, незбілить того жить у зайвого цитана; номолидись, написали листь до своїхь у

слободу, що оттакъ и такъ, тату та мамо, виходимо до війська, — та й рушили ранкомъ изъ города. Завирюха така, що й світу божого не видно... Якъ-то вже переманись вени цілий день, а надъ вечіръ підъ Рівдво, саме тоді, якъ кута стоіть на мокуті, сінцемъ обложена, — увійшла въ якось людне та багате село, що на шлиху стояло. Розвени салдатівъ по дворахъ, и нашихъ постановали до якихъ-сь добрихъ, богобоязнихъ людей: — що-то вже за щара та приявна сімья!

Привітали Катрю якъ рідну дитину и до Семена були такі-то маскаві та добрі: не знають, куди й посадити, якимъ словомъ роспитати.

- Та яка жъ молоденька!» каже стара бабуся: «звідки, добрі люде?» питаєтця.
 - Зъ Уласівки, бабусю, з каже Катря.
 - Чула, чула про Уласівку, моя рибко. А далеко!
 - Далеко, бабусе.
 - А се твій чоловікъ?» друге питаєтця.
 - Чоловікъ, тіточко.
- Охъ, лихо, лихо,» каже бабусл: «здалека: та якіжъ-то ще молоденькі обое. Отъ и въ мене Йвасичокъ десь на чужині бід-каетця: роківъ зо три вісточки одъ ёго немаемо.... охъ, лихо, лихо! А то де-коли було й пише, плачетця на насъ, що оддали. Та якъ ёго не оддаси, коли пакъ велить? Се вже такъ намъ, чернимъ людямъ, десь на роду написано, щобъ чужі слёзи ковтати.
- «Про се й я такъ, бабусе, думаю,» каже Катря: «та нічинъ пособити.»
- Нічимъ, моя рябко, нічимъ, бо такъ воно зроду-віку ведетця. — — Усе отъ Бога, моя рябко, — ніхто ёго писания не змінить. — Отъ хиба чи не...
- А дітей, бабусю, ніхто жъ не ість?» питаетця наменьний хлопчикь, літь шести, що сидівь собі у запічку та слухавь, миз бабуся розновлила зъ молодицею. — «Адже-мъ людей, бабусю, не ідять?»
- Ні, моб дятятко, не ідять людей; а коли дитина неслухняна, то заравъ яга-баба у ступку посадить.

Хлопчикъ сховавсь ще дальшъ у запічокъ. А баба зновъ за свое:

— Охъ, лихо, лихо,» каже: «опе ин усе журинось, що йвась

давно не писавъ. До вінъ, що въ нимъ, нічого не внасмо; може хворий де-небудь лежить, або на войні вбито, то й поховати нікому.... А чомъже ми своїхъ любихъ гостей не нагодуємо? Часъ вже вечеряти и кутю на стілъ ставити.

Повечеряли. Гордива бабуси, якъ матінка рідна, годила дорогимъ гостинъ — «и сёго поіжте, и того покоштуйте,» — тілько й чути, якъ стара лепече.

Скоро дітвора полягала спать, а Семенъ зъ мужиками вийшовъ у другу хату опочити; невістки посідали за гребні куделю присти и стара зъ Катрею коло іхъ притулилась.... И довго ще чути було, акъ веретена у хаті сюрчали, а бабуся зъ Катрею тихенько бавівала та здихала. А на дворі мете та сипле таке, що Мати Божа!

- Охъ, лихо, лихо,» наже бабуся: «се бъ то мені, молодище, здаєтця, що твого чоловіка журба сушить: десь тужить сердешний но батькові матері.
- Такъ-то тужить, бабусенько, що диватись на ёго такъ уса дума переболать.... Отъ и въ исне зосталась стара матінка, одна якъ перстъ, а все жъ то буцімь и не стакъ жалкую та вбиваюсь: оце нема дуже тако стане на серці, помолюсь, ноплачу, то ніба й полегшае. А вінъ усе журитця, усе журитця.
- О, лихо, лихо!» каме стара, зітхнувши: «якъ-то чудно оце на бомому світі ведетня, коми подивлюсь. Люде-то хочъ и кажуть, що у старовину було лучче жити ні, не вірь, мой дитино: отъ уже девьятий десятокъ очами на божий світь блимаю, а мені заватня, що вінь усе такий. «Батьки,» кажуть, «плакали у жмоню, а діти—пригершинии; батьнівъ бито стоячи, а дітокъ и въ-лежку быють...» Охъ, михо, лихо... Та може я тебе втомила, молодичко: ти бъ сночила трохи, бе може вавтра васъ погонять, и не розгранитесь.
- «Спасибі ванъ, бебусенько, за вашу ласку,» сказала на се Ватря, поцелилась и лягла спати.... та щесь довго не спалось. Добрі люде та іхъ щира ласка збудили Катрине горе. Усе тоді вгадалось — и стара мати, садокъ коло хатки, и весіння нічъ, й дівованнячко, весілля, и муштра.... Гесноди, такъ и эторіла, якъ втадала бго...

X.

Чи довго, чи коротко вони тамъ плентались по білому світу, сёго не скажу, — може роківъ зо три й буде; тілько Семенъ скоро Богу душу оддавъ: усе кашлявъ та хорівъ, до того звівсь, що було на муштрі й ружиною не здужае брязнути. Усе ёму щось у грудяхъ боліло. Було лікарі й лічать, и мятою наповають, и бузиною, и липовимъ цвітомъ, такъ ніщо не помогло. Кашлявъ, кашлявъ, та такъ весною объ теплому Олексіёві и поховали ёго. Тимъ часомъ, тижнівъ за чотирі до ёго смерти, Катря привела дитину, — хлопчика Богъ давъ. А якъ умеръ Семенъ, то вона й загадала вернутись додому. Узяла свого Пилипка, обгорнула свитиною, та саме у великодну субботу и вийшла ранкомъ изъ города, де іхъ нолкъ стоявъ.

День бувъ теплий та ясний. Травка чи вспіла-то й виткнутись шэть земли, а вже степъ зеленівъ, и верби набростились. Надъ шлякомъ, високо, якъ паўкъ, снуе жайворонокъ, весну стрічае, гнізда шідъ билиною шукае. Сонце такъ гріе, що буцімъ видно, якъ травка сама до ёго тагнетця зъ вожної землі, густіе та могилий вкривае. И Катрі полегшало.

Чи скільки тамъ вона йшла, а, поки, лиха не бачила. Сумно, було, й страшно стане середь степу; округи тілько небо, та сонце нече, та могилий стоять по полю розсипані, а туть йноді шляхъ нерестрічають другі шляхи, або дорога розіходитця, вона й не знае, який шляхъ додому доведе: то, було, постоїть, та й візьме на ту дорогу, яка найбілшть верне насхідъ сонця, або біжить до якого близького жилля. 'Иноді хто перестріне, чи обгонить, Кахря синтае про шляхъ, то було добрі люде й навчать. Часомъ бува притомитця йдучи, саде собі де-небудь у холодочку, коли транитця, цідъ дубкомъ коло якої гребельки, чи била чумацької криниці, або й такъ въ степу підъ могилою, — нагодує Пилипка, то й спочине. Ночувала йноді въ подорожніхъ селахъ, а часомъ транилось й у полі въ плугатирівъ, якъ нічъ середъ стену застигне. И на чужищ не безъ добрихъ людей, невне міжъ простими та бідними.

За тиждень добрела Катря до якогось незнамого города. Городъ великий та гарний. Ще звідки чути було, якъ по церквахъ у дзвони дзвонили, бо вечірня служба йшла. Увійшла Катерина въ городъ,

та й сама не знае, де ій дітись, бо тимъ часомъ спериалось. Вона до якоїсь маленької хатим — підійшла, та чує що гомонать, и каже:

- . **Помага́й**бі, люде добрі: пустіть странну у ха́ту перемочувати.»
 - A ти кто така?» питаютця.
- «Салдетка,» каже: «мій чоловікъ умеръ, то я още въ дитиною додому йду.»
 - «Э, шкода,» кажуть: «салдатка, та ще десь въ байстрямъ?»
- «Ні, люде добрі,» каже Катерина, та й засоромилась, а въ самої на серці стало тижко тижко, що Господи!
- «Зна́емо́ ми,» кажуть, «тихъ салдато́къ, які вони́ есть. Иди́ геть одъ на́шихъ віконъ.»

Пішла́ Катерина одъ тихъ віконъ, слёзи ковтаючи, — та до другихъ:

- «Добривечіръ,» каже, «люде добрі: чи не пустите христовинь имьямъ убогу переночувати?
- А звідки ти, молодице?» питаютця. Та якъ почули, що вона салдатка, то заразъ и обізвали негожимъ словомъ, урікаючи, що вона зъ себе вродлива та чорнява, та ще й молоденька. «Иди собі, любко,» кажуть, «до иншихъ.»

Нічого не сказала Катерина, — тілько бідьшъ уже до віконъ и не підходила. Треба було десь підъ тиномъ ночувати — и переночувала: такъ, зъ дитиною на рукахъ, и заснула.

XI.

Сказано: «На кого люде гомонать, на того й свині хрюкають.» Такъ и Катрі. Не вспіла вона очі протерти, якъ ось иде по улиці чоломічокъ, самъ мервений, мідяні дудвики, на шапці блашка зъ добрего семигривенного. Нізнала Катря, що воно таке е, та дуже злавалась, бо чувала одъ людей про якихсь гайдамаківъ, що по судахъ нашуть та людей до смерти записують, — а се жъ вінъ и бувъ.

- Якого біса ти туть по-підь тинню валиесся? «Що ти таке есть?» питає ії.
- Я салдатна, пане; нау зъ дитиною на свою сторону.» А сама бейтия, що Росподи!
 - Салдатка... гиъ... а білетъ масшъ!

- «И білеть, пате, маю,» каже.
- A ве его смен: подавлюсь, че тый то білеть?»

Подала ёму Катря білеть, а у самої руки й ноги трусятия—
такъ-то боязно. — Ставъ вінъ той білеть прочитувати, а самъ усе
на неї очима скидуе та щось собі шесть: «ресту середлёго,» каже: —
«такъ, невеличка;» «волеси темнорусии: — «чамъ, чернива й гарна;» підбородовъ круглий: — гиъ, не дуже круглий!... Та се не
твій білеть,» наже: «ти ёго вкрала.»

Катря ажъ похолонула. «Ні, паночку,» каже: — «нехай мене Богъ убье, коли я ёго вкрала. Се мій.

- Шкода,» каже: «тутъ прописано, що підбородовъ вруглий, а въ тебе гострий, га?
- Нітъ-бо, паночку: далебі я не вкрала. Оце я схудала трохи, висохла, тимъ и борода гостра стала.»
- Овва! висохла... такъ би й прописано було, що висохла; а то бачъ пише кругла. Ти, я бачу, бродага, безъ пісьменного виду. Тебе въ турму треба посадити.»

У Катрі руки й ноги однялись, побіліла, якъ рядно, стоіть и очей не зведе. А той и каже: «Жалко мені тебе, молодице, отъ якъ Богъ свять жалко, — та що маю робити! Служба — святе діло. Отъ колибъ у тебе були гроши, то я бъ попрохавъ началство, щобъ тебе у турму не садовили.»

- Охъ, паночку! а скільки началству треба? може въ мене й достане.
- Та скільки? таки й немадо. Явъ би ти була безъ дитини... а то й цілкового намалі. Служба святе діло... Хиба цілкового та семигривенного. Ке сюди цілкового та семигривенного: я добрий чоловікъ, обороню тебе передъ началствомъ.»

У Катрі й на душі полегшало, що доброго чоловіка знайший, заразъ ёму у ноги. «Спасибі ванъ», каже, «паночку, ва вашу ласку». Витрусила изъ калиточки того цілкового, знайшовсь и семигривенний. А той — такий добрий, та щирий, — узявъ та ще й дакуе: «спасибі тобі», каже, «молодице: теперъ иди въ Бегонъ, та нічого не бійся».

- Чимъ же васъ, нанечку, даковати?» питаетця Ватря.
- Мене Богъ наградить», той каже. Съ типъ и новіявсь собі геть по ўлиці.

Перехрестилась Катря, и ніння своєю дорогою: «Отъ же», думае: «и въ героді внайшлась душа щара та богобоязна. Якъби більшъ такихъ…» А іхъ и такъ доволі…

XII.

До́вго йшла Ка́тря, бо не близько була́ та Ула́сівка. Притоми́ла ніженьки білі; натерпілась ли́ха й сорому, а більшъ тимъ, що була́ салдатка, та Бо́га боя́лась.

Коли якось уранці забованіла геть-геть въ степу «прощальна могила», замиготіли въ очахъ хатки білі й зелені верби знаёмі. Се жъ и була Уласівка.

Згадала Катерина про Семена, и гірко заплакала.

Дійшла ото вона до могили и сіла спочити та дитину погодувати, бо хочь и близько вже було до Уласівки, та вона дуже втомилась. Коли ось идуть шляхомь, до Уласівки жь, якісь перехожі: бабуся, старенька, а зъ нею дівчина, йдуть и поміжь себе тихенько розмовляють. Зближились до Катерини и «добридень» сказали.

- Спасибі, люде добрі», каже Катря: «чи не въ Ула́сівку Богъ несе́?»
 - Та въ Уласівку жъ.

Тутъ стара стала пильно придивлятись до Катрі, а далі й каже:

- Колабъ, молодице, не опізнатись оце на старости літяхъ. Здаєтця мені, що ти Катря Солохівна, покійної Йванівни дочка?
- Та Солохівна жъ була... А хиба моя мати вмерла?» питаєтця, а у самої й дитина трохи въ рукъ не випала.
- Умерла, дочко. Ото торікъ, саме підъ Пречасту, поховали, нехай царствує. А якъ по тобі моя голубочка вбивалась....

Катря гірко, гірко плавала.

- A дежъ твій чоловікъ?» питають.
- И Семена поховала», наже Катря, а сама плаче, плаче....
- Нехай ёму вемля перомъ: тамъ, може, лучче буде», каже бабуся, и перехристилась, а дівчина, що була въ нею, й заплакала.—
 «Годі тобі, доню, плакати, годі, серце.... Се, коли завнала, Яструбенкова дочка: ту весну була засватана, а ото у осени и ії жениха узато до муштри, такъ оце й ходили у городъ, я угод-

нику помодитись, а вона хлонця навідати. — Охъ, лиха година та непраслива... Ходінъ, Катрусю, и ти эъ нами, — вже недалочно. — А сежъ твое?

- Moé, babýce.
- A crimbru ëmy?
- Оце вчора третій місянь пішовъ, и Семенові вже другий буде.

Прийшли въ Уласівку. Тажко стало Катрі, Боже, якъ тажко. Хочъ усе було ніби постарому, и левада съ зеленими вербами, и ставокъ, и липа кучерява биля церкви, и той садокъ, де уперве съ Семеномъ спізналась,—та на серці вже не по старому: сумъ та жаль такій, що, Господи, якъ важко!

Свеніръ принявъ ії до себе. Жила вона въ ёго, а все така невесела. Товкачъ було частенько ії про Семена роспитуе, про муштру, про звичаї салдацьки, про панівъ; а самъ, якъ хмара, сумний, сумний. Катря було плаче, якъ росказуе ёму про все, що бачила, а старий мовчить, тільки слухае та иноді головою хитає.

Такъ до смерти й осталась Катря салдаткою, а Пиличка діти звали салдатенкомъ, и мовъ цурались.

Такий случай!

Д. Мердовиевъ.

1859 p.

липовыя пущи.

Начало романа, найденнаго въ бумъгахъ покойнаго Д. И. Хоречко.

Имя Д. П. Хоречко извъстно только небольшому кружку его пріятелей, которые любили его за его прямой, искрепній характеръ. Никто, однакожъ, не видълъ въ немъ автора. Онъ казался намъ любознательнымъ человъкомъ, умнымъ человъкомъ, человъкомъ съ душою — и только. Смерть обнаружила, что онъ готовиль себя къ литературному поприщу съ тъмъ уважениемъ къ своему призванию. воторое въ наше время становится ръдкостью. Въ его бумагахъ найдено много этюдовъ, писанныхъ съ натуры, много плановъ для повъстей, набросанныхъ въ психологическомъ, внутреннемъ смыслъ, который для читателей должень быль быть выражень пластически. Начатыя имъ повъсти показывають, что онъ поражался многими художественными идеями въ одно и то же время, и что только обиліе сюжетовъ, просившихся подъ перо его, мѣшало ему что-нибудь окончить. Въ предлагаемомъ романъ не развита еще исторія. Выведены только лица, которыя должны начать дъйствіе; но ихъ обстановка можетъ заинтересовать читателей, какъ живопись нравовъ недавно исчезнувшаго панскаго быта въ Украинъ, того быта, который сохраниль на себъ отпечатокъ стариннаго козачества. Вотъ почему мы, друзья покойнаго автора, ръшились послать его въ Основу. Впрочемъ есть надежда отыскать и продолжение романа. Въ Черноморскомъ Екатеринодаръ жилъ и до сихъ поръ живетъ нъкто г-нъ Р***, соученикъ и, можно сказать, наперсникъ покойнаго Хоречко. Мы знаемъ, что они много разъ пересылали другъ другу черезъ почту свертки, на которыхъ было подписано рукопись. Хоречко, на вопросы наши, отвъчаль бывало, что его другъ г. Р***

занимается литературою и просить его совътовъ. Теперь дъло является въ обратномъ смыслъ. Мы отнеслись въ г. Р*** и просили его подтвердить нашу догадку и, если у него сохранилось продолженіе Липовыхъ Пущъ (въ чемъ мы почти увърены) прислать также въ редакцію Основы.

И. Шишакъ-Васильевскій-Гребля.

прологъ.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній,—въ которой именно, нѣтъ надобности знать,—процвѣтало еще очень недавно помѣщичье семейство Вѣниковыхъ. Послѣдніе, современные намъ представители этого семейства, выбросили изъ своей фамиліи букву и, и назывались Вънковыми; но они не смѣли отречься отъ нея въ документахъ, по которымъ принадлежали имъ лѣса, луга и земли, называющеіся Липовыми Пущами. Если сказать всю правду, то родоначальникъ этой фамиліи былъ не Вѣниковъ, а просто Віникъ; но у насъ, малороссіянъ, была страсть облагороживать свои фамильныя имена прибавкою къ нимъ великорусскихъ окончаній или переиначиваніемъ и вставкою буквъ.

Трудно было бы доискаться, кто первый изъ господъ Вѣниковъ стеръ съ своего имени признакъ козацкаго происхожденія. Но имѣніе Вѣниковыхъ называлось Липовыми Пущами, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ. Еще оно и не принадлежало имъ, еще въ козацкихъ реэстрахъ не было вписано ни одного Вѣника, а Липовыя Пущи уже значились въ спискѣ старыхъ ранговыхъ (¹) помѣстьевъ. Какъ бы ни гордились Вѣники древностью своего дворянскаго рода, наперекоръ демократической малороссійской исторіи; но историческое имя начинается съ недавняго и, надобно сказать, пустаго событія. Когда козаки стояли шатрами въ степи надъ рѣчкой Самарой, одинъ изъ сотниковъ, по прозванію Мурло, выразиль свою

⁽⁴⁾ Такъ назывались земли, отдававиняся въ помизненное владъще гетману и генеральнымъ старшинамъ.

вреданиость полковнику Носату необычнымъ способомъ: собственноручно связаль изъ степнаго бурьяну въникъ и подмелъ вемляной пель въ нелковничьей палаткъ. Козаки прозвали его, за этотъ подвитъ, Въникомъ, и до такой степени новое прозвище сдълалось общеунотребительнымъ, что дъти и внуки услужливаго сотника уже не принимали его себъ въ обиду; ихъ записали подъ этимъ именемъ въ козацкій реэстръ, и пошли они писаться Въниками, позабывъ свое прежнее прозвище Мурло, данное ихъ предку еще во времена гетмана Павлюка.

Въ эпоху самарскато похода, ранговое помъстье Липовыя Пущи, доставшееся впосабдствін Віннкамъ, соотвітствовало своему имени, потому что состояло изъ первобытныхъ липовыхъ лъсовъ: но въ наше время, лицы уцелели только въ виде бревенъ, въ станахъ номъщичьяго дома. Домъ срубленъ изъ толстыхъ липовыхъ брусьевь и, благодаря плотной, очеретяной крынь, которую сивнявшися покольнія владыльцевь возобновляли своевременно, пережиль опрестные льса, состоявшие преимущественно изъ липъ. Странное чувство овладъвало моей душою, чувство особенной, поэтической, грусти, когда я, сидя въ свътлицъ господъ Въниковыхъ, срубленной взъ благороднаго липоваго дерева, съ мытыми (1), ствиами всноминаль, по какой причинь все это имвніе, состоящее взъ двухъ тысячъ десятинъ всякаго рода земель, называется Auпосыми Пущами. Кругомъ-ни одной лины на корняхъ, а название помъстья и чрезвычайная толщина брусьевъ въ стънахъ дома воздвигають въ воображении необозримыя массы густыхъ вътвей, высокотолиящися вокругь анноваго дома. Домъ построенъ во вкусъ гетманских времень съ тяжелою вычурною отделкою орнаментовъ по дубовымъ косякамъ оконъ и дверей, по карнизамъ навъсовъ, по оглавіямъ и подножіямъ тонкихъ, витыхъ на разные манеры, колоновъ, но слуховынъ окнанъ, выръзавинися далеко впередъ изъ инистой очеретяной крыши и по самымъ дымарями, которые высово чернёють съ своими острыми провельнами на малороссійскомъ, почти всегда исновъ, небъ. Въ главной, такъ называемой престовой, светлице (2), на толстоить резномъ сволоке, вы читаете сла-

 $^(^{9})$ Старинные люди въшали, или вдълывали въ стѣны, четыре креста въ свѣтлицѣ.

⁽a) То-есть, не запрашенными краскою и безъ обоевъ. Такія стіны отъ времени до времени моють и скобдять и это сообщаеть комнаті чистоту іннатулки.

вянскую надпись: «храмина сія сооружена благочестивым» рабомъ Божіниъ, полковникомъ Въникомъ, року Божого 1760». Не прошло, значить и стольтія, а ужь все кругомь до такой степени измівнилось! Выходите на рундукъ (1), срубленный изъ того же благороднаго дерева, видите широкій дворъ, обставленный раскидистыми каштанами; видите, въ промежуткъ между каштановъ, отлогій скатъ въ пруку и за прудомъ водяную мельницу съ густыми, наилоненными въ водъ, вербами; тутъ, подле васъ, въ самихъ углахъ, образуемыхъ выступившимъ впередъ старосвътскимъ рундукомъ, выросли уже довольно старые клены, бросающіе густую тёнь съ зубчатыми, трепещущими пятнами свъта, на дубовый поль подъ вашими ногами и позволяющіє только мёстами рисоваться на немъ зигзагамъ столбовъ, подпирающихъ навъсъ. Но лицамъ какъ-будто объявлена была война строителемъ этого дома. На всемъ кругозоръ усадьбы, въ саду, въ дубовой рощъ, выглядывающей изъ-за плодовыхъ деревъ, и вдоль села, поднимающагося на отлогую высоту, по ту сторону пруда и мельницы, — нигдъ не видно ни од-! ыпиц. йон

Не довъряя глазамъ своимъ, вы спросите у хозяевъ, (какъ сдълалъ я и какъ дълали, безъ сомивнія, многіе другіе): «неужели
у васъ въ Липовыхъ Пущахъ нѣтъ вовсе липъ?» И вамъ скажутъ, что даже въ лѣсахъ, принадлежащихъ къ имѣнію, исчезли
липовыя деревья. «Исчезли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благочестивый рабъ Божій, полковникъ Вѣникъ, повалилъ столько великолъпныхъ деревъ для своей храмины!..» Вы невольно это подумаете,
и вамъ представится варварскій стукъ топоровъ въ густой первобытной рощѣ, гдѣ раздавался до тѣхъ поръ только голосъ иволги,
гдѣ ворковали влюбленныя горлицы, и дикія козы водили въ тишинъ свои робкія семейства. По-крайней-мърѣ мнѣ живо представилась картина опустошенія со всѣми побочными обстоятельствами.

Панъ полковникъ прівзжаетъ на охоту въ липовый лість, пожалованный ему царскою грамотою за такіе и такіе, чинимые имъ надъ непріятелемъ, промыслы; прівзжаетъ онъ, разумітется, не одинъ; разбиваютъ для его милости палатку; достаютъ изъ возовъ бочонки и провизію; варится въ котлі походная каша, кулишь, съ жирной бараниной. Веселъ полковникъ и громогласенъ; инкто такъ

⁽¹⁾ Крыльцо съ навъсомъ.

громко не смёстся, какъ онъ, потому что никого нётъ здёсь равнаго ему по сану и богатству. Онъ говоритъ больше всёхъ, и всёмъ его рёчи доставляютъ истинное удовольствіе. Мёсто ему очень нравится. Сквозь темную липовую зелень видна озаренная солицемъ рёчка въ камышахъ, и за ней, весь въ деревьяхъ и кустахъ, отлого идущій въ высоту берегъ.

«Построю туть будинокь» (1), вскрикнуль онъ вдругь вдохновеннымъ голосомъ; «посажу слободу! На ръчвъ можно построить славную мельницу! Пускай у Панька заболять печінки, отъ зависти!» (Нанькомъ онъ величалъ полковника нъжинскаго полка, своего въчнаго врага, такъ какъ бевъ непримиримой вражды къ кому нибудь ни одинъ малороссійскій панъ прожить не можетъ). «Да», продолжаль онъ: «не будь я Въникъ, если не вгоню своего врага въ могилу этой усадьбой! Самъ гетманъ позавидуетъ моимъ Липовымь Пущамь!»

Это подаеть поводъ къ отбиванію чоповъ у боклагь и бочонковъ съ наливками и медами. Стукнулъ полковникъ съ своими гостями въ ковщи и позабылъ о предпринятой охотъ; поъздка кончилась походною кашею и крыпкимь сномь въ густой тыни выковъчныхъ липъ. Но, пробудясь, и возвращаясь домой въ пріятномъ изнеможеніи, панъ Въникъ не забыль о мгновенно-возникшемъ въ его умъ предпріятіи. Вскоръ за тъмъ, по распоряженію полковаго осаула, явились казаки на караулы, или какъ у нихъ говорилось, на стойку въ Липовыя Пущи. Странное выбрано было ивсто для стоянія пикетами: липовый льсь, въ который проникали только женщины изъ сосъднихъ хуторовъ за грибами. Но козакамъ было все равно: гдъ стоять, то стоять. Они отвыкли уже брать отчеть съ старшинъ на громадскихъ въчахъ, какъ было встарину. Они забыли уже, какъ нёкогда ихъ дёды и прадёды вооружались на пановъ за то, что вольныхъ казаковъ употребляли на работы въ своихъ дворахъ, витсто военной службы. ны, вышедшіе изъ среды, нагнули ихъ шен подъ ярмо свое гораздо успъщиве тъхъ старыхъ пановъ, которые происходили отъ варяжскихъ князей и древнихъ полководцевъ княжнецкихъ.

Сипренно работали козаки на полковниковъ, какъ на законныхъ своихъ владъльцевъ, и потому никому не показалось необычайнымъ

⁽¹⁾ Господскій домъ.

отданное полновымъ всаудамъ приказаніе, чтобы стойчики явидись на стойку не съ мушкетами и списами (1), а съ топорами, пилами и долотами. Закипъла работа и скоро все вокругъ измънилось въ Липовыхъ Пущахъ. Отъ стука и говора рабочихъ разлетълись иволги и горлицы; стройныя козы увели въ болотистыя низины и трущобы свое робкое поколъніе; а полковничій домъ со всею обычною, по тогдашнему времени, обетановкою, воздвигся вакъ-бы какимъ чудомъ на очищенномъ просторъ, среди густаго

Въ самомъ дёлё, нёжинскій Панько возгорёлся новою завистью къ благоденствію своего непріятеля и подаль протесть въ генеральную канцелярію, что якобы таковый и оный Външке неправдою осяго сосёдствующее съ Липовыми Пущами и принадлежащее ему, нёжинскому полковнику, рыболовное мёсто. Дёло, разумёстся, затянулось, и челобитчикъ умеръ, оставивъ своимъ дётямъ въ наслёдство вражду къ поколёнію Вёниковъ и вёрное средство спустить съ рукъ, черезъ суды, нажитое предками имущество.

Въ самомъ дёлё, и гетманъ, запрошенный Вёникомъ на бенкетъ въ новую усадьбу, позавидовалъ, не хуже Панька, прекрасному мъстоположенію Липовыхъ Пущъ (какъ назывался и самый хуторъ), гдѣ, по его словамъ, заведя пасики, можно бы было получать чистый липецъ. Онъ удостоилъ даже молвить съ гетманскою небрежностью, что отдалъ бы за полковничій хуторъ свою нѣмецкую карету съ осмью длинногривыми лошадьми. Но полковникъ Вѣникъ не понялъ тонкаго намека и, имъя въ Петербургъ сильныхъ покровителей, спокойно продолжалъ удить рыбу въ широко-запруженной камышчатой рѣчкъ, да попивать съ пріятелями меды и наливки.

И умеръ полковникъ Вѣникъ въ свою очередь, и пошло его любимое помѣстье изъ рукъ въ руки, по наслѣдству, даже до нашихъ дней, и мало по малу не осталось въ немъ ни одной липы на корнѣ. Но домъ сплоченъ былъ, видно, очень усердно козаками. Въ немъ подалась только крѣпкая дубовая подвалина, осадивъ едва замѣтно одну стѣну и покосивъ немного шестиугольные рѣзные косяки въ окнахъ; но липа, не смотря на свою мягкость въ работѣ, нигдѣ не далась шашелю и устояла противъ дождей, зноя

⁽¹⁾ Ружьями и копьями,

и вътровъ. Правда, снаружи домъ всегда былъ вымазываемъ такъ насываемою зъньновскою глиною (¹) и, если бы не ръзьба на угластыхъ дубовыхъ косякахъ оконъ и дверей, то казался бы камениямъ. Внутри же его нагръвали большія старосвътскія печи изъ зеленыхъ выпуклыхъ вэразцовъ, а въчная бъготня слугъ, топотъ, геверъ, итніе гостей и дътскій прикъ и гамъ, не давали завестись въ липовыхъ стънахъ разрушительнымъ шашелямъ, которые работнютъ всего дъятельнъе въ тишинъ и неподвижности, покинутыхъ, людьии строеній, и разрушаютъ дома, въ которыхъ долго еще погли бы жить люди.

ГЛАВА І.

Слобода, осаженная полковникомъ Въникомъ, прилегала въ ръчкъ, на которой онъ запрудилъ прудъ и построилъ мельницу. Заселеніе совершилось по вазыву, обычному въ то время. На ярмаркахъ на храмовыхъ праздникахъ, на многолюдныхъ свадьбахъ и вездъ, гдъ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на слободу. Для того, чтобъ обратить на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвъта съ золотыми галунами поперегъ груди, на подобіє петель, и съ такими же усами на перехвать, въ видь двухъ крестовъ. Въ рукахъ держали они высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная короговка (2). Всякъ, съ перваго взгляда, признаваль въ нихъ окличниковъ и прислушивался въ ихъ вликамъ. Въ болбе отдаленную старину такъ наряжались есаулы охочекомонныхъ полковъ; проважая по селамъ съ хоругвями, они вызывали охотниковъ или охочих козаковъ, въ походъ на невърныхъ, а иногда, среди ярмарки, взгромоздивъ одинъ возъ на другой, выставляли они на этомъ подножіи полковое знамя, и, собравъ вокругъ себя народъ, читали съ этого возвышенія полковничье воз-

⁽¹⁾ До-сихъ-поръ, въ Завьковскомъ увадъ, Полтавской губерийи, сохранилось искусство штукатурить дома съ особенною прочностью. Помъщини сосъднихъ увадовъ панимаютъ Завьковскихъ женщинъ для штукатурии свеихъ домовъ. Завьковская глина составляется ими на мъстъ.

⁽²⁾ Небольшая хоругвь.

званіе. Во времена Візника, охочекомонные полки не собирались болте въ окрестныхъ городахъ и селахъ; выдвинулись далеко въ степи за ръку Орель подтавскія поселенія и заслонили собою внутренніе малороссійскіе повіты отъ вторженія Татаръ. Національный обычай взывать къ народу посредствомъ есауловъ усвоенъ быль осадчими ихъ окличникамъ, и, по старой памяти, окличники станоновили на ярмаркахъ телъгу на телъгу, а среди свадебнаго разгуда или храмоваго праздника, взбирались на крышу ближайшей къ народу хаты, выставляли свою короговку и кричали: «на слободу! на слободу, добрые люди! У нашего пана богатъютъ селяне днями, а не годами, ходять въ саетахъ (1), турецкими килимами (2) столы застилають, сребромъ коней кують, сами золотыми подковами въ танцахъ побрякиваютъ»! Чъмъ больше преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тъмъ больше слушатели развъшивали уши, хотя, разумъется, знали, что это только игра словъ. Но любитъ народъ краснобайство про золотыя горы и, терпя нужду, воспъваетъ въ своихъ пъсняхъ то, чего не имъетъ. Поэтому, окличникъ, безъ зазрѣнія совѣсти, увѣрялъ, что на лугахъ у его пана ростетъ трава въ человъческій ростъ, что рыба въ прудахъ и озерахъ сама лъзетъ въ невода, что пшеница остается на поляхъ не сжатая, а житняго борошна (3) никто въ глаза не видаль. Все это выслушивалось со смъхомъ, но безъ опроверженій.

- А сколько лътъ льготы отъ чиншу (оброка)? спрашивали главы семействъ.
- Столько, отвъчалъ окличникъ, сколько минуло его старшему сыну, — а минуло ему семь лътъ.
- Поздоровь ёго, Боже, говорили поселяне. Семь лѣтъ— слобода хорошая; за такую слободу не жаль принести добрый ралець осадчему.

Ральцемъ называлась добровольная дань отъ рала (4), приносимая поселянами землевладъльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая и уменьшаемая.

⁽¹⁾ Саетою называлось тонкое англійское сукно.

⁽³⁾ Коврами.

⁽⁸⁾ Mykm.

⁽⁴⁾ Главная часть плуга.

Узнавъ въ чемъ дъло, и гдъ слобода осаживается, и накія вемли, и какія будуть пастбища и водопои, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своемъ сосъдствъ и вскоръ начинали появмяться на пустынной почев, сперва — курени, а потомъ — хаты и хутора. Первые, явившіеся на мъсто, выбирали для себя лучшіе горбы (1) для хаты и двора, лучшія вызины для пастовниковь ни левадь (2) и огородовъ; а потомъ ужъ отводили грунта новынь поселянамь громадскіе мужи, наблюдавшіе, чтобы нивему не было обидно въ займъ низменныхъ приръчныхъ мъстъ и чтобы чей нибудь дворъ не быль отръвань новымь дворомь отъ сообщенія съ водою. Эти громадскіе мужи, выбиравшіеся изъ стариковъ въ большемъ или меньинемъ числъ, смотря по величинъ села, были полными въдателями всъхъ интересовъ между осадчимь и поселянами, ограничивая произволь одного и внушая другимь, что они должны и чего не должны исполнять по его требованию. Они же собирали подати въ казну и владельцу за пользование землею. Икъ власть была велика, потому что они олицетворяли собою образъ ныслей и волю всего своего сословія и нала только со введенія въ Малороссію крепацтва, когда произволу пом'єщика открылось безграничное поприще. Самое ими громадскихъ мужей позабыто съ обычаемъ, и только въ старинныхъ актахъ любитель старины встрвчаетъ следы ихъ существованія, дивясь, какъ это гражданственность спелала въ Малороссіи несколько шаговъ назать со времени введенія, при Екатерин'в Второй, новой системы управленія!...

«Но мы исторіи не пишемъ», — наше діло — вести повість о томъ времени, когда Липовыя Пущи пана Візника дійствительно были еще Липовыми Пущами, о томъ времени, когда васеленная имъ слобода, сдвинувшись тісніе своими хуторами отъ прибавки новыхъ хатъ и дворовъ, образовала наконецъ село.

Былъ уже очень старъ полковникъ Въникъ; уже давно полковничья булава висъла въ свътлицъ полковаго судъи, который, являсь съ нею передъ козаковъ и въ полковой судъ, заступалъ собой полковника и принималъ всъ почести, слъдующія полковничь-

Digitized by Google

⁽¹⁾ Жату стараются становить на возвышении, на горбъ.

^(*) За огородомъ у малороссіянъ отділлется особое огороженное місто, пастовникъ или левада, для пастьбы телять или нужной всякую минуту скотины. Левады обыкновенно окружены, или усіяны, купами деревъ, которыя сажаєть сама природа.

ему аванию. Не разъ носимись слуги, что будуть выборы полковые, по случаю дрихлости пана Въника, и что козаки вольными голосами выберуть себъ полковника по-моложе — изъ полковыхъ -старшинь; но всв такіе слухи оканчивались толками. Нанъ Въникъ, не смотря на то, что уже пъсколько явть не выходижь изъ своей насили, гиб у него была особая, удаленная отъ всякаго шума, катна, - не смотря на то, что отпустыть себъ съдую бороду и похожъ быль больше на пустынника, чемъ на начальника общирнаго округа козацияхь поселеній, называвшихся вообще полкомь, — удерживать за собою столь рейментарскій (1), и не къ полковому судь являнсь на стойку козаки съ косами въ косовицу, съ сернами въ жинва и съ топорами для хуторскихъ построекъ, а всетаки, по прежнему, къ пану Вънику, въ которое имъніе онъ навиачить. Судья пользовался только ненужными пану полковнику рабочими, наравив съ сотниками, которые, не ившая полковнику въ его повелёніяхъ, довольно имёли всегда молотниковъ, косарей, жнецовъ, плотниковъ и разныхъ мастеровыхъ изъ вольнаго козачьяго сосновія, если мало оказывалось рабочихь рукъ, назначенныхъ для подсосбдиовъ, пользовавшихся ихъ землями. Дряхлый пасичникъ, удаливнійся отъ міра, ворочаль всёмь полкомь по своему произ-BONY, XOTA JABHO YME HE XOMENTO CT ROSARAME BT HOXOGEN M HE BOдиль ихъ, какъ другіе, на работу северныхъ каналовъ и южныхъ вржностей, или, такъ называвшейся, линіи. Секретъ непоколебимости его власти состояль не въ преданности въ нему козаковъ: коваки давно уже незнали ни одного нопулярнаго имени между старпинами, такъ какъ выборъ только считался вольнымъ, а въ сущности зависваъ отъ генеральныхъ старшинъ и гетиана; и всё полмовые стариины, всё сотники и сотенное начальство были для нихъ уже не батьками, возвышенными на степень власти общею ощенкою ума и мужества, а помещиками, которыхъ власть, какимито скрытыми отъ гражданъ путями, переходила отъ отца къ сыну до самого паденія грішной Гетманщины. Секреть могущества престарваято полновника ваключался въ благоразумномъ его распредъленін, кому сколько возовъ гостинцевъ, укрытыхъ кожами, отправить ежегодно въ столицу, и какіе посылать подарки гетману и генеральнымъ старшинамъ къ новому году, въ день имя-

⁽⁴⁾ Т. е. полковищчество.

нанть и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Мудрое правило: женен и женты давай другимъ, соблюдалось полковникомъ Вънн-комъ до конца дней его, и перешла его полковничья власть къ сыну, котораго избрали въ полковники полчане единодушно по слованъ форменнаго акта, но который явился за получениемъ булавы изъ Петербурга—въ башмакахъ, въ нъмецкихъ коротенькихъ штанахъ, или, по козацкому наименованию, галамияхъ, и въ парикъ, обсыпанномъ, какъ говорили земляки, борошномъ. Но не о томъ ръчь.

Въ одинъ прекрасный явтній вечеръ, —не помию, въ которомъ ниенно году, — на полковничій дворь въбхаль крытый, такъ-называемый, -- кованный возъ. Въ такихъ возахъ ковацкіе старшины совершали свои походы, наполнивъ ихъ одеждою, войлоками для палатокъ, запаснымъ оружіемъ, а, всего больше, саломъ, пшеномъ, солью и бочонками съ подкръпительною оковитою (1). Кованными назывались эти возы потому, что нокрыты были множествомъ жеатеныхъ бляхъ и скобокъ для предохраненія отъ пуль не только боченковъ, но и самихъ старшинъ, которые, изнемогши отъ движенія, а, пожалуй, и отъ подкрапительной оковиты, забивались между войлоковъ и спали въ своихъ возахъ безопасно, какъ въ кръпостяхъ. Извёстно, что козаки, застигнутые непріятелемъ на походъ дълали четвероугольникъ изъ возовъ, соединяя ихъ одинъ съ другимъ ,посредствомъ нъпей, и отбивались, изъ такой иръпости до тъхъ поръ, пока събдали всю свою провизію. Въ-старину, возы служеми убъжищемъ только для раненныхъ. Здоровый старшина, спрятавшись въ кованный возъ, вышель бы оттуда на козацкихъ списажь. Но съ того времени, какъ старшины начали падать, на голову товариства, изъ паничей, трусость ихъ не обращала на себя вниманія, и козаки въ бою управлялись не распорядительностью вождя, а тъмъ инстинктомъ самосохраненія, который заставласть табунь дикихъ лошадей строиться въ грозную толпу противъ напаненія стан голодныхъ волковъ. Тогда-то устройство кованныхъ возовъ доведено было до последняго совершенства, и човень, то-есть кузовъ такого воза, составленный изъ воловыхъ шкуръ и листоваго желева, быль действительно несокрушимою твердынею.

⁽¹⁾ Такъ называлась водка высшаго сорта,

И вотъ, этакой-то кованный возъ, съ высокою будкою сверку, съ толстыми бушованными (1) колесами, запряженный не лошадьми, а пюжими волами, въъбхаль на полковничій дворъ и остановился противъ выступившаго далеко впередъ рундука, освненнаго очеретянною крышею вивств съ поддашьемь (2), которую поддерживали, вибсто каріатидь, толстые, плоскіе столбы, выразанные прасивыми зигзагами. Вийстй съ кованнымъ возомъ, връйхало на дворъ и двое верховыхъ козаковъ, похожихъ другъ на друга лицомъ до-того, что это каждому тотчасъ бросалось въ глаза, и невольно у каждаго рождался вопросъ: не родные ли они братья? Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ уже въ летахъ, тогда-какъ другой принадлежаль болье къ молодикамъ, или юношамъ, чемъ къ мужамъ (3). Солице стояло уже на закатъ. Въ красномъ его свътъ засіяли, какъ на картинъ, двъ конныя фигуры, проъзжая мимо бълыхъ стънъ полковничьяго дома и украшенныхъ ръзьбою оконъ, сверкавшихъ круглыми стеклами. Младшій козакъ остался неподвижно на конъ; старшій соскочиль на землю и помогь выйти, изъ крытаго кованнаго воза, старику воинственной наружности, но съ длинной съдой бородой, которую отпускали наши дъды, сознавъ однажды навсегда свою дряхлость.

Все это рисую по преданію, не примъшивая вымысла, и потому не могу прибавить ни одной черты въ дополненіе простой,
такъ-сказать, лапаной живописи старыхъ обычаевъ, которая сохранилась въ моемъ воображеніи, — живописи, въ родѣ картинъ, писанныхъ нашими неучеными малярами по воспоминанію о видѣнномъ, но не глядя на натуру. Все въ нихъ крупно, рѣзко, ярко и
мъстами уродливо, по тѣмъ не менѣе переноситъ воображеніе въ
прошедшее и заставляетъ всматриваться въ подробности изображеній. Такъ и словесное преданіе рисуетъ намъ старину ляпаною
живописью и многаго не досказываетъ, но рождаетъ въ умѣ живые
образы, которые для насъ дороже наблюдаемой собственными глаза-

⁽¹⁾ Окованными жельзомъ.

⁽³⁾ Поддашьемъ называлась собственно часть брусьевъ съ карнизами, находившаяся подъ врышею (отъ старинпаго, вышедшаго изъ употребленія, слова — дажа); но поддашьемъ называють обыкновенно лѣтнюю коммату не имѣющую четвертой стѣны. Это — родъ углубленнаго въ домъ навѣса.

⁽³⁾ Молодиками назывались вообще неженатые; но въ то время неженатыми и были только молодики.

ин действительности. Я, по-прайней-мёрё, вижу, карь на яву, этого высоваго, сгорбеннаго автами, моршинистаго и закаленнаго жизнью на долгіе годы старика, который выльваь крехтя изъ кованнаго походнаго воза и, опираясь на длинный келепь (1), взошель тяжелыми ногами на дубовые ступеньки полковинчьяго рундука. Остановись подъ навъсомъ, спускавнимся изъ подъ очеретянной стрбки китро-выржанными, въ липовыхъ брусьяхъ, кривульнивами, онъ оборотнися лицомъ въ ввору. Заходящее солнце обдало его своимъ вйчно пайнительнымъ свётомъ, вырисовывая въ тоже время сверху, напъ нимъ и по сторонамъ, зигзаги своехарактерной малороссійской різьбы на архитраві и столбахъ рундука. Углубленіе навъса все ушло въ синеватую, холодную тэнь, изръжа разорванную яркой волотистой полоской или уворнымъ кускомъ пробившагося свъта. Старикъ показанся точно въ сіяющей рамъ, сіня весь на темномъ полупроврачномъ фонт, съ своеми съдинами, озодоченными солнцемъ, въ козацкой, перегнутой на половив, шапкъ, въ длинномъ кобенякъ, въ большихъ сапогахъ изъ выношеннаго краснаго сафыяна и съ келепомъ, на который онъ положиль объ жилистыя, изморщенныя руки, нагнувшись внередъ надъ этой опорой. Волосы его, по причинъ старости, не были подстрижены и вилетались жидкими, сквовящими кудрями въ бороду, по которой замътными издали сърыми струями спускались два длинные уса.

Всё люди, которымъ на ту пору случилось быть на полковничьемъ дворё, — отъ сторожеваго козака, сидёвшаго съ мушкетомъ у камяницы (2) съ запаснымъ добромъ пана полковника, до ключника, убиравшаго съ очередными стойчиками просушенную пиненицу въ амбары, — обратили вниманіе на старика, пріёхавшаго такниъ необычайнымъ образомъ и остановившагося подъ нав'єсомъ, на солни в.

Постояль онь съминуту, не болье, какъ-бы для того тольно, чтобы обвести главани весь дворъ, съ окружавними его хатами, съ приземистою камяницею, въ которой видно было всего только двое маленькихъ ръшетчатыхъ оконъ по одну сторону двора, и съ деревянными, затъйливо-украшенными ръзной галлерейкой, амбара-

⁽¹⁾ Палка съ насаженнымъ на нее молоткомъ въ виде топорика.

⁽³⁾ Для безопасности отъ пожара, въ старину стромлись небольшія кладовыя каняницы изъ кирпича, съ желізными дверями и ставнями. Въ нихъ сберегалось все, чиб было подороже изъ одежды, оружін и домашней утвари.

ми но другую. Стоя нъ нему блиме, можно было замътить, то движению нависшихъ на глаза бълыхъ бровей и легкому начанию головы, что все ему было по вкусу.

Дворъ быль просторенъ, не засоренъ соломой или щенками, не варосъ репейникомъ, беленою или инымъ бурьяномъ, выроставощимъ на сибтникахъ и въ другихъ нечистыхъ ибстахъ. Какъ ковроиъ, устиала его ровная мурава, нерекрещенная въ разныхъ направнепіяхъ тропинками отъ безпрестанной ходии рабочаго народа. Одна часть этой велени ушла въ холодную тень отъ хатъ, амбаровъ, голубятин, садовыхъ деревъ, и все это вырисовало на ней свои верхушки удлиненными чертами; другая сіяла червоннымъ золотомъ, ноторое, изливаясь теплымъ потокомъ отъ запада, обдало всю линевую сторону узорчатаго будинка, захватило одинъ бокъ камянины, вырисовавь все множество карнизовь и зубчиковь, окружавшихъ ел низенькую дверь и маленькія окна, прошло по садовому, выгнутому изъ беревовыхъ налокъ, частоколу, превращая его въ легкую, сквовящую на зелени драгоцинную ришетку; потомъ поднядось по деревьянь, перегнувшимся изъ-за частокола на дворъ. въ ближайшемъ огородь загорьянсь огнемъ дени, и всяная мелочь на земль, въ саду или на строеніяхъ, засінда отъ прощальнаго взгляда солнца на новидаемую имъ природу, такъ-что даже высокіе дымари, поднимавшіеся деревяными банивии изъ съней будинка и съужившіеся постепенно по мъръ приближенія въ врышть, и тъ даже, не спотря на то, что вся наружная часть ихъ была покрыта сажею, залъпившею отчасти и вублатую разьбу на доскахъ, и тъ поволотились и вырисовались ярко-сіяющими островерхими башенками на потемнъвшей дазури восточнаго неба, а жестяные пътухи, вывезенные пану полковнику изъ нъмецкой земли въ видъ флюгеровъ, не смотря на то, что имъ больше всего доставалось коптиться въ дыму, поворачиваясь на право и на лево, теперь назались чисто волотыми. На востокъ свътился уже полукругъ луны, но закуренные дымомъ пътухи помрачали его своимъ блескомъ.

И въ такомъ-то сіяніи остановился передъ полковничьимъ домомъ кованный возъ съ дюжими волами, которыхъ крутые рога, костистые бедра, выгнутые мехнатые хребты и толстые, развалистые бока съ дыхательными углубленіями, выказались во всей красотъ своей,—съ лошадьми, убранными и навыюченными по ноходному и верховыми козаками, отъ которыхъ, при всядемъ двименіи, ходила рёзко рисовавшанся тёнь, ложась то поперегъ веза, то узкою, безконечною полосою по травё, то вёрнымъ силуэтомъ по бёлой стёнё дома, точно примёшавшіеся къ ёдущимъ верховымъ новые верховые козаки.

Но вотъ одна, другая минута — и чары заходящаго солнца исчезаютъ. Весь дворъ со всёми животными и людьми погрузился въ сумерки. Сёрая тёнь, точно накая-то стихія, залила сперва сіяющую мураву двора, потомъ поднялась выше, выше — по ступенямъ рундука, по рёзнымъ дубовымъ косякамъ оконъ, по прышё, и уже только дымари съ золотистыми своими петухами сіяли въ высотъ, затибвая вырёзавшійся явственнёе прежияго мёсяцъ. Кованный возъ, верховые козаки, старикъ, остановившійся нодъ навёсомъ — все это утонуло въ тёни.

Долго сіяетъ, но быстро гаснетъ, украинскій день. Южная короткая ночь спѣшитъ воспользоваться своими правами, чтобы дать
время соловьямъ напѣться, а молодежи наслушаться милыхъ рѣчей, которымъ нѣтъ мѣста днемъ и которыя приходятъ на языкъ
только въ тѣни вишневыхъ садовъ, да подъ развѣсистыми вербами, да на опустѣлыхъ берегахъ рѣчекъ и прудовъ, когда смолкнетъ шумъ человѣческихъ работъ и поднимутся миріады голосовъ
шяъ благоухающихъ травъ и деревьевъ, изъ прозрачныхъ бевднъ водянаго царства, и все сольется въ стройный хоръ, сладко волнующій молодыя, поэтическія чувства.

ГЛАВА II.

Но вто же этотъ старикъ, сопровождаемый двуми рослыми, статными, другъ на друга похожими, козавами? Подъёхалъ онъ прямо къ крыльцу полковничьяго дома, въ-знакъ своего равенства съ хозяиномъ, если не по сану, то по сословію и богатству: иначе онъ бы вышелъ изъ повозки у воротъ и пёшкомъ приблизился бы къ нанскимъ будинкамъ. Таковъ былъ обычай старосвётскаго общежитія въ Малороссіи. Не вошелъ онъ однакожъ прямо въ полковничью свётлицу. Сёлъ онъ на скамъъ, которая шла кругомъ всего рундука, оставляя только проходъ изъ двери въ дверь; подперся келеновъ, положивъ объ руки на чеганный серебренною насъчкою топорикъ и опустилъ тяжелую отъ старости голову, покрывъ съдою бородою объ свои морщинистыя руки. Шевельнуль онъ нависшею на глазъ бровью и поняль его старшій козакъ, помогшій ему выдти изъ кованнаго воза. Наклонивъ высокую черную щанку, онъ вошемъ въ съни и скоро появился опять, провожая на рундукъ старушку, которая вышла въ гостю въ домашней кофть изъ зеленой байки съ красными мушками и въ, такъ-называемой кибалкт на головъ, -- нъчто въ родъ клобука изъ темной, протканной золотомъ матерін. Сёдыя пряди волось, высунувшись изъ подъ шапочки, убирали точно кружевами ен бълое, панское, ласковое лицо, покрытое тонкими морщинами. Она поклонилась гостю съ уважениемъ къ его полу, которое въ то время оставалось преммущественно за мужчинами, и назвала его, привътствуя, паномъ хорунжимъ. Панъ хорунжій приподнялся съ своего м'єста и отв'ечая поклономъ на поклонъ и привътствіемъ на привътствіе съ медленностью, приличною его старости, которою онъ видимо гордился, назвалъ ее паніею сотничкою; потомъ обняль ее со всеми знаками подобающей учтивости и напечатабаь на ея мягкихъ щекахъ троекратный почтительный поцълуй.

Оказалось, что прівздъ его не былъ неожиданностью, что давно знали пана хорунжаго въ полковничьемъ домв, хотя много літъ его не видали. Оказалось также, что пани сотничка была сестра полковника Віника, исправлявшая должность ховяйки дома со времени смерти полковницы.

Зналъ престаръдый гость очень хорошо, что панъ полковникъ давно уже остается безвыходно въ своей пасикъ, полюбивъ уединеніе, по обычаю всъхъ старинныхъ людей, но не спъшилъ къ нему, а вошелъ въ свътлицу, держась за руку, которую подала ему пани сотничка въ знакъ гостепріимства.

Посадила она гостя на почетномъ мъстъ, въ концъ стола, который стоялъ подъ образами, покрытый старымъ ковромъ, а на ковръ—большой хлъбъ и дробокъ соли, въ знаменование, что живутъ здъсь люди гостепримные.

Не прежде нежели сълъ панъ хорунжій на скамью съ высокою спинкою, зявъшенною косматымъ ковромъ, онъ поднялъ голову къ образамъ. А образа были все большихъ размъровъ, кіевской живописи, и шли въ два ряда отъ главнаго угла, въ которомъ

стоять Богъ Отецъ съ скипетромъ и державою въ рукахъ, въ треугольномъ сілнін на головъ и съ Святымъ Духомъ на груди, отъ котораго лучи проинкали въ извивы его бороды и развивались по облакамъ внизу нконы. Большая серебряная лампада, какъ церковное наимеждило, озаряла яркія краски живописи, и, мѣшая свой свѣтъ съ полусвѣтомъ нетухающаго дня, проливала желтыя лучи пе выступамъ рѣзной обдѣлки оконъ, по завиткамъ и углубленнымъ буввамъ на сволокѣ, по блестящимъ зеленымъ израздамъ большой печи, по многосложнымъ ся карнизамъ и колонкамъ и по теченымъ стульямъ съ высокими спинками, обитымъ желтымъ, небиѣднѣвишить отъ времени, сасыяномъ.

Остановнися сёдой гость противъ образовъ и помолясь съ низкимъ старческимъ поклономъ, вынулъ изъ-за пазухи небольшой хлёбъ, завернутый въ бёлый платонъ съ красными мережками, развернулъ его дрожащими етъ старости руками и подалъ хозяйке въ руки.

Хозяйка приняма съ уваженіемъ этотъ залогь дружескаго общенія сосъдей, ноцівловала и положима на столъ.

Что дълаетъ теперь простой народъ, то дълали въ то время всъ, сохранивине редные обычан общежитія, дълали до тъхъ поръ, пока молодое покольніе, образовавшись въ чужихъ національностяхъ и возвратись домой въ нарикахъ и чулочкахъ, предало осиълнію живнь предковъ, назвавъ её мужичествомъ, не введя на то мъсто ничего, соотвътствующаго гражданскому и бытовому развитію своего племени вообще и своего сословія въ-особенности.

Оказалось (продолжаю свой расскавъ), что два козака, прібхавшіє съ стариковъ, были два его смна. Отаршій изъ нихъ, у котораго на усахъ проступила уже съдина, — спутница охлажденія правощей крови, — остался вибсть съ отномъ въ свътлиць, но сълъ поотдаль, на конць почетной скамьи.

Ховийка занила місто по другую сторону прислоненнаго въ утлу стола, и двое старыхъ людей, сложивъ руки на столі, почти
симистрически другь противъ друга, въ самомъ покойномъ для нихъ
коложеніи, вовели тихую бесёду о прошломъ, взаимно имъ неизв'єстиомъ, что совершилось въ длинный промежутовъ между ихъ последнею и настоящею встрічею. А день-между, тімъ, совстиъ
потухъ, и уже только свётъ лампады, падая сверху, обрисовывалъ
ихъ выступавшія изъ мрака черты, ихъ сёдным и старыя, утомаенныя долгою жизнью, руки.

Смушатель ихъ не вившивался въ разговоръ, хотя не сводилъ еъ нихъ глазъ, скрестивши на груди руки и потупивъ слегка голову. Онъ могъ говорить только въ такомъ случав, когда бы старики сами къ нему обратились.

- Сколько это лёть мы не видались, паниматко?—сказаль гость, величая старушку, изъ учтивости, материнскимъ именемъ, хотя самъ быль вдвое старве. Она отвъчала ему съ той же учтивостью, дёлая должный почеть его преклоннымъ лётамъ:
- А будеть больше двадцати, панотченьку!... Какъ-же! Еще мой покойный панъ Игнать не ходиль тогда въ канальский походъ. (Канальскими называли козаки извёстные свои походы для рыттія каналовъ).
- Охъ, походы, походы—!сказалъ старикъ нахиурясь, и попрутилъ одинъ усъ такъ, что онъ изъ косы принялъ форму серва. Но ръчи старикъ не докончилъ, и выразилъ свою мысль только сердитымъ качаньемъ головы.
- Да, —продолжала пани сотничка: погиоть и мой панъ Игнатъ, какъ садовый цвътъ на моровъ!
- Что ты говоришь, паниматко! А я слышаль.... инт ктото говориль, что панъ Игнать умерь дома! Другихъ миого тамъ сгимо и перегибло, а онъ—говорими инт.—воротился!
- Воротились только его кости, панотченьку! а тело и здоровье оставиль тамь. Одне измученныя кости воротились, чтобы отдохнуть на цвинтаре (¹) оть канальской работы. Перенесь, Боже избавь, сколько нужды перенесь на чужей чужбине и привезы домой только дыханіе вы тёлё. Посмотрёль на меня.... а глава впалые.... Боже, какіе глаза! благословиль дочку и погась, какъ на снёгу искра. Встрётила я его у вороть съ немовляткомъ (²) на рукахь: везуть моего пана наровицею (³), какъ мертваго! Выбажаль вы походы на бодромы конё.... пятьдесять золотыхы заплатиль вы Коронё.... и двое добрыхы коней вы торокахы шло, а воротился на чужомы возу, раскинулся на возу, лицомы вы небу, какъ мертвый! Каково же было мнё его встрётить! И кони, и риштунки, и кованные возы, и саетовые жупаны, и самопалы и

^{(&#}x27;) На кладбищъ.

^(*) Не говорящимъ ребениомъ.

⁽³⁾ Парою воловъ.

- сабли—все прохарчили козаки на той напальской работ (1)! Коршким ихъ танъ не казною, а зневагою (2); богатели ихъ потомъ и кревью, и кто не сжилъ, таскаючись по болотанъ, то нащинъ демой воротился.... Увидълъ дочку и заплакалъ: «какая судьба твоя будетъ, что уже нътъ ни одного вольного козака на Украинъ!...»
- Годи, годи, паниматко! годи, моя голубка!—прерваль се старикъ хорунжій: ты безъ ножа ръжещь мое сердце. Неужели ты не знасть, гдъ у меня всего больше болить? Скажи лучше, хорошо ли тебъ у брата и почему не осталась ты на редномъ пепелицъ?
- Канъ же мив было тамъ оставаться? Пока нокойный панъ Мванъ былъ живъ, на дворъ приходили очередные козаки, хозяйство шло по-людски; а канъ его не стало, то и подсосъдки перестали слушаться. Я одна съ маленькой дочкой, а кругомъ—гайдания рыскаютъ.... До васъ, панотченьку, дошелъ слухъ, что они скълали въ Миргородскихъ хуторкахъ?
 - Такъ то-жъ не гайдамани, голубно, а настоящіе Запорожщы.
- Ниногда этому не повърю! сказала съ живостью старушка. Мой отецъ быль запорожень; я знаю, каковы Запорожны! Запорожны боятся Бога, а эти изверги и Бога не боятся, и людей не стыдятся. Перерядились Татарами и заняли въ плёнъ людей на предажу (3). Расов это запорожское дёло?
- Эхъ, наиматко! не во гибвъ тебъ, женскимъ ровумомъ ты о военномъ народъ судишь. Твой отещъ быль изъ старыхъ Дорошенковскихъ запорожцевъ. Развъ я не знаю твоего отца? Я знаю его лучше твоего. Онъ остался у насъ, между полчанами, въ то время, какъ Игнатъ Галазанъ, радъючи царю Петру, ношелъ разорятъ Съчь.... Тебя тогда и на свътъ еще не было, а мы съ твоимъ отцемъ были молодиками. Онъ съ нами гулялъ у Лизогуба, да приглянулась ему Лизогубова дочка, твоя паниматка, такъ онъ и остался между Гетмянцами, и чуприну свою запорожскую подръ-

⁽¹⁾ Въ просъбъ гетмана Апостола нъ графу Головинну: «Козани, за дальними и трудными воходами, оружія своего лишилися». Митеріялы для отвечественной исторіи, изданные г. Судіёнкомъ, т. І, стр. 57.

⁽³⁾ Знесага—пренебреженіе, выражаємое оскорбительными поступкаци.

^(*) Въ 1736 году. Занорожны вивств съ Татарани, двиствительно закватили въ вибиъ 700 душъ, сдълании набъгъ на хутора миргородскаго волка (Архивъ Н. А. Маркевича, № 579).

залъ и, распинующи по головъ, женился послъ Шведчини. Тапъ понимаещь ты разницу? Запорожим хоть и воротились отъ Туриа, какъ умеръ царь Петръ, да ме съ добрымъ духомъ противъ нешето брата. И въ самомъ дълъ, весело развъ имъ смотръть на нановъ, которымъ роздалъ наръ войсковыя земли безъ мъры, раболовни и мельницы безъ счету, за то, что ихъ поколотили и къ Туркамъ прогнали (1)?

- Да чёнъ же народъ бъдный виновать?—сказала цанисотничка.
- Это, паниматио, старая пъсня, что могда паны дерутся, то у мужиковъ чуприны трещатъ. Вотъ и мы всъ: за кого терминъ? За Мазену. Мы не шобили этого польскаго блюдолиза, а намъ посадми его на шею гетманомъ, и самъ же царь Петръ мосился съ нимъ, какъ съ писанною торбою, и личманъ ему на шею съ свонить образомъ повъсилъ, и голубою лентою его, какъ дружка на свадьбъ, перевязалъ, а послъ съ нимъ задрался, а на насъ серине согналъ. Мы первые подорвали Шведа, не давши ему ступитъ пингу спокойно, нереморивши его холедомъ и голодомъ; мы своею кровью облили иолтавское поле; безъ насъ не совледали бъ съ нимъ ни Шереметы, ни Меньщики; а насъ дължетъ пріятелями Маземы. За кого мы гніємъ и гибжемъ ръ канальскихъ ноходахъ? все за Мазену. Охъ, походы, походы! долго васъ не забудетъ Украина!

И старикъ застоналъ и ионикъ головой, такъ, что борода покрыма его сложенныя на столъ руки. Долго онъ оставался въ раздумьи: потомъ посмотрълъ на свою собеседницу и предолжалъ смонойно:

- Такъ тебъ, наиматко, не помилось на вдовьемъ дворъ? А славный дворъ былъ, и будинокъ не хуже полковничьято. И цер-ковь славную твой покойный мужъ выстремиъ: надъ саминъ прудомъ, на пригоръ. Я былъ на освящени. Недъъзжаю: на геръ церковь и въ водъ церковь, на геръ народъ и въ водъ народъ, и сами и хаты, какъ въ зеркалъ. Въдь отсюда бливко. Братъ могъ. бы тебя и отъ гайдамакъ оборонить, и очередныхъ козаковъ «отъ своего боку» посылать.
 - Оно-то и такъ, панотченьку, отвъчала старушка, а вышло

⁽¹⁾ Универсаль гетиана Скоропадскаго: «Понеже мастности, належные на чами енеральных» особь, по эмбив Мавениной одойшли въ разныя владъийя и утверидены жалованными монаршини гранотами», и пр. (Матеріалынал. г. Судісикомъ, т. I, стр. 85),

имаче. Братъ разослалъ сыновей по московскимъ столицамъ: теперь уже такъ повелось, чтобъ дъти дома не росли; теперь только и защиты нашимъ козацкимъ дътямъ, что подъ парикомъ да подъ намециимъ кастаномъ. Дружатся и роднятся съ московскими панами, и только черезъ нихъ выходятъ въ панство: вотъ наши выборы вольными голосами! Только старые паны держатся еще на своихъ мъстахъ по выборамъ, а новые полновники всъ изъ столинъ посылаются.

— Да и то—какіе выборы, паниматко!—спазаль хорунжій. Гетманская ласка, шашин—Генеральной Канцеляріи. Мы выборовь не
знаемь съ того времени, какъ Мазепа купиль себъ будаву у князя
Голицына за войсковыя деньги! Воть у меня два сына: перебывали
и въ Туреччинъ, и въ Польшъ и въ Пруссіи, заглядывали бинзко
иъ глаза непріятелю, довольно и добычи домой вывезли: могли бы
намется старшиновать надъ козаками. Нътъ, купи сотничество, поклонись этимъ фертикамъ, что набились въ гетманскую канцелярію,
этому плюгавому бунчуковому и войсковому товариству, которое
только и знаетъ буянить по всему краю, подъ гетманскою протекцією (1). Такъ не куплю же! чорта получите! Будетъ съ васъ и
промекціонного листа, которымъ вы, какъ тютюномъ, торгуете (2);

Digitized by Google

⁽⁴⁾ Это быль родь охравной грамоты, которую высшіе малороссійскіе сановники понупали у петербургення савовниковь, а люди незватные—у Генеральной Кавцеляріи. Такь, жена гетмава Скоропадскаго, присвоивь себь, по
смерти мужа, войсковую собственность, объявила, что она въ Малороссіи пе
судима, понеже импеть грамоту протекціонную. Такъ гетманъ Апостоль,
по просьбв евископа Буживскаго, выдаль свойственнику его, Михаилу Петрову, роменскому жителю, универсаль, «пріймучи его въ протекцію гетманскую, дабы полковникь, старшина полковая, особливо сотникъ роменскій съ
урядовъ тамошвимь, его до жадныхъ повинностей сотенныхъ не потягали».
(Матеріалы, язд. г. Судіенкомъ, т. І, стр. 16).

^(*) Записка Теплова: «...чины буччуновых» товарищей и войсковых» канпеларистовъ великую салвогвардію мийють; они, гдв бы кому въ отдаленім
какую обиду ни сділали и въ какомъ бы полку то ни было, полковая канпелярія до нихъ діла не имість, а искать суда на нихъ надобно въ войсковой канцелярім и у гетмава. И такъ бідной нозакъ всегда ими обиженъ и за
отдаленіемъ рідко управкі ищеть... При гетмань Скоропадскомъ, бунчуковыхъ
товарищей и войсковыхъ во всей Малороссіи шестидесяти человікъ не было,
и тіз были самыхъ знатнійшихъ отповъ діти, которыхъ гетманъ въ товарищи
подъ свой бунчукъ принималь: но, въ междугетманство, больше авухъ сотъ
ихъ прибыло, и изъ подліжть людей, которые телько сей чинъ за деньги получать могли, ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія надобна, что
они нигарь, кромъ гетмана, не судимы» (Записки о Юженой Руси, т. ІІ,
стр. 191).

а сотничество — дъло громадское. Не у всякаго глаза, какъ у васъ, безстыдны: покупной сотникъ хиба въ собаки очей позичить, явившись передъ товариство! Да и что за счастье? Только на каналы да на линію козаковъ водить! Рейментарское дъло, нечего сказать—погонять людей наземляной работъ! Съ протекціоннымъ листомъ по крайней мъръ дома будешь сидъть... да и то не даютъ, окаянные!... Охъ, времена! времена! ужъ не конецъ ли свъту приходитъ!

Это было время последняго разложенія такъ-называемой Гетманшины, то есть старыхъ гражданскихъ формъ, въ которыхъ существовала Малороссія, какъ отдёльная, самоуправляемая, область. Съ паденіемъ Мазепы, началось быстрое уничтоженіе стараго порядка вещей извив и казалось полное безсиліе поддержать его извнутри. Не смотря на то, что весь народъ и все войско, за исключеніемъ немногихъ тысячъ отважныхъ людей, вооружились противъ Шведовъ, не смотря на то, что общая ненависть къ Мавенъ, усиленная еще больше извъстною анаоемою, обезсилила враговъ царя Петра задолго до полтавской битвы и что козащие полни больше всего остальнаго войска пролили крови подъ Полтавою, нашъ край быль какъ бы завоеваннымъ. Отважное предпріятіе Мазены открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія, созданной въ умі и принятой очень близко къ сердцу, имперіи, слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, съ свойственной одному ему геніальностью, создаль планъ постепеннаго разрушенія Гетманщины. Мы не жалбемъ о ней, какъ объ уничтожени корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вийсти съ выбраннымъ отъ царя гетманомъ, делили между собой войсковое имущество, не заботясь о благъ народа, - которые окружали себя родственниками, подъ названіемъ генеральной канцеляріи и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые -- роздали своимъ пріятелямъ и распродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковничьи и сотничьи мъста почти съ исограниченною властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалъть о паденіи Гетманщины. Это было дерево, подгнившее въ корнъ и не приносившее никакихъ плодовъ. Еслибъ не повалило его петербургское правительство, оно само рухнуло бы в сгилло, оставленное бевъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ

обстоятельствахъ, которыми сопровожналось выполнение предначертанія великаго разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетманской будавъ и оставшихся, послъ привержениевъ Мазецы, земель противность коренному малороссійскому Beankodocciahamb, ВЪ праву и притомъ со введеніемъ неслыханнаго въ Малороссім закрвнощенія свободныхъ поселянь, повлекла къ безчисленнымъ притесненіямъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новыхъ владъльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посылавшихъ въ Мавороссію своихъ управителей и старость, нѣмцевь и великороссіянь, вать въ землю завоеванную. Въ летописи Конисского, вернаго историка своей современности, занятие и управление новопожалованныхъ иноземцамъ имъній въ Малороссіи описаны не чернилами, а провыю и слезами. Введеніе въ малороссійскій трибуналь великорусскихъ членовъ, породило сцены насилій и ужасовъ, отъ которыхъ становится дыбомъ волось у историка. «Еслибы», говорить летописное преданіе, «перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мъстъ такъ-названной Тайной Экспедиціи, то ударила бъ изъ него сонтаномъ кровь человъческая, пролитая на пытвахъ, по однимъ подосрвніямъ (1).» Систематическое ослабленіе козацкой тактики и изнурительныя земляныя работы въ очнскихъ болотахъ, работы, превосходившія своею тягостью великанскія сооруженія превнихъ Артаисерисовъ и Фараоновъ, быстро уменьшили народонаселение края и наноливан его калеками. Квартирование войскъ великорусскихъ въ Малороссін на военномъ положенін, безъ всякихъ міръ въ ограинчению своеволія и бевчинствъ солдать, и произвольные сборы порціоновь и раціоновь, сопровождаемые безнакаванными притіспеніями и грабежемъ, породили въ народъ бъдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбъжаться. Не только летописи, но и самые архивы, уцелевшие отъ того времени, наполнены описаніями страшнаго произвола каждаго чиновника, каждаго командира и каждаго курьера, являвшагося въ Мамороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссийскимъ ничего другаго не оставалось, какъ только ладить съ правятельственными лицами въ Петербургъ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдёлался общею добычею тахъ и другихъ. Съ уничтожениемъ выбора вольными го-

⁽¹⁾ Автонись Конискаго.

досами, уничтожился страхъ общественного мижнія пля начальствовавшихъ. На ивсто его развилась канцелявская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, вакрыла собою отъ народа правич на судъ. Кто не падаль въ это время подъ бременемъ нужем в притъсненій, тотъ невольно клонился и падаль дущою поть иравственнымъ гнетомъ новсемъстияго беззанонія. Все бъдное, все симренное и незнатное, приникао молчаливо въ земав и образовало отдъльную, пассивную, націю; все стремившееся нь обогаженію, нъ власти, къ знатности, насъло сверху и образовало навію активити: а эта активность обращена была на составление связей съ ботатыми и сильными, на угодинчество онаснымь, на захватывание ракными способами корачьихъ вемель, на грабеть и на насилія ввяного рода и на тяжбы съ сосъдями за всякую мелочь, въ надежив выиграть протори и убытки. Это было безобразное разложение стараго порядка вещей, подъ разрушительнымъ вліяміемъ дикой силы. которая воплотилась въ правственный образъ лица и, за много десятильтій, а, можеть-быть, и выковь, впередь, повельла тремь безплодно враждовавшимъ славянскимъ націямъ перестать быть тамъ, чъмъ онъ были, которая покрыла почву этихъ націй гнімисю кассою старыхъ формъ жизни, чтобы, подъ безобразнымъ ихъ гијеніемъ — незримо для современниковъ, но видимо для исторія — водились новыя начала во славу благородства души человъческой... И потому, безъ влобы къмрачной старинъ и съ сочувствіемъ из ел бъдствіямъ и мгновенно променькавшимъ радостямъ, будемъ жавоинсать вартины народнаго быта, воторый уже нивогда не повторится. Я люблю прошедшее, не увлекаясь фантазіями о вологомъ въкъ, люблю такимъ, какимъ оно было, люблю за то, что оно было, ибо всякое бытіе есть порзія.

Тихо сіяла въ лицовой свътлицъ лампада, повъщенная на тремъ тонкихъ цъпяхъ изъ мъдной проволоки передъ образомъ Бога Отща. Старики вели свои длинныя ръчи ослабъвшими голосами. Представитель слъдовавшаго за ними поколънія молча слушалъ. Его очередь говорить и быть выслушиваемымъ до послъдняго слова — впереди; его старость недалека, и недалеко то время, когда онъ мало будетъ встръчать вокругъ себя старъйникъ.

Спокойно старушка ведетъ свою бестду съ гостемъ, не думая объ угощении: есть кому за нее думать. У нея есть, въ полномъ

цвать авть, дочь, которая знаеть о чемь сабдуеть поваботиться по случаю прівада гостой. Воть отворилась боковая дверь, и служанка, въ цвътахъ на головъ, въ красныхъ монистахъ и вышитыхъ красными узорами бълыхъ рукавахъ, принесла восковую свъчу и поставила на столь, съ низкимъ поклономъ престарълому гостю. За нею следомъ вощла стройная высокая девушка, держа въ рукахъ подносъ съ графиятиками и назеньямии серебряными чарками. Еслибъ она и не отличалась отъ первой своимъ нарядомъ, то одна ея поступь, въ которой виню было что-то величавое, обратила бы на нее вниманіе каждаго. Въ приженіяхъ человъка невольно выражаются его понятія о своей двиности. Въ этой невушив, при всей мягкости и, вмёстё, каномъ-то грустномъ оттёней движеній, выражалось что-то самостоятельное, опредёлившееся и навът сознанное въ глубинъ дуни. Было что-то таниственное въ изгибахъ ея тонкихъ чорныхъ бревей, -осфиявшихъ нёжно обрисованные глаза, которые какъ-букто стынвансь своей выразительности, и, опускаясь безпрестанно внизь, прикрывались длинными ръсницами.

СИРОТИНА.

Не той сиротина, Кого рікь не знае, У кого хатини Й худоби немае; Не той сиротина. Хто ходить въ десятні, У вого свитина-Вся-латка на латні.... Аби була въ ёго Голова, да руки, Любовъ до народу, Волі и науки-Вінъ не спротина, Вінъ родичівъ має: Вінъ Краю дитина И Крей ёго знае! Вінъ — чадо громади: Вона его мобить. Щиро поважае И щиро голубить!

Хто жъ всімъ коверзу́е, Зневажа Краіну, Свого не шануе, А служить чужині; Хто въ краще не вірить, Душею не рветця Те, що буде, змірить, Й живе якъ живетця; Хто правди боітця, Якъ — панська дитина: — Оттой-то безрідний, Оттой сиротина! Тому треба плакать Ha céde-camoro; Бо не привітає Громада такого! Отександра Коніськиї

HHCLMA

О БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ

къ Н. И. Костомарову.

ПИСЬМО 5-е.

О Никольском пирт Хмельшикаю.

Дунальсь повести річь о той шляхотской повісти, накъ молодой Богданъ бажаль на Занорожье изъ Бредъ, отъ меча какого-то пана Поточкаю; а принелось естановиться еще на тей истерической были, вакъ бъжаль на Занорожье пеъ Чигирина старый Хиельницкій, когда надъ его голевою повисъ мечь короннаго гетиана Николая Поточкаго, Въ ныивиний день инъ всиомянулся знаменитый Никольский пиръ, заданный Богданомъ на утъху Козацкой Украины, ровно черезъ десять атть после несчестанной битвы Кунейской. (Папатень быль ныивший день и для Украины Кияжеской, взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побестдовать съ вами сегодия о Никольскомъ цирт Богдана --- и воть по какому поводу: въ вашей кингв онъ ноложенъ годомъ рашве, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиранъ, а въ Суботовъ; а я на такое назначение времени и мъста не могу съ вамисогласиться. Тамъ достонанятный пиръ устроенъ быль для отобранія шинучивыми способолю у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грямогь; и макь телько оне очупнись въ рукахъ Хиельницкаго, ону нельля быле уже на одного для оставаться на Украинт, и онъ нескакаль съ инии на Запорожье на разските 7 денабря, а прибыла туда 11-го. И такъ можду двенъ Никольскаго пира и днемъ прибыти Богдана на За-

Digitized by Google

11.

порожье, прошло только 4 дня; а въ вашемъ повъствованіи тъ роковые два дня раздвинуты на цълый годъ. Противъ этого я представлю вамъ слъдующія соображенія и доводы.

- 1) Барабашъ, одураченный на весь свътъ Хмельницкимъ, не попустиль бы ему оставаться цълый годъ на Украинъ—съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тъ королевскіе грамоты. При содъйствіи всъхъ Польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ Козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тъ грамоты у Хмельницкаго, не штучнымъ способомъ, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отновское его насявдіе Суботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.
- 2) Самъ Хмельницкій, имъя уже въ своихъ рукахъ вождельниую для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспышать къ достиженію своей цъли; и не сталь бы онъ безполезно маяться цълый годъ на Украинъ, отдаваясь на тъ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпъль онъ въ тотъ бъдственный, переломный годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черевъ то лишить и Украину сизсительной помощи, какая была у него и въ немъ.
- 3) Вы говорите, что Хиельницкій приступиль къ похищенію грамоть у Барабана тогда, »когда узналь о неудачномь конців королевскаго предпріятія на сеймів, когда нахлынули не Укранну жолитры, а Барабашь, потакая панамь, казаняль козаковь смертью за малійній роноть, для предупрежденія больших преступленій и заговоровь, — тогда Хиельницкій поняль, что муь этого всего выйдечь окончательная гибель Русскаго нереда. « (f. 52).

Хоромо; но вы на все это даете только десямь дией сроку, назвачая Пинельскій ширъ на 6-е декабря 1846-го года: видь тотъ Варшавокій сейнъ, на которомъ королевское предпріятіє ришалось такимъ неудачнымъ концомъ, только мачался 25-го молбря того года (І. 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ 1646 году, вы полагаете, что епъданъ быль въ Суботово; а послё, когда этотъ кугоръ отпятъ быль Чеплинскить, Хиельницкій, энетерявъ пріють, жиль гдё пошло, и се-бирался на Запорожье (1. 77) «. По этому представлению, ви говорите, что Хиельницкій, въ письмё изъ Запорожья из нешисару Шембергу, просиль его эвать подъ свое пепровительство денящими слугъ и какой-то долико его во Украинъ.« (1. 83). Но въ инсыть хиельшцкаго къ Барбаму, того же числа (27 денября) писянить, жено сказа-

во, что тоть домекь быль въ Чигирина; танъ и жиль нашь Чигиринскій сотникъ, но отнятін у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упавинися крино на козапкомъ пиръ, проснулся на другой день, когда дозаниъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабаму: • Тъщуся прето, же Господь Богъ, въдый тайная сердецъ людскихъ в всенаредное Украинское стенаніе, удостовать мя по желанію моему слушным способом зр нечинкретной неволи вашой вызволити и на вождельниу до Войска Запорожского свободу привезти оные привилен королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выголиденъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринъ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отъбхалъ сюда на Запорожже безъ въдома и повроденя вашого. « (Ведичко. І. 33). Изъ этого насившливаго извиненія ясно, мит кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденін грамотъ, и объ угощения Барабана въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отътздъ на Запорожье -- говоритъ какъ о проистествіяхъ недавнихъ, т. е. случившихся въ декабръ того же 1647 года.

6 декабря.

письмо 6-е.

Повъсть о побыт Хмельницкаго изь Бродь.

Обращиюсь въ происмествію, которымъ начинается літонись Велична и которое онъ завиствоваль » зъ новісти невной шляхты Польской. «
-Я еказаль въ нисьмі нъ Погодину, что этой новісти совсівнь не слідевало бы принимать въ историческое повіствованіе о Хиельницкомъ. Вы «
въ своємъ объяжненін не согламостесь со мною, и нолагаете, что еслибъ
из той повісти не быль приміжанъ разсказь о Кодацкомъ событій, то
мить — »не пришло бы въ голову сомніваться въ ея достовірности. «

Много аначить, изъ накого источника выходить извъстие. Ра зсказъ о Колационъ событи, составляющій главную завизку той новъсти, переламь въ ной съ такинъ лганьенъ, что и остальная ноловина ся становитея отъ того восьма педоорительною. Легко сказать: знаменитый отвътъ Богдана Конециольскому на Коданъ 1639 года, перенесенъ въ повъсти на молодость Хиельницкаго; вижето Колациой кръности на Дифиръ — ноставленъ замокъ Бродскій; вижето Конециольскаго, Хиельниц-

кій отвічаетъ Потоцкому: »Ясневельможный месце добродіво! що рука людская сділаеть, то тая жъ и зопсовати можеть! «Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крішкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конециольскому, который тамъ и скончался, весною 1646 года.

Защищая остальную половину повъсти, вы говорите: » иравила исторической критики не требують на томъ основаніи, что событіе предоставлено съ невърностими, отвергать его сущность, какъ скоро изтъ на это положительныхъ доказательствъ. «

Но я отвергаю остальную половину повъсти не по одному только подозрѣнію, надающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той сущиости, которую вы извлекан для своего повествованія, вижу такую же передвлку событія двяствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бъжить на Запорожье отъ какого-то пана Потоцкаго, который, напившись пьянъ за объдопъ, хотълъ отрубить ему голову, на потъху своимъ собестаникамъ (1. 43). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извістный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить Украинцевъ. показанною имъ послъ войны Кумейской. Этотъ короный гетманъ и хотълъ казнить Хмельницкаго въ исходъ 1647 года, и уже далъ переяславскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнъйшей резолюціи; но Кречовскій, по прілзни къ Хмельнинкому, предостерегь его, и тоть бъжаль изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хиельницкато-также точно, какъ и событие Кодацкое, силотенное същить въ одну новъсть. Если бы и не было въ ней Коданкаго себыти, я и тогда усоннился бы въ ея достовърности — потому именно, что въ ней представленъ побътъ Хиельницкаго на Запорежье отъ жеча Потощкаго; — превсшествіе столь же нав'ястное, как' и нервое. Съ тімъ и другим честорическая критина должна поступить одинаково; и я не отступить, ка-Meter, oth en apaguas, upushaban sty hobiets fachocatemon by of this. ел половинать, отвергая равно и завлеку и развизку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографія Хиельницкаго, столь скумной извъстіяни о его нолодости? Развъ ту, что онъ служиль колюшили у покого-то пана; если не у Потоцкаго, то коть у Конециольскаго. Но изъ такого мутнаго могочника, какъ эта новъсть, едва ли надежно ваять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказапіять, относящихся къ Хмельначчинъ, современныхъ в

воздиванихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть не мало такого, съ чего изчего взять для повъствованія историческаго. Вотъ, напримъръ, хоть у того же Величка: какой живой разсказъ о томъ, какъ Чаплинскій взять былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Желтую-Веду, и тамъ обезглавленъ — въ разстопніи нъсколькихъ верстъ отъ обезу Польскаго, »дабы врагъ мира и покою не лежалъ съ тъми шляхетскими трупами, которыи зъ его причины тамъ на Жолтой-Водѣ свои отъ оружія козациого всебъдственно положили головы«. (1. 64). И все это — выдумка!

7 декабря.

ПИСЬМО 7-ое.

О Пецорском в плънъ и Черноморских в походах в Богдана Хмельницкаго.

Приступаю въ главному мфсту вашего объясненія. Вы говорите: • Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плънъ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказаль, что онъ быль въ плену недолю, вместо того, чтобъ сказать опредълительно: два года. Въря положительно Стрку, что Хмельницкій пменно въ 1621-мъ году одержаль надъ Турками побъду на моръ, Максимовичъ увидълъ, что по этому разсчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволъ, а самъ Хмельницкій говорить о своемь двухльтиемь плінів; Максимовичь сміло прибівгаеть къ догадкъ, что Хмельницкій взять быль въ плънь прежде Цецорскаго дъла и, какъ слъдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ не подлежашинъ сомнънію. Но Хмельницкій въ своемъ письмъ изображаетъ свой плънъ, какъ слъдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвъ. Что дълать съ такимъ разноръчіемъ? Не допуская произвольных в догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выражениемъ недолго, и теперь доволенъ твмъ, что такъ поступилъ: въ приведенной выше рукописи (1), подъ 1624 годомъ, я нашелъ навъстие, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдъ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самаго Константинополя. Полагаю, что

^{(&#}x27;) Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad dien 18 Julii 1632 (Имп. Публ. Бабл. кат. Польск. рукон., отд. IV № 138.

морской походъ Хиельницкаго именно относится къ этому времени или ранъе нъсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмъ Сърка — просто ошибка, происмения можетъ быть отъ переписчика копін этого письма. Но предположеніе, какую бы степень въроятности оно ни имъло, еще не есть несомнънная истина; во всякомъ случаъ, думаю, что есть больше основанія допустить послъднее, чъмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ. «

Вы имъли полную власть отдать своему предположению преимущество передъ моимъ и назвать его болъе основательнымъ; но за чъмъ было вамъ обо миъ говорить, булто я свою догадку, что Хмельницкій взять быль въ плінь прежде Пецорскаго дъла, выставляю фактомо не подлежащимъ сомитнію! Въ моемъ письмъ къ Погодину, на 172 страницъ Украинца, сказано такъ: »въ какіе именно года быль онъ въ плъну. объ этомъ нътъ современнаго свидътельства (въроятно, это было еще до 1620 года). - Видите: въроятно — и только! Моя догадка предложена на утверждение или на отвержение будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можеть быть откроется, что Хиельницкій пробыль два года въ неволъ-спустя нъсколько льть посль битвы Цепорской! А пока откроется что-либо новаго и опредъленнаго объ это иъ предметъ, я признаю достовърнымо и положительнымо только то, что Хиельницкій самъ написаль о себів—въ письмі къ королю, побіжденному имъ подъ Зборовомъ: что онъ пробыль въ плену два года; а въроятным в нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чъмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское Войско. Но этой смелой догадки моей никакъ не выдаю за факть, неподлежащій сомнічню.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, что »предположение, какую бы стешень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомивная истина«; но
не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда
Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена
была ошибочно. Я вполнѣ вѣрю ему, что та побѣда была именно 1621
г. Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ
принимали эту побѣду и называли ее блистательною (I, 44): это ясно
видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II. 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ
Сѣрка — просто ошибкою? Не ужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ Компендумъ нашли подъ 1624-мъ годомъ »извѣстіе, что ко-

заки возвращались изъ морскаго нохода, гдё нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константивополя? « Не ужели только эта находка дала вамъ уверенность, съ какою вы говорите: »Полагаю, что морской походъ Хмельницаго мменно относится къ этому времени, или нёсколько ранее (въ 1624 году козаки воротились, а всевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ? Другихъ осмованій въ объявленіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мёрё основательно ваше новое предположение.

- 1) Начать съ того, что вы нашли извъстіе о такомъ морскомъ походъ козаковъ, о которомъ давно извъстно положеттельно, что онъ былъ именно 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на принъчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова Описанія Украины; тамъ на 138 страницъ сказано: »въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго олота къ Крыму, козаки пристали въ милъ отъ Константинополя, опустопили загородные домы и мызы....« и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походъ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лъто, и къ зимъ возвращались въ Запорожье.
- 2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго мменно относится къ этому времени, но не къ 1621-му году. По развъ нашли вы въ Компендіумъ, что Хмельницкій быль въ походъ 1624 года? Кажется, на откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утвержденіе не вижетъ достаточнаго основанія.
- 3) Но если бы и нашлось современное извъстіе, что Хмельницкій дъйствительно быль съ морскомъ походъ 1624 года, это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побъда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же нерушимой силъ, какъ она поставлена въ письмъ кошеваго атамана Сърка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.
- 4) Вы отрицаете теперь побъду 1621 года, называя ее въ письмъ Сърка ошибкою... Ошибки въ годахъ встръчаются безпрестанно въ старомъ и новомъ яътописанъи Малороссійскомъ. Но развъ ошибся и Самуняъ Зорка въ своей надгробной ръчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались ясносвътная Сармація, и берега бурнаго Эвисямононта, и самыя стіны Царег, адскія, сказаль: восебляве року 1621 (Вел. І. 291)? « Развъ ошиблясь и гет-

манъ Сагайдачный и король Жигимонт в III-й, когда въ королевской грамотъ, данной гетману послъ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: «Посыдаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть разлелены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войсковой черни, какъ тъмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на воепномъ промыслъ со Хмельницкимо на понтъ Эвксинскомъ. « (Вел. I. приб. 41) А вотъ и самая первая въсть о той козацкой побъдъ на Черномъ моръ, записанная въ Дневникъ Хотинской войны такъ называемаго Матоія Титлевскаго. « 6 сентября. — Избъжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ пъкій, который седиъ льтъ въ Сарацинской пребываль неволъ.... Онъ же козакъ и се возвъщаме, что во обозъ своемъ Турки проговорують: дванадесять судень, узороенных арматою на морт Евксинскомъ козаки емши потопина, избывшій же въ Константинополь убъжаша, ихъ же даже до самыхъ стънъ града козаки гоняще, всъхъ Цареградцовъ устрашима; сея новины перваго провозвъстителя гибвомъ неистовящійся Отоманинъ повельлъ удавити; въ день же грядущій заповъда по обозу Поляковъ сильное готовити приступленіе. Тое жъ самое и Турки многін, на страже ятын, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху, « (Вел. І. приб. 11).

Приведенныя три свидътельства (за которыя съ благодарностью вспомянемъ Величка!) подтверждаютъ показаніе Сърка о 1621 годъ. Вамъ надо опровергнуть всъхъ ихъ четырехъ свидътелей и пятого Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имъть достаточнаго основанія.

Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побъду Хмельницкаго я признаю такимъ же достовърнымъ фактомъ, какъ н двухлътий срокъ его плъна. А какъ только я призналъ эти два исторические факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плъна напрасно полагается съ битвы Цецорской: она была въ октябръ 1620 года, слъдовательно, только за девять мъсяцевъ до побъды Черноморской, этой блистательной спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себъ: »Не допуская произвольных догадокъ, и счель за нужное ограничиться общинъ выражениемъ не долго и теперы до волень темъ, что такъ поступиль. «Не вижу, чтыть же туть быть довольнымъ, и на что вамъ нужно теперь это неопредъленное не долго, вибъсто опредъленнаго самимъ Богданомъ: деа года! Иное дъло въ вашей книгъ, гдъ вы принимали и Цепорскій плънъ, и Черноморскую побъду

1621 года: тогда вамъ необходимо было прибъгнуть къ сокращение двухлътняго плъна, ябо другаго выхода вамъ не было. А тенерь, когда вы переставили Черноморскую побъду на три года впередъ (какъ пъкогда Ригельманъ переставляль ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мъщаетъ Хмельницкому выдержать двухлютний срокъ своего плъна. Избъгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измънение двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ Украинци, я обратилъ винманіе на письмо Хмельницкаго къ коро лю, 1649 года, — п поясниль, какимъ образомъ изъ этого письма произошло митие о Цепорскомъ плънъ. Вы говорите въ возражение миъ: »Но Хмельницкій въ своемъ письмъ изображаеть свой плень, какъ сальдствіє Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувин о смерти своего отца на этой битвъ. « Нътъ, это слъдствіе выведено уже Польский историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побъды 1621 года. Въ письмъ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службъ своего отца и его смерти подъ Цецорою; а вслъдъ за тъмъ говоритъ о себъ, начавъ съ своего патна, по освобождения изъ котораго постуниль онь въ войсковую службу; его рычь о своемъ илынь примлась къ упоминанію о Цецоръ, относящейся къ отцу: отъ того и кажется, что плънъ происходилъ подъ Цепорою. Но когда признаешь Черноморскую побъду, тогда видишь, что здъсь Цепорскій плыть только кажущійся. Во всякомъ случат, это такое мъсто въ инсьмъ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкование. Но тъ слова его письма, что онъ »уведенный въ плънъ, содержался въ тюрьмъдва года - не подлежатъ инкакому толкованію и разногласію: это чистый, яспый фактъ, который и сабдуетъ принять изъ его письма прежде всего, и оставить нерушимымъ. Мижніе о Цепорскомъ цатит есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сделанное Коховскимъ. По крайней мере для нашего летописанья онъ есть первый источникъ Цецорского плена, которымъ у него поз аниствовался Грабянка для своей исторін; а изъ нея это свъденіе перешло и во Введеніе, придъланное неизвъстнымъ компиляторомъ къ автописи Самовидца. За то же у нихъ ивтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Бантыша-Каменскаго, и у того, кто написаль старыми словесы повъсть о томъ, что случилось на Украинъс, которые прибавили еще и подробности, канъ полодей Богданъ въ Цецорской битви показаль персые опыны своей прибрести, верванси далеко въ пепрінтельскій отинь, и прочин). Такъ спотрю я на происхожи снів и распространенів живнін в Цеперокомъ планть; и отвергаю его, какъ историческій призракъ подобный, разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія Козацкой Украины и представителя ен Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизпи, для насъ важны свидътельства современныя, осмотрънныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма Запорожца Сърка. Прочтемъ же слова этого »витязи сильпаго« — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

»По немъ, року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли и катарги Турецкіе опановалъ и благополучно до Сѣчи повернулся; потомъ року 1629 братя наши Запорожци съ певнымъ вождомъ своимъ, воюючи въ чолнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинополскихъ, и оные доволно мушкетнымъ окуривши дымомъ, преведикій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворнли страхъ и смятсніе, и нѣкоторые одлеглѣйше селенія Константинополскіе запаливши, тожъ щастливе изъ многими здобычами до Коша своего повернули.«

Пельзя не замътить, что нъкоторыя подробности и самыя выраженія Сърка — превеликій страхъ и смятеніе, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не быль отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мизніемъ, что у Сърка подъ именемъ певнаго вождя разумъется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походъ. А если онъ былъ побъдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товариство онъ поступилъ за нъсколько лътъ до битвы Цецорской.

12 декабря.

ПИСЬМО 8-ое

О плъненіи двухь Кантемиричей, 1629 года.

Къ историческимъ приоракамъ я отному и ильненіе двухъ Кантемиревыхъ сыневъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хисльницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утвержденъ за нинъ большинствомъ Малороссійскихъ бытенисателей; но въ Украницъ неемъ я передаль этотъ подвигъ по принадлежности Статувану Хмелечкому, ссылаясь на два современныя о томъ свидътельства и объясняя омибку намего историка Грабянки созсучесяю двухъ именъ. Вы, въ своемъ объясненія, не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами митніе, какъ сказаніе козака Самовидца »близкаго къ этому времени и, втроятно, видъвшаго самаго Хмельницкаго: едва ли бы этотъ летописецъ могъ обмануться созвутіемъ именъ.«

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомития, видълъ Хмельнинкаго, напримъръ, на похоронахъ Золотаренка въ Корсунской Рождественской перкви. Но сказаніе о повикъ Кантемиричей находится не въ самой аттописи Самовидна, а во Введеніи къ ней, котораго я не признаю уважительнымъ. ибо нахожу, что оно есть поздивимая выборка изъ исторія Грабянкиной, написанной спустя польжна по смерти Богдана. Во Введенія сказано: »Року 1629, Зъновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при другихъ върныхъ службахъ своихъ въ королевствъ Поленоиъ, двохъ Кантимировъ живо до короли привелъ, за что имълъ у короли особливую милость, ибо изъ природы быль разумень и по латынв изучень (стр. 4). Это отголосовъ Грабянкина сказанія: эходячи въ чамбулы, орду бивалъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантимъровъ живо до кроля привель (отъ которыхъ король иного о тайныхъ замыслахъ Турецкихъ на Ляховъ навъстился), чрезъ что мъваль у кроля нилость великую, бо быль съ природы разумень и въ наукт языка Латинскаго бъглый (стр. 33). Посмотримъ теперь, какъ это происместые передано въ Летописце Ерлича, современнаго Богдану Хиельнициому. Тамъ сказано, что Стефань Хмелецкій, разбившій орду одинъ разъ подъ Тариополемъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бълою-Церковью. въ 1629 году онъ, опъстъ съ козациинъгетиановъ Гришковъ Чернывъ, разбиль 8,000 татаръ недъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ одного убито, а другаго, живьемъ взитаго, королю отдали (І, 36). Туть дъйствуеть Хмелецкій (какън по другону свидътельству участинка въ тонъ моходь, истерое вывечетано въ Старежитностяхъ А. Грабовскаго); а у Грабини - туть действуеть Хмельницкій.... Какъ же не признать, что это не иное это, какъ онибочная замъна перваго именя вторымъ? А какъ логко было случиться этой заивив, можно видеть на той же 36-й страниць Ермина, тав поставлено одних разъ Chmielecki, а потоих Chmielміскі/ Такая описка и могла ввести въ заблужденіе намого не слишкомъ оснотрятельнаго историка Грабанку, и онъ приняль подраги Хмелецка-10 ЗВ подвиги Хмельничкаго, изяванив по-своому и подробности, т. с.

вийсто названиму опредблительно двухъ предысущих побидь надъ Татарами, Тарионольскей и Билоцерковской, скаваль общимъ выраженіемь: орду биваль.... вийсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привель къ королю обоихъ живыхъ.... Въ моемъ нервемъ нисьмъ къ вамъ я представиль, какъ историкъ нашъ Грабянка передблалъ по-своему сказаніе о Кодацкомъ событій, взятое имъ очевидно у Коховскаго; а составитель Введенія къ літописи Самовидца взяль изъ Грабянки голую сущность этого сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: «Если въ лътописи Ерлича говорится объ участи въ этой битвъ Гришки Чернаго, то это развъ исключаетъ Хмельницкаго?« Непремънно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго поставлено здъсь только по омибкъ, вмъсто имени Хмелецкаго, героя той битвы. Вы справиваете: «почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій? «Отвъчаю: когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго замъшалось сюда только случайною ошибкою нашего историва, когда есть уже передъ нами дойствительность о хмелецкомъ, то не слъдуетъ и предполагать здъсь возможности о хмельницкомъ. Въдь это то ме, что походъ, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромъ того, хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походъ Хмелецкаго, потому что онъ ходиль тогда съ Запорожщами на море подъ Константиноноль и задалъ тамъ превеликій стражь и смяженіе — слова Сърка, которыя и въ вашей книгъ отнесены къ Хмельницкому (1, 44), но съ перемъщеніемъ ихъ отъ нохода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумъ, что »въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели икожество плънныхъ Татаръ; а 11 ноября авлялся въ королю Хмелеций. «Что же? эта отысканная вами подробнесть служитъ телько допелиеміемъ къ сказавію двухъ современниковъ о побъдъ Хмелециаго, и ни сколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вийстй, для вась — «кажется девтесьриси», что съ незаками, бывшими у короля 6 неября 1629 года и представлянами ему илиниковъ, нахедился Хиельникий. « Не я и въ этомъ не виму достоепрности: она была бы тогда, погла бы въ Компендумъ поименевать быль Боздато Хмельнициий. (Быле преколько Хмельнициими и въ гетианство Богдата.)

Изъ всего спавашняго, для меня оскается достоспримлю, что пос бъда надъ Татарами и Кантемиричами 1629 года вопсе не односитод изХмельникому; она принадлежить Хмелециому и тогданному его сподвижнику гетману Черному; а вибсто поимии Кантемиричей и представленія ихъ обонкь мизыми королю, будто бы Хмельнициимь, справедливбе вономинуть тоть случай, что въ 1646 году онь отвезъ двухъ плівимыхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это изв'юство изъ Памятинковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссією).

15 декабря.

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантеширичахъ, слѣдуетъ еще такое свѣденіе о Хмельницкомъ: »Изваживши кроль его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслялъ истити на Турчину за перешкожованую войну Московскую, будучую въ року 1635 (т. е. 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій региментъ морской всей арматы ему вручалъ. « Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

письмо 9-ое.

О Вседенім из Апьтописи Самовидца.

Вы ссыластесь на это Веденіе, макъ на свидътельство самаго Сажовидия, современнато Хмельпинску; а по моску интенію оно составлено къмъ-то друшил, должно быть тэнъ же, кто импесать предолжене Аттониен Самовидца до 1734 года. По этому разногласию, я считаю необходимымъ дъломъ объяскать: на чемъ осмовано мое мавніе. Оно основано проимуществение на очениямомъ схедстви Внедени, отъ начала и до конца, оъ Исторіси Грабинкиной, такъ что это Висденіе представляется иль выборяем изъ Грабяванной Истеріи, сочиненной около 1710 года. Преположить бы наобороть, т. о. что козакъ-сановидень прибавиль виссабдстви нь своему Льмонисцу нратное поторическое Восбенів, а Грабинка распространців и пополнить его для своей иниги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ Введени и у Грабивин такжичнодробности, какжих не могу предноложить въ нисанія Задивировению повака, современнаго Хиольнацкому. Тоть » Лютопысець о пачаль обыть Хмельницкаго сбличаеть въ светь сочинтель Modaka Transtarto, Glabatarto a pasymbaro, no ne kuembaro, uncabinaro

но живому устному преданію, какое ходью въ всеачестві о событіяхътого времени. Ему ли было на старости вдаваться въ составленіе историческаго Введенія — отъ старато Владиніра до современнаго Богдана! А Гадянкій нолковой старшина, Грогорій Ивановичь Граблика, былъ человікъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и Польскимъ літеписаньемъ. Сочиняя въ молодые спои годы «Испорію о дійствіять пре зільной брани», — онъ не только поработаль надъ исторіей козацкато гетманства, но предпослаль еще главу »о началі проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно же и о древитійшихъ ихъ дійствіяхъ секращень в. «За тімъ слідуеть у него сказаніе: «како Малая Рос сія нодпаде Лядскому шту», начинающееся одумевленнымъ вопросомъ: «Откуду разділеніе царствъ и домовъ наденіе?«

- 1) Съ этого сказанія нездитійній составитель Введенія и началь свою выборку отъ завладінія Кієвской земли Гедимомь (т. е. Гедиминомъ) и до Желтоводской битвы, о которой у Грабанки сказано: »что стало року 1648 мая 2«; а во Введеніи: »что стало ся въ року 1648, мая 2 дия. « Могъ ли это написать козакъ-самовидецъ? Нітъ, у современныхъ людей, инщущихъ по живой памяти, не ріко случаются ошибки въ годахъ, но числа місяцевъ и дни произшествій замічательныхъ побольшей части сохраняются візрно. Возможно ли, чтобы козакъ-лістописецъ, современный хмельнинкому, не виаль, что Желтоводская нобіда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ совстить не означить дней и чисель этихъ двукъ блистательныхъ побідъ, някъ они и дійствительно не означены въ его Лістовисці; но ужъ никакъ не могъ онъ здісь ноставить 2 мая вийсто 8-го. Это ошибка или описка Гр абаннина, которую скопироваль поздитейній ссставитель Введенія, повторявній и другія ошибки своего педаничива.
- 2) Такъ въ саномъ началъ Введенія опазано, что со времени Гедимина, поставивного въ Кієвскомъ вивмествъ намъстанка Миндевга, кцаза Ольновского,—«Литва обладала Кієвомъ акъ до спорти княза Симесна Оленковича, который перионь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ но
 Батим мустованную, обмовилъ. Въ 4340 году, по спорти княза Олелповича, король Полскій Казиміръ I винкоміє Кієвское на восподствонереміннять и вею Малую Рессію на невъткі реадълилъ.« Это взято ночти
 слово въ слово изъ Грабанки, который менясаль эту путаницу, не давин особе труда пов'єрить и чого, что чрезъ 260 лѣтъ но разворенія Кіева Батысил въ 1240 году выйдетъ 1471-й. годъ, въ которомъ дъйствительно скончался обновитель Печерокой церкии, Кієвскій князь Си-

меонъ Олельновичъ; а по смерти его, въ следующемъ году, Казвиіръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладълъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагаютъ, въ воеводство, называвшееся до носледнихъ временъ воеводствомъ Русскимъ. Такимъ смешеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ Русскаго и Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во Введеніи, и еще въ некоторыхъ писаніяхъ прошлаго столетія — обращается въ воеводство 1340 года, т.е. 130-ю годами ранте, чемъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII въка оно полакалось върпо, 1471 года. Не знаю, почему въ вашей книгъ оно положено 1476-го (1.4). Не опечатка ли это?

- 3) Грабянка въ своей исторіи, помещан любопытную »Супльку до всей Речи-Посполитой Полской отъ утвененнаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632 . -- вспоминаетъ при этомъ, что эк прежде отъ всей Руси иного челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острозскій Константинъ Ивановичь (пынъ въ Печерский эт наменя выбятый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды суплъковаль (стр. 34). Здъсь опибка Грабинкина состояла въ томъ, что онъ виклъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его, ниям Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 4 533 тода. Составитель Введения взяль этоть отрывокь изъ Грабянки и помъстваъ его велъдъ за извъстіемъ о кончинъ гетмана Сагайдачнаго въ 1622 году, въ такить словать: эОколо сихв годовь (!) князь Острозекій Константинъ Ивановичь, потораго статуя въ Печерскомъ монастыръ вивется пранориая, за общениродныя обиды Русскія сунликоваль до воего Сенату. (стр. 4). Тутъ въ составитель Введенія обличается коипиляторъ, совстиъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Граблика.
- 4) Из опискамъ Грабинкиной исторіи, перешедшимъ во Введеніе, я отнесъ уме—и Ценорскій плінъ Богдана, и новику двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановна въ гетианы Тараса и его Перевеловщики подъ 1628-й годъ. Ошибка эта тоже повторялась не оди из росъ въ послудующемъ Малероссійскомъ бытописаніи, до вашей книги вилючительно (1. 29). Но Тарасъ быль гетиановъ послії Гришки Чернаго, слідовательно, послії 1629 г. Современный Львовскій

изтонисить описаль Тарасову войну подъ 1630-мь годомъ, который подтверждается и другими современными свидьтельствами, напримъръ, Тературимою Ас. Кальносойскаго, гдъ описано чудесное событие той войны, при осадъ Печерской давры Поляками и Изицами. (Объ этомъ записамо и въ Лътониси Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 годомъ и въ томъ скудномъ списочкъ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (1.24).

5) Этеть синсочекъ можеть служить свидьтельствомъ, какъ бъдно было у насъ въ Малороссіи, въ началь прошлаго стольтія, познаніе о козацкихъ Гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. — Но какая разница можду Величковымъ синсочкомъ и тъмъ, что за десять лътъ до пего собралъ и написалъ Грабника! А во Введеніи прибавлено еще два гетмана: Семень Перевязка 1632 г. и Булюкъ, 1640 г. Предположить ли, что они поставлены были во Введеніи козакомъ-самовидцемъ, да Грабянка ме захотълъ принять ихъ въ свою исторію? Но развъ могъ козакъ-лъто-нисецъ, современный Хмельницкому, написать следующее:

»1640 року былъ еще гетианъ козанкій Булюкъ, на кеторомъ Лажи ретианство Запорожское окончивши, наслали козананъ вийсто гетиана комисаровъ и вождовъ свеел Аласкія державы, породы и віры....« м прочая (стр. 5)?

Нетъ, современнять Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое тетманство было прекращено после войны Острянищиской, что въ конце того 1638 года поставлены были надъ козачествомъ—комисаръ и полковники Польскіе. Это хорошо знали и Граблика, и Величко. У Граближи сказано, что после Остряницынской войны—»ноставыма надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотинковъ и всю старшину Алдекія вёры« (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватиль немного, добликою эсотинковъ и всей старшины»; но сущность дъла въ томъ, что состявитель Враденія выключиль это место изъ сказанія Граблики о жостокихъ последствіякъ Острянищынской войны, и отиссъ къ прекращенію гетманства на Булюкю, 1640 года.

Кстати: въдстоимент Бринча нодъ 1630 годовъ неставлено: » W tym-że roku zaowu kozacy wejnę podnieśli, którzy pociechi nie strzymali, którym dano szlachtę za pulkowniki, a za hetmana kemminzarza. Postanowieno aby 6,000 na ualugę Rzeczy Paltéj było« (I.38). Ясное дъло, что вдъсь идетъ ръчь о войнъ Остраницинской, и что этотъ отрановъ новаль не на свое мъсто; ему оледуетъ быть въ колет 1638 года (I.43), передъ поте-

рынъ говорится о войнъ Павлюковой; не годъ этей войны тянъ енибечне означенъ 1636, виъсто 1637-го.

Что за гетманъ Булюкь? По моему мирцію, это нашь заплятый Павлюко (или Павелъ Михновичъ Бутъ), въ смутномъ представления Пуфендорфа явивнийся гетианомъ Балукомъ. Величко первый у насъ воспользовался этимъ Балукомо изъ Пуфендорфовой истории, напечатапной въ Русскомъ переводъ 1718 года, и включилъ его въ свой списочекъ гетмановъ, въ замънъ нелостающаго тамъ Павлюка, но поставиль ошибочно между Тарасомъ и Сулимою, означивъ годъ его гетманства: 1631 чили 1637. Вскорт послт Величковой Летописи, наприитръ, въ томъ •Собраніи Гетмановъ« которое прилагается въ исторіи Грабянкиной, является Булуко подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и Павлюка подъ 1637-иъ, а Семена Перевязки еще изтъ; во Введеніи авляются уже и Перевязка 1632 г., и Павлюкь 1637 г. и Булюкь 1640 г., что новторяется и во многихъ последующихъ писаніяхъ Малороссійскихъ. Кажется мив, что эта прибавка ножетъ служить цриністою о составленія Введенія — не ранбе, какъ въ тридцатижь годахъ прошлаго столътія.

6) Первые козацкіе гетианы у Грабянки означены въ такомъ норядкь:
1) Предславь Ланцкоронскій съ 1506 г. 2) Венжикь Хмельницкій—
1534 г. (1) 3) Князь Дмитрій Вишневецкій. 4) Князь Евстафій Ружинскій. 5) Свырговскій, 1574 г. 6) Богданко, 1575 г.

Этотъ порядокъ въренъ, и за него мы съ благодарностью всиомямемъ е Грабянкъ. Но во второй четверти промлаго столътія кто-то измъншлъ этотъ порядокъ — напрасною нерестановкою Вмимевецкаго и Румсимскаго передъ Венжика Хмельницкаго, т. е. изъ второй ноловины XVII стольтія въ нервую (2). Въ такомъ безпорядкъ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собранія гетмановъ« и остаются почти ве всемъ дальнъймемъ Малороссійскомъ бытовисаніи прошлаго стольтів—вь льтонисць Рубановомъ, у Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана, и ве всёхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссія въ девольномъ числь, на послъдяхъ и на концъ гетманства. Вотъ эта ностановка нимаей Дмитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго передъ Венжика

⁽¹⁾ Въ Кіевскомъ изданія ошибочно напечатанъ 1514 вм. 1534.

⁽²⁾ Нодобныя перестановки гетмановъ дълались у насъ и во второй ноловинъ прошлаго столътія. Такъ *Иедик Петриженцкій*, бывіній гетманомъ въ 1632 году (какъ извъстно по его универсаламъ) — у Ригельмана и въ Хронологіи гетмановъ переставленъ за полвъка назадъ, передъ гетмана Шаха!

Хисланициаго, т. е. до 1534 года, находиман и во Введенін къ Лътописи Самовидца, служить мив новымъ показителемъ, что оно составлено въ трого прифилист годахъ прошлаго стольтія, когда прибавлено къ этой льтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для неясненія и оправданія моего мизнія.

17 декабря.

ПИСЬМО 10-е.

О-похищеній королевской грамоты у Барабаша.

Въ дополнение къ предыдущему письму, надо инт разобрать еще осебенный случай, который представляеть резкое различие между Введеніемъ и самою Афтенисью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это --- похищение Хиельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барбаша. Во Введенія сказано: »...какій королевскій листь Зъковій, да овъ же и Бегданъ, Хиельницкій досталь обртелю у Барабана, во вреня (престинь) дитины его воспріенняковь бывшаго, и вычиталь предъ косаками, и усовътоваль ступать на Запороже, и румиль декабря 7 дня 1647 года (стр. 6). Это очевидное извлечение изъ сказания Грабянян. Не въ льтописи Самовидца, отпіваве етъ всіль современных свидътельствъ и ноздивнинить сказаній, витесто Барабаща поставленъ Ильяшъ Переполовеній, и Хисльницкій у него похищаєть королевскую граноту, пранивануюся въ Перепсаовъ. Ригельнанъ такъ уладиль двле, что заставиль Хиельнишаго звать къ себъ въ гости и Барабама и Ильяма, и посылать гонцовъ за гранотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гольба за двумя геперальными асаулами не р'яваеть намъ спорвего дела. Предволожить бы такъ, что Самоведець, чаписавия сперва сказну объ Ильашъ, во Введенів поставиль настепщую быль о Барабашъ; но тогда бы онъ выбросиль изъ своей летописи сказку объ Ильямев, или же какъ-нибудь оговорился, какъ, напримъръ, Величко въ своей лътописи, приводя сказку о Тимош'в Хмельницкомъ: »же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвъсилъ (1.14).

Вы, въ своемъ объяснени, желая согласить сказаніе Введенія о Барабанть и сказаніе самой літописи Самовидца объ Ильяпів, говорите: »Я нонимаю діло такъ, что здісь говорится объ одномъ лиць, имению

• Барабашта «. Съ этимъ заключениемъ ванимъ нътъ возмежности согласиться; ибо слишкомъ исне и опредълительно сказане въ лътениси объ Ильямию, значномъ козакъ Переяслоском», хранившемъ грамету въ Переяслоско; и нътъ никаго въроятія, чтобы козакъ лътенисецъ, современный хмельницкому, могъ объ этомъ старинит и о Барабашть Черваскомъ говорить какъ объ одномъ лици»: то были два старина лица въ тогдашнемъ козачествъ! Но ваши слова, что здъсь говорится — миенно о Барабашта — заставили меня передумать это дъло и ръщить его заново.

Невозножно, чтобы современный Хмельницкому козакз-льтонисецъ не зналъ, что королевская грамота нохищена Хмельницкимъ —
именно у Барабана, въ Черкасахъ. О томъ езмъ Богданъ, снусти
нелгода, объятилъ всему Малороссійскому народу, въ Бълощерковскомъ
универсалъ, говора такъ: «Теды и Хмельницкій, взявин Гочнода Бога
на помощь, и одобравни птучнымъ сновобомъ у Барабана привите королевскіе, мусилемъ сіе военное зъ Поликами зачати діло. «Какъ же можно было козаку-самовидцу наинсать въ своей літониси такую цебылицу, будто Хмельницкій окобралъ грамоты — у Ильяна Перевсловскать?
Нітъ, онъ въ своей літониси не могъ написать такой ченухи о ділі общензвістномъ; у него, конечно, было написано имя Барабаша, — а
какой-нибудь проказникъ переправилъ Черкасы на Переясловъ, а имя
Ивана Варабаша на Ильяша, отчего и стало: зъ Невномъ Илляшемъ....с

Подобную штуку я замътилъ уже прежде на извъстномъ спискъ 15ти полковъ (виъсто 16-ти), на которые раздълилъ Малороссио Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждого полка сохранились у Коховского. Какой-то проказникъ въ прошломъ столътіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ:

> Въ Черниговскомъ — вмъсто 996 — 9,0261 Бъ Пъжинскомъ — вмъсто 983 — 9,083! Въ Кальнищкомъ — вмъсто 2,046 — 6,046!

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, навечатанний въ Аттописцъ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сечиненіякъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантына-Каменскаго, Среаневскаго, Маркевича!...

Такъ-то вышло и съ нохищениемъ грамоты — у *Ильяща*, изъ Переяслова: съ этими именами разошлась лётопись Самовидца во многихъ

спискать по Малороссін. Такой же синсокь ся быль и въ рукахь Грабянки, ибо онъ въ свое сказание о похищении грамоты у Барабаша прибавиль еще грамоту -- эна робление судень водныхь, данную королевскому зычливцу Иллящу Пер ясловскому! « Но извъстно положительно. какъ и въ вашей книгъ означено, что грамота королевская, въ которой дозволядось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяща поставалось совстить другое: получение и исполнение приказания сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспъло намъ дъло до Ильяша Каранмовича Переясловского, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ летописи Самовидца, отнять у него королевскія граноты и передать ихъ по принадлежности — Ивану Джитрівничу Барабашу и женъ его Агаейи. Черкасскому старшинъ не посчастливилось и въ летописи Ерлича, по крайней мере въ техъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войцицкимъ 1853 г. Тамъ, при сказанін о королевскомъ позволенів и денежномъ вспоможенів на построеніе челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: »давин имъ и ихъ старшему, по имени Дорошенкови« (1. 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмъсто Барабашенка.

По изложенному мною соображеню, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе літописи Самовидца таким з образом з:

»Въ Чигиринъ мъстъ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дълахъ козацкихъ военныхъ, и у писиъ въжливый,
и часто у двора кролевского въ поселствъ будучій; и подъ часъ бытности своей съ козакоиъ значнымъ Черкасскимъ зъ Иваномъ Барабашемъ (а той Барабашъ барзо зычливый королеви его милости), и упросили писмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо въдомости
гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ Черкассахъ.« И далъе: »...бо маючи въ дому своемъ у
гостяхъ того Барабаша....«

Согласны ли вы признать такое чтеніе, и темъ порешить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ летописаньи? А что въ драгоценной Летописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подъ конецъ 1656 года поставлено: «Тылко тое войско зостаючое къ Богу и ко Дибпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помочъ господареви Волоскому, тестеви его Василеви Липулу...« и т. д. (стр. 26). Ясное дъло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мъсто,

конечно, при поздивищей перепискъ льтописи; ему слъдуетъ быть подъ 1653 годомъ.

Подъ 1657 годомъ сказано: • Але Выговскій... высылаеть подкъ Нъжинскій и Стародубовскій у повътъ Полтавскій на залогу« (стр. 28). Здѣсь, по моему примъчанію, Стародубовскій полкъ поставленъ обмолькою; ибо этого полка не было еще въ 1657 году; онъ установленъ уже въ 1663-ме году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лътописи надо поправить такъ: »...высылаетъ полкъ Нъжинскій и Черимповскій«.

20 декабря.

ПИСЬМО 11-е.

О сотничествъ Хмельницкаго.

Мить остается отвъчать еще на одно мъсто вашего объяснения — о соммичество. Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ писарство.

Тутъ вы позабавились надъ тъмъ, что Богданово сотничество и назвалъ — скромнымъ званіемъ. Вы говорите: «Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что
Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника
до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій
неслъ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ
званіи сотника, то въ промежутокъ отъ1637-го до 1648-го года онъ
могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій,
какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ. «

Шутки въ сторону, а дело вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вамей книге о Хмельницкомъ следующее место: «Онъ получиль въ ней (т. е. въ службе реестровыхъ козаковъ) чинъ сотмика, а потомъ занималь место между войсковыми старшинами, какъ говорять некоторые, генеральнаго писаря. «(1.44). Какъ говорять писателей, миллера и Комискаго: это показалось мие требующимъ подтвержденія, что хмельницкій действительно быль войсковымъ писаремъ, и определенія, когда именно быль онъ въ этомъ званіи, что и сделано мною въ Украинце: я назваль Миллера и Конискаго только потому, что вы на низъ двухъ

cocsassics; dual v bach ome a Koxoockin, y neus crassed culo cu. To вы ссылаетесь на трехъ свидътелей; но ваши оговорки (экакъ говорятъ mbrojodne«) bee take sactablie on nehr opperbirts: Rucha me enenho Хмельниций быль писарень? Опазалось, что не было той постепенно-CTH. RARYIO H BILL MARH, TTO GLIPS ON'S COTHERON'S CHOPBA, 2 40 MO ME SABEналь ивсто въ войсковой старшинь, въ звани инсари. Такъ представлить могъ Миллеръ, оставливній его писаренъ до санаго гетманства; по въ старей козачини не разъ случалось, что полковинкъ становился сотниковъ и просто — товарищемь. По моему примъчанію, Хиельнацкій сталь войсковымъ писаремъ по взяти Павлюка подъ Боровицею, т. е. въ половинъ декабря 1637 года; это видно миъ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ » Писарь Богданъ Хмельницкій «; а до той поры, въ продолжение Павлюковой войны, были войсковыми писарями — прежній Өедорь Онушкевичь, а потомъ Ивань Догоринскій. Определявь такимъ образомъ, вогда началось инсарство Хмолькицкаго, я замътилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, нбо подъ конецъ Остряницынской войны, т. е. въ половинъ слъдующаго 1638-го года, былъ уже другой войсковый писарь, а Богданъ Хмельницкій остался попрежнему-Чигиринскимо сотныкомо. Быль ли онь въ другой разъ войсковымъ инсаремъ, на это изтъ у меня въ виду современныхъ, опредълительныхъ вээ встій. Возможности къ тому-я не отрицаю, но действительностине вижу, вотему и не признаю. А нежду темъ вижу, что Хмельницкій и подъ коноцъ своей до-готманской жизни быль въ званін соминика, напримъръ, въ 1647 году, ногда онъ со своимо полковникомъ ходиль вер Чигирина противъ Татаръ. Величко, инсавий нодъ вліянісиъ Дисьника Зорки, говорить, что Хисльниций быль на тоть чась сотникь Чиниринскій. А весто важиве для меня, что Козакъ-Самовиденъ знасть его в называетъ Чинфинскимъ сомникомъ. Вотъ почему я и оставжие его въ этомъ авания, съ ноловины 1638-го и до конца 1647-го, не нитя еще положениельного извъстія, чтобы онь въ промежутокь отніъ **ЛЭТЪ быль** войсковымъ цисаромъ.

Вамъ непремънно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ прівзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій былъ не сотникомъ, а войсковымъ насаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдеподобно, что Хмельницкій ванималъ чинъ войскового писаря въто время, какъ Оссолинскій вель съ нимъ я съ Барабашемъ переговоры. Иначе странно было бы предположить, чтобы канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дъломъ, для котораго мужны были люди съ въсомъ и вліяніемъ на пезачество. обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послъ неудачной развязки Владиславова предпріятія, возвратился въ свою сотню.«

Начего страннаго не важу я въ предположения, что Оссолинский, когда ему нужны быле люди съ въсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился въ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ сотмиковъ не было не прежде, не послъ, въ Украинъ Козацкой.... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествъ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто товаришель Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ норученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомивнія, онъ первый въ козачествъ быль на принетт. Оссолинскій, какъ сказано въ вашей книге, довериль тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще изкоторымъ возакамъ. Въ какомъ же чинъ предстали тъ козаки на совътъ канцлера? Ужь върно, не старше сотницкаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Остряницынской войны, нараженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго Войска; а туть, въ пріводь канцлера нь козанань, съ тайнымъ порученіемь оть кородя, мало Хиельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили вседля Владислава; и Оссолинскаго, и для козачества добавлю вашими словами: »самъ Конециольскій, врагь козацкаго сословія, уважаль его дарованія....«И такъ-пока не откроется современнаго свидътельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ быль войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званін — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его догетманской жизни.

М. Максимовичъ.

21 денабря, 1860 года. Михайдова-Гора.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

BACMAIR URTPOBMAA BBAOROUHTBHRA

первые дни въ школъ и первая поъздка домой.

.... Погрознать мить отець пальцемъ, и я онтывль.... Хома началь было уговаривать меня итти въ хату, но я не слушался; Хома хотвлъ увести меня насильно, но я схватился обтими руками за ворота.... И все смотрълъ я и смотрълъ на удаляющагося.... А когда, за первымъ изгибомъ дороги, онъ скрылся изъ виду, въ груди у меня какъ-будто что оборвалось.... Я застоналъ и, рыдая, повалился въ ситеъ.... Пусть Хома несетъ теперь въ хату, или пусть тутъ броситъ!...

Добрый Хома внесъ въ хату, в, положивъ на лавку, сквозь слезы принялся убъждать; но я отворотился отъ него.... И рыдалъ я до тъхъ поръ, пока не стало не слезъ въ глазахъ, ни стоновъ въ груди.... Затъмъ истощение душевныхъ и тълесныхъ силъ, какое-то тяжелое забытье, а тамъ и сонъ.... Спустился, наконецъ, благодътельный, на измученную скорбю мою душу и успокоилъ ее осиротвлую забвениемъ всего и всъхъ....

Проснужся я только передъ ужиномъ, и проснужся бодрый, веселый, иного болталъ.... Такъ ночь послѣ томительнаго, знойнаго дня заканчивается всегда восхитительнымъ утромъ, освъжительною росою.... Но когда пришла пора ложиться спать, когда я увидълъ, что не Васька стелетъ ипѣ постель, а Хома, и что не мать собирается укладывать меня, а тотъ же Хома, добрый Хома, ласковый, а все таки не мать! и не попестийето (не поласкалъ) меня на ночь, не поцѣловалъ.... И когда я
услымалъ еще слова Усти: »На що ему сте́дешъ, вклада́ешъ, якъ мале́ньку дитину? Хіба́ не чувъ«, говоритъ, »що татусь просивъ до всёго
привчать!», и слова хозяйки: »Себе́ знай, деда́ча!« слова, повъявшія на ме-

ня женскимъ заступничествомъ, такъ легко вызывающимъ наружу дѣтское горе, — слезы снова полились у меня... и я плакалъ, долго плакалъ, тоскливо приноминая то сцену разставанья съ матерью, тамъ, дома, въ свътлицъ... то образъ удаляющагося и грозящаго миъ пальцемъ отца... вътъ ли чего, подающаго хоть какую-нибудь надежду.... Нѣтъ, нѣтъ, ншчего пътъ!... »Покинули мене, веі покинули!...«

Таковъ былъ первый день перваго моего пребыванія межъ чужими людьми! Такова почти была и слёдовавшая за нимъ ночь! Всю ночь миё видёлись: то столь, съ кучкою карбованцовъ на немъ, а за столомъ смотритель, предлагающій вопросъ: »А какъ«, говорить, »Авраамъ хотёлъ убить Исаака?« то учитель Александръ Прохоровичъ, пыхкающій миё подъ самый носъ какимъ-то табачнымъ дымомъ; то Устя, всёмъ толкующая: »Нехай самъ привика́, нехай до всёго привика́!« — и я сжимался и сжимался, какъ-будто спритаться хотёлъ въ постели, вскрикиваль со сну....

Но не поквнули меня, не покинуль меня мой старикъ! Просыпаюсь на другой день утромъ, — на лавкъ сидитъ и разговариваетъ съ хозяй-кою и съ Хомою.... Всъ сны, всъ страданія забыты.... »Батюшка! « и, какъ быль въ постели, къ нему, прижался къ колънямъ, охватилъ объ-ими руками....

— Що се, що се!.. такий великий, та пеститьця!...

А между тъмъ одну руку мнъ на шею, прижимаетъ къ колънямъ, а другую на голову, тихо гладитъ....

- Годовка не болить?
- »A мама де?« поднявъ голову, чтобы взглянуть ему въ лицо.
- Я дона не бувъ....

Снова опустиль голову и еще кртиче прижался къ его колтиямъ, а онъ снова....

»Нѣтъ, говорю, не болятъ!...«

Кажется, не повърнять, принялся ощупывать голову, грудь, въ особенности ятый бокъ, около сердца....

— Може ти, говоритъ, плакавъ?... Чи ни плакавъ, вінъ?— къ Хомъ, хозайкъ, Устъ....

Уста захохотала... я и дыханіе притавлъ когда-то, когда я учился еще у дяди, высъкъ онъ меня больно за слезы подобнаго рода!

Старыкъ, впрочемъ, какъ-будто не слышалъ хохота, снова спросилъ, обращая на этотъ разъ вопросъ прямо къ Хомъ.

»Ні, не пла́кавъ! « отвътиль добрый Хома: «чого́-бъ же ёму́ пла́кать?...« — Коли не плакавъ, то розумний!.. и мати не буде плакать, недужать!...

.....Послъ завтрана отецъ велълъ одъться: —Въ училище, говоритъ, одведу!...

Я надъль сюртучокъ, кожушокъ; завязаль, вакія были у меня, вниж-

»Помолімся жъ Богу! чачаль креститься....

Я следоваль его примеру.

— Зъ Богомъ!... Прощавайте!

»Прощавайте! « Хома и хозяйка. »Нехай вамъ Богъ помага! «

Проводили обое до саныхъ воротъ....

Учители сидели по классамъ, когда мы пришли въ училище: такъ объявиль намъ одинъ изъ учениковъ, бывшій на крыльцѣ и почему-то предпочитавшій прыжки на генварьскомъ норозѣ сидѣнію за скамьею.... Сторожа же налицо не имѣлось: и въ этоть день, какъ и каждый день послѣ, во все время смотрительствованія тогдащияго смотрителя, онъ былъ на смотрительскомъ дворѣ, занимался тамъ разными домащищим занятіями, конечно не своими....

- Гаћ, спрашиваетъ отецъ у школяра, такой-то учитель?
- »Тамъ! « отвъчаетъ тотъ, указывая на одну изъдверей взгдадомъ и движениемъ головы, —руки заняты были согръваниемъ ущей.
 - Какъ бы его вызвать?
 - »Надо постучать въ дверь.... A вы развъ хотите его вызывать?
 - Да!

»Такъ обождите немного!...« и школяръ съ крыльца, и стръдой черезъ дворъ, и въ какой-то сарай....

Старикъ искоса посмотръдъ на удепетывающаго шкодяра, взгданулъ потомъ медькомъ на меня... вошедъ въ съни и постучадъ доводъно грочко въ дверь.... Дверь тихонько скрыпнула, и изъ-за цея—какъ-будто слизнячокъ вынырнулъ ...

— Зачень ты такъ громко стучинь? Учитель сердатца! — не потомъ, заметивъ, вероятно, у меня книги, мягче: — Кого треба?

»Вчителя вашого!...«

Слизнячокъ смѣшался....

- Такъ можна викликать ващого вчителя?
- »Заразъ, заразъ! підождіть трошечкя!...«

И скользнуль за дверь, какъ-будто она и не оттверялась....

Наконоцъ Александръ Прохоровичъ авился въ съни.... Повдоровавшись съ отцомъ и узнавъ, зачънъ пришли, велълъ мив иття въ классъ, а самъ остался съ старикомъ въ съняхъ....

Я номожь въ классъ, спотквулся на порогъ, недняль голову....

Головы и головы рядани... всв смотрять, улыбаются, насивиливо перешептываются.... » Село́, село́! «

Я растерялся, и, самъ не зная, что дължо, и къ задиниъ сканьямъ, чтобы не чувствовать непрявътливыхъ взглядовъ....

- Куди, село!!. кто-то изъ средвим....

Какъ заяцъ, налетъвшій на выстрълъ, я отправулъ, а весь классъ: ха, ха, ха!!!..

Въголовъ шумитъ, линін насившливыхъ взглядовъ и хохочущихъ ртовъ и вшаются, перепутываются, уходять въ глубь, ничего не вижу... телько хохотъ, да тижелый иракъ... тоска въ душт безпредъльная!...

О, друзья мов, много въ дътской натуръ есть жестекаго!...

Да, тяжело вступать въ храмъ познанія такими дверями, какими я вступиль в накими тысячи мив подобныхъ, можеть быть, вступали!... Тяжело даже вспоминать объ этомъ!... Горькое промлое, сглаженное въ своихъ угловатостяхъ времененъ и облатое милымъ свътомъ отдаленнаге и счастливаго дътства, пріятно воспоминается мив всегда, даже мріятно было мив воспоминать о моемъ первоиъ прощаньи съ матерью; но туть и воспоминать тяжело!... Рана, нанесенная сердцу въ дътствъ, еще не успъла совстиъ закрыться, хоть съ того времени миого-миого утекло уже воды изъ нашихъ ръкъ и ръчекъ въ Чернее море! я детровулся до больного еще мъста....

Не будемъ же дотрогиваться до такихъ мѣстъ! А если бы гдѣ нонадобилось непремѣнно, будемъ дотрогиваться помягче! Зоркое око и по наружному виду распознаетъ великость язвы и силу нанесеннато удара, а съ эрѣніемъ блягорукихъ — пусть кто другой возится, а я умынаю руки! не чувствую въ себѣ къ подобному д ѣлу ни малѣйшаго призванія!.. Да и вообще, будемъ веселѣе! веселіе — свѣтъ!...

Сколько я ни стараюсь вызвать воспоминаніемъ, что происходило въ класев носле описанной мною сцемы, — т. е., какъ учитель вошель въ классъ, что я тамъ дълалъ, или что со мною дълалось, — ничего не по-мню: мракъ, мракъ и мракъ! Помню только, что когда выпустили илъ клас-

са, я опрометью бросился на ввартиру и, не нашедши тамъ отца, рыдаль еще сильнъе вчерашняго....

Таковъ былъ второй день моего пребыванія между чужими людьми!.. На третій день отецъ опять прівхалъ ко мив утромъ и, отведши меня въ класъ, опять исчезъ. На четвертый день явился онь уже послів объда и провелъ со мною около часу; на пятый — вечеромъ, тоже неболье какъ на одимъ часъ... А потомъ убхалъ демой и уже цілыхъ двіт неліти ко мніт не являлся.

Что со мною ділалось въ эти дві неділи, почти ничего не номню; помню только: первую встрічу съ своимъ хозянномъ, помню, какъ Устя утіпала меня въ тоскі, и помню, какъ я возвращался обыкновенно мать школы на квартиру.

Первая встръча съ хозявномъ была на третій день пребыванія моего въ городъ. Пришедши наъ училища, я сидъль возлѣ стола и ожидаль, пока дадутъ объдать.

— Отъ, говорить Устя, выгланувъ въ окошечко: и татусь идуть! Я бросился и себъ къ окошку....

Солдать идеть — было первое впечатлѣніе; но оно было игновенно, в его тотчась закрыло другое впечатлѣніе: у солдата что-то на лѣвой ногѣ, какая-то огромная, изъ бѣлаго войлока, кейдя... (¹) ьЧто это за кендя?...Зачѣшъ она?... И только одна!..« и открыль даже окошечко, чтобы лучше поглядѣть, какъ она плыветъ по снѣгу, въ сѣнв...

»А, въ свин!« и отъ окошечка... началъ глядъть на порогъ..

Дверь скрыпнула, поднимается ке́ндя и шлёпъ черезъ порогъ!... Свова педнимается, и снова шлёпъ!... шлёпъ, по хатъ шлёпъ!... какъ какая-то лягушка пузатая!..

Я захохоталь!...

— Вишъ, який вінъ! раздалось у меня надъ самою головою.

Я сконфузился... подняль голову: меня разсиатриваеть—какое добродушное лицо!... Солдатская фуражка, по усамь и бакенбардамь сивгь; бълая шинель, фертомъ въ бока.... а винзу всё таки эта кенда... Ахъ, какая она сившная!...

Второе воспоминаніе тускате видвигается въ моей памяти. Помию только, что когда бывало затоскую кртико, и хозяйка велить Уств пойти со мною гулять, — Устя водила меня на базаръ и угощала тамъ... т. е. брала игъ моего кармана деньги, пока водилась еще данныя матерью

^{(&#}x27;) Kemra

п оставленныя отновъ, покупала на нихъ маковники или другів лакомства, тла ихъ и мнт иногда удтляла: »На«, говорить, »покоштуй — воно смашие!...« (1) И я коштувавъ, кртпко всегда недоумтвая, отчего ова тесть лакометва, а я только коштую, а не я тиъ ихъ, а она только коштуєть!... »Може воно такъ и треба!« думалъ я, »може тутъ такі звичай!«

За то третье воспоминанье разко выдвигается въ памяти — какъбуято это еще вчера со мною было.

Я лечу и лечу, вырвавшись изъ школы! не бъгу, а лечу! и на другой день такъ, в на третій... Сзади хохочутъ школяры; прохожіе указываютъ пальцами: «Народникъ«(2), говорятъ, «втіка́! народникъ втіка́!... «собаки гонятся за мною, духъ у меня захватываетъ, а я лечу и лечу!... Куда?... гдъ мнъ будетъ теплъе, куда инстинктъ поведетъ!...

Устя однажды стала было ему, выстинкту этому, на перепутьи, но что-то другое стало на перепутьи, и я не погибъ...

— Оце дурний! — сказала она инъ однажды, вида, какъ я лечу изъ училища: — Коли вже тікать (3), такъ тікавъ би въ свій ху́тіръ! — и засмъялась своимъ бездушнымъ смъхомъ....

»Втікать (*)? втікать додому? « подумаль я: »Чувь я, що втікають, и що.... « — и мив страніно стало: я съ ужасомъ отворотился отъ этой имсли.... Но въ особенно тажелыя для мена минуты, какъ демонъ-искуситель приходили инт на мысль слова Усти и манили мое воображеніе картинами жизни въ хуторъ, на свободъ...

Почему тутъ дъло не дошло до исполненія, ръшительно не могу объяснить: время давнее, да и мудрено въ подобныхъ случаяхъ распознавать главные мотивы дъйствованія дътской души отъ второстепенныхъ. Помню только, что однажды, когда особенно мит тяжело было и когда особенно долго занимала меня мысль: »Чомъ же? хіба гірше (5) буде, якъ оце?...« — такой приспился мит сопъ.... Сметесь? Не смейтесь! Вообще, сны въ нашей жизни важите занимають мъсто, чтиъ мы обыкновенно думаемъ, или, по крайней мъръ, чтиъ мы сознаемся; а у дътей — они въ числе сильныхъ двигателей ихъ дъйствій, и въ особенности у дътей съ живою натурою и пріученныхъ оглядываться во все стороны, отовсюду выводить заключенія.

^(*) Отвъдай — оно вкусное.

^(°) Ученикъ народнаго училища. Увзаныя училища, какъ извъстно, называлась прежде народными.

^{(&}lt;sup>3</sup>) и (⁴) Уходить — (³) Хуже.

Мит синлесь, будто я въ училище, живу на той же самей квартирт и проч. — словомъ, вся обстановка тогдашней моей действительности, — и но окончаніи уроковъ, пустился лететь... но не туда, куда я обыкновенно леталь прежде, а въ другую сторону, и не по земле, а по воздуху, — надъ домами, церквами, садамя.... Вотъ уже и городъ назади, я уже лечу надъ лёсами и глубокими ярами....

Вдругъ: -- »Васильку, Васильку! « надо миею.

Поднимаю голову—надо мною бѣлое облако, а на облакѣ—бабумка...—»Куди ти, дитино мой?«—»Додому!« говорю.—»Додому?... Оѣ не лети, мой дитино, додому!« убѣждать меня начала, доказывать, расказывать, что ожидаетъ меня.... »Ты«, говоритъ, не »долетимь, устанень, сядемь отдохнуть....«

-А поки бъ ти отдихнуют, знаймоют який чоловікъ и до ота́мана....

— »Що ти за хло́пець? « спята́въ би ота́манъ—сказа́въ— »Чого жъ ти? «

— »Не зна́ю! « — бо якъ же « , говоритъ , »сказа́тъ, що ти відтіла́.... (¹) няъ міста (²).... на́ветъ закла́вся бъ , забожи́вся.... Ой , не літа́й , Васильку , не літа́й дело́му ніво́ли!... (³) И одісла́въ би тебе́ « , продолжала далѣе , »ота́манъ до ба́тъка.... и звелівъ би.... »Може лаки́зка « (¹) , дума , »втікъ , — вно́ву втече́ , ли́ха (⁵) набіжн́шъ « И такъ по се́лахъ зва́вяюте.... ху́торомъ: »Втіва́чъ « , (6) ка́жуть , »втікачъ , втікачъ! « ... «

Я вздрогнуль, проснулся, облитый колоднымъ потомъ, съ невыразижею тоскою въ думб....

И теперь невольная дрожь пронимаеть меня, когда а принеминаю этоть сонь, и когда нодумаю, какь я близокь быль ко всему, что пророчило мят спевидеміе! И случась все это, — много-много язвъ намесено было бы моему сердцу, и много стыда исчезло бы изъ дётской души.... А темъ—дальше и дальше!... И кончиль бы я, можеть быть, такъ, какъ кончиль — помните, мен мкольные товарище? — мноляръ Гуря, начавшій тоже бёгствомъ домой.... И не писаль бы я, можеть быть, своей автобіографія, какъ темерь ее пишу, а выводиль бы, можеть быть, красивыя какія-нибудь литтеры въ какой-нибудь некрасивой полковой канцеляріи, или выписываль застувомъ въ какой-нибудь тайнственной шахтё тайнственныя дорожки.... И мяло яй еще чего не могло случиться со мною!... И кто же этоть мемёдомый, мли что это за невёдомое, недопустившее случиться всему этому, ставшее на пере-

(*) Бъглецъ.

⁽¹⁾ Оттуда. — (2) Изъ города. — (3) Никогда. — (4) Лакеншка. — (8) Бёды.

нутьм Устъ?... Имя и еще не успълъ тогда выпить чаши огорчений до два? думенила силь? случай?... мое незнане дороги доной?... Или въ симомъ дълъ эта картина ужаснаго будущаго, промелькиувшая предъмомы духовными очами сквозь тапиственное окошечко сновидъній?... Богъ въсть!

О, добрые земляки мой! учите своихъ дётей ласковъе и привътливъе встръчать новопрабылыхъ товарищей!... пусть остроуміе свое надъ ним упражинють посль, когда повоприбылые оботрутся уже, стануть въ школь, какъ у себя дома, погуть виёть своихъ сторонниковъ и, следовательно, могуть бероться равнымъ оружіемъ! Я бы попросиль объ этомъ и недагогоръ, но это не но ихъ части, а начальствующихъ просить — у начальства и бевъ того иного разныхъ серьезныхъ, очень серьезныхъ обязанностей!...

И долго в леталъ взъ школы на квартиру! и леталъ бы, можетъ быть, и долъе, еслибъ не приняла во мив участія одна добрая женщина.... Разсказомъ объ этой женщинь, — кто она была, какое оща приняла во мив участіе, и какія нослъдствія для меня питло вившательство ев въ мою судьбу, —я забъгаю нъсколько впередъ въ своей автобіографіи, но да будетъ тако! надобно съ этимъ предметомъ нокончить повозможности волите, чтобы потомъ къ нему не возвращаться!

Въ одномъ со мною класст, т. е. въ приходскомъ, былъ у меня товарищъ, по имени Иванъ.... По фаниліи я его не назову ванъ Иванано разнымъ причинамъ, да и потому, что и никто почти въ класст не называль его по фанціи.... У насъ, — вы, ножеть быть, знаете давніе наши обычан школьные: лишь попадется, бывало, межъ насъ какая особенная личность, — прощайся она съ своимъ предковскимъ прозванісиъ! Ее будуть называть пятью, щестью прозвищами, сочиненными тутъ же, но настоящимъ — никогда. Къ числу такихъ личностей принадлежаль и нашъ Иванъ. Во первыхъ, Иванъ виблъ фанилію, которая рифиовалась съ его именемъ Иванъ, и съ словами галаганъ, таркань, — его звали Иванъ Галаганъ, Ивакъ Тарканъ; потомъ Иванъ нивать лицо, усышанное веснушками, - его звали за это Иванъ Горобине Явае, Иванъ Сороче-Яйце; онъ быль маленькаго роста — его звала Иваеъ Знісокъ.... Иванъ былъ стращный охотникъ подраться на-кулачки, и когда драгся, прыгаль въ глаза и все норовиль, какъ бы лижтарі посвітить водь глазани, или паскудникь жить (1) съ воса, —

⁽¹⁾ Паскудникь — лошадиная бользнь; сбить паскудникь — пустить ло-

его и звали Иванъ Оса или Иванъ Слета (1); у Ивана, когда сердился, волосы щетинились, и весь онъ какъ-будто щетинился и раздувался, — его окрестили за это смакомъ, сршемъ (ёжъ, ёршъ); у Ивана были рыжіе волосы — учители звали его Рудая шельма, а учитель Лептинаъ, изъ Калужской губерніи, — Рыжая бестія.... Словомъ, сколько особеннестей, вышуклостей было въ Иванъ, столько и прозваній, и каждый крестилъ его по той особенности, которая больше кидалась ему въ глаза, или не гармонировала съ его понятіями о нормальности человъческой натуры. И не думайте, чтобы Ивана не любили. Напротивъ, его очень любили даже учители, — за его доброту сердца, за какой-то рыцарскій и вивстъ веселый характеръ, за умъ бойкій и за какое-то чрезвычайно пріятное, влекущее, открыто-сердечное выраженіе утыканнаго весиушками его лица. А ужъ я какъ его любиль!! Потому и буду называть его просто по имени, Ивасемъ, какъ я зваль его въ школъ.

У Ивася быль отець, отставной солдать, угрюмый старикь, съ сабельнымь рубцомь на щетинистой съдой головъ, и безъ двухъ пальцевъ
на лъвой рукъ, и была мать, женщина съ блъдно-жолтымь лицомъ.
Отець этотъ быль отецъ многочисленнаго семейства, и обладаль въ
высшей степи искусствомъ добывать льняное и конопляное съмя въ своей олійниці, что не только давило ему возможность содержать безобъдно себя и свое семейство, а отцовскій грунтъ въ приличномъ положеніи, но даже давало возможность обзавестись нъкоторыми жизненными
удобствами, конечно по своему состоянію: купить и держать коровъ,
расширить прикупкою и умпожить посадкою деревъ свой садъ и т. д.
Мать же Ивасева была—отличная мастерица приготовлять вареники съ
гурдою (²) и капустою, добрая жена, добрая мать семейства, хорошая
хозяйка, женщина въ высшей степени итжнаго и впечатлительнаго сердца и, когда жолчь не одолъвала ея, деликатности необычайной. Эта-то
женщина, мать Ивасева, и приняла во мит участіе.

шади кровь съ храпъ. Отсюда перенесено выражение къ тъмъ случаямъ, когда разшибается носъ до крови, на кулачкахъ и проч.

⁽¹⁾ Слётою называется человъкъ, лъзущій къ ванъ съ просьбою и проч. такъ, что нельзя отъ него отвязаться, — словомъ, якв слётой. Какой корень этого слова, или что собственно имъ обозначается, — т. е. какой предметъ или какое живое существо — не знаю. Должно быть, первоначальное значеніе слова утратилось, а осталось только переносное. Слёта—какъ-будто обадь, велико-русскій слънень, — что-то въ этомъ родъ.

^(°) Гу́рда — начинка, извъстнымъ образомъ приготовлениая изъ маку́жи. Что значитъ маку́жа — объяснено ниже.

Живя въ состяствъ съ ноими чозяевами, она тотчасъ узнала, что на ихъ кутку явился новый обитатель, народникь, и что этотъ народинить живеть у Решотии. Да и какъ было не узнать ей объ эгомъ! Такое важное событие, какъ появление тамъ новаго обитателя. - да объ этомъ если не въ самый день моего прівзда въ городъ, после того. какъ Устя сходила вечеромъ къ колодцу по воду, — такъ но крайней мъръ на другой же день, послъ всеобщей сходки на $\varkappa icmi(^1)$, затаратовили по встир хатамъ этого захолустья вст наймычки, хозяйскія дочки и самыя хозяйки, что моль такъ и такъ, такой и такой у него отецъ, на такихъ и такихъ лошадяхъ пріважалъ, и т. д.! Отъ Ивася, она узнала. какъ я встреченъ былъ школярами, какъ по окончаніи классовъ улетаю домой, и т. п. Ея нъжное сердце было тронуто монмъ одинокимъ положеніемь въ кругу товарящей... и, какъ я узналь объ этомъ послъ отъ самого Иваси, она кръпко ножурная его, что онъ вибстъ съ другими пресабдуетъ меня насмітшками, в велітла непремінно познакомиться со мною, защищать меня. Ивась, конечно, готовъ быль исполнить приказание матери, но познакомиться со мною онъ не имълъ инкакой возможности: входиль я въ классъ почти вибств съ учителемъ, а на дворв и на улицв никто изъ школяровъ не могъ ко мит приблизиться, потому что я уходилъ отъ всткъ, какъ отъ чумы, и ноги у меня, какъ у мальчика-степняка, были быстръе, чъмъ у народниковъ-горожанъ, и даже у селянъ, непріученныхъ къ бъганью и ходьбъ, какъ насъ пріучаль отепъ. Узнавъ о неудачныхъ попыткахъ Ивася сблизиться со мною, мать его обратилась къ следую. щей стратагемъ.

Въ одно прекрасное воскресенье (это было на второй или на третьей недълъ великаго поста), выслушавъ обтдию въ приходской церкви, она воротилась домой и стала поджидать, пока выйдутъ изъ соборной церкви, въ которую обыкновенно водили насъ, школяровъ.... Къ этому времени, она вышла со двора и остановилась у угла, образуемаго дорожкою, ведущею ко двору мовхъ хозяевъ, и уличкою, ползущей въ гору, къ дворамъ, расположеннымъ выше хозяйскаго двора, а въ томъ числъ и къ ея собственному.

Воть она тамъ себъ стоить, опершись локтяти на плетень, и будто что-то за нимъ разсматриваеть, а я тъмъ временемъ изъ церкви лечу.... Добъжавъ до поворота къ хозяйскому двору и почувствовавъ себя свободнымъ отъ всякой опасности, т. е. отъ опасности встрътиться съ ка-

^{(&#}x27;) На рынкъ.

кимъ-нибудь школяромъ, — я пріостановился перевести духъ и, по обыкновенію, оглянуться, далеко ли остались всѣ эти разные.... чужіе..., какъ съ боку у меня: — Чи ти, будь ла́скавъ, хло́пчику, не Білокопи́тенківъ! —

Я отпрянуль въ сторону, какъ-будто выстрвлили у меня подъ самимъ ухомъ, и быстро обернулся.... Ничего, ласково улыбается, кажется, не думаетъ гнаться!... должно быть, что-нибудь разсматривала за плетнемъ...—и я быстро пробъжалъ но немъ взглядомъ — что тамъ? не видно ли въ скважины?...

- » Бълокопитенківъ!...«
- Тямъ бо то!... Я тільки, говорить, гля́нула, за́разъ пізнала: якъ дві ка́плі води́ мату́ся!...

II такъ ласково улыбается, — мит и въ голову не прійди, что я, какъ увтряють домашніе, вылитый отецъ, а на мать нисколько не похожъ.

- •Здоровенька вона?
- Здоровенька!
- »Слава тобі, Царице небесная!... Однако, що це ин не привитаенесь! (1) — Съ улыбкою подошла ко инъ.

Я робко снялъ шашку; мы поцеловались.

— Який же ти, спиашу, моториий! и т. д. и т. д.

Словомъ, устроила мое знакомство съ Ивасенъ!

Благодарный тебѣ вздохъ, добрая, если ты жива! а если уже почиваешь въ могилѣ, подъ густою тѣнію пышныхъ яблонь и роскошныхъ линъ Толо́чанскаго кладбища, миръ праху твоему. Твой добрый примъръ научилъ меня, и я пригрѣлъ нашего Нетяму́щого, какъ ты пригрѣла мою запуганную и уединившуюся душу, и ввелъ его въ кругъ товарищескій, какъ ты ввела меня въ него чрезъ своего Ивася. Только не съ такимъ тактомъ и умѣньемъ поступилъ я съ Нетямущимъ, какъ ты поступила со мною! Да и глѣ, впрочемъ, равняться медвъжьей мужской лапѣ съ нѣжною женскою рукою, да еще такой лапѣ, какъ моя!... Нетяму́щій былъ — мальчикъ веселенькій какъ ласточка, живой какъ горо́бчикъ (²).... острая и низко остриженная черная голова, черныя брови и глаза, щечки пунсовыя, пухленькія внизу, коэму́шокъ назалъ оттопырившійся.... Словомъ, маленькая птичка веселенькая, подняла крылышки, рвется впередъ, за кормомъ!... Такимъ

⁽¹⁾ Не здороваемся. — (2) Воробущекъ.

влетъль онъ въ первый разъ и въ классъ, — къ тому, къ другому, задивается, болтаетъ, щебечетъ!... Но тамъ его оттолкнуля, тамъ захохотали, тамъ отворотались — конфузится, бъдненькій, еще больше сжимается, притаился въ углу!... А уровъ кончился, — изъ класса, и, онъ, какъ я во времена оны, лётомъ домой!... сегодня такъ, завтра, послъзвърего.... Приноминлъ я, добрая, твой примъръ, и умудрился!... Жолчно ты насмъхалась надъ моею неловкостью и грубостію, но и много зато меня ласкала и кормила лакомствами.... Выбралъ день, и выскочивъ прежде Нетямущаго изъ класса, засълъ за первымъ угломъ.... а когда тотъ, ничего не подозръвая, налетълъ, — я, какъ коршунъ на него, за кожушокъ.... Вырвался, — догналъ, снова за кожушокъ, и о землю!... Пищитъ бъдный мальчикъ! »Що я«, говоритъ, »тобі таке заподіявъ!...«(1) — »И я«, отвъчаю, »нічого не заподію, ходи тільки зо мною, не бійся мене!...« И подружились мы потомъ, особенно, когда и вытащилъ его изъ ръки, а онъ чуть не утопилъ меня при этомъ....

Миръ же, говорю, праху твоему и костямъ твоимъ, добрая!.. а если ты жива еще — благодарный тебъ вздохъ!...

Знакомство съ Ивасевою семьею было для меня, во многихъ отношевіяхъ, благодътельно. Это было единственное въ городъ семейство, гдъ
я былъ не чужимъ и гдъ, слъдовательно, могъ участвовать во всъхъ
радостяхъ и печаляхъ семейной жизни и поддерживать ту внутреннюю
теплоту, которою никакими средствами не напитаешь сердца дитяти,
живущаго отособленною жизнію, и, выросши безъ которой, сердце наше
никакимъ образомъ не можетъ становиться въ уровень — ни съ лучшими
стремленіями своего времени, ни съ нуждами и воздыханіями народныхъ массъ: человъкъ, выросшій безъ такой теплоты, все только будетъ вращаться или около порожденій грязныхъ или, по крайней мъръ,
мелочныхъ страстишекъ, или около фикцій, ни къ небу нестремящихся,
ни къ землъ неприкръпленныхъ. — Тутъ же, въ семьъ Ивася, при нуждъ, мнъ не отказывали въ кускъ хлъба; а раздавали дътямъ лакомство, —
маковниковъ, напримъръ, мать приносила съ маста, деставала изъ жижей (2) куски маковой мажу́жи (3), такъ любимой, бывало, нами, бычка (4)

^(*) Сдълавъ, причинилъ зло. — (*) Кладовая въ хатахъ, входъ въ которую наъ същей.

⁽³⁾ н (4) Бычком в называется комъ толченаго и поджаренаго въ олійниці коноплянаго стменн. Лакомствомъ этимъ подчиваютъ у насъ обыкновенно дътей, во время самаго добыванія масла. Макухою называется твердая масса выжимокъ, остающаяся послт добыванія масла.

дівлаль старикь въ своей олійниці и даваль дівтянь, — меня тоже не обходиля. А ужь садъ просторный и тівнистый для гулянья, яблока и $\partial \dot{y}$ -лі (1) доставать съ деревьевъ, вишни срывать очеретяными липка-ми, — все это было вполит къ монить услугамъ.

Но больше всего, по крайней мъръ осязательнъе всего, было для меня полезно—знакомство, можно сказать, даже дружба, съ самимъ Ивасемъ Это былъ неразлучный спутникъ во всъхъ мояхъ забавэхъ, шалостяхъ в похожденіяхъ, а прежде всего — онъ первый ввелъ меня въ кругъ моего товарищества, защищалъ меня тамъ, и если не примирилъ, можетъ быть, вполнъ моей души съ этою школьною жизнію, — по крайцей мъръ по возможности сдълалъ сноснымъ ея бремя.

Не безкорыстна, впрочемъ, была ко мит дружба Ивася! Играемъ. бывало, съ нимъ где-инбудь у булки, или шляемся по горамъ и выслеживаемъ зайцовъ, — просто, только бы найти, спугнуть и потомъ потюкать, — вдругъ: •Стой!... Бу́дено, Васю́тко, на кула́чки би́тьця!« Такая ужъ проклятая у него страсть была! Отнъкиваюсь, бывало, отговариваюсь; — нечего дълать, умолить! и »братіку«, и »голубчику!«. И накъ согласишься, бывало, такъ и разгорятся глазки! прыснеть въ сторону, надвинетъ шашку на носъ, подскочитъ, упрется головою тебъ въ животъ, — и начнетъ какъ мельница работать руками.... и по головъ тебя, и по плечамъ, а иногда и въ носъ или въ зубы.... Самъ, бывало, плачеть, какъ увидить, что изъ носа у тебя или изъ зубовъ кровь, но что будешь дълать!... И на другой день — опять тоже.... Я, впрочемъ, скоро умудрился, какъ съ нимъ быть. Какъ обуяетъ, бывало, его демонъ кулачокъ: »Добре!« говорю, »согласенъ; тільки дай свій кожушокъ!...« А надобно вамъ знать, что кожущокъ у него былъ сдъланъ маъ кожухя его отца, въ которомъ тотъ работалъ бывало въ олійницъ, замасленый, затужавълый, — словомъ, какъ желёзный, да еще и покрыть толстою пестрядью: закутаюсь хорошенько, и, сколько душъ угодно, пусть колотить! И что жъ бы вы дунали? Какой бы ни быль морозъ, сниметъ съ себя и дастъ! Такая ужъ, говорю, проклятая была страсть!...

Кромѣ Ивася, въ классѣ явился у меня скоро и другой защитникъ, съ которымъ хоть я и не былъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, какъ съ Ивасеиъ, но заступничество его было для меня гораздо дѣйствительнѣе заступничества Ивася. Другой этотъ заступникъ прозывался

⁽¹⁾ Лучшаго сорта груши, имъющія продолговатый видъ.

Денисенкомъ, былъ выше меня классомъ, дубина почти въ сажень ростомъ и съ усами, — да, съ усами! Тогда и въ приходскомъ классъ важивались школяры съ усами!

У меня съ Денисенкомъ не было никакой пріязни, да ея и не могло быть между школярами такихъ различныхъ возрастовъ; мы даже не знали одинъ о другомъ, гдѣ квартируемъ: съ одной стороны, это было своего рода патронатство, а съ другой — своего рода кліентство, водившіяся въ школахъ и тогда, какъ водятся они теперь, — телько въ то время они не имѣли такихъ гадкихъ и гнусныхъ побужденій, какъ это часто бываетъ въ настоящее время. Просто, каждому сильному нужна была своя партія, которую бы онъ могъ защищать отъ другихъ сильныхъ, покровительствовать ей, и въ вознагражденіе считаться отъ нея и отъ другихъ ея главою, и такияъ образоиъ удовлетворать своему тщеславію и самолюбію, а при случать и получать отъ кліентовъ разные подарочки и пользоваться разными ихъ нослугами, — какъ напримъръ, сбъгать на базаръ и купить бубликіев, сбъгать на квартиру и принести забытую книгу, подать воды, сказать, по наущенію его, какому-нибудь другому сильному »дурня« и т. п.

По какому поводу я попалъ въ кліенты Денисенка, рѣшительно не помню; но помню хорошо, чѣмъ я ему платилъ за его патренатство.

Я сказалъ, что онъ былъ почти въ сажень ростомъ, и сказалъ это не въ фигуральномъ смыслъ. И Денисенко это очень зналъ, и ему очень нравилось показывать всёмъ, что онъ почти въ сажень ростомъ; а чтобы было это всёмъ очевиднъе, придумалъ такое средство. Станетъ, бывало, посреди класса, подберетъ фалды своего сюртука, раздвинетъ ноги: — »А ну«, говоритъ, »Білокопитенко!... Дивітця, дивітця!« И всё школяры дивлятия, а я, сложивши руки на груди, тихо, тихо, не нагиная головы, прохожу межъ его ногами, какъ, во времена оны, проходялъ греческій корабль на всёхъ парусахъ межъ ногъ Колосса Родосскаго.... И если я бывало пройду между Денисенковыхъ ногъ, не задъвши ихъ ни головою, ни плечами, восторгу его не бывало конца! и я могъ послѣ этого напуствть его на цѣлую толпу другихъ сильныхъ, съ увѣренностью, что онъ загонитъ ихъ всѣхъ подъ скамьи, и что ребрамъ и плечамъ ихъ сильно, сильно достанется. ...

Не правда лв, странныя были прихоти у Денисенка? Ну, подите жъ вы съ нимъ! Ужъ на роду, върно, написано вевиъ сильнымъ имъть странныя прихоти!... Заступничествомъ, впрочемъ, Денисенка, я не долго пользовался — да оно, впрочемъ не слишкомъ-то послъ и нужно

мить было, потому что съ Денисенкомъ исчезли какъ-то у насъ почти вст сильные.... Напроказили ли они сильно, или, можетъ быть, кому не понравилось, что люди вздумаля поучиться уму-разуму коть послт, коли прежде, въ свое время, этого не успъли сделать, — не знаю; но только они какъ-то вст, говорю, у насъ исчезли, — скоро послт поступленія моего въ школу. Ну, а всякому извтстно: — сильныхъ въ школт нтть, безсильные въ покровительствт не нуждаются.

Но я слишкомъ хватилъ впередъ! Воротимся снова назадъ.

Недъли черезъ двъ послъ поступленія моего въ училище, снова явился ко мнъ отецъ. Прівхаль онъ очень рано, еще передъ разсвътомъ, — изъ чего, зная его обычай, я тотчасъ догадался, что дома случилось чтото необыкновенное. Дъйствительно, тамъ случилось важное событіє: въ мое отсутствіе помолвлена старшая изъ незамужнихъ сестеръ, — отецъ прівхаль въ городъ за покупками, — свадьба должна быть чрезъ недълю.

Дождавшись разсвъта, отецъ велълъ инт одъться и взять книги, нужныя для классныхъ уроковъ, и поъхалъ со иною въ лавки. Что онъ тамъ покупалъ и какъ, — не буду разсказывать, потому что не намъренъ разсказывать про свадьбу сестры. Не могу, однако, не передать сцены, бывшей при покупкъ лентъ, или, лучше сказать, не могу не указать на черты въ характерахъ отца, какъ покупщика, и купца, какъ продавца, черты, обнаружившися по поводу этой покупки. Подобныя черты у нашихъ покупщиковъ и продавцовъ и теперь еще не ръдкость.

Надобно, впрочемъ, сказать вамъ напередъ, что отецъ мой очень не любилъ дълать покупки и особенно не терпълъ разнаго мърянья, прицънки и прочихъ подобныхъ принадлежностей купли. Словомъ, онъ въ этомъ случать былъ человъкъ такого рода: нужно ему, бывало, чего-нибудь непремънно, напримъръ ситцу, что ли; и нужно, положимъ, десять аршинъ. » Дайте«, говоритъ, »такого в такого ситцю! Та небагато: мені треба десять аршинъ! « и какъ подастъ купецъ цълую штуку, и понравится ситецъ: »Гарний (1)! говоритъ: »а скільки тутъ аршинъ?... Та годі мірить — такъ кажіть!

- Тридцять!
- »Тридцять! А стоітця що?
- Сімнадцять!
- •Сімнадцять!... Не сімнадцать, а пятнадцять?

Словомъ, почнется торгъ на глазомъръ, за цълую штуку, или, гово-

⁽¹⁾ Xopomin.

ря точиве, не торгъ, а, съ одной стороны; пятийдцять, пятиадцять; а съ другой: »Ну, безъ золото́го!... Ну, безъ кепи (безъ 20 коп., безъ 50 коп.)....« Потому что, надобно знать, если старикъ сказалъ цёну,—не сдвинется съ нея, хоть бы изъ-за этого пришлось въ три-дорога заплатить въ другой лавкъ. Развъ бы сказалъ свою цёпу такъ себъ, чтобы довідатьця ума у молодо́го крамаря (1), или чтобы обиъняться шутками съ старымъ знакомымъ....

- И то гроші! скажеть купець...
- »Чомъ же не гроші? хороші гроші! карбованці—не жидівскі обрізанці, а повні (2), — бумажки зъ світомъ!«

И купить старакь такимь образонь ситцу целую штуку; купить, раззадорвишясь, еще штукъ нъсколько; купитъ и другихъ разныхъ разностей! Найметь потомъ тригубого жида Гершка, съ бродячею его трупцою, на итсколько недаль, и обощьеть встав лать на итсколько! И сдадаеть въ завлючение старивъ ге: еральную ревизію: »Глядіть же мені, бережіть, шводуйте (3)! бо це вже «, говорить, »годі (4)! годі гроші мар но (5) тратить на прокляті ганчірки (6)! Вст улыбнутся, выслушавъ такую річь: --есть новые наряды...а вийсті и вздохнуть, потому что если старикъ сказалъ, то года два быть всъмъ навърное безъ обновокъ.... 1) обратить потомъстарикъ ръчь къ Гершку: »А ти, « говоритъ, »Гершку, и въ двіръ більше не заглядуй; бо далебі (7), саломъ нагодую! «Усмъхнет» ся Гершко своею добродушною тригубою улыбкою, приподниметь правою рукою съ правой стороны ядомокъ, поскребеть надъ правымъ песикомъ: »Ги, ню!... А къ великодню робота оуде?« Проведетъ послъ этого старикъ ладонью кръпко у себя по лицу, отъ самаго лба до самой бороды: »Проноза, моль, ти жидівська! « — » Буде жъ «, говорить, »буде робота, явъ саломъ тебе нагодую! И закончить онъ свои похожденія, по нелюбимымъ имъ палестинамъ покупокъ и приготовленія для семьи нарядовъ, приказаніемъ подать графинчикъ, покропить съ Гершкомъ но вое платье, что тамъ еще покроено и помито....

Таковъ былъ покойникъ старикъ въ этого рода дълахъ! не любилъ, кръпко не любилъ нарядовъ, возни съ купцами, прицъниванья къ товарамъ, и т. д. и т. д. И если ужъ онъ былъ въ необходимости покупать, то покупалъ разомъ много, поскоръе.

Такъ онъ хотълъ поступить и при покупкъ свадебныхъ лентъ. Но

⁽¹) Купца. — (²) Полные, т. е. необръзанные. — (³) Жалъйте. —(⁴) Полно! — (в) На пустяки, напрасно. — (в) Тряпки. — (л) Божба оЕй!«

не туть-то было! Купець, у котораго старикь двлаль закупки, быль изъ тъхъ украницевъ-купцовъ, которые, увы! начвнають уже переводиться. Это быль человъкь аккуратный въ высшей степени, даже въ мелочахъ; любиль все делать отчетанво, не спеша. Онь любиль добрать свой проценть и твердо на этомъ стояль, но никогда не позволяль им себъ. не своимъ приказчекамъ, некакихъ недолиріво, недовісківо, не повволяять заганять и завертать цвны, брать съ покупателя лишню копійку.... Потому-что ему котілось одному отправиться на тоть світь, а не въ сопровождения этихъ педомірківь, недовісківь, лишніхь копіёкь, я чтобы эти недомірки, недовіски и лишні копійки не выступняв впередъ на Страшномъ Судъ и не засвидътельствовали предъ лицемъ Бога и святыхъ ангеловъ его, что, молъ, эмы вонъ какіе и вонъ какіе; что, моль, як в тому-то должень бы пойти, а я у того-то остаться но что человъкъ сей, на томъ, человъческомъ, свътъ, купцомъ Рудею звавшійся, не довісиль нась, не доміриль, сорваль.... И чтобы, выслушавъ эти свидътельства, Богъ не велълъ итти ему въ геенну огненную... не схватили бы его нечистыя силы и не начали бы въчно руки мърить раскаленными аршинами, а несытую пельку (1) набивать раскаленными конейками и горящими недомірками и недовісками.

—Покажіть ще мені, — говорить отець, накупивь у купца разныхъ разностей: — стрічокъ весільнихъ (2), стёжокъ!

Купецъ досталь огромный пукъ пунцовыхъ в розовыхъ лентъ всевозможныхъ оттънковъ и ширины; между ними путались ленты и другихъ цвътовъ; отецъ взялъ, повертълъ въ рукакъ: »Та тутъ«, говоритъ, »естъ и невесільні.... Однакъ дарма (3), въ хазайстві пригодатця! А що стоітця (4) сей жиутъ (5)? та скоріше, будьте ласкави, бо ніколи!

Купецъ, уступавшій до-сихъ-поръ отцу въ другихъ покупкахъ, зная болье или менъе на память мъру свеихъ товаровъ, тутъ ръшительно воспротивился продажъ глазомъромъ.

— Якъ можна — скоріше !—говорить : —туть треба помірить: не напамятуєсся (6) всёго!

И пошли спорить! Отецъ говоритъ, что тутъ на полдня будетъ мърить, безъ мъры дъло пойдетъ скоръе; а тотъ—что безъ мъры не продаетъ, своего напрасно потерять не хочетъ и чужниъ воснользоваться не желаетъ. Спорили, спорили, и дъло кончилось тъмъ, что купецъ пре-

^(*) Глотку. (*) Свадебныхъ. (*) Но начего! (*) Стоитъ. (*) Пукъ. (*) Нельзя помнить.

доставнять отну взять ленты, — тамъ ихъ, дома у него, помъряютъ, а поторгуются и расчитаются, когда отепъ прітдеть на маслянскую ярмарку.... А купцу отецъ быль не то: что называется знакомый покупиликъ это я ноложительно знаю!

Отецъ согласился на сдълку, но заставилъ купца взять, въ обезнечение уплаты, білу бумажку (25 р. аес.).... И отцу купецъ тоже былъ не то, что называется знакомый купецъ, и это я положительно знаю!...

Этоть случай, котораго я быль очевиднымь свидетелемь, не знаю почему, привель мев на память обычай, бывшій, комечно въ пизшихъ слояхъ общества, у насъ повсемъстнымъ въ старину, какъ расказывартъ наши сторожелы, --- виенно обычай, въслъдствіе котораго тяжущіеся обывновенно вздили въ cydъ вивств и на одной повозкв, то-есть, на одной повозкъ и истецъ и отвътчикъ, пожалуй и съ свидътелями объихъ сторонъ.... Бдучи вибств, вли и пили водку, толковали о своей тажбв, высказывая свои шансы и ожиданія.... Разскавывавшіе мит про этоть стародавній, обычай старожилы наши всегда присовокупляли, что, въ савдствів такого обычая, тяжба не изгоняла между тяжущимися всякихъ другихъ отношеній, не поглощала между ними всего и не поселяла той ненависти, какую обыкновенно поселяеть тяжба между нами въ настоящее время. Сверхъ того, но замъчанію старожиловь, часто случалось, и особенно, при участін въ побадкъ и свидътолой, что, добхавъ до какого-нибудь хутора или села, остановившись въ немъ кормить лошадей, и выпивъ за полуднемо или за сніданнямо по двв, по три чарки, воселящей сердце человъческое, тией заспидьской, розгуторятия, объяснятся, обнимутся, поцълуются и воротятся домой, плюнувия туда, вазадъ, на свой следь: » Нехай, мовъ, западутця вони, тії позви, зъ судами ёму # 30 BCIMB!...

Покончивъ съ купцомъ, отецъ взялъ пукъ лентъ и распорядился съ нижъ, какъ распорядился съ пукомъ засаленныхъ ассигнацій Константинъ Оедоровичъ Скудронжогло, врученныкъ ему затажимъ кулакомъ въ сибиркъ, т. е., не глядя на него, прехладнокровно сунулъ въ карианъ, только не въ задній карианъ и не своего сюртука, а въ находившійся съ боку карианъ синяго каптана....

Посла этого, отенъ отвезъ меня въ училеще и, высаживая тамъ изъ саней, сказалъ, что онъ еще увидится со мною. Дайствительно, черезъ часъ онъ прівхалъ проститься и, прощаясь, объявилъ мав, что въ

патницу, на сатаующей неділів, пришлеть за мною ломадей, взять домой на свадьбу, что смотритель уже согласился на это...

Можете представить себъ, съ какииъ нетерпъніемъ ожидаль я этой пятиицы!... А вечеръ наканунъ!... Случалось ли вамъ санимъ, помните ли?

Какъ въ чаду какомъ-то вы: укладываете вещи, прислумиваетесь, — авось сегодня еще прівдуть!... А туть и урокъ еще назавтра: »Что есть покаяніе?... Покаяніе есть..... А жилетикъ! « вскрикиваете, вспоминивъ, что его-то и не удожили...

И такъ вы отъ связке съ вещами къ книгъ, отъ квиги къ связкъ... а такъ къ дверямъ: кажись въ съняхъ что-то стукнуло....

А эти томительныя ночи наканувъ, поминте ли? Сонъ не идеть, думаете, что тамъ дома будетъ, — мать....

- А ну, забудутъ прислать дошадей?... вдругъ приходитъ вамъ на иысль: — или лошади захромали?... »Нътъ«, отвъчаете ръшительно: »не забудутъ, не захромали...«
- Одиако? и переворичиваетесь на другой бокъ. —Или смотритель скажетъ.... Ну, что же онъ скажетъ?... Ну, скажетъ: эне вади, да и полно!... Или Apane білий npййde?...

Переворачиваетесь снова.

- Нътъ, зачадаю! наконецъ ръшаете вы—надо же этимъ неспоснымъ предположения положить конепъ!...
- И подняшись на постелькъ, вертите указательными нальцами и мотомъ ихъ сведите, — со всею силою желанія, какъ-бы они столкнулись.

Muno!...

»Да въдь нужно три раза загадать!...

Спова вортите, снова сводите, зажмуривъ глаза, — какъ-будто въ темнотъ можно что увидъть.... Попали!

»Я такъ и дуналъ!

Гадаете въ третій разъ, и какъ въ третій разъ вышло иние, гадаете те трижові-три, на томъ основанія, что вы не думали, о чемъ гадаете.... а думать непремѣню надо.

И такъ волнуется и волнуется вама дѣтская душа — делго, долго!... И долго мечетесь вы съ боку на бокъ въ постелькъ, пока сонъ не налетитъ какъ-нибудь нечавищо-нежданио, какъ-нибудь съ-размаха, въ промежутокъ двухъ душевныхъ ощущеній, когда одно не усиъло еще смѣ-инться другимъ.... не налетитъ и какимъ-то тяжелымъ угаремъ не прикуетъ къ подушкъ накалившуюся отъ безсонницы и тревожныхъ мы-

слей ваму головку, а раскаленную вашу фантазію не пустить на свободу: пусть, моль, пока! И во сит ему разные Бълые Арапы пальцами вертить подъ носомъ: »Не пришлють по тебь лешадей, — отець забыль, — захромали, и ты — въ мколу, въ школу!...« И такъ — долго, долго, нока мало-по-малу угаръ не испарится, фантазія не уляжется, и вашего существа не начнеть обвивать сонъ легкими покровами....

А какъ легко просыпаться послё такого сна!... Остался только день, только одинъ день!... И сколько хитростей вы употребляете петонъ съ этимъ днёмъ, чтобъ онъ ушелъ себё поскорте.... Вы ужъ обзавелись на квартире собственнаго изобретения солнечными часами: дейдеть тень отъ коморы до этого иеста — такая пора дня, дейдеть сида — такая; а знаете наверное — не смотреть на тень, демь уходить скорте....

»Ну«, говорите, »не буду смотреть! Сначала насчитаю тысячу, потомъ палецъ возле пальца оборочу тысячу разъ, вотомъ.... ву, вотомъ и посмотра»!

И считаете тысячу, вертите палецъ вокругъ пальца тысячу разъ.... стараетесь двлать это какъ можно медлениве, а между твиъ, месносная твиь — ну, какъ марочно!...

Впроченъ, на этотъ разъ судьба была ко инв благосклонва.... Двдо вотъ какъ случилось:

Просыпаюсь въ пятницу (я спалъ на лавке у покумия). Хома — ва верема́тию, свеча подъ начиния на, — словно мальчинка на веревочной качеле, — арко освещаеть заднюю стену, нагнувшуюся надъ роббтою $(^1)$ соломенную Хомину́ покрышку.

Хома тчетъ: човникъ (2) играетъ, начиння тамичетъ, шайда въ мадени похлопываетъ.... Хома работаетъ руками, Хома работаетъ плечами, — носомъ, губами, селоменною нокрышкою.... работаетъ, претвъведы будто плыветъ, болтая ногами тамъ, подъ верстатью, въ полумравъ, словно въ темной влягъ ръчныхъ зыбей....

Возять Хомы, у печки на лавкт, лысиною къ хатт, — такъ знаете, по домашнему, — съ необутыми ногами, сидитъ мужъ браней первой четверти настоящаго стояттія, — цівки суче.... Забывъ про свое военное и унтеръ-офицерское званіе, и отложивъ, такъ-сказать, въ сторону

⁽¹) *Робота* — работа; но въ ткацкомъ двяв, *робота* — основа на верстати, — словомъ, то, что ткутъ. Напомню при этомъ читателю, для лучшаго уразумънія картины, что верстать у насъ помъщается обыкновенно за печкою, гдъ бываетъ піль, переднею частію къ хатв. — (²) Челнокъ.

и свой, викуда негодный, тесакъ, и свое, никуда негодное, ружье, мужъ браней предается занятіямъ мирнаго гражданина, — предается со всею любовью праведной думи, проведшей, можетъ быть, цѣлую половину своей жизни въ бездѣльи, и со всею виммательнестью души, малоопытной въ подобномъ занятіи и притомъ вижющей предъ собою такого знатокасудью, каковъХома.... Носъ его, губы, подбородокъ, бакенбарды, — все его добродушное лицо, вытянулось впередъ, съуживается.... превратилось въ какое-то мышиное рыльце, быстро и пугливо обнюхивающее подвернувшееся лакомство.... или какъ-будто, виъсто головы у героя браней, рука съ иятью пальцами, и эти пять пальцовъ протянулись къ станку, пучечкою (1).... что-то снять съ него хотятъ.... но что-то сзади мѣ-шаетъ, толкаетъ подъ локоть.... Станокъ гудетъ, клубокъ въ обича́йци (2), словно двадцать чертей гонятъ его кнутами, — мечется какъ угорълый, скачетъ, кувыркается....

За спиною у героя торчать съ печки ноги Усти, а надълысиною рыжій котъ свъсиль съ коміна (3) голову, и внимательно слъдить за работою....

Въ сторонъ отъ героя, предъ истопленною жарко печью, — хозяйка, съ лицомъ, тоже какъ-будто жарко истопленнымъ и накаленнымъ до-красна: сидитъ на скамейкъ, беретъ одинъ за другимъ лежащіе возлъ, на столъ, на чистыхъ подушкахъ, бу жанцi (4), и посылаетъ одинъ за другимъ въ печку....

Всторон'я отъ хозяйки, въ темномъ углу, кто-то, изъ деревни върно.... върно, дрова козяйкъ привезъ, муку.... или, можетъ, кто изъ родичей хозяйна затхалъ.... должно быть, дремлетъ, — то и дъло, кланиется хозяйкъ и печкъ....

Я възвулъ — о-хо-хо-хъ! славно, молъ, выспался!... потянулся и моднался на нестели.... При моемъ зъвкъ все въ хатъ притихло, а рыжій насторошилъ уши.... и удостовърнышесь, что они его не обманули, перекинулся на спину и протянулъ ко миъ свои лапы....

»А що, — говорить Хома, отводя въ сторону свъчку съ качелею ж

⁽¹⁾ Пучки — оконечности пальцевъ. Взять пучкою, пучками. — взять оконечностями нальцевъ, и большею частію — взять осторожно; взять пучечкою, пучечками — очень осторожно, нъжно.

^(*) Обичайка — обручь у сита или у решета. Въ обичайку кладутъ клубокъ, чтобы не закатывался далеко.

^(*) Комінь — верхняя часть печки. — (4) Булки.

выставивъ свое добродушное лицо: — А що, — говоритъ, — тобі сив-

- Нідого!
- »Якъ-нічого? Може, снилось, що прислаля?...
- Hi! подхватиль герей браней, выпуская съ руки сучокь (1), насупливаясь и какъ-будто чего ища вокругъ себя, знакъ, что быль въ очень сильномъ юмористическомъ настроеніи: Hi, говорить, ёму сийлось, що не буде зъ нами обідать!... безъ обіду буде!...

»Безъ обіду не буде! «перебиваетъ хозяйка: »я ёму букане́пь дамъ....

Рыжій, темъ временемъ—съ коміна, на печку.... царапнуль мимоходомъ Устю по ногѣ, и на плечо къ герею — »Брысь! тьеу! « — на верстать, на лаву, и ко миѣ на колѣнн.... тернулся разъ головою и бокомъ миѣ о грудь, въ другой разъ махнулъ сюда-туда хвостомъ, задѣвая мена по лацу и но носу, и опрокинулся вверхъ ногами....

»Довго-жъ тв епишъ, Васильку! — отозвался наконецъ и тотъ, изъ угла.

- Грицько!...

И я — съ постеля, на полъ, къ Грицьку на колини и принялся цълевать его въ усъ, въ чуприму, въ щоки....

И всегда такъ случалось со мною въ детстве: Радости и печали приходили ко мне какъ-то нечаянно, не оттуда, откуда я могъ ихъ ожидать, мли не тогда, когда оне должны бы, по моему разсчету, нрійти. Разсчеты мов, въ этомъ отношеніи, всегда какъ-то оказывались неверными. Въ одномъ только расчетъ мой всегда быль веренъ: если я предиолагалъ, что радость мяе не пройдеть даромъ, что позже или раньше я делженъ порядочно за нее поплатиться. Впрочемъ, у меня оказывался вернымъ еще следующій разсчетъ: если, бывало, мит приснятся ночью выоны, и на этомъ основаніи я равсчитываль на палі (2) — непременно сбывалось!...

(Продолжение будеть.)

⁽¹⁾ Ручка, которою приводится въ движение сукальный станокъ.

^(°) Удары линейкою по рукъ.

ПЛАЧЪ РОССІЙСКІЙ.

Стихотвореніе подъ этимъ заглавіемъ найдено мною въ рукописи, принадлежащей библіотекарю С.-Петербургской Публичной Библіотеки, А. О. Бычкову, писанной въ полужисть и оправленной въ кожу. Это сборникъ, составленный въ началъ XVIII въка на польскомъ, латинскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ. По содержанію статей, видно, что онъ принадлежалъ какому-то дуковному лицу. На предпоследнемъ листе румониси (которыхъ всего 29) обозначенъ 1718 годъ, въ который сдълана копія. За тъмъ слъдуеть предлагаемое стихотвореніе. Не ръшаюсь опредълять, когда именно оно сочинено, но видно, что относится ко временамъ колебанія Украины между Московскимъ государствомъ и Польшею. Какъ выражение духа времени, вражды партій и нонятій духовенства о Подъщь и Россіи, оно заслуживаеть вниманія. Подобных в сочиненій ходило много но рукамъ, и они поддерживали въ народъ вражду ко всему польскому, пережившую въ немъ и самыя воспоминанія о борьбъ за личную независимость съ вельможною шляхтою. Я сохранилъ въ точности правописаніе подлинника, такъ-какъ оно можеть повести къ разнымъ соображеніямъ о мість и времени сочиненія этихъ виршъ. Не могу не указать мимоходомъ на безсиле выраженія и отсутствіе поэзіи въ этомъ произведенім подавленной схоластикою семинарской музы, сверстимцы свободной музы народной, которая и до, и во времена, и послъ Богдана Хмельницкаго производила столько пъсень и думъ, дышащихъ въчною свъжестью и красотою.

П. Кулимъ.

20 января 1861. С.Петербургъ.

О Боже мой милостывій!
возри на плачь мой ревнивій.
Где б'ёдница есть такая,
якъ я россія малая?
Всё маткою называють,
а не всё за матку мають:

Другій хошеть загубити. въ ложив води утопити. Бо чи треба горшой муки, якъ подати ляхомъ въ руки? Давно вони острать зуби, давно моей ишутъ згуби. A BE, ABTRE, ARD TYRIE, садите іхъ мив на тін. Отъ якъ скоро все забули, HEVP OTP H HEERING OTP. Якъ под тими ворогами стогнала я тяжко зъ вами! Стогнала я, ни отради не мъючи, ни поради, Коли жиди проклатіе держали церкви святые, А отъ святой креста банъ витягали у насъ данъ.

I тое все вже би стало, щобъ имя наше пропало. Еслибъ Богъданъ, мужъ избранный, не биль отъ бога намъ даній. Той стеръ свия проклятое, зскинулъ зъ мене ярмо злое, И за мудримъ самъ совътомъ поставиль подъ крипкимъ щитомъ, Подъ рукою царей славнихъ, самодержцовъ православныхъ. А ви, дътки, ахъ, утъха, прошлого зхотъли лиха. Еще я кризъ не простерла, еще и слезъ не оттерла. А вамъ, дътки, жалко стало, що я оддихнула мало. Охъ мив бъда! дътей лаю, не знать што зъ жалю гадаю. Ой не сини, ой не дъти хощуть мене загубити. Ляхолюбци, лихолюбци, тии мои, тии згубли! Якъ саранча налетълн. доми, церкви посквернили. Куда пойдемъ — заховъ хвазатъ, върнихъ тилько що не палять,

Простимъ уши набивають, лихимъ ядомъ заражають. Безъ хвалъ лядскихъ анв слова: ндать, че пють - о ихъ мова. Знайте жъ, дътки родиміе, якъ ви имъ же любиміе. Идать и пють и гойнують, еднакъ нъ вчомъ не смакують. Що лядское, то имъ смачно (1), хочь ладащо, то имъ вдачно. Хощуть бути унвяти, папу въ ногу целовати. Къ ляхомъ весь духъ, вся охота; то имъ мудрость, то и пнота. Тин теперь хощуть цело привести замислъ свой въ дъло. Тін мене загубити мислять, -- не ви, мон дъти. Да и на васъ наръкаю н на самихъ васъ жаль маю, Що въ такими дружба ваша, а невдачна любовь наша. Що видите у ихъ мосцъ, опрочь дурной хвальшивосцъ? Що мит за свит, що зъ врагами сердце его, а не зъ нами? Не той то синъ мив здажився, що въ моемъ дому родився; Нехай прийде и за свъта да мив жичить многа лвта; Той миж будеть сниъ родимій, не вначе, акъ любимый. Осе жъ. аъти, ви глядъте, захолюбцевъ не любите. Поти добра въ насъ не буде, поки у насъ сін люде. Нехай идуть на сухъй льсъ. куда зоветь ихъ гордій бісь, Нехай шауть славить папу Нехай же имъ безъголовя. а намъ живучи на здоровъя. Finis.

⁽¹⁾ Въ подливникъ — едично, но это, очевидно, описка.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

ПИСЬМО 2-е.

БАГАТА КУТЯ.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мом, на ръку... да пойдемъ порачьше. очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые патухи пропоютъ... Сегодия Багата кутя, сегодня день тамъ, на ръкъ, начинается, — такъ чтобы чего не прозъвать! И не на большую какую ръку пойдемъ, на Дивиръ, что ли,нътъ! для дъла, конечно, все равно; но на большихъ ръкахъ зимою только гладь да гладь севжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночьюничего нътъ возат, жизни никакой, движенія никакого. Пойденте лучше на Сулу или Исёль, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: туть тоже иногда между берегами версты двв три; но посреднив не ръдко видиъется большой островъ, а на острову --- большой лъсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очерета да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ ръки посрединъ, да съ густою затъйливою сътью дорогь, дорожекь, прогалинь, ровівь, рівчаківь (каналовь, канальчиковъ), бакајег, ковбото (япъ въ болотъ) и т. д., на остальномъ пространствъ....

Воть мы спустились съ горы, воть мы уже углубились въ этоть забиринть перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тъсныхъ проходовъ.... Тутъ воть очереть выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной ствною, а тутъ нависла цълая трущоба кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихса, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорълый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людимъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ верша темнъется вдали на ситговой кучъ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бъломъ пьедесталъ... а вотъ озябшей бабой схорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной купы и промчится гдѣ-то мимо.... будто легкій вѣтерокъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго осітиліў... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затѣмъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тявканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ.... А вокругъ васъ воздухъ чистый, чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливца... а надъ головами звѣзды надувшіяся (1), словно красавицы мои землячки, когда отъ Іордани разсыплются домой.... Боже, какъ тутъ и въ зямнюю ночь хорошо!...

Но вотъ мы и на ръкъ!... Бълая, снъжная полоса вьется въ темнотъ по-межъ лозъ и очеретовъ, изръдка переръзываемыя поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями закает, да покрытая продольными рядами снъговыхъ купъ, духает.... (2)

Техо; еще некого неть! на речке. Неужели еще сиять до сехь порь рибалки? А посмотримь туда, на гору, на село!.. Неть, вы не туда смотрите: это темнеть Никонова стінка (3), тамь нечего не уведете... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—водопіло (спускъ къ водопою)... дальше, вонь что-то буваніе, это живуть Коржі... а воть, дальше, блестеть, словно волкъ въ темноть очами світить, — это въ Каленковой хать світитця... Но — теше!...

Слышится вдали мърный скрыпъ чьихъ-то шаговъ по снъгу, тамъ, по направленію къ селу, — и отъ времени до времени раздаются мърные удары чъмъ-то металлическимъ въ ледъ.... О, это рибалка, непремън но рыбалка!.. твердый, мърный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами плеши: — только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смъло ступать по льду этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, не ви-

⁽¹⁾ О звёздахъ, если онё не свётятъ ярко, Украинцы говорятъ, что онё понадувались, понапухали.

^(*) Ізо́къ — запруда рѣки для ловли рыбы; дусь — прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею сиѣга.

⁽³⁾ Роща, расположенная по отлогости горы.

мерзла ли гдѣ вода, не nidnарило (1) ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ о́паря, или брошеннаго и незамерзиаго $d\hat{y}xa$?...

Да, это рыбалка, дъйствительно рыбалка! Слышите — собака у него только теперь залаяла? Собака такъ-себъ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дъло, что лаяла бы, — на снъгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слъдовъ и ей бы вездъ видълись зайды, лисицы и волки; притоиъ, посмітимо-шокъ (птички) выгоняла бы изъ болотнихъ купъ, а можетъ, гдъ-нибудь и въ самомъ дълъ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убъдилась, что лаять на болотъ на всякій заячій, лисій или волчій слъдъ, бъгать и кричать при видъ посміттющки или зайца, — это значило бы напрасно только надрывать себъ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дъйствительно почуетъ близко звъря, или чужого человъка....

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъза ближайшаго куста лозы, выръзались наконецъ, на фонф ръчной полосы, сперва лающая собака, а потомъ высокан человъческая фигура,
вся въ съромъ, въ шапці-магарці, въ коротенькой сватці поверхъ коротенькой кожушанки, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ,
съ сокарою за поясомъ, съ торбою черезъ плечо, съ лопатою въ дъвой рукъ и съ длинною плешнею въ правой... Завидъвши насъ, человъческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: эмовчи, Мушка, свои! « и по кличкъ собаки, и по голосу ея владъльца, иы
узнаемъ Нестора всъхъ рыбалокъ села Ріжківъ, семидесятильтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Переграя.

- Добридень, чи добридосвітокъ! привътствоваль насъ старикъ.
- »Здорови були, Даниловичу!«
- Будьте здорови зъ Багатою Кутею!
- »Спаси́бі, бу́дьте й ви здоро́ві!«
- А що, пора вже прийматьця за діло!
- •Пора, пора, Даниловичу! пора!...«
- Пора́, пора́!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ объ руки лопату, Даниловичъ принялся за дъло, и своими семидесятилътними ру-

⁽¹⁾ Т. е., не подогрѣмо ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываеть особенно на такъ-называемыхъ прогиблав. Если ледъ подогрѣть уже до такой степени, что въ немъ образовывается промонна, болѣе или менѣе замѣтная, то является опарь.

ками открылъ на Рожкивскихъ болотахъ святой день Багатой Кути — и для села Рожкивъ, и для села Хвощивъ, и для хутора стараго и веселаго Черевана, и для всъхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности....

Но оставить Каленика, а съ нить и всёхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами духй, вытаскиваютъ наъ воды кобзи и верші (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ выоновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болёе или менье обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрёть, какъ и кёмъ начинается у насъ день Багатой Кути: увидъли, — домой пойдемъ теперь и соснемъ немного, потому что начнетъ разсейтать еще нескоро, да и всё еще спятъ. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній досвітокъ не вчерашній: вчера всё обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолье.... А пока дойдемъ, — такъ сказать, на сонъ грядушій, я вамъ разкажу вотъ-что...

Вь обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляють свой рыболовный посудо почти всегда на ръкъ, тамъ же у ізкіяв п dyxiev: »У насъ щобъ тée... щобъ кто иноді чужий собі... крий Бігъ! развъ иногда, какт говорится, впанщина затеметця (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники — кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени - можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передълать; ну, да и то сказать, праздниками по $x\ddot{e}\partial \dot{a}x$ о столько шляется парубковъ, дівчатъ и такъ всякаго веселаго народу — ковзаютия, зъ колядками ходять и т. д., обуяеть шаль кого, натащитъ вершу на голову, или націпитъ кобзу черезъ плечо,офицеръ-де онъ въ киверъ, и къ дивчатамъ, дескать, пришолъ ногулять; или бандуристъ или рильнико онъ съ бандурою или релею (лирою), компанію пришоль потішить, и — гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по встиъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверт или за бандуристомъ съ бандурою!.. и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Раскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцениваютъ достоинство улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по начеству ея и по величинт; но въ день Багатой Кути для оценки его принимается вми другая мерка. Чтобы лучше вы могли

понять значение ея, этой мірки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украинв, употребляется въ пищу почти неплючительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а завсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычай, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбъ вообще и къ рыбъ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случат стараемся запастись любимымъ нашемъ лакоиствоиъ, а тъмъ болъе для дорогихъ намъ почему-либо дней. не смотря, говорю, на все это, даже тъ изъ насъ, которые побогаче и вивли бы полную возможность достать, напримеръ, коть свежаго осетра, даже и тъ, у которыхъ стародавніе обычан начали ужь понемногу ослабъвать, все мы тамиъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ъдвиъ больше всего шуку и карася, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ гирява (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескъ своего умънья снаряжать для Багатой Кути вечерю. Послъ щуки и карася больше всего годится у насъ для Багатой Кути — лино, за линомъ слидують окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудить моего вемляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бъдность заставить его ограничиться одними выонами. Послъ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мёркою въ день Багатой Кути оцвивають мон земляки-рыбалки свой уловъ! - »А що, Даниловичу, спрашиваетъ Каленика Переграя Федоръ Ополонка, когда рыбалки возвращаются домой послъ своей ловли: — яково (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мов вообще не любять разглагольствовать широковъщательно, любатъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)? --•Та слава Богу! нічого! сёгоднішнёї таки впало чимало (сегоднешней, т. е. вужной для сегоднешняго дня, поймалось таки довольно). « --- « А въ мене, — замъчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополовка: — тільки пара щупелять, ато все одинь уюнь наголо!«

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращающіеся въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончить, не поджидая другъ друга, — въ день Багатой Кути отступають отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдями, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно погуторить, можно разспросить, кому и сколько впіло сёгоднішней. Это и интересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, какъ

распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Туть же пересказывають рыбалки другь другу разныя свои рыболовныя приведенціи, туть же преподаются, молодымъ в неопытнымъ, испытаеные долголътнею практикою разные пріемы рыбной ловли, и разсказываются несв'єдущимъ та-KIA npusedénuiu, cayan o kotophias pashocatca moabow, tarme ctoyctow в у насъ какъ в вездъ, иногда на далекія-далекія пространства, в память о которыхъ сохраняется неогда мъстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Разсказывается, напримъръ, какъ въ одномъ мъстъ ноявилось зимою что-то; что это что-то черное и живеть въ реке; что рыбалкамъ не разъ случалось видеть издали, какъ оно вывырнеть изъ ополонки и ъстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка -что-то въ воду.... Къ этимъ дъйствительнымъ произмествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазів: что, дескать, в посудъ рыболовный оно воруеть, и делаеть добрымь людямь разныя пакости, что и перекидаетця оно върыбалку и заводить заблудившихся путниковъ въ промонны и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чорть, изъ чертей чорть, эмабудь чи не самъ чортівь бать-RO4. HOTOMY TO M XOJOAY HE CONTER B JAR SHMOBAB BLICPAAT, Cicies curs. мъсто подъ льдомъ, тогда какъ всякому доброму человъку извъстно, что черти, - обыкновенные, т. е. черти, вотъ что вездъ водятся у крещенаго люду, — тв холоду боятся и на зиму изъ ръкъ и болотъ выбираются (1).... словомъ, въ болотъ черти літують только (слово літують, въ переводъ на петербургскій языкъ, значить, что для чертей болото только - дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ начадъ бояться этого что-то, и рыбалки портшили, во что бы то ин стало изгнать его изъ своихъ владеній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жінокъ и дівчать, — изгнать, хоть бы ради этого нужно было наиять молебень и отслужить надъ ополонкою водосвятие, если только на вто согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбалки радились и обдумывали средства, какъ привести свое намърение въ исполнение, какой-то охотявкъ, въ одно прекрасное до-разсвъта, засълъ на что-то, выждаль его в. . застръзнат.!... Оказалось, что-то была невиданная теперь въ нашихъ изстахъ куница. — Или же разсказывается, напримъръ, при такомъ возвращенів рыбалокъ домой на Багату Кутю. — какъ надъ Дябп-

⁽¹⁾ Какъ гражданинъ *пекла* (ада), по понятіямь народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не сидить онъ зимою въ ръкахъ и болотахъ еще и по другой причинъ, — о чемъ будетъ сказано въ своемъ мъстъ, когда будетъ итти ръчь объ *Орддиі*.

ромъ, у Переяславая, ноявился какой-то невиданный у насъ звърь; роreby a belo bary ha neperománous koubhleby, omctome-lomate omctрве, вовется — олень; что когда кто-то погнался за этикь вверемь, онъ итиней помесся, въки незамътнаъ передъ собою и полетваъ но Дивиру, какъ по стоту... что на среднив Дивира онъ ослабиль свой бёгь, я началь :pujзнymb въ воду... что одень только тогда живтиль подъ собою воду, и хотель снова полететь, но поздо! что разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непременно... что потонуль бы одень, есля бы не бросился къ нему на своей душогубиг (легенькая лод-KA EST JEULI), KPACA ECTIT UPBANTUPOBCKEIT PLICASONT ORPOCTHOCTOR Перенславля, преславный рыбалка Бова... что налетьль Бова на оленя, схватиль его регатого за рога и такъ его на берегь, а оттуда домей... что олень достался Бовь, а рога его приносены Бовою въ даръ какой-то церквъ, чтобы, на концахъ в излучинатъ ихъ, люди могли миого-миого прилъплять восковыхъ свъчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бовы, когда держая его отвага сложеть наконець легкія его кости на въчно-волнующемся дит Дивировсковъ.

Воть двло блегко уже къ разсвъту; воть показался и свъть въ опнахъ, сперва у діда Опанаса, потомъ у старой Мотрі, и затъмъ и въ другихъ хатахъ. Воть и народъ началъ ворушителия по дворамъ и огеродамъ: выпускають изъ хлъвовъ овецъ въ кошары и дають инъ болотняго или лугового съна, носятъ зулящому (нерабочему) скоту и гулящить лошадямъ яшнищю, пшенишнищю, просянищю, овсянищю (яченную или пшеничную и т. д. солому), подкладываютъ рабочить волатъ, дойнымъ коровамъ и зажалимо лошадямъ съна степнаго, а последнихъ, пожалуй, и овсомъ кориятъ.

Но вотъ и разсвътать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, в тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая звиняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солица,
каты селенія Ріжківъ съ обсъвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами
в торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлани... а слѣва — поворотившимися къ дорогѣ вътряными мельницами....
Вотъ и солице взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей
справа, и крылья вътряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши
лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны, — словно какіе
иля жетию-урожоные на юрдамь, акрещенскій зефиръ, подѣлавши проробы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право

и на явло, винът и на затыловъ. А за ниив, за иливани этине, гладъ и гладъ бълая съ золотынъ отливомъ, сивжияя стень. съ темивющими коегдв скирдами и стогами съна, съ степными грушками (грушевыми деревьями), съ стенными хатками и жлесчиками, и съ выразывающимися на горизонта бълыми, блестящими на солицъ, могилами, сърыми гаями и какими-то движущимися черными точками, — обитателями степныхъ сосъднихъ селеній и хуторовъ, поспъщающими за чёмъ-то въ селеніе Ріжки и другія сосъднія селенія и хутора приръчные....

Въ самомъ дълъ, зачемъ это такъ пустились наши степняки? Да и Рімскіеці (мители селенія Ріжківъ) — что это они такъ засуетильсь, обгають изъ хаты въ хату, а иные замрягли лошадей и тоже куда-то тадуть? И не топится ни гдъ!... Вчера въ эту пору надъ всъм хатами стояли уже столбы дыма, а теперь коть бы одна пыхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробевать, куда вътеръ дуетъ и не будетъ ли назавтра оттепели!....

Да всё по той же причинь, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя, — такъ хозяйка-Украинка утронъ сегодня топить и варить всть не будеть. Все утро она провозится за разными мелочами обыденной сельской жизни, и приводя въ перядокъ то, что ириготовлено прежде для праздника: она накормить свиней, птицу; она вымажеть саломъ или жиромъ, а пожалуй и добрымъ деггемъ, саноги себв. мужу, семьъ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха — вынатаеть ее; если есть у нея запіканка, она наполнять ею плашку. чтобъ была готова, а за неимъніемъ запінанки, наточить, изъ бочовка или барильця, или нальеть изъ тикви, просто біленької; она пришьеть къ новому очіпку ленты, поможеть дочкв навизать новое монисто, она насуче посковыхъ свъчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и всть варить она начнеть только около полудня; потому что сегодня объдають у насъ только вечеромъ, или, лучие сказать, сегодня у насъ не объдають и не ужинають, какъ обыкновенно объдають и ужинають, а только ід ять кутю и стрічають или ід ять вечерю, а въ объденную пору только неиного закусывають. кому что Богъ послалъ, но большею частію-пироги съ капустою и жареную рыбу.

По той причинть, что сегодня Багата Кутя, спешать такъ въ Ріжки и въ другія селенія и хутора приръчные жители нашихъ сель и хуторовъ степныхъ, и по той же причинть сустятся такъ, бъгаютъ изъ хаты въ хату и тоже куда-то такутъ и сами Ріжсківці: встять нужна сегодня

овъщая селоднішня рыба, и вст потому стараются достать ое, во что бы то не стало. Степняки поэтому співшать въ Ріжки; Ріжківці, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамь рыболовствомь, или же, хотя и занимающіеся миъ, во имъвшіе сегодня неудачный удовъ, спашать къ своимъ сосъдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодвяшняго дня ны даже вотъ-что придушали! Въ селеніяхъ, которыя попрунные и порыболовные, мы открыли у себя на Багату Кути, почимо въдънія предержащихъ становыхъ приставовъ и помимо въдънія всякаго роза статистическихъ таблицъ, базары для продажи и покупки сёгодніший: сбъгутся со всъхъ сторонъ на аёгенькихъ саночкахь, купать, продадуть и разбъгутся..., останется только въ двухъ-трехъ мъстахъ на сивгу немного сору отъ соломы, и нъсколько конскихъ следовъ! до . бывай туть становой приставъ изь такихъ данныхъ статистическія свідвнія, какъ знаешь! по неволь добрый человькъ напишеть, что таковыкъ, во вверенномъ ему станъ, не оказалось.... А между тъмъ. сегодившиви мы себъ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего. что намъ нужно и чемъ им не дспечи запастись почему-чиео вр свое время и въ своемъ мъств, напр. Купвли на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его в »йноді, знаете, тее, въ чарку́.... живіть заболить, або що! а пожалуй, на три на четыре гроша, купили. ио поручению любимой дочки, серьги-польки....

Закончу сказаніе свое о заготовленів у насъ рыбы для Багатой кутя замівчаніся в: что всё ны запасаемся ею главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ разсказалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ ръкъ, а равно жители мъстностей, страдающихъ безрибъямъ, только тъ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, иъ рыболовныхъ селяхъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбъя и ракъ становится рыбою.

Но вотъ шы рыбою уже запаслись — и домой!... »Ну жена «, говорить хозяннъ дома, входя въ хату: »а я рыбы досталъ! « — »А щука есть? « — »Есть! « — »Ну слава тебъ, Господи! « и жена съ радостію смотритъ на дътей, а дъти, кто съ печки, кто съ припічка кто съ полу, — нобросали и очеретяныя трубы, и кота рудоло, которому собирались было привазать къ хвосту куницю виъсто кисти, — и всъ до-долу и мъщку съ рыбою: вынотрошили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, ториошатъ красноглазаго карася.... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленькій Петрусь высунулся изъ висящей надъ цо-

домъ людьки и, вценившись своими ручонками за бильця, хохочеть и дергаеть ее, будто собирается выскочить и себе туда, въ общую кучу, къ щуке и карасямъ, къ общей семейной радости....

Погръвшесь въ хатъ, хозжине уходить и возвращается къ семът не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатъ сейчасъ поднимется на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чтиъ заняться, тамъ, на дворъ. Вопервыхъ, ему надобно напонть скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снъгъ возлъ хаты, коморъ, чтобы встрътить праздникъ поприличнъе; далъе надо осмотръть сани и упряжь, можетъ что надо почвнить, не изорвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмъшить бы людей; ну, и топлива жент на праздники нужно припасти. чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть — дровъ наколоть и сложить подъ коморею или въ повітич (навъсъ), не то — очерету натаскать съ берега, соломы наносить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски хозяннъ идетъ къ какому-инбудь куму или свату, у котораго есть хата через» сіни, — вообще, у котораго есть свободный уголъ, — идетъ бриться (голитьця),—голить бороду и підіблювать чуба.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мон добрые земляки принимаются бриться.... зрѣлище грустное и виѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустио видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати жазяінієв, ииѣ-ющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся тенерь причипуритьця, ни у одного не ииѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбривая свой подбородокъ и свой чубъ.... и что замѣнять его имъ приходится зеркальною повержностію чистой воды, налитой въ ииску (вода вѣдь у насъ даровая, а на зеркальцо нужны деньги!...). Грустно видѣть, что у этихъ десяти-патнадцати жазяінієв ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ, — мыльницъ, кистей, бритвъ, — а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла сличною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по косі — отрубку старой косы, наостренному в оправленному въ доморощенный черенокъ!...Гру-

стно и даже тяжело ведёть, какъ эте десять-пятнадцать хозяевь, поочередно одинь за другимъ, отдають въ распоряжение свои ляца, всполненныя ума и сердечной теплоты, какому-инбудь мёстному докё въ бритвенномъ дёлё, и тоть принимается теплою волою и орёхообразными кусочками мыла вхъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими косар ями?... и тёмъ болёе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаемь быть этихъ бёдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней итрё печальная необходимость в связь всёхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаещь, что изъ милліоновъ, внесимыхъ ими, куда слёдуетъ, за виныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдёлять извёстную долю серебряныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикоптечныхъ кистей и мыльниць и тридцатикоптечныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотръть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время ни приходили, но если только у васъ осталась какая-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрънія и придвигаться сердцемъ къ точкъ зрънія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имъется способность видъть всю глубину внутренняго смъха за этими серьезме-произносимыми собользнованіями къ участи бръемаго, за этими, на половину притворными, бользненными его стонами, за этими восклицаніями его: мотузка, мотузка (снурка, снурка т. е. дайте)!... и т. и. восклицаніями, по-видимому не имъющими никакого смысла, но тъмъ не менъе имъ встиъ понятными, и — вы булете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья до вечера, употребляется исими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовление для нихъ корма къ завтрениему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣду конецъ!

Но оставнить жазанніво! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дъдается! и чтобы не помѣшать имъ мыпить пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переноситъ кутю.... а еще лучше — послушаемъ, что разсказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василії Петровичъ Бълокопытенко.

»Надобно намъ съазать, « говоритъ Василій Петровичъ, вчто до силъ поръ в не зналъ, въ чемъ собственно заключается ставляния кути на нокуття еще никогда не ставилъ, а какъ ста-

вили ее другіе мои братья, — никогда не быль свидетелемь, потому что въ то время, по крайней мъръ въ нашемъ семействъ, отъ присутствованія при исполнении этого обряда вст мужчины, за исключениемъ конечно участвующаго въ немъ, были устраняемы. Я зналъ только, что кутю ставять на покутти, -- зналь, что ставление это окружають какого-то тамиственностію, - слышаль отъ сверстниковъ своихъ гордое и вийсти какое-то многозначительное: эчто мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мит подобиме) еще иттъ!« видъль, что допущеніемъ къ ставлянню куте на покуття дается дитяти какой-то патентъ на вавъстную возрастность, и вибств на извъстное право гражданства въ томъ очаревательномъ для насъ міръ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и върованів, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвътами увивають тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ воляцовъ и терній и горечи заботь о хабов насущномъ.... Все это я зналъ, слышалъ и видълъ; но болъе--- не зналъ, не видълъ и не слышалъ ничего! Дътскому моему сердцу и дътской моей фантазіи представлялось поэтому общирное поприще окружать актъ ставляння кути на повуття чудесами: -- фантавія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то тапиственною многозначительностію, какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу - какою - то трепетно-благоговъйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвъстному, таниственному, великому, святому....

[—] эну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчиками, моими сверстинками, у коморы, снаряжая дренджолята (извъстнаго устройства маленькіе сани) и гримаки (куски льда, извъстнымъ образомъ приготовленые), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успъли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на рундуці (крыльцъ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвътилъ ей, что мит некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнъе, намъкая, что мит дадутъ какой-то гостиненъ.... Я пошолъ....

[»]На порогѣ пекариі встрѣтвла меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ — легкій румянецъ, вь вѣчно-грустномъ взглядѣ — счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положела мнѣ на голову свои рукв и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ ляцо!... Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

- »— Ну, Васю́ню, поста́въ намъ кутю́ на по́ткуття! говоритъ... и узыбнулась....
- »— Кутю на покуття?!.. и я вадрогнулъ отъ какого-то невъдомаго инъ страха, и виъстъ отъ счастья.
- » Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по монмъ щекамъ... потомъ поворотилась и пошла въ пекарню....
- »Молча, съ сильно быющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все во кругъ, вощолъ я робкими шагами въ святилище....
- »Вечерній полусвіть едва освіщаеть пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнаті тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился туть какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучною его развязкою, переводить дыханіе, учащенное прежде мучительнымь ожиданіемь, и радостно улыбаются предстоящему будущему... Дівчата и молодиці стоять вокругь хаты у лавокь, скрестивь на груди руки... смотрять на меня и тихо улыбаются; у печки сидить на лавкт куховарка Оришка, тоже скрестивь на груди руки... смотрить на меня и тихо и нісколько гордо улыбается мив; возлів нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ, пара горшковъ, одинь съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтара, стойть предметь благоговійнаго уваженія всіхъ отъ старого до малого, стадоволосая баба Миниха, и бізою тряпкою вытираеть покуття, и безь того чистое—чистое....
- »Я остановился по среднив пекарии, не зная, что мив двлать, куда мив направиться....
- »— Сюда, сюда йди, Васильку!—вывела меня изъ недоумънія баба Миниха.
 - »Я подошель къ покуттю.
 - Ну, перекрестись и ударь три поклони!
 - »Я машинально исполнилъ приказаніе.
- Теперъ ходімъ зо мною!.. и натянувъ сапоги и надъвъ кожухъ, пог ла изъ хаты.
- »Я последовать за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирде степнаго сена и начала отыскивать такое въ ней место, где бы сено было почище, не имело въ себе никакихъ жосткихъ травъ, бадилля, и где бы нога человеческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала наконецъ она такое место, обдергала верхиее сене прочь и везема мине смикать изъ средины.... Я насмикать порядочную кучу.

- Ну, возыин-жъ и неси ого за мною.
- •Я забралъ съно и потолъ за бабою Минихою.
- »—Положи-жъ его на покутті! « сказала она, когда мы снова очутились въ пекарит.
 - . агляжогов В с
 - » Розстели ёго гарненько.
- » Я разостлалъ.... Затъмъ, баба Миниха заставила меня, собственноручно и безъ всякой посторонней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ съно (¹), чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мит и въ съромъ полу-свѣтъ тихо ходила предо мною, какъ какой-то тавиственный церемоніймейстеръ въ какой-то тавиственной церемоніи....

»Когда были уставлены и соты, баба Миниха велёла мий снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполниль, велёла мий итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и гримакамъ.... Сопровождаемый итжною улыбкою матери и тихими улыбками дівчатъ и молодиць, я пошолъ паъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдё въ сёромъ полу-мраке все какія-то тихія и нёжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошолъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморе, я нёсколько разъ останавливался въ раздумъм и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарие, я что-то забылъ, или чего-то не разглядёлъ, или чего-то не разслыщалъ....«

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперь кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непремънно мальчикъ? Не берусь разъяснять вамъ этого, потому что хотълось бы мит, чтобы разъясненіемъ такимъ, а равно и разъясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразъясненнымъ, занялся кто-нибудь болъе свъдущій меня въ объясненів внутренняго смысла нашихъ върованій, или покрайней мъръ значенія обрядовой оболочки,

⁽¹⁾ Мальчикъ, неся кутю на покуття, долженъ при этомъ кооктать, какъ коокчеть коочка, насъдка, когда созываетъ своихъ дътей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дівчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействъ Василія Пе тровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ,

въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ, — ставить кутю на покуття руками неженатого мужчины, и именно — невозрастнаго дитяти, у насъ повсемъстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнъетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовление печки къ завтрешнему дню (т. е. на бъление мъломъ или бълою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бъления, а равно и на бъление принечковъ, на мазание рудою глиною челюстей и запічківъ), на снаражение стола къ предстоящей трацезѣ, а также и дла того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣлый должны къ кому-нибудь нести или везти вечерю.

Но послушаемъ снова Василін Потровича, его разсказа о томъ, какъ садятся у насъ за вечерю на Багату Кутю, или какъ у насъ встрича-ють кутю.

»....Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего двтетва!... и этотъ полумракъ-полусвътъ, и эта невыразимая прелесть кавого-то таинственнаго смъшенія всего во едино: чада витстъ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свой, домашней, въ одеждъ домашней, буднишней; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и повидимому обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьн—и витстъ какой-то жрецъ; хата—и витстъ храмъ; семья—и витстъ общество върующихъ....

»Въ пекарит два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонт, уставленные приборами (1), съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчковъ съ настойками... надъ столомъ у нокуття вколоченъ въ стъну гвоздь, и къ гвоздю прилъплена зажженная восковая свъчка — больше свъту въ хатъ нътъ... предъ этимъ столомъ, противъ свъчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облажъ, съдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бълой рубахъ и въ бълыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лъвой рукъ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всъ, кучею: домочадцы, наймити и наймички, душъ двънадцать, и вся семья — мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и думъ семь внуковъ и внучекъ отца....

⁽¹⁾ Во время Багатой Кути болье чемъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборь для нежданнаго гостя.

•Стали всъ, стихли....

»Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: »Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!... Богородице діво, радуйся, благодатная Маріе!«

»За отцомъ крестилнсь и мы, и мысленно произносили за намъ сло-

»Послѣ »Богородице« старикъ прочиталъ «Отче нашъ«, в когда закончилъ словомъ «отъ лукаваго, (1) перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттамъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы — у другого стола.

•Снова глубокое, торжественное молчание воцарилось въ хатъ....

»Отецъ взялъ графинчикъ съ любимою своею настойкою, налиль большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, подиялъ ее вверхъ и тихо произнесъ — »Нехай же легенько згадаетца синові моему Иванові, де вінъ здоревъ повертаетця!...« и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатъ, за обонии столами, отъ моей доброй матери, до съдоусаго и твердаго какъ загартованная сталь, старого діда Мины....

»А отецъ сквозь слезы продолжаль: — »Нехай дегенько згадаетца й дочці моі Галі, де вона здоровенька повертаетця! «Мать, сестры в вст женщины за обовми столами повзрыдъ заплакали... — »Нехай легенько згадаетця й моему наймитові Петрові, де вінъ здоровъ повертаетця! «... и старикъ поставиль рюмку на столъ в закрыль лицо объями руками.... а сирота Федора, сестра наймита Петра, зарыдала в выбъжала изъ пежарив въ прихожую....«

Вы, можеть быть, думаете, мой читатель, что представленная здась Василіемъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадновъ, при восноминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какоенибудь явленіе случайное, или что дли большаго эффекта Василій Петровичь употребиль туть краски слишкомъ аркія... Ніть, нисколько: туть все върно съ дайствительностію до самой малайшей черты, и все это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что онъ туть сказаль, вы и теперь можете встрітить во встхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Ба-

^(*) Обращаю вняманіе читателя, что молитва здёсь читаєтся не до конца, а только до слова *отв. лукаєюю*.

гату кутю, непремънно прольеть слезы въ память техъ членовъ своихъ, которые живы в которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрътить кутю у себя, въ семьъ, за общинь семейнымъ столомъ. Укравицы, особенно женщины, любять всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ-не плачутъ, а если и плачуть, то или въ следствие какихъ-лебо особенныхъ случайностей. вля потому, что ужъ, какъ у насъ говорится, они підо чарочкою; но на Багату Кутю плачуть они непременно, и все, и просто только потому, что отсутствующіе — въ отсутствін, а не у себя, не съ ними. По понятію Украинцевъ, большое для человъка несчастіе жить вдали отъ семьн. большое несчастіе не быть или не поспъть во-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе — не быть или не поспъть во-время на Багату Кутю; и въ следствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачеть вся ваша семья, заплачуть домочадцы, заплачеть и вашъ стаоволосый отепъ, коть будь у него не одинъ, а десять желтаныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо, — нътъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мъсто своего сердца: у него, по превыуществу семьянина, въ праздникъ семьи, отнятъ одинъ членъ семьв....

Считаю нужнымъ сказать еще несколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василія Петровича.

Вопервыхъ, членами семьи, съ точки зрънія Багатой Кути, считаются у насъ всё тё, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, по-крайней мърѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, затья, живущіе въ приймахъ, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно домочадцы, челадь. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатой Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ своей семьи, — и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери — хорошо если бы были, а нельзя имъ — они покрайней

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

мъръ должны послать своихъ дътей сегодня, или послъ, съ вечерею, къ дъду и бабкъ, и къ болъе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдъление у Василия Петровича домочадцевъ за особый столъ не следуетъ смотреть, какъ на отдъленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги, -вътъ! Если бы у Василія Петровича смотръли такъ на домочадцевъ въ день Багатой Кути, то върно бы не съли встръчать ее въ некариъ, а помъстились бы въ свътлиць, что ли, какъ и дълаютъ иные между моими земляками: но туть на нихъ смотрћли такъ, какъ смотритъ, во время Багатой Кути, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населеиія, т. е. какъ на членовъ же семьи, п и ть не посадили за общій столь только потому, что тамъ негдъ было имъ помъститься, и отдълили ихъ за особый столь, какъ отделяють у насъ иногда за особый столь молодежь или дътей, когла количество объдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василія Петровича видно, что отецъ его быль то, что называется старосніцький чолонікь, а старосвітскій человікь почель бы съ своей стороны большою неделикатностію, даже діломъ богопротивнымъ — не посадить на Багату Кутю своихъ доночадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ скажу еще, что если у семьи выберется такая счастанвая Кутя, что всё члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: »Царство жъ небесне нашимъ батькамъ и матерамъ« (или »нашимъ родителямъ«. Нашимъ—т е. его самого и его жены), нашому Ивасеві« и т. д.

Но будемъ следить далее за ходомъ Багатой Кути!

Отдавши должную дань сожальнія объ отсутствующихъ, хозяньь дома отпраєть себь слезы.... Но онъ должень отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи; — и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (вакъ будто онъ) въ хать и не былъ и не плакалъ, а такъ себь, только что вошелъ, и видитъ, что всь плачутъ — восклицаетъ: — •Э-ге-ге!.. та оце ви бачу плачете?!.. А та дурна якъ розрюмалась!... Годі жъ уже, кажу, годі!... Иди сюди, Федорко!... «, и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федорка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ. — «Ну, продолжаетъ хозяннъ дома, когда всь стихли: — нехай же легенько згадаетця всімъ!... помершимъ царство небесне, а намъ всімъ на здоровья!. « выпиваетъ чарку и дълаетъ извъстное возліяніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождая иногда еще словами: «Щобъ вибрикували! « За главою семьи пьеть вод-

ку чозяйка дома, за чозяйкою дома — старшій сынъ и т. д. по старшинству семейной ієрархів, до посл'єдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте везь — mak > 10 дmu = (1).

Обратимся теперь къ астванъ...

Прежде всего подаются на столь пироги. Главную роль играють туть инроги поченые в именно пироги съ мак мъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхь — пироги съ варенымъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою квасолею, помазанные сверху сладженымъ съ лукомъ, конопланымъ, или льнянымъ, масломъ. Второе мъсто занимаютъ пироги, жареные на сковородъ въ постномъ маслъ, съ поджареною шаткованою капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнъе и которые вачали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствовапіями, — и съ гречневою крупою, перемъщанною съ вижнгою. — Пирогами закусываютъ водку и, кому правится, съ пирогами же ъдятъ в слъдующія блюда.

За пирогами следуеть приготовленный на постномы масля, съ рыбою, борить Борить для Багатой Кути приготовляють у насъ различный; но большею частію въ это кремя является у насъ на столе любимый нами жидкій, въ который входять: квасъ изъ квашенныхъ бурчківо (свеклы), одна-две луковицы луку, несколько зерень нетертаго круглаго перцу, конечно — соль, и неподжареные свежіе караси, пожалуй съ прибавкою несколькихъ линовъ.

За борщемъ слъдуютъ наши товченики, уха изъ щуки, приготовля емая на постномъ маслъ. Щука въ товченикахъ является и въ естественномъ своемъ видъ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клёцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бълаго хлъба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщъ. — Товченики, составляя одно изъ лакомъйшвхъ блюдъ украинской кухни (2), въ то же время составляетъ необходимую принадлежность вечері на Багату Кутю, особенно въ нъкоторыхъ мъстностяхъ Украины, такъ-что нътъ товчени-

^(°) Въ съверныхъ губерніяхъ товченики вкусно приготовлены быть не могуть, потому что мясо съверной щуки жостко и безвкусно.

⁽¹⁾ Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему по крайней мъръ намочатъ ею немного темя.

ковъ — кутя выходитъ зи́рява. По этой-то причинъ у меня выше украинская семья и радуется такъ шукъ.

Послъ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслъ рыбу, — главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ геровня вечеры, кутя: круго сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмъ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома береть туть же, съ покуття, миску съ сотами, требуеть себъ холодной воды и чистую миску, кладеть въ послъднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ ситу. За тъмъ, выбравше изъ ситы ложкою всю вощину, накладываеть въ нее кути.... Кути обывновенно тдать мон земляки и землячки немного; вирочемъ, всего случается!... Народу это не понравилось, и онъ опозорияъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто разсказываеть, и въ которомъ обътвийся глава семьи, метаясь на полу, взываеть къ жонъ и къ дътямъ: »Жінко моя, діти моі, кутя мене зъ світа эжене! « Есть еще и другіе анекдоты на туже тему, по отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ инчего, что хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашель представленными такія цослъдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Аневдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бестдъ нановъ и соминаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею сатадуетъ посатаднее баюдо, узваръ — отваръ изъ сущеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ письмъ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и тадятъ его тоже понемногу.

Во время вечери водки пьють мало: рюмку, а много-много двъ-три, да и то только старшіе мужчины; больше имкто не пьеть имкогда и ни во какомо случаю: не годитця, не звичайно, гріхь! Тъть не менте, коть за вечерею этою пьють водки и мало и коть начинается она обыкновенно слезами, весело туть бываеть очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Туть забывается весь міръ съ его суетою, вст печали и горести, вст и все.... и все, что туть есть, отдается прелести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья.... Тутъ нътъ кокоту, нътъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смъхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды.... Но въ этомъ тихомъ смъхъ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ

и взглядахъ, столько истинной веселости вли, лучие сказать, столько **истиннаго. По истинъ--счастанваго счастья, столько теплоты и сердеч**ности, что заброшенный на чужую сторону, - только вспомнить - улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронить.... Старикъ — глава семьи оставляеть туть свою обычную суровость и спускается до женскихъ или АВТСКИХЪ ПОНЯТІЙ И ИНТЕРЕСОВЪ: ОНЪ ГОВОРЛИВЪ, ШУТЛИВЪ.... ЖЕНЩИНЫ И дъти сприять къ нему съ роемь своять поэтическихо грезь и замы. словъ. Тутъ и обычай, чтобы отенъ дариль тому, кто изь детей чихнеть за вечерею — корову, теленка, ягненка... и хитрости дътскія июхать перець, чтобы чихать.... Отець поняль детскую хитрость и. вивсто эжидаемаго ягненка, дарить рудого кота Бруньку, или рябую кошку Машку.... О, если бы мит еще коть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кутя. и сознание свое выразиль въ любимомъ своемъ тонъ, въ тонъ, что называется » на догадъ буряківь, щобъ дади капусти« и » знай догадайсь! «, --выразиль масмішкою надъ цыганомь, который разсуждаеть, что хорошія, дескать, вещи Великдень и Різдво; сегодня кормать хорошо и завтра недурно; не изтъ въ міръ ничего лучше Багатой Кути — сегодня корошо, а завтра еще дучше!... »А что ужъ заговънье.« заключаетъ цыганъ: »то лоть бы его и никогда не было: сегедия тажь хоть тресни, а завтуа — за хрінома борща, за хрінома борща!« (1)

После вечери тотчась и отправляють детей съ вечерею къ деду, бабке, къ любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Какъ ихъ снаряжають и какъ отправляють, — предоставляю объ этомъ разсказать после, боле опытному разсказачику. Василю Петровичу; а я буду продолжать свое, заметивъ напередъ, что если лица, къ коимъ следуетъ везти кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на сторей день праздника, — что кутю привозитъ такъ и замужнія дочери и женатые сыновья, пріезжають ли они къ вечер:, или после, во время праздниковъ — и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мерт малолетнихъ.

⁽⁴⁾ Въ первый день поста, какт извъстно, звонять въ маленькіе колокоаа. На Украниъ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно носредствомъ извъстнаго рычага, корожисло, и издаютъ мърные звуки въ три
темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукъ постоваго звона моимъ землякамъ
послышались слова зв хріномъ борщъ, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слъдуетъ питаться, во время первой недъж поста,
благочестврымъ христіанамъ.

Выпроводивъ съ вечерею дътей, хозяйка тъмъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случав ихъ бользани), вымоетъ всъмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бълье и тогчасъ уложитъ всъхъ спать. Въ это же время моють себъ головы и ноги и все мужское населене семьи. Очистившись такимъ образомъ и надъвъ чистое бълье, томчасъ ложател спать всю безъ исключения, и нито изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинь, послъ вечери на Багату Кутю, не пойдетъ ни куда ни подъ какимъ видомъ, на досвітки, на уличю, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всикаго приличія, такимъ безтыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нравамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сросшими съ нашею плотью и кровію обычаямъ, что окаянвнаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдълалси предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всъ мужчины и дъти улеглись спать, женщины проворно приносять изъ погреба и изъ жиже и коморь все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемывають посуду, мажуть діля рудою гляною снова, моють себв головы и ноги, надвиноть чистое облье, убирають все изъ хаты прочь, что только ость въ ней гризнаго, и — кто ложится спать, а кто ждетъ возвращения дътей, повезшихъ или помесшахъ вечерю. Воротились дъти, — поджидавшан уложить и ихъ спать, подмететь на ночь веникомъ еще разъ поль. .. нотому что мы веруемъ, что предъ каждымъ воскресеньемъ в предъ каждымъ праздникомъ но нашимъ латамъ ходитъ ангелъ, и мы боимся, чтобы онъ не задълъ своею святою пожною за какую-нибудь соломенку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель.... После этого, поджидавшая детей и сама ложится спать, зажегши напередъ цвлую сввчу или подложивъ побольше масла мли сала въ каганець, потому что мы въруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горъть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари.... И онъ двиствительно горить у насъ во всехъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій насъ и нашихъ обычаевъ и вітрованій, если бы ему случилось пробажать чрезъ село наше или нашъ хутовъ во ночь предо Рождествомо, могь бы подумать, что мы пьянствуемь въ это время вля что непотребное дълаемъ, или что всъ наши хаты, «Духъ Святий при нихъ и при нашихъ оселяхъ! « населены въдъмами, да колдунами, и тамъ врагь добрыхъ людей, чорть, строить съ ними какія бъсовскія проказы....

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на Ріжківскихъ болотахъ, съ своею лонатою и плеш-

нею семидесатильтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Дашилевичъ, не прозванію Переграй, де того момента, какъ закончить ее, всыпавъ въ каганець масла или сала неджилавшая дътей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкина невъстка! Иной кути. быть можетъ гдвнибудь, въ какой-нибудь повъсти, къмъ нибудь описанной, въръте, у насъ изтъ! Можетъ, я нескладно спіль, но сказалъ правду, — не вкусню, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацію нашей Багатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видъть въ ея основаніи, до полнаго уразумѣнія ея внутренняго смысла, мив кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія своему близкому, родному. Я говорю это потому, тто своимъ, ріднимъ, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первою чаркою и развозки куті по роднымъ, близкимъ!... Каків именно стороны нашего прошлаго быля мотивомъ для такого чествованія, — не берусь разсуждать; »хто ёго знае! про те пісьменні люди знають — іхъ роспитайте!«

Въ заключение послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о соорахъ въ повзякъ съ вечерею и о самомъ нытадъ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромъ кути и узвару, дъйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ сечействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дъда, о́абки, отца, матери и т. 1., ограничиваются, первые, только узваромъ и кутею, а вторые — одною кутею.

• Воть, говорить Василій Петровичь, «мать моя уже хлоночеть около вечери! Горіцечки, баночки, макітерки, тарелки, — съ кутею, узваромь в разными разностями — уставлены въ безмірной величним бізлую миску, въ которой обыкновенно святять наску.... Воть миска-эта завязана въ безмірной величним скатерти сніжной бізлизны; терпізливо поджилаеть нась и обливается пспареніями оть варёнаго, какъ обливается потомъ красавица-невізстка, въ бізломъ съ усами повенькомъ нагольномъ тулунів, уже собравшаяся въ Рождество тхать къ матери, но еще поджидающая своего мізшкотнаго свобарита-мужа.

»Вотъ на насъ, дътяхъ, уже біленькі сорочечки, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всъхъ лентами.... На насъ верхняя тешлая одежда; на миъ шубка на бъломъ кроличьемъ мъху, пред-

меть зависти монкъ сестеръ и разныхъ ихъ женсинхъ укищреній!...

»Вотъ уже и нянька моя собралась — смотръть за дътыми въ дорогъ; и съдоволосяя баба Миниха авилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотръть за вечерею во время пути, представить такой же съдоволосой, какъ и она сама, бабушкъ нашей ея внуковъ, поздравление ихъ съ святъ-вечеромъ и самую вечерю; по мивнію всъхъ только одна Миниха могла занять мъсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаъ!

»Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ в запряженные непремънно лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули инио оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дідъ Мина, инкогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, не на втотъ рязъ взявшійся за прочно-сдѣланныя козжи, какъ болѣе достойный править такими крутошенми жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

»Вотъ дівчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуновъ и великана-миску съ вечерею, а за инии и мы на крыльцо!... Огромный тулунъ растянулся поперегъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулунъ, какъ пряники въ кульки, и усажены въ сани, а тотъ тулунъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатыя объятія.... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны. баба Миниха съ другой....

»—Зъ Богонъ! — говорить мать и освинеть крестом в весь нашь повадь.

» Дідъ Мина тряхнуль возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отекочиль въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрівлою, свистя полозьями и изрівдка подпрыгивая на попадавшихся кочкахъ.

Воть мы уже за дворомъ, воть несемся вдоль хутора, поворотили на езекзю, уже мы на ръкъ... Поворачиваемъ головки: — на горъ, на крыльцъ, видитеются вст насъ провожавше: вотъ и Павло, въроятно любуется лосиящеюся на лунномъ свътъ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ мероминию стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька-килимищи должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жиурится быстроокаа, не разглядитъ ли яркихъ цвътовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ-сомития, думаетъ она не о крутоменхъ жеребцахъ, и не о надежныхъ коникахъ, и не о яркихъ цвътахъ на ковръ....»

М. Номисъ.

0Б30РЪ

УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

гоголь,

какъ авторъ повъстей изъ украинской жизни и исторіи.

Статья вторая.

Вся повъсть Сорочинская Ярмарка основана на сватовствъ. Выше сказано уже, что паробокъ честнаго и хорошаго роду (а. по моему объяснению, это одно и тоже, что зажиточный женихъ). какимъ представленъ Гоголевъ фатъ въ попойкъ, не ръшится приволокнуться слишкомъ явно за дъвушкой, увидя ее впервые отроду, какъ бы она ни была хороша собой. Гоголь, не зная простонародной Украины, живописаль ея нравы и обычаи по образцамъ антинароднымъ, которые составляютъ предметъ насмъшекъ въ простонародныхъ бестдахъ. Если угодно, я приведу здтсь очень характеристическій случай. Въ одномъ изъ украинскихъ городовъ, дълающихъ скачки изъ XVII въ XIX въкъ, не имъя на то никакихъ разумныхъ правъ, данъ былъ лакейскій балъ. Нѣкто, отличающійся большою наблюдательностью, отпустиль на баль своего слугу, только-что поступившаго въ высшее сословіе изъ сословія пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопросъ своего господина: что происходило на балу? отвъчалъ слъдующими словами: Танчили крутька (1) и таке неподобне робили, якъ и настоящі пани. У дівчать-груди голи, а сзаду — вибачайте въ сімь слові — якь пічь, и все те, мабуть, фалииво надуто!

⁽¹⁾ Т. е. вальсъ.

Видите какая бездна раздъляетъ пахаря отъ пана и лакея, которые служили Гоголю прототипами въ изображении простонародной Украйны? Не правда ли, что смѣшна рѣчь слуги-пахаря?.. Но мы вовсе смъемся не тъмъ смъхомъ, какимъ смъялся Гоголь, когда живописаль извъстнаго рода ночныя свиданія простонародья, когда изображалъ сватовство влюбленнаго паробка и когда-поминте это?-заставиль украинскаго рыцари, полковника XVII въка, биться на кулакахъ съ возвратившимся изъ бурсы сыномъ. Но объ этомъ ръчь будеть въ своемъ мість. Мы смісмся тому, что образь жизни пановъ названъ адъсь неподобнымь. Смъщно и виъсть поразительно върно: даже и подобія изтъ между людьми, брошенными на произволъ судьбы съ XVII въка, и между тъми, которые ускакали на московской тройкъ въ XIX въкъ! Подобіе между ними находиль только незнавшій простонародной Украины Гоголь, вибств съ своими близо-Мы смъемся тому, что дівчата рукими книжниками-цѣнителями. горинчныя подражають здёсь госпожамъ своимъ, которыя такимъ точно образомъ подражали накогда иноземнымъ женщинамъ, притупившимъ тонкое цъломудріе. По сквозь этотъ сміхъ видінъ намъ чистый, бъдностью и отчужденіемъ сохраненный отъ псевдо-просвъщенія, образъ женской грацін, которую эстетическіе Греки прозвали стыдливою и которая стыдлива до-сихъ-поръ въ украинскомъ простонародьи. Намъ смъшна въ устахъ пахаря-слуги злъйшая каррикатура, отъ которой не отказался-бы и Гоголь въ Мертвыхъ Душахъ. Мы хохочемъ надъ комическимъ простодушіемъ необразованнаго мужичины, лишеннаго «утонченнаго вкуса», а между тыпь не можень не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющій призадуматься, сміжь началь производить Гоголь, забравъ въ свой умъ «всъ тъ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорять, что взятое лицо дъйствительно жило на свътъ» и «соображая все отъ мала до велика, ничего не пропустявшя» (1). Но въ Вечерахъ на Хуторъ, по его собственному иризнацію, его «подталкивала молодость, во время которой не приходять на умъ никакіе вопросы» (?) и которая остается неизмъщнымъ состояніемъ. Этихъ-то многихъ, первыя произведенія Гоголя, которыя такъ горячо отстанвалъ

^{(1) «}Сочин. и Письма Гоголя», т. III, стр. 513.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 500.

Русской Беследы, «заставили смінться такі—же беззаботно и бевотчетно, какь и самого автера»; но «другихі», которымі, вмістів сь приближающеюся старостью, даются и ен преимущества, «иривощили въ недоуміне рішить: какъ могли человіку умному приходить въ голову такія глупости (1)!» Въ самомъ ділів, посмотрите: пахарьслуга обнаружиль гораздо больше условій украинскаго юмора, нежели великій писатель, неприготовленный къ своему ділу жизнію, — нежели геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего діла, опытностію.

Я дълаю это сближение не для шутки. Слова паробка — слуги фальшивых прелестях геродских красавиць характеризують вичет каждаго паробка, а въ томъ числе и Голопупенкова сына, какъ-би ни было смъшно данное ему авторомъ имя. Вообще напъ поселяния ничего не любить фальшиваго; чувство это лежить не только въ основанім его быта, но и въ основанія самой его природы, совдающей и возсоздающей безпрестанно этотъ бытъ, несмотря на вс извращающія его обстоятельства. Онъ до-того не любить называть вещи несоотвътствующими имъ именами, до-того противна ему фальпивая опънка чего-бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, онъ не запрашиваеть лишней цвны своему товару. Не угодно лис прочесть у И. С. Аксакова, въ его наследованияхъ укранискихъ ярмарокъ, следующее место: «Другое существенное различие межау» великорусскимъ и малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способъ торговли.... Малороссіявинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажь, одной опредъленной цыны, которая, разумъется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею часты назначается съ честною умъренностью. Мы нарочно наблюдали престыхъ Мадороссіянъ и Великорусскихъ торговцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь? напримъръ, гусь? спрашиваете вы.--«Тридцать шаговъ» (грошей), отвъчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ.--«Вотъ тебъ гривенникъ» (5-ю кон. ср. дешевле), говорите вы, пе русской привычкъ торговаться.... «И то гроши (т. е. деньги), отвъчаетъ флегматически Малороссіянинъ, и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, великорусскій торговецъ тотчасъ распознаеть своего покупателя, по платью, по речи, по пріему, мигомъ смекнетъ, должно-ли сдълать ому «уваженіе», т. е. уступить, наи стянуть съ него вдвое болбе настоящей цвны» и проч. (2)

⁽¹⁾ Тамъ-же, далве.

^{(&}lt;sup>2</sup>) Русская Беспода, 1858 года, кн. II, отд. наукъ, стр. 104.

Посль этого не трудно нонять, какъ остороженъ, какъ щекотливъ полженъ быть нашъ простой пахарь, чумакъ, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой хохоль, относительно фальши въ товаръ, который онъ продаетъ. Если-же онъ не любитъ продавать фальниваго, то судите, можеть ли онь, безь строгой разборчивости, пріобретать фальшивое, а темъ более, когда это пріобретеніе называется: невиста! Паробокъ встретиль девушку, о которой невольно воскликнуль: «ай, да дівчина!»— этого еще слишкомъ для него мало. Онъ знастъ, что въ городахъ еще больше красавицъ, нежели въ селахъ; но, можетъ-быть, другіе не знаютъ, что ни на одной изъ нихъ онъ не согласился-бы жениться, несмотря ни богатство, ни на что, - и это не отъ чего иного, какъ отъ одного онасенія фальши. Затажій корнеть, продувной пом'єщикь, купчина, воздыхающій о капитальць, могуть, воскликнувь: «ай да дъвушка!» черезъ часъ приступить къ сватовству; но Голопупенковъ сыпъ, какъ бы онъ ни быль смъщонь въ глазакъ автора, объ этомъ и не подумаеть.

Можеть быть, не одинь изъ монкь читателей слышаль разсказы о вечорницахъ, --- не о тъхъ, которыя совершаются подъ балалайку и которыя авторъ Вечеровъ на Хуторъ могъ видъть на барской кухнъ. а о настоящихъ украинскихъ хуторскихъ вечорницахъ. Это — сходки молодыхъ людей обонхъ половъ, у одной изъ сосъдокъ; вовсе не въ домъ зажиточнаго пасичника, къ которому вздятъ въ гости горожане, а непремінно у какой нибудь одинокой вдовы, у которой нътъ дътей и въ хатъ просторно. Собираются на вечерницы какъбудто для работы, а въ самомъ дълъ для того, чтобы, вдали отъ надзора женатыхъ, наговориться и наслушаться речей, которыя не приходять на языкъ среди степеннаго люду, озабоченнаго дътьми и хозяйствомъ. Тутъ-то душа у каждой дъвушки на-распашку; тутъто льются поэтическія пъсни; туть-то ея богатства сіяють въ живыхъ рѣчахъ, нестъсненныхъ предержащею домашнею властью; тутъто обнаруживается вся та природная грація, весь тотъ художественный складь мыслей, вся та, доведенная до-нельзя, утонченность въ области чувства, которыя И. С. Аксаковъ, время своихъ разътадовъ по Укранит, находилъ, безъ различія сословій, въ украинскихъ женщинахъ (1). И вотъ гдт наши па-

⁽¹⁾ Тамъ-же, стр. 98-99.

робки-пахари выбирають себь невъсть, или — лучие сказать — возлюбленныхъ. Это лучие сказать прибавлено иною потому, что наши наробки очень долго не женятся, очень долго живуть одной ближой дружбой съ коханою дівчиною, и паконець удостовърясь, що вона любить вірпо и що нема й на всему свиті такої щирої души, ръшаются сдълать такъ, чтобъ ихъ не разлучили ни отець, ни мать, ни чужая сторона (1), подъ которою разумъется разлука для чумацкаго промысла и заработковъ, а прежде разумълись военные походы. Если-же случится такъ, какъ поется въ пъснъ:

Полюбила козаченька, не спитала и відки,

или такъ, какъ случилось у Квитки между Василемъ и Марусею, или такъ, какъ случилось у Макаровскаго въ его поэмъ: Наталя (2):

Вінъ ні мо́ви, я ні сло́ва, тіло затрясло́ся, — Ста́лось ли́хо, и на віки въ се́рденько впило́ся;

тогда паробокъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ поступалъ Василь, который подробно развъдалъ о Марусъ: кто она? каковъ ея родъ? каковъ ея отецъ? какова ея мать? какихъ она нравовъ? каковъ ея обычай? и прочая, и потомъ уже искалъ симаго благо—виднаго предлога, что называется, занять ее, да не такъ занять, чтобъ тотчасъ влъпить поцълуй среди народа, какъ у Гоголя, а съ полнымъ уваженіемъ къ женщинъ, въ которой онъ видълъ не что нибудь клубничное, какъ выразился бы, можетъ быть; Гоголь, а будущую жену свою. Или-же такъ поступаетъ въ этакомъ любовномъ казусъ паробокъ, какъ у Макаровскаго поступилъ Опанасъ Левенець, не имъющій никакой надобности для своего прозвища въ смъщномъ сочетаніи такихъ словъ, какъ пупъ, пузо, репать и тому подобныхъ, очень понравившихся у Гоголя любителямъ живописи народныхъ нравовъ.

Ой поможи, Боже, намъ на рушничку стати! Тогді не раздучить ві отець, ни мати. Ні чужая чужина, Коли судилася дружина.

⁽¹⁾ Перифразировка сладующихъ словъ народной пасни:

⁽²⁾ См. Юменый Рисскій Сбортынь, изданный Амаросість Метлинскимъ.

Онь, въ качествъ чумака, провежаль черезъ село, въ которомъ жила вдова съ дочкой-красавищей. Пригнавши къ сельскому водопова понть своихъ воловъ, онъ встретиль Наталю, которая разнинъ утромъ возвращалась отъ ръжи съ полными ведрами. Чумакъ тожа быль поражень прасотою дівушки, какъ и Гоголевь Голопупенко: но, какъ онъ былъ сынъ честныхъ родителей - пахарей, а не былъ взять съ толкучаго рынка и наряжень, для повъсти, въ украинскую свитку, то и не вокричаль: «ай да дъвушка!» по-солдатски. Онъ попросиль позволенія напиться изъ ведра, и только после этого пристально взглянуль на красавицу. Туть-то совершилось обоюдное очарованіе выраженное выше въ двухъ стихахъ. Но Опанасъ не сказаль ни слова красавицъ. Все, что онъ сдълалъ, по внушению украинской народной влюбчивости, было-освъдомление въ селъ (и то, безъ сомнъния, очень деликатное), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышавъ, что отецъ и мать, въ бесъдъ съ пріятелями, высказали готовность принять, въ свой богатый домъ, даже самую бъдную дъвушку,

> Аби добрая, покірна й сорому боялась Да Панасові душею й серцемъ сподобалась, —

онъ началъ помышлять о сватовствъ. Но для него мало забранныхъ мимоходомъ справокъ: онъ посылаетъ *на розвідини* родственника, человъка бывалаго и расторопнаго, и, между прочимъ, говоритъ ему:

Роспитайся: дівка, кажуть, доня удовиці....

Проту обратить вниман е на подозрительность украинскаго искателя невъсты. Одно уже те, что въ семьт нътъ отца, главы и блюстителя нравовъ, наводитъ его на сомитне; ибо дочь отцовская, или по-нашему отецька дитина, была-бы болте надежной женою, была-бы наименте фальшивымъ товаромъ въ этого рода пріобрътеніи. Но, такъ какъ украинецъ ни въ чемъ не держится безсмысленно одной формы, то Опанасъ говоритъ своему послу далте:

Хай и такъ. Якъ-же у се́рці віру й Бо́га ма́е И худо́і за собою сла́воньки не зна́е, То я ва́кину, да й шва́дко, моложе́пьку шту́ку: Дамъ ій се́рденько ва се́рце; рученьку за ру́ку!

Прошу повыденія ослановиться на этих стихаль. Въ чемъ туть

заключается молодецкая Въ томъ, что зажиточный паробокъ долженъ жениться на зажиточной девушкъ, если следовать обычаю слепо; ибо, какъ я уже объясняль, зажиточность и достоинство поведенія каждой семьи, въ простомъ пахарскомъ быту. неразлучны. У меня могутъ спросить: почему-же дочь вдовы предполагается незажит ною? Отвъчаю: дочь вдовы-дворянки, дочь вдовыитщанки, дочь вдовы-горожанки, вообще-не должна, во мнтніи паробка — предполагаться незажиточною потому только, что у ней нъть Но Опанасъ и авторъ смотрятъ на вещи практическимъ взглядомъ человъка, очень близко знающаго условія пахарской сельской жизни. Здёсь капиталовъ и текущихъ безъ труда доходовъ нётъ. Здъсь трудъ награждается самою природою, и притомъ на столько, на сколько нужно для извъстнаго времени, можно-сказать — для одного сезона. Когда хозявить обезпечить свое существование до весны и когда у него есть рогатый скотъ для весенией запашки, то онъ считаеть себя и слыветь во мнъніи другихъ богатымъ. Онъ до такой степени удовлетворяется тъмъ, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него трудъ — для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрокъ. Онъ, по евангельскимъ словамъ, не печется объ утрін, ибо утрій самъ о немъ печется. Онъ знаетъ, что послъ зимы настанетъ льто со всей своей благодатью, и спокойно всть свой домашній кусокь хлъба, не помышляя о болье лакомомъ.

Само собою разумъется, что я говорю о большинствъ; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно какъ есть и такіе,
которые спустять на ярмаркахъ весь осенній сборъ и, по народной
пословиць, кладумы зуби на полицю до новаго урожая, а попросту—перебиваются кое-какъ. Вообразите же себъ положеніе семьи
пахаря, когда выбываеть изъ нея мужчина, на которомъ лежала:
главная часть полевыхъ работъ и домашняго управленія. Наймитъпахарь хорошъ только въ глазахъ хозянна. Вдова не въ состояній
держать его въ страхъ Божіемъ и порядкъ. На нивъ онъ засимтъ,
а волы попадутъ въ спашь, за который надобно отвъчать пенею.
Воловь онъ не напасетъ всегда до сыта, не напоитъ во время, не
предохранитъ отъ дождя, который дълаетъ подъ ярмомъ мучительный
прогоины: отъ этого скотъ зимою худаетъ, хвораетъ и мало по малу
наводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера,
должна наконецъ уступить силъ вещей, должна лишться собствен—

наго плуга воловъ, отдать земля частью урожая, который весь приладлежаль хозянну. Такъ и во всемъ другомъ. Вдову и сельская полиція обременяетъ излишнимъ постоемъ; у вдовы и огородъ опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скоръе, нежели въ иномъ дворъ, и комора булетъ обокрадена, и проч., и проч. Подобныя явленія у сельскаго паробка—пахаря безпрестанно передъ глазами. Поэтому онъ и не можетъ съ понятіемъ о вдовъ соединять понятіе о богатствъ. И въ народныхъ пъсняхъ вдова всегда изображается небогатою; напримъръ:

Чи се та́я вдова́ живе́, що на ріжку́ ха́та? Хоро́шую дочку́ мае, сама́ небога́та.

Упадокъ дома, изъ котораго выбыль тотъ, къмъ все держится въ порядкъ, очень хорошо изображенъ въ думъ о козацкой жизни, въ которой постоянное отсутствие хозянна соотвътствуетъ его смерти:

Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяту:
Вона соломою не покрита,
Приспою не осипана,
Коло двора нечиста ма и кола,
На дрівітні дровъ ні поліна,—
Седить въ ній козацька жінка— околіла.
Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зіму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полоникомъ діти напувае (')

Эти стихи сами собой наводять насъ на другую сторону сомивния сельскаго паробка въ томъ, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой въ домѣ; ибо, при разстройствъ хозяйства, мало-по-малу ослабъвають въ хозяйкъ привычки, въ которыхъ слъдуетъ ей воспитывать дочь свою. Предположивъ вдову женщиною самою твердою въ нравахъ и обычаяхъ, все-таки надобно донустить, что хозяйство у ней не можетъ быть такъ полно, какъ въ домѣ, нелишенномъ главы своей; а при исчисленныхъ мною не-

¹⁾ Записки о Южной Руси, т. І, стр. 220.

благопріятных обстоятельствахь, случающихся силошь да рядомъ, она лишается не только воловь, но часто коровь и овець, для которыхъ не въ силахъ запасать на зиму корму. Чаще всего вдова съ дочерью ограничиваются небольшимъ доходомъ съ пахатнаго поля и летпимъ зажономъ у богатаго землевладъльца; остальное же время онъ проводять въ домашнихъ рукодъльяхъ: прядутъ, ткутъ, вышиваютъ. Когда въ пъснъ поется:

Чи се тая дівчинонька живе́ Що хороті шириночки шие?

то это непремънно говорится о дочери вдовы, ибо хозяйскимо дочерямъ бываетъ не до того, чтобы совершенствоваться въ сельскихъ изящныхъ искусствахъ. Суровый взглядъ главы семейства на жизнь н ея нужды всв цацки называеть пустошью, и въ домахъ, полныхъ, какъ говорится, всякой благодати, мать съ дочерьми занимаются только украдкой мережками, шитыми рушниками, писанками передъ Великоднемъ, или же заказываютъ все это одинокимъ вдовамъ и ихъ дочерямъ, платя пшеничной мукой, горохомъ, а иногда и просто насущнымъ хабоомъ. Отъ этого выходить, что вдовины дочки выростаютъ бълоручками, развиваются, какъ уединешныя лиліи и вознаграждають недостатокъ богатства красотою, — неприневоливаемыя къ полевымъ и надворнымъ работамъ, а, пожэлуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшаго въ семействъ и воспиталась въ дружескихъ бесъдахъ и порадажь съ нъжною, горюющею, но зато свободною, матерью. Эти преимущества привлекають къ нимъ внимание паробковъ-богачей и, такимъ образомъ, уравномъриваются блага жизни въ простомъ сельскомъ быту, украшаемомъ въ то же самое время поэзіею, рождающеюся изъ лишеній и страданій.

Но паробокъ—богачъ есть болъе или менъе представитель нравовъ, которыми весь его родъ дожилъ до его времени, не потерявъ своего кореннаго характера. Есть ли у него родители, или же опъ самъ дошелъ до того повного зросту, въ которомъ уже не пошатнется на—сторону и не спуститъ съ рукъ батковщины, все равно онъ — великій практикъ въ своей сферъ дъйствій, при всей поэтичности своей души, влекущей его къ тому, что насъ очаровываетъ въ женщинъ. Развитому гражданственностію человъку дается особенное, вполнъ для него ясное, уразумъніе своего положенія въ жизни

и своей будущности. Неразвитому — двется, такъ сказать, вистниктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобъ она наповла его травою забвенія:

Ой дай мині таке зілля, щобъ тебе забути!

Борьбою и колебаньемъ между поэтическими симпатіями и практическою необходимостью — поступать по внушенію родителей и даже роду (1) — наполнены народныя самыя изящныя пъсни, — эта въчная, драгоцънная книга жизни народной, въ которую любившія и страдавшія сердца вписали неизгладимыми словами свою исторію, въ науку и въ симпатичное наслажденіе отдаленнъйшимъ покольніямъ людей, съ поэтическою всезнающею и всечувствующею душою (2).

Если-бы Гоголь, при своемъ, истинно-творческомъ, даръ, читалъ народныя пъсни, какъ знатокъ простонародной Украины, — онъ однъ повели-бы его перо совсъчъ въ иную сторону, и тогда-бы сіяющій жизнью, хоть и слишкомъ яркія, картины природы въ Сорочинской Ярмаркъ, сочетавшись съ върною живописью нравовъ, сразу поставили-бы его высоко въ глазахъ истиннаго цънителя искусства въ избранномъ имъ родъ. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцевъ, былъ, по словамъ Полеваго, больше москаль и горожанинъ, нежели украинецъ, ознакомленный съ бытомъ своего народа, хотя въ то же время онъ былъ и поэтъ, да еще геніальный.

Смотрите однакожъ, въ какой зависимости находится природный геній отъ изученія предмета своей дъятельности! Сибирякъ, вышедшій изъ лавочныхъ сидъльцевъ въ литераторы, первый обличилъ геніальнаго поэта въ беззаконія его творчества.

По-случаю появленія украинскихъ повъстей Гоголя, нагромождена вавилонская башия сужденій; но народъ, безъ согласія и мимо въдома котораго строилось это чуждое его жизни зданіе высшихъ взглядовъ на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовалъ противъ современныхъ властелиновъ знанія — или своимъ очень, очень медленно измъняющимся бытомъ, или своею единодушною поэтическою

⁽¹⁾ Сратавъ-бы я дівчиноньку, такъ рідъ не велить.

^(*) Последнія слова покажутся странными тому, кто не помнить превосходнаго стиха Піевченка:

Тому, кто все звае, тому кто все чуе...

ръчью, или, наконецъ, устами своихъ вдохновенныхъ литературныхъ представителей, которыхъ повъсти о немъ «живы, какъ сама жизнь, прекрасны и върны, какъ сама правда.» Гоголь возвысился впоследствін до уразуменія художественнаго самообразованія. Онъ поднялся въ этомъ выше встхъ своихъ критиковъ. Въ немъ отъ природы такая заключена была сила истиннаго творчества, сила создавать изящное на долгольтнюю жизнь въ потомствъ, такой върный вистинктъ генія, что онъ не быль остановлень въ саморазвитін, въ стремленіи выйти на собственный свой путь даже и неумѣренными похвалами почти всей читающей Россіи, — опаснъйшимъ наъ всъхъ препятствій, какія только существують для развитія великаго таланта. Ибо строгая школа предназначена въ жизни всякому истиниому поэту, и величайшая требуется отъ него осторожность въ наслажденіяхь благами, которыя люди обыкновенные могуть вкушать безъ-оглядки. Гораздо спасительнъе для поэта, если только онъ истинный поэтъ, быть встръченнымъ со стороны большинства цъпителей такъ, какъ писалъ, по горькому опыту, Шевченко о своихъ первыхъ произведеніяхъ:

> Знаю вашу славу: Поглузують, покепкують, Да й кинуть підъ лаву!

Не бойтесь, его не сломять порицанія, насмінки и даже совіты великих авторитетовь, часто очень онасмые совіты для поэта, явив нагося не оттуда, откуда приходили другіе моэты, и не съ того річью, какой они бывали одарены. Сильные аргументы приводять эти судьи, справедливо уполномоченные въ своемъ кругу идей — сущить объ искусстві и изрекать праведные законы искусства. Но, какъ всякій народъ живеть по своимъ особеннымъ, часто невписаннымъ и въ книгу, законамъ, такъ и законы высокаго дара — потрясать сердца людскія — внушаются избранымъ людямъ не отъ прославленнаго уже ареопага. Поэты это знаютъ, или, лучше сказать, чувствуютъ, и несмотря на то, что они иногда бываютъ не посвищены въ тайны книжной науки, «огни, а не слова» излетаютъ изъ изъ усть въ отвъть на императивные совіты записныхъ судей діла. Такъ, Шевченко, въ слідующихъ стихахъ, увіковічнать современные толки о немъ премудрыхъ мра сего:

Одъ коза́пства, одъ гетьманства Висо́кі мога́ли, Більшъ вічо́го не осталось, Да й ті розрива́ють, А вінъ хо́че, щобъ слу́хали, Якъ старці співа́ють!

Ему совътовали писать общепринятымъ въ россійской имперіи языкомъ. Ему совътовали изображать жизнь, которая у всъхъ въ виду, т. е. у всъхъ цънителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что онъ погребеть свой талантъ въ стихахъ, которыхъ никто не понимаетъ, и въ изображеніи явленій, которымъ никто не сочувствуетъ. Устами этихъ добродушныхъ людей говорила сама истина, но только горизонтъ ея былъ видимъ съ небольшой высоты. Поэтъ нашъ, озирая, съ своего подъоблачнаго полета, несравненно обширнъйшія, невъдомыя другимъ, пространства, отвъчалъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Пра́вда, му́дрі!
Спаси́бі за ра́ду!
Те́плий кожу́хъ, тілько шко́да—
Не на ме́не ши́тий,
А розу́мне ва́ше сло́во
Брехне́ю підби́те.

И потомъ, развернувъ, въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блистательными ихъ воспоминаніями, и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергіею стараго времени и разумною энергіею современнаго генія, онъ восклицаетъ:

> Одъ-де мое́ добро́, гро́ши, Одъ-де моя́ сла́ва! А за ра́ду спасибі вамъ— За ра́ду лука́ву.

Въ этихъ стикахъ каждый, кто понимаетъ дъло собственнымъ толкомъ, увидитъ тяжкую борьбу таланта за свое существованіе, за свою будущность и, главное, за идею, которую онъ долженъ возвъстить міру. Но Гоголь, борясь съ носынавшимися на него со всёхъ сторонъ похвалами, совершилъ подвигъ еще болве высокій и назидательный. Исторія его жизни, собраніе его писемъ и при этомъ его сочиненія — это такія книги, которымъ не много равныхъ завъщало

человъчество будущимъ поколъніямъ для уразумънія высокихъ психологическихъ, критическихъ и философскихъ истинъ.

Но возвратимся къ несчаститишему изъ несчаститишихъ Голопупенкову сыну, котораго уже одно имя делаетъ смешнымъ въ глазахъ читателя, а непонимание, какъ взяться за сватовство, просто—срамитъ во митии каждаго мужика.

Мы виділи, какъ зажиточные и, что все равно, порядочные паробки поступають въ этомъ случат. Вотъ, наприміръ, Опанасъ Левенець: , этотъ посылаетъ своего дядька (но не дядьку) Хмару на розейдини въ то село, въ которомъ онъ полюбилъ случайно встріченную дівушку, и дядько Хмара тотчасъ даетъ читателю понять, что не напрасно выбранъ для такого порученія. Онъ разсуждаетъ не по-гоголевски, а прямымъ толкомъ своего народа, — тімъ толкомъ, котораго авторъ украинскихъ повістей добился впослідствій, несмотря на весь угаръ отъ журнальныхъ и нежурнальныхъ славословій. Онъ говоритъ молодому человітку:

...... Чи тобі-жъ то талану́ не знати, — Незнакому сироти́ну за хозя́йку бра́ти! Мо́же, ця́ця та по се́ламъ бро́дить безъ свити́ни, По комо́рі не ходи́ла и коло скоти́ни. А краса́ — плёва́ть на не́і, якъ добра́ не ма́е, Коли́ пле́чи и грудни́цю ру́бьемъ покрива́е!

Да́дько Хмара — большой прозаикъ; но его проза совпадаетъ съ народною поэзіею. Въ пъсняхъ воспъта жалкая участь невъстки, взятой изъ такого дома, въ которомъ она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетериящей отлагательства. Ее будитъ свекруха, жестоко упрекая въ былой ея бъдности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работящихъ:

Вставай, невістко, часъ до череди гнати! Подій ти́і коро́ви, що одъ батька нагнала, Попрого́нь ове́чки, що роди́на здаровала.

Вотъ какимъ взглядомъ на вещи вооружаютъ старшіе молодыхъ людей, сбирающихся жениться! Но часто молодость беретъ свое, и любящіеся приходять къ такому заключенію:

> Зъ великою худобою — серденьку досада, А зъ любою дружиною — оченькамъ одрада.

> > Digitized by Google

Зъ великою худобою — битись та сваритись, А зъ любою дружиною — на світі нажитись. Зъ великою худобою — горе мині буде, А зъ любою дружиною — не стидно й межъ люде.

Это, однакожъ, происходитъ въ такомъ случав, когда они очень хорошо другъ друга знаютъ и когда зависятъ сами отъ себя. Но, не зная дввушки, сельскій паробокъ не бросится на одну красоту и не рышится на сватовство, какъ у Гоголя. Дя́дько Хмара завхалъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, переночевать къ матери Ната́ли, а на другой день завернулъ въ сельскій шинокъ для повърки своикъ наблюденій и привезъ небожу самыя удовлетворительныя извъстія. Тогда только Опанасъ открылся въ своикъ чувствахъ родителямъ и просилъ ихъ благословенія.

Не извъстно, были-ли родители у Гоголева паробка. Онъ ръшился на сватовство скорбе, нежели каждый изъ его земляковъ, невведенныхъ въ повъсть, ръшился на покупку коня, и запилъ съ будущимъ тестемъ, Солопіемъ, могоричъ въ кабакт у Жидовки. Украинъ эти вещи, можетъ быть, слищкомъ для кого нибудь прозаическія, дълаются иначе. Украинскій сельскій паробокъ обращается къ самымъ достойнымъ изъ своего сословія людямъ съ просьбою быть посредниками между нимъ и домомъ невъсты, и въ этомъ виденъ нетолько народный, скрытый во всякомъ обычат, практическій разумъ, но и тонкое чувство приличія. Еслибы молодой человъкъ обратился къ родителямъ своей возлюбленной непосредственно, этимъбы опъ поставилъ себя съ ними какъ-бы наравит, этимъ-бы онъ всю отвътственность за судьбу ихъ дочери принималъ на себя, этимъ-бы онъ явился въ ихъ глазахъ собственнымъ представителемъ и самъ себя аттестоваль-бы достойнымь столь великой довъренности. посылая вибсто себя сватовъ, людей степенныхъ, имбющихъ собственныхъ дътей, опъ этимъ самымъ свидътельствуетъ передъ родителями невъсты, что недостоинъ заводить непосредственно съ ними ръчи о такомъ важномъ предметъ, въ которомъ онъ, по молодости своей, не можетъ еще быть судьею; въ лицъ сватовъ онъ представляеть имъ поручителей, на которыхъ, яко имъющихъ собственныхъ дътей, могутъ они положиться относительно участи дочери; наконецъ — и это самое главное — рекомендація людей постороннихъ, мзвъстныхъ трудолюбіемъ и добрыми нравами, тоже гораздо больше

Digitized by Google

должна значить въ глазахъ родителей невъсты, нежели все, что могъ бы сказать имъ о себъ женихъ, или внушить имъ своими поступками.

Поэтому-то, въ повъсти Квитки Маруся, молодой паробокъ, будучи долго вхожъ въ домъ нъ Науму Брусу, будучи любимъ въ этомъ дом' какъ семьянинъ, не осм' лился заикнуться, въ простыхъ и задушевныхъ бестдахъ, о сватовствъ. Это оскорбило-бы чувства хозяевъ: это показало-бы, что онъ считаетъ себя въ ихъ глазахъ слищкомъ важной особой, если смъетъ заговаривать съ ними о такомъ предметь, о которомъ, по чувству народнаго украинскаго цъломудрія, ни въ какомъ случат не прилично говорить холостому человтку съ отпомъ семейства. Это, кромъ того, уронило-бы его, во митий хозяевъ, какъ паробка незвычайнаго, то есть незнающаго, какъ слъдуеть вести себя, выражаясь по-городски, съ людьми порядочными Ибо манера быть съ людьми, тонъ разговора, деликатность въ выборт словъ, уминье избъгать вы бестат щекотливыхъ предметовъ, все это внушается доброму украинскому паробку самою природою, а также нравами и понятіями народа, среди котораго онъ выростаетъ. Поэтому-то, зная близко народъ нашъ, не по его худшимъ, облакееннымъ, или обкудаченнымъ, образдамъ, им находимъ дикими въ повъстяхъ Гоголя такія вещи, какъ вопросъ Хиври: не сломили-ли вы себь щем? Да и самъ наробокъ Квиткинъ смотрълъ на сватовство, какъ на религіозный обрядъ, и профанироваль-бы его въ собственномъ чувствъ, еслибы, сидя запросто съ отцомъ своей возлюбленной, сказаль ему, какь оный паробокь Салопію: «Ну, Наумь, воть, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другь друга, такъ-что хотьбы и на въки жить вмъсть. »

Не знаю, какъ дѣлается у скитающихся Цыганъ, подъ ихъ «издранными шатрами»; но въ украинской хатъ чувство приличія играетъ очень важную роль, что касается до деликатныхъ сердечныхъ струнъ, къ которымъ грубое прикосновеніе такъ нестерпимо для человѣка, развитаго общественностію. Посмотрите въ повѣсть Квитки, въ это совершеннѣйшее зеркало народныхъ нравовъ: нетолько Василь, въ бесѣдахъ съ стариками, не смѣлъ никнуть о своемъ намѣреніи, но даже Маруся ни единымъ словомъ не выразила передъ матерью своихъ ожиданій. Этого мало: даже мать, желая отъ всего сердца видѣть Васила своимъ зятемъ, никогда не проговорилась объ этомъ передъ лочерью.

Обращу вимианіе читателя, въ повъсти Квитки, на тотъ моментъ,

когда Настя, мать Маруси, объявила, что идуть старосты и когла старосты стучались подъ дверью. Читатель не предвидълъ отказа со стороны Наума Бруса; но, какъ для каждаго изъ трехъ дъйствующихъ лицъ это событіе было невыразимою тайною въ ожиданіяхъ, то въ повъсти возбужденъ интересъ необыкновенный, и вся церемонія сватовства совершается въ такой торжественности, какъ будто это какое-то религіозное действіе, исполненное таниственнаго значенія. Видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ен изображении, возьметь въ совокупности «всъ мелочи. ничего не пропустивши!» Квитка не имъль высшихъ теоретическихъ понятій объ искусствь; онъ писаль свою повысть въ простоть сераца, изъ поэтической любви къ изображаемому имъ быту; онъ разсказываль, со всею полнотою милой ему народной ръчи, о томъ, что узналъ самою жизнью своею, а не научнымъ наблюденіемъ; и потому его твореніе выходить «живо, какъ сама жизнь, прекрасно и върно какъ сама правда».

Взгляните еще, какъ торжественно дъйствують у Квитки сваты, какъ величаво они держатъ себя. Они сознаютъ, что не для забавы своей взялись за это дёло и что дёло это касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы дъйствительно бываютъ сваты. Слушая ихъ такъ называемыя законныя ръчи, нельзя удержаться отъ улыбки; но это потому, что мы оставили этихъ людей съ XVII въка и воспитаны въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ. И при всемъ томъ видишь въ нихъ членовъ общества, которымъ нельзя отказать въ уваженін. Они ділають честное діло; они ділають діло честно. Будущему тестю давно извъстны личность и достатокъ жениха. -надувають ему въ уши небылиць, подобно обычнымъ московскимъ свахамъ. Они пышными метафорами объ охотящемся за купицею киязъ рекомендують жениха молодцомъ, достойнымъ того, чтобы такіе почтенные люди, какъ они, пришли съ «святымъ» хлъбомъ въ такой почтенный домъ и произнесли, стоя, тъ законныя рычи, которыя произносплись ихъ дёдами, прадёдами и далёе — до отдаленн**ёйшей** старины.

Еслибы Гоголь зналъ демократическую Украипу, какъ знаемъ ее «мы, пресмики Гоголя въ самопознаніи,» то онъ не заставилъ-бы конокрада Цыгана быть посредникомъ между Голопупенковымъ сыномъ и Солопісмъ, онъ содрогнулся бы за своего паробка, когда этотъ бродяга сказалъ ему: «мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску!»

его сердцу было бы больно, что свёжая сельская прасавица, убранная свъжеми, какъ она сама, цветами и лентами, будетъ отдана жениху руками, запятнанными воровствомъ, а пожалуй и человъкоубійствомъ. Самъ же онъ говорить: «Человъкъ, взглянувшій на него (на Цыгана), уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душъ кипатъ достовнетва великія, но воторымъ одна только награда есть на земать — вистанца.» Но паробокъ, взгаянувъ на Цыгана — нетолько не ночувствоваль къ нему естественнаго, въ его сельской простотъ, отвращенія, напротивъ, тотчасъ заключилъ съ нимъ унизительную для себя сяваку, оспорбляющую чувство читателя. Это не укранискій паробокъ: это — петербургскій мазурикь въ нашей честной украннской свить. точно такъ какъ Хивра — не украинская баба, а московская горожанка, и притомъ самая распутная, самая грубая, грубая до-того, что не знастъ даже различія между ласковымъ и грубымъ словомъ, точно такъ какъ и хата съ подмостками подъ потолкомъ, на которыхъ она спрятала поновича, -- не украинская хата, а московская изба съ московскими иолатями. Надобно думать, что Гоголь видаль только снаружи хаты украинскихъ поселянъ, иначе — онъ зналь бы, что доведенная до-нельзя въ нашемъ народъ брезгливость къ нечисто приготовленной пище заставляеть его содержать свои заты въ необыкновенной чистогъ, чему препятствовали бы въ значительной степени полати, такъ такъ въ полатяхъ заводятся неискореняемо тараканы и всякія иныя не очень пріятныя насткомыя. Украинская хата очень мемногосложна, и потому очень чиста; всё въ ней на виду; нътъ въ ней темныхъ угловъ, въ которыхъ сосъдскій или хозяйскій глазъ не замъчаетъ нечистоты. Скоръе снаружи запустить хозяйка стъны, въ рабочее время, но внутри она не можетъ сносить на стънъ никакого пятна. Вообразите, какъ бы ее мучилъ видъ почернълыхъ в законченных полатей подъ потолкомъ, который у ней содержится въ такой же опрятности, какъ и столъ! Она каждый день стелетъ на чистыхъ подмосткахъ у стъны постель, и каждый день сворачиваетъ ее и убираетъ къ мъсту, оставляя подмостки, называемыя поломи, для сидънья за работой и для дътей. Съ полатей постель сволакивать трудно; дазить на полати для приготовленія постели еще трудите. Она должна тамъ оставаться нерушимо какъ въ берлогъ. Словомъ, видъ полатей непріятно поражаеть украинца въ великорусской изов, и не поразиль только Гоголя, такъ какъ онъ былъ, по воспитанию, больше москаль и горожанинь, а простонародный быть украинскій изображаль только по распросанть и по соображенію, котораго, какъ видимъ теперь и какъ увидимъ далѣе, у него часто не хватало на изображеніе самыхъ простыхъ и общензвъстныхъ предметовъ.

Чтобы понять, какъ благоговъетъ простой носелянинъ нашъ нередъ сватовствомъ, вспомните у Квитки сцену, наступивную послъ неожиданнаго отказа со стороны Наума Бруса. Торжественность обычая уступила на-время сильному волненью патетического момента. Но когда всв приступили къ Науму съ просьбою — объяснить причину непостижнивго ни для кого отказа, авторъ, хорошо знавшій демократическую Украину, вдругъ возстановиль все достоинство сватанья следующимъ ответомъ отца семейства: Не той чась: при такому важному ділі, якь е сватанье, не можна всёго говорити. Повторяю опять мое замъчаніе: видите, какъ величава самая простая природа вещей, если только писатель, въ ея изображения, возьметь въ совокупности «всв мелочи, ничего не пропустивни!» Гоголь зналъ за собой больше промахи въ изображения того, надъ чъмъ всв сменлись и надъ чемъ самъ онъ сменлен также безпечно, какъ и читатели, но онъ смъялся этакъ только до извъстной поры, послъ которой онъ, возвысясь надъ самимъ собой, становился уже на точку зртнія тъхъ, которые по его словамъ, «приходили въ недоумъніе ръшить: какъ могли человъку умному приходить въ голову такія глупости!» Не даромъ написаны имъ эти слова въ томъ самомъ сочиненія, въ которомъ онъ главнійшимъ условіємъ «нолнаго воплощенія» своихъ дъйствующихъ лицъ считалъ полное въдъніе ихъ сферы дъйствій и соображеніе всего, отъ мала до велика, безъ всякаго пропуска. Въ «Сорочинской Ярмаркъ» нътъ ни одного воплощеннаго лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придаль своимъ поселянамъ рыночныя городскія свойства и побужденія, и лишиль ихъ всей повзіи народнаго быта, которой полны повъсти непризнаннаго современною ему критикою Квитки, а этимъ самимъ лишилъ ихъ поэзіи правды, поэзіи дъйствительности. Теперь, когда настали иныя требованія, указанныя саминь же Гоголемъ въ поздивишихъ его произведеніяхъ, — надъ его укранискими повъстями пырхають только такіе люди, которые, Украины, не выше столичныхъ типографскихъ наборщиковъ, а защищаетъ ихъ отъ строгой этнографической критики одинъ только г. Максимовичъ.

Какъ ничтожна сцена между двумя кумовьями, которыхъ освобо-

двяъ отъ узъ Голопупенко, и между имъ самимъ и Цыганомъ (словомъ—ХІІ глава Сорочинской Ярмарки)! Не одно то составляетъ здъсь ничтожество, что украинскіе нравы оцыганены, что малороссійскіе поселяне уничтожены. Авторъ могъ найти между поселянами такія же относительно низкія личности, какъ его чиновники и помъщики въ первомъ томъ Мертвыхъ Душь, но надобно изображать и самый упадокъ нравовъ такъ, чтобы въ этомъ изображеній была повзія дъйствительности. У Квитки, въ повъсти Мертвецькій Великовнь, представленъ пъяньчужка, котораго колотитъ жинка, который неисправниъ въ своей беззаботности и пристрастіи къ пьянству. Этотъ типъ очень распространенъ въ Украинъ (1) и вошелъ даже въ въсенность:

Била жінка мужика, пішла позивати.

Національное чувство наше ни мало не оскорбляется изображеміємъ Квитки; ибо это—мы, въ нашемъ упадкѣ; это порокъ нашъ;
этотъ выставленный великимъ писателемъ на вѣчный позоръ украинецъ-дрянцо—брать нашъ, недостойный членъ, но тѣмъ не менѣе
членъ великаго нашего семейства, и какое бы большинство нашего
простонародья ни подходило подъ Квиткинъ унизительный для нашей
гордости типъ, мы отъ него не отречемся, —все равно какъ не отречемся отъ стиха Шевченка:

А наша правда пьяна спить!

Но отъ Гоголевыхъ украинцевъ, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, отъ Гоголевыхъ рыцарей—полковниковъ; которые позволяютъ себя тузить бурсаку сыну «такъ, что хоть бы п не пробовать (2),» мы ръшительно отрекаемся. Можетъ быть, и есть на свътъ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но мы, всъ тъ, кто въ настоящее время имъетъ драгоцънное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всъмъ вообще, кому о томъ въдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевскихъ повъстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры или угадано великимъ талантомъ, но въ главнъйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дъй-

⁽¹⁾ О причинъ мы не говоримъ, покамъстъ.

⁽¹⁾ См. начало «Тараса Бульбы».

ствують не по-украински, и что поэтому, при всемь уважени намемь къ таланту Гоголя, мы признать ихъ земляками не можемъ. Есть у Гоголя прекрасныя страницы объ Украинъ, возстановляющія значеніе нашей націи въ глазахъ нашихъ соплеменниковъ. Есть у Гоголя художественныя изображенія человъческаго ничтожества въ образъ украинцевъ, изображенія, которыя мы сами готовы выставлять «на всенародныя очи», да возгнушается каждый тъмъ, что унижаетъ насъпередъ пълымъ свътомъ. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбію, но что взято не изъ нашей жизни, мы признать художественно върнымъ дъйствительности не можемъ.

Гоголю, въ его повъстяхъ изъ простонароднаго быта, повредняо именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималь, какъ смотрить самъ на себя народъ, и разумълъ народъ побарски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили, въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тъ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искаль въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пъсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и ученой точки эрвнія, безъ пособія народовідінія. Онъ не подозрівваль, что мужикъ, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужекъ, валяющійся по-підь тинню, какъ наша пьяная правда въ стихахъ Шевченка, мужикъ въ одеждъ невъжества и непониманія даже азбуки нашихъ книжныхъ знаній, есть не что иное, какъ старосвътскій кладъ, заклятый темъ, кто положиль его, на многіе годы, чтобы не дался онъ въ руки тому, кто не въ состояніи сдёлать изъ него должнаго употребленія.

Всякъ изъ насъ болъе или менъе знакомъ съ глупыми бабъими запечными байками о кладахъ. Одни клады навалены камнями непомърной тяжести, и эти камни можно сдвинуть съ мъста только двънадцатью черными волами отъ одной коровы. Другіе скрыты въ землъ подъ нашими ногами, но чтобъ ихъ увидъть, надобно провести въбдъніи Иванову ночь и не продремать того мгновенія, въ которое цвътетъ папоротникъ. Третьи являются ослъпленнымъ гордынею нашимъ глазамъ въ видъ невзрачнаго, заслюненнаго и—извините—сопливаго старичка, отъ котораго всъ отворачиваются, не подозръвая, что этотъ гадкій старикашка — ходячій кладъ. Но бывали примъры высокой поэтичности душевной, которая, высшимъ, святымъ взглядомъ на жизнь, уразумъвала простую, очень простую истину: что

этотъ отверженный всёми дряхлый старецъ—брать нашъ. Наредъ сохраниль о такихъ примёрахъ воспоминаніе, или лучше сказать—пе редаль нашъ глубокое свое убёжденіе въ возпожности чистаго, невинаго добра на землё, — подъ видомъ кроткой сельской спротки, которая, приближась безъ отвращенія къ старичку, утирала ему хуспочкою носъ,—и вдругъ старичокъ разсыпался скарбомъ!

Смотрите, при какихъ трудныхъ условіяхъ, послѣ какихъ тяжкахъ усилій, ири какой трезвенности чувствъ и при какой святой любви къ ближнему дается наконецъ кладъ, скрытый отъ людей въ теченіе долгихъ лётъ, завіщанный отдаленными предками отдаленнымъ потомкамъ и недоступный ни силь, ни мудрости тъхъ, которые не въ надлежащее время захотели бы его открыть! Гоголь. при всей барскости своего детскаго воспитанія, могь такъ же, какъ и другіе, слышать глупыл бабын запечныя байки о кладахъ. Гоголь. ври всемъ отчужденін своемъ отъ народа, при всемъ удаленін отъ вепосредственнаго его изученія, могъ быть и быль наведень на мысль, чте простой народъ нашъ-какой-то старосвътскій кладъ. Но Гоголь не прожиль столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дождаться, на собственномъ хозяйстве, двенадцати черныхъ воловъ отъ одной коровы и сдвинуть съ клада камень непомърной тяжести. Гоголь, описавий Иванову ночь по разсказамъ, лично не приносилъ жертвъ такиственному, поэтическому, убранному весениями цвътами. божеству сельской молодежи, чтобъ оно открыло ему, бодрствующему среди всеобщаго сна, то короткое мгновеніе, въ которое вспыхиваеть и гаснеть волшебный всеоткрывающій цвіть папоротника. Гоголь, наконецъ, не бродилъ по селамъ въ такомъ видъ и съ такой венутаціей въ народъ, чтобы отъ него не скрывались робкіе, гониные и вивств презираемые, безсильные несчастливны, и не сближался съ подебными ходичими скарбами до-того, чтобъ они разсыпались передъ имиъ остин своимя душевными сокровищами.

Принадлежа однакожъ, по своей природъ, къ тъмъ избраннымъ въдателямъ тайнъ бытія, которыхъ нашъ поэтъ характеризовалъ стихомъ:

Тому, хто все знае, тому, хто все чуе, —

Гоголь не могь остановить народъ безъ допроса о его старосвътскихъ сокровищахъ, и въ повъстяхъ своихъ не разъ пробовалъ дъзать съ предполагаемыми ходячими скарбами то, что и оная сельская епротка, но онъ дълалъ это не въ простотъ сердца, онъ дъдалъ это съ-высока, по-барски, а иной разъ и такъ, какъ описано у Квитки въ его повъсти: Отв тобі й Скарбь!

Поэтическая шутка Основьяненка, какъ все истинно поэтическое, върное дъйствительности, идеть изъ рода въ родъ и инъетъ иногоразличныя примъненія. Нъкій Хома Масля́къ слыхаль, подобно иногимъ поэтамъ, что въ народъ являются иногда ходячіе скарбы, и выдумаль обогатиться безъ всякой заслуги, безо всякаго на то права; но вмъсто обогащенія попаль только подъ отвътственность передъ обществомъ. Это случилось слъдующимъ образомъ:

«То просючи, то плачучи, протурила ёго жінка объ Серемохрестті на заробітки, чи не добувъ бы чого икъ свату, щобъ бумо чимъ разговітись. Потя́гъ Хома до слободы верстовъ за сімъ, и йде, я все свое думае: я́къ бы то на скорбъ наскочити, забрати ёго та тогді бъ и гадки не мати! Ажъ ось, дивитця— назустрічъ иде дідусь, старенькій, мале́нький, горба́тенький, та ще зігну́всь одъ старости, такъ мовъ при саній землі. Пика ёму не вмита, воло́ссв роскудовчане, нісъ не втертий, слина зъ рота такъ и бье, ажъ занівився, но всій бороді.

«Хома зъ радощівъ самъ себе не тямить. Чувъ, що и якъ у тавому ділі робити; заравъ підбігъ до дідуся, втеръ ёму нісъ, обітеръ ёму рітъ,—нічого! Дідусь не розсипавсь, а тілько мугиче щось таке та веселенько усміхаючись, знай ёму низесенько кланяетця.

«Хома думае собі: «Чому сей скарбъ та не розсинаєтца?... Эге! знаю!» Та зъ симъ словомъ хряпъ дідуся по щоці! а той—бебехъ объ землю!... Эге, та й лежить цілісінькій, и скиглить, и плаче, и стогне, и нічого не говорить. Хома думавъ, що ще трохи ёго потовкий чивъ, — принявсь лежи чого шкварити. Дідусь не розсинаєтця, а Хома знай ёго бебехами годуе....

— «А що ти, чоловіче, робишь? За що ти нашого німого старця быешь?» обізвавсь до ёго чоловікъ изъ надъулісся, та й гукнувь на товариство...»

Вотъ обращикъ того, какъ люди, чуждые народа и его чувствъ, допрашиваютъ народъ о его старосвътскихъ скарбахъ. Достается отъ нихъ иногда народу, какъ тому дідусю отъ Хомы Масляка, и должны они, рано или поздно, отвъчать передъ своимъ обществомъ, какъ и Хома Маслякъ нередъ своимъ.

- Никакой талантъ не можеть загладить погрѣшностей противъ коренныхъ нравовъ и обычаевъ, сохраняющихъ изъ въжа въ въкъ из-

въстную національность, и чемъ изобретательнее, чемъ живее воображеніе незнакомаго съ простонародьемъ писателя, темъ въ больнія впадеть онъ несообразности и противоръчія дъйствительности. Такъ Гоголь, выдучавь, въ Сорочинской Ярмаркъ, невозможную интригу. лешель народный быть дучмехь поэтеческихь певтовь его, оборваль эти цвъты пыганскими руками, обратиль съдаго отца невъсты въ театрального пажа или въ ребенка, «забывающого про всъ дъла свои» оттого только, что увидель дочку, танцующую съ зеркаломъ въ руке нодъ собственную изсенку. «Когда онъ услышаль знакомые звукн ители, жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченивимсь, выступаль онь впередь и пустыся въ-присядку» (1) наединь съ дочерью! Такая сцена возможна на театральныхъ подмосткахъ; такая сцена возможна, можеть быть, въ жизни городинчаго, размечтавнагося вслухъ о генеральствъ; но въ простомъ быту украинскаго пахаря она не возмежна, она дека до такой степени, что сама дочь, передъ которой отецъ пустнася бы выплясывать въ-присядку, убъжала бы отъ него, какъ отъ сумасшедшаго. Этотъ вставочный случай самъ по себъ испортных бы весь характеръ Солопія, какъ бы онъ ни быль веденъ натурально отъ самаго начала повъсти. Но въ Сорочинской Ярмаркљ испортить ничего невозможно: она вся отъ начала до конца нредставляеть саный краснорычивый аттестать, съ какимъ жалкимъ запасовъ знанія простонародной Украйны убхаль Гоголь, въ 1829 году, въ Петербургъ, откуда пріважаль къ натери місяца на два, авторомъ «Вечеровъ на Хуторъ,» а потомъ еще разъ, на короткое время, прославленнымъ авторомъ Миргорода.

Еслибы этнографія въ то время, какъ нынѣ, входила въ кругъ научныхъ энаній, дающихъ право на имя просвъщеннаго человѣка, то голосъ Полеваго противъ «Вечеровъ на Хуторѣ» не вопіяль бы въ пустынѣ: его бы ноддержали другіе критики. Еслибы, въ ту эпоху, Укравна, въ области ученыхъ изслѣдованій и литературныхъ бесѣдъ, играла ту роль, какую играетъ въ наше время, то Вечера на Хуторъ показались бы передовымъ умамъ дѣтскимъ опытомъ, и первенствующій поэтъ русскій не обратилъ бы вниманія на то, что надъним пырхаютъ наборщики въ типографія.

Еслябы русское читающее общество было воспитано въ духѣ роднаго ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно

⁽¹⁾ CTP. 37.

Квитку и Шевченка, какъ ближайшихъ ему всеславянскихъ поэтовъ, то въ этихъ совершенившихъ зеркалахъ народныхъ чувствъ, народныхъ нравовъ и обычаевъ, оно увидъло бы воціющія погращиости повъстей Гоголя, и пожально бы только, что столько воебраженія потрачено на блестящіе призраки изъ несуществующаго въ дъйствительности міра. Но читающее общество, неохраняемое и невразум. ляемое критикою, бываеть легковерно и легкомысленно до чрезвычайности. Оно въ литературъ ищетъ забавы или, такъ-называемаго, дегкаго чтенія, точно какъ-будто великіе таланты посыдаются Богонъ ему на потеху, а не въ науку, точно какъ-будто жизнь, которую они изображають, какан-то игрушка, точно какъ-будто, неуразушывь того внолив, что было и есть въ этой жизни, можно сделать коть маленькій шагь впередъ! Украинскія повъсти Гоголя приняты были встин на-втру, потому что «въ его время невозможно было знать Украины больше, нежели оне зналь; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ техъ сторонъ, съ какихъ мы, преемияки Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себъ ея промедшее и настоящее». Голосъ Полевого заглушенъ былъ повсемъстнымъ квалебнынъ жужжаньемъ и журнальными толками. Вслъдъ за Миргородомъ явился Квитка, подъ именемъ Основьяненка, съ своими повъстями, точно художникъ-обличитель, и заставиль плакать ту самую Украниу. которая по-детски хохотала, вибств съ господствовавшими въ ней журналами, надъ позоромъ собственнаго простонародья. Вследъ за Квитною явился Шевченко уже изъ среды того простонародья, надъ которымъ потъщался Гоголь, — и тяжело повернулись многія сердца отъ его демократической, вмёстё и суровой, и нёжной, и саркастической, и грозной ръчи. Но и тутъ Гоголь, подъ прикрытіемъ лавровъ, пожатыхъ на всероссійскомъ чиновинчьемъ и дворянскомъ полі, остался, во мити публики, всё твиъ-же Гоголемъ, какимъ провозгласили его столичные нервенствующе критики. Правда, кругь читателей Квитки и Шевченка быль очень маль, такъ какъ они повели рачь о Гоголевой родина языкомъ этой родины, извастнымъ въ столицахъ больше всего по такинъ слованъ, какъ Ловгочжинъ. Свербинузь, Перерепенко и тому подобнымъ, которыя Гоголь уветребляль, въ повъстяхь своихь, не стъсняясь, но которыя крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществъ, понинающемъ симсаъ каждаго произносимаго въ немъ слова. Правда и то, что многіе изъ украинцевъ оскорблядись не на шутку украинскими повъстими Гоголя; но ихъ населя неклонинки журнальной критики людьии отсталыми, и продолжали изучать простонародную Украину по Гоголю.

Извъстно, что огромное большинство читающаго общества въ Украинъ составляли помъщики, которые не могли возвыситься надъ гоголевскою точкою воззрвнія на предметь, а любя наслажденія изящныя, увлекались картинностью его описаній природы и изкоторыхъ идеализированных вичностей, до которых дойдеть очередь въ нашей вритикъ. Естественно, что наука объ Украинъ не могла двинуться такинъ повъствователемъ, какъ Гоголь. Но, по своей поэтической натуръ, онъ первый почуялъ, что въ области его живописи кроются великія сокровища для поэта, и не разъ подошелъ къ нимъ очень банако. Оставалось только сбросить съ глазъ повязку, наложенную на него первоначальнымъ воспитаніемъ, незнаніемъ народа и обществомъ, -- сокровища были бы въ его рукахъ, и украинскія повъсти Гоголя, въ этнографическомъ отношении, стали бы наравиъ другими его повъстями. Тъмъ не менъе, однакожъ, общество обратило глаза въ ту сторону, въ которую онъ такъ долго смотрелъ. Увранна явилась въ воображеніи великороссіянъ какимъ-то блистательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эопрныхъ насъкомыхъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, по которымъ прыщетъ золото отъ осленительных ударовь солица, съ людьми веселыми, ленивыми и беззаботными до-того, что даже выдача дочери замужъ не въ состоянін ихъ озаботить, съ комизмомъ или юморомъ, для котораго ньть никакихь предъловь, съ нравами, для которыхь нъть ничего останавливающаго, съ исторією, въ которой происходять великія событія по случайной затів безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерями, которыя забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню черезъ каминъ; съ чертями, которые переносять кузнецовъ къ императрице во дворенъ, съ русалками на воде, переворачиваюшимися на спину передъ галопирующимъ по воздуху на въдьит сешинаристомъ, и со множествомъ истинно смешныхъ и истинно поэтических сцень, которыя обнаружили въ авторъ самое блестящее литературное дарованіе, какое только являлось до тёхъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за втрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что укранискія повъсти Гоголи не болъе, какъ радужныя грезы поэта о родинъ, что

r

-это только отводъ нападавшаго на него унывія, очень естественнаго на съверъ въ уроженцъ Украины.

Уныніе это обыкновенно называють въ украинцахъ тоской по родинъ. Оно больше всего губило козаковъ, работавшихъ Ладожскій каналь по воль Петра Перваго, какь это мы знаемь изъ исторія Ладожскаго канала, напечатанной въ Русскомъ Въстникъ. Оно гнететъ почти каждаго изъ насъ до сихъ поръ на стверъ, вдали отъ нашей не столь пышной, какъ описано у Гоголя, но гораздо болъе илънительной, природы, вдали отъ вашего не столь комическаго, какъ у Гоголя, но гораздо болъе влекущаго къ себъ народа. Оно заставляеть нашего брата въ Петербургъ или работать за десятерыхъ, или пустить въ ходъ то, что называется малороссійскимъ умишкой, или вграть запоемъ въ карты и спустить съ рукъ всю батьковщину, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, какъ урожеиецъ Полтавской губерній, да еще и великій природный талантъ, не могъ не чувствовать гнета этой особенной бользии. Онъ нашелъ отводъ ея въ своемъ богатомъ воображеніи и пустился писать «какъ попало, куда ни поведетъ перо», по собственному его признанію въ Авторской Исповъди (1), гдъ читатель найдетъ слъдующія слова: «На меня находили припадки тоски, миъ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего бользненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придунываль себъ все смъшное, что только могъ выдумать. Выдумываль целикомъ смешныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачъмъ это, для чего и кому выйдетъ отъ этого какая польза (2).»

Само собою разумѣется, что Гоголь старался развлекать себя не однимъ смѣшнымъ: фантазія уносила его въ родныя степи, онъ живо писалъ впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, онъ олицетворалъ характеры, навѣянные ему родными пѣснями; но смѣхъ, въ его украинскихъ повѣстяхъ, преобладаетъ надъ всѣми иными чувствами и объясняетъ устъхъ ихъ больше, нежели что-либо другое. Гоголь созпавалъ это самъ: «Я увидѣлъ», говоритъ онъ въ Авторской Исповъди, «что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, за—

^{(&#}x27;) См. «Соч. и И. Гоголя», т. III, стр. 516.

^(°) Тамъ же, стр. 500.

чтив. Если сминися, такъ ужъ дучне сминися сильно — и надъ тив, что дийствительно достойно осминива всеобщаго $(^1)$.»

Гоголь, какъ талантъ первоклассный, не могь не понимать, или лучие сказать — не чувствовать, что одно смёшное да смёшное надовстъ читателю, и поэтому онъ вездё, гдё представлялся ему удобный случай, браль ноту грустную (напр., въ окончаніи Сорочинской Ярмарки, или повёсти о миргородскихъ помещикахъ), онъ введилъ между смёшнаго величавое или трогательное; но этимъ онъ, такъ сказать, только принравляль свою похлебку, какъ человёкъ со вкусомъ. Всего лучше читатель это увидитъ изъ первоначальнаго его намеренія, касательно Мертевіжь Душь: «Я думаль просто, что смёшной проэктъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившался во мить самомъ охота смёяться создастъ сама собою множество емешныхъ явленій, которыя я намеренъ былъ перемещать съ трогательными (2)».

Подобная пересынка трогательнаго съ смѣшнымъ довершила очарованіе, произведенное на умы читателей укравнскими повъстями Гоголя; а когда онъ выпробовалъ свое перо на Украинъ, тѣмъ самымъ перомъ написалъ нѣсколько вещей изъ петербургской жизни съ безпощадною вѣрностію натурѣ, которая у него была передъ глазами, тогда исчезло и послѣднее сомнѣме, что Украина не совсѣмъ покожа на его повѣсти.

Гоголь высказаль однакожь столько любви къ Украинъ, сколько можетъ чувствовать поэтъ къ тому, что представляется ему въ поэтическомъ свътъ. Онъ первый открылъ въ украинской старинъ въчто величавое; онъ первый далъ характеру древняго козака широкіе размітры; онъ первый заговорилъ о ноэтической стеронъ исчезнувшаго уже нашего прошедшаго. Онъ и въ настоящемъ бъту поселянъ старался угадатъ изящныя черты нравовъ и обычаевъ, пробивающіеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что онъ ни изображилъ порть вліяніемъ оборотной стороны своего комическаго таланта, было помъщено имъ въ какихъ—то неопредъленныхъ сферахъ, было представлено безъ связи съ другими предшествовавшими и нослъдовавшими явленіями, не имъло вокругь себя этой мелочи, которая свидътель-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 501.

^(*) Тамъ же, стр. 502.

ствуеть, что взятое лине или явлеціе двёствительно существовало въ такомъ видъ и иначе существовать не могло. Въ его украинскихъ повъстяхъ слышится тонъ пъсень, которыя поэту, содержащему въ своей единицъ правственный образъ всего своего народа, открываютъ никому невідомыя тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не разскажуть ничего такъ, какъ разсказываеть повъсть: это уже дъло вдохновеннаго пъснями поэта. Онъ схватиль чуткимъ слухомъ только поэтическій тонъ піссень, набраль изъ нихъ полныя горсти очаровательныхъ въ своей дикости ароматныхъ цвътовъ. Онъ поставиль между читающимъ обществомъ и Украиною радужную ткань своего воображенія и заставиль взглянуть на Украину иными глазами, заставнаъ почувствовать въ этой странъ и въ населяющемъ ее народъ достоинства великія, дотоль ненодозрываемыя; но та же самая радужная ткань воображенія поэта не дала обществу ничего разсмотръть въ такой ясности и полнотъ, въ какой является у него многое, если не все, въ Мертвых Душах в.

Темъ не менъе, однакожъ, какъ я уже сказалъ, общество обратило глаза на Украину, и послъ Гоголя началось многостороннее изследование и определение этой страны, которой онъ своими повестями не объясниль, и объяснить не могъ. Онъ самъ говорить, что «угадывать человъка могъ только тогда, когда ему представлялись самыя мельчайнія подробности его визиности (1)». Какимъ же обравомъ могъ онъ угадать Тараса Бульбу, прочитавъ только Конискаго да Боплана? Какимъ образомъ могъ онъ угадать украинскаго простолюдина, зная украинскій простонародный быть въ такой степени, какую обнаружила передъ нами Сорочинская Ярмарка? Сколько онъ ни собираль, черезъ переписку по почть, наредныхъ пъсень, сколько онъ на распраниваль объ Укранив забажнив въ Петербургъ земляковъ, онъ не могъ достигнуть такого познанія простонаредной Украины, чтобы, творя въ умъ образъ изъ старины, или наъ настоящаго, не пропустить несколько подробностей; а творческій таланть его, по собственному его опредълению, быль такого свойства, что «стоило ему несколько подробностей пронустить, не принять въ соображеніе- и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другаго» (2). Но она выступала только для такого изощрениаго кри-

^{(&#}x27;) Тамъ же, стр. 508.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 509.

тическаго зрвиія, какое онъ санъ нивлъ, когда говорилъ, что «чувствовалъ что-то въ редв отвращенія къ своему юмору, ногда находиль, что все у него выходило натянуто, насильственио, и даже то, надъ чъмъ онъ смъялся, становилось нечально $\binom{1}{2}$ ».

Мы сами, незнавшіе еще ни Квитки, ни Шевченка, встрітная съ восторгомъ «Вечера на Хуторъ (2)». Мы, будучи дътьми, эпоху появленія въ свёть повёстей пасичнина Рудого Панька, бросили для него вет свои книги и даже Библіотеку для Чтенія съ ен первыми повъстини (3). Мы выучная ихъ наизусть и потъ**мались** Голопупенками и Перерепенками отъ всей души, а отъ фантастическихъ и печальныхъ сценъ приходили въ восторгъ и умиленье. Но, когда попали намъ въ руки повъсти Квитки, ны такъ же выучили ыхъ наизусть; когда забрело въ Украину московское издание украинскихъ народныхъ пъсень, мы и его приняли съ восторгомъ и выучели наизусть; когда явились, наконецъ, объясняющие Украину со многихъ сторонъ стихи Шевченка, печатные и непечатные, им также и стихи Шевченка, всъ, до послъдняго слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другія, второстепенной важности. литературныя явленія, каждый изъ насъ сділался человіжомъ варослыть и началь жить болье или менье независивымь умоть. И если самъ авторъ украинскихъ повъстей могъ освободиться наконецъ отъ очарованія своего неосмысленнаго юмора и своей неопредълсиной фантазін, до-того что находиль свои поэтическія конценціи, несвязанныя тесно съ действительностію, натанутыми и насельственными, а то, надъ чень онь прежде смеллся, становилось для него печальнымъ,--то что мудренаго, если люди, содержащие въ унт въ тысячу разъ больше противъ него памятниковъ народной поезін, люди, озарешные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросміе посреди своего народа, находять многія конценцін украинекихъ повъстей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качають головою надъ темъ, что прежде ихъ смещило?

Я помию, съ какинъ восторгомъ мы встрътили Солопія въ пре-

⁽²⁾ Библіотека для Чтенія явилась поэже Вечерова на Хуторю, но въ Укранив, въ нашемъ малонимиемъ затипьв, въ одно время съ инми.

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 302.

⁽³⁾ Говоря мы, я разумімо здісь своихъ сверстниковъ, схедныхъ со мною во вкусахъ и стремленіяхъ, хотя бы они воспитывались и не вмісті со мною.

лестной сцент разметтавшейся съ зеркальцемъ въ рукахъ, Параски. Мы находили его театральный танецъ очень умъстнымъ и очень естественнымъ. Но теперь, когда мы въ состоянін, на мъсто выставленной Гоголемъ куклы на пружинахъ, вообразить живую натуру,—намътанецъ Параски съ съдымъ отцомъ напоминаетъ святочные столичные балаганы, гдт крещеный людъ коверкаетъ себя на вст манеры, не справлявсь съ эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для насъ былъ бы естествененъ въ танцующей дъвушкт крикъ ужаса нри видъ впавшаго въ безуміе отца, и неестественна планительная сцена цвтущей молодости, насильственно сгармонированной съ старестью, у которой, не говоря уже о семейныхъ отношеніяхъ, «другія хладныя заботы, другія строгія мечты.»

Во времена оны, мы отъ души раздѣляли радость Параски, которой, въ приврочной квартирѣ, объявили, что пришелъ женихъ—вести ее къ вѣнцу. Но теперь ея радость для насъ такъ же противна, какъ и движенія мертваго тѣла подъ вліяніемъ гальванизма. Для незванощихъ простонародной Украины, кажется очень простымъ дѣломъ въять за руку сельскую дѣвушку и повести къ вѣнцу. Для знающихъ—это былъ бы вопіющій фактъ нарушенія обычаевъ, передъ которыми сельская невѣста благоговѣетъ, какъ язычникъ нередъ своимъ кумиромъ.

Я уже не говорю о старших; я уже не говорю о родь, который быль бы оскорблень до глубины души подобнымъ событиемъ и не простиль бы никогда своего безчестья обвінчавшейся такинъ образонь женщині. Но сама невіста, при всей своей молодости, не согласилась бы на вінчанье безъ почетнаго конвоя своихъ сверстняць—дружомъ и сеютилокъ, безъ того конвоя, впереди котораго несутъ свадебный мечь съ пылающею на его острів свічкою, какъ виблему свидітельствуемой передъ цілымъ міромъ вірной, пылающей до гроба, любви. Сама невіста не пошла бы подъ вінець безъ честного коровая, который печется, накануні вінчанья, съ такими торжественными, полуязыческими, очень древними півснями и разными изъ рода въ родъ нензмінными обрядами. Сама невіста ужаснулась бы мысли — выдти въ церковь не изъ отцовскаго дома, а изъ этой чужой хаты съ московскими полатями, съ которыхъ накануні упаль подобравшійся къ ея мачихъ поповичь.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшися на высоту критическаго возгрънія, не почувствуетъ не-

вольнаго отвращения къ недобному юмору? Кому не покажется въ этой спеть печальнымъ то, надъчемъ онъ прежде сметался? Сама Хивода. кричащая: «Нътъ! нътъ! этого-то не будетъ!» является обличительинею автора, «незнавшаго простонародной Украйны и изображавшаго ее какъ баринъ, видящій въ мужикт одно смішное». Пара Цытанъ, держащихъ ее за руки, профанируютъ въ ея, вовсе не народномъ, тиит весь народъ нашъ съ его священивними обычания. Я скажу гораздо болъе, если прибавлю, что подобнымъ образомъ поступали у насъ только пъкоторые помъщики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украины, иногда среди жинвъ брали съ одней нивы паробка, а съ другой девушку и заставляли ихъ быть мужемъ и женою, по экономическимъ и доманнимъ соображениямъ. Еслибы Гоголь наполнель свои простонародныя повъсти подобными фактами да сварилъ ихъ своимъ талантомъ, тогда-бы онъ объясниль Украину. Но, безъ этого, онъ сдълаль ими одно только истинно достойное дъло: «далъ новое, сильное побуждение къ ея объяснению», какъ сказано у меня въ осибянномъ Русскою Бесподою эпилоги къ Черной Радъ.

Оканчивая свою повъсть, Гоголь говорить: «Странное, неизъясиимое чувство овладъло бы врителемъ, при видъ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткъ, съ длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ едииству и перешло въ согласіе».

Хорошо сказано, но только противно истинъ. На нашихъ простонародныхъ свадьбахъ нестройная, разговорившаяся и разшумъвшаяся толна дъйствительно обращается къ единству и переходитъ въ согласіе отъ одного удара свычка. Но музыка тамъ повершаетъ гармовію жизни со всъми ея варіаціями; музыка обращаетъ къ единству разнородныя чувства свадебной толшы, начиная отъ молодой четы, которая, взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, предъявила свои права на состоятельность, до старшихъ въ семействахъ, давшихъ, песлъ долгихъ обдумываній и совъщаній, свое благословеніе на эту самостоятельность, и до послъдняго посътителя свадьбы, свидътельствующаго передъ міромъ ея законность.

Простонародныя свадьбы наши никогда не совершаются въ тихомолку. Объ нихъ возвъщаетъ всему селу хоръ дружекъ, которыя, сбираясь на дівичъ-вечіръ, ходятъ по всёмъ улицамъ и воспіваютъ въ поэтическихъ образахъ готовое совершиться событіе. Лишь только соберется народъ, музына водворяетъ гарменію между нестройными голосами и обращаетъ чувства толны къ единству. На дъвичь-вечеръ у бъдныхъ людей голоса дружекъ замъняютъ музыку, такъ какъ голоса коровайницъ замъняли ее во время печенья коровая. Она дълаетъ свое дъло уже въ день бракосочетанія, и тогда-то оживляются звуками музыки даже тъ, «на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, въкъ не проскальзывала улыбка», и даже самыя «старушки, на ветхихъ лицахъ которыхъ въяло равнодушемъ могялы (1)».

Наблюдая это явленіе мемоходомъ или мемотадомъ, какъ наблювають помъщики, подобные автору Вечерось на Хуторъ, можно подумать, что оно происходить «отъ одного удара смычка». Но это все равно, какъ еслибы думать, что дума католика трепеметь и стремится къ мебесамъ отъ одного того, что органистъ ударилъ Пускай тотъ самый по клавишамъ органа. органистъ играетъ свою религюзную симфонію въ мастерской у того, кто дълаеть органы. Набожный католикъ, проходя мино и зная, что это проба органа, не содрогнется душою, не перестанетъ размышлять о свонув аблачь и будеть продолжать свой путь спокойно. Точно такъ свальба, сыгранная вневанно, при содтиствии ярмарочныхъ конокрадевъ вибсто почетныхъ старостовъ и прочихъ представителей сельскаго общества, еслибы только была возможна такая свадьба, - не произвели-бы на народъ такого впечатленія, какъ у Гоголя напевъ дочери на старика отца и ударъ смычка на толпу людей, «на уграфмыхъ лицахъ которыхъ повидимому въкъ не проскальзывала улыбка и въдо равнодушіемъ могилы». Было-бы совершенно Один развъ Цыганы-конокрады участвовали-бы въ такой свадьбъ и удостоили-бы танцовать на ней. Честные же поселяне съ ужасомъ оталынули-бы отъ сумасшедшихъ, которые, отвергнувъ весь законь (2). затъяли свадьбу вдали отъ своего дома, точно жиды на смітичму (3). Не невеслось бы все и не затанцовало бы, какъ у Гогода. И тъ самыя старушки, которыя «подплясывали у него за веселящимся народомъ, даже безъ дътской радости, безъ искры сочувствія, подъ вліяність одного хибля, заставлявшаго ихъ делать что-то полоб-

⁽¹⁾ Сорочинская Ярмарка, стр. 38.

^(*) Всъ свадебныя церемонія вивств называются закономи; оттого и законныя рючи.

⁽⁵⁾ Такъ выражается о еврейской свадьбъ народъ.

ное человъческому, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата», тъ самыя старушки явились бы на такой свадьбъ главными предстанительницами пораженнаго ужасомъ и оскорбленіемъ общества: онъ бы вдругъ ожили, точно вставшія изъ гробовъ покойницы, и предали-бы всенародно проклятію безумнаго Солопія и безумную молодую чету. Ихъ ветхія лица, на которыхъ въяло равнодушіе могилы, сдълали-бы страшное впечатлъніе на «новаго, смъющагося, живаго человъка», между которымъ они безсмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человъкъ не забылъ-бы ихъ замогильныхъ воплей, и въ грядущія покольнія перешла бы какая нибудь волшебная легенда въ память ужаснаго беззаконія, совершившагося всенародно.

И вотъ вамъ впечатлѣніе, производимое на критика-этнографа тою саною молодою, смѣющейся поэзіей Сорочинской Ярмарки, которая во времена оны заткала радужною сѣткою передъ его глазами дѣйствительность, и непреодолимою силою увлекала его воображеніе въ свой фантастическій причудливый міръ, невозможный на нашей почвѣ. «Не такъ ли и радость», скажемъ словами Гоголя, «прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ (съ лѣтами), и напрасно одинокій думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится серацу, и нечѣмъ помочь ему (1)»!

Да, намъ жалко разстаться съ тъми восторгами, какіе мы чувствовали во времена оны при чтеніи Вечеровъ на Хуторъ — все равно, «какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности (2)». Но всякій возрасть имъетъ свои преимущества и свою замъну того, что было безразлично-хорошо въ прежнее время. Это должно сказать какъ объ одномъ человъкъ, такъ и о цъломъ обществъ....

П. Кулишъ.

29 іюня 1858. Хуторъ Мотроновка, подъ Борзною.

^(*) Заключительныя слова Сорочинской Ярмарки.

⁽²⁾ Слова Гоголя въ предисловін къ изданію его Сочинскій въ 1842 году.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

II.

№ 8. От исправляющаго должность старшаго учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лькарю.

Какъ куколка сбрасываетъ съ себя свою некрасивую оболочку и превращается въ блестящую бабочку, такъ, въ одно прекрасное утро, по выдержаніи выпускнаго университетскаго испытанія, сбросиль я съ себя свою подержанную студенческую оболочку и явился въ новой, учительской формъ. Вмъсто сюртука, давно уже отжившаго въкъ, назначенный ему законами суконной природы и положеніемъ о срокъ казенныхъ сюртуковъ, на мнъ былъ новый вицъ-мундиръ, со встии опредълительными и дополнительными къ нему частями туалета. Превращение это совершилось при пособіи 133 рублей, съ копъйками, третнаго, не въ зачетъ, жалованья. Не разъ, въ минуты безтабачья, испыталь я, какъ бывають дороги и 15 копъекъ — цъна вожделенной пачки Жукова; — поэтому сто тридцать три рубля ноказались мив неистощимымъ капиталомъ, и я тогда только убъдился въ противномъ, когда у меня въ кошелькъ осталось не болъе, какъ сколько было необходимо на прогоны и путевыя издержки въ Тата-Зато я быль во всеоружім учительскаго облаченія, съ ногь до головы, то есть отъ клуговскихъ сапогъ до циммермановской шляпы.

Представленіе мое директору — вотъ истинный Рубиконъ, отдъляющій міръ монхъ прежнихъ, юношескихъ понятій отъ міра оффиціальной жизни. Прежде всего директоръ самымъ чувствительнымъ образомъ поразилъ меня именно съ той стороны, съ которой я считалъ себя менѣе всего уязвимымъ, то есть со стороны безукориз-

неннести моего туалета. «У васъ изтъ мундира, г. Троповъ» сказаль онь, остановивь меня почти у порога: «всё вы, господа казеннокоштные, таковы! чуть только получили третное не въ зачетъ жалованье, тотчасъ спешите запастись клуговскими сапогами, циммермановской шляной, галстучкомъ изъ Итменкаго магазина, позолоченною цвиочкою, а о главномъ — о мундиръ, и забываете. Впрочемъ я васъ и не виню; естественне, что галстучекъ и воротивчки интересують студента болье, нежели форма; но ваше университетское начальство могло бы наблюсти, чтобы всякій казеннокоштный, получившій не въ зачеть третное жалованье, прежде всего сшиль себъ мундиръ. Не имъть мундира значить неуважать начальства, не дорожить своимъ званіемъ. На безмундирныхъ я смотрю, какъ на санкюлотовъ; ихъ нътъ въ моей гимназіи. Поэтому, г. Троповъ, вы немедленно должны сшить себъ мундиръ. Я знаю, у васъ денегъ нать: галстучки, воротнички, пуговки, поглотили весь капиталь; но мундиръ будеть синтъ вамъ въ счетъ вашего жалованья, съ васъ енимуть мірку, а постройкою займется надзиратель Михайловь.»

Говоря это, директоръ въ то же время взглядомъ, голосомъ и жестомъ старался испытать степень моей впечатлительности. То сдвлаетъ нъжные глазки и заговорить тономъ дружеской бесъды, то варугъ посмотрить сурово и возвысить голось до самой высокой начальнической ноты, то подойдеть ко мнв, возьметь за пуговицу, положить мив на плечо руку, то отойдеть и, потомъ вновь приблизившись, вдругь сдълаеть рукою ораторскій жесть, будто для того, чтобы испытать степень моей природной расположенности къ перенесенію пощечинъ. Посредствомъ этихъ магнетизерскихъ пріемовъ, директоръ, въроятно, желалъ испытать мой нравъ и произвести на меня обаяніе, подобно тому, какъ ремонтеръ испытываетъ нравъ лошади и укротитель животныхъ подчиняетъ ихъ своей волъ. Въ закаючение этого магнетизерского сванса, директоръ показалъ видъ, будто желаеть проститься со мною и подать мит руку, но липь только я протянуль свою, какъ онъ объ свои спряталь въ карманы и, кивнувъ мить головою, сухо сказаль: «прощайте.» Я ушель, но не успъль еще запереть дверь, какъ онъ вновь кликнулъ меня. «Г. Троповъ», свазаль онь: «пожалуйста, остригитесь; учитель должень подавать примъръ ученивамъ; вакаціонное время дано намъ начальствомъ не на то, чтобы отрощать себъ волоса.» Такъ кончилось мое первое свидаще съ директоромъ. По всему заметно, что я попалъ въ руки

 $\mathsf{Digitized}\,\mathsf{by}\,Google$

великаго мастера въ дълъ укрощения и дресировки подчиненныхъ. Но напрасно со мною, человъкомъ смирнымъ, онъ сразу обощелся такъ жестко; Богъ ему судья!

На следующій день, директоръ пригласиль меня къ себе поговорить о способъ преподаванія моего предмета. «Вы назначены въ татаровскую гимназію преподавать русскую словесность», сказаль онъ; «предметь вашь я считаю однимь изь запутанныймихь предметовь гимназического курса; съ нимъ однимъ директору хлопотъ болъе, нежели со всеми остальными; разумется, запутанъ онъ не по своему содержанію, котораго я не касаюсь, а собственно по трудности преподаванія на законномъ основанів. Вамъ извъстно, что основаніемъ преподаванія у насъ служать: во-первыхъ, начальническое распоряженіе, во-вторыхъ, программа нашего учебнаго округа, въ-третьнхъ, одобренные начальствомъ учебники. Къ несчастію, по словесности, начальство, программа и учебники — не во всемъ между собою согласны: въ учебникъ нътъ отвътовъ на вопросы программы, а въ программъ нътъ вопросовъ на статъм учебника. Равнымъ образомъ программа наша расходится и съ начальническимъ распоряжениемъ, которое состоялось после напечатанія программы и, по словесности, имъло въ виду только еще подготовлявшійся въ то время учебникъ. Вотъ собственно въ чемъ заключается трудность и запутанность вашего предмета. Ограничишься однимъ учебникомъ — не удовлетворишь требованіямъ программы: а вы знаете, кто составляль программу! Станешь придерживаться программы — отступинь отъ учебника, который не только одобренъ, но и напечатанъ самимъ начальствомъ. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, я вижу только одно средство, которое, впрочемъ, не нравится начальству, котораго я самъ не люблю и на которое только крайность заставляеть меня решиться: это — выдавать дополнительныя записки. Но адъсь новое затруднение. По встиъ другимъ предметамъ, заглавія разныхъ европейскихъ сочиненій, которыми, на законномъ основаніи, можеть руководствоваться учитель, въ программъ разсыпаны щедрою рукою; по отечественной же словесности, какъ нарочно, ни одного. Нечего дълать, г. Троновъ: по тъмъ вопросамъ программы, которые не вошли въ учебникъ, составъте ваши собственныя записки, разумвется, въ духв руководства; составивши, препроводите ихъ при рапортв ко мив, а я представлю на усмотраніе его превосходительства Кузьмы Демьяновича. При этомъ рекомендую вамъ имъть въ виду, что унотребление вашихъ записокъ

учебника; кром'т того, предлагаю вам'т сдёлать необходимым для учеников всёх классов употребленіе двух русских хрестоматій: теперешней и прежней, которой осталось еще у нась, въ книжном магазинт, значительное число экземпляров .» — Прощай, любезный брать. Въ слёдующемъ письм'т я дам'т теб'т понятіе о моемъ положенія въ здёшнемъ обществ и объ отношеніяхъ моихъ къ сослуживщимъ и ученикамъ.

№ 9. От Софіи Строинской къ гувернанткъ почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.

Только посять разлуки съ тобою, ma chère Constance, я узнала вею цъну твоей дружбы. Полжизни отдала бы я зато, чтобы ты теперь была со мною, чтобы имъть друга, съ которымъ могла бы дълиться чувствами. Еще никогда я такъ не тяготилась одиночествомъ ноей жизни въ Татаровкъ. Особенно весна этого года навъяла на неня какую-то грусть и тревогу. Иногда по целымъ часамъ просиживаю въ нашемъ садикъ, въ какомъ-то странномъ душевномъ состоянін. Сердце чего-то просить, душа куда-то рвется; среди безмятежной природы, я испытываю непонятную борьбу и чувствую, какъ, подъ вліяніемъ какихъ-то неясныхъ грезъ, то краснью, то бледнью. Ахъ! если бы въ эти минуты я могла прильнуть къ твоей груди, въ горячихъ поцелуяхъ и ласкахъ высказать тебе мою душу. Но вокругъ меня все такъ пусто и безжизненно. Маменька постоянно занята по хозяйству, мы редко-где бываемь, еще реже видимь у себя чужаго желовъка. Только и отрады, что книга. Зато съ какою жадностію я предаюсь этому удовольствію, съ какимъ восторгомъ переселяюсь изъ бевдушной татаровской действительности въ очаровательный міръ фантавін. На дняхъ я читала Валентину. Axъ! ma chère Constance, сколько чувства, какое наслаждение для сердца и воображения. Въ одноть только я не согласна съ сочинительницею (говорять, что Жоржъ-Запать сочинительница, а не сочинитель) мить кажется, что геронии ея романовъ слишкомъ уже самоотверженно подчиняются мужчинамъ и переносять ихъ капризы. Иногда я ставлю себя въ ихъ положение и тогда чувствую, что никогда не позволила бы мужчинъ имъть надо мною столько власти. Чаша блаженства обща, но она должна оставаться въ рукт женщины. Всякая зависимость нестернима для моей сармамской натуры.

Раза два я была у мадамъ Риво. Сколько весноминаній воскресло въ моей дунів, при видѣ комнатки, гдѣ провели мы столько счастливыхъ, беззаботныхъ дней. У мадамъ Риво по прежнему десятка два ученицъ, съ которыми она занимается тайкомъ отъ властей учебныхъ и по секретному договору съ властями гражданскими мѣстечка Татаровки. Помнишь, какъ поспѣшно, съ крикомъ: мракъ! мракъ! (1) прятали мы подъ передники всѣ книги и тетради и брали въ руки работу, коль скоро намъ давали знать, что на улицѣ появился кто либо изъ гимназическихъ чиновниковъ. Матал говорила мадамъ Риво, почему она не выхлопочетъ себѣ права открыть формальный пансіонъ, чтобы избавиться наконецъ отъ этой вѣчной тревоги. Но мадамъ Риво отвѣчала, что ей гораздо выгоднѣе знать одного становаго пристава, нежели подчиниться всѣмъ законнымъ формальностямъ и личнымъ капризамъ татаровскаго директора и компаніи.

Вчера мы были съ таман на имянинахъ у аптекарни. Общество состояло изъ несколькихъ семействъ знакомыхъ тебе татаровскихъ старожиловъ и полнаго штата гимназическихъ учителей. Сынъ аптекаря воспитывается въ гимназін, и за то, что учителя набиваютъ разнымъ вздоромъ голову сына, аптекарь считаеть себя обязаннымъ набивать учительскіе желудки. Танцовали. Я танцовала мазурку и одну вадриль съ недавно назначеннымъ сюда учителемъ литературы, который чрезвычайно смъшилъ меня своимъ польскимъ произношениемъ. Онъ-русскій; не смотря на то, не дурно таніцуєть и умітеть найтись въ обществъ. Въроятно, или родился, или долго жилъ въ нашихъ мъстахъ, а только притворяется, что не умъетъ по-польски. Этотъ господинъ простеръ свою любезность до того, что и за уживомъ не оставиль дамскаго общества и не присоединился къ своимъ сослуживцамъ, которые, за особымъ столомъ, очищали, наперерывъ другъ передъ другомъ, блюда и бутылки. Впрочемъ ихъ и зовутъ только за тъмъ, чтобы накормить, и на этотъ разъ они честно исполивнотъ свое призвание.

Посылаю тебъ выкройку мантильи моего собственнаго жобрътенія.

⁽¹⁾ Въ подлиннякъ: ćma, что, кромъ тьмы, мрака, значить еще: ночная бабочка.

Тебѣ извъстенъ мой таланть въ дълъ шитья и вышиванья. Недавно а выучилась шить перчатки, и теперь другихъ не ношу, кроит своей собственной работы. Кожечку выписываемъ изъ Бердичева. Тетинька иланяется тебъ. Цълую тебя милліонъ разъ въ губки, въ щечки, въ несикъ, въ лобикъ, и прошу не забывать твоей — Sophie.

№ 10. От учителя исторіи татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю русской словесности Носачевской гимназіи, Наивному.

Только по прошествіи года, уже порядкомъ окунувшись въ здёшней жизни, я передаю тебі впечатлічне, которое эта жизнь произвела на меня. Кажется, Иванъ Андреевичъ, въ университеті мы обіщали другъ другу переписываться чаще; но мало ли что обіщается и не исполняется. Утішимся однако (хоть солжемъ, а утішимся!): теперь всі замічанія наши, какъ боліе зрілый плодъ опытности и размышленія, будутъ гораздо основательніе.

Прежде всего я желаль бы въ нёсколькихъ словахъ выразить тебё отличительный характеръ края, въ которомъ, по волё судебъ и начальства, нынё обрётаюсь. Англію мы представляемъ себё не иначе, какъ краемъ разумной свободы гражданской; Германію — царствомъ мысли; Францію — страною утонченныхъ правовъ. Что же такое польема, по крайней мёрё тотъ слой Польши, который и видёлъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ? Это лем за славянская, сильно заправленная панияюмъ. Папизиъ и славянская національность діаметрально противоположны другь другу. Какъ противоположны лукавая казунстика и неподкупный голосъ сердца, задолбленный принципъ и вдохновеніе, парагвайская республика отцовъ ісзунтовъ и Запорожская Старь: такъ противоположны папизмъ и славянская паціональность. И однако пашизмъ глубоко пустилъ здёсь свои корни.

Напрасно у насъ смъщиваютъ духъ папизма съ духомъ польской національности: папизмъ только пользуется національностью; но польсти ему — и онъ станетъ подъ знамена какой—угодно національности. Австрія, непопулярная въ католической, но издревле свободномыслящей, отчизнъ Гусса, очень уважаема въ Моравіи, гдѣ папизмъ всесиленъ. Лишь бы и самому властвовать надъ омраченными умами, моравскій

папизмъ протянулъ руку Австрів и заключиль съ нею братскій договоръ на порабощеніе славянина нёмцу. Папизмъ — естественный союзникъ обскурантизма. Живой примъръ у меня передъ глазами. Директоръ нашъ — страшный деспотъ и обскурантъ; его здъсь никто не любитъ; но въ ксендзъ Пущайлъ онъ нашелъ себъ ревностиъйшаго поборника и защитника. Ксендзъ понимаетъ, что језуитская дисциплина директора готовитъ и ему обильную жатву.

Только вліяніемъ папизма я могу объяснить себѣ нѣкотерыя черты здѣшнихъ нравовъ, несвойственныя славянской природѣ; только напизмъ могъ внушить славянину чуждый ему духъ нетерпимости, самообожанія, пропаганды, резонерства.

Пашизмъ говоритъ: «я-свътъ міру; все остальное-мракъ, ересь, «расколъ, достойная добыча огня въчнаго, а подчасъ и времен-«наго; одинъ путь къ Небу-мой путь, и мое призвание - всъхъ, во-«лею и неволею, обращать на этотъ единственный путь спасенія.» Затъмъ слъдуетъ очень справедливое въ устахъ славянина замъчаніе: «ны всегда отличались ревностью и религіознымъ чувствомъ.» Изъ соединенія этихъ двухъ посылокъ выводится заключеніе: «ergo, ны народъ избранный, насъ ожидаетъ великая будущность, мы должны твердо вёровать въ свое превосходство и стараться передёлать другихъ на свой ладъ.» Разумъется, все это --- слова; поэтому фразерство всегда играло здъсь важную роль и будетъ играть, пока безпристрастный судъ свободной мысли не восторжествуетъ надъ искуственной энергіей папизма. Прискорбенъ видъ смерти: грустно видъть, какъ умираетъ человъкъ, какъ исчезаетъ идея, жившая въ убъжденіи людей въ теченіе многихъ покольній; но непріятенъ и видъ насильственной жизни: непріятно видёть, какъ галванизуеть людей уже отжившее свой въкъ начало.

Теперь следуеть дать тебе понятіе о томъ, что делаемъ здесь мы, наставники, чтобы поставить школу въ должныя отношенія къ жвзни. Ты полагаешь, что для этого мы употребили какія нибудь особенно тонкія воспитательныя мёры: открыли новыя каседры, позаботились о приготовленіи педагоговъ, объ изданіи хорошихъ учебниковъ? Извини, любезный другъ: сражаться невидимымъ оружіемъ педагогіи и всякихъ другихъ гогій и логій не наше дёло. Это не только головоломно, но и опасно. Пожалуй, пустившись въ разсужденія, еще самъ попадешь въ просакъ, какъ нёкій западный докторъ богословія, неосторожно затёявшій диспутъ съ чертомъ. Мы распо-

рядились по своему. C'est le petit ventre qui gouverne le monde. На этомъ основанів, мы и на воспятаніе действуемъ здёсь посредствомъ питанія, и действуемъ такъ удачно, что о способе воспитанія здесь теперь никто не думаеть и не говорить, а всё заняты только способомъ питанія учащихся. Для всёхъ самый жизненный воспитательный вопросъ заключается въ томъ, гдв двти будутъ жить и кто ихъ будегъ кормить. Этихъ блестящихъ результатовъ мы достигли учрежденість большаго питательнаго заведенія, или, такъ-называемой, общей ученической квартиры. Ты дворянинь, хочеть учиться такъ давай денежки и ступай въ общую квартиру: тамъ вшь, пей, ложись, вставай, а за тъмъ и учись по росписанію и командъ, безъ взлишнихъ разсужденій. Въ сущности общія квартиры не лишены раціональнаго основанія: это учебно-смирительныя заведенія, въ которыхъ успъхъ элемента воспитательнаго основанъ на благотворномъ вліянін влемента смирительнаго. Боюсь однако, чтобы образовательная сила подобнаго метода, направленная по преимуществу на органы физическіе, не произвела въ нравственныхъ особаго рода рефлективныхъ движеній, съ которыми, пожалуй, потомъ и не сладишь.

До сихъ поръ однако, все обстоитъ благополучно, особенно на бумагъ. Какъ докторъ Панглосъ, всъ мы хоромъ твердимъ, что все у насъ идетъ къ лучшему, въ нашемъ наилучшемъ міръ, зачто хвалимъ другъ друга и благодаримъ другъ другу, по обыкновенію, исправио. Но что, если все вто не болѣе, какъ самообольщеніе? Тогда раньше или позже послъдуетъ разочарованіе, и незавидна будетъ участь тъхъ, которые примутъ отъ насъ въ наслъдство только хаосъ утраченныхъ иллюзій.

Вотъ тебъ, дружище, основныя черты здъшней жизни и здъшней школы; самъ ты уже догадаешься, что отношенія ихъ другъ къ другу не могутъ быть любезны. Школа и знать не хочетъ жизни, — зато и жизнь всти силами старается нагадить школъ. Блаженна страна, которой чуждо подобное раздвоеніе; блаженна носачевская гимназія, живущая одною общею жизнію со встить народонаселеніемъ мирнаго города Носачевки; блаженъ и ты, Иванъ Андреевичъ, просвъщающій мношество, которое въ школт ведетъ борьбу только съ буквами еры и мосе, въ области произношенія и правописанія. Какъ бы и мнт хоттьлось попасть въ ту родную страну, коо die Citronen blühen, то есть, гдт такъ безподобно варенье и такъ неподражаемо соленье. Прощай.

№ 11. От учителя татаровской гимназіи, Тропова, къ его брату, баталіонному лькарю.

Чтобы дать тебт втрное понятіе о моемъ здітсь положенім, я должень познакомить тебя съ здішнимъ обществомъ.

Просвещение, или правильнее, воспитание, edukacya, играетъ важную роль въ жизни здешняго общества: это одинъ изъ главныхъ, и нравственныхъ, и экономическихъ, здёсь двигателей. Всякій считаетъ долгомъ, какъ можно лучше воспитать своихъ детей. Для воспитанія, богатый не жалбеть денегь; бъдный-жертвуеть последнимь. Почти четвертую долю всёхъ учениковъ гимназін составляють дёти людей достаточныхъ, издерживающихъ на воспитаніе сына отъ 400 до 1000 рублей. Люди эти, по большей части, пом'вщики, нер'вдко сами съ семействами поселяются въ гимназическомъ городъ и привлекають туда множество разныхъ учителей языковъ, музыки, танцованія. Татаровка съ виду деревня, состоящая изъ мазанокъ подъ соломенными крышами; но въ каждой мазанкъ, съ утра до вечера, совершается служеніе музамъ на разныхъ языкахъ и инструментахъ. Это — Авины крюкославской губерніи; всъ здъсь живуть или для воспитанія, или посредствомъ воспитанія. Не смішивай однако этого всеобщаго стремленія къ воспитанію съ стремленіемъ къ тому просвъщенію, душу котораго составляеть поклонение истинь. Подъ наружнымъ покровомъ этой гоньбы за воспитаніемъ, таится какой-то консерватизиъ иысли. какая-то віра въ букву и авторитеть, верховнымь выраженіемь котораго признаются здёсь виленскіе и кременецкіе педагоги и ихъ восинтанники. Скорте Вагнеръ, нежели Фаустъ, могъ бы быть представителемъ стремленія къ наукъ здъшняго общества; это не столько внутренняя жертва духа, сколько витшній обрядь, но все таки обрядь искренній, а не пустая дань модъ. Кажется, католическое духовенство, въ рукахъ котораго долгое время находилось здёсь воспитаніе. дало умственной жизни этого края какой-то старообрядческій характеръ; темъ не менее, здъсь съ давнихъ поръ ведется вера въ науку и уваженіе къ наставникамъ. Но увы! уваженіе это ни чуть не распространяется на насъ, оффиціальныхъ распространителей современнаго ученія. Въ насъ они упорно отвергають наставническій характеръ и также мало върятъ нашей образованности, какъ и храбрости австрійскихъ солдатъ. Мы для нихъ не болбе, какъ чиновники, но-

жалованные начальствомъ въ учителя. По нхъ мивнію, процесъ ученія въ гимназін совершается какъ-то самъ собою, при пособін благотворнаго вліянія здімняго климата и кременецкихъ преданій; а мы только ставимъ шары, переводимъ изъ класса въ классъ и выдаемъ аттестаты. Съ этой только стороны мы и интересны для нихъ. Пока ихъ дъти въ гимназіи, между ими и нами есть связь, но такая, накая между покупателемъ и лавочникомъ, пока идетъ торгъ. Выбыли дети изъ гимназіи — они забывають о существованін нашемъ, какъ забываетъ покупатель о лавочникъ, когда товаръ взять изъ лавки. Правда и то, что, допустивъ въ нашъ учебный міръ разные нодъяческие приемы, мы сами отчасти способствовали тому, что на учебное заведеніе здівсь смотрять, какь на подъяческую инстанцію. Довольно тебъ сказать, что здъсь есть люди, считающіе татаровскаго директора агентомь тайной полицін: to szpieg, panie — это шпіонъ, сударь, говорять они о нашень директорь. Я самь быль свидътелемъ, какъ въ одномъ обществъ всъ вдругъ встревожились и замолчали, потому что кому-то показалось, что подъ окошкомъ поделушивалъ.... директоръ гимназін.

Учителей, однако, общественное митніе щадить въ этомъ отношенін. Дверь здішних гостинных для нась не закрыта, — разумістся, кромъ высшихъ аристократическихъ, которыя и внутри Россіи, какъ и во всемъ образованномъ мірв, не слишкомъ-то открыты для учительского сословія. Но солиженіе съ завшнимъ обществомъ тоже имъетъ свои невыгоды. Коль скоро вы сблизились, тотчасъ перестаютъ щадить въ васъ ваши убъжденія, ваше общественное положеніе. Будто для того, чтобы доказать вамъ свое довітріе и хорошее мижніе о вашемъ вкуст и чувствахъ, начинаютъ васъ подчивать избитыми анекдотами, въ которыхъ главную роль играетъ невъжество русскихъ офицеровъ; читаютъ quasi-патріотическіе стихи, въ которыхъ Россія представляется въ видъ неосъдлой татарской орды, еще странствующей на повозкахъ, со всъмъ скарбомъ своимъ и всъми плодами своего умственнаго и общественнаго развитія. Если дучъ фанатической нетерпимости ко всему чужому и слепаго пристрастія къ своему такъ силенъ теперь, то что было бы тогда, когда бы этотъ духъ нашель себъ болъе обширное примънение въ жизни гражданской и нолитической? Въ исторіи покойной инквизиціи, кажется, можно найти отвътъ на этотъ вопросъ.

Въждивость, или, лучше сказать, любезность обращенія состав-

ляетъ здёсь одну изъ важивйшихъ общественныхъ добродетелей; даже въ сношенияхъ оффиціальныхъ должно быть любезнымъ. Какъ ни внимателенъ кто къ дёлу, но если въ тоже время не будетъ внимателенъ и къ лицу — его назовутъ варваромъ.

Я разскажу тебъ анекдотъ, выдуманный здъшнимъ же юморомъ. въ насмъшку надъ излишнею щекотливостью здъшнихъ понятій о въжливости. Во времена оны, когда каждый польскій шляхтичь быль ео ірго и прямой кандидать на польскій престоль, случилось одному шляхтичу быть на балу у короля. Онъ пригласиль королеву протанцовать съ нимъ краковяка; но едва успълъ пройтись съ королевой разъ, другой, какъ музыка перестала играть краковяка и заиграла мазурку. Шляхтичъ очень обидълся такимъ невниманіемъ къ танцующей паръ и, желая поставить на своемъ, продолжалъ танцовать краковяка. Положеніе королевы было крайне затруднительно: танцовать мазурку-обидьть шляхтича; танцовать, вмысты съ шляхтичемь, краковяка — обидъть танцующихъ мазурку. Она однако побъдоносно вышла изъ этого затруднительнаго положенія, протанцовавъ, по вдохновенію утонченной королевской віжливости, -- одною ногою мазурку, а другою — краковяка. Нертдко приходится здъсь и намъ, чтобы не разстроить гармоніи, танцовать одною ногою краковяка, а другою мазурку; но подобные фокусы вѣжливости тягостны.

Между темъ, те же самые люди, которые такъ требовательны и щекотливы въ дъл въжливости, по своимъ понятиямъ, часто бываютъ очень невнимательны къ требованіямъ въжливости, по понятіямъ другихъ. Записные остряки, составляющие здъсь штатную принадлежность всякой компанія, на каждомъ шагу готовы угостить васъ, подъ видомъ плоской шутки, самыми неделикатными намеками. Даже крайняя безцеремонность и невъжество здъсь какъ-то уживаются съ любезностью. Недавно я быль на вечеръ у здъшняго аптекаря. Нужно тебъ замътить, что, для сокращенія формальностей, здъсь въ ръдкомъ домъ есть передняя: прямо изъ съней являеться въ пріемную. Въ аптекарской пріемной, подъ звуки флейты—гезеля и скрыпки провизора, танцовали кадриль, когда предъ танцующими явился новый гость, одётый по дорожнему. Гость этотъ, господинъ почтенныхъ лътъ и наружности, снимаетъ шинель, шарфъ, теилые сапоги, наконецъ садится на стулъ и съ словомъ: przepraszam, извините, начинаетъ снимать брюки. Я остолбенвлъ. Вышло однако, что подъ этими верхними брюками, надътыми почтеннымъ господиномъ для предохраненія себя отъ простуды, были другія, въ которыхъ онъ явился предъ обществомъ и оказался не только почтеннымъ, но и очень любезнымъ господиномъ.

О любезности здешнихъ женщинъ не скажу тебе ни слова; любезность ихъ--это фактъ, засвидътельствованный встми образованными путемественниками, вирочемъ, по моему, отчасти фактъ взаимной любезности между образованными путешественниками и здёшними женщинами. Туземцы, а въ особенности мужья, могуть быть на этотъ счетъ другаго образа мыслей. Лучше обращу твое вниманіе на ръдкій даръ прозорливости въ дёлахъ сердечныхъ здёшнихъ матерей и тетокъ. Ни одинъ докторъ не опредълитъ такъ болезни, какъ оне, но санымъ легкимъ, едва замътнымъ, симптомамъ, опредълятъ, кто кому правится и въ какой степени, и ни одинъ докторъ не съумъетъ такъ повести болъзни, какъ онъ поведутъ къ желанному исходу сердечную склонность. На томъ же вечеръ у аптекаря, довелось миъ тандовать кадриль съ очень миловиднымъ созданіемъ — Софіей Строинской. Не успъли мы обмъняться нъсколькими словами, какъ возлъ насъ очутилась какая-то тетушка Софін, видимо съ дружелюбнымъ намъреніемъ облегчить намъ наше знакомство. Я вполиъ увъренъ, что въ томъ же самомъ обществъ возлъ меня очутилась бы другая тетунка, если бы только въ моей душъ мелькнула тынь предпочтенія къ другой племянниць. Достойно замьчанія, что на русскихъ чиновышковъ-жениховъ здёсь смотрятъ гораздо гуманите, нежели на просто русскихъ чиновниковъ: это родъ жертвы, приносимой прекраснышь поломъ въ пользу цивилизаціи варваровъ.

Прекрасную черту здѣшнихъ нравовъ составляетъ религіозное чувство, если только оно соотвѣтствуетъ стенени наружнаго благочестія. На развитіе этого послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе католическое духовенство, которое, оставляя догматъ неприкосновеннымъ, умѣло искусно пользоваться и логикою страстей, и логикою ума, чтобы облечь благочестіе въ мягкія, успокоительныя, формы.

Труднъе всего здъсь примириться свъжему человъку съ оффиціальными, гимназическими, нравами. Это, по-истинъ, міръ сплетень, доносовъ, раболъпства, взаимнаго недовърія и бездушнаго формализма, созданный и поддерживаемый политикою директора, принявшаго за основное правило управленія—divide et impera. Не видъвши, трудно себъ представить, какимъ образомъ вся эта грязь страстей могла развиться въ учебномъ кругу, гдъ, кажется, интересы такъ благо-

родны, отношенія такъ просты. Но темъ именно и отвратительны здісь страсти, что уродують простыя и благородныя отношенія учебной жизни: это именно мерзость запуствнія на мість свять. Жена учителя географіи купила шляпку и подверглась осужденію жены учителя арионетики; учитель физики поссорился за преферансомъ съ учителемъ высшей математики; учитель латинскаго языка не поклонился инспектору; дочь учителя русскаго языка пъла венгерскій романсъ; у младшаго учителя итмецкаго языка явились пара утокъ и нидъйскій пітухъ, не купленные, сколько извістно, на базарі; обо всемъ этомъ присяжные директорскіе донощики тотчасъ рапортують директору; а какъ, по долгу службы, инспекторъ долженъ знать прежде директора все, что дълается въ гимназіи, то инспекторскіе шпіоны съ своей стороны развъдываютъ и собранныя свъдънія передають инспектору. Пока производятся разследованія, въ которыхъ сторожа, лакен, кухарки, являются главными дёятелями, члены гимназическаго сословія шепотомъ спрашивають другь у друга: что такое случилось, зачень у избранных директорских агентовь такія озабоченныя, таинственныя физіономін, какъ будто бы они нечаянно открыли комплоть, угрожающій опасностью политическому равновъсію Европы? Въ конфиденціональныхъ разсказахъ фактъ искажается, сплетня растеть, мивнія раздыляются, образуются партін, разгараются страсти, является новая тема для новыхъ доносовъ и разследованій. И это наше нормальное состояніе. Между тъмъ, директоръ, пользуясь междоусобицей, старается порознь прибрать къ рукамъ каждаго изъ членовъ гимназическаго сословія. Сначала онъ будто не замъчаеть промаховъ подчиненнаго, даже неръдко, тъмъ или другимъ образомъ, смотря по характеру подчиненнаго, самъ вводитъ его въ искушеніе, и когда неосторожная жертва уже достаточно запуталась въ разставленныя стти, тогда вдругъ поражаетъ ее и дълаетъ съ нею что ему угодно. Обыкновенно онъ казнитъ виновнаго только посравленіемъ и униженіемъ въ глазахъ всёхъ, не исключая и учениковъ, и это для того, чтобы потомъ имъть возможность распоряжаться и лицомъ и голосомъ порабощеннаго, какъ ему угодно. Всякая незапатнанная, и потому болье или менье независимая, личность для него --какъ бъльмо на глазу.

Какъ ни всесиленъ директоръ, однако не отдыхаетъ на заврахъ своего всемогущества: онъ и самъ долженъ въчно находиться въ томъ же вооруженномъ положенів, въ которое поставилъ другихъ. Прежде

всего ему необходимо зорко следить за действіями своего прямаго врага-инспектора. По наружности они хороми между собою, но въ душь ненавидять другь друга, ненавидять уже и потому, что власть и блескъ одного могутъ увеличиваться только на счетъ власти и блеска другаго. Ръшеніе самыхъ непріятныхъ дълъ и исполненіе самыхъ щекотливыхъ порученій директоръ возлагаетъ на инспектора; инспекторъ же, при исполнении подобныхъ коммиссий, чтобы оградить себя отъ нареканій, настоящимъ виновникомъ непріятныхъ приговоровъ старается выставить директора, а иногда, чтобы увеличить раздраженіе, прибавляеть и отъ себя, на счеть директора, какую-либо непріятность. Затымъ опасныйшими врагами директора являются тв учителя, которые болье другихъ пользуются довъріемъ родителей и любовью учениковъ. Чтобы не потерять своей популярности, они съ умысловъ и безъ умысла даютъ замътить ученикамъ, что не одобряють директорскихъ действій и выставляють директора, какъ какуюто чуждую, демоническую власть въ кругу учебной жизни. Не спорю, подобные поступки учителей слишкомъ неблагоразумны и, быть можетъ, безиравственны; но они явились, какъ неизбъжное слъдствіе униженія учителей; грубое насиліе отняло у учителей ихъ законную власть, и теперь учителя стараются беззаконно возвратить себъ то, чего беззаконно лишились: обыкновенная исторія всякой борьбы за права.

Изъ учителей здъшнихъ мнъ особенно понравился учитель исторіи, Трезвый, человъкъ очень даровитый и съ благороднымъ отъ природы характеровъ. Жаль только, что жизнь его какъ-то странно сложилась. Едва успълъ сюда прітхать, какъ, поддавшись вліянію романтической поэзін и здішних правовь, влюбился въ какую-то польку. Дъвушка сначала кокетничала съ нимъ, потомъ бросела его для какого-то гусара, сама была оставлена гусаромъ, и наконецъ утхала въ гувернантки къ почетному попечителю нашей гимназіи. Сильная, адоровая, натура Трезваго глубоко почувствовала рану, нанесенную его сердцу и самолюбію. Къ страданіямъ сердечнымъ присоединились огорченія по службъ: директоръ безпощадно издъвался надъ неудачною любовью Трезваго, разсматривая ее, съ своей точки зрвнія, какъ униженіе учительскаго званія въ глазахъ здішней публики, и слідовательно, какъ преступление по службъ. Выдержавъ это испытание, Трезвый сталь избъгать общества, сдълался желченъ, язвителенъ, недовърчивъ, и, нанерекоръ своей фанилии, началъ придерживаться рюмочки.

Не привлекательна картина моей татаровской жизни, однако въ ней есть и свътлая сторона. Бывають минуты, когда я вполит доволенъ своимъ учительскимъ званіемъ и не промънялъ бы его ни на какое другое; этими минутами я обязанъ--- моимъ ученикамъ. Какая славная, даровитая молодежь, и сколько въ ней благородныхъ порывовъ! Право, удивляеться иногда, какъ, при всъхъ злоупотребленіяхъ власти, при вредномъ вліянін пристрастнаго суда общества, ц при тъхъ фальшивыхъ отношеніяхъ, въ которыя мы, учителя, нертдко ставимъ ее къ себъ, она успъла сохранить столько добрыхъ, искреннихъ чувствъ и такой върный инстинктъ правды. Странно только то, что та же самая молодежъ, вышедши изъ гимназіи, тотчасъ проникается понятіями и предубъжденіями большинства, начинаетъ смотръть на вещи съ узкой, исключительной, точки эрвнія здішних сплетниць, воспитанниковъ разныхъ піарскихъ и базиліанскихъ школъ, органистовъ и другихъ мъстныхъ политиковъ. Я встръчался здъсь съ молодыми людьми, недавно вышедшими изъ гимназіи, и мит казалось, что примирительный голосъ въка и науки никогда не проникаль въ ихъ душу. Для многихъ еще въ университетъ начинается это перерожденіе, потому что многіе еще въ университеть начинають жить помъщичьею жизнью.

№ 12. От студента университета къ ученику тата ровской гимназіи.

Зная нашу Татаровку — акустическій центръ всёхъ сплетень трехъ губерній — представляю себё, сколько тамъ у васъ разныхъ противортивыхъ толковъ объ успёхё нашихъ пріемныхъ университетскихъ испытаній. Одни, вёроятно, говорятъ, что университетъ пришелъ въ ужасъ отъ нашего невёжества, и начальство уже командировало чиновника для произведенія строжайшаго разслёдованія о причинахъ малоуспёшности учениковъ татаровской гимназіи; другіе разсказываютъ, что мы на экзаменё удивили всёхъ своими познаніями и развитіемъ, и что зато директоръ нашъ представленъ къ ордену, инспекторъ — къ чину, а надзиратель Цаповскій — къ денежному награжденію. Чтобы успоконть на этотъ счетъ татаровскихъ сплетниковъ и сплетницъ, спёшу сообщить тебё, любезный другъ, самыя точныя и подробныя свёдёнія о результатъ нашихъ пріемныхъ испытаній. Сиёло

Digitized by Google

можешъ сообщить ихъ, для опубликованія, старой паннѣ Кунигундѣ или пану Гербатовичу, этимъ двумъ подвижнымъ телеграфнымъ станціямъ татаровскихъ новостей.

И въ этомъ году экзаменаціонная лотерея разънгралась не безъ
•арсовъ капризной фортуны, обманывающихъ своею неожиданностью
всякій человъческій разсчетъ. Вопреки всёмъ предположеніямъ нашимъ, основаннымъ на степени познаній каждаго изъ насъ, приняты
по экзамену въ университетъ: Ясь, Стась, Олесь и даже Михась,
который самъ долго не могъ повърить своему счастію; не приняты
же Булковскій и Щупацкій, на которыхъ такъ много надъялись наши
учителя и всё мы. Мить тоже удалось выдержать. — — — — —

Къ счастію нашему, съ профессорской точки зрѣнія, безошибочность правописанія еще не можеть служить пробнымъ камнемъ норжальности чашихъ убъжденій и нашего воспитанія, и потому басни Крылова напъ диктуются съ музыкальными интонаціями, облегчающими различение буквы: по отъ буквы е и запятой отъ двоеточия. Но бъда въ томъ, что въ гимназіяхъ рышительно не обращають вниманія на развитіе слуха, какъ одной изъ познавательныхъ способностей, даже преследують участіе этого органа въ ответахъ нашихъ на учительскіе вопросы; поэтому, лучшіе изъ насъ менте всего приготовлены къ тому, чтобы, при диктовкъ, пользоваться указаніями слуха. а пользуются ими только тв, которые еще въ гимназіи привыкли надъяться болье на свой слухъ, нежели на свою память и постояннымъ упражненіемъ развили свой органъ слуха до того, что явственно могутъ различать каждое слово, шопотомъ имъ подсказанное съ третьей скамейки. Послъ того не удивительно, что Булковскаго погубили буквы в и е въ слове тельга, а Щупацкаго добхаль мягкій знакъ въ словъ тюрьма, тогда какъ Михась, у котораго дъйствію вполит развитаго слуха не мъшало излишнее знаніе грамматики. не сдълаль ни одной ошибки въ своей диктовкъ.

Не понравился мит нашъ университетскій городъ: это смісь пустыни съ постоялымъ дворомъ. Къ этимъ двумъ главнымъ элементамъ, пожалуй, можно прибавить и третій, какъ плодъ различныхъ комбинацій двухъ первыхъ, — элементъ перспективы. Здісь достравается красивый домъ, къ которому тімъ не менте уже прибита дощечка съ надписью: «сей домъ продается и нанимается;» за этимъ домомъ большое пустопорожнее місто; за пустопорожнимъ містомъ опять три-четыре дома съ неизбіжною на каждомъ надписью:

ссей доль нанимается и продается», а тамъ опять пустырь ни оврагь. Далье, крутая гора, воздвигнутая мощнымъ духомъ пустынв. На этомъ пунктъ предпримчивый духъ караванной централизации побъждаетъ, положимъ, преграду, поставленную духомъ пустыни и пролагаетъ черезъ гору дорогу; но, у подошвы горы, среди песчаныхъ или топкихъ низменностей, опять принужденъ вступить съ духомъ пустыни въ борьбу, изъ которой не всегда выходить побъдителемъ. Зато перспектива хороша здъсь вездъ. Поднявшись, въ потъ чела, на гору, путникъ можетъ, съ вершины горы, любоваться прекраснымъ видомъ низменностей; а утопая въ песку или тундрахъ низменностей, можеть наслаждаться прекраснымь видомь горь. Городь состоить изъ нъсколькихъ частей, отдъленныхъ другъ отъ друга болъе ръзкими естественными границами, нежели естественныя границы прусскаго королевства. Въ каждой изъ этихъ частей имъется свой особенный комплектъ разныхъ географическихъ принадлежностей: есть свои горы, свои овраги, свои тундры, и свои песчаныя степи. Здёсь кстати было бы сказать: еже Богъ разлучи, человъкъ да не соединяеть; но къ несчастію, эти естественно-разрозненныя части соединены въ одно гражданское цёлое, и горе путнику, принужденному странствовать черезъ горы и долы изъ одной части города въ другую.

Какъ въ цъломъ, такъ и въ частностяхъ таже борьба двухъ враждебныхъ элементовъ: пустыннаго съ караваннымъ. Какъ на постояломъ дворъ, ды найдешь здъсь предметы роскоши, для удовлетворенія прихоти проъзжаго графа, и, какъ въ пустынъ, нуждаешься иногда въ предметахъ первой необходимости, потому что и самый запасливый содержатель гостиницы все таки не хозяинъ, для котораго домъ-гнъздо, свитое не на одинъ день и не для аферы.

Самое народопаселеніе города постоянно изміняется, какъ въ гостинниць. Вмісто однихъ бюрократовъ, являются другіе; прежніе полки гарнизона сміняются новыми; на місто прежнихъ паціентовъ Эскулапа, Минервы и Оемиды, поступаютъ новые. И между всёми этими лицами внутренней общественной связи не болье, какъ и между случайными обитателями постоялаго двора. Есть здісь и театръ, и клубъ, бываютъ и собранія, но на всемъ этомъ лежитъ печать непостоянства, аферы, будто все это только затіл содержателя гостинницы для развлеченія временныхъ гостей. Кто здісь коренные жители, гді они, какой ихъ образъ жизни, — не знаю; вижу только содержателей постоялыхъ дворовъ и пробажихъ. Развіт одно только

можеть служить доказательствомъ, что здёсь съ давнихъ поръ ведется человёческая осёдлость, что въ основё караванъ—серая лежатъ кадры добраго стараго города—это духъ сплетни.

Адресъ мой: студенту университета, за журавлиными песками, на бараньемъ болотъ, въ домъ надворнаго совътника Замороки.

№ 13. Примъчание издателя. Въ связкъ сохранившихся у меня писемъ, № 13 выставленъ на моемъ собственномъ письмъ къ одному изъ лицъ начальствующихъ. Помъщаю здъсь, безъ всякой перемъны, и это письмо.

Ваше Высокородіе

Милостивый Государь,

'Архипъ Сисоевичъ!

Въ письмъ своемъ отъ 23 мая сего года, Ваше Высокородіе изволили обратиться ко мит съ вопросомъ о дъйствительныхъ причивахъ бъгства подрядчика продовольствія общихъ ученическихъ квартиръ при татаровской гимназіи. По долгу службы и моей личной къ Вашъ преданности, потщусь оправдать довъріе Вашего Высокородія и разскажу все, ничего не утанвая и не прибавляя.

Продовольствие общихъ ученическихъ квартиръ отдается въ нашей гимназіи съ подряда тому, кто согласится взять на себя эту обязанность на самыхъ выгодныхъ для заведенія кондиціяхъ. Въ этомъ учебномъ году явилось итсколько подрядчиковъ—соискателей. Воспользовавшись возникшею при торгахъ перебивкою, г. директоръ предложилъ такія условія, отъ которыхъ болте всего могли выиграть экономическія суммы заведенія. Условія эти были приняты нынт бъжавшимъ подрядчикомъ, Лазанковичемъ, какъ человткомъ несостоятельнымъ, и следовательно ничтя не рисковавшимъ, кромт 150 рублей залога, и то занятыхъ имъ у Еврея Шмуля Бохера.

На основаніи пункта шестаго упомянутых условій, плата подрядчику за продовольствіе учениковъ въ каждомъ истекшемъ місяців производится перваго числа слідующаго місяца, по наличному числу учениковъ, то есть, если, напримітрь, перваго апріля, при уплатів подрядчику за продовольствіе въ мартів, въ общей квартирів было на лицо только десять учениковъ, то подрядчикъ получаль только за продовольствіе десяти, котя бы, въ теченіи марта, продовольствоваль и двёсти. Условіе это оказалось въ этомъ учебномъ году очень выгоднымъ для заведенія, потому что не только перваго января, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Рождества Христова, въ общей квартирѣ не имѣлось на лицо ни одного ученика, и слѣдовательно подрядчикъ ничего не получилъ за продовольствіе въ декабрѣ; но также и перваго апрѣля, по причинѣ роспуска учениковъ на праздники Христова Воскресенія. Обстоятельство это, непредвидѣнное подрядчикомъ, дотого разстроило его денежныя средства, что онъ дождался только перваго мая, чтобы получить деньги за продовольствіе въ апрѣлѣ и, затѣмъ, ночью, съ перваго на второе мая, тайно бѣжалъ, о чемъ дежурный надзиратель и не упустилъ своевременно донести господину директору.

Хотя, по произведенному осмотру, въ анбарахъ и кладовыхъ общихъ ученическихъ квартиръ не оказалось никакихъ запасовъ; однако смъю увърить Ваше Высокородіе, что внезапное бъгство подрядчика не имъло никакого вліянія на твердый у насъ порядокъ ученическаго продовольствія, за исключеніемъ только того, что второго мая, то есть на другой день послѣ бъгства подрядчика, ученики остались безъ завтрака; но въ замѣнъ онаго данъ былъ имъ неположенный по росписанію полдникъ. Съ третьяго числа сего мая, впредь до прінсканія благонадежнаго подрядчика, въ завѣдываніе продовольственною частью вступилъ надзиратель Цаповскій. Если до Его Превосходительства, Кузьмы Демьяновича, дошли жалобы на счетъ продорольствія пищею воспитанниковъ общихъ квартиръ татаровской гимназін, то это слѣдуетъ приписать извѣстной нерасположенности жителей сего края къ общимъ квартирамъ.

Что касается до печальнаго происшествія 20 мая, то я уже имъль честь донести объ ономъ Вашему Высокородію по эстафеть, отъ 22 мая.

Въ май мъсяцъ сего года, заведение наше удостоилось посъщения его высокопревосходительства, г. корпуснаго начальника 15-го кавалерійскаго корпуса. Его высокопревосходительство изволили остаться вполнъ довольны, въ чемъ Ваше Высокородіе можете убъдиться изъписьма надзирателя Михайлова къ его женъ, которое при семъ честьимъю приложить. Письмо это было вручено мнъ, для отсылки на почту, вмъстъ съ гимназическою корреспонденціею, но оказалось не

запечатаннымъ. Такъ какъ въ немъ не заключалось ничего особенно интереснаго для г-жи Михайловой, то я позволилъ себъ удержать оное, для представленія Вашему Высокородію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностью честь имъю быть

Вашего Высокородія всепокоритыній слуга Иванъ Линейкинъ.

№ 14. Письмо надзирателя Михайлова къ женъ.

Извини, мать моя, Анна Семеновна, некогда мит было переписываться съ тобою: ждали смотра его высокопревосходительства господина корпуснаго командира 15 легкаго кавалерійскаго корпуса; повозились довольно, зато представили заведеніе въ полной парадной формъ.

И у насъ не безъ гръха. Къ концу учебнаго года въ иныхъ мѣстахъ обвалилась штукатурка, въ иныхъ полъ прогнилъ отъ сырости. Все это было прикрыто, такъ сказать, нашею собственною грудью. Возлѣ печки стоялъ надзиратель Тропаревичъ и прикрывалъ своимъ корпусомъ вывалившіяся зимою печныя дверцы; чернильное пятно на стѣнѣ въ учебной комнатѣ находилось подъ прикрытіемъ надзирателя Кондаковскаго; у самого входа въ общую квартиру, гдѣ прогнилъ полъ, былъ постъ твоего благовѣрнаго; прочіе чиновники были разставлены въ прочихъ неприличныхъ мѣстахъ. Его Высокопревосходительство изволили найти заведеніе въ отличномъ состояніи и благодарили господина директора; замѣтили только на счетъ ученическаго ранжира, о чемъ я всегда говорняъ господину директору.

Съ иткотораго времени у пасъ неладно: ученики заводятъ свою сумбурдинацію; мъсяца два назадъ, одного исключили, теперь другой накуролесилъ. Я, слава Богу, здоровъ, чего и тебъ желаю.

№ 15. От надзирателя крюкославской гимпазіи, Архикарманскаго, къ надзирателю татаровской гимпазіи, Цаповскому.

Позвольте, многоуважаемый Амфилохій Аввакумовичь, по старому знакомству, просить Вашего ходатайства у господина директора татаровской гимназіи о перемъщеніи моемъ изъ крюкославской гимназіи

Digitized by Google

въ татаровскую. Не безъизвъстно, въроятно, Вамъ, что у насъ воспоследовала перемена въ начальстве. Господинъ новый директоръ фонъ-Лобенбрехъ, въ противность видамъ своего предмъстника, явно выражаеть свое неудовольствіе мною. Между учителями завель буттерброды (1); но меня, равно и письмоводителя съ бухгалтеромъ, въ оные не пригласилъ. Злые языки донесли ему на меня, что я будтобы обманываль господина бывшаго директора, при дележе денегь. собираемыхъ съ родителей за, якобы, незаконную переправку шаровъ и переводы въ высшій классъ. По наущенію техъ же недоброжелателей, господинъ фонъ-Лобенбрехъ возобновилъ дъло объ оскорбленіи, нанесенномъ въ моемъ лицъ надзирательскому званію. Словомъ, всячески теснить меня и прочить на мое место родственника здешняго аптекаря, Цулобенбреха, въ которомъ принимаетъ участіе родственникъ господина директора, статскій совътникъ, Лобенанбрехъ, по рекомендаціи ихъ общаго сродника, его превесходительства Ивапа Ивановича Анцулобенбреха. Въ этихъ крайнихъ обстоятельствахъ, я ръшился перемъститься изъ крюкославской гимназіи, гдъ новый начальникъ заводитъ новые порядки, въ татаровскую, подъ крыло его высокородія, Спиридона Павловича. Не откажите, достопочтвинвішій Амфилохій Аввакумовичь, оказать мит въ семъ случат свое ходатайство, за что, по мёрё силь монкь, постараюсь благодарить Вась.

№ 16. От адвоката Загоновского къ поселившемуся въ Татаровкъ, бывшему адвокату Пржепіорковскому.

Прежде всего, любезный, спішу сообщить тебі новость, новость важную, радостную, новость, дійствіе которой на нашу братію шляхту можеть сравниться разві съ дійствіемь, пронзведеннымь нікогда на народь библейскій новостью о торжестві Мардохея надъ Аманомь. Если ты еще не совершенно позабыль священную исторію, то знаешь, кто быль Амань и какія были его отношенія къ народу библейскому; если же наука ксендзовь піаровь уже испарилась изъ твоей головы, то по крайней мірі имієшь понятіе о той необыкновенной радости,

⁽¹⁾ Подъ именемъ буттербродовъ надзиратель Архикарманскій разумьеть, въроятно, ученые вечера, заведенные дяректоромъ крюкославской гимназіи, на которыхъ подавалась умъренная закуска, сообщившая свое названіе и самимъ вечерамъ. Примочаніе издателя.

которую обнаруживають наши евреи, во время пурима, и которую ты ежегодно имбешь удовольствіе читать на лицахъ всёхъ ветхозавътныхъ твоихъ знакомыхъ, не забывающихъ, надъюсь, поздравить тебя съ пуримомъ и при этомъ поднести тебъ вкусныя амановы ушя (1). Боюсь, что вст вы, сколько васъ ни есть въ Татаровкт, заттете своего рода пурныть, когда узнаете счастливое событіс, послітловавшее 22 іюля сего года за № 777; боюсь, что, отъ частыхъ тостовъ, у Лафура не станетъ въ погребъ шампанскаго, а у васъ, отъ крику и толковъ, изсткутся языки; боюсь, что вы надсадите всткъ лошадей вашихъ, разсылая гонцовъ ко всемъ роднымъ и знакомымъ съ навъстіемъ о радостномъ событін; боюсь, что, желая сдълать участниками въ общей радости и дътей вашихъ, вы позволите имъ цълую недълю не ходить въ классъ; боюсь, что, вдавшись въ соображенія о связи этого важнаго событія съ цолитикою европейскихъ кабинетовъ вы зафантазируетесь и, пожалуй, потеряете должное уважение къ вашему исправнику. Тогда мит же бъда: бъгай и хлопочи у центральныхъ властей о переводъ вашихъ дътей въ следующе классы, или о примиренія васъ съ исправникомъ.

Но, быть-можеть, вы знаете уже эту несравненную новость, оть 22 іюля сего года за № 777? Быть-можеть, на этой недёлё, въ Татаровкъ, случилось землетрясеніе, на крюкославскомъ горизонтъ являлись необычайныя небесныя знаменія; быть можеть, у вась ручьи потекли вспять, и оба татаровскіе пруда, выступивъ изъ береговъ, затопили объ татаровскія мельницы; быть можеть, съ 21 на 22 іюля татаровскія курицы пізли пізтухами или чья-нибудь гончая сука родила щенка съ заячьимъ хвостомъ? Умы татаровскихъ политиковъ, настроенные этими необыкновенными явленіями къ ожиданію столь же необыкновенных событій, быть-можеть, уже смекнули въ чемъ дёло; жидовская почта, не уступающая въ быстротъ соображеніямъ татаровскихъ политиковъ, быть-можетъ, уже успъла дополнить положительными извъстіями смутныя гаданія политиковъ, и вы уже знаете, что 22 іюля сего года за № 777.... Однако, любезный другъ, если ты еще не знаешь никакой необыкновенной новости, превосходящей все то, на что, въ дълъ новостей, можетъ ръшиться изобрътатель-

⁽¹⁾ Амановыми ушами называются здёсь прявики, которые Евреи разсылають другь другу и христіанамъ, поздравляя съ пуримомъ — праздникомъ, учрежденнымъ въ память гибели Амана. Примючаніе издателя.

ный умъ папны Кунигунды, то не мъщаетъ предупредить тебя, чтобы ты приготовился услышать вещь, которая, если ее сказать тебъ безъ приготовленія, можетъ слишкомъ поразить тебя, разстроить нервы. Смотри, когда узнаешь эту необыкновенную новость, не растеряйся, торопясь сообщить ее другимъ, не выбъги изъ дому безъ шляпы или безъ чего другаго.

И такъ слушай. Распоряженіемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777 еще разъ, любезный другъ, предупреждаю тебя, приготовься услышать вещь необыкновенную — распоряжениемъ отъ 22 Іюля сего года за № 777, его превосходительство, господинъ главный начальникъ. Кузьма Демяновичъ. получилъ другое назначеніе. Быть-можетъ, съ разу ты не понялъ всего значенія этихъ словъ: «получиль другое назначеніе, » быть-можетъ, еще боншься понимать. «Получилъ другое назначение» значитъ, что Кузьма Демяновичъ уже не нашъ начальникъ, что на его мъсто назначенъ къ намъ другой. Чтобы довершить вашу радость, спъщу увъдомить васъ, что на мъсто Кузьмы Демяновича назначенъ къ намъ графъ, намъ старый знакомый. Во всемъ образованномъ міръ, гдъ только извъстны почтенныя званія судей. адвокатовъ и вообще чиновниковъ, благость и мудрость законовъ, сами по себъ, а злость и глупость ихъ исполнителей сати по себъ: наъ этого следуеть, что во всемъ образованномъ міре характеръ управленія во многомъ зависить отъ личности главнаго мъстнаго начальника, а изъ сего непосредственно вытекаетъ, что назначение къ намъ графа, мы дожлны считать истиннымъ для себя благодъя-

Что касается перевода дётей твоихъ въ слёдующій классъ, то, не смотря на всё старанія, я не могъ устроить этого дёла канцелярскимъ порядкомъ. У старшаго твоего сына четыре единицы, у младшаго пять; у обоихъ въ среднемъ выводё 12/5. Эти математическія выраженія, въ переводё на обыкновенный языкъ, значатъ, что сыновья твои ничего не знаютъ. Развё представишь медиципское свидётельство, въ которомъ должно быть выражено, что дёти твои были больны именно во время производства годичныхъ испытаній, и будешь просить о допущеніи ихъ къ переиспытанію. Только, въ такомъ случаё, прежде всего надо позаботиться на мёстё, чтобы переиспытаніе было удачнёе испытанія.

Если ты имълъ теритніе дочитать мое письмо и не побъжаль еще разгласить по мъстечку новость отъ 22 іюля сего года за № 777,

то смотри, повторяю, не выбъги безъ иляпы и вообще сохрани должную умъренность. Помни этотъ совътъ и не забывай твоего искренняго друга.

Nº 17. От Софіи Строинской к згувернанткт почетнаго попечителя, Констанціи Подлипской.

Ты знаешь, безцінная Констанція, и мои чувства, и мои убіжденія: скажи, посовітуй, что мий ділать? Я растерялась, сердце съ головой въ разладі; совіты близкихъ мий такъ пристрастны; людскіе толки такъ противорічивы. Какъ мий отвітить Тропову: да или нітъ? Сказавши да, не изміню ли я другимъ монить обязанностямь? Тетушка Щупальская сначала сама старалась сблизить меня съ Троповымъ, теперь перешла на сторону корнета Раща, бывшаго ученика здішней гимназін, которому, кажется, я нравлюсь и который еще боліте правится тетушкъ. Еслибы не различіе віры, я не колебалась бы соединить судьбу мою съ судьбою Тропова. Я сама дочь учителя и съ дітства привыкла къ той скромной жизни, которая можетъ ожидать меня, какъ жену учителя. Другъ безцінный, уничтожь мои сомнінія, успокой меня, скажи что ділать мий?

№ 18. От Констанціи Подлипской къ Софіи Строинской.

Ты избрала, дорогая Соня, судью не безпристрастнаго. Поминшь, года два тому назадъ, я сама была въ твоемъ положени, сама испытывала твою борьбу, твои сомивнія. Въ то время и мив впушали, что я не вправъ сказать—да. и однако потомъ, когда я сказала—нътъ, сами же меня осудили, назвали легкомысленной, кокеткой. Върь миъ, дорогой другъ, лучшій судья въ этомъ дълъ—собственное сердце. Голосъ его неподкупенъ. Вотъ скоро три года, какъ каждый день мое бъдное сердце спрашиваетъ меня, кто далъ миъ право пожертвовать его чувствами для людскихъ понятій. И кто знаетъ, справедливы ли эти понятія. Въдь Богъ одипъ. Что думаю — я сказала; что дълать тебъ — ръши сама.

О корнеть Рашь замыть слыдующее: часть его эскадропа размы-

щена по квартирамъ въ нашей деревит, и онъ часто у насъ бываетъ. Если меня не обманываетъ мой женскій инстинктъ, онъ очень неравнодушенъ къ старшей дочери господина попечителя и еще болте, какъ кажется, къ ея приданному. Но—za wysokie progi na jego nogi (высокъ порогъ для его ногъ.)

№ 19. От учителя татаровской гимназіи, Трезваго, ку учителю носачевской гимназіи, Наивному.

Изъ письма твоего, Иванъ Андреевичъ, вижу, что и у васъ, въ административныхъ сферахъ, тъже тенденцін, таже заботливая опека; вся разница въ тенденціяхъ опекаемыхъ. Вами овладель духъ высшихъ соціальных теорій и стремленіе къ уясненію міровых общественных в вопросовъ; у насъ, напротивъ, преобладаютъ мъстные интересы, а общегуманные отодвинуты на второй планъ. Вы въруете въ обновленіе человъческаго рода, по рецептамъ Прудона; на Ламартина смотрите, какъ на пророка новой политической жизни; вы съ сердечнымъ трепетомъ читаете листочки иностранной газеты и, съ каждымъ новымъ номеромъ, ждете извъстія о благополучномъ наступленіи въка фаланстерскаго блаженства, чаяніе коего не прекращалось въ родъ человъческомъ, со временъ гръхопаденія до дней господина Фурье. Блаженъ, кто въруетъ. Оно, разумъется, пріятно, благоденствуя подъ кровомъ носачевской гимназіи, мысленно отправиться, вмість съ мосье Жакомъ, à la recherche de la meilleure des républiques; жаль только, что подобное препровождение времени порождаетъ въ васъ превратные, по моему мижнію, вкусы и понятія. Пожалуй, ижкоторое причастіе массъ къ благамъ міра сего или эманципація прекраснаго пола, при ограниченности учительскаго жалованья, вещи хорошія и, если хочешь, вещи въ порядкъ вещей; но зачъмъ, напримъръ, вслъдствіе тревоги по дъламъ общественнымъ, у васъ объявлено, на военномъ положенін, и искусство? Ты говоришь, что въ нашъ вѣкъ искусство-не игрушка празднаго воображенія, а мощный двигатель общественный; что, поэтому, и художественное достоинство произведеній искусства болъе всего зависитъ отъ прогрессивности ихъ содержанія. Не спорю, во вст времена, начиная отъ втка царя Викромадитін и поэта Калидасы до въка императора Августа и Виргилія и отъ сихъ последнихъ до Людовика XIV и Расина, поэты всегда обнаруживали

нъкоторое поползновение къ облизыванию чужихъ блюдъ; однако и въкъ Кромвелей имълъ своихъ Мильтоновъ, и во времена Аристофана, Данте, Шекспира, Кальдерона, людямъ не чужды были общественные вопросы. Не правильнъе ли поэтому было бы сказать, что въкъ величія гражданскаго есть вмъстъ съ тъмъ и въкъ поэзіи; что упадокъ искусства—върный признакъ упадка всей духовной жизни; что посредственности чужда безкорыстная любовь къ искусству, не потому, однако, что посредственность призвана къ разръшенію важныхъ общественныхъ вопросовъ, а потому, что она посредственность.

Ваши общественные вопросы, о которыхъ, увы! общество и не знаетъ, сбили съ толку даровитъйшаго романиста нашего времени и заставили его писать окружныя посланія о присылкъ ему общеполезныхъ и душеспасительныхъ поэтическихъ данныхъ; благодаря тъмъ же общественнымъ вопросамъ, у васъ прослыли великими поэтами люди, которыхъ стихъ, въроятно, мучимый демономъ общественныхъ вопрососъ, производитъ эффектъ лъсопильнаго завода. Но у всякаго свой вкусъ или, пожалуй, свое безвкусіе.

Твоя новелла, о любовныхъ похожденіяхъ вновь назначеннаго къ вамъ инспектора, очень интересна. Чтобы не остаться у тебя въ долгу, сообщу тебъ нъсколько татаровскихъ новостей.

Тотъ самый вопросъ, который вашъ испекторъ, рискуя спиною, пытался разръшить эманципированнымъ способомъ, у насъ учитель Троповъ разръшилъ на законномъ основаніи, по старому заведенному порядку, то есть, по-просту, женился. Бракъ его, какъ бракъ старой школы, не обошелся безъ участія свахи, роль которой, въ настоящемъ случат, разънграла тетушка невъсты, мадамъ Щупальская, одна изъ тъхъ дамъ, которыхъ средства и общественное положеніе здъсь очень удачно выражаютъ непереводимой фразой: na kapitale siedzi, a z procentow zyje. Она свела, развела и опять свела Тропова съ его дульцинеею,

Но пнтереснъйшая повость — это назначение къ нашъ новаго директора; прежний, бъдняжка, палъ жертвою страстей, возбужденныхъ его же собственнымъ чаемъ и конфектами. Сначала, говорятъ, предполагали назначить къ нашъ Лобенбреха, или, какъ называли его университетские сторожа, Лобобрюхова; но потомъ передумали и назначили какого—то господина, который, на своемъ директорскомъ мъстъ, находится теперь въ положени пирожника, тачающаго сапоги.

Въ строгорскую гимназію назначень тоже новый директоръ. Этотъ

послідній разсматриваеть, говорять, псовую охоту, какъ средство сближенія школы съжизнью. Онъ, віроятно, полагаеть, что если чаще будеть являться въ гимназію въ егерскомъ костюмі, нежели въ форменномъ виць—мундирі, то въ публикі и ученикахъ возбудить боліте довірія и симпатіи къ себі и заведенію, котораго онъ представитель. Къ сожальнію, этотъ путь сближенія заведенія съ обществомъ иміть до сихъ поръ вліяніе только на распространеніе между учениками кражи гончихъ и лягавыхъ собакъ.

№ 20. От Эльвиры Щупальской къ Темиръ Гузицкой, въ С. Петербургъ.

Помнишь ли, дорогая Темира, кіевскіе контракты и бердичевскую ярмарку, помнишь ли гусаръ кориноскаго полка и балы графа Буцефала, помнишь ли восторги и увлеченія пашей молодости и твою подругу Эльвисю? Какъ все измънилось теперь! Тебя счастливый случай привель въ Петербургъ, гдъ твой умъ и красота были оцънены по достоинству и доставили тебѣ твое блестящее и независимое положеніе въ обществъ; я, послъ смерти нашей благодътельницы, принуждена была изъ барскихъ палатъ перейти подъ соломенную крышу монхъ родственниковъ и навсегда остаться въ Татаровкъ — ничтожномъ мъстечкъ. Но и здъсь жизнь моя прошла не безъ радостей и тревогъ сердечныхъ. Остальные мои годы я ръшилась посвятить людямъ, съ которыми связана узами родства и дружбы. Недавно племянница моя вышла замужъ за учителя здъшней гимназіи, Тропова. Боже милостивый! Теперь только я вижу, какое это несчастное учительское сословіе. Есть и умъ, и чувство, и умѣнье найтись въ обществѣ, а жалованья не стаетъ и на хлібов насущный; между тімь, здісь же какое нибудь чучело, жена становаго пристава, въ бархатъ и кружевахъ, разъёзжаетъ себё въ коляске. Темира, дорогая Темира! Имеиемъ нашей прежней дружбы умоляю тебя, сдёлай что-нибудь для Тропова: доставь ему місто штатнаго смотрителя или инспектора въ одной изъ гимназій здішняго учебнаго округа. По твоимъ связямъ въ Петербургъ и твоему вліянію, ты можешь это сдълать. Ты все можешь сдълать. My rządzim swiatem, a nami kobiety (мы управляемъ міромъ, а женщины-нами).

Тебъ только стоить сказать, чтобы написали нъсколько словъ

въ пользу здъшняго округа. Только ради Бога, чтобы не переводили его въ другой учебный округъ и въ даже въ другія губерніи здъшняго округа. Здъсь, покрайней мъръ, племянница моя живетъ съ людьми. Суровый съверъ не могъ охладить твоего нъжнаго сердца, и блескъ настоящаго не могъ сдълать тебя равнодушною къ воспоминаніямъ прошедшаго; поэтому надъюсь на твое участіе и съ нетерпъніемъ жду отвъта.

отъ издателя.

Въ февраль итсяць сего года, утромъ, лишь только я вошелъвъ инспекторскую, мыт дали знать, что татаровскій почтмейстеръ просить меня немедленно явиться на почту, по очень экстренному дълу. Оставивъ въ инспекторской, для наблюденія за порядкомъ, надзирателя Цаповскаго, я поспъшилъ къ почтмейстеру. Почтеннъйтій Иванъ Петровичъ встрътилъ меня вопросомъ: что у васъ случилось?— Начего, сколько мит извъстно, -- отвътилъ я. -- Какъ-ничего, -- возразиль Ивань Петровичь: — изъ-за-чего же эта сумотока: всё ваши учителя и чиновники, въ томъ числъ и вы, вчера сами отправили, а сегодня получили. по нъскольку писемъ. Это не безъ причины. --- Мои письма, Иванъ Петровичъ, самыя обыкновенныя; что же касается другихъ, то, кажется, мы можемъ удостовъриться. --- Мы удостовърились, и, къ удивленію нашему, нашли, что во всёхъ письмахъ говорилось объ одномъ и томъ же, и почти одними и тъми же словами: именно, во всъхъ письмахъ заключалось извъстіе о воспоследовавшей перемень формы, съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, по поводу форменныхъ сюртуковъ.

№ 21. От учителя носачевской гимназіи, Наивнаго, къ учителю татаровской гимназіи, Трезвому.

Состояніе педагогіи и соціальное положеніе инструктирующаго корпуса—это два корредата, которыхъ прогрессъ составляетъ постулатъ разумнаго развитія общественнаго организма. Гдѣ нѣтъ конкурренціи, гдѣ педагогія является въ видѣ монополіи лица нравственнаго или физическаго, тамъ положеніе педагоговъ должно быть гарантировано по крайней мѣрѣ привиллегіею. При отсутствіи конкурренціи и безъ атрагирующей силы привиллегіи, монополія можетъ парализовать интеллектуальную деятельность, поставленную въ условіе отъ субъективности дъятелей. Только люди теоріи и доктрины, съ заднею мыслію обскурантизма, могутъ оспаривать универсальность этого принцппа. Ясно, количество гонорара составляеть главный элементь педагогической привилегін, поэтому и главный нервъ педагогической дъятельности. Движеніе прогрессивныхъ идей, такъ побъдоносно заявившихъ въ наше время свою экспансивную силу, коснулось и этого капитальнаго педагогическаго вопроса. Говорять, вопрось этоть первоначально быль поднять на периферіи административнаго центра, но, энергически промовированный, теперь достигъ окончательного фаза своего развитія. Кому бы впрочемъ ни принадлежала честь иниціативы, громадное значеніе самого вопроса вит всякого сомитнія. Оптимисты наши подии-**Та**ють проектированный гонорарь до непривычной цыфры; пессимисты выставляють фантомъ бюрократической развязки; умфренные боятся, чтобы экстрема предъявленныхъ требованій не произвела конфликта, могущаго рефлектироваться ретрограднымъ решеніемъ вопроса. Я полапереставивъ этотъ вопросъ изъ сферы гувернаментальной въ сферу общественную, то-есть, признавъ въ ръщеніи его компетентнымъ судьею само общество, можно достигнуть болъе удовлетворительныхъ результатовъ. Разумъется, было бы слишкомъ посиънно доводить автономію общества до предъловъ супрематін; но согласись, одно неполное пониманіе общественныхъ интересовъ и обязанностей можетъ назначать обществу въ этомъ случат только пассивную роль. Очевидно, стоитъ перевести раціонально-опредъленную плату за ученіе въ общественное сознаніе, и вопросъ разрышится самъ собою. Забсь неумбстны ни скрупулы рутинистовь, которыхь идеаль въ прошедшемъ, ни обидная апатія скептиковъ, отрицающихъ всякій идеалъ и унижающихъ общественные инстинкты. Само собою разумъется, что при этомъ необходимо отказаться отъ всякой нивелирующей нормы и допустить некоторую децентрализацію соціальных видивидуальностей. солидарныхъ по условіямъ жизни исторической и изолирующихся по условіямъ административнаго прогресса. Въ противномъ случать, тенденціи привилегированнаго меньшинства могутъ измінить назначеніе ценза непривилегированной массы. Какъ бы то ни было, несостоятельность прежней системы очевидна, и реформа должна быть произведена какъ можно скоръе и на возможно широкихъ основаніяхъ: пребываніе in statu quo угрожаеть обязаннымъ дъятелямъ всъми бъдствіями пауперизма. Не можешь вообразить, какую жалкую роль играютъ наши педагоги въ здѣшнемъ обществѣ, въ которомъ, вопреки даже примитивной мудрости пословицъ, по платью не только встрѣчаютъ, но и провожаютъ. Особенно печальна участь тѣхъ педагоговъ, которые, по своей вульгарной непредусмотрительности, позволили себѣжениться.

№ 22. От учителя татаровской гимназіи, Трезваго, къ учителю носачевской гимназіи, Наивному.

Письмо твое, любезный Иванъ Андреевичъ, я получилъ, но, извини, не поручусь, что безошибочно поняль, о чемь ты въ немъ говоришь в что хочешь сказать. По прочтения твоего письма, я стая ясно понимать только одно-сказаніе о смішенін языковъ во времена вавилонскаго столпотворенія. Пойми меня, любезный другъ, и прости мић мою откровенность: я упрекаю тебя не въ неумћий выразиться, а въ злоупотребление таланта выражаться. Я всегда признавалъ и цънилъ въ тебъ дарованіе складно говорить и писать, отдаю и теперь полную справедливость твоему искусству владъть перомъчна всъ манеры и только не вижу ничего хорошаго въ томъ манеръ, которымъ ты теперь вздумалъ выражаться. По самому точному счету инсьмо твое состоитъ изъ двухъ третей словъ иностранныхъ и только изъ одной трети русскихъ. Но болъе всего меня удивило то, что твои иностранныя выраженія показались мит удобопонятите употребленныхъ тобою выраженій отечественныхъ. При пособіи словарей и ученой терминологіи, насколько она мив извъстна изъ разныхъ наукъ и художествъ, я разобралъ смыслъ твоихъ коррелатовъ съ постулатами, соціальных индивидуальностей, солидарных въ центръ и изолирующихся на периферін; но какой точный смыслъ твонхъ нравственныхъ и физическихъ лицъ съ задними мыслями, что значатъ поднятые и переставленные вопросы, заявленные (какъ вескеля) идеи, несостоятельные (какъ должники) системы, -- ръшить не берусь ни на широкихъ, ни на узкихъ основаніяхъ. Спасибо, братъ, зато, что въ письмъ своемъ ты разставиль, какъ часовыхъ, оберегающихъ общественное спокойствіе, слова: ясно, очевидно, разумфется. Безъ успокоительной силы этихъ ободряющихъ откликовъ, мною могла овладъть мрачная мысль, что-либо въ моей головъ не все благополучно,-либо въ твоей.

Скажи, сдълай милость, Иванъ Андреевичъ, наитіемъ какого демона ты вдругь заговориль такимь тарабарскимь языкомь, съ какихь поръ и всябдствіе чего приключился съ тобою этотъ грамматическій перевороть? Не лишній ли аршинъ содержанія, прибавленный къ формъ такъ подъйствовалъ на тебя? Ты жестоко, любезный другъ, ошибаешься, если движение бумаги и типографскихъ станковъ принимаешь за движеніе идей. Видъли мы уже не разъ это словесное движеніе и знаемъ его результаты. Было время, когда не только вст саардамскія и амстердамскія слова двинулись на русскую землю, но и самыя православныя имена передълывались на амстердамскій манеръ; и, однако, вся эта этимологическая революція не одольта нашей природной грамматической конструкціи. Напрасно ожидаешь ты какихъ-то особенныхъ результатовъ и отъ современнаго словеснаго движенія; напрасно въ явленіяхъ его усматриваешь какой-то особенно-знаменательный смысль. Другь ты мой милый, это не прогрессь, а только ремонтъ, и притомъ ремонтъ, не выходящій изъ сметныхъ суммъ, положенных на содержание такъ-называемаго общественнаго органиама. Слыхаль я, что, вмъстъ съ новыми идеями, появляются и новыя слова, но въ этомъ случав, полагаю, честь иниціативы принадлежитъ не словамъ, а идеямъ. Правда, русскій человъкъ мастеръ говорить одно, а думать другое,-умтеть, въ случат нужды, наборомъ глупыхъ словъ и выраженій прикрыть прехитрую работу ума. Это особая риторическая фигура національнаго краснорічія, о которой не упоминается въ твоемъ руководствъ, составленномъ по образцамъ иноземнымъ. Но не пора ли уже отстать намъ отъ этого литературнаго лукавства? Къ чему оно? Публика, располагающая обстоятельствами, отъ другихъ независящими, очень хорошо понимаетъ, что упражненія въ краснортчін на языкт времент смішенія языковт такт же неопасны, какъ и томы и которыхъ книгъ, покоящіеся на полкахъ университетскихъ библіотекъ, для поддержанія бодрости духа посвященныхъ. Но, быть можеть, ты только желаешь попасть въ присяжные ораторы этого красноречія, которое, какъ светь, выставляется на удивленіе Европы,-какъ мракъ, годится и для домашняго обихода? Это другое дело. Но, въ такомъ случат, не советую тебе пускаться въ перестановки вопросовъ изъ центра на периферіи, а сміло и рішительно сосредоточиться въ центръ.

Если не ошибаюсь, въ письмъ своемъ ты говоришь о предполагаемой прибавкъ жалованья. Дай Богъ, чтобъ это случилось, какъ можно скоръе. Чтоже касается твоихъ собственныхъ предположеній объ обращеніи суммы за ученіе исключительно въ пользу учителей, то предположенія эти я считаю несбыточною мечтою. Всъ суммы, названія которыхъ ты знаешь изъ ежемъсячныхъ въдомостей, представляютъ, говоря твоимъ языкомъ, номинальную модификацію суммы государственнаго казначейства; одна эта сумма имъетъ объективную реальность и то только върно, что будетъ отпущено намъ изъ этого источника.

При случат, принал инт неводокъ и хорошую складную удочку, со встин къ ней принадлежностями, о которыхъ распроси у Афанасія Ивановича Куцаго. Въ здішнихъ и тстахъ усовершенствованы средства только для ловли жениховъ.

отъ издателя.

Аогина миолы Кузьны Депьяновича была непоколебина, риторика — сильна, онлосоосий начала этей школы внушались нашъ, подъ руководствонъ Спиридоновъ Павлевичей и Архиповъ Сисоевичей, съ должнымъ настояніемъ; и, однако, опытъ показалъ, что дъйствіе ихъ на наши умы было довольно слабо и новерхностно. Лишь только новое начальство посмотръво на воспитаніе съ другой точки зрівнія и послідовали віжоторыя взибненія въ учебной администраціи, накъ все гимназическое сословіе, дяже въ своей частной корреснондевціи, заговорило на другой ладъ и, сназать правду, заговорило на этоть новый ладъ съ большимъ убъжденіємъ и достоинствомъ, какъ будтобы весь въкъ свой училось думать и говорить въ школі качкого-нибудь парламентскаго лорда, а не въ школі Кузьмы Демьяновича. Гимнавическую переписку, относащуюся къ этому послівднему времень, я намітренъ издать особо.

И. Линейкинъ.

ХУРТОВИНА.

«А що, Петре, чи далеко заідемо? бачь яка хуртовина, бачь якъ куёванть! уже такъ-що й світа Божого не видно, ажъ коней зоивае въ дороги... Дивись, якъ стреляе у видъ, -- чи воно крупи, чи хто ёго вна?... Аже ти не забувъ, Трохиме, якъ ище, мабуть, літъ тому щість, ми блудили съ тобою за Дептівкою; тоді приходилось такъ, що трохи душі не рішились... Приіхали у Дептівку, уже смеркло, а хуртовина такъ розгулялась: крутить да стріхи рве, слеве, Божого світу невидно. Якъ би тоді сей розумъ бувъ, що теперъ! Виїхали ми за Дентівку а темно стало, хоть би що приочкомъ потягнуло, то не вгледівъ би; якъ убрались ми у долину, такъ конямъ по черево, — тілько уші видно, — такъ-тілько: плигъ, плигъ, плигъ! насилу ми вибрались изъ тісі долини; а воно, въ-ночі, хоть яка маленька долинка, стане такъ якъ велике провалля. Вибрались ин, поіхали, -- хто ёго внае куди и ідемо; а туть такь принікае! -- то було по вітру угадаешь куди іхать, а то такъ якъ замерочило; та сбились ми на Коронецивий иляхъ, -- дивимось, ажъ люде ідуть; ми тові павай гукать на іхъ: «сважіть, люде добрі, куди дорога на Цонори?» — «Э, се ви не туди попали: дорога осталась сваду!» Дакъ ми давай (хать за ними, та й переночували у Коронецькій; отъ, я, съ того часу, и заріяся, -- ні въ світі не поіду у-ночі, якъ хурія на дворі, бо трохи не наложили головою.

«Ти́! ёго, вражого сина, — я́къ стреляе у ліву щоку! Давай лишъ сяду за вітромъ! (Пересівъ на правий бікъ розвальнівъ, — звісивъ ноги) Отеперъ трошки ватишній буде. Надержуй, Петре, оглобельну у міво, бо вітеръ все збивае у-право!... Ну, вже, учора померзли руки у мене! Колибъ не стидно, тобъ и заплакавъ; якъ потеръ снігомъ, дакъ ище й лучче... Дивись, дивись, заець, заець! отже, дорогу перебігъ: катя́, катя́, га-га, га-га! бачъ, и перебігъ! Кажуть, буде якась притичина, не тутъ кажучи... Дивись, — и сівъ! що-то сучого сина за звіръ! бачъ, и не боітця; а якъ-би було ружжя́, тоді-бъ и

не лучилось такъ. Хитрий звіръ. Нащо ворона — инший разъ якъ за хвістъ не вхопишъ; а піди зъ ружживъ, — такъ, осторонь, одъ тебе усе и піде.

«Ні, да й припікае! учора руки помервли, а сёгодня ноги... А ти, Петре, змервъ? — Да ще ні! — «Держи, держи у-ліво, щобъ не збитьця зъ дороги, бо такъ у слідъ и заміта, и сліду не видио! Уже, підъ таку хуру мовъ у диму усе: и млинъ тобі вдаетця такинъ чуднинъ, и дерево мовъ манія яка встала, — такъ и нависло, мовъ на тебе коче падатъ. Нема въ світі, якъ літомъ! Хоть и на-нолі доведетця заночувать, дакъ не страшно; иноді и руба сухого не буде, — пероввішуєщь одежу, пригріє сонечко, — не знать де й ділось, — и пішовъ далі. Літомъ, хоть и проти-ночі виїдешъ, — тілько півень заснівае — и не бійсь нічого; бо то, кажуть, нічъ весела: зла тварь педуже вештаетця; самъ перехристисся, перехристишъ дорогу, та й ідешъ сміло.

«Дивись, Петре, онъ щось чорніе?»—Да то нехворомъ, здаетця! А им якъ іхали у Конотіпъ, передъ Миколаемъ, — подушне, правда, везивъ, -- іхавъ я, та ще Санбірскихъ чоловіка два, внікали ва Санбіръ; сижу я собі, тілько стали доіздить ось до нервого ярка, зиркъ на-бікъ, дивлюсь-два вовки, такъ якъ дві тичини, стоять; ин на іхъ: тю, тю, тю! а вони, хочь би тобі въ місця рушили. Повійний Лисько (уже було якъ ідешь изъ никъ, дакъ не вадрімасить, якъ стане росказувать, може що зброне, а що й правду скаже, — да вже було инший и правди такъ гладно не роскаже, якъ вінь було збреше: уже чистобреха бувь покійний!) росказувавь, що у вовківъ есть свій богъ — Рисорій, каже. Насли настуки, а далі піным у лісь, дивантця: стійло збито коло дуба; що воно за-знавъ, що коло дуба такъ стоицевано? А одинъ парубокъ и обивавсь: що дасто? я нереночую на сімъ дубі! Отъ, злізъ на того дуба, увявъ — привъновът себе понсомъ до дерева, та й сманть; тілько такъ, якъ у глупу-мічъ, приходить чоловікъ у білому бангу, ноначоталась сила вовківъ — вінъ и давай ділить: ти піди те візьки, ти піді, те, ти піди до удови т у неі одно перося, да й те візьми. Остаетця старий: а тобі те, що на дубі!-Розсвіло, товарици и приходять. «Отеперъ же, пропавъ я!»—явъ?—Виъ и росказавъ імъ усе. - Да ну, годі, чор-зна чого боятьця! - Отали ночувать на другу міть; узнам — полягали усі головани на того парубка; устають у раниі: тілько одні кістки валиютця; звісно-сужове: не счуесся, наъ тебе й розирве, и другі не почують. Вже на-що, годівъ тому три, ноіхади ми зъ батькомъ на кочами на-мічь, вміхали до Корсунки, наложним ячменю на візъ, (та й ячмінь ще добрий бувъ тоді); корови насутця, а ми полягали спать, — думка така щобъ світомъ до дему; батько жъ заснувъ, а міні усе не спится, уже я новертавсь ц сюди, и туди, — ні! Слухаю, коли ворови чминуть; я вставъ, острахъ мене такъ и взявъ; дивлюсь — нічого не видно, а корови все чмищуть; я тоді до батька: тату! о, тату! тату! чи ви спите? — А чого? Та неідьмо до-дому, щось корови не ідять!» — То й запрягай, и ноідьмо. —

Запрягли; на возі положили нівтори ячисню (та й ячиінь же добрий!) а воми такъ идуть, такъ идуть; проіхами, такъ-сказать, гонівъ зо пвое: стали, ось, такъ янъ противъ Голубової-верби, — тілько вено: ме-ме-ме! Батько на мене поглянувъ, да й мовчить; а міні зда-AOCH MO RÍAROHD CTEDORE ROPOHÉIL, TA RHARRY THTRE, -- TARRA CHED. нади брешу! Се, кажу, діянонъ стереже конопель у полі; дакъ, видно, читае книжку, щобъ не скучно було. Тілько воно вразу: ме-ме. ме-ме, ме-ме! Я тоді, собі на думці: добрий діяконъ! а вовки напали на теля, -- що тутъ-же и люди ночували! -- сказать-що воло самого воза звіли назімка живого: - такъ якъ укусне одинъ, то воно тілько: ме! другий кусие, то воно — ме-ме! Такъ живого и звіли. Батьно кажа: «одпустімъ корову, до вона одніме:» дакъ дюбоядись. Уже якъ гуртова светина, какъ ні въ вікъ-вічний не візьме вовкъ; спочина становития задами у середину, а поні мордами у середину; и овині гуртової не візнуть. Полійний дідъ, Мивита, росказувавъ, мо набігь вовиь на табунь гуртовихь свиней; вони іого якь напывай, одна и попінила: дакъ того вовка и розирвали другі вовки, >

— Постой, Трохиме, и я тобі роскажу: ище покійний мій бетько бувъ живий, — поіхали ми на гречку орать; орали ми у Сідьковихъметилокъ; стали ночувать, волівъ поедпригали да й нолягали. Тілько
ставъ я очима зводить, чую щось: хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, хрьо-хрьо;
я підвівсь, — дивлюсь: такъ якъ гонівъ двое сидить свиня на задніхъ могахъ, а воно — щось якъ росменетця, да якъ витягнетця, да
текъ прожогомъ до свині, — то вона тоді — хрьо-хрьо, хрьо-хрьо, та
до ёго риломъ; то, отсе, свиня якъ поженетця, воно тоді назадъ,
зогнетця, да скорчитця, да тоді, виьять, якъ випрамитця, та до
свині, — то свиня такъ и сунетця до ёго. Я тоді: «тату! тату! о,
тату! чи ви чуете, що воно таке!» — Да то лисшія грастия наъ свинею. — Декъ и не аби-якажъ и свиня: — нічого и не вдіявъ. На другий вже день батько каже: — то не лисиця, а вожкъ; се я тобі не

кававъ, щобъ ти не ликавсь. — А вона, сучого сина свимя, одбилась одъ черідки. Якъ би вовкъ ніни не боявсь, то вінь би іі не повиллувавъ. —

«Отже вітеръ бувъ у лівий бікъ, а теперь прямо, у пику. Постой лишъ, вдаетця, собаки гавкають! Держи, Петре, оглобельну, бо такъ и збиваетця. — Уже воно якъ чоловікъ розумний, то любо й словомъ перекинутьця; та якъ и скотина придастця гарна!.. Була въ мене кобила ворона, — пусти ій віжки, сама такъ и простуе, а де була разъ, туди такъ и верне, — вже не забуде, ні въ-вікъ. » — Ти кажешъ, Трохиме, кобила: — нащо заець — якій! піди ти одури ёго: — якъ тілько дужае лягать, такъ слідъ и заплутае: попута, попута, та тоді ступнівъ на пьять и перестрибие, и зариется; або птиця, отже — яке хитре: пішли ми торікъ у леваду зъ Тарасомъ; тілько утка дика лепънопъ-лопъ, крилами; я на Тараса: отже, утка підбита! та за нею, а вона одъ мене, а я за нею; одвела мене отъ дітей, да тоді знялась, да й нолетіла. Не лихого жъ батька, яке хитре! заспіялись ми зъ Тарасомъ, да й пішли. —

— Зайня тілько ноги ратують, — каже Петро: — кого вінъ не боітця! и чоловіка, и вовка, и лисиці. Разъ ми поіхали у лугъ, — тілько іхъ пність чоловіка вовківъ, якъ напьяли одного зайня: одниъ біжить, а другі одстануть; а далі другий, якъ уляже: отъ-отъ нажеле, отъотъ нажене; отъ, заець у-бікъ, якъ уломить, — вовкъ и останетця. Вовать зайця не дожене, - хиба такъ, лежачого нагиба. - Заець. нажуть-би-то, наміривсь утонитьця: піду утониюсь, каже, ніжо желе не боїтця; піду самъ собі смерть заподію-утоплюсь у морі. Прейшювь до моря; тілько жаба-плить! злякалась, та въ море. «Отже, вернусь: годі топитьця, --есть таке що й мене болтця. > Що отсі стрільц іхъ перенівечять! Оради ми зъ Лиськомъ надъ гайкомъ; тілько два стріньці іздять, та й іздять. Тілько десь и назорили зайця, та зразу: бухъ! та ногу й перебивъ; вінъ такъ якъ динъ, --- такъ и котитца, да прямо на мене. Я истикъ наготовивъ, - думаю собі: якъ морівмяетця, такъ ёго и вчищу. Не вспівъ и окомъ вмигнуть, вінъ такъ не підъ ногами и шамиўвъ. Отакъ, каже Лисько: упустивъ сокела зъ рукъ.

«Ти каженть, Петре, що самий плохий звіръ—заець; надъвівцю нема й пліхиюго. Сміхъ та й годі: колись я волочивъ, а ватага не подалеці ходила; вовкъ и підкравсь. Я—тю-тю, тю-тю, тю-тю! а вінъ не слуха,—такъ и кинувсь до беренца; ватага у-ростичъ, баранець проти ёго: лупъ-тупъ-тупъ, ногою; а вовкъ ёго за шию, — пере-

кусивъ горью, скинувъ на спину, да й помчавъ. Вівчарі за нимъ: тютю, тю-тю, тю-тю! дакъ вінъ такъ и подався до Тимошенкового ярка.

«Отже й Саранівка! (Спустились у яръ) «У яру заразъ и потихшало, и вітеръ не той. — Привертай до шинку: нехай коні духъ нереведуть, а ми трохи погріємось. Ото замело! обтруси, Петре, мене, а я тебе. (Уходять у хату) «Здорова шинкарко! Дай Боже вдрастувать! --- «Ну, да й пить-же хочетця.» --- «Не пий, Петре, води, --- виший лучше горілки! Я звіривъ на собі, що нема й гірше, якъ води випьешъ съ холоду; а горілки хоть трошки виньешъ — и смагу проженешъ. Уже якъ Савка нашъ! вінъ не розбіра ніколи: якъ допавсь до води, такъ и дудлить; дивись, и не минетця ёму, черевъ те́ такъ часто и занепада. Бачъ, у шинку якъ замуровало вікна!.. А де твій чоловівъ, молодице!» — У мене нема чоловіка — Бачъ, и вилепався. — «Отсе другий разъ топишъ?» — Та де-тамъ! уже третій. — «А ну, пора, Трохиме: нерано. Якъ би давъ Богъ на-нічь у Дептівку.» (Виіхали на Стопокъ.) «Отже, хуртовина и не зластия.» — «А куди поідемъ?» — Паняй побіля могили... Ти кажешъ, Петре, заець хитрий? Надъ лисицю нема, мабуть, и хитрінюго звіра! Іхавъ я у восени, — да не самъ, а вобрадась валка чимала. Я дивлюсь — коли лисиця біжить; тілько зуздріла насъ, такъ и прилягла, якъ грудочка; я тоді: онъ-онъ, онъ-онъ, онъ-онъ, лисиця! — Де? — Онъ прилягла! — Да то ввиділось тобі, такъ! — Дивлюсь, коли и друга побачила, и та прилягла; а далі третя, четверта, такъ и поприлягали. Якъ тілько ми поминули, — вони тоді новставали, да такъ, стопа-въ-стопу, и біжять. Я тоді: а що, не правда?... Да ще які здорові!... Торікъ ин зъ Тарасомъ нагабали нору лисичу, на Лізкахъ; отъ, и давай копать. Якъ почали, якъ почали! оце поведе туди, а далі въ бікъ, а потімъ прямо, а далі впьять зверне; чуемо, щось хроне; оце, думка така, лисинята; -- докопались, ать тапь кубло, такь якь собаці повернутьця; дивимось-ажъ тамъ два іжани! Я, зъ серця, узявъ та й повбивавъ. «А вона уже вивела.»

— А то, разъ, та й видрали Царенкови лисинятъ; вона, по сліду, и дойшла, ажъ до самої хати,— та все ходить. А надъ Дубиною оравъ Хведоръ Курченко. Отъ, лисиця прийшла, та й лягла, надъ горою, у борозенці. Вінъ примітивъ, та й підкравсь,— та якъ учистить истикомъ: вона такъ и витяглась... А вона молока напрягла. —

«А ну, ну, паняй, Петре, бо невидно... Міні здаетця, що пьяному чоловіку, у ночі, частій усёго лучаютця приведенції; чоловікъ якъ

не пье довго, та зразу почне пить багато, то ёму, що-небудь, и привидитця. Аже ти чувъ, якъ Наумъ бивъ пеньки: ёму здалося що чорти... А я, такъ, якъ-би и теперъ, тверевий, якъ сёгодия внаю, на масниці, — уставъ у ночі, — бачу — вітеръ; — піду, — кажу, пущу маннъ. Вийшовъ на гору, ось-такъ, якъ порівнятьця зъ Дворяньскою нивою; — чую, грімъ загремівъ! зімою, та грімъ загримівъ? Дивлюсь-вий такъ и розсипавсь искраин, да й упавъ у Лепурчиному саду.» — Да вінъ, кажуть, часто сідае тамъ, —обізвансь Истро. «Уже я злякавсь тоді, такъ, що й себе не знаю!» — Ніколи я не злякавсь такъ, якъ поваторікъ,--- наже Петро. Шивъ чоботи у дворі; літомъ, дакъ лубка нестало: побіму, -- кажу, -- до-дому, та візьму лубка на занаблуки. Біжу собі, — тілько зъ коноцель вовиъ, проти провадля, такъ и вискочивъ; я такъ злякався, що волося на голові такъ и подіздо въ гору. Я тоді на дівчать: (а дівчата у Гудевівщині тютюнъ підбивали) — Дівчата, ось вовкъ! — Де? — Ось! — Вінъ-такъ и прянувъ на гору... Да ще злякався здорово, якъ покійний дідъ живий бувъ. Поіхали гречки выязать; у ночі, я коло дітей, -- коли дідъ прибігае: «тікайте, діти, на візъ!» Узявъ, та й поссажувавъ на візъ. А нічь буда місячна. Тілько-що посхоплювались ми на візъ, ажь табунь коней біжить — гнали вовки; отъ и погнали ажъ у Миронівъ яръ; тіжъ ногнали, а одинъ перебігъ навперейми, та й засівъ; -- якъ тілько порівнялись коні, вінъ якъ прискочивъ до лошака, якъ ухопивъ за гордо, такъ и повадивъ! и почади тутъ істи. Корній да Иванъ, побачивши, узяли-віхтівъ навьязали изъ соломи, - отсе запалять, та до іхъ: то вони навадъ отбіжять ступнівъ двадцять, да тоді постають, та зубами--- влацъ-влацъ-влацъ!.. Отже, ноги стали промервать, — давай пройдемо.

«И Санбірські млини уже манячять! Якъ собави гавкають! чи не пробіраетця до овець собачий дядько... А ну, сідай! лучче ранше настигнемо у Дептівку... Що за славний дідъ отсей Конопляний! — якъ сяде, та якъ почне гутарить, и тебе пришануе и конямъ сіма по-боки. Воно бъ и до-дому можно у волю настигнуть, та дорога забитна; тамъ, за Дептівкою, по глибокимъ дорогамъ, снігу ва́лява: — лучче рано встанемо.» — А куди ноідемо, чи прямо, чи кругомъ? — «Паняй прямо!» — Лучче поідьмо кругомъ: хто кругомъ іздить, той дома ночуе. Аже, якъ питали жішки, чи скоро чоловікъ приіде: якъ поіхавъ, каже, кругомъ, такъ сёгодня буде, а якъ навпрошки, то хиба завтра.

«Вжежъ, янъ прибдемо до діда, дакъ я заразъ на пічъ; я люблю, съ холоду, на печі понаритыця: хочъ якъ перемерзнешъ, а на печі, якъ спотіешъ, то все минетця, издоровъ станецть.» — А я люблю, — обізвавсь Петро, — долі, на соломі: долі, кажуть, дві волі, и рука и нега спить... А вставай, Трохиме, та одчиняй ворота; на путу одъ собакъ! — (Собаки такъ и гунули, та впъять назадъ) Отже, и собаки хвижі боятця, — такъ и ховаютця. » — Отже, щось иде, — каже діръ Ничипоръ. — А вийди, Секлето! — «Та се, якісь люде приіхали, — за хвижею и невидно.» (Убігла Секлета, та заразъ и скочила на пічъ грітьця.)

«Обтруси мене, Петре, а я тебе.» (И давай тупотіть у сінях».)—А Гривно ажь двері гризе.— «Добривечірь, діду!» — Здоровь!— (Дідъ придивляетця)—Се ти, Трохиме? бачь, я й не пізнавь! «Пустіть ночувать!» — Добривечірь, діду! — Здоровь, Петре! скидай кобенякь. — Ну, дай худа жъ! и світа Божого мевидно... Підъ таку хвижу не одно одубіе, не тілько пьяне, а й тверезе. —Роспрягайте жъ коні, — та отайъ, у клуні, сіпо. —

«Иди, Петре, роспрягай, а язъ дідомъ табаки понюхаю... А дай лишъ діду табаки.»—Біжи, Марку, до Тимоша, позичъ табаки. Отсе якъ-разъ не стало, а міні вже якъ нема табаки...! Устаненть у мочі, сядешъ на припічку — отсе мое місце, — разівъ десятокъ понюхаєшъ, и мислі розибъешъ; — звісно, старому не спитця, а друге те— и думки... Сідай, Трохиме! — «Ну, въ тебе, діду, и собачий!»—Бачинъ, Трохиме, — одъ поля живемо, звірі тягаютця. — «Та и въ насъ, сю заму, у Мусія Нагірного потягнули свиню.»

— Не чого й вовки ходять у село, —почавъ дідъ: — може воно й брехня, дакъ и я буду брехать, —а може воно колись и правда була, та теперъ за брехню править... Собаки та й зробили договоръ эъ вовнами, мобъ вовки у село не ходили; вовки й дали росписку собакамъ, що уже, бать, вони не будуть ходить у село. Отъ, собаки та й отдали сю росписку, на схованиу, котамъ, а коти мишлиъ, а миші, возьии, та и звіжъ! Отъ, и завелась сварка: собаки на котівъ сердятця, а коти на мишей, —а вовки все-таки ходять у село; якъ тілько собаки скажуть вовкамъ: а чого ви ходете у село? ви жъдали росписку! — дакъ вовки и кажуть: «а покажіть росписку!»

(Уходить, Петро, выпрігим ноней.) «А що, постановивъ коней?» —Постановивъ, діду! — И сіна підломивъ? — Відломивъ! — А, щу, лийъ, стара, чи буде мамъ що вечерять?... А моя стара да хоче мене покинуть!...—Якъ-то, діду, — каже Трохимъ: — я заходивъ до тебе у

Digitized by Google

хату, інучи у Конотінь, — накъ баба журниась за тобою: «поіхавь». наже, «мій старий, — колибъ не змерзъ, бо на-дворі хура піднялась.» — То воше при моняхъ такъ каже. — (Усміхнувся Ничипоръ, на й погля**мувъ на стару.)-- Ти вже зъ жартами својии, старий!...-- Усе у** людякъ: учора гребенівъ уводили, а сёгодні веретена запрядали,видно, жоче собі нолоного відчинити. — (Зареготались усі.) — И почавъ витовыньковать! узявь би дуче та дюдей почастувавь. --- А ну амиъ, дочко, бери настільникъ, та накривай стіль; илади хлібъ, дожий, та станови борить. — (Дідъ бере плящку, чарку, и насипа.)— **Ший.** Трохиме! — У хазяіна у рукахъ, у хазяіна и въ устахъ.— Будьно живі, та Богу меді!--(Випивъ дідъ.)---Колись и дешевша буда горілга, та міцкіша... Нехай же въ городі, що подешевінала, а въ насъ и подорогнияла, та погана така: иноді акть кисла, акть живіть облика: тілко званіе, що горідка. — (Сказавъ и сплюнувъ дідъ.) — Ну, пий, стара: гості будуть та й підуть, а ми съ тобою вінъ вжили! — (Почастевавъ дідъ Трохина, а потімъ — Петра; посідали за стіль.)-А ну мишь, стара, чоловікь на дній нозі не ходить, а на двохъ: наливай лингь по другій! — Пошли, Боже, вікъ, эдоровье и свасеніе!—(Випила сама, тоді старого почастовала, а тоді вже гоcret. Hoise Copurs.)

— Подавай іще тамъ, що є! Выний три, да й уси протри, пословина говоритал; наливай лишъ по третій!... — Чому ти, діду, кобили не перемінишъ? У мене уже, після тисі, що на Чесмого (1). купивъ, —друга. «А на що міні перемінять? Міні кобили не гризти. Міні, якъ и ся вежить, дакъ и добра.

(Новечеряли, вышили на-потуху, стали дякувать:) «Спасибі Господу-Богу, Матері Божій и всімъ святимъ, за хлібъ, за сіль и за вечерю; и тобі, діду, и тобі, бабо, и тобі, Марку, и тобі Секлето!»— Бегу импосердному!—

- Дакъ ти, діду, ізнивъ у Мельню?
- Та іздивъ: купивъ тамъ дощокъ съ ньять! Думка така, жиз прійдетця помірать, дакъ ні-съ-чого буде и домовини збить. Я вже домовину готую, а вона, не бійсь, молодого собі шукае...
- Следіть сомони: хто ляже домі, а я на полу, а ти, стара, на печі... «Та же-жъ!» Баба тоді й хвабра, якъ на мечі. Педавайте сюди онучки, та устілки, яіположу на велиі, те вони висемнуть.—

⁽¹⁾ На Чесного, значить-на Воздвижение.

(Номолились Богу, нолягали де-кому припало.)— Тримпы же й каганень.—

Трохимъ и Петро тапъ и захропан, мовъ побиті; : а тамъ, заснувъ и дідъ, понюхавши разівъ съ ньять табани. А хуртовние все завивае, та норощить у вінна; вже й людъ, утикомиривсь, а вана все насвистуе, та все дёрготить віннами. Сщить мюдъ Белий, мому припало тепло; а инший, у кого думка думку попилось, той и не спить, та повертуетца зъ боку-на-бінъ; та не спить тей, кого вастигла хвижа, у полі: хукае собі у руки, та ступае ногами, мемертаетця въ своєю скотиною, мовъ той черванъ у кучугурі; ажъ заса́на лась Булана, та повертуетця у заметахъ,—поспішаетца де-дему, бо и ій хочетця у за́тишку, у хлівці, вадрімати. Уже й собани не чутно на селі, хиба, де-небудь, зла тварь пробіраетця для своєї ноживи.

Нічъ-мати усіхъ пригорнула; тілько зайчичокъ отрибайчичокъ, обгривує молодії пагонці на вишняхъ, да й той кезирить ушини, щобъ не попастись у слопець. Заспівали треті нівні; уже старий устававъ тричі, носидівъ на припічку, понюхавъ табани, та й опьять задрімавъ. Тутъ и стара давай бухикать; а туть и бабина унука заходилась нлавать; заворушились усі. Уже и Трохімть прокинувся. — А що, діду, чи унишкла хуртовина? — Та виншила: уже тихо стало, и морозець малий; після хуртовини, на доці неревелюсь; а передъ-світомъ морозець ухопивъ. Теперь тэкъ, якь листовимъ жалівомъ покрило снігъ...

— Міні, Секлето, снилась Тиношенкова Настя, — освелась баба: — здастця, я бачу, що у ії дворі огонь: такъ пелонья и піднімастця, и піднімастця стовпомъ; а нотімъ — димъ! такий димъ, такий димъ, да кучерявий — такъ и качастця по земиї. — Какуть, буде якесь диво, — обізвалась Секлета.

(Засвітили каганець; де ито лежить; Секлета на гребині пряде.)
— Скілько не лежать, а треба вставать, — наже Тролинь. — Пора и до-дому братьця. —

- Чого ви такъ поспішаете? Іщебъ носицили, такі дідъ.
- Та спасибі! істи не хочетця.—Прощавайте жъ!
- Спасибі-жъ вамъ за клібъ, за сіль, и за ваму ласку!-дай, Боже, вамъ здоровья!—
 - Богу святому дякуйте!...

Степанъ Нісъ.

Село Понори, Черніговського повіту. 1860.

Digitized by Google

10 June 10 11 (1)

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВЪ.

Помѣщаемыя въ «Основъ» Письма о Пчеловодстви взяты изъ полнаго сочиненія, подъ этимъ же названіемъ, извѣстнаго малороссійскаго пчеловода, Як. Ив. Костенецкаго, вполиѣ изучившаго, собственнымъ опытомъ, эту, столь любямую и распространенную, въ нашемъ краѣ, отрасль сельскаго хозяйства. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ предметомъ, Письма о Пчеловодствю представляють замѣчательньйшее у насъ явленіе, и въ теоретическомъ и въ практическомъ отвошеній. Сочиненіе нашего пчеловода можетъ служить чрезвычайно-полезнымъ руководствомъ для любителей и хозяевъ, и потому редакція «Основы» пріобръда все сочиненіе и намѣрена издать его отдѣльною квигой въ теченіи настоящаго лѣта.

Въ помъщаемыхъ трехъ письмахъ, г. Костенецкій издагаетъ многія собственныя наблюденія вадъ природой и дъятельностью пчелъ, и свою новую гипотезу о таинственномъ и самомъ спорномъ вопросъ въ жизни этихъ насъжомыхъ—«о взаимномъ отношенім и свойствахъ трехъ членовъ пчелинаго семейства», — при чемъ разбирается существующія, до настоящаго времени, теорім шностранныхъ и нашихъ пчеловодовъ по этому любопытному предмету.

письмо п.

Пчелиное семейство: матка, трутии, рабочія пчелы. Двланіе пчелами меду и воску. Рожденіе пчелъ. Прежнія гипотезы о половомъ отношеніи существъ пчелинаго семейства. Моя объ этомъ гипотеза. Гппотеза Дзирзона.

Подобно и вкоторымъ другимъ насъкомымъ, ичелы живутъ большимъ семействомъ, заключающимъ въ себъ иногда до сорока и болье
тысячъ существъ. Каждое семейство живетъ отдъльно, дружелюбно
и имъетъ свою общую собственность, но не имъетъ инкакихъ сношеній
съ другими семействами и даже враждебно одно другому, такъ-что
ежели внезапно соединить между собою два семейства, то между
инми произойдетъ драка, могущая уничтожить оба семейства. Пчелиное семейство состоитъ существъ изъ трехъ видовъ: матки или царицы — всегда одной; иъсколькихъ тысячъ рабочихъ ичелъ и мпожества трутней — странный тройственный составъ, какого, сколько извъстно, не имъютъ никакія другія животныя.

Матка, пожалованная пчеловодами въ царицы, отличается отъ рабочихъ ичелъ и трутней видомъ и величиною. Единственное, до-сихъпоръ полемотренное пчеловодами, ея занятіе есть-класть явчки въ ячейки. Она несетъ два рода янчекъ: ичелиныя и трутневыя, - послъднія нісколько болье первыхь. Въ сотахъ три вида яческъ: обыкновенныя пчельныя, трутневыя — нъсколько шире пчелиныхъ, и маточныя, имбющія видъ жолудя, или наперстка. Матка кладетъ янчки или съмена во всъ три вида ячеекъ; хорошая, или добрая, матка кладетъ каждый рядъ янчекъ въ назначенныя для нихъ ячен и всегда по одному, дурная же (дълаетъ безпорядокъ) кладетъ въ одну ячейку часто по нъскольку янчекъ, или и во-все не кладетъ пчелиныхъ, одни тругневыя. Другаго какого-либо занятія матка не имъеть или, по крайней мірь, до-сихъ-поръ болье не открыто. Она очень рьдко вылетаетъ изъ улья, только во время роенія, и изр'єдка на проигру, будучи еще молодою. Она имъетъ жало, но ръдко его употребляетъ, развъ будучи раздражена до-крайности. Одна матка ненавидитъ другую, и если ихъ въ одномъ семействъ случится двъ, то онъ дерутся до-тъхъ-поръ, пока одна не убъетъ другой. Почти вст пчеловоды приписывають маткт неограчиненную власть въ семействъ и разныя, даже умственныя свойства, отъ которыхъ будто бы зависить все благосостояніе семейства; но, по моему мизнію, въ этомъ взглядъ много фантазін. Матка живеть долье ичелы, (которож въкъ менъе года), отъ пяти и до восьми лътъ; въ молодости бываетъ ивъта темнаго, а подъ старость-желтъетъ.

Отъ качества матки зависитъ все благосостояніе пчелинаго семейства: если въ исмъ будетъ дурная матка, т. е. такая, которая или вовсе не кладетъ янчекъ, или кладетъ однъ только трутневыя, то семейство это пепремънно вскоръ уничтожится. А потому ичеловоды прежде всего должны знать основательно всъ тъ признаки, по которымъ узнается качество матки. По паружному виду матки, нельзя узнать ея достоинства: оно узнается только по ея дъйствіямъ. Но такое знаніе не легко, и составляетъ еще секретъ для многихъ пасичниковъ, не изучившихъ этого предмета отъ образованныхъ пчеловодовъ. Читая иностраиныя руководства къ пчеловодству, убъждаешься, что не только прежде, но и въ настоящее время, иностранные пчеловоды неимълм никакого понятія о разныхъ качествахъ матокъ. У насъ же, можно сказать, всъ примъты, по которымъ узнаются добрыя м худыя матки, подсмотръны окончательно и до-того върпо, что дяж

Digitized by Google

ученаго и опытнаго пчеловода это не составляеть уже никакой трудности. Честь всёхъ этихъ наблюденій; систематическаго ихъ издоженія и практическаго распространенія между пчеловодами, безспорно принадлежить нашему Прокоповичу, который своимъ ученіемъ о разныхъ качествахъ матокъ и вёрными способами исправленія дурныхъ пчельныхъ семействъ, разогналъ бывшую до него тьму въ пчеловодствё и указалъ совершенно новый и вёрный способъ выгоднаго веденія пасики.

Всъхъ матокъ, по ихъ происхождению, можно раздълить на два рода: на натуральныя и свищевыя, или сановыпложенныя. Первыя рождаются естественнымъ образомъ, отъ съменъ, положенныхъ въ маточники самими матками, а вторыя, --- въ случав лишенія матки, --- производятся уже пчелами изъ съменъ, или янчекъ, первоначально предназначаемыхъ для рабочихъ пчелъ. Такъ-какъ янчекъ этихъ нельзя переносить съ одного мъста на другое, то маточники этихъ матокъ, дълаемые изъ ичелиныхъ ячеекъ, бываютъ не на ребрахъ сотовъ, какъ это обыкновенно бываетъ у природныхъ матокъ, но на пластахъ. Натуральныя и свищевыя матки, по качеству своему, разделяются на добрыя и трупневыя. Добрыми матками признаются тъ, воторыя кладутъ пчелиныя и трутневыя янчки сообразно времени и потребности и содержать въ должномъ порядкъ все пчелиное семейство; трутневыми же считаются тв, которыя кладуть одив только трутневыя янчки. ман вовсе никакихъ. Матки бываютъ трутневыми или по природъ, или отъ приключеній: отъ старости, увъчья посль драки и отъ бользии; поэтому и добрыя матки впоследствін делаются тругиевыми. Пчеловоды-писатели утверждають, что матка въ брюшкъ своемъ имъетъ два отавленія: одно для пчелиныхъ япчекъ, а другое для трутневыхъ, Сваммердамъ и Кристъ утверждаютъ, что въ лучшіе микроскопы можно примътить, въ янчникъ матки, двъ вътви янцъ, одну трутневую а другую ичелиную. Но я не думаю, чтобы это было совершенно такъ, и подагаю, что въ происхожденіи янчекъ того и другаго рода есть тайна, еще никъмъ неразгаданная. Такъ я заключаю изъ того, что матка, при неблагополучін своемъ, теряетъ всегда способность класть только плечиныя вички; но еще никогда не замътили, чтобы матки, способныя класть прединыя янчки, были бы не въ состояніи класть янчекъ трутневыхъ. Свищевыя, или самовыпложенныя, матки производятся пчелами при двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда онъ по какимъ либо обстоятельствамъ лишаются сами нечаянно своей натуральной матки, и во 2-хъ, когда пчеловодъ отбираетъ ее у нихъ при дъланіи насильныхъ роевъ, или для другой надобности.

Трутни — второй видъ существъ въ пчелиномъ семействъ. Они больше рабочей пчелы, отличаются отъ нея наружностью, ямъютъ совершенно другіе органы и неимбють жала. Они рождаются изъ янчекъ, положенныхъ маткой въячейки, собственно для нихъ предназначенныя, которыя дёлаются болёе ячеекъ рабочихъ пчелъ, а отъ этого и трутни бывають болье рабочей ичелы; но иногда они раждаются и въ пчелиныхъ ячейкахъ: тогда они величиною бываютъ почти равны рабочей пчель. Пребывание трутней въпчелиномъ семействъ есть только временное: они раждаются весною и истребляются пчелами осенью. Какое занятіе трутней?—Этого, кажется, еще никто настояще не опредълилъ; върно только то, что они не собираютъ меду, а ъдятъ его готовый, собранный ичелами. Поэтому, они, не только осенью, когда въ нихъ, какъ бы уже минуется какая-то неизвъстная намъ надобность, но даже и лътомъ истребляются ичелами, какъ-скоро сдълается въ ульт недостатокъ въ кормт. Вопросъ о назначения трутней всегда занималъ не только пчеловодовъ, но и знаменитыхъ натуралистовъ. Въ последнее время, трутии считается за самцевъ, оплодотворяющихъ матку, и эта гипотеза признана на столько правдоподобною, что болъе не ділають никакихь надъ ними наблюденій; но, по моему мпінію, это обстоятельство также соминтельно, какъ и всъ другія митнія объ отношеніяхъ между собою всёхъ трехъ видовъ существъ пчелинаго семейства, о чемъ я ниже буду говорить подробиње.

Третій и главитишій видъ существъ пчелинаго семейства составляють рабочія пчелы, такъ названныя потому, что онт одит производять вст работы, необходимыя для существованія семейства. Рабочая ичела менте матки и трутня, потому что выводится въ ячейкт гораздо менте маточной и трутневой ячеекъ. Ячейки, въ которыхъ пчелы еще въ первый разъ выплаживаются, бывають болте ттть, въ которыхъ онт уже нтсколько разъ выводились, а отъ этого и самыя пчелы бываютъ менте или болте, ибо пчелы, какъ и бабочки, вышедшія изъ кокона, не растуть болте. Цвтта онт всегда одинаковаго съ небольшою только разницею, то темите, то желтте; я полагаю, что пчелы во встхъ странахъ бываютъ одинаковой наружности, величины и цвтта съ самыми небольшими развт изминеніями, и поэтому не думаю, чтобы были различныя породы пчелъ, какъ иткоторые утверждаютъ. Пчелы снабжены разными орудіями, нужными для

производства работъ. Изъ нихъ первое-хоботокъ или язычокъ, находящійся надъ самимъ ртомъ, пом'єщающійся въ особаго рода трубочкъ, какъ бы футлирчикъ, куда пчела его прячетъ когда неупотребляетъ. Хоботокъ этотъ длиненъ, остроконеченъ, гибокъ, но, какъ описываетъ Кристъ, не имъетъ внутри отверстія, а покрытъ волосиками на подобіе лисьяго хвоста, и потому пчела не втягиваетъ имъ медоваго сока, а слизываеть его изъ цветочныхъ чашечекъ. хобота пчела имъетъ на головъ межъ глазъ два усика или шупальца служащие ей какъ бы осязательными органами; клещи, состоящие изъ двухъ зубовъ, довольно твердыхъ, которые также составляютъ пособіе въ ея работахъ. Она имъетъ четыре крыла и щесть ногъ, состоящихъ изъ нъсколькихъ членовъ. На объихъ парахъ заднихъ ногъ находится. на каждой, по щеточко или небольшому четвероугольнику, покрытому волосами, которыми она собираетъ съ цветовъ цветочную пыль. Между вторымъ и третьимъ членомъ двухъ заднихъ ногъ находятся углубленія на подобіє ложечки, называемыя лопаточками, въ которыя она набиваетъ цвъточную пыль. Брюшко пчелы состонтъ изъ щести параллельныхъ чешуекъ, растягивающихся и сжимающихся по надобности. Въ брюткъ помъщены кишки, медовой пузырекъ, желудокъ, пузырекъ съ идомъ и жало.

Всъ вообще работы, въ пчелиномъ семействъ, производятся рабочими ичелами; онъ собирають изъ растеній медъ, составляющій ихъ главную пищу, дълають изъ него воскъ, а изъ воску-вощину, собпраютъ цвъточную пыль, или перту, составляющую пособіе въ пищъ льтомъ и которая особенно необходима для приготовленія пищи для молодой дътки, носять воду и выводять дътку изъ съмянъ, положенныхъ наткой. Каждое ичелиное семейство всегда имфить у себя стражу, которая, прогоняя чужную пчель, впускаеть въ улей только своихъ, опознавая ихъ щупальцами. Каждая пчела узнаетъ свой улей не по его наружному виду, но по его мъсту или по навыку своего полета, такъ-что если улей сдвинуть съ мъста хотя на аршинъ, то пчела его уже не найдетъ, а сидетъ на то мъсто, гдъ стоялъ улей. По если перевезти улей падалекое разстояние, версты на три, то пчела обознавши мъстность, привыкаетъ опять къ новому направленію. Пчелы могуть отлетать отъ своего улья версть на шесть и болье и никогда, при возвращении, не сбиваются съ пути. Пчела можетъ издавать звукъ, который она разнообразитъ, смотряно надобности, и всъ другія пчелы одного семейства хорошо понимають эти условные тоны.

Если пчела чужаго семейства захочетъ пристать въ улей, то она всегда, ставъ на летикъ, упрашивается, издавая особый звукъ, или, какъ говорятъ пчеловоды, присягаетъ, послъ чего ее и принимаютъ въ улей.

Двланіе меду и воску.

Пчелы собирають медь, изъ многоразличных цвётовь, иногда изъ листьевь различных растеній, болье или менье инъющихь свойство производить эту сладкую жидкость, которую пчелы слизывають хоботкомь и, если хотять употребить въ пищу, то чрезъ роть препровождають ее въ желудокъ, если же хотять сохранить въ запасъ, то пропускають ее чрезъ роть въ особый пузырекъ, находящійся въбрюшкѣ, гдѣ она, подвергаясь измѣненію, дѣлается уже медомъ м опять чрезъ роть извергается въ ячейки.

О дъланін пчелами воска было много предположеній. Первые и, разумъется, самые неопытные наблюдатели принимали за воскъ пергу, которую пчелы носять на своихъ ножкахъ, цвътомъ дъйствительно похожую на воскъ. Женевскій натуралисть-пчеловодъ Губеръ, который, какъ я уже говориль, быль сліпь и свои паблюденія надъ ичелами дълалъ съ помощью слуги, еще въ срединъ прошлаго стольтія, первый началь оспаривать это мижніе и утверждаль, что пчеды делають воскь изъ меду и другихъ сладкихъ соковъ, но съ нимъ не только не соглашались, но даже называли это митис нельпостью. Иные утверждають, (даже Кристь и за нимь Прокоповичь) что пчелы, эту цвъточную пыль, или особо собираемое восковое вещество, смъщиваютъ съ медомъ въ особомъ восковомъ желудкъ и изъ него выпускають чрезъ роть уже воскъ. По моему-жъ мненію, которое я уже давно печатно изложиль въ одной изъ статей монкь о пчеловодствъ, пчелы дълаютъ воскъ прямо и единственно только изъ меду, который онъ, переработавъ въ своемъ желудкъ, испускаютъ не чрезъ ротъ, а чрезъ поры брюшка, гдв онъ, охладввая и твердвя, образуетъ между брюшными чешуйками маленькія и иногда видимыя для глаза пластицки, которыя онь беруть потомъ въ роть, мысять зубами и дылають изъ нихъ вощину. Это ясно изъ того, что ичелы дълаютъ вощину и тогда. когда у нихъ вовсе не бываетъ перги, и когда онъ даже не вылетаютъ наъ улья; такъ напримъръ, если раннею весною подръзать соты въ ульт, въ которомъ много будетъ меду, а мало вощины. то пчелы, даже не вылетая изъ улья, будутъ дълать вощину. Также и во время сильнаго взятка, когда недостаеть порожних сотовъ

для наполненія ихъ медомъ, пчелы съ необыкновенною быстротою ш въ большомъ количествъ дълаютъ вощину, между-тъмъ какъ въ то время почти не носятъ перги. Когда, во время сильнаго взятка, промаводится самая большая и поспъшная работа вощины, то пчелы, въ торопливости, даже роняють множество восковыхъ пластинокъ, которыя тогда, на подобіе разсыпаной крупы, можно видіть на подмосткахъ подъ ульями. Однажды у меня случилось, что вышедшій рой, собранный въ роевню, отъ недосмотра задушился. Когда я началъ его разсматривать, то у каждой пчелки между брюшными чешуйками явственно были видны продолговатыя, тоненькія, біленькія пластинки воска. Однимъ словомъ, дъланіе пчелами воска изъ меду, а не изъ чего-либо другаго, и выкатывание его изъ желудка сквозь поры тъла, а не выпускание его чрезъ ротъ, такъ очевидно, что я, съ самаго начала занятія моего пчеловодствомъ, составилъ себѣ это понятіе, и удивляюсь, какъ другіе пчеловоды, въ продолженіи нісколькихъ въковъ, этого не постигли и даже большая часть ихъ, а особливо иностранныхъ, еще и теперь остается при невърномъ цонятіи объ этомъ предметъ.

Изъ воску пчелы дѣлаютъ разной величины ячен для выплаживанія въ нихъ своей дѣтки или черви:—пчелиныя трутпевыя ячен, составляющія непрерывные, сверху внизъ идущіе пласты вощины, а на концахъ ихъ, на ребрахъ вощинъ, маточныя ячен. Кто не знаетъ этихъ сотовъ, и кто при видѣ икъ не удивляется той геометрической правильности и вѣрности, съ какою эти чудныя насѣкомыя устраиваютъ свои ячейки, и у кого при этомъ не раждается желаніе имѣть хотя какое—либо понятіе о естествѣ и свойствахъ этого непостижимаго животнаго?

Рождение пчелъ.

Не смотря на всю таинственность пчелинаго семейства, не смотря на многочисленность его ядовитыхъ жалъ, всегда устремленныхъ противъ любопытнаго, наблюдательные пчеловоды успъли проникнуть въ самыя сокровенныя ихъ убъжища, высмотръть все, что только можно видъть невооруженнымъ глазомъ, и, послъ разныхъ недоразумъній и омибокъ, исправляя одинъ другаго, достигли наконецъ до самаго точнаго понятія о многихъ занятіяхъ пчелинаго семейства. Послъ дъланія воска, самос любопытнъйшее и необходимъйшее для знанія дъйствіе составляетъ рожденіе пчель и другихъ существъ этого семейства.

Ичела, подобио прочимъ насъкомымъ, до полнаго своего развитія имътеть два превращенія, что называется двумя періодами ея образованія: въ первый періодъ она находится въ состояніп зародыша или янчка и,, потомъ червяка или личинки, а во второй—въ состояніи куколки.

Матка, которая одна только несетъ янчка, передъ стмененіемъ. аблается очень полною, до-того, что ежели чуть-чуть пожать ее пальпами, то она испускаетъ изъ конечной части своего брюшка свътлую, желтоватую жидкость. Когда пчелы очистять отъ сора ячейки, тогда матка, въ сопровождении ихъ, отправляется класть въ нихъ яички. Вложивши въ ячейку брюшко, она опускаетъ туда одно маленькое, продолговатое, бъленькое янчко, которое прикленвается въ ней посрелинъ и первоначально стоитъ въ ячейкъ, не прислоняясь къ стънкамъ, вертикально къ отверстію; положивши въ ячейку одно янчко, матка кладеть въ смежную ячейку другое, и такъ далъе, пока не истощится. Добрая матка кладетъ всегда по одному янчку въ ячейку и притомъ пчелиные янчки-въ пчелицыя, а трутневыя-въ трутневыя ячейки, которыя, какъ я сказалъ, нъсколько болъе ичелиныхъ; дурная же матка кладетъ ихъ по два и по три вмъстъ и въ какія ни попало ячейки, и преимущественно кладетъ яички трутневыя. Неизвъстно только, можетъ ли добрая матка, положивши сначала пчелиныя янчки въ пчелиныя ячейки или, какъ говорится, засъменивши ичелиный пластъ вощины, застменить потомъ безъ остановки трутневой пластъ, и обратно; или она, для каждаго такого съмененія, употребляеть особое время, и следовательно не разомъ имееть въ себе запасъ тъхъ и другихъ янчекъ. По мивнію Криста, матка до тъхъ поръ кладетъ одного рода яшчки, пока истощатся у нея всъ бывшія въ готовности для того дня. Мивніе Зибольта противоположно мивнію Криста. Такое несеніе маткою янчекъ начинается съ самой выставки пчелъ и продолжается до положенія ихъ въ омшаникъ (даже и въ омшаникъ она кладетъ ихъ, но только въ самомъ маломъ числъ) и количество ихъ всегда сообразно бываетъ теплотъ времени, а еще болъе обилію или скудости взятка. Иногда она кладетъ ихъ очень много, такъ что засъменяетъ вдругъ почти всю порожнюю вощину; но ичелы высиживають ихъ столько, сколько въ холодное время могутъ закрыть собою ячеекъ, а въ теплое, сколько успъютъ ихъ запечатать, то есть вскормить и снабдить необходимымъ продовольствіемъ; прочія же янчки остаются въ ячейкахъ, гдъ опъ, въ хорошее время, могуть сохраняться довольно долго, или же събдаются ичелами.

Надъ опредъленными для высиживанія яичками пчелы сидять постоянно, поддерживая тъмъ необходимую теплоту. Три дня янчко наход ится въ одинаковомъ положеніи, не претерпівая никакого видимаго изытиенія; наконець, на четвертый, изъ него раждается червячокъ бълый и безногій, состоящій изъ нъсколькихъ колецъ. Червячокъ атотъ, или личинка, растетъ до-тъхъ-поръ, пока одинъ его конецъ сойдется съ другимъ и своею величиною займетъ все основание ячейки, — что продолжается для пчель — четыре, а для трутней — шесть дней. Впродолжение этого времени, пчелы неупустительно заботятся о питанім и согръваніи дътки. Пищу составляють для нея изъ меду и перги, только-что принесенной съ поля или же имъющейся въ запасъи вотъ единственное назначение этой перги, носимой ичелами на своихъ ножкахъ, а вовсе не для дъланія воска, какъ нъкоторые объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пища эта съ возрастомъ червячка дълается разнообразною во вкуст и цвтт и, следовательно, въ составныхъ своихъ частяхъ.

Когда червячку будеть отъ семи до восьми дней отъ положенія янчка, смотря по погодъ, и когда онъ приблизится къ превращенію, тогда онъ переходить ко второму періоду своей жизни: онъ перемѣняетъ свое положеніе, перевертывается со всею силою и оборачивается однимъ концомъ ко входу ячейки, тъмъ именно, изъ котораго должна образоваться голова пчелы. Въ это время, пчелы, наполнивъ ячейку инщею, дълаютъ надъ нею плотный сводъ изъ воску, или, какъ говорится, печатаютъ дътку; послъ того прекращаютъ уже питаніе и только неотступно сидятъ на дъткъ, усиливая тъмъ надъ нею теплоту. Вскоръ по заключеніи своемъ, червячокъ, въ продолженіи трехъ дней, завертывается въ куколку, состоящую изъ самой итжной, бълой плевочки, которую онъ образуетъ, выпуская изо рта своего тончайшую липкую нить и обвивая ее вокругъ своего тъла. Это явленіе, впрочемъ, только предположительное, котораго никто, по невозможности наблюденія, подсмотръть не можетъ.

Послѣ этого начинается второй періодъ образованія пчелы, въ продолженіи котораго, въ одинадцать или тринадцать дисй отъ запечатанія ячен, смотря по погодѣ, куколка, паходясь въ состояніи сна, живетъ только внуреннею жизнью, и въ это время постепенно образуются въ ней разныя части тѣла будущей пчелы. По достиженіи полнаго развитія, продолжающагося отъ положенія яичка въ ячейку не менѣе 20-ти дней, пчелка сама, или съ помощью старыхъ пчелъ, разгрызываетъ сводъ своей ячейки и вылазитъ изъ нея, оставляя въ ней свою плеву или коконъ, который плотно пристаетъ къ стънкамъ ячейки, отчего она послъ нъсколькихъ выходовъ пчелъ, значительуменьшается и чернъетъ. Еще день или два, смотря но погодъ, молодая пчелка остается въ ульъ, гдъ ее очищаютъ старыя пчелы, а потомъ она вылетаетъ, сначала на такъ-называемую проигру около улья, а потомъ и въ поле, за добычей. Пчелы любятъ только совершенныхъ во всемъ молодыхъ пчелъ, калъкъ же умерщвляютъ, или живыми выносятъ вонъ изъ улья и бросаютъ. Это жестокосердіе очень не нравится тъмъ пчеловодамъ-писателямъ, которые изъ этого насъкомаго сдълали самое радушнъйшее и нравственнъйшее существо, и ставятъ его въ примъръ не только человъку, но даже государствамъ.

Такъ образуются и растутъ рабочія пчелы и трутни; матки же, хотя зараждаются изъ такого же янчка, какъ и рабочія пчелы, но получаютъ совершенно другое воспитапіе и, вслъдствіе этого, выходятъ совершенно иными существами. Ячен для матокъ дълаются гораздо болье пчелиныхъ, круглыя, на подобіе жолудя или наперстка, и висящія на ребрахъ сотовъ. Едва янчко обратиться въ червяка, какъ для него приготовляется самая обильная, а, можетъ-быть, и особая пища, такъ что червячекъ въ ней плаваетъ совершенно незамътнымъ, и когда этою пищею наполнится ячейка (или маточникъ), тогда се печатаютъ. Матка подвергается такимъ же періодамъ превращенія какъ и пчела, по они бываютъ короче, и матка выростаетъ въ двънадцать или тринадцать дней отъ положенія въ маточникъ яичка.

Гипотезы о половомъ отношении существъ пчелинаго семейства.

Составъ пчелинаго семейства изъ трехъ видовъ, представляюбольшую ръдкость въ природъ, весьма рано началъ обращать на
себя вниманіе и пчеловодовъ, и натурали стовъ, которые, весьма
правильно, подозрѣвали въ немъ загадку все го непонятнаго въ
жизни пчелы; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что они ограничились только гипотезами по этому предмету, и, сочтя ихъ достаточно правдоподобными, перестали имъ болѣе заниматься. По
моему же миѣнію, всѣ, до-сихъ-поръ, составленныягипотезы о половомъ отношеній существъ пчелинаго семейства еще далеки отъ истины,
и натуралистамъ еще предстоитъ большое поприще для изслѣдованій.
Здѣсь я постараюсь изложить важиѣйшія объясненія этихъ отношеній,
какъ прежнія, такъ и теперешнія, также и мои объ этомъ предположенія.

Матка, или царица, почитается встин единственною настоящею самкою, которая одна несеть янчки всёхъ видовъ, производящія какъ матку, такъ и прочія виды существъ пчелинаго семейства. Сначала лунали, что натка несетъ янчки въ одномъ мѣстѣ, которыя потомъ рабочія пчелы разносять по ячейкамь; но это мнініе, при первомь же. болъе виниательномъ, наблюденіи было опровергнуто, ибо въ каждомъ ульт можно видъть, какъ сама матка кладетъ янчки въ каждую ачейку. Также думаль, что матка раждается только изъ янчка, положеннаго маткой въ особо для того назначенную ячейку-маточникъ: но Ширахъ, итмецкій пчеловодъ, первый (въ 1761 г.) доказалъ, что матка можетъ быть выведена ичелами и изъ янчка, положеннаго въ пчелную ячейку и даже изъ червячка рабочей пчелы, когда онъ не старъе трехдневнаго возраста, какое открытие и послужило основаніемъ къ дъланію отводковъ или искуственныхъ роевъ. Открытіе Швраха, показавшееся сначала нельпостью, возбудило впослыдстви много къ нему неудовольствін, и желаніе унизить такое открытіе заставило многих обнаружить, что искуственное выплаживание матки давно уже было извъстно многимъ простымъ германскимъ, и въ особенности, польскимъ пчеловодамъ. Но если это и дъйствительно такъ, то все-таки Шираху принадлежить честь что это открытие сдълалось достояніемъ науки. Знаменитый нёмецкій пчеловодъ, Дзирзонъ, утверждаетъ, что онъ дозналъ многолътними наблюденіями, что время годности личинокъ для вывода изъ нихъ матокъ простирается съ 8-ми дней почти до времени запечатанія яческъ и превращенія червячка въ куколку. Изъ этого обстоятельства Кристъ выводитъ следующія заключенія: 1) что вижшнія обстоятельства, какъ-то: обильный кормъ большая ячейка, въ которой зародышъ имъетъ болъе свободы развиться, производять, что изъ всякаго пчелинаго янчка или червачка, изъ котораго вышла бы обыкновенная ичела, можеть произойти и матка. и 2) что всв рабочія пчелы первоначально суть несовершенныя самки, изъ которыхъ каждой сатдовало бы быть одной только степенью болье образованной для того, чтобъ сдылаться совершенною самкою и матерью другихъ пчелъ. Впрочемъ, говоритъ Кристъ, въотно, что дътородные члены пчелъ дожны отнь или очень малы, либо и совершенно изглажены, ибо, какъ не могъ бы примътить янчниковъ у пчелъ знаменитый голландскій натуралисть и анатомикъ Сваммердамь, столь превосходно описавшій и изобразившій маточные янчники? Какъ не моган примътить ихъ великіе натуралисты Миральди и Реомюръ? Между тънъ, въ примъчаніи, Кристъ присовокущляетъ,

Digitized by Google

что Реймъ, въ опытахъ своихъ въ 1776 году, утверждаетъ, что у него и рабочія ичелы произвели до ста янцъ, изъ которыхъ выходять только трутии, но что ни онъ (Кристъ), ни Бонне никогда не замътили, чтобы ичелы несли явчка. Заключенія Криста очень логическія и поэтому справедливы; но онъ несправедливо допускаетъ совершенное уничтожение въ пчелахъ дътородныхъ частей, и наблюдение Рейма въ этомъ случат совершенно втрно. Нашимъ пчеловодамъ давно извъстно, что рабочія ичелы имъютъ способность песть янчки, изъ которыхъ раждаются только трутни, и такихъ пчелъ называютъ выродками. Когда пчелиное семейство лишится матки и изтъ въ немъ ни яичка, ин червячка, изъ котораго можно бы вывести матку, тогда некоторыя изъ рабочихъ ичелъ кладутъ трутневыя янчки, только въ небольшомъ количествъ и безъ должнаго порядка, по два и по тря въ одну ячейку. Этихъ пчелъ-матокъ нельзя отличить отъ другихъ пчелъ, и сколько ихъ бываетъ въ семействъ-неизвъстно, хотя Пономаревъ и утверждаетъ что не болъе пяти. Такія пчелы-выродки тъмъ бывають вредны, что ихъ прочія ичелы любять какъ матокъ, и поэтому не принимаютъ уже настоящихъ матокъ. Любопытно мывніе Прокоповича объ этомъ явленін, изложенное въ сочиненін послідователя его, Пономарева. Онъ полагаетъ, что каждая пчела, еще въ состоянін червя, избевнушивается, или кастратится другими пчелами, то-есть, лишается своихъ половыхъ органовъ; но когда пчелы потеряють свою матку, то, въ безпокойствъ, забывають поскопить иъкоторыхъ пчелъ, которыя поэтому и не лишаются способности быть матками, хотя и несовершенными. — Гипотеза, вызванная только необходимостію чемь-либо объяснить это непонятное явленіе.

Принимая матку за единственную совершенную самку, вст вообще пчеловоды и натуралисты, начиная съ Сваммердама, считаютъ самщами трутней. Реомюръ, составившій превосходные анатомическіе рисунки половыхъ органовъ трутня, и Реймъ, говорятъ, что они были сами очевидцами совокупленія трутней съ матками, какъ внутри, такъ и вит улья, хотя послітднее, по словамъ ихъ, и рідко случается. Матка, по свидітельству Реомюра, вскакиваетъ на трутия, ибо мужескій членъ его выходитъ вверхъ, на подобіе дуги, что можно видіть и въ такомъ случать, если трутня прижать по срединъ. По членъ этотъ не можетъ уже обратно войти въ тіло, имітя неровности, препятствующія втащить его, а потому самецъ посліт совокупленія всегда умираетъ. Губеръ утверждаетъ, что онъ ділалъ наблюденія надъ маткою, только—что совокупившеюся будто бы съ трутнемъ, и въ маточ-

никъ ея ясно видълъ бъловатую съмянную жидкость и остатки дътородныхъ частей трутня, которыя матка сама изъ себя старалась извлечь; послъ чего, говорить Губеръ, иттъ мъста сомивнію копуляцім матки съ тругнемъ. Такъ думаетъ и Кристъ, присовокущия, что природа для того и обезпечила матку большимъ количествомъ трутней, простирающимся въ ульт отъ 300 до 1000. Какъ бы ни было редко это явленіе совокупленія трутня съ маткой, но безъ сомньнія могли бы когда-нибудь зам'тить его и многіе другіе пчеловоды, всегда съ особеннымъ стараніемъ употреблявшіе къ тому всъ средства, между-тымъ это никому неудалось; а потому увъренія Реомюра и Рейма безъ-сомитнія ошибочны, а митніе Губера, какъ сліпца, видъвшаго не своими глазами, а глазами своего слуги, еще менъе достовърно (1). Митніе Реомюра, Рейма и Губера о копуляціи матокъ оспаривали многіе — между прочимъ Ширахъ, который утверждалъ, что его молодыя матки, выпложенныя пчелами, въ особыхъ ящикахъ, изъ червы, куда онъ не впускаль ни одного трутня, наносили потомъ значительное число оплодотворенныхъ яичекъ. Это бываетъ и ежегодно съ матками, которыя весною, почти до половины мая мъсяца, когда еще во всей пасикъ нътъ ни одного трутня, кладутъ пчелиныя и трутневыя янчки безъ всякаго, разумъется, сообщенія съ трутнями. Сваммердамъ, предполагая, что мужескій членъ трутня слишкомъ великъ противъ женскаго матки, думаетъ, что матка оплодотворяется душистыми частицами, исходящими изъ тъла самцевъ; это нредположеніе, быть-можеть, и не такъ странно, какъ его обыкновенно считають. При разговорь моемь объ этомъ предметь съ Пономаревымъ, прежде нежели я высказалъ ему мое предположение, онъ сталъ инъ доказывать, что матка кладетъ пчелиныя яйца безъ совокупленія съ трутнемъ. «Въ этомъ,» говоритъ, «я убъдился неоднократными опытами: часто я, набравши въ маленькій улей немного мухи, и впустивши туда только что выплодившуюся матку, отвозилъ его верстъ за восемь отъ всякой насъки, и возвратясь къ нему чрезъ нъкоторое время, находилъ заложенною ичелиную черву; иногда же ставилъ такіе ульи въ омшаникъ — и тамъ тоже находилъ чрезъ нъсколько времени такую же черву. >

Принимая во вниманіе, что матка часто бываетъ плодовита, когда

⁽¹⁾ Копуляція всѣхъ вообще перепончато-крылыхъ насѣкомыхъ, къ какимъ принадлежатъ и пчелы, продолжается долгое время и потому видима нами; отчего же мы не видимъ копуляціи пчелъ?

еще нътъ трутней, Кристъ думаетъ, что матка, оплодотворясь одинъ разъ трутнемъ, не только сама делается плодовитою на несколько лътъ, но передаетъ плодовитость и другимъ, рожденнымъ отъ нея, маткамъ, подобно тому какъ улитки, а въ особенности древесныя вим, которыя, по наблюденіямъ Левенгока, Цестини и Бонне, могуть распложаться безъ совокупленія съ сампами даже до шестаго покольнія. Еще въ 1848 году, не зная этого митнія Криста, я помітстиль, въ «Земледъльческой Газетъ» (стр. 361), статью о самооплодотворения пчеленой матки. гат изложиль, что, основываясь на наблюденіяхь ученыхъ, дълаемыхъ надъ пауками, травяною вошью (aphis) и разными бабочками, которыя плодятся изсколько поколеній безь участія сампа. быть-можеть, можно сделать такое же заключение и о пчелахь. Ученый Караье получиль изъ янцъ бабочки-липарисъ (Liparis dispar) три покольнія, изъ которыхъ предпоследнее произвело только однихъ самцевъ; подобное явление бываетъ постоянно и у цчелъ, нбо когда состаръется матка, то она кладетъ только трутневыя янчки. Еще раэнтельные представляеть примырь самооплодотворенія свищевая матка, которую сами пчелы выплаживають весною и которая потомъ кладетъ янчки, такъ-сказать, отроду не видавъ трутня, потому-что ихъ въ то время еще не бываетъ въ пасикъ. Сюда можно присоединить еще и примъръ осы, очень близко подходящей къ пчелъ. Извъстно, что осы на зиму всь пропадають, а весною являются однъ только ихъ матки, которыя, отыскавъ сделанное прошлымъ летомъ гибадо, кладуть въ ячейки янца и производять молодыхъ осъ, которыя къ зимъ опять погибаютъ. Митніе мое о самооплодотвореніи пчелиной матки, изложенное въ помянутой статьъ, было только npednoложениемь, а не полнымъ убъждениемъ, и написано болъе для того, чтобы вновь возбудить вниманіе натуралистовъ къ этому важному, но оставленному ими, явленію природы. Вст сравненія пчелъ съ другими насъкомыми, какъ бы они ни были къ нимъ подходящи, не могутъ быть вполнъ примънимы. Изъ замъчанія моего о свищевой маткъ можно вывести только одно върное заключение, что всъ вообще матки действительно делаются плодородными безъ участія трутня, но изъ этого еще не следуетъ, чтобы оне получали это свойство, вакъ бы по наслъдству отъ прежде оплодотворенной своей матеи, -даже напротивъ, мит кажется, что обстоятельство это можетъ служить опровержениемъ такого мития. Извъстно, что свищевыя матки выплаживаются пчелами по смерти настоящей матки изъ всякаго пчелинаго янчка или молодаго пчелинаго червя. Эти матки не могли получить отъ прежней матки плодотворной способности болъе нежели получаютъ ихъ всъ пчелы, потому что онъ не могли быть опредълены прежнею маткою къ тому назначеню, которое получили по смерти ихъ.

Нъмецкій пчеловодъ, Лукасъ, признавая неосновательною гипотезу объ оплодотворении матки трутнями, въ сочинении своемъ о пчеловодствъ 1796 года, излагаетъ слъдующее мивніе объ этомъ предметь: почитая матку совершенною самкою, онъ думаеть, что самцевъ должно искать только между рабочими пчелами, изъ которыхъ одна часть бываетъ мужескаго пола, а другая — женскаго. Сін последнія — не совершенныя матки, а выродки; будучи неспособны раждать подобныхъ себъ, они раждають трутней-ублюдковъ, которыхъ какъ строеніе тела, такъ и недостатокъ некоторыхъ органовъ делаетъ какими-то уродами, нисколько неспособными къ совокупленію, но которыхъ назначеніе, впрочемъ, ему неизвъстно. Пчелы женскаго пола или несовер**менныя самки** — трутневыя матки, которыя порождають трутней, по митнію его, суть ті продолговатыя черныя пчелы, которыхъ называють лаколками, которыя весной вьются подобно хищнымъ пчеламъ передъ ульями, хотя онъ вовсе не хищным ичелы. Такъ-какъ въ то время нътъ еще надобности въ самкахъ, то рабочія пчелы мужескаго пола ихъ прогоняють, а потомъ, когда выйдеть молодая мужа, настанетъ изобиліе меду, и родится потребность въ совокупленіи, то ихъ принимаютъ. Это сочетаніе, или совокупленіе, самцевъ съ трутовыми матками совершается чрезъ одно цёлованіе, что можно видёть даже передъ ульями. Совокупленіе настоящей матки съ самдами изъ рабочихъ ичелъ производится также, по мизнію Лукаса, чрезъ соединеніе язычковъ или цълованіе, ибо всегда видъть можно, что матка безпрестанно окружена свитою пчелъ, ласкающихся около нея и пълующихся съ нею, протягивая къ ней язычки свои. Сіи-то пчелы суть совершенные самцы, имбющіе дотородные свои члены напереди, такъ какъ и матка. Что же касается того, что эти члены находятся не назади, какъ у прочихъ животныхъ, а напереди, то этому нечего удивляться, ибо это бываетъ не только у пчелъ, но вообще у всъхъ тъхъ масъкомыхъ, которыя снабжены жаломъ и ядовитымъ пузыркомъ. Въ подтверждение этого последняго обстоятельства, Кристъ присовокупляеть, что пауки, улитки и проч. имъють детородный членъ напереди, улитки — на шет, а пауки — на головт, на подобіе усиковъ. Эта замысловатая гипотеза Лукаса, явившаяся въ то время, когда

еще такъ мало было сдълано наблюденій надъ жизнью пчелъ, могла дъйствительно въ свое время обратить на себя большое вниманіе, но теперь, когда пзвъстно, что одна и таже матка несеть пчелиныя и трутневыя яички, гипотеза эта можеть служить только примъромъ оригинальности взглядовъ. Однако, отвергая миъніе Лукаса о существованіи въ пчелиномъ семействъ особыхъ трутневыхъ матокъ и объ отсутствіи вслкаго назначенія въ существованіи трутней, въ вышевзложенной гипотезъ есть нъчто похожее на истину, о чемъ я скажу ниже.

Въ послъднее время обратила на себя особенное внимание теорія половыхъ отношеній ичель, обнародованная силезскимъ священникомъ, пчеловодомъ Дзирзономъ. Теорія эта имбеть тісную связь съ предшествовавшими гипотезами по этому предмету и полтверждена весьма сильными авторитетами, каковы: баронъ Берлепшъ, повърившій всъ опыты Дзирзона, Зибольтъ и Лейкартъ, доказавшіе микроскопическими изследованіями основательность теоріи Дзирзона. Ученіе Дзирзона состоить въ следующемъ: 1) матка оплодотворяется трутнями и оплодотвореніе ся совершается въ воздухъ, виъ улья. Въ копуляців оплодотворяется не янчникъ, а хранилище съмени-пузырекъ, который у молодыхъ матокъ бываетъ наполненъ водянистою жидкостью, по оплодотворенін же наполняющая его влага имбеть былый цвыть; 2) дыятельность япчинковъ пробуждается копуляцією, но не всегда. Иныя неоплодотворешныя матки вовсе не кладутъ яицъ, другія же кладутъ янца только трутневыя, что иногда случается и съ рабочими ичелами. оплодотвореніе которыхъ Дзирзонъ считаетъ певозможнымъ по недостаточному развитію у шихъ хранилища съмени. Яйцо, изъ котораго должна развиться пчелка или матка, должно придти въ соприкосновеніе съ оплодотворенною влагою, наполняющею храпилище семени, а потому произведение такихъ янцъ возможно только для матки: 3) матка оплодотворяется однажды и получаетъ запасъ плодотворности на два или на четыре года: для этого матка только разъ въ жизни вылетаетъ изъ улья; если же она не вылетитъ, то остается безплодна навсегда, или будетъ плодить однихъ трутней. Для кладки янцъ на трутня нужно не оплодотвореніе, а способность класть янца; на это же бывають способны и матка и ичелы безь участія самцовь. Пзирзона навело на эту мысль наблюдение надъ тремя матками, которыхъ крылья были изкальчены отъ рожденія, и которыя потому не могли вылетъть и оплодотвориться, но, не смотря на то, во всю свою жизнь клали тругневыя яица,

Анатомико-микроскопические опыты Зибольта, относящеся къ этому предмету, повидимому во всемъ согласны съ теоріей Данрзона и тамъ самимъ дають ей особенную вароятность. Зибольть, еще въ 1837 году, открыль присутствіе живчиковь (spermatozoa) въ санкакъ многихъ насъкомыхъ и, въ томъ числъ, въ самкахъ пчелъ, которыхъ онъ долгое время содержалъ отдёльно отъ самповъ, и котовыхъ, следовательно, нельзя нодозревать изловленными после копуляцін. Живчики и самая жидкость, содержащая ихъ, лежать у самки въ особомъ кранилищъ (receptaculum seminis, Sieboldt), отлълениомъ еть айпевода. Этихъ живчиковъ онъ находиль и въ такихъ маткахъ. которыя были плодотворены уже изсколько леть назадь. Лелан мивроекопическія наблюденія надъ саными янчками. Зибольтъ открыль несомитьное присутствіе живчиковь въ пчелиныхъ янчкахъ и отсутствіе ихъ въ трутневыхъ. Баропъ Берлепшъ ділалъ слідующій опыть: нивя въ виду, что живчики должны быть чувствительнее къ холоду. нежели самый организмъ содержащихъ ихъ матокъ, и что следовательно, можно умертвить живчики не умертвивъ матки, т. е. можно отнять у матокъ возможность класть яйца на рабочихъ пчелъ, не отнимая возможности класть яйца на трутней, онъ подвергалъ оплодотворенную матку сильному колоду, положивши се на дегь. Изъ трекъ такихъ матокъ две пропади, а одна остадась живою и клада потомъ во всю свою жизнь янца только на трутней. Наини пчеловоды тоже давно уже замътили, что свищовыя матки, выплаживаемыя весною въ холодную погоду, всегда бывають трутневыя.

Ученіе Дзирзона о половыхъ отношеніяхъ и о зарожденіи пчелъ, нодтвержденное, или лучше сказать, выведенное изъ опытовъ натуралистовъ Лейкарта и Зибольта, Рулье въ сочиненіи своемъ: Три открытіл въ естественной исторіи пчелы, считаетъ совершеннъйшимъ, которымъ будто бы разрёшается окончательно вся таниственность зарожденія пчелы. Но съ этимъ я согласиться не могу.

Во 1-хъ: довъряя вполнъ показаніямъ Лейкарта и Зибольта о присутствін живчиковъ какъ въ хранилищъ стмени у матки, такъ и въ самыхъ яйцахъ пчелиныхъ и объ отсутствін ихъ въ яйцахъ трутневыхъ, я могу изъ этого вывесть только то, что они дъйствительно тамъ бываютъ, но откуда эти живчики берутся?—этотъ вопросъ, по моему житнію, требуетъ еще изслъдованій. Дзирзонъ ръщаєтъ его тъмъ, что матка онледотворяется трутнями и что для этого она должна непремънно, хоть одинъ разъ въ жизни, вылетъть изъ улья. Это

Digitized by **2**00gle

онъ выводитъ изъ наблюденія своего надъ тремя матками, у которыхь онъ подрізаль крылья и которыя, оттого, будучи не въ состоянін вылетіть изъ улья, не могли иміть копуляціи съ трутнями, и ноэтому не могли класть явцъ на рабочихъ пчель, а только на трутней. Но если наблюденіе это и вёрно, то тімъ не меніве оно недостаточно. Дзирзону могли нопасться три матки, отъ природы уже несовершенныя, какихъ въ пчелиномъ семействі множество; иногда изъ десяти вновь-вышедшихъ матокъ едва одна бываетъ доброю, которую пчелы избираютъ для поддержанія ихъ рода, а остальныхъ или умерщевляють, или прогоняютъ. Чтобы совершенно убідиться въ своемъ предположеніи, Дзирзону нужно было сділать опыть не надъ тремя, а по крайней мітрі надъ тридцатью матками и то съ самою точною наблюдательностью и съ соображеніемъ еще многихъ другихъ обстоятельствъ этого явленія.

Во 2-хъ: ежели допустить утверждение Дзирзона, что матка только одинъ разъ во всю свою жизнь оплодотворяется трутнемъ и залогь оплодотворенія сохраняеть на три и четыре года своей жизни, то по закону природы, молодая матка, первое время послъ оплодотворенія, должна бы быть наиболье плодородною, т. е. класть наибольшее количество ичелиныхъ янцъ, а потомъ, постепенно, по мъръ ея старости, класть ихъ менте. Но на дълъ мы видимъ совершенно противное: матка бываетъ вначалъ менъе плодородна, нежели впослъдствін, и даже можно утвердительно сказать, что чёмъ матка старве, тъмъ она плодовитье, кромъ, разумъется, послъдней старости. При этомъ сдълаю очень важное замъчаніе, что большая или меньшая плодовитость матки, кромв ея собственнаго достоинства, зависитъ еще отъ количества пчель въ ульъ: чъмъ пчелиное семейство сильнве, т. е. чемъ больше оно имбеть мухи, темъ и матка его плодовитье, а при маломъ семействъ матка, самая добрая, кладетъ немного янцъ.

Въ 3-хъ: основное положение учения Дзирзона состоитъ въ томъ, что матка, безъ копуляции съ трутнемъ, не можетъ класть янцъ на рабочую пчелу и подобныхъ себъ матокъ. Но я и многие лучние пчеловоды знаемъ положительно изъ опытовъ, что матка кладетъ якща и на рабочую пчелу безъ участия трутия, что, какъ я упомянулъ выше, было первоначально и давно уже замъчено Ширахомъ, а этотъ фактъ — кладка пчелиною маткой янцъ на рабочую вчелу безъ копуляции съ трутнемъ, въ дъйствительности которого я но

сомнъваюсь, и который каждый ичеловодъ легко можетъ повърить, въ особенности надъ свищевыми матками, — разбиваетъ совершенно все учение Дзирзона о зарождении ичелъ.

Кромъ всего этого, миъ приходять на мысль еще следующия соображенія. 1-е: Одна матка, по ув'тренію Прокоповича и многихъ другихъ пчеловодовъ, кладетъ въ годъ до сорока пысячъ янчекъ, а по наблюденіямъ Понамарева даже до ста тысячъ; въ одинъ день она кладетъ иногда до трехъ тысячъ янцъ. Какъ эти янчки ни малы, но если взять ихъ вст три тысячи витстт, то они объемомъ своимъ далеко превзойдуть брюшко матки, слёдовательно они не могли образоваться въ ней разомъ заблаговременно. Но неужели же такъ сильна въ маткъ образовательная способность и такъ много у нея образовательнаго матеріала, что она въ одинъ день можетъ порождать сама собою такое огромное количество янчекъ?—2-е. При извъстной надобности, для того, чтобы матка не закладывала червы, ичеловоды запирають ее въ клеточку, где, какъ бы долго она ни находилась, (иногда недъли три) но будучи удалена отъ сообщения съ пчелами и отъ ячеекъ, она дъйствительно не несетъ яичекъ, ни весною, когда еще нътъ трутней, ни лътомъ въ самое сильное время закладыванія червы; но коль скоро выпустять ее изъ клаточки къ пчеламъ, опа на другой или третій день начинаеть уже нести япчки въ большомъ количествъ. Какъ же это объяснить? Если бы матка имъла сама въ себъ полную образовательную способность, то она, будучи заперта въ кавточку, до-того бы наполнилась плодотворной матеріей, что или невольно несла бы янчки и клала ихъ, если не въ ячейки, то въ клъточку, или же умерла бы; но этого съ ней не бываеть: находясь въ клъточкъ очень долгое время, она даже особенно не поливетъ и имъетъ обыкновенное брюшко.

После всехъ изложенныхъ мною замечаній и фактовъ, я прихожу къ следующимъ соображеніямъ: Рабочія пчелы, по устройству своего организма, и по способности, въ известныхъ случаяхъ, класть янчки, весьма близко подходятъ къ маткамъ; если же оне самки, т. е. способны несть какія бы то ни было янчки, то нужно, чтобы оне, или были оплодотворяемы самцами, пли же получали эту способность еще въ зародышахъ отъ своей матки, по примеру травяной вши или бабочки-липариса. Если допустить это последнее предположеніе, то въ такомъ случать матка, передавъ, какъ будущей другой маткъ, такъ в всёмъ пчеламъ, плодотворное начало, не имёла бы уже надобности

порождать самцевъ—трутней, до тёхъ поръ пока бы не истощилось ея оплодотворяющее начало, какъ это бываеть, по наблюденіямъ Карлье, съ бабочкою-липарисъ. Но мы видимъ, что самцы или трутии нараждаются въ пчелиномъ семействъ ежегодно и въ значительномъ количествъ: по изсчисленію нъкоторыхъ пчеловодовъ, на двадцать рабочихъ пчелъ приходится по трутию.

У матки нѣтъ физической возможности производить собственными силами организма то огромное количество янцъ, которое она въ одинъ день кладетъ лѣтомъ, и такъ-какъ она, будучи удалена отъ ячеекъ и заперта въ клѣточку, не мечетъ ихъ совершенно, и не обнаружи—ваетъ особенныхъ страданій отъ избытка въ ней образовательной матеріи, то нѣтъ возможности не усомниться въ основательности ученій (о зарожденіи пчелъ и ихъ половыхъ отношеніяхъ) всѣхъ тѣхъ натуралистовъ и пчеловодовъ, которые признаютъ матку единственною виновницей поддержанія пчелинаго семейства.

Вст эти противортнія и неполнота теорій могуть, какъ мит кажется, быть обойдены предположениемъ, что въ распространения пчелинаго семейства, т. е. въ произведении новаго поколения пчелъ, участвуютъ не только одив матки и ничтожная, по мивнію Дзирзона, Губера и другихъ, часть трутней, но всъ вообще существа составляющія пчелиное семейство. Наблюдательные пчеловоды весьма хорошо знають следующее явление въ жизни ичелъ: во время кладки янцъ маткою ее окружають рабочія пчелы. Послі кладки каждыхь 7-10 янць. матка отдыхаетъ, и въ это время, окружающія ее рабочія пчелы, кормять ее и ухаживають возль нея съ особенною заботливостію. Почему не допустить, что кормъ, который въ это время рабочія пчелы передають посредствомь своихь язычковь, маткъ, есть не простой медъ, но та образовательная матерія, тотъ высшій продукть организма пчель, изъ котораго производятся яйца? Допустивъ это предположение, мић кажется, имъ будутъ объяснены многіе факты, бывшіе въ наукъ пчеловодства до сего времени загадками, и, сверхъ-того, получатъ болъе правдоподобное объясненіе тъ факты, которые имъли уже нъкоторыя толкованія. При такомъ предположеніи, надобно будеть допустить, что всв рабочія пчелы должны быть оплодотворяемы трутнями, и въ такомъ случат трутни получаютъ законное мъсто въ порядкъ природы, тогда какъ до-сихъ-поръ ихъ считаютъ какищи-то уродами или ублюдками, вовсе ни къ чему негодными и какъ-бы лишними, каковыя предположенія совершенно противны природів, которая ни-

чего не создаеть безполезнаго или ненужнаго. При господствъ убъжденія, что трутни им'єють совокупленіе только съ маткой, всѣ старались подсмотреть исключительно это явленіе, и пекоторые, какъ-то Реомюръ и Губеръ, утверждали даже, будтобы видъли это совокупленіе; но никто до сихъ поръ не обратилъ никакого вниманія на совокупленіе трутней съ пчелами, а потому никто его и не замізчаль. между-темъ, есть одно явление въ ичелиномъ семействъ. очень нохоже на такое дъйствіе. Когда выходить изъ улья рой и носится еще въ пасикъ, то пчелы, сильно и радостно кружась въ воздухъ, играють съ трутнями, гоняются за ними, ловять ихъ, спъпляются съ ними и отбивають ихъ одна отъ другой. Этого явленія никакъ нельзя назвать дракой: трутни видимо выражаютъ восторгъ свой; они весело снують по всему рою и трубять самымъ сильнымъ и энергическимъ голосомъ. Такое эрълище каждый пчеловодъ видитъ ежегодно, а во время роенія и ежедневно, но, по предуб'єжденію, никому не приходить въ голову вывести изъ него сказанное мною заключеніе, и каждый относигь его къ игръ или шалости этихъ насъкомыхъ. Это предположение объясняетъ причину, почему матка, закладывая ичелиную дътку, закладываетъ вмъсть съ тъмъ и трутневую, а особливо передъ роеніемъ. Производя на свътъ пчелъ-самокъ, она производить для нихъ и соразмърное количество самцевъ-трутней. Быть можетъ, даже очень въроятно, что ичела, одинъ разъ совокупившись съ трутнемъ, сохраняетъ надолго способность плодотворенія, подобно многимъ яйценоснымъ животнымъ, вследствіе чего, старая пчела, въ прошедшемъ году совокупившаяся съ трутнемъ, не имъетъ болъе къ тому побужденія, трутни же необходимы только для молодой ичелы. Этому можеть быть подтверждениемъ то обстоятельство, что, когда выходить первый рой, большею частію съ старою маткой и быть можетъ со старою пчелою, то его сопровождаетъ немного трутией; вторые рои, выходящіе съ молодою маткой и съ большимъ количествомъ молодой мухи, имъютъ болье трутней; третіе же или четвертые рои, состоящіе почти исключительно изъ одной молодой мухи, имъютъ на половину трутней, и столькоже ихъ остается и въ старомъ ульъ, гдъ тоже остается одна молодая ичела. Это очень сообразно съ потребностію пчеды, хотя одинъ разъ въ жизни, совокупиться съ самцомъ.

Безъ помощи матки, пчелы не могутъ производить подобныхъ себъ совершенныхъ существъ; матка же, принимая отъ пчелъ плодо-

творную матерію и присоединяя къ ней свою, образуетъ настоящія янчки, изъ которыхъ рождаются совершенными всѣ виды существъ пчелинаго семейства. Еслибы не было такого отношенія между пчелами и маткой, всятдствие котораго она становится для нихъ единственнымъ существомъ, могущимъ дать полиую жизнь ихъ зародышамъ, то, во-первыхъ, пчелы жили бы отдёльно одна отъ другой, какъ мухи, а во-вторыхъ, между ними не было бы такой сильной любви и взаимности, которая, какъ извъстно, въ царствъ животномъ, бываетъ только вслъдствіе половыхъ отношеній существъ между собою. Какъ пчелы любятъ свою матку, во всемъ сй повинуются, вездъ за нею слъдуютъ, кормятъ и берегутъ ее, такъ и матка любитъ своихъ пчелъ, любитъ быть только единственною между ними и потому уничтожаетъ всякую другую матку, а предвидя, съ увеличеніемъ семейства, необходимость для молодыхъ существъ другой матки, уходить съ приверженными пчелами изъ стараго жилища и нщетъ себъ новаго. По такому моему предположенію, рабочая пчела, будучи въ отношени къ трутию самкой, становится въ отношени къ своей маткъ самцомъ — какъ бы двуполымъ существомъ, гермафродитомъ.

Вотъ моя гипотеза о половыхъ отношенияхъ существъ пчелинаго семейства. Быть-можетъ, она и невърна, но ею, какъ миъ кажется, можно объяснить вст явленія, какія до-сихъ-поръ замтчены въ этомъ насъкомомъ. Этой гипотезой объясняется и назначение трутней, и способность рабочихъ пчелъ класть яйца, и приверженность ихъ къ маткъ, и необыкновенная илодовитость сей послъдней, и, накоцецъ, росніе пчелъ. Матка сначала закладываетъ пчелиную черву, потомъ соотвътственное ей количество трутневой; когда же семейство ея значительно увеличится, и еще будеть много червы, отъ которой оно еще болъе можетъ умножиться, тогда она закладываетъ матокъ, и дождавшись удобнаго времени, сама, съ приверженными къ ней пчелами, оставляеть улей. Еслибы она захотъла остаться въ томъ же семействъ, то она, быть можетъ, не имъла бы возможности удовлетворить желаніямъ народившагося новаго покольнія, которое, оплодотворившись съ трутнями, чувствовало бы необходимость совокупиться съ нею или передать ей свою плодотворную влагу. А потому, она выдетаетъ навсегда изъ улья, въроятно виъстъ со старыми пчелами, т. е. уже совокупившимися съ трутнями, и оставляеть въ немъ новое покольніе съ новыми зародышами плель, трутней и матокъ. Когда народится новая муха и вылупится и сколько натокъ, тогда опять новая пчела съ трутнями, видя, что въ ульт должно еще народиться много новыхъ пчелъ и матокъ, избравъ себт новую матку, ищетъ новаго мъста для своего поселенія.

Эти предположенія были составлены мною еще до 1857 года, до выхода въ свёть сочиненія К. Ф. Рулье: три открытіл въ естественной исторіи пчелы. По выходе этой брошюры, которую я получиль только въ 1859 году, я думаль найти въ ней окончательное разрёшеніе этой двухвёковой задачи о половых отношеніях пчель, в, въ случай опроверженій монхъ предположеній объ этомъ предметь, бросить ихъ какъ неудачную мою попытку. Но после самаго внимательнаго и безпристрастнаго обсужденія всего изложеннаго въ этой брошюрь, я рёшаюсь сділать извёстными мои предположенія, какъ ни мало не опровергнутыя новёйшими наблюденіями надъ пчелами.

Впрочемъ, моя гипотеза, сколько ни кажется инъ удовлетворительною, но чтобы ей быть вполит доказанною или же совершенно отвергнутою, требуетъ многихъ наблюденій и открытій. Нужно прежде всего сделать множество дзирзоновских опытовъ надъ матками съ подръзанными крыльями; потомъ, сдълать, напримъръ, такой опыть: изъ сильнаго пчелинаго семейства, гдб много пчелиной червы. готовой къ выходу и несколько созревшихъ маточниковъ, выгнать вею муху, выръзать въ гитадъ трутневую черву, закрыть его и продержать несколько дней въ тепломъ месте. Потомъ, когда часть мухи вылушится, раскрыть готовую къ выходу матку и отвезти этогъ удей въ такое мъсто, куда бы ни одна посторонняя пчела не залетала. Чрезъ нъсколько времени въ этомъ ульт вышла бы вся черва, которая, равно какъ и матка, не видъла бы трутней, и слъд. не могла бы имъть съ ними совокупленія. Еслибы тогда матка заложила пчелиную черву въ гитадъ, то этимъ подтвердилась бы гипотеза оплодотворенія матки и ичель еще въ зародышт нув, подобно бабочктьлипарись; но еслибы въ такомъ изолированномъ отъ трутней гитадъ вовсе не обазалось никакихъ янчекъ, то это совершенно подтвердило бы мою гипотезу о двупололомъ устройствъ рабочей пчелы, о совокупленім ся сначала съ трутнемъ, а потомъ — съ маткой. Я пробоваль дъзать такой опыть, но онь мит не удавался по близости состанихъ пасикъ, пчелы которыхъ уничтожали такое гивадо, но, быть-можетъ, кому другому онъ и удастся. Но еслибы, послъ такихъ тщательныхъ и иногочисленныхъ наблюденій, подтвердилось и мое предположеніе о

копуляціи пчель съ трутнями, и ученіе Дзирзона о копуляціи матки съ трутнями, чего бы я даже желаль, тогда бы составилось такое понятіе объ отношеніи существъ пчелинаго семейства: матка и рабочія пчелы суть самки; та и другія совокупляются съ самцами трутнями, и послів такого совокупленія и въ маткахъ и въ пчелахъ образуется матерія, изъ которой хотя и могутъ образоваться существа, по не совершенныя; но когда матка получивъ отъ рабочихъ пчелъ плодотворную влагу, присоединитъ къ ней свою, въ которой, положимъ, есть и живчики, тогда только, изъ положеннаго ею яичка образуется существо уже совершенное. Такое ученіе, которое соединяетъ въ себт вст противоположныя митнія наблюдателей, и объмсинетъ собою не часть, а уже вст извъстныя доселт явленія въ жизни пчелинаго семейства, было бы уже вполить истиннымъ и, слта,, окончательнымъ ртшеніемъ этихъ таинственныхъ отношеній между собою трехъ различныхъ существъ пчелинаго семейства.

Поэтому я хотя питаю особенное довъріе къ составленнымъ мною предположеніямъ, но имъю въ виду также и то, что всъ досель сдъланные опыты и наблюденія еще недостаточны для полнаго убъжденія въ ихъ нстинъ, и если я ръшаюсь теперь сдълать эти предположенія извъстными, то единственно съ тою целію, что, по мненію моему, гипотезы о какомъ бы то ни было явленіи, какъ бы онъ ни были нелыш, бывають часто полезны тымь, что вызывають къ труду новыхъ двятелей, которые проводять новыя иден, и производять новые, бояве удачно поставленные опыты, которые, или подтверждають прежнія предположенія изыскателей, или опровергають ихъ и дають новое направленіе предмету. Я позволяю себъ надъяться, что многіе пчеловоды обратять на мон предположенія свое вниманів, и не только попробують пополнить мон наблюденія производствомъ своихъ опытовъ, о которыхъ я упомянулъ выше, но произведутъ также многіе другіе, которые послужать въ подтверждение или въ опровержение моихъ предположеній. Желательно только чтобы эти опыты, и всъ соображенія пчеловодовъ по этому предмету не оставались безъизвъстными. Если они въ отдъльности будутъ неполны и неръшительны, то, быть можетъ, изъ соображенія ихъ, можно будетъ впоследствін вывести какое-либо положительное заключение. Какъ бы я желалъ, чтобы окончательное ръшеніе этой двухвъковой загадки половыхъ отношеній существъ пчелинаго семейства, надъ которою такъ много трудятся иностранные ичеловоды и натуралисты, достались бы на долю нашимъ пчеловодамъ!..

При всемъ моемъ несогласіи съ митніемъ Рулье о томъ, что ученіе Дзирзона будто бы окончательно уже разрішило эту задачу, я не могу не отдать полной справедливости покойному профессору за сочиненіе его: три открытіл въ естественной исторіи пчелы. Это сочиненіе есть первое, которое объяснило намъ историческое развитіе ученія о зарожденіи пчель и о половыхъ отношеніяхъ существъ пчелинаго семейства, и заявило, что разрішеніемъ вопроса о зарожденіи пчелы занимаются и теперь многіе пчеловоды и натуралисты германскіе. Жаль только, что они оставляють безъ вниманія наши наблюденія и митнія.

Въ сочинения г-на Рулье находится изображение внутренняго устройства брюшка матки, сдъланное еще Сваммердамомъ.

нисьмо уп.

Второй періодъ состоянія пастки: — роеніе пчелъ. Причины роенія. Два рода роенія. Изобратеніе искуственя наго роенія. Двланіе искуственных роевъ. Методы пчеловодства: хозяйственная, промышленная и смашанная. Исправленіе слабыхъ пчелъ роями. Прекращеніе роенія пчелинаго семейства. Занятіе въ пасикъ во время этого періода.

Роеніе ичелъ есть отділеніе части ичелинаго семейства и удалеленіе ея изъ роднаго жилища. Это явленіе принадлежитъ къ числу
необыкновенныхъ въ природъ, по крайней мірт, сколько намъ до-сихъпоръ извістно, оно свойственно однимъ только ичеламъ. Причина
роенія ичелъ, по моей гипотезт о половыхъ отношеніяхъ ихъ между
собою, есть потребность чувства любви, дарованное природою вообще
вствиъ тварямъ, но котораго до сихъ поръ натуралисты не признаютъ
въ ичелахъ. Когда увеличеніе ичелинаго семейства доходитъ до огромнаго количества, простирающагося иногда до сорока и болье тысячъ
ичелъ, изъ которыхъ каждой хочется жить и любить: тогда невозможность одной матки удовлетворить любви встхъ заставляетъ ичелъ
заботиться о выведеніи большаго количества матокъ. Вслідствіе этого,
ичелы ділаютъ маточники, матка кладетъ въ нихъ янчки, которыя

потомъ, пчелы, по своему произволу или по чувству потребности, возращають или уничтожають. Когда выплодятся молодыя матки, тогда старая матка, не желая имъть себъ сопериицы, удаляется изъ улья, а съ нею и приверженныя къ ней, въроятите всего, старыя пчелы. Что улей оставляеть старая матка, а не молодая, это происходить быть можеть еще и оттого, что въ то время пчелы необыкновеню расположены въ любви, вследствие чего слишкомъ изобильно остменяють матку, въ старомъ же ульт, гдт все гитедо занято червою или медомъ, нътъ ячеекъ для положенія янчекъ. Сыскавши новое мъсто, пчелы необыкновенно быстро дълають вощину, и по итръ того какъ она поситваетъ, матка кладетъ въ ячейки стмена. Молодая же матка, которчя остается въ ульт, не вдругъ дълается плодовитою, и самыя пчелы не вдругъ оплодотворяются трутнями, а потому они удобите могутъ ожидать того времени, когда, по выходъ червы, будетъ вновь мъсто и для кладки янчекъ. Эти, по митнію моему, естественныя причины производять росніє пчель, которос, поэтому, можно назвать слідствісмь ихъ любви. Это сильное расположение пчелъ къ любви и, вслъдствие того, сильная плодовитость матки бывають только подъ условіемъ извъстной, довольно высокой, температуры и при изобили хорошаго корма, а потому, когда весна бываетъ теплая и погода постоянная, тогда при хорошомъ кормъ, даже искуственномъ, пчела будетъ хорошо ронться; напротивъ въ холодную, дождливую и непостоянную весну, она итсколько разъ приготовляется къ роенію и потомъ уничтожаеть маточники, такъ-что часто мало, или же и вовсе не роится. Замъчу еще одно важное свойство роевъ по выходъ ихъ изъ роднаго своего улья: гдъ бы вы ихъ ни поставили, они тотчасъ привыкаютъ къ новому своему мъсту и роевая мужа никогда не возвращается къ старому семейству, даже если вы какого роя и не поставите отдъльно и соедините съ другимъ семействомъ, чего, въ другое время, какъ вамъ извъстно, не бываетъ, и пчела перосвая переселения въ другое мъсто, всегда возвращается на старое. Поэтому росвая муха есть самая удобнъйшая для усиленія слабыхъ ичелъ.

Кто занимается пчеловодствомъ, какъ хозяйственною статьею и какъ удовольствіемъ, тому зрълище выхода роя доставляетъ большое наслажденіе. Сначала видънъ необыкновенный и быстрый вылетъ пчелы изъ улья, предъ которымъ она сгущается почти облакомъ; потомъ разнообразный, *круговращательный полетъ по пасикъ, гдъ она видимо наслаждается своею жизнію и—то вертится быстро, то гоняется одна

за другою и сцъпляется съ трутнями: все это сопровождается самымъ радостнымъ жужжаніемъ, которымъ любитель природы всегда будетъ надаться также какъ шумомъ водопада или ревомъ моря. Къ этому величественному зрълищу особенно неравнодушны пчеловоды. Кристъ говоритъ, что любитель природы не промънялъ бы его ни на какое театральное зрълище, а для него этотъ пчелиный концертъ пріятнъе иного музыкальнаго концерта, хотя онъ также любитель и музыки. Любуйтесь этимъ зрълищемъ смъло и не бойтесь пчелинаго жала. Пчела въ это время бываетъ очень кротка, и не укуситъ васъ если вы ее не прижмете или не ударите.

Первонально, въ пчеловодствъ, было одно только естественное или натуральное роеніе и пчеловоды долго имъ довольствовались; но какъ пчела роится не каждый годъ, а безъ роевъ не знали прежде никакого способа получить отъ пасики значительный доходъ, то придумали еще другой, искуственный, способъ роенія. Поэтому, въ настоящее время два рода роенія: естественное, когда пчелиное семейство само собою отпускаетъ роя, и искуственное, когда пчеловодъ отбяраетъ его отъ семейства, и поэтому первые рон называются натмуральными, а вторыя искуственными, или насильными.

Когда ичелиное семейство приготовляется къ естественному роенію, то въ маточникахъ, поставленныхъ на ребрахъ или концахъ вощины, появляются сначала янчки, по одному въ каждомъ, потомъ они наполанются постепенно густою, бълою наподобіе молока жидкостію, въ которой совершенно тонетъ родившійся изъ яйца червячекъ; наконецъ маточники печатаются, и чрезъ двънадцать или четырнадцать лией отъ положенія янчка, выходять изъ нихъ матки, послѣ появлена которыхъ въ ульъ, если только благопріятствуетъ погода, выхоавтъ первый рой, или *первакъ*, съ старою маткою. Сначала рой летаеть по пасикъ, а потомъ гдъ нибудь собирается въ кучку около своей матки, гдъ будетъ сидъть часа два; въ это время его убирають въ улей. Всегда стараются чтобы рой собрался въ поставленную для того нарочно сборню, натертую растъніемъ мелиссой или маточникомъ, куда онъ большею частію и садится. Матка перваго роя, будучи старою и съменистою, отъ слабости или тягости выходитъ изъ улья очень медленно, а иногда возлѣ него падаетъ; поэтому искусный пасичникъ, во время выхода перваго роя, сидитъ всегда возять летика улья и схватываеть матку руками, которую, посадивъ въ клъточку, ставитъ въ сборню, что значительно ускоряетъ поимку

роя. Первые рои, выходящіе изъ ульевъ имъющихъ природную матку, которые собственно и называются перваками, имбють ее всегда одну, и поэтому матку сажають въ улій прямо безъ веякой переборки пчелы. По иногда дають роя и такіе ульи, которые, лишившись природной своей матки, выплодили потомъ у себя нёсколько свищевыхъ матокъ, и какъ въ такихъ рояхъ, хотя и первакахъ, бываетъ по нъскольку матокъ, то, при посадкъ ихъ въ улей, перебираютъ пчелу, излавливають всткъ матокъ и дають рою только одну лучшую; такимъ же образомъ поступають при вторыхъ и третьихъ рояхъ. Пчеловодамъ часто кажется, что первые рои выходять прежде нежели наъ маточниковъ выйдутъ молодыя матки. Это потому, что они въ то время видятъ наружные маточники, бывающіе на концахъ вощины; но пчелы закладываютъ прежде маточники внутри гибзда, которыхъ нельзя видъть, и изъ которыхъ, какъ прежде заложенныхъ, матки выходятъ ранъе. Появление этихъ матокъ можно узнать по ихъ писку или иънію, которое отличается совершенно отъ ичелинаго жужжанія и слышно даже вит улья, особенно вечеромъ. По выходт изъ улья первака. дней чрезъ шесть, а иногда ранбе или позже, выходить другой рой. или другакъ; потомъ чрезъ день послъ сего третій, и такъ далье. Всъ эти рои выходять уже съ молодыми матками, которыхъ имъютъ отъ одной и до десяти, вследствие чего посадка ихъ въ ульи должна производиться съ переборкою пчелы. Вторые и последующие рои бываютъ менъе первыхъ, а потому не всегда сажаются отдъльно, но соединяются по два или по три роя въ одно семейство. Иногда, въ хорошее лъто, первые рои дають сами роевь, которые называются napou.

Вообще при натуральномъ роеніи, слёдуетъ имѣть правиломъ: 1-е, сажать большіе, сильные рои, потому что слабые будутъ худо плодиться, и мало внесутъ меду. Величину ихъ можно соображать съ временемъ. Если ройба началась рано, то вначалѣ можно ставить ром и не такъ сильные съ двумя фунтами мухи, потому что ко времени взятка онѣ успѣютъ еще сами собою усилиться, но съ приближеніемъ взятка необходимо ставить ихъ сильнѣе; рои же, выходящіе въ самое взяточное время, должны быть какъ можно сильнѣе, фунтовъ до шести. 2-е. Не ослаблять старыхъ пчелъ. Поэтому не слѣдуетъ желать, чтобы улей слишкомъ роился; достаточно, если онъ дастъ одного роя и, развѣ очень сильный, двухъ; еслижъ онъ будетъ ройться болѣе, то не допускать его къ тому, извѣстными способами:

иначе онъ до-того нароштся, что нетолько будетъ хуже роевъ своихъ, но можетъ и совершенно погибнуть. 3-е. Не допускать въ одноиъ роъ нъсколькихъ матокъ, отчего пчелы бунтуются и часто оставляютъ улей; но, отобравъ всъхъ матокъ, дать рою одну любимую матку и то, сначала, въ клъточкъ.

Другой высь роевъ составляють искуственные или насильные ров. Самовыплаживаніе пчелами свищевой матки открыль, въ конці прошедшаго стольтія, какъ я уже говориль выше, немецкій пчеловодь и натуралисть Ширакъ, который, заключивъ въ изсколько отдельныхъ ящиковъ по одному соту съ пчелиной дъткой и пчелой, увидъль потомъ, что въ каждомъ изъ нихъ пчелы сами вывели себъ матокъ. Это подало ему мысль къ деланію искуственных роевъ, чемъ онъ доказалъ неслыханную до того новость, что изъ каждаго ичединаго червя, до трехдневнаго его возраста, можетъ выплодиться пчелиная матка, между-тъмъ какъ въ то время думали, что пчелиная матка раждается только изъ особыхъ янчекъ, которыхъ будто бы матка несеть много, но пчелы ихъ прячуть въ особомъ мъстъ и хранять до надобности. Открытіе Шираха развиль въ-особенности французскій пчеловодъ Пальто, а Кристъ изложиль очень много правилъ и пріемовъ дъланія искуственныхъ роевъ. Нашъ Проконовичъ обогатыль это открытіе многими новыми наблюденіями и правилами, и первый сделаль известною у насъ эту методу роенія. Въ настоящее время, ученикъ и последователь его Пономаревъ, въ своемъ сочинененім о пчеловодствъ, объясниль этоть предметь самымъ лучшимъ образомъ.

Искуственный рой отбирается отъ пчелинаго семейства преимущественно въ то время, когда оно уже само приготовляется въ роению и имъетъ уже печатные маточники или только налитые, называемые назолки. Рои съ назолковъ я и буду называть собственно искуственными. Но очень часто они отбираются гораздо ранте появленія зародыша въ маточникахъ, когда въ ульт бываетъ много мухи и много червы. Такіе рои, взятые съ червы, я буду называть, для различія отъ первыхъ, насильными. Пренмущество искуственныхъ роевъ предъ натуральными состоятъ въ томъ, что, 1-е, рои эти можно дтать произвольной величины, тогда-какъ натуральные бываютъ величины случайной; 2-е, при матуральномъ роеніи, когда нтсколько роевъ выслодить витесть, они смещиваются и укичтожаютъ или калтатъ много матовъ; разбирать ихъ потомъ трудно: этого не бываеть при иску-

ственномъ роеніи; 3-е, насильными роями върнъе и значительнъе увеличивается пасика, тогда-какъ неблагопріятная погода можеть очень уменьшить натуральное роеніе или, даже, совершенно не допустить его; когда же пасика не увеличится роями, то, при употребленіи исключительно цільныхъ ульевъ, нельзя получить иного дохода отъ пасики, какъ уничтоженіемъ старыхъ пчелъ и чрезъ то уменьшить ея комплектъ. Невыгода же искуственныхъ роевъ противъ натуральныхъ заключается въ томъ, что они, 1-е, требуютъ вывозки ихъ изъ пасъки; если же оставляются въ ней, то требуютъ много заботъ и предосторожностей; 2-е, ихъ труднъе отбирать нежели натуральные, и 3-е, въ ульяхъ, изъ которыхъ взяты насильные рои съ червы, выводятся не натуральныя матки, а свищевыя, которыя, какъ извъстно, не всегда бываютъ добрыми.

Выгоды и недостатки одного и другаго вида роенія пчелъ породили много мивній и споровъ, которые и теперь еще остаются нервшеными. Одни пчеловоды придерживаются только натуральнаго роенія и свойственной ему методы ичеловодства, доказывая основательность своихъ убъжденій, кромъ трудностей операцій, требуемыхъ искуственнымъ роежемъ, преимущественно тъмъ, что отъ сего последниго роенія заводится въпасикъ много свищевыхъматокъ, которыя, если и бываютъ добрыми, то недолговъчны, а также и тъмъ, что искуственные составляють большой рискъ, и если отъ нихъ, при хорошемъ взяткъ, бываетъ большая выгода, за то не только при худовъ, но даже при посредственномъ взяткъ, погибаютъ какъ самые ром, такъ и старыя семейства, которыя такимъ роеніемъ ослабляются и получають дурныхъ матокъ. Методы натуральнаго роенія придерживаются, большею частію, простолюдины и помъщики, ненивющіе ученыхъ и опытныхъ пасичниковъ; ее пожно назвать патуральною или хозяйстветною методою ичеловодства. Другіе же пчеловоды, напротивъ, не ожидая натуральнаго роенія, которое не всегда бываеть успішно, въ видахъ полученія отъ паснки большей прибыли, берутъ насильные рог изъ каждаго улья, изъ котораго только можно ихъ взять, не спотря на то, приготовляется ли онъ къ роеню или нътъ, и такийъ способомъ быстро увеличивая, даже удвояя, свою пасику, въ хорошее лето получають очень значительный доходь. Эту методу можно назвать промышленною, потому что ее употребляють большею частію пчеловоды-промышленники, думяюще только о наивозможно-большемъ полученін дохода отъ своей насики. Этой методъ следують у насъ

всё птеловоды-старообрядцы, живущіе въ Новозыбковскомъ узаде и служащіе насичинками у многихъ номіщиковъ другихъ узадовъ. При благопріятномъ літте, быстрое увеличеніе пасики и большое количество продаваемаго меда, удивляя и восхищая многихъ, заставляєтъ ихъ слітю слідовать этой промышленной методів. Но какъ нослідствія ей, при неблагопріятномъ літте, бываютъ иногда до-того пагубны, что разомъ уничтомаєтся почти вся пасика, то нельзя сказать, чтобы она была дійствительно лучше хозяйственной методы. — Которой же изъ нихъ слідовать? —По моему мнінію, въ простомъ пчеловодстві, при неопытныхъ пасичникахъ, гораздо лучше придерживаться натуравьнаго роенія; но кто вибеть у себя знающаго писичника, тотъ долженъ въ этомъ случать избрать путь, указанный намъ Прокомовичемъ и объясненный Пономоревымъ, который я постараюсь изложить здісь систематическимъ образомъ.

Начну съ того, что искуственные рон не всегда берутся тольке по произволу ичеловода, но иногда они составляють необходимость; такъ, во 1-хъ, бывають такія пчеленыя семейства, которыя независяме отъ ногоды, то приготовятся къ роенію, то уничтожать назолки, что цовторяя итсколько разъ, потомъ совершенно не роятся. Съ такитъ пчель необходимо взять искуственные рои, иначе вы потеряете новое и хорошее пчелиное семейство. Во 2-хъ, иныя семейства бывають до-того сыльны, что мухи въ нихъ полонъ улей, а между-темъ, хотя уже и роевая пора, но они и не думають роится, и ежели игь такъ оставить, то они вноследствін ослабеють; съ такихь пчель, по тому же расчету, необходино брать насильные рои, хотя бы то и съ червы. Въ 3-хъ, при перевозкъ насъки иныи ичелы до-тего бывають сильны, что едва номъщаются въ ульт; если изъ нихъ не взять насильныхъ росвъ, котя бы они впоследствін и могле дать натуральныхъ, то они могутъ задохнуться или обломать соты. Этихъ трехъ случаевъ достаточно уже, чтобы видеть, какъ иного теряють тв. которые придерживаются одного натуральнаго роснія. Но польва искуственнаго роенія очевидна еще и въ другихъ случаяхъ, а именно: 1-е. Въ больной пасикъ, гдъ въ одинъ день выподить пятьдесять в болье натуральных роевь, они непременно смемаются, оть чего ногибнуть иногія коромія матки, и саный разборь иль будеть труднъе нежели взятие искуственныхъ роевъ; кроив того, изъ интидесыти росвъ натуральных сдва удается пастчикамъ поставить тридщать, тогда кок в взавым эти натьдесять роевь искуственным ь образом в

вы не подвергнете ихъ никажимъ приключеніямъ и всё они будутъ цёлы и хороши; 2-е. Многія сильныя пчелы даютъ очень слабыхъ натуральныхъ роевъ; а искуственнымъ образомъ можно взять у нихъ рои желаемой величины; 3-е. Съ первыми роями, которые всегда бываютъ лучинии, обыкновенно выходятъ старыя матки, которыя, вылетая изъ улья, иногда отъ слабости, и въ самую тихую погоду надаютъ на вемлю и теряются, а потеря такой матки очень значительна; но этого не бываетъ, когда эти рои отбираются искуственнымъ образомъ.

Но эта метода искуственныхъ роевъ, при всъхъ своихъ выгодажъ, будетъ нетолько безполезною, но даже гибельною, если брать насильно ром безъ всякаго соображенія, на-удачу, какъ дълають большею частію ичеловоды - промышленники, а потому въ ней слёдуеть руководствоваться савдующими правилами: 1-е. Брать рои только съ прибора, т. е. изъ техъ пией, въ которыхъ появятся печатные или налитые маточники, назолки, чрезъ-что не только рои будутъ ховоши, но изрошки будуть иметь натуральных матокъ, и следовательно не заведется въ пасикъ множество свищевыхъ матокъ, какъ бываеть при промыниенней методъ. 2-е. На основания этого правила, а также вследствіе того, что рои, выходящіе натурально съ старыми матками, часто ихъ теряють, должно вст первые рои, особливо въ больной цасикъ, отбирать непремънно искуственно. 3-е. Въ трехъ вышеуказанныхъ мною случаяхъ, а именно, когда пчелы, приготовляясь къ роенію, уничтожають потомъ свои назолки, когда онъ, будучи очень сильны, не приготовляются къ роснію въ самос росвос время и, наконоцъ, при поровозкъ пасики изъ ульовъ, полныхъ мухою, неебходимо брать искуственнымъ образомъ рои нетолько съ приборныхъ пчель, но даже съ червы. 4-е. Всъхъ вообще искуственныхъ роевъ, особенно раннихъ, сажать на медки, и поздибимихъ, за неимъниемъ медковъ, на вощанки, и отбирать ихъ не иначе какъ въсомъ; раннів ром могуть быть меньше, а поздніе — больше. Меньшій в'єсь раннихъ росьвъ, сажаемыхъ на медки, можетъ быть два съ половиною фунта; по мъръ приближенія взятка нужно постепенно увеличивать въсъ ихъ до мести фунтовъ, а для сажаемыхъ на вощанки, -- что можно ділать только при началі яриннаго взятка, — меньмій віссь можеть быть пять фунтовъ. 5-е. При отборъ искуственныхъ роевъ, кромъ знанія правнять, должна быть соблюдаема акуратность, большая осторожность и необходимое проворство, ---чего довкій пастчинкъ при

частыхъ опытать ножеть легио достигнуть. Легче отбирать искуственные рон изъ тъхъ ульевъ, у которыхъ снимается дно и пчела гонится чрезъ голову улья. Въ линеечныхъ ульяхъ ловкимъ пасичникомъ отбирается рой въ иять и не болбе десяти минутъ. 6-е. Въ-особенности надобно стараться, чтобы рои эти по посадкъ въ улья не слетали на старые ульи: въ такомъ случав они ослабъють и пропадутъ, и вы только напрасно разстроите старое семейство. Для этого, лучше всего вывозить ихъ изъ пасики въ другое мъсто, не ближе четырехверстваго разстоянія: поэтому, выгодите всего стоярать иль при перевозкъ пасики. Но можно ставить и въ одной насикъ каждый рой возлъ его изройка, по способу ихъ раздвиганія, въ особенности если ульи въ насикъ стоятъ ръдко, не менъе сажени одинъ отъ другаго. Этотъ способъ, однакожъ, требуетъ больнюй випиательности пасичника; при заботливости и знанін, онъ также безонасенъ, какъ и первый. Я всегда употребляю этотъ способъ, и всегда удачно, а перевозной пользуюсь только ири случав. Способъ этотъ объясненъ мною въ письмѣ XI-мъ.

Руководясь этими правилами, при искуствъ и ловкости пасичника, вы всегда будете имъть отъ своей насики болье выгоды, нежели въ томъ случат, еслибы вы придерживались исключительно одного только натуральнаго росия, и будете подвергаться менве риску, нежели при промышленной методъ. Вы будете всегда имъть больше и лучинкъ роевъ, которые, такъ же какъ и ихъ изройки, сдълавшись къ яринному взятку сильными, даже при посредственности его, внесутъ достаточно меду и, следовательно, вы получете большую пользу. Совершенно скудный взятокъ будеть конечно гибеленъ для пасики, но это самое случилось бы и при натуральномъ роснін, ибо, по этой методъ, насильнымъ роснісмъ вы берете почти техъ же натуральныхъ роевъ только искуственнымъ образомъ. Методу эту, для отличія ея отъ натуральной, премышленной, я назову смишанною, такъ-какъ въ ней приняты все три рода роенія: натуральное, искуственное и насильное. Вст эти три методы, имтющія цтлію главнымъ образомъ увеличение пасики, преднолагають получение отъ нея дохода не иначе, какъ посредствомъ уменьшенія количества пасики увеличившейся роями, чрезъ умерщвленіе части ся пней, — о чемъ я буду говорить впослъяствін.

Для тыхы ичеловодовы, которые держаты ичелы вы цёльныхы ульжхы, всё эти способы роенія не представляюты достаточно надежнаго

способа для полученія хорошаго дохода въ неропстое літо. Не увеличнвая числа семействъ, они должны лишиться почти всякаго дохода отъ пасики; съ другой стороны, не зная, будетъ ли впереди хороный и проложительный взятокъ, они не могуть рашиться брать насельныхъ роевъ съ червы, потому что, въ случат неудачи, оми рискуютъ потерять всю пасику. Поэтому во всякое нероистое лето эти пчеловолы бывають сначала въ большомъ недоумбин, а по истечени его, если они были осторожны, то ночти не получають дохода оть пчель: если же дъйствовали на авось, то торжествують удачи риска или оплакивають потери. Эти обстоятельства бывають причиною всёхъ тъхъ безконечныхъ толковъ о преимуществахъ различныхъ способовъ роенія нчель, которые постоянно ведутся между пасичниками, и частыхъ персичнъ убъжденій пасичниковъ, посль испытанныхъ ими потерь наи удачь. Въ продолжени монкъ заняти пчеловодствомъ, обсуждая и испытывая всв эти методы, я подвергался также частынь колебаніямъ, но наконецъ рінняв мон недоумінія только тімь, что оставиль цельные ульи и ввель составные, и теперь решаюсь скязать, что одно только веденіе пчель въ составныхъ ульяхъ есть едынственное средство, которое можеть избавить ичеловода отъ рисковъ и колебаній, при избраніи системы роснія пчель, и принести сму, во всякомъ случать, обильный доходъ. Въ такой пасикть, еслибы роевъ и вовсе не было, при изобельномъ взяткъ, получется тотъ же самый доходъ безъ уменьшенія пасики, какой бы могь получиться и при росніи, а вногда н большій; въ случать же скуднаго взятка, неть риска лишиться всей пасики. Особенно легко и удобно достигается все это въ линеечных ульяхъ, о чемъ я буду говорить впоследствие. Прежде нежели я достигнуль во своей пасикњ до надлежащаго количества линеечныхъ ульевь, и придумаль еще одну особую методу для полученія и изъ цъльноулейной пасики значительнаго дохода, не уменьмая увеличившагося ромии количества насики и не подвергая ее, въ случат неблагопріятнаго взятка, значительному риску, — о чемъ также скажу въ другомъ mects.

Теперь обратимся къ ванятимъ въ пасикъ въ продолжение неріода роенія. Они бываютъ слъдующія:

1. Отборъ и посадка россъ. Въ это время пасичникъ долженъ неотлучно находиться въ пасикъ, и къ нему, смотря не величинъ ея, нужно еще прибавить рабочихъ людей, проворныхъ п хотя нъсколько пріученныхъ къ обращенію съ ульями. При переспе-

тръ пасика, почти ежедневномъ, небходимо отмъчать приборные удъя установленными для того знаками, изображающими различный возрастъ маточниковъ, и, при натуральномъ роени, слъдить за приборными ульями, не прозъвать выхода роя; при выходъ перваковъ, сидъть у самаго летика и стараться изловить матку, а потомъ, собравши ров. сажать ихъ, со всеми предосторожностями, въ заблаговременно приготовленные, съ медками или вещанками, ульи. По выходъ вторыхъ и последующихъ роевъ, въ которыхъ большею частю бываетъ несколько матокъ, никогда не сажать ихъ въ ульи, не отобравъ всёхъ матокъ, какъ то дълають простолюдины, отъ чего матки дерутся. неогда погибають лучнія нась нехь, и рои бунтують. Наблюдать, чтобы натуральные рои интан достаточно силы, и ежели выходять налые рон, то ых нин соединять по два вивств, нин же усиливать выя олябыхъ перваковъ, или изройковъ. При искуственномъ роскія, изъ отибченных вечеромъ приборных ульевъ, на следующее утро отебрать рои, и стараться кончить это пораньше, до вылета пчелы им взятокъ, если только негода не сдължется холодною. При этомъ надобно стараться какъ можно скорбе изловить матку, ибо чемь она скоръе будеть поймана, тъмъ скоръе сдълается искуственный рей, но надобно быть также очень осторожнымъ, чтобы не задавить ел. Для отбора искуственныхъ роевъ поставить попарно пасичника съ рабочинъ и каждой паръ брать рои особо, что ускоряетъ работу. По отборъ роевъ, непремънно по въсу мухи и по посадив ихъ въ ульи, необходино или вывозить ихъ изъ пасики, или изв ставить возлё ихъ наройковъ, ноступая ири этомъ такъ, какъ будеть сказано въ письмъ XI-иъ. По посадкъ въ ульи какъ искуственныхъ, такъ и натуральныхъ роевъ, необходимо сдълать на нахъ постоянную надпись года и дня посадки роя, а также первый ли или второй рой; на изройкахъ отметить время выхода, или отбора изъ нихъ, роевъ, что необходино какъ для наблюденія надъ ромин, такъ и для другихъ работъ. Изъ ульевъ, у которыхъ взяты первые искуственные рои, вторые выходять большею частію натурально; но если они не выходять, а въ изройкъ сила и черва большая, то можно брать и вторые рои искуственно, но уже такъ, что для роя забрать почти всю муху, а на изройка, въ которомъ останести много червы, накимуть маленькаго натуральнаго ройка.

2. Усиленіе слабыхъ. Когда нёкоторыя пчелиныя семейства отъ намихъ либо обстоятельствъ ослабъя, то въ это время представляется

езмый лучній случай ихъ усилить. Для этого уже не нужно нолбавлять имъ мули изъ другихъ ульевъ, нересаживать, или переставлять ихъ — накъ дълалось до ройбы, а стоитъ только навинуть имъ натуральнаго ройка, такого, котораго особо самать не слъдуетъ; или прибавить имъ сколько нужно роевъ мухи, имъющей свойскво тотчасъ привыкать къ новому своему жилищу и не возвращаться въ старос. Такія усиленныя пчелы, если уже и не будутъ роиться, то, по крайней мъръ во время взятка, внесутъ довольно меду и будутъ хорошими зимосикалии—пчелами, оставляемыми въ зиму. Вообще налобно постоянно поминтъ основное правило, что выгодите имъть менте пчелъ, по сяльныхъ, нежели много слабыхъ, а помому не слъдуетъ стараться каждый небольной роекъ сажать въ отдъльный улей, но лучима умотребить его на усиленое слабаго.

3-в. Недопримение изройновь до ослабления. Иныя ичелы дають двухь и болье роевь, которые, будучи всегда небольшими, не могуть быть самаемы отабльно; изройки же ири этомъ сваьно ослабьвають. Для предупрежденія этого нужно въ старомъ ульт, но выходт нев него перваго или втораго роя, смотря но силь его, посчищать вев маточники; если же и после сего онъ будеть продолжать отпускать роевъ, то нужно выгнать изъ него всю муху и, соединивъ ее съ вынедшикъ роемъ, носядить въ особый улей, т. е. сделать насильнаго втораго роя, а на гителю изройна накинуть маленькаго шатуральнаго ройка. Ко взятку они будуть оба хороши, а безъ этого они будуть оба слабы и, следов., не въ состояни будуть виести себъ достаточно на зиму меду. Вообще на изройновъ надобио обращать больное внимание и не допускать ихъ до слабости: они больнею частію предназначаются для нолученія отъ нихъ меду въ дожодъ, а потому нужно чтобъ было кому работать и наполнять медомъ ихъ дленные заносы. Но многіе пастиники объ этомъ не заботятся в. вакъ остроумно замъчаетъ Пономаревъ, хотя, во время большаго вытода роевь, въ пасикъ у нихъ есть такіе изройки, которые елва существують, но они бъгають, ищуть новой посуды и дорого за нее влатять, не подозревая вовсе того, что у нихъ есть очень достаточно ульевъ — слабыхъ изройковъ, куда они могли бы посадить ром, и не только избавили бы себя отъ клопотъ и убытка, но даже получили бы гораздо больше пользы, нежели сажая каждый малень.мій рой отдъльно.

4-е. Исправление безматковь. Во время роенія, когда такъ

много молодыхъ и хорошихъ матокъ, надобно встиъ темъ семей стванъ, которыя не имъють матокъ или имъють худыхъ, дать новыхъ хоронных матокъ. Въ это время сабдуетъ: 1-е, удостовериться въ качествъ свищевыхъ матокъ, ежели таковыя завелись въ нъкоторыхъ сепействахь, и если онв дурны, то неременить; 2-е, наблюдать, есть ли матки и хороши-ли объ у первыхъ искуственныхъ или натуральныхъ роевъ, — что узнается по червъ и другимъ привнакамъ гибода, и въ случав неблагополучія дать новыхъ натокъ, за которыми опять иметь такое же наблюденіе; 3-е, наблюдать за качествомъ матокъ у тъхъ итрейковъ, которые не предназначаются для подкурки на медъ, а пойдуть въ зиму или на перегоны; у тъхъ же, которые назначаются на медъ, если натки нътъ, особенно если это случится уже во взяточное время, то нътъ надобности давать ее имъ, и даже иногда лучше, если можно линить ихъ матки. Въ такихъ изройкахъ, по выходъ изъ ячеекъ всей червы, прежде нежели свищевая матка будетъ способна класть янчки, пчелы зальють медомъ всю вощину, а отъ этого по окончаніи взятка, у нихъ нетолько будеть болье меду, по медъ, сверхъ того, будетъ совершенио чистый и безъ червы.

5-е. Кормление пчелы. Въ роевое время, если въ природъ нътъ обильнаго взятка, вся пасика требуетъ хорошаго корму отъ хозянна; особливо онъ нуженъ молодымъ роямъ, которые, если не будутъ достаточно кормлены, то, ослабъвъ, или погибнутъ, или же если доживутъ до яриннаго взятка, то не будутъ въ состоянии внести себъ достаточно меду на зиму. Поэтому, въ роевое время нечего жалътъ меду и надобно кормить, какъ вообще всю пасику на корыто, такъ особливо рои, тъмъ-болъе въ ненастную погоду, подставкою меду въ корытцахъ.

6-е. Перевозка пасики. Пасики, расположенныя въ дъсной или луговой мъстности, гдъ бываетъ изобиленъ весений взятокъ, большею частію отроиваются на мъстъ, до яриннаго взятка; но полевыя насики роятся позже, и очень часто роеніе ихъ происходитъ въ то время, когда нужно перевозить пасику къ степному или яровому взятку. Такая необходимость перевозки, кромъ пользы хорошаго взятка, можетъ быть выгодна и для роенія. Если вы вспомните необходимость отвоза насики встъх насильныхъ роевъ, то догадаетесь какъ можно воспользоваться въ этомъ случат перевозкою пасики. Если перевозка пасики случится въ роевое время, то сначала нужно постепенно отвозить въ избранное повое мъсто встъх взятыхъ прежде искуствен-

ныхъ роевъ и усиденныхъ ичелъ, а потомъ, во время самой перевоски, взять насильные рои изъ всёхъ тёхъ ульевъ, которые къ тому назначены вами, и, по отвозё ихъ изройковъ, дня черезъ два, неревезти ихъ въ новую пасику.

Когда будутъ приняты во вниманіе всё изложенныя въ этомъ письмі правила, тогда къ яринному взятку — этому важнійшему періоду пчеловодства, при благопріятной, разумітется, погоді, пасика бущеть нетолько обильна роями, (иногда удвоится), но всё рои, изройки и старыя ичелы или мером будуть обильны мухою — этою рабочею симою, которой чёмъ больше въ ульі, тімъ лучие; и ежели будетъ хорошій взятокъ — медъ польется рікою въ пасику, и каждый улей внесеть его нетолько достаточно для своего, почти годоваго, существованія, но и для дохода хозянна. Въ противнемъ же случай, ири слабости пчелиныхъ семействъ, при недостаткі рабочей мухи, и самый изобильной взятокъ принесеть хозянну мало пользы, а при посредственномъ взяткі всё слабые рои и изройки подкурится сёрой, и удвоенная пасика вдругь уменьшится на—половину своего весемняго количества, не принеся хозянну никакого дохода.

(VIII-е письмо ет слюдующей книжкю.)

KPATKOE

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНІЕ КРАЯ,

населеннаго южнорускимъ (украинскимъ или малороссійскимъ) народомъ.

Страна, населенная Южноруссами (Украинцами, Малороссами), занимаетъ часть Восточной Европы. Протяжение ея съ запада на востокъ занимаетъ собою почти 20 градусовъ долготы, т. е. отъ 38 до 58 градусовъ восточной долготы (считая отъ острова Ферро), что составитъ слишкомъ 1,800 верстъ. Наибольшее протяжение съ съвера на югъ простирается до 900 верстъ, т. е. отъ 44 градусовъ 30 минутъ, до 53 градусовъ 45 минутъ съверной пироты.

Изъ разсиотрънія *границ*ь Южной Руси читатели увидять, что край этоть имъеть весьма разнообразную фигуру и входить въ составъ двухъ государствъ: Россіи и Австріи; меньшая часть (одна четыр надцатая) принадлежить послъдней.

На западъ граница Украины начинается отъ г. Сандеча, въ Галиціи, въ 10-ти миляхъ отъ Кракова, и идетъ на съверо востокъ чрезъ
г. Ярославъ въ Царство Польское до мъстечка Туробина и далъе;
оттуда граница поворачиваетъ на востокъ, пероходитъ Западный Бугъ
и идетъ на Ковель и по южной долинъ р. Припети до ея впаденія
въ р. Диъпръ при м. Старе—място; отсюда граница идетъ на съверъ
по Диъпру до м. Лоева и потомъ на съверо-востокъ до г. Мглина,
самаго съвернаго пункта южнорусскаго населенія. Отъ Мглина Украинское населеніе граничитъ съ великорусскимъ (Орловскою губерніею)
и идетъ на юго-востокъ; далъе, — въ Курской губерніи, съ точностію
гранину эту опредълить нельзя, потому что нъкоторыя селенія Украинскія находятся восточнъе Курска, и нъкоторыя великорусскія села

лежать близь границь Черниговской губернін. Оть г. Богодухова на югъ, жители сплошь Украинцы и граница, направляясь на востокъ, входить итсколько въ Воронежскую губ. и оттуда круго поворачиваеть на югь до верховьевь р. Калміуса. Оть этого м'яста на юг' лежить отдъльная земля Кубанскаго (б. Черноморскаго) Козачьяго Войска, населенная безъ исключенія Украинцами. Между Азовскимъ моремъ и Украинскимъ населеніемъ Екатеринославской и Таврической губерній, поселены Ногайскіе татары и немецкіе колонисты (1). Затемъ, отъ Перекопскаго перешейка до Турецкихъ владъній, берега Чернаго моря заселены Украинцами и составляють южную границу страны. Ръка Дивстръ составляетъ юго-западную границу Украины до м. Ямполя; а отгуда граница идеть на западъ по южному склону Карпатскихъ горъ и дохоанть, на крайнемъ западв, до г. Савдеча. Изв этого обзера границъ видно, что население южно-русскаго народа занимаеть большую часть Австрійской Галиціи, половину Люблинской губернів Царства Польскаго, малую часть Гродненской и Минской губерній, всю Вольнскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской. Екатеринославскую, третью часть Таврической губернии и Землю Кубанскаго (Черноморскаго) войска.

Мы не говоримъ, что на всемъ этомъ пространстав обятаютъ один Украницы; такъ, напримъръ, въ Галиціи и Люблинской губернів выемій классъ и городскіе обыватели большею частію Поляки; въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ почти всѣ помѣщики и нѣкоторые мѣщане также Поляки; въ Херсонской и Таврической живутъ Нѣмцы-колописты, Сербы, Болгары, Греки и проч.; въ Харьковской—много переселенцевъ великорусскихъ; и, во всей западной Украниъ весьма много Евреевъ. Но земледѣльческій классъ почти весь состоитъ изъ населеній, говорящаго Южно-русскихъ или Украннскихъ языкомъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ горахъ Карнатскихъ, Припетскихъ болотъ и земель, лежащихъ на лиманахъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, вся ощисываемая нами страна отличается плодеродіемъ и считается житницею Россіи и даже Европы. Чер-

⁽¹⁾ Отсюда въ съверовостоку, отдъльныя украинскія поселенія разсъяны въ Донской Земль, преимущественно на правой сторонь верхняго и нижняго Дона, частію въ Саратовской, Самарской, Асграханской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ.

ноземъ доставляетъ обильную жатву зерноваго клѣба, а умѣревный климать способствуеть произрастанцю илодовъ.

Пространство земель, населенных Украинами, въ точности опредъявть нелам, но, приблизительно, оно составляеть слишном в 10.870 кв. геогр. миль, изъ конхъ на Австрійскія вледенія въ Галивін, Венгрін и Буковнит приходится около 1.650 миль. На всемъ этомъ пространствъ находится около 14,300,000 жителей, говорящихъ жисрусскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, по пространству, Украина или Малороссія превышаеть Францію на тысячу географическихъ миль, а по абсолютному населенію уступаетъ Испаніп двумя милліонами жителей. По причинъ значителчнаго пространства, занимаемаго страною. мъстность въ ней весьма размообразна; начиная отъ гористаго запада Галиціи, Венгрін и Буковины, до пространныхъ степей Екатеринославской и Херсонской губерній и до болотистой равнины р. Прицетв, можно встрътить мъстоноложение всъхъ родовъ; такъ, Карпатскіл горы, на границь Венгрін и Галицін, достигають до 6,000 футовъ высоты надъ поверхностію моря, Главный хребетъ этихъ горъ тянется отъ запада бъ юго-востоку и имъетъ въ ширину отъ 40 до 70 версть. Покатости его положе къ югу и обрывистве къ свверу. Оть хребта къ югу отдъляется нъсколько замъчательныхъ вътрей. какъ напримъръ, ндущая отъ деревни Полянки до г. Варано между притоками р. Ондавы; вътвь, отдъляющанея отъ хребта при деревив Ростоки и оканчивающаяся двумя отраслями: западною, мазываемою Свинскій камень и восточною, оканчивающеюся при г. Унгваръ. Восточиће, отъ горы Шерейнкъ (Ширинка), идетъ гребень горъ, ноторый кончастся вруго при кр. Мункачь. Отъ горы Попады, тоже отділяется нісколько вітвей на югь, — не длиниму, по весьма суроваго характера. Гора Петро служить узловь, при которомъ Карпатскій хребеть пруто поворачиваеть на югь, распространня отрасли на востокъ по Буковинъ до долины ръки Пруга. На стверъ отъ главнаго хребта, вътвей гораздо менъе, но зато тъ, которыя существують. длинтве, хотя онъ не сохраняють альнійскаго характера юживахъ отраслей. Самая важная начинается отъ горы Ширпики, проходить между источниками ръкъ Сана и Диъстра и таметси сперва на съверъ до Новаго-міста, потомъ на востокъ до Львова (Лемберга), откуда раздъляется на три отрасли, изъ коихъ одна идетъ на съверозападъ до р. Танева, впадающей въ р. Самъ; другая, по съверному направлению, между притоками Сана съ одний и притовами р. Буга (Зенаднаго) съ другой стороны, направляется въ Люблинскую губ., гдъ, при и. Томашовъ, принимаетъ направление съ запада на востокъ и служитъ началонъ р. Вепржа и другихъ ръкъ, внадающихъ въ ръки Вислу и Бугъ. Наконецъ, третъя отраслъ направляется на востокъ, проходя между притокани Дифстра и Буга, входитъ въ предълы России и служитъ раздълониемъ водъ, текущихъ въ Черное и Балгійское моря.

Саный хребетъ Карпатскій, проходящій по западной части Южнорусскаго края, хотя и не бываетъ покрыть візными сибгами, однако импеть почти вездів алпійскій характеръ, т. е. різчки, имівомія въ немъ начало, не пересіжають хребта и имівють берега обрывистые и скалистые; подъемы на горы возножны только по дорогамъ; во многихъ містахъ вершины оканчиваются никами, и сибга почти на всемъ гребить лежать 8 и боліве місяцевъ.

Не смотря на такой суровый характеръ горъ, дорогъ въ нихъ весьма много, въ особенности въ занадной части, какъ-то: изъ Н. Сандеча въ Мусину; изъ Грибова туда же и въ Бартеельдъ; изъ Горлице, трезъ Зборо, въ Бартеельдъ; изъ Змигрода туда-же; изъ Змигрода въ Свидникъ; изъ Дуклы въ Стропко, и проч.; въ восточной же части, отъ дороги изъ Турки въ ст. Веречку до восточнаго поворота, исключая тропинокъ, ибтъ ни одной удобной дороги. Южный склонъ Карнатовъ сохраняетъ тотъже характеръ, что и ихъ гребенъ. Стверный же, не смотря на крутые спуски, понижается мало по малу и, при ръкахъ Санъ и Бугъ, обращается въ равинны.

Вся Галинія съ запада на востокъ имъетъ видъ холинстый, въ Амеблинскей же губерніи— на западъ мъстность волнообразная, а на востокъ представляетъ большею частію плоскія возвышенія, теряющіяся въ долинъ Западнаго Буга.

Эти возвышения входять въ Польшу при Тарнополѣ и потомъ разверачиваются, какъ-бы въеромъ: на западъ до Вислы, на востокъ до Буга, а на съверъ ограничиваются большою дорогою изъ Грубешова въ Люблинъ. Въ этой части самое возвышеное мъсто есть гора Гута, Краспоставскато уъзда, болъе 1,095 футовъ.

Въ южной Галицін и Буковинт ртки прортавли глубокія, въ птсколько сотъ футовъ, долины и текутъ чрезвычайно изгибисто; въ стверной же части, тамъ гдт почва наносная, ртки имтютъ теченія ночти прямыя и долины ихъ широкія.

Въ Россію отрасли Карпатовъ входять небольшими горами между

городами Владиміронъ-Вольмскимъ и Кременцонъ и образують три главими вътви: 1-я вътвь, начила на створъ между источниками р. Луга. винданицей въ Бугъ и притоками р. Стыри, Туры и Примети, имбетъ на югь характерь гористый съ несколькими возвышениями до 1120 ... (при м. Бъловеркв); на съверъ же и востокъ, постененно венижансь, превращается въ равнину; 2-я идеть на востокъ, составляя нагорили берегъ р. Примети, возвышаясь до г. Старокоистантинова и отбрасывая отрасли из стверу между ръками Стырью, Горынью, Слученъ и другими, впадающими въ Принеть. Отъ г. Стероменетантинова геры обращаются въ возвышенную разнину и телько подъ Кіспомъ становится ходинсты; 3-я отрасль направляется на иго-вестепъ, --- ведъ г. Кременномъ достигаетъ 1,328 футовъ высоты и составляеть нагорный берегъ р. Девстра, образуя глубокія долины его притоковъ; эта же отрасль, давъ начало р. Бугу (Южному), идетъ на востокъ не превышая 1,180 футовъ. Южныя отпрыски дають странт видь горный, съ нъсколькими остроконечными гранитилии верминами и крутые берега ръкъ и овраговъ. Отрасль же, идущая на востокъ, волнообразна и проходить не ствернымъ утадамъ Херсонской губерни до Наконоли и Дивировскихъ пороговъ. Вся эта полоса имветъ въ основания гранить, поторый показывается въ обрывистыхъ берегахъ ръкъ и ръчекъ и проходить оть и. Янноля на востокъ, пересекаеть р. Бугъ нежду Ольвіополенъ и Вознесенскомъ, и потомъ, блязь Никоноля, р. Дивиръ.

Все вто гористое, возвышенное пространство ограничено—на съверо-западъ—ровнымъ плате, служащимъ раздъльного чертою водъ, текущихъ въ Балгійское и Черное меря; на съверт Велыненой и Кіевскей губерній оно превращается въ плоскую равнику, почти сплощь
поросную лъсами и называется Польсьемъ. Возвышенности оканчаваются и Польсье начивается по слъдующей черть: етъ м. Торчина
на г. Луцкъ, м. Ольку, Клевань до Броминковъ, но р. Горыню до
м. Тучина, а оттуда чрезъ Невгородъ-Вольшекій и, отдъляя двѣ трети
Раденысльскаго и третью часть Кіевскаго увадовъ, доходитъ до р.
Дивира.

Отъ выпесказанной гранитной полосы изстность, постененю понижаясь на югь, доходить до береговъ Чернаге моря, образуя плодоредныя степи, пекрытыя черноземомъ.

Изъ этого обзера изстности отъ занада до Дивира, мы видииъ, что Карпатскій хребеть составляеть самую возвышенную часть края и пускаеть оть себя вітви короткія на югь, длиную на сіверь, и

еще длиниванную на востокъ в составляетъ, такивъ-образовъ, мануклую часть, еканчивающуюся на юго-вестокъ берстами Чернаго меря, на съверо-востокъ—болотнотом равинию Польсья и на съверъ разиннами Польши.

Но левой стороне Давира тянутся две главили воовышенности: одна идеть изъ стверней части Курской губерий на юго-замадъ, на ють и юго-востокь и дветь начала ракань: Окт, Сосит, Сейну и др; а другая, перерваавъ Димиръ между Екатеринославовъ и с. Зна-MARRONO, MACTA CHERBA HA BOCTOKA, O DETOMA HA CHECK-ROCTOKA M составляеть такимь образомь продолжение гранитной полосы, о которей им упомимели выше. Эти двъ возвышенности нигдъ не образують горъ, но имъють характоръ холинстый и только но берсгамъ ракъ бывають круты. Вътви этихъ возвышенностей, проходя между ръбани Полтавской, Харьковской и Еватеринославской губерши, образують какъ бы котловину къ левому берегу Дивира между м. Лоеванъ, гг. Черниговомъ, Лубиани и Золотономею. Полуостровъ Крымъ состоить изъ двухъ частей: горной и степной; большая дорога изъ Осодосін, чревъ Симферополь, вь Серастополь служить чертою разділенія этахъ містностей. Къ сіверу отъ дороги есть холмы, не геръ це вижется, къ югу же сплошь все горы. Эти горы суть предолжевіе Кавказских горь. Крымскія горы, начинаясь на кожновъ берегу полуострова отъ монастыря св. Георгія, тянутся по берегу на востокъ; порвая часть ихъ до Біюкъ-Ланба-та поситъ название Явла; далье, отъ Балаклавы, хребеть, приближансь къ Черному морю, отъ имса Віолента до мыса Аія, образуеть отвъсные берега поря; еть Ан-горы опеть изсколько удалнотся оть жинего берега, такь-что гребень икъ отдаленъ отъ одной до четырекъ веретъ.

Наиболье возвышенные нункты хребта суть: Ай-петра—3,661, Чатырь-Дагь — 5,047 и Вабугано — 5,147 сутовь. Оть горы Демердэки горы удаляются оть поря версть на десять и притомь становятся все ниже и ниже, и подъ Осдосию теряются въ степи. Южный склонь горь круть и скалисть и, въ нъкоторыхъ иъстать, совершение отвъсень. На немъ принъчательна гора Агодия; сна выдается далеко въ море, и, образуя мысъ, запимаеть престранство въ три версты длиною и въ двъ съ постоящою шириною; высота ся равняется 1,918 сутовъ. Оканчивая орограсию страны, мы укажеть на примъчательныя высоты стиссительно поверхности Океана: Черная гора въ Карпатахъ, на границъ Галиців и Венгрій, 6,000 сутовъ; Гумов, Красноставского узада, Люблимской губернін—1,095½ оутовъ; Касепчина Занойскаго узада—1,088½, оутовъ; Біологеренія
горы Вольнской губернін—1,120 оутовъ; у деревин Кравочинцы,
на граница Подольской и Вольнской губернін, 1,455 оутовъ; при и.
Фельштина Подольской губернін—1,159 оут.; при с. Тучю, Бердичевскаго узада Кієвской губернін—1,055½, оут. Г. Кієвь, старый, 651½ оут. и гора Крименецю, Харьковской губ., на берегу
р. Дошда—800 оут. Земля Черноморского, или Кубанскаго, козачьяго
вейска почти вся есть рамина, проръзанняя небельшими річками,
имъмними медленниюе теченіе съ юго—востока на занедъ; она ограничена съ юга р. Кубанью, которан вибеть берега весьма низменные,
въ—особенности у своего устья.

Обратимся теперь къ описанию примъчательных равнинъ края, начиная съ запада. Въ Царствъ Польскемъ наибольная равнина начиная съ запада. Въ Царствъ Польскемъ наибольная равнина начинается по объимъ оторожанъ р. Западнаго Буга. На яввомъ берегу этой ръжки, сна начинается отъ и. Онажина и тапется на пого-востоиъ до Васдиніра; длина ся болье 80, а имрина етъ 7 до 30 верстъ. Въ Галиніи принъчательна разнина, лемащая между городами Соко-лонъ и Бродами и идущая по юго-восточному направлению; она сосленяется съ другою, идущею отъ г. Сокола на западъ до м. Любицы.

Въ Русскихъ предълахъ особенно замъчательна равинна р. Привети, называемая Полюсьемь. Она занимаетъ страну влоскую, низменную, нокрытую огромными болотами и дремучими лесами. Отврытыя поля составляють исключенія; рака Приметь и ся притоки нивита надение инчтожное и потому течение медлениюе, а берега илоские, неопредъленные. Въ этой странт население весьма скудное, сообщения затрудинтельны, а во время весенних разливовъ ночти вездъ прекрашаются; такъ-что въ Минской и Вольневей губерніякъ иткоторыя селения не инстить между собою сообщения по ява и болье месяца. Полъсье имъетъ въ длину до 450 верстъ, а въ ширину, въ нъвоторыхъ местахъ, болев 80-ти. Въ Подольской губерини находител одна большая рэвнина, инстощая въ длину 110, а въ ширину де 15-ти версть. Она начинается отъ и. Уланова, по левему берету р. Списводы и Буга до с. Приборовки; Балтеній укадъ, накъ стенной, также образуеть равнину. Въ Кіевской губернін, кром'є Полтсья, большая равнина находится около м. Бълой-Церкви, ограниченияя съ мета р. Росью, съ запада — р. Красною, съ востова — берегомъ р. Стугны и съ съвера с.с. Пологи и Моненицы. Длина равнины 80,

мирина 40 верстъ. Вси юмили часть Херсенской губерии, принадлежа къ разряду степей, есть вибсть съ твиъ и обинрили разнина, переръзанная ръками: Дивстроить, Бугенть и Дивироить, незничительными ръчками и болотами. Чермиговская губерии хотя сама но
себъ ровна, но—будучи пекрыта бельшими лъсами— имъетъ не многе
равнинъ. Можно указать тольке на южные, степные утзды: Конотонскій, Борзеньскій, Нъминскій и частію Ковелецкій, небольшія
ревныя открытыя мъста близъ г. Глухова и м. Воронежа, имъющія
каждое пространства оноло 130 квадр. верстъ. Съверные и восточные утзды Полтавской губерніи принадлежать къ степнымъ мъстамъ,
а петому тамъ находятся общирныя равнины.

Харьковская и Екатеринославская губериіи, нечти безъ неключенія, составляють одну общую развину, пересъщеную въ изкоторыхъ изстахъ холизии, рызвинени и режани, инфиниции крутые и нелогіе берега.

О полуостровѣ Крынѣ ны уже говорили; сѣверная же часть Таврической губернін нредставляєть степь, кончающуся окбло Азовскаго моря и Сиванскаго залива частію песчаными, частію глинистыми соленчаками. Кремѣ отроговъ возвышенностей, проходящихъ между рѣками, Землю Вейска Донскаго можне назвать равниною открытею; меключеніе составляєть Міускій округъ, который имѣсть мѣстность волнообразную и возвышенную.

Рами ожнорусскаго края принадлежать къ бассейнамъ водъ Балтійского и Чернаго морей. Балтійское море не входить въ предъма нашего края, а потому займенся описаніемъ только Чернаго съ его заливомъ — Азовскимъ меремъ. Черное море, есть море внутреннее, имъющее исхедъ на юго-западъ, гдъ посредствомъ Константивеннольскаго предива оно соединяется съ Средизеннымъ. Наибольшая длина его отъ запада къ востоку 1,060 верстъ; наибольшая ширина етъ Тилитульскаго лимана до устья р. Сакарты, на Анатолийскомъ берегу, — 585 верстъ. Берега Чернаго моря вообще возвышены съ востока и юго-юго-запада, и инаменны съ съверо-запада и съвера, а потому это море болъе открыто для съверныхъ вътровъ. Море инъетъ течение постоянное, отъ Керченскаго пролива, но съвернымъ берегамъ съ востока на занадъ до Одессы, а оттуда на югъ въ преливъ, куда стремится и общее теченіе мора.

Черное море острововъ (кром'в трекъ небольшихъ) не имеетъ. Отмели находятся тольке на северномъ берегу между устъемъ Думая и Перекопскимъ перемейномъ, а текже въ Керченскомъ проливъ; а

нотому плавание около береговъ бевопасите, чтить въ другихъ меряхъ. Самыя сильныя бури бываютъ въ необръ месацъ, при юкмыхъ и юго-западныхъ вътрехъ.

Море ежегодне замерають на мелкеводы; морты же съ глубекою водою никогда не замерсають. Вода въ Черновъ морт неите солена, тъмъ въ Среднзенненъ и болте солона, чъмъ въ Балтійскомъ. Приливамъ и отливамъ Черное море не подвержене, за исключениемъ тъхъ приливовъ, которые происходить отъ постоянно и сильно дувщихъ итсленью дней, съ одной стероны, вътровъ.

Главныя углубленія въ материкъ, на стверныхъ берегахъ меря, суть: Аговское норе съ валивомъ Сиваню, Каркинопиский галивъ, опывавений съверо-восточные берега Крымскаго полуострова и вожный берегъ материка; западиве этого залива находятся другіе, образуемые лиманами ръкъ: Дибира, Тилигула, Диботра и Кагульника. Берога Азовскаго моря вообще низменны, за исключениемъ части южнаго берега отъ Казантинскаго ныса до входа въ Керченскій проливъ. Смескисмій заливъ, или Гимлое море, соединяется съ Азовскимъ посредствемъ Геническаго пролива, инфетъ берега плоскіе и весьма навилистые. Длива этого моря, отъ устън р. Дона до Керченскаго пролива, равна 290, а мирина — 212 верстамъ; наибольная глубина 46 футовъ. Вода гораздо преснее воды Черваго моря. Отъ Азовскаго моря Сиванъ отдълнется узною молосою земли, навываемою Арабатскою косою. Пролевь имботь только 45 самонь ширины. На Сираше находится множество нолуострововъ, изъ которыкъ приивчателенъ Чангаръ, соединенный съ Крымонъ посредствомъ постояннаго моста. Авовское море емегодно заперваеть на молтора и два мъсяца.

Керченскій проливь, соединяющій Азевское море съ Чернымъ, имъеть одрватерь дляною въ 40 версть, чрезвычайно извилисть, съ нъсколькими пестаными отмелями и каменистыми риозии,—что при малой глубнить (уменьшающейся иногда до 21/4 оутовь), дълаеть плаваніе кораблей весьма затруднительнымъ. Теченю пролива—съ съвера на югъ; но при южныхъ продолжительныхъ вътрахъ оно останавливается. Проливъ начинается отъ мыса Фанаря и кончается на югъ и. Таклынскимъ, отъ которато берега становятся возвышените, и тамъ, гдъ къ нимъ примыкаютъ Крымскія горы, круты и скалисты. Для укрытія судовъ отъ бурь на полуостровъ удебны слъдующи углубления: Оседосійскій заливъ,—открыть только мжнымъ вътрамъ и, мри твердомъ груптъ, снособенъ для якорной стоянки; Судакский рейдъ

удобенъ менъе Осодосійскаго, но хорошо защищенъ отъ стверших вътровъ; Алминскій порть неудобенъ, по причний наменистаго групта; Балаклавская гавань глубока, закрыта отъ встять вътровъ, по весьма увий вкодъ (95 саженъ) представляеть важное псудобство. На западномъ берету Крыща въ-особенности замъчательна Сесастопольская бухта, длиною въ 6 верстъ, швриною до 400 саженъ; глубина бухты отъ 6 до 10 сажень при илистомъ груптв. Эта бухта еще имъстъ три небольше рукава, въ которыхъ суда совершение защищены отъ западныхъ вътровъ, единственныхъ, волнующихъ главную Севастонольскую букту. Последняя на полуостровъ гавань, Эспаторийская, севстыъ неудобиа для якорной стоянки по своей открытости.

Отъ Карканитскаго залива на западъ, берега Чернаго моря котя и имъють много углублений въ материкъ, но устроить въ нихъ порты невозножно по мелководью. Отъ Перекона до оконечности Кинбурискей косы море у берегевъ мелко. Отъ этой же косы начинается общерный Дивировскій лимань, в которемь, равно какь и обе всехь лиминахъ рънъ, виздающихъ въ Черное море, мы скаженъ при описанія ръть. Берега моря отъ устья Кагальника нагат не превышають 30-ти сажень, какъ напримъръ около Одессы; въ другихъ же мъстахъ они почти въ уровень съ моремъ и образують соленыя езера, какъ пространство на югъ етъ Одессы до устья Дупан. Городъ Одосса есть единственный мерть на этомъ пространстве; рейдъ Одосскій открыть для восточныхь, сіверо и юго-восточныхь вітровь, нокрывается въ большее морозы льдемъ, и грунтъ его состенть изъ клейкаго вла. — Изкоторые писатели прославили Черное море, какъ опасное для плаванія кораблей; не это мивніе не совстив справедливо. петому-что на этемъ морт очень мало подводимую камией и рифовъ; месчаныя отмели всв изместны; бури бывають сильны только въ извъстноя время, т. е. въ концъ осели, и для береговаго илаванія но берегамъ, калъ Чернаго, такъ и Азовскаго мерей, устроено много маяковъ и другихъ знаковъ.

Рикъ, протекающихъ по странъ, населенией южно-русскимъ народомъ и принадлежащихъ къ Балтійскому бассейну, весьма мало п всъ омъ суть иритони р. Вислы. Самъ вытекаетъ изъ горы Инпринки на съверъ до м. Дынова; потомъ новорачиваетъ на востокъ до г. Пржемысля, а оттуда, принявъ съвере-западное маправленіе, виадаетъ въ Вислу между городами Завичестомъ и Сандомържемъ. Все теченіе простирается на 360 верстъ. Въ вершинъ своей, Санъ

есть горный, быстрый потокъ и течеть до Прженыеля въ ужой долить и чрезвычайно извилисто до г. Ярослава, а отсюда по интрокой долинъ до своего впаденія въ Вислу. Судохедство по Сану начинается отъ Дубецка, но оно удобно только въ полноводье; внизъ спускается не болъе 300 барокъ и 200 плотовъ. Изъ притоковъ Сана примъчателенъ Вислокъ, впадающій въ него съ лъвой стороны ниже г. Пршеворска. Съ правой стороны при м. Улановъ, Санъ принимаеть сплавную р. Танево. Санъ и Вислокъ протекають по Галици. а Таневъ по Царству Польскому. Ръка Вепрост имветъ источники близъ м. Томашева, протекаеть 243 версты, -- сперва на съверъ и съверо-западъ, потомъ 60 верстъ на западъ, и вливается въ Вислу при кр. Иванъ-городъ. Ширина ея, на 170 среднихъ верстахъ, до 20, у устья 70 саженъ. Русло ръки сжато берегами до Красностава, а далве долина ея шире и ръка дълается судоходною. Кромв 40 различнаго рода переправъ, чрезъ р. Вепржъ, на шоссе, перекинутъ отличный американской постройки мость, при д. Коевмино.

Р. Бугь (западный) получаеть начало въ Галиціи, верстахъ въ 20 отъ г. Бродъ, изъ отрасли Карпатскихъ горъ, называемыхъ Недоборжець. До кр. Бреста-Литовскаго течеть на съверъ, потомъ на стверо-западъ до сліннія съ р. Пуржецъ, потомъ поворачиваетъ на западъ и при м. Сероцкъ сливается съ р. Наревомъ, гдъ, принявъ наименование Буго-Нарева, впадаетъ въ Вислу при кр. Новогеоргіевскъ. Данна его 676 версть, ширина средняго теченія отъ 15 до 20, а въ пвжнемъ-до 100 сажень. Долина Буга только въ верховьяхъ своихъ сжата между берегами; отъ г. Бродъ она уже разширяется и становится ровною, и въ немногихъ мъстахъ пересъкается холмами, какъ при Устилугъ и Городло. Отъ впаденія же въ Бугь рычки Кржны долина становится низменною я болотистою. На всемъ теченія р. Буга до м. Грана (стверный предтать южнорусскаго населенія) можно указать только на слъдующія возвышенныя на ръкъ мъста: при м. Крыловъ, Влодавъ, Славатычъ, Коденъна лъвомъ, и при м. Гранъ — на правомъ берегу ръки. Переправъ чрезъ Бугъ весьма много; примъчателенъ при Брестъ висячій, чугунный мость, Р. Бугъ служить водянымъ сообщениемъ Балтійскаго и Чернаго морей. Съ первымъ соединяется посредствомъ Августовскаго канала и р. Нъмана, а также и посредствомъ Вислы; со вторымъпосредствомъ Девпровско-Бугскаго канала и Девпра. До впаденія въ Бугъ Муховца, судоходству превятствуютъ мельницы и плотины, кото-

рыхъ, на указанномъ нами протяжения, считается 52. Замъчатетьные притоки Буга съ лъвой стороны: Ливець, имъетъ въ длину 98 верстъ и впадаетъ въ Бугъ въ Варшавской губернии; Кржна или Тржна, длиною въ 88 верстъ; по ней весною сплавляють лъсъ; Гучва, впадающая въ Бугъ ниже Грубешова, имъетъ течение длиною въ 69 верстъ. Съ правой стороны, кромъ судохдной р. Муховца, впадають въ Бугъ двъ сплавныя ръки—Неретва и Лугъ.

Обратимся теперь къ описанію замічательнійшихь рікь, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря. Дивстро имъетъ источники въ 81/2 верстахъ отъ и. Турки и впадаетъ въ Черное море при Овидіопоав, пробытая 1,550 версть, — одну треть изъ нихъ по Галиціи, а остальныя по русскимъ владеніямъ. До м. Фельштина, въ виде горнаго потока, ръка течетъ на съверъ, до с. Конюшки на съверо-востокъ, а оттуда по восточно-юго-восточному направленію до г. Ямполя, гдъ поворачиваетъ на югь до гладенія. Теченіе этой ріки чрезвычайно извилисто, въ берегахъ крутыхъ, иногда возвышающихся до нъсколькихъ сотъ футовъ. Сплавная до г. Самбора, она становится отъ него судоходною; но судоходство вообще весьма затруднительно, какъ по быстротъ теченія, такъ и по причинъ крутыхъ, на ней имъющихся, поворотовъ. Подинмаются же по ръкъ суда на исзначительное разстояніе отъ устья. При м. Ямполів на Дивстрів находятся пороги, образовавшіеся отъ Карпатскаго гранитнаго отрога, пересткающаго ръку въ этомъ мъстъ. Множество мелей, острововъ и полуострововъ составляють отличительный характерь Дивстра. Эти последніе образуются отъ чрезвычайно изгибистаго теченія рѣки. Ширина ея весьма разнообразна: берега то съуживаются до 15, то расширяются до 200 саж. Въ Галиціи есть нъсколько постоянныхъ мостовъ; въ русскихъ же предълахъ ни одного, и переправы производятся на паромахъ. Грунтъ ръки каменистый и скалы иногда встръчаются на обоихъ берегахъ, какъ напримъръ отъ Бамоса до Козлова. Выше р. Ягорлыка, Дивстръ входитъ въ степь, и ширина его до лимана отъ 80 до 120 саженъ. Отъ г. Тирасполя долина ръки расширяется, дълается болотистою и образуеть на низменномъ берегу нъсколько озеръ. Въ Дитстръ полноводье бываетъ три раза каждое атто: весеннее, около Иванова дня, и около осенняго Іакова (Якуба). Дитстровскій лиманъ имъетъ въ данну 40, а въ ширину отъ 6 до 9 верстъ; отъ Чернаго моря лиманъ отдъляется песчаною низменностію, соединяющею два противоположные берега узкою пересыпью. Въ обыкновенное время,

глубина его отъ 6 1/2 до 8 футовъ. Входъ въ лиманъ совершается съ моря двумя протоками и не затруднителенъ, потому что глубина протоковъ до 9 футовъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Диѣстра въ Галицін — Стрый, вытекаетъ съ вершины горы Пикуй и впадаетъ въ Диѣстръ съ правой стороны, при Жидачовъ. Съ той же стороны Диѣстръ принимаетъ въ себя р. Свинцу и Быстрицу. Съ лѣвой стороны въ Диѣстръ впадаютъ, въ Галиціи: Злота-Липа, Стрія, Середъ и Збручъ или Подгорца; послѣдня составляетъ пограничную черту австрійскихъ и русскихъ владѣній, протекаетъ 176 верстъ и вездѣ проходима въ бродъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены плотины, которыхъ на рѣкѣ весьма много; р. Смотричъ съ высокими и скалистыми берегами, длиною въ 143 вер.; р. Ушица, впадающая въ Диѣстръ при мѣстечкѣ того же имени, протекаетъ 105 верстъ; р. Мурафа течетъ въ глубокомъ, каменистомъ корытѣ на протяженіи 145 верстъ.

Между Дивстромъ и Бугомъ въ Черное море впадають: р. Кулльникъ; Тилигуль, лиманъ коего имъетъ до 40 верстъ длины и отъ 2-хъ до 4-хъ верстъ вирины, и Аджалыкъ, съ лиманомъ въ 10 верстъ длины. Р. Буг (южный) имъстъ источникъ на съверо-западъ отъ г. Проскурова, сперва течетъ на востокъ, а потомъ на юго-востокъ до впаденія своего въ Дивпровскій лиманъ. Длина его около 600 вер., глубина въ нижнемъ теченіи до 28 фут. Бродовъ много въ верховьяхъ; на 200 же нижнихъ верстахъ бродовъ Бугъ не имъетъ. Ширипа его весьма разнообразна: при Вознесенскъ 70 саженъ, а 40 верстъ ниже Николаева — до 975 саж. Берега его въ Подольской губерніи большею частію примыкають къ руслу ріки, ниже Ольвіополя возвышаются до 20 саж., круты и состоять изъ гранитныхъ скалъ. Въ этихъ же мъстахъ находятся и пороги. Полноводье бываетъ только весною. Судоходство по Бугу производится отъ Возпесенска до устья. Примъчательнъйше притоки р. Буга суть: р. Волкъ п Бужокъ — двъ болотистыя ръчки; Инва, течетъ по ровной мъстности, имъетъ много прудовъ и заливныхъ озеръ; Синеводи весьма быстрая въ полноводье; Синюха имъетъ пороги и гранитные берега; Инчуль имъетъ начало близъ с. Сентона, течение его, въ 200 верстъ, съ съвера на югъ; ширина у устья до ста саженъ. Въ верховьяхъ ръка имъстъ быстрое теченіе, а при впаденіи въ Бугъ при Николаевт медленное. Между с. Христофоровкою и Балацкинъ, на ръкъ находится озеро, длиною въ 2, шириною въ $1^{1}/_{2}$ версты.

Р. Дивпръ имъетъ источники въ Бъльскомъ увадъ, Смоленской губернів проходить чрезь Могидевскую, Минскую, Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, Херсонскую и Екатеринославскую губерній и им'веть всего протяженія около 2,000 версть. До г. Копыса, Дивирь течеть въ тъсныхъ и открытыхъ берегахъ, а оттуда долина расширяется отъ 1 до 6 версть; нагорные берега его большею частію круты, но противъ сліянія Припети берега плоски и покрыты лесами. Отъ Кіева до Кременчуга Анторъ устянъ песчаными отмелями, перемъняющимися ежегодно. Около г. Черкассъ и Чигирина и с. Мошны видно прежнее русло Дивпра. Отъ Кіева почти до самаго устья правый берегь Антира выше лъваго. При впаденіи Самары лъвый далеко отходить отъ русла. Ниже Екатеринослава оба берега составляютъ отвъсныя, высокія скалы (до 35 саж.), гдв рвка пересвчена порогами. Отъ Александровска лівый берегь ділается низменнымъ и болотистымъ, а правый — нагорнымъ, доходитъ до р. Базавлука и потомъ понижается. Въ 12-ти верстахъ ниже Екатеринослава начинаются пороги, тянущіеся по Дивпру на 651/, верстъ. Пороговъ считается 13, но главивникъ, опасныхъ для судовъ, спускающихся по Дивиру, 9-ть: 1) Старокайдацкій, на 150 саженяхъ имъетъ паденія 8 футовъ. 2) Сурскій, при впадепін р. Суры, имбеть двв каменныя поперечныя гряды; длина порога 120 саж., паденія 3 фут. 6 дюймовъ. Сурскій порогъ лежить отъ перваго въ 7 вер. 3) Лоханскій, одинь изъ опаснъйшихъ; на серединъ три гранитныхъ острова. Онъ начинается въ полуверсть отъ Сурскаго и на 200 саж. длины имъетъ паденія 86 ф. и 2 дюйм. 4) Въ разстояніи 5 верстъ, начинается порогъ Звонецкій, длиною во 125 саж., паденія 4 ф. 9 дюйм. 5) Ненасытенскій, самый опасный пав всехъ Дпепровских пороговъ; онъ удаленъ на 6 верстъ отъ предъидущаго. Гряды подводныхъ и надводныхъ камией, косвенное съ одного берега на другой теченіе, и въ особенности одна пучина, называемая адомъ, при малъйшей неосторожности въ управленіи и при боковомъ вѣтрѣ губятъ суда мгновенно. Длина порога 643 саж., паденія 24 саж. З дюйма. 6) Ниже на разстояніи 13 верстъ лежитъ Волиинскій порогъ, длиною въ 150 саж., паденія 5 ф. 7 дюймовъ. 7) Будиловскій въ 5 вер. отъ предъидущаго, длиною во 100 саж., паденіе 4 ф. 10 дюйм. 8) Въ 14 верстахъ отъ этого паходится Лишній порогъ, длина его 150 саж., паденіе З фут. 5 дюйм. и 9) Вильный порогь, чрезвычайно извилистый, проходить по гранитному грунту, со множествомъ острововъ,

лежить въ 51/, верстахъ отъ предъидущаго. Длина порога 450 саж., падеміе въ 1 саж. 11 дойновъ. Паденіе встать же пороговъ, на разстоянін 651/, версть, составляеть 22 саж. и 1 фут. За порогами Дивиръ цринимаетъ медленное течение и далъе образуетъ много рукавовъ. При устьяхъ Буга и Дибира находится Дивпровский лимань, имъющій въ данну съ востока на западъ 60 версть, а въ самомъ широкомъ мъстъ 15 верстъ, съуживаясь у моря до 5-ти. Вдоль обоихъ береговъ тянутся нели, между которыми три прохода въ море, отъ 25 до 45 футовъ глубиною. Фарватеръ расчищенъ до 140 саженъ ширины и до 22 футовъ глубины. Дибиръ вливается въ лиманъ шестью рукавами, нан гирлами, изъ конхъ Бълогрудовский считается для судоходства лучшимъ. Говоря вообще о судоходствъ Дибпра, нельзя назвять его удовлетворительнымъ, но причинт отмелей перемъняющагося русла ръки и описанныхъ выше пороговъ. Постоянное же судоходство существуеть вина и вверхъ по реке, отъ Кременчуга до Шклова, и отъ моря до Херсона и изсколько выше. Сверху же внизъ по теченю, пользуясь весеннимъ полноводьемъ, суда ходятъ отъ г. Дорогобужа до самаго моря. Изъ притоковъ Дибпра мы укажемъ только на примъчательнъйшіе, протекающіе по странъ, населенной Украницами.

Съ правой стороны, Дивиръ принимаетъ Березину, визношую неточники въ м. Докшицахъ Минской губернін; она протекаетъ по этей губернін 310 версть, а по Могилевской только 4 версты и при г. Рогачевъ сливается съ Дибпромъ. Березина входить въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Дивиръ съ Западною Двиною, посредствомъ Березинскаго канала, (прокопаннаго на $7^{3}/_{4}$ верстахъ) между озерами Плавіо и Берештою; изъ Плавіо въ озеро Манецъ, а оттуда въ р. Сергутъ — притокъ Березины, изъ Берешты въ р. Берешту, потомъ въ Эссу, въ Лепельское озеро и оттуда въ р. Уллу, виадающую въ Двину. Ръка Припять (Припеть) вытекаетъ изъ болотъ и озеръ близъ и. Шацка и направляется на востокъ до г. Мозыря 360 в., потомъ на юго-востокъ до впаденія въ Дивиръ (120 верстъ). Пришеть получаетъ свое название при соединении ръкъ: Пины, Ясёльды и Стыри, откуда она становится судоходною. Берега ен низменны, неопредъления, болотисты и покрыты лъсами и кустарниками. Глубина ен лътомъ отъ 5 до 10 фут. Весною разливается ръка на значительное пространство, въ иныхъ мъстахъ до 20 верстъ. Единственное исплючение въ низменности береговъ составляетъ правый берегь около г. Мозыря, который возвышень и скалисть. Теченіе отки весьма медленно, и во время полноводья, для указанія пути судамъ, надобно фарватеръ обозначать въхами. Прицеть также вхолить въ составъ водянаго сообщенія, соединяющаго Дивпръ съ Вислою и Нъманомъ. Съ Вислою Припеть соединяется посредствомъ Дивпровско-Бугскаго (Королевскаго) канала, проведеннаго между р. Пиною (притокъ Прицети) и р. Мухавцемъ (притокъ Буга). Изъ Прицети въ Нъманъ суда поднимаются по Ясёльдъ, Огинскому каналу въ р. Шару, которая впадаеть въ Наманъ. Съ правой, т. е. съ южной стороны, въ Припеть впадають следующія реки: Стырь, начало которой въ Галиція, протекаетъ 425 версть; имрина отъ 15 до 30 саж.; нижнее же теченіе во всемъ подобно р. Припети; а южите есть берега возвышенные и крутые, какъ напримъръ, между с. Вербяевымъ и Мстишиномъ. Общее паденіе ръки отъ 4 до 6 дюймовъ на версту. Хотя ръка Стырь считается снавною, но но ней, при небольшомъ исправлении бичевника и иткоторыхъ отмелей, могле бы суда подниматься и вверхъ по теченію. Р. Иква, притокъ Стыри съ правой стороны, длиною 150 верстъ; но ней сплавляются плоты. Горынь имъетъ источники на югь Волынской губерии, судоходна на 537 верстъ. Случъ вытекаетъ изъ Староконстантиновскаго увада и, пройдя 400 верстъ, впадаетъ въ Горынь. По Случу весною сплавляются винуъ плоты. Стоходъ — болотистая ръка, притокъ Припети. Тетеревь, источники котораго около м. Янунноля, вливается въ Дибиръ близь с. Пилявы. По реке этой сплавляется виизъ боле 800 плотовъ. Р. Рось течетъ изъ Бердичевскаго ужада весьма быстро, имъетъ утесистые берега. Эта ръка несудоходна, но, по обило воды, на ней много устроено мельницъ и вододъйствующихъ фабрикъ. Тясминь впадаеть въ Днепръ при Новогеоргіевске; это довольно быстрая ръка во время весеннихъ разливовъ. Ингулецъ беретъ начало изъ мъстности Александрійскаго увзда (Херс. губ.), называемой Черными люсоми и верстахъ въ 15 отъ Херсона вливается въ Дибиръ. Правый берегъ ръки этой кругъ, обрывисть и во многихъ иъстахъ каменисть, а лівый — отлогій; при устьи оба берега низменны, болотисты и поросли камышенъ. Ингулецъ имъетъ въ длину 320 вер. а ширины 30 саженъ; онъ не судоходенъ, по причинъ запрудъ.

По лівую сторону въ Дивиръ вливаются: Сомсь, вытекаеть изъ Смоленской губерніи и впадаеть въ Дивиръ у м. Лоева, на границъ Могилевской, Черниговской и Минской губерній. Длина ея болье 300

версть; наврина въ нажнемъ теченія до 40, а глубина отъ г. Чирякова винуъ — до 2 саж. Долина ръки широкая, въ иныхъ изстахъ до 4-хъ верстъ и весною затоплиется; берега круты и возвышены, правый выше яваго. Сожь становится сплавною отъ м. Кричева, а ниже — и судоходна. Десна имъстъ источники въ Ельнинскомъ уваль Сиоленской губерній и сливается съ Дивпромъ въ 10 верстахъ выше Кіева. Въ обыкновенное время ширина ея отъ 12 во 70 саж. Берега Десны вообще пологи, крутые встрачаются радко; правый господствуеть надъ лавымъ. Судоходною рака становится отъ г. Брянска. вверхъ же по Десит ходитъ только небольшое число судовъ съ солью. Важный притокъ Десны — Сеймъ — имъетъ иъсколько шлюзовъ, посредствомъ которыхъ нъсколько десятковъ судовъ спускается винзъ по ръкъ. Трубеже сливается съ Дибпромъ близъ Переяславля. Р. Сула имъетъ начало въ Харьковской губерніи и вливается въ Ливиръ при и. Чигринъ-Дуброва; Сула течетъ по широкой долинъ. Псёль выходить изъ Курской губ., имъетъ большею частію возвышенные и въ нъкоторыхъ мъстахъ каменистые берега; ръка могла бы быть судоходною по причинъ глубины ея — отъ 2 до 3-хъ саж. Псёдъ извъстенъ своею живоппсностью. Ворскла впадаетъ въ Дивпръ близъ м. Пеправый берегь ея возвышень, многла обрывисть. ; инрогова левый — пологій; глубина отъ 4-хъ футовъ до 2-хъ саж. Орель, составляющая границу Полтавской и Екатеринославской губерній и внадаетъ въ Дибиръ при и. Орликъ, гдъ берега ръки усъяны гранитными отломками. Р. Самара вытекаеть изъ Харьковской губернін въ Изюмекомъ убодъ, впадаетъ въ Дивпръ при с. Михайловиъ и м. Игрени, противъ Екатеринослава, имъя въ длину 200 вер. Правый берегъ ръки почти вездъ выше лъваго, но лъвый круче; въ верхнемъ теченія берега пологи. Глубина ріки отъ 1 аршина до 4 саж., ширина доходить до 100 саж. Самара судоходна на незначительномъ разстоянін. Притокъ Самары-р. Волчья-не уступаеть ей въ протяженін; на ней устроено много мельницъ. Р. Конская наи Конка замъчательна медленнымъ течепіемъ, въ-особенности въ нижнихъ частяхъ; длина ен 160 верстъ. Ръка Молочиал, впадающая въ озеро Молочное, съ притокомъ Токмакомъ, маловодная ръка, хотя теченіе ея простирается на 120 верстъ.

Въ Азовское море впадають: р. Кальміусь; береть начало въ с. Яковлевить, Бахмутскаго утада, течеть на протяженін 150 версть и впадаеть въ море при г. Маріуполь; судоходень только на 6 версть оть устья. Р. Міусь при впаденіи своемь въ море образуеть лимань, имбющій до

30 верстъ длины и до 3 верстъ ширины. Р. Донь вытекаеть въ Тульской губернів наъ Ивановскаго озера и проходить Разанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи и Землю Войска Донскаго и внадаетъ въ море при г. Азовъ. Данна Дона около 1,500 верстъ. При входъ въ Донскую Землю онъ имъетъ ширины 100 саженъ, а при устъв 260; глубина не превышаетъ 10 саженъ. Въ полноводье Донъ вполнъ судоходенъ отъ впаденія въ него Воронежа и выше. На рікт, впрочемъ, много отмелей, которыя измъняють ежегодио свое положение. Донъ соединяется съ моремъ 30 рукавами (гирлами); изъ нихъ только по тремъ проходять суда: по Мертвому Донцу, Каланчь и Донскому-гирлу; еще следуеть указать на рукавъ Южный Аксай, который служить сообщениемъ Пово-Черкаска съ Дономъ. За исключениемъ пъкоторыхъ мъстъ, правые берега ръки выше лъвыхъ. Съ лъвой стороны Донъ принимаетъ въ себя: р. Воронежь, вытекающую изъ Рязанской губерніи и впадающую въ Донъ ниже г. Воронежа въ 16 верставъ. Въ Тамбовской губерніи эта ръка плавная, въ Воронежской же судоходна. Битюгь, имъеть протяжение до 200 версть, ширина отъ 5 до 10 саженъ; ръка проходитъ чрезъ Черкаское озеро. Р. Хоперъ, имъетъ источняки на границъ Пензенской и Саратовской губернін; всего теченія имбеть до 500 версть; сплавь на немь бываеть только весною. Медельдица береть начало въ Саратовской губернін и впадаеть въ Донъ у Спасова монастыря. Теченіе ріки медленное, берега возвышенные, судоходство бываетъ по низовьямъ весною. Иловля весьма налучиста и мелководна. Манычо сливается съ Дономъ при Манычской станицъ. Составленная изъ непрерывнаго почти ряда озеръ, ръка имъетъ теченіе только при устыв, а потому предположение о соединении Азовскаго съ Кайспійскомъ моремъ не только возможно посредствомъ Маныча, но и не потребуеть большихъ издержекъ. Съ правой стороны Донъ имъетъ сявдующіе притоки: въ верховьяхъ можно указать только на сплавную ръку Сосну; на Землъ же Войска Донскаго, Донъ принимаетъ въ себя р. Сперный Донець, который береть начало въ Карачевскомъ увадь Курской губерній и впадаеть въ Донь при Кочетовской станиць. Имъя глубину не менъе $3^{1}/_{2}$ футовъ, Донецъ могъ бы быть судоходенъ на протяженіи болье 500 версть. Берега во многихь мыстахь скалисты, возвышаются надъ уровнемъ воды отъ 10 до 20 саженъ, вообще же правый берегъ выше ліваго, который въ ниыхъ містахъ имъетъ низменныя пространства. Судоходству по ръкъ препятствуютъ устроенные въ верхнихъ и среднихъ частяхъ ен плотины и запруды. Впроченъ, въ Изюмъ строятся суда и спускаются винаъ до Ростова

Важивій притокъ Донца—р. Осколо вытекають изъ Тимскаго убада, Курской губернів и сливаются съ Донцомъ въ 12 верстахъ отъ Изюма.

Вст рти Земли Черноморскаго войска берутъ начало на юго-востокт, не далеко отъ р. Кубани и впадаютъ въ Азовское море. Медленное течение ртиъ, какъ напримъръ— Челбаса, Бейсука и Заразной, есть главное ихъ отличие, а судоходство, по малой промышленности края, ночти не существуетъ. Р. Кубань, составляя южную границу Земли Черноморскаго войска, имъетъ источники на горъ Эльбрусъ и соединается иногимирукавами съ Азовскимъ моремъ. На востокъ Черноморской земли Кубань имъетъ правый берегъ возвышенный, при устът же оба берега инзъенны, покрыты болотами и камышемъ.

Ръки Таврическаго полуострова весьма не велики. Укажемъ ихъ: Салгиръ, источникъ котораго у подошвы Чатыръ-Дага, а устье близъ деревни Шимкой, гдъ онъ впадаетъ въ Сивашъ. Длина его 140 верстъ, но лътомъ, въ верховьяхъ, Салгиръ на пересыхаетъ. Принявъ въ себя р. Біюкъ-карасу, Салгиръ изъ горъ вступаетъ въ степь, гдъ также на нёмъ много бродовъ. Ръки Алма, Кача и Бельбекъ или Кабарта вытекаютъ изъ хребта Яйлы и текутъ сперва на съверъ, потомъ поворачиваютъ на западъ и впадаютъ въ Черное море, —первая у мыса Лукулъ, третья у Севастопольской бухты, а вторая между устъящи Алмы и Белбека.

Подробное разсмотрѣніе теченія показываеть, что почти всѣ рѣки, лежащія на западъ отъ Днѣпра, въ верховьяхъ своихъ имѣютъ направленіе или съ юга на сѣверъ, или съ запада на востокъ и, небольшая часть — съ востока на западъ; а потому эти рѣки, описывая дугу, всѣ склоняются на югъ и впадаютъ въ Черное море. Такее положеніе рѣкъ никакъ нельзя приписать какому либо геологическому перевороту, а скорѣе общему склону Карпатскихъ отроговъ, которые въ Галиціи имѣютъ покатость на сѣверъ, на границахъ владѣній Прусскихъ и Австрійскихъ—на сѣверо-востокъ и востокъ, и потомъ общая, почти ровная, покатость степной полосы имѣетъ склонъ на югъ. По лѣвую сторону Днѣпра текущія рѣки, почти безъ исключенія, имѣютъ правые берега выше лѣвыхъ.

Значительных озертвъ Ю. — русскомъ крат нттъ; въ Галиціи на встхъ рткахъдълаются запруды, въ которыхъ сберегается ртчная рыба для употребленія. Въ стверной части Люблинской губерніи много небольшихъ озеръ, но они не заслуживаютъ вниманія, потому что самое большое изъ пихъ — Ставт Вельско-Семенскій въ ширину не имтетъ и 1 1/2 версты, при длинт въ 5 1/2 версть. На долинт р. Припети число озеръ,

значительно; изъ шихъ, большія по пространству суть: Киязь или Жидъ. Мозырскаго увзда, Полоское Пинскаго увза, Свитязькое и Пулемецкое Волынской губернін. Въ нагорной полось Волынской, Подольской. Кіевской и Херсонской губерній озеръ совствь ніть, но зато на каждой ръкъ встръчаются запруды, какъ для вододъйствующихъ фабрикъ и мельницъ, такъ и для храненія рыбы. По долинь Дибпра, на техъ містахъ. которыя заливаются водою, находятся озера, но какъ они ежегодно измъняются, то многія изъ нихъ не имъють даже названій. Въ долинъ же нижняго Дивпра, постоянныя заливныя озера, хотя и имвють названія, но малости своей не заслуживають винманія. Озера, составляющія богатство страны, суть соленыя: они снабжають солью даже свверныя мъстности Южнорусскаго края. Тузла отдъляется отъ Чернаго моря пересыпью; Адэкиполь или Горьков; оба находятся въ Одесскомъ увадв. Озеро Лонго, въ г. Новомиргородв, съ соленою минеральною водою. Въ Таврической губерніи напбольшее число озеръ; изъ нихъ примъчательны: Молочное, длипою въ 30, шириною отъ 6 до 8 верстъ; вода въ немъ мало-солона. Бердянское, образуемое р. Бердою, какъ диманъ ея; имъетъ длины 8, ширины до 3 верстъ. По Кинбургской косъ раскинуто до 180 озеръ. Семь озеръ находится въ Мелитопольскомъ увадь, четыре въ Дивировскомъ; изъ всехъ добывается поваренная соль. Близъ Генического пролива два соленыя озера: Геническое и Аверьячывское. Въ Перекопской дистанціи: Старое озеро ниветь въ окружности болъе 14 верстъ; въ немъ добывается отличная соль. Красное озеро, въ окружности до 33 верстъ, даетъ соли около трехъ милліоновъ пудовъ. По бълизнъ и легкости лучшая соль добывается нзъ Кіятскаго озера. Во внутреннихъ губерніяхъ: Черниговской, Полтавской и Харьковской находятся небольшія озера; но можно упомануть только объ озеръ Лиманъ (Зміевскаго увада, Харьковской губ.), имъющемъ въ длину 7. а въ ширину 3 версты; вода въ немъ горькосолонцеватая, и объ Моистевскомъ (въ Зъньковскомъ убодъ, Полтавской губ.), которое постоянно увеличивается. Въ Землъ Войска Донскаго всь озера лежать на заливныхъ долинахъ большихъ ръкъ; ихъ считается болъе тысячи, но они не важны ни по обшириссти, ни въ промышленвомъ отношени (1).

(Продолжение впредь).

⁽¹⁾ Названія містпостей, въ этой статьі, большею частію, не народныя. Мы были бы весьма благодарны за сообщеніе въ «Основу» містныхъ названій, — чего мы прежде всего ожидаемъ отъ людей, живущихъ въ окрестностяхъ упомянутыхъ мість.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

II.

Рисуновъ IV — представляеть бабусю въ намитивь и свитив; гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который снялъ его съ натуры, въ селъ Вереміевкъ, Полгавской губерніи. Свитка — бълая, сапоги — двухъ цвътовъ: голенища — желтыя, а низъ — черный. Тамъ, гдъ носять цвътные саноги, почти всегда — у старухъ сапоги желтые, а у дъвушевъ — красные.

Кому не извъстны украинскіе бандуристы, кобзари? Кто не видълъ ихъ, живя въ Малороссіи? Эти поэтическія личности, бродящія по світу-прямые наслідники Бояновь и Гомеровь, - это воплощенная дума — пъснь и исторія народа. Самое достойное и поэтическое місто въ народной украинской жизни принадлежить бандуристамъ. Они одушевляютъ своей игрой сходку, свадьбу, разгоняють туч зажурившагося діда, учать молодое покольніе старинъ и внушаютъ любовь къ тъмъ могучимъ руннамъ, которыя заростають мхомь и ншеницей. — Мив попадались бандуристы двухъ родовъ: - у однихъ преобладала печаль, доброта, мягкость, -- въ другихъ я встръчалъ крутой нравъ, жесткую, суровую ръчь. Тъ, которые думають, что узнали кобзарей наблюдая ихъ только на улиць, знаютъ ихъ мало, хотя и больше тъхъ, которые иногда заставляютъ спъть бандуриста за деньги. Чтобъ имъть понятие о бандуристъ болъе полное, надо съ нимъ познакомиться ближе, пріобръсть довъріе его, сдружиться съ нимъ. Образъ жизни имъетъ на нихъ, какъ н на каждаго, сильное вліяніе. Вліяніе это не только внутреннее, но и вићинее: ръчь бандуриста не та, что у простаго селянана; руки его можно отличить межъ сотней пахарскихъ рукъ; игра развила ихъ и онъ деликатны, тогда какъ пахарю плугъ натеръ мозоли. Часто, во-время пънія, выраженіе кобзаря бываетъ вдохновенно, нъжно; ему знакома трудовая жизнь и вся поэзія народа; онъ знаетъ цъну поэзія; она его кормитъ, она ему и мила и доходна.

Я пикогда не могъ равнодушно слушать бандуристовъ: они сразу были мнё по сердцу и я полюбиль ихъ съ ихъ рубищемъ, съ ихъ слепотой, съ ихъ бродячей пёснью. Въ первый разъ мнё случилось видёть и слышать бандуриста въ мёстечке Сёдневъ, Черниговскаго уёзда. Слёпой, онъ шелъ на ярмарку; я остановилъ его на перепутьи, чтобъ его послушать,—зазвалъ къ себё и пачертиль его портретъ, какъ могъ. Выражение его лица особенно меня удивляло своею вдохновенностью и идеальностью.—Прилагаемый рисунокъ (У) представляетъ именно этого бандуриста, съ поводиремъ, у меня въ комнатё.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ (1)

(от директора Земледъльческой Школы и редактора журпала «Сельское Хозяйство»).

Два года тому назадъ былъ изданъ мною «Ботаническій Словарь» или собраніе названій, какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растепій на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ, употребляемыхъ различными инородцами, живущиши въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Первоначальною цълію этого труда, изданнаго первымъ изданіемъ

⁽⁴⁾ Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ Приглашеніе автора извѣствано Ботаническаго Словаря, Н. Ив. Аннекова, въ «Основъ», гдъ было уже указано на важность изучения народной ботаники (О естествознании на Русскомъ Ючь. Основа, февраль), и душевно желаемъ, чтобы новое обращение къ просъбщенному содъйствію напінхъ читателей и читательницъ увънчалось успъхомъ. Приглашение придетъ на Югъ во время собирания ягодъ, грибовъ, травъ, хавбовъ и проч., - когда грамотные чаще обынновеннаго сходятся съ престыкъ наредокъ, -- когда самъ-собою открывается сподручный, богатъйшій источникъ народныхъ преданій, опытовъ, наблюденій, повірій, примітъ и названій, относящихся къ растительному міру. — Разные обычам, которыми сопровождаются летніе сельскіе праздники, украшеніе жилищъ травами и цветами, лекирствевные запасы, и т. д. представляють удобный случай для собиранія матеріяловъ народной ботаники. Вспомнімъ, при этомъ, охотниковъ, рыбаковъ, пастуховъ, красильщиковъ, маляровъ, бабокъ, костоправовъ, знахарей и энахарокъ, отъ которыхъ также можно добыть драгоценныя для ботаники и этисграфіи свіддвия. — Занятіе, къ которому ны приглашаємъ всіхъ, чрезвычайно пріятно, вовсе не трудно и неизмірнию-полезно: знаконство съ внутреннею жизнью народа, съ его въковымъ опытомъ, своеобразными върованіями и понятіями, открываетъ намъ новый міръ, котораго мы, не смотря на такое близкое сосъдство, и не подозръвали... Энаменитый Мишле говоритъ, что «польза, поучительность, пріобрётаемая нами отъ разумнато еближенія съ народомъ, равняется той, которую доставляеть намъ знакомство генія». Мы, грамотные до-сихъ-поръ еще, ксожальнію, не привыкли такъ думать. Ред.

подъ именемъ: «Простонародныя названія русскихъ растеній». было желаніе доставить возможность понять русскія м'єстныя названія н опредълить ихъ латинское наименование. При второмъ издании, значеніе это было расширено и Ботаническому Словарю было дано уже назначение болъе общирное-служить вообще пособиемъ при чтени сочиненій о растеніяхь, будуть ли онь писаны по русски, французски. нъмецки или латински. Трудъ этотъ состоять имив изъ списка латинскихъ названій растеній въ алфавитномъ порядкъ. Лативскія названія приняты самыя общеупотребительныя при настоящемъ состоянів науки. При каждомъ названій растенія, приведены его русскія мъстныя, простонародныя, названія съ указаніемъ мъстностей, въ которыхъ употребительны они, имени лида, сообщившаго ихъ, или сочиненія, въ которомъ они обнародованы. Далье, приведены французскія и нізмецкія названія этого растенія, заимствованныя изъ лучшихъ ботаническихъ сочиненій и, наконецъ, названія на языкахъ различныхъ инородцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ-то: татаръ, финновъ, мордвы, черемисъ, чувашъ, эстоновъ, остяковъ, вотаковъ, тунгузовъ, армянъ, грузинъ и т. д.

Кром'т того, приведены фармацевтическія названія растеній врачебныхъ и главн'тышая синонимія растеній, получившихъ въ посл'танее время, въ наукъ, новыя названія.

Со времени изданія этого словаря, я имѣлъ случай собрать еще множество новыхъ матеріаловъ, которые увеличиваютъ сумму изданныхъ названій, можетъ-быть вдвое, но тѣмъ-не-менѣе я совершенно далекъ отъ мысли, что мною исчериано все. Зная по опыту, что пополненія подобнаго рода изданія совершаются медленно и только при содѣйствія многихъ сотрудниковъ, проживающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи,—я обращаюсь ко всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ журнала «Основы» съ моей покорнѣйшей просьбой—оказать содѣйствіе къ возможному понолненію изданнаго мною Ботаническаго Словаря сообщеніемъ:

- 1) всёхъ мёстныхъ простонародныхъ названій растеній, на какомъ бы то на было нарічім, съ указаніємъ, если возможно, свойствъ, употребленія растеній и, вообще, тёхъ данныхъ, которыя заставыли простолюдина обратить вниманіе на растеніе и дать ему имя. Вийстій съ тёмъ, прошу сообщить существующій выговоръ названія принятыми знаками ударенія;
 - 2) всъхъ названій на языкахъ различныхъ народовъ, живущихъ

въ Россіи. На эту просьбу прошу обратить особенное вниманіе. Большая часть нашихъ иноплеменниковъ, особенно тёхъ, ксторые живутъ въ Сибири, на Кавказѣ и Восточной Россіи, находясь вдали отъ сношенія съ другими народами, и не будучи знакомы съ научной сторойой цивилизаціи, естественнымъ—образомъ должны обратиться къ природѣ для отысканія въ ней удовлетворенія своихъ нуждъ въ практической жизни, и путемъ опыта и наблюденія изучить пользу или вредъ различныхъ растеній. Отъ этого, собраніе названій растеній, даваемыхъ этими народами, имѣстъ для насъ интересъ изслѣдованія; и я покорнѣйше прошу—вмѣстѣ съ названіемъ растенія сообщить, буде возможно, значеніе этого названія по—русски, не говоря уже, что знаніе свойствъ и употребленія этихъ растеній, у различныхъ туземцевъ, было бы въ высшей степени любопытно. Здѣсь также прошу обратить вниманіе на способъ выговариванія инородческихъ названій;

- 3) указанія на неправильности и ошибки, вкравшіяся въ нынта шаданное сочиненіе.
- 4) Имъя въ виду—въ слъдующее изданіе Ботаническаго Словаря ввести названія отдъльныхъ частей растенія, я при этомъ покоривише прошу обратить вниманіе на существующія простопародныя названія втихъ частей, которыя, въроятно, не всегда одинаковы въ различныхъ мъстностяхъ и, что всего замъчательнье, въроятно, не всегда совпадають съ названіями, принятыми въ наукъ. Это вопросъ тоже важный. Мы говоримъ вънчикъ, чашечка, прицвътникъ и т. д., а народъ, можетъ-быть, называетъ эти части ппаче.
- Вст другія свъдънія и пополненія будутъ приняты съ особенной благодарностью.

Всёхъ, желающихъ оказать мнт услугу сообщеніемъ просимыхъ мною свідтній, я покорнтите прошу адресовать своп письма по слітдующему адресу: ев Москву, въ домь Земледъльческой школы, Николаю Ивановичу Анменкову.

Вслучать затрудненія, какъ назвать по-латыни то растеніе, котораго извъстно мъстное, простопародное, русское или инородческое, названіе, я прошу присылать мит экземпляры самого растенія въ засушенномъ видъ. Вст издержки переписки и пересылки я съ удовольствіемъ принимаю на свой счетъ, высоко цтил одно участіе къ общеполезному дълу.

Н. Анненковъ.

BÍCTI.

Изъ г. Ромна (Полт. губ).

(3 марта, 1861).

Маслянская роменская ярмака. Маслянская ярмарка, но результамъ своимъ, илоха. Обыкновенно, эта ярмарка всегда пачиналась съ 15 февраля и длилась до 1 марта, а теперь, до 22 числа, не было покупателей и, начавшись съ 22, она все таки кончилась 1 марта. Покупателей было немного, покупали мало, сбираясь на плохую торговлю по городамъ, да притомъ, по случаю дурного пути очень дороги были провозы.—Казалось бы, послъ Крещенской (въ Харьковъ) и контрактовъ (въ Кіевъ), гдъ торговали очень хорошо, слъдовало ожидать и здъсь хорошей торговли, но вышло совершенио иначе: въ Крещенской ярмаркъ ръдкій изъ торговцевъ былъ педоволенъ ярмаркой, а въ Маслянской ръдкій доволенъ; — мануфактурщики торговалиплохо, еврейскій рядъ (галаптерейный) тоже; бакалейщики и сахарники, которыхъ здъсь было не много, тоже кръпко жалуются.

Касательно Украинскихъ товаровъ сообщаю вамъ слъдующее:

Воску здісь было до 2000 пуд.; въ началі ярмарки, ціна была 22 р. 75 коп.; потомъ, по причині неудобной и дорогой отправки, упала до 22 рублей.

Щетины было до 4000 пуд., цѣна—Слободской отъ 16 до 20 рублей, Рашевской—отъ 22 до 23 рублей.

Перо мелкое— $4^{1}/_{2}$ рубля за пудъ.

 Πyx ъ-16 рублей за пудъ.

 Γ рива— (3000 пудъ) отъ $3^{1}/_{2}$ до 4 рублей.

Заяцъ-въ заминкъ, безъ требованія, и хотя количество было

гораздо меньшее противъ промижто года, именно 120 тыс.;—но за него не давали и 20 рублей—(за сотию).

Табако лучий сорть до 12 рублей за куль (5 пуд.); средній до 10 рублей. Желгыхъ тонколистыхъ табаковъ здісь бываеть очень мало. Торговля этимъ товаромъ составляеть принадлежность Нъжвиа.

 $Caxapa\ pa\phiunada\ было не болье 10 тыс. пудъ; продавали отъ 8 р. 70 к. до 7 р. 70 коп.$

Песку сахарназо привезено было около 3 тыс. пуд. Проданъ тъ 5 р. 10 к., до 5 р. 60 к.—Назывались песками при заводахъ, оно въ покупки никто не входилъ.

Теперещняя зама причинила огромныя потери и извощикамъ и хозяевамъ. Дороги, отъ большого ситга, дотого дурны, что гдт было тады извощику 20 дней, тамъ онъ тхалъ 30 и 40,—многіе извощики измучили лошадей, разбросали товаръ и «попротлись».—Позднія отсюда отправки табаку заставляють многихъ призадуматься (товаръ этотъ боится подмочки, а теперь, отъ наступившихъ оттепелей, по дорогамъ много воды). Провозы здтесь достигли немиовтрныхъ цтнъ: въ Москву (разстояніе 740 верстъ) подъ табакъ и сахаръ платили 80, 90 к., рубль, съ пуда, и дороже; до Мценска подъ табакъ 40 коп.

За февраль, съ табакомъ, вышло въ Москву около 2 т. лошадей; съ сахаромъ и пескомъ около 500 лошадей; въ Мценскъ съ табакомъ до 700 лошадей. Были значительныя отправки табаку въ Ростовъ (Яресл. губ.), Калугу и Арзамасъ; главныя же отправки были въ январъ. До Елисаветграда (на Егорьевскую ярмарку) за мануфактурный товаръ платятъ рубль съ пуда; туда требуется ежегодно около 1000 лошадей.

0. H-in.

Шзъ с. Карабиновка,

(Новомосковскаго упада, Екатеринославской губ.).

(4 mapma, 1861 t.).

Разставшись съ ваши въ Петербургъ 12 ящаря, въ день выхода первой кинжен «Основы», я, возгратившись домой, получилъ ее толь-

ко 12 февраля, т. е. ровно чрезо месямь. Я вамъ и лично жаловался на чрезвычайно позднее получение у насъ сжемъсячныхъ журналовъ: вообразите себъ, что мы до сихъ поръ еще не получили злъсь жервыхъ книжекъ ни «Отечественныхъ Записокъ», ни «Современника», которыя уже почти шесть неджль какь вышли въ Петербургв! Въдь и мы, провинціальные подписчики на столичныя періодическія изданія, имбемъ свои права на вниманіе къ намъ гг. издателей вопервыхъ, мы доставляемъ не малую, едвали не большую, всравненін съ столичными подписчиками, матеріальную поддержку всякихъ періодических виданій; во-вторыхъ, болже или менже дальнее разстояніе отъ столицъ справедливо возбуждаеть въ насъ и большее нобопытство нь свёжимь новостямь, которое жители столиць могуть удовлетворять такъ или иначе, мы же единственно посредствомъ неріодическихъ изданій... Если старые журналы равнодушны въ этомъ случат, не смотря на неоднократно заявлявшіяся издателямъ ихъ какъ письменно, такъ и печатно, претензіи провинціальныхъ полинсчиковъ на позднее получение этихъ журналовъ; то вашему новому изданию въ видахъ успъшнъйшаго распространенія его и сугубаго интереса для провинціальных подписчиковь, которыхь оно, конечно, имъеть ирелиущественно въ виду, не мъщало бы подать первый примъръ скораго и исправнаго доставленія его въ провинціи. Ніть сомнінія, что высшее почтовое начальство, приглашающее къ обнаруживанію всякихъ неисправностей и неудобствъ для частныхъ лицъ по его въдоиству, не откажется содействовать благовременной равсылкъ по провинціямъ періодическихъ изданій, издаваемыхъ въ столицать. Естественно, чемъ скорее мы будемъ нолучать періодическія изданія, выходящія въ столицахъ, тімъ быстріве и діятельніве можеть быть и участіе съ нашей стороны въ нихъ-какъ кореспондентовъ и сотрудниковъ.

Этимъ самимъ я перехожу къ объщанію, данному мною вамъ, сообщать для вашего изданія нъкоторыя мъстныя свъдънія... Есть пословица: «что у кого болить, тоть о томъ и говорить». Вамъ извъстна моя библіоманія; поэтому начинаю библіографическими свъдъпіями, а за скудость ихъ не взыщите, по другой пословиць: «чъмъ богать, тъмъ и радъ».

Въ следствіе вызова редакціи «Основы», спешу сообщить о настоящемъ состояніи квижнаго дела въ г. Екатеринослава. Въ 1859 году, напечатана въ «Библіографических» Занискахъ» № 18. статья

ноя объ общественной библютекть и инижномь магазинть въ г. Екатериносласть. Въ ней было объяснено, что первоначальная формальная перениска объ учрежденін публичной библіотеки въ г. Екатеринославъ относится въ 1830 году; а въ 1834 г. 9, мая въ первый разъ еткрыта брбліотека, составивнаяся изъ книгь большею-частію нежертвованных, а въ теченік времени пополнявшакся почти исключительно періодическими изданіями, присылаемыми безденежно отъ развинъ соонцівльних реданцій. Но и эта первоначальная библютека истреблена пожаромъ въ 1836 году, во время помъщения ея въ домъ дворянскаго собранія; въ 1843 году, будучи везобновдена, она витьла нъвоторое время уситкъ, но, постоянно упадая, съ 1851 г. нерестала существовать вовсе. Изъ остатковъ этой библіотеки и новыхъ пріобрътеній, она открыта 1 сентября 1859 года и, по составленному тогда же каталогу, состояла изъ 546 сочиненій. Въ минувнемъ 1860 году она продолжала преуспъвать, и впродолженін года, пріобрътено дла нея на деньги подписчиковъ и посътитетелей 22 лучших періодических изданія русских и иностранных в и 102 тома разныхъ сочиненій, такъ, что теперь бибтіотека состоить изъ 1552 томовъ. Въ доходъ библіотеки поступило, отъ подписчиковъ и постатителей, 452 руб. 70 кон. Читавшихъ въ библютект и бравшихъ книги для чтенія на домъ было 153 лица. Библіотека эта обязана своимъ существованіемъ въ настоящемъ ея видъ г. Ульману. поторый завідываєть также и книжнымъ магазиномъ А. А. Смирдина (сыня) и коми. Магазанъ этотъ существуеть эдесь съ 1 сентябри 1858 года. Кинги въ этомъ магазинъ продаются по петербургскимъ пространиль м'ястную кинжную торговлю, еслибы не преилтствовала тому весьма медления доставка книгь носредствемъ тяжелыхъ транспортовъ, такъ-чю интересующіеся свъжими литературными новостями вынуждены выписывать книги изъ столицъ чрезъ почту: обоюдная потеря и для покупателей книгь и для магазина! По свъдъніямъ отъ г. Ульмана, въ минувшемъ 1860 году продано книгъ на 4782 руб. 92 коп. Въ статъъ «Библіографических» Записокъ» упоминалъ я, что главными покупателями были помещики; за ними следовали чиновники, ученики-особенно гимназисты и мальчики изъ евреевъ, потомъ полочноты-ивицы, купцы и мицане, и, въ последнее время, государственные престыяне. Больше всего распродано детскихъ книгъ и учебинковъ; затемъ, надо назвать полныя собранія произведеній

русскихъ классиковъ,-книги, относящіяся къ сельскому ховяйству и политико-экономической двятельности, -далве, сочинения богословския; романовъ и повъстей книгъ легкаго чтенія — безъ особеннаго внутренняго достоинства, почти вовсе не спрашивалось; математическія сочиненія не имъли хода; историческія, съ народнымъ интересомъ, какъ вообще все современное, продавались тотчасъ. Екатеринославъ, не смотря на относительную свою ограниченность но пространству и народонаселенію между губернскими городами, можеть почвалиться, что кром' типографін при губерпском' правленін ниветь две частныхъ тинографін съ литографінми, и одну собственно литографію. Въ типографія губернскаго правленія напечатана «памятная книжка для Екатеринославской губернів на 1860 годь», заключающая въ себъ 1) адресъ-календарь лицъ служащихъ въ губернім по всемъ ведомствамъ, 2) статистическое обозръніе Екатеринославской губерніи за 1859 годъ и 3) разныя свъдънія, какъ-то: о цънъ гербовой бумаги, о получении и отправлении почтъ въ Екатеринославской губериской почтовой конторъ и въ почтовыхъ мъстахъ Екатеринославской губернін, о разстоянін отъ г. Екатеринослава до смежныхъ губернскихъ городовъ, почтовой дорожникъ Екатеринославской губернін, свідънія о количествъ земли и о числъ нукомольныхъ мельницъ въ Екатеринеславской губернін, и, наконецъ, объ укадномъ городь Невомосковскъ, или, собственно, о кожевенномъ въ немъ промыслъ. Изданіе книги не двлаеть чести губернской тинографіи:---бумага и печать напоминають дыла давно минувших дней — предапья старины глубокой. За сообщенныя же въ намятной книжкъ свъдъны вельзя не быть признательнымъ заботливости мъстияго начальства и не пожелать, чтобы какъ въ Екатеринославъ, такъ и въ другихъ губери-СКИХЪ ГОРОДАХЪ ТАКІЯ НАМЯТНЫЯ КНИЖКИ ИЗДАВАЛИСЬ ОЖОГОДНО.

H. Musko.

Паъ Полтавы.

(Mapms 1861.)

I.

Подтавские колонисты. Болье 50-ти лить, какъ въ Полтавъ поселены измецкие колонисты; но до-сихъ-поръ, кажется, объ нихъ не вспомияли ин однимъ печатнымъ словомъ, какъ-будто этихъ нолежных в людей и не существует, или, какъ-будто совершенно вечего сказать объ нихъ; но стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобъ убълиться въ противномъ. Я представлю здёсь лишь краткій очеркъ нашихъ жоловистовъ, прося всёхъ, кому болёе моего извёстно ихъ положение, деполнить мой очеркъ (*).

На основанів доклада министра внутр. діль, утвержденнаго 20 нова 1808 г., для усиленія въ Россін сукнодълія, вызваны были изъ Бегенін и Моравін суконные фабриканты и поселены: — въ Полтавъ, 54 семейства (249 душъ обоего пола), и въ Константиноградъ — 41 семейство (218 душъ). При поселени ихъ, правительство сдълало ниъ разныя пособы: построены для нихъ на городской земль каменные дома; куплены, необходимые для сукнодълія, инструменты: для выявляя суконь, на счеть казны покупалась мерсть, а за работу. етъ штуки сукна, платилось 30 р. асс.; не кто хотълъ, -- могъ выдълывать сукно въ сырцъ (суровьъ) и изъ собственной шерсти; за штуку такого супна казна платела 20 р. асс. Завъдывалъ этими •абрикантами особый инспекторъ •абрикъ. — Повидимему, благосостояніе колонистовъ было упрочено; но на дълъ, оно годъ-отъ-году становилось хуже, и чрезъ 10 летъ, въ Высочайшемъ указъ, данномъ 27 Декабря 1818 г. министру внут. делъ, сказано: что «вностраниые суконинки находятся въ разстроенномъ положенін.» Для поправления ихъ благосостояния темъ же указомъ новелено: 1) каземный долгь съ колонистовъ сложить и не взыскивать; 2) каменные дома, въ конхъ они живутъ, предоставить имъ въ собственность и вресоединить къ дему необходимую часть земли для огорода и стиокоса; 3) вазовные выструменты для сукноделія отдать тоже въ собственность; 4) выдать замнообразно изъ казны, на каждое семейство, во сто р. на три года; 5) предоставить колонистамъ учредить у себя судъ и расправу, по нримвру прочихъ иностранныхъ колонистовъ въ Россін, еъ изъятісиъ ихъ отъ управленія, досель ими вавъдывавнаго; в 6) предеставить имъ свободу заниматься ремесломъ своимъ независимо отъ мъстнаго начальства. При этомъ, колонисты поручены въ особенное помечение бывшаго малороссийскаго генералъ-губернатора, на обязанность котораго возложено приведение ихъ ев лучшее устройство. Князь Ріпнинь, исполняя это повелініе, 13 мая 1820 года издалъ особую инструкцію, по которой для управленія колони-

^(*) За эти свъдънія приношу благодарность г. Дробышу.

стами учреждены приказы изъ старосты и двухъ бейзищеровъ, избираемыхъ обществомъ на три года.

Но и эта ивра не достигла своей цели; благосостояние колонистовъ не улучшилось: не смотря на то, что они никажихъ, ни частныхъ, ни государственныхъ повишностей не несутъ, они все таки приходили въ бъдность. Какая была поренная причина этого зла -трудно опредълить: сами колонисты находили её въ присоединения колоніи къ управленію государственныхъ инуществъ; сторенвія же лица причину объднения выдълн въ томъ, что фабриканты продаваль надълія свои (сукно, фланель, одъяла, и проч.) по самымъ инжинъ пънамъ, неръдко съ убыткомъ. Какъ бы то ни было, только вызъ Долгоруковъ, будучи генераль-губернаторомъ здъщняго края, обратиль внимание на бъдное положение колонистовь; и но ходатайству его, комитетъ министровъ призналъ «единственнымъ благонадежнымъ средствомъ къ улучшению благосостояния сабрикантовъ выдать имъ заимообразио, изъ полтавскаго приказа обществениаго призрѣнія 40,000 р. асс. на цять лѣтъ по $6^{\circ}/_{0}$. На это послѣдевало 4 ноября 1842 г. Высочаниее повельне, съ темъ, чтобы выдълываеное сврое фабричное сукно было поставляемо въ кременчугскую коминестаріатскую коминестію для обмундировинія рекрутъ нолтавской губорніи, съ платою за выделку штуни сукна въ сырпв. мърово 42 арилина, 7 р. 43 к. серебр. Въ то же время, учреждеть «особый комитеть» для улучшения состолени сукончыхь фабракантовь. Комитеть составляется изъ нести эленовъ, ивбираемымъ саминъ обществомъ взъ среды себя, подъ председательствомъ нопечителя келоній, назначаемого м'ястным'ь начальствомъ. --- Въ томъ же году. 13 апрван, объявлено Высочайнее новельное объ отчислени полтавскихъ колонистовъ изъ въдомства налаты государственныхъ имуществъ и подчинении ихъ общему городскому управлению.

Въ настоящее время, всёхъ нолонистовъ въ Полтивъ считиется 254, а въ Константиноградъ 268 душъ; но менъ инии вийдется не болве пяти-шести сколько-нибудь достаточныхъ семействъ; всё же проче въ самомъ скудномъ положенія, хотя долгъ нриказу общ. призрінія уже выплаченъ. — Гдів же, въ самомъ ділів, ало бідности? Между колонистами положештельно ильне ни пынинть, ни ворекъ, ни расточителей; всё они люди трудолюбивые, антуратные; по этчего они бідны? отчего правительственныя пособія не улучшили ихъ состоянія? Наши нівици объясняють это явленіе слід. образомъ: 42 арш.

суква выдълывается, семействомъ въъ 4 душъ, въ 14 дней; нри этомъ, кромъ труда, особрякантъ разскодуется на масло, клей, освъщене, отоплене, на починку виструментовъ, на валку, стрижку и отдълку суква, да на свей счетъ укупоритъ и отверетъ сукво въ Кременчугъ, гдъ изъ коминсіи ему дадутъ, за каждый аршинъ, 75 к.; а съ этого не ракживенься. По этому расчету выработаемъ въ сутки отъ 7 до 10 к. Развъ межно изъ этого содержать семейство? Слава Богу, тенерь долгъ казиъ уплатили, авось пеправнися!..»

Въ объихъ полоніяхъ, для поддержанія состарввинхей фабрикантовъ, заведены особыя сумпы, составляемый изъ ежегодныхъ ваносовъ. Каждый мастеръ вноситъ ежегодно 10 р., подмастерья—5, а ученикъ — 1 р. ассиг.; сверхъ того, при удостоеніи въ мастера, при выдачъ евидътельства, илатится, единовременно, 5 р. асс. Въ колоніяхъ находятся учители ифмецкаго языка, обучающіе дътей обоего пола и содержимые на счетъ общества. Всъ колонисты, при малъйшихъ средствахъ, охотно отдяютъ своихъ дътей учиться въ городскій учебныя заведенія. Въроменовъданія они частію лютеранскаго, частію римско-натолическаго; въ объихъ колоніяхъ устроены церкви (довольно бъдныя).

О чистотъ, опритности и честности колонистовъ нечего и говорить: стоитъ только придти въ воскресный день въ церковь, чтобъ увидъть, какъ эти бъдные труженики прилично одъты. За все существованія колоній, едва-ли между колонистами было два-три уголовныхъ преступленія, и наши присутственныя мъста не могутъ жаловаться на обремененіе ихъ дълами отъ колонистовъ, или о колонистатъ... (*)

Александръ Конисскій.

H

— — Чи воно жъ-таки до ладу слухать усякого полупанка, якъ почне розводить—про народъ и школи? Чого вінъ не наговорить! Чижъ

^(*) Редавція весьма была бы благодарна почтенному автору за сообщеніе савдавній о взаимныхъ отношеніяхъ туземцевъ — украйцевъ и поселенцевъ— намисевъ; безъ-сомивнія, можно подмітить много характеристическихъ чертъ сходства и различія обожхъ племенъ.

и міжъ ними мало текнуъ, ще кажуть: «судовикамъ не серомъ бреть хабарі, бо имъ мале жалованне дають;» такъ чи тежь імъ и ймуть віри? Гай-гай! та й годі!... Нехай же наша недільня школе бувае здорова, а ми поговориме де-про-що инче, приміромъ: хочъ про журнали й газети.

То-рікъ у Полтаві получалось усіхъ московськихъ и чужевеннихъ газетъ и вістинківъ мало не 800. Ми приведемо ліку тілько такіхъ, которіхъ получалось більше 10-ти штукъ: Московськихъ Відомос тей-45, Сина Отечества-43, Современника 36, Петербурських Відомостей 34, Русьного Вістника 29; Библіотеки для чтенія 26; Отечественнихь Записокь 23; Странника 23; Духовної Беседи, Вістника Министерства Юстиції и Вістника для Землевладільцівь по 20; Иллюстраціі 18; Нашого Времени-17; Народнёго Чтенія, Московського Вістника, Искри, Семейного Листка и Иногемніхь романівь —по 15, Вази 14; Библіотеки медицинськіх в наукь 12, Русскаго Слова 11. Приміромъ можно класти що усіхъ газетъ и вістинківъ торікъ у Полтаві виписувалось на 10,000 карбованцівъ; а въ сёму року мабуть буде білше. Книжокъ то-рікъ найбільше куповали: «Кобзаря, Хати. сочинений Білинського и Гизо. Кобзаря куповали бъ въ трое більшъ, колибъ бувъ дешевий; а то-якъ-таки бідному селянинові заплатить за книжку 2 карбованці? Отъ колибъ найшлась добра душа, та напечатала удруге дешевого «Кобзаря», такъ би сказать не дорогше коповика, щобъ то за добре діло було! П. А. Кулішъ надруковавъ у друге «Хату» да все таки не подінно для селянъ. А скілько доводилось мині стрічать людій, котрі и проби ради бъкупити «Кобзаря,» або «Хату», та ба! у кишені пусто! и виходить, що рада бъ мама га пана, да панъ не бере... Намъ здаетця, пайкраще бъ було, коли бъ хто ставъ видавати для народу дешевий вістникъ на українскій мові: наъ сего бъ вийшла польза не тільки для селянь, а й для всіхъ насъ; бо такимъ вістникомъ ми скорій усёго установили бъ чисту литературню и, разомъ, народню українську мову.

Теперъ поведемо річъ о дорозажь. Звісно, що въ Полтаві грунтъ земли длеёватий, а черезъ те́—у весну, а особливе—осінню, по улицяхъ стоіть пекельна грязюка. Кому доводилось іхать въ грязь у Полтаву изъ—за Ворскли, черезъ Поділъ на гору, тей, певно, набрався доброї чиховиці що и досі памьятуе. У самому городі есть-таки улиці, вимощені каменемъ. До 1860 року було мощенихъ улиць, здаетця,

мість; улиці загодивъ нанятий Думою по домосору Еврей Герштейнъ; та лагодивъ-то не дуже пильно: бувало, въ грязь, и на мощений улиці ускочинь такъ, що коли не колесо, то швирень лусне. Торішнёю весною, п. губернаторъ, эббравин гередскиу громаду, сназавъ, не вей би вона порадилась, якъ-би такъ дучче вробить, щобъ и улиці похожа були на улиці и щобъ казнінамъ поменьшить мостову плату. Громада нарядила одъ себе виборнихъ. --- людей чеснихъ и иравдивихъ; вибориј перемірван улиці и, зібравшись на раду, вищитали, що якъ будуть вони самі наймать роботинийвъ лагодить улиці, то и хазяівамъ буде легию и ульці краще можна держать. И справді, теперь ульці тіжъ самі, mó й були, та ізда по імъ в геть-то краща! От-такъ и у всякому громадському ділі-треба що бъ громада не здавалась на маймитівь. Коли бъ ще наша громада нарядила одъ себе виборнихъ на повірку, якъ полиціянти у темні ночі світять по улицямъ лихтарі. Не дала бъ вона и тутъ маху! Ми знаемо, що й до сёго діла старші приглядувались, такъ одному жъ чоловікові не розірватьця; а лихтарі придумані для всеі громади и на громадські гроши; громада и повинна сама глядіть свое добро, а коли що найшла не такъ объявить кому слідъ: — отъ и буде усе гараздъ! Ми чули що у насъ думають Городську Думу переробить по приміру петербурської. Нічого й говорить яка бъ одъ сёго була польза всеі громади. Я ніякъ не візьму собі въ голову: чого такъ. що тільки изъ самихъ кунцівъ та зъ міщанъ можна вибірати городського голову? Чому не можна настановить головою усякого розумного чоловіка, коли вінъ у городі має свою оселю? И чого се такъ, що головами вибірають людей — аби багатихъ, а тамъ — нехай хоть жуки гудуть у голові, коли кишеня у его повна. Хіба жъ таки у кишені водитци розумъ? Хіба кишеня загляне уво всі народні нужді? Хіба вона ділитьця зъ біднимъ? Ні, вона буде ділитьця та не съ тимъ, кому справді треба, а.... вона знае съ кимъ....

Покиль-то ще переобразують Думу, скажемъ слово о погоді. Ні одинъ полтавський дідъ зъ 1836 року не зазнае такої зіми, якъ була остатня. За неділю до Рездва, якъ сталь валить смігь, якъ стали кренить морозы, да такі що градусівъ въ 30-ть, та такечки більмъ місяця крепили. Холоднеча така була, що крий Боже! Глянешъ-було на двіръ, та заразъ и назадъ, бе на дворі що-дня

«Реве́-сто́гне хурто́вина, Ко́тить, ве́рне по́лемъ»....

Черезъ такую холоднечу, тоныве въ Полтавъ дуже подорогнало: за сажінь дровъ платили карбованцівъ по 14, або й зъ половиною. Гіршъ усёго зіма далась у знаки, тимъ, у котрихъ нема
своїхъ хатъ. Плата за кватирі геть-то новизшала; проізжающі платили по гостинницинъ, за одну кімнатку, по півтора карбованця въ
сутки. А снватешъ: чомъ такъ дерого? Кажуть: — тонливо дороге.
Не жаль би ще платить, колибъ хоть хату теплу одвели, а то —
одниъ мій приятель росказувавъ, що у гостинниці вінъ підъ двома
кожуками цілісеньку нічъ дрижаки івъ. Да таки и всі хазній нолтавскі не сміють поцінно наймать кватиръ. Прійде, кажуть,
Ильінскій армалокъ, ми свого не загубимъ. И справді, у ярмаркову
нору зъ приівжого беруть якъ за рідного батька.

Хто бувавъ объ Иллі въ Полтаві, той знае чи правду я кажу. Правда, що у насъ хозяінамъ тільки и заробітку, що зъ кватиръ: ну, да все жъ таки, треба и честь знать....

влександръ Переходовень.

Изъ Лубенъ (Полтавеной губ.)

(21 anproxx, 1861 1.).

Лувенская воскресная школа. Воскресная школа, объ открытів которой мы хлопотали еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 года, наконецъ, послѣ многихъ препятствій и затрудненій, встрѣчаемыхъ добрымъ дѣломъ та́мъ, гдѣ еще не всѣ сознали его необходимость, открыта въ Лубнахъ 25 марта 1861 года при лубенскомъ уѣздномъ училищѣ.

Средства нікомі такъ ограниченны, что ны не нивенъ возножности поощрить учащихся предоставленіемъ ниъ на домъ учебныхъ пособій, между—твиъ—какъ число учащихся для Лубенскаго народонаселенія, не превышающаго 4000 душъ, очень достаточно; 25 марта явилось въ воскресную школу учащихся 72, а 26 марта—77 чело—въкъ; изъ этого числа было 40—мичего незнающихъ, 26—знающихъ склады, а 11—умъющихъ читать.

Не смотря на то, чте учреждене воскресных вколь одобрено и неощряеме правительствомъ и обществомъ, отсталые лиди, не что бы то ни стало, не хотятъ уступить современному ваправлению образованія: такъ, 9 апръля, въ воскресной зубеженой школь опазалась половина только учащихся, посттившихъ ее въ первый разъ, по той причинъ, что неблагонамъренные люди увърили многихъ учениковъ въ томъ, что за обученіе въ воскресной школь будутъ впослъдствіи налагаемы на нихъ казенныя работы!.. Ученики, посттившіе воскресную школу 9 апръля, объявили, что именно по этой причинъ не явились дъти мъщанина Костырки и работники портнаго Лейзера.

Преподаваніе въ школѣ раздѣлили между собою учители Лубенскаго уѣзднаго и духовнаго училища. Блюститель школы, —онъ же первый подалъ и мысль объ ея учрежденіи, —Денисъ Дмитріевичъ Тирютинъ, кромѣ главной свосй обязанности принялъ участіе и въ преподаваніи. По предложенію Дениса Дмитріевича, занятія въ школѣ распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ:

Школа раздъляется на два класса: въ 1-мъ учатся, по группамъ, грамотъ — ничего еще незнающіе, во 2-мъ — начинающіе и умъющіе уже читать.

Во 2-иъ классъ, 1 полчаса опредъляются для чтенія,

- 2 » в риометики,
- 3 » » русскаго письма,
- 4 » » въроученія.

Въ первые три полу-часа преподаватели занимаются по группамъ; 9 апръля на каждаго преподавателя приходилось по 2 и по 3 человъка. Старшіе ученики уъзднаго училища помогаютъ въ преподаванім подъ наблюденіемъ преподавателей:

Въ 1-мъ классъ, 1 часъ опредъляется на обучение грамотъ, полчаса » изустному счислению, полчаса » въроучению.

Такое распредъление оказывается очень удобнымъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы—печатно пригласить всёхъ сочувствующихъ доброму дёлу — помочь намъ высылкою книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Въ нашемъ народѣ, любознательности и потребности сознательнаго образованія—много; позвольте же надѣяться, что и наша школа не останется безъ отклика и участія.

Пособія для мужеской лубенской воскресной школы могуть быть высываемы или на имя блюстителя школы, Дениса Динтріевича Ти—рютика, или на мое.

Распорядитель лубенской мужской воскресной школы,

Василій Мевичъ.

отъ редакции.

Ф—ну Га—з—ну, ет Ніжнит. Дуже Ванъ дікуенъ за тепле слово и за «Максима Галу́зу.»

В—са—р—ну И—чу В—со—су, съ Убу. Вы совершенно правы; мы искренно благодарны Вамъ за совътъ; постараемся неполнить его по мъръ возможности. Впрочемъ, намъ слъдуетъ дерожить лишь тъмъ сочувствиемъ, которое проявляется не подъ вліяніемъ миновеннаго впечатльнія. Намъ незабвенный поэтъ выше всего цънилъ искренность и постоянство.

М—д—у Г—л—чу Д—м—скому, съ Хороль. Гара́здъ говорите! Вашъ листъ и стихи прочитали им ра́зъ и вдру́ге. Не забува́йте про насъ, а им Вамъ щи́рою пра́вдою одда́чимо.

Ал—д—у П—т—п—чу К—р—т—ку, въ Екатеринославъ. Постараемся исполнить Ваше желаніе; не просинъ немного обождать. Отвътинъ особынъ нисьномъ.

М—х—лу М—чу А—ч—ку, ес Ананьесь. Всё Ваши посылки получены; мы чрезвычайно признательны Вашь за никъ. Нась очень радуеть Ваша неутонимость; отъ Вашего винистальнаго изученія мы ожидаень иного полезнаго и весьма дорожинъ Вашинъ сотрудничествомъ.—Не забывайте писать къ намъ чаще обо всемъ, что вокругъ Васъ происходитъ; мы съ удовольствіемъ читали «Степныя письма».

Ан—р—ю Г—р—чу М—др—ка, съ Козелецъ и Вл—ру Ши—ч—ку, съ Кишинесъ. Ваши инсыма, съ статьями, получены нами съ благодарностью. Просииъ обождать окончательнаго отвъта до следующей книжки.

П—ну Га—ку, съ Москеу. Багато де́-объ-чінъ треба Ванъ одинсати, да чи тожъ ле́гко вільного ча́су діждатись? Найкра́ще, якъби́ Ви самі у на́му ха́ту загла́нули.

М-х-лу С-пр-у, ев Воропеже. Ваше желаніе и Вашъ

упрекъ вполнъ справедливы; мы въримъ Вашему участію и отвъчаемъ искреннею благодарностью. Мы давно сознаемъ замъченный Вами недостатокъ, котораго никакъ не могли предвидъть въ началъ дъла, — принимаемъ мъры къ его устраненію, и надъемся, что время, а можетъ быть и наше стараніе исправитъ его.

М—кс—му Ч—рп—у, вт Кієвт. Безъ сомнівнія, будеть напечатано, — хотя не всетдя вполять, — все, что Вы сообщите; возраженія могуть найти місто въ «Основі», если они не противорічать существеннымь убіжденіямь. Ваше возраженіе съ эпиграфомь: «правду ріжь», тоже будеть номіщено, если Вы потрудитесь ясніте высказать, развить, свои мысли. Надісмся, «второе письмо», за которое испрешно Вамъ благодарны, войдеть въ VI инижку. Съ нетерпівнісмь ожидаємь оть Васъ извістій о многихь явленіяхь містной общественной жизни.

Отчетъ о неревезеніи тъла покойнаго Т. Гр. Шевченка на родину, отлагается по обстоятельствамъ, до слъдующей кинжин. Ожидемъ пристрыхъ свъдъній и представимъ свой отчетъ въ возможно-полномъ вилъ.

Послѣ Т. Гр. Шевченна здёсь остались еще непроданными нѣноторыя его гравюры, рисунки и рисовальныя принадлежности. Желающіе пріобрёсти себѣ что-либо изъ этихъ предметовъ, или узнать подробности, могутъ обращаться въ квартиру Михаила Матовевича Лазаревского, домъ Воронина, въ 5-й линіи, противъ сада Акаделіи Художеотвъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-Й КНИЖЕВ «ОСНОВЫ».

Байдики бить—проводить время въ праздности, бить баклуши.

Бачития-кажется, видится.

Бідкатись — жаловаться на нужды, недостатив, неудачи.

Благу́ щий — умоляющій.

Блимать-слабо свытиться.

Баудить - сбиться съ пути.

Бухикать—кашлять (густымъ кашлемъ).

Ва́лява—куча, множество (севгу). Вбива́тись—жалёть, тосковать.

Вгамуватись—уняться, успоконться.

В доволияти — довольствовать, удовдетворять.

Видирать — забирать, вытаскивать (изъ гивадъ и норъ детеньшей).

Видъ-лицо.

Витребеньковать — выдумывать, болгать.

Виклика ти—вызывать.

Вогина-сырой, влажный.

Волочить-боронить.

Fa-ra!-memgometie.

Гидкувати-брозгать.

Гвучкий-гибкій.

Годинникъ-часы. Гови-извъстное разстояще; гомин мамъряютъ вспаханное поде: «виоравъ гоней зо дві».

Грімъ-громъ.

Грудочка-комочекъ.

Градъ-градъ.

Гунуть-устремиться толной; толкмуть сильно.

Гучний-вручный, громкій,

Дзидарі—часы. Дихать—дыщать. Дуданть-пить съ жадностью (дуть).

Забитна (дорога)—занесенная (сев-

За-вітромъ--- по теченію вітре.

Заволокти-подернуть, затянуть.

Задріпана (одежа) — съ запачкан-

Зайвий-лишній

Заморочить-обмануть, затуманить.

Заполочь—прасныя бунажныя нитки, которыми вышивають воротники и рукава рубашекъ, полотенца и другія вения.

Вахолонуть-застыть.

Зашанотіть — защумыть выатьемъ; защелестыть.

Збите-вытонтано.

Вляка́ тись—испугаться.

Змигать-мигать.

Зоупнийть-удержать, остановить.

Истикъ — деревяная, заостренная, довольно большая панка, моторую (влуга́таре (работникъ, упревляющій сохою или плугомъ) во время оранія держить въ рукъ и очищаеть ею приставшую къ плугу или сохъ землю.

Каланутний — грязный, взболтанный (о водь и о другой жидкости).

Кемині; ке сюди-подай мив.

Клацъ-клацъ! — междометіе, выражающее щелкалье зубами (о волка).

Коверзувати — своенравничать, вертеть по своему.

Ковтать-плотать.

Ковирить (ушина) — насторожить (уши), прислушивалься.

Roná—шесть десять споповържи яли фугаго хлаба.

Кубло-гивало,

Личко-(умен.)-лицо.

Лопъ-лопъ! -- хлопъ-хлопъ! (междометіе эвукоподражательное, означающее клопанье птицъ крыльями).

Mанія́—привидівніе, призракъ, фан-TOMB.

Манячить — виднізться фадали въ неопредвленныхъ формахъ.

Ме-ме!-междометіе, обозначающее блеяніе овецъ.

Млинъ-жельница.

Муштра-солдатское ученье.

Наброіть — наколобродить, наді**лать** безпорядку.

Навперейми — навстрвчу (забъжать кому, чтобъ задержать),

Навпрошки — напрямикъ (о доport).

Нагибать-набрести, найти.

Нагодувать-накормить.

Назорить-успотрыть, завидыть.

Нарікать — роптать, обвинять.

Настигнуть — догонять, поспъвать, DOAGCURES.

Наський - домашній, доморощенmu#

Но-подалець-неподалеку.

Незабутини— перабвенный

Нес-такъ-не такъ много, не столь-NO PART.

Несчутись-не замѣтить, не опомниться; слово это происходить отъ гл. чуть, слышать и всегда употребляется въ отрицательной формъ.

Не́хворощъ — artemisia campestris, L., растеніе, муъ котораго дізаютъ DBHHKW.

Ні-щ о́-- ничто́.

Обдина (живітъ)-дуетъ (животъ).

О дятъ - одежда.

Ополовие-прорубь.

Осторонь-всторонь, ноотдаль. Отъ-о́тъ-вотъ-вотъ.

Пагонці—молодые побъги, отрост-RH.

Перелігъ-нива, вспаханная прошдый годъ.

Перенівечить — испортить, привесть что въ дурное состояніе. Слово это употребляется въ рвчи не только о вещахъ, напр. изнівечить кожухъ (тулушь), но и о человый, напр. чодовиъ (мужъ) нанівечнаъ жінку.

Перестрибнуть - перепрытнуть, DEDECROUNTS.

Питати-спрацивать. Підводитьця-привставать.

Повертатьця-ворочаться (съ бокуна-бокъ).

Позаторікъ-третьяго году.

Полинуть-полетыть.

Поназбігались — сбъжались, стол-

Поскоритьця - поторопиться, поспъщить.

Помістъ-полъ.

Почимчикувать — побрести, по-

Почуть-слышать, почувствовать.

Притьмовъ-скоро, поспышно.

Провалля - глубокій, обрывистый оврагъ, провалъ.

Прожогомъ-весьма быстро, стреинтельно, произительно.

Пручатьця — высвобождаться, вырываться.

Пуга-плеть.

Ралець-приношение должностному лицу: папу.

Розважать - развлекать, успоконвать.

Рештувать - снаряжать.

Рушить-тронуть, трогать; тровуться съ мъста.

Савка—Савелій.

Секлета — Сигклитикія.

Сила (вовківъ) — множество (волковъ).

Сібірний (ругат. слово) — заслуживающій Сибири.

Скорбота-скорбь.

Слезина—слеза.

Слопець-

Срібло-серебро.

Срібнохвилий — Среброволиый. 🔻

Ставокъ — небольшой прудъ.

Стійло-стойло.

Стовпъ-столбъ,

Стопцёваний — истоптаный, вы-

Стрибайчичокъ - Зайчичокъстрибайчичокъ — (умен.) пригум-THETA.

Торікъ-прошлый годъ. Торба-мъщокъ.

Улягать—велегать.

Упадився—повадился. Унишкнуть — утихнуть; присиирвть.

Жва́брий—храбрый, бойкій.

Хихикать-хихикать, сивяться.

Хля́да слякость. Xóus—abra.

Худа́ — выюга.

Х у́рія—иятель.

Хустиця-платочекъ.

Цькувати-травить (собаками).

Ченіга-одно нев созвіздій.

Черідка — свиное стадо; уменьши-тельное слово оть череда (стада им: ровъ). Коровы и свишьи, возвращаясь съ поля, идугь одне за другой, въ ийно-торомъ порядка или стереди; варолгмо, оттого и слово череда.

Чистобрека — тогь, кто гладко

вреть.

шать (о волахъ, коровахъ).

Чор-виа-чого-чорть знасть чего. Чудасія—диво, чудо.

Мара — одълніс; окладъ на обра-BRIT.

Brél-Bre-rél-An al

Дрочокъ-побольщой серать.

Лнчко-(умен.)-лицо.

Лопъ-лопъ!—хлопъ-хлопъ! (междометіе звукоподражательное, озвачающее хлопавье птицъ крыльями).

Маній—привидвніе, призракъ, фантомъ.

Маня́чить — видивться издали въ неопредъленныхъ формахъ.

Ме-ме!—междометіс, обозначающее блеяміс овецъ.

Млинъ-тельница.

Муштра-солдатское ученье.

Наброїть — наколобродить, наділать безпорядку.

Навперейми — навстръчу (забъжать кому, чтобъ задержать),

Навпрошки — напрямикъ (о до-

Нагибать — набрести, найти.

Нагодувать-накоринть.

Назорить—усмотрёть, завидёть. Нарікать — роптать, обынять.

Настигнуть — догонять, поспавать, нолосивы.

Наський — домашній, доморощен-

Но-подалець—неподалеку.

Незабутини— незабаенный

Нес-такъ-не такъ много, не стольно вакъ.

Несчутись—не заметить, не опомниться; слово это происходить отъ гл. чуть, слышать и всегда употребляется въ отрицательной формв.

Нехворощъ — artemisia campestris, L., растеніе, изъ котораго дізають візники

Ні-що́- ничто́.

Обдина (живітъ)—дуетъ (животъ). О дягъ — одежда.

Ополоние-прорубь.

ополонке-проруев.

Осторонь-осторонь, ноотлаль.

Отъ-отъ-вотъ-вотъ.

Пагонці-молодые побыв, отрост-

Перелігъ—нива, вспаханная прошлый годъ.

Перенівечить — испортить, привесть что въ дурное состояніе. Слово это употребляется въ річни не только о вещахъ, напр. изнівечить кожухъ (тудунъ), но и о человікъ, напр. чоловікъ (мужъ) извівечивъ жінку.

Перестрибиўть — перепрытнуть, перескочить.

Питати—спрашивать.

Підводить ця—привставать.

Повертатьця—ворочаться (съ бокува-бокъ). Позаторікъ-третьяго году.

Полинуть-полетыть.

Поназбігались — сбіжались, столпились.

Поскоритьця — поторопиться, моспъшить.

Помістъ-полъ.

Почимчикувать — побрести, поплестись.

Почуть-слышать, почувствовать. Притьмовъ-скоро, поспешно.

Провалля — глубокій, обрывистый оврагь, проваль.

Прожогомъ — весьма быстро, стремительно, провантельно.

Пручатьця — высвобождаться, вырываться.

Пуга-плеть.

Ралець-приношение должноствому лицу; папу.

Розважать — развлекать, успокон-

Рештувать-снаряжать.

Рушить — тронуть, трогать; тронуться съ мъста.

Cáвка—Савелій.

Секлета — Сигилитикія.

Сила (вовківъ) — множество (вол-ковъ).

Сібірний (ругат. слово) — заслуживающій Сибири.

Скорбота-скорбь.

Слезина-слеза.

Слопень—

Срібло-серебро.

Срібнохвилий — Среброволный.

Ставокъ — небольшой прудъ.

Стійло-стойло.

Стовпъ-столбъ.

Стопцёваний — истоптаный, выбитый,

Стрибайчичокъ — Зайчичокъстрибайчичокъ — (умен.) прятувчикъ,

Торікъ-прошлый годъ. Торба-мізшокъ.

Улягать—валегать.

Уна дився — повадился.

Унишкнуть — утихнуть; присин-

Жва́брий—храбрый, бойкій.

Хихикать-хихикать, сивяться.

X ля́да слякость.

Хо́ля—нвга.

Худа —вьюга.

X у́рія—мятель.

Хустиця-платочекъ.

Цькувати-травить (собанами).

Ченіга-одно изъ созвіздій.

Черідка — самное стадо; уменьши-тельное слово отъ череда (стада ий: ровъ). Коровы и свиньи, возвращалсь съ поля, идугь одна за другой, въ вънс-торомъ порядив или очереди; въролгво, отгого и слово череда. Чистобре́ка — тога, кто гладке

врегъ.

THÉMPES -- TRÉBETS -- CRISCO AN-

шать (о волахъ, коровахъ). Чор-зна-чого—чорть знасть чего. Чуда́сія—диво, чудо.

III претимента и претимента на обра-BAXT.

Bról-Bro-rél-As, al

Дрочокъ-побольной серать.

Библюграфическія и музыкальныя извъстія.

o BMX042

- Регорой Крижки

BUBAIOTEKH AM ABTCKAFO TIBELA.

При 4-мъ нумеръ «Русскаго Педагогическаго Въстника», вышла 2-я книжка *Библіотеки для Дітскаго Чтенія*. Содержаніе ея слъдующее:

- 1) Беседы о природе. (Беседа вторая: общія сведенія изъ анатоміи и физіологіи, съ тремя рисунками.)
 - 2) Географія въ разсказахъ.
 - 3) Солнце, земля и луна.
 - 4) Секундные часы, съ 15-тью рисунками.
 - 5) Теплая вода. Изъ Бока.
 - 6) Лошадь. Изъ Бюффона.
 - 7) Смерть Шевченка.
- 8) Украинскій козакъ въ степи. Изъ поэмы «Марія» Мальчевскаго.

При этой книжкѣ приложены: портретъ Тараса Григорьевича Шевченка, гравированный на камнѣ, и 18-ть рисунковъ (къ статьямъ 1-ой и 4-ой), гравированныхъ на деревѣ.

Подписка на «Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» принимается: въ Петербургѣ — въ конторѣ журнала «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова, а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшниксва.

Цѣна за годовое изданіе «Библіотеки», состоящее изъ шести книгъ, 6 рублей съ пересылкой и доставкой, а для выписывающихъ ее вмѣстѣ съ «Русскимъ Педагогическимъ Вѣстникомъ»—5 рублей, или за «Русскій Педагогическій Вѣстникъ и Библіотеку для Дѣтскаго Чтенія» 13 рублей. Можно получать каждую книжку отдѣльно по 1 руб.

Для воскресныхъ школъ уступается по слъдующей цънть: за годовое издание «Библютеки»—2 руб. съ пересылкой, а отдъльно—первая книжка по 25 коп. сер., вторая книжка по 41 к. сереб.

Редакторъ и издатель Александръ Григоровичъ.

Digitized by Google

подписка принимается:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ: въ конторъ «Основы» при книжномъ магаздиъ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектъ, противъ Публичтов Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашениникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВЪ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВВ: у В. Г. Борщевскаго;

ВЪ ПОЛТАВВ: у Э. Л. Изопольскаго и Эн. Гр. Чижака:

ВЪ ТАГАНРОГЪ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССВ: у Ал. С. Великанова,

и у другихъ извъстныхъкнигопродавцевъ.

Посылки и письма следуетъ адресовать: Редактору «Основы», Василно Михайловичу Бълозерскому, въ С. Петербуриъ, у Круглано Рынка, въ домъ Принца Ольденбурскаго.

Цѣна за 13 книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, В рр. 50 кв. безъ пересылки, 10 рр. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургъ.

Подписавшіеся и посл'в выхода 4-хъ книжекъ «Основы» получаютъ все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбоми, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкъ Основы), будутъ выходить непрерывно каждый мъобиъ.

Цъна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою, для тъхъ лицъ, которыя подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки и 6 р. с. съ пересылкой; — отдъльно, за каждый рисунокъ, 30 к. с., а за всъ рисунки виъстъ, когда они будутъ изданы, назначится цъна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мъди, отпечатаны на китайской бумагъ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ разиъръ Основы. Иногородные будутъ получать рисунки ежемъсячно.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Ди. Еф. Кожанчиково и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектъ. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями на имя Льва Михайловича Жемчужникова, въ Ц. Петербурть; на Васильевскомъ островъ, по 10-й мини, въ домъ Соловева, — и въ редакцію Основы.

Digitized by Google

* QCA

OCHOBA

1861

I Ю Н Ь

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Ковзарь, XX-XXIII. Придсмертні думи, Т. Г. Місиченка.
- II. Дивинкъ Т. Г. Місиченка.
- III. Не було змалку-не вуде до'станку, А. Вечуй-пітеръ.
- Значение Шевченка для Украины. Проводы тъда его на Украину изъ Петербурга.
- V. Автовіографія Бълокопытвика, М. Т. Номиса.
- VI. Заматка о павца Митуса, М. А. Максимовича.
- VII. Святій Вкчірь, М. Т. Номиса.
- VIII. Имсьма о пчеловодства, ж. м. Костенециаго.
 - IX. О преданіяхъ въ древней русской латописи, М. М. Сухомлинова.
 - Х. Объ ярмаркахъ (до сільскіхъ парафіянъ).
- XI. Училища, образовавшияся на юга въ посладнее время.
- XII. HPOMAHIE M. MB. HEPOTOBA.
- XIII. НЕДОРАЗУМЪНІЕ ПО ПОВОДУ СЛОВА «ЖИДЪ.»
- XIV. Концертъ 27 апрыя, А. В. Нобратима.
- XV. Вовчиця, М. М. Свячченка.
- XVI. Вісті. (письма изъ разныхъ южнорусскихъ мъстностви).
- XVII. ОВЬ МЭДАНІМ »ЧЕРНИГОВСКАГО ЛИСІКА.«
- XVIII. Объясивнів къ рисункамъ »Живописной Украйны», «Я. М. Месмчужением».
 - ХІХ. Отвъты редакція.
 - ХХ. Объяснини неудовопонятныхъ украмискихъ словъ.
 - XXI. Бивагографичиское извъстие.

OCHOBA

южно-русскій литературно-ученый

ВЪСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьский Вемаи.» Владимірь Мономахь.

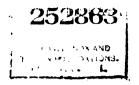
1861

понь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

RA TEDOTPAGIN H. TEBJEHA N KOMU-

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ твиъ, чтобы по отпечатанія представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петерб ургъ, Іюля 16 дня, 1861 года. Ценсоръ Ст. Лебедесъ.

КОБЗАРЬ.

предсмертні думи.

XX.

Не нарікаю я на Бога,
Не нарікаю ні на кого:
Я самъ-себе, дурний, дурю,
Та ще й співаючи... Орю
Свій перелігъ—убогу ниву,
Та сію слово: добрі жнива
Колись-то будуть!... И дурю—
Себе-таки, себе-самого,
А більше, бачитця, нікого....

Орися жъ ти, моя ниво, Доломъ та горою, Та засійся, чорна ниво, Волею ясною! Орися жъ ти, розвернися, Полемъ розстелися, Та посійся добримъ житомъ, Долею полийся! Розвернися жъ на всі боки, Ниво-песятино! Та посійся не словами, А розумомъ, ниво! Вийдуть люди жито жати.... Веселиі жийва!... Розвернися жъ, розстелися жъ, Уботая ниво!!

Чи не дурю себе я знову
Своімъ химернимъ добримъ словомъ?...
Дурю! Бо лучче одурить
Себе-таки, себе-самого,
Ніжъ зъ ворогомъ по-правді жить
И всуе нарікать на Бога!

Сентября 1861 р. Петербургъ.

XXI.

Якъби съ кімъ сісти, хліба ззісти, ---Промовить слово, — то воно бъ, Хочъ и якъ-небудь, на сімъ світі, А все бъ таки якось жилось. Та ба!.. нема съ кімъ! Світъ широкий, Людей чимало на землі,... А доведетця одинокимъ---Въ холодній хаті кривобокій, Або підъ тиномъ—простягтись!... Або... ні!... Треба одружитись, Хоча бъ на чортовій сестрі! Бо доведетця одуріти Въ самотині... Ишениця, жито, На добрімъ сіялось лану, А люде такъ-собі пожнуть И скажуть: - десь ёго убито, Сердешного, на чужині... О горе, горенько мені!...

Т. Шевченко.

4 ноября 1860 р. Цетербургъ.

дневникъ т. рг. шевченка.

Второй отрывокъ.

1857 г., 19 іюня.

Вчера ушелъ пароходъ въ Гурьевъ и привезетъ оттуда вторую роту и самого баталіоннаго командира, а по случаю прибытія его сюда,— остающаяся здѣсь рота, къ которой принадлежу и я, готовится къ смотру. Для этого важнаго грядущаго событія, мнѣ сегодня пригоняли аммуницію. Какое тягостное грядущее важное событіе! Какая безконечная эта пригонка аммуниція! Неужели и это еще не въ послъдній разъ? — — — Въ дѣтствѣ, сколько я помню, меня не занимали солдаты, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми.

20 іюня.

Сегодня рота придетъ въ Гурьевъ, а по случаю полноводія въ Уралъ, она пройдетъ прямо на Стрелицкую-Косу, и сегодня же сялетъ на пароходъ. Завтра рано пароходъ подыметъ якорь, и послъзавтра высадитъ роту въ Новопетровской гавани. Держись наша офиція! гроза, гроза ужасная близится. Баталіонный командиръ, подобно тучегонителю Кроніону, грядетъ на тебя въ облацъ мрачнъ, въ томъ числъ и насъ солдатиковъ. Многіе уже блажатъ и умоляютъ эскулапа засвидътельствовать ихъ небывалыя немощи душевныя и тълесныя, а наче—душевныя. — — —

«Къ добру ли это я такъ сегодня разфантазировался? Въ прежніе годы, въ эти истинно-критическіе дни, со мною этого не было. Не было однакожъ и того, не въ похвалу будь сказано, чтобы я пратался водъ кровомъ стоновъ и воздыханій. Въ этомъ случат я никогда не искалъ медицинскаго пособія. Съ трепетнымъ замираніемъ сераца

я всегда фабрилъ усы, облачался въ броню и являлся предълицо отца-командира сдать экзаменъ въ пунктахъ, ружейныхъ пріемахъ и, въ-заключеніе, выслушать длиннъйшее наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя бравый солдатъ, — любить Бога и своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ дядьки и капральнаго ефрейтора. — — — —

Странно еще вотъ-что. Все это неисповъдимое горе прошло какъбудто не касаясь меня. Малъйшаго слъда не оставило по себъ. Опытъ, говорятъ, есть лучшій нашъ учитель. Но горькій опытъ прошелъ мимо меня невидимкою. Мнъ кажется, что я точно тотъ же, что былъ и десятъ лътъ тому назадъ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образъ не измънилась. Хорошо ли это? Хорошо. По-крайней-мъръ, мнъ такъ кажется. И я отъ глубины души благодарю моего Всемогущаго Создателя, что онъ не допустилъ ужасному опыту коснуться своими желъзными когтьми моихъ убъжденій и младенчески-свътлыхъ върованій. Нъкоторыя вещи просвътлъли, округлились, приняли болъе естественный размъръ и образъ; но это — слъдствіе не возмутимо-летящаго старика Сатурна, а никакъ не слъдствіе горькаго опыта.

Получивши отъ К—ка письмо съ приложеніемъ 25 р., —значить—
съ приложеніемъ весьма вещественнымъ, —я отблагодариль его пись—
момъ же, со вложеніемъ собственнаго поличья, и вторымъ письмомъ,
со вложеніемъ еще менте вещественнымъ — со вложеніемъ небывалаго разсказа мнимаго варнака, подъ названіемъ Москалева Кримічя. Я написалъ его вскорт по полученіи письма отъ батька
отпамана Кошового. Стихи оказались почти одной доброты съ прежними момии стихами, —немного упруже и отрывистте. Но это ничего:
дастъ Богъ, вырвусь на свободу, и они у меня потекутъ илавите,
свободите, проще и веселте. Дождусь ли я этой хромой воливобивцы—
свободы? — — —

25 іюня.

Только-что успълъ я написать — слюдовательно, тоже птица не мелкато полета, — какъ раздалось во всъхъ концахъ огорода слово — пароходов. Я, разумъется, бросилъ свое писаніе и нобъжалъ въ крыность. Съ нароходомъ я ожидалъ Оренбургской почты, а съ почтой — свободы. Вышло однакожъ противное тому, чего я ожидалъ. Пароходъ почты не привезъ, а следовательно и волшебнаго, очаровательнаго слова... А вийсто онаго слова привезъ дъло въ

видъ баталіоннаго командира, первымъ дъломъ котораго было объгать казармы — — И послѣ этого вступленія, назначенъ быль формальный смотръ той ротъ, къ которой и я принадлежу. Бъдная рота всю ночь готовилась къ этому истинно - страшному суду, и въ пять часовъ утра, 23 іюня, умытая, причесаная, нафабренная, выстроилась на полянкъ, точно игрушка, выръзанная изъ картона. Отъ 5 и до 7 часовъ, въ ожиданіи судіи праведнаго, рота равиялась. Въ 7 часовъ, явился, во всемъ своемъ грозномъ величіи, самъ судія и испытываль ее ровно до 10 часовъ. — — – Для всъхъ гроза прошда, а для меня она еще только собиралась. Въ числъ прочихъ конфирмованныхъ, долженъ былъ и я предстать, послъ объда въ 5 часовъ, на вторичное, и еще горшее, испытаніе. Къ этому вторичному испытанію я готовился довольно равнодушно, какъ человъкъ вполовину - свободный. Но когда предсталь предъ неумолимаго экзаменатора, куда что дъвалось! Ни же малъйшей тъни, ничего похожаго на человъка вполовину-свободнаго во мит не осталось... Та же самая, мучительная, холодная, дрожь пробъжала по моему существу. То же самое что и въ прежніе годы чувство, — — охватило меня; однимъ словомъ, я превратился въ ничто. Экзаменъ повторился слово-въ-слово, какъ и десять лътъ тому назадъ: четверти буквы не прибавлено, не убавлено. — -По примъру прежнихъ годовъ, экзаменаторъ спросилъ насъ по ранжиру, кто и за что несетъ — обязанность солдата.

- Ты за что? спросилъ онъ у перваго.
- За утрату казенныхъ денегъ, ваше высокоблагородіе.
- Да, знаю: ты не осторожно загнулъ уголъ. Надъюсь, впередъ не будешь гнуть углы, сказалъ онъ насмъшливо, и оборотился къ слъдующему: А ты за что?
 - По волъ родительницы, ваше высокоблагородіе.
- Хорошо. Надъюсь, впередъ не будешь и... и обратился къ слъдующему. Ты за что?
 - За буйные поступки, ваше высокоблагородіе.
- Хорошо. Надъюсь, впередъ...н Ты за что́? спросиль онъ у слъдующаго.
 - По волъ родителя, ваше высокоблагородіе.
 - Надъюсь... А ты за что? спросиль онь, обращаясь ко мнь. Я отвътиль.

— Надъюсь, впередъ не будешь... — А ты за что́? — спросилъ онъ у послъдняго.

Вст эти конфирмованные, такъ называемые здтсь господа-дворяне, съ которыми я теперь представлялся предъ лицо отца-командира, всв они - люди замбчательные по своимъ нравственнымъ качествамъ, но одинъ субъектъ всъхъ ихъ перещеголялъ. пороки онъ вибстиль въ своей двадцатильтней особъ. Странное и непонятное для меня явленіе этотъ отвратительный юкоша. Гдѣ м когда успълъ онъ такъ глубоко заразиться всеми гнусными нравственными бользнями? Нътъ мерзости, низости, на которую бы онъ не быль способень. Романы Сю, съ своими отвратительными героями, — пошлыя куклы передъ этимъ двадцатильтнимъ извергомъ. И нельзя предполагать, по чину отца, чтобы не было средствъ дать ему не какое нибудь, а порядочное, воспитание. И что же? Никакого. Хорошъ долженъ быть и родитель! Да вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающіе дітей своихъ въ солдаты на исправленіе! И для чего, наконецъ, попечительное правительство наше беретъ на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Самое лучшее -- предоставить ихъ попеченію нъжныхъ родителей: пускай спотъщаются на старости лътъ своимъ собственнымъ произведеніемъ. Разумъется, до перваго криминальнаго проступка.

До прибытія моего въ Орскую крѣпость, я и не воображаль о существованіи этихъ гнусныхъ исчадій нашего православнаго общества. И первый этого разбора мазурикъ меня поразиль своимъ зловреднымъ существованіемъ. Особенно, когда миѣ сказали, что онъ тоже несчастный, такой же какъ и я разжалованный и, слѣдовательно, мой товарищъ, по званію и по квартирѣ, т. е. по казармамъ. Слово несчастный имѣло для меня всегда трогательное значеніе, пока я не услышаль его въ Орской крѣпости. Тамъ оно для меня опоштьло и я до сихъ поръ не могу возвратить ему прежняго значенія.

По распоряженію О., я имълъ случай просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематъ съ колодинками и даже съ клеймеными каторжниками, и нашелъ, что къ этимъ заклейменымъ злодъямъ слово ке-

счастный больше кълнцу, нежели къ этимъ растлъннымъ сыновьямъ безпечныхъ эгонстовъ-родителей.

26 ітя.

Два дня уже прошло, какъ вытхалъ отъ насъ отецъ-командиръ нашъ, но я все еще не могу освободиться отъ тяжелаго вліянія, наведеннаго его короткимъ присутствіемъ. Этотъ смотръ такъ плотно притиснулъ мои блестящія розовыя предположенія, такъ меня обезкуражилъ, что еслибы не Лазаревскаго письмо у меня въ рукахъ, то я бы совстить обезсилть подъ гнетомъ этого тяжелаго впечатлтнія. По слава Богу, что у меня есть этотъ неоцтненный документъ; значитъ, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые заттивые арабески.

Надеждою живутъ ничтожные умы, сказалъ покойникъ Гете. И покойный мудрецъ сказалъ истину вполовину. Надежда свойственна и мелкичь, и крупнымъ, и даже самымъ матеріальнымъ и положительнымъ умамъ. Это наша самая нъжная, постоянная, до гробовой доски неизмънная, нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущаго царя, и міроваго мудреца, и бъднаго пахаря и меня, мизернаго, постоянно лельеть довърчивое воображение, и убаюкиваеть недовърчивый умъ своими волшебными сказками, въ которыя всякій изъ насъ такъ охотно въритъ. Я не говорю-безотчетно: тотъ, дъйствительно, ничтожный умъ, который въритъ, что на вербъ груши выростутъ. Но почему не вкрить мив, что я, хотя къ зимв, но непремвино, буду въ Петерочргъ? увижу милыя моему сердцу лица, увижу мою прекрасную академію, эрмитажъ, еще мною невидънный, услышу волшебницу-оперу. О, какъ сладко, какъ невыразимо сладко втровать въ это прекрасное будущее! Я быль бы равнодушный, холодный атенстъ, еслибы не върнаъ въ этого прекраснаго бога, въ эту очаровательную надежду.

Матеріальное мое существованіе я предполагаю устроить такъ (разумъется, съ номощію моихъ друзей). О живописи мит теперь и думать нечего. Это было бы похоже на въру, что на вербъ выростутъ груши. Я и прежде не былъ даже и посредственнымъ живописцемъ, а теперь и подавно. Десять лътъ неупражненія въ-состояніи сдълать и изъ великаго виртуоза самаго обыкновеннаго, кабашнаго, балаламиника. Слъдовательно, о живописи мит и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздъльно граворъ океа-тинта. Для

этого, я полагаю ограничить свое матеріальное существованіе до крайней возможности и упорно заняться этимъ искуствомъ, а въ промежуткъ времени дълать рисунки сепіею съ знаменитыхъ произведеній живописи, рисунки для будущихъ эстамповъ. Для этого, я думаю, достаточно будетъ двухъ лътъ прилежнаго занятія. Потомъ, утау на дешевый хлъбъ въ мою милую Малороссію и примусь за исполненіе эстамповъ, и первымъ эстампомъ монмъ будетъ казарма, съ картины Теньера, — съ картины, про которую говорилъ незабвенный учитель мой, великій Карлъ Брюловъ, что можно прітхать изъ Америки, чтобъ взглянуть на это дивное произведеніе. Словамъ великаго Брюлова, въ этомъ дълъ, можно втрить.

Изъ всёхъ изящныхъ искуствъ мнѣ теперь болѣе всего нравится гравюра, — и не безъ основанія. Быть хорошимъ гравёромъ, значитъ быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, — значитъ быть распространителемъ свѣта истины, — значитъ быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекраснѣйшее, благородяѣйшее призваніе гравёра! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, коптилось бы въ мрачныхъ галлереяхъ безъ твоего чудотворнаго рѣзца! Божественное призваніе гравёра!

Кромѣ копій съ мастерскихъ произведеній, я думаю, современемъ, выпустить въ свѣтъ, въ гравюрѣ акеа-тинта, и собственное чадо — притчу о блудномъ сынъ, принаровленную къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія. Я раздѣлилъ эту поучительную притчу на двѣнадцать рисунковъ; они уже почти всѣ сдѣланы на бумагѣ. Но надъ ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести ихъ въ состояніе, въ которомъ они могутъ быть переданы мѣди. Общая мысль довольно удачно принаровлена къ грубому нашему купечеству, но исполненіе ея оказалось для меня не по силѣ. Нужна ловкая, мѣткая, вѣрная, а главное— не каррикатурная— скорѣе драматическій сарказмъ, нежели — насмѣшка. А для этого нужно прилежно поработать и съ людьми свѣдущими посовѣтоваться. Жаль, что покойный Өедотовъ не наткнулся на эту богатую идею: онъ бы изъ нея выработалъ изящнѣйшую сатиру въ лицахъ для нашего темнаго полутатарскаго купечества.

Мнъ кажется, что для нашего времени и для нашего средняго полуграмотнаго сословія необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, напримъръ, какъ Женихъ, Өедотова, или Свои люди, сочтемся!, Островскаго, и Ревизоръ, Гоголя. Наше юное

среднее общество, подобно лънвному школьнику, на складахъ остановилось, и безъ понуканья учителя не хочетъ и не можетъ перешагнуть черезъ эту безтолковую тму, мну. На пороки и недостатки нашего высшаго общества не стоитъ обращать вниманія. Во-первыхъ, по малочисленности этого общества, а во-вторыхъ, по застарълости нравственныхъ недуговъ; кроткій способъ сатиры тутъ не дъйствуетъ. Да и имъетъ ли какое нибудь значеніс наше маленькое высшее общество въ смыслъ національности? Кажется, никакого. А средній классъ — это огромная и, къ несчастію, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце національности; ему—то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудномъ сышъ, а благородная, изящная и мъткая сатира. Я считалъ бы себя счастливъйшимъ въ міръ человъкомъ, еслибы удался мнъ такъ искренно, чистосердечно, задуманный мной безсознательный негодяй, мой блудный сынъ.

Свъжо преданіе, а върится съ трудомъ. Мнѣ здѣсь года два тому назадъ говорилъ Н. Д—скій, человѣкъ стоющій вѣры, что будто бы комедія Островскаго—Свои люди, сочтемся, не дается на сценѣ по просьбѣ московскаго купечества. Если это правда, то сатира, какъ нельзя болѣе, достигла своей цѣли. Но я не могу понять, что за расчетъ въ этой уступкѣ невѣжеству? Странная мѣра!

27 іюня.

Отъ купечества перехожу къ офицерству. Переходъ не рѣз-кій, — — оно также принадлежитъ къ среднему сословію, съ тою только разницею, что купецъ вѣжливѣе: онъ называетъ офицера — вы, ваше благородіе, а офицеръ его называетъ — эй, ты, борода! Ихъ, однакожъ, нисколько не разъединяетъ это наружное разъединеніе, потому-что они, по воспитанію, родные братья. Разница только та, что офицеръ — вольтерьянецъ, а купецъ — старовѣръ; а въ-сущности — одно и то же.

Сегодня къ вечеру появились комары на огородъ, и я, чтобы избавиться этихъ несносныхъ насъкомыхъ, ушолъ на ночь въ укръпленіе. Но увы! Неумолимая Пемезида преслъдуетъ меня на каждомъ шагу. Избъгая комаровъ, я наткнулся на шмелей... Съ подобающимъ почтеніемъ проходя мимо офицерскаго флигеля, я услышалъ новую для меня пъсню, начинающуюся такъ:

Коврики на коврики И шатрики на шатрики. Далъе я ничего не могъ разслышать, потому-что пъвецъ слишкомъ густо забасилъ. — Хозяннъ — выбъжавъ на илощадь, не знаю для какой надобности, и увидя меня, вздумалъ оказать мнъ небольшую услугу и покровительство, познакомивъ меня съ вновы прибывшими лихими реблатами, по его выраженію. Для этого, схватилъ онъ меня за рукавъ и потащилъ въ коридоръ. Вновь прибывшіе лихіе ребята сидъли и лежали на разостланой кошмъ — живая сцена изъ Двумуженицы, кн. Шаховскаго. Я, чтобы не дополнить собою такой группы, вырвался изъ объятій покровителя в выбъжалъ на площадь — — —

Записывая въ журналъ эту весьма обыкновенную въ моемъ положеніи траги-шутку, я въ глубинъ души прощаю моихъ гонителей.——

Сегодня ожидають парохода съ почтою изъ Гурьева, и никто его не ожидаеть съ такимъ трепетнымъ нетерпъніемъ, какъ я. Что, если не привезеть онъ мнъ такъ долго ожидаемой свободы? что я тогда буду дълать? Придется — знакомиться со вновь прибывшими — Мрачная, — перспектива! А если, паче чаянія, привезеть эту лънивую колдунью—свободу,—о, какая радостная, какая свътлая перспектива! Иду въ укръпленіе и, на всякій случай, упакую въ чуває (торба) мою мизерію, авось либо и совершится.

28 ітя.

Совершилось, — только совершилось не то, чего я ожидаль, — Пошелъ я вчера въ укръпленіе, въ ожиданіи парохода, паковать свою' мизерію и, какъ это обыкновенно бываеть, когда человъкъ ожидаетъ чего-инбудь хорошаго, то на этомъ хорошемъ и хорошіе строитъ планы. Такъ и я, въ ожиданін въстника благодатной свободы, развернулъ коверъ-самолеть, и еще одна-одна только минута--и я очутился бы на седьмомъ магометовомъ небъ. Но, не доходя укръпленія, навстрічу мні посланцый за мною візстовой отъ коменданта. — Не пришолъ ли пароходъ? — спрашиваю я у въстоваго. — Никакъ нътъ, -- отвъчалъ онъ. -- Какая встрътилась во мнъ надобность коменданту?--спросилъ я самъ-себя, и прибавилъ шагу. Прихожу. И коменданть, вибсто всякаго привытствія, молча подаеть мнь какуюто бумагу. Я вздрогнулъ, принимая эту таниственную бумагу какъ несомивниую въстинцу свободы. Читаю-и глазамъ не върю. Это рапортъ на имя коменданта отъ К-ни о томъ, что я не въ трезволи видъ надълаль ему дергости — —

29 іюня.

Широкий битий шляхв изв раю, а вв рай—узеньки стежечка, та й та колючино терномо поросла,» говорила мив, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смыслъ которой и теперь только вполив разгадалъ.

Пароходъ изъ Гурьева пришелъ сегодня, и не привезъ инѣ совершенно ничего, ни даже письма. Писемъ, впрочемъ, я не ожидно, потому—что върные друзья мои давно уже не воображаютъ меня въ этой конуръ. О, мои искренніе, мои върные друзья! Еслибъ вы знали, что со мною дълается, на разставанья, — вы бы не повърмин, потому что я самъ едва върю въ эти гнусности. Мнѣ самому это кажется продолженіечъ десятильтняго, отвратительнаго сна... И что значитъ эта остановка? Никакъ не могу себъ п растолковать. Мадамъ Эй—тъ, отъ 15 мая, изъ Оренбурга, поздравляетъ меня съ свободой, а свобода моя гдъ-нибудь съ дъльцомъ-писаремъ въ кабакъ гуляетъ. И это върно,—върно потому, что— — письменныя дъла въдаетъ какой-нибудъ писарь Петровъ, разжалованный въ солдаты за мошенничество. Такъ принято искони, и нарушить священный завъть отцовъ изъ-за какого—то рядоваго Шевченка было бы противно и заповъди отцовъ, и правиламъ службы.

На сердцѣ страшная тоска, а я себя шуточками спотѣшаю! А все это дѣлаетъ со мною вѣтренница надежда. — —

Сегодня празднуется память величайшихъ двухъ провозвъстниковъ любви и мира. Великій въ христіанскомъ міръ праздникъ! А у насъ колосальнъйшее пьянство по-случаю христова праздника.

О, святые, великіе верховные апостолы! еслибъ вы знали, какъ мы запачкали, какъ изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, свътлую истину! Вы предрекли лжеучителей—и ваше пророчество сбылось: — во имя ваше учреждали инквизицію и ужасное
автодафе; — во имя же ваше мы покланяемся безобразію и совершаемъ въ честь вашу безобразнъйшую вакханалію.... Истина стара и,
слъдовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истинъ,
которой вы были крестными отцами, минуетъ уже 1857 годочекъ.
Удивительно, какъ тупо человъчество!..

30 іюня.

Чтобы придать болъе прелести моему уединенію, я ръшился завестись мъднымъ чайникомъ. И эту мысль привелъ я въ исполне-

Digitized by Google

ніе только вчера вечеромъ, и то случайно. Къ тихому, прекрасному утру на огородъ, прибавить стаканъ чаю-мит казалось это роскошью позволительной. Съ самаго начала весны, меня преследуетъ эта милая, непышная затья. Но я никакъ не могъ привести ее въ исполненіе по неим'тнію здітсь въ продажіт такой затійливой вещицы. Только вчера вечеромъ пошелъ я къ 3-скимъ, и проходя мимо кабака, увилълъ оборванниго, но трезваго, деньщика одного изъ вновь прибывшихъ офицеровъ, съ меднымъ чайникомъ въ рукт такой величины, какой мит нужно. — Не продаешь ли чайникъ? — спросиль я. — Продаю, -- отвъчаль онъ. -- Не хапаный ли онъ? -- Никакъ нътъ-съ. Сами баринъ вельми продать. Они думаютъ самоваръ завести. --- Хорошо. я спрошу. А что стоитъ? - Рубль серебромъ. - Полтину серебра, - сказалъ я сколько могъ хладнокровите, и пошелъ своей дорогой. Едва успълъ я сдълать итсколько шаговъ, какъ деньщикъ догналъ меня и безъ торгу вручилъ мит давно желанную посуду; а деньщикъ, получивши полтину серебра, отправился прямо въ кабакъ и черезъ минуту вышель изъ него съ штофомъ въ рукт, и направился прямо къ своей квартиръ. — Туда и дорога! — подумалъ я. Проводя вечеръ въ сообществъ Филемона и Бавкиды (такъ я въ шутку называю 3-скихъ), по дорогъ зашелъ я къ маркитанту, взялъ у него полфунта чаю, фунтъ сахару, и сегодня я, въ 4 часа утра, сибаритствую себъ на огородъ и вписываю въ свой журналъ происшествіе вчерашняго вечера, благословляя судьбу, пославшую мнт мтдный чайникъ.

Собираясь путеплавать по Волгъ отъ Астрахани до Нижняго, я обзавелся чистой тетрадью для путеваго журнала и пологомъ отъ комаровъ, которые неутомимо преслъдуютъ путешественника отъ устьевъ Волги до самаго Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мнъ и въ умъ не приходилъ мъдный чайникъ. И вчера только—спасною старику 3—скому—онъ объяснилъ мнъ важность этой нехитрой посуды во время плаванія на ръчной водъ, гдъ необходимъ кръпкій чай во избъжаніе поноса, и просто для препровожденія времени, какъ онъ выразился въ заключеніи. И многимъ кое—чъмъ совътовалъ онъ мнъ запастись въ Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправляюсь, да не на пароходъ, а на одной изъ барокъ, буксируемыхъ пароходомъ, просто отставнымъ солдатомъ.

Странно, что меня считаютъ здёсь всё, въ томъ числё и 3—скіе, темнымъ богачемъ. Это, вёроятно, потому, что если я дёлаю долги, разумёстся—ничтожные, то въ сказанный срокъ аккуратно ихъ выплачиваю, не прибёгая къ помощи Израиля, и не закладываю послёд-

ней рубашки, какъ это дълаютъ иные изъ офицеровъ. Когда я сказалъ 3—скимъ, что весь мой капиталъ состоитъ изъ 100 р. ср.,
на который я, кромъ дорожныхъ издержекъ, намъренъ еще сдълать
въ Москвъ необходимое платье, то они въ одинъ голосъ назвали меня Плюшкинымъ. Я не нашелъ нужнымъ разочаровывать ихъ своей
нищетою, и разстался съ ними какъ настоящій богачъ.

Странные старые люди эти 3 — скіе! Бездітные, старые, одинокіе, иміють — обезпечивающее — даже прихотливую старость — состояніе. вздумали поселиться въ этой безводной, безплодной пустынъ! И добро бы на отдыхъ: нътъ, онъ взялъ обязанность. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной въюности физической дъятельности, или просто, жажда къ пріобрътенію. Послъднее, можетъ быть, только вполовину, потому что не замътно было скряжничества, неръдко сопровождающаго въ могилу одинокую, безпомощную старость. Она, т. е. З—ская, мнъ очень нравится; это—добродушно улыбающаяся, госте пріняная, кубическая старушка, бывшая нѣмка, а теперь православная. Онъ тоже добродушный старикъ, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Напримъръ, онъ очень простодушно, и каждый разъ съ новыми варіаціями, разсказываеть, какіе онъ прошель мытарства, пока достигъ настоящаго званія. Происхожденіе свое ведетъ отъ какого-то короля польскаго, Сигизмунда, въроятно, третьяго. О ближайшихъ предкахъ онъ не упоминаетъ, равно какъ и о виновникъ собственнаго существованія; дътство тоже покрыто мракомъ неизвъстности. Первую часть юности провель онь въ званіи домашняго учителя, у извъстнаго табачника Анисима Головкина, въ Петербургъ. И въ этотъ-то періодъ его жизни случилось съ нимъ таинственное промешествіе, которое разомъ поставило его на ноги. Происшествіе такого сорта. Однажды, ночью, на улицъ, ему кажется, что на Литейной, —но за достовърность не ручается, — схватывають его два гайдука, сажають въ карету, завязывають глаза, везуть, везуть, и наконець привозять прямо въ роскошнъйшій будуаръ, надо думать какой нибудь богатъйшей особы. Является, наконецъ, и таинственная обладательница будуара, вся въ дезабилье (собственное выражение), только лицо покрыто маской. Тутъ-таинственная любовь;-завязываютъ ему опять глаза, сажають въ карету, провозять на то самое мъсто, гдъ взяли и одинъ изъ гайдуковъ вручаетъ ему пачку ассигнацій не болѣе, не менве какъ 20 тысячъ.

Долго онъ думалъ, какую основать будущность на этомъ незыблемомъ фундаментъ и, хладнокровно отринувъ почести и злато, всту цилъ (внемля внутреннему призванію) въ скомный кружокъ поклонниковъ Мельпомены, гдъ имълъ блестящій успъхъ въ розяхъ Эдипа. Фингала, Дмитрія Донскаго и въ Ябедів, Капинста, къ несчастію не помнить, въ какой именно роли; но по проискамъ знаменитаго учителя Каратыгина. Ябовлева, долженъ былъ оставить избранное поприще и вступить въ морскую службу, разумъется -- лейтенантомъ. Здъсь онъ совершилъ плавание (два раза) вокругъ свъта, и одинъ только разъ къ южному полюсу вмёстё съ Лазаревымъ. И во время этихъ плаваній, онъ узналъ досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованскимъ. Вотъ гдъ его родина: между Ливорно и Сингануромъ (удивительное знаніе географіи!) есть островъ Провансъ, -- на этомъ островъ Провансъ растетъ огромное масличное дерево, изъ котораго и выпускаютъ масло, какъ у насъ, напримъръ, весною изъ березы. Островомъ и деревомъ владъетъ англичанинъ, французъ и италіанецъ, а мы и нёмцы уже отъ нихъ получаемъ этотъ дорогой продуктъ. -- Изъ корабля переселился онъ въземскій одесскій судъ, неизв'єстно въ какомъ рангь. Туть онъ вель жизнь отчаяннаго кутилы, попаль въ сонмище политиковъ и быль сосланъ безсрочнымъ арестантомъ въ крипость Изманлъ, гди въ скоромъ времени сдълался правой рукой коменданта и, по стечению удивительных в обстоятельства, быль переведень въ городъ Астрахань, въ званіи квартальнаго надзирателя. Но щекотливыя иногда обязанности этого званія заставили его выйти въ отставку и принять званіе повъреннаго въ Новопетровскомъ укръпленіи.

К—ни, мой покровитель— не меньшій враль, но не такой безвредный и сов'єстливый, заврался однажды до—того, что назваль себя племянникомъ графа З — скаго и кандидатомъ дерптскаго университета. Чтобы разомъ озадачить и уничтожить дерзкаго лгунишку, З — скій разомъ махнуль въ ротмистра лейбъ-гусаръ и въ ближай—шіе родственники графу Г —чу. Знай нашихъ!

Несмотря на этотъ невинный недостатокъ, онъ все-таки добрый и наивный старикъ, а она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я ихъ не иначе называю, какъ Филемонъ и Бавкида. Они получаютъ, вмъстъ съ Н—скимъ, Петербургскія Въдомости, я частенько приношу имъ съ огорода укропъ и петрушку и тому подобный злакъ, пью чай, прочитываю фельетонъ и выслушиваю волшебныя похожденія наивнаго Филемона, за что и пользуюсь полной довъренностью Бавкиды.

не булб змалку — не буде й до'станку.

I.

По десятому году а осталась сиротою. Батько й мати на однішь тижні померли, одъ якоїсь проморії, — да мати ще й удушливеньна була: було усю ніченьку ссадить, усе бухикає. Батько мэразу занедужавъ — такъ и занедужавъ; мати послі захоровала; думали, що вінъ скорішъ умре за матюръ, а батько ще, якъ мати вмерла, очунявъ, вставъ, на полу поседівъ, плакавъ на насъ гледючи: (у мене ще сестра и братъ були меньші мене:), велівъ наварить вечерять — номинуть матюрь. Якъ вечерявъ, — тільки й речи чули. Смерти — не одперти.

Тілько й згадаю теперь про іхъ, що оце було ми, дітвора, на печі, або такъ, заходимось пустовати,—зикъ такий сколотимо, що хоть изъ хати тікай, — отъ мати за деркачъ, да до насъ прожогомъ такъ и кинетця,—ми й втихнемъ; одійшла до печи — ми й зновъ за свое. Нехай же було батько тілько озветця, голосъ подасть, — уже й не телехнешъ. Тільки й зазнаю про іхъ. Ще було, още, батько пійде въ гості въ Бахмачи, неділю проходить — байдуже; бо вінъ тільки жаловавъ одного Олександрика: «сей,» каже, «мене хлібомъ догодує;» така бъ то думка:—сії дівчата—чужа користь, покинуть, ростечутця,—а хлопець при ёму буде, старости догледить. А мати всіхъ однаково жаловала: було що-суботи позмивае и поросчісує голови, сорочки чистенькі понадівае, коміри було повишивае, —а мені, разъ-колись, тілько присцёбала, бо сершилась.

Мати було якъ зірветця хоть на одинъ день куди, — Боже мій! нудинъ світомъ, вибігаємъ ій назустрічъ, гукаємъ, прислухаємся до ії голосу, — примівъ би всіхъ птиць изъ гаю порозганивъ, щобъ не щебетали, гай би вивернувъ зъ коріннемъ щобъ не шумівъ; уши

насторошимъ да й слухаемъ, чи не кашляне, чи не йде мати: сказано — матюрь не купити, не заслужити... Оце було йде да й кашляне́ — не дужа була́: біжимо́! «Мамо, мамо!» опанемо́ ії. удипнемъ, якъ мухи до меду; що зробимо — хвадимось... Боже, які раді! Я мала була; нихто вже, якъ я, було, матусі дожидаюсь,якъ оповесні ластівки! Жду, пожду, а послі біжу гаями цілу верству ій назустрічь. Разъ була ажь заблудилась блукавши; а тутъ зірвалась фуга така. вітеръ, дощъ ставъ накрапати, — такъ темно въ лісі зробилось, наче ворониє на дощъ скупилось; лісъ шумить, змерзла я — такъ мене й бъе; колижъ нагодились ночліжники, що знали батька, — такъ мене й вабрали на коня; верхи іхали, взяли мене, посадили, у мішокъ угорнули; такъ и довезли до дому. Оце було якъ мати куди пійде, то батько требувавъ, щобъ ми у хаті сиділи, а я не всижу, біжу вслідъ, шукаю, а батько й вийде: огланусь — вінъ за мною, бачу неподалеку зрублену березу, я й прихилю́ся наче сплю...

Якъ батько й матюръ померли — бігали ми довго на могилки, — тужимо; ище такъ близько лежали — въ вишневому саду, ноло хати. Влинали и батька и матюрь, дакь не идуть!... не донийчесся вже! Сама, коли ни пійду-було, данъ плачу. Все згадую, якъ мати було намъ каже: «Діточки, запобігайте світа, поки служенть літа: коли я посварусь, або батько, то не на лихо, а на добро вамъ, для миру васъ готуемъ, а тамъ усёго спітваєтця»... Батьку поставили хресть, а матері й ні. Мати попереду вмерла да й хреста нема! Пройшло вже те давно, а серце щимить и досі явъ згадаю. Гірко будо безъ матері жить; счаслива моя сестря, що Богъ ії принявъ рано. Всяте пестить по своему: нема надъ чоловіка, нема й надъ матюръ, нема й надъ дитину. Якъ сю тройцю положимъ, то кочъ и самъ живий заривайся въ вемлю: ні родини, ні доброі години тогді нема. Се не те, що мете, а те, що зверху йде. Що згляне дитина, то вже не зглянуть TARTO MOJOBÍROBI; MO NORJÁHE MÁTH, TO BÆÉ HIXTÓ BE CBITI TARE другий не поглане. Теперъ тільки моеі и втіхи, що дитина: и світъ би мені не світивъ, и зори не сяли, якъ би не воно.

Послі смерти батька й матері, взяла мене до себе дадина замісь дитини. Вона була одинока и заможня, скрині не причинались одъ того добра: усе посповнёвано.—Усе,—каже,—Зіню, тобі буде. Дай Боже мені тільки здоровья тебе викохать, дорозуму довести...—Я підіймаюсь.

Вона мене почала прихороше водити, --- було міжъ дівчатами такъ и зорію. Плахти, знасте, все хороші, нартацькі, старосвіцькі; запасни все въ розводами, якъ по писанці, що неділі то й убере. Я ії шановала за матюръ. Такъ мені любо й весело. Підлітки моі подруги коло мене, якъ бжоли кругомъ квітки, опадуть. Вони мене люблять а я—іхъ; гули́емъ-було́; проти Духа, у насъ такъ га́рно коли́ску вішають, парубий влючинъ чотирі вирубають, уживками звяжуть да батогивъ два, да на батоги привъяжуть дошку да й гойдиютця и веку выоть. Волесо надінуть, квітками вберуть, любисткомъ, чорнобривцями и поставлять на майдані де ўлиця дівчача; чередъ иде, воня ще гуляють, пісень співають; хто іде, дакъ и кажуть: краса нка!... И тутъ дівчата не поленовались: підмічаємъ було за дівчатами, за парубнами, кто съ кімъ пококаетця, — жартуемъ було; підмічаємъ тожъ на музикахъ, котрі лучше до танцівъ, и собі у кутку учимось. Примічаємъ у кого яка мережка, у кого які стёнжки въ косахъ. Посядимо було усі рядомъ, лузаемъ сімьечко и йде міжъ нами своя весела беседа!.. А у танець, поміжь дівчать и парубоцтво, іще не пускались... Було, на мої намиста, запаски, личмани заглежуютця и дівчата й молодиці и роспитують про дадину, чи вона мене уже зовсімъ за дитину взяла, чи такъ?,... про ії добро. «Гмъ, щаслива,» — важуть на мене: — «се все ій буде! теперь, нажуть, да якъ радить! якъ вишню... За писаря, або за якого міщанина, еднае.» А а́—хі-хі! да й захилюся за кого-небудь. Я объ сёму ще й не думала: мені тільки весело, та любо... Усе весело, усе пругомъ мене мовъ всиіхаетця! Хрущъ гуде надъ ухомъ, оленка... а мені-що твій соловей... Сказано-пьятнадцятий годъ постигъ, не мала ще горя... а старе — глибше запало, дитиною ще пройшло... На Великодні святки — чого у мене нема! самими писанками обмінююсь було, якъ христосуюсь съ подругами. Убере було мене дядина, въ дрібушки поплете, стёнжки до кірокъ попустить, — тілько квітки робленоі було ще надівать не дає. «Порано ще,» каже, «небого: ще вигуляйся, підійнись на кірхъ, — тогді й квітки и въ танець дозрівши, а то що! не роспуковкою ходити: не на тебе будуть дивитьця, а на твою квітку.» — Я було стёнжки понадкроюю, дівчатамъ пороздаю; разви понаднизую, такъ би все й розділилась въ ними. А послі було й сама признаюсь дадині, що надполовинула, а дядина вже сёго-ні... «Я,» каже, «копила, не руки склавши, а ти его марне поростринькуешъ... а мені ажъ на шиі важко.»

II.

Отъ, на Велиндень, пішла я, зъ сусідомъ и зъ подругами втурті пасни святати. У насъ и порося и сало, й новбаси: спасибі Богу, усёго було. Привезли, — постали на цвинтарі: и поручь зъ своімъ сусідомъ, — вінъ на своімъ возі й привізъ, бо мол дядина на хазяйстві зоставалась. Изъ ворітъ на цвинтаръ люде такъ и точятця, якъ бжоли зъ ўлля, съ пасками; ажъ душно зробилось. Кругомъ люде у два ряди постали рясно, мовъ квітокъ хто рядочками насажавъ, тільки поміжъ пропустили попу съ причетомъ пройти; почали зъ рушниківъ усячину вивьязовати, и коло мене хтось по праву руку ставъ, да я й не огланулась: саме піпъ изъ церкви зъ причетомъ вийшовъ и почавъ кропити, иде рядами да все кропить, а тутъ за нимъ вслідъ титаръ проскури кладе, а одъ миру одбірае крашанки, яблука, пьятачче.

Порівнались изо мною и одъ мене одібрали, я й гроши подала; підійшли й до мого сусіда, що по праву руку, — ажь и взять-то нічого. Пасочка пшенишна маленька, сала шматокъ, пара крашанокъ и хріну корінчикъ. У мене ажъ тёхнуло. Зглянула я, — ажъ Боже жъ мій милий! Парень, якъ квіта, стоіть, — тільки врода ëró! Взявъ титаръ врашанку, подержавъ у руці, подививсь на ëró, да й положивъ назадъ мовчки. Бачила я сего парубка на музикахъ и все дивовалась, чомъ вінъ не йде у танець, чомъ вінъ не женихаетця? Гордий, думаемъ... пишаетця-якъ своею вродою... и пари собі не подбере. Статніший одъ усіхъ, молодий и худордявий; чорноўсий, смугдявий, очи якъ теренъ, и кучері по ёму. Тільки на ёго й дивовалась, — а то й байдуже. Дівчата кажуть: и той гарний и той багатий, — я на те й не вважала; тільки теперъ скинула очима, що усі-то въ синіхъ жупанахъ, якъ волошки въ житі синіють, а мій — въ такий день въ сірачині, да тільки врода ёго горда й пишна все зкращае, — мовъ місяць надъ зорами... Стоіть вінъ зо мною поручъ. Мені ажъ жарко стало, да такъ щось одъ самого серця и покотилося: и жаль мені чогось и когось, и сама не знаю; и весело й не знаю — куди мені очи свої повести? хочъ я й поведу іхъ куди, до все рівно — нічого не бачу й не чую. Хотілось би на ёго... дакъ виі замигтать замигтать — и не згляну, явъ на сонце... Такъ и чую, явъ краска мені шибае вгору, ажъ у очи наллетця, да й опуститця... Одхлинуло; я-віркъ: проти мене стоять въ пасками, а я й забула де я: спасибі імъ, и не дивлятця на мене. Я хустину виняла, утерлась; стала затикати за запащину, руки трясутця — не заложу, да й упустила; вінъ нахиливсь мені підіймати, а я й собі, — да якъ скинулись зблизька очима, такъ я й до дому приіхала въ пасками, нічого не тимивши.

Да́дина насъ зустріла: «що се ти, мон голубко, якъ повна рожа розцвіла?..» А я й слова не промовлю. «Охъ, чи не наглянуло тебе що?» Сорочку мені за́разъ навиворотъ наділа. Я горіла ажъ два дні,—тільки крищечкою паски розговілась и то дядина ублагала: «може,» каже, «одъ свяченого подужчаешъ;» а то й рісочки не було въ роті.

Зъ того часу вінъ уже й на віки зоставсь у моєму серці, зъ тобі годиночки якъ згланулись зъ нимъ на цвинтарі. Вінъ мій, мій! Усе мені стало немило; ёго хочу бачить, — не дадину, не дівчать... ёго!.. сіру убогу свитину, кучері... Якъ би крида—поденула бъ до ёго зозулею, ковала бъ, визивала бъ его: да куди жъ?.. У людей би роспитала — да акъ же ёго величати?.. Боже жъ мій! сіра свитина, чорні кучері, да й тільки; — не врозуміють... да оце бъ то імъ и сказати?... Сама зпершъ надивлюся, сама... нікому не скажу про ёго, — буду думкою жити...

III.

Приходять дівчата, кличуть на музики, — я тільки на третій мень пішта. Підходимъ до шипку; на данкахъ такого народу зібралось, — музика у сіняхъ гуде, дівчата кругомъ одна за однією вкъ ўтки пливуть. Я — тиць на норігъ, а очи заразъ и зустріли, чего бажали. Я ні туди, ни сюди; дівчата на мене ззаду: «що ти прикипіла? йди швидче;» а мене ноги не несуть. Силою гурьба допхала. Прийшли, носіли. Усі гомонать, — музика такъ и ріже гормиці, журавля; бубонъ гуде; а у мене въ очахъ усе вертитця. Дівчата на мене гукають, — я не чую; котрась мене схибнула за нлече: «що не ти, Зінько? не здужаешъ, чи що? Оце хтось наглянувъ, або ти ступила въ таке місце де зла чоловічина не добре подумала... Оглухла?!» Туть молодиці підійшли, — кажуть, «чи не нереполохъ, — що пойти бъ до Золотарихи — вона добре вміе винивати, — усе роскаже — съ чого сталося и чимъ лічити одъ якої хоробы.» Люде почали потроху збіратись коло насъ, а я все горю.

Бідкаюсь, на що міжь люде пішла; — дакъ и тожь біда, — ёто не побачила бъ; а тимь часомь за мною помічають. Дивлятця на моі щоки, да добре що не знають, що серденько мое мені каже: а въ ёму такъ и розливаетця мовь у котлі, такъ тобі и болізько и любо... Прийшла додому, — не весело мені, не знаю за що взятьця, світь мені не миль. Дадині бъ одкрить усе, дакъ не хочетця: здаетця не такъ зглане, якъ а́, на ёго. Хожу наче впустці, нанчусь зъ своїмъ серцемь, да все одна думка: якъ би мені ёго побачить, акъ би мені провідать, де вінъ живе, якъ ёго зовуть. А тутъ дадина усе коло мене клопочетця. «Нічого, тіточко,» кажу ій: «се мене собаки налякали. Я дужа, зовсімъ дужа.»

Вийшла увечері, сіла на призьбі: такъ вінъ въ моіхъ очахъ и увиджаєтця! 'Якъ же мені провідать, никому не казавши? Згадала я, що молодиці про ворожку Золотариху казали. «Пойду жъ.» думаю: «що Богъ дасть. Хай вона мені скаже, хто то и де вінъ; да явъ» вгадаю и про дадину, що ії морочу — правди не кажу, — то ажъ серце мое заболить: такъ мені жаль стане. Думаю собі: скажу ій, — а послі зновъ — ні. Тільки Золотарисі одкрию: й тожъ лихо! Якъ же я прихилюся послі до дядини, котра мені за натюрь стала? Сижу, а серце такъ у мене колотитця; принала я на колодну призьбу, ажъ стогну, метушуся. Боже жъ мій! Боже жъ мій! колибъ хочъ разъ поглянуть на ёго безъ людей! Одну годиночку. одну хвилечку... А тутъ соловы душу дотинають: вмерти мені не хочетця и жить мені нудно. «Мовчіть,» кажу собі, «соловечни: дайте трохи душі утихнуть, а то вистановитця... Охъ, щобъ не ватхнутись одъ тіей муки!» А дядина одсунула кватирочку, почула, й почала гукати: — Зінечко, Зінечко! се ти, моя кришко, такъ стотнешь и розмовляешь? сь кімь се ти такъ... зъ зорею вечірнёю. чи шо́? —

У мене й духъ занявся... що се я наробила!

— Ходи сюди, моя доне... Що це на тебе пригодонька? Завтра пійдемъ до Золотарихи, — нехай вилле. Воня всю правду скаже. Колись мені виливала якъ я ногу звихнула: я то колись въ гарбузовій гудині заплутавшись упала; болить нога да й болить, а кто ёго знае й чого, які ліки прикладати?.. Иди въ кату, серце. Коли бъ якъ переждати нічъ: уже пізно, моя дитино; я прилягля да й заснула, послі вечері. А ти й не входила и въ кату досі? подивись на зорі: уже на світъ займаетця.—

- «Дядиночко, дядиночко!» кажу, да й слова більшъ не проиовлю: такъ серце розходилося.
 - Що́ тобі?—
 - «Нічого. Ай!...»
 - Да таки що жъ, моя квіточко? —
- «Тутъ щось,» кажу, показуючи на серце. Не вмію гараздъ и росказати що.
 - Нудно? каже.
 - «Нудно.»
 - Jákb. —

Лягла я; скропила вона мене святою водою, уложила спать, — сама довго не спала, да й я — ні.

IY.

Встали рано; дадина скоренько спорядила мене, — ми й пішли до Золотарихи. Виливала вона, въ воску, два рази: такъ и запливе й ступаніе. Золотариха ажъ головою покрутить и якось ніби жалібно на мене згляне. У трете взяла да й вилила изъ самого одива, да тогді й наже: «дивітця по прекметамъ, чи не вгадаете чого?» Я згланула да наче на долоні все бачу. А дадина моя толку́е: — Ото́, що наче копи здаютця, то паски розставлені, — тамъ ії й наглянуто. — А я ще й більшъ добачаю: — що ми схилилися, м якъ вінъ мені хустку подавъ, — а ій здаєтця — то ті собаки, що мене налакали — віпьялись, гризутця. А Золотариха на мене вглянула: — а тобі що, доню, — каже, — здаетця? — Я такъ и зарділась, да й кажу: «собаки.» А вона: — Ні: то — парень, моя голубко, тобі до нігъ уклоняєтця. — Готуйся, — каже моїй дядині: — скоро старости завітають у хату до твоєї небоги, хоть ище й рано, до-пори. И тебе, моя доню, нагляне не одно парубоцьке око и зза сёго буде твоій молодій голові багато турбу... Що можна, то одведу, а чого не можна, то й дурить, мое серденько, не стану. Се тільки втрете мені довелось на віку трудно виливати, а то — одразу: хочъ и воскомъ, то все якъ намолюетця. --

Да й вислала дядину у другу хату. А мені: — ляжъ, — каже. — Я лягла. Вона налила у стаканець води: навхрестъ наліпила до стакана чотирі страсниі свічки, и запалила. И стала дивитьця у

воду, а послі повлони повладати; да изновъ поглане у воду да й изновъ владе й хрести й повлони великі. Исслі подержала мене за пьати, пошептала щось и сплёвала; послі притулила рукою до очей, до серця, и почала зновъ молитись, а послі звеліла мені нодуть на свічки и напитись тісі води. — Голубко мой, — каже: — жаль мені тебе. Ти, — каже, — ще дитина, а серденько твое уже занате, якъ голубка зъ гнізда випурхнуло. Попоносисся ти зъ намъ, — бодай не казати!.. Ось же що: Дождавши неділі, встань вранці, рано-рано, й пойди до кринаці, возьми непочатої води и не оглядаючись новертайсь до-дому, пійди до церкви, и якъ дочитаютця до Иже Херувими, обійди зъ тією водою кругомъ церкви три рази. — «Добре,» кажу, «бабусю.»

Ввійшла я у другу хату, по дадини, и усе ій росказала: дядина подала Золотарисі на станокъ полотна и копу грошей. Тільки жъ Золотариха не взяла: — Якъ поможетця, тогді, — каже, — й принесіть; вкупі хліба й соли перекусимъ. Я не изза-грошей помічъ людямъ даю, а изъ ласки. Я рада, що дакують люде и кажуть, що помогаетця. А ми всі рівні, у Вога все едині діти. —

Отъ и пішла я изъ дядиною до церкви діждавшись неділі и плашечку зъ водою взяла. Передъ тимъ, якъ співать иже жерувими, я й вийшла изъ церкви. Отъ, иду, обійшла разъ кругомъ да й думаю: «чи добре жъ то мені буде, якъ я оджену оту любу мою тугу одъ серця, и не побачу ёго? Чи йти мені вдруге, втретє, чи ні?»

Зупинилась трохи й міркую. Постояла, подумала: «не пійду бідышъ... Любо за милого и потужити.»

Рухнула щобъ ити до церкви... Боже мій! ледві зъ нігъ не збила: вінъ передо мною! якъ изъ води вирісъ. Потупилась, стою: ні туди, ні сюди, мовъ окаменіла. А вінъ—такъ до мене: «Світе мій, світе мій,» каже. «Ти мені світъ завьязала. Поглань на мене, моа галочко, ще разъ, якъ тогді... світъ мені знемилила... Станьмо сюди.» Взявъ мене за плечи, одвівъ трохи въ бокъ: (бачте, село кругомъ, люде щобъ не нагледіли, а то скажуть—«мала, ще підлітокъ, а вже спізнаетця, й молитву покинула:) я йду,—слухаюсь... зглянула на ёго. А вінъ изновъ: «рибчино моа, замовъ мені одно словечко... одно... чил ти? якъ звать тебе?» Я трушусь: казала бъ, да уста не мовлять; дивлюсь на ёго, упиваюся, й соромно мені, и вінъ зъ мене очей не зведе. Обвівъ рукою кругомъ плечей, дишимъ однимъ духомъ, щоки наши ажъ пашуть... Вінъ зхилився, бо висо-

enë, a á me hególitoku: mébamocu, mebamocu mébana, méramocu bu вічн одно другому, ажь хтось въ дзвінкомъ по шляху пронісся. --ин й розійшайсь, не промовивши ні слова... Сіла я у церкви на рундуку, пови люде стали виходить. Дорогою везала дадині, що въ мене голова розболілась у церкві, -- душно, дакъ я й вийшла. Прийшли до дому; дядина мені и те и се, позмовляе, а мені світь немяль, такъ мені нудно, що усе перебиває мені думать про ёго; а туть незабаромъ біжать дівчата на музики кликати йти. А, Боже жь мій! що мені казати? постережуть якъ скажу, що не хочу йти, «Ногуляйте жъ; згодомъ мійдемо»... И дядина таки каже: треба ій юпчину другу зодягти и гронной прицасти на маковникі, до-що. «Дидиночно.» кажу: «достинь-TO ST CEPHHI BCÓ; > a camá st náth, ga sa gbèph; by cinhy ctáяа, закряжась рукани, и ущи затулила, й очи заплющила щобъ ніхто не полехавъ; одвернулась у кутокъ, та й думаю... Одвела трохи душу; ввійшла въ хату, прибрада мене дядина и проведа насъ акть у сіни за двери, ще й подивилась вслідъ-якъ-то мені. Идемо дорогою; а нудьта жь ява йти міжь люде! я бъ теперь у лёхь забралась, у гай густий, щобъ тільки про ёго думать. «Ай, постойте,» кажу, «стриці! ногу підколола. «Шкитильгь, шкитильгь:» ні, не пійду шкитильгаючи міжъ люде, -- вернусь» -- и вернулась. Дядина трошки злявалась, а послі й нічого: пообідала й лягла спати. Мені й істи не хочетця, -- кажу: «дівчата насіннемъ, до-що, нагодовали.» А вона дуже й не домагалась: — Да и мені щось на душу не йде; мабуть того, що порано встали. --

Дядина заснула, — я й пішла блукать по двору, по городу. Журуся, що дурна була—не поспитала, де вінъ живе и хто вінъ?... А уста моі горать... листечко рву, притуляю до губъ, — такъ и скипить, и скипить! Журуся, никаю, серденько ние... а й любо жъ якъ!.. Сонце сае, соловы... ажъ лісъ розлягаетця, — вишневі сади всміхаютця... квіточки, якъ зірочки, понасторошовались, — усе пригортала бъ да свого серця, усе бъ ціловала! Прийшла до берези, сокъ точитця, пить хочу, да й не пью: щоки пашуть, я—гиллечка молодихъ берізокъ въ жменю зберу да притулюю щобъ прохололи, огортаю собі шию. Здумаю, якъ вінъ мене такъ обнявъ; чую ёго, бачу — якъ стоїть зо мною, якъ дивитця, — хочу крикнуть, назвать ёго да й не вмію. Серце мое, серце мое!... Думаю: — якъ не побачу ёго сёгодні, — побіжу селомъ, буду кричать, буду звать кого-небудь, а, може, й вінъ вирне...

On Bome, Bome, Rola ton begips of del... Digitized by Google

Терпітиму до вечора якъ моги. Буду Бога благати,—а вже на ту водицю, що тільки двічи обнесла и віри не покладала.—Ще поблукала; далі втомилася, эхилилась на лісу надъ дорогою и думаю: у який-то вінъ бікъ живе? усе бъ туди дивилась, туди й поленула бъ—...

٧.

Такъ собі стою, й загадалась. Тутъ два діди підійшли, новдоровкались изо мною. — А що се, — кажуть, — небого, на музики нейденть?
Д'дина не пускае, щобъ хто не зурочивъ, чи що? — А другий каже:
— Э! добре робить, добре робить — ще порано бігати. — «Ні,» кажу, «дідусю: ногу підколола, дакъ вернулась.» А такъ згодомъ старці въ чужого села пройшли, по шагу подала и спровадила іхъ зъ бандурою на музики. «Усі» думаю, «идуть, а мого й немае...

Вся челядь гуляе́— Тілько тебе, да мене́ немає.

Зновъ щось куріе, — тілько не туди, а відтиль. Ближче, ближче, пиль такий збива... ближче... охъ, лихо! се жъ вінъ, се жъ моє серденько бринить! Я й присіла за тинъ! Вінъ за руку. — Не ховайсь, мой рибонько золотастая.. Ось де ти живе́шъ, ось! я зблукавъ усе село, обтеръ усі тини лазючи, зполошивъ усіхъ собакъ, тебе, моя доле, шукаючи... на музики два рази забігавъ: сидать твоі подруженьки, — тебе, мое сонце, не світить. —

А самъ такий блідий, піть по щокамъ такъ и котитця, увесь у пилу́. — Ось ти де живешъ! — Окинувъ окомъ кругъ себе. Я перехилила голову черезъ тинъ; вінъ притуливъ мою голову до себе, а я—мовъ давно вже зъ імъ спізналася! — Ходімъ, — каже, — у гай; — (а у насъ, коло села, гонівъ два лісу)... ходімъ куди-небудь, мой ти доле красная. Якъ не ти... умру́, ні бу́ду ничиіхъ устъ цілувати. Кажи мені, що хочъ, а я твій; хочъ покинь... дарма... пойду́ світъ за очи, а твій бу́ду, — не покину тебе, мое коханне... —

Да й изнавъ мою каблучку зъ пучки, а свою мені надівъ. — Дай ручената я пересажу тебе. — Я подала, да такъ и перелетіла, мовъ не своею. Пійшли. — Куди жъ я тебе оце веду? люде стрінутця, убачять, пійде поголоска... Вернімось, мое серце... —

А я йду, и землі підъ собою не чую. «Ні,» думаю, «не вер-

нусь.» Держу его міцно за руку, мовъ прикипіла.. Двічі літа не буває... «Ходімъ,» думаю; а куди—й сама не знаю, й слова не промовлю. Вінъ мене салою повернувъ и перекинувъ черезъ лісу, и самъ перескочивъ.

У городі у насъ стояда повіточка старенька—уже похидилась,—
колясь бжоляникъ бувъ при дідьку-повійнику; теперъ тамъ тільки
негодящиї ўллі да тріски лежали. Вінъ показуе рукою на повіточку:—тамъ не страшно?—Духъ у мене займлетця; я тільки кивнула
головою. Вінъ узявъ мене за руку и ввівъ підъ повітку.—Тутъ не
страшно, мое серце: люде не наглануть,—каже; а я мовчу: «мені,»
думаю, «нігде не страшно.» Якъ прийпілі,— сіли у куточку—вінъ
одкидавъ тріски, а спереду заложивъ ўллями—насъ и не видно, хоть
би хто й ввійшовъ,—да тільки літомъ туди ніхто не заглядавъ.

Сівъ вінъ, увявъ мене на руки до себе: —ти моя дитина, ти моя воря небесна! —такъ мене пестить! . — Умремъ, —каже, —тутъ! —

«Умремъ,» кажу.

— Я знаю, я бідаха, да ще въ тому й врепавъ; твій рідъ такий великій—змагатиметця...—А я до ёго припала: «я твоя,» кажу... Обнялись, и ні слова. Вінъ мені дивитця въ вічи, виглажуе мені брови, цілує менє, милує. Боже мій! а що вже зо мною робитця!.. Вінъ знявъ съ пучки зъ моєї каблучку, почепавъ мені її на шию на шнурочку, зъ образвомъ ввупі, и свою мені давъ; я ёму тожъ повіскла на шито...

Якъ дивитця! якъ голубить мене очима своим!...

— Пора, — каже... А я—не хочу йтн. — Пора... якъ же тебе узивать, рибонько?

«Troń,» ramy.

- Добре. А я—твій. Прощай, галонько! Забравъ би тебе зъ собою, да й зайшовъ би куди зра.—И поціловавъ мене.—Людей боюся, тебе жалію.—Обнявъ и прихилився до мене.—Пора!—Ми встали—идемъ,—я ступила на порігъ,—вінъ ще разъ обнявъ мене—постоявъ, здихнувъ и пішовъ, задумавшись... и а вслідъ за нимъ!
 - Иди, каже, до дому. Я схопила его за руку...
- Ні, йди, йди! Дивись: село жъ передъ тобою, люде!...—
 Стрібъ—и нема!.. Я ружи до ёго... Боже мій, —далеко вже! —
 Я обняла лісочку, дивлюсь—куріе дорогою, а послі несетця городами, ледві маначить; онъ, ставъ на лісі, изновъ зникъ, и нема,
 нема... изновъ буваніе... Боже!

Ой видсіль туди піппла—поіхала Любая розмова...

и моє серце несетця вслідъ. Ось изновъ ставъ коло хати на лісі, шапку знавъ... чи бачить-то вінъ мене? Я пізнаю ёго, да вроди ёго не бачу,—каріхъ очей ёго: знакъ и нема, й нема... Темеръ же я знаю, де вінъ живе!

YI.

Вернулась и въ хату, — такъ мені весело, — ажъ всиіхаюсь, и землі ногами не сягаю, — такъ би й кинулась дадині на шию и всю бъ щиру правду росказала. Дадина не спала вже, тільки лежала. Я ввійшла; вона й каже: — скучаешъ, моя голубко а що, чи скабку виняла зъ ноги? — «Уже,» кажу: «тільки трошки белить.»

Встала вона, погомоніла, потімъ заходалися вечерять: ілось намъ обомъ такъ смашно; поседіли ще у вікна, послухали соложьівъ, що въ гаю ажъ луна по зорі йде. Наша хата була на вигоні м лісокъ у боку понадъ дорогою недалечко: и въ огоромі на березі свищуть соловы, и десь у кущі щебетавъ... послухати любо! Місяць саймовъ, світить—пливе по небу, хмарки легенькі, якъ серпанокъ, коли—не—коли перепинають ёго; у селі почало стихати; тільки де-не-где ворота заскриплать, звідъ здійметця; овечка заменече; пісьню зтиха хто, додому вертаючись, заспіває; а далі все тихше, тихше, и пиль надъ дорогою ставъ осядать; роса спала; свіжий пахучий вітерець повіявъ, утихло все—тільки соловы ще дужче нерекликались и серцю мойму наче одъ мого любого звісточку передавали: «може й вінъ теперъ,» думаю, «слухае, — може й вінъ ворі лічить и мене згадуе.»

— Хто? — дадина питае... А я—якъ стрепенулась! — Що се ти? задрімала?! Лажчо снать, — година вже и мені щось позіхаєтня.—

Поляга́ми спать на полу; я підкотилась до дадини, почала́ ії пригорта́ти, цілова́ти. «Дадиночко,» кажу, «я покоха́ла...» да й не домо́вила: хотіла призна́тьця, що покоха́лась, а послі прищулилась до ії, да такъ уже й не просина́лася до світа. Уранці встала, причипури́лась; жожу по горо́ду, підкочу коло́ду до ліси, зіпнуєь,—усе на ту ха́ту, усе туди моя́ дуна́ рве́тця! А гара́здъ, що я зна́ю, у якій стороні вінъ живе́! се́рце що години заходомъ бъе́тця— не ді-

ждусь ёго. «Ну,» думаю: «до сякь до такъ, до вечора буду жить, а въ вечері мій миленькій прибіжить; усе надіею жила. И дадина прийде, на село погляне, примае, що й я того дивлюсь: то пройде, проіде, - дорога до міста мимо насъ полями постяглась... День мені годомъ здався, - нема ёго! На другий, ще треті півні не заспівали, я уже схопилася, біжу-нема ёго... не чуть!... стою, дивлюсь... тільки верба коло ёго хати косицями рясними тремтить, темнимь стовбомъ димъ пішовъ въ ёго бовдура, незабаромъ ввідъ ввівся вгору и зновъ опустивсь... «Хто-то ёму,» думаю, «хату затопивъ, водиці витягь?...» Нема й нема! Оце-то! кому щасте, тому й доля! И вечора діждалась и спати лягла журячись... Може насміявся... Колибъ була не любила, горенька бъ не знала, - такъ-ні!.. Побігла бъ по ёго сліду стежками, перелазами, па снаги немаю, наче мені світь завьязано, жмелиною ноги спутано, очі заснічино. Де щасте, тамъ и ворогъ: може люде що наколотили? не страшно собаки, а звяги его. Тиняюсь по закуткамъ... Такъ пройшло изъ недіяю, руки опустила... якъ водою змито-нема й нема!.. Тільки й рідного, здаєтця, що те містечко, що ми сиділи, та ліса, де ми размовляли. Вже й на другій тиждень повернуло якъ ёго не бачила...

Вечоръ на дворі; дядина заходилась лягати спать, и я вже розбіралась, ажъ щось буртись въ городъ, буртись, а послі ліса трісь... у мене й у душі похололо: «чи не вінъ се», думаю. Я такъ до віконця підійшла, мовъ що беру на лаві: бачу, тінь довга постяглась по зеленихъ грядкахъ; въ серце мене закололо... Я—зъ хати, дядина ще й завернула:—надінь, доню, корсетку;—я скинула на плечи що похватніше, й вибігла не обзиръ на городъ, стала коло хати да й мімрю:

> Ой чи се той Мики́та, Що на о́пашку сви́та? Підъ віко́нцемъ зогну́вся, Чи не вийде Мару́ся?

Тільки що почала, вінъ до мене й обізвавсь:

- Mos? rame.
- «Твоя», да такъ и приснула до ёго. Я по сей бікъ ліси стою, вінъ по той. Тутъ видно, каже.

Ми поступили такъ щобъ тінь зза берези не була видна. «Де ти бувъ, пое серце?»

- Боже жъ мій, каже: повернись до місяця! губоньки у тебе якъ посмагли! Пригорнувъ мене кріпко.
 - «Я дунала», кажу: «що ти мене покинувъ...»
- Ні, ні, моя зоре я́сная, ні! Хіба́бъ я скоси́всь... м на одну́ хвили́ну ти въ мене́ зъ се́рця не спадала, а мене́ такъ ра́но на панщину зана́то, що я не ма́въ ча́су тебе́ оповісти́ти. На хуторі хлібъ домоло́човати треба було́, що одъ зіми́ зоста́вся. Иду́ тими пола́ми зеле́ними, якъ на шибиницю. Ка́жуть, у полі, въ козака́, ду́мка молодіе, а у мене́ се́рце боліло. Коли́бъ годи́на, щобъ я тебе́ оповісти́въ, то бъ и байду́же. Де роби́ть, до роби́ть, я діла не бою́ся... Лета́ть журавлі, гу́си изъ ви́рия, лета́ть галки́, голуби́, гада́ю якъ не промовлю: накажіте́ моій дівчині вірноі, якъ мое́ се́рце ние, де́ я й чого́ я забари́вся, и слова оста́ннёго ій не замо́вивъ... Оце за́разъ відтиля поверну́лися; я й до ба́тька не захо́дивъ. Ду́маю: подивлюсь хочъ на іі віко́нце коли́ спи́ть. И груддемъ пуска́въ въ горо́дъ, чи не почу́е... нейдешъ!.. хотівъ лісу злама́ть—така̀ мене́ ту́га взяла́.. Проща́й, моа́ голу́бко! спи... А дядина?

«Лягла́», кажу́.

— Иди жъ спочить: завтра...-

Кріпко, до-любови, поціловались, и розійшлись. Біжучи люби-CTOURY DBAHÝJA, VHECJÁ BE NÁTY. «OUE, «RAMÝ,» SACJÝNAJACE COJOBEівъ, да любисточку ввірвала-у голови положу, щобъ душіло.... да любощи снилесь», думаю, «да тихая рознова». Да й загадала:--хто на вінець мені судитця, той сю нічъ мені приснитця. Прокинулась на ворі. Зновъ весело! Стала хлібъ місити, пічь затопила, въ хаті убрада, — такъ мені любо! и сонце світить иншъ и хата світла, білесенька, мовъ успіхаєтця... Божникъ квітками утикала, лавки змила, обідъ застановила, хлібъ посадила, ще кажу дядині-«пойду, грядки пополю»: такъ и знесу, знесу грядку; а тамъ усе назірцемъ, чи не йде. Дядина до мене вийшла, — скучила. Ажъ и пройшовъ, да побачивъ, що дядина-шапку поднавъ:-будьте здорові въ суботою! — и пійшовъ далі; тільки й бачились. Дядина стоіть на грядці, а я такъ, похнющившись, полю, - займайо не тільки бурьянъ, да й буряки, и все, що підвернетця, — такъ и ого-. SLÙL

А дядина каже: — Оце крепакъ пройшовъ, Тещенковихъ панівъ. Таке убожество! Сказано — безъ хазайки: батько старий, ні матері,

ні сестри нема, сами собі й обідати варять, хлібъ печуть, варево владуть. Сей Хведіръ на панщині, а той старий тільки чоботи на людей ладить. Да й Хведіръ обучався сёму реместву; зіму шие, літомъ у полі робить. Що загорують у двохъ, те й зъідять. Хведіръ що заробить, то себе трохи спорядить и батька. Да и самъ-то який собі удався: якъ тичина, високий, худорлявий, — не ціпомъ би ёму й орудовать! Уже скільки було ёму старий каже: «оженись, Хведоре: дови одиновими намъ жити?» — Ні, — каже: — іще пара моя десь. видно, на припичку кашу ість: нікого не вподобаю. — «Дакъ ять же?! у робочу годину и сорочки нікому випрать».—Я лучче. важе, — самъ виполощу, а ніжъ візьму собі не до любови. — Отв який вирісь, а ума не винісь: тако провадить! въдушкомъ удався якъ и мати ёго. И полощитця було самъ, наче селехъ на вопі. Журития ёго батько старостю; каже: «не доведетия тебе побачить въ парі. Подбився я, хиляючись самъ коло печи...» Иногді й хати не топить; такъ у холодній и сидить якъ сина нема.

Пішла дя́дина до ха́ти. А я тільки й ба́чила ёго́ той день. На другий зострілись на одну́ хви́лечку. Все боімо́сь до́вго вку́пі стоя́ти, що бъ лю́де не поміча́ли, да й дя́дина — хто іі зна́е, що ми́слить. Не замо́вилажь — та́къ: отъ якъби ти́, небо́го, ста́ла ёму́ подру́жтемъ, — старо́го бъ догла́нула и ёму бъ, худорла́вому, соро́чечку сполосну́ла, хату бъ ви́чипурила,.. — а то й обійшла́, — тільки на язи́къ его́ взяла́... Поба̀чилась я ще разъ зъ Хве́доромъ. — Коли́ бъ — ка́же мені Хве́діръ, — пора́ твоя́ ви́йшла: сказа́въ би ба́тьку, сватівъ посла́въ. Пійдешъ? — «Пійду́».

А тутъ до мене старости за старостами: одні — въ хату, другі въ хати якъ за причастемъ. Дадина радіе да одмовлаетця: — Ще ій пора не вийшла, — шіснадцяти нема, — ще погулае. — А я шуткую въ нею да приспівую:

Ой я жъ тобі, моя мати, перекіръ наряжу: Повну хату и кімнату женихівъ наведу; Ой я тобі, моя мати, перекірочку: Повну хату и кімнату, ще й комірочку!...

А тамъ собі радію, що мене не турбують: «не пора» — и одхамнуть.

YII.

Пройшовъ и рікъ. Ми крадькома вбачалися. Ось упавъ мені и сімнадцятий годъ. Умовилась я зъ Хведоромъ стрітитись у лісу. Убралась я, уквіччалась якъ на Великъ-день. «Дай, дадиночко, зъ шовкомъ мені плахту.» Дадина дала, — и роблені квітки достає. «Ні, дядиночко: я свіженькими утекаюсь, —пойду въ лісъ.» — Иди жъ, иди... —

Сама такъ радів, що туть-то вже натовиъ буде старостівъ: пора настигла.—

Якъ й зраділа, якъ стрілись! якъ я обняла мого Хведора! «Сежъ мені,» кажу, «сёгодні упавъ сімпадцятий, — дядина казала» А вінъ каже: —Ти й зъ будня яке мені свато зробила!...—Гуляли, сиділи, співали, квітокъ укупі нарвали багато, вінокъ извили, — я ёму звила, — понадівали; сидимо, — смістця вінъ!.. Здастця, що се все на небі робитця: тихо въ серці й кругомъ, якъ у Бога! пахучо, свіжо, тільки листечко шепчитця; якъ сонечко по ёму грас, пробиваетця, — и по насъ, мовъ що живе, бігае, — ми левимо; а на личмані въ мене, — казавъ Хведіръ, — якъ зора скритця, и зглянуть не можна.

Погуда́ли ми, суниць набра́ли, квітокъ— божни́къ убра́ть; измовились сёго́дні старостівъ посила́ть до ме́не. — Я, — ка́же Хве́діръ, — зъ ба́тькомъ поговорю й пришлю́. —

Прийшла я до дому; дадина коло варениківъ въ агодами заходилась, я уквіччала усю хату, прибрала, повимітала: веселі ми такі обидві! Дадина й каже: — постели настільникъ, — той, що на споді у скрині, и хлібъ положи на столі; — ще сама й вибрала— запечений, легкий. Уже й надвечіръ; я усе позираю у віконце; чуемо — гомінъ: по той бікъ улиці, черезъ лісу, хтось беретця. У мене въ душі мовъ занялося, — такъ серце й заколотилось. Потімъ гомінъ стихъ, ажъ дивимось — у воротяхъ, на дворі, показалось двое поважнихъ чоловікъ: идуть зъ хлібомъ-зъ сіллю. Я місця пе знайду. Почервоніла, зраділа, ледві у ноги не впала дядині. Снуюся по хаті, тиняюсь, — ажъ старости!.. Сама чую, якъ у мене вінокъ тей труситця, мовъ усі квіточки зашамотіли. Ажъ и на порозі. «Здорові! зъ празникомъ! Кланяемось хлібомъ и сіллю. Ми прийшли по вашу Зіньку, — що бъ вашого хліба не іла більшъ, порогівъ не оббивала.» А у мене ажъ ушки сміютця.

- Сідайте, добрії люде, щобъ все добре сідало.
- «Спасибі вамъ. Сади, Боже, все добре!»
- Одъ кого жъ васъ Богъ несе? —

А я ажъ руками затулила видъ, бо згоріла, да хі—хі собі потиженьку въ долоні: «одъ мого Хведорка,» гадаю... а вони якъ гримнуть: «одъ микити Волощенка!» Я за пічъ такъ и вхопилась, а потікъ и сіла на прилавокъ. Дядина всміхнулася: — Хай Богъ помагає, —каже: —зъ дорогою душею... А що, Зіне, скажешъ? — «Я ще, дадиночко, погуляю.» —Да воно таки порано. — «Нічого, голубко,» — всі трое загомоніли, мовъ у дзвони вдарили: «можна заручити.» — «Ні, дадиночко, ні! мені тогді не вільно буде дивитись на кого я схочу.

- Ну, добрії люде, випийте по чарці, и вареничківъ зъ суницями посмакуйте, — а се не втече: дасть Богъ, не огледимось, якъ и рікъ пройде, — майте надію.
- Сіли вони до тіхъ варенивівъ; дядина імъ тавъ годить, а вони ій; вона іхъ припрошуе, а вони: «Да спасибі Богу та й вамъ; що бъ у васъ весь вікъ тавъ було рясно, явъ оце теперъ на столі». Ше чарочку, ще, — да, слава Богу, й здихали іхъ.

А мого й немае й немае! Задавъ мені думки, клопоту, --- душі не стало!... що се вінъ?!-Пізненько вийшла, уже перший сонъ заснувши, ажъ вінъ попідтинню блукає; я пізнала, - до ёго. - Батько змагаєтця, -не хоче. Я зовсімъ того не сподівався. «Що ти,» каже, «сорому набратыця хочешь? Ти-крепавъ, гольтяй, потвнесся до багатирки? Вони споконъ-віку вольні козаки, на всю губу. Ти у іхъ попихачемъ будешъ, якъ я бувъ у твоеі жъ матері... Ні! зъ чужого поля ягоди не бери: я и зарівъ положивъ — не женить тебе на возацці. Якъ **Вони надъ нами знущаютця и панськими помийницями** взивають... пійне, а послі сама й очи виїсть... пойми ти мені віри. Лучче мені въ холодній хаті сидіти, сорочку коряву носити, ніжъ тебе утопити, мій сину. Ти стільки зъ ею будешъ бачить того счастя, якъ свою потилицю. А рідъ же ії якъ внущатиметця! не такъ пани якъ панинята».-- И ні за що, ні за що, не схотівъ. Благавъ я ёго, моливъ, землю ціловавъ: вінъ все свое. «Бери убогу, да свою, а не ковачку. Чорть бери и сребро, якь жить не добро. Я старий чоловівъ, я се добре знаю». — Ні защо! явъ завьязано.

«Я скажу́ сама́ дядині, що я тебе́ покоха́ла, и оповіщу тебе́».—
Потімъ росказа́ла ёму, що́ во мно́ю було́ и розійшли́ся. Якъ... же ме-

ні до ії доступитьця, якъ замовити? Страшне!.. а якъ отказъ? Да й не кажу день, другий, неділю, місяць и другий: не приступлю до неі,—усе ражусь зъ Хведоромъ якъ луче. А тутъ двері, що су: боти, не перестають рипать: старости! Дадина Волощенка укодебала: багатий и люде ёго знають. «Багатий,» кажу, «дакъ ёму й добро. А на вроду який! увесь поморхъ, а хода, а мова яка! худоба за плечима, а лихо передъ очима. Богъ изъ імъ, дадиночко: я ні за кого не пійду».

- Що жъ ти собі гадаєшь, доню?.. вробить би варучени! «Ні, ні! я ёго не люблю».
- Дакъ що жъ ти думаешь? на музики перестала ходить, одъ дівчать одбилась, — уже бъ и сама у танець пійшла...

«На що мені дівчата й музики теперъ? Нехай мені й сонце знижне!..

- HIÓ TOỐI TARÉ?...—
- «Я покохала Хведора крепака.

Дя́дина ажъ за го́лову схопи́лась, вся затрясла́сь:—Отъ тобі:— ка́же, — добула́ся якъ сова́ на току́! Бідна жъ моя голо́вонько! всі надії моі ка́нули... Ні, до́ню, ні, се́рце! за крепака́ не пійдешъ... на́шому ро́ду такъ не приго́же,—своі потови́ ска́рби у па́нські дво́рища передава́ти. Ми у іхъ бере́мъ дівку, то й ви́купъ дає́мъ; а якъ у насъ, то ще дода́й,—да вона́ ще імъ и робитиме,—що бу́демъ іхъ двори́ сповна́ти, а своі збідна́ти. Що ска́же рідъ, що й сусіде близнії? И вінъ хісткий, за вітромъ би пішо́въ якъ би пусти́въ! ти за імъ не наживе́сся, а краси́ своє́і зба́вишъ, заморду́есся: те́ старе́, а те́ хістке́. Ти ёго́ тільки вве́чері хіба поба́чишъ, — тре́ба па́нщину справла́ти.

«Ми́», нажу́, «у двохъ ходитимемъ, то намъ дней більше перепадатиме».

- Що той чинь, якь борщь не сь чимь!..
- «Хоть ніжка въ гнойку, дакъ зате душка въ лойку», всмімилась я ій на се.
- Ні, ні, годі, Зінечко: вибий зъ голови сей дуръ. Не гніви Бога й мене. Я тебе за дитину мала, доглядала; а ти нібі мій найнерший ворогъ заговорила. Весь рідъ спозорити хочешъ. Волощенка люде знають, вінъ у два плуги оре; ёго семья зроду пішки до церкви не ходила й поважного роду: надъ такіхъ и нема у насъ на селі.

«Дадиночко, — сміюся ій: — ми посіємь наволокомь, уродить якь

нарокомъ... якь діждемо літа да нажнемо жита, постивнию вь копи да вдаримо гот!»

— Да ну, годі витребеньковати! слухай сюда!... на ёго матері намітка до кірокъ чепае—а хусткою до церкви й не повыяжетця. Кунтушъ, плахта зъ шовкомъ, усе старосвіччини держитця. А громи и камень довбають. А що врода ёго, да підстарий... да що, Зіню? жаловатиме більпуъ, за дочку матиме. Вінъ одинъ у матері.—

А я ій въ одвіть:

Ой ти дубъ,—я бере́за;— Ой ти ца́нъ,—я твере́за: Ой изъ те́бе, ду́бе, нічого не бу́де, А изъ мене́, берізки, віники и різки».

— Ти зовсімъ скоси́дася,— зъ се́рцемъ промовила дядина. Я замовила: се́рце зти́снуло..

Зновъ лізуть старости зъ нінци сели. «Щобъ», я душаю, «ви дороги не знали, ні зъ дому, ні до дому, якъ ви мій вікъ заідаете!»

Підъ повіточку сяду, да думу гадаю. Світь завьязала и собі й ёму; измучилася такъ! Дядинині речи наче грімъ прогремівъ; и ёго не хочу бачить, смутку ему завдавать. Вінъ гнетця якъ гачечка одъ туги, и я затого звалюся. На край світа одъ людей би бігла.

YIII.

Дадина бочить, що вже й на восімнадцятий повернуло, а я не йду,—думае, що я за Волощенка тільки не хочу:—Ну,—каже, другого вибірай. Правду люде кажуть! доки сидіти? Я стара и часто не здужаю...—

И той у ії хороший, и той, а Хведора и обійде.

«Боже мій! дядиночко!» кинулась я до неі.» Не крайте мого серця! Окроме Хведора я нікого не люблю, нікого! Я кохаю ёго уже три рокі.»

— Имені не кавала?! а той волоцюга, костогриза, ще дитиною тебе зводивъ! а ти й на дядину забула и не признавалася, а горнулася до мене мовъ щира правда?!..

«Дідиночко,» кажу́, роспина́ючись:— «простіть мене́! я скільки разъ котіла казати, дакъ соромно й страніно... Мені бажалось самій у ёму́ накохатьмя. Проста́ мене́, моя́ матінко!» — За ёго не благословляю!.. Дакъ бачъ, якъ за рідну дитину стала!.. пригріла сироту... Обдурью ти во мною жила и на мої літа не огланулась!.. Не спідкалася бъ тобі така біда, не покохала бъ ти нерівню своїмъ малимъ розумомъ....

«Вінъ и теперъ и довіку буде мені миліний одъ усіхъ багатирівъ...

- Ні, сёго́ не бу́де! Шви́дче умру́, ніжъ благословлю тебе́ підъ віне́ць: не знева́жу добрий рідъ свій, не стану костей напного ро́ду ру́шити. Се й съ того́ світу повстають, якъ би скоїлось.
 - «А матіночко жъ! ні за кого, якъ ні за ёго.»
- Коли мене за матюръ не масшъ, то...—махнула рукою, и не стала більшъ говорити...

Побачилась я въ Хведоромъ: «Що робити? Не пійду я ні закого... и за тебе. Боже жъ мій! на що я ії дурила? Вона жъ мене, бідолашну, взяла, за матюръ мені стала, кохала, пестила мене якъ! Я зрадниця ії, не скрасила ії старого віку, а ще въ даку й засмутила... Хведорку, світе мій! на що я зрадила дядині, матінці моеї... Не пійду, мій голубе, проти ії волі: вона сёго не знесе. Плакала я гірко, и въ ёго слёва на виї повисла.

— Се я зътебе зробивъ таку безчасну!..—Обнядися ми и ровішдися съ такимъ смуткомъ, що и не сказати.

Сумна моя дядина, сумна якъ нічъ! мене острахъ бере, моровомъ обдає, а за серце якъ пьявки ссуть.—А старости—якъ ті репьяхи: изновъ одъ Волощенка.

- «Чи довго твоя небога ростиме? та на хустви пристиме?
- Да нехай же Богъ помагае. Я ії не спинаю, нехай иде. «Пора вже пару мати и працювати.

Дядина до мене: —За кого ти йдешъ?

- "«Ні за ко́го!»
- Дарма, кажуть старости: ми собі иншу знайдемо, а ви собі держіть на насінне. Да й лась дверми, ажъ глина зъ стелі посипалась.
- Иди, доню, хочь за Дмитра Муху, Бога бійся, пламу на нашъ рідъ навладати. Будешъ якою господанею! Подвірье яко широке, зелене! горобина ажъ на землі лежить якъ зоздріє, королівъ цвітъ повився по лісі, вишні поперехилались: Боже! цвіту того, цвіту! якъ молокомъ улито!.. и назимочка, и третячокъ и корівка; въ васікахъ повно... чого тобі? и самъ парубокъ моторний, и я—все що въ мене е—тобі оддамъ: скриню и сто цілковихъ грошей и

корівку, а хату, городъ и подвірье по смерти; хочъ и є въ мене ріду доволі, да ти въ мене найближча, найкраща. Розумна эксона якт ступа пшона, а якт нема, дакт и дурна.

«Дадиночко! не кажіть мені сёго...

— Иди, кажу!не дурій: тобі не шоснадцятий. Изъ ньяти паръ можно вибрать хочъ кому: друга й однібі не діждетця... и хата поручъ—якъ близько!

«Близько, да слизько далеко, да лежо. Я лучче ні ва кого не пійду, матінко, якъ не ва ёго.

Починамоть було старости по тричі ходивши, да й пійдуть. Усе на насінне мене прочять, на висадки...

Дадина, я и Хведіръ ходимо такі невеселі... А туть времья йде; уже й девьятнадцятий настигь... сижу въ дівкахъ! Люде заторочили: «чого се, чого?» Дядина стала мене підстерегати, щобъ я зъ насъ нобра нема: собі світь завьявали и імъ... Отъ, и стали ми рідко вбачатись—у лісі хіба, якъ зострінимось. У селі, якъ на долоні, не сховаесся. Дядина відсіль постерегае, якъ городами йде, а батью ёго—відтиль; облавою стоять,—по місяцю, було, не бачимось, кинемось,—обіймемось, не промовивши слова, и розійдимось. Тільки одинь Богъ знае наші муки! Всюди наче стережуть, всюди очи. Дядина до мене й речи не оберне.

Зійшлися ми разъ, — Хведіръ мені й каже: — Изнудився я зовсімъ, мое серце, да й надумався: сёгодні ходивъ до панівъ, просився на обрекъ, у городъ... На сімъ тижні я батька поховавъ Нема мені долі, ні складу, ні ладу; кому не було зъ-малку, то й до'станку: такъ намъ обомъ. Мабуть, я ёму немощи додавъ. Тлівъ вінъ серцемъ, гладючи на мене. Хата мені рідная вамість труни стала... Щобъ уже тебе й себе не сушити, пійду на місто жить, до шевци и панамъ половину платитиму. Може мені легше буде, нкъ я тебе не бачитиму, дай ти очей своїхъ не стиратимешъ. —

«Добре, мій голубе! Розійдемось... и я пійду въ люде. Щобъ мені й містечка того не бачити, де ми спозналися»... Да такъ и вдарилася объ землю... «Нехай,» кажу, «моя коса побіліє, а я не буду ничия більшъ, якъ твоя»... Такъ и поеднали, и розійшлися якъ хмара на небі.

Дядина мовчить,—не вамовить. Въ хаті мені тісно,—духъ спірає,—невельний огонь мене ножира...

IX.

Встала я рано, уклонилася дадині мончки въ ноги, а вона мовчки ноясь надитця плести, — тільки здихнула. Перестунила я порігь, —якъ не впаду: завернулась, поціловала ёго, —да й пінла, мішла облогомь, —сама не знаю куда й до кого, —ажъ на край села. Всю доріженьку слёвами злила—оплавала свою долю.... Загледіла хату Золотарисину, — біліе якъ маківка на воді... все коханнечко своє згадала! Зайду до ії не съ тимъ, щобъ хліба-соли одвідати, а де мені подітись зъ своїмъ горемъ—грішною душею. Иду ноувъ ії двіръ, слёзою вмиваюся. Вона мотки вішае, мене не бачить. Завернула я у двіръ.

«Бабусенько, бабусенько: де подітись?.. якъ се горе забути?»

- На сі му́ви, одваже мені Золотари́ха, нема, се́рце, зілля: не, посіявъ Господь... Хто сімъ занедужавъ, той и въ труну зъ сімъ пійде.
- «Я пійду міжъ люде вчитись свій клібъ істи... Дадина не велить мені бачитись зъ моімъ Хведоромъ; сама світомъ нудить й мені докорае.»
- Иди, доню, у шесту хату по праву руку: тамъ наньку треба. Тільки й поради дала.

Пішла я собі; підійшла мимоходомъ икъ колодязю до кората; промила очи, щобъ люде не такъ-то дозирались. Прийшла; двое дітокъ бігае маленькихъ на подвіры, а трете на рукахъ у молодащі: вдовую. Питаю, чи не треба наймички?

— Ні, стрице, не треба: вчора собі наняла. Да якъ же ти зморилась! присядь трошки. Пойди, — каже, — тутъ не подалі, багатиръ живе, — Свиріпенко; вінъ по поштахв смотрителенъ бувъ; — ото, зъ красними оконицями, ёго будинки и клуня нова. — Япінла. Тільки-що прочинила въ двіръ фіртку, собака за пучку, а послі за запаску, и пошматовала, — чуть зъ нігъ не звалила. Госноди! се щось не добре. Де то я притулюся?!..

Тутъ стара́ дівка ви́бігла, да такъ прожогомъ и ліве: — одъ кого́ и чого́, ка́же?, да такъ дивитця зпідъ лоба.

«Кажуть люде, вамъ наймичку треба?»

— Намъ и саминъ істи нічого. — Такъ мені одмовила.

«Да мені», кажу, «не багато й треба.» А туть в підстаркова-

тій чоловінь на данки вийшовь: у жилетці; въ кармани руки замежить; каливи чирвонинь саньйномъ общито; лице блищить.

— Дівчино, дівчино! — на мене.

Я уклонилась, да й кажу: «вамъ наймичку треба?» А сама такъ и колочусь, — такий неприязний, Господи!

— Треба. Чтожъ! тебъ, можетъ, много потребуетця? Боже мій! да якажъ мова! а кажуть — изъ нешихъ,! Свого одбігъ, — чужого не доскочнвъ.

«Hi».

- А скілько жъ теб'є воспосл'єдуєть дать въ годъ м'єста? «Вісімъ кінъ», кажу, «да юпийну»: вже й не домовила про чоботи. «Я чула одъ людей, що такъ платить».
- Изобилуещъ требованіемъ жестоко. Три копи...три, три. Ну?? И ибику можна дать, если Хавронья, какъ одходила, не захватила зъ собою, можно снабдить...—додавъ, да ще такъ на носки дибки знъйвсь и опустився, и язикомъ прицможнувъ.

«Ну, нехай и по вашому».

— Работать, — наже, — все.

«Добре».

Зостанася... А яки ящурини у ёго очи! яки жъ вони мені не милі!... Посадили мене заразъ сорочки латать и духу перевести не дали. Рубець на рубцю, латка на латці!... діжу вчинила—пополамъ зъ гречанимъ; полягали спать, и я,такъ,— на соломці, юпчину въ гелови. На ворі мене збудили до корови, хлібъ замісить, въ хаті убрать, страву застановить Хазаінъ зъ двома хлопцями у поле поіхавъ. Я днемъ, до обідъ, гурки підбивала. Поки самъ не повернувсь зъ поля, безъ ёго й сестра не присолювала, не затовкувала страви: у самого хазяіна ключь одъ скрині и все хазайство: мірою й одсипае. За обідъ посадимо, — такъ и глипа на всіхъ, якъ хто ложну до рота несе. Хлібъ підъ замкомъ,—скнарость така! и звичая сёго нема, щобъ хлібъ на столі бувъ на приходащого. Да ще й всміхаєтця до мене, за плече мене:—косники,—каже,—куплю тобі нові,—по щоці мене трепле... А то, разъ, у сіняхъ мене догнавъ зъ пляхою привеликою. — Випий чарку, випий.

«И хлібъ твій,» думаю, «ставъ въ горді, а не то щобъ вашу горілку пить... Згинь ти», думаю собі, «старий шкарбанъ зъ своими жартами»,—да й покинула іхъ черезъ три дні. Вийшовши за ворота ажъ сплинула и ноги отрусила: такъ гідко було! Такъ гідко,

що знершу й не журилась и не думела ні про дадину, ні про Хведора; а послі бігомъ, бігомъ до дадини,—ажъ на зустрічъ піпъ пашъ иде... «Оце жъ», думаю, «не кінець моій біді»,—та до ёго: «Батечку», кажу́, уклонившись у ноги: «візьміть мене до себе!»

- Шо ти? Бога бійся!.. а дадина?
- «Равно пійду въ люде, якъ не візьмите.
- А гріхъ же стару кидати! Вона жъ тобі...
- «Я буду молитись,» перебила я ёго: «вона й сама одотупития... візьміть!
 - Ну, приходь: равно мені треба; тільки я не севітую.
 - А я ще разъ пішла до дадини, и зновъ въ ноги ій.
- Де́ ти валасалася?.. До́ню моя, послу́хайся мене́. Красу́ свою́ знівичишь, —літа́ своі марне стра́тишь. Ида́ за любо́го, тільки не за крепака́... и духъ мій не ди́ше, якъ поду́маю... Дити́но моя́, се́рце мое́, опамьята́йся!
- «Ні, матіночко, живи съ кімъ хочъ, а я тільки памьять твою не забуду довіку... Прощайте! Я иду въ люде».

И пішла... и жила у попа даромъ, — тільки водягали.

X.

Дядина взяла до себе двохъ родичокъ: такъ и віку дожила... Оце, було, я пійду до церкви—у тій ще запащині, що собаки кінець порвали, якъ я знялась изъ дому,—а тутъ ще не ввернулись справить новоі,—отъ, виходячи зъ церкви, на цвинтарі, уклониося ій низько, якъ матері,—поткнуся до неі: вона мовчки рукою й одведе. Мені не скарбівъ тіхъ жаль, що я тамъ покидала, а такъ,—ії, и того, що я ії зобідила, що праця ії пропала не за що.

Послі й зъ Хведоромъ побачилась, одійшовши одъ дадини. Акъ зраділа! усе лихо минулось, и на дадину забулась...

Прійшла я додому до попа; трохі згодомъ, вийшла за ворота, а Хведіръ мене й постерегавъ, на пригорку, у який я двіръ поверну, пооддаль ставъ и дожидавсь, чи не пройду я по двору. Я тільки-що переступила съ порога, заразъ помітила сірачину; вінъ изъ пригорка, да й пішовъ поузъ ворота: мовъ не до мене, а своею дорогою, бо людей багато по-де-куди гулало. Порівнався, и каже стиха: — Приходь у лісъ, на старе місце: цілий день ждатиму. — Я

визиркала таку годину, що людь поховавсь трохи... да й у гай: агодъ, грибівъ, зілля цілющого пошукати бъ то.

- «Не сподівалась я тебе такъ швидко бачити, серце».
- Ні, моя голубко сизая, не стерпівъ: въ привелику силу дождавсь неділі.

Я ёму роскавала все свое житте, що и якъ.

- Дакъ моя, каже.
- «Troé harien».
- Подушай, яка ти стала! ніщо на тобі не блишить....
- «Аби я тобі блищала, мій орле!»—да й обияла ёго.
- Коли жъ ин поберемося?
- «Не приступлю, се́рце, зако́на, не бу́ду більшъ да́дини гніви́ти. Такъ уже́ й ру́ки зложу́, якъ не поблагослови́ть.
 - Охъ, біда, серце, съ тобою! да й замовине.

Не огледимось, якъ и повечоріе: тільки птиця хіба сположне. Розійдимось. Вінъ ище недалечко поблукає; послі, піхою, на всю нічь, ва десять верстовъ, на місто.

Да́дина три годи пожила да й переста́вилась; хай ій земла́ перо́мъ! мене, сироту́, до міть довела́. Уміра́ючи скава́ла ро́дичкамъ:— Усе вамъ. Ха́ту й скри́ню, пятдеса́тъ карбо́ванцівъ и това́ръ; а питдеса́тъ — похова́ть мене́, попу́, старца́мъ и на це́ркву: все́ на ра́вні ча́сті. Про ма́не скава́ли,—дакъ тільки о́чи кріпко сти́снула м голову одверну́ла. Я гірко пла́кала, що не довело́сь мені о́чи ії заслони́ти: стою́, було́, въ сіняхъ, слізно пла́чу, а до ії й не поткнулась, щобъ на Бо́жій доро́зі ії не спина́ти, її поко́ю не рушити. Хай ій Госпо́дь у ца́рство небе́сне прийме! До віку спаси́бі.

Побачилась я зновъ изъ Хведоромъ. И Хведіръ журився зо мною.

— Зіронько моя, — каже: — коли тобі сонечко засвітить? Правду сказано: не родись вы платтечку, а родись вы щастечку; хочы ряба и погана, да ії доля кохана... журба тобі за журбою! — Обнімає, цілує мене, голубить. — Я, — каже, — надумавь: місяць доживу у хазяіна, заплачу оброкь панамь да й старостівь до тебе пошлю. И зновь у селі зостанусь жить, — панщину буду одробляти. Ти жь моя?

«Твоя, серце!»

XI.

Діждали місяця; Хведіръ заплативъ оброкъ, одпросився зневъ у село. Самъ хату змазавъ, зчинуривъ такъ-що!.. Люде дивуютця: — Боже нашъ, — кажуть: якъ-то вони люблятця. Вона жъ іще підліткомъ була, а ось скільки роківъ лихо терпіла, чужі пороги терла послі роскошівъ такихъ: да й вінъ же!... Отъже й діждали свого. Самъ хату, призьбу маже, — дожидаетця своеі голубки...

Повінчали насъ. Весілле одгулали тихо, да до любови. Переступила я порігь въ ёго хату мовь у рай Божий. Явъ пожинули насъ уже люде, явъ зостались ми на самоті,—сіни, хату засунули,—не вмовлавшись, кинулись одно до 'дного', ажъ заплавали: змили той кипть, що за сімъ літь на серді осівъ. Цілий день не іли й не пили, наче зареклись спостити той день святий. и світлий Такъ любо, такъ тихо на серденьку... Сидимо обнавшись, — и муха не пролетить, гріхъ наче... Самъ Богъ, здаєтця, міжъ нами.

Цілий місяць насъ обохъ на панщину не ганали, одночиновъ мелодимъ дали. Такимъ яснимъ цвітомъ зацвіла зновъ наша доля, морозомъ прибита... Що то душа наболіла, серце намліло!...

Почали ми порядкувати, а вінъ у людей роботу брать де-яку маленьку. Въ своїй хаті и угли, кажуть, помагають. Що заробнить, то й купнить що-небудь въ хазайствечко. И гарно у насъ, и весело. Одну стравочку було постановлю, юмку, чи борщъ, да який же то присмашний здастця! На що, кажуть, та й шаноба, жиз добрее слово... Я всі росиоши позабувала! Иногді й віри не деймаюмо, що доля наша така красна. Не треба мені ні золота, ні срібла, що було дивую людей; нічого мені того не треба,—нічого не страшно. Чоловіче мій, затуло молі якь за тебе захилюсь, то й нікого не боюсь. На панщину мене не звали; — тільки въ віну на панівъ одпрядала. Хведіръ одбувавъ свої дні, а я дома скільки моги працёвала.

Два роки прожили ми одинокі. Не дає намъ Богъ дітокъ; — жаль, ад не скушно. Одно тільки горе: згоріла хата у панськихъ людей, дакъ вдову, зъ трома дітьми, до насъ перевезли, бо у насъ просторно було. А де багато господинь, тамъ хата неметена. Усёго було: діти и побыють и попереставляють усе, и гамъ такий складуть, що ажъ уши було ватикаешъ. У нашій хатини чисто й затишно було. Хведіръ було ажъ метушитця: такъ крикъ той ёго доймае!

На третій годочовъ я стана у везі: Госновь и мені дань. Радъ вій Хведірко и я рада: своє, то й не вадить. Ми все зъ винъ мивино дружно. Зродила я дівчатко, Наталкою взвали. — Дай, Беше, долю! — каже Хведіръ; — да не таку якъ тобі. — «Щожъ, серденько, я тее вие забула. Келібъ тільки тобі Богъ давъ здоровье!...»

А мій Хведірко усе марніе. Вінъ народу бувъ худорля́вий, да ставъ ще гірний. Згадала я тогді дадинине слово, що не цінемъ би ёму орудовати, и що й моя праця марне нійде... Усе справдалесь!...

XII.

Втіннаємось ин Наталочною; росте воно, всиіхаєтця: ручената дає, уже й дібни, уже й ходіти почало, и говорити. Що вінъ було єю втіннаєтця! Тільки гореньно жъ моє! й иритомилась: підбиваюся, зъ нінъ валюся, а нізащо рукъ заченити, бо чоловікъ занепадає; треба и отопитьця и одягтися и прокорийтись, а зъ ёго номочи мілноі. А туть — мала дитина: звісно, коло ёго загаїсся...

Хведіръ зъ часу на часъ хиріє: якъ що болить, то й сорочка вадить. Прийде зъ панщини и ні за холодну воду; вогнетця якъ пехале дерево, и сидить. На панщині робить, а свої дні дома й такъ, — идуть пусто. Ние и ние мое серце на ёго гладючи; таке вінъ въ моїхъ очахъ якъ віскъ. А я одъ туги, й того більшъ, ддними ружами не вхоплю. Пійде вінъ зъ двора, а я й світонька божого за смёзами не бачу и ділечка за іми не вроблю: такъ вінъ мене прушить!

Унали ёго ще три дні незабаромъ; ото жъ вінъ дома день ш другий пробувъ, говоривъ и ходивъ, зъ печи злазивъ, да усе темъ скоресенько. Я зъ Степанидою ему дві сорочки одрівали; сижу, шию; ш вінъ полінаку дровъ, відерце води, принісъ, да вже й не здужае, етогне, и зновъ злізъ на пічъ.

«Що у тебе, Хведорку, болить?

— Болочка.

«Извару я тобі узварцю?

Отъ горщовъ наварила, два рази напоіла.

— Изведи мене на піль, — каже.

А я въ Наталочкою: у мене такъ тісно!

«Ні», кажу́, «Хведорку, голу́бчику: мди́: — нігде мені приместатьця въ дитиново. — Дай мені сироватии зъ хлібомъ.

Я непринция, подала́. Вінъ сёрбъ,-сёрбъ разівъ въ ньа́ть, да й годі.

— Ой, якъ, — каже, — досадно на нечі лежать...

Я послава на полу, сіла биля его; изченала руши; въ серці мене мевъ пуркою прутить; глянула на его да й изхопилась,—злявалась: такъ вінъ змінився.

«Хведорку, мій світоньку, що це зъ тобою?

А Степанида и наже: — чи не послать за попомъ? запричастить, — ёму й получчае.

— Пійди, кажу, — будь ласкова, Степанидо.

Хве́діръ почу́въ, скоре́сенько схопи́вся́, переверну́въ соро́чку, бо нави́воротъ, на́швидку, надіта була́. Сівъ, сиди́ть, дожида́етця нопа: мема́! Вінъ и лігъ. Я хожу́ по ха́ті, — не зна́ю, що мені въ світі й роби́ти... Я за кожуши́ну, на се́бе, — нічъ, и хви́ща така́ йде! — да за дяко́мъ. Вінъ мені й кумъ. «Кумочку», нажу́, «голу́бчику, сходіть за попо́мъ. «А вінъ: — да уже́ пьять разъ ходи́въ: попа́ на́шого нема́ до́ма, а до дру́гого ходи́ли на той кутокъ, — не ба́чили шіво́го; ходи́ли, ходи́ли по підъ-віконню, — нема́ ніжо́го: тільки гу́сі да ко́ні, а лю́де са́ме облягли́— посну́ли кріпко, не досту́каесся.

Въ короткий вікъ мій багато карбівъ лягдо на мойму серці, да ще ні одного такого глибокого не було, якъ цей послідній. Ніколи не загеннъ...

Изборола лиха́ година... Хведіръ умеръ: сама́ осталась на білому світі! Хочъ, бацца́, й широкий, а нема́ де дітись—безъ грошей, безъ роду. И хати своєї дружнёї одцуралась: въ чужей у́голъ пійшла́ доживать, въ Наталочною батька оплаковать...

Такъ чуствительно вміравъ!... Я пішла до цитини, ажъ чуювінъ на печі такъ стотне. Я припала до ёго:— «Хведорку, що у тебе, мій світе? «Якъ устремивъ у мене очи, такъ якъ не пробъе. Чи ти мене бачишъ, Хведорку, дружино моя вірная, порадь же мене?»

— Ти вже сама́ себе́ порадишъ, бачу́... — Да три рази позіхну́въ— и Богу ду́шу оддавъ, — одъ насъ одклонився.

Я такъ и застила, наче духъ у мене вистановивсь. Стенанида кинулась, сусідокъ кликнула. Три баби прийшло, одхажи мене, ето изрядили... Якъ живий ходивъ... ніякої ему й пригоди не було. Положим ето на покуті, на лаві... Наталочка у рученьку ето цілуе... припало до ето нігъ, обняло да й тягне до себе. А я... и речи

у мене нема, що во мною тогді діялось! Наталочка було, що-вечора, тата гукає... а теперъ и не помьяне... Оце, було, малюсеньке, встане да й гукає: тато, тато-0-0-0! а теперъ спитаю — де тато, мринцулитця до мене, наче знае, — и мовчить. А я—наче зъ ума симбнула... якъ було вінъ жалуе ії:—ти жъ моя манюсюнечка! Хотя бъ намъ, бувало каже, — діждать, щобъ воно ходило.—И діждажи жъ, хвалить Бога; а вінъ — и не стамилась якъ вінъ и вилинувъ мувъ моїхъ рукъ...

Такъ мені гірко тенеръ якъ згадаю, що ще вінъ, якъ дужчий бувъ, то я разъ колись ёму й сказала: «Боже мій! тимъ у насъ, Хведорку, нічого й нема, що не хочемо робити... На городі—посціліе, померзне: нічимъ ти мені не запомогаешъ, а я сама не ввернусь. И ти бъ,» кажу, «Хведорку, копичку накосивъ,—продали бъ: аже жъ,» кажу,» «на всіхъ, коло кручи, сінокосу дано.» А вінъ мене й налаявъ. Я нищечкомъ и собі; дакъ вінъ мене у потилицю:—м рідъ твій не діжде,—каже. А я зъ серця: «отъ, наказавъ мене Богъ такимъ чоловікомъ!» Тільки оце всёго и було міжъ нами сварки... Вінъ жаловавъ мене кріпко: е чимъ згадать!..

Якъ ховали, я дала на Евангелію, а то піпъ самъ одъ себе чотирі прочитавъ. «Вінъ,» каже, «и на мене облатувавъ, царство ёму небесне!» А то своі пани дали півкарбованця грошей, горілкі, кощокъ на труну, и чужа одна пані дала сальца й хліба помьянуть. «Вінъ,» каже, «мене якъ своїхъ панівъ облатувавъ,—такъ и мене, спасибі ёму. Хай легенько лежать!..»

Хведіръ не торгова́вся; мене було суднть кого запрещає...— Не вчись, було—каже,—такъ робити. Бу́дешъ тихше ходить, тобі жълучче бу́де...

Я ёго тарно помьянула и поховала: шпалерками веленими труну оббыла, рутою, васильками обложила... Господи! все дівованне свое тогді згадала, сірачину мою любу споряжаючи у вічнюю дорогу... припала до ёго. да на останній дорозі поговорила якъ зъ живимъ. Хто жъ мені світітиме теперъ, якъ вінъ? съ кімъ я буду жить, съ кімъ и горовать?.. Тогді мені здавалося, що вінъ те усе чуе, що вінъ огланетця на мое сирітство!.. ажъ и теперъ не вдержуся отъ слізъ... Нізакого теперь мені захилитись... Не зглянувся на мене Господь! підліткою все повинула, пісні, музики, жарти дівеньки... Надъ сірочіну не будо мені нічого дорогиюго.... Заквіччить вінь мій вікъ нолючини тернами,—не доведось ножить изъвібить меінъ Хведоркомъ: самъ наса́къ н я захи́ріда...

Иногді, якъ правдетця, такъ такко стане на серці, що й молю Бога, що бъ моні очи заслать; а послі—такъ эробитця Наталочки жалю....

A. Houya-sirept.

30 mag, 1860.

КОБЗАРЬ.

XXII.

CECTPI.

Минаючи убогі села По-над-Дніпрянські невеселі, Я думавъ: дежъ я прихилюсь, И де подінуся на світі?... И снитця сонъ мені... дивлюсь: Въ садочку, квітами повита, На пригорі собі стоіть-Неначе дівчина—хатина; Дніпро геть-геть собі роскинувсь! Сіяє батько та горить! Дивлюсь: у темному садочку, Підъ вишнею, у колодочку, Моя единая сестра, Многострадалиця святая, Неначе въ раі, спочивае, Та вза широжого Дніпра Мене, небога, виглядае.

И ій здаєтця—виринає
Зза филі човенъ... доплива...
И въ филі човенъ порина...
— Мій братіку! моя ти доде!—
И ми прокинулися: ти—
На панщині! а я—въ неволі!..

Отакъ намъ довелося йти, Ще змалечку, колючу ниву! Молися, сестро! будемъ живі, То Богъ поможе перейти.

20 іюля 1859 р. Г. Черкаси.

XXIII.

Тече вода зпідъ я́вора
Яромъ на долину;
Пиша́етця надъ воде́ю
Черво́на кали́на;
Пиша́етця кали́нонька,
'Яворъ молодіе,
А круго́мъ іхъ верболо́зи
Й ло́зи зеленіють.

Тече вода изза гаю
Та по-підъ горою;
Хлюпощутця качаточка
Поміжъ осокою;
А качечка випливае
Зъ качуромъ за нами,
Ловлять ряску—розмовляють—
Зъ дітками своїми.

Тече вода край города:
Вода ставомъ стала;
Прийшло дівча воду брати—
Брало, васпівало;
Вийшли зъ хати батько й мати въ садокъ погулати—
Порадитись—кого бъ-то імъ
Своїмъ затемъ звати?

7 повбря 1960 р. Истербургъ.

T. McByenke.

ЗНАЧЕНІЕ ШЕВЧЕНКА ДЛЯ УКРАЙНЫ. ПРОВОДЫ ТЪЛА ВГО ВЪ УКРАЙНУ ИЗЪ НЕТЕРБУРГА.

Порано ще, пандев-громадо, прорекати остатне слово про Тараса: ще ми гаразда не эмірили, скільки ми за нима утеряли! Недъ метімою, у сороковій лень. П. А. К.

Кто-то сказаль, что впечатльніе, производимое смертью человіка, показываеть значеніе его жизни. И это правда. Только смерть, какъ последнее слово вполнё-высказавшейся иден—жизни,—заставляєть насъ сосредоточиться, отдать себё отчеть въ ея смыслё, привести въ ясность и отношенія наши къ умершему и ощущенія нашего сердца, пораженнаго неожиданнымъ ударомъ судьбы, которая часто такъ-безжалостно останавливаетъ человёка на полпути и въ самую лучшую для него минуту.

Смерть общественнаго дъятеля примиряетъ непримирямыхъ, пробуждаетъ сочувствіе охладъвшихъ, вызываетъ безпристрастіе въ пристрастныхъ, погружаетъ въ безвыходное горе слабыхъ и воодуневляетъ сильныхъ духомъ на дальнъйшее дъло, на новую борьбу, борьбу усиленную, потому что еще одной силой стало меньше. Смертъ общественнаго человъка уясняетъ и его-самого и самое общество: по впечатлительности и послъдующимъ проявленіямъ общественнаго сердца можно навърное судить, чъмъ оно бьется, и если оно нездорово, то симитомы бользии выкажутся скоръе всего тутъ, въ его тревожномъ состояніи.

По нашему наблюденію, и смерть Шевченка вызвала наружу все, что есть живаго въ нашемъ южнорусскомъ обществъ. Шевченко обнималъ такъ широко прошедшую и настоящую жизнь родины, такъ върно понималъ состояніе современнаго нашего общества и потребности народа, что его поэзія, естественно, должна была коснуться всякаго. Поэтому, у насъ нѣтъ человѣка, который, имѣя какое-набудь понятіе о Шевченкѣ, могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ его смерти и не высказаться такъ, или иначе. Прослѣдить за всѣми дѣйствіями и взаимными отношеніями людей сочувствующихъ родинѣ, за всѣми толками, возникшими вслѣдствіе этой великой утраты — было бы въ высшей стешени полезно и любопытно: вся громада и отдѣльныя личности, волею-неволею, опредѣлились бы при этомъ настолько ясно, что можно было бы смѣло сдѣлать иѣкоторые не безилодные выводы и для настоящаго и для будущаго... Мы на этотъ разъ ограничиваемъ свою задачу исторически—вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, которые дошли до насъ по сю пору.

По встить мактотіямъ, смерть бъднаго Козбара отозвалась повскоду—отъ хать до палать, въ украпицахъ и неукрапицахъ, читавшихъ и нечитавшихъ Шевченка, а только слышавшихъ объ этомъ крепа къ—поэтъ.

И—что всего замъчательные—сочувствие это въ большинствы возбуждено не произведениями его за послъднее время, извъстными линь весьма немногимъ: оно идетъ съ давняго времени, со времени появления «Кобзаря» въ 1840 году, и только обновлено изданиемъ его въ 1860. Это сочувствие не измъняло поэту во всъ 20 лътъ его литературной извъстности; онъ и самъ, быть-можетъ, не подозръвалъ какъ оно было велико и глубоко, такъ-точно, какъ весьма многие только по смерти Шевченка поняли все высокое его значение, только по смерти его узнали, что Тарасъ—дъйствительно былъ для Украинцевъ батькомъ. Да иначе и не могло быть: стоитъ только припомнить наше прошедшее, характеръ Шевченка какъ человъка, и уяснить себъ содержание и направление его поэзи...

Десятильтняя разлука Украины съ Шевченкомъ нисколько не охладила восторга и любви молодаго покольнія къ поэту, который нежданно, (въ 1840 году) заговориль языкомъ, по мивнію пись- менныхъ — уже замершниъ на устахъ простаго, непросельщеннаго народа; языкомъ, давно осужденнымъ ими на безжизненность. Съ самыхъ первыхъ пъсенъ Кобзаря, оживилась надежда немногихъ, еще связанныхъ съ корнемъ народной жизни, что этотъ мелодическій родной языкъ, эта богатая и прекрасная народная поэзія, отразившая въ себъ такую жизнь, но умрутъ безплодно; а чрезъ нъсколько льтъ, когда взглядъ Шевченка расширился, когда жизнь и искуство

мало по малу восполнили въ его развитіи то, чего не дало ему образованіе, когда его пъсни зазвучали встин струнами народной души и вародное слово какимъ-то чудомъ стало выражать самыя задушевныя думы современнаго человъка — надежда немногить перешла въ отрадкую уверенность, и вскоре самые неверующе повернаи въ возможность развитія нашего языка, словесности и жизни на чистыхъ народныхъ началахъ. «Впечатлъніе, которое производили стихотворенія Шевченка, » говоритъ Н. И. Костомаровъ, » напомина Шиллерову балладу «Занавъшенный Санскій Истуканъ». Муза его раздирала завъсу народной жизне. И странно, и сладко, и больно, и упонтельно было заглянуть туда!... Пожія всегда идеть впередъ, всегда рішается на смілое дъло; по ея следамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Аегче бываеть последнимь, но тяжело первой. Сильное зреніе, крепкіе нервы нужно вивть, чтобъ не ослепнуть или не унасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свъта истины, дружелюбно вокрытой для спокойной знающей, что сокрывается за этимъ занавъсомъ! Тарасова муза прорвала своимъ свътомъ какой-то подземный заклепъ, уже въсколько въковъ замертый многими замками, запечатанный многими нечатьми, засыпанный землею, нарочно вспаханною и застянною, чтобъ скрыть для потоиства даже намять о месте, где находится нодземная пустота: Тарасова муза смело проникла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ светочемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучанъ и свежену воздуху и людской любознательности. Шевченко, накъ неэтъ — это быль самъ народъ, продолжавній свое поэтическое творчество. Песня Шевченка была сама по себе народная песня. только новая. — такая пъсня, какую могь бы запъть топерь цълый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной дуни, въ положенія народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко быль избранивит народа въ прямомъ значенія этого слова; народъ канъ бы вобраль его петь витсто себя (1).»

То, что принимали за смерть, быль только сонъ, утомленіе, разезарованіе, послів долгой и безилодной для народжаго блага борьбы: явился истинный поэть, съ неугаснией искрой Прометей —

> И—о, диво! трупи встали И очі раскрили:

^(*) Воспоминаніє о двухъ мадярахъ.

И брать зъ братомъ обнялися
И проговорили
Слово тихоі любові
На віки в віки

Облегчить обремененнаго, поднять покинутаго или падшаго, возвысить его до достоинства человика, пробудить его къ жизни ему свойственной, самобытной-вотъ идея, одушевлявшая Шевченка отъ первой до последней минуты жизни. Независимо отъ того, что повзін Шевченка была въ высшей степени проста, нъжна, образна, независимо отътого, что она народна, - понятна решительно каждому, - жизненность ся занаючалась именно въ общечеловъчности его думъ и чувствъ: при всей своей народности, поэзія Шевченка не носить въ себів ни мальйшаго привнака какой бы то ни было исключительности-національной, религіозной, политической, сословной; его пъсни исполнены такой глубокой напвности — искренности, такой человачной правды, что нъть им одного народа, итътъ ни одного современно-развитаго человъка, который бы не призналь ихъ близкими, родными себт. Намъ разсказываль извъстный славянисть, Лужицкій Сербь, г. Сиолерь, что въ одномъ обществъ изъ представителей разныхъ славянскихъ племенъ кто-то предложиль, чтобы каждый прочиталь на своемь нарвчи то, что ему всего болье по сердцу. И воть, одинь, вивсто тего чтобъ читать на родномъ языкъ, просиль согласія на прочтеніе укранискихъ стиховъ Шевченка: въ своемъ собственномъ онъ не нашелъ инчего болье симпатичного... Великан душа Шевченка была полна безграначной любен къ чоловъку в сочувственняго безпристраетія ко всякому: отъ виргиза до украинца, отъ дикари до Тургенева, отъ бегача до бедника, отъ нана до варнака; онъ, учась немногому, или, върнъе, почти не учась вичему, понималъ жизно весьма и воська миогихъ, которыю целый венъ свой просидели за книгами и ничего изъ имхъ не умъли вычитать, кромъ узкой, ображдейной, все заранте портшающей, системы. Шевченко любиль и уважаль человижи какъ ошъ есть, какъ опъ вышель изъ рукъ жизни, исторіи; онъ яство многить васуньть — отчего люди вышли такими, а не инынии быль синскодителень по всемь ихь недостаткань, --- быть-нежеть и оттого, что самъ прошель все степени правственнаго развития, могъ на себъ наблюдать весь ходъ его, всъ трудности, лежащія вить и внутри человъка, на пути къ тому, чтобы стать истиннымъ человтькомо

Безъ малодушой укоривны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрить пронасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей;
Прочесть всѣ черным страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла —
И сохранить полетъ орла
И сердпе чистой голубицы: —
Се — человѣкъ!... (1)

Злоначинающихъ спини́,
У пу́та ку́тиі не куй,
Въ глибокі тю́рми не муру́й;
А до́бре зи́здущимъ рукамъ
И покажи́ и поможи́ —
Святу́ю си́лу низпошли́;
А чи́стихъ се́рцемъ... коло іхъ
Постави ангели своі
И чистоту́ іхъ соблюди́;
А всімъ намъ вку́пі на землі
Любо́въ, о Го́споди, подай,
И правдолю́біе пошли́!

Не наріка́ю я на Бо́га, Не наріка́ю ні на ко́го: Я са́мъ-себе, дурний, дурю́, Та́ ще й співа́ючи... Орю́ Свій перелігъ—убо́гу ни́ву, Та сію сло́во: до́брі жни́ва Коли́сь то бу́дуть!...

> Ори́ся жъ ти, моя́ ни́во, Доломъ та горо́ю, Та засійся, чо́рна ни́во, Волею ясно́ю!

⁽¹⁾ Тризна, соч. Т. Тр. Шевченка на в.-русск. языкъ.

Орися жъ ти, резвернися,
Полемъ резетелися,
Та посійся добримъ житомъ,
Долею полийся!
Розвернися жъ на всі боки,
Ниво-десятино!
Та посійся не словами,
А розумомъ, виво!
Вийдуть люди жито жати...
Веселиі жийва!...
Розвернися жъ, розстелися жъ,
Убогая ниво!!

«Да пусть Марко Вовчокъ пишеть хоть по-самотаски, — лишь бы въ его писаніяхъ была правда», сказаль онъ однажды по новоду вопроса, не слідуеть ли высокоцінимому имъ писателю ограничиться сочиненіями на одномъ укранискомъ языкі.

И день иде, и нічь иде... И, голову схопивши въ руки, Диву́есся, чому не йде́ Апо́столъ правди и на́уки!...

Вотъ его идеальныя, задумевныя желанія! Разумітется, Шевченко не могъ, какъ истинный народный ноэтъ, поэтъ правды и жизни, а не личныхъ только идеаловъ, — выражать одну любовь, одни идеальныя стремленія въ тіхъ своихъ пісняхъ, гді онъ былъ выразителень массы, которая такъ много выстрадала и такъ много горечи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Но тамъ, гді онъ выражаетъ самого себя, его поэзія всегда проникнута духомъ новой жизни, примирительныхъ отноменій даже къ врагамъ, тімъ духомъ, какой видінь, напримітръ, въ постушкахъ современнаго героя — Гарибальди. Шевченко, какъ великой иравственной силів, не надобно были проклятія. Даже въ тіхъ стихотвореніяхъ, гді онъ, съ такою страшною горечью и съ необычайною силой убіжденія, высказываль правду современному обществу, — у него слышится юморъ, а не презрительно-холодный сарказить; — крикъ и слезы страданія,

источникъ котораго — оскорбленная любовь, — это зовъ къ благородству человъческой природы, а не отчяжніе, — не смертный приговоръ.

Въ этомъ-то строй поэзін Шевченка заключается всеувлекающая сила, которой поддавались невольно, какъ голосу итжинолюбящаго брата, люди всякаго возраста, состоянія, интий—и въ-особенности женщины, сочувствіемъ которыхъ онъ дорожиль выше всего и которымъ не переставаль сочувствовать до послідней своей минуты.

Но мы слишкомъ отвлеклись отъ прямой своей задачи: наше дёло изложить данныя; выводы возникнутъ сами-собою.

Возвращеніе Шевченка, послѣ 10-лѣтней разлуки, привѣтствовала вся Украина и не-Украина истиннымъ восторгомъ: на всемъ пути, отъ Астрахани до Петербурга, его встрѣчали, какъ друга, всѣ, безъ различія національностей,—знавшіе его по сочиненіямъ, или по слухамъ; всѣ старались дать ему почувствовать, что разлука и 10-лѣтнее молчине его ничуть не изиѣнили ни уваженія къ нему, какъ человѣку, ни любви и сочувствія, какъ къ народному пѣвцу. Вотъ стихи (найденьне въ бумагахъ покойнаго), которыми привѣтствовалъ его, въ то время, одинъ Украинецъ, потомомокъ Запорожеца:

Здоровъ, Кобаарь, адоровъ, брате, Или-линь до хати:

Годі тобі журитися, Годі сумувати! Уже старі позбірались, Прибігли дівчата,

Уже й хловцівъ позбігалось — Повнісенька хата.

Усі тобі- зострічь вийшля, Усі ми радіниз,

Що Тараса побачили
Тимъ же добродіниъ;

Що вінъ й тенеръ, якъ бувало,

Добре въ кобку грае, Украину нашу любить

И, гарно співає... Заспівай же намъ, Тарасе,

Про тую чужинуе

Де ти бувевъ, якъ покинувъ Свею Украіну; Чи у полі, чи у лісі, Чи, може, на морі-Унивався слізоньками У біді та горі? Чи тамъ світить ясне сонце И зіркі, якъ очі, Або, може, хмари звисли Олъ ночі до ночі? Засцівай намъ, сизий голубъ, Віддай серця долю: Забуть тобі легше буде Про злую неволю... Сідай, друже, на покуті, Кинь объ землю лихомъ: Нехай воно пропадае, Або лежить тихо; Нехай тебе, нашъ кобзарю, Хранить Божа Мати, Подасть тобі довго жити

На перепуты, въ Москвъ, за объдомъ, даннымъ Шевчелку, прочитано было слъдующее стихотвореніе:

И довго співати.

25 марта 1858.

На святе Благовіщенне
Тебе привітаю,
Що ти, пруже мій, вернувся
Зъ далекого праю!
Ой, якъ дуже за тобою
Тужная Вираіна;
Усе тебе сноминеля,
А якъ мати обна.
Твоі думки—туманами
По лугать вставали;
Твоі слёви —росбисю
По степахъ спедали;
Твоі місні—соловейномъ
Въ садахъ мебетави...

Ла ню й казаты! Треба кажуть, Beauroi xyctu, А. шобъ люнямъ завьязати Говораны усти. А тепера вже й не треба. Бо вже времья иныне: Теперъ людямъ говорити И пихать вільніше. Хванть Бога!... Вже й ти зъ нами, Нашъ любий кобрарю! Бувай эдоровъ-намъ-на радість, А собі-на славу. Перебувъ ти тяжке лико И лиху недолю: Заспівай-же новихъ пісень Про людськую волю; Заспівай намъ такихъ цісень, Щобъ мати-Вирайна Веселилась, що на славу Тебе породила!

За другить объдомъ, 42 апръля 1858 г. въ Петербургъ, была такъ тепло и просто высказана общественная признательность имогострадальному, но неизивниому, поэту:

«Несчастіе Шевченка кончилось, и съ тімъ вийсті уничтожилась чли неъ неправдъ... Отрадно видіть человіка, неторый, феди ужаєныхь, убійственныхъ обстоятельствь, не ослабіль духомъ, не отдален отчанню, но сехраниль любевь къ своей тяжелой дель, потему-что она благородна. Это высовій примірть воймъ севременнымъ нашимъ художникамъ и поэтамъ и уже одно это дестойно обстемертить Шевченка...

«Позвольте-же предложить тостъ признательности за Шевченка, который своими страданіями поддержаль то святое вёрованіе, что истинно правственную природу человёна не въ-силахъ побороть никакія обстоятельства!..»

Едва радостная вёсть о возвращения батька—Тараса достигла Укранны, какъ тотчасъ полетёли къ нему привътстия и стихи, ему посвященные, просьбы о томъ, чтебъ онъ не взядивать своему поэти-

ческому призванію.. Тотъ просить у него новыхь громкихъ піссиъ, «що бъ усі почули, чтобы снова отозвалось на нихъ людское сердце, чтобы веселіте улыбнулась додя»; другой новітряєть ему свои собственныя думы:

> Минають дні, літать года, --Чимало іхъ у вічность лине,---И омива вемлю вода Исповінъ-віку, — й небо сине, Увесь миръ Божий огляна... Въ однаковісеньму дорогу — Bee no haraby, by land omens. Кудись иде, чогось пружай... Чи жъ безъ мети християнинъ? Чи жъ безъ кіньца- ота земля? И звінкі місяць ясновіній? Те небо — сонце — красний рай? И звідкі зіркі-чарівниці? ---Нашъ бідний розумъ поспитай!-Про все ёго ти поспитай --Про світь, за Бога и про люде, — Про живнь, за небо и про рай — Та-ба! — одновіді не буде, — Затихне розумъ передъ тимъ-Величнимъ розумомъ святимъ...

Какъ нъ другу, какъ дёти къ отну, обращались къ Шевченку съ своими надеждами, съ своимъ собственнымъ и народнымъ геремъ и радестно. Изъ далекой и дикой горной страны, брати-пересължина несыдали свои малобы въ Украину, черезъ батька Тараса, который живъе всихъ могъ имъ сочувствовать:

— — Кругомъ ліса, кругомъ гори,
Байракъ зеленіе,
Да що зъ того, коли хліба
Ніде братамъ сіять!
Скрізь каменемъ взялась земля. —
Не можна орати:
Извелися ні-на-віщо,
Батьку, наші братк!..

У де-яких й куска хліба
У хаті немае...
Друга річка буде текти
Скоро іх слёзами.
Оттакую, батьку рідний,
Брати встріли долю:
Бідникь дітякь въ Україні—
Що батьки придбали
Степъ, широку славу—волю—
Й куточка не стало...
Що жъ робити? сіронахи
Попрощались зъ родомъ,
Завьязали собі очи—
И — якъ намень въ воду! — —

Шевченко быль очень скремень во всемь, что до него лично касалось; о степени сочувствія къ нему узнали только послів его сперти.

Въ числъ писемъ къ Т. Гр., мы встрътили письмо его названой дочки: — кто она — угадать не трудно. Невозможно было читать это письмо безъ особеннаго трогательнаго чувства: оно не застало уже Тараса Григорьевича въ живыхъ, и такъ живо его напоминаетъ:

«Мій дуже дорогий Тарасъ Григоровичъ! Чую, що Ви усе нездужаете та болісте, а сама вже своімъ розумомъ дохожу, якъ то
Ви не бережете себе и які сердиті теперъ. Отсе, добрі люди скажуть: «Тарасъ Григоровичъ! може Ви мапку надінете: вітеръ!» а
Ви заразъ и кирею зъ себе кидаете.—«Тарасъ Григоровичъ, треба
вікно зачинити:—холодно...»,—а Ви хутенько до дверей:—нехай на
стежі стоять. А сами Ви тілько одно слово вимовляете: «одчештця,»
да дивитесь тілько у лівий кутокъ. Я все те добре знаю, та не вбомося, а говорю Вамъ и прошу Васъ дуже: бережіте себе. Чи такихъ
якъ Ви въ мене поле засіяно?..

«Іздили Ви на Україну, були Вамъ тамъ пригоди, писали мині. Коли-то побачимось? — буду дожидати. Я тенеръ пишу до Васъ эъ Риму; коли бъ же Васъ сюди занісъ який човничокъ, щобъ Ви не одъ людей почули, а на свої очи побачили, які тутъ руіни, дерева, квіти, а народъ який, а яке тепло, яке сонце. Я була у Колизеі на самому кишку, на окні сиділа, а якъ звідти зийшла, то й сама

не знаю. Буда въ Ватикані: — пелибъ же Ви буди тапъ, Тарасъ Григоровичъ. У мене е для Васъ фотографія, та жить ії Вамъ передати? Я тутъ и роботаю, и вчуся, и гулаю. Ви напинить мині словечко, коли часъ буде. Ви забули, чи ні, що Ви названий батько? Коли взяли имья, то взяли и біду бетъківську: теперъ думайте и не забувайте.

«Прощавайте. Бережіть же себе, прошу Васъ дуже. Щиро до Васъ прихильна М. М.»

Въсть о бользии Тараса Григорьевича нашла наввану дочку далеко отсюда; съ нъжнымъ, истинно женскимъ участьемъ и совътомъ подходить она къ непокорному, равнодушному къ жизии больному, но... теплое слово дружбы достигаетъ до названого батька уже тогда, когда онъ былъ холоденъ и недвижимъ на въки...

Съ какою почтительною любевью, съ какимъ востергомъ обращаются къ Кобрарю, вовсе незнакомые ему люди, въ телеграмиъ и письмахъ, посланныхъ, изъ разныхъ сторонъ Украины — ука! къ последнему дию его именинъ, а также по случаю освебожденія крестьянъ, — котораго онъ ждалъ съ такимъ болезненнымъ нетериъніемъ...

Вотъ-что, между прочимъ, прочитали вы на одномъ посланномъ ему листъ, съ рисункомъ, изображающимъ, въ лицахъ, освобождение крестъянина отъ кръпостной зависимости $(^1)$.

«Гей, степи безкраі, гори туманомъ повиті, могили високі, байракі глибокі, годі вамъ сумовати!... не будете ви більше одкликатись
на слёзи и жалібні пісні своіхъ синівъ; загуркотить, мовъ грінъ,
голосна и вольна пісня, вирвутця зъ душі високі думки и вітромъ
буйнимъ пропесутця відъ краю до краю... стрепенутця відъ радости
сини України... Кобзарю дивний! будь здоровъ й щасливъ на многі
літа; хай доля шанує тихий супокой твоєї душі, щобъ струни твоєї
ліри голосно звеніли, на втіху и науку ріднимъ дітямъ України. День
твого ингола зіймовеь зъ великою годиною волі народнеї семьі... Настане часъ, що й вони, бідні, довнаютня грамоти, що й іхъ душі

^(·) Мы не сочли себя вправъ назвать авторовъ по имени, не имъя на то отъ нихъ позволенія, но готовы объявить объ нихъ по первому требованію съ ихъ сторовы.

освітяхця й одъ темного сну провінутця; зашумотать крила розуму и полетать за хибру високі думки народні...»

Но — увы! — наить Кобзарь не дождался дня освобожденія *бра-*жієв сесіх»; не слыхаль уже ни привътствій, ни поздравленій: не
залечили они смертельных рань, непесенных ему жизнью...

Шевченко умеръ- в когда горестная въсть достигла Украины и Галицкой Руси, тотчасъ увидъли, что это было общественнымъ несчастьемъ, народной утратою. Львовская молодежъ носила трауръ (жалобині кокарди, какъ пишуть оттуда), на своихъ козацкихъ шапкахъ. Въ Кіевъ, Харьковъ, Черниговъ и Полтавъ, извъщенныхъ о смерти Шевченка по телеграфу, служили панихиды. Изъ Кіева по телеграфу сообщали желаніе принять, на свой счеть, издержки на перевезеніе тала Шевченка въ Украину, съ такъ, чтобы онъ быль похороненъ въ Кіевъ; въ то же время, одинъ молодой помъщикъ, изъ Черниговской губернін, предлагаль похоронить его въ своемъ визнін н насыпать надъ нинъ, по превнему народному обычаю, високу мовилу. Можно навърное сказать, что смерть Шевченка отозвалась даже въ людяхъ равнодушныхъ, хоть чемъ-нибудь связанныхъ съ Украшной. Это всеобщее сочувствие показалось бы, безъ сомивния, больше всего неожиданнымъ для самого поэта. Онъ не сдёлалъ во всю жизнь ни одного ни лишняго, ни криваго шага для снисканія популярности и чьего бы ни было благорасположенія. Онъ имълъ полное право сказать о себъ, что шель прямо и не лукавиль. Для себя собственно онъ пичего не ждаль оть жизни и ничего не желаль отъ людей. Онъ съ трудомъ върилъ, что его не позабудутъ -современники, но это его не смущало: онъ зналъ, что жилъ не даромъ, что его вспомнять когда-то на Украинъ-и эта мысль была для него единственною отрадой, если только онъ могъ находить отраду въ себъ-самомъ.

Но глубоко почувствованная печаль Украинцевь ноказала, что и современное мокольніе уміло оцінить Шевченка, что и оно умість быть признательнымъ. Мы не говоримь объ его похоронахъ въ Петербургів: ени уже были описаны въ Основъ (марть); здісь мы только до-полнить, что въ самый день смерти Тараса Григорьевича, всё быв-шіе вечеромъ на панихидів собрадись къ другу его, М. М. Л — му, гді тотчасъ же было приступлено къ подпискі на увіжовіченіе намили Шевченка, и положено: 1) перепевти тіло его на Україну, вогласне (поэтическому) его завішанію; 2) поставить ещу намилинить; 3)

основать народную школу, подъ именемъ Тарасовой или Месченковой;
4) содержать одного, или нъсколькихъ, стипендіатовъ въ университетахъ—Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ лицев и Академін Художествъ; 5) издать наилучшимъ образомъ его сочиненія; 6) назначить преміи за лучшее жизнеописаніе повта на украинскомъ языкъ и за лучшій критическій разборъ его сочиненій; 7) издавать народныя руководства по разнымъ предметамъ; 8) помогать его роднымъ, и 9) кому-либо изъ ближайшихъ друзей его, ежегодно посъщать его могилу на Украинъ.

Разумъется, все это было высказано какъ желанія, всполненіе которыхъ обусловливается количествомъ сбора по подпискъ до сихъ поръ вполнъ исполненъ лишь первый пунктъ, но мы увърены, что при добромъ содъйствіи земляковъ, для которыхъ дороги память поэта и народная польза все предположенное будетъ исполнено. Увъренность свою мы основываемъ на множествъ писемъ, стиховъ и предложеній, съ которыми связано имя дорогаго поэта. Приводимъ нъкоторыя въ подлинникъ, чтобы читатели могли вывести сами свое заключеніе.

Насъ чрезвычайно тронуло письмо, присланное изъ за-границы, однимъ москвичемъ, который, путешествуя по Киргизскимъ степямъ, въ 1852 году, имълъ случай видъться и познакомиться съ Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укръпленіи. Воть—что писалъ г. Г — овъ при первой въсти о нашей утратъ:

«Шевченко умеръ!... —

«Плачъ, плачъ, скорбный плачъ души отозвался на это извъстіе. Это былъ человъкъ, передъ которымъ, по огромности его таланта и самымъ горькимъ испытаніямъ, безмолвно клонилась вся Россія. И, только-что освобожденнаго, только спокойно зажившаго, подышавшаго свъжним намеками настоящаго времени, настоящаго парствованія, судьба скрутила. Неужели всегда судьбъ нужны бываютъ, при исполненія чего-нибудь великаго, люди, которые живутъ мыслью совершаемаго, учинія жемчужним въка? Скорбно, невыразимо скорбно.... Это страшное извъстіе какъ громъ поразило меня. Тарасъ Григорьевичъ! Неужели не увижу я тебя больше, не услышу твоей ръчи, не упьюсь твоимъ свътлымъ, свободнымъ словомъ? Конецъ концовъ насталъ для тебя, и мы всъ, съ сжавшимися отъ горя и скорби сердцами, плачемъ, и только извъсть, безсильные противъ странивыхъ ударовъ судь-

бы. И какъ-то страшно и не хочется сказать: «миръ праху твоему, » какъ будто прахъ тотъ не прахъ еще, какъ будто оживеть онъ, какъ будто судьба не могла такъ насмъяться надъ нами....

«Видъли ли вы его въ послъднее время, и что съ нимъ было? Что говорилъ онъ, глядя на настоящія событія въ Землъ Русской, на начинанія чего-то свътлаго, начинанія, которыя, увы! не дано было ему увидъть; я увъренъ, что вы, не откажете тотчасъ же написать инъ объ этомъ. Грустно, невыразимо грустно, не могу им о чемъ больше думать, ни о чемъ больше говорить. Это ужасно: въ послъдніе два мъсяца Аксаковъ, Хомяковъ и наконецъ—Шевченко! Это неистовство смерти!..»

Во множествъ другихъ писемъ и стиховъ высказалось такое же собользнованіе. Общественное сочувствіе къ намяти народнаго поэта, живъе всъхъ выразила Полтава:

«Щирні Полтавські Украннці,»—писавъ А. Я. Коніський,—25 лютого, послали Т. Гр. Шевченку телеграниу, и поздоровляючи его въ именинами, сподівались, що певно любий «Кобзарь» утне на скоїй голосній кобзі нову голосну пісню, котру почують далеко-далеко! Та ба!..

«Передъ обідомъ, 27 лютого, прогриміла въ Полтаві несподівана звістка, и коло серця гадюкою обвилася... Черезъ телеграфъ, намъ дано знати, що 26 лютого, въ половині шестої години зранку, умеръ Шевченко... Чи треба жъ объ тімъ й говорити, яке горе, яка смута, яка страшиа нудьга залягла въ душу кожного, кто коть чу вавъ про Шевченка...

«У вечері того жъ дня була випущена по городу печатна оповістка, що завтра буде по покійному панахида. Сёгодні (28-го) въ 1/21-і години зранку Стрітенська церковъ була повнісенька усякого народу: панівъ, козаківъ, крепаківъ, міщанъ в купцівъ. Отъ, очинились олтарні двері в вийшли, въ чорнихъ ризахъ, протопопъ съ трома панотцями и стали править панахиду... Коли бъ же ви бачили, якъ щиро, якъ тепло молились усі люди за покійного поэта! які тихі, та гарячі слёзи лились зъ очей у кожного! А якъ заспівали вічку пальвять, отуть-то було плачу!.. Здавалось, що и дзони гули якось не такъ: неначе и вони голосили жалібно-жалібно!.. Наче й вони голосиль звеселить Украіну!.. Що жъ теперъ станешъ діяти, Украіно, Украіно, рідна наша венько!...

Digitized by Google

«Тяжко-тяжко згодувать про Т. Г. Шевченка и якъ про чоловіка, и якъ про поэта...

«Спочивай же, любий Кобзарю, тихо-тихо, та часомъ поглядуй изъ за могили на насъ, на всю Украіну, и привітай ласкаво нашу молитву, нашу любовъ и наше щире, жалібне слово:

> Вийшовъ місяць—на могилки Зъ неба подивитись, Кругомъ глянувъ яснимъ окомъ, И почавъ журитись... Далі въ хмару завернувся Не схотівъ світити; За нимъ и зірки поховались, Якъ за батькомъ діти. Нічь, якь воронь чорний, стала, Хмари скрізь блукають, Вітри буйниі съ крестами Сумно- розмовляють... . Чого жъ місяць, чого ясний Хмарами укрився? Чого, вітеръ, чого буйний, Грізно росходився?...

Місяць бачивъ, якъ учора Могилу копали, И въ могилу домовину Стиха опускали... Зачинилосъ въ Украіні Покутие віконце! — Заховалось підъ землею Українське сонце!.. Умеръ Кобзарь!.. Его цісні Більше не греміти..... И ставъ вітеръ на могилі Сумно голосити, То завие, то застогне, Жалібно заллетця: Наче сокіль объ могилу Крилами забъетця;

Бьетця, квилить, — свіжу землю
Зъ могили змітає, —
Молить: «встань мій вольний брате!»—
Ні! не дочуває!...
Спи, Тарасе, тихо—тихо,
Поки Богъ розбудить;
Твого жъ слова въ Україні
Повікъ не забудуть...

Кром'в А. Я. Конисскаго, стихи на смерть Т. Гр. Шевченка доставлены еще отъ гг. А. Василенка, В. Э. Дьяковскаго, Ив. Кривоновова, В. С. Кулика, А. Липянскаго, М. А. Максимовича, М. А. Макашенка, В. Маслія, К. Мовы, А. А. Навроцкаго, Неизвъстинаго, В. Пивтора-Кожуха, А. Славира, И. Л. Соколова, Авкс. Ив. Тарновскаго. Приведниъ нъкоторые:

I.

В. С. КУЛИКА.

Ноховали.... Украіна Загадавшись плаче, Поховали духъ великий И серце гаряче; Кобзаря свого втеряла Вдова-Украіна,—
Поховала бідна мати Найкращого сина!..

Ні, не всёго поховали
Тебе на чужині.....
Твое слово животворне
Живе на Вкраіні;
Твоя дума, твоя пісня
Повікъ не загине,
Поки буде рости-жити
Козацька дитина;
Твое слово измалечку
Поватвердять діти:

Будешъ зъ нами зеленіти Українсьский ивіте! Тее жите, що песіявъ, Зійде... жати будемъ. Розбудивъ еси насъ, батьку... Тебе не розбудимъ!

II.

M. A. MAKCHMOBHYA (*).

Все утрата въ пеннихъ вюдихъ ---Of, srs no tymeth! Отъ, и нашого Шевченка Не стало на світі... Поровнявся день изъ ноччю, Сонце пригрѣвае, Пропада зима велика, Весна настигае. Отъ, затого Дивиро скане Ледяныи шаты; Стануть дуги зеленъти. Сади розцвътати; Заспевають жайворонки Весело у полі, И возрадуютця люде, Що дождались волі. А ты, друже, непробудно Заснувъ на чужинъ, И не будешъ твоихъ пъсень Співать на Виранив. Не судилось, якъ хотълось, Щобъ у своей хатв, На той горъ наддибировой Життя зазнавати.

^{(4) 12} марта, 1861 г. Михайлова-Гора. Сохраняемъ, по желанію автора, правописаніе подлининка.

Мишу долю Божа воля Для тебе судила, Що високимъ даромъ пъсень Тебе надължа: Дала серце, щобъ любило Широкую волю; Въщу душу, щобъ боліла За людьську недолю; Ясны очи, щобъ лимси Зъ ихъ слёви гарячи, ---Щобъ по світу роздалися Твон цивии нлачи... Стоить верба підъ горою, На Дибпръ похилилась; За коханымъ своимъ синомъ Мати зажурилась, Въчна памьять тобъ, друже, Кобзарю единый! Твоя пісня, твоя слава Не вмре, не зачине...

III.

А. А. НАВРОЦКАГО.

1.

То не вітеръ стогне въ полі, Не онля у морі: То постигло Україну Тяжке-важке горе: Наше щастя, наша радість, Наша кріпка сила, Душа чиста, краведная, Якъ свічка згоріма!.. Плачъ же, нене, плачъ нещасна Вдово-сиротино: Нашъ кобзарь, нашъ батько щирий,
Тарасъ насъ покинувъ!
Хто жъ піснею високою,
Чистою, святою,
Тутъ підніме наши души
Зъ мертвого покою?
Не роздастця сміний голосъ
На всю Украіну,
Не порадить щирихъ дітокъ
У лиху годину....

Тільки вставъ ти — Тільки визволивсь — и щирий Голосъ твій роздався, Тільки-що живее слово Міжъ нами пробігло, Якъ изнову похололо, Habirn sacturao На устахъ твоіхъ холоднихъ, И безъ тебе піти Осталися сиротами Малими на світі... Осталися... А ти жъ, орле, А ти жъ, рідний тату, Піднімавъ насъ всіхъ у гору, Привертавъ до хати; Еднавъ Славянъ всіхъ до купи У семью велику, Благавъ Бога, щобъ злилися Славянський ріки, Щобъ братами люде стали Bo birm m birm.

Літай, орле, й зъ того світа, Літай поміжь нами, И вінуй намъ живе слово Й мертвими устами, Віщуй дітямъ слово правди, Щобъ не забували, И любовию святою Ввесь світь обгортали!

2.

Не втихомирилась душа, Сумуе и плаче, Виливае тугу-горе И серце гаряче, Виливае гіркі слези, Якъ мала дитина... То не одні моі слези — Чистая росина: Въ моїй тузі-то по тобі, По великімъ сину, По тобі, Тарасе, плаче Мати-Украіна: Стогне, быетця и голосить, Жалібно ридае, Що безъ тебе порадоньки Ле найти не знае... Твоя пісня не озветця Соловейкомъ въ гаі, Не розважить, не рознесе Вдовиного жалю; Не наповнить знову души Живою росою — Сцілющою, живущою Дрібною слёвою...

Ні, не вмре вона, не вгине Та пісня висока: Всімъ запада вона въ душу Глибоко, глибоко. Хоча бъ, батьку, після тебе Затихло, змарніло Наше слово молодее, И навіки въ могилу Полягло воно зъ тобою. То намъ, хвалить Бога, На вікъ вічній стане твого Слова голосного. Не вире воно - животворне, Не вире-не поляже, И про твою тяжку славу Всімъ людямъ роскаже; И освітить всёму миру Твій рай — Украіну, Всімъ покаже, що недаромъ Жила сиротина; **Шо іі тихая доля** — Не пустоцвіть въ світі, Що ище колись здадутця Ii щирі діти.... А ти, батыку, й зъ того світу Доглядуй за нами, Щобъ не пішли твоі діти Чужими шляхами.

IY.

А. ВАСИЛЕНКА.

Пугу-пугу!!! ні, не чути!..
Вже Тарасъ не відгукнетця.
Надало ёму майнути...
Хто слёзою засмістця,
Хто про горе напъ заграе,
Щобъ ажъ лихо танцювало...
Батька нашого не стало:
Хто жъ сирітъ насъ привітае?!
Плачте, браття, плачте, діти,
Сталось люте горе:

Наша доля слёви лити... Вилиенъ піле море; Ні, не стане й нери—мало— Горе утопити...

Гай-гай! кете-иншъ кресало Жольку запалити!..
Ой, на серні дуже тьияно, А дихнути — важно, важко. Душу всю укрили рани...
А де-жъ нашъ ватажко?!..

Ти все знавъ, Тарасе, кобзарю нашъ рідний, Чого реве вітеръ въ безкраїмъ степу, Чого вінъ питае козацьки могили, И сумно гуде про вдову-сироту. Ти знавъ, чого чайка надъ Дніпромъ кигіче, Объ чімъ соловейко співа на тополі, Чого й пугачъ стогне, и жалібно кличе Когось-то, щобъ глянувъ на гіркую долю.... Ти знавъ, чого й батько—Дніпро нашъ широкий, Надметця и онлю горою здійма, И кинетця въ море и въ Чорнімъ, глибокимъ, Чогось и шука й підіймае зо дна....

Жавая либовь Украинцевъ къ своему поэту не могла ограничитьси одитии пъснями и слезями: тотчасъ же явилось желаніе—увъковъчить память Шевченка общеполезными дълами. Изъ въсколькихъ высомъ, выражающихъ это, приводимъ письма Н. М. Мельника и М. Н. Даратана.

«Думе спечания насъ вість про смерть дорогого намого Тараса Григоровича...» (озвався щирий землякъ нашъ Н. М. Мельникъ). «Покійний батько одниъ у насъ бувъ, та чи й діждемо другого. Мабуть уже нашъ не дожидати, а хоть би дітямъ нашинъ. Вінъ такъ багато зробивъ и дли родного письма и для народу, що ни не знасмо, съ кінъ его й рівнять, якъ его й почитать. — У такого чоловіка, кеторий санъ, своими гіркими трудами и окровавленними негами, зійде на ту дорогу, якъ нокійний Тарасъ, мабуть не ба-

гато останется въ калитці або скрині, мабуть стілько, що нічимъ буде и поховать, а щобъ хресть на могилі поставить-про те нічого п думать... Отъ же мені й прийняю на думку: чи не можна бъ зібрать покійному на хресть? И Земля наша нелика, и насъ, спасибі Богу, багато (хоть мало багатихъ, а всі-якъ то кажуть-безгрішні): то, я думаю, треба начать, а въ добрімъ ділі и другі поможуть, не пожаліють, это скільки зможе, да такъ може й зберемо стільки, що й на хрестъ стане-не на деревьяный, а на такий, що ні въ огні не годить, ні въ воді не тоне. Отъ моя думка: якъ би зо всеі Вкраіни назбірать стільки, щобъ воспитовать, во имья нокійного Тараса, ёго родича, або земляка, въ Кијвскимъ университеті, -- звичайно-- на процентъ изъ зібранихъ грошей. Ото булабъ вічна памьять покійному! легше булобъ ёму дежать підъ землю, якъ би хоть посмерти его почтили, якъ подоба, коли за живота не виіли. Црошу васъ, земляче, гукніть, будьте ласкові, землякамъ столичнімъ, Кіевскимъ, Полтавськимъ и всімъ Украинцямъ: побачите коли воно не вийде до діла. Ище якъ явчився въ Полтавській гимназіи, то збірали по всімъ школамъ на памьятникъ Крылову; дітвора давала по сореківці, а вже багато - по коновику, та й дуже важний памьятникъ изъ збору зробили, що стало бъ процентівъ не на одного школяра. Жаль тільки, що вінъ даромъ бованіе, а сей, що хотілось би поставить Тарасові, знатимуть и будуть почитать люди, бо не одна бідна душа черезъ ёго може світь побачить. Збіранка наша не пійде въ офудовище, а всі похвалять, и подякують, и поможуть... »

Вотъ другое предложеніе.

«Я желаль бы,»—высаль М. Н. Дарагань,—« обратиться из почитателянь безсиертныхь произведеній нашего управискаго поста съ нижеваложеннымъ предложеніемъ, и надъюсь, что оно не сотанется безъ сочувствія со стороны просвіщенныхъ соплеменниковь.

«Известно, что покойный Т. Г. Шевченко, по своему ромденію, принадлежаль къ крепостиому состоянію изъ именія поміщина Флёрковского, Кієвской губерніи. Геніальныя поэтическія дарованія открыли ему, впоследствін, возможность свободно развивать свои таланды, но едва ли онъ могъ когда нибудь забыть изведанныя въ літа юмости вспытація, едва ли онъ могъ забыть прежнихъ собратій своихъ. Это скорбное чувство, кеторое Тарасъ Григорьевичь, безъ семинія, ко конца жизни не переставаль носить въ серднё своемъ, и было, донечно, въ значительной степени причиною, что почти всё его сти-

котворенія проциннуты глубокою, вногда безотрадною, грустью. Сменть полетила поэта только за несколько дней до великаго торжества (5 марта), когда всенародно проконесень быль смертный ириговорь крвпостному праву. Ему не привелесь видеть погребенія того начала, которое было источникомъ многихъ его несчастій... Нельзя не пожальть объ этомъ, нельж не грустить о преждевременной кончинъ... Намъ остается однакожъ утеменіе, --это-право делать все, чтобъ память о Тарасъ Григорьевичъ запечативлась какъ можно болье твердыми чертани въ томъ народъ, которому онъ всю жизнь былъ всецъло преданъ, въ томъ сословін, изъ котораго онъ вышель. Какъ одно изъ средствъ для этой цели, я предлагаю воспользоваться великимъ событиемъ дарованія поміщичьних крестьянами прави свободныхи граждани и соединть ими нашего повта съ обезпечениемъ судьбы иткоторыхъ маъ тыть прежинкъ его собратій, кон не выбють средствь для выкуна у помъщика своей усадебной осъдлости и нолевыхъ угодій. Я предлагаю открыть подшеску на помертвования, съ целио оказать пособие въ упоимнутомъ случав сначала родственникамъ некойнаго Тараса Григорьевича, а потомъ, если сумма будетъ достаточна, бъдивйшимъ крестьянамъ, поселеннымъ въ той деревиъ, гдъ родился поэтъ. Кроив подписки, для увеличения средствъ, можно было бы устренть также литературныя чтенія. Собранныя деньги могуть быть унотреблены по навначенно или черезъ мироваго посредника, въ учадъ котораго находится сказанное выбыю, или чрезъ посредство другаго дов'бреннаго лица, какъ это будеть призначе болье удобнымъ.

«Какъ бы ни былъ малъ итогъ будущихъ пожертвованій, но если онь будетъ достаточенъ на нособіе, въ необходимой мъръ, даже только одному семейству, то и этотъ фактъ, совершенный въ память славнаго пъвца намей родины, уже будетъ долго служить хоть малышъ и скремнымъ, но живымъ памятникомъ Тарасу Григорьевичу.

«Если предложенная мною мысль найдеть въ обществъ сочувственный отзывъ, то можно будеть приступить къ ходатайству о дозволение открыть подписку. Зная восторженный успъхъ, какимъ пользуются произведения поэта и популярность его имени въ Малороесіи, можно надъяться, что вто дъло не встрътить недостатка въ единолуміи со стороны нашего общества. Что касается до меня, то, какъ первый подавшій мысль о ножертвованіи, я напередъ обязываюсь представить куда потребуется ту малую долю (25 рг), какую позволяютьмить удълить, на общеполезное народное дъло, мон ограниченныя средства. Да послужать

намъ примъромъ, въ настоящемъ случат, наши единоплеменники—Чехи, которые, начиная подписку съ самой незначительной суммы, успъваютъ собирать большія средства на воздвиженю памятниковъ своимъ знаменитымъ литературнымъ дѣятелямъ (*).

Мысль объ увъковъченій памяти Шевченка явилась также въ Полтавъ, Харьковъ, Черниговъ, Одессъ и во многихъ другихъ мъстахъ: осуществить ее предполагалось посредствомъ подписки, концертовъ, спектаклей и публичныхъ чтеній.

Нъкоторыя лица уже прислади деньги для этого назначения. Отъ Черномерцевъ, изъ Екатеринодара, доставлено 200 р., при слъдующемъ письиъ:

«Пройныя чутка й на Чорноморії, якъ ви тамъ, у Петербурсі, ковали намого, на віки вічні славного Тараса. Читали й ми увъ Основі ті речі, що ви, спасибі вамъ, говорели біля труни ёго, и на серці полегшало одъ думки, що й у далекій стороні знайшлись-таки люде зъ щирою душею, що й тамъ уклонилися на могилі Незабутного!.. Батьки наші не виіли гарно, якъ-то кажуть—но-пісьменному балакати, або хвалити; —такички й ми: серце ворушитця, на душі наче промінь божий, а яликомъ не втиешь—вибачайте!

«Довелось и нашъ прочитати, що моде й у Московщині збірають поміжъ-себе гроші, щобъ зробити ще на памьять Тарасові; а ми-бъто й силітемень, мовъ се діло чуже, або-що?.. Ні!.. А ну-лишь, бідолажие незацтво, канайсь за «Намалку-Полмаску,» та заграено на тіятрі, та заспіваемо: отъ и збереме грошенять хочь трохи...

Чернопорські Напії Аюбев Шарапоса да Мареа Головата изъ радістю узяли свої ролі; Клеофась Головатий, Джитро Кучеровь, Ивань Плохий и Стецько Шарапъ—тежъ, —та оце ті гроши, що зібрали зъ невеличкої Екатеринодарської громади нашої, и посилаемо: не багацько, —вибачайте: — обідрались, бачте, кишені Запоровькі въ вісіндесять рікъ. —тільки посилаемо на іхъ одъ щірого серця! —Робіть въ ними —що хочеше —на памьять Тараса Шевченка, — и не пореметвуйте на Чорноморцівъ...»

Съ искреннею благодарностью и невыразимою радостью приняла здъшняя громада не столько самое приношение, сколько родное теплое

^(*) Нельзя не помелять, чтобы благородныя высли, выоказанныя въ приведенных письмахъ, нашли себь полный отголосокъ въ обществъ, и скоръе осуществились на дълъ. Михаилъ Мателеенчъ Лазареескій не отказался бы приминать у себя присыдки для вышеовиченныхъ цълей.

слево и благородиля чувства, его сопровощдавий, какъ непос опровержение невърныхъ слуховъ, будто Чорномороці, вдали отъ родины, какъ вътка оторошная отъ роднаго дерева, уме невънились, охолодилися для неньки старенької, для Вкраїни милої, для дорошихь її намьяноскъ.—Нехай же добрі люде домідаютця, ще сему не була правда й ніколи не буде: щира й правдива душа и на крайсвіта несе зъ собою оттой найдорогний скарбъ—найкращу втіху—при добрій и при лихій годині!—

6 мая, въ Пелтавъ, на память о Щевченвъ носажевъ дубъ (надъ дорогою, въ саду И. Н. Гуссона). Дубъ этотъ будеть обгороженъ желъяною ръметной; на мъдной дощечкъ будутъ выръзаны стихи: «Твоя дума, твоя пісня не вмре, не запине.»

Украинская громада въ Петербурге свежо хранить священную наизть о Тарасе: въ каждый воскресный день—день сперти великаго громаданима— собяраются земляки визсте, чтобъ поиннуть его добрымъ словомъ или любимою его песней, и всякій разъ при этомъ собярается небольшая сумма на увёковѣченіе его паизти какимъ-небудь общенолезнымъ дёломъ. Пока тёло Шевченка оставалесь здёсь, Украинцы собярались повременамъ на его могилу; обыкновенно почтенный священимкъ-землякъ правиль панихиду, которая сопровождалась также и итніемъ земляковъ, знающихъ церковную службу. Могила Шевченка постояню вся была въ зелени и вѣнкахъ; изъ-за нихъ не было вядио им земли, им снёгу, и она скорѣе напоминала весну, жимъ, чёмъ смерть.

Въ сороковой день, передъ отправлениемъ гроба въ Украину, земцяки собрадись на могилу проститься; носят панихиды, М. И. Конаровъ произнесъ следующее слово:

«Ще разъ вібрались ми до тебе, по Тарасе, дакувати тобі за все, що вробивъ ти для насъ, — за гіркі слёзи, що ливъ ти цілий вікъ свій за своїхъ дітей. Дуже, мабуть, були вони палючі, бо схамену— лась вся Україна, якъ побачила іхъ. Схаменулась та й загадалась... Нагадавъ ти ій, Тарасе, про славну давнину, про великі діла нашихъ батьківъ, про славнее козацтво... Нагадавъ ти ій про все, що колись діялось на Вкраїні:

«Чня правда, чня кривда, И чні ми діти».

«Якъ Божий грімъ грімнула твой свята пісня по всій Україні. За-

ворушилась бідолака, — проканулись твої дітки, ажъ давлятця, а ти показуєщь імъ далеко—далеко щось ясне та блискуче.

- «Не одна Украіна здивувалась твоїй святій речи: здивувались ій эсі, кому дороге слово правди.
- «Ніхто, до тебе, Тара́се, не зъумівъ такъ голосно заявить, що й підъ сірякомъ бъетця щире серце й правдива душа. Честь тобі, Тарасе, и козацька слава: якъ никатувала якъ ни мордовала тебе зляя твой доля, не зломила вона тебе.
- «Проволочи́въ еси, Тара́се, свое тажке горе ажъ до саме́і могівибачай,—не вміли ми тебе шанувати. Теперъ тільки, якъ ти
 вже пекинувъ на́съ, зважили ми наше лихо, та не вернетця. Теперъ
 тільки побачили ми, що зъ тобою заховали ми въ труну́ все те, чи́мъ
 билось серце Украіни, чимъ живи́лась и душа. Своімъ лихомъ протопта̀въ ти на̀мъ надъ Днішро́мъ до́бру сте́жку; ма̀емо въ Бо́га надію, що веіми не нохи́бно підемъ по тій сте́жці. А якъ-же котрі зъ
 несъ похи́лятця, або відпурайотця одъ твого вели́кого завіту, то відцурайся й ти відъ нихъ, Тара́се, бо то не твоі діти. Але жъ ма̀емо
 въ Бо́га надію, що не знайдетця міжъ нами такихъ, бо намі батьки
 такъ не роби́ли, та й діте́й своіхъ не вчи́ли такъ роби́ть....
- «Бачъ, Тарасе, яка тісненька купка зібралась биля тебе: оце все твої щирі діти прийшли сказать тобі останне велике спасибі. Благо-слови-жъ насъ, батьку, кінчать те діло, що обіллявъ ти гіркими слёзами....»
- П. А. Кулншъ также приготовилъ-было рачь, но не могъ нроизнести ее—по нездоровью. Сообщаемъ ее читателямъ Оскосы.
- «Панове-громадо! Усяка людіна мае свою вагу на світі, усяке наше діло має свій таємничий розумъ; тільки що-дрібнимъ дрібажомъ точятця наші що-денні справи, тимъ и не змогли бъ ми зважити, хочъ би й хотіли, чого стоїть міжъ нами оттака й така людина и що за сила въ оттакихъ и такихъ ії учинкахъ. Виднійше намъ усе те въ високихъ розумомъ письменникахъ, або въ всликихъ гетьманахъ. Тимъ-то біография, менша сестра историі, пильно придивляєтця до життя значнихъ мужей громадськихъ, а ще пильпійшъ до життя славнихъ писателівъ: сі бо великі люде знаменують собою нашу родову високість народню, нашу живу силу громадську. Такий знаменатель бувъ и Шевченко. Порано ще, панове громадо, прорекати слово остатне про Тараса: ще ми гараздъ не зрахували, скільки ми зъ нимъ утеряли. Хочъ же бъ се була й найбільша наша втрата

після Берестецької халени, то все жъ намъ не честь, не подоба безъ путта надъ ёго могилою смуткувати. Живий живе гадае: живий чоловікъ переможе всаку ту́гу й печаль, и найбільша пригода найбільше додає живому чоловікові силі. Отъ же, якъ я вважаю, нанове-громадо, то смерть Тара́сова мічого въ насъ не одняла, яко въ наро́ду. Ні, вона намъ, яко наро́дові, о́чи освала; вона мередъ нами велике діло Шевченкове вповні явила, а само́го Шевченка мовъ на горі посередъ насъ поставила, що всякому теперъ розу́ино, якою терио́вою стежкою добра́вся Тара́съ до свого вічнёго опечинку.

«Изъ панської передней, швиргонула Тараса доля на край світа, на оце балище химерне, та й поставила передъ чоловіконъ, которий троха чи не одинъ въ столиці уважавъ себе вільнить всемириннъ громаданиномъ. Річъ про Брюлова Карла. Підъ ёго гердинъ криломъ викохавъ Шевченко свої думи високі; одъ ёго неренявъ Шевченко гарачу живопись, а фарбами до неі взавъ рідне, шаре, голосне слово. Чи по всякъ же то день, панове громадо, пробувавъ Тарасъ на високости високий? Певно, що ні.

«А що жъ вінъ, спускавнись, долі знаходивъ?... Овва!... Згадайте линь панове братти, славиї козаченьки, згадайте сорокові роки столичні, тиї-то роки, якъ ище свіжою силою киніла кровъ у Тараса. Що тоді будо въ нашій громаді столичній?... До кого було Шевченкові тоді въ товаристві прихилитися? чи до тихъ, що себе людьми статечними величали и людьске безголівья гарнимъ якимся порядкомъ уважали, чи до тихъ, що на ввесь миръ рукою махнули и бурлацькимъ робомъ ио світу будян, що «свою,» мовлявъ, «пили, а не кровъ людськую»? Хто зъ нихъ ближче припадавъ до сумной души поэтичней?.. Эге!.. Отъ же, боли кочете знати, то й та статечність, и те буяння весбачне рівне огонь святий у людських душах гасили, и куди бъ ні кымувся Шевченко, куди бъ ні обернувея, всюди кінъ багате свесі сили вбувъ би, якъ и всі ни збували. Передъ очина жъ у ёго бувъ такий же, якъ и вінъ, горопаха, що поглядомъглибокимъ збагнуръ невилажні затони життя гронадського, та й попустявъ свої орлови криле відъ смутку. Тяжко воні сумувале обедва, що нема краю типъ затонамъ, нема черезъ нихъ броду,--сумували, надали низъко духомъ високимъ, и богато однавъ у іхъ обохъ той унадокъ. Може, тільки частину, малу частину свого душевного скарбу, виявивъ напъ Шевченко; може, мінъ не прорікь намъ що-найкращихь річей своїхь. Чи дурно жъ бо въ ёго написано про Перебендю: «Одинъ вінъ міжъ

вими, якъ сонце високе?..» Ой,-ой,-ой, панове громадо! Хіба жъ бо й справді вінь бувь не одинь серель блискучого натовну столичnēro, kotépony byaó bangýme upo témbers bratibs choixe? Xibà жъ бо й сиравлі не одинь вінь ніжь чсіма повтами заговорывъ мужичниъ, тимъ забутимъ словомъ про всемирню правду? Хіба жъ не одному ёму, мужикові вбогому, сироті безталанному, мусыл ийзько вилонитись люде резуний и поважні, яко «тому, кто все звае, томульто все чу́е »?.. Отъ же, пенове-громадо, одей Шевченко, виймовин дивомъ якимея изъ тиі темноти притоптаної, похилої, безъазикої, знаменує намъ собою, що то за глибиня нескінченно-багата, ветора его на світь ноявила! Добре ви чините, що великимъ поэтомъ **čró** величасте и манобу сиу, яко великому моэтові, воздасте: а ме лучче, а ще праще вробите, якъ поглянете на его иншинъ поглядонъ. Вінъ бувъ пророкомъ инного життя громадського. Вінъ, вийновши съ того мужнитва таеминчого, не багато кому розумного и доступного, рорить передъ нами, мовъ у ночі ясла свічка надъ великимъ скарбомъ, — и дарежие жъ вінъ годітяме? Чи довго ще той скарбъ великай, незрахований, потай нашого товариства письменного лежатиме? Ні, панове гренадо, зенаяки поі кохані! наставъ для насъ усіхъ велікий чась праці святої на користь нації нашій, на її честь и шанобу ніжь народани, и могила Шевченкова мусить намъ статись нотаткомъ нової науки и подвитівъ, праведно христийнськихь..»

Наменеца, въ апрълъ, получено разръшение, на перевесение тъла Инекчения на родину; всъ приготовления для этого сдължим заботливъниъ друговъ
поэта; гробъ выкоманъ изъ венли переложенъ иъ другой, самищовый, и
поставленъ на особъи ресерныя дроги, которыи должим были девести
тъле на Украину; Гр. Н. Ч—скій и Ал. М. Л—скій уже готовы
сопремендать его. Всъ Украинцы, инфанно возмежность быть 26 авръля на могилъ Инекченка, явились туда ранникъ утренъ, чтобъ въ
послъдній разъ проститься съ тъмъ, ито, въ теченія 20 лътъ, быть
самою живою общею связью съ родинею для всъть, оторванныхъ отъ
нея по какимъ-либо обстептельственъ.

Чорный гробъ уже возвышался на запраменных дрогахъ. Каное тяжелое впочетально! Какія печальныя, серьенным у ветть мина! Вст были петлещены инкутей, встать прошала имель о втяной разлукт съ дерогить постоить и челевтиемъ. Пока онъ оставался адтел, вска

Digitized by Google

была нередъ глазяни коть эта могила въ зелени и цибтахъ, казалось будто смерть еще не все унесла съ собою; а теперь—прощай, Тарасе, павіжи прощай! Въ эту минуту не могло утілихъ и то, что наконець исполнится хоть одно его меленіе,—что онъ будеть хоть мертвый спокойно лежать въ Укранить!

Когда вст, такимъ образомъ, нахедилисъ педъ гнетомъ сосредоточенной печали, вдругъ заговорилъ П. А. Кулимъ:

«Що жъ се ти, батьку Тарасе, одвіжджасть на Вкраїну бесь вервоної китайки, заслуги козацької? Чимь же ти нижчий одъ тихъ козацьких лицарівь, що червоною питайною вкривалися, заслугою ко**г**а́цькою пима́лися? Ні одинъ вільний предокъ твій, Тара́се, не схо́дивъ зъ сёго світу безъ сеі останнёї чести. Чи вже жъ ти — нехай Богь крие — умеръ чуживъ чуженицею на чужині? Що жъ се про нась на Вкраіні сважуть, якъ на тебе вирядимо въ дорогу, немокритого червоною китайкою? Скажуть, що й ми такі перевертні, якъ ті дуки, що позабірали всі козацькі луги й луки, та й старосвітські звичаї позанедбобували. Ні, батьку Тарасе, не годитця тобі такъ одъіжджати на Вкраіну! Ище дякувати Богові святому не понереводились козацькі діти, козацькі души: е кому тебе на дорогу китайкою червоною обмислети. Вони тобі наготовнан ческо подінько покривало... Роскиньте жъ, небожата, червоний прить славений по червий, сумній домовині Тарасовій. Нехай нашь батько зъявитця на Вкраіні лицаремъ щирниъ, що живъ и вмеръ побиваючись про добро, про честь и волю нашу... Оттеперь ідь, батьку Тарасе, де свей домівки. Нехай земляки бачать, що ти зъ налої рідної семьї у велику рідну семью вертаесся; нехай знають, що ин туть на столиці своей святей старосвінення не запедбовуємо, що ин свого вележого поста но-своёну шану́сно».

— Но подъ мокрынъ дождевынъ ентгонъ, обимно падавнивъ на пенокрытым голови присутствующихъ, опоро потемивля чересис пымайка, будто знаменуя, что не красна была жизненная борьба перодияго изна и не такъ была радостия сморть его на чумбилі, какъ козацыбать лицарісь его предковъ—на рідній Вкраіні,— и лица уныміхъ всиляковъ не просіяли съ подвленість новаго по-крова на чорновъ гробъ....

«Въ-остание вита́омо тебе не чужній, друже жиль Тара́се!» (такъ мачиль П. А. Куликъ другую ръчь свою). «Не вдержала тебе чужа́ вемла́ у своему коло́дному домі: тажко бо сумува́въ еси,

що тобі засинлють чужинь ніскомъ очи; гаряче жадамь еси, щобъ тебе на Вираіні ноховано:

Якъ умру, то поховайте Мене на могилі, Середъ степу широкого На Вкраіні милій; Щобъ лані широконолі И Дніпро и кручк Було видно,—було чути Якъ реве ревучий...

«Отъ же ми вволили твою волю, Тарасе: провожаемо тебе на славну Вкраіну... На славну!?.,... а чимъ же вона славна, Тарасе? за що ти ії полюбивъ щиримъ серцемъ твоімъ, рідний нашъ батьку? за яку славу, за яку честь міжъ народами?

Обідрана, спротою

По-надъ Дніпромъ плаче... Тяжко-важко сиротині,

А ніхто не бачить!...

- «Отъ уси похвала́, що ти воздавъ своїй Україні! отъ за що ії полюбивъ еси твоїнъ серценъ великниъ! —
- «Зъявися, батьку, середъ рідного країю підъ своєю черво́ною китайкою, заслу́гою нозацькою; згромадь навкруги се́бе сліміхъ, глу—хихъ и безъязикихъ: нехай нобачять, якъ далеко вони одъ правди постали, нехай почу́ють изъ мертвихъ устъ твоіхъ твое слово безсмертне; нехай, хочъ помилаючнсь, зачнуть глаго́лати непозиченою мо́вою після столітніхъ по́зичокъ! Чи даре́мне жъ бо ти прокла́вътую сла́ву, що въ літо́писяхъ на́шихъ восхвалена? чи даре́мне, ба́тъчу, проклінъ твій, на́че мелитву, лю́де слу́хали! Ой, ні, Тара́се! твой дума́ велика нову, свіму Вкраїну несередъ старо́і тру́хлоі вбача́ла.
- «И забудетня срометна, давия година... »Нехай вона забудетня на віни! Нехай оживе добра слава Украіни! Тарасъ Шевченко—нашъ первий добродій народній. У насъ зромей песломій чоловіко: отъ нашъ короговъ, отъ нашъ стягъ чесний! И підъ сінъте керегвомъ мавируги твоей демомини, батьку, твої превдамі діти зберутця. Вони тебе, батьку, до твоей домівки провожатимуть; веши тобі меткау високу насмилють, на могилі прапоръ непорочиви моста-

влять и слово твое животворяще но всёму миру роанесуть. Вони зрозуміють, батьку, чого се ти нритьмомъ посередъ України на вічний спочинокъ уклаївся. Не панська въ іхъ, Тарасе, буде душа, щобъ твое серце въ мармора́ну у́рну кла́сти, або надгрібокъ тобі зъ горорізьбами великимъ коштомъ споружати. Ні, батьку, вони нерукотворний тобі споминъ на Вкраїні зроблять.

»Ти докінча́въ свій подвигъ, Тара́се, обідрану сироту́—Украіну на ввесь світь опла́кавши. Спочива́й теперъ, ба́тьку, у святій шано́бі, посередъ рідного кра́ю. Знайдутця люде, що твое святе сло́во на святе діло обо́рнуть. Ті люде, Тара́се, на сирітські ла́ти, на ма́терене ра́мья не скрізь лорне́тки дивитимутця: вони душе́ю побива́тимутця, щобъ не сиділа вже більше не́нька у безверхій каті; вони́, шану́ючи сло́во твое́, обми́слять ії усімъ до́бримъ щобъ вона́ тебе́ по всі вічні ро́ки споминала. — ——

»Спочнвай, батьку Тарасе! а ми вже знатимиео, якъ твою могилу шановати. Вже не по-козацькій ми про свою долю дбатимемо. Ти насъ навчивъ, ти намъ очи одкривъ, що съ того козацтва необачного добра не вийшло. Розумомъ, а не гвалтомъ, мусимо ми усаке дукавство переважати. - Такъ якъ ти, батьку, безъ гвалту. безъ бучи визволивсь, и вже нінке ярмо на світі твоей шиі до землі не нахилило: такъ будемо ми й усіхъ братівъ твоїхъ визволяти. Нехай инші своімъ героямъ монументи високі ставлять, --вони зъ нане не зрівняютия: не тобі воздвигнемо тисячи и десятки тисячь живихъ монументівъ, распростерши духъ твій спасенняй поміжъ подыми некай золотомъ та срібломъ утішаютця: нацюю втіхою буде сила нашого духу невгамованого; тием силою ии собі більше добра набудемо. Нехай ито коче великимъ родомъ своімъ шеша́етця, — а эъ насъ усякий — новий, чистий рідъ починатиме. Твоімъ слідомъ, Тарасе, всі ми пійдемо. Ти насъ ожививъ-еси словомъ своінт, на світь, проклавши нашу славу, нашу предківшину.

«Нащь еди поэть, а ми народь твій; ми духомь твоімь вовіки віжи дахадимент, и духь твій простий и ясний вселитня въ нашу серіту и нь наши справи громедські, и слева ненарожасникть нашихь буде славка по-твоёму, а не такъ якъ про нашихь продавівь писано; и якъ зъявитця новий такий поэть, якъ ти, то вже тисі слави не прокличатиме.»

Почамный поседь тронулся съ Смоленскаго илалбина; черезъ Васильерскій острокъ, Адмиралтейскую площаль и Невекій просценть, гробъ накрытый червоною китайкою прибыль на станцію Московской желізной дороги. «Встрітивъ гробъ Шевченка» — такъ писаль въ Основу г. Т —, о свойхъ впечатлініяхъ, «я пошель вслідъ. Вст лица, сопровождавшія его, кажутся близкими, знакомыми: какъ будто ты много говориль съ ними, когда то задушевнаго, тосковаль съ ними и воодушевлялся пісснями велинаго Кобзяря... Но теперь — ничего не умінь сказать этимъ неизвістнымъ друзьямъ, и, въ угрюмомъ раздумьи, тупо бредешъ, не смотря на непогоду, за печальнымъ пойздомъ. И весь находишься въ какомъ то забытьи: поскольвнешься ли на мокромъ камив, ступишь ли въ лужу — не сердишься; идетъ кто мимо, ідутъ экинажи, бьетъ барабапъ проходящаго полка, гудитъ праздничный колоколъ, — ничего, будто, не замічаешъ, не слышишъ...

«Проводили мы тебя, славный Кобзарю, въ степи и горы — на широкій Дивиръ, твой родной и любиный...

«Тихо столининсь друзья вокругь твоего гроба, тихо и бережно поднали его на плечи, поставили въ вагонъ, — снарядили въ далекій нуть. Молча думали любящіе тебя люди; много было грусти въ каждомъ сердив, когда, на намять, отрывали они отъ твоего могильнаго вънка зеленыя вътки. Въ тоскъ, съ которой мы смотръли на женщину стоявшую у твоего гроба съ глазами полными слезъ, была заключена любовь къ тебъ дорогий Кобафрю, и горькая дума по нашей милой Украшив.... Чъмъ же увлёкъ ты наши серца?

«Давно снада—почивала когда-то шумная шумная Русь. Давно Дивпровскія водны задумчиво текуть среди разбитыхь на нивы модчаливыхь полей; по полямъ, по степямъ давно ужъ не скачеть рыцарь козакъ въ пегонъ за врагомъ, и сёла, что когда—то шумъли широкой, народной жизнью, стихли подъ гнетомъ тяжелаго труда, а по верхушкамъ старшиныхъ могилъ давно прошель плугъ.

«Укранна спала...

«Вдругъ, среди этого сна, глубокаго, сокрушительнаго, мертващаго, послышался стонъ, плачь, раздирающий вопль сына Украныи. Все, что въ столько въковъ кровавой жизни и потомъ безжизненнаго шокоя, накопилось въ растерзанной душть народа, — все это вийстила въ себв душа бъднаго маляра и слезами—слосами вылилась та скорбь...

«Ты, славный кобзарь, взошель на самую высокую мейтану на кругым горы златоглавато Кіева—и грянуль на своей бендурь выша цъсни. И пъсим тъ облетьля всю Украйну, весь Славанскій мірь;

пронеслись надъ могилами, что стоятъ но всей Украинт и — самыя могилы ожили...

- «Все прошедшее—съ его славой и безславьемъ—встало передъ наин:—ты, какъ чародъй, вызвалъ его чудными звуками своей бандуры... Шумъло войско козацкое, со страхомъ бъжали враги Украіны; снова тучей они наносились на нее и, закрывъ ее своимъ чернымъ крыломъ отъ всего свъта, дълились дорогою козацкой добычей, не оставляя ничего народу...
 - «И глубоко запало въ твое сердце пережитое горе бъдной родины...
- «Также глубоко залегла въ сердцё каждаго изъ насъ печаль о тебѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ тѣхъ чистыхъ, высокихъ думъ и пѣсенъ, которыми такъ дорого купилъ ты у своей родины право на вѣчную любовь ея къ тебѣ—вѣрному и неизмѣнному своему сыну!»

Мы дупали—было остановится на этомъ, отлагая свой дальнъйшій разсказъ до полученія подробнаго описанія проводъ Шевченка отъ Москвы до новой его могилы, и ръчей, сказанныхъ надъ нимъ въ Москвъ, Кіевъ и Каневъ, какъ въ это время получили отъ М. А. Максимовича, (присутствовавшаго на похоронахъ въ Каневъ), стихи, которые сейчасъ же спъщимъ сообщить читателямъ Основы.

НА ПОХОРОНЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА пінъ Каневонъ.

Сподъва́лися Шевче́нка Сей годъ на Вираи́ну; А дожда́лися поба́чить Его домови́ну.

Стойть въ Каневъ въ соборъ, Вся квътками ввита; По-ковацьки — червоною Китайкою вкрита.

Идуть люде, — передъ нею Повлень повладають, И за душу Кобзареву, Господа благають.

Сколько выплакавъ вонъ горя Горкими слезами, Сколько высктвавъ печали Въщими словами!

Все бажалось ёму воли

Для свого народа...
И не дождавъ того часу,

Ляъ зыйшла свобода!

У столицъ, надъ Невою, Его поховали; Честь велиную и славу Ену воздавали.

Тажко-жъ ёму на чужань И въ вънку лавровомъ... Душа рвалась на Вкрайну, Въ горамъ Наддивировымъ.

«Тамъ широко, тамъ весело Одъ краю до краю...» Такъ спънавъ вонъ надъ Невою, У великомъ жалю.

Изъ могилы домовина На свётъ поднялися; Черезъ Москву, черезъ Кісвъ, Сюды донеслися.

На Симона на Зилота Задзвонили въ дзвоны; Стали править Кобзареви Нови похороны.

Отъ, несуть ёго на марахъ Зъ собору подъ гору, Де старый Днёпро-Славута Иде по простору... Уволим твою волю Україньськи цёти:
На Чернечу несуть гору,
Де ты кответ міти.

Уводили твою волю, Друже незабутный.... И но смерти, якъ за жизни, Твой путь многотрудный!...

Ходять хмары пругомъ сонця; Вътеръ подыхае; Шумить Днъпро подъ човнами, Тебе провожае...

Везўть тебе простымъ возомъ До новом амы, Везўть хабпци и дівчата Кручами, ярами.

Передъ тебе — червоными Корогвами мае... Христось воскресь! хоръ цериовный До гробу спъвае...

Отъ, и стали всё пругъ тебе
На горъ Чернечей...
Чи ты чуешъ подъсъкій голонъ,
Надгробным речи?

Чи ты чу́ешъ: вю́чну па́мать
Тобъ́ возгласи́ли;
Браты́ й се́стры надъ тобо́ю
Зновъ заголоси́ли;

Плачуть, тужять твой другы;
Ввесь народъ сумує:
Сыплють вемлю тобь, й кажуть:
Нехай вонь царствує!

Прощай, славный манть Тарасе! Прощай, малый брате! Справдь, — лучче въ своей земль:
И костианъ лежати.

12 мая 1861 р. Михайлова-Гора.

М. Максимовичь.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

BACHJIA HETPOBNYA BBJOROHUTEHKA

(Продолжение).

Нацъловавшись вдоволь съ Грицькомъ, я принялся разсирашивать, какъ и что. Онъ мнѣ, между прочимъ, разсказалъ, что его послали купить бочку водки, взять меня и сейчасъ назадъ, чтобы поспѣть домой сегодня же, хоть поздно; что ради этого онъ пріѣхалъ съ шинкаремъ и двумя саньми — нашими глабилми и шинкаревыми дренджоля—тами; что шинкарь пріѣхалъ между прочимъ и для того, чтобы выбрать водку: «тільки де́ ёму́! говоритъ: — въ сёму́ ділі, здаетця, нічого не тямить» (¹)! При этомъ Грицько разсказалъ, что это шинкарь не тотъ, что прежде былъ, а другой, новый. «Вінъ», говоритъ, «такий, отъ якъ би й вони, му́ндырь (унтеръ-офицеръ)! и показалъ головою на хозяина: — тілько зъ оставнихъ... И такий же то бідовий и куме́дний—самъ поба́чишъ!..» Въ заключеніе онъ сказалъ, что сани площади съ шинкаремъ тамъ, на площади, гдѣ стоятъ бочки съ водъюю, и что намъ надо сейчасъ туда отправляться.

Я наскоро умылся, одёлся, простился съ Хомой и съ хозяевами, отдалъ Грицьку свой узелокъ, и мы пошли. Хозяева оставляли позавтракать; хозяйка особенно настапвала обождать, пока буханці спекутся, чтобы взять на дорогу, но я и слышать ничего не хотілъ.

Приходимъ на площадь, — лошади выпряжены, возлѣ pénmyxa (2), а Мундырь, въ нагольномъ бараньемъ тулупѣ и капелю́хахъ изъ со-

⁽⁴⁾ He CMMCARTS.

⁽³⁾ Родъ мъшка, очень широкаго и очень не глубокаго; его натягиваютъ на оглобли и всыпаютъ въ него овесъ для корма дошадей въ дорогъ.

бачьяго мъха, сидитъ на *дрендожблятаж* в, отъ нечего делать, по видимому, упражняется въ искусстве смотреть, выпучивъ глаза, и ничего не видеть... Грицько пошелъ дальше, къ глабиями, къ лошадянъ, а я къ Мундыру, «здоровъ бувъ» сказать и посмотреть, что это за бідовий и кумедний чоловікъ. Въ самомъ делъ, должно быть бідовий и кумедний чоловікъ!..

Это быль тоже герой браней первой четверти нашего стольтія. но это была уже одна изъ тъхъ унтеръ-офицерскихъ личностей, которыя болье совершенное развитие получили нъсколько позднъе, и которыя теперь, сколько мив извъстно, совствъ перевелись. Какова внутренняя физіогномія такихъ личностей — не берусь разсказывать, мудрено! Скажу только, что такъ-какъ лицо есть зеркало души, то зеркало тутъ надобно бы было завъшивать, что ли... Физіогноміи такихъ личностей — т. е. наружныя физіогноміи — какъ-будто не раждались на свътъ Божій, какъ раждались всъ остальныя физіогноміи Божьяго міра, а какъ-будто тачались по заказу полковыхъ командировъ, въ полковыхъ швальняхъ, изъ полковыхъ средствъ, полковыми сапожниками... Ременная коробка, пакли въ середку (да потуже: — тогда любили мордашей), сверху-кожею изъ стараго ранца, въ лобъ-пару оловящекъ, подъ носъ — два пучка щетины, къ вискамъ-но сапожной щоткъ, - и физіогномія готова... А на счетъ рта-хватиль отъ уха до уха ножомъ-будеть чёмъ рявкнутъ! «Уши бы», думаеть тамъ Нефедьевъ или Анисимовъ: — но изъ-за бракенбаровъ не тово, авось сбредетъ!.. «А брови, мошенникъ!» — «Виноватъ, ваше благородіе! на счетъ бровей не приказывали!»

Туловища же, руки и ноги для такихъ личностей какъ-будто рубили топорами, на рабочихъ дворахъ, изъ дерева кръпкаго—раскръпкаго... изъ такого дерева, которое двънадцать лътъ лежало и вялилось въ запасныхъ магазинахъ... А кожа для туловища, рукъ и ногъ какъ-будто приготовлялась изъ тъхъ старыхъ солдатскихъ шинелей, качество которыхъ мои земляки, для своего домашняго обихода, опредълили слъдующей пословицей: «ти, москалю, и добрий чоловікъ, та шенелія твой злодій (1)!»

И какъ выведутъ бывало такого мундыра и пустятъ его въ свътъ и Боже, какъ умъли его ручища подбираться къ казеннымъ и нека-

⁽¹⁾ Bopb.

зеннымъ онвіогноміямъ, къ казенной и неказенной движимости! Какими страшными казались всёмъ его дубовые кулаки! Ка́къ му́ндыръ кричаль и молчаль!.. А всё какъ-будто чего-то не доставало!.. Отменены неэтому, говорятъ, такіе му́ндыры...

Мундыръ сидълъ, говорю, на саняхъ и унражинася въ искусствъ гладъть, выпучивъ глаза, и ничего не видъть. Я подошелъ поближе, снялъ шанку...

— Здоровъ бувъ! говорю.

Мундыръ очнулся.

- Что тъ надо?
- Здоровъ бувъ, кажу!
- Къ чорту убирайся съ своимъ «зда-ровъ-бувъ!..» Спрашиваю, что нако?
 - Та мені жъ и нада «здоровъ бувъ!»
- Шутишь ты, чертенокъ, что ли?— выпрямился, ощетнивлея, вакъ разъяренный бульдогъ.

Я расхохотался...

— Ахъ ты-жъ такой и этакой!... Вотъ я тъ! — заревълъ и, схвативъ лежавшій возлъ него кнутъ, ко мнъ...

Чёмъ бы кончилась эта первая встрёча съ Мундыромъ, еслибъ Грицько не послышалъ и не поспёлъ ко мнё на помощь,—не знаю (занятый чёмъ-то возлё лошадей и съ шапкою, крёпко натянутою на уши, онъ сначала ничего не слыхаль); вёрно, моему кожушку, а можетъ быть и чему другому, крёпко бы досталось! Къ счастью, говорю, какъ-то услышалъ... поднимаетъ голову: я лечу къ нему, сколько ногъ хвати́тъ, а за мною тотъ съ поднятымъ кнутомъ...

— Що ти, що ти!—крикнулъ Грицько, бросаясь между насъ:—чи не сказався ти!?

Мундыръ оторошълъ, увидавъ Грицька — онъ теперь только его замътилъ. — А! — говоритъ: — ты ужъ здъсь!.. А привелъ? — и проворно окинулъ взглядомъ кругомъ: — не привелъ развъ?..

Очевидно, въ пакат Мундыра никакъ не могло помъститься, чтобы сыпъ его хозяина, и притомъ городской школьникъ, могъ носить нагольный тулубчикъ и имъть видъ обыкновеннаго сельскаго «хохленка»...

Грицько растолковаль ему, въ чемъ дѣло, — и какое превращеніе! — Виновать! — говорить и вытянулся передо мною въ струнку: — виновать! — даже благоро́діемъ меня назваль...

— Та нерестань! — неребиль его Грицько: — тамъ зъ батогомъ, а се зъ «благородиями!» Бачъ, якъ засоромивъ (1)!..

Дъйствительно, Грицько быль правъ... Ни въ какомъ отномении непринадлежавшее мнъ «благородіе» это такъ меня смутило и сконфузило, что я не зналъ, что съ собою и дълать, куда дъваться... Я подошель къ вороному и, наклонивъ голову къ персямъ, принялся гладить его однимъ пальцемъ по шет... Доброе животное узнало меня и, нагнувъ морду къ моей головъ, принялось тихо тормошить шапку зубами... Но и его ласки не могли разогнать смущенія, нагнаннаго на меня неловкимъ «благородіемъ.» Я поднялъ голову, принялся его ласкать, тормошить за гриву, за ноги, и сталъ добывать изъ саней лучшаго стна и кормить только тогда, когда Мундыръ съ Грицькомъ пошли себъ къ бочкамъ выбирать, какая тамъ погодится...

Какъ они выбирали водку, я ужъ не видалъ: все мое вниманіе поглощено было воронымъ. Знаю только, что и Грицько, и Мундыръ, нализались тамъ порядочно, и что и тутъ не обошлось безъ разныхъ проказъ со стороны последняго. Такъ, напр., онъ хотелъ поколотить одного продавца бочекъ съ водкою, за что — я не понялъ тогда. Виделъ только, что поднялась суматоха, и что продавецъ, прижавъ правою рукою волочокъ (пузырекъ, которымъ достаютъ водку изъ бочекъ для пробы) къ груди, левою, указательнымъ пальцемъ, тыкалъ все въ воздухъ, по направленю къ земле—вонъ—оно, дескать, вонъ, вонъ! и каждый-тычокъ сопровождалъ восклицаніемъ—вкравъ: «вкравъ,» говоритъ, «вкравъ, вкравъ!» а Мундыръ вырывался изъ рукъ Грицька и другихъ, и на каждое вкравъ отвечалъ: — «врешь, врешь, спряталъ!»

Наконецъ бочка Коропской (2) куплена и скочена на глабці, куплены также и другія, какія нужны были покупки (въ томъ числѣ и двѣ огромныя вязки бубликовъ — сущиківъ для гостинца домой), лошади запражены, и мы поѣхали, — Грицько съ бочкою позади, а я, съ Мундыромъ, впереди, закутанный въ нагольные кожухи, присланные изъ дому собственно ради этой одной надобности. Мундыръ больше уже не говорилъ миѣ «благородіе...»

⁽¹⁾ Сконфузилъ.

^(*) Коропъ — заштатный городъ Черниговской губернін, славившійся ніжогда своею водкою. Водка эта въ большомъ количествів продавалась и въ Полтавской губернін.

Не смотря однавожъ на это, не смотря на всъ его пъяныя заботы. чтобъ я не озябъ, --- если бы только Грицько согласился, я бы охотиве предпочель перебраться къ нему и помъститься съ нимъ верхомъ на бочкъ, чъмъ ъхать на мягкомъ сънъ, закутаннымъ въ тешьме кожухи, ет теплі та добрі, но вийсти съ этипь человикомъ. Начать съ того, что какъ я ни уговаривалъ его състь со мною рядомъ, когда еще собирались выбажать наъ города, онъ никакъ не согласился! На вст мон доводы онъ только отвъчаль: -- «какъ можно-съ!», и ременное его лицо всякій разъ расквашивалось и морщидось отъ тяжести и сырости фронтоваго деликатеса, какъ раскващивается в морщится голенище солдатского сапога отъ воды, набранной въ него въ первой дорожной лужъ... Конечно, теперь, когда горькій опыть, скорбные принары, испытанные на себа самомъ и виданные на другихъ, научили меня, что ремень, пакля и дубъ, такъ и есть ремень, пакля и дубъ, а не что-либо другое... и что горе тъмъ, которые принимають ихъ за что-нибудь другое, а не за ремень, пакаю н дубъ, (да часто горе изъ-за нихъ и многимъ другимъ), — встрътить подобный деликатесь въ какомъ-нибудь Мундыръ если и не было бы для меня особенною пріятностію, то не было бы и особеннымъ горемъ. «Что, молъ, дълать!» обыкновенная нота въ симфоніи, которую повторяетъ теперь утратившее свой слухъ и свой вкусъ человъчество!...» Но въ тъ блаженные годы моей жизия, такой деликатесъ передо мною быль просто диссонансомъ, глубоко оскорблявшимъ мой духовный слухъ. Выросши въ понятіяхъ и нравахъ среды, къ которой я принадлежаль по происхожденію, и выросши по ея примірамъ, я думалъ въ своей дътской головъ: «какъ же это? я — мальчишка, а онъ — старикъ... притомъ и сани, и лошадь его!.. Въдь увидятъ въ хуторъ, пожалуй, и обо мнъ скажутъ, какъ говорятъ о засъдатель, когда тоть вдеть на обывательской подводь: «що вже чорть, якъ іде на чоловікові, то тільки на ёго шиі»...

Потомъ этотъ человъкъ оттолкнулъ меня отъ себя еще болъе — чъмъ? Теперь я могу разсказать — чъмъ; но тогда я и самъ не зналъ... Чувствовалъ только, сначала, что мнъ, кажется, не слъдуетъ его слушать... Теперь бы я чувство такое такъ окрестилъ: тутъ, молъ, дубомъ, паклею, казеннымъ подошвеннымъ товаромъ пахнетъ... А тогда подъ комецъ почувствовалъ, что хоть бы и съ саней мнъ соскочить — уйти отъ этого человъка!

Виною всему быда страсть моя къ сказкамъ и вообще къ раз-

сказамъ, -- страсть, которой я старался удовлетворять при всякомъ удобномъ случав, и которая получила въ последнее время особенный оттеновъ подъ вліяніемъ разсказовъ того мундыра, моего городскаго хозянна, — разсказовъ, полныхъ какого-то благодушія и наивности, но вместь и полныхъ какой-то особенной прелести, повенявшихъ на меня воздухомъ изъ какого-то другаго міра, мит въ ту пору еще неведомаго. — изъ міра быта воинскаго и военныхъ разгромовъ начала настоящаго стольтія. Желая и теперь на досугь удовлетворить себя въ сласть этимъ лакомствомъ, когда ужъ мы пробхали версты тричетыре (мы вхали сначала медленно) и когда несколько поразговорились съ Мундыромъ, я обратился съ просьбою къ нему разсказать что-нибудь изъ своей военной жизни. Тотъ сначала: «что, моль, вамъ, людямъ грамотнымъ!»; а послъ разколыхался-таки и ношель писать -- конечно, съ точки зрвнія скроеннаго извъстнымъ образомъ унтеръ-офицера, и о предметахъ, только доступныхъ возарвнію оловяшекъ, разумънію пакли и вкусу челюстей отъ уха до уха... И говорить печего, что мнъ хотълось бы послушать разсказовъ о чемъ другомъ; но, за неимъніемъ этого другого, я слушаль и то, что мнъ предлагали, хоть предложенное, употребляя приведенное выше выраженіе, отдавало дубомъ, паклею и казеннымъ подошвеннымъ товаромъ. Но когда мой Мундыръ расколыхался уже совствъ, и когда водка, вышитая имъ въ городъ и въ шинкахъ (шиночковъ, которые намъ встръчались, онъ не пропускаль ни одного), пробрада его поглубже, сюжетомъ для своихъ разсказовъ онъ цачалъ выбирать предметы, которые въ нѣкоторыхъ офицерскихъ кружкахъ называются предметами, принадлежащими къ области унтеръ-офицерскаго амура.... Можете вообразить, что должно было испытывать дитя нашей тогдашней стыдливой и цъломудренной Украины, слушая педобиые разсказы!... Повторяю, хоть бы и съ саней соскочить и уйти отъ этого человъка, я быль не прочь!.. Но куда уйти?.. Лучшее, что я придумалъ для своего спасенія, - погрузиться въ кожухи и притвориться спящимъ...

Но что решительно меня вооружило противъ него и даже поселило ненависть — такъ это следующе поступки.

Когда Мундыръ замътилъ, что и будто заснулъ, — притихъ и принялся звать меня по имени, очевидно съ намъреніемъ удостовъриться, кръпко ли и сплю, — спачала звать тихо, а потомъ громче и громче: «Василька! Василька! а Василька!» И такъ какъ и не отвътилъ на его зовъ, — счель меня дъйствительно спящимъ. «Эка, говоритъ, и заснулъ!...» и при этомъ употребилъ побранку, которая на Руси унотребляется въ разговоръ такъ же часто, какъ, напр., часто употребляется воздухъ для дыханія.... но которой въ печати еще никто, никогда и нигдъ не употреблялъ.... Стыдно и обидно было митъ услышать такую побранку, но что дълать, надо было молчать... притворился снящимъ, притворяйся и неслышащимъ!... не у всякаго хватитъ совъсти признаться, что, дескать, сонъ мой былъ ложь, притворство....

Убъдявшись, что я не сплю, Мундыръ остановилъ лошадь, слъзъ съ саней и началъ поджидать ъхавшаго ровною ъздою и на этотъ разъ отставшаго Грицька.

- A чого ти стоішь? спросиль послёдній, приблизившись и тоже останавливансь.
 - Типе, типе! Въдь чертеновъ-то спитъ!

Новая побранка!... И сколько бы, можеть быть, и еще новыхъ услышаль я потомъ, въ своей жизни, если бы имълъ хоть скольконибудь поползновения врываться воровскимъ образомъ въ дъла, не для
моего въдъния творимыя, и въ ръчи, не для моего слуха произносимыя!

За новою побранкою послѣдовалъ у Мундыра съ Грицькомъ разговоръ, содержаніе котораго было такое: со стороны Мундыра—что, дескать, «подъ тобою бочка, въ ногахъ у тебя топоръ, а у меня въ карманѣ волочо́къ — я таки подтибрилъ у того бездѣльника!... топоромъ откупоримъ бочку, а волочкомъ достанемъ, и все будетъ ладно!» а со стороны Грицька— «Оце, на тебе все зле лихе!... Хіба́ ще ти не насмокта́вся!»

Чъмъ бы этотъ разговоръ кончился, если бы я далъ время ему развиться, — не знаю; но я не могъ долъе выдерживать и началъ ворочаться на саняхъ... Замътивъ мое движеніе, Мундыръ тихонько на сани... и мы тронулись далъе.

Тяжелое, очень тяжелое впечатление произвели на меня всё эти проделки Мундыра! Мнё въ первый разъ пришлось увидёть вещи въ такой возмутительной наготё... Я еще болёе закутался въ кожухи и еще болёе старался казаться спящимъ, чтобы не видёть этого человека и ужъ не говорить съ нимъ.

Но еще болъе тяжелое впечатлъние произвелъ на меня другой его поступокъ, бывший тоже по поводу водки въ бочкъ, но уже направ-

ленный прямо на меня. Сценою дъйствія на этоть разъ была теплам хата одного добраго человъка, къ которому мы заткали обогръться и, вмъсто объда, поъсть что тамъ наготовлено мосю доброю матерью для путниковъ.

Обогръдись немного, и Грицько сталъ доставать, изъ мъшка и ящика, събстное.

— Что жъ, — говоритъ Мундыръ, которому хитль и бестда въ саняхъ, очевидно, придавали теперь развязности больше, чтить при вытадъ изъ города, и онъ не церемонился уже выступить и развернуться во всей своей красъ: — что жъ, къ объду надо таво!... и щолкнулъ себя извъстнымъ способомъ по галстуху....

Я не зналъ, куда и глядъть; Грицьку тоже, повидимому, хотъюсь спрятаться въ мъшокъ, а хозяинъ только улыбнулся тихо: — «всякові, мовъ, на світі люде бувають!»

- Что-жъ вы молчите, словно глухіе! таво бы, говорю!... Ну, ты (ужъ и ты!), Василька! отпусти-ка намъ къ объду таво!..
- Дежъ я тобі візьму́?... Въ мене грошей нема́! проленеталь я, совершенно уже растерявшійся, не смъя ни на кого взглянуть.
- И не надо грошей!... ты только молчи, а мы ужъ найдемъ!... Бочку, знасшь, таво, съ Григоріемъ?...

У меня покатились слезы по лицу.

- Чи ти довго ще будешъ, проклятый!... закричалъ наконецъ Грицько, въ бъщенствъ вскакивая съ мъста:—оце! се наваждение, а не чоловікъ!... и ударилъ себя о полы руками.
- Чу́ешъ, моска́лю! отозвался наконецъ и хозявнъ хаты спокойнымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: въ моі ха́ті ніхто́
 ще такихъ річей не чувъ, якъ оце́ ти бала́каешъ щобъ підмовлять
 незмисле́нихъ діте́й на крадіжку (¹)!... Ти внбача́й (²), будь ла́скавъ,
 що я тобі, старо́му, таке, та ще въ своі ха̀ті... Ми хоть и бідні
 лю́де, и па́нські, тільки, кажу́, въ насъ ніко́ли ще сёго не було, та
 ще су́противъ вла́снихъ родителівъ... Такъ коли́ хо́чешъ бу́ти тутъ,
 въ моі ха́ті, не бала́кай тако́го! а хо́чешъ бала́кать зъ Бо́гомъ зъ
 мое́і ха́ти! ото́ тобі богъ, а ото́ поро́гъ!...

И онъ указалъ ему рукою сначала на *покуття* съ образами, а потомъ на дверь...

⁽¹⁾ На воровство.

⁽²⁾ Извици.

Мундыръ, впрочемъ, не нуждался уже въ такой апострофъ. Какъ ви глумъ онъ былъ, но изъ монхъ слезъ и бъщенства Грицька онъ поняль. Что почва, на которой ему, вследствие какого-то безспысленнаго распоряженія безсмысленной судьбы, суждено теперь далать разные житейскіе марши, не изъ тёхъ, по которымъ онъ до сихъ поръ хаживаль своими ножищами, и гдъ все такъ ужъ и прилажено болье или менье, чтобы руки, подобныя его рукамь, могли находить свое должное примънение. Опъ замолчалъ, и во все время нашего объда, и пока мы снова не потхали далте, не проговориль ни слова. Только когда вытыхали за село, онъ открыль свой огромный роть, и первыя его слова были-просьба, ничего неговорить отцу о случившимся:-«Я,» говорить, «предъ вами буду, Василька, — енераль бы остался доволень!... Чтобы отвязаться отъ него, я объщаль молчать - и онъ носль этого обратиль все свое внимание, что бы дълать такое, чемъ, по его выраженію, и генераль бы остался доволень, т. е., немилосердо меня терзать цълый день...

Первое, чъмъ бы, по его мнънію, остался генераль доволемъ, было—скорая ъзда...

И я любилъ скорую взду, очень любилъ! Любилъ пуститься въ обгонь за степнымъ вътромъ на выстоявшихся скакунахъ, на разстояніи какихъ-нибудь трехъ четырехъ верстъ! Но въ болъе далекой вздъ, или на усталыхъ лошадяхъ — развъ бы непремъпио нужно, иначе нельзя... (и по твоей ласкъ, по особенному уходу, бъдныя животныя чувствуютъ, что иначе нельзя... и какъ-то веселъе они несутъ свою горькую долю, не такъ болитъ у тебя сердце, глядя, каків впадникі у нихъ подъ глазами отъ истомы, какъ поджимаютъ ноги отъ устали!...) Безъ нужды же гнать въ далекой вздъ намученныхъ животныхъ, — нътъ, не по моему вкусу такое удовольствіе!..

Мундыръ о моемъ вкуст не справлялся, и безъ всякаго милосердія стегаль кнутомъ Страго... А когда ужъ не въ-мочь мит это стало, и я ръшился сказать, что не за-чты гнать лошадь, когда она спотыкается даже,—истолковаль мое неудовольствіе по своему... «Проклятая!» ревълъ:—«уши повъсила!... голову держать смъло, смотръть веселъй!...», и неистово передергивалъ возжами!...

И разинувъ ротъ... съ окровавленными зубами, съ струйками поту на моздряхъ, бёдное животное сёменило ногами, держало голову смёло и смотрёло веселёе... какъ сёменитъ бывало, во времена давно минувнія, и держитъ голову смёло и смотритъ веселёе какого-нибудь полка вантвало... Офицерикъ словно пляску выплисываетъ впереди, словно каменки — мечетъ ръчи назадъ, чрезъ эполетъ: «веселъй, ребята, веселъй! такъ и такъ вашь и всъиъ вашимъ родственникамъ!..», справа и Груня, и Дуня, и Саша, и Наташа... у окомечка стоятъ, на офицерика глядятъ, улыбочками браваго-молодца манятъ... а заитвало—на глаза каска, лицо горитъ-почернъло, губы запеклисъ, а опъ—веселъе и веселъе! а за нимъ веселъе и веселъе и весь хоръ пъсельниковъ:

Что веселая-то наша жисть солдатская!...

или:

Какъ во тысяча съмсотъ такомъ-то году!..

Второе, чёмъ но мнёнію Мундыра, остался бы и генераль доволень, было... Впрочемъ, вы сами сейчасъ увидите, что это такое было; а пока—разскажу, какого маршрута держался нашъ Мундыръ во время нашего путемествія и куда опъ завезъ меня.

Надо вамъ сказать, что изъ города въ нашъ хуторъ есть два пути, лътній и зимній. Каковъ лътній путь, нъть необходимости теперь вань говорить; зимній же путь-пролегаеть сначала по толокамъ и полямъ, а потомъ, вплоть до самаго хутора, по ръкъ, т. е. подъ горою вдоль ръки, по окаймаяющимъ ее лозамъ и очеретамъ. Путь этотъ довольно прямой, или, лучше сказать, совершающему путемествіе по немъ, если только онъ человекъ расторошный и внимательный, довольно трудно сбиться, потому что, какъ я сказаль сейчасъ, путь идетъ вдоль ръки подъ горою, и, следовательно, стоить не только отдаляться особенно отъ горы-н всегда можно понасть, куда следуеть. Но на пути этомъ встръчается много перекрестковъ и поворотовъ къ ръкъ. Все это большею частію дорожки, ведущія къ скирдамъ и стогамъ съна, разбросаннымъ по объимъ ел сторонамъ и на островахъ, къ купамъ накошеннаго очерету и нарубленной лозы, къ лесамъ, поросмимъ кое-гар вдоль ръки, къ рыболовнымъ тонямъ и т. п.; остальныя же дорожки идуть къ разнымъ заръчнымъ селамъ, болъе или менъе отъ отдаленнымъ. Следовательно, при всей трудности сбиться съ этого нути путешественнику расторопному и внимательному, онъ, путь этотъ, именно изъ такихъ путей, на которомъ путешественнику исрасторонному наи невнимательному легче всего попасть не туда, куда бы следовало. Онъ можеть тугь побывать и на рыбныхъ точнять и носмотръть, какъ рыбаки тащать неводъ изъ-нодъ яьда; можеть понасть и въ какой далекій лугь и покончить эту прогулку

Digitized by Google

темъ, что наконецъ ни дороги, ни следу нетъ, и только впереди, передъ лошадьми, мъсто виднъется, на которомъ стоялъ стогъ съна,... а пожалуй, онъ можетъ забраться такимъ способомъ и Богъ въсть куда!

Мундыръ, какъ вы и сами, можетъ быть, догадываетесь, не обладаяъ расторопностью и внимательностью, необходимыми для случаевъ, подобныхъ нашей потядкъ. Въ другомъ чемъ, можетъ быть, и такъ; но тутъ—не ладно, да и полно! Ему никакъ не пришло въ голову пріобщить къ своему свёдъню разъ навсегда, какъ и совтовалъ ему Грицько сдёлать это нёсколько разъ, что такъ какъ хуторъ нашъ на той же горъ, вдоль которой мы тремъ, то отдаляться отъ нея никакъ не слъдуетъ. Да и какъ, впрочемъ, это могло прійти ему въ голову! Въдь это значню бы нослушаться умнаго совтта и потомъ разсуждать, — а какъ, ему признать чей-нибудь совтть умите своего собственнаго—и, конечно, еще командирскаго! Да еще и разсуждать!.. Онъ, которому столько разъ доставалось, чтобы не разсуждать!.. Тьфу! маршъ впередъ, да и баста! эта дорога протореная—катай—валяй! Въдь куда—то да доведетъ!...

И каталь-валяль мой Мундыръ!...

Пока дорога шла по полямъ и толокамъ, — полбъды еще было; полбъды было первое время, когда мы спустились и къ ръкъ: Мундыръ хоть и рвался впередъ и часто оставлялъ Грицька, но все-таки болъе или менъе держался у него на виду, и тотъ или останавливалъ его крикомъ, если былъ недалеко, или поджидалъ гдъ, пока мы понавъдаемся тамъ къ тонямъ, съъздимъ въ лъсъ; словомъ, до объда дъло шло болъе или менъе споспо. Но послъ сцены за объдомъ, Мундыръ поъхалъ по такому марштруту, какого, въроятно, не держался еще никто и никогда...

Грицька потеряли совершенно изъ виду и рѣшительно не знаемъ, гдѣ онъ и ка́къ... гонимѣ только Сѣраго — куда? Богъ знаетъ! должно быть впередъ!... Вѣдь держимся же линіи!... Выскочимъ за рѣку, въ поля: «Э, нѣтъ», говоритъ: «линію потеряли!», п назадъ... Можетъ быть, это пе паша ужъ рѣка, притокъ, не наша линія — что намъ за дѣло!.. намъ лишь бы линія!...

А когда стемитло, — потеряли и линію.... гонимъ Страго гдто ужъ степью... Селъ и хуторовъ нтть, лъсковъ и байраковъ тоже... Какъ-будто все это издали заслышало мундырскій духъ и посторонилось съ пути, какъ сторонятся гуси, утки и разная домашняя птица, когда

Digitized by Google

быкомъ овладесть бычачья прыть, и, поднявши штандартомъ хвость, ичится на нихъ, словно бешенный, и — то лягнеть, то рявнеть, то воздухъ рогами боднеть...

И пригнали мы такимъ образомъ наконецъ Съраго—хуторъ, село ли, Бегъ его въдаетъ! живутъ видно люди... Можетъ быть это и нашъ хутеръ...

Мундыръ остановилъ Страго у первой хаты, въ которой свътился огонекъ въ окомечкъ, соскочилъ проворно съ саней и стучать!..

- Хто тамъ?—отозвался, должно быть, хозяннъ хаты, открывая кватирочку (форточку).
- X-т-о-т-амъ! передразнилъ Мундыръ, въроятно въ видахъ внушения страха, деморализирования, такъ сказать, неприятеля: Глаза есть—смотри, кто!... Какъ деревня зовется?
 - Та се не деревня, а хуторъ... Проваллямъ зветпя!
 - Что за Проваль?... А повъта какого?
 - Нашого таки, Ського...

Господи, какъ разсвиръпъль Мундыръ, узнавши, что мы въ чужомъ уъздъ! Досталось тутъ и проклятой сторонъ и проклятым дорогамъ! а ужъ Спрому проклятому досталось—и говорить нечего! Кончилось тъпъ, что велълъ разговаривавшему чрезъ окошечко земляку проводить насъ до отамана.

- На що-жъ тобі, говорю, отаманъ!..
- Да ужъ надо!
- Та на що нада?
- Да ужъ молчите! Сказаль, генераль—такъ генераль!

Я замодчаль... Я догадался, что Мундыръ снова какъ-то собирается угодить мнѣ, по своему; но что дѣлать!.. Вбить что-нибудь ему въ голову было выше моихъ силъ, а къ угрозѣ обратиться—что разскажу отцу,—не въ моемъ характерѣ было. Я могъ въ подобномъ случаѣ или молчать и, затаивъ свои чувства, какъ говорится, кипѣть... или же вспыхнуть на мгновеніе и выбросить наружу вспышку чѣмъ-нибудь въ родѣ, «плюю на твою дурну голову», чего, конечно, въ настоящемъ случаѣ, я никоимъ образомъ не могъ допустить, потому что въ рыжей щетинѣ Мундыра уже водилась сѣдина, а старшіе возрастомъ у насъ пользуются такимъ уваженіемъ, что даже рѣдкое панское дитя позволить себѣ неуважительно обойтись съ старшимъ по возрасту, и не только съ постороннимъ, но даже и съ крѣпостнымъ своего отца.

Наконенъ отаманъ былъ отысканъ, и Мундыръ велълъ ему одъться и сейчасъ выйти на дворъ. «Да жива!» кричалъ онъ.

... Мундыръ досталъ изъ кармана плоскій деревянный ящичекъ, въ родь тоненькаго томика въ малую осьмушку, открылъ боковую его сторонку и вытащиль изъ него какую—то бумагу, отставку, какъ я узналъ послъ; сунулъ отставку въ руки отаману и велълъ «сейчасъ, жива», давать квартиру—да хорошую квартиру! Отаманъ возразилъ, что надо сначала прочитать бумагу, а потомъ давать квартиру; но Мундыръ такъ раскричался, такого далъ ему подзатыльника, что отаману не оставалось ничего другаго, какъ поскоръе вести насъ къ камому—нибудь богатому козаку... Конечно, ему оставалось и кое—что другое еще, но... но... но что объ этомъ толковать?!...

Повель насъ отаманъ, и, уходя, бросилъ лаконическое приказаніе прежнему нашему провожатому:—А ти,— говорить,— до писаря... Якъ що не *mée*,— до Деркача́!...

Привелъ насъ до Деркача отаманъ... Мундыръ принялся тотчасъ распоряжаться—и то прочь, и то подавай!... Тъмъ временемъ въ хату ввалилась опившаяся, въъерошенная, кръпко подержанная фигура писаря... Фигура была и очень тее, а всё-таки, по приказанію отамана, принялась за отставку и начала слебезовать (1). Какъ ужъ она слебезовала, и какъ отаманъ и всв присутствовавще слушали, ровно името не понимая—нечего и разсказывать! Довольно, что тотъ слебезоваль, а тв слушали... И быть можетъ, онъ прослебезоваль бы всю отставку коть къ полуночи, какъ случилось одно совершенно ненредвидънное обстоятельство — подвернулось названіе полка, въ которомъ служилъ когда—то Мундыръ, премудреное, непреоборниое названіе!...

Видали вы, какъ пьяный, слоняясь по улицъ, наткнется на бревно? «Вишь,» говоритъ, «и бревно!»... плечами вздвигиваетъ, грустио пекативаетъ головою... «Да,» говоритъ, «бревно!» Вдругъ овладъваетъ пиъ ръшимость: «Что,» говоритъ, «бревно! экая невидаль!» распахнулъ полы поднимаетъ ногу—будто тяжесть какая на ней! еще усиле и... Но нога покачнулась, хватила въ сторону, и бъднякъ шлепнулся! а круглая его шляна съ павлиньимъ перомъ и низкой тульей далеко—далеко покатилась по мостовой!... Поднимается, достаетъ шляну, снова — и снова шлепнулся!... Въ третій разъ, въ четвертый—какъ-будто на бревить невидимая сила безплотная, издъвается надъ добрымъ человъкомъ, чтобы

⁽¹⁾ Дурно читать, читать какъ бы по складамъ.

не перешагнулъ, а валился бы и валился, на поситяние образа и подобія Божія, на соблазнъ встить другимъ добрымъ людямъ!...

Что-то подобное творилось и съ бъднымъ писаремъ, когда онъ вступилъ въ борьбу съ тъмъ непреоборимымъ полкомъ. Вотъ два слога ужъ подвернулъ подъ себя, на третій началъ карабкаться,—и вдругъ какъ оборвется, какъ хватитъ штрпр!

- Эхъ ты чучело хохлацкое! воскликнулъ наконецъ Мундыръ, очевидно оскорбленный такимъ, по его митнію, обиднымъ коверканьемъ полка: и полка-то нашего не знаетъ, а тута же рыло суётъ!... Бумагу только мою опорочишь!.. Проваливай! крикнулъ онъ въ заключеніе, и, вырвавъ у него изъ рукъ отставку, засунулъ ее снова въ свой деревянный бумажникъ и спряталъ его въ карманъ.
- Такъ якъ же?..—возразилъ-было отаманъ; но Мундыръ такъ принялся браниться и кричать, что отаманъ счелъ за лучшее «удалиться отъ зла и сотворить благо», махнулъ рукою и пошелъ изъ хаты:— «нехай, мовъ, на тебе все зле—лихе, мамія ти гаспидьска (въроятно отъ, греческаго $\mu \alpha v(\alpha)$!» За отаманомъ выползъ молча изъ хаты и писарь: сконфузилъ его крѣпко—крѣпко этотъ мудреный нолкъ!

Зная изъ прежнихъ моихъ разсказовъ (1), въ какой степени развито было во мив чутье смешнаго и комическаго во всемь, что ни встречалось мит, и въ какой степени развита была во мит смиливость. вы, можетъ-быть, думаете, друзья мон, что я сменася, глядя на вею эту спену? Нътъ, не до смъху мив было тогда! Не имъй эта спена для меня своего предыдущаго, не понимай я значенія ея, какъ извъстнаго явленія въ ряду другихъ явленій, --словомъ, будь я тогда только случайнымъ зрителемъ, а не участникомъ, по необходимости разумъвпинъ мотивы, которыхъ она была последствіемъ, и весь печальный нть смысль, и т. д. и т. д., я бы смъялся тогда, глядя на нее, очень бы ситялся, какъ ситьюсь теперь, забывъ все и все, а только глядя въвоображения на это всеобщее глубокое внимание кътому, чего никто не понималь-«А ну, ну! мовъ... эге! бачъ!..» на это слебезование шасаря, на штурмъ, который онъ нъсколько разъ предпринималь противъ полка, на ярость Мундыра, --- «какъ де не знать его полка!..», « още опорочать отставку!...» Но зная, какъ и что, понимая, что втаь то, что мы делаемъ, почти воровство и грабежъ,---я, какъ дитя своей

 ⁽⁴⁾ Это указаніе Василія Петровича относится главнымъ образомъ иъ немъданнымъ еще разсказамъ.

родины, какъ членъ сословія, которое такинь глубокинь уважаність окружило въ своихъ върованіяхъ и убъжденіяхъ право господаря въ ею господі и которое право пользованія чужить хатбомъ и солью понимаеть только въ формъ гостепріниства,.. и наконець, я, какъ чень семьи, которой самой, хоть можеть быть и въ другомъ видъ, приходилось не разъ испытывать на себъ то, что мы съ Мундыромъ дълги теперь другимъ, --- могъ ли я смъяться, глядя на ту сцену! Даже теперь у меня исчезаеть охота сменться, когда и, оставлян простое созерцание въ воображения, начинаю думать обо всемъ... Мить даже совъстно становится за свой смъхъ!.. Но тогда-для меня было что-то глубово возмутительное въ нахальствъ, съ которымъ Мундыръ мобываль ночлегь и которымъ поставиль меня въ такое несносное, непривычное для меня положеніе! «Что», думаю, «если объ этомъ да узнають въ хуторъ!..., не знаю, на что бы я не ръщнася тогда, ливь бы всего этого не было... чтобы, такъ сказать, вычеркнуть этотъ вечеръ изъ моей жизни, быть гдъ-угодно, коть даже въ училиць, только бы не здъсь, не въ этой хать, предъ этими людьми, какиме-то унылыми, будто истоиленными какимъ-то горемъ!... Но возстать противъ Мундыра, открыть его тутъ же, всенародно, -- нътъ! Чтобы люди такой духовной комплекцін, какъ мы, могли возставать противъ такого нахальства, какъ мундырово, надо, чтобъ они прошли сначала сквозь многія-многія испытанія, потеряли въ нихъ, испытаніяхъ этихъ, много-много дътской наивности и непорочности души, а виъсто ихъ запаслись бы многимъ-многимъ... А до того, — они умъютъ только страдать, страдать и страдать!...

Но главное мое горе было еще впереди... Когда отаманъ ушелъ, и Мундыръ почувствовалъ себя вполнъ на свободъ, — удаль и прыть его развернулись совершенно...

- Ужинъ готовить-крикнулъ онъ хозянну:-да жива!...
- Коли-жъ (¹) уже?—осмълился было возразить тотъ:—пізно!..
- Пъз-но!... и такъ толкнулъ его въ спину, что тотъ едва не свалился:—говорятъ «готовить!» такъ не разсуждать!...
 - Та у насъ же, отозвался я, и свое есть...
- Вы ужъ молчите, говоритъ, Василька, молчите! и, какъ бы вдохновленный новою идеею, выпрямился и указывая на меня пальцемъ—видишь, говоритъ хозянну, енеральское дитя везу!...

⁽⁴⁾ Rorga me.

Я снова не выдержалъ, какъ и передъ объдомъ, и снова заплакалъ...

Всъ смутились. Мундыръ, конечно, подумалъ, что, выходятъ, онъ что-то лишнее брякнулъ... а хозяевамъ, въроятно, мелькнуло въ головъ: «генеральское, молъ, дитя!.. боится, голодно будетъ!..» По крайней мъръ что-то подобное, въроятно, мелькнуло въ головъ старухи, матери хозяина, сидъвшей на печкъ и до сихъ поръ непринимавшей никакого участія во всемъ происходившемъ; потому что, замътно встревоженная, обратилась съ такими словами къ своей невъсткъ: «Ти бъ, дочко, вареничківъ пшенишнихъ імъ, и ще бъ чого!.. А поки що, орішківъ, медяниківъ, (1) що зъ города Иванъ привізъ!»...

- Спасибі, прервалъ я сквозь слезы: я вечерять не хочу... и не зная, что больше сказать: пустіть мене, говорю, туди, до себе на пічь... — —
- ... Пока вытахали мы изъ Провалля, солнце и совствиъ взошло... Тахать, однако, было все-таки очень холодно: ртакій втеръ дуль прямо въ лицо, а морозъ пронималъ все кртиче и кртиче. Я старался, по этому, закутаться въ тулупы получше, зарыться въ сани поглубже. Но последнее оказалось дтломъ очень труднымъ: сани полны были стна, и я или долженъ былъ торчать сверху, или, если ужъ мнт захоттлось бы непременно опуститься пониже, долженъ былъ сбросить часть стна.
- Нащо, говорю Мундыру, ти накупивъ стільки сіна? Татусь буде сердитьця!
 - Да я, Василька, не покупаль!
 - Якъ не куповавъ?
- Да такъ! у бездъльника много.... въ ефтомъ *Провалъ...*. деньги цълы, всъ сдадимъ старику! Только ужъ божескую милось, Василька, на счетъ, то есть, бочки.... и тово... то есть, вечеромъ....
- ... Уже солнце собпралось опуститься за горизонть, когда мы приблизились къ горъ.... Я не могъ долъе удержаться и, соскочивши съ саней, кратчайшимъ путемъ — на гору!..

Войъ телята навстричу — къ рикъ, бытутъ... мурое, рябое, кривеньке!... «Здравствуй, здравствуй, мое бидненькое!... Ахъ, здоровъ бувъ, Оксентію!..»..

И овечки... «бирю, бирю!».. И Антонъ, и рябко, и білка...

⁽¹⁾ Пряниковъ.

«Здравствуйте, здравствуйте, вамъ, всъ дорогіе мон!.. а мама здоровенька?»...

И не дожидаясь отвъта, стрълой на гору...

Въ прижожі народу много, много, — гости!... Вонъ, въ спальнъ, сестра старшая... братья старшіе, — въ пекарню...

- Матуею!
- Ахъ!...

Все и встать забыла!.. обнимаеть, цълуеть, плачеть:—Дитиночко моя!... синочку мій!...

- Стара́!.. стара́!—старикъ оттуда, изъ свътлицы.
- Заразъ, заразъ!... Голубоньку мій, чи живъ ти, чи здоровъ?
- Панотець васъ кличуть!
- Заразъ!... А матері не забувъ?

И не скоро она, можетъ быть, оторвалась бы отъ меня, несмотря и на зовъ отца, несмотря на то, что по его голосу она, можетъ быть, и изъ могилы бы встала, еслибы только надъ ея могилою могъ когда—нибудь раздаться этотъ голосъ.... Но дверь кухни скрипнула, и изъ—за нея выглянулъ самъ мой съдоволосый...

— Эге,-говоритъ:—не въ-чімъ не реве, ажъ дома нема!.. Дивітця!—и отворилъ двери настежъ.—Може ви,-говоритъ,—не бачили, якъ корова теля облизуе, то подивітця!....

Во все время моего пребыванія дома, я почти не входиль въ остальныя комнаты, а всё сидьль въ кухив и всё плакаль — и вечеромъ въ субботу, и весь день въ воскресенье, и въ понедъльникъ! Сколько ни утвшали меня, сколько ни доставляли мив разныхъ развлеченій, — я плакаль и плакаль, сидя въ кухив за столомъ и опершись на него локтями!.. Какая была причина этихъ слезъ — для меня и теперь загадка! Была ли это тоска о томъ, что сестра выходитъ замужъ и что, следовательно, мы теряемъ одного члена семьи, — или шумное и многолюдное веселіе и тогда уже производило на мою душу тяжелое впечатльніе, — решительно не знаю!...

Во время пребыванія моего дома, я очень мало видёлся съ матерью: гостей толпа, пированье день и ночь, некогда! Прибіжнтъ бывало ко мні, начнеть меня утішать, обливаясь и сама слезами,—зовуть!... обниметь, поцілуеть, дасть какое лакомство,—и снова убіжить:—«Не плачь же,» говорить, «моя дитиночко, не круши мене!..» Чрезь нісколько времени опять то же...

Только во время сна она была со мной перазлучно, если только

сномъ можно назвать какое-нибудь двухъ-трехчасовое затишье въ ночномъ пированьи.... Когда бывало въ домъ шумъ несколько стяхнеть, попроситъ кого изъ знакомыхъ или родныхъ за вобиъ присмотръть, возвиетъ соннаго гдъ тамъ и заснулъ, отыщетъ мъсто и приотитси: «Хоть полежу коло ёго... хоть рука мой буде на ёму!..»

Это ли, что во время гостеванья я не могъ часто выдътсья-съ матерью, или что вообще мнъ было тяжело быть на этой свадъбъ... а можетъ быть, что чревъ недълю я снова долженъ былъ пріъхать домой, на масляную, —выбажать изъ дому я собрался безъ особеннаго горя, и, сколько помню, не плакаль во время сборовъ нисколько.....

М. Номисъ.

ЗАМЪТКА

о словутном в пьвую Митусь.

Не знаю, кому мермому изъ руссмихь ученых помнаменить мивнів, давно принятов многими, что словутный аквесив Митуса, уноминаемый Волынскою Летописью подъ 1241 головъ, быль песнотворецъ, подобили Бояну и Птвцу Игоря Святославича. Но изъ сказанія Волынской Літописи напрасно, мит кажется, вывелено такое заключеніе; скорбе следовало принять, что помянутый Миторов (т. е. Димитрій) быль знаменитый въ свое время церковный пъвець, принадлежавшій къ пъвчимъ владыки Перемышльскаго, но не хотывшій прежде поступить въ пърчіе князя Данилы Романовича. Вотъ самое сказаніе льтописи: «Даниль же дворецького посла на Перемышль, на Костянтина Рязаньского, посланаго отъ Ростислава, и владышт Перемышльскому, коромолующу ему съ нимъ; и слышавъ Костянтинъ Андрея, грядущя, на нь, изотже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси владыку, и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбицъ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; словутьного півна Митусу, древле за гордость не восхотівша служити княаю Ланилу, раздраного акы связыня (*) приведоща, сирфчь, якоже рече Приточникъ: буесть дому твоего съкрушиться, бобръ и волкъ и язвень сибдяться».

Ясное діло, что здісь идеть різчь о домі сопротивнаго князю Данилу владыки Перемышльскаго, и его гордыхъ служителей, въ числів которыхъ былъ и словутный півецъ Митуса. И такъ, этого

^(*) Такъ поправляю я; въ подлинникъ: акы селзаного, и не выходитъ смысла. Переписчикъ, въроятно, не зналъ или не разобралъ слова селзено — узникъ (въ Кіевской Лътописи, подъ 1185 годомъ, полоненный на р. Каялъ инязь Игорь Святославичъ говоритъ: «и селзил преда ия.). Наръчіе дресле здъсъ, какъ и въ нъсколькихъ мъстахъ лътописи, значитъ: премеде, предътъиъ.

пъвца нельзя ставить въ число древнихъ южнорусскихъ пъснотворцевъ, какими были Боянъ (современникъ Нестора) и Пъвецъ Игоря (1185—86); ему чета—развъ «скопець Мануйло—пъвецъ гораздый, иже бъ пришелъ изъ Грекъ самъ третій къ боголюбивому князю Мьстиславу» (Кіев. Лът. подъ 1137 г.).

Кстати, о шапкахъ, упомянутыхъ при описаніи гордыхъ слугъ владыки Перемышльскаго: тульі бобровые—высокія шапки въ видъ клобуковъ; прилбицы (волчьи и барсуковые) — шапки съ мъховыми околышами и съ верхами суконными, бархатными. О прилбицю княжеской см. въ Кіевской лътописи (подъ 1172 годомъ); а наображеніе можно видъть на картинахъ въ древнемъ харатейномъ житіи св. Бориса. О прилбицахъ простыхъ ратниковъ Русскихъ XVI въка упоминается въ Статутахъ Литовскихъ.

М. Максимовичь.

29 марта, 1860 г. Мижейлова-Гора.

РІЗДВЯННІ СВЯТКИ.

письмо з-е.

Святій вечірь (1).

Теперь, мой читатель, не на Ріжківскі болота, не въ Ріжсківским духамо и ізкамо, а въ самую глубь села Ріжківо, на площадь передъ Рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую Рижкивскую волокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые пътухи запоють, а Рижковскому паламареві (пономарю) не то, что Нестору Рижкивскихъ рибалокъ (2). Примется Каленикъ Даниловичъ за свое дъло немножко раньше, или немножко позже, —ни чьи интересы не потерпять, никто за это не осудить; но Рижкивскій пономарь—зазвони слишкомъ рано—«яке вже тамъ и моління такъ рано!»—слишкомъ поздо—«и вже! якъ такъ и паламарювать!» Конечно, иному прочему на эти суди и пересуди можно и вниманія не обратить, и какая-нибудь отчисленная изъ училищнаго въ епархіальное въдомство фара или йнфима (3),—словомъ, какая-нибудь

⁽¹⁾ Первый день Рождества народъ большею частію называеть Різдео́мь, Різдео́. Но какъ Різдео́мь называются и вообще Рождественскіе праздники, то иною и избрано Селтій ес́чірь, какъ названіе съ болье твснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послъднее назвачіе не вездв одинаково употребляется, какъ это читатель увидить изъ послъдукощаго въ моемъ разсказъв.

^(*) См. 2-е Письмо.

^(*) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фара, Инчина, Гранматика, Синтаненсъ, Риторина или Поэзія (последнее названіе можщо теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: Фаристъ или Фариета, Инфинистъ, Гранматикъ, Синтангикъ, Реторъ, Философъ и Богословъво иногда цакъ и у меня: Фара, Инфина и т. А.

вольная птица, которая сегодня здёсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случав, и поступила; но теперешній Рижкивскій пономарь, Гарасько Трохимовичь, лицо громадское и избранное судомъ громадскимъ, а что всего важите, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій: — такъ случилось; — а въ подобномъ случав — «Э, ні! оцюди слухай!» Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: «А яка буде рада?» тотчасъ обратился онъ съ ръчью къ старъйшимъ и почетнъйшимъ. Рада була-бругі півні, - и съ того времени, вотъ ужъ пятнациать лътъ, а Рижкивскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясади над-Рижкивскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пътуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотълось Рижкивскимъ колоколамъ подремать, моть немножно, моть чуточку, моть півчуточки (существительное, которому въ великорусскомъ языкъ нътъ соотвътственнаго, -- отъ чуть).

Накъ тихо вездъ! Не будь огоньковъ въ окнахъ — видите, въ той вонъ сторонъ, какъ весело — два окна? Это у Гавриленкивъ, — есть кому и есть изъ чего... А бъднякъ Лебедь — таки-таки погода теплая! Не будетъ ли снъгъ къ утру? Сколько я замътилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдё-то пётухъ — крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошихи, удивительныхъ держить пётуховъ! А вотъ и другой, третій...

Вторые петухи на полномъ ходу! Вотъ где-то, далеко-далеко, на томъ конце села, какъ-будто на томъ свете... вотъ здесь, тамъ, снова вдесь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гара́сько Трохимовичь! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ-будто колышется: это за лихтариею (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить бажющку... Нътъ, остановился у Гаврилониивъ, стучитъ... Ненимар!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—больше охотники звонить въ колокола. Нужно, напримъръ, прозвонить по вмерущому: «А ну! Ибгре или Иване», и Петро или Иванъ, навърное, не откажутся, хоть дождь на дворъ будетъ, грязь, лиха година. Случится, прійдетъ, мъста заняты—ничего! покрайней мъръ послушаетъ, какъ оно тамъ—якъ въ котал кимить. Я внаваль любителей, что въ дни, когда обывновенно цълый день бываетъ трезвенъ, съ кококольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какей праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ объдни,—паробковъ на колокольню нашеекалось (налъзло), какъ говорится, икурце носомъ негое илюмуты! Конечно, не послъднее въ этомъ случатъ и то:—будутъ итти дивчата,—кажемиуть, перевъсивнись изъожна... затарабанить пальцами по шалеемі, а пожалуй и экортомоперекинуться, если стариковъ близко нътъ (старики близко—не. гоже, незвичено); но главное—какъ и сказалъ.

На такой силонности, накъ па нъкоемъ функаментъ, воздвигдось убъждение-и не только въ паробнахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ известной степени и въ техъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:---чъмъ въ большій колоколь и чёмъ въ большій правдникъ прозвонить, тёмъ лучше, величние (тёмъ больше чести), а прозвонить вы самый большой колоколь и вы одинь изъ самыхъ большихь годовыхь праздниковь, -- напр. на Рождество, на великдень, на храмь, -- это ужь такъ хорошо и селично, что просто и сказать нельзя!.. А на семъ, и тоже какъ на нъкоемъ фундаментв, вездвигся обычай - гривні гривня - (десять конвекь), съ одной стороны, вынимать изъ кешені (нув кармана), а съ другой приминать и притать, лишь бы въ такой или такой праздникъ. нь заутрень или къ объднь, въ большой колоколь звониль я, а не вто-либо иней... Переходъ гривень въ этомъ случав двлается не сокревенно, но во всенародное свъдъніе, и никто этимъ у насъ не скандолизируется, и не огорчается: такъ принято, такъ ведется, сложнися обычай... Ну, на чтобъ гусей не раздразнить! Довольно, что Гарасько Трохимовичь стучить въ окошечко именно потому: къ заутрени въ большаго зазвонитъ колокола не кто-либо, а чернобровий Гарасименченко Степанъ... И когда, вечеромъ, пойдутъ колядовать, всемъ и каждой будеть извёстно, что такъ и такъ-кромъ, конечно одной, которая и не знаетъ ничего, и не въдаетъ... «Га? Чого? Що, сестриці, нажете?»

Но оставимъ Гараська Трохимовича съ его стучаніемъ въ окошечко, съ его интересами: ему еще многое предстоитъ—пусть онъ поважно совершаетъ свое поважное теченіе! Прійдетъ до батюшки, до пекарні, почнетъ стучать въ дверь—слышитъ наймичка, да не встаетъ,—посыдаетъ наймита; наймитъ тоже слышитъ — посыдаетъ наймичку. Потомъ церковь надо отворить, свъчи зажигать м т. д. Мы отправимся куда-нибудь, къ кому-нибудь, —да вотъ хоть къ старому Туркуту: «ха́та те́пла, лю́ди добрі (¹)», да кстати и въ Гриньки, съ женою и съ $куm\acute{e}o$ (²), къ тестю и тещѣ, семьн большая, люди предковскихъ обычаевъ.

У Туркута: старуха-жива; три женатых сына—одного только осенью жениль; двё замужних дочери—одну выдаль замужь тоже только осенью; неженатый сынь женило (котораго пора женить; употребляется въ смыслё болёе или менёе шуточномъ, иногда даже насмёшливомъ); двё незамужнихъ дочери навиданию (невёсты), невёстки, куча опуківо и опучоко. Туркуть не изъ богачей—молодожо́по (недавно оженившійся, т. е. сынъ) вчера не отправился; меньшая замужняя дочь вчера не пріёхала изъ Вишняви́въ; вся семья, поэтому, на лицо, пріёзжихъ не имѣется.

Изъ экономіи, въ ті хаті, въ чистой, черезь сіні, огня нѣтъ, а тутъ, на полочкѣ, у комина казанчикь, еле-еле, нагорѣть цитв (свѣтильня). Спять — на полу старикъ съ дідовимь омукомь; на цечкѣ—старуха съ бабиними онуками и онучками; на лаві — женило: «таке зілля, якъ парубокъ, треба мать на оці—не то, щобъ... про те у насъ крий Бігъ! а такъ—дурний розумъ, разъ би въ разъ на улицю, ще нашурубурить!» (на землѣ) долі, покотомь, одна изъ старшихъ невѣстокъ и остальные онуки и онучки, которые посновойнѣе, дідові не будутъ мѣшать спать. А тамъ, черезь сіми, остальная семья: незамужнія дочери на печкѣ: «у насъ, кажу, про те крий Бігъ, а дівоті якось незвичайно при старихъ, хоть батько й мати; « на полу́—невѣстба, у которой грудной ребенокъ, на землѣ—молодожо́ни съ дрібязкомь (съ маленькими дѣтьми), а тѣ двое по лавахъ.

Тихо, кръпко спять, даже старикь кръпко спить; только изръдка одинъ изъ онуковъ: »переймай, нереймай! « вскрикиваетъ, или: »на свій бікъ! на свій, на свій! «—булка (3) должно, быть, ему

⁽¹⁾ Сокращеніе извъстной прибаутки; «Хата-тепла, люде-добри; кабаки-доволі». Въ такомъ сокращенномъ видъ прибаутка эта употребляется въ болье деликатиной бесъдъ.

⁽²⁾ См. 2-е письмо.

⁽³⁾ Булки, или ковінька—нгра. Подробное объ этой нгрв объясненіе можно найти въ одномъ изъ примвчаній къ Отрывкамъ изъ автобіографіи Василія Петровича Бізлокопытенка, поміщеннымъ въ IV книгъ Русской Бесізды за 1858 г.

грезится... да отъ времени до времени, пидъ пично, въдыхаетъ мадый теленовъ-передъ самою Кутею Богъ далъ! то-то праздниками позаконится дітеора молозивомъ (1)!

Но воть бескнуло (ударили въ колоколъ) — не громко еще хорошенько серця не росколихали... въ другой разъ-громче — старикъ притихъ... еще громче — услыпалъ. «Слава тобі,» говорить, «Господи!» заворущився, крестится, поднимается...

Чрезъ нъсколько минутъ, въ объихъ хатахъ у Туркута — яркій огонь, бъготня, умивання, одлания, кромъ самыхъ малыхъ дътей, которыхъ и не трогали. А Гарасименченко Степанъ ввоинтъ и звонитъ, стараго и малаго зоветъ послушать великую въсть: «Діва днесь Пресущественного рождае!»

Сборы въ церковь на Рождество не долги, особенно старику и нальчикамъ: бёлье чистое надёто съ вечера, все убранство вынуто изъ скринь и принесено изъ жижей (изъ чулана въ сёняхъ), комиръ, тоже съ вечера. Вотъ развё дівчата съ своими стричками, да пожалуй еще молодая невёстка — вимостить ріжейчки у платка, у новой плахты гриви, червоний поясъ, чтобы конецъ сзади такъ и разостлалея!..

Мальчики ужъ готовы, у порога, перешентываются, посматривають на старика. Готовъ и старикъ, поясомъ nidnepesáes каптанокъ, надёлъ новый нагольный кожухъ.

— А ну, стара́, достань теперъ гро́ші!—говорить, окончивъ одмания и поправляя что-то за комфоме (за воротникомъ),—должно быть что-то жиеть.

Старуха достаеть изъ сврыни мёдныя деньги, завязанныя въ хустину — береть, садится возлё стола и принимается считать и раскладывать въ маленькія кучки, отъ времени до времени присвічивая къ каганьцю: «нагъ воно (грошъ ли это), чи копійка.» «Ну,» «говорить, ужъ деньги теперь настали! просто кинці зъ пині погубишь! На, лишень, стара, подивись ти!» или обращается къ кому-нибудь изъ старшихъ дётей, кто случится ближе...

Окончивъ разсчеты, старикъ подзываетъ старинаго онука: «Оде,» говоритъ,» тобі шажокъ (грошикъ), свічку обмінишъ (не купишь, а вымъняещь, или поставишь) Божі Матері... А оце, Петруско, тобі!»

⁽¹⁾ *Малдино* — параствымъ образомъ приготовјевное блюдо, исъ молока только-что родившей коровы. Самое молоко тоже иззывается молозывомъ.

Получниніе совершенно счастливи!...« А ви, объявляеть остальнымь: — ви на службі (на объянь, т. е. обмімите)... На, стара, даси імъ тоді, а то погублять (петериоть).» Ненолучившіе неиченне опечалены: — имъ бы хотвлесь сейчась имъть шашки въ рукахъ; — деріст енувь дёлаеть даже возраженіе, баба хочеть замолвить слово за своимь: «Ні, ні!» говорить тихо: — идіть!» — опъ знаеть, что дълаеть, онъ разсчиталь прънко!..

Двери скрипнули, чоботи (сапоги) застучали, и чревъ нъсколько сокундъ хата отъ дітоори опросталась.

Нотомъ старикъ даетъ деньги женатымъ сыновьямъ, чтобы каждый поставиль по свъчъ всъмъ намъстнымъ иконамъ, на утренъ
и на объднъ, по нъскольку шажковъ дочерямъ и невъстнамъ...

Женосо проситъ и себъ!.. «Ще й тобі!» говоритъ старикъ: — и,
якъ бувъ такимъ, ніколи у батька не просивъ!.. Ну, на; та йна
себі, геть!.. Архистратихові жъ Михаилові поставъ!.. «уже вкслёдъ,
а тотъ тольно усмъхастся; — «а на службі Иванові Вбіну!.. чи
не одучать хоть вони тебе одъ кулачокъ!... (1) «На жъ и тобі,
стара!» ваключастъ старикъ, обдъливъ всю семью и отложивъ и
себъ нъсколько шажковъ. Старуха отказывается: «гдъ ужъ! инъ-ли
промобимствово (протолкаться, т. е. къ свъчамъ и къ икомамъ)!»
Вотъ, говоритъ, на службу пораньне пойду и Матери Вомсі свою,
самоділкову (домашняго, своего нриготовленія).

Уходить въ церковь старикъ, а за нишъ и другіе: сыновыя, невъстки, дочери.... Каніе дукачі (въ редъ медальоновъ-мъдине, серебряные, иногда и золотые) у нихъ, намиста, старічко! Канія свиты бълыя:—еще ни разу не надъвали!... Послъднею собирается

⁽⁴⁾ Старикъ намекаетъ на предстоящія, во время праздпиковъ, кулачки. Вообще, парубекъ въ много-мюленной семьй у мясъ какъ-будто чужой: вемо таке
зілля—вадиракувате, гулливое, въ лёсъ смотритъ, а не въ семью, мека
не женится, т. е., не то чтобы въ лёсъ, а за ворота... Впрочемъ, это отчужденіе болёе наружное, чёмъ внугреннее, болёе ворчаніе, чёмъ дайствительно
гивъъ: «Ще и тебе!» говоритъ старикъ Туркутъ: — ну, на, та йди себі геть!»
Скажу даже больше: я крёпко сомивваюсь, чтобы за этимъ ворчаніемъ не
было чего-нибуль совсёмъ прот иположнаго насупленному виду, сердитому годосу, —также крёпко сомивваюсь, чтобы старикъ Туркутъ велёль поставить
свъчи Архистратиту Михеилу и Ивану Вомау, именно для того, чтобы они
отучили повъсу отъ кулачокъ, а не для того, чтобы они помогли ему весь
Таранівский кутъ (уголъ, т. е. часть села, гдъ живутъ Тарани) гонять
праздинками на куличкахъ, макъ чореду. Не даромъ ме новъся, уходи, усивхалоя!

старуха... останавливается еще разъ, оглядываетъ себи и все кругомъ, какъ бы еще чего не забыть. Ушла — и чрезъ итслолько секундъ снова назадъ, стучитъ въ окошечко: «Глядіть же мені,» говоритъ: «не забудьте телати нагодувать!»

Остаются дома: только невъстка съ грудныть ребенкомъ, веж дівчатика-онучки! — гдъ имъ толкаться ночью! — да онуки-мальчини, которымъ въ церкви пришлось бы только носы утирать. Къ объдиъ, пожалуй, кое-кого и изъ нихъ заберутъ, кто покруннъе — старуха возьметъ, — матері; а теперь: — «воно ще зовсімъ мале, — якай ще у й ёго й гріхъ!»

Главная забота остающейся дома невъстки — убрать хаты, накормить теленка и затопить néui.

Уборка хаты въ настоящемъ случав состоить уже не въ нодбёливаным и вымываныи: все, что нужно было вымыть и вымажить, вымыто и вымазано вчера посяв вечери, или,-какъ объ этомъ скавано мноло въ своемъ мъстъ — и раньше. Не займется теперь невъстка и украшениемъ хаты. То ли, что для народа, говоря вообще, праздникъ становится оснаательнье, ближе его сердцу, теплве. только съ того момента, когда въ празднование начнутъ привхедить предметы, болье доступные его пониманию и ему близкие --- напр., на Свътлый Праздникъ, когда, на заутрени, «обнименъ другъ друга», еще болье, когда вокругь церкви стануть рядами паски, и еще болбе, когда хата, все и всь въ праздничномъ, всь прауются, христосуются, а на столь-паски, то, другое, - пругими словами. то ли, что праздникъ у народа, по крайней мбрв у нашего народа, сосредоточивается главнымъ образомъ въ объденное и последующее за тъмъ время, или же туть имъють значение какія-либо другія причины, напр., просто разсчеть, заняться украшеніемь, когда вытоплено, подметено, пыль не подымется и не сядеть ин на чемъ--то ли, или это; но сколько и замътиль, укращение хаты на Рождество дълается у насъ всегда, когда вотъ-вотъ уже изъ объяни!... нодразумъвается, если кто нибудь изъ женинить во время объдий дома; если же всв уходять въ церковь -- что, скажу миноходомъ, бываеть только въ сенействахъ слишкомъ неиногочисленияхъ, на и то не всегда, - украшение-во всякомъ случав-последняя вещь, чёмь займется хозяйка, или кто тамь вибсто нея, такъ-что приди изъ церкви, поклонись образамъ... погляди кругомъ -- скъженькое все, чистенькое, хата какъ съ иголочки... Невъстка Туркутицина,

потому, не займется теперь украшеніемъ хаты: этимъ займется во время объдни наименьшая невъстка: —кстати, она такая джиджулужа (1)! она уберетъ постели, одежу, которую поразбрасывали спъшившіе въ церковь; меньшіе дъти станутъ подыматься, будетъ умывать ихъ, наряжать, чъмъ Богъ послаль: дъвочкамъ — намистечка но разочку (но ниткъ) или по два, а, пожалуй, и какуюнноздь ленточку на головку... мальчикамъ — копъечной тесемки по мусочку, въ застіжки; а встанутъ всъ — солому подобрать, гдъ спали, підъ пічь, хаты подмести, повынимать рушники для убранства хаты, и т. д.

Кормленіе теленка, - не на Рождество, а во всякое другое время, - занятіе не изъ такихъ, которыя особенно озабочиваютъ моихъ земляковъ и землячекъ; а потому во всякое другое время о немъ не стоило бы и упоминать. Но на Рождество, - для нихъ, а савдовательно и для насъ, ведущихъ ръчь объ ихъ Різдейннихъ святкахъ, оно очень важно. По нашимъ понятіямъ, -- коровы, во время Рігдейнних в святокъ-Різдвянних в святокъ въ теснейшемъ вначенів, т. е. первыхъ трехъ дней: на саме Різдво, или на Святій Вечірь, какъ у меня названъ тоть день, на Богородицю н на Троичю-должны быть неразлучно съ своими телятами, и темеята должны въ припусть (сколько хотять) кормиться молокомъ... Ясли ли, давшія убъжище Матери, раждающей Бога, или что-либо другое послужило туть основаніемъ-не берусь разсуждать. А что дъло ограничивается однъми коровами-изъ всёхъ домашнихъ животныхъ только коровы и свиньи въ эту пору рождаютъ дътей; но последнія—вътакомъ снисхожденій не нуждаются: -- оне и безъ того не разлучны съ дътеньшами. Притомъ, животныя эти, занимая стель почетное мъсто въ яствахъ украинскихъ христіанскихъ празднествъ, занимають слишкомъ непочетное мъсто въ украинскихъ христіанскихъ понятіяхъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни быдо, относительно коровъ и телятъ, мои земляни и землячки такихъ-именно убъжденій, а потому, тотчасъ после вечери на Багату Кутю, телятъ впускають къ матерямъ,—въ кошары, или где тамъ оне есть,— и оставляють вив-

⁽¹⁾ Любящая, чтобы все было на ней и гді она живеть, изящно, чясто, примаряжено. О мужчимі не говорится джиджулу́нь, хотя и говорится приджиджулився.

ств до утра четвертаго дня праздника, иногда даже и долбе. Если же теленовъ слишкомъ малъ, можно опасаться, замерзнетъ на дворв, или пожалуй въ темнотв наступитъ товаряка, — держатъ въ катв, по крайней мърв ночью, но за то носятъ, какъ можно чаще, кормить. «А що,» спрашиваетъ молодой хазяйки у своей молодой хазяйки: — може бъ пора до корови теля?» — «Та тільки що носмла!» — «Ну, и що жъ?» — «Такъ нмолить (съ охотою, съ аппетитомъ сосетъ, аже цмокае), такъ цмолить!» — «А та?» — «Такъ лиже ёго, лиже!» И молодой хазяйнь поворачивается въ окомечку съ улыбною, которая даетъ разумъющему разумъти, что благодать Божія на домъ семъ: «Ну,» говоритъ, «полижи жъ и ти свое!»

Самая главная забота остающейся невёстви — топить печі и прийматьця поратьця. Печка въ той хать, черезь сіни, топится сейчасъ же, по уходь всёхь въ церковь, или, смотря по заведенному въ семействь порядку, немножко повже; но въ печкь здёсь, гдь и ъсть будуть варить, разводится огонь къ концу заутрени; словомъ, такъ, чтобы топінка окончилась непременно до окончанія обедни—а обедня на Рождество бываеть у насъ по деревнямъ довольно рано—и притомъ такъ окончилась, чтобы осталось немножко времени и приджиджулить хату. Въ семействахъ немногочисленныхъ, вообще, где на обедню все уйдутъ и печки домоплювать некому будетъ—разводится огонь и еще раньше, чтобы покончить совсёмъ по крайней мёрё къ тому времени, когда задзвонять у всі.

Впрочемъ, хлопоты туть зъ топінкою не бывають такъ многосложны, какъ въ другіе праздничные дни, кромѣ, конечно, Свѣтлаго праздника; даже не такъ многосложны, какъ и въ буддень. Блюдъ, въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, приготовляется немного; все, что нужно для варіпки, изъ погреба, изъ коморы и т. д., внесено съ вечера, какъ объ этомъ объяснено у меня во второмъ письмѣ, даже топливо заготовлено на Багату Кутю, т. е. принесены поближе солома, тростникъ, дрова, какъ тоже объяснено во второмъ письмѣ. А что вчера сало накрошено, мясо нарублено—

⁽¹⁾ Этому слову натъ соотватственнаго въ великорусскомъ взыва. Те́пать бажать рысцею, підтюнцемъ—идти такъ быстро, что вогъ-вотъ побажитъ, и даже сдалаетъ насколько шаговъ багомъ.

объ этомъ и говорить нечего! По нашимъ нонитіямъ, въ такой праздникъ, какъ Рождество, вообще грвшно работать: напр., грвыто пеставать вириев изъ погреба, мыть даву, даже топить грышно, и если топинъ, то кълдемъ это по самой необходимой необхонимости (1); но кропить, рубить—вообще, рызать — изъ работь это у насъ самая гранизая! Откуда это, въ силу каких причинъ, -норы какими вліннями сложилось у насъ такое вброваніе? Замічу однако, что :рубить, дъдан домовину (гробъ) — не гръхъ, BEARL HE IDENT HEATH STO ME BE OREHE MIN BE FORY. ROHEY--но, если настоить вы томы прайняя надобность. И еще ваньчу, что въ непоторыхъ местностяхъ Украины ревать на Новый Годъ м неше праците. Это еще непонятите. Хотвлось бы очень знать. въ накой стечени повсемъстно это върование у Управноваго нагрода, не выплючая Галичанъ и потомновъ Запорожновъ. :Нашъ Но--мый Годъ, къ сежалению, я имель случей наблюдать только вы .Полтавской губернів и, тлавивить образонть, только по рёлів Ор-ZINŠ.

Вреня отъ заутрени до объщи употребляется, мужекою частю сеньи, на то, чтобы общань, лошарямь и проч. дать досейтиону и -еранішну порцію корму, погнать до ополонки и проч., и чтобы не--инство прикорхнуть, заминуть по прайней ибрь, т. е. дать досвітчану порцію сейчась, пришедши оть заутрени, потомь васнуть, а потомъ, уже предъ самою объянею, дать и сранишию порцію.-Жовиленіе и напованіе скота въ этомъ случав является не очереднымъ изъ сыновей или внуковъ, вообще-не по заведенному норяджу, а гуртоми, общими сплами, чтобы поскорже. «А нуте, діти, жиньтесь!» говорить старикь Туркуть-и тоть по осому, солому смикать, тотъ ополонну пробивать — не прорубливать, а пробивать-а малеча ужь конечно возлъ овець. Текъ же точно унотребляется это время и женщинами: кормать итицу, свиней и щобь коть очі поламоть (1), то только развищею, что навъ птица и свинъи, вдосвіта никогда нескориятся, то не ворият: сн и теперь.

Но вотъ снова заявонили до церкви, --- (конечно, у великото

⁽¹⁾ Ужинать, поэтому, на Рождество у насъ почти накогда не готовять, какъ объ этомъ будеть и наме.

^(°) Непереводимое выраженіе. «Не заснуда, а тільки о́чі поламе́да», говорять преимущественно женщины.

дзебна другой ито авонить, а не Гарасииенчению)—снова опроставась ката, да ужь такъ, что только наименьшая невъстна дотандиваеть метку, да двое, трое дътей, хебренькихъ или совсъть невмислию, дома, — даже груднаго ребенка унесли! Вотъ и печка дотоплена, джиджуха принимается, наконець хату джиджухаймь...

Но иста! не стану объ этомъ разсказывать! Интересно наблицать, какъ обломовъ мрамора, подъ разцомъ искуснато ваятеля, мало-поналу превращается во что-то образъ интакицее; но гораздо выные интересъ—взглянуть, когда этому мрамору дамъ, такъ-сказать, поскадній ударъ, и произведеніе явится во всеоружіи соотвътственныхъ идев формъ...

Случалось мить на Рождество входить из мониь землякамъ и еть каты... и въ ибизмени и въ панскія зоримчиц, и въ великожанскія и купоческія годинцы. Войдешь къ куппу, ибщаннну и даже къ подгороднему доброму моему земляну --- панское и великонанское въ сторону — такъ и ръзнеть сейчасъ тебъ въ глазъ: напая-вибудь -прваго нвъта занавъска у кіота -- у купца; шпалеръ, теремокъ -ту тивицанина, у подгородияго веналиа. А рівнуло въ глаза,-дівло невыстное-и вниманіе тамъ остановится, недоумъваемы или усмыхаешься, а дальше не пойдешь, а пойдешь, -- не скоро, или такъ пойдешь, что и вспоминать не стоитъ... Но сколько я ни входиль въ момить добрымъ земликамъ, хуторскимъ или сельскимъ захолустиивань, -- бъдень ин онь, достаточень, -- сначала, отъ порога, только чистота-не та, какою-то терпкостію дынащая чистота, которая обдаеть вась, когда входите въ нёмецкій домь, а чистота тешлан, уныбающаяся... отъ печі, зъ підпіччя, отъ миспика, лавы, полиць... потомъ, на колочкахо, постепенно: рушнички, рушинин, шитые руплики, различтые... и наконець, въ преразличтомъ рушникъ, на бъпенькомь боженику, съ пахучими васильками по бокамъ и съ висящими шеть боженика обильными колосьями жита... какъ средоточіе міра Storo, rand ero nochehnee chobo... most st inidéuky, - nahendrië, жотемивний... динъ какъ и наши, изможденный какъ и мы... благосмовляетъ!..:голова долу преклоняется, рука подимнается престъ сотворить... А подъ инкъ, поистинъ Вочеловючившимся (1), на чокутті, — ясля, гав Онъ когла-то...

⁽¹⁾ Едва ли мной народъ, съ очертаніями своего лица, отразиль себя въ мконописи, больше, чемъ народъ украинскій — конечно въ мконописи своей, а не жим-ствованной, или привозной.

Объдъ на Рождество начинается и продолжается среди обстановки, какъ и на Багату Кутю: курится ладанъ, читается молитва, горитъ восковая свъча. А все не то, что Багата Кутя,—нътъ той теплоты и тихости, той таинственности, того чего-то, чъмъ такъ проникнута вечеря.

Если и весело бываеть на Рождество за объдомъ — веселость выходить какая-то шумная, съ набитымъ колбасою ртомъ, съ разрумяненными подъ вліяніемъ чарки, послѣ холода, щеками...

За первою чаркою вспоминають и отсутствующихь — «нехай же, мовъ, легенько и имъ вгадаетця!» — но вспоминають какъ-то вскользь, безъ особеннаго значения; а ужъ заплакать — очень, очень ръдко!

Предложать дътямь *горілки* — если еще и предложать: пьють — пусть пьють, а не пьють — «дурні, такого дива та не хочуть!»

Въ отношеніяхъ семьи съ домочадцами внимательный наблюдатель непремънно вамътитъ, что того, что было вчера, ужъ нътъ!

Первымъ блюдомъ на столѣ непремѣнно является что-имбудь изъ остатковъ вчерашней вечери, большею частію рыбное: холодный борщъ, холодные товченими, холодная жареная рыба. Подается все разомъ, ѣдятъ, кто что хочетъ, пока кончатъ. Нѣтъ рыбнаго—даютъ немножко кути или узвару; но только, говорю, начать обѣдъ непремѣнно нужно вчеранінимъ.

За этимъ слъдуетъ сейчасъ колбаса — смотри, дэсидэсолу́жо, чтобъ была она горячая, шиварчащая! Ужъ не даромъ же шестъ недъль «и въ вічі не бачили, яка вона!»

Колбаса — «не та чорвна-яка, а хороша ковбаса, наська» — вообще говоря, для насъ желанный гость на столь, и появление ея мы всегда привътствуемъ извъстнымъ осклаблениемъ въ лицъ и ковтаниемъ слюнокъ; чтожъ и говорить, если еще шесть недъль!.. шутва ли — шесть недъль! А въдь есть несчастные, которые и по шести мъсяцевъ и даже по шести лътъ въ глава ея не видали!.. Запъвалы, конечно, тутъ малеча: чутъ джиджолужа зашамотила у печки, послала жеатки доставать сковороду — позаворачивали головки, повытнгивали шеи... А старшие — «оце бъ таки й вони!»

Но вотъ сковорода визжитъ, тянутъ по черені... вытянули, сичи́ть — мысли и сердца дътскія, аможе шествіе ея! А! поставили на столъ...

Да не подумаетъ однако читатель, что дътскій восторгъ, удивленіе— только изъ дътскаго желудка! Дъло въ томъ, что эта санан волбаса, и не дальше какъ сегодни утромъ, была въ лъсъ, въ садку, нан просто гдв-нибудь въ гойку, на деревв, и особенно на вербъ, виъстъ съ салонъ и тому подобнымъ скоромнымъ, и только вотъ, предъ самымъ окончаниемъ обедни, спустилась-въ село, въ печку, и прямо на сковороду! Поневолъ будетъ и восторгъ, и удивленіе, а пожалуй и опасеніе: а ну, на ведумаеть снова!.. Въ какой степени распространень у насъ обычай говорить подобное пвтямъ - не внаю; но внаю навърное, что онъ существуетъ не на одномъ только пунктв левой стороны Дивпра... Нижеподписавшійся самъ испытываль ощущенія, которыя сейчась описаль, и живо помнить, какъ, во времена оны, вдешь бывало съ старикомъ въ заутрени — перевзжать надобно было черезъ люсь: — «А что,» спрашиваешь, » колбаса върно ужъ спускается съ дерева?» --- «Какъ можно! отвъчаетъ серьезно: — еще рано!» — «Да гдъ жъ она? — не вилно!» — «Въ гущині, ночь!» Случалось, что въ заутренъ не задили, а побхали въ объдиб: «Да, говоритъ, ужъ начала спускаться! върно, ужъ на півдерева спустилась! > А возвращались ивъ церкви: «Вонъ-вонъ!» говорить: —видишь, какъ чхуриўла!» — «Гдь, гдь?» — «Да вонъ же, впереди!» — «Да гдъ же?» — «Эхъ, явий же ти дурень! говорю-впереди! > Вы напрягаете все вниманіе, апинаетесь (поднимаетесь) на саняхъ — нътъ! — «Сховалась уже,» говорить, «ва рігь повернула!»

Въ семействахъ, повнакомившихся съ разными, идущими въ снъдь, прибавками, къ колбасъ подаютъ соленые огурцы. «Що то воно за птиця була бъ, та ковбаса, якъ би ій крила!»

За ковбасою слёдуеть иногда борщь, но большею частю, можно сказать почти всегда, капуста, что-то въ роде великорусскихъ щей, только гораздо гуще — почти розназнею: приготовляется изъ съченой капусты, немножко ишена, съ свининою. Блюдо довольно вкусное, если хорошо приготовить. Почему въ праздникъ Рождества капусть отдается преимущество предъ борщомъ — не знаю. Не потому ли, что, какъ я сказалъ выше, въ праздникъ этотъ не позволяется инчего рёзать, а для капусты не нужно ни пелюстокъ рёзать, ни буряківъ кришить? Притомъ, приготовленіе капусты легче и не столько коло ней заходу и забобоновъ, какъ вовлё борща.

Капустою и оканчивается объдъ. Въ семействахъ достаточныхъ и, вообще, въ такихъ, гдъ до колбасы не ъли кути, послъ капусты вдять еще и кутю, обыкновенно съ молокомъ; но какъ избранныхъ такихъ не слишкомъ много, то и считаю себя вправъ заканчивать на Рождество объдъ капустою.

Посив объда, джиджулужа съ мужемъ собирается къ свомиъ, въ Гриньки—да чтобы все новое да лучнее надвъв! и въ особенности, чего въ Гринькахъ не носятъ: пусть ахаютъ прежнія подруги, удивижисть — «вотъ», молъ, «у Исмени: коміръ у неі на ножусі бабакомъ обойтий, платокъ — съ волотыми првтами!» Джиджулуха бъгаетъ, сустится, а старикъ наказываетъ и поклонъ передать сватиймъ, и просить въ гости прибусать. И непременно добавитъ: «Та скажи,, що, мовъ, свекоръ щодня бъе!» — «А свекруха», подхватываетъ Туркутиха въ томъ же тонъ: — «щодня істи не дае!..» Тъ собираются, а остальная семья — вся спать, даже дъти: надо вознаградить за ночное бдёніе, да и время свободное. А выспавшись хорошенько...

Но прежде, чёмъ Туркутова семья выспится хорошенько, считаю нужнымъ прервать на время свой разсказъ.

Вамъ, можетъ быть, страннымъ показалось, отчего я, разсказывая про праздникъ, прощолъ момчаніемъ то, что считается самымъ важнымъ въ праздникъ, т. е. ничего не сказалъ о рождественской заутрени или объдиъ, или даже не повель вась въ церковь? Вийсто всякаго объясненія, вышисываю слова, которыми начинается 1-е мое Письмо.» Подъ словомъ «святки,» праздники, я буду разумъть не то, что мы привыкан обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуеть или чествуеть какимъ-нибудь обычаемъ украинскій народъ» и т. д. — Рождественскія заутреня и об'єдня не заплючають въ себъ ничего, что въ душахъ моихъ земляковъ отразилось бы какимъ-нибудь особеннымъ трепетаніемъ, какъ, напр., приведенныя выше свътловоскресенскія «обнименъ другь друга» и паски вокругъ церкви, или же Ордань, процессія по полямъ на Юрія, освященіе воды на Маковія, особенно если еще освященіе бываеть на паромъ... Паромъ отчаливають, выбажають на средину ръки-и тамъ святятъ воду... Рождественскія заутреня и объдня для монхъ земляковъ, -- да, сколько успълъ я замътить, и для великорусскихъ простолюдиновъ — какъ заутреня и объдия послъдняго воспресенья, воспресенья предпоследняго и т. д. Вся разница въ томъ, «що то була неділя, а то велике свято, Різдео, розговіни» и это еще не много. Одинъ только признакъ рождественскаго церковнаго празднованія, да и то—одной тольно об'вдии, составляєть особенность для моего земляка, именно то, что на Ромдество «служба дуже довга;» но эта особенность не такого харантера, чтобы могма занимать місто въ моемь изложеніи. Двізнадцатый годъ и но груди Украины прошоль нелегкимь колесомь; но наскочило это колесо не на томь пункті, гді у нея сердце, а тамь, гді нармань... да помяло немножно шею, помозолило руки. Спросите у украинскаго простолюдина, что это правилось на Рождество послії об'вдии: «та то», говорить, «про Француза... Французь, кажуть, колись... ратиннівь брали», и разскажеть вамь многое на тему «постачали— постачали!..» да вы добавокь, пожалуй, укажеть на свой каптамь фабрицького сукна, сшитый отцомь или дідомь вь ті поры: «Бачите», говорить, «яке дермо (дрянь), а по пятнадцять рублівь, якь одна копійка!»

Считаю нужнымъ, «за однимъ заходомъ,» сказать тутъ и сиъдующее. Украинскій рождественскій праздникъ, поставленный поль уголь эрвнія, подъ какемь у меня онъ поставлень, кажется, есть не что иное, какъ продолжение праздника, начавшагося вечерою на Вагату Кутю, -- продолжение съ помарками и пробълами, -- и заканчивающагося на Святый Вечеръ колядками. Трудно это доказывать, и вообще при состояніи народознанія, въ какомъ оно у насъ находится, а твиъ болбе-миб; потому и не осибливаюсь доказывать свое предположение, а только высказываю: можеть быть, на чтонибудь пригодится. Скажу только, что основаниемъ для него у меня—главнымъ образомъ—въяніе и отъ Рождества тъмъ близимъ, ріднимь, о которомь я упомянумь во 2-мь Письмь, говоря о Багатой Куть, и поторое я сильно чувствую всякій разь, когда опуснаюсь поглубже въ трактуеный предметъ. Въроятно, между двумя, видными на нашенъ горизоліть озерявинами и перемежающимися между ними какими-то углубленіями, была когда-то связь; в роятно, во времена оны, протекала тутъ какая-то река, да местами высохля или берега обвалились, иъстами ее засыпали и лизапрудили, и на лицъ земномъ, послъ многихъ стольтій, является что-то, что разгадать въ состояния только сондирование почвы, сравнение, соображение, трудъ долгій, терпівніе великое. Боліве же осязательными для меня. признавами: 1) употребление на Рождество и на Багату Кутю въ пищу предметовъ, такъ сказать, самаго домашилю свойства; 2) въ извъстной степени сходство — объда на Рождество съ вечерею на

Багату Кутю; 3) обычай брать кутю (иттй или іхать съ кутею), отправляясь въ роднымъ, не только на Багату Кутю, но и въ Рожество; 4) другой обычай — проводить всею семьею день Рождества не въ гостяхъ или гдѣ бы то ни было, а непремѣнно дома, въ хатѣ, до наступленія колядовъ, — такъ-что, на дворѣ, вы увидите только, что вышли дать скоту и проч. вечернюю порцію корму; на улицѣ, въ полѣ — «діти до батька ідуть, онуки до діда и баби;» и 5) безравличное (на разныхъ, впрочемъ, пунктахъ Украины) употребленіе для обоихъ праздниковъ названія Сватъ-вечіръ, Сватий вечіръ: въ однихъ мѣстахъ Сватъ-вечеромъ называютъ Багату Кутю, употребляя и это послѣднее названіе; въ другихъ — вечеръ и даже день Рождества, а въ иныхъ — оба дня, — различая только иногда Багату Кутю отъ Рождества употребленіемъ, для первой, названія свать-вечіръ, а для послѣдняго — Святий вечіръ.

Время отъ сна до сумерекъ, Туркутова семья проводитъ: старшіе въ сі ха́ті, тутъ же и пріважая дочь съ своимъ мужемъ сейчасъ послѣ сна прівхали—бесвдуютъ, взаимно передаютъ новости, забавляютия разными забавками; мале́ча — въ той хатѣ, тоже забавляются разными забавками, играютъ въ разныя ха́тиі игры.

Самыя употребительныя въ это время забавки: сояшникове и зарбузове насіння (стиена подсолнечника и тыквы), а при недостатвъ соящинвоваго и гарбузоваго - диняче и кивунове; оръхи. тав водятся близко леса; кислиці за квасу, гав водится много садовъ; яблоки зъ піспи (особый родъ квашенья яблокъ) и зъ капусти, кто позажиточнее и познакомился съ подобными при налич (выпумками, капризами); медяні коржі и т. п. У горожань, а также и у сельскихъ козаковъ, склоняющихся по образу жизни къ панству, появляются сверхъ-того иногда: вергуни или банти, орішки, шишечки в тому подобные продукты містнаго кондитерскаго искуства, маковники и т. д. Разумъется, старикамъ, какъ Туркуть, всь подобныя дурниці большею частію не по зубамь, и они ихъ и называють такъ: «дурниця!» говорять. А воть груши и яблоки изъ узвару — это другое дъло! «Ке-лишень мені горщовъ въ увваромъ (Дай-ка, и проч.)!» Возставши отъ сна, онъ выпиль наварь, а теперь: ть-орьхи, сьмена, а онь-свое, зоба та и зоба (1)!

^{(1).} Вобать—илевать, говорится о птицъ, клюющей зерно, по преимуществу съ вылущиванемъ отъ шелухи, а также и о людяхъ, зобающихъ насідня,

Ноъ игръ самая употребительная въ это время-побимая наша Ціпібаба (1). Кону-нибудь изъ играющихъ, по жребію, завязываютъ глаза, ведуть до порога и заставляють взяться руками за колышекъ, которымъ отворяется дверь, а сами прячутся: «А ну!» скажетъ вакой-нибудь цвіркумь (сверчокъ), изъ-нодъ покуття, или просто стоя посреди хаты, - увернется, напрется на свою довкость: - «уже!» говорить, и цицибаба, повернувшись и разставивь руки, принимается тихонько, осторожно, нагнувшись впередъ, прислушиваясь... Иногда, когда штра въ разгаръ, такую возню подымуть, такой звалив и крикъ, что просто, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси! со всёхъ сторонъ шиыгають, хохочуть, дергають, сіпають, а бёдная цицэбаба, какъ выюнь на огив: и сюда, и туда!.. Пойманный, въ свою очередь, становится цицибабою. — Въ большомъ ходу въ это время и Чишкь. Садятся въ кружокъ — посрединъ каты вли на полу, гав лучше-и однив объявляеть, что «запирается Чинхь», т. е. что никто не долженъ говорить, ни даже чмихнуть. Игра состоить въ томъ, что одинъ старается разсившить, а другіе должны удерживаться. Провинившійся наказывается условленнымъ чисмомъ ударовъ доступномъ (сплетеннымъ платкомъ и т. п.), и въ свою очередь запираетъ чинхъ. Иногда выходять очень сибпиныя сцены! Для дітвори довольно одной мысли, —и чмихнуть нельзя ужасно какъ сибшно! а тутъ еще кривляется, дблаетъ рожицы... Иной, чтобы върнъе удержаться, приподымется даже, старается ни на кого не глядъть, особенно на того... но нечаянно взглянуль, за носъ себя!.. движение его замъчено — и другие за носъ... Нъсколько мгновеній молчаніе, тишь передъ варывомъ, посинъли даже-и вдругъ чмихъ, чинкъ, чинкъ, неудержиный кокотъ! Но иногда выхотятъ сцены и другаго рода: дело доходить до слевь и до равбирательства старшихь...

Но вотъ уже въ хатъ темнъть начало, — пора засвътить каланець—
на Рождество, какъ сказано выше, вечеромъ почти никогда не топятъ, вечеряють то, что осталось отъ объда, — почему утромъ и
готовятъ побольше; вотъ зашамотіла дітвора: кто постарше,
одълись, куда-то ушли; немного спустя каганець засвътили — дивчатъ ужъ нътъ, куда-то исчезли, паробокъ шминуєв, нътъ даже

ъдящихъ что-нибудь мелкое, напр. груши, потихоньку, съ разстановкою. — словомъ, какъ птица: сначала однимъ глазомъ посмотритъ, поворититъ головку—другимъ, и клюнетъ. Вылушила — и снова.

⁽¹⁾ Въ миыхъ мастахъ купі-баба.

одного изъ женатыхъ сыновей... Туркутова семья сидитъ, какъ и сидина, какъ обрато ничего и не случилось, продолжаютъ зуторить, забавляются забавками, ведутъ тихую бесёду...

Стукъ въ съняхъ отъ иногихъ чобіть; отворилась хата—дітефра—колядники, первая бурта (первый отдълъ).

Окъ, дътство мое невозвратное!..

Пантуниему строки сін восцоминается его д'ятство, когда и онъ еще биль малымъ-премалымъ пахолкомъ!..

Сомыя, какъ и Туркугова: старикъ, старессивкая моя—ис старессивного тогда были! всв, и я возав старессивког, притулисшись...

Восноминается, какъ одни за другими колядники: *дітебра*, дивчата, парубки, женатые... просять благословенія; — благословять, мелядують...

Восновинается, какъ дивчата—(подъ врымышиомъ у матери, любимое дитя)—присмісували вий...

Ой ра́но, ра́но ку́ри заніли, Святи́й ве́чіръ!

А ще раніше цапъ Матвійне вогавъ...

какъ я прятался подъ рукавъ матери....

Панъ Матвійко вставъ, коня́ осідла́въ, Коня осідла́въ, въ по́ле вніжжавъ...

Но всего памятиве, когда два брата Лёдовенки—какіе колядники были!.. высокіе, длинноусые, строгія лица!..

Нътъ, не всиомнить мнъ тъхъ колядовъ! Про какихъ-то *орліс*ь пъли, гдъ-то и куда-то летавшихъ... какъ-будто... какъ-будто теперь осень скучная и холодная... а оттуда, съ какого-то мглистаго далека, вътеръ хлопьями доноситъ—что-то больно, больно щемящее серце... какъ будто:

Вилітали орли́ Зза круто́і гори́, Виліта́ли, буркута́ли, Ро́скоші шука́ли...

«Вернітеся», говорять, «літа моі!»— «Ньть,— отвычають не вернемось, не вернемось!..»

M. Howach.

¹³ Февраля 1861 г.

С. Петербургъ.

ТРИ ПИСЬМА О ПЧЕЛОВОДСТВЪ.

(Продолжение).

HUCKNO VIII.

Третій періодъ пасики. Яринный взятокъ. Методы полученія съ удьввъ меда. Моя метода. Занятія въ пасикъ въ этотъ періодъ.

Въ предлужиемъ письмъ я сказалъ, что ежели, ко времени настоящаго взятка, пасика будетъ въ отличномъ состояніи, сильна и благополучна, то ири изобиліи взятка и благопріятной погодѣ медъ мольется въ нее рѣкою. Но чтобы собрать этотъ медъ, необходимо имого знавія, бевъ котераго можно потерять его не только ноловину, но дяже и болѣе.

Изъ медистыхъ растеній, въ средней полост Россіи, болте другитъ доставляеть меду гречиха, изъ которой ичелы собираютьего такое количество, котораго бываеть слишкомъ достаточно для ихъ годоваго продовольствія, и часть его можетъ быть, безобидно для нихъ, отделена въ пользу человъка. Ивътеніе гречихи продолжается между патнадцатымъ числомь іюля и пятнадцатымъ августа, въ продолженіи почти мъсяца, но не всегда взятокъ съ нея бываетъ непрерывный и одинаковый; съ-начала и подъ-конецъ этого періода слабъе, а въ срединъ—сильнъе, настоящаго ме хорошаго взятка бываетъ иногда пять, семь дней и очень ръдко—четырнадцать. Поэтому каждый взяточный день очень дорогъ для пчеловода, и его не только не слъдуетъ терять, но сколько возможно болъе надобно имъ пользоваться, и стараться, чтобы и одинъ его часъ не промелъ безъ пользы. Но къ-сожальню, надобно сказать, что въ пасикахъ нашихъ теряется очень много этого дорогяго времени;—это бываетъ во-первыхъ тогда, когда

пасика стоить далеко отъ гречихи, и следовательно ичела употребляетъ много времени на пролетъ свой туда и обратно. Вижето того. чтобы слетать за добычей разъ десять, она слетаетъ всего разъ или два въ день: — потеря очевидна. Во-вторыхъ, если пасика стоитъ въ срединъ гречихи, пчела часто остается праздною оттого, что, прилетъвши въ улей съ медомъ, некуда ей его выпустить. Если въ VALT МАЛО ПОПОЖНЕЙ ВОМЕНЫ, ИЛИ ОСЛИ И ДОВОЛЬНО, ТО 22 ТЕСНОТОЮ одна половина пчелъ ожидаетъ, - иногда оченъ долго, пока другія пчелы выпустять свой медь и имъ уступять свое м'есто; а тъ, потомъ, прилетъвши съ медомъ, опять ожидають своей очереди, что продолжается безпрестанно, и чрезъ это навърное теряется половина рабочаго драгоцівннаго времени, и, слідовательно, половина вноса. Это важное упущение происходить отъ улья, въ какомъ помъщаются пчелы. Вносатьдствін я опину разные улья, теперь же скажу, что вст они бывають двухъ главныхъ родовъ: численые в составные, или такъ сказать одноатажные и многоэтажные. Въ цъльныхъ ульяхъ, каковы малороссійскіе в другіе виъ подобные, бываетъ одинъ только рядъ сотовъ, отъ пяти до девяти, которыхъ, щри изобилін взятка и силъ ичелинаго семейства, очень мало для того, чтобы вся пчела разонъ работала. Чтобы болье убълнъ васъ въ невольной нразаности половины пчель въ самое ваяточное время, я укажу на одно обстоятельство. Когда въ хорошій взяточный день вы войдете въ свою цасику, состоящую изъ цъльныхъ ульевъ, то вы увидите, особливе иъ вечеру, что на всъхъ вашихъ, самыхъ сильныхъ, ульяхъ иоловина пчелы сидить снаружи улья, покрывая толстымъ слоемъ всю его нередиою часть и даже землю вокругь него. Спросите вы пасичника: отчего это? — онъ вамъ отвътитъ: оттого, что пчелъ жарко въ ульъ, и какъ въ это время действительно жаръ бываетъ невыносимый, то вы вполне съ нинъ соглашаетесь. Это действительно происходить частію отъ жара въ ульф, но туть есть еще и другая причина, именно та, что этой пчелъ нечеро дълать въ ульъ. Она прилетъла съ поля полная меду, но въ ульт нетъ еще готовыхъ ячей для положенія его; діланіемъ этихъ ячей занимается часть пчель, остальныя же, которым'ь действительно было бы жарко въ улье, какъ полцыиъ меда, выходять наружу, Чтобы убъдиться въ этомъ, цопробуйте только взять въ руку одну изъ этихъ пчелокъ и подавить ее немножко пальцами: -- она тотчасъ выпустить изо рта большую каплю меду. Еслибы этой ичель было что делать въ улью, то-есть, еслибы

было куда вышустить свой медъ, то она бы не томилась возлѣ ульи, но выпустивъ медъ, нолетъла бы въ поле. Въ составныхъ ульяхъ, а особынво въ техъ, где въ каждой части устроивается особый рядъ сотовъ, какъ въ линесчимить и во стулочных в, гдъ отъ этого образуетсся не девять, не двадцать семь и болье сотовъ, и гдъ поэтому пчель достаточно и пространства и работы, тамъ всякая пчелка ежеминутно имъетъ для себя занятіе, и какъ бы жарко ня было, вы не увидите праздныхъ ичелъ снаружи улья; всв онв ежеминутно работають, а отъ сего въ такить ульять ичелы вносять въ одно и то же время гораздо болъе меду, нежели въ одноэтажныхъ ульяхъ. По самымъ точнымъ и многократнымъ онытамъ оказывалось, что изъ авухъ равносильныхъ ульевъ, одностажнаго и многостажнаго, одниъ вносиль въ день меду четыре фунта, а другой дванадцать. После этого вы согласитесь, что не всегда межно воснользоваться всемъ темъ медомъ, какой моган бы доставить вамъ вами ичелки, еслибы вы дали имъ къ тому всъ средства, и что я нисколько не увеличиль, сказавь, что многіе пчеловоды терлють его на-половину.

Во время самаго сильнаго и окончательнаго медеваго взатка, когда пчелы изо всёхъ силъ трудятся, чтобы наполнить свои ульи для будущаго своего, почти годичнаго, продовольствія, — въ этотъ періодъ, въ концё его или въ средине, пчеловодъ приступаетъ къ нолучению дохода етъ своей пасики, къ сбору меда, употреблая для этого разные способы, которые зависятъ преимущественно отъ устройства ульевъ его пасики. Я не стану говорить здёсь объ отбор'в меда изъ составныхъ ульевъ, а особливо изъ линеечныхъ. Это такъ общирно и ново, что требуетъ особаго, подробнаго изложенія (письмо XI); а теперь я буду говорить только объ отбор'в меду изъ цёльныхъ ульевъ, въ какихъ но преимуществу водятся у насъ пчелы.

Самый нервоначальный и простой способъ полученія меду заключался въ томъ, что по окончаніи взятка, или даже и въ среднить его, подрёзывали въ каждомъ ульт часть сотовъ. Цри этомъ выртывали, конечно, молодую вощину, а въ ульяхъ оставляли старую, и это продолжалось итсколько літть, вслітдствіе чего соты ділались почти неспособными къ выводу пчелъ. Теперь этотъ способъ, какъ певыгодный для хозямна и вредный для пасики, оставленъ почти везді, гді только есть сколько нибудь уже ученые насичники.

Другіе способы полученія меду состоять въ убіенім ніжоторыхъ

пчелиных семействь и въ перегонъ иль въ новые ульи,---что теже составляеть почти убіеніе. Многіє сердобольные пчеловоды, въ особенности иностранные, и нашъ Прокомовичъ, сильне возстають противъ убіенія пчель и нетолько называють этоть способь полученія гохода отъ пасики варварскимъ, но и доказываютъ, что омъ убыточенъ для пчеловодства, что и дъйствительно справедливо. Но волучить сколько нибудь значительный доходъ отъ пасики безъ убіеніл ичелъ, межно только при употреблении составныхъ ульевъ, на что илканъ не решаются наши даже достаточные ичеловоды, изъ страха инимой ихъ дороговизны; а потому убіоніе ичель въ круглоулейныхъ пасткахъ составляеть необходимость. Въ наставленія Пономарева, защитинка ичелоубійства, указано, какихъ ичель убивать и какихъ оставлять въ заводъ, о чемъ и я скажу въпоследстви, говоря о приготовленін пчель къ зимъ. Получаеный этимъ способомъ медъ будеть лучше перегоннаго, потому что въ немъ будеть гораздо менъе червы, но за-то, при употребления его, значительно уменьмается паснка и нътъ возможности имъть запасы модковъ или вощановъ, очень полежних для роевь будущаго года.

Перегонъ пчелъ состоитъ въ томъ, что тв пчелиныя семейства, которыя имвютъ много меду, разумвется старыя не ронвшияся вовсе или изройки, церегоняютъ въ новые ульи, а медъ ихъ получаютъ въ доходъ. Чтобы такія пчелы, называемыя перегонами, могли внестъ себв сколько нибудь меду, то перегоны двлаютъ обыкновенно въ ноловичв взятка. Но редно случается, даже и ири продолжительномъ взяткъ, чтобы онв внесли себв столько меду, чтобы могли перезимовать съ нимъ; а потому, большею частю, по окончания взятка, подкрупваютъ, а небольшия, образованныя ими гнезда, сберегаютъ на медки для будущаго года. Такъ какъ въ ульв, откуда выгнано пчелиное семейство, остается, кромв меда, много червы, которая потомъ смещивается съ медомъ, то, отъ этого, такъ-называемый перегонный медъ бываетъ самый худой, скоро окисаетъ и не годится для корму пчелъ. Но на это не смотрятъ пчеловоды, потому что медъ и хорошій и дурной, сырцомъ, продается тоже по одной цёнъ.

Эти способы полученія дохода отъ пчель употребляють совмістно или раздівльно, смотря по методів пчеловодства, которой держутся пасичники. При натуральной системів бываеть въ насикі больше нероевъ, нежели изройковъ, и какъ первые имінотъ больше педу нежели вторые, то опреділенное количество нероевъ обыкновенно перего-

вяють, а изройкавь подкуривають, разве будеть очень хорошій взятокъ и извойки многомедны, -- тогда и ихъ нерегоняють. При методъ промышленной, гдв въ пасикв почти нетъ нероевъ, опредвленное для дохода количество изройковъ преимущественно подкуривають, нотому что, по малости въ нихъ меду, не выгодно дълать изъ нихъ перегоны. При метедъ смънанной, гдъ въ насъкъ есть и нерои в изрейки, поступають также какъ и при натуральной методъ. Однимъ словомъ, при всякой методъ пчеловодства, перегоняють многомедныхъ, а подкуривають маломедилий. Когда при натуральной методь не желанть уменьшеть первоначальнаго комплекта пастки, то подкуривають или перегоняють столько старыхъ ячей, сколько прибавилось рось, также точно, въ отомъ случав, поступають и при другихъ методать. Всятьдствіе этого сколько-нибудь опредълительный доходъ ножеть быть получаемь только при нромышленной системв, а при другихъ веегда будетъ вполив случайный: больше роевъ --- больше в доходу, а при неройбъ-ням мало, или и вовсе не будеть никакого дохода. Но промышленная метода очень опасна по большому риску, съ нею сопряженному, --- вследствіе чего весьма не многіе ичеловоды різ**маются ей слъдовать. А потому ин одна изъ описанныхъ мною трехъ** системъ ичеловодства, основывающихъ свою доходность исключительно на увеличении числа семействъ пасики, недостаточна для того, чтобы ичеловодство могло сделаться сколько нибудь надежною хозяйственного статьею.

Хоти чрезъ перегоны получается меду менте и худшаго качества, нежели чрезъ подкурку пчелъ, но накъ этимъ способомъ можно имътъ много занасныхъ медковъ и вощанокъ, и иногда нъкоторые перегоны мотуть даже нойти въ зиму, то перегоны предпочитаются убою пчелъ. Если вы имъете запасъ пустыхъ пчелиныхъ гнъздъ, хотя безъ меду, но съ порожнею длиною вощиною, напр. до половины улья, и въ такія вощанки будете нерегонять пчелъ: то, если, послъ перегона пчелы, взятокъ продлится хотя пять, шесть дней, — перегоны ваши успъють внести столько меду, что, безъ сомнънія, пойдутъ въ зіму, и вы даже можете дълать такіе перегоны нъсколькими днями позже, нежели какъ бы сдълали при перегонъ на порожніе ульи. Этотъ способъ полученія меду изъ круглыхъ ульевъ былъ бы самымъ лучшимъ, еслибы можно было вст перегоны сажать на большія вощанки. Но этого достигнуть очень трудно. Хотя тогда значительное количество вощанокъ удастся собрать пчеловоду отъ неудавшихся прошлогоднихъ

перегоновъ, отъ пчелъ умеринкъ за зипу, а также при пересадкъ семействъ весною, вслъдствие различныхъ неблагополучий, о чемъ сказано иною подробно въ письмъ V, но этого всего бываетъ недестаточно, чтобы обезпечитъ себя отъ риска, сопряженнаго съ перегонами.

Пока я не имълъ у себя достаточнаго количества линеечныхъ ульевъ, которыми, какъ я сказалъ выше, рѣшвлъ окончательно вопросъ нолученія значительнаго дохода отъ пасики въ неронстое лѣто,
не уменьшая ся комплекта, я нашелъ одинъ способъ пріобрѣтенія
значительнаго количества длинныхъ вощанокъ, и тѣмъ открылъ новую методу полученія въ доходъ ваъ круглоулейной пасъки значительваго количества меду, не уменьшая ни увеличившагося роями
количества ичелиныхъ семействъ, ни ихъ доброты. Метода эта совершенно новая, някогда неупотреблявшаяся никакимъ пчеловодомъ в
ингдѣ неописанная. Она составляетъ такъ—сказать секретъ моей настки, за который меня благодарили всѣ, кому я сообщалъ его; теперь я намѣренъ описать его здѣсь обстоятельно.

Когда въ періодъ роенія, при естественномъ наи искуственномъ роеніи съ приборовъ, у васъ отронлась, положинъ, половина мастки. а другая половина хотя и сильна, но не приготовляется къ роенію, то эту половину, или лучше сказать, сколько вы найдете такихъ пней, разділите на два сорта: къ первому отнесите тіхъ пчель, у которыхъ при сельной мухв и большой червъ, заносъ вощины до половины улья, или етсколько болте, и вощина не очень старая, однолътняя или двулътняя, а также и посуда хорошая; ко второму же сорту отнесяте пчелъ тоже сильныхъ, но имфющихъ длинный и старый заносъ вощины, и старый улей, т. е. тъ гитада, которыхъ вы не хотите болье держать въ пасикъ, но предполагаете впослъдстви выбить на медъ. Тъхъ и другихъ должно быть поровну. Эти сорты означьте на донышкахъ ульевъ мъломъ; на однихъ напишите 1-й, на другихъ 2-й. Тогда изъ перваго сорта начинайте постепенно брать насильныхъ роевъ съ червы, и непременно замечайте на изройкахъ карандашонъ. Въ этихъ изройкахъ дней чрезъ тринадцать или пятнадцать выйдутъ свищевыя матки, а дней чрезъ двадцать или двадцать три выйдеть и вся черва, какая только была въ нехъ заложена прежнею маткою, --- между-тёмъ-какъ новая, свищевая, матка еще не успъетъ завести новой червы. Этимъ безчервяннымъ состояніемъ гитода нужно воспользоваться для пріобрътенія вощанокъ. Въ это время, то-есть дней чрезъ двадцать или двадцать три отъ взятія насваьныхъ роевъ, сатадуеть выгнать изройки съ матками и посадить въ новые удын, на медки или их навощанки, а ихъ гитада, какъ порожнія и чистыя, спрятать и хранить до употребленія. Такимъ образовъ, взъ отобранныхъ вами ульевъ, обозначенныхъ 1-мъ нумеронь, вы будете имъть двойное количество семействъ пчель, воевъ и раниихъ нерегоновъ и количество превосходныхъ гитадъ, равное половинъ всъхъ, отобрянныхъ вами сильныхъ, но нероившихся ичелъ. Ранніе перегоны, если у нихъ будуть хорошія матки, --- за чемъ, ковечно, следуетъ весьма внимательно следить,--къ осеми, при хорошемъ яринномъ взяткъ, поровняются совершенно съ роями; если-же вътъ, то по-крайней-мъръ дадутъ корошіе медки. Теперь обратимся ко второму сорту. Когда гречинный взатокъ достигнетъ высщей своей степени и вы увидите, что въ ульяхъ этого сорта много уже меду, частію даже печатнаго, тогда вы сделайте нав нихь перегоны и посадите ихъ на тъ гивзда, которыя у васъ хранятея етъ перваго сорта пчель. Изъ перегнанныхъ ульевъ, какъ нероевъ, вы получите много меду, а перегоны, будучи посажены на большія вощанки (гивада), если хорошій взятокъ продлится хотя пять дней, сділаются минеймыми пчелами, нбо пчелъ трудно дълать вощену, а въ готовую она вдвое болъе и скоръе наноситъ меду.

Чтобы -показать явственнъе выгоду этого способа, я объясню его числами. Не говоря о прочихъ ульнув вашей насъки, то есть техъ, которые ромлись натурально или искуственно (но не насильно), и съ которыхъ вы будете получать медъ чрезъ подкурку или перегоны, производимые обыкновенными способоми, --- положими --- у вась осталось 100 пней, неготовившихся къ роенію, но сильныхъ и съ большою червою. Если вы со встин ими поступите по промышленной методъ и со встать возымете насильных роевъ, то вы ихъ будете имть 100, да потомъ перегоните взройковъ и получите, положимъ, 50 пудовъ педу, а съ перегоновъ, сделанныхъ на порожніе ульи, по подкуркъ ихъ, получите, положимъ, штукъ пятьдесятъ самыхъ маленькихъ вощанокъ. Если-же вы поступите по моей методъ, то вы получите сначала 50 насильныхъ роевъ; потомъ, изъ 50-ти раннихъ перегоновъ, тоже нятьдесять пней неуступающихь роямь. Изъ пятидесяти позднихъ перегоновъ вы подучите тоже 50 пней; да такъ, какъ вы перегоняли не изройковъ, а лучшихъ нероевъ, и перегоны дълали нъсколько позже противъ обыкновеннаго, то непремънно вы получите изъ нихъ меду вдвое более противъ изройковъ. Итого, изъ ста пней вы будете имъть: 150 пией хорошихъ линейныхъ пчелъ и 100 нудовъ меду. Сравните-же что вытодиве? Я полагаю, что излишекъ пятидесяти хорошихъ пней пчелы и пятидесяти пудовъ меду, съ избыткомъ вознаграждаетъ недочетъ пятидесяти небольшихъ вощанокъ, которыя, когда нужно будеть, вы можете сдълать и искуственнымъ образомъ. Метода эта составляеть какъ бы средину между промышленною и сибшанною методами пчеловодства. Она уменьшаетъ отважность одной и устраняеть нервшительность другой. Въ случав успъха, она вознаграждаеть вась вдвое; въ случав же крайней неудачи, вы лишаетесь не всего, но только половины. -- Кромъ того, при этой системъ будеть гораздо менье ичелоубійства, а нри хорошихь обстоятельствать, даже вовсе его не будеть, и тольно половива новъ дълается во взяточное время; этимъ выигрывается огромное количество драгоцвинаго времени для ухода за прочими семействани ичель и представляется возможность двлать перегоны акуратнъе, а не такъ какъ это обыкновенно дълается, съ большею торопливостію, причемъ терлются матки и много семействъ чревъ то ногибаетъ.

Не знаю, захочеть ли кто, или съумветь ли, примвинть мою нетоду полученія меду изъ круглоулейной пасики, но какъ обыкновенная метода перегоновъ уже вкоренилась, то я хочу сдълать, въ отношенін ея, собственно одно полезное наставленіе. Большею частію перегониють или нероевь, или ранних изройковъ, т. е. саные сильные пни пчель, въ которыхъ и мухи много, и червы въ изобили. По перегонъ всей мухи въ порожніе малороссійскіе ульи, ея бываеть такъ много (почти половина улья), что только часть ея въ состояни заниматься работою, а остальная сидить праздно; следовательно здесь почти половина мухи совершенно не нужна. Въ старомъ ульт, гдт наполовину червы, меду очень мало, да и тогь, по выбитій, отъ червы бываеть не хорошаго свойства; следовательно ичеловодъ, заставивь муху праздновать въперегонахъ, теряетъ и въ старыхъ ульяхъ. Поэтому я совътую, изъ назначаемыхъ къ перегону сильныхъ ульевъ, вытонять и брать для перегона не всю муху, а только ея половину, или соразмерную часть, а другую половину оставлять въ старомъ ульъ: или лучше сказать, виъсто перегона, взять насильнаго роя. Въ такомъ случав насильный рой сдвлаеть въ новомъ ульв столько же залога, какъ бы сдълалъ и перегонъ; оставленная же въстаромъ ульф

нуха выспанть себ'в свищевую матку, высидить всю черву, и если взятокъ предлятся, зальстъ всю вощину медомъ. Тогда пъсловодъ, по окончанін взятка, подкуривнік изроскъ, нолучить меду болве, самаго чистаго, и безъ червы. Сравните же, что лучше и выгодиве. Въ яриниомъ взятит надобно различать три періода: начало, средину и комецъ. Знать эти періоды крайне необходимо, потому-что въ наждый изъ нихъ производятся свойственныя имъ дъйствія въ насикъ; и если какое либо взъ сихъ дъйствій будеть сдълано не въ надлежащую часть взятка, то оно не удается и причинить потерю. Хотя опытные цасичники узнають нагляднымъ образомъ средену взятка и его уменьшеніе, но все это не точно и слідовательно сопряжено съ потерею нъсмолькихъ дней. Кто хочетъ вести пасику правильнымъ образомъ, и върнъе дълать въ ней всякія операціи съ ичелами, тотъ непремънно долженъ, передъ началомъ взятка, набрать одинь благополучный сильный улей съ ичелами, поставить его на въсы, и каждый день наблюдать ирибавку или уменьшение въ этомъ ульть неду и вее замвчаемое записывать. Изъ сравненія прибыли наи убыли ожого дня съ другинъ, вы будете имъть самое точное понятіе, увеличивается ли взятокъ, остается ли постояннымъ или, наконецъ, уменьшается; при чемъ, комечно, не следуетъ принимать въ расчеть особыхъ случайностей погоды. Сообразно этимъ наблюденіямъ вы можете болье опредвлительно респоряжаться своими дъйствіями въ пасниъ H BUTCT'S C'L TEN'S BLI YGOBJETBODHTE CHOCMY AIRCONISTCTBY, SHRTS, CKOJSKO вань улей мюсить вь день меду и будете имъть возможность дълать заключение о хорошемъ или худомъ взяткъ одного лъта сравнительно съ другимъ. Это весьма нетрудное средство можеть предохранить вашу пасику въ неблагонолучное лето отъ техъ бедствій, которымъ вы легко можете ее подвергнуть, следя, по обыкновению наглядно, за успехами ся двиствій.

Сообразно тремъ частянъ періода яриннаго взятка, должны производиться въ насикъ слъдующія занятія:

При началь взятка: 1—е. Пересозка пасики. Въ началь этого письма я говориль о томъ, какъ драгоценно для ичеловодства взяточное время и какъ его теряютъ, когда пасика находится въ далекомъ разстояни отъ гречихи. Поэтому, едва начнутъ цвести гречихи, следуетъ непременно вывозить пасику въ средину ея. Но прежде перевозки следуетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и поотбирать всёхъ тёхъ насильныхъ роевъ, которыхъ вы, по-соображенію

вашему, предположили взять. Такъ-какъ въ это время насика бываеть очень сильна, улья нолновъсны, а время жаркое, то при перевозкъ пасики, производящейся обыкновенно въ ночное время. бульте очень вимиательны, соблюдайте разныя объ этомъ наставления, и какъ тутъ отъ несоблюденія чего-либо можеть произойти потеря, то лучие поисутствуйте сами при са укладкъ, перевозкъ в поставкъ на новомъ мъстъ. Въ-особенности наблюдайте следующія правида: чтобы вы успран поставить на новомъ мрстр всю пасику до солнечняго восхода, чтобы пчела не кусала людей и дошалей и чтобы облеть пчелы на новомъ мъстъ быль въ самую тяхую погоду; а еще лучие, если вы изберете для сего пасмурный день. Перевезя пасику въ гречиху, гав находится также ивсколько другихь пасикъ, нужно становиться такимъ образомъ, чтобы ни вама пчела не имъла кола чрезъ другую пасику, ни чужая пчела чрезъ вашу; для избъжанія чего ставьте вашу пасику по одной линін съ другими, а всего лучше если можно на самое дальнее отъ нихъ, не менъе версты, разстояне. Иначе, ставия подъ перелеть чужой пасики, ваша пчела будеть въ ней оставаться: ослижь чрезъ ваму пасику будеть итти чужая пчела, а особливо большей наснии, то хоть сначала она и усилить ваму пасику, но съ пропрашеніемъ взятка нанадеть на вашу и заставить вась обжать.

2. Уравненіе пасики. При всемъ предвидіній будущаго тихаго дня, иногда пчеловодъ обманывается: при ноставкъ цасики на новомъ ивств падымается ввтеръ и тогда совершенно намвияется ся внутреннее состояніе; иные ряды пней ослабьють, а на другіе будеть налеть мухи. Если вы это такъ и оставите, то пасика ваща жестоко пострадаеть: ослабъвніе пни или совершенно погибнуть, или не принесуть никакой нользы, а потому необходимо на другой же день заняться приведеніемъ ея въ прежній видъ. Но въ этотъ періодъ сабдуетъ производить уравненіе пчелы не тыпи способани, какъ въ первый или второй періодъ состоянія пастки, о которыхъ я говориль прежде, т. е. прибавкою мухи изъ другихъ ульевъ или пересадкою пчелъ одитхъ аругихъ, что было бы очень медление и крайне затруднительно, но всего лучие и удобите дтлать это перестановкою ульевь слабыхъ на мъсто сильныхъ, а сихъ послъднихъ на мъсто слабыхъ; причемъ наъ предосторожности побрать у слабыхъ ульевъ матокъ въ клеточки. Этотъ способъ усиленія пчель почти исключительно долженъ быть употребляемъ въ этотъ періодъ, потому что пчелы, почувствовавъ хорошій взятокъ, не такъ бывають строги и враждебны къ пчеламъ другаго семейства и легко ихъ къ себ' принимаютъ, а эти легко привыкаютъ къ чужой маткъ и не стараются ее уничтожить.

- 3. *Исправление безматковъ*. Въ этотъ періодъ, въ отношенін благонолучія ичелиныхъ семействъ, нужно неупустительно наблюдать все то, что было сказано прежде объ этомъ предметъ.
- 4. Посадка роевъ. Не во всякой мъстности роеніе ичель оканчивается до яриннаго взятка; большею частію оно и въ это время промажается, а въ иныхъ пасъкахъ только начинается. Въ той мъстности. гат существуеть большой промежутокъ между весеннимъ и яриннымъ взяткомъ, при недостаткъ кормоваго меду, даже лучше если пчела роится незадолго до начала яриннаго взятка: тогда не будетъ надобности долго кормить роевъ. Но такіе рои, а особливо выходящіе или отбираемые во время взятка, должны быть какъ можно сильнее, фунтовъ по мести мухи; если же они выходятъ маленькіе, то соединять ихъ вибств понвскольку, помня правило, что одинъ сильный рой внесеть гораздо больше меду, нежели два маленькіе, которые потомъ, по слабости, придется уничтожить оба. — Если вы по какимъ либо обстоятельствамъ, или по ошибкъ, --- что обываетъ очень часто, --- не взяли прежде достаточнаго количества насильныхъ роевъ, а натуральныхъ вышло очень мало, да и теперь, несмотря на наступившій хорошій взятокъ, пчела ваша не думаетъ ронться, ---что при хорошемъ взяткъ большею частію и бываеть, -- я сов'тую, вм'єсто общепринятаго, въ такихъ случаяхъ, перегона или убіенія пчель, для полученія отъ нихъ дохода, прибъгнуть къ способу описанному мною выше, т. е. взять, въ началъ яриннаго взятка, у сильныхъ нероившихся пчелъ, насиль ные рои, а изройковъ, по окончаніи взятка, обратить въ доходъ.

Въ срединъ взятка главное занятіе въ пасикъ составляетъ перелонь пчель. У тъхъ пчеловодовъ, которые, для полученія отъ своей
пасики меду, слъдуютъ общепринятой методъ перегоновъ, занятіе это
имъетъ самый варварскій характеръ: пчелъ жестоко мучатъ, въ на—
деждъ получить отъ нихъ большой доходъ, но въ дъйствительности
получаютъ весьма немного и, въ большей части случаевъ, губятъ
почти всъхъ перегоняемыхъ пчелъ. При употребленіи описаннаго мною
выше двойнаго способа перегона пчелъ, употребляемые при этомъ
пчеловодомъ труды и причиняемое пчеламъ безпокойство останутся
тъже, но раціональныя основанія способа дадутъ совершенно иной характеръ этому занятію и будутъ всегда причиною выгодныхъ для хозяина и благонолучныхъ для пчелъ результатовъ. Какъ во время роенія,

такъ и во время перегоновъ, къ пасичнику прибавляются необходиные рабочіе люди.

Въ концъ взятка, кромъ обыкновеннаго надзора за благополучіемъ пчелиныхъ семействъ и предохраненія пасики отъ нападенія пчель, почти не предстоитъ въ ней никакихъ особенныхъ занятій.

Время хорошаго роенія пріятно для пчеловода; онъ радуется каждодневному увеличенію своей пасики; но время хорощаго взятка еще
пріятнъе. Тутъ онъ видитъ удачу встать своихъ дъйствій и осуществление
встать своихъ надеждъ. Ульи его ежедневно болье и болье наполняются
медомъ, онъ любуется ими, а потомъ, когда набиваютъ бочки медомъ,
получаетъ богатую награду за свои труды. Этотъ періодъ нчеловодства,
самый пріятный во всякой пасикъ, въ особенности восхитителенъ въ
пасикъ состоящей изъ линеечныхъ ульевъ, гдъ, раскрывши втулки,
можете ежедневно видъть возрастающую прибыль меда и восхищаться
различными тамиственными работами пчелъ.

Я. Костенецкій.

О ПРВДАНІЯХЪ ВЪ ДРВВНЕЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ.

Автописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лътописи весьма рано являются, какъ на югъ, такъ и на съверъ Россіи, первоначально въ видъ краткихъ заиътокъ, впослъдствіи въ видъ пространной повъсти временныхъ лътъ. Древнъйшая лътописная повъсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лътописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цълое, необходимо разсмотръть самыя части, изъ которыхъ составлена лътопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотръніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лътописи, какъ и вообще древней русской словесности, библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю літопись не подлежить сомижню; оно выразилось и въ целомъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе явтописца, его взглядь на событія, тонь повъствованія и даже отдъльныя выраженія напоминають библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лътописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода новзін; явленіямъ, установленнымъ природою и потому неизбъжнымъ, дается въ апокрифахъ объяснение, нечуждое поэтического колорита. Апокрифическое сказание о смерти Авеля взображаетъ впечатленіе, произведенное первою смертью на земле, на которой не имъли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ н Ева были поражены новымъ для нихъ эрълищемъ трупа и не знали, что делать съ нимъ, пока не прилетели птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ летописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лътъ, и не сгимло тъло его, и не умъли похоронить его; и повельніемъ Божіниъ прилетьло два итенца, -- одинъ изъ нихъ умеръ, другой выконалъ яму, положилъ въ

нее умершаго и похорониль его: увидъвши это, Адамъ в Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По
естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходять въ
могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлекшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ
лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ» сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворнять небо и землю. Взявши оговъ,
Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный
идолоцоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ
ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъто поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата
Авраамова, сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ (¹).

Поэтическій элементь въ древней літописи является въ ней съ одной стороны подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византін, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни — върованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народъ во времена древнихъ лътописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имъли вліяніе на нашу лътопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лътописи, то есть многія извъстія и разсказы заимствованы нашими лътописцами изъ сочиненій византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничивансь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникъ Амартола в другихъ, при повъствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго. разсказывается о счастливой жизни Вражмановь, которые «не знаютъ ни желъза, ни золота, ни серебра, ни огна, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою. Женщины живутъ у нихъ на одной сторонъ ръки, текущей въ океанъ, а мужчины---на другой. Въ ръкъ обитаетъ страшный авърь, пожирающій вдругь по цълому киту. и дълаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звърь изъ ръки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ел наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоявной молитвъ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманській великдень» и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живуть люди Рахмане. Они

⁽¹⁾ Полное собраніе русских вітописей, І, стр. 38 и 39.

счастивъжно между людьми; сильно ностятся, только разъ въ голу ждетъ мясо, на «великдень», а праздинкъ «великдень Рахманській» приходится тогда, когда скорлуна благословеного янцо отъ насъ до нихъ перевлыветъ по морю. Paxмане суть не что иное, какъ Bpaжманы, то есть брамины, съ которыни наши предки знакомы были въъ Александрів, или баснословной исторіи объ Александръ Македонскемъ (1). «Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя сведнев вковой повъсти, соединяется преданіе о чудномъ и стращиомъ народъ, въ которомъ предки наши видъли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народъ ходили легенды и въ Западной Европъ; на средневъковыхъ картахъ обозначалась страна, гдъ все ужаснъе, нежели можно себъ представить, гдъ постоянно невыносимый холодь, а люди до того жестоки, что тдять мясо человтческое и пьють человтческую кровь. Жители страны —потомки Канна. Они заключены въ своихъ предълахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясение и, витсто прежиную равнинь, явились горы, заключившія на въки отверженный народъ (2). Русскій льтописецъ, говоря объ ужасномъ народъ (3), приводить свидътельство Месодія Патарскаго. Византійскій писатель, Менодій Патарскій разсказываеть, что Александръ Македонскій видвав въ такъ-называемой «Солнечной Странв» нечистое влемя, которое ъстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змъй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычании, собраль встур ихъ, и женъ, и детей, и весь родъ ихъ, н изгналь ихъ съ востока на стверъ. И нътъ имъ выхода отъ востока де запада, потому что Богъ, по молитет Александра Македонскаго, вельяь двумь горамь, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другь къ другу на двънадцать локтей и образовать мъдныя ворота, они нокрыты асинхитомъ, --составомъ, который не боится ни огня, на мелька. Только въ последние дни выйдутъ изъ странъ съверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ (4).

⁽¹⁾ Буславва, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. І, стр. 121. Въ съверныхъ увадахъ Черниговской губ., слово—рахманний употребляется въ смыслъ—кроткій, тихій, ласковый: рахманна дитина, рахманнай кінь.

⁽³⁾ Santarem: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

^(°) Полное собраніе руссимхъ літописей. І, стр. 99 и 189.

⁽⁴⁾ Monumenta S. Petrum orthodoxographa. Basileae. 1369, crp. 94 - 95 m 104 - 105.

Съ сказаніемъ Месодія Патарскаго нахедится въ скази цълній рядъ сказаній о посліднихъ дляхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и новість о снахъ Мамера, ожидающая надателя и объяснителя. Передадниъ содержаніе этой повісти, имівшей большой интересъ для нашихъ предковъ. Въ ніжоторомъ царствіжнять царь Мамеръ. Онъ виділь двінадцать страшныхъ сновъ и не находиль человічка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконенъ нашелся мудрый мужъ, успоконящій встревоженнаго царя увіреніємъ, что сны относятся не къ нему и им къ его царству, а что все это сбудется въ посліднія времена.

Первый сонв. Отъ вемли до неба волотой столбъ, а на столбъ голубь; столбъ разрушился, голубь улетълъ въ небо, а на его изсто епустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звъри дикіе, ехидны и эмін. — Это значить, придуть времена злыя и година лютия, отъ востока и до запада зда много исполнится, будеть матежь по всей вемль. не будеть правды и мысли доброй, люди другь другу будуть враги и прольется кровь человеческая; отець возстанеть на сына, судья на судью и состав на состав. И не будеть добра въ людяхъ: языконъ будутъ говорить добро, а на сердце мыслить алое. Сама природа изміннть обычай свой: літо и осень переступять възину, зниа впадетъ въ весну, среди лета будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотять съять и не узнають времени, иного посъють и мало пожнуть. Земля не дасть плода ради лиховиства человъческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, стануть судить по корысти, богатаго оправдають, бъдняка обринять. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (изду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонв. Съ небеси сырое брюховище висить, а съ земли псы лають, а щенята брешуть.—Это значить, когда придеть то злое время, исчезнеть родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствъ стануть присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонт. Три котла висять надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ на одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска. — Это значитъ, что въ

последнія времена бедняки будуть жить между богачами; богачи будуть посещать другь друга и угощать роскошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветь и не накормить.

Четвертый сонт. Видъль старую кобылу, а жеребята играють и лижуть кобылу. — Это значить, матери приведуть своихь дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ гръху, и въ семь лъть не найдется ни одной чистой дъвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежить на гноищи, а въ чревъ са брешуть щенята. — Это значить, въ то злое время отцы стануть учить дътей своихъ доброму разуму, а дъти ихъ не послушають, укорять отцовъ глупостью, скажуть: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Инестой сонз. Видълъ страхъ великій и содрогнулся: видълъ иножество верблюдовъ и дикихъ звърей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ. —Дикіе звъри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые — лжещи и клеветники, хромые — значитъ уклоняющеся на злыя дъла, скрежещутъ зубами — значитъ събдаютъ злыми дълами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою — льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ — какъ бъсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья — искореняютъ добрыя мысли. Огоньнстребитель — гиъвъ Господа, который, не терия злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонь. Іерен, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылъзти. — Это вначить, что іереи иткоторые начнутъ жить нечисто; ради изды и страха будутъ прощать гръхи, не подвергая согръшив— шихъ эпитиміи.

Восьмой сонь. Много людей проливають молоко и потомъ собярають его. — Это значить, въ послъднія времена люди стануть давать милостыню убогимъ и потомъ захотять взять ее назадъ.

Девятый сонт. Красивый конь тетъ траву двумя горлами: переднить и заднимъ. — Значитъ: князья и судья, и стартишины начнутъ судить не по правдъ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонв. По всей вселенной разсыпано много драгоцінных в

камней, и пришли разсыпавніе и ничего не могли найти. — Значить: нападеть на богачей великій страхь, они стануть отдавать инвые свое друзьямь и состаниь на сохраненіе, и въ скоромь времени нотребують навадь и не найдуть того, что отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатьній сонт. Виділь гору высокую и на ней камень самоцвітный, гора разсілась и камень погибъ. — Значить: одно иравовірное царство отпадеть оть віры и разділится на дві доли, и Божія правда не воспомянется въ то время.

Депнадцатый сонв. Скажи мив, брать философь, посль всыхь бъдъ какое будетъ скончание царствамъ и землямъ? Философъ отвъчаетъ: въ прежнія лета, пророкъ Гедеонъ изгналь въ пустыню восемь племень; они выйдуть въ последние дин (ср. летоп. чеда исъче Гедеонъ, восемь ихъ обжа въ пустыню... по сихъ восьми колітнъ къ кончині вітка изыдуть заклепеніи Александровь Македонскимъ»), и попатиять всю землю, и дойдуть до Рима великаго, и будетъ съча здая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плънъ и запустъніе. Тогда мужья начнуть одъваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нъсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и тойже женщины.... И предана будеть земля Перская во тыму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустветь, и владыки греческіе въ бъгство и въ плъненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтъ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всъ человъки въ погибель и илънъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся (1).

^{(&#}x27;) Некоторые ученые предполагають связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повъстей сборинка, извъстнаго подъ именемъ «Калила и Дамна» и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержание показываетъ, что между ними нътъ ни мальйшаго сходства. Въ десятой кингъ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видель восемь сновъ, которые брамины хотьли растолковать въ свою пользу: увъряли царя, что сны предвъщають бълу, и оть нея можно набавиться только казнью нъкоторыхъ лицъ. заклятыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложение, а болфе добросовістный мудрець объявиль, что сны означають дары, которые Биладь получить оть другихъ царей, а именно: двъ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ - два короба съ перлами и драгоцінностями; ціна миъ четыре тысячи фунтовъ золота. Зміря, выющаяся на лівой ногів — мечь нав чистівняваго жельза, которому нътъ подобнаго. Кровь, покрывающая тыю - драгоцвиная пурпуровая одежда, свътящаяся въ темнотъ. Царь стоитъ на бълой горъ-звачитъ, царь получитъ въ даръ бълаго слона, который быстрве лошади, # T. D.

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочинемісить Месодія Патарскаго. Слово Месодія «о царстві языкъ», то есть о посліднихъ дняхъ міра, дійствовало на воображенье нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изънего, можно полагать, что оно было однинъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ роді.

Другаго рода преданія перешли въ літопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человіжа, о добромъ и зломъ началі, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнітьное свидітельство літописи — самыя преданія, составляющія ем народный элементъ, и укажемъ соотвітствующія имъ преданія, съ одной стороны — скандинавскія, съ другой — славянскія, и въ частности южнорусскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слідовъ космогоническихъ понятій въ разсказть о волувахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемаго людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда провстекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что весь народъ—«людье вем»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвоРеніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волховъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди (¹).

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народъ, на югъ и на съверъ, основывается на въръ въ двъ первобытныя силы, источники добра

⁽¹⁾ Разсужденіе о сресяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и приміч. 12.

н зла (1). Земля, говорить это преданіе, въ началь была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю (будтобы) послаль діавола достать горсть зомян со дна моря и вельять сказать доставая: во имя Отна и Сына и Святаго Луха. Діаволь взяль въ руку земли, но не сказаль ни слова, и зато, когда выплыль, въ рукт его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли утанлъ, спрятавши себъ въ ротъ. Богъ носыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовать три части света. Вместе съ темъ начала расти земля и во рту у бъса, причиняя ему ужаситишую боль. Наконецъ Богъ разръшилъ бъсовы уста: діаволь плюнуль на всь стороны, и изъ выплюнутой иго рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мъста. Сотворивъ тъло человъка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, нриставиль къ нему стража, а самъ пошель примести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, дьяволь хотьль разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дъйствовали на приставленнаго стража. Діяволь подошолъ и оплеваль тело человека; отсюда болезии, страданія, гръхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложиль душу, но не хотълъ передълывать тъла, ибо увидълъ, что и страдания необходимы человъку (2).

Приведенное преданіе мавітстно на сівері Россіи, у Псковичей;

⁽³⁾ Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. i hand, 2 heft. 1858.

⁽¹⁾ Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человока, отзывающілся еретичествому Манижейскиму и Павликіанскиму, — по своему сходству су подобными легендами у других народовь,-показывають весьма древнев свое происхожденів. Безь-сомнинія, они зашли сь Востока, гди существовало пельпов понятів о равносильности двужь, дыйствующихь въ міры, началь добра и зла. Нельзя, впрочемь, не замитить, чио Русскій православный народь, подъ вліянівмь святых истинь ветхозавьтнаго и новозавьтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вырованія въ два равносильныя начала: добра и гла. По его же (народа) предемпелению, просеттленному учением селтой Библии, дівсоль есть злой духь, надь пердынею котораго посмпвается и торжествуеть всемогущество, _ мудрость и благость Господня, разрушая вст козни сатанинскія. Познанів народных легендъ и ихъ нельпостей интересно и важно для уразужњий тья путей, коими шель родь человыческій, пока свыть Божественнаго Открованія не озариль вспит язычниковь. Сь этой только цилію жы и осмилились привести здись вышеозначенных легенды и надинежся, что добрые и благонамъренные изыскатели старины, въ своихъ изслъдованілхъ, раскроють всю няв тщету.

подобиме же разсказы о сотверении міра и челов'яка слышатся и на югь. Въ прим'яръ можно привести слудующія опосидкі:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити світь, то и говорить до найстаршаго ангела Сатананла: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити світь». «Да ходимо, Боже» каже Сатананав. Ото вони и віным надъ море, а море таке темне-темне, —сказано —безодня. Ото Богъ и каже до Сатананла: «бачень», каже, «оттую безодню?»---«Бачу, Боже». — «Идижъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будещь брати, то скажи про себе: «беру тебе, земле, на имя Госполне». — «Лобре. Боже». -- И впернувъ Сатанаваъ у самую безодню, надъ самий нісокъ, та й зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имянехай буде разомъ и твое и мее». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ-сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и намивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ неъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змыма. «Не хитри, Сатанавле», каже Господь: «иди анова та не притотуй свого имя»! Пишовъ знову Сатананлъ! знову иримовляе: «беру тебе, земле, на имя Госнедие и свое», и энову піску ме ставо. Ажь за третімь разомъ сказавь уже Сатананль: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та й не стискае жиені, такъ и несе на долоні щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісъ до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсівае, а Сатананлъ давай облизовати руку: «хочь трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ: «А що». каже, «Сатананле, нема більше піску?»— «А нема, Боже».— «То тря благословити» каже Господь, та й благословивъ землю на вси чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ ровреслася, що й губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанавле»: той зачавъ плювати та харкати; и де винъ илювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ ресди, -- а то Петро та Павло якъ закляль ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и кажедо Сатананда: «течеръ», каже, «тілько бъ посвятити землю, але

нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо». — «А добре, Боже», каже Сатананлъ. И лягли вони спочивати. Господь почивал, а Сатананлъ и думае, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ — и тамъ не видати. Побивався на вси чотирі часті світа — нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіє, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нёго лягае. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Беже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатананле, земля моя святива: освятивъ я ії сем ночи на всі чотирі боки». — Чоловіка, кажуть, выліпивъ Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую пестать...., и т. д. (1).

Не только въ создани человъка и вселенной, но и въ происхождени всъхъ условій жизни человъка, всей обстанован ея, природной и искуственной, участвовали двъ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побъдою Бога и добра надъ злемъ и дьяволомъ. Дьяволь—тьма, Богъ—свътъ, говорятъ въжноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалиться передъ Богомъ своімъ розумень да й построівъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідуе,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тілько щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тілько віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нъкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народъ, представляють повъсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встръчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама» — апокрифическое произведеніе слъдующаго содержанія:

Богъ создалъ человъка изъ восьми частей: отъ земли тъло, отъ камени кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли; отъ свъта свътъ (?), отъ вътра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человъка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиною. Воротивнись Богъ омылъ человъка егоже слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ помелъ за думею Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отеутствія, са-

⁽¹⁾ Слышано въ селъ Хомутинцахъ, на Подоли, въ Виницкомъ новътъ.

тана взялъ дерево, изранилъ инъ всего Адама и тъпъ сотворилъ въ неиъ семъдесятъ два недуга. По возвращени Вога, сатана оправдавался передъ иниъ тъмъ, что чъмъ болъе недуговъ у человъка, тъмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дъявола, и онъ исчезъ, какъ тъма исчезаетъ предъ свътомъ. Ангеламъ же повелълъ взять а на востокъ, д—на занадъ, м—на югъ, ъ—на съверъ, и далъ человъку дуну живу.

Образование человъка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгъ. Подобныя же космогоническія понятія встрічаются и въ литературахъ западной Европы, пренмущественно средневіковыхъ. Въ числів рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV въка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всіє существа, Господь создалъ человітка изъ восьми силъ: первая—земля, вторая—море, третья—солице, четвертая—облака небесныя, пятая—вітеръ, шестая — камии, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрита всего очевидиве изътого, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свъта. Это объисилется названіемъ странъ свъта на греческомъ язынь. Еще въ первые въка христіанства Греки замътили, придавая своему замъчанію таниственный смыслъ, что имя Адам заключаетъ въ себъ первыя буквы четырехъ странъ свъта: А—аматоду востонъ, добос западъ, а—аратос — съверъ, и—исопивром югъ, полдень.

По мусульманскому преданью, также съ четырехъ краевъ свъта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тъле человъка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человъка сотворена за тысячу лътъ до тъла, и когда Богъ велълъ ей войти въ тъло, она не охотно покидала безконечныя, полныя съта, небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяещься въ тъло, такъ противъ воли своей ты и разлучищься съ нимъ (). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела принести земли для сотворенія человъка, ангелъ долго не хотълъ выносить ее со дна морскаго, потому что ему становилосъ больно, что будетъ на свътъ такое несчастное созданіе, какъ человъкъ (2).

⁽⁴⁾ Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845. crp. 12 m c.rhg.

⁽³⁾ Г. Патриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замівчаєть: «наша байка за початокъ земли подібна до байки рigitized by

Народныя преданія въ лътописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югъ столь всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица—Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное вопервыхъ на томъ, что она дъйствовала въ духъ народа; по крайней мере изъ летописи видно, что она разделяла народныя антипатія; во-вторыхъ на томъ, что ея предмественникъ уступаль ей въ умънък дадить съ народомъ, а ея преемникъ быль врагомъ въры, усвоенной последующими поколеніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Подянамъ идемя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Подянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненыя съ личностію ея мужа. разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, название волка въ овечьемъ стадъ. Ольга приняла въру, впоследствии сделавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побъдъ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителяхъ христіантсва отличаются мягностью въ изображения своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпъние въ борьбъ съ невърными; принятие Ольгою христинства содъйство-BALO TOMY, 4TO BE CHASAHIANE OHA ABLASTCA BE COATS MARKOME CETтъ, нежели бы можно ожидать, судя но жестокой мести древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ея сына, разумная и честная вдова н. притомъ, христіанка, имъла для воображевія христіанскаго потомства болье привлекательности, нежели сынь ея Святославь, оскорблавшій мать, не смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, выши конское мясо и глумивнийся надъ святою върою. Честное вдовство высоко цънилось «лучшими людьми» древией Руси, какъ можне судить и по нисьменнымъ намятникамъ и по произведеннямъ устней словесности. На второй бракъ смотръли невыгодно по вліянію его на судьбу детей отъ нерваго брака, и Ольгу славили книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолетнымъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, унодобяся «гординъ единомужней». «Честная вдова» --- обычное выражение и одинь изъ любимыхъ типовъ нашей народной поезіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обу-

турецької за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь заїтівъ сотворити чоловіка, то посылавъ відъ воду за землею аркангола Урішла, и архангель два рази не котівъ виносити земли, бо ёну було жалко, що буле на світі тако почасно творіно якъ чоловікъ».

здываеть буйные порывы сына: въ этомъ отношенів, преданіе объ Ольгії и сыні ел, Святославі, напоминаеть отчасти былины о Васвый Буслаеві и его «желанной матумкі, честной вдові Мамельої Тимоосевні». Святославь не внималь разумному голосу матери, издівался надъ ел единовірцами и «твориль норовы поганскіе»; но, не смотря на то, не оставляль матери до ен смерти, пребываль съ нею въ любви и плакаль надъ ел могилою. Таже смісь, хотя и въ боліс яркихь чертахь, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдові замічается и въ Васильів Буслаеві. Опъ обращается къ матери съ такими словами:

> Ты старушка лукавая, Лукавая старушка толковая, Ежели бъ ты зашла впереди меня, То не спустилъ бы тебъ государинъ-матушкъ, Убилъ бы замъсто мужика новгородскаго.

Не слушаеть онъ совътовъ матери, незванымъ идеть на почестной имръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословение материнское и купается нагимъ тъломъ въ lорданъ-ръкъ. Не смотря на все это, къ матери-вдовъ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметь—рука прочь; за ногу возъметъ—нога прочь; двухъ-трехъ вмъстъ столкнетъ — безъ души лежатъ»; просятъ мать уговорить его «хоть бы оставилъ народу на съмена». Недоступный ничьимъ увъщаньямъ, прогоняющій всъхъ словами: «у насъ дъло дъется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» (1).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутаго волокиту Цимискія, который, видя ее «добру лицемъ ѝ разумомъ украшенну и
въ премудрости довольну», котълъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рёчи
отвъчала въ строгомъ, наставительномъ тонъ. Легенда прославляетъ
также цъломудріе Ольги при первой встречи ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лътописяхъ позднъймей редакціи, говоритъ, что
однажды молодой Игорь утьшался ловитвами, и, замътивъ на той
сторонъ ръки желанный ловъ, а на ръкъ пловца, призвалъ пловца

⁽¹⁾ Пъсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. 1861. часть І, отр. 385—336,

къ берегу и сълъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорълся желаніемъ, и «очи лакомъ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувив въ чемъ дъло, пресъкла бесъду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолъть меня: я кота и молода и простой обычай имъю, но все таки понимаю, что ты хочень поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина ръчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невъсть собрали дъвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» (1).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ кроткомъ, назидательномъ видъ. Ольга «переклюкала» не только Игоря и Цимискія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банъ, пожаръ отъ птицъ, напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримъръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніаль-одна изъ самыхъ замъчательныхъ по разнообразію в обрисовив характеровъ. Содержание ея следующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердъ, первой красавицъ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между ею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велить убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаеть сыновей своих къ мщенію; но Гуннаръ и Ніаль живуть по прежнему въ дружбъ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда вовлекаеть кроткаго мужа и въ другіе споры, и дотого раздражаеть его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнъйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выбадъ со двора, конь споткнулся и Гуннаръ рѣшается остаться, не смотря на всю опасность своего положенія. Враги окружають домъ его, убивають втрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совъту матери, пускаетъ обратио стрълою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ просить у жены изскольких изъ ся длинных волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказываеть, говоря: это тебъ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память

Digitized by Google

⁽⁴⁾ Кимга степенная. 1775. часть I, стр. 7-9, 16-17.

его пъсни, а сынъ Ніала приняль на себя мщеніе за его смерть. Также печальна была и судьба Ніала. Посль долгихъ странствованій и приключеній Ніаль погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлатали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи метить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На тоже предложеніе, жена Ніала отвъчала: «въ молодости я полюбила Ніала и объщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережитъ Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стиръ-конца X и пачала XI стольтія. Вотъ въ нъсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина быль въ Норвегін для покупки строеваго ліса. Ярлъ предложилъ ему выбрать себт что-либо изъ его драгопънностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ объщалъ ее выдать, если онь съ братомъ проложатъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камин, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между темъ, Стиръ выстроилъ въ земле баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложиль берсеркамь, усталымь отъ работы, идти въ баню, жарко натопиль ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотвли спастись, одному удалось выскочить, но его убиль Стирь; другой сожжень въ бант (1).

Последняя месть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велела привязатъ къ нимъ зажженный трутъ съ серою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Анниба лу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землё около двухъ ты сячъ быковъ и велель привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и

⁽⁴⁾ Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums.... von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. crp. 26-30; 37-44.

зажгли привязанный къ роганъ хворостъ; близость огня, жаръ, а петомъ и боль, приведи быковъ въ бъщенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ явиженія произвели въ римскомъ войскъ ужасъ и нелоумъніе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олава святаго, взялъ одинъ городъ въ Сицилів. Сага говорить, что Гаральдъ велель ловить птицъ, имевшихъ гиезда въ стънахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птипамъ вельдъ привязать хворосту съ строю и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетым въ гибзда, свитыя между стрнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пъсняхъ. «Мы видъли» — говоритъ онъ въ пъсни-«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ корабле; зашумъла буря, взволновалось море и грузный корабль наполнился водою-иы вычерпали ее и спаслися. Я надъялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конъ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мётко бросаю конье, умёю владёть весломъ, но русская красавица меня презираетъ (1)!»

У славянскихъ народовъ не встръчается, сколько инт извъстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слъды, что разсказъ о въятіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числъ старочешскихъ собственныхъ именъ попадается имя Ольги витстъ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между чешскими именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одинадцатомъ, двънадцатомъ и отчасти тринадцатомъ въкъ, встръчаются слъдующія: Баба, Дъва, Мила, Ольга, Слава, и т. д. (2). Въ хроникъ

⁽¹⁾ Исторія Карамзина, ІІ, приміч. 41.—Изслівдованія, замічанія и лекція, Погодина. ІІІ, стр. 104, прим. 180.

⁽³⁾ Czasopis czeskeho museum. 1832, swazek prwní. Popis staroczeskych osobnich a krzestných gmen od Palackého.—Dobrowsky, Geschichte der böhmischen sprache und älteren literatur. Prag. 1818. crp. 91—92; das necrologium des klosters Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:.. Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Cp. Dějiny rzecz literatury czeskoslovenské, sepsal Szembera. 1859. I, crp. 88 m. ap.

Далинала, начала XIV въна, въ томъ мъсте, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей летониси; вмъсто Коростена—Кіевъ, вмъсто Ольги—татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смъщиваются эпохи Владиміра и татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двъсти тридцать втораго года примли Татары, раздълившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... tateří vznidů, i třmi prameny pojidu; iako po svéi zemi jdiechů, neb zpytáci ie vediechu. v Rusiéch Kyieva dobychu... (1)

Въ рукописи ХУ въка послъдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu; gedny w Russech Kygowa welikeho holuby dobychu.

Русскій Кієвъ называется великиме въ отличіе отъ другаго, малаго, Кієва въ Моравін.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверовостокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцевъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи промаводятъ отъ скандинавскихъ корней (²). Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замъчательнъйшихъ народныхъ преданій, сохраненныхъ

⁽¹⁾ Dalimilova chronica Çeská, od Váceslava Hanky. 1851, crp. 138.

^(*) Погодина, изследованія, замечанія и лекцін. Томъ III. Норманскій періодъ.—Буслаева, историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сёверная жизнь (I, 267—268) и др.—Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum, edidit Miklosih. 1860 І. Миклошичь считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глебъ, аамечая, что Блудъ встречается между старочешскими именами, а место Глибовъ есть въ Гланція; Лютъ, Диръ, Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Претичь отъ fretr и славянскаго суффикса мчо; ирозвище «волчій хвость»—славянскій переводъ скандишающаго имени, и т. п.

лътописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидътельства. Преданіе объ Олегь, и по мысли, и по подробностямъ, извъстно и на югь, и на съверъ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ міръ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человъку не избъжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человъкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнъ безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примъры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый нанъ-гласить польская клехла-жиль надъ Вислою, всъ окна обращены были на ръку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рішался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звёздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слъдовали болъзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалиль-было къ бълому двору, но разсерженный панъ взглянулъ на него, пловецъ упалъ замертво, забольть лютой бользнью и долго не могь оправиться; разсказами своими, онъ еще болте запугалъ пловцовъ: плывя по Вислт, не сміли взглянуть на бітлый дворъ и втайні творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время выоги, панъ, отвыкшій отъ человъческаго голоса, изумленъ былъ прітадомъ семьи, спасавшейся отъ стан волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великольшно, заросшая трава измята повзжанами. Но потомъ опять опустъль домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложъ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ ръшился положить имъ предълъ-выколоть себъ глаза. Раздалось два крика-новорожденнаго, впервые увидъвшаго свътъ, и пана, видъвшаго его въ послъдній разъ: зловъщіе глаза упали на-земь съ окровавленнымъ ножемъ. Върный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемънилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гуино, пловцы пристають къ бълому двору, всв любуются

прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпаго отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что сталось съ ними, цѣлы ли они; онъ отрылъ ихъ; — они горѣли какъ свѣчки, и блескъ мхъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ любилъ его и сердце отнимало губящую сплу у глазъ, а теперь они лежали одии и набрались пущей силы (1).

Таже мысль о неизбъжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ дить—суфен дан. Сербы втрять, что каждому человтку суждено какою смертью умереть и отъ судьбы невозможно избъжать; у нихъ есть пословица: «од суфена се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой втшунъ предсказалъ смерть отъ змти; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдтлалъ для нея стекляный домъ, въ который не могло даже заполяти насткомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. По когда насталъ суженый день, она захотъла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змтика, и эта то змтика укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда, на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать, «отишли у походе»; походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади, и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла (²).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два

⁽⁴⁾ Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał Wojcicki. I, 55-72.

⁽³⁾ Слышано въ Сербін, въ Чаганскомъ округь, въ сель Дъдосвив.

преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубииѣ Сербіи (1).

«Въщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста абтъ счастливой жизни, въ продолжение ко торыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленивития страны; но по истечение срока погибнеть отъ своего коня, претомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Одаъ умертвиль Факса и свергнуль его въ глубокій ровь, зарыль его и сдівлалъ надъ нимъ большую насыць изъ камией и дериа. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путемествія. Ровно черезъ триста літь воротился онь въ отечество. Многія міста, покрытыя прежде зеленью, поблекан и высохан: высохао и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого следа отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказаль Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тъмъ ящерица выползла изъ конской головы, и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему TĖJY».

Сербское преданіе «о судьбини» переносить місто дійствія въ Турцію и, вийсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себъ коня, котораго до того любилъ, что по цълымъ днямъ проводилъ подлъ

⁽¹) Слышано въ Шабцъ отъ уроженца села Беочяна въ Фрушкой горъ. Приводимъ самый подлинникъ:

[«]Био е едан султан, турскій цар, кои е одвеце радо имао конв. Добіе едног особитого хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару кол ивга бавіо се, у него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, на су га у вару нашли. Ісданцут га доктор нівгов опомене, да се он чува тога коня, јер ђе тай конь, кога он тако люби, ићму главе дођи. Сулган се поплаши, и даде га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нъму не води Кад зимиъ доба наступи, конь цркне. Судтанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е стращіо, да ве ми главе дови. И 5-6 година ніе у ливаду ишао. Ісданнут му дође воля, да чини зіяфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царскім. Кадсе захлади, пове с гостима проходити се по ливади. Наике на едну кость-коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога тога хата, кога сам я волео, него ишта на свету, и за кога ми е овай той доктор казао, да це ми той хат главе доци. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчество доктора и непостижама судба.»

него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищуть его въ сенать, а находять въ конюшнь. Однажды докторь сказаль ему, что онь умреть
оть своего любимца—коня. Султанъ испугался и вельль отвести
коня на лугь и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь
вздохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказаль онъ, нъть уже больше того, отъ кого я ожидаль
смерти. Пять-шесть лътъ царь не ходиль по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созваль вельможъ, угостиль ихъ по
царски, а когда стало прохладиве, пошель съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ поги лошадиная голова;
обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мив смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ
ногою конскую голову, изъ нея выскочила змён и уязвила его въ
ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ, исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Предание о смерти Олега находится. въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакцияхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ (¹). Оно считалось достопамятнымъ событиемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненье для доказательства, что предсказания воливовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакцияхъ, въ которыхъ извѣстия о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изо лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя и суда Божія никому не изобъжать...

м. Сухоманновъ.

⁽¹⁾ Полное собраніе русскихъ літописей. І, 16; ІІ, 240—241; IV, 174.

ОБЪ ЯРМАРКАХЪ.

(До сільскіхъ парафіянь).

...Неразъ бувае, що якъ прийде неділенька святая, а часомъ и празникъ, то будлі де кого побачишъ у церкві: кидають усе, и службу Божу, та поспіхомъ въ ярмарокъ те іде, те йде. А ті ярмарки на нашу годину лиху найбільшъ припадають якъ не въ празникъ, то въ неділю. Чи-то жъ справді що кожного разу потрібно вамъ до міста? Чи-то разъ-у-разъ самому треба буть у місті, що бъ купить що, або продать? Чи тільки жъ и гріха тому, хто до ярмарківъ вчащае, що одправу святую втеряе? Чи може инший и тамъ добра не придбае, до дому вернетця—и тутъ добра не знайде? — Всяково бувае. — Ходімъ же та подивимось, якъ-то люди въ ярмарокъ збираютця, якъ тамъ себе повожають и до дому вертаютця? Чи все-то по Божому въ іхъ робитця?.. Ні, всяково бувае.

Вечоріе у субботу; потомились люди на роботі и сонечко вже на взаході. Отъ бовкнули до вечерні въ дзвінъ; сполохнулись люди на нивахъ, розігнулись, стали на церкву, здихнули до Бога, тричі перехристились, та й зновъ хто за косу, хто за серпъ, — ручки дійти, снопа довязати. Благослови іхъ, Боже! то добрії люди, — вони Бога въ серці мають. Ще годинъ скільки, знялись усі, якъ водою змило, — въ село пішли. Передзвонили до вечерні... а въ церкві нікого немає: тільки такъ бабокъ изъ пьять, що підъ дзвіницею см-діли, въ бабинці стоять, та Богу молятця за діточокъ, за внуківъ. Де жъ діти, де внуки?.. На полі, підъ селомъ, у селі, поузъ церковъ идуть, перехристятця, и церкву минають. — Иде одправа: дітки ягнатокъ заганають, жінки страву готують, а чоловіки вози

сиравляють — въ я́рмарокъ іхать. — Може й справді ніколи до церкви... а ще жъ и я́рмарку нема́!

Стемнідо сврізь: не - котрі й спать полягали. Богу помолившися. Пійдіть теперь по селу: чого-то світитця въ де-якихъ хатахъ, чого люни гомонять? То въ ярмарокъ збіраютця. Тамъ батько зъ синомъ, мати зъ зятемъ, або чоловить зъ жінкою радятця, що бъ-то купить, якъ би-то продать. Нема тутъ слова лихого, розмоваяють вони амбесенько, - тільки часомъ ввдихне котре легенько, та промовить тихенько: «якъ Богъ поможе достатьця завтра... на Бога надія... коли бъ то давъ Господь.» И згадаєшъ туть, яку-то заповіль пае на сей случай Св. Апостоль Інковь: «аще Господь восхощеть и живи будемь, сотворимь сіё или оно», — такъ, важе, треба казати, якъ думаешъ що зробити. — Та не багато на світі людей побожнихъ: тамъ діти змагаютця за батьківське добро, одно продать хоче, друге зоставить, и даютця на вмиръ въ ночі проти неділі и мертвихъ зъ гроба викидають; тамъ жінка вередуе, очіцка, хустки бажає; ось чоловікъ жінку бье, гроші видирає, що до цервви поминилась на молебінь однести; ёму, бачъ, хочетця пропить кріваву копійку: зувсімъ до ярмарку не треба. Тамъ въ безверхій хаті лиху долю кленуть, що ніде грошей достати и нічого продати, а туть багаті виізжають зь двору зь рибою, та зъ сілию, а въ иншого мішківъ повенъ вівъ: ті Бога гнівлять, ці про Ёго ласку не згадають. Отъ ище въ одній хаті огонь погасае, вдова убогая сидить на давці, на діточокъ поглядає, слёзами вмиваєтця, що хліба й соли немає и нічимъ зодягнутьця, и не знає, куди бъ повернутить въ такій дихій недолі: багаті гордують, а вбогій-що поможе? - Нехай же ії Богъ навчить, нехай утішить Божа Мати! --Остання дуща въ селі не спеть: то мати сина спиняе, щобъ не йшовъ ва дурницею у місто, та попросивъ би сусідівъ де-що въ ярмарку скупить: «чи то жъ не гріхъ,» вона каже, «що такъ зневажаешъ ти неділю святую? — Служба Божа по всёму світу итиме, а ти будешъ давить міжь возами, та слухать даремниї слова, та сварку, та лайку. Вставъ би раненько, пішовъ би до церкви, Богу помодився бъ; бачъя слаба, та й батыка на світі немае.» — Не слухае синъ, стару неньку зневажае, недобре щось бурмоче, мабуть вінъ ласки відъ Бога и счастя не хоче. Ходімъ відъ ёго, --- за село, у поле: може ще né-koró hobánemb.

Світить місяць надъ землею; по дорозі вози скриплять, народъ

romohnts, ato ine, ato figé, a nè-sei ctáse choundats. Ots symanic въ бальці на нічъ ставши, повечеряли, та Богу щиро молятия; геть одъ шляху сліщі въ траві сидять: хто молитовку шешче. той Лазаря на мірі ніби твердить; и сі бачь у яривронь посвішають-хлюа прохати.-Поможе імъ Боже!- то думі прияжні, ме бачять вони нікого, ні въ кого не сміютця, дихої долі не кленуть, за людей Бога все просять и Богу навчають молитись. Палеко у полі щось маячить: то убогая вдова манівцемъ миланцибає, останнёго півника у ярмарокъ несе, щобъ соли дрібочкивъ скільки купити. Втомилась небога, впада на межу, кулакъ підъ голову підвлада, слёвою на нічь умилась и стала ніби бъдрімать. Коло неі півъ копою старчить Божий спочивае, помолившись Господеві за онуківъ недобрихъ; що на старість въ кати виганають. Заснувъ и той. васнуми всі, въ селі, и въ полі и въ місті. Бідному снитця, що вінъ багатимь ставъ, багатому що грощі втерявъ, худобу покрали; иншому снитця, що хтось ёго ошукавъ, - другому нічого не снитця, - мабуть не мисливъ вінъ нічого лихого, бо то вже сказано, що въ день кому на умі вервлось, те й во сні ввижаєтця.

Минула нічь, світать вже стало; стрепенулись люди: мінше перехристилось, друге помолилось, мінше жъ такъ чинъ-дужъ біжить до міста. Та не поможе Богь тому, хто объ Ёму не згадає. Ідуть и йдуть изъ ближніхъ и дальніхъ сіль,—хто зъ вечора знався, хто въ ранці прокинусь; а по селамъ утреню правлять,—нема нікого въ церкві. Отъ посходились, позъіздились у місто; місьца займають, ставлять вози, розвазують, розставляють, що хто приність, або привізъ. Господи! скільки тутъ крику, скільки тутъ сварки. Нехай би то перекупки: ті не знать защо заведутця; а тожъ люди, здаетця, поважні, та й ті сварятця: не на тому, каже, місті ставъ, та не такъ воза поставивъ, або колесомъ заченивъ. Чи есть тутъ защо змагатьця, та лихословить? Оттакъ неділю святую стрічають! Не буде добра тому, хто диявола такъ рано згадавъ.

Отъ стали дввонить и на девиту пісню; може люди схаменутця. И справді де-котрі перехристились, а другимъ не до того: ще дальшъ, то більшъ народу прибувае, — ходять, обглядають, приціниютця, торгують: ті дорого правлять, другі неначе не чують, товаромъ кепкують, та докоряють одинъ другого словами лихими. Чи то жъ христийне, що Божого дня не шанують? Чи мають вони Бога въ серці? А чи давно жиди справляли набасъ, та ні одинъ

не выгляме въ місто, давки позапірані, модятця Богу кома, чи въ школі. А якъ приймда неділя, то туть-то саме й жиди торгують. Якъ кажуть, то й правда, що безъ жида и армарку не буде. Нічого робити: ходімъ поднвімось, якъ то христиане въ свато торгують, що предають, и якъ купують.

Зійшью вже сонечко и людъ Божий пригріло, освітило: не пригріло тільки дуніі скупого, та не освітню чоловіка дукавого, що мисинь все когось ощахрать. Отъ багаті на возахъ сидать, сіль продають, певніздили зъ своею мірою, та вагою, обмірюють, обвішують, та дорого правлять. Багатому все здаетця мало. А видурить у кого копійку лишню, чи то жъ не все одно, що зъ кишені въ ёго вкрасти? Такъ ні; не вважають вони на Бога, тільки на свое багантво. Прийніла жінка міверна солі куповати, та такъ багатого прохае, щобъ шажовъ спустивъ, та хоть дрібочовъ приванувъ: «сгляньтесь, «каже,» дадечку, на мене убогу: дітки маленьві, грошей немає. Нехай вамъ Богъ заплатить!» Одвернувся, ніби не туе, та сперну про себе каже: «Богъ заплатить!» а потімъ до ней: «вибачай небого; нехай тобі Богъ поможе...» Чи можна жъ такъ вазати, чи можно Бога цуратьця? — Замовчала сердешна, не лаітця. не плаче й не просить; скривилась трошки, завинула въ хустиночку, ще купіла, та й пішла вздовжь базару. Осталось въ неі шажківъ зо два, такъ одного старцеві отдала, а другого до церкви ванесла. Оттутъ прийшао мині на памьять, якъ-то Христосъ Спаситель, якъ ще живъ на вемлі, стоявъ разъ коло храму Іерусалинського и дивився, якъ люди грощі кидали до карнавки церковної. Люди заможні клади багато, одна жъ удовиця тільки дві лепти виннула, а Христосъ увдрівъ та й каже: «ся найбільшь усіхъ укинула, бо що мала-все Богові однала. - Такъ не багато такихъ людей внайдемо н въ ярмарку, хочь скільки тамъ народу. — Отъ ще десь двое убогихъ знагаютця за ціну: одинъ овечку продає, щобъ подушне оплатить, другий купуе для діточокъ маленькихъ. Лихо змагаетця; тільки жъ чую, — одинъ каже: «спусти, дадьку! нехай тобі Богъ зъ вищого неба приношие. » Замовиъ сердега, голову схиливъ, тихенько промовляе: «н то правда. Нехай же мині Господь заплатить, коли въ тебе нічимъ!» Тамъ далі пашню усяку продають: въ иншого мішечки маленькі, не повні, а дорого править и божитця, що по два четверики влазить; въ другого тільки зверху чисте зерно, а въ середині зъ половою намімане; у того борошно зувсімъ чорне, бо зъ вукілемъ та всякою нечистью мололось, а вінъ присягаетця, що на манні сналідо, або въ копахъ змочило; той кавуни часомъ продає зелені, та
такъ завіряє, що дуже спілі. Тамъ у тиковці тільки зверху олія,
на споді жъ вода; тутъ масло коровяче ніби продає въ горщечку, а
въ середині овече, або самий смалець, та ще й поганий. И, Госноди, скілько тутъ брехні, обману! а божятця, присягають: «бодай,» каже, «мині добра не було! бодай я до дому не дійнювъ! Дай
мині Боже такъ но правді вікъ изжить и дітей роспорядить, якъя
по правді кажу». А на торговиці, де коней, та волівъ продають,
скільки тамъ мошенства, неправди! У волівъ часомъ зубівъ нема,—
каже: на бразі зімовані; коняка зовсімъ падае,—нагайкою вдарить,
вибрикує бідна; коля стара, то каже, що тільки сімъ роківъ, а якъ
підорвана, то въ далекій дорозі була. И Бога не боятця и людей не
стидятця.

Поторгували доволі, ошахрали, кого и якъ можна було, продали, що мали, купили, що кому треба, та й стали росходитьця. Куди жъ? Може до церкви? Тамъ служба Божа пізненько правитця. Такъ ні; хутчій до щиньку, щобъ наістись, та напитьця. Воно и то бъ нічого: підживитись трошки, та, подякувавши Богу, додому скоріше; коли жъ міри не знають, -- не пьють, але впиваютьця, не наче справді то добре діло. И чого вже въ тихъ шинькахъ не бувае: подуріють люди розумні, співають, кричять, лихословлять, докоряють одинъ другого, згадають живихъ и помершихъ, згадають усе, що коли робилось, чого бъ и не треба згадувать; инши лаютця въ душу и въ віру, а часомъ и быотця, та ще якъ? -- коліньин въ груди, та въ живіть. Господи! чи то жъ люди? Ні, такъ зу́всімъ якъ звірі, — ради бъ, здаєтця, одинъ другого ззісти, або вбить, -- пови то люди розборонять. Встануть розхрістані; на людей стидно глянуть, а вони зновъ лаютця, та ще й нахваляютця. А за віщо? За пустиі речи. И нічого бъ того не було, колибъ не внивались. Инші жъ плачуть дурнички, або обнимаютця, та цілуютця, хто справді, а хто въ пьянихъ очей: одинъ другого не бачить, сліна котитця зъ рота, ажъ гидко збоку дивитьця. Що жъ далі? Де-де ято тверезий виходить, до дому йде, чи іде: той иідъ лаву звалився, той на стіль сперся та хропе и часомъ жахаетця м врагъ ёго зна що блее; той у двері не попаде, объ одвірокъ лобомъ бъетця; инший підъ хатою жидівською валяетця, иси й свині навіть обходять, и счасти ведике, якъ хто до воза доберетця:

Digitized by Google

на віть заісе, на скоти́ну гукиє, пішла німа скоти́на... Веща не промевять, не осудить; такъ люди осудять, Госно́дь покара́е й на сімъ світі й на тімъ.

Поросходились, порозъіздились усі, геть по шляхамъ ростягнулись. Спотикаютця піші, лежать ніби мертві на возахъ: той гроші згубивъ, того смага пече, — вінъ пати просеть и врізъ сонъ жінву. та дітей лає, що ніби води ёму не дають; той горшки потовкъ, вінна побивъ; у того скотина зъ дороги збилась — візъ поламався. Де-котрі прохмілились трохи, та й зновъ коло шиньківъ поставалиостатні гроші пропивать. Засиділись хозяй надъ горілкою, та надъ пустою мовою; другі вилічують гроші, співають, танцюють, а скотинка бідна стоіть голодна, питки хоче; нікому доглянуть, а вонабать-не скривитця, не заплаче й слова не промовить. Лишко тяжке, та не однімъ людямъ, и скотині за ними! Коли бъ же то на тому й кінець, що въ армарку, та по шляхамъ вироблають, а то додому вернутця, — ще гірше часомъ буває: инший жінку лає, або й бъе Богъ зна за віщо, може за те, що обідать зоставила; порозганя́е, попереля́куе діте́й, що такъ добго тата виглядали, на тинъ спанались, гостинчика чекали. А провинетця вночі, або вранці встане, - заспаний, закуднаний, голова якъ не розвалитця, очі чирвоні — тільки не повилазять, и стидно, и труситця, и місця не знайде, де бъ то присісти, куди бъ повернутьця, и добре, дуже добре, якъ не потягне зновъ до шиньку.

Оттаві-то ярмарки ваши! Оттавъ-то ви шануєте неділеньку святую! И одъ людей сміхъ, и Господь карае, и самимъ невірно! Алежъ то дивно, що самі люди лихо роблять, а на біса звертають: бісъ, кажуть, повидумувавъ ярмарки, та постановивъ по неділямъ та по празникамъ. Ні, не бісъ, а грішниі люди... бо за роботою гірькою справді ніколи вамъ въ буддень ярмаркувати. Та не було бъ въ того лиха великого, якъ би то кожне зъ васъ тогді тільки йшло въ ярмарокъ, якъ уже доконечне треба и нівого нопрохати, що бъ купивъ де-що, або продавъ; не було бъ зъ того лиха, якъ би то кожне Бога въ серці мало, та не обманювало, губою не клепало, и куповало бъ и продавало по щирій правді; якъ би поторгувавши, котрімъ близче, ишли скоріше въ село до служби Божоі, а кто здалека, що бъ у місті до церкви пішовъ; не було бъ, кажу, зъ того лиха, якъ би по шинькамъ не тягалькъ та не впивались. Сами жъ ви кажете, що ніколи та го-

рілна до дебра́ не доведе. Понайтеся жъ, янъ добра́ вабди и не робіть того ніколи. Тогді и Богъ васъ не оставить, и Мати Божа помілуе, и всі святі на все добре до помочі вамъ стануть. — Амінь (*).

^(*) Опю бесе́ду въ сели́нами привізъ намъ, въ Киівщини, нашъ славини Коба́рь-народолю́бець, ду́же іі похвали́ючи. Вінъ ровумівъ іі образце́мъ учительної розмо́ви въ нашимъ щиримъ лю́домъ. Для того, щобъ наро́дъ нослу́-хавъ нашої науки, тре́ба говори́ти въ нимъ уміючи, тре́ба про́мовить до его поэтичнёго, чу́лого се́рця.—Сочнийтель це́і бесе́ди и́сно зрозумівъ свою зада́тчу, и ми не зна́емъ ніко́го дру́гого, хто бъ учивъ народъ такъ га́рно, такъ про́сто и о́бразно,—по-нашому.

Високоповажний сочинитель не підписавъ свого ймення: тимъ и ми тутъ не підписуемо; а ради бъ усімъ его оповістити. — Жадаємъ серцемъ, щобъ вінъ вибравъ ще ини речи, зъ нийриною основою, для своєї народнёї каземі.

УЧИЛИЩА, ОБРАЗОВАВШІЯСЯ НА ЮГЪ

ВЪ ПОСЛЪДНЕЕ ВРЕМЯ (1).

Въ числѣ первыхъ, насущныхъ, потребностей общества стоитъ изродное образованіе. Вопросъ о немъ поднятъ у насъ давно и уже получилъ право гражданства въ литературѣ и жизни, хотя и нельзя сказать, что необходимость образованія ясно сознана всѣми или покрайней-мърѣ большинствомъ, и хотя невѣжество и злонамѣрецность поднимаютъ иногда противъ него голосъ.

Нѣсколько лѣтъ уже наше общество думаетъ объ улучшенів воспитанія женщинъ. До сихъ поръ у насъ преобладали закрытыя женскія школы и притомъ такъ-называемыя благородныя; школъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, было крайне мало; двери ихъ, по дороговизнѣ въ нихъ воспитанія, были закрыты для небогатыхъ людей, которыхъ у насъ, какъ и вездѣ, большинство. Наконецъ, женщина наша воспитывалась далеко отъ семьи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, отчего нерѣдко получала ложное понятіе о народѣ и о жизни съ ея вѣчнымъ трудомъ и борьбою. Всѣ эти неудобства привели къмысли объ учрежденіи женскихъ школъ, во-первыхъ открытыхъ, вовторыхъ недорогихъ, въ-третьихъ доступныхъ для дѣтей всѣхъ сословій. Такими школами явились женскія гимназіи.

Кіевъ первый изъ украинскихъ городовъ открылъ у себя женскую гимназію.

Кіевская женская гимназія обязана своимъ существованіемъ пожертвованію бывшаго кіевскаго гражданскаго губернатора, *И. И.* Фундуклея, по имени котораго она и называется фундуклеевскою

⁽⁴⁾ Въ предлагаемомъ сводъ извъстій о нашихъ училищахъ, неизбъжно есть пропуски, и потому покорно просимъ всъхъ, кто можеть въ чемъ-либо дополнить или исправить вту статью,—сообщать намъ свои замъчанія; мы не преминемъ ими воспользоваться.

женскою гимназіею. Вначаль 1859 года, въ Кіевь уже поговаривали о женской гимназін, но, какъ говорить Кіевскій Телеграфь (1), «общество было совершенно равнодушно къ ея учрежденю. Еще купечество рашилось-было сдалать пожертвование, хотя и подъ условіемъ основанія гимназів исключительно для дъвниъ своего сословія. Оно было сдълано изъ опасенія, что, въ противномъ случат, пожертвованіемъ воспользуются только благородные. Благородные же не показали ровно никакого участія.» Такимъ образомъ участь проекта о гимназін была самая плачевнав... Для осуществленія этого проекта, «г. попечитель учебнаго округа принуждень быль обратиться за содъйствіемъ къ г-ну генералъ-губернатору. Князь И. И. Васильчиковъ принялъ въ этомъ дълъ самое живое участіе, вслъдствіе которого и сдълано г-мъ Фундуклеемъ пожертвованіе (2).» Г. Фундуклей отдаль для гимназін каменный двухьэтажный домь на кадетской улиць въ г. Кіевь и, кромь того, на содержаніе ея, въ продолжение всего времени, пока она будетъ существовать, ассигноваль 1200 руб. сребромъ въ годъ. Эту сумму онъ обезпечиль своимъ имъніемъ. - Въ концъ августа, (или въ началь сентября) былъ полученъ указъ Правительствующаго Сената по Высочайшему повельнію, объ открытін въ Кіевт училища для приходящихъ дъвицъ. Оно должно было именоваться Фундуклеевскимъ и состоять въ въдънім главнаго совъта женскихъ учебныхъ заведеній, подъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Почетное попечительство присвоено г. Фундуклею, а постоянное Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генераль-губернатору, которому предоставлены вст распоряженія по учрежденію училища. Главнъйшія основанія, на которыхъ учреждено училище, следующія: къ обученію въ училище допускаются дети всехъ свободныхъ, безъ различія, состояній, отъ 9-ти до 13-ти літъ; по уважительнымъ причинамъ могутъ быть принимаемы и 8-ми-лътнія, а равно и старъе 13-ти лътъ. Полный курсъ ученія продолжается 6 лътъ; 7-й годъ образуетъ классъ приготовительный, куда принимаются вовсе неграмотныя. Курсъ ученія раздъляется на два отдъленія: низшее и высшее, по три года въ каждомъ. Низшее отдълсніе образуеть само - по - себъ самостоятельный курсъ, «удовлетворяющій потребностямь образованія низшаго в менье зажиточнаго власса

⁽¹⁾ К. Телеграфъ № В. Іюль, 1859 года.

⁽²⁾ Tamb me.

жителей.» Предметы обученія ділятся въ обонкъ отділеніякъ на обязательные и необязательные. Къ обязательнымъ относятся: молитель, священная исторія, исторія церкви, катехизисъ, «который должень быть не столько въроученіем», сколько правоученіем»; русская грамматика, исторія русской словесности, всеобщая и русская исторія, географія и, для высшаго отділенія, одинъ изъ новійшихъ языковъ; а къ необязательнымъ: языки, музыка, танцы и рисованье. Рукоділіе—предметъ общій для обонкъ отділеній. Окончившимъ курсъ выдается аттестать:—отлично окончившимъ курсъ въ высшемъ отділеніи, съ правами изложенными въ §§ 134 и 135 устава женскихъ учебныхъ заведеній; воспитанницамъ низшаго отділенія — безъ означенныхъ правъ. Плата въ низшемъ отділеніи по 15 руб. ср. въ годъ, въ высшемъ по 30 р., за ученіе обязательнымъ предметамъ; за необязательные плата особая, очень умітренная.

При самомъ открытін, гимназія не встрътила большаго сочувствія въ обществъ г. Кіева: «много было невыгодныхъ толковъ относительно ея пользы, говорили, что никто не ръшится отдать свое дитя въ общее заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери проставо ремесленника и дочери знатнаго сановника (1); но потомъ, въроятно, убъдясь въ пользь, приносимой общимь заведениемь, гдь за дешевую плату можно получить то же образованіе, какъ и въ дорогихъ сословныхъ женскихъ пансіонахъ, большинство изибнило мибніе и, въ іюнь 1860 года, предположено было открыть еще одно женское училище въ видь особаго отдъленія Фундуклеевской гимназін,» такъ какъ открытая женская гимназія, при всёхъ своихъ удобствахъ для многихъ наъ жителей города, не могла одинаково удовлетворять встхъ. Кіевъ слишкомъ разбросанъ, раздъленъ горами и оврагами и, витестъ съ тъмъ, довольно великъ. Не для встхъ одинаково удобно посылать дътей, но большей части малолетинкъ, въ новую гимназію съ Подола и Печерска (2). Поэтому предположили открыть училище на Подолъ, воторое должно было, для сокращенія расходовъ, составлять, пока, часть существовавшей гимназіи, имъть съ нею одно управленіе и называться, поэтому, «Подольскимъ Отдъленіемъ при Фундуклеевской женской гимназін.» Откріктіе этого отдъленія вызвано чисто потребностью общества, что доказываеть пожертвование купечествомъ 25-ти

^{· (1)} К. Телеграфъ, 1860 г., № 77.

⁽²⁾ R. T. 1860 r., 34 43.

тысячъ рублей сребромъ для этой цъли. Открытіе нослѣдовало 20-го январи 1861 - го года. Училище состоитъ изъ 3-хъ нормальныхъ классовъ и одного приготовительнаго; программа его та же, какая существуетъ для низшаго отдѣленія Фундуклеевской гимназін; существованіе училища обезпечивается ежегоднымъ доходомъ съ пожертвованнаго капитала, что составляетъ не менѣе 1750 р. ср. Для полноты свѣдѣній о Фундуклеевской женской гимназін, остается прибавить, что, несмотря на невыгодный для нея взглядъ большинства при ея открытін, къ концу перваго (1860) года ея существованія, въ ней было 134 воспитанницы.

Въ томъ же 1859—мъ году, когда состоялся проектъ Кіевской женской гимназіи, — на дворянскихъ выборахъ Екатеринославской губернін, — 21-го сентября принятъ былъ проектъ женской гимназіи въ г. Екатеринославъ. Въ помертвованіи приняли участіе преимущественно дворяне, которые ассигновали для этой цѣли 100 тысячъ рублей сребромъ, а г. Понятовскій пожертвовалъ особый домъ, для помѣщенія гимназіи. Пожертвованныя деньги положено было распредѣлить такимъ образомъ: 20 тысячъ рублей употребить на устройство гимназіи, а остальныя 80 тысячъ обратить въ неприкосновенный ея капиталъ, на проценты котораго содержать нѣсколько дѣвицъ дворянскаго званія. Въ этомъ дѣлѣ принимало участіе, какъ мы ввдимъ, само общество, безъ всякихъ приглашеній со стороны, слѣдовательно оно разумно сознало необходимость того, что дѣлало. Но было бы любопытно знать, въ какой степени приняли участіе въ этомъ дѣлѣ кунечество и духовенство?

Въ то самое время, какъ въ Екатеринославъ состоялся проектъ женской гимназіи, — на выборахъ Херсонскаго дворянства положено было стараться объ учрежденіи женскихъ училищъ въ городахъ Херсонской губерніи. Между прочимъ, эти выборы замъчательны еще тъмъ, что во время засъданій дворянскаго собранія было обсуждаемо нъсколько другихъ вопросовъ, касающихся образованія, такъ напримъръ: объ ассигнованіи ежегодно 6000 руб. сребр. на усиленіе камеральнаго отдъленія Одесскаго лицея; о предположеніи открытъ въ г. Кременчугъ гимназію и о мърахъ къ скоръйшему начатію постройки зданія для Херсонской губернской гимназіи...

Въ слъдующемъ 1860 году, 21 августа — была открыта женская гимназія въ Харьковъ. Для устройства гимназіи въ этомъ городъ, было собрано до 15 тысячъ рублей сребромъ. Гимназіи по-

мъстилась въ домъ куща Павлова, которому за наемъ помъщенія платить 1000 р. ср.; учителя согласились давать уроки безъ платы,—а съ ученицъ положена плата отъ 25 до 50 р., смотря по числу предметовъ, которымъ онъ обучаются.

26 августа, того же года, было открыто женское училище 1-го разряда въ Потавъ; это училище обязано своимъ существованиемъ благороднымъ усиліямъ учителей гимназіи и кадетскаго корпуса, которые, послъ долгихъ хлопотъ, успъли организовать силы для его поддержанія и сами взяли на себя безмездное преподавание впродолжении 7-ми лътъ. Безъ всякаго предварительнаго сбора — какъ это было при открытін гимназін въ другихъ городахъ, — Полтавское женское училище поддерживается суммами, получаемыми за концерты, публичныя лекціп, спектакли и т. п. .; -- такъ въ пользу этого училища читали публичныя лекціи: въ декабръ 1860 года, Г. В. Котельниковъ, -- въ япваръ 1861 года, К. В. Ковальскій и М. В. Кизимовскій, -- всего сбора было 580 р.; кроит того, въ 1861 году, въ пользу училища поступили: сборъ за спектакли, устроенные А. М. Абазою-1554 р. сребромъ.; за лотерею 180 р., отъ г. Дмитріева-Свъчина половипный сооръ за 2 концерта-30 р. и проч. Преподавателей въ Полтавскомъ женскомъ училищъ 56, — изъ нихъ только двое получаютъ плату: учитель танцевъ и одна изъ учительницъ музыки; классныхъ дамъ при заведеніи 35; изъ нихъ три получають плату по 150 р. ср. каждая. Плату съ воспитанницъ положено было взимать умъренную: но 10 р. сер., и то съ состоятельныхъ. Училище было открыто въ августъ 1860 года, а къ январю 1861 года — въ немъ было 190 воспитанницъ, число, сравнительно съ другими городами, напримъръ съ Харьковомъ, — гдъ при открытіи училища было только 30 воспитанницъ, а черезъ итсяцъ 50 (*), довольно значительное. Открытіе Полтавскаго училища, его существованіе при незначительныхъ средствахъ, значительное число воспитанницъ, большое число безплатныхъ учителей показывають, что въ Полтавскомъ обществъ есть сочувствіе къ дълу образованія (2).

Достойна особеннаго вниманія исторія женской школы въ г. Сумахъ (Харьк. губ.), о которой было первоначально сообщено въ Моск. Въдомостяхъ. Мы заимствуемъ разсказъ объ этомъ изъ «Современной Лътописи «Русскаго Въстник а». «Въ началъ 1859 г., губерн-

⁽⁴⁾ Kienck. Teaerp. 1860 r., No 67.

^(°) См. статью объ этой гимназін, въ январьской иншжив Основы.

ское начальство предложило думъ города Сумъ, позаботиться объ учрежденін въ Сумахъ женскаго училища, на что общество выразняо полную готовность: приговоромъ своимъ оно опредълняю вносить ежегодно, въ теченіи пяти явть, на содержаніе этого училища съ купеческихъ капиталовъ 1-й гильдін по 15 р., 2-й по 10 р., 3-й по 3 р.; изщане и цеховые съ каждой ревизской души должны вносить первые по 7, а вторые по 5 к. Дворяне не приняли участія въ . этомъ сборъ, который составиль однако же около 500 р. Кромъ того, общество выбрало изъ среды своей почетного блюстителя, для предполагаемаго училища, который обязался жертвовать ежегодно, въ пособіе этому училищу, по 400 р. Независимо отъ этого, была составдена подписка для единовременныхъ пособій, по которой было собрано до 1000 р. Предполагая при этомъ плату съ учащихся отъ 10 до 15 р., общество изъ предварительно составленной сметы увидело, что учильще обезпечено по крайней мере на пять леть, а потому просило думу утвердить составленный имъ приговоръ и разръшить открытіе въ Сумахъ женскаго общественнаго училища на основаніяхъ. изложенных въ представленномъ имъ проектъ, котораго особенность состоить въ томъ, что козяйственная часть подчинялась думъ и, кромв того, некоторые предметы положено проходить въ уменьшенномъ размітрі противъ убедныхъ училищъ. При этомъ общество выразило желаніе имъть начальницею училища указанное имъ лицо. Прошло полтора года, а дело не подвигалось впередъ, и городъ Сумы оставался безъ училища, на учреждение котораго готовъ былъ принесть вст нужныя жертвы. Вдругь, въ іюль 1860 г., предводитель дворявства получаетъ отъ губерискаго начальства предложение открыть попечительный советь женскаго училища, выбрать начальницу и пристуинть къ открытію самого училища. Это предложеніе не упоминало ни словомъ о проектъ, который былъ составленъ обществомъ, тогда какъ общество выразило желаніе открыть училище только на основаніяхъ, наложенных въ проектъ. По положению о женских училищахъ, вышедшему уже послѣ начала этого дѣла, училищемъ управляетъ попечительный советь, въ которомъ въ числе членовъ состоить предводитель дворянства и два депутата отъ дворянъ. Но такъ-какъ дворяне не приняли участія въ содержаніи училища, а между тімъ должны участвовать въ управлении его, то градской голова донесъ, что безъ согласія общества онъ не приступить къ открытію училища на новомъ основани, и просиль дозволить ему вновь собрать общество для обсужденія сеге діла. Полгода прошле въ отпіданія этого дозволенія. Навенецъ, общество было собрано и отказалесь передять свои ножертвованія въ распоряженіе лиць, незахотілинхъ участвовать въ ихъ ділі. Такимъ образомъ учрежденіе сумскаго женскаго училища кончилось вичімъ, несмотря на волную готовность общества содійствовать ему словемъ и діломъ». Пусть читатель самъ судить, могуть ли, такимъ образомъ, итти усийнию общественныя діла.

Въ этотъ же періодъ времени было задумано открытіе училищъ для дъвицъ духовнаго званія.

Изъ мъстныхъ неріодическихъ изданій ны узнаемъ только два факта объ открытів училину этого рода. Въ «Кіевском» Телеграф» 1860 года № 88, подъ рубрикою «итстныя известія» читаемъ: «Мы слышали за лостовърное, что въ Кіевъ, въ непродолжительномъ времени, будетъ учреждено есебое учебное заведение для воспитания дъвицъ духовнаго звания. Говорять, что теперь разсматривается духовнымъ въдоиствомъ проекть пе этому предмету. Для новаго училища предполагають употребить домъ на Кловъ, въ которонъ помъщалась прежде первая гимназія, и котовый, года три тому назадъ, сильно пострадаль отъ бывшаго въ Липкахъ большаго пожара.» Далье, тамъ же: «мы готовы даже напередъ предсказать новому учелищу полный успъть, если только оно, соотвътственно духу времени, не будетъ вполнъ закрытов, т. е. если будуть допущены въ него приходащія ученицы. Этимъ могуть быть хотя-отчасти устранены тв недостатки, которые давно уже замвчены въ заведеніяхъ закрытыхъ. До прінсканія удобнаго помъщенія, собранныя ученицы, какъ говорять, будуть временно помпъщены въ Кіево-Фроловскомъ женскомъ монастыръ на Подовъ. Къ сожалвнію, дальнейшая судьба этого училища неизвестна. Ужели до сихъ норъ продолжается разсмотръніе проекта?

По поводу открытія женскаго духовнаго училища при Лебедянскомъ монастырь, въ № 1-мъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», за 1860 г., появилась статья, въ которой говорилось о необходимости завести подобное училище и въ Кіевъ и между прочимъ былъ высказанъ взглядъ на воспитаніе женщинъ духовнаго званія,—взглядъ замъчательно странный: авторъ находилъ, что для дъвицъ духовнаго званія необходимо особое училище, на томъ основаніи, что въ севътскихъ пансіонахъ въ воспитаніе не входитъ мысль—приготовленія дъвушекъ на религозное служеніе народу, которое необходимо въ особенности для женщинъ духовнаго званія, въ воспитанія ко-

торыхъ черковная обрядность должна быть главнымь. На эту статью, въ № 54-мъ «Кіевск. Телеграфа» 1860 г. было момѣшено возраженіе подъ заглавіемъ: «Мысли сельскаго священника.» Возражатель, вполив соглашаясь съ мыслію о необходимости образованія для женщинъ духовнаго званія, справедливо утверждаль, что открытіе подобныхъ сословныхъ училищъ ръинтельно не имъетъ въ основании насущной потребности... «Развъ,» справинваетъ авторъ возражения, «по городамъ и мъстечкамъ мало училищъ и нансіоновъ, гдъ могутъ воспитываться и дочери священниковъ? Неужели всъ эти училуща учреждены и основаны на иныхъ началахъ? Развъ разныя училима могутъ и должны имъть разныя начала своихъ основныхъ цълей? Развъ всякая мать въ обществе христіанскомъ не одно и то же, что жена свящемника и мать его дътей? Развъ дочь священника нужно воспитывать и образовать только для того, чтобы она была женою священиика?» Эти дільныя мысли встрічены были въ томъ же «Руководстві для сельскихъ пастырей», въ свою очередь, возражениемъ. Авторъ возраженія, священникъ Крамаренковь, доказываль необходимость особыхъ женскихъ училищъ на томъ основаніи, что для купечества есть коммерческія училища, для будущихъ воиновъ-кадетскіе корпуса, для медиковъ-медицинскій факультеть,.. Ergo-лля дочерей священниковъ тоже что-нибудь особенное нужно... «Согласитесь,» говоритъ авторъ уотдительно: «втаь нельзя же воспитывать встать безь различія зваий въ одномъ училищъ».

Говоря объ учрежденіи обществомъ южнаго края женскихъ училищъ, нельзя не обратить винманія на одно поразительное явленіс,—на разъединеніе сословій при осуществленіи этого важпаго дѣла, неоставшееся безъ вліянія на ходъ его. Дворяне, привыкшіе
воспитывать своихъ дочерей въ благородныхъ пансіонахъ, показали въ
иткоторыхъ итстахъ непостижимое равнодушіе къ женскимъ гимназіямъ. Купечество, сочувствовавшее этому дѣлу, бралось за него медленно, разсуждая такъ: «мы и готовы жертвовать на учрежденіе
женской гимназіи, но чтожъ, если управленіе ея перейдеть въ чужія руки? если люди, показавшіе полное равнодушіе къ этому дѣлу,
станутъ первые пользоваться плодами его?» Нѣкоторые изъ духовныхъ
серьёзно доказывали, что необходимо учредить отольных женскія
школы для дѣвицъ духовнаго званія. Всѣ эти факты—грустныя послѣдствія вѣковаго раздѣленія сословій. Со времени рѣшательнаго, крутаго поворота въ жизни Укравнской (съ XVIII стольтія), мало—по-малу

общественные интересы заибнились интересами дворянскими, купеческими, ибщанскими, духовнаго сословія. Каждое сословіе инбло и инбеть свее особое управленіе. Отсюда происходить апатія нашего общества из ибстному устройству, безсиліе его предпріятій въ дёль улучшенія своего быта. Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей мыслящихъ и желающихъ быть полезными обществу; но до сихъ поръщани силы раздроблены, нарализированы отсутствіемъ общественнаго сознанія важности громадьского дёла. Всё преобразованія совершались правительственнымъ путемъ и, не находя кріпкой почвы въ обществі, оставались почти безъ дійствія, на бумагів.

Переходимъ къ другаго рода училищамъ, —воскреснымъ школамъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ обществу. Воскресныя школы нолучили свое начало на югѣ, въ Украинѣ, быстро распространились и встрътили новсемъстно горячее сочувствіе, какъ въ образованномъ обществъ, такъ и въ массъ народа.

Мысль объ этихъ, въ высшей степени полезныхъ для образованія, преннущественно ремесленнаго класса, школахъ возникла въ 1859 году въ Кіевъ, въ средъ университета св. Владиміра и принадлежала навъстному профессору, благородному дъятелю на поприщъ народнаго образованія, Платону Васильевичу Павлову. Едва возникнувъ, она немедленно была приведена студентами въ исполнение подъ руководствомъ профессора. Насполько въ этой мысли угадана народная потребность и насколько удачно она примънена къ жизни, доказывается сочувствіемъ тъхъ, для кого школы были заведены. Значительное число являющихся въ школы по праздниканъ, послъ тяжелаго недъльнаго труда, говорить красноръчивъе всевозможныхъ разсужденій о ихъ польвъ и необходимости. Въ свою очередь, ножертвованія и постоянно значительное число желающихъ преподавать, говорить о степени симпатіи ° къ школамъ образованнаго общества, преимущественно въ лицъ своихъ молодыхъ представителей. И хотя, какъ увидимъ далъе, при столкновенін преподавателей воскресныхъ школь съ нікоторыми лицами, случалось видеть странные, уродливые факты, но они исчезали въ нассь утвинтельных явленій.

Первое изатстіе о воскресныхъ школахъ встртчаемъ въ Кіев. Тел. 23 сентября 1859 года; въ отдълъ «внутреннихъ извъстій» нанечатано: «Мы слышали, что въ Кіевъ скоро будутъ учреждены, съ
разръшенія начальства, воскресныя школы во встуъ частяхъ города,
для мастеровыхъ мальчиковъ и вообще неграмотныхъ людей, неимъ—

ющихъ времени, въ продолжения подъли, заняться чтениемъ и имсьмомъ».

Въ октябръ мъсяцъ того же года, 17 человъкъ студентовъ университета и 1 студентъ духовной академіи получили разръшеніе отъ попечителя Кіевскаго Учебкаго Округа (г. Пирогова) на отирытіе нервей воскресной школы, въ части города, называемей Подоломъ, въ дворянскомъ училищь. Школа была открыта 11 октября 1859 года; желавшіе поступить въ школу должны были предварительно записываться у штатнаго смотрителя дворянскаго училища, г. Слінушкина, или у профессора университета, г. Павлова, которымъ и былъ порученъ надзоръ за ходомъ преподаванія. Школа, сообразно знанію поступавшихъ въ нее, была раздълена на два класса, высшій и низмій. Низмій разділялся въ свою очередь на два отділенія: въ первое поступали совершенно неграмотные, во второе—кое-накъ разбиравшіе буквы и усвонившіе механизмъ чтенія; высшій классъ былъ назначенъ для тіхть, которые уже читали достаточно бігло.

Всятать за школою на Подолт, другимъ обществомъ студентовъ, 25 октября, была открыта новая воскресная школа въ части города называемой Новымъ-Строеніемъ, (гдъ находится университеть). Эта школа учреждена была на тъхъ же основаніяхъ, какъ и Подольская; надзоръ за ходомъ преподаванія въ ней быль поручень сметрителю, г. Проценку, вийсти съ профессоромъ г. Павловымъ. Такимъ обрезомъ, менъе чъмъ въ мъсяцъ, были открыты двъ школы и притомъ съ самыми незначительными средствами. О кодъ учения въ этихъ двухъ школахъ, также о числъ учащихся и средствахъ, которыни школы существовали въ первое время, ны узнаемъ изъ отчетовъ, которые печатались въ местной газеть. Такъ изъ отчета за первое время существованія Кіево-Подольской воскресной шислы (*), ны видимъ, что въ день ея открытія принцо учиться до 60 человекъ. Затемъ это число возрастало и доходиле до 110 и болве. Но, какъ во всякомъ дъль, такъ и здъсь, между людьми, истинно чувствовавшими потребность образованія, были и такіе, которыхъ занимала болье новость учрежденія. Всявдствіе этей и другихъ причинъ, лежещихъ вив иколы, одив поисипоту отставали,---зато школа наполнялась другими, такъ, что постоянный численный составъ учащихся подвергался незначительнымъ колебані-

^(*) Kiebck, Tea. 1860 r. 36 17.

ямъ. Песяв савланнаго строгаго пересмотра пріемной тетрали оказа-10Cb. TTO TECHO SEMECENTALINE H GOLDE MAN MENTE RECTORNED ROCTURAющихъ школу доходить до 101 человъка. Въ абйствительности же еженедъльно бываеть въ классахъ отъ 67 до 80 человъкъ». Зепясанные въ прісмичю книгу-ученики распредблались, по національности, следующимъ образонъ: Малороссіянъ 75; Великороссіянъ 47; Поляковъ 3; Евросовъ 3 и Нъицевъ тоже 3. «Савоо больнее число. вакъ еледовало ожидать, остается за жителями южно-русскихъ губерній. Следовательно, элементъ местный-главный въ виколь. Что касается распредъленія учениковъ не сословіямъ, то изъ 101 человіка, 76 принадлежало ремеслениему классу, - только 5 человъкъ лакеевъ, а 20 человъкъ большею частію дъти, которыхъ занятія еще не опредълвянсь. Изъ этого же отчета узнаемъ, что въ числе учащихся было 5 человъкъ дворянъ, 5 кущиовъ и 4 однодворца. Слъдовательно, веспресныя школы могуть быть нолезны не для одного только простаго народа. Относительно возраста учащихся, изъ отчета видие, что «всего охотиве несвщають школу отъ 10-15 и отъ 16 до 20 льть (первыхь 53, а вторыхь 36), возрасть, въ который неиратупавинаяся воспрівичивость особенно содійствуєть успівняюму ходу обученія». «Всякая новая міра, всякое улучшеніе обсуживались предварительно въ недагогическомъ совете, въ нрисутствін штатнаго смотрителя дворянскаго училища, Слепушкина. «Учащіеся были снабжаемы въ школь всыми необходимыми пособими, т. е. книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и т. п.» Средства существованія школы доставлямись пожертвованіями; «самымъ діятельнымъ участинкомъ и ревностнынъ собирателенъ натеріальныхъ средствъ быль г. Дектеревъ. Пожертвованной суммы для всёхъ трехъ школъ (въ то время, когда составлялся этоть отчеть, въ Кіевь было уже три школы, какъ увидимъ далъе) было всего 230 руб. 55 кон. Изъ этой суммы издержано на учебныя пособія 136 руб. 78 к. и затемъ въ наличности осталось 93 р. 77 к. Само собою разумется, что эти средства не велики и что прочное существование школъ требуетъ и прочнаго фонда. Весьма важно въ этомъ отношеніи было бы дезволеніе публичной подписки въ пользу воскресныхъ школъ.» Выраженное въ этомъ отчетъ желание исполнилось: въ № 54 «Кіевск. Телегр.» 10 иоля, было нанечатано: «Для пріобрътенія необходиных» учебных» пособій, которыя должны быть безмездио раздаваемы учащимся, генеральгубернаторъ, князь Ил. Ил. Васильчиковъ, исходатайствоваль разръменіе у министра внутр. дёлъ на принятіе добровольных ножертвованій, съ соблюденіемъ установленныхъ, въ ст. 298 и 299 Уст. Общ. Призр., условій. Пожертвованія принимаются деньгами и книгами, также періодическими изданіями. Кром'є этого, въ пользу кієвскихъ воскресныхъ школъ разр'ємено отпускать чазъ доходовъ г. Кієва по 150 р. с. въ годъ; сумма небольшая, но постоянно обезпечения.—Комечно, отъ общества надо ждать многаго; къ сожальнію, мы не имъемъ положительныхъ изв'єстій, какъ воспользовалось оно разр'єменіемъ дёлать пежертвованія въ пользу школъ. Вирочемъ, пожертвованія книгами для Подольской школы были еще въ началь 1860 года, в въ февраль начала составляться, разум'єстся очень небольшая, библіотека.

Открытан, всявдъ за Подольскою, Ново-строенская школа тоже напочатала свой отчеть, изъ котораго мы представимъ здёсь небольмія извлеченія: «Въ день открытія школы поступило 34 человака. Количество это возрастало съ каждымъ днемъ, такъ-что въ началь марта 1860 года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась безпрестаннымъ колебаніямъ. Число дійствительно посъщающихъ школу не превынало 60. » Изъ таблицы, приложенной при отчетъ Подольской школы, видно, что и въ этой школъ преобладающее число осталось за Малороссами, которыхъ было 121 человъкъ, между-тъмъ какъ число учащихся другихъ національностей выражалось следующими цифрами: Великороссовъ 21, Поляковъ 5 и Немервъ 1. Отличіе отъ Подольской школы, какъ говорится въ отчетъ состояло въ томъ, что тамъ преобладающее число мъщанъ, а здъсь-наоборотъ: количество крестьянъ почти въ два съ половиною раза больше количества мъщанъ. Это объясняется, по словамъ отчета, тъмъ, что Новое-Строеніе и ближайшая къ нему часть города --- Крещатикъ имъють наибольнее число мастерскихъ, въ которыхъ мастеровые — по большей части-крестьяне, отданные помъщиками во вычуку; однивь словонъ, это различе интетъ чисто мъстное значение. Результаты обученія въ объихъ школахъ были значительны; по обоимъ отчетамъ видно, что ученики въ итсколько уроковъ усптвали усвоивать основательно то, что въ прочихъ, регламентированныхъ, шкелахъ обыкновенно плохо усвоивается въ четверо — большій срокъ. Что значать — съ одной стороны -- свободное желаніе учиться, а съ другой -- нестісняемое, рабски и педантически выполняемыми программами, преподаваніе. Будемъ продолжать обозрѣніе открытія воскресныхъ школь въ хронологическомъ порядкъ.

Въ концѣ того же 1859 года было предположено открыть женскую воскресную мколу, такъ-какъ успѣхъ мужскихъ воскресныхъ мколъ указатъ очень вено на сильно сознаваемую простыми классами народа потребность учиться грамотѣ. Г-жа Нельговская и классныя дамы ея наисіона, «желая, по возможности, удовлетворить этому стремленію и принимая во вниманіе, что для дѣвочекъ еще шѣтъ никакого заведенія, гдѣ бы недостаточныя изъ михъ могли получать образованіе (1), рѣшились открыть, съ дозволенія начальства, воскресную женскую школу, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ были открыты мужскія. Школа была открыта черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ была задумана, именно 31 января 1860 года и помѣстилась въ здаміи 2-ой гимназіи. Учебныя пособія для учащихся положеню было выявать безплатно.

Въ декабръ 1859 же года, по примъру Кіева, были открыты разомъ четыре воскресныя школы въ Могилевъ.

Начало 1860 г. было не слинкомъ благопріятно для воскресныхъ школъ, — по крайней мірт въ это время ночти не было извістій объ ихъ отврытін; только въ началь мая была открыта воскресная школа въ Ніжнить, въ которой изъявили желаніе преподавать студенты Ніжнискаго лицея. О характерт, средствахъ этой школы и результатахъ ученія въ ней, мы ничего не можемъ сказать; знаемъ только, что она есть явленіе благотворной ділтельности П. В. Павлова, который, протідомъ черезъ Піжнить, подаль молодымъ людямъ шысль—завести у себя такого рода школу. Около этого же времени, т. е. въ конці мая, учреждена воскресная школа въ Житомірт, открытно которой кажется плохо очинпатизировало общество. Подобный чакть можно объяснить только містными причинами; впрочемъ въ немъ нашлись люди и сочувствующіе: такъ, г. Спиглазовъ пожертвоваль сумму на покупку пеобходимыхъ книгъ.

Виредолженін всего літа 1860 г. не было открыто ни одной воскресной школы. Затімъ, въ № 80 Кіевскаго Телеграфа, мы читаемъ: «Съ ноября міссяца, студенты Кіевской Духовной Академін нам'ярены открыть въ своихъ аудиторіяхъ безплатную будничную школу. Точное распреділеніе времени и программа занятій будутъ объявлены особо.» Но въ ноябріт міссяціт ни точнаго распредпленія времени, ни программы занятій не было объявлено; поэтому кож-

⁽¹⁾ Кіевск. Тел. 1859 года № 52.

но заключить, что школа не была отпрыта. Нельзя не сокальть, что такое полезное двло, какъ учреждение будничной школы, не состоялось. Думаемъ, что въ этомъ нельзя винить студентовъ академін; въроятно, они встрътили дъйствительное препятстие.

Студенты университета св. Владиніра продолжали и въ 1860 году свою деятельность по открытію воскресныхъ школь. Они открыли, въ концъ октября, школу въ части города, называемой Печерскомъ, и въ то же время предположили открыть еще тколу на Новомъ-Строенія. Кієвскіе гимназисты въ свою очередь таже иринесли посильную дань полезному делу:--- въ «Кіевск. Телегр.» 1860 г. № 86 отъ 10 ноября, помъщено савдующее навъстіе: «Въ первой Кіевской гимназін уже около мъсяца существуеть воскресная школа, учрежденная по желанію гимназистовъ. Сначала, какъ говорять, быль сдъланъ опытъ надъ обучениемъ гимназической прислуги, а нотомъ допущены и приходящіе извить. Теперь уже приходящихъ бываетъ, говорять, человъкъ до 60; впрочемъ, самая школа не открыта еще такъ-сказать офиціально, т. е. еще не сявлано о ней надлежащихъ объявленій». По поводу этой школы, въ той же газеть выражене следующее мивніе: «Намъ кажется даже, что при всякомъ высшемъ н среднемъ учебномъ заведении непремънно должна быть воскресная некола. Отъ этого выгода можеть быть двоякая; и для учащихся и для учащихъ.»

6 Ноября 1860 г. была открыта женская воскресная школа, — поитестившанся въ дом' женской Фундуклеевской гимпазіи. Открыни ее дамы. Эту школу предположено было открыть гораздо раньше и все уже было приготовлено, но уфредительницы не рышались выступить въ роляхъ общественныхъ дъятелей.... Въ это же самое время—тоже дамы, преимущественно изъ купеческаго сословія, задушали открыть женскую воскресную школу на Подоль—и то же отсутстве рышимости долго мъщало дълу.... Наконецъ школы были открыты.

Въ этомъ же году были открыты воскресныя школы въ Харьковъ, но развитно ихъ, кажется, сначала что-то мъщало; вообще о харьковскихъ воскресныхъ школахъ было мало писано. Между тъпъ, отъ Харькова, университетскаго и торговаго города, межне, повидимону, ожилать иногаго.

Въ Полтавской губерніи воскресныя школы были учреждены въ сліздующихъ городахъ: въ Полтавіт, — учащихся 169; въ Кременчу-гіт—двіт, мужская и женская, по 40 учащихся въ каждой; въ Пе-

репславлё—учащихся 116; въ Золотоноше, — где, по незначительности населенія учащихся, было только 13 м наконоць — въ Лубнахъ. Какъчесло учащихся, такъ и чесло самихъ школъ въ губерніи, подтверждають наше мивніе о полтавскомъ обществе, высказанне по поводу открытія женской гимназів въ г. Полтаве.

Прежде чтыть перейдемть къ исторін воскресныхъ ніколъ въ настоящемть 1861 году, остановнися на одномть важномть фактъ въ жизни воскресныхъ школъ, — именно на изданныхъ въ 1860 г. «Правилахъ для воскресныхъ школъ», которыми должны были руководствоваться учредители воскресныхъ школъ, и послъдовавшемть въ 1861 году циркуляръ, подтверждавшемть и объяснявшемть эти правила.

Правила эти раздъляются на три части: въ первой излагаются общія положенія для воекресныхъ школъ:

«Воскресныя школы, для первоначальнаго образованія въ народъ, могуть быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами съ разръшенія начальства учебнаго округа, по сношенію съ мъстнымъ губернскимъ начальствомъ. Воскресныя школы состоять въ въдъніи директора училящъ и подъ неносредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училящъ или другихъ лицъ учебнаго въдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа. Часы для учебныхъ занятій опредъляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу и директоромъ училящъ, съ паблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятій начинались посль поздней облюдни и вообще не лишали ученимиковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію (§ 4). Въ воскресныя школы иринимаются лица всъхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть немъщаемы отдъльно отъ школъ для дѣвицъ (§ 7).»

Во второй части правиль—изложены основанія, которыми доджны руководствоваться преподаватели, «По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами въдомства министерства народнаго просвъщенія (§ 8).» «(§ 9. Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) Законъ Божій, 2) чтеніе и нисьмо на русскомъ языкъ, 3) армометика и 4) по мъръ надобности, рисованіе и черченіе. § 10. Обученіе Закону Божію производится священно-служителями и, съ разръшенія енархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важивінія молитвы, краткая священная

исторія, краткій катехизись, воскресныя евангелія, зваченіе праздинковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаванів Закона Божія, вниманіе законоучителя должно быть преннуществення обращено на объяснение нравственнаго значения излагаемыхъ фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе правовъ. § 11. Чтеніе не слідуеть ограничивать одніми книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповеданія и се церковно-славянскою печатью. § 12. Преподавание ариометики должно быть чисто практическое, развивающее соображение учащихся и заключающееся преимуществение въ ръшенім задачъ, взятыхъ изъ быта близкаго къ учащимся. § 13 Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примънены къ ремесламъ. Относителью книгъ, — въ § 14 сказано, что въ воскресныхъ школахъ, должны употребляться только тъ книги, которые признавы начальствомъ Округа полезными для приходскихъ училищъ.

Въ третьей части «Правилъ» говорится о средствахъ содержанія в о помъщеніи училищъ. «Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами содловій, по установленію, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержани относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ в плата нижнимъ служителямъ. Эти издержки ни въ какомъ случав не должны падать на училищное въдомство. (§ 16). Помъщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы безплатно или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвъдомственныхъ министерству народяло просвъщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ въдомствъ, съ разръщенія ихъ начальства. На помъщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному въдомству, должно быть всправиваемо Высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества (§ 17).

Спустя изкоторое время после изданія этихъ правиль, начальство сочло нужнымъ объяснить ихъ точнее, дабы не могло быть инкамихъ недоразуменій и особенно «уклоненія столь нолезныхъ для народнаго обравованія заведеній отъ прямаго пути, указываемаго миз самымъ ихъ назначеніемъ (1).» Для этого, въ 1861 году, былъ изданъ циркуляръ, въ которомъ пояснялось, что вескресныя школы должны служнть только пособіємь приходскимь училищамь и препору-

Digitized by Google

⁽⁴⁾ Циркулярь по управлению С.-Петербургения Учебнымъ Округомъ.

чалось и встному начальству не упускать изъ виду такое ихъ назначение и заботливо следить за темъ, чтобы воокресныя школы не выступали изъ гранинъ определеннаго имъ круга действій. Циркуляръ быль изданъ нотому, что изъ полученныхъ сведеній министерство усмотрело, что въ некоторыхъ местахъ, какъ говорится въ циркуляръ по управленію С.—Петербургскимъ учебнымъ округомъ, — усердіе учредителей или распорядителей школъ иногда завлекаетъ ихъ дале границъ, указанныхъ школамъ ихъ назначеніемъ. Такъ напримеръ, въ Кіеве въ одной школе преподавалась исторія, а въ одной изъ М. сковскихъ школъ преподаватели занимались съ учениками оранцузскимъ и итменямъ языками.

Новыя правила, поясняющія прежнія, были слідующія: 1) обученіе въ воспресныхъ школахъ ограничивается Закономъ Божівиъ, чтеніємъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началями ариометики. рисованість и линейнымь черченість, гдв потребуеть містная необхоавмость. Преподавание предметовь, не входящихь вь программу обученія въ приходскихъ училищахь, отнюдь не допускается вь воскресных в щколахь. 2) При преподаванів повменованных выше предметовъ въ воскресныхъ школахъ употребляются тъ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министерствомъ народнаго просвъщения или допущены къ употреблению въ начальныхъ училищахъ другихъ ведоиствъ. 3) Особенное внимание должно быть обращаемо ва то, чтобы учредители и распорядители воскресныхъ школъ были люди еполить благонадежные; а потому, не ограничиваясь офиціальнею перешнекою, директоры училищь общаны, въ случат, если жедажное учредить школы лично имъ неприйстны, предварительно собивать объ ниль точныя удостоверенія н. затемь, относительно депушенія ихъ къ открытію школь или расноряженію въ нихъ, вчодить лично въ соглашение съ мъстными гражданскими начальствами. 4) За ходомъ обученія въ воскресныхъ школахъ, должны, подъ главнымъ надзоромъ начальства Округа, иметь постоянное наблюдение итатные смотрители увадныхъ училищъ, директоры римнавій и другія лица, комиъ сіе будеть отъ начальства перучено. 5) Въ случат, если со стороны распорядителей или преподавателей замечены будуть действів, несогласныя съ началами, указанными въ настоящемъ предвожения, а триъ болье напревление, противное религюемымъ истинамъ, государственному управление и правилямъ правственности, текомые неблагонадежные преподаватели или распорядители должны быть немедление отстраняемы и недопускаемы затать къ обучение или распоражение въ другихъ воскресныхъ школахъ. 6) Въ женскихъ воскресвыхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорадители молодые люди всякаго рода службы и званія; но весьма желательно бы, чтобы таковыми были всегда лица женскаго пола.

О результатахъ, которые произонан отъ применения этихъ правиль иъ руководству въ воскресныхъ мисолахъ, можно судить сравнивъ число преподавателей и учащихся въ школахъ — до и послъ изданія правиль. Къ сожальнію, мы не имьемъ этихъ статистическихъ данных. Изъ отчета Фундувлеевской воскресной шволы въ Кіевъ, который у насъ есть, мы ничего не можемъ заключить, потому что опъ еоставленъ только за первые два мъсяца 1861 года; а поздивнимъ отчетовъ воскресныхъ школъ на югь мы не нивемъ. Но о томъ, какого рода результаты могуть принести эти правила въ примененіи къ воскреснымъ школямъ, вообще можно нѣсколько сулить по «краткому отчету о Рогачевской воспресной школь за марть 1861 года (1)», въ которомъ читаемъ следующее: «Вст вообще ученики, постывание школу въ марте месяце, были грамотны, и потому занимались больше письмомъ на русскомъ языкъ и ариометикою; причемъ преподаватели вовсе не выходили изъ программы обучения въ приходених училищахъ, строго придерживаясь правиль для воскресныхъ школь С.-Петербургскаго учебнаго округа и циркуляра по управлению того же округа. Несмотря на выгодное помещение въ доме, занимаемомъ -убеднымъ училищемъ, достаточное число пренодавателей, простирающевся до восьми, одинаковое всегда ихъ усердіе въ- иснолненія своихъ обланностей, надлежанцую недагочическую обстановку и избытокъ даже оредствъ къ успъху обучения въ школъ, все-таки числе учениковь вы ней, вы послыднее время, уменьшилось вы четыре раза. Не місто здісь говорить о причині столь прискорбнаго для насъ явленія; остается только просить высшее начальство объ измізненія нікоторыет пунктовъ выносказанныхъ правилъ, насколько это возможно, по мъстнымъ причинамъ, особенно относительно часовъ обученія; потому что ученики наши, после послей обедин, обыкновенно бывають заняты дома исполнения разных хозайственных надобностей, прениущественно же въ теплое время года; да притом не досольствуются одини лишь чискови и письмом на русском языкъ, равно какъ первыми началами армементики.

⁽⁴⁾ Могил. Губ. Въд. 1301 года.

Въ 1861 году, сочувствие общества къ воскреснымъ школамъ не ослабъвало, а напретивъ возрастало болъе и болъе, разумъется—не всего, а у образованныхъ его представителей, — и школы продолжали открываться несмотря на нъкоторыя неблагопріятныя обстоятельства; притомъ появились не одит воскресным но и будничныя безнлатныя школы. Подобная школа была открыта въ г. Новомиргородъ Херсонской губерніи. Изъ воскресныхъ была открыта школа въ Сергъевъ, Бессарабской области, существованіе которой, на весь настоящій годъ, обежнечиль тамошній исправникъ г. Лазо; другая воскресная школа Бессарабской области, — женская, открытая въ Кишиневъ, преобразилась въ постоянную женскую школу и, въ началъ 1861 года, въ ней было уже 180 ученицъ.

Въ Черниговской губерніи были открыты школы въ гг. Черниговсь и Новгородсъверскъ; въ послъдней, къ маю мъсяцу, было 50 учениковъ; преподаваніемъ въ ней занимаются исключительно гимпазисты подъ наблюденіемъ своихъ учителей. Въ этомъ же городъ нъсколько дамъ, — преимущественно жены учителей, — задумали открыть женскую воскресную школу въ самомъ скоромъ времени.

Оканчивая краткій отчеть о воскресныхъ школахъ въ Украинъ, ны видимъ, что опъ, при значительной долъ сочувствія образованныхъ членовъ общества, существовали довольно незначительными, по большей части, ничемъ необезпеченными, средствами. И въ настоящемъ году — также какъ и прежде, — онъ поддерживались единственно пожертвованіями и сборами за благотворительные спектакли, концерты и т. п. Въ этомъ отношени, намъ кажется прекраснымъ предпрінтіе студентовъ университета св. Владиміра, о которомъ помъщено слъдующее извъстіе въ № 5 К. Т. 1861 года: «Студенты кіевскаго университета, заботясь о матеріальныхъ средствахъ воскресныхъ школъ, которынъ они положили начало, учредили музыкальные вечера но субботамъ (въ самое свободное время для всякаго). Эти вечера, выбють два весьма важныя значенія: 1) крайне умітренною цітною за входъ, 25 — 50 кой. ср., — они доставляють возможность эстетического наслажденія людямъ, лишеннымъ возможности слушать дорогіе концерты, и 2) пріобр'єтають воскреснымъ школамъ существенное пособіе, безъ всякихъ вымогательныхъ мітръ, въ родіт раздачи билетовъ чрезъ полицію, --- какъ это водится въ нѣкоторыхъ филантроническихъ обществахъ, неразборчивыхъ въ двле способовъ благотворенія». Кром'є того, въ начале года, въ Кіев'є дано было лю-

Digitized by Google

бителями два спектакля въ пользу воскресныхъ школъ, -- было собрано довольно, несметря на то, что директоръ театра, Борковский взяль сь воскресных школь га два представленія—600 руб. сребр.! Въроятно кіевскія воскресныя школы, на ряду съ именями благотворителей, не забудутъ и почтеннаго г. Борковскаго. Изъ отчета женской воскресной школы въ Кіевъ при Фундуклеевской гинназін, -- о которомъ мы говорили выше, -- мы узнаемъ, что ея матеріальныя средства за 4 мъсяца существованія (отъ Ноября 1860 по Мартъ 1861 г.) заключались въ 132 р. 85 к., которыя составились: изъ суммы ассигнованной кіевской городской думой на воскресныя школы (15 р.); части общаго сбора пожертвованій (64 р.), изъ 25 рублей, пожертвованныхъ княгиней В. Голициной, частв изъ половинной суммы, собранной за сцектакль, данный г-жею Нельговскою, и за концертъ и живыя картины, данныя ки. Васильчиковой въ польку воскресныхъ школъ и студенческой лекторіи (28 р. 85 к.). На учебныя пособія было издержано 65 р. 40 к. Въ отчеть сказано, что оставшейся сумны достаточно для обезпеченія существованія школы на годо и прибавлено: «Сивенъ надвяться, что и нравственное существование нашей школы будеть поддерживаться, какъ преподавательницами, такъ и сочувствіемъ публики къ образованію народа. Желательно-бъ имъть большее число преподавательницъ; къ сожальнію мы должны сказать, что на многія приглашенія къ участію отвыты получены отрицательные». Чтобъ представить возможно-полную характеристику воскресныхъ школь, делаемъ изъ того же отчета следующую, несколько объясняющую причины непосещения воскресныхъ школъ ремесленниками выписку: «Большая часть учениць живетъ у своихъ родителей, есть несколько горинчныхъ; замечательно, что взъ магазиновъ дамскихъ, гдв живутъ целые десятки девушекъ, ученицъ очень мало, всего — 4; притомъ носледија, какъ в горимчныя, ръдко посъщають школу, (несмотря на ихъ желаніе посъщать постояню), потому что онв бывають заняты работой и св праздничные дни».

Нътъ сомнънія, что воскресныя школы въ городахъ, несмотра на неблагопріятныя обстоятельства,—найдя сочувствіе въ народъ, на что можно расчитывать, судя по тъпъ даннымъ, которыя мы видъля, принесутъ большую пользу и окажутъ ощутительное вліяніе на самый бытъ народа, просвътляя его взглядъ на жизнь и отношенія и приготовляя матеріалы для дальнъйшаго развитія. Но они все—такъ

существують для меньшинства; вдали оть городовь, въ селахъ и деревняхъ, живеть огромное большинство народа, называемаго многознаженательно-простыжь, --который не имбеть возможности получать образованія въ городахъ, какъ по недостатку средствъ, такъ, наконецъ, по самому характеру и роду своихъ занятій, требующихъ его постояннаго присутствія дома. Следовательно школы, въ которыхъ онь можеть получать образованіе, должны быть въ средв его, въ селахъ и деревняхъ. Для благосостоянія всего народа эти школы нивють громадное значеніе, -понятое наконець всёми образованными народами, у которыхъ на эти школы обращено уже внимание. У насъ давно уже были открываемы школы въ селахъ государственныхъ крестьянъ. Но въ помъщичьихъ имъніяхъ подобныя школы открывались очень ръдко; если и открывались, то были назначены для обученія преимущественно церковно-славянскому чтенію, письму, и молетвамъ, --- вообще обучение въ нихъ было скудное, результаты ничтожные и народъ не имъль къ нимъ, сочувствія. Съ уничтоженіемъ крвностнаго состоянія, съ развитіемъ промышленности и торговли, надо ожидать, что взглядъ народа на ыколы и образование измѣнится и потребность обученія уяснится. Въ последніе два — три года начали открываться сельскія школы во многихъ помішичьихъ имітияхъ и, кажется, на итсколько иныхъ основаніяхъ, чтиъ прежнія. Мы представимъ здёсь краткій очеркъ сельскихъ школь, открытыхъ въ носледнее время, начиная съ конца 1859 года.

Въ декабръ 1859 года, Кіевской губерніи Радомысльскаго утада въ Каменно-Бродской вотчинъ, принадлежащей помъщикамъ Сивникимъ, была открыта школа для мальчиковъ. По этому поводу, редакція Кіевскаго Телеграфа получила слъдующій актъ, за подписью владъльцевъ и священника Радзіевскаго: «Владъльцы Каменно-Бродской вотчины, коллежскій совътникъ Владиміръ Ивановичъ и титулярный совътникъ Варфоломей Ивановичъ Сивицкіе, владъя нъсколько лътъ этою вотчиною, положительно убъдились, что главнымъ, между прочимъ, зломъ худой нравственности крестьянъ и ихъ перадънія въ домашнемъ быту служитъ нетолько совершенное незпаніс ими грамоты, но даже необходимъйшихъ вседневныхъ молитвъ и десяти заповъдей, установленныхъ церковью. Въ видахъ постепеннаго искорененія въковыхъ между крестьянами предразсудковъ и направленія ихъ къ честному труду и доброй нравственности, владъльцы учредили наконецъ первоначальное приходское училище, для обученія въ немъ крестьянскихъ мальчиковъ, пригласивъ для этого ибстнаго приходскаго священника. Предназначивъ такимъ образомъ, для открытія училища, 6 Лекабря сего года, владъльцы вотчины распорядвлясьсперва избрать изъ среды многосемейныхъ крестьянъ способныхо мальчиково, а потомъ, по отслужени священникомъ въ церкви объдни и молебна, призваны были какъ новые ученики, такъ и ихъ родители въ назначенный для училища временной домъ (впредъ до устройства постояннаго), гдъ въ присутствін владъльцевъ и при стеченіи крестьянъ, отслужено священникомъ молебствіе о ниспосланін успъховъ въ предстоящемъ ученін для пользы обшей; а затімъ самими владъльцами вручены каждому ученику заранъе вриготовленные буквари, или начальное ученіе, по которымъ съ следующаго дня и началось уже преподавание имъ уроковъ. Нельзя при этомъ не сказать, что какъ во время созванія крестьянскихъ мальчиковь, такь и при торжественномь открыти училища, нъкоторые ученики и ихъ отцы и матери, по сродной вевыв имь простоть и боязни (!), первые плакали, а послыдніе также со слезами упрашивали не отдавать дътей ихъ въ училище, пока не была имь внятно объяснена благая цъль ученія». Приведенный актъ довольно красноръчиво говорить какъ о взглядъ народа на училища, такъ и взглядъ на средства привлекать мальчиковъ въ школу. Впрочемъ, школа пошла успъщно, такъ-что, къ марту следующаго 1860 года, двенадцать обучавшихся въ ней мальчиковъ оканчивали ученіе букваря и вседневныхъ молитвъ; послв чего предположено было дать имъ гражданские учебники и начать учить писать. Лътомъ предполагалось обучать воспитанниковъ училища садоводству и огородничеству подъ руководствомъ помъщичьяго садовника. Не ограничиваясь этимъ училищемъ, владъльцы предполагали открыть такое же для дівочекь и, кромі того, основать въ своей вотчені крестьянскую библіотеку. Не знаемъ, какъ гг. Сивицкіе привели въ исполненіе свое благородное намъреніе...

Въ томъ же декабръ, 9 числа, была открыта школа въ селъ Козаровичахъ, Кіевскаго уъзда, помъщицы Бобръ-Петровецкой; она была открыта при церкви приходскимъ священникомъ Филимономъ Пасинскимъ вмъстъ съ поссесоршею Мицкевичевой и крестъянами. Въ школъ начали учиться 19 крестьянскихъ мальчиковъ, 2 мальчика изъ военнаго званія и 2 духовнаго. — Безъ сомнънія въ этомъ

же году было открыто еще нъсколько школь, но о нихъ, къ сожалънію, мы не имъемъ извъстій.

1 Января 1860 года, была открыта школа въ селъ Микуличахъ, имъніш графа Остенъ—Сакена,, (Кіевскаго уъзда), стараніями управляющаго имъніемъ г. Карпова и приходскаго священника, о. Захарія Шереметинскаго. Въ этой школъ начали ученіе 12 крестьянскихъ мальчиковъ и 4 дъвочки. Преподаваніе, какъ въ Микуличской, такъ и Козаровичской школъ взяли на себя священники и причетники безплатно. Объ школы, какъ видно, не стъснены никакими условіями относительно учащихся; кромъ крестьянъ, ихъ посъщають дъти и другихъ сословій, что доказываетъ крайнюю необходимость подобныхъ школъ. Въ Черниговской губерніи была открыта школа въ селъ Пьяный—Рогъ (Мглинскаго уъзда), владънія графа А. К. Толстого. Нельзя не сочувствовать прекрасному желанію гр. Толстого—доставить возможность первоначальнаго ученія въ этой школъ не только дътямъ крестьянъ, но и всъхъ сословій.

Къ открытію сельскихъ школъ въ Кіевской губерніи много способствоваль указъ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго (нынъ С.—Петербургскаго) Исидора, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣмъ сельскимъ священникамъ заводить при церквахъ школы.

12-го генваря 1860 года, открыта была при церкви безплатная микола въ м. Бълогородкъ, Кіевской губерній, тамошнийъ приходскимъ священникомъ; къ маю того же года, ученики уже свободно читали церковно-славянскую грамоту; —такъ какъ, въ этомъ училищъ былъ всего одинъ учитель священникъ, то болъе способные и знающе мальчики въ свою очередь учили вновь поступавшихъ неграмотныхъ.

Въ м. Бълой Церкви (Кіевск. губ. Васильковского убада) еще съ конца прошлаго года начали заводиться сельскія школы и въ началь 1860-го, въ мъстечкъ было уже 4 училища съ 97 учени-ками. Первая ваъ этихъ школъ открыта 25-го ноября 1859 года, въ домъ священника Преображенской бълоцерковской церкви М. С.; на первый разъ явилось только 17-ть мальчиковъ; но въ теченін пяти дней число желающихъ учиться возрасло до 50. 15-го декабря того же года, въ приходъ Магдалинской церкви за ръкою Росью, была открыта вторая школа; въ ней изъявили желаше учиться 14 мальчи-ковъ; третья школа открыта 17-го декабря того же 1856 года на

урочищъ Ротку, учениковъ въ -нее явилось всего 9; и наконель четвертая школа открыта уже въ 1860 году 3-го февраля, въ предмъстін м. Бълой Церкви, Александріи; въ нее пришло 22 мальчика и 7 дъвочекъ. - Ученіе въ школахъ не безплатное, потому что и само общество и учредители школъ нашли нужнымъ получать хотя самую небольшую сумму за ученіе, для поддержанія средствъ существованія школь; добыть же средства изъ другихъ источниковъ пытались но не могли, благодаря цивилизаторской дъятельности откупа и сочувствующихъ ему лицъ. Объ этомъ вотъ-что говорится въ «Руководствъ для сельскихъ пастырей» въ извъстіп изъ Бълой Церкви: Общество прихожанъ, изыскивая способы къ содержанію, постановило-было: при ведерной покупкъ водки къ праздникамъ, крестинамъ, свадьбамъ и т. и. взимать съ каждаго покупателя по 20-ти копъскъ съ ведра, сверхъ нормальной цъны. Этотъ добровольный сборъ, падавшій преимущественно на зажиточнъйшихъ крестьянъ и касавшійся предмета прихоти, могъ быть весьма значительнымъ. при значительномъ числѣ прихожанъ, простирающемся до 8000 душъ обоего пола; но въ самомъ началъ своемъ онъ былъ пріостановленъ претсизіями м'естнаго откупа и н'екоторых соприкосновенных съ нимъ лицъ, непрепятствующихъ однакожъ подобному сбору съ еврейскаго общества на постройку каменной синагоги.» Въ томъ же извъстіи о бълоцерковскихъ школахъ дальше сказано, что «педагогическій совъть бітлоцерковской гимназіи съ своей стороны изъявиль жесодъйствовать пробудившемуся въ крестьянахъ Церкви стремленію къ образованію и для сего предиолагаеть, въ наступающіе весенніе и льтніе мъсяцы (извъстіе писано отъ 27 апръля 1860 г.) открыть классы гимназіи, гдъ въ посльобъденное время, съ 3-хъ часовъ пополудни, ученики высшихъ классовъ закрытаго заведенія, подъ руководствомъ г.г. учителей, будутъ обучать чтенію по гражданской печати, ариометикъ и начальнымъ правиламъ русскаго языка тёхъ дётей, которыя уже выучились славянской грамотъ и письму въ церковныхъ школахъ; законоучитель гимнавін будетъ преподавать имъ Закопъ Божій. Бълоцерковское общество чиновниковъ и дворянъ также выразило свое сочувствіе къ низшаго класса здёшнихъ жителей, пожертвовавъ въ пользу этого дъла доходъ (въ 150 р. сер.) съ музыкальнаго и танцовальнаго вечера, состоявшагося 17 апръля сего года. «По другимъ извъстіямъ, объ этихъ школахъ, мы узнаемъ, что тамощніе поміжщики не принимаветь инжекого участия въ- этомъ деля (*). — Въ томъ же журналь (1860 года), изъ котораго мы привели выниску, есть извъстие объ открытін, въ 1859 году, школы въ деревит Карашинт Каневскаго утала Кіевской губернін, банзь містечка Корсуня; не поміщая всего извістія, мы сдваземъ изъ него некоторыя выписки указывающія между прочинъ на всегда-присущее нашему народу горячее желаніе помочь обнему дълу. «Деревня Карашина.» пишетъ священникъ А. Лебединцевъ, — «находится въ Каневскомъ укадъ Кіевской губерній, верстахъ въ 5-ти отъ мъстечка Корсуня. Въ этой деревиъ ость церковь во имя св. Архистратига Михаила, но она приписана съ давняго времени из приходу Спасской церкви м. Корсуня. Въ самомъ Корсунъ нъсколько дъсятковъ лътъ существуетъ школа на иждивении мъстнаго владъльна, князя Лонухина: но эта школа предназначена исключительно для обученія поступающихь вь хорь пъвчихь, вь музыканты и на услужение при дворь владъльческомь; поэтому въ ней обучаются далеко не всв крестьянскіе мальчики м. Корсуня, дъти же жителей д. Карашины оставались безъ всякихъ средствъ къ обучению. Годъ отъ году все болъе и болъе убъждался я въ необходимости открыть въ д. Карашинъ школу. Придумывался источникъ, изынскивались средства, наконецъ средства были найдены: въ Карашинъ жилъ 80-ти лътній старикъ, церковный староста, Песторъ Сунчавъ, крестьянинъ князя Лопухина. Въ теченіе долгой своей жизни, ръдкою честностью и трудолюбіемъ, онъ нажиль значительное состояніе. Умнаго и добраго старика безпоконла мысль, что, кромъ престарћаой жены, для которой не многое было нужно, не осталось у него другихъ наследниковъ, которымъ онъ пожелалъ бы передать свое достояніе..... Я предложиль старику, отделивь часть имущества на починку и украшение церкви, остальное употребить на основаніе школы. Старикъ не только согласился на мое предложеніе, но видимо обрадовался ему. Спустя немного, старческая немощь его усилилась и онъ скоро отошель къ Господу, завъщавъ миъ съ двумя прихожанами, кромъ приличнаго исправленія церкви, устроить на его счетъ училищный домъ со всёмъ обзаведениемъ, съ окладомъ жалованыя, на первый годъ, для учителя и полцымъ содержаніемъ для десяти мальчиковъ-сиротъ, или дътей бъдныхъ родителей. Для поддержанія училища на всегдашнее время назначена часть дохода съ водяной мельницы, принадлежащей старику и состоящей на ръкъ Ро-

^(*) Kies. Tes. 1860 r., No 75.

св. «Затъмъ училище было открыто 8 ноября 1859 года и учоніе ношло довольно успішно; ученики на літо были отпускаемы домой съ обязательствомъ собираться по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для новторенія пройденнаго. Въ вто же время о. А. Лебедицевъ предположилъ открыть въ д. Листвинъ, находящейси тоже ведалеко отъ м. Корсуни, женскую школу.

По оффиціальнымъ извъстіямъ послъдняго времени, духовенство Кіевской губ. открыло, при церквахъ, 1036 школъ, въ которыхъ число учениковъ доходивъ до 19,000. Для надзора за этими школами учреждены, духовнымъ въдомствомъ, особые блюстители, которымъ дана въ руководство инструкція. Нельзя не ножелать, чтобъ эти школы, вызванныя къ жизни извить, а не внутреннею дъятельностью общества, также скоро не были заброшены, какъ и образовались. Существоваваніе и развитіе ихъ столько зависитъ отъ личной энергіи духовенства, сколько и отъ матеріальныхъ средствъ. Желательно, чтобы нашлось то п другое, и чтобы методъ обученія дътей не былъ схоластическій.

Объ открытін въ 1860 г. школь въ Каменецъ-Подольской епархін, протіерей Евфиній Лозинскій, сообщаеть редавцін «Кіевскаго Телеграфа» слёдующее: «Въ нашей Каменецъ-Подольской епархіи духовенство встхъ безъ исключенія приходовъ чрезвычайно торошится заводить, на первый разъ-въ своихъ домахъ, школы для обученія грамоть преимущественно крестьянскихъ мальчиковъ и дъвочекъ. Къ такому единственному стремленію въ-особенности поощрило насъ письменное воззваніе къ духовенству нашего архипастыря и присылка букварей въ даръ отъ начальника края, князя И. И. Васильчикова, въ числъ 10,000 экземпляровъ. Въ одномъ моемъ благочининцкомъ округъ, ов одну недълю, открыто мною 8 школъ и собрано учениковъ, мальчиковъ 86 и ученицъ дъвочекъ 7 и есть полная надежда, что къ началу будущаго года подобныя школы распространятся во всемъ моемъ округи, состоящемъ изъ 29 приходовъ.» О сочувствия гг. помъщиковъ къ образованію народа въ этомъ же извъстія сказано,: «ГГ. помъщики не хотятъ содъйствовать намъ въ столь насущной потребности, какъ народное образованіе, и смотрять на распространение грамотности между крестьянами съ какимъ то предубъждениемь; тогда-какъ для нихъ ничего не стоило бы поощрить по этому случаю крестьянъ; тогда все пошло бы впередъ легче, а то даже отопленія жальють для школь.» Тоть же Евфимій Лозинскій, въ генваръ 1861 года, сообщаетъ въ ту же газету. то въ остальных 21 приходѣ — къ началу настоящаго года заведены инъ школы при нерквахъ, въ которыхъ учатся 491 мальчикъ и 131 дѣвочка; — въ преподаваніи приняли участіе и дамы изъ духовного сословія; во вповь открытыхъ школахъ въ настоящее время 4 такихъ наставницы. Къ несчастію, и эти школы, при своемъ открытів, встрѣтили со стороны нѣкоторыхъ то же упорное предубѣжденіе и антинатію къ образованію, что видно изъ слѣдующаго мѣста въ нисьмѣ г. Лозинскаго: «Судя потому, какъ велико стремленіе въ народѣ къ обучению дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учению дѣтей грамотѣ, надо сказать, что далеко выше была бы цифра учению дѣтей грамотѣ, просторныя, селибы была возможность прівскать помѣщенія особыя, просторныя, свѣтлыя, теплыя и сухія, — а то всѣ онѣ находятся въ домахъ церковныхъ, большею частію такихъ, въ которыхъ самые причты съ семействами едва только помѣщаются, не бывъ поддержаны пикакими властями, ни отапливаемы и очищаемы, когда у причтовъ нѣтъ въ достаткѣ ни собственнаго топлива, ни прислуги. »

Трудно существовать школамъ, при такой обстановкъ, -- но теперь, при большей свободъ, естественнымъ образомъ улучшатся средства крестьянь и они, надо надъяться, не будуть нуждаться въ помощи тъхъ, которыхъ прямою обязанностью и долгомъ было бы помочь ямъ. Вирочемъ, въ нъкоторыхъ мъстахъ крестьяне сами находили возможность изъ своихъ скудныхъ средствъ удёлить нетолько на школу, но и на июмощь бъднъйшимъ своимъ собратьямъ, желавшимъ обучать своихъ автей; такъ «крестьяне Новградволынского увада, села Пищева, помъщика графа Ал. Потоцкаго, 22 ноября 1860 года, собравшись на мірскую сходку, составили приговоръ, которымъ постановили: жертвовать при каждомъ взносъ податей въ казну по 5 коп. сребр. съ души на устройство ихней сельской школы, а именно: на покупку учебныхъ пособій, на содержаніе и обученіе дытей быдныхъ крестьянь и сироть, на наемъ учителя въ помощь ихъ приходскому священнику, на наемъ сторожа и т. п... Причемъ они избрали изъ среды себя благонадежнаго крестьянина, которому поручили, по распоряжению ихъ духовнаго отца, производить расходы денегъ на школу н. по-временамъ, отдавать имъ отчетъ въ расходъ ихъ денегъ.» (1) Въ открытія этой школы принималь самое д'ятельное участіе приходскій священникъ села Пищева, Миханлъ Чечетъ.

Въ началъ настоящаго 1861 года, заведена сельская школа въ селъ Макіевкъ, Васильковскаго узъда Кіевск. губернін, стараніями мъст-

⁽¹) Kies. Tea. 1860 r. № 99.

наго приходского священника; школа въ этомъ селъ существовала уже давно, но въ малыхъ размърахъ, — она была заведена священникомъ для обученія собственныхъ дътей, и небольнаго числа дътей прихожанъ, —и помъщалась въ домъ священника. Въ концъ 1860 г. положено было стараться дать школъ больніе размъры и выстронть для нея домъ. «Мъстный владълецъ Г. Д., испытывал плоды прежняго обученія его крестьянъ (въ домъ священника), изъ коихъ двое оказались весьма полезными при управлении его экономією и домомъ, по предложенію того же священника и прошенію крестьянъ, отпустиль нужный для постройки дома матеріалъ и объщаль дать хлъбъ, какой окажется нужнымъ для прокориленія учителя (*).»

Въ раскольничьемъ посадъ Клинцахъ, Черниговской губ., уже довольно давно образовалась сама-собой сельская школа съ въдома начальства. Одинъ дворянинъ успълъ пріобръсть довъріе посадскаго населенія, которое начало поручать ему своихъ дътей въ науку. Число учениковъ скоро возрасло настолько, что потребовалась постройка особаго дома, которую, съ разръшенія начальника губернін, взяли на себя два посадскіе купца. Училище находится теперь въ відомстві Министерства Нар. Пр.; учитель получаеть 350 р. жалованья; общество имбеть объ немъ попечительство чрезъ почетныхъ блюстителей и ратушу. Нътъ сомпънія, что эта школа можетъ принесть большую пользу. До сихъ поръ всв усилія правительства вразумить раскольниковъ оставались безуспъшны; время подумать о другихъ средствахъ для достиженія этой цели. Единственный ведущій къ этому путь есть просвъщение, которое одно открываеть глаза. Но чтобы раскольники охотно посылали своихъ детей въ школы, необходимо донустить ихъ участіє въ учрежденіи и управленіи школь, въ избрани учителя, и т. п.

Сельскія школы наши только еще въ зародьшів. Въ Малороссіи, въ прежнее время, были распрострапены сельскія школы частныя; онв помівнались большею частію въ церковныхъ домахъ, гдів жили причетники, или въ собственныхъ домахъ дьячковъ и пономарей — тогдашнихъ сельскихъ учителей. До сихъ поръ еще существуютъ при церквахъ домы, которые носятъ названіе школю, хотя въ нихъ давно замолкли крики школяровъ. Поселяне посылали свеихъ дітей въ эти

^(*) Kies. Tes. 1861 г. № 14.

школы, илатя дьячку за науку большею—частію сельскими продуктами. Въ одной изъ такихъ-то школъ учился грамотъ и Шевченко.

Съ 1840 г. заведены сельскія школы въдомства государственныхъ имуществъ, которыя, при содъйствін полицейскихъ мъръ, нанесли ударъ прежнинъ школамъ. Курсъ теперешнихъ школъ шире; но методъ преподаванія тотъ же-заучиваніе и вытверживаніе безъ пониманія. Школы эти не цользуются особенною симпатісю поселянина по многимъ причинамъ. Онъ учреждены только въ нъкоторыхъ мъстахъ и большихъ селахъ; поселянинъ, для того, чтобы научить своего сына грамотъ, долженъ везть его за 8-10 и болъе верстъ, отыскать для него квартиру, доставлять на него провизію и наконенъ аншиться, съ его отсутствісиъ, члена сенейства, который могь бы быть, въ свободное отъ школы время, въ помощь отпу и матери. Кромъ того, учение въ этихъ школахъ не можетъ идти успъщно, такъ какъ оно поручается большею частію священняку, который и безъ того имбетъ иного занятій. Оттого ны видимъ, что учитель-священникъ не ръдно нанимаетъ за себя дьячка, который иногда можетъ съ успъхомъ учить чтенію исалтыря и часослова, но ръдко въ состояніи научить ариометик и наставить въ христіанской правственности; случается и то, что священникъ, оторванный отъ иколы другимя занятими, поручаетъ школу одному изъ своихъ учениковъ.

Для того, чтобы образованіе народа пошло успѣшно, необходимо учрежденіе училищь въ каждомъ селѣ; учителемъ должно быть лицо, исключительно посвящающее себя этому званію. Скажутъ, что на заведеніе такого числа училищъ нужны правительству громадныя суммы.. Справедливо, если правительство захочетъ держать въ своикъ рукахъ не одно общее управленіе народнымъ образованіемъ, а и завъдываніе каждою школою. Но если правительство пожелаетъ только способствовать народному образованію, оно въ самомъ народѣ найдетъ великія средства. Пусть учредятся особенныя семинаріи для приготовленія сельскихъ учителей, заведеніе же и содержаніе сельскихъ инолъ нускай останется на обязанности каждаго общества.

ПРОЩАНІЕ Н. ИВ. ПИРОГОВА

съ учебнымъ сословіемъ и городомъ кіевомъ.

Пятъ лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европъ, ученый инрургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферъ, въ сферъ учебно-административной и успълъ пріобрѣсти общую нзвѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительностью, въ «Вопросахъ Жизни»: образователькую силу общества и главную задачу воспитанія—составляетъ не спеціалистъ, а человъкъ.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамъренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дъятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бъдность. Гдъ тъ практики, которые бы въ своей дъятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо ръшились проводить въ жизнь то, что дознано наукой, опытоиъ и исповъдывается въ теоріи иногда ими-саминия? которые способны были бы вызывать общество въ самодъятельности? Наши практическіе дъятели, съ своею служебною онытностью и воспитаніемъ, по большей части не имъютъ ни твердыхъ убъжденій, ни опредъленныхъ пълей, кромъ, конечно, пълей частныхъ; это—рутвиясты, невърующіе ни въ природу человъка, ни въ самихъ-себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дъятельности.

Дъятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учеби. Округа, не подходить подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дъйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ принфромъ для другихъ. Особенно — замъчательна върность принятымъ

началамъ и последовательность деятеля, желаніе его быть действительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угоднической ноблажки его страстямъ, но съ постояннымъ, неноддельнымъ, уваженіемъ къ человъку, кто бы онъ ни былъ. Общество оценило заслуги Н. Ив. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описанія «Прощанія» и въ рёчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ деятельности Н. Ив. Пярогова очерченъ полите и выразительное, нежели мы въ состояніи это сдёлать.

Прощальный объдъ 4-го апръля — такъ начинается описаніе прощанія Кієвскаго Учебнаго Округа съ Пироговымъ, шибать особый, своеобразный характерь, который різжо выдвигаеть его изъряда торжественныхъ объдовъ. На немъ присутствовало болъе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго въдомства, съ которыми Н. И. находился, по самому положенію своему, въ болье или менье частыхъ, въ болье или менье близкихъ отношенияхъ. А служить виссть съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Ивчъ. Это быль домашній объдь, на которомь огромная семья людей, родныхъ по убъжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріархаучителя грустно устремлены были всв вворы, къ нему одному обращались всв желанія и привътствія. Каждый говориль объ немъ одномъ, каждый, оцтняя его заслуги, объяснялъ себт и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства разтроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорнать намъ объ одномъ, въчно непреходящемъ царствъ иден и утъшалъ насъ возможностію и въ разлукт постоянно сообщаться мысляин въ этомъ мір'в идей. Особенно-памятными пребудуть для насъ т'в минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее покольніе общественных двятелей выразило, какъ оно понимаеть Пирогова, когда представитель нравственно-поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннъйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда наконецъ издалека раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго руководителя »благословить ихъ быть достойными гражданами.« Въ эту минуту мы не жалья о Пироговь, --- ньть! мы завидовали ему тою-высокою, плодотворною завистью, которая вызываеть на благородное соревнование и усиленный трудъ.

Digitized by Google

Запиствуемъ болъе заивчательныя рвчи, объясняющія дъятельность Пирогова.

После I. Г. Михиевича, который первый выразиль воедушевлявшія собраніе чувства, при разстававін съ уважаемымъ челов'єкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказаль:

«Лѣтъ шесть тому назадъ, среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохрамится дорогое нашъ мия, общество наше пробудилось къ новой жизни: Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвади много новыхъ дѣятелей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожеоточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. И. опирался въ своей дъятельности на служеніе наукъ и правственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стану исчислять всего, что сделаль Н. И. для университетской науки; довольно уномянуть о живомъ участии, которое онъ принималь во всехъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извёстій, по замёщенію каевдрь, но разділенію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедре ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передълку поміщенія для практическихъ занятій химією, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студентская библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставиль водавіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекціе три годя.

Но главная тайна вліянія Н. И. заключалась въ служенія правственному авторитету.

Опъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученшаго правлению. Какевы бы ий были недостатки этого учреждения, но оно дало приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личнаго произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ дукъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довірія.

Онъ основываль свою власть на предапности наукв и на внутревнемъ убъяденін; но гдв власть опиралась на эти силы, гдв зрвлыя понятія только начинали пропикать въ умы молодаго поколенія, испытывавшаго на себе посторовнія вліянія, чуждыя и университету и намереніямъ его бывшаго руководителя, тамъ нельзи было ожидать внезапнаго торжества правотвещнаго самооблада́нія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовидо неразрывную связь между всъми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, ми. гг., выразить надежду, что этотъ сризъ осуществится, и предложить тостъ за Н. И., его осисвателя и представителя иравственнаго принципа въ дъл образования.

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклониямъ Нирогова, ирофессоръ анатомія А. П. Вальтеръ представилъ одумевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика. «Ми. гт! Мы вой чувствуем», что этоть обёдь, это собраніе не есть обыкоменное прощаніе съ убажающимъ начальникомъ. Мы увірены, что еслибъ ве всей общирной Россіи знали о настоящемъ диб и его значеніи, то мысли и чувства всіхъ многочислевныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И Пирогова были бы съ нами здісь въ эту торжественную минуту. Давно мавіство, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николью Ивановичу, т. е., что онь въ нолней гармовіи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Воть вопросъ, котораго рішеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вірность стремлевій какъ его самого, такъ и его послідователей.

Я виравћ говорить объ этомъ, ибо мић досталось на долю редкое счастіе следить въ продолженіи 26 леть за подвигани и действілии Н. И.

Произношу съ гордостію: я ученикъ Н. И. Я виділь, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на канедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до техъ поръ привыкли видеть дельныхъ профессоровъ только изъ Германіи. Тівить не меніве вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и веутомнивымъ рвеніемъ молодаго ученаго къ наукъ, бросилась всліддъ за нимъ. Ния Пирогова наполнило всъ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россів в одну шть лучшихъ хирургическихъ школь, разсвянные члены которой в теперь припосять пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издаль въ Дерпть два замъчательныя сочинения. Первое изъ нихъ было Лътописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тёмъ, чёмъ обыкновенно неохотно жертвують врачи; своимь renommée. Въ этомъ сочиненія онъ исповидаль публично свои клиническія ошибки, онъ доказаль ту высокую правдивость, которая характеризуеть всю его жизнь. Сверхъ того онъ написыть въ Дерптв сочинение, теперь выходящее вторымъ, неизмвиеннымъ издавісив, которымъ занять нашь будущій товарищь, профессорь Шинаповскій. Стало быть въ продолжение 25 леть, въ которые анатомическия науки сделали неслыханные успахи, ученый свать по могь произвести вичего лучие перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерита Н. И. перепісль въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить паукв и быть полезиве для Россін, чънъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углъ нашего общирнаго отечества. При перейздів его въ Петербургъ, его слача, после пятилетней профессорской деятельности, была уже такъ велика, что президенть петербургского общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мъры для того, чтобы немедленно увъдомили его о прибытіп Пирогова. Ночью прівхаль знаменитый хирургь, а наутро президенть явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дівятельность Н. И. въ столицъ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратць о важивыщихъ его заслугахъ. Ему принадлежить первое осуществление присоединенія нашихъ госпиталей из клиническому преподаванію и, если эта высъ еще не вездв у насъ проведена, то ея будущее осуществление едва-ли поддежить сомивнію. Подъ исключительнымь вдіяніємь его мысли составлень вашь уставь объ испытаніяхь для полученія медицинскихь степеней, уставь, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ мавістное время, весьна практиченъ и реализируетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицияв. Н. И-чу принадлежитъ несколько страницъ изъ исторіи добместныхъ подвиговъ русскихъ врачей на поле сраженія. При начале крымской войны онь изобрадь гипсовую повязку, облегчившую страдайя многихь тысять раненых воиновъ. Онь раздвляль труды нашей армін въ Крыму и викогда, въ особенности русскій солдать, не забудуть его искусной руки и его доброй, сердобольной души. Въ Петербургъ онъ написалъ свое знаменитес сочинение: Anatome topographica (льдяная анатомія), выодъ пятильтемхъ трудовъ. До этого сочинения, кто говориль объ аватомии, тотъ говориль объ авадивъ, о раздожении; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезисъ. Что въ продолженія 2000 літь разлагали, разлізлили, то опъ соединиль, свель въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ поняты были эти васлуги и труды современниками Имрогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лётоцисью, нашли, что онъ слишкомъ превебрегаетъ терацією. Но чтожъ? Не прошло нівколькихъ лість-и эта же терація, въ которую тогда върши противники Н. И., была признана ничтожною. Н. И. быль правъ. Какъ вврно онъ угадалъ потребность хирургія въ своемъ сочинения о перевязкъ артерій, доказывасть то, что этоть трудъ не отсталь отъ современности въ теченія цізыкъ 25 лість и сразу быль признань первокласнымъ, въ высшей степени практическимъ сочинениемъ. Льдяная анатомія, хотя еще не признана какъ слідуеть и встрічена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ апатомін, когда станутъ наследовать устройство не мертваго, а живаго человека; а когда это будутъ авлать везав, тогда сочинение Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всёкъ анатомовъ и врачей въ свёте. Это сочинение составляетъ эпоху въ ваукъ; соединение же клинякъ съ госпиталями есть начало реформы медвинескихъ училищъвъ Россін. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ польэм его экзаменаціоннаго устава: онъ соотвітствоваль вполні своему времени и не утратиль этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляєть медицинскую кабедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но ниито не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, человѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ Н. И. дълается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благородивищемъ смыслъ этого слова. Онъ эманципируетъ бъдныхъ дътей отъ безумваго и унижающаго человъческое достоинство тълесваго наказанія, онъ подаетъ руку загнанному племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвъщенію проется въ этой расъ. И чтожъ? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болъе популяревъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ человъкъ науки, былъ всегда передовымъ двигатедемъ ея; общество пло за нимъ и всегда время доказывало, что овъ не опиябался. Когда же овъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкщій всегда одимъ взглядомъ окидывать всю цізость явлевій, а не

Digitized by Google

увлекаться одинив, всегда схватываль верно потребности момента. Храмъ маей быль открыть всьмь, по первый въ него вощель Н. И. и за нимъ уже вощим всё другіе съ криками радости и удивленія. Онъ быль вполнё нетолько человъкъ евоего времени, но и вождь своихъ современниковъ. Число людей неразлѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно инкогда не было велико! Н. И. не воеваль противъ зда, онь возвышаль, украпляль приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплотою чувствъ и закращилъ ихъ увлечение убажденісмъ и разсудкомъ. Его врягами не были поборники вла, они его не боялись. Его противниками были собственно тв люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, стращатся опрометчиво идти дальше за Н. И., пока не поймутъ прочности и върности его идеи. Но опи напраспо сомивваются въ счастливой звізді, въ геніальной смітливости Н. И.: и они последують за нимъ, и тогда иден Пирогова вполне восгоржествують. За это вамъ ручается весь ходъ его жизни, успъхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тость за попечителя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданица, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кіевекикъ гимназій говорили старшіе учители О. О. Петрушевскій и И. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказаль:

Обращаюсь из вамъ, Николай Нвановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ попытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся безплодному сожальнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидателями вашей безпримарной даятельности.

Съ тъхъ поръ, камъ нервая кіевская гимназія, на ряду съ прочими, назвада васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидъли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человъкъ истивно просвъщенный и глубоко преданный дълу человъческаго развитія пріобрълъ надъ нами вліявіе, педоступное никакому другому одицетворенію власти, вооруженному всъми возможными знаками отличія.

Съ тъхъ поръ, какъ мы стали свидътелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто мэъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мыслено, что онъ сдълалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходя изъ тиши кабимета, гдъ неутомимо работалъ Пироговъ, ложилась нерадивому на совъсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успъвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣнялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы пикакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаковою разумною свободою.

Никогда не позволю себъ оскорблять слукъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здъсь во имя истины, что пикогда мы, воспитатели и наставники, не испытывали болье благодътельнаго правственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имъли счастіе

мазывать васъ своимъ главою. Мы видъли не начальника надъ собою, но человъка, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетвореніе въ своемъ собственномъ сознаціи.

Этого рода впечатажнія не екоропреходящи, — пѣтъ, опи глубоко вошли въ наши натуры и привесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ин разстояніе, которое будеть можду нами, им долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребять ихъ, и позвельте заявить вамъ, что всегда мы будемъ всноминать о васъ со всёмъ чнотымъ и глубокимъ уваженіемъ, макого заслуживаетъ знаменитое имя Пирогова, за котораго, мм. гг., честь имъю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказаль отъ имени второй гимназін:

«Отъ лица второй гимназій, собравшейся здівсь въ полномъ своемъ составів, я осмівливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ. Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дівятельность въ званіи попечителя кіевскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дело ту благую мысль, что произволъ особенно вреденъ въ дълв воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе въ гимназіякъ коллегіальнаго управленія, бывшаго до тото времени только на бумагь въ уставь 1828 г. Устройство это успъло въ настоящее время правильно организоваться и принести благодътельные плоды: оно избавило и удержало въ известной мере учащихъ и учащихся отъ произвола и начало вызывать живую правственную связь между тёми и другими; оно пробудыло сознательную дъятельность преподавателей и подняло ихъ значеное въ обществъ, въ собственномъ сознании и въ глазахъ учащихся. Беаъ сомивния, адъсь нивло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ лицами подвідомственными вамъ, которое присуще было вашей человічной природъ, которое вытекало у васъ, безъ сомивнія, изъ сознанія его необходимости, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное обращеніе, которое рідко и въ настоящее время, котя объ немъ такъ много пишутъ и говорятъ. Предъ вами мы всв были равны, доступъ къ вамъ для всъхъ быдъ одинаковъ, не было различія въ званін, въ каждомъ изъ насъ вы прежде всего виділи человіка; оттого истина была вамъ доступна и между вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то жекреннее довіріе, при которомъ только и возможны прочные успіхи въ великомъ діл'в воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливости о ввъренномъ вамъ въдомствъ, среднія учебныя заведенія наши много выиграли и въ правственномъ и учебномъ отношения. Тълесныя наказавия. вредно действующія на правственность учащихся, при произвольномъ жхъ употребленін, почти устранены, разумьется, насколько вто возможно при нынішнемъ состоянія нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; преподаваніе получило болье раціональное направленіе, въ ученикахь возбуждева сознательная деятельность, из чему много способствовали вами учрежденныя литературныя бестовы, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ наждаго изъ насъ вы требовали двла и двло говорило само-ва-себя; громкія фразы формальное только менолненіе обязанностей, льстивыя обінцанія и увтренія потеряли свою силу. Протенцін утратили свое значеніе: итста замінцались по конкурсами, слівдовательно—людьми способными къ педагогической діятельности.

Вы не ограничнались одними требовавілим и исполненіем этих требовамій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую діательность собственным участіем и готовностію содбіствовать ей всевовножными средствами. Блестащимъ памятникомъ въ этомъ отнощенім останутся циркуляры не управлевію округомъ: офиціальный перечень служебныхъ перемінъ, извіствый нодь именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными миймілим о преподаваніи, они служили проводинкомъ вашихъ чествыхъ убіждевій и просвіщеннаго взгляда на воспитаніе. Въ двухлітиеє ваше управленіе библіомаки и кабанемы наши значительно увеличались, ибкоторые изъ преподаваталей гимнавій получили средства их самоусовершенствованію за границей.

Въ заключение г. Самчевский прибавилъ:

Намъ котвлось бы вврить, что начала положенныя вами будуть мивть благодътельные результаты. По крайней мврв мы съ своей стороны, по мврв смль и возможности, будемъ руководствоваться твии убъжденіями, которыни была запечатльна ваша двятельность.

Но сильное впечатление произвели на всёхъ присутствовавшихъ и заметно тронули самого Н. И—ча следующия простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко - филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Ивановичт»! Прислушиваясь къ рѣчаиъ, только что произнесенвымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно быль гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодаго покольнія.

Въ прежиее время одни начальники съ суровой строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маниловски мягки и темъ располагали насъ кь неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе желочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уважение заслуживается, а не требуется, что опо должно быть взанино. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я быль въ седьномъ классъ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика продвлялась въ самыть уродливыть формать и вражда къ старшимъ достигала праймихъ предъловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумівніяхъ съ учителемъ сталъ надвяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши последніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ ванъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смъло, что большая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала

Digitized by Google

воный бы, конечно, со временемъ въ наши гимназін, но входили бы нескокойно, нескльственно, еще болье усиливая вражду къ старшимъ. Между тъмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія посльдствія постепенно устанавливавшихся человъческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ сельмомъ классъ мы стали преслъдовать нельпое молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальвикъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарніци могли развиваться еще нормальніве: въ накіе нибудь два съ половиною года вы не усибли окончить вашего ліза, съ корнемъ уничтожить произволь и своеволіе. Но васъ-ли винить за то?.. При великомъ уваженів къ вамъ, я різнусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дізаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дійствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожаліть о томъ обществів, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производить рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволіе! Развіз сліддуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что виновато въ этомъ неповиманія: эманципація или закрізценіе?

И все-таки въ ваше управление ве было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнить каждый помнящій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здішнее юношество теперь раніве прежняго сознало, что понятіе о свободів необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себів и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мив отъ лица моихъ товарищей предложить тость за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназіи и въ университеть, за будущихъ серьёзныхъ гражданъ нашего отечества, за человъка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!

Громкія одобренія безпрерывно прерывали слова молодаго человътка и долго не умолкали послъ его ръчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, наканунъ нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

«Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ объдъ нъсколько словъ отъ ихъ имени. Извъстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. опеціально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слъдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонъ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонъ общества—недовъріе и жалобы; но причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человъка съ такой челоевъчной точки зрънія, какъ вы. Сколько намъ извъстно, вы первый въ здъщемъ краѣ ръшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

выемени. Канъ человенъ, отоящій выше воянихъ предразсудновъ, вы собственнымъ гуманнымъ примъромъ больше имъли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чёмъ всё ваши предшественники своими строгими формальными предвисанівми. Сила этото личнаго вліднія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нехотя поддавались ей и изивнялись. Это устраняло оть васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самою важною, то по-крайней мірів самою больною частію своего округа. Какъ медикъ, привыкши сочувствовать страданію человічества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евресвъ и тімь поддерживали ихъ энергію въ перовной борьбів какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовърцевъ, такъ и съ предразсудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствують и сознають. Они понимають, что вы все это діззали не для выставки, а для самаго дела, не только по долгу, но и по убежденію. За то не преувеличивая можно сказать, что всв образованные Еврел въ Россіи и многіе за границею съ благоговъніемъ произносять ваше имя, и этотъ, такъ сказать, правственный памятникъ народной признательности переживеть всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастін люди минтельны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дъло задержаннымъ, если не болъе... Будущее направление нашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобъ оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что бы ни было, Евреи надъются, что вы, Николай Ивановичъ, гдв бы вы ин были, не перестанете возвыщать въ пользу справединваго еврейскаго вопроса годосъ болье сильный, чвмъ голосъ попечителя, -голосъ Пирогова. Няколай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вани; оно надъется, что будеть инвть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевъ.

Васъ, господа, какъ представителей образования въ здішнемъ краї, васъ Еврен просять поблагодарить вмісті съ ними Николая Ивановича за все то, что онъ сділаль для нихъ какъ попечитель и человікъ; но еще больше за то, что онъ хотіль сділать... Господа! образованные Еврен предлагають тость за здоровье всіхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннійщивого ихъ представителя—Пирогова.»

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкмовеннымъ одушевлениемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всъхъ братски сближающей и примиряющей дъятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: цервая идея ихъ была энергически поддержана Н. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образование его самою насущною необходимостию для осуществления великой реформы Освободителя. Завъдывающій подольскою воскресною школою, штатный смотритель кіево-подольскаго дворянскаго училища, И. И. Слъпушкниъ сказалъ:

«Позвольте мив не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рвчахъ пред-

шествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять виднос ивсте въ исторік нашего народнаго образованія. Я разуміно воскресныя школы.

Первыя школы, какъ изъвстно, открылись въ Кіевъ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро развиожаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Няколай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человъка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случав, смѣло скажу, —безъ вашего ободряющаго содъйствія, безъ вашей дѣятельной иниціативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когла діло воскресных і школь уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безь препятствій. Но мы еще живо помнимь, какимь общимь недовіріснь были оні встрічены. И потому не можемь забыть, что вы первый упрочили положеніе ихь въ Кіскі, а можеть быть нашь примірь облегчиль появленіе ихь и въ другихь містахь.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ля кто будетъ сомиваться теперь, что эго дело великой, огромной важности. Напомнивъ о вихъ, я хотель только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встречало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаньи съ вами, въ общемъ тоив рвчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менве можно видвть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно иъ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицв, Николай Ивановичъ, общество терлегъ много, неизмюримо много!

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ ръдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тъхъ, которые желаютъ истиннаго блага странъ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожатые, ободряющіе на честномъ нути другихъ; и благо тамъ, гдъ умъютъ ихъ цънить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видъть такого вожатая.

Воть почему собранись мы сегодия, печальные, глубоко-потрясенные!:..

Потеря наша пе въ безпримърномъ начальникъ, даже не въ высоко-правственномъ человъкъ... мы проигрываемъ болъе, — да и не один мы: вся просвъщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе защей дъятельности!

Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утвшение, что во всякомъ обществъ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующе своими убъжденіями!

Поэвольте же, мм. гг., предложить тость за этихъ людей и, слёдовательно, за Пирогова.»

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дъятельность Пирогова по всъмъ частямъ ввъреннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговъйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая ръчь его:

«Ми. гт.! Сочувствіе, которое вы мив оказываете, столько же отпосится по мив, сколько и из ванъ саминъ.

Не правда ли, въдь вы сочувствуете мониъ взгляданъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убъжденія столько же мон, сколько и ваши собственные.

Беръ вашего просвещеннаго содъйствія, безъ вашего теплаго участія, вогъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я миёть хотя малейшую вадежду на успехъ?

He вигвя надежды на успъхъ, могъ ли бы я сохранить и довъріе иъ саному себъ?

Ваше же седійствіє и участіє потому именно было ділтельно и задушевно, что убіжденія вання были моним и мон вашими. Скажу болію, они не только мон и ванци, не и общечелестическіл. Какъ бы, въ наше время, им казались различными взгляды просвіщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ими есть все таки одно общес, — это повятіє, глубоко хранящеєся въ душів наждаго образованнаго, о человіческомъ достоинствів и о высокомъ значенія правственной свободы человіжа, заставляющее насъ цівнить и уважать личвость каждаго и въ жазни, и въ науків, и въ школів.

Вся моя заслуга, дающая миз право на ваше сочувствіе, состоить только въ томъ, что я угадаль васъ.

Я угадаль, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантасмагорическій приэракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадаль, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и паняти, видимо полезная себъ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятін не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдёлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понядъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трекъ какъ на что-то отдъльное и замкнутое, какъ на что-то, чвиъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

НЪТЪ. Я понялъ, что жизнь человъка для васъ есть безпрерывная, не ръдко роковая борьба, всего чаще съ саминъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничънъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узнать, что въ наукв вы не припимаете другой цвли, кромв того же стремленія къ истичв, служащаго самому себв цвлью, и считаете школу за одно мвъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію въчной правды.

Наконецъ, новявъ хорошо другъ друга, ногли ли мы всъ какъ въ жизни, такъ въ наукъ и въ школъ, какъ въ ребенкъ, такъ и въ соношъ, въ возмужаломъ и въ старикъ не уважать человъческаго достоинства, правственную свободу человъческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, следовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себъ.

Такой судъ не можеть быть безпристрастнымъ.

Время обсудить и оцінить лучше нашего и паши убіжденія, и наши дійствія; а мы, разставаясь, утіншить себя тімь, что и здісь, на землів, — гді все проходить, — есть для насть одно ненарушимое, — это господство идей. И потому, если мы вірно служили идев, которая, по нашему твердому убіжденію, вела насть къ истинів путемъ жизни, науки и школы, то будемъ падіяться, что и потокъ времени не унесеть ее вмістів съ нами.

Я, съ моей стороны, не перестану служить ей также върно, какъ служилъ вмъсть съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благодътельнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-инбудь изъ насъ осмълится парушить святость долга, оставаясь въ бездъйствіи?

Какъ им груство разставаться съ твин, съ квиъ были связаны единствомъ мысли и дъйствій; но все таки для образованняго ума оставтся утішеніе, что и разлучившись можно жить вибств, въ томъ же міріз идей, въ которомъ насъ соединять телеграфическія вити мысли.

Итакъ, останемся върны нашему призванию и будемъ пользоваться тъмъ, что доставляютъ намъ наши понятия о жизни, наукъ и школъ, которыя соединялы и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ям на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумьи вст какъ-бы прислушивались къ последнимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рычи, которую не суждено уже болте слышать. Много уже было сказано речей. На обычномъ объдт они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незаметно летели минуты и собестедники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Пироговъ.

О христіанской дъятельности Пирогова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназіи, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ ръчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ последнее время такъ размножились торжественные обеды по случаю, такъ часто раздаются на няхъ речи, въ которыхъ ораторы не стелько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигають намятникъ собственному красноречію, что, право, становится подчасъ совество и есть, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко ценимой и уважаемой. Но чтожъ делать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое миене о человеке противъ превратныхъ толковъ.....

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человъкъ, который ныив съ наин разлучается. Я увъревъ впрочемъ, что всв изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обътъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмёсть съ этимъ человъкомъ, слушать одну его вдохновительную рѣчь, почерпать въ его словъ, въ его примъръ, силы для безмольнаго труженичества на пользу общую,

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробиве и красноръчивъе говорятъ сами дъла ващи: 1) Компурсовый порядовъ заміщенія каседръ въ университеть и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ пелагогической семинаріи, который легь въ основу нынішнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) спеціализація отділовъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи в славянорусской филологіи, 4) правила о судів надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совітовъ, 7) преобразованіе окружнаго циркуляра въ замічательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаміяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразованіе гимпазическихъ иснытацій, 10) дитературныя босіды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершено въ $2^{1}/_{3}$ года для того, чтобы свидътельствовить о вашей неутомимой дъягельности даже передъ тъми, которые мизютъ веслишкомъ зоркіе глава, чтобы видъть! Надо при этомъ замътить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дъйствительности, они не все то могутъ соверщить, что желаля-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломить стараго и не въ видимой постройкъ новаго, не въ випахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духъ, которымъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всъмъ намъ извъстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. И. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имъетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дълу. Всъмъ намъ извъстно, что при каждомъ удобномъ случать, встами средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. И. вызвать къ самодюдительности и нецечатыя, свъмія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усгалыя силы старшаго поколънія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ вихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліявія? спросягь, быть можеть, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткибшь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимпазиста, такъ гразумно совнающаго отношение ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно призваненато, кому овъ этимъ сознациемъ обязанъ...

А развъ не указываеть, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бължымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этеть наконець представитель Евреевъ, тольке-что провозгласившій отъ шхъ имени тесть за образованныхъ христіанъ, имфинцихъ такого представителя челевъчности въ Нироговъ...

Во время объда получены были депеши изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ Полтавы—7, отъ совъта губегиской гимназін, женской гимназін, уъзднаго училища, пансіоновъ г-жъ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ Черниговской гимназін; изъ Житоліра—3, отъ губернской гимназін и, особо, отъ почет наго попечителя гимназін, и отъ раввинскаго училима; изъ Росна—2, отъ гимназін и, особо, отъ гимназистовъ; изъ Петербурза—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ-студентовъ университета и медикохиругической академіи, отъ бывшихъ студентовъ Кіссскаго университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ объда, по удаленіи Н. И., нѣкоторые нзъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, иниціатива которой принадлежить студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеполезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И—вичу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ объда, студенты. съ разръшенія начальства, открыли въ зданіи университета безплатично ежедневную школу, въ знакъ благодарной памяти о Пироговъ.

Нъсколько дней спусти получено было письмо отъ кременчугскаго 1-й гильдін купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ просить у Николая Ивановича позволенія пазвать по его имени стипендію, на учрежденіе которой въ университеть св. Владиміра онъ намъревался просить разръшенія высшаго начальства.

8-го апръля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовой залъ университета собрались студенты и ожидали своего бывшаго руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія внъмняго порядка не было принято, потому-что молодые люди (говоритъ «Описаніе») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пяроговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довъріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ твиъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помытъ свою молодость. Еще счастливве я твиъ, что она не прошла для меня но напрасну. Огъ этого я, старвясь, пе угратилъ способности понциать и чумую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всв знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и двды, и каждый изъ насъ чвиънибудь миъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядъ на съдину. Но не всв знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является начъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планъ. Правда, и ее извипяютъ, приводя незрълостъ, неопытность, увлечене. Но у нея пътъ прошедшаго, а ея будущее кажется чвиъ-то стращнымъ, по его неизвъстности. Между твиъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченихъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человъческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинъ и совершенству. Бывъ попечителемъ уми-

веренното, я воставиль себь главною задачею поддерживать режим силами то, что я вменно привымь любить и уважать въ молодости. Съ испреннить довъренть из мей, съ полною ведеждою на усибкъ, безъ страка и безъ задачей мысли, я привался за труднос, но высокое и благородное дело. И могъ-ли я вмече за вего взяться, иогда помия и любя время моего образования въ четърекъ университетахъ, я живо вспоминаль и тъ стремления, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважаль ихъ въ себъ. Я невольно переносиль ихъ и на васъ и въ васъ любиль и уважаль то же самое, что привыкъ любить и уважаль въ самоеть себъ. И теперь, разставалсь съ вами, я объявляю гласно, что все время неего попечительства ин разу не раскалься въ образъ моихъ дъйствій. Частиме случан, какъ бы они ин клонились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довърія къ цалой корпораціи студентовъ, потему что частвыя проявленія невобъжнаго зла не должны, но мониъ печятіямъ, слушить причиною къ уничтоженію добра.

Я быль приготовлень из тому, что меня не вдругь вы поймете, и еще менье повичть ваши отны или пьлое общество. Это лежало въ повядив веmeñ. Судять не по намвреніямь, а по результатамь. A результаты въ такичь дълахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрівніемъ и мелочными страстями. Я зналь, что истина монкь убъжденій разъяснится не разонь для вежкъ, а между тёмъ встретится много такого, что будеть говорить противъ меня и эаслужить порицаніе техъ, которые дукають перейти оть одного порядка вещей къ другому, противоположному, измвинвъ только вившиною обстановку, или тваъ, которые вовсе ничего не думають. Я зналъ, что немногіе разділяють мой ваглядь на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналь наконець и то, что меня будуть общинять въ слабести, въ веуврвим и въ голъбъ за пенулярностью; но все это не могло мамбинтъ монкъ глубокикъ убъжденій, не могло остановить монкъ действій, основанпытъ на любен и уважения въ молодости, на доверін въ са благородству выслей и стреилению къ править. Не вроить въ это и не могъ, нетому что и не могъ ин сдъјаться, ин казаться не иною. Это значило-бы для неня неростать жить. Я осталоя много и разставаясь съ вами, уному тъ же убъщдения, которыя принесъ къ ванъ, которыя викогда и ин отъ кого не скрывалъ, потому что считаль проступнымь спрывать начала, служившія основаціємь можув дійствій. Надінось, вы усибли также убідніться, что я основываль ном отвешенія къ ванъ на томъ же правственномъ довірін, которое нивать право требовать и отъ васъ, потому что действоваль прямо, и знаю, что на нолодость нельзя дійствовать иначе, какъ пріобрівь полное довіріє. Вы увірнянсь, нолагаю, что я зодворяль между вами уважение въ закону, долгу и власти не угрозани, не пресладованість, не скрытно, а прянымъ м гласнымъ убажденісмъ и примъромъ. Я не приказываль, а убіждаль, нотому что заботился не о вившиости, а о чувствъ долга, которое признаваль въ молодести также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконець вы, думаю, увіврились, что для меня всё вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ містомъ образованія, не могъ быть ивстомъ другихъ стремленій, кромв научныхъ. Поэтому-то я такию искренно желалъ и вашего сбляженія съ представителями науки въ университеть, нарушеннаго, къ сожальнію, временемъ и обстоятельствами. Но ве различая вашихъ національностей предъ лицемъ науки, я никогда не мечталъ

о слитіи вась въ одно цілое, избіналь раздражать самолюбіе и навлениять вамъ такія убіжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гвушалод притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вірняв, что одно взанивое довіріє и примъръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и перядокъ упрочатъ правственную свободу упиверситетской жизии. Эта свобода разовьеть самодівятельность и любовь къ наукі, которая, въ свою очередь, представить университеть въ вашихъ глазахъ чуждывъ всехъ посторонамиъ стремленій. Нісколько для меня знаменательных в фактов в доказали мив, что мож убъжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довіріе, которов я клалъ за основу мовхъ дъйствій, обнаруживансь не разъ, награждало мон труды и заботы. И если я заслужиль, чтобы вы меня помиили. то это докажуть всего болве тв изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти ной взглядъ на учиагрситеть, оправдають своею жизвію мое довіріе, любовь и уважевіе из вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чемъ усивать достигнуть моей цваи, буду имъть утвищене въ томъ, что оставался върнымъ моимъ на-.чаламъ, и буду счастливъ тъмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то, по крайней мірі, ни одного не сділаль, по моей волв. несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите върпо наукъ и правдъ, и живите такъ, чгобы, состаръвцись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую моло дость.»

На эти слова, которыя ясно говорять сами за себя, отвъчаль студенть юридическаго факультета, г. Сологубъ:

-Николай Ивановичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совътшика во всёхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ покольніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвъщенномъ попечитальствъ вашемъ. Дѣло этог открытіе вашей библіотеки. Вашему участію, скажемъ больше, вашей настойчивости, вашемъ пожертвованіямъ обязана библіотека своимъ существованіемъ. Каждый, посьщающій лекторію, каждый, пользующійся библіотекой, съ благодарностію вспомнитъ перваго икъ основателя.

Мы вросных позволенія украсить вашних портретоих наму лекторію. Кому не вынала завидная участь развиваться при вашень попечительстві, тогь будать вийть возмежность, посіщая лекторію, постоянно встрійчаться съ портретомъ личности, которой мия съ сочувствіемъ и уважеміемъ произносится не въ одномъ нашемъ университеті, ими, ободряющее трудъ, постоянство убіжденій и развитіє всего лучшаго въ человіжів.

Если обязанность попечителя въ отношения къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукв, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдълали боле: вы поставили насъ въ положене, вызвавшее боле самостоятельности въ каждомъ. Вы вермли, что мы дожили до того времени, когда предоставление человеку большаго простора въ действіяхъ, уменьшение формальностей, доставление большихъ средствъ къ занятиямъ, а не принуждение къ нимъ, действие не приказациемъ, а убёждениемъ, доставять ему боле веры въ себя и укажутъ настоящее направление. Мы съ гор-

достію можень указать на только что сказашныя вами слова: «я никогда не раскаявался въ своихъ убъжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искревнюю благодарность за все сділанное вами для насъ. Библютека, основанная вами, будеть подтверждать истину того світлаго воспоминанія, той симпатія, той благодарности, которыя до тіхть поръ будуть жить въ нашемъ увиверситетів, пока онь будеть сочувствовать лучшимъ человічнокимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только ножелать продолженія вашей діятельности, которая везді и всегда будеть достойна вашей личности, слівдовательно всегда полезна, всегда цівнима всіми, тімъ боліве дорога для васъ: она напоминть намъ то время, когда діятельность эта пренвущественно восвящона была намъ.

Вечеровъ того же дня происходила литературная ученическая бесъда, послъдняя, на которой присутствоваль основатель бесъдь, да и то уже въ качествъ гостя, а не хозявна. По окончания бесъды, ученикъ 2-й гимназии, Василий Лъсковъ, произнесъ прощальную ръчь, въ которой, между прочимъ, высказаль слъдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ вначения этого слова, потому что всё наши интересы были близки сердцу вашему и составлям предметь постояныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. Правила о наказаніяхъ и проступнахъ, кеторыя мы инбли всегда передъ глазани, предостерегая насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Изміненіемъ системы нашихъ экзаменовъ вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дійствительныхъ средствъ для этого были литерамурныя бестоды, которыя были направлены къ установленію взаимнаго обміна мыслей между воспитаниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мізшало ділу воспитанія».

9-го апрыля данъ былъ Н. И. Пирогову объдъ кіевскимъ обшествомъ.

«Великая заслуга Ипрогова, въ ряду другихъ заслугъ его, «говоритъ авторъ Опасанія прощанія его съ Кієвомъ, »и заключалась именно въ томъ, что онъ сблившть общество съ учебнымъ міромъ.

«При всёхъ неблагопріятныхъ условіяхъ містныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его діятельности, онъ съуміль первый въ здівшемъ край сділать интересы учебнаго віздомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для важдаго. Сколько-нибудь существенная міра всегда предавалась печати. Поэтому каждый замитересованный въ ділів воспитанія зналь эти мівры и въ «собственномъ домів, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинь изъ участвующихъ на обідів, новівряль жиъ благіе результаты». Притемъ Пироговъ быль доступенъ

Digitized by Google

какъ частное лико для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреоборимымъ вліяніемъ омъ вызваль округь из небывалой умственной и педагогической діятельности. Общество, по крайней мірі мыслащая часть его, осязательно воявло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобратенія привидегій; оно узидало, что авторъ Вопрососк меняни самъ, и, водъ его вліянісиъ, окружающіє его стараются сообщить воспитанию будущих в покольній харантеры жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и опринло. Отскода неудивительно, что въсть объ оставления Н: И-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно ж съ тою же силой въ самонъ обществъ, какъ и между учебнымъ въдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискъ, о стипендін, эт желенін иногикт пріобресть портретъ Пирогова. Те, для которыхъ онъ трудился последніе два года, сознавали ясно, что теряють въ вемъ, мезависимо отъ необыкновенной симпатической дичности знаменитаго педагога и человька, выразившаго въ себь дучшія, хотя, можетъ-быть, инстинитивныя ихъ стреиленія,

«Съ этой точки объдъ 9-го апръля представляль фантъ небывалый и иногознаменательный.

«Кдва только была заявлена мысль о гласномъ выраженія общаго сожальнія отъвзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выражнась отовско ду. Анна разныхъ влассовъ в въдомстаъ, военные и штатскіе, спѣшила привать участіе въ грустномъ торместаъ. Конечно, туное и безсильное недоброжелательство, обыниваенно сонровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой омъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ усвѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ девь обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не виѣщала въ себя болѣе носѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошель Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣниять выраанть ему свое сочувствіе, но всего опредѣленнѣе оно выразильсь, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дътей свеихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавній удивленіе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имъя возможности помъстить здъсь все сказанное, приводимъ только иткоторыя замъчательныйшія мъста ръчей:

«Граждане города Кіева,» сказаль Пирогову вочтенный отецъ семейства в бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая развосить выя ваше но всей Россіи и даже по всей Европів, какъ навівстивішнаго благодітеля человічества, побуждаются изълалять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную призначельность.

«Наши діям, обучношівся адісь ві разных учобных запедаціях отг университета до воскросных школь, вама обязанных своим существованісма, возбуждають нась из тому, потоку что всі они питають из вама почтительную привизанность и часто повторяють ими ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правылах чести, человіколюбія, яъ дулі правды и

жетины. За нихъ-то им почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаринъ, благодаринъ! Дай Богъ, что-бы добрыя съмена, вами и подъ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посъянныя въ юмыхъ умахъ и сердцахъ дътей нашихъ, сохранялись, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, выоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не ставу говорить о фактической, всеми видимой стороне ващей деятельности: она уже была понята и оцівнена представителяли другихъ еврейскихъ обществъ. Я остановлюсь на сторонъ еще болъе свътлой, болъе богатой последствіями-на нравственномъ вліянім вашей деятельности, отразнашемся такъ благодътельно на русскихъ Евреяхъ. Бъдственная участь нашего народа въ средніе въка оставила насъ въ состояніи человъка, ошеломленнаго постояными несчастіями, мучительными преслідованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что памъ нечето было болье бояться, нечего было болье повредить въ насъ. Наученные опытожъ, мы не могли върить, чтобы ито-нибудь захотель облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много савлала для того, чтобы вывести пасъ изъ этого иравственнаго опіненвнія, этого гибельнаго недовірія ко всему не-европейскому. Правда, орудіє было другое: въ срединкъ въкахъ-физическая сила, въ новыхъ-низшая стевень гражданскихъ правъ. Разумъется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньнииство успъло примириться съ настоящимъ и съ любовію и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство доверія въ массе, къ окружающей ее среде, вужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всехъ народностей, но и привязанная къ нашему бъдному, страдальческоту племени особеннымъ чувствомъ состраданія, списходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ последствіямъ историческаго хода событій, пужна была личность свътлая, высоконравственная, нужны были вы Н. И.! Вы это и сдълали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближение съ народомъ русскимъ, сближение, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образовавнаго Карея. Воть подвигь, который вы совершили, воть заслуга, за которую ваше ния останется вічнымъ намятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно прітхавшаго въ Россію и дивившагося благосклонному прієму, которымъ удостоиль его бывшій попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привътливымъ, равно какъ и ръчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлъніе. Вотъ-что сказаль г. Судовщиковъ:

«На службь ли, въ частныхъ ли отнощеніяхъ, мы видъли въ васъ ту же веизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріє къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побыль въ вашенъ кабинеть, тоть могь уже заключить, что уважение къ человъку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоялось встиъ организмомъ вашимъ, сдълалось вашею

натурой, и сказалось въ каждонъ словъ, въ каждонъ движени вашенъ; эти человъчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую мначе нельзя назвать, какъ человъчною.

«Генераль, учитель, профессорь, сторожь, гимназисть, богатый купець и жалкій продавець спичекь—вы встрічали ихь всіхь равно человічно. Ваше естественное, даже різкое прямодушіє легко отражалось на посітителі и инкто не стіснялся совітоваться съ вами ни о какомъ честномъ ділів. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно прінскивали предлоги пойти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядіться на ваше открытое, смокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человъкъ такія человъческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она—вещь ръдкая, слишкомъ ръдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ пашимъ—и все-таки не можемъ не замътить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомврнымъ взглядомъ на всякое противоръчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серіозномъ кружкъ и показываетъ свое общественное положение въ комильфотной гостиной, третій отдълывается чиновническою въжливостью отъ всъхъ, кромъ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случав, просто подымаетъ плечи и щеголяетъ украшеніемъ на шев.

«А впрочемъ все это передовые дюди наши, представители нашего обравованія, всъ они такъ убъдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добі осовъстно умиляются собственною.

 Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношевія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средъ, гдъ воспитались онъ; не умъя возвыситься надъ нево правственно и сохранивъ многіе недостатки большивства, лучшія личности наши успъли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себъ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смёло можете находить еще меньше подобных себё, вы больше других оказали услугь обществу, вы имвете много внутренняхъ и вившвихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средв.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Капъ же вы остались такъ гуманны на дълъ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человъкомъ?

-Кто же виною тому?

«Кенечно, не русская жизвь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственаяя правственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человъчно выражается и въ общественной двятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношенияхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатию даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человъка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ двятельности и личныя свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ объдахъ, но яснъе и нагляднъе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что мив теперь предстойть,» сказаль онь, обращаясь нь своимь собоствлинкамь,» сходно съ тамъ, что для меня прошло.

«Поэднею весной, посл'в нродолжительной и суровой зимы, я буду орать и зас'явать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ законавшевося вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потъ лица, буду разрыхдять и очищать вемлю; постараюсь одълать все какъ-можно раціональнъе, замвию кріпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочнии какъ съ людьми вольными, а не крівностными.

«Но, разумъется, законовъ природы и необходимости этимъ не измъню.

«Растаявній ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мвстахъ разнесуть мои съмена; саранча выведется тамъ, гдв она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучне такъ работать, чъмъ по прежнему.

«И можеть-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановить меня, потому что я знаю, отчего сразу не можеть все идти хороню.

«Но найдутся, безъ сомивнія, и тугъ люди, которые скажуть, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мом съмена, не ледявая кора, нокрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обработывать мом поля не по прежней рутинъ и слишкомъ скоро замънилъ кръпостной трудъ свобод—въмть.

«Бывъ попочителемъ, я также оралъ и засъвалъ мое поле поздвею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солица; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для объяхъ сторовъ.

«Мудрено ли, что могли и тугъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкъ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

тНо поумели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не въря болье въ то, что зналъ върно; неужели долженъ былъ измънить весь планъ можхъ дъйствій, промънять раціональность и вдравый смыслъ на рутину и бовомысліе?

«Кімть быль бы я тогда въ глазахъ передовыхъ дюдей, мивиїсмъ исторыхъ дорожу, и главное, —кімть быль бы я тогда въ собственныхъ глазахъ монхъ?

«Теперь, когда я начву у себя хозяйнячать, я должень буду прежде всего возеботиться о кредить. Миз веобходимо довъріе тахъ, съ кънъ я буду вести мон дала.

«Но если кредить и взаимное довърје теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозянна: то не болъе ли они миъ были нужны, когда я былъ попечителенъ?

«Что могь я сдёлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго правственнаго довёрія тёхъ, которыхъ главная обязанность проводить убёжденія и тёхъ, на кого я долженъ быль дёйствовать путемъ убёжденія?

⁽⁴⁾ Н. И. уважаль въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довъріе я и старадся всіми салами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дъйствовать прямо и откровенно. Въ країь, гді постоянно вужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всіми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всімъ безъ различія.

«Въ монхъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убъждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серіозный трудъ его подчиненныхъ, могда нужно будеть одблать воззваніе нь ихъ чувству долга и заковности, иъ благородству и достоинству человъка, онъ не можетъ расчитывать им на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъбыть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не иною я быть не могъ. И мив оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидвию решитъ ито предиче: предятствия ли, которыя я долженъ былъ встратитъ, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, инв нужно было дъйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане вывым полное право требовать отчета въ моихъ дъйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ инсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я быль имъ подчиниться и исказить мой образъ дъйствій для того только, чтобъ утівшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмольйемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распорстраненіе научных» истинъ я считаль за священнодъйствіе и глубоко уважаль истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтиль человіческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любиль и уважаль молодость, потому что хорошо поминаль свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявляль открыто и гласно, основываль я и то взаимное, нравственное довіріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналь уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ умиверситета и цілаго общества этого края.

«Я твердо зналь, что необдуманные порывы молодости и поступки, протворьчащіє законамъ нравственности, будуть исчезать сами собою по мірів того, какъ возрастеть еще сильніе довіріе, а съ нимъ вийстів и значеніе правственной власти.

«Я зналь, что гдв господствуеть сила убъжденія, тамъ исчезаеть произволь съ его волнующими следствіями.

«Я не могь дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, ми. гг., часнамъ общества, предстоитъ, если вы вполив раздвляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убъжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашинъ мивніемъ, вашимъ просвіщеннымъ содъйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замъчательна ръчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощивка попечителя кіевскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цізи», есть факть весьма утівшительный: оно доказываеть, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жязни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, сліддовательно, способность итди впередъ. Діятельность

Н. М. Интрогова была здъсь такова, что ее не могла бы осимслить неподвижная ругина; насъ же собрало здъсь сознательное сочувствие из знаменитому двигателю отечественнаго просвъщения.

«Оставленіе имъ этого поприша отзовется, безъ сомивнія, грустимив чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тамъ грустиве оно для тахъ, кто могъ воочію сладить за его даятельностію.

«Кенечно, не всё у насъ одобряли систему Пирогова. Многіе, смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тёми явленіями, которыя неизбёжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по нагляднымъ признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всёхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопутствуется ведовъріемъ, опасеніемъ, объяненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мърнымъ, твердымъ щагомъ и приводитъ къ цёли, если ему не мёніаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдумана. Она была разсчитана върно, скажу болъе, она одна върна, если мы котимъ серьёзно покончить съ старою рутиной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вийств съ тімъ, и въ мысли, и въ совісти, нийль въ виду не уклоняться етъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская чествость его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называль его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесёдів. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности опъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отвъденъ долженъ быть въ лътописи русскаго народнаго просъщения тоть день, въ который Пироговь призвань быль на педагогическое попри- . ще. Тегда еще общее мевніе встрітило автора Вопросоєї жизни съ полными вадеждъ ожиданіями. Не когда его діятельности, заявившей уже себя въ Одессъ, стечение обстоятельствъ открыло зделиее, более пирокое, поле, тогда всё дюди благомыслащіе прив'єтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здісь знаменитый діятель неутомимо, съ настойчивостію доконченных убіжденій, приступиль къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ пругъ всѣ новыя начала, какимъ быль возможенъ въ него доступъ; возстановленіе значенія педагогических совітовь, по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподвателей, принятіе въ основу восшитанія начала законности, все это вибств придало ходу какъ учебной, такъ 🗷 воспитательной части, новое направленіе, комечно только приготовительное, но оживнашее прежимо учебную рутину и выведшее наим воспитательных заведенія мэь разряда чисто-дисциплинарных в учрежденій. Будучи убіждень въ правственномъ безсилім дисциплинарной системы и въ воспитательной недъйствительности повиновенія безъ убъжденія, онъ прежде всего желаль утвердить воспитательный авторитеть на безусловномъ довърім воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примъромъ, съ признанія права въ самомъ ребенив, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей человъка и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ техъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумется, юная жизне не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что и дало поводъ въ опасснію и недовірію, о которыхъ я упомянуль выше.

«Дійствуя положительными мірами тамъ, гді было можно, онъ въ то же время разработаль и выясниль множество педагогическихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярь, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числі втихъ работь есть въ особености одна, которая привьется въ жизни, если пе въ наше время, то въ будущемъ, потому что върная идея, вызванная па свътъ, викогда не погибаетъ. Я разуміво планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленый имъ въ отвътъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрішающій одну изъ важивищихъ и трудивішихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловіческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотой здравой логики разрішаеть нашъ педагогъ этотъ канитальный вопросъ,—съ тою простотой, которая доступна лишь геніяльнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здісь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ здінняго края совміщаются дві разнородныя и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами нока еще неустранима. Хотя Н. И. формально устранять отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цілямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрішающійся воспитательными пріемами, что доказаль тридцатильтий нашъ опыть, а зависящій отъ воздійствія другихъ умиряющихъ способовъ; но, тімъ не меніе, этотъ посторонній вопросъ мізшаль правильному развитію системы, стісняя во многомъ свободу дійствій педагога.

«Онъ, однакожъ, велъ къ разумному разръшеню и эту трудную задачу вдъшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда приготовительныя мъры давали уже ему возможностъ перейдти къ самой оргапизаціи студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбёть, что такая глубокозадуманная деятельность не успёла совершить всего своего подвига и водверить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидьтель дъйствій Н. И. Пирогова и какъ человінъ, имівющій всіз данныя для сравненія прошедшаго съ настотщимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мірів своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбуженія педагогической дізятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомивнико улучшенія въ общемъ нравственномъ направленія молодежи, вив увлеченія стремленіями, независящими отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводить Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубоваго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и діломъ, нашему просвіщенію, и каждый долженъ обратиться из нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на поков, въ тиши уединенія, не оставляль безъ помощи вопросовъ, отъ рішенія которыхъ зависять всів наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выньенъ же, ни. гг., въ лиць нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго геніяльнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключение, приведемъ слова автора Описанія Прощанія о послединхъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выгаль изъ Кіева 15-го апраля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудии большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго въдомства и весьма многихъ жителей города, ификонъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы схавать послідднее прости искренно любимому и цівнимому человіку. Вще большая толпа (отъ 700—800) зараніве отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстів отъ города) съ тою же цілью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселів возможности принять участіє въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались прики сожальнія и разлуки. Еще въ воздухь раздавались слова «прощайте, поменте насъ,» а уже почтовый экипажъ уносиль изъ Кіева человёка, намять котораго будеть долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежь всякаго рода экипажей потявулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова, Когда прівхали, - уже совершенно стемивло. Можно было только разсмотріть, что на пространствъ 1/4 версты по тоссе все было занято народомъ и экипажами. Вовдухъ огласился снова криками сожальнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова: онъ долженъ быль выйдти и сказать нёсколько прощальныхъ словъ дюдямъ, захотвишивъ почтить и последнія минуты пребыванія его въ Кіеве. Онъ благодарилъ всвхъ за участіе, ему выраженное, напомимлъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ объдахъ, напоминать о непреходящемъ царствъ иден, гдъ онъ не перестанетъ еще встръчаться съ любящими его, простился со всеми, обияль вълице одного всехъ присутствовавшихъ, и при единодущныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сежальнія, отправился далье по дорогь из Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станців и боліве счастливые сказали ему послъднее «прощайте.»

Въ Бердичевъ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здъсь, какъ и въ Кіевъ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвъщеніи и за тъ человъчныя отношенія, которыя И. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умълъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность мироваго посредника. Кто не согласиться съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнитъ этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферъ жизни...

НЕДОРАЗУМЪНІЕ

по поводу слова «Жидъ».

Мы получили письмо, въ которомъ дёлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я быль увъренъ, что въ программу «Основы» не входило намъреніе оскорблять кого-нибудь. На дълъ вышло нначе...

«Позвольте мив объясниться. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и впродолженіи шести літь, иміть счастье, вмість съ лучшими своими товарищами, постить русскіе университсты (Харьковскій, Кіевскій и Казанскій). Я вступиль въ университеть въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидъ», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповъданія. Но, съ обновлениемъ России, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ нарицательным словомъ вообще всякого плута и мошенника, -- все равно, быль ли онь еврейского, котолического или православного исповъданія. Значить, молодое покольніе дальше вась шагнуло. Оно отрышлось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человъка по его личнымъ достоинствамъ, а не по въръ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого покольнія и быль счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная въсть эта разносилась нами во всъ концы Россін. Русская литература заявила себя въ томъ же духъ и давно отръшилась отъ слова жидъ. Вдругъ являетесь вы съ журналомъ, гдъ хотите пробудить средневъковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возвратить свой народъ (по-крайней-мъръ въ этомъ отношеніи) ко временамъ Богдана. Скажите на милость, неужели вамъ это доставитъ душевное удовольствіе, когда ромъпренная чернь проведеть свой неумолимый ножь по тысячань несчастных жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безанню прельется по Украинъ?... Или вы хотите имъть побольше подписчиковъ, обязавшись льстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановъ Никифоровичей? Если — да, то я васъ посивну увърить въ следующемъ. Вы учились давнымъдавно, а я только—что оставилъ университетъ. Молодое покольніе Малороссовъ, сочувствуя вашей Основю во всемъ другомъ, инсколько не разделяетъ етсталыхъ пенятій относительно Евреевъ. Въ последніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не влеймить ихъ более поворнымъ словомъ «жидъ». Следовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производять теперь того эффекта, какой производили они во времена Фаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далее. Я имель счастье, вместе съ своими товарищами православнаго исповедания, посетить и тюрьмы. Странно, что нашь слухъ нигде не быль оскорбляемъ никемъ изъ смотрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крепостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встретиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, после долговременной разлуки, въ вашемъ журнале. Отъ думи жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ глубоко-оскорбленнаго самолюбія. Нельзя же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ, то вамъ, какъ редактору, слъдуетъ избъгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничъмъ не оскорбится.

«Во имя успъха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замёнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только въра въ благородство вашихъ цълей и стремленій побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно (1). Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

⁽¹⁾ Только ложь и эло любять сирываться, а мы не мыслимь ни того, ни другаго, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвътить всъмъ, ито удостоитъ маше откревенное мивије своимъ вниманіемъ.

Ред.

университетовъ и въ-особеннести на голосъ намето великато учители, котораго вы, въроятие, знаете. Можете передать ему иои претсиви. Знакомый съ студентами-Евреями, онъ васъ увъритъ, насколько вашъ журналъ несовремененъ въ этомъ отношения.

«Я надвюсь, что вы удовлетворите нашей просьбв и тъмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежъ, а въ-осебеннести меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвічать на это инсьмо нечатно, въ томъ предположенія, что митніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человічности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вітроятно, разділяють и другіе Еврен.

Положа руку на сердце, мы можемъ смело сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположение о служения своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневіжовымъ понятіямъ, нежели то, что кто-либо оскорбленъ выражениемъ, употребленнымъ въ «Основъ», будто-бы умышленно, изъ вражды и прегрънія къ какому бы то ни было племени на землю. Сибю увърить почтеннаго моего обвинителя и вообще всткъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ, --- просвъщенныхъ и непросвъщенныхъ сознаніемъ братства вськъ безъ-исключения людей, ---что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправъ оскорблять кого бы то ни было; что явленія, въ родъ избіенія Евреевъ во времена Богдана и Максима, представляются намъ печальнъйшими симптомами разстроеннаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убъжденію, никакія, новидимому, добрыя последствія подобныхъ болезненныхъ содроганій не искупають того зла, которое наносится другимъ и саминъ-себъ местью для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ человъку, а тънъ-болъе къ племени, народу и народности, легло въ основание нашей «Основы», и что только одно это начало оправдываеть ея появленіе и существованіе; что мы втруемъ только въ силу и плодотворность одной правды, безъ которой, нока она не станеть главнымъ двигателемъ человеческихъ отношений, не можетъ осуществиться идеаль человъческого общества, --- а правда не имрится съ враждой и неуважениемъ къ человъческой личности; --- что если мы надъемся на успъхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измънимъ; и что, маконецъ, если мы (естественно) желаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя теге, что они служить на нельзу самонознанія, просв'ященія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избытокъ которой долге още будеть и безъ насъ ощущаться въ нашенъ обществъ, на каждонъ магу и наждый часъ (1).

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной изв'єстною минутой и обстоятельствами, ночить; что эти начала, близкія, понятныя и уб'єдительныя для насъ, еще долго будутъ неуб'єдительны для нассы, которая живетъ настоящею дійствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на себственной сцинъ его давленіе.

Держась исторической почвы, разсмотрямъ безпристрастно недеразумъне относительно употребления слова экидъ.

Слово жиды, родствевнное латинскому Judaeus, измецкому и французскому Jude и Juif и польскому Zyd, ни по словопроизводству, им по смыслу своему, им по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихь племень, нисколько не уступаетъ названіямъ Еврей (2) и . Израмлытянино (3). Имя Жида, т. е. Іудея, только повдивіниве (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни льть до Р. Х.), но вначеніе его одмо и то же съ значеніемъ Израильтянима и Еврея.

Автору письма, въроятно, неизвъстно, что Малороссы стали называть вздавна и теперь называють Евреевъ экидами не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслъ, а точно такъже, какъ Великороссіянъ называли и называютъ Москалями, Поляковъ—

⁽¹⁾ Быть-можеть, кому-нибудь покажется сившно, что мы публично моловъдываемъ руководящія насъ начала по поводу письма, написаннаго въ раздраженів самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) жиду витьсто верей. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго воимманія между дюдьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, нуждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляеть свои уребованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрётилъ слово жиду и которые между тъмъ, въ числё нервыхъ, нечатно протестовали въ «Русскомъ Въстникъ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

⁽²⁾ Отъ слова Геберъ, —которов означаетъ — по ту сторону (пародъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или — какъ нѣкоторые думають — имя одного изъ ветхозавътныхъ патріарховъ.

⁽⁸⁾ Происходящій оть Израная.

Лякани; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знають. Слово это принло въ Южную Русь, виботь съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польни, гді и до сихъ поръ служить народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и у самыхъ Есрессь. Лаже въ ту эноху, когда Еврен, подъ вокровительствомъ нольских нановъ, пользовались на Украинъ, такини (повъроптилни) правами и привиллегіями, какихъ не имълъ пълый классъ комморусскаго нареда, — название жиди употреблялось неголько въ разговорновъ, но и въ официальномъ языкъ самихъ пановъ-покровителей. Г. П-въ можеть найти многочисленным подтвержденія нашихь словь въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нередко встречаются следуюнія выраженія: «объявляемъ семъ аренднымъ листемъ намимъ, чте ны отдали въ аренду славному пану Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому и потомкамъ его наше наследственное вмене». (Памяти. изд. Кіевскою Коммисіею, т. III., отд. II, стр. 68-70). Самое значение этого акта и слова не намекаетъ ни малънией чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хороже извъстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведеть свое начало и печерпаеть свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли нян примо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержание нашей литературы вполив народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться втрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ претивность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулина въ безполезномъ нововведенін, еслибъ онъ въ своей Хмельмищимъ сталь употреблять витесто жидо слово еерей. Ученый, занимающийся взученіемъ старой украинской жизни, также не можеть избъжать слова жидь, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго нлемени, и всякое, приведенное въ подлинникъ мъсто акта, лътописи, думы, пъсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тв писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляють между-темъ слово жемов, отнюдь не соединая съ этимъ вме-

мость другите значенія, кроит примаго. Южно-русскій мость Шевченно, потораво некто не ножеть упрекнуть во пражде къ какой бы то ни балю народности, произведения котораго проинкнуты негодованісить противъ всякихъ притьсисній и весправедливостей, но не противъ народовъ, — также употребляль это слово. Еслибы г. П-въ сообразывать эти фанты, то, --иы дунаенть, --онть не ставть бы, въ пыву равараженнаго, Богъ въсть ночему, самолюбія, упрекать насъ, въ томъ. будте бы ны хетинъ пробудить средневъковую вражду къ оврейскому илемени, — будто или желяемъ возвретить свой вародъ по временамъ Бегдана!? Воображение такъ далеко увлекле г. II-ва, что ему чудится даже разъярениая чернь, которая «проведсть свей неумолимый ножъ по тысячанъ несчастных экертев», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основъ» допущено слово жидъ, которое постоянно, въ теченіе въковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П-въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слова... а почему бы г. II—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая пићетъ же свои права, и прежде всего-право говорить твиъ языкомъ, какимъ она всегда говерная?... Послъ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Поляконъ, а не Ляхонъ, какъ называль его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большить правонь, могь бы предъявить и Номець (такъ-какъ это слово происходить, въролтно, оть ильмой), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основанін, что этимъ именемъ Малороссъ называеть иногла недобраго человъка. Что касается до насълично, то мы согласились бы, въ этомъ отношени, на самыя широкія уступки... но что въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови-она все-таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ намъ, отличающийся терпимостью вообще въротерпимостью въ-особенности, смотритъ на Еврея несовстиъ дружелюбно, и что—поэтому, а не по чему другому—слово жидо, въ устахъ его, означаетъ и человъка, о которомъ народъ невысокаго митния,—извъстный нравственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себъ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себъ, что въ нашей печати слово жидов исчезло; и меужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской интературы измънится и взглядъ народа на еврейское племя? Развъ перерождение поинтій и убъжденій можно совершить путемъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служищихъ на мъ
чему, кромъ минутнаго удовлетворенія щекотливому самелюбію и
бользненной рездражительности? Развъ не смеше обольщать себи темъ, что, съ перемъной названія, хоть на волосъ улучшатея отношенія народностей? Дъло такъ важно! Оне требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дълу, занались его сущностію,
а не внъщностію, опустились до глубины, добрались де источника вла,
и не думали, что, перемъняя названія предметовъ, шагають вмередъ.

Въ народъ образовалось невытодное о Евреихъ инъніе вслідствіе тъхъ притъсненій, которыя онъ когда-то вытеривлъ отъ нихъ. Вотъ-чте опъ-самъ повъствуетъ о своихъ прежнихъ отношенияхъ къ Еврею:

Явъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини, Якъ одъ Хмельнищини да до Брянщини, Якъ одъ Брянщини да до сёго-жъ то дня, Якъ у Земли Кралевскій да добра не було: Якъ жиди—рандарі Всі шляхи козяцькі зарандовали, Що на одній милі Да по три шинки становили,— Становили шинки по долинахъ, Заводили щоглі по высокихъ могилахъ.

Ище-жъ то жиди-рандарі У тому не перестали: На славній Украіні всі козапькі торги зарандовали Да брали мито-промито: Одъ возовою

По пів-золотого,
Одъ пішого-пішентаці по три денежки мита брали,
Одъ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«Ии нема, котикъ, сце цою?»

Ище-жъ жиди-рандарі У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі церкви зарандовали: Которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ датину можвита, То не йди до нопа благословитьця, Да пійди до жида-рандаря, да положъ мюстакъ, Щобъ позволивъ церкву одчинити, Тую дитину окрестити.

Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ Богъ дитину одружити,

То не йди до пона благословитьця, Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий *тарель*, Щобъ позволивъ церкву одчинити, Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жиди-рандарі У тому не перестали:

На славній України всі козацькі реки зарандовали:

Перва на Самарі Друга на Самсані, Третя на Гимлій, Четверта на Пробійній, Пьята на речці Кудесці.

Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотівъ риби вловити, Жинку свою зъ дітьми покормити:

То не иди до пана благословитьця,

Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать, Щобъ позволивъ на річці риби вловити, Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Ваписки о Южной Россіи, II. А. Кулица, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думъ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живеть особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣеть ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя веторонъ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что еще хужестремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаниное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отноменій—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ носвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Виѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливихъ иритазаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое санолюбіе, внимательно и безпристрастно взслѣдовать зло во

всъхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и оредства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездъятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дъломъ слъдовать Н. Ив. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всъ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дъйствительными, настоящими, отношеніями, мы успъемъ больше сдълать, нежели сдълало бы повсемъстное исчезновеніе названій и прозвищъ, непріятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ Основъ, народнаго слова жидов, мы съ своей стороны искренно желаемъ дъйствительнаго сближенія народностейи всегда готовы и словомъ и дъломъ тому содъйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надълено къ нъкоторымъ въ особенности родамъ дънтельности, мы убъждены однакожъ, что только то развитіе его будеть прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдеть изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духъ, мы встрътимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участів кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствъ воскресныхъ школъ.

КОНЦЕРТЪ 27 АПРБЛЯ,

(сборъ съ которато быль предназначень на покупку земли для родственниковъ $T.\ \Gamma p.\ III$ евченка.)

Въ южно-русскомо выстинкы я надъюсь найти мъсто своему, хотя и запоздалому, суждению объ артистическомъ явлении, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пъвалъ свои родныя пъсни.

Почти два изсяца прошло со дня концерта 27-го апраля, но желая быть какь-можно справедливае и безпристрастизе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мизніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ за и протист... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себъ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидътельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концерть изъ славанской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залъ 23-го марта), подъ управлениемъ одного прославленнаго пъяниста и нлохаго — (по-крайней-мъръ для народной славянской музыки) — дирижёра, прошелъ почти незамътно. Съ послъднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (пізсы, поставленной, въ программъ и исполненной послъднею, слъдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о разъъздъ—недослушанной), съ послъднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлъніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть півсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ ученой музыкъ; народной—и то только чешской и польской—было мало,
и притомъ ни одной народной пъсни великорусской, ни сербской, ни самой
мелодической славянской пъсни — украинской... Такъ ли слъдовало
поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спътой, по музыкъ Воячка, півсы — ndrody ne hàsnau?

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмёстё, навела на мысль о концерть, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тёмъ глубоко опечаленные утратой своего вёчнопаматнаго батька Тараса, и потому, естественно, въ концертъ первое мёсто должна была занять народная украинская пёсня: хотёли помянуть поэта, напомнить о его семействъ и позвакомить съ южнорусскими напівами тёхъ, кто не имёлъ случая ихъ слышать. —Признаемся, это намёреніе намъ показалось очень смёлымъ: гдё средства, гдё исполнители и слушатели для народной южной музыки въ съверной столицё? Для гостиной можно, пожалуй, найти и здёсь то и другое, но для концертной залы?? —да, это было слишкомъ смёло...

Но — концерты въ большой заль дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки некоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе сумиы для доброй цели. Значитъ — мысль объ украинскомъ концерть нашла сочувствіе въ обществъ; объ этомъ концертъ, повторяемъ, толковали, спорили — это тоже не дурной знакъ, — хотя бы сужденія некоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить ть затрудненія, которыя следовало преодольть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счель себя вправть, и не вызвался, быть распорядителемъ по музыкальной части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принялъ на себя часть заботъ распорядителя, — а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго изыка и народной нашей музыки, — мало въровавшихъ въ успъхъвыбрать и любителей, — съ новымъ въ Петербургъ предметомъ, выбрать и доставить ноты пъсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пънія, — эту живую прелесть естественности, исключающую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія цартін изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совътомъ въ выборъ пъсенъ къ любителямъ народныхъ мотивовъ. (въ томъ числъ и къ П. А. Кулишу), а затъмъ къ извъстному знатоку музыки, А. Н. Строву, (разработывающему украинскія птсни для «Основы»), съ просьбой восполнить составъ концерта насколькими хорами. А. Н. приняль на себя этоть трудь съ живъйшимъ сочувствиемъ, и арранжироваль два превосходныхь украинскихь хора-мужской и женскій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ отлично-оркестрованный маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «Мазепа». Бывшій въ это время, въ Петербургь. землякъ нашъ, извъстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Костенецкій, указаль на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ Покосарщина. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вийсти съ слидующими украинскими народными писнями:

1) Зелененькій барвіночку, стеліся низенько, и 2) Ой вийду - я на шпилечокь, исполненныя г-жею Леоновою; 3) Чи я вы лузі не калина була,—г-жею Леонтьевою; 4) Стоїть яворы нады водою,—г-мъ Артемовскимъ; 5) Ой крикнула лебедонька изы-за филі виринаючи и 6) Ой дівчина по гриби ходила,— г-мъ Чумачевскимъ; 7) Ой не шуми, луже! и 8) Ой ходивы чумакы,— г-мъ Ревуцкимъ; 9) Ой тамы на моріжку Поставлю я хижку и 10) Ой на річці та на дощечці,— женскимъ хоромъ; 11) Ой Морозе, Морозенку!— мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разногласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, вышишемъ главнъйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи представимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) Съверной Пчелы, въ фельетонъ, сказано: «Въ-особенности замъчателенъ былъ концертъ, данный въ четвертокъ, въ залъ дворянскаго собранія, съ благотворительною цълію, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорьевича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

но ожидать, состояла изъ малороссійских мелодій и пъсенъ, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Строва. И чудно-торжественно звучали эти птсни, и какая-то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цъли, съ которою раздались онв подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь ценою его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ-быть, навсегда успокоятся его останки, можеть отнынь называться единственною его собственностью, трехъ-аршиннымъ владеніемъ, на необозримой поверьности Россіи! Всъ. кому болъе или менъе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертъ, и не мало глазъ были какъто особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть-можеть, многимъ и слышались, быть-можетъ, среди заунывныхъ, гладящихъ душу, малороссійскихъ напъвовъ, иные напъвы-не роднаго украинскаго языка, а напъвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе вст общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именовать себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покамъстъ малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинисмомъ передъ людьии, мало знакомыми съ предметомъ. У насъмного господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалами даже такія вещи, какъ Эненда, Котляревскаго, или какая—нибудь повъсть, очевидно, написанная ресипіагит саива. Эти господа, сиъло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикъ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая изустно и тиская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертомъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видъли озабоченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа инсостоятельны въ понятіяхъ объ истинно-украинскомъ, объ истинно-народномъ, но состявъ концерта и распоряжение практическою его частые нревзовым всв наши горестныя ожиданія. Выбраны были весни жидшія изв хидших по напъвамъ в содержанію; есле же попали въ концерть вакими-то судьбами и прекрасныя произведенія наполной музы. то были изуродованы анти-народнымъ выполнениемъ. Призываю на судъ весь русскій шіръ: что за ндея, что за повзія въ сабдующихъ словакъ, столь же инчтожныхъ въ подлинникъ, какъ и въ переведъ: «Абвушка подняя за грибани и заблудивась въ зеленомъ лесу: иришла она нъ зеленому дубу. Здёсь я буду ночевать. Я думала, что это зеленый дубъ, виъ это молодой козакъ. Ой козакъ-новъса, выведи меня наъ зеленато лъса, Когдабъ ты меня не звала невъсою, я вывель бы теби изв зеленаго лесу», —и только! (?!) Но одинь изв извиовъ, г. Артеновскій, одолжиль насъ еще больше: онъ одной народной изсив придаль собственный анти-укранискій напівнь, а вивето другойенъль бездушный и уродянный романсь г. Виктора Забълы, въ которомъ ость таків поотическіе стихи:

> А коли сёго не зробимъ, Кинь мене у море.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вътру, которому онъ зави-

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ, Бо тобі не тяжко: Ти не знаешъ въ світі горя, Такъ тобі й не важко.

Да, хорощо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только тяжко, но и важко, слушать эту пошлую тарабарщину, выдаваемую нашими знатоками Укранны за позвію въ народномъ духъ. И какъ это обидно, что подобный вой раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

^(*) Каждому, надвемся, ясно, что им говорили собственно только объ украмиской части концерта. Что насается до прочихъ пьесъ, то оне были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не-украинскіе півцы и півшиць дов'врчино вообразили, что им'вють діло съ знатокажи народной музыки, а тіз своими совітами уничтожили въ ихъ півшін то, что было бы для насъдороже, —уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строге вы-

Вследь за этимъ отвывомъ, въ томъ же совершенно тонъ, нослышался голосъ въ правдивой (но безъ ея вины не въ настоящемъ случав) Современной Лютописи Русскаго Въстинка, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывнийся обманчивымъ именемъ, авторъ, въроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинъ). Вотъ-какъ новъствуетъ г. Тыминъ Львенко-Маренко:

«27 апръля, мы были на давно-ожидавиемся малороссійскомъ концертъ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и громаднымь издержкамъ на этотъ концерть, мы ожидали встратить если не что нибудь необыкновенное, то по крайней мірів соотвітствущее великодълному содержанию афици. Но каково же было наме разочарование, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. Вивсто налороссійских в піесъ, мы услышали нтито такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснъйшая хоровая пъсня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Последнюю скорее можно было принять за извъстную пъсню: «Ахъ на что было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совстмъ не хотимъ унизить, да никто и не можеть), чемъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива, -- онъ перенначиваль и самыя слова... Изъ всёхъ піесъ сноснёе другихъ, и то относительно, была пъсня чумака, исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ неизящный... Однимъ словомъ, неуспъхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тараса Григорьевича на землъ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цълей его: 1) почтить намять незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго, — положительно ни одна не была достигнута...»

Между тъмъ, опять въ той же Спверной Пчель (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетономъ, восторженно-хвалебная пъснь концерту и въ-особенности нъкоторымъ исполнителямъ (по правдъ заслужившимъ горячую признательность украинцевъ за

держанъ, перешесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработанцымъ и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, при фрузомз руководствю, выполнили бы свое дъдо вполиъ удовлетворительно. И. К.

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. И. Таволгою — Мокрицкимъ, выпишемъ нъкоторыя характеристическія мъста:

«Желая чёмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голось любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрёля, концертъ, съ цёлію услышать родные звуки пёсенъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русса, или украинца, вся радость и тоска его, всё высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, самъ пёлъ превослодно и любилъ пёсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нёж-ной любви къ домашнему крову,—оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концерть начался увертюрою «Карлъ Сивлый».

Соло и украинскія пъсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Рекуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждаго исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочименныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народѣ изъ сердна безънскусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и безсмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г: Вителяро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремила на эстраду глаза, прислушиваясь что споетъ Леонова на нарѣчіи ей чуждомъ; что создастъ изъ звука, пенолучившаго еще законнаго права, бродящаго сироткой подъ плетнемъ, —которому искусство не подало еще дружелюбно руки, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински пропъла слъдющія трогательныя слова, выражающія плачъ «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой вийду я за гаёчокъ, Та глану я на долину, Долина глибока, калина висока, Ажъ до землі вітта гнутця, А въ мене, дівчини, въ мене, молодої, Річенькою слёзи длютця.

Підъ тією калиною
Високая могилонька: —
Могила висока и яма глибока —
Козацькая ностілонька;
У тій у могилі, въ холодній ностілі
Лежить батенько нашъ милий....
Ой Тарасе, голубоньку!
Кинувъ мене свою доньку,
Кинувъ мене свою доньку,
Кинувъ усіхъ дочокъ—сизихъ голубочокъ,
И стареньку нашу неньку.
Розступися земле—подивись на мене,
Якъ плачу я, дівчинонька...

«Всний пойметь, что не легко сразу овладьть выговоромъ, интонацією, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требующему навъстнаго выраженія каждаго слова и звука. Но г-жъ Лееновой ин что нетрудно. Ее, какъ перлами, осыпали рукоплескад:
ями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко в этло
примътить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновеннее,
истинное удовольствіе всей публики. Послышалось иножество «bis!
bis!» Она снова вышла и—о ужасъ украинцевъ! — виъсто повторенія
той же трегательной пъсни, начала игривую нъсенку:

«Зелененький барвіночку, Стелися низенько, А ти, милий, чорнобривий, Присунься близенько; Зелененький барвіночку, . Стелися ще нижче, А ти, милий, чорнобривий, Присунься ще ближче.

«Я видълъ исно, какъ иткоторые увлаженные глаза во игновение изивнили выражение, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетъ:

Не сте́детця барвіночокъ — Ко́рень посиха́е;
Не ди́витця коза́ченько — Та́женько здиха́е.
Ой, чого́жъ ти одверну́вся,
Мій о́рле-коза́че?
Глянь на мене веселе́ньку — Я смію́ся... й пла́чу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивая мотивъ и придавая голосу, таниственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пъсит всегда имъетъ грустный отгънскъ, принялъ другой характеръ. Въ этомъ тоже она, изобразивъ неизитиное чувство козака къ его имлей:

> «Дівчи́мочко, пташи́ночко, Щебету́шечко! Співа́й мені, кажи мені, Говору́шечко!»

окончила безотраднымъ воплемъ козака:

«Співай що хо́чъ, кажи́ що хо́чъ— Не чу́ю я гласа— Ні слова́ми, ні слёзами Не ве́рнешъ Тара́са!»

«Неожиданность эта была эфектна и выразилась сильнъйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блестъли слезы.

«Настроеніе публики было прекрасное,—нецеремонное, ненатянутое, сердечное.

«Г. Стровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ-композиторомъ, понялъ высшимъ чутьемъ новый рудинкъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видъ опыта, мужскую и двъ женскія пъсни-веснянки для хора. Первая сочинена на смерть воинственнаго Морозенка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ-то рокотомъ, катящимся по степи. Двъ женскія составляютъ второй хоръ, раздъленный на двъ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дъвушка, которой походка сравнена съ струею воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разпообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкъ въ водъ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одъвается на зеленой травкъ и, любуясь собою, веселю принъваетъ (къ своимъ черевичкамъ:)

«Сежъ мені пан-отець покупивъ, Щобъ хороший молодець полюбивъ, А панчішки (чулочки) пані-матка дала, Щобъ хороша я панянка була.»

«Третій хоръ, положенный г. Стровымъ (сербская птсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Стровъ быль вызванъ публикою.

«Встръча г. Никольскому была шумнымъ всилескомъ моря ири налетъвшемъ ураганъ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполниль маршъ изъ симоонической фантазіи «Мазепа», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарщину», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія
Тарновскаго. Звонъ косъ, какъ ихъ острять въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ, — прелестный букеть мотивовъ, такъ близкихъ сердцу, — перенесли насъ изъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампадки, висятъ въ
воздухъ жаворонки, составляя общирный хоръ Создателю.... Звуки,
свъжесть степей, солице родины! — ахъ, вы ничъмъ незамънимы!...
Недостаеть вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г-жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Неискушай меня» музыка великаго Глинки. Послів этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отитиченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончиль впечатлівніе, исполнивь: «Его ужь ніть!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые, бываютъ вездѣ и вовсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколькихъ наслажденій вы лишены, если не забъгаетъ къ вамъ поръзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свъженькой его головкъ! Это дитя имъетъ такое же законное мъсто въ нашей душъ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго Веніамина, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Строву была выражена съ восторгомъ.

«Г-жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя чрезъ всю залу. Каждый просиль оторвать ему цвътокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не спотря на новыя положенія, закрёпостила насъ окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встръчаемъ еще двъ статъм по новоду концерта 27 апръля: одна—П. Н. Т.-Мокрицкаго, другая — Ас. В. Марковича. Вторую, — съ которою нельзя вполнъ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участьемъ отнесся къ концерту, — мы помъщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статъи, которая представляетъ скоръе ръзкое возражение П. А. Кулишу, нежели критическую оцънку артистическаго явленія, мы навлючемъ немногое, оставляя въ сторонъ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертв и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дъломъ неблагодарнымъ. Одна искреиность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Строва и г-жи Леоновой, придаютъ ему такія прекрасныя симнатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Строва въ этомъ концертт было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкт на хоры и оркестръ трехъ малороссійскихъ народныхъ птсенъ и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвоваль, хотя и не могъ здтсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями птсни и готовыя соображенія, болте или менте обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертъ.

«Въ составлени самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Стровъ былъ парализованъ неблагопріятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ провтрить переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на сптвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Винить въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что главныхъ распорядителей по конщертму вовсе не было. Самъ г. Стровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за ттытъ, за чтитъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Строву остаются не упреки, а политишая, глубочайшая благодарность мемреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

намяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ произносится въ музыкальной Германів, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живза струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задушевнымъ пъснямъ своей милой родины.

«И темъ выше заслуга г. Серова, чемъ онъ сознательнее утверждаетъ, что работу свою, по ея спешности и, следовательно, неудовлетворительности, считаеть не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и темъ обязательнее для каждаго признание этой заслуги. что выполненіе этихъ малороссійскихъ пьесъ въ концерть оставляло еще многаго желать. Композиторъ не только-что не имълъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партін или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробъ, имъвшей мъсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныть омибокъ; напримъръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинъ первой пъсни женскаго хора, уничтожить поставленных въ срединъ пъсенъ ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ викманіемъ къ дѣлу можно было многаго достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишное жальть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскить прснять кое-гар не орган базставлени подр соотвриственними иму нотами, а въ пъніи недоставало вольныхъ и смълыхъ переливовъ. требуемыхъ характеромъ исполненія пъсень самимъ народомъ. По стъсненному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, на благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менъе — г. Сърова.

«Напротивъ, если, и за всемъ этимъ, нашъ предестный женскій хоръ, наравит съ блистательно-оркестрованнымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществъ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Съровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статъъ П. Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слъдующее:

«Не позволяя себъ ръшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознавансь въ своей недальновидности, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ следующихъ словъ г. Кулиша: «покамъстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смъло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здъсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замъчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды считалась всегда удачнъйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всъми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ» играются десятки лътъ на театръ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За пораженіемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ пораженіе момпозитора, Глинки, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Положенный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Артемовскимъ, г. Кулишъ назвалъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, всѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ привела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить доброму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдъ же искать причину этого разочарованія въ которомъ находится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публика очень признательно выражала свое сочувствіе въ копцертъ, что видълъ и слышалъ каждый бывшій и что доказываетъ фельетонъ, выглядывающій, какъ укоръ,
изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно пепонятно,
какъ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной степени, въ людяхъ, пришедшихъ раздълить одно съ нами чувство. Неужели человъкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди,
сталъ бы насмъхаться надъ выраженіемъ лица особы, посътившей могилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполнъ раздъляемъ мнъніе г. Марковича, мы думали-было сдълать замъчапіе противъ пъкоторыхъ фразъ, нъкоторыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнъніяхъ, но — остановились: намъ сдълалось и скучно и грустно при одной мысли полемикъ, обращенной къ тому, что было, прошло, и если когда—имбудь повторится, то совершенно въ иномъ видъ. Многое, что, по

первому внечатлънію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришъ потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, прямаго дъла. Не словопреніе теперь нужно, а дъло, — любовь: одна любовь творитъ достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нъсколько общихъ замъчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть-можетъ, они впередъкъ чему-нибудь послужатъ.

Справедливо замъчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концерть быль далекь оть совершенства; но можно ли требовать совершенства отъ чего-бы-то-ни-было, а тъмъ болье отъ концерта, образовавшагося на-скоро, на-стверт, гдт такъ еще мало знанія и цониманія нашей народной музыки. Надо было испытать возможное, • н оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не безплоянымъ: возможное въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чуетъ нашу пъсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистического своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народъ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками піссни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пънія. Такъ нногда поетъ извъстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для конпертной залы. Такъ некогда пель Шевченко — и голосомъ и стихами... но дегко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъчто следовало помнить критикамъ концерта 27 апреля: — тогда бы въроятно, взглядъ ихъ былъ прямъе и справедливъе, - тогда бы требованія ихъ относительно украинскаго концерта въ Петербурів въ такой же степени уменьшились, въ какой — относительно себя — увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательные въ-отношени къ себъ и осмотрительные въ своихъ приговорахъ, нежели они это по-казали. Концертъ есть дъло музыкальное и, слъдовательно, для върназо сужденія о концертъ какомъ-бы-то-ни-было, прежде всего необходимо, хотя до нъкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дълъ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чъмъ на-половину программы составленъ изъ музыки южно-русской, но изъ этого еще не слъдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украницевъ, — и вовсе не каждый украниецъ, на томъ только основании, что онъ слыхаль песни своего народа, народомъ иснолняемыя, можеть превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримъръ, не усомнится въ истинной «народности» русской пласовой пъсни, извъстной по всей Руси нодъ именемъ «Комаринской». Эта пъсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но-еслибъ потребовалось оценивать это мастерское и великоленное произведеніе Глинки-хотябы и со стороны собственно-народности, - неужели бы любой «русскій,» быть-можеть неразъ плясавшій подъ звуки этой пъсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для опънки эфектовъ и впечатлънія оркестровой разработки этой пъсни Глинкою? - Весьма въроятно, подобный импровизированный судья изрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрышки наигрывають изсню (т. е. еще на-голо, одну мелодію, безъ аккомпанемента), узнать можно: -- совстиъ какъ у насъ выходить; а что дальше, такъ ужъ хитро больно, --- заплелъ, заплелъ разныя припъвочки да подпъвочки, да въ трубы, въ литавры грянуль, -- отъ пъсни-то чуть-ли не въ сторону метнуль. У насъ поють и играють ее попроще; — а это уже на нъмецкіе лады смахиваеть.» Могь ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкъ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ парадлель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Сърова на поприщъ разробатыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но— по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателяхъ незнаніе предмета.

Что можетъ быть, напримітръ, забавніте упрека женскому хору (въ его второй половині) за то, что мотивъ пісни «Ой на річці жа на дощецці» сбивается на великорусскую пісню «Ахъ, начтожъ было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ втотъ похожъ и на другую русскую пісню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполий народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія півсни и на ту украинскую, которая была сивта женскимъ коромъ въ концертъ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самаго напева: что жъ изъ этого следовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говоритъ (вёроятно, не разобравъ музыки), г. Маренио)? Ужъ навърное не то, что онъ думаль. А что мотивъ, разумъется, сохраненъ въ хоръ вездъ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распостраняться не следуеть: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А. Н. Строва надъ украинскими пъснями, чтобы увидъть какъ ценить и понимаеть онь народную музыку. Читатели видели замечательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глинки — давно оціненную півсенку «Гуде вітерь» сивналь се словами, которыхь авторь В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умъетъ ясно разграничивать область текета и область музыки, хотя бы и въ народной несне; случайные судьи музыкальныхъ явленій, наобороть, никакь не могуть отділить звука оть слова и, за-частую, не узнають и мотива песни, если она имъ спета съ инымъ, незнакомымъ для нахъ, текстомъ, или сыграна безъ пенія и, следовательно, безъ словъ.

Наконецъ, следуетъ еще заметить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертъ, непременно должна стать ев уровень съ художественными произведеніями не-народными. Півсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ-трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатейній матеріаль для музыки, но этотъ матеріаль, въ своемъ необрабо-танномъ видѣ, еще не есть музыка, готовая для конщерта. А для сцепленія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для лёгкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется вниканіе въ законы развитало искусства и опытность въ техникъ музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, няпримѣръ, въ «Покосарщинъ;» хотя мотивы этой цьесы, сами по-себъ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттънкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердін всъхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всъ они свое дъло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго преникновенія задачею, напримъръ въ корахъ и акомпанементъ имъ, конечно, недоставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствие въ Петербургъ вполнъ корошаго капельмейсяме-

ра для народной музыки, истичнаго по всемь правань предводителя оркестровыхъ и хоровыхъ силь (отличныхъ въ отдельности)... Кроме техническаго знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертных дирижерахь)---кром'в таланта (который, какъ высшій дарь, вовсе не часто встречается въ музыкантахъ-профессіонистахъ), тутъ необходимо еще одно важитыщее условіє: безграничная любовь къ своему дълу, призвание, неразлучное и съ безкорыстиемъ и съ самоотвержениемъ. Музыканты оркестра, півщы и півнцы хора, не могуть смотріть на . музыку яначе, какъ на поденное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получають извъстную плату. Начальникь оркестра и хоровъ, начальника осего исполненія, во всецілости музыкальной, обязанъ смотръть на дело иначе. Онъ долженъ душею горъть, пламенъть къ музыка; должень, по снутреннему, сельнайшему побуждению стремиться въ идеально-совершенному выполненію ввёряемых ему задачь. Его дело-вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человеческих и музыкальных орудій, понять духь, характерь того, что исполняется, -- осуществить все, что только въ виде мертвой буквы заключено въ колодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомивнія, никакъ недостаточно было од ной (!) пробы, при музыкъ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дёлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мъсто вовсе не по призванію, а такъ, Богъ знаетъ почему, --- какъ не редко случается со всякими другими должностями, --- когда и онъ--- никакъ не менте музыкантовъ оркестра и хористовъ-поденщикъ, наемникъ, которому нътъ ни малъйшаго дъла до цълей искуства, --- когда, вмъсто того, чтобъ «одушев**дять > исполненіе, онъ скорте, своею вялостью, сухостью, равнодушіемъ,** самъ парализуеть и ту маленькую энергію, которая изр'єдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестръ: тогда... Рдъ же требовать силы впечатленія на слушателей, где же требовать смысла, разумности въ оттънкахъ, гдъ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, - тъмъ болье отъ концерта, въ основанія котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключение, не считаемъ лишнимъ сказать, что многие Украинцы, въ томъ числъ и Н. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участие въ концертъ, осо-

обощинсь — какъ и для всёхъ здёсь обходятся — очень дорого, не спотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который завёдываль хозяйственною частью концерта; и, наконець, что — какъ говорять — нёкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертъ 27 апрёля, — въ тоиъ числё г—жа Леонова и г. Никольскій, — вскорё наиёрены посётить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успёхё и сочувствіи тамошняго общества не сомиёваемся.

А.-В. Нобратинъ.

BÍCTI.

ВОВЧИЦЯ.

(Изв письма моего пріятеля).

— Солнечные лучи ложились нарадлельно землі, пробиваясь сквозь світлыя зямнія облака. Слабе освіщали они стіны убогихъ кать, плетни в вербы, когда почтовая тройка тронулась взі хутора Картая и ненеслась не степной дорогі, оглашая воздухь різкимь дребезжаньемь колокольчика. Сівшій въ рогожную кибитку пробажающій закурнять сигару, оть которой дымь быстре выледаль изъ-нодь кибитки и тотпась же исчезаль въ сжатомь зимнёмь воздухі. Тикій вітерь пачаль усиливаться боліте и боліте; отдільно бродившія облака стали сходиться въ силешную массу, и пошель сніть. Наконець, солице совершенно скрылось, а сніть усилился до-того, что узкую дорогу, походившую боліте на тропинку, стало заносить совершеню; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обінкъ сторонь не была утыкана палками, обверченными соломой, которыя у насъ называются тычками.

«Да!!» вздохнувши подумаль протажающій, глядя на безконечное чистою пространство, покрытое спітомъ: «еще одно здітсь спасаеть человітка — тычки! а не будь яхь въ мятель, непремітно сбился бы съ дороги и застыль бы въ этомъ спітовомъ морі».

Онъ бросиль въ сторону недокуренную сигару и, закугавшись въ шубу, прижался пъ тей сторонъ кибитки; въ которую дуль бушующій вітеръ, и, поглядывая въ обів стороны, прислушивался къ півсні ямщика, напівавшаго полныйъ степнымъ голосомъ:

> Забіліли сніги, заболіло тіло, ще й головонька; Ніхто не заплаче по білому тілу, по бурлацькому....

Ямищих поминутно стегаль батогомъ свою тройку, движеніе которой но занесенной ситгомъ дорогт становилось все тиме и тиме. Она протхала уже итсколько версть, а ни впереди, ин въ сторой инкакого жилья не было замітно: все только и видитлясь одна неизитриман, покрытая ситгомъ степь, на которой въ літиее время не мало можно встрітитв дийхъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокій яръ, гдт, къ удивленію тхавшаго господина, въ первый разъ встрітился дубовый лісокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытеритиль и спросиль:

- · А что, затсь есть жилье, или одинь только лъсъ?
- Жили неми ніякого, а тілько одинь місь,—отвічаль якщикъ хлеснувь батогомъ лошадей.
 - Большой?
 - Ні, го велікій, та й не малій.
 - А сколько версть оть этого льсу до станців?
- Та, якъ бы вамъ сказать?—верстовъ... траддять, чи траднять нять.
 - _ А впередъ встрътится какой набудь куторъ?
 - Буде маленькій хутирень, та й той останотия у боку.
- Въ лъсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всиатриваясь въ ту сторону, путемественникъ спросилъ у лишика:
 - Тутъ изтъ ли избущки, что вонъ вираво видънъ огонь?
 - Це не огонь, отвичаль инщикъ.
 - А чтоже?
 - Вовкъ. То у ёго очи блащать якъ огонь.
 - Развъ здъсь ихъ этакъ бываетъ и иного?
- Та не такъ багацько, а коли не ідень, то все понадаютня назустрічь.

Когда она поровнались съ тенъ местомъ, где находился волкъ, лошади поднали уми и стали хранеть, а сидевний въ санахв госнодинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, не прижался поближе къ одной стороне саней и сдва нереводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолетъ, который имълъ всегда зераженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, нереводя съ большою осторожностию дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый яръ, ему сделалось еще жутю оттого, что лошади, утопал по самое брюхо въ мягкомъ сиету,

чуть двигались впередъ, и нередио даже совершенно останавливались. А волкъ съ терищини, какъ двъ свъчки, глазани стоялъ ненедвижно. Герей нашъ хотя былъ и не изъ самаго трусливаго десигка, а въ этомъ случив севершенно оплошалъ. Онъ не могъ заистить, что здъсь уже не было видно ни дороги, ни тычекъ, которыя были ванесены сивгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ
исстностью, ъхалъ по лъсу почти манісцемъ, ежеминутно покрикивая и ударяя батогомъ лошадей, которыя насилу выбивались изъ
глубокаго сивгу, валегшаго спокойно въ лъсу. Наконецъ, умыленная до изнеможенія тройка перебрялась чрезъ глубокій яръ и,
такъ сказать, вынырнувъ изъ сивтовой топи, очутилась на гладкой
дорогъ, изръдка переръзанной большими валявами сивту. Изъ лъсу,
въ кетеромъ остался стращный волкъ съ огнешными глазами, долетали до нашихъ тедоковъ свясть сильнаго вътра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и вытахавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихоньку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліли сніги, забеліло тіле....

Лошади, получая менъе ударовъ батога, пошли однакожъ шибче, а проъзжающій снова спросилъ ямщика:

- A что, эти свттлоглазые ничего не трогають, или этакъ что нибудь и нощинывають?
- Да якъ ще гарно инпанеть! Торікъ до насъ у хутіръ такъ унадились, що не було того дил, мобъ чого-небудь изъ кліва не витягля: сперву стали красти гусей, я тамъ спецей и овечекъ; та такъ сіберні унадились, що и из день бувало підирадутия до вівень, ухонить агна, або стару вівню, та й побіжать у лісъ. Лісъ щой шевеликій.... Отъ им вібрались разъ чоловікъ изъ месть; взяла зъ собено всі по кійну и четирі ружилі, та й и пішли. Дай, каженъ, пробідено цей лісъ, чи не найденъ тамъ ихъ скоти (1). Тальки приходинъ у лісъ, и исі пестеро розійшляєть по бокатъ.... ну, и наймовъ одинъ, такъ, у прочну, мовчу скоту, и закрачавъ: «Сюди, братці»! Отъ им якъ прийшли всі, такъ одинъ сиїлий и вибрався, та й полізъ у скоту.... А тамъ були тільки сами вовчената и обое

^(*) Bepaern.

гарцювали зъ маленькихъ ягняткомъ. Ну, им туть скореще забраля ціхъ маленькихъ вовченять и ягнятко и номесли до дому, шобъ не зострітись изъ вовчицею. А щобъ вона и по слідэнъ не наймла овоїхъ дітей, то ин якъ переходили черезъ містокъ, взяли та іхъ и номили.

- Развъ волчица по слъданъ могла найти, еслибы вы волченять не обмыли?—спросиль путемественникъ.
- Эге́! вона бъ тоді и домъ той розорила, куди принесли вовченать: вона по слідамъ прийнла до самого містка, а далі вже не пійде, бо зъ нихъ увесь духъ вовчий обмиля.... Бідну скотинку ажъ жаль було, якъ вона пілу неділю лізла въ воду, та все вила, да й здохла тамъ на бе́резі.

Хуторъ, о которомъ яжинкъ говерилъ прежде своему съдоку, только сейчасъ они пробхали; но путемественникъ, заваливнись въ уголъ саней и закутавшись отъ сильнаго вътра и сиъга въ шубу, не замътилъ его.

- Чтоже вы съ волченятами саблали?
- Становий дознавсь, та до себе и забравъ. У станового, бачте, на тій неділі, якъ ворчиця все вила и лізла у річку, кор ова пропала. Ёму хтось про це й сказавъ; вінъ узявъ писаря, етамана (²) и двухъ десатниківъ, та й приіхавъ до насъ у хутіръ и заразъ же звелівъ зібрать усіхъ стариківъ и всіхъ насъ у громаду. Меме теді дома не було: я вовивъ якогось нана; такъ за мною послали въ погоню, мобъ якъ можно екоріте я іхавъ у 19діръ до станового. Коли я приіхавь у хутиръ — а тамъ уже всі маопці, що зо миою забрали въ дісі изъ скоти вовченить, стойть ў громаді. Отъ становий и питає: «Ше? ви, каже, забрали изъ ме вовченать »? — «Ми, кажинь, забрали». — «Де жь воий»? — «У мене дона», оказавъ одинъ зъ насъ.--«Ну, такъ послать, шобъ іхъ привезий съда... А. іхъ, каже, послайть у колодию» (покажуе на насъ). Ми стали ёго просити, викъ и дивитыци на насъ не хоче; лакъ росходивсь, що и въ два» не вборонъ. Послі: «ні,» каже, «не сяжайте іхъ у холодию, а приводіть по одному до мене въ хату». Отъ насъ усіхъ по одному у кату, де бувъ становий, писарь и отаманъ, переводиля, в жее у насъ миталя, а же все імъ казаля, а

⁽³⁾ У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великороссіянъ старшина.

вони все писали. Якъ усіхъ до одного перебрали, такъ становий вийшовъ, та й почавъ читать ири всій громаді: по такі-то и такіто, тоді-то и тоді-то, ходили въ лісь и вовчу скоту розорили, и вовченать забрали, и зъ нами дойшли до містка и ихъ у вічні обыйли. Вовчиця про це не знала, н якъ прійшла въ скоту, глядь. наже. а тамъ вовченатъ нема. Ну, вона побігла по слідамъ до самого містка, де вовченята були обмиті, та й ну вити и кидатьця въ воду; та такъ разсердилась, що заіла мою корову.... Та не ще нічого, каже, а якъ би вона ззіла чоловіка, толібъ що було? каже становий усій громаді. Тодібъ и мене нідтягнули, сказали бъ, мо оть-ню робития въ твоімъ стані»! А старики зъ ляку: «Ні,» кажуть, «и за корову нехай вони вамъ заплатють, що вона стоіть». А ин й кажимъ: «Та якъ же вовчина корову ззіла, ваше благородіе, коли вона одъ вашого хутора наслась більше, якъ пятнадцять веретъ? Скорій бы вона зъ нашого хутора чию-небудь вазіла». «Ні,» каже вся громада « че могло случитьця, бо вома не ходила въ череді, а по волі, де хотіла.... такъ вона, може, прямо черезъ пшениці и провили шідъ вашъ хутіръ». «Оть то-то и есть!» стали ин казати: «якъ вона ходила по пшеницямъ, то хто-небудь и прицькувавъ ії собаками, а: вони й загнали далеко»... «Не правду ви кажете, перебила вся громада: скільки разъ ми всі бачили, мо вона пасетпя въ пшениці, а мало того и ляже — и то ніхто не чіпавъ, а не то пюбъ собеками. цькувать». А становий: «тавъ,» каже, вы, господа чесний, согласні, шобъ вони заплатили мені за корову, чи ні?... та самъ же й каже: «по мені и нічогобъ не треба; такъ, якъ простить імъ, то и другі таве діло вроблять». «Согласні, согласні,» сказала вся громада: «стільки, скільки ви прикажете». А становий: «скільки я самъ заплативъ Жукові: сто карбованцівъ. Це корова не наська, а Чорноморьска». Якъ сказавъ вінъ це, такъ-такъ ин всі, грішні, й подумали: «Янъ ёго ще омра земля держить на світі, що вінъ такъ людей морочить! в Всі знаян, що порова станового не куплена, а просто взята у Жука за те, шо вінъ якъ прасілъ, такъ всяке міто приганяє багацько скотини; а старики жалуютця, що вінъ своею скотиною вибивае на полі кормъ. такъ-що й нашій спотині нічого істи. Отъ цей прасіль всяке літо и дарує скотиною, або грішми, становому, писареві и отаманові, який бере (1); тимъ и корову цю вся станового дворня, коли шука́е бувало въ пшениці, такъ усе кажуть: «Чи не бачили Жучихи?»

Digitized by Google

⁽¹⁾ Отаманы, будучи часто перемъняемы, ръдко пользуются случаемъ взять.

- Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтебы становаго корона не паслесь въ инненицъ?
- Не то шо корова пасетия въ писийці, а всі троє коней ходить де хотя, а то нікто мічого не каже; тілько масъ Бога ради не чінай!...
- --- Ну, а чёмъ же пончилось дёло е волчицё? --- спросиль путенественникъ, желля скорбе узнать развязку.
- Та тимъ, ию зъ насъ изъ усіхъ здупили сто карбованцівъ за перову, та тридцять карбованцівъ и шість мішківъ пшениці за безчесте; а зо всёго хутера зобрали яець на яешню и курей на закуску всінъ панамъ стілько, що вони тутъ пообідали, та ще одвезли станевому и писареві на підводі.
 - A что такое значить безчестье?
- Та безчеств въ насъ воветця те, що якъ буденть познватьця, такть все рівно беруть и съ вравого и неправого: тільки разниця та, що зъ виноватого беруть за вину и безчесте, а съ правово тілько за одно безчесте.
- A всякій ли разъ бываеть сборъ янцъ и куръ, когда пріважають важи власти?
- Хтобъ ні приіхавъ—становій по своєму ділу, писарь и зборщикъ оброкъ збірать,—все ходять десятники и збірають зъ душі по скільки чого слідув.
 - Какъ? развъ опредълено поскольку чего съ души?
- А я́къже! Становому одному по два вёщі зъ душі, а зъ двадилти душъ по курочці; а мисареві и зборщикові, на двокъ стімки, скільки одному становому. А отананові, коли буває, то прибавластил, я́къ тамъ буде приказано.

Бестда съ янщиковъ дотого увлекла продажающите, что онъ невольно задумался и не замътилъ, какъ пролетъю время отъ станціи до станціи. Но онъ счель излишнимъ выражать свое удовольствіе словами, и только лишнихъ цять контекъ серебромъ, прибавленныхъ иъ обычной его илять янщикамъ на водку, выразили его безмолвную благодарность.

Н. Свячению.

Мэт Черинговской губ.

(IMB 4861 1.).

I.

Вы проския меня писать обо всемь, что будеть дюбонытнаго въ

Вы, можеть-быть, разсчитывали получить отъ меня свёдёнія интересные для «Основы» в для читателей ся; но я соинтвансь удается ди мит сообщить что-нибудь подобное. Поманикова, квома блимайшихъ состдей, я еще не видълъ; состди же, большею частью. жалуются на судьбу. Они окончательно рашили въ своей годова, что выкола изъ бъды нъть ни съ какой стороны; съ главами, помикиним долу, жлугь они голодной сморти, и не внимають голосу умнаго человъна, по временамъ взывающему къ никъ. Вет помыслы ихъ четвемдены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ: продается BCC. MTO MORNO HOOGATL: UDOGYETLI, SALEMARMICCH HO HECKOLLKY JETL. сбыраются но накой-бы-то-ин-было цент. Но съ собранными деньгами OHE DÉMETERADO HE CHAMPIL KÁKS HOCTYDETE E UDRTYTE EXE EO YLIZHE. подальне от посторениях вымадовь. Исть ни желаны, на учёныя распорядиться ими разущие, унотребить въ дъло. Привыкнувъ спотрать HA ACHLER RANG HA HARL MESHE, OHE I TORCHE HO REARTS DE HEYE CROSства из благосостоянію, и жмутся до-крайности, линь бы не вынує кать денегь изъ вукъ. О правильномъ употребления капитала изтъ никавого пенатія. Я пробоваль убедить некоторыхъ господъ обратиться из промышленности, смотръть правильно на свободный трудь, стараться выиграть время—не внемлють!.. Одинь отвъть: все погибло!

А между тімъ, въ нервий же годъ, можно бы уже воспользовяться выгодани свободнаго труда; не у насъ такъ привыван нъ патріархальному способу вести хозяйство, что боятся и подунать о какомъ либо произинаенномъ оборотъ, и скоръе соглашаются вадыхать, сложа руди, немели заняться чімъ-нибудь. Слевомъ, человікъ свіжій испытьюветь здісь висчатлініе самое тажелое, и невольно вспоминяются слова лічонисца: «Занустініе на стогнякъ градовъ и восей: то бо суть Агаране» и проч.

Начало этого вла заключается, прежде всего—благодаря централизація—ть совершенномъ отоутотвін молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ принаромъ, на дала, показали несостоятельность стараго порядка и жизненность неваго. Натъ чины, конорая подвинула бы съ мастоя застоявнуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здісь очень чувствительно. Если ність постоя войскъ, то, на събадахъ помещиковъ, некому танцовать, а въ увадной жизни безъ этого не могуть обходиться. Здемнія барымии вы-NOART'S SAMYWE, OGSIKHOBERNO, SA BOCHHLINE BCRKENE HERIË, BROGE, TAквиъ-оброзомъ, въ свои семейства и велипорусовъ, и ивищевъ, и втальянцевь, и перекрещенных евресвь, и азатовь и т. д. Это ведеть къ тому, что ихъ нивнія мужья стараются обрапіять въ деньги, и земля снова переходить въ старыя, правыжини къ кулачному праву руки. Да соли правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здёсь, принесла бы еще меньше польвы, а скорбе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ неодолимою страстью къ кутежу, попожкамъ, картамъ — она способиа только разорять и уничтожать, а не создавать. А несмотринь, какія иногда славныя имънія нонадають въ руки этихъ господъ! Что бы можно сдълать при умъньи да при правильномъ веденіи ховайства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дъластся все имоборотъ. Визато того, чтобъ начать двао экономіей и устройствомъ порядка и постоненно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативь въ руки разстроенное инвије, заводять оранжерем, тысачные экинами, рысаковъ, строять громадные дема и проч., и темъ спончительно убявають свое состояніе. А жевы ихъ, здоровыя деревенскія барышин. вспормяенныя плодопосною Малороссією, начиная съ норваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Узажая прошлый годъ на свверь, я оставиль здесь ивсколько невесть, вышедшихь замужь уже после нени. Возвращаюсь домой, — и чтоже? все ока прі-Вхали вов полковъ нъ своимъ родителямъ---редить. и.

- Впроченъ, забсъ естъ два-три молодытъ человивъ... Они мегутъ служитъ интересными симетами для наблюдения. (Мы съимии еще встрътимся и познавеннися, современнять, невероче). Аюди эти — кара небесная для зафинято укзая. Эте —тмулера, пънницы, моменники, етъ которыхъ добрымъ людянъ поиси нътъ. Я сообщилъ бы вамъ изсколько ечень характеристическихъ разсказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже итсколько на бибъе спление. Истати, о сплетияхъ. Тутъ имъ разделье и почетъ! Дълатъ перего, читатъ половина поминациять не привыкла или нехочетъ: пърукъ, длятъсиятъ, ръжутся по цънымъ суткамъ въ каркы, да слушаютъ, развъсявъ уми, силетни безмолвно-умелиомоченицахъ из то особъ прекрасиято молз...

Мив особение новравняет просъбы изковорых дамъ, воденныя имк въ губериское присутствіе о зачисленія якъ въ мелкономівстныя. У нихъ было больше 21 дущи; а повому лишное количество крестьянъ оні предлагали перечислить въ государственные, чтобъ самимъ понасть въ мелкономістные!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Тамія и подобныя явленія бываютъ тутъ спломъ и радомъ.

Недавно, въ Канотонскомъ утадъ, начали составляться волости. Много мъщаетъ полной свобедъ медачи голосовъ отсутствіе правильней баллотировки. Крестьяне совівстится гласно объявлять себя противълица, котораго они не желають; а ногому, многіє, нехотя, модають голось за. Еслибы у нихъ были яники, какіе существують воебще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, ето было бы несравненно лучие.

Скоро поступять въ продажу, въ укадилиъ каспачействахъ, блания для уставныхъ грамотъ. Предстоятъ, стало быть, интересное зръдище! Урожай хлъбовъ, езимаго и яроваго, вездъ отличный; но траны въ степяхъ нехороши.

Плодовъ и ягодъ, въ нашей, южной, містности, почти и тътъ. Табакъ значительно поднялся въ ціні; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежинкъ літъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой зділиней коммиссін, вийсті взятые, принадлежать къ возрасту, который вовсе не располагаеть къ ділтельности... Видно — таковые понадобились...

Вісточка зъ Непитай-города.

Окликаемся до братів, это поважає старинні мури, будинки и старинну оселю вашої преживі Країни. У Чернігові, окроне святихъ церковъ стародревніхъ, устояли старинні будинки: покої Полуботка, — ще зъ прошлого віку одъ Григоровича поступили у духовні руки (1), а теперь підъ семинарією. На взіръ вони пілі и крішкі, іще постоять для потомнёго часу. Другі будинки, ще давнішого часу (2); у пихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; іхъ построй-

⁽¹⁾ Истор. и статист. описаніе г. Червігова. Н. Маркевича. Въ Чершиговскихъдий домостихъ, за 1852 г.

^(*) Қажуғы ше ән Польті построені..

ка, усякі виводи и прикраси на стінахъ, такъ и випольдають премшій смакъ и руку давнёго часу. Покої чепурненькі, розведені веякиви прикрасами и зубчиками: любо нодивитьця! Вони були запустіли, приймля въ розоръ; кажуть, недавнёго часу, нідъ приіздъ нарський, сее знамено прежибі постройки, по вищому приказу, підновлено по прежибму, покрито листовниъ жалізонъ, и до сёго часу прасовалось, якъ квіточка прихорома, хероничи въ собі другий пимьятникъ прежнёго давнёго часу: діла и житло нашихъ предківъ, на пісьмі записане; туть, зложена архива губерського правленія: старої Гетьманщици діла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ— за серце ханае, явъ ноглянешъ, що сії старяний мури ресоряютця одъ недотляду полиції. Листове жалію крадуть, ресносять, уже на двохъ угляхъ обідрали кривлю; піде течь, мопрота, пронадуть и бунаги одъ мекроти и сама схованка іхъ, намьять прежного часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляемъ передъ чеснямъ людомъ, кели не найдется спроможності оберети сіі будинки едъ такоі напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай буть у Чернігеві, виалює на напері, щебъ доберетти дідівськую памьять потомнёму часу.

С. Волошинъ.

Непитай-городъ. 1861 року, Квітия 12-го.

Изъ Черичгова.

(inous 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю въ Основу одно распораженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряменіе принесеть несомитичую пользу, если будеть педдержано энергически, на ділі, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписаніе г. Начальника Черниговской губернін, от 21 мая 1861 года, Городскими и Посадскими Полиціями зділиней губернін.

«При вступленія моємъ въ управленіе губернією, когда я витьль честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ изетиаго губери-

Digitized by Google

скаго правленія, я высказаль, что нами должно руководить безусловное уваженіе из законамъ, отвращеніе отъ произвола канъ въ собственныхъ намихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дъйствіяхъ намихъ подчиневныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязамы охранить общественное спокойствіе въ губернія и безопас ность всёхъ и каждаго, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться иснолнителями карающию закона.

- «Къ-сожальнію, я замычаль неоднократно, что дыйствія лиць полицейскаго выдомства ввыренной моему управленію губерній находятся вы северіненномы противорычій сы высказанными міною убыжденіями. Не только нижніе чины означенныхы учрежденій дозволяють себы насиліе и самоуправство, но и многіе изы гг. чиновниковы уничтожають всякое довыріе жителей грубымы произволомы и вовсе не примырнымы певеденіемы.
- «Обращаю еще разъ винианіе гг. начальниковъ нелищейснихъ учрежденій на то, что діластся ихъ подчиненными, и намонинаю имъ словесныя ион заитчанія. Полиція не делжна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею намазаній и взысканій, то все же первое ся назначеніе состоять въ томъ, чтобы служить защитою правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личнестамъ, Полиція пріобрітеть и для себя то уваженіе, поторое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.
- «Ожидаю, что отнынъ нолицейскія учрежденія будуть нодавать пришъръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будуть замъчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мъры къ удаленію изъ полицейскихъ учрежденій тъхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожають довъріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Въ Нолтави.

Щобъ хочъ трохи познакомити народъ зъ театромъ, охотники почали побиватись объ томъ, щобъ на великоднихъ сваткахъ показать зотри, або зъ чотиро народиохъ спектакло. Найняли уже й театръ, вив чили, на первий спектакль, комедо: «Бодность-не порожъ» и

«Шельменко, солосний писоро», — да ба! не нозволено грати... черезъ те, кажуть, що для народу ще дуже рако заводити театри, та
й ціни назмачили дешеві (ложи 8, 4, 3, и 1½ карбованці, а дайглики
50, 30, и 25 коп.) Охотники просили, щобъ ціни набавити, въ
вониці не нисати «народній спектакль...» — не помоглось!.. рако,
нажуть, та й годі. — Мині здаєтця, що нехай би лучче народъ седівъ
у театрі, ніжъ у шінку; а якъ другинъ—про те не знаю...

Саранта въ юшной части Черниговской губерији.

(7 INHA 1861).

Въ августъ прошлаго года, въ Остерскій, Козелецкій и Нѣжинскій утады, прилетъла саранча в, сдълавъ небольной вредъ гречкъ, залегла превмущественно на облогахъ. Въ настоящее время появилось ея иномество, въ видъ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выполвла изъ земли, гдъ законалась. Не смотря на всъ старанія земской полиціи в окружныхъ начальниковъ, отъ ихъ дъйствій нельзя омидать значительной пользы, не невозмежности уничтожить саранчу повсемъстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, но саранча уже начала уничтожать хльба; такъ напримъръ, въ с. Щасновкъ Козелецкаго уъзда, изимая (въ видъ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлъба.

ПРИГЛАШЕНІЕ

«Предпринимая въ Черниговъ, съ йоля мъсяца, издание еженедъльной газеты, подъ названиемъ «ЧЕРНИГОВСКИЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впослъдствии, мы обращаемся съ просьбою ко всъмъ сочувствующимъ общественной пользъ — содъйствовать намъ въ успъхъ нашего предприятия. Цъль издания—доставить возможность мъстнымъ жителямъ имъть, за умъренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дъятельности, а потому намъ дорого всякое извъстие, интересна даже мимолетная замътка о важныхъ происшествияхъ въ утздахъ: несчастияхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замъчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покориъйше просимъ не стъсняться формою изложенія: дъло не въ формъ, а въ содержаніи.

«Для отдъла литературнато предназначаются вообще статън для легкаго чтенія: небольшіе разсказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замътки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отделе общеполезных с сводоний им съ удовольствинъ дадвиъ исто каждой дельной практической заистке, заключающей въ себе сведения по части сельского хозийства, домоводства, промышлености, торговли, популярной медицины, народного образования и т. вод.

«Адресовать: Леониду Ивановичу Глюбову, съ Черниговъ, съ зданіи пансіона при зимназіи.»

Редакція Основы отъ вс го сердца желаетъ успаха этому прокрасному предпріятію, и уварена, что подъ редакцією Л. Ив. Глабова, Черниговскій Листокъ заслужить сочувствіе общества и найдеть себъ подражателей и въ другихъ мастахъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *И. Н. Соколова*. Это — молодиця, Полтавской губ., Золотоношскаго убзда, села Веремевии. Свита—бълая; сазди—у́си—синіе.

VII-й—портреть чумска, снятый $K.\ A.\ Tрутовскить въ Херьковской губ. У К. А. Трутовскаго очень большее собраніе рисунковъ
съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдълять ихъ невъстными.
Эти рисунки имнотъ большой интересъ. Я переданъ, но возможности,
вее снятое съ натуры. Головою чумска начивается ридь головъ
съ натуры.$

. Л. Женчужинковъ.

OTBETH PRIARILE.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-къ, ет Козелецъ. Ваша статъя не можетъ быть нанечатана.

М-ру О-ль-вичу, во Козелеца. По мизнію людей знающихъ, Вашъ трудъ, при всёхъ его достоинствахъ, не можетъ миётъ [должной нолноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архиве иностранныхъ дёлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мёстилуъ взябстій.

Д-лу И-чу Л-ер-у, ес Чернигосс. Дуже ванъ дякуемо; мусямо відождать зъ печаттю... Не забувайте насъ; запоможіть ище чинъ-ласка.

Г-су О-т-му, съ Екатериносласъ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвътъ-въ VIII книжкъ.

С-ну А-чу Н-у, св Кономове. Одбрван. Дака Ванъ одъ щирого серця. Ради Вашоі послухаено, до Васъ одпишено.

О-му А-л-чу Л-д-с-су, съ Коссъ. Звіна заголовка й початку не зъ намої мини. Ждено-не-діжденось Вашеї носилки.

Підоодному. Правдява Ваша рада, да треба огледітись. Одинмено, а ноки-ме—наша прозьба: не забувайте й надальнъ,—якъ до еёго часу, спасибі Ванъ, насъ не забували.

К-сме-му К-с-чу Тр-ню, со Нискино. Слова объясняются въ Оснесъ томно въ тенъ значенія, въ каненъ ени танъ же употреблены авторени. Слево призода употребляется также и въ смысле собыміл, приключенія, какъ въ польскомъ przygoda. Стихотвореніе, о котеренъ Вы цисали, изв'єстно, и даже переведено въ одномъизъ зд'еминкъ журналовъ.

Н. Рос-щ-скому, въ Петербургъ. Спъщить увъдомить Васъ, что ны получили Воспоминания изъ прошлаго и весьма рады повидаться съ Вами до напечатанія.

Въ следующей книжке, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ Основъяненка къ Шевченку, по поводу Кобзаря.

Въ апривлеской книжке Основы обращають вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статье «Восноминаніе о двухъ малярахъ», стр. 49, вивото Самскій» должно быть Самсскій; 2) въ нотахъ къ песне «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самонъ начале, вивсто f должно быть d, подъ нервой линейкой; и 3) нодъ байками «Міроминикъ» и «Жаба й Вілъ» должна быть подпись: P. Виталеминій.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

содержащихся въ 6-й книжет «основы».

Вабинець — місто въ церкви, гдів стоять женщины.

Багатирка - богачка.

Бідаха-бълняга.

Бовинуть — (о колоколь мадать густой звукъ).

Болізько - больно.

Бриніти—чуть блествть, ясивть вдали, видивться булто въ тумань.

Буртись! — междометіе звукоподражательное, обозначающее паденіе тіза съ мавістнымъ шумомъ.

Вага́—тяжесть; уваженіе (въ сиыслъ: принять въ уваженіе, напр. жаль вага не ма́е); беременность (я була въ вазі, —важка́); въсы.

Ввижатись—привидаться, казаться. Випрать—вымыть.

Відсіль, відсіля́ — отсюда; отсюдова.

Вії — рісницы.

Вилічувать — высчитывать.

Випурануть-выпорануть.

Висадии — коренья, сохраненные до весны и посаженные опять въ землю для полученія изъ нихъ съмянъ.

Витягнуть — вытянуть, выташить.

Волоцюта - бродяга.

Волошин — васильки.

Вранці — утромъ.

Вчинить — заивсить (клюбъ въ кваш-

Gанки — крыдьця. Гірший — худшій. Гойдатись — качаться. **Горенько** (уменьш.)—горе.

Гречаний — гречневый.

Гудина-плети въ зелени огурцовъ. жив, арбузовъ, и проч.

Деркачъ-истертый въникъ.

Да́бки (нарвчіе)—двіать первые сіабые шаги (о двтяхъ).

Довідатись — освідомиться, навіздаться,

Дово́лі — достаточно.

Догодувать (хлібонь) — докормить;

призрать въ старости до самой смерти. Дозиратись — присматриваться; обращать вимьмае.

Доковечне — непремънно.

До (о) станку—до конца, до послъдней минуты.

Дотинать—досаждать; надобдать.

Дрібочокъ-пусокъ соли.

Дужий — здоровый, сильный.

Дурничка — даронъ, по пустяканъ. Дидина — жена дади.

Еднати — согласить, согласиться, условиться.

Женихатись-ухаживать за двъущ-

Завдавати — причивять.

Загаятись - замешкать, замеданть.

Saróith — salequith.

Завдрість — зависть.

Закудавий — взъерошенный.

Закутокъ — закоулокъ.

биться маъ свяъ.

Занапастить— затратить, ногубить. Занатись — загораться, всимхнуть.

Запобігати — о заботиться, предупреждать что-либо заранве принятыми

Bachithth (Oqi) - Bachoneth, Baty-MARRIL FJASA.

Заторочити — заговорить, затуша-HMTb.

Заходитьця — начать; засуститься. Займатися (на світь)-світать.

Зблукати - исходить.

Звить им — подчяться вверхъ.

Звісточка — въсточка.

Звідъ — взводъ (снасть надъ колодеземъ), верхняя перекладина журавля́.

Згодомъ — повременивъ, обождавъ.

Зикъ-крикъ; щумъ.

Зінька-Зиновія.

Зірватись-сорваться; быстро подняться съ міста.

Зкрашати — украшать.

Змалку - съ малыхъ лътъ.

Зноритись - утомиться, устать.

Знущатись — издеваться; наругаться; насмёхаться надъ квиъ.

Зодягать — одввать.

Зполошить-встревожить; испугать и поднять съ мъста (напр., штицу и т. п.). Зъурочити — сглазить.

Иаборо́ти — побороть; одольть.

Каблучка — кольцо.

Карнавка — церковная кружка.

Качаточка-утёвки.

Качуръ-селезень.

Кирхъ-кулакъ, поставленный перпендикулярно; мъра (вышиною въ ку-Jaky).

Клопотатись-хлопотать; суститься. Ключина -- срубленное и очищенное отъ вътокъ, тонкое дашниое дерево.

Колотитись — биться (о сердцв);

тревожиться.

Колючка — колика (бользнь). Копиня, — чка — копна свиа.

Коровячий — коровій.

Королівъ-цвітъ — цвітущіе бобы (красный цвётъ, phaseolus multiflorus, Willd).

Кришка, — ечка — крощка.

Куріти — вздымать пыль.

Личиа́нъ — медальовъ, носимый въ монистъ, какъ украшеніе.

Ліки — лекарства; лікъ — счетъ

Лой, лій— топленое сало, жаъ ко-∣крѣпить силы пищею.

Замор дова́ти с я — замучиться, вы- | тораго приготовляются събчи; свъчное caro.

Лускать — щелкать.

Любистовъ- нахучее растение. (Levisticum officinale, Koch.)

Мана́чить — видийться вдали.

Мережка-сквозное интье, узоръ. MOBJÁTE - FORODMIE.

Мошентво-пошеничество. Мряка — сырость въ воздухв.

На-всю-губу — въ полной иврв (напр. панъ на всю губу.)

Навзаході—на заходв (о солицв).

Наволожъ-наносная земля?

На-вхрестъ — накресть; "крестообразно.

Нагодитьця — нечаянно подоспъть; случиться.

Надкроювать — надкроивать; выріззать.

На-насінне-на свисна; на посвиъ. Недолятовъ - отставшій отъ своихъ и не усиващій сділаться Полякомъ.

Никать-ходить изъ угла въ уголъ, ваглядывать то сюда, то туда.

Обери ў ты — опрокинуть.

О(б) падати-обступить; окружить.

Огортати — окутать; обвернуть, Одмовлятись — отговариваться,

Одпірати — отгалкивать.

Одправа — служба (церковная).

Одробаяти - отбывать долгь работой.

Одсувути - отоданнуть.

'Ожеледь — гололедица.

Озватись — откликнуться, отозваться. Оленка - весений жувъ золотистозеленеватаго цвета. Оленка — уменын. имя отъ Олена, Елена.

Оповесні-въ весеннюю пору.

Оруловать — управлять; самоуправствовать, употреблять другого какъ opyzie.

Очуняти — придти въ себя; въ вдоровое состояніе; встать на ноги послів болфани.

Ошахрать — надуть.

Ошукать — обмануть.

Пашити — горъть пламенемъ.

Переставитись — умереть; преста-BHTLCA.

Периачъ-одно маъ козациихъ ору-

Пилъ-пыль.

Пишатись-гордиться, кичиться.

Підживитись — покрыпиться, под-

Digitized by GOOGLE

Підлітокъ-птичка начинающая летать; підлітками называются также дети въ отроческомъ возраств.

Пая́ха — бутыль.

Побратись-повычаться.

Погланути-веглянуть; посмотрать. Подбивать (гурий)-варыхлять зем-

лю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.

По-де-куди — кой-куда.

Покинути - бросыть; оставить.

Поліняка — большое польно.

Поминитись — наменнуть, прогово-PETECA.

Поненныя -- кадка, куда сливають HOMOW.

Пони (ья) н уть — помянуть.

Посмагти-стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).

Посповнёвано — наполнено.

Посваритись — погрозить.

Посціліти—(о растенія)—вытянуться прежде времени, безплодно.

Поручъ-подль; рядожь.

Потовити - побить, потолочь.

Похнюшитись — цовесить голову; вадуматься.

Приснуть-быстро подскочить, бро-CHTLCA.

Пристёбувать — пристегнуть, привишвать

Проморія — повальная бользиь.

Причипуритись-красиво одъться. Прищулитись — прижаться; приль-

Пустиця-нежилая хата. Пустовати — щалить.

Разокъ (намиста) — низка намиста. Рипати - скрипъть.

Рісочка — наленькая капля воды.

Родина — родство. Резбороня́ти—разводить дерущихся. Роспорядити-распредванть, устро-

Роспуковка — распускающійся цвів-TOTTE.

Poctikátuca - packogutece; pasób-FRTBCA.

Рухнутись — тронуться съ ивста. Раска-водное растеніе, (съ мелкими

круглыми листочками). Рясні косиці—(на вербь) обильныя

TOURIS BÉTEM. Расно - обильно; густо (о деревв).

Серпанокъ — родъ кисен.

Сироватка — сыворотка.

Сірачина - сврая свита, и кто ходить въ вей.

Скабка — запоза.

Сиритись — блествть; мекриться.

Сиўпитись — сойтись: собраться въ одно мъсто.

Слёзько — скольяко.

Сліна — слюна.

Спертись — опереться.

Спинати - удерживать; отговари-

Спізнатись — познакомиться; ебли-BHTLCS.

Спіткатись — встратиться; случить-

Спостити-провести время въ постъ. Станокъ (полотва) — цвлывый кусокъ XOJCTA.

Стогнаты-стонать.

Ссать — сосать.

Схибнуть-оступиться, промахнуть-

Телехнуть— издавать тихій звукъ. проманосить по-тихоньку слово.

Тыць! -- (междометіе оть тыкнуть --TKHYTЬ.

То-що — и тому подобное.

Третячокъ, - теленокъ которому третій годъ.

Тріска — щепка.

Турбъ - хлопоты; безнокойство.

Уба́чити — увидѣть.

У благати — умолять упранцивать.

Увечері — ввечеру.

Угортати — увернуть; запрятать.

Уживки — веревии.

Узивать — называть.

Уквіччати — убрать цветами.

Хвища-ненастье, бурясь дождемъ. Хронти — храпъть.

Xора́вий — бользненный.

Цурка — небольшая палка, посредствомъ которой что-либо скручено.

Чи-шо́—что-ли.

Чокати — жлать.

Чорнобривиі — бархатци.

Шкітильгати — хромать.

Щ ось — что-то.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВЪСТІЕ.

новое изданіе

ЦВИТРАЛЬНАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ROMHTETA:

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МЪСТЪ

POCCIÄCKOÄ MMIISPIM.

вышли въ свътъ:	Цѣна въ СПетербургѣ.
1. Списокъ населенныхъ мьсть Архангельской берніи. Въ большую 8-ку, XXIV и 131 ст съ хромолитографированною картою (Въсовыхъ за 2 ф., укупорочи. 10 ко	гран., 1 р. 20 к.
II. Списокъ населенныхъ мъстъ Астраханской берніи. Въ большую 8-ку, XVI и 51 стран хромолитографированною картою (Въсов. за 1 ф., укупорочи. 10 коп	., съ 70 к.
Продаются: коммисіонера Министерства Внутреннихъ Дълъ, (C II Jaansmana

и у всехъ известныхъ книгопродавцевъ.

подциска принимается:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ: въ конторъ «Основы» при инижномъ магазныъ Дм. Еф. Кожанчикова, на Невскомъ проспектъ, противъ Публичной Библіотеки; также: у М. Ос. Вольфа, Як. Ал. Исакова, Ал. Ив. Давыдова, П. И. Крашениникова, Н. Г. Овсянникова;

ВЪ МОСКВЪ: у И. В. Базунова;

ВЪ КІЕВВ: у В. Г. Борщевскаго;

ВЪ ПОЛТАВЪ: у Э. Л. Изопольскаго и Эм. Гр. Чижака;

ВЪ ТАГАНРОГЪ: у К. Д. Данилова;

ВЪ ОДЕССЪ: у Ал. С. Велеканова,

и у другихъ извъстныхъ книгопродавцевъ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «Основы», Василію Михайловичу Бълозерскому, въ С. Петербурга, у Круглаго Рынка, въ домъ Принца Ольденбургскаго.

Цѣна за **1** ж книжекъ, каждая отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, **8 р. 50 н.** безъ пересылки, **10 р**. съ пересылкою и доставкою на домъ въ Петербургѣ.

Подписавшіеся и посл'в выхода 6-ти книжекъ «Основы» получають все изданіе съ 1-ой книжки.

Рисунки Живописной Украины, или Украинскаго Альбоми, (о которомъ объявлено въ 1-ой книжкъ Основы), будутъ выходить непрерывно каждый мъсяцъ.

Цъна за 24 рисунка въ годъ: 4 р. с. съ пересылкою, для тъхъ лицъ, которыя подписались на Основу, а для прочихъ 5 р. с. безъ пересылки и 6 р. с. съ пересылкой; — отдъльно, за каждый рисунокъ, 30 к. с., а за всъ рисунки виъстъ, когда они будутъ изданы, назначится цъна 6 р. с. безъ пересылки. Рисунки будутъ гравированы на мъди, отпечатаны на китайской бумагъ, и наклеены на толстую французскую бумагу, въ разиъръ Основы. Иногородные будутъ получать рисунки ежемъсячно.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Ди. Еф. Кожанчикова и В. П. Печаткина, на Невскомъ проспектъ. Иногородные могутъ обращаться съ требованіями въ редакцію Основы.

MQ00c

NOA 2 8 1850 €

Digitized by Google

